«Очень прошу ответить мне по существу...»

1929
*
1955

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ М.А. ШОЛОХОВУ

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК М.А. ШОЛОХОВА

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

«ОЧЕНЬ ПРОШУ ОТВЕТИТЬ МНЕ ПО СУЩЕСТВУ...»

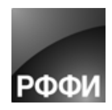
ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ М.А. ШОЛОХОВУ

1929–1955

МОСКВА
ИМЛИ РАН
2020

УДК 82.4
ББК 83.3

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
проекты № 16-04-00166-ОГН, № 20-112-00229,
не подлежит продаже



«Очень прошу ответить мне по существу…» Письма читателей М.А. Шолохову. 1929–1955. Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2020. — 848 с., илл. DOI: 10.22455/978-5-9208-6619-2

Книга представляет читательскую почту М.А. Шолохова — одну из самых масштабных и уникальных в истории русской литературы. Впервые публикуемые письма читателей 1929–1955 гг. из архивов Москвы и станицы Вешенской (Музея-заповедника Шолохова и Архива семьи Шолоховых) по-новому воссоздают картину историко-литературного процесса XX века, раскрывают содержание диалога Шолохова и читателя, расширяют и углубляют понимание не только истории русской литературы советской эпохи, но в целом XX века русской культуры как века читателя.

Адресована филологам, историкам, социологам и широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-9208-6619-2

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ. ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ

Научный труд «“Очень прошу ответить мне по существу...” Письма читателей М.А. Шолохову. 1929–1955» является итогом масштабного проекта по выявлению и подготовке к публикации читательских писем с отзывами о прочитанных произведениях писателя, адресованных как непосредственно самому Шолохову, так и направленных в различные редакции и издательства. Хронологически письма (а среди их авторов рабочие и крестьяне, учителя и врачи, фронтовики и покинувшие родину эмигранты) охватывают чуть более четверти века, на которую приходится создание и выход в свет трех романов писателя: «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за Родину», — и представляют собой уникальный пример живого диалога, наполненного размышлениями авторов писем не только о художественных текстах, но и о важнейших событиях в жизни страны этого времени — Гражданской войне, коллективизации, индустриализации, Великой Отечественной войне, послевоенной мирной жизни. Отправной точкой эпистолярного разговора всегда служат сюжеты и герои шолоховских произведений, что обнаруживает и обнажает их созвучие современной эпохе, а порой и приоткрывает дополнительные смыслы, не вошедшие в поле зрения профессиональной критики и литературоведения. Научная новизна и актуальность публикуемых документов очевидна ввиду их тесной логической связи с изучением темы восприятия русской литературы XX века общественным сознанием, которое в данном случае не ограничивается узким литературным кругом, но расширяется до возможных читательских пределов.

Впервые научная проблематика изучения и публикации писем читателей Шолохову была сформулирована в работах Н.В. Корниенко, напечатаны 100 писем читателей 1930-х годов из фонда Государственного издательства художественной литературы

РГАЛИ[1]. Над подготовкой настоящего издания, в котором представлены 520 писем читателей 1929–1955 гг. (это первая книга данной научной серии), работали ученые Института мировой литературы и сотрудники Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова (станица Вешенская). Были освоены фонды издательств, журналов и газет Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова; впервые наследниками Шолохова был открыт для работы архив семьи писателя. Мы не ставили своей задачей опубликовать все письма читателей — это потребовало бы многотомного издания, главная задача нашего издания — максимально точно и полно отразить *все многоголосие* читательских суждений о произведениях Шолохова. В подготовленное издание не вошли письма, которые не относятся непосредственно к читательским. Это прежде всего письма от различных организаций, носящие деловой, конкретный характер; огромный массив деловой переписки, связанной в том числе с депутатскими обязанностями Шолохова, безусловно необходимо осваивать, но это несколько иная тема. По этой же причине в том не включались письма деятелей культуры, а также начинающих писателей с просьбой прочитать рукопись. Исключение сделано для нескольких писем, представленных в нашем издании.

Ответы Шолохова на письма читателей в настоящем издании не представлены, хотя, без сомнения, они были: на конвертах некоторых писем имеется помета «ответ дан». Из текста ряда писем читателей с благодарностью за оказанную Шолоховым помощь также следует, что писатель не оставлял без внимания обращенные к нему просьбы. К сожалению, систематическая работа по регистрации ответов Шолохова на письма читателей не проводилась. Эти письма, к счастью, постоянно всплывают, некоторые из них уже печатаются в изданиях писем писателя, другие — в воспоминаниях.

Основной корпус писем и отзывов читателей завершает статья писателя и просветителя, автора книги «Крестьяне о писателях» (1930) Адриана Митрофановича Топорова — «Чародей самоцветного слова (Заметки книголюба)».

Публикацию сопровождает аналитическая статья «Читатели

[1] См.: *Корниенко Н.* «Сказано русским языком...» Андрей Платонов и Михаил Шолохов: Встречи в литературе. М., 2003. С. 432–520; Читатели и нечитатели Михаила Шолохова. Опыт комментария. Воронеж, 2004; «...душою плачешь и смеешься от души». Письма читателей Михаилу Шолохову. 1933–1938 // Наш современник. 2004. № 5. С. 218–256.

Михаила Шолохова: контексты эпохи», где впервые предпринята попытка проанализировать проблему диалога читателя и писателя во всем многообразии его связей с историческим, политическим, общекультурным, литературным контекстами и биографией Шолохова.

Письма читателей печатаются по нормам, принятым при публикации эпистолярия. Тексты писем расположены в хронологическом порядке со сквозной нумерацией. Письма с неопределенными датировками располагаются в конце возможного для них периода с указанием года, например: «Не ранее 1933 г.».

Тексты публикуются по авторитетным источникам: автографам, авторизованным машинописям, редакционным копиям, телеграфным бланкам. Текст письма воспроизводится со всеми авторскими пометами и приписками, сделанными в момент его написания, сохраняются подчеркивания автора и авторское написание собственных имен, даже если оно неправильное.

Все тексты печатаются по современной орфографии и пунктуации, но с максимальным сохранением читательских особенностей написания и словоупотребления, лингво-исторического языкового колорита эпохи; не исправляется неверное употребление заглавной буквы, инициалов и фамилий героев художественных произведений. Читательские письма столь насыщены интересным в языковом отношении материалом, представляют такое речевое многообразие эпохи, что мы печатаем их без подчеркиваний и выделений, как некое «слово» героя в художественном тексте, не требующее его исправления. При этом, мы считали возможным в некоторых случаях помочь читателю выразить его сердечную мысль. Лишь в некоторых случаях несогласованности или ошибки, которые могут иметь неоднозначное восприятие, отмечаются пометой <sic!>. Случаи сохранения при публикации письма авторской орфографии и пунктуации отмечаются в примечаниях. Неразборчиво написанные слова обозначаются сокращением: если не прочитано одно слово — <*нрзб*>; в случае если не прочитаны два слова или больше, с указанием количества непрочитанных слов — <*2 нрзб*>, <*3 нрзб*> и т.п. Сокращения в текстах писем читателей, являющиеся частью стиля эпохи и автора («тов.», «с/совет», «к/картина», «с почт.» и др.), не раскрываются; вынесены в приложение («Список аббревиатур и сокращений в письмах читателей»).

Каждой публикации письма предшествует фамилия его автора; при невозможности определения фамилии и инициалов указывается: **НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО**.

Дата в письме читателя считается частью текста и печатается в том месте и в том виде, где и как она расположена в письме. Редакторская дата (число, месяц, год) печатается курсивом и независимо от авторской даты ставится после фамилии автора письма перед текстом.

Указанные в письмах адреса блистательно отражают историю административно-территориальной реформы, идущей в стране с 1922 г. В нашем издании место написания письма (оно указывается после редакторской даты) дается в соответствии с современным его названием (исключение сделано для Ленинграда).

После публикации текста письма в правом углу в круглых скобках курсивом указывается характеристика подлинника, по которому печатается текст письма — автограф, авторизованная машинопись, редакционная копия или телеграфный бланк; далее приводится место хранения, фонд, опись, единица хранения, листы публикуемого письма.

Все случаи повреждения источника, создающие невосстановимые пробелы в тексте (вырезанные или оторванные части), отмечаются в тексте пометой <утрачено>.

В примечаниях приняты следующие сокращения.

АРХИВОХРАНИЛИЩА

ГМЗШ — Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова (Вешенская)

РГАЛИ — Российский Государственный архив литературы и искусства (Москва)

ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ

Биобиблиографический указатель. — Михаил Александрович Шолохов: Биобиблиографический указатель произведений писателя и литературы о жизни и творчестве /Рос. Гос. б-ка, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

Летопись. — Михаил Шолохов: Летопись жизни и творчества (Материалы к биографии) / Сост. Н.Т. Кузнецова. М.: Галерия, 2005.

Письма. — Шолохов М.А. Письма. М.: ИМЛИ РАН, 2003.

Стенографический отчет — 1934. — Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1934.

Стенографический отчет — 1954. — Второй Всесоюзный съезд советских писателей. 15 — 26 декабря 1954 года. Стенографический отчет. М.: Советский писатель, 1956.

Шолоховская энциклопедия. — Шолоховская энциклопедия. М.: Издательский Дом «Синергия», 2012.

Тексты писем и примечания к ним подготовили:

Алексеева О.Я.: № 1–9, 39, 49, 53, 58, 59, 64, 68, 78, 81, 83, 88, 91, 92, 95, 97, 99, 103, 116, 135, 138, 142, 145, 158–161, 163, 164, 165, 174, 175, 177, 178, 183, 187, 188, 190, 194, 198, 199, 203, 206, 218, 219, 227, 243–245, 248–285, 288–293, 299, 304, 305, 308, 309, 313, 316, 317, 320–322, 324, 328, 331, 334, 336, 339, 414, 418–420, 422, 456, 465, 480, 485, 486, 512–514, 519.

Афанасьева Л.Т.: № 352, 353, 355, 356, 359, 360, 362–364, 367–370, 372–374, 380, 383, 389, 399, 405, 408, 428, 445, 454, 457, 466, 469, 473, 488–490, 493, 495, 499–501, 509, 511.

Быстрова О.В.: № 125–127, 133, 136, 141, 143, 144, 154, 166, 168, 170, 176, 181, 182, 191, 197, 207, 215, 216, 221–223, 225, 228, 230, 234–236, 240, 241, 384, 388, 406, 417, 461, 468, 472, 510, 519.

Воронцова Г.Н.: № 10–14, 26, 27, 32, 33, 36, 38, 40, 41, 44, 46, 54, 57, 60, 66, 67, 69, 71, 75–77, 86, 87, 93, 100, 108, 110, 113, 115, 118–120, 131, 137, 184, 185, 192, 193, 195, 196, 200, 204, 205, 211, 212, 220, 226, 242, 246, 286, 294–298, 302, 303, 307, 310–312, 314, 315, 319, 323, 325, 326, 329, 332, 333, 338, 340–344, 346–349, 351, 381, 401, 477, 494, 504.

Карбышева Е.Б.: № 361, 376, 400, 404, 421, 430, 431, 434, 435, 439, 441, 442, 449, 453, 459, 463, 474, 476, 479, 482–484, 496, 498.

Корниенко Н.В.: № 16, 19–24, 28–31, 35, 37, 42, 43, 45, 47, 50–52, 56, 63, 65, 73, 90, 94, 98, 102, 106, 130, 132, 134, 139, 146, 149, 151–153, 156, 157, 167, 169, 172, 173, 179, 186, 189, 202, 208, 224, 229, 231, 233, 237, 247, 287, 350, 372, 374, 376, 378, 411, 427, 432, 436–438, 447, 453, 455, 470, 476, 480–482, 492.

Кочетов А.М.: № 409, 424, 458, 460, 478, 502, 518.

Папкова Е.А.: № 17, 18, 25, 34, 61, 62, 70, 72, 79, 80, 82, 84, 85, 101, 104, 107, 114, 117, 121–124, 128, 129, 147, 148, 155, 156, 162, 171, 180, 209, 210, 213, 214, 217, 300, 301, 318, 327, 330, 335, 337, 345, 354, 357, 365, 366, 467, 471, 505.

Попова Е.В.: № 358, 371, 377–379, 382, 385–387, 391, 394, 395, 398, 403, 407, 412, 415, 423, 425, 426, 429, 437, 440, 446–448, 450–452, 462, 487, 491, 497, 507, 508, 515, 516.

Разогреева Л.П.: № 375, 390, 392, 393, 396, 397, 402, 410, 413, 416, 432–434, 443, 444, 449, 475, 503, 506, 517, 520.

Подборка высказываний М.А. Шолохова о читателе составлена *О.Я. Алексеевой.*

Указатель имен подготовлен *О.В. Быстровой.*

Рецензенты книги: *А.С. Акимова, В.П. Смирнов, В.Н. Терехина*

Подготовка писем читателей не могла осуществиться без поддержки проекта Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ).

Подготовители выражают глубокую признательность членам семьи М.А. Шолохова: С.М. Шолоховой, М.М. Шолоховой, В.И. Шолоховой, А.М. Шолохову за возможность работы с архивом семьи, директору Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова О.А. Анистратенко, руководству и сотрудникам Российского государственного архива литературы и искусства.

М.А. ШОЛОХОВ
О
ЧИТАТЕЛЕ

1929

Только прости, что я в своем письме не стану говорить с тобой о «Тих<ом> Доне». Поверь, надоело смертельно! То есть до предела надоело. Читаю рецензии и с трудом дочитываю, потому что испытываю легкие приступы тошноты. А тут письма. Очень много писем, из числа которых есть и такие: грубо-бесцеремонные, наглые, самоуверенно-идиотские письма, в которых люди пытаются, сморкаясь и грязня ногами, влезть тебе в душу, и с удивительным апломбом, присущим некоторым категориям невежд, трактуют о вопросах им абсолютно незнакомых, и милостиво берутся обогащать тебя!

Из письма А.И. Сергину от 17 января 1929 г.[1]

1930

Правильно говорил тов. Макарьев, что я описываю борьбу белых с красными, а не борьбу красных с белыми. В этом большая трудность. Трудность еще в том, что в третьей книге я даю показ Вешенского восстания, еще не освещенного нигде. Промахи здесь вполне возможны. С читателя будет достаточно того, — закончил товарищ Шолохов, что — я своеобразно покаюсь и скажу, что сам недоволен последними частями романа и хочу основательно обработать их[2].

Составление О.Я. Алексеевой.

[1] «Дорогой Сашенька...»: Письма М.А. Шолохова А.И. Сергину // Мир Шолохова. 2015. № 2 (4). С. 212.

[2] Беседа Михаила Шолохова с читателями // На подъеме. 1930. № 6. С. 172. Макарьев И.С. (1902–1958) — критик РАПП.

1933

В «Тихом Доне» я связался с такой большой вещью, которая мне смертельно надоела. Ее можно развернуть еще пятилетки на две, но у меня не хватает пороху. В четвертой книге я, вероятно, таких дров наломаю, что вы ахнете и откажетесь от ваших лестных отзывов. Остается только одна книга, и я заранее взял твердую установку в этой книге всех героев искрошить и извести, так что читатель придет в ужас.

* * *

Что касается «Поднятой целины», в частности, упрека товарища П<ермитина> насчет «газетной публицистики», так я должен сказать, что этот упрек неосновательен. Я сознательно употребил в некоторых местах этот метод. Надо было погуще замесить, нельзя было период сплошной коллективизации описывать в лирических тонах. Я сознательно употребил газетный язык и излагал события, происшедшие за 1–2 недели, вводя читателя в курс дела. Я не думаю, чтобы это было вредно для художественного произведения, это не загромождает его...

Из выступления на творческом вечере в ГИХЛе[1]

1934

Еще более ярким показателем того, что культурный рост нашего читателя высок, является постоянная, каждодневная связь между читателями и нами — писателями. На собственном примере должен сказать, что нет такого дня, когда бы я не получал десятка писем от своих читателей, разбирающих «Поднятую целину» и типы, выведенные там. Среди этих писем есть такие, которые мне как писателю, в какой-то мере уже познавшему литературное ремесло, дали значительно больше, чем литературно-критические статьи заведомо признанных критиков.

* * *

В свое время в практике моей работы над «Тихим Доном» я был крепко связан с Ленинградским областным союзом металлистов, и

[1] «За спиной Шолохова гудит Дон...»: М.А. Шолохов на встрече с московскими писателями в феврале 1933 г. // Мир Шолохова. 2015. № 1(3). С. 102. Ответ прозаику Е.Н. Пермитину (1895–1971), выступавшему на вечере с критикой «Поднятой целины».

отзывы рабочих-металлистов, которые я получал сотнями, очень много помогли мне в усвоении и преодолении тех ошибок, что были свойственны первым моим книгам. Я считаю, что связь между рабочими читателями и писателями Советской страны — нерушимый залог того, что наша советская литература и впредь будет ведущей литературой мира, какой она является на нынешний день.

* * *

Дискуссия, развернувшаяся перед съездом по вопросу о языке, показала, что рабочий читатель неизмеримо вырос даже по сравнению с недавними годами, например, с 1926–1927 годами, что вкусы его, потребности возросли в огромных размерах, что, зачастую, мы, писатели, отстаем в удовлетворении этих потребностей. По этому поводу мне хочется сказать, что, сколь культурный уровень рабочего класса неизмеримо возрос, что, сколь перед нами, писателями, рабочие в своих выступлениях, в письмах к нам, в критических статьях, которые присылаются в журналы, ставят, как краеугольный камень, проблему повышения качества, — я считаю, что вопрос обсуждения литературных дел — и не вообще, а конкретно, по произведениям, которые в настоящий момент являются ведущими произведениями советской литературы, — даст чрезвычайно много, в частности, иным писателям, и вам, как нашим читателям.

* * *

Это ваш читательский полновесный голос, который будет заставлять писателя продумать тысячу раз один и тот же вопрос, думать над каждым оборотом фразы, думать над идеей и построением повести, романа, стараться, чтобы его произведение звучало во много раз сильнее, и будило, и звало на борьбу, и вдохновляло бы на дело доблести, чести и геройства. Я думаю, что ваш голос, рабочих читателей, будет, несомненно, решающим голосом в таких делах.

* * *

Этот массовый читатель выходил на трибуну и предъявлял нам, писателям, такой колоссальный счет, который, нужно прямо сказать, будет очень трудно оплатить в ближайшее время. Этот читатель говорил, что мы плохо работаем, недостаточно работаем над языком, что на наших произведениях начинающий писатель если и может учиться, то с трудом, а этих писателей огромное число. И действительно, молодые писатели идут с каждого завода, из колхоза, рост этих писателей дорог нам крайне, так как это люди,

которые будут при нашей помощи и поддержке замещать нас. Наша ответственность за их развитие очень велика. А мы не только выпускаем иногда плохую в литературном отношении продукцию, мы не только замедляем этим рост молодых писателей, но и отрицательно влияем на воспитание нашего молодого поколения.

* * *

Совершенно законны замечания рабочих читателей о том, что писатели частенько злоупотребляют вольными словечками, которые, к счастью, уже выходят из рабочего обихода и являются позорным пережитком прошлого. У нас зачастую писатели (и я грешен в этом) писали из расчета, что «из песни слова не выбросишь», и забывали, что книги наши читает не только взрослый читатель, который прочтет и отнесется с усмешкой к языковой вольности, но читает и молодежь, 13–14-летние подростки, которые черпают из книг обороты речи и вольные слова. А затем эти слова входят в обиход молодежи, проникают в семью и школу. Я считаю, что этот вопрос должен подвергнуться и уже подвергается пересмотру каждым писателем.

Из речи на собрании ударников Лензавода и железнодорожного узла в Ростове-на-Дону[1]

1935

Да, тройка во главе с Давыдовым остается, дед Щукарь, надеюсь, не утратит своей веселости, районщики станут умнее и культурнее. Половцев и Тимофей войдут в мелкую бандочку. Хочется мне и во второй книге не все разжевывать, оставить читателю место для размышления, для домыслов. Во второй книге, как и в первой, мне хочется бытописать. Уж больно мудрен и любопытен колхозный быт.

* * *

— Отсюда не надо ездить в творческие командировки! Лучше работается, когда живешь вблизи материала, по соседству с героями, часто встречаешься с ними, наблюдаешь их неустанно.

— А это недалеко от читателя? Письма от него доходят до вас?

— Исправно.

— И много?

---

[1] *Шолохов М.А.* Литература — часть общепролетарского дела // Молот. Ростов-на-Дону. 1934. 8 окт. С. 3.

— Порядочно.
— Их нужно считать сотнями, эти письма?
— Это не совсем точно.
— На что же вы ведете счет читательским письмам?
— Пока что на тысячи.
— Что пишет вам читатель?
— Одна деталь: интеллигент пишет писателю меньше, нежели колхозник, рабочий, районщик. Как правило, письма изобилуют творческими советами — читатель бескорыстно заинтересован в том, чтобы помочь писателю сделать его героев лучшими. Много упреков. В частности, во многих письмах меня упрекают за Лушку в «Поднятой целине». Какая-то часть писем-советов не расходится с моими творческими замыслами: читатели подсказывают мне то, что я сам думаю о героях. Умное читательское письмо мне, писателю, приносит больше пользы, чем иные критические статьи.

* * *

Критика мне ничего не дала. Мелка она очень, заумна. Люди критикуют то, чего не знают. Критики у нас не ездят даже в творческие командировки и предпочитают, особенно последнее время, писать «научные» труды, чтобы утвердить себя в членах союза писателей. В критике же читателя я ощущаю и взволнованную заинтересованность, и проникновение в творческие замыслы, и боль, и радость — человеческая страстность есть в этой критике!

Из беседы с корреспондентом газеты «Известия»[1]

Тема гражданской войны не исчерпана. Мы — писатели — написали о гражданской войне много книг, но большинство этих книг уже забыто... Остались *единичные* произведения, которые наш читатель любит и помнит. Этих книг мало. Они не дают полной картины величия гражданской войны и наших побед и страданий. О 1918–1920 гг. надо еще писать и писать лучше.

Из письма И.И. Попову и Н.А. Тютюнникову от 28 апреля 1935 г.[2]

1939

Всякая ошибка, даже самая мелкая, не проходит мимо внимания читателя. Я работаю тщательно, не торопясь, однако и я полу-

---

[1] *Дир.* Разговор с Шолоховым // Известия. 1935. 10 марта. С. 4.
[2] *Шолохов М.А.* Письма. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 165.

чаю много замечаний от читателей. Когда писатель грешит против истины даже в малом, он вызывает у читателя недоверие. «Значит, — думает читатель, — он может соврать и в большом».

* * *

Диву даешься, как это читатель замечает всякую мелочь. Словно рассматривает каждую строчку в лупу. И не прощает оплошностей.

Из беседы с корреспондентом газеты «Известия»[1]

Многие, очень многие читатели никак не хотят представлять себе Мелехова «выдуманным», они убеждены, что он живой, работает в одном из колхозов Верхнего Дона, и просят подробно описать его жизнь в наши дни. Хочется очень много сказать о читателе. Интересные, замечательные у нас читатели. Они настойчиво вторгаются в работу писателя, подсказывают новое, дают советы, высказывают пожелания и даже требования. «Тихий Дон» пишется с 1925 года. Первая книга вышла в 1927 году, и с тех пор я получил десятки тысяч писем от читателей «Тихого Дона». «Довести линию Григория до сплошной коллективизации», «закрепить окончательно переход Григория в Красную Армию и показать его работу в условиях мирного времени» — таких советов, просьб тысячи. А в последние годы многим почему-то показалось, что Григорий будет убит. И, вот, посыпались письма с категорическими требованиями: «Оставьте в живых Григория Мелехова».

Из беседы с корреспондентом газеты «Молот»[2]

Товарищи, вы знаете, что взаимоотношения, издавна установившиеся между советскими писателями и читателями, совершенно иные, нежели в капиталистических странах. Народ, которому мы служим своим искусством, ежедневно говорит о нашей работе устами читателей. Нас критикуют, ругают, когда надо, поддерживают под локоть при творческих неудачах, хвалят, когда мы этого заслуживаем, и каждый из нас постоянно чувствует около себя эту направляющую исполинскую трудовую и ласковую руку народа-созидателя. И вот, когда народ говорит писателю, что он мало пишет или плохо пишет, — что может ответить писатель в свое оправдание? Лицо его становится довольно скучным, он невнятно лепечет,

---

[1] *Экслер И.* У Михаила Шолохова // Известия. 1939. 11 февр. С. 3.

[2] *Левин Я.* Последние страницы «Тихого Дона» // Молот. Ростов-на-Дону. 1939. 1 февр. С. 2.

что будет работать лучше. И иногда исправляется, правда не всегда это бывает. Иной раз он и хотел бы написать лучше, но не выходит, пороха не хватает; как говорится, был писатель, да весь вышел.

Из речи на XVIII съезде ВКП(б)[1]

1950

Товарищ Сталин! Вы знаете, что роман читается многими читателями и изучается в старших классах средних школ и студентами литературных факультетов университетов и педагогических институтов. Естественно, что после опубликования Вашего письма тов. Ф. Кону, у читателей, преподавателей литературы и учащихся возникают вопросы, в чем я ошибся и как надо правильно понимать события, описанные в романе, роль Подтелкова, Кривошлыкова и других. Ко мне обращаются за разъяснениями, но я молчу, ожидая Вашего слова. Очень прошу Вас, дорогой товарищ Сталин, разъяснить мне в чем существо допущенных мною ошибок.

Из письма И.В. Сталину от 3 января 1950 г.[2]

1952

Советские писатели в большом долгу перед своими читателями. В ряду должников, но отнюдь не злостных неплательщиков, к моему великому сожалению и внутреннему неудобству, нахожусь и я — автор двух незаконченных романов.

* * *

И если наш умный читатель, прочитав книгу, не забудет ее на другой день (ведь бывает и так!), если спустя какое-то время его снова повлечет к этой книге и раздумью над ней, если он скажет, думая о писателе: «Черт возьми, а этот парень здорово потрудился,

---

[1] *Шолохов М.А.* Речь на XVIII съезде ВКП(б) // Правда. 1939. 20 марта. С. 8. Письмо И. Сталина Ф.Я. Кону (от 9 июля 1929 г.) было опубликовано в 12 т. Собрания сочинений И. Сталина; см. фрагмент, о котором идет речь в письме Шолохова: «Знаменитый писатель нашего времени тов. Шолохов допустил в своем “Тихом Доне” ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений насчет Сырцова, Подтелкова, Кривошлыкова и др., но разве из этого следует, что “Тихий Дон” — никуда негодная вещь, заслуживающая изъятия из продажи» (*Сталин И.* Сочинения. Т. 12. М., 1952. С. 112).

[2] *Шолохов М.А.* Письма. С. 269.

хорошая книга!» — то для писателя этот высший суд и будет служить высшим нравственным удовлетворением и наградой.

* * *

И когда наш далекий или близкий читатель думает о судьбах советской литературы, о ее развитии, пусть не забывает о том, что советские писатели упорно идут к одной цели: к беззаветному служению интересам нашего великого народа, нашей великой партии.

Из выступления по радио[1]

1954

Здесь много говорили и о наших общих достижениях. Спору нет, достижения многонациональной советской литературы за два истекших десятилетия действительно велики, вошло в литературу немало талантливых писателей. Но при всем этом остается нашим бедствием серый поток бесцветной, посредственной литературы, который последние годы хлещет со страниц журналов и наводняет книжный рынок. Пора преградить дорогу этому мутному потоку, общими усилиями создав против него надежную плотину, — иначе нам грозит потеря того уважения наших читателей, которое немалыми трудами серьезных литераторов завоевывалось на протяжении многих лет.

* * *

Одной из главных причин, как мне кажется, явилось поразительное и ничем не оправданное падение требовательности к себе, установившееся среди писателей, и падение «оценочных критериев», прочно обосновавшееся среди критиков. Писатели с диковинным безразличием, с отсутствующими лицами проходили мимо не только посредственных, но явно бездарных произведений своих товарищей. Они не поднимали негодующего голоса против проникновения в печать макулатуры, прививающей дурные вкусы невзыскательной части наших читателей, портящей нашу молодежь и отталкивающей от литературы читателей квалифицированных и по-хорошему требовательных, непримиримых в оценках.

---

[1] *Шолохов М.А.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1985. С. 188.

* * *

Читатель у нас не скопидом, а подлинный — добрый и расчетливый — хозяин.

Из речи на Втором Всесоюзном съезде Советских писателей[1]

1956

Мне хотелось бы вам пожелать, чтобы вы в литературе не остались перестарками. Известна такая категория девиц, которые долго не выходят замуж. Пусть скорее приходит к вам творческая зрелость. Пусть она радует не только нас, писателей, но и читателя, огромного и требовательного, настоящего читателя, какого, пожалуй, нигде в мире еще нет.

Из выступления на Третьем Всесоюзном совещании молодых писателей[2]

Наш советский читатель простит нам медлительность, но никогда не простит плохой, серой книги!

* * *

Вы ждете новых книг, товарищи? А я хочу вас спросить: от кого? От тех, кто не знает толком ни колхозников, ни рабочего? От тех, кто отсиживается и отлеживается? Но ведь давным-давно известно, что под лежачий камень и вода не течет. Нет и не будет в ближайшее время добротных, полновесных книг, если положение в литературе не изменится самым коренным образом, а изменить его может только партия. Но об этом после.

* * *

«Скоро робят — слепых родят». И к этому есть множество примеров, когда скороспелые произведения, родившись из-под пера писателей слепыми или подслеповатыми, так и не увидели широких масс читателей.

* * *

Читатели ждут от нас книг, а не речей на заседаниях. Писателям необходимо помочь приблизиться к жизни вплотную, писа-

[1] *Шолохов М.А.* Выступление на Втором Всесоюзном съезде Советских писателей // Литературная газета. 1954. 26 дек. С. 2.

[2] *Шолохов М.А.* Выступление на Третьем Всесоюзном совещании молодых писателей // Литературная газета. 1956. 12 янв. С. 1.

телям необходимо повернуться к жизни лицом. Для этого не надо никаких специальных решений.

* * *

Жить жизнью народа, страдать страданиями людей, радоваться их радостям, целиком войти в их заботы и нужды — вот тогда у писателя и будет настоящая, волнующая сердца читателей книга.

Из речи на XX съезде КПСС[1]

Умный читатель запомнит все с одного раза, а на дураков не стоит ориентироваться.

Из письма М.В. Ливинцову от 17 ноября 1956 г.[2]

1960

Слово, добываемое писателем из недр могучего русского языка, каждый раз должно быть тем единственным словом, которое безошибочно находит путь к сердцу читателя.

Из статьи «Моим землякам»[3]

Должен сказать, что с читателями у меня добропорядочные, хорошие отношения. Постоянная связь с читателями укрепляет и уверенность в своих силах и способствует успеху в работе. Но с некоторыми из них я нахожусь в отношениях не то что неприязненных, но в отношениях — как бы это одним словом охарактеризовать — в отношениях с холодком. Требования к писателю предъявляются часто непомерные. Так, например, один читатель после выхода второй книги всерьез упрекает меня в том, что в «Юрии Милославском» автор сохранил героев, а Шолохов убил Нагульнова и Давыдова. «Что здесь общего с социалистическим реализмом?» — спрашивает он. Но слушаться таких советов нельзя. Я и впредь буду писать, как на душу положено.

Из речи в Кремле на вручении Ленинской премии за роман «Поднятая целина»[4]

---

[1] *Шолохов М.А.* Речь на XX съезде КПСС // Правда. 1956. 21 февр. С. 8.

[2] *Шолохов М.А.* Письма. С. 314.

[3] *Шолохов М.А.* Моим землякам // Литература и жизнь. 1960. 8 апр. С. 1.

[4] *Шолохов М.А.* Большая, сердечная благодарность // Правда. 1960. 17 июля. С. 6.

1964

Изображая эротику писатель как бы ведет читателя по острию ножа. Но ранить людей этим ножом он не имеет права.

Из интервью писателю Мартти Ларни[1]

Мне думается, что вообще дело неплохое — ознакомить широкого читателя с писателями конца прошлого — начала нынешнего веков, в том числе, разумеется, и с Крюковым. К сожалению, у нас преданы забвению имена талантливых людей, почему-либо не получивших известности в свое время.

Из письма В.М. Проскурину от 18 декабря 1964 г.[2]

Если вы писали мне с хорошим волнением, то с не меньшим волнением я читал ваши теплые дружеские строчки. Сердечное спасибо вам за добрые слова, сказанные в мой адрес, и за высокую оценку моего писательского труда.

Из статьи «Воинам-пограничникам»[3]

1965

А мнение народа — это то, чем мы, писатели, должны дорожить больше всего на свете. Потому что чем же еще может быть оправдана жизнь и работа каждого из нас, если не доверием народа, не признанием того, что ты отдаешь народу, партии, Родине все свои силы и и способности.

Из вступительного слова на II съезде писателей РСФСР[4]

Говорить с читателем честно, говорить людям правду — подчас суровую, но всегда мужественную, укреплять в человеческих сердцах веру в будущее, в свою силу, способную построить это будущее. Быть борцом за мир во всем мире и воспитывать своим словом таких борцов повсюду, куда это слово доходит. Объединять людей в их естественном и благородном стремлении к прогрессу. Искусство обладает могучей силой воздействия на ум и сердце человека. Думаю, что художником имеет право называться

---

[1] *Ларни Мартти.* Беседуя с Шолоховым // Огонек. 1964. № 15. С. 7.

[2] *Шолохов М.А.* Письма. С. 374.

[3] *Шолохов М.А.* Воинам-пограничникам // Правда. 1964. 2 сент. С. 5.

[4] *Шолохов М.А.* Талант — на службу народу // Там же. 1965. 4 марта. С. 4.

тот, кто направляет эту силу на созидание прекрасного в душах людей, на благо человечества.

Из речи на вручении Нобелевской премии[1]

1971

Без ложной скромности можно сказать, что сделали мы очень много в смысле перевоспитания человека средствами искусства воздействуя на его духовное пробуждение и рост. Общеизвестно, что наша литература — самая идейная литература. А назовите такую страну, чья литература могла бы соперничать с нашей в этом плане! Смело можно утверждать, что нет в мире такой страны и нет такой литературы.

Из речи на XXIV съезде КПСС[2]

1974

Сейчас, случается, десяток, два десятка пишущей братии отправляются в вояж по стране, выступают, что-то прочтут, расскажут, как работают. При таких выступлениях читатель только и может, что увидеть известного ему писателя в лицо. Вообще-то поездки и контакты с читателем — дело нужное. Но что-то слишком часто стали раздаваться голоса, из которых можно понять, что писатель стремится объяснить читателю им написанное, учить читателя понимать написанные им книги. Занятие это напрасное. Писатель во все времена учился у народа, старался донести во всей полноте его мысли и чаяния, его сокровенное. Это все следовало бы спокойно обсудить, без споров, без взаимных упреков, никого не обижая, спокойно разобраться.

Из беседы с корреспондентом газеты «Правда»[3]

---

[1] *Шолохов М.А.* Живая сила реализма // Правда. 1965. 11 дек. С. 4.

[2] *Шолохов М.А.* Речь на XXIV съезде КПСС // Там же. 1971. 4 апр. С. 4.

[3] *Шолохов М.А.* Прикосновение к подлинному // Правда. 1974. 31 июля. С. 3.

ПИСЬМА
И
ОТЗЫВЫ
ЧИТАТЕЛЕЙ

1. Т. ВЫЛКОСТ

Не позднее 31 января 1929 г., Ленинград

Читая роман, мысленно переносишься к тихому Дону, и кажется, что типы романа живут.

Т. Вылкост.

Металлический зав<од>[1].

(*Ленинградский металлист. 1929. № 3. С. 2*)

Девять отзывов читателей (№ 1–9) печатаются по публикации в журнале «Ленинградский металлист» (1929. № 3 (80). 31 янв. С. 2). Журнал являлся органом Ленинградского райкома Всесоюзного союза рабочих-металлистов (ЛР ВСРМ), объединявшего крупнейшие заводы Ленинграда. В журнале существовал библиографический отдел под названием «Металлист за книгой». В состав отдела входили: председатель библиотечной комиссии при культотделе ЛР ВСРМ — В.Ф. Сахаров и Н.С. Лебедев — секретарь, заведующий библиотекой клуба им. Н. Г. Козицкого (см.: *Бахтина Е.В.* У истоков массовой рекомендательной библиографии: Библиографический отдел «Металлист за книгой» // Библиотечное дело. 2013. № 1. С. 2, 4). В конце 1929 г. в этом отделе под названием «Роман М. Шолохова “Тихий Дон”» была опубликована малая часть присланных М.А. Шолохову писем-отзывов рабочих о вышедшей отдельным изданием первой книге романа «Тихий Дон» (*Шолохов М.А.* Тихий Дон. Роман. Кн. 1–2. Кн. 1. Изд. 2-е. М.: Московский рабочий, 1928 / Роман-газета). Публикации отзывов было предпослано вступление от редакции: «Роман М. Шолохова является бесспорно одним из значительнейших произведений нашей литературы. И критика, и большинство читателей приветствуют его появление и дают ему высокую оценку». И послесловие: «Хотя мы напечатали здесь небольшую часть читательских отзывов, но и в остальных оценка такова же. Многие подчеркивают колоритный казачий язык, мастерски переданный Шолоховым. Сравнивают Шолохова с Толстым, особенно в описании сцен войны. Однако наряду с этим читатели упрекают автора за “колоритную” ругань романа. У некоторых создалось впечатление излишнего пристрастия автора к описанию любовных приключений казаков и казачек, а Григория некоторые считают развратным. Как бы то ни было, роман пользуется успехом, ибо является, действительно, красочным изображением образного быта казачества. Роман не окончен, широкому читателю известен пока лишь первый том.

Но и в томе автор сумел прекрасно передать настроения казачества перед войной, на войне и перед революцией. Он развернул перед нами громадную галерею типов и показал сложнейшие переживания. Роман несвободен от недостатков, отмеченных читателями, но они искупаются подлинным мастерством молодого писателя, развернувшего перед нами громадное полотно казачьей жизни. Будем ждать, что в следующих томах писатель даст не менее блестящие страницы» (Ленинградский металлист. 1929. № 3 (31 янв.). С. 2).

В 1934 г. на встрече с читателями в Ростове-на-Дону Шолохов вспоминал о сотрудничестве с Ленинградским райкомом Всесоюзного союза рабочих-металлистов: «В свое время в практике моей работы над “Тихим Доном” я был крепко связан с Ленинградским областным союзом металлистов, и отзывы рабочих-металлистов, которые я получал сотнями, очень много помогли мне в усвоении и преодолении тех ошибок, что были свойственны первым моим книгам» (*Шолохов М.А.* Литература — часть общепролетарского дела // Молот. Ростов-на-Дону. 1934. 8 окт. С. 3).

[1] Металлический завод — Ленинградский металлический завод (ныне: ЛМЗ; с основания в 1857 до 1918 гг. — «Компания Санкт-Петербургского металлического завода»; с 1918 до 1924 гг. — «Петроградский металлический завод»; с 1924 до 1930 гг. — «Ленинградский металлический завод») — турбостроительное предприятие, специализирующееся на производстве паровых и гидравлических турбин.

2. П. ГЕОРГИЕВСКИЙ

Не позднее 31 января 1929 г., Ленинград

Шолохов дает яркую картину жизни казачества, закостенелого в своих традициях и непонимающего гнусности своей роли.

Но перед войной и у них намечаются проблески сознания.

Красочно описан автором быт хуторов. Удачен тип Григория Мелехова с его твердостью, правдивостью и огромной силой воли. Не менее удалась автору и семья Моховых, особенно Лиза.

В романе умело сочетается реализм с глубоким психологическим содержанием. Реальность и искусное построение романа увлекают читателя.

Я ничего не читал о казачестве более правдивого и красивого, чем «Тихий Дон».

П. Георгиевский.

Зав<од> «Красная Вагранка»[1].

(*Ленинградский металлист. 1929. № 3. С. 2*)

[1] Завод «Красная Вагранка» (с основания в 1872 до 1925 г. — Механический и чугунный завод Н.Я. Паля; с 1925 до 1936 гг. — «Красная Вагранка»; с 1936 до 1970 гг. — Ленмашзавод; с 1971 по н.в. — Ленпродмаш) — машиностроительное предприятие, специализирующееся на разработке фасовочно-укупорочных машин для розлива жидких и вязких пищевых продуктов.

3. Ф. ЕФ

Не позднее 31 января 1929 г., Ленинград

Яркая картина с отдельными жизненными эпизодами положительно захватывает читателя. Автор образно передает донской язык и, в то же время, придерживается современного литературного письма.

«Тихий Дон» — не вполне законченная книга: она — только начало огромного труда, начиная с эпохи царизма и до наших дней. В книге есть и недостатки. Так, например, автор мало коснулся идеологии казачества, этой верной и крепкой опоры царизма. Берега Тихого Дона мало омрачены набегавшими историческими тучками перед бурей революции, например, откликами забастовок и недовольством в самой сфере казачества. Фигура Штокмана, как пропагандиста, недостаточно ясно выведена, она тонет в общих красках.

Ф. Еф.

Зав<од> «Красный гвоздильщик»[1].

(*Ленинградский металлист. 1929. № 3. С. 2*)

[1] Завод «Красный гвоздильщик» (ныне: исторический памятник «Водонапорная башня канатного цеха»; с основания в 1857 до 1921 гг. — Чугунолитейный и бронзовый завод Ф. Шопена; с 1921 до 1930 гг. — «Красный гвоздильщик»; с 1930 г. — «Производственные здания гвоздильного завода») — производил художественные литые изделия и проволоку. В 1931 г. по проекту архитектора Чернихова Якова Георгиевича (1889–1951) на заводе была построена водонапорная башня канатного цеха, ставшая архитектурным памятником эпохи конструктивизма (Василеостровский район / Под ред. Б. М. Кирикова. — Санкт-Петербург: Коло, 2005. С. 86. — (Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга).

4. С. ЗАРУБАЕВ

Не позднее 31 января 1929 г., Ленинград

Я не читал, а переживал и драму Натальи, и несчастье Григория. Книга Шолохова ставит читателя перед жизненной правдой. Автор сумел придать роману чрезвычайную образность и схватил до последней детали жизнь казака. Надо жить в этой среде, чтобы так правдиво передать быт казачества перед революцией.

Живейший интерес вызывает в романе каждое лицо, начиная с Григория и заканчивая Лизой, и студентом.

С. Зарубаев.

Зав<од> «Красный Путиловец»[1].

(*Ленинградский металлист. 1929. № 3. С. 2*)

[1] «Красный Путиловец» (ныне: холдинг «Кировский завод»; с основания в 1801 до 1922 гг. — «Путиловский»; с 1922 до 1934 гг. — «Красный Путиловец»: с 1934 г. по н.в. «Кировский завод») — машиностроительное предприятие, специализирующееся на производстве сельскохозяйственной техники.

5. ИВАНОВ

Не позднее 31 января 1929 г., Ленинград

Автор показывает нам мирную жизнь казака с самого детства, но, вот, эта жизнь нарушается неожиданно объявленной войной.

Быстро формируются казачьи полки, и людей, недавно стоявших у сохи, отправляют убивать себе подобных. Автор интересно показывает психологию человека, впервые попавшего на войну, и принужденного убивать.

У молодых казаков начинает пробуждаться возмущение против творящихся ужасов.

Таков Григорий Мелехов: он — незаурядная личность. Еще в деревне он иначе, чем другие, построил свою жизнь, уйдя от родителей. В нем постепенно крепнут мысли о ненужности войны, о произволе власти. Растет злоба к царизму. Можно предвидеть в нем будущего революционера, и таким хотелось бы его видеть.

Иванов.

Зав<од> им. А.А. Кулакова[1].

(*Ленинградский металлист. 1929. № 3. С. 2*)

[1] Завод им. А.А. Кулакова (ныне: АО «Завод им. А.А. Кулакова»; с основания в 1896 до 1919 гг. — «Электромеханический завод Н.К. Гейслер и К»; с 1922 до 1924 гг. «Петроградский Телефонно-Телеграфный завод им. А.А. Кулакова»: с 1924 до 1936 гг. — «Ленинградский государственный телефонно-телеграфный завод им. А.А. Кулакова»; с 1936 г. «Завод № 209 им. А.А. Кулакова») — предприятие по производству слаботочного оборудования для кораблей и судов.

6. Ф. МАТВЕЕВ

Не позднее 31 января 1929 г., Ленинград

Для читателя очень интересно познакомиться с нравами и обычаями Тихого Дона, и автору удалось дать красочное описание жизни донского казачества дореволюционного периода. На протяжении романа мы только и читаем, что эта жалмерка[1] живет с тем-то, а та с другим. Достаточно мужу ненадолго отлучиться, как донская женщина начинает искать себе сожителя. Из всех молодых женщин, выведенных в романе, одна только Наталья остается

верной влечению своего сердца. Не мало ли? Я не знаю нравов и обычаев населения Дона, по-моему, это слишком преувеличено.

Ф. Матвеев.

Металлический зав<од>.

(*Ленинградский металлист. 1929. № 3. С. 2*)

[1] Жалмерка (или жармелка) — жена казака, ушедшего на военную службу.

7. МОНОВ

Не позднее 31 января 1929 г., Ленинград

Роман страдает длиннотами, хотелось бы от автора большей экономии в словах и материале. Поэтому роман местами читается неохотно, и только драматическое напряжение заставляет преодолевать неторопливую и очень спокойную манеру писателя. Действующие лица не имеют определенной характеристики. Казаки — все хозяйственные прижимистые мужики. Не видно описания бедноты. Штокман очерчен очень мало. Революционизирование передового казачества описано слабо и неубедительно в лице Григория. В описании войны многое напоминает Л.Н. Толстого в «Войне и мире».

Монов.

Металлический зав<од>.

(*Ленинградский металлист. 1929. № 3. С. 2*)

8. О. МУХИНА

Не позднее 31 января 1929 г., Ленинград

Яркий красочный язык, прекрасное описание природы доставляют большое художественное наслаждение. Описание быта казачества — этого обособленного полувоенного мирка, так ново и свежо, что читаешь, не отрываясь.

О. Мухина.

Гос. кроватная фабр. КУЖДа[1].

(*Ленинградский металлист. 1929. № 3. С. 2*)

[1] Государственная кроватная фабрика КУЖДа — Государственная фабрика кроватей и матрасов Комиссии по улучшению жизни детей (КУЖД) при Ленинградском Облисполкоме, специализировавшейся на изготовлении кроватей для больниц и Домов отдыха, располагалась по адресу: Ленинград, Кустарный переулок, д.1 (Весь Ленинград. 1929: в 2 ч. Ч. 1. С. 67).

9. В. ТИХОМИРОВ

Не позднее 31 января 1929 г., Ленинград

В «Тихом Доне» показан быт дореволюционного казачества. Главная тема произведения — любовь казака Григория Мелехова и Аксиньи Астаховой. Автор так сильно увлекся любовью своих героев, что даже на такой важный момент, как проникновение революционного духа в среду казачества (слесарь Штокман), обратил минимальное внимание, и среда эта показана очень поверхностно. В этом можно упрекнуть автора.

В. Тихомиров.

Зав<од> «Красный гвоздильщик».

(*Ленинградский металлист. 1929. № 3. С. 2*)

10. Л.С. КУПЧЕНКОВ

31 июля 1931 г., деревня Заборье Демидовского района Смоленской области

Критический отзыв о 1ой книге романа «Тихий Дон»
М. Шолохова.

В книжном магазине города Д. курчавый с угольными глазами еврей настойчиво рекомендовал мне эту книгу. «Возьми Шолохова “Тихий Дон”, очень и очень интересная книга. — Его приятное с легким загаром лицо расплывалось в бесхитростной улыбке. Дребезжащий тенорок звучал разорванной струной. — Вся казацкая жизнь обрисована. Мировая война также. Ну, что... Дать?». Я, правда, не любил возвращаться с города без новой книги, покупал большинство из-ва «Д.Б.О.»[1] и за 2 недели прочитал следующее: «Бруски» I и II книга[2], «Тисса горит»[3], «Девятьсот семнадцатый»[4], «Город в степи»[5], «Похождения бравого солдата Швейка»[6]. Все мне эти книга понравились, как с художественной стороны, так и с публицистической. «Черт с ними, с деньгами», — подумал я и, рассчитавшись за книгу, направился домой и с каким-то волнующим удовольствием на ходу посматривал на обложку книги, где красовалось продолговатое, безбородое лицо автора — М. Шолохова в залихватской казацкой папахе. Придя домой, хотя и чувствовал ломающую усталость, тяготение ко сну, все же приступил к чтению.

«И чем сильнее впечатление производимое им (т.е. романом), тем напряженнее ведущиеся вокруг него споры, что он создан рукой первоклассного художника» — эти слова А. Селивановского[7] подхлестнули меня к чтению, и я начал читать: сперва

неподатливой показалась мне книга; стиль — ломанным, нескладным; фразы — сухими, шершатыми, как выспевшая тимофеевка. Но это продолжалось только 10 минут. Легкий язык произведения, свежее художеств. Слово, интерес событий поглотили меня всего. Я забыл про усталость, про тяготение ко сну и, переворачивая страницы, бормотал: «Да... вот это здорово написано». Передо мной еще с первых страниц романа открылась сложная жизнь казака, середняка — Мелехова Григория, начиная с его ребяческих дней и до вторжения в гнусную бойню Мировой войны. Описание схваток и боев еще и сейчас рисуется в моем воображении и долго будет рисоваться, так как толстовский прием изображения битв здесь удался с полной силой в лучшем смысле этого слова. Но рядом с этим я хочу подметить и другое, что мог подметить в книге. Вся худ. сила Шолохова, весь его талант художника слова лежит в изображении середняцкой прослойки казачества и частью людей эксплоататорского лагеря (как Листницкий, купец и офицерье). Здесь у него каждая страница полна свежих худож. приемов, и совсем другое дело в изображении людей пролетарского лагеря. Прежде всего, у такого сильного писателя, как Шолохов, они слабожизненны. Являются тенью, слабыми контурами по сравнению с такими, как Григорий, Петро, Степан, Митька, Листницкий и ряд других. Если проследить страницы романа, посвященные большевику Штокману, то мы заметим, что они бледны, здесь Шолохов не применил ни одного художественного приема. Почти то же самое и с бедняками, казаками (как Валет, Давыдка и другие).

Но всем вышеупомянутым я не хочу сказать, что Шолохов чуждый писатель для пролетариата, ничуть, он, как выявлено критикой, является на пути перерождения из крестьянского писателя в писателя пролетариев[8], а роман «Тихий Дон» является художественным отображением этого перерождения.

Тем более 1-я часть — есть только начальный пункт, где Шолохов вступил на путь перехода, а поэтому от него большего требовать нельзя. Наоборот, книга Шолохова является полезной не только со стороны политического ее значения, но и в смысле художественности. Молодым начинающим писателям нужно учиться у Шолохова с тем, чтобы лучше овладеть худ. словом. Я со своей стороны приветствую М. Шолохова, как талантливого советского писателя. Имея полную надежду на то, что увижу его в рядах пролетарской литературы и еще усиленнее, с еще большим интересом рекомендую его роман другим, чем тот еврей города Д. рекомендовал его мне.

С механической стороны книги я искренне благодарю Изд-во за то, что оно выпустило такую серию книг, которая сыграет большую роль в деле продвижения литературы в массы. Книги доступны своей дешевизной, еще и удобны для обращения и долгого сохранения.

Теперь несколько слов о себе. Напишу нечто вроде автобиографии.

Я родился в 1915 году в глухой дерев<не> б. Смоленской губ. По происхождению крестьянин-бедняк. Отец — переселенец с бывшей Витебской губернии, мать местная батрачка.

Сейчас моя семья в Троицкой с.-х. артели с 1930 года. Я учусь в 7 гр-пе Заборьевской Ш.К.М. Имею склонность к литературе, печатался в районной газете (рассказ «Два <*1 нрзб.*>»). По партийной линии: с 1929 г. по 10 июня 1931 г. был пионером, с 10 июня 1931 г. комсомолец.

Вот кратко и все обо мне.

Просил бы гос. из-во написать мне что-нибудь по поводу моего отзыва по адресу: Западная обл. Демидовского р-на. П/о Заборье, Заборьевская Ш.К.М.

К сему с приветом: Лукьян Степанович Купченков.

31/VII-31 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 616. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 154–156 об.*)

[1] Серия «Дешевая библиотека ОГИЗа» (ДБО) продолжила аналогичную ей серию «Дешевая библиотека Госиздата».

[2] «Бруски» (книги 1–4; 1928–1937) — роман Ф.И. Панферова (1896–1960). В серии «Дешевая библиотека ОГИЗа» книга вышла в 1931 г., в 2-х томах и с предисловием А.В. Луначарского. Ранее, в 1929 и 1930 гг., — в серии «Дешевая библиотека Госиздата». О Панферове далее см. примеч. к п. 27, 42, 117, 153, 178. См. также о Панферове в статье «Читатели Михаила Шолохова: контексты эпохи», наст. изд., с. 702, 707, 709–711.

[3]«Тисса горит» (1929–1933) — роман венгерского писателя Белы Иллеша (1895–1974) о событиях венгерской революции 1918–1919 гг. В серии «Дешевая библиотека ОГИЗа» книга вышла в 1931 г. с предисловием Белы Куна и П. Гайду.

[4]«Девятьсот семнадцатый» (1927) — роман М.А. Алексеева (наст. фам. Брызгников; 1895–?). В серии «Дешевая библиотека ОГИЗа» книга вышла в 1931 г. с предисловием Г. Павловца.

[5]«Город в степи» (1912) — роман А.С. Серафимовича (1863–1949).В 1930 г. книга вышла в серии «Дешевая библиотека Госиздата».

[6]«Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» — незаконченный сатирический роман чешского писателя Ярослава Гашека (1883–1923). В конце 1920-х роман выходил дважды: в «Роман-газете» (М.: Московский рабочий, 1929) и отдельным изданием в 2-х томах со вступительной статьей В.А. Антонова-Овсеенко (М.; Л.: Гос. изд-во, 1929–1930).

[7] Речь идет об издании первых двух книг «Тихого Дона» в серии «Дешевая библиотека Госиздата» (М.; Л.: Гослитиздат, 1931) с предисловием А.П. Селива-

1.
Плакат
«Как изучать читателя?».
1924–1927 гг.

2.
Шолохов М.А.
Донские рассказы.
М.: Новая Москва, 1926 (ГМЗШ)

3.
Шолохов М.А. Тихий Дон.
Часть 1-я. Роман-газета.
1928. № 7 (19) (ГМЗШ)

4.
Шолохов М.А. Тихий Дон.
Часть 4-я. Перед Октябрем.
Роман-газета. 1928. № 17 (29) (ГМЗШ)

5.
Шолохов М.А. Тихий Дон.
Книга первая.
М.; Л.: Госиздат, 1930 (ГМЗШ)

6.
Шолохов М.А. Тихий Дон.
Книга вторая.
М.; Л.: Госиздат, 1929 (ГМЗШ)

7.
Шолохов М.А. Тихий Дон.
Книга вторая.
М.: Московский рабочий, 1929 (ГМЗШ)

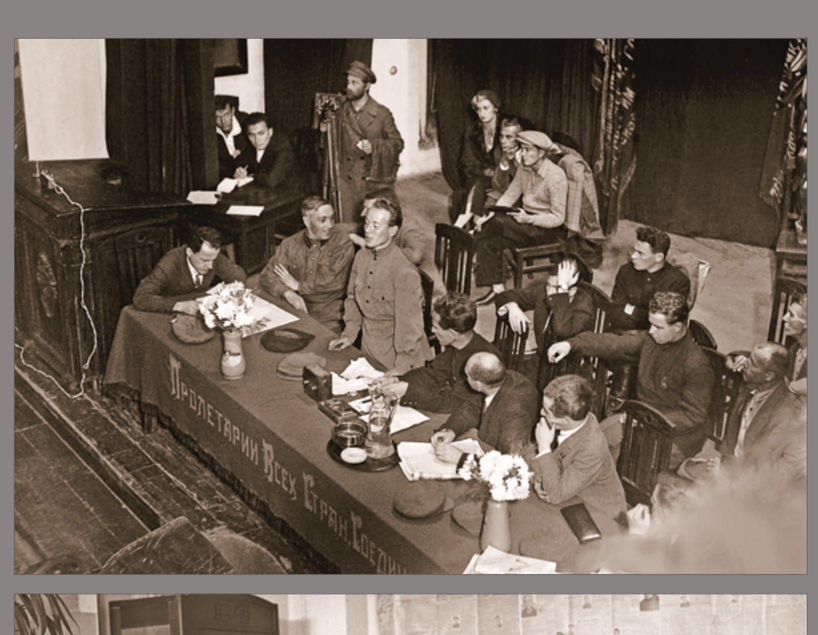
8.
Шолохов М.А.
Донские рассказы.
М.; Л.: Земля и фабрика, 1930

9.
Топоров А.М.
Крестьяне о писателях.
М.: Госиздат, 1930

10.
М.А. Шолохов.
1934 г. Фото (ГМЗШ)

11.
М.А. Шолохов.
1930-е гг. Фото (ГМЗШ)

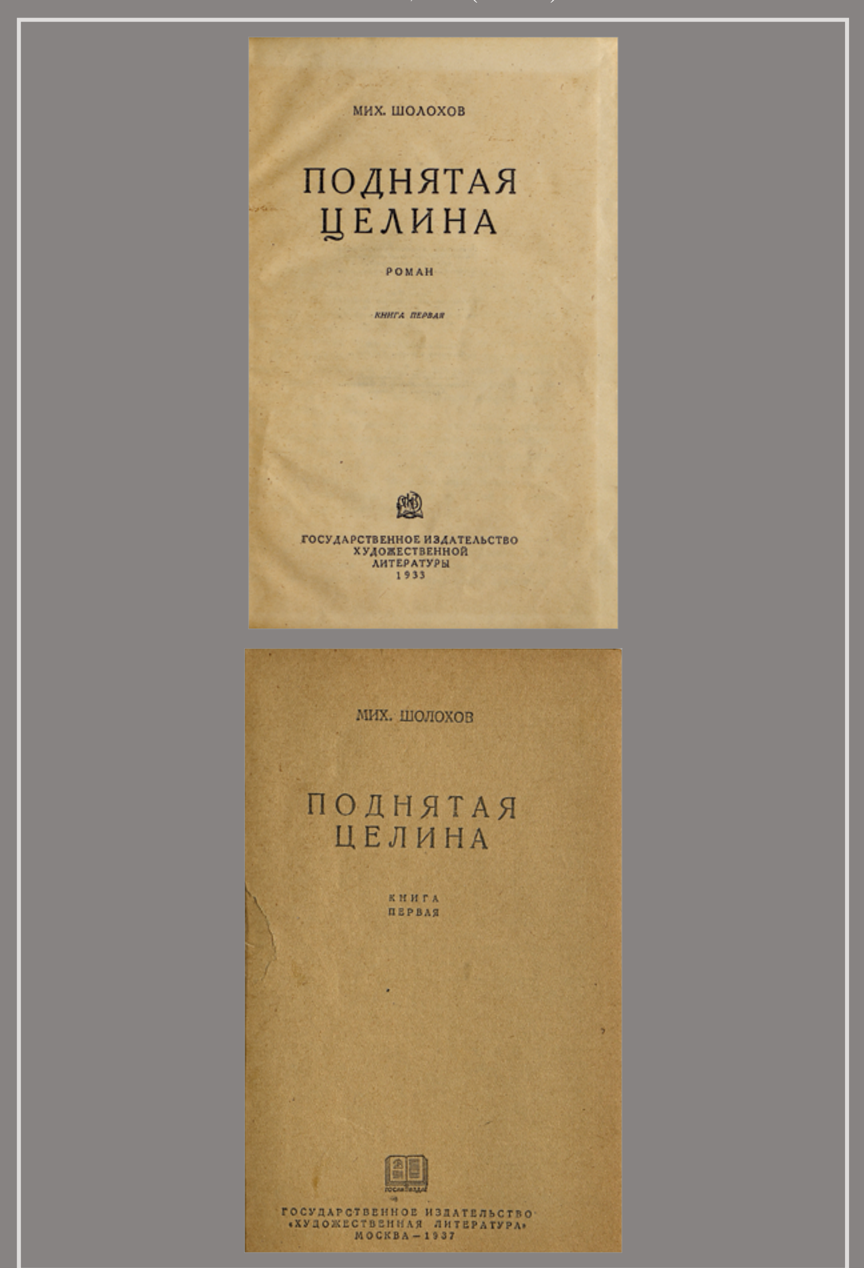
12.
Выступление М.А. Шолохова в Доме культуры Лензавода.
Ростов-на-Дону, октябрь 1934 г. Фото (ГМЗШ)



13.
М.А. Шолохов с группой литераторов в Доме культуры Лензавода.
Ростов-на-Дону, октябрь 1934 г. Фото (ГМЗШ)

14.
М.А. Шолохов в рабочем кабинете. Станица Вёшенская, 1936 г.
Фото (ГМЗШ)

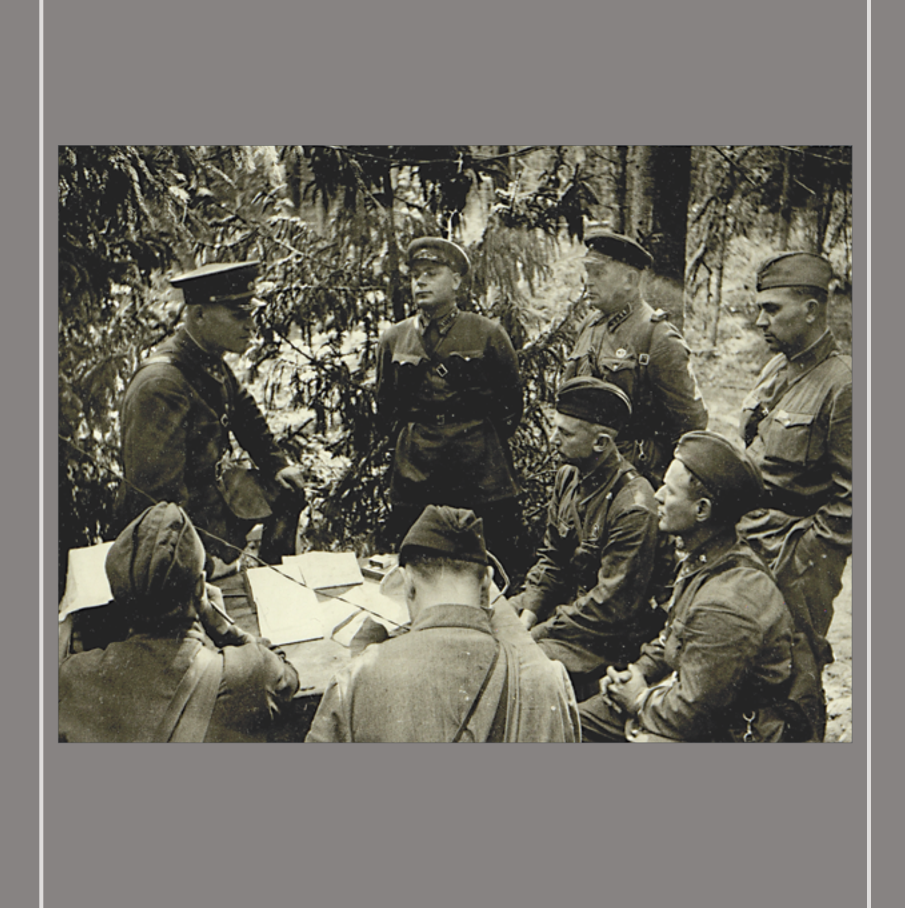
15.
Шолохов М.А. Поднятая целина. Книга первая.
М.: ГИХЛ, 1933 (ГМЗШ)



16.
Шолохов М.А. Поднятая целина. Книга первая.
М.: ГИХЛ, 1937 (ГМЗШ)

17.
М.А. Шолохов в рабочем кабинете. Станица Вёшенская, 28 апреля 1940 г.
Фото (ГМЗШ)

18.
М.А. Шолохов среди бойцов. 1941 г.
Фото (ГМЗШ)



19.
М.А. Шолохов и А.А. Фадеев в действующей армии. 1941 г.
Фото (ГМЗШ)

20.
Шолохов М.А. Они сражались за Родину. Из фронтовой жизни.
М.: Военное изд-во НКО, 1943 (ГМЗШ)

21.
Шолохов М.А. Они сражались за Родину. М.: Военное издательство
Народного комиссариата обороны, 1943.
Книга, пробитая осколком мины (ГМЗШ)

7 мая 1943 года.

Здравствуйте, уважаемый
т. Шолохов!

Примите от меня привет и массу наилучших пожеланий в вашей жизни и столь благородном труде! Читаем Ваш роман – „Они сражались за Родину". Насколько вы правдиво и ярко описываете жизнь нашего брата, можно судить по восхищенным отзывам о вашем художественном произведении. Ваш герой – „Лопахин" вызвал общее одобрение. Только таким и нужно быть, чтобы успешно бить фашистскую гадину. А тот кто нос вешает, пропадет как муха. В описании женщин вы точно сказали. Отдельные еще валяют дурочку, непонимая что в настоящий момент от каждого требуется максимальное напряжение сил для победы над врагом. Недавно я побывал дома и увидал что отдельные работники милиции и вообще тыловые работники плохо выполняют свои обязанности, тогда как мы здесь отдаем для победы самое дорогое – жизнь. Прошу показать их, со всей жестокостью обрушиться на них.

Если Вам потребуется материал могу услужить. Мне пришлось испытать немецкую оккупацию – 6 месяцев и вот уже 2-ой год как я нахожусь на передовой линии фронта. За это время я убил 119 немцев – по профессии я – снайпер, а в гражданке работал учителем. Сам из Калининской обл., молодой еще, с 1924 г.

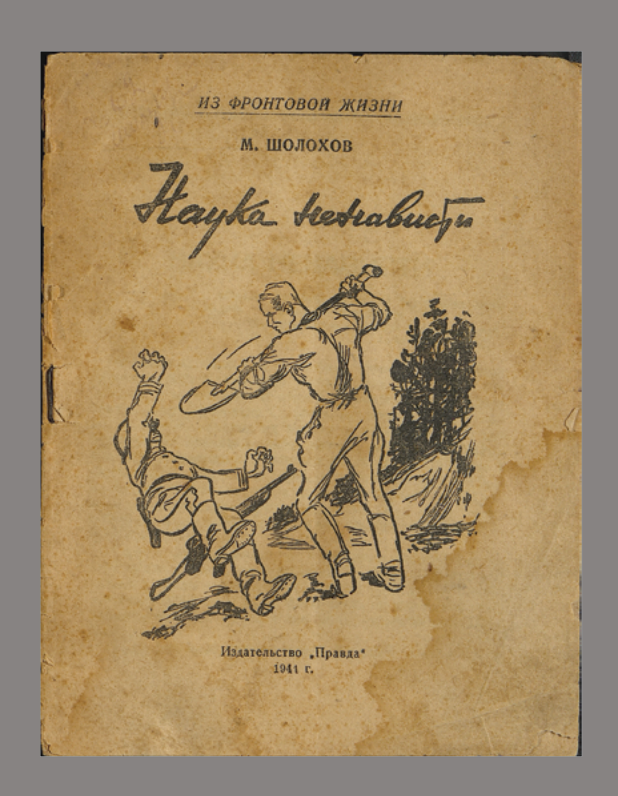
Простите, что я оторвал у Вас пять минут драгоценного для Вас времени.

Привет от моих боевых товарищей. Желаем Вам здоровья и еще больших успехов в вашей работе.

Пишите – будем ждать.

Поскольку адреса т. Шолохова не знаю, то письмо посылаю на редакцию, а поэтому просьба – переслать его адресату.

22.
Письмо фронтовика И.К. Андреева М.А. Шолохову
от 7 мая 1943 г. (ГМЗШ)



23.
Шолохов М.А. Наука ненависти. Из фронтовой жизни.
М.: Правда, 1944 (ГМЗШ)

Дорогой наш друг и учитель Михаил Шолохов!

Посылаем Вам наш боевой привет!

Мы, фронтовики, бойцы и командиры, прочитав главы из Вашего романа „Они сражались за родину" помещенные в „Правде", восхищены Вашим великим мастерством! От всей огромной солдатской души благодарим Вас за труд с которым Вы отражаете всю фронтовую-солдатскую жизнь.

Нас интересует: Как Вы можете с такой точностью знать все обычаи фронтовиков; их разговоры между собой, поговорки и взгляды на медсанбаты (Это когда дали медаль), Сравнение доктора с восклицательным знаком, повара по упитанности, с интендантом второго ранга и др.

Если не затрудн[illegible] ответьте пожалуйста.

Желаем Вам плодотворно трудиться и поскорее выпустить в свет весь роман.

С приветом фронтовики

С. Сабитов

А. [illegible]

В. [illegible]

Г. [illegible]

М. [illegible]

Г. [illegible]

[illegible]

19 мая 1943 г.

ГМЗШ КП-19818

24.
Письмо группы фронтовиков М.А. Шолохову от 19 мая 1943 г. (ГМЗШ)

Здравствуйте, Михаил Шолохов!
С боевым гвардейским приветом к Вам
Василий Ермолаевич Шишов.

Прежде чем начать о главном я хочу Вам сообщить коротенько о себе. Рождение с 1920 г. До призыва в армию 1940 г. я работал учителем в Алтайском крае Краснозёрского р-на. С самого начала войны нахожусь на защите Советского Заполярья.

Читая книги, автором, которых являетесь Вы, мне невольно хочется дать свой отзыв о Вашей плодотворной работе. Ибо книга для нас воинов Красной Армии является нечто поучительным документом из которого мы уже пережили и переживаем в настоящее время. Ваша книга „Тихий Дон" даёт яркую характеристику борьбы нашего народа за восстановление Советского строя и его борьбе с внешними и внутренними врагами. Книга „Поднятая целина" даёт яркую картину восстановления колхозного строя. Все в этих книгах описано просто, доступно для понимания даже малограмотному, ярко, красочно и правдиво. Я когда читаю эти книги сам, внутренне переживаю описываемый Вами какой-либо эпизод. Будто всё это предо мной наяву.

Пару слов о „Они сражались за Родину". Правда, я не имел возможности прочесть полностью, а прочел немного отрывками, но и по тому могу сказать, что эта повесть мне очень понравилась. Она пользуется большим авторитетом и популярностью среди бойцов нашего подразделения.

В свободное время мы собираемся в землянке и читаем её по отрывкам. Здесь и шутка и смех. Все остаются очень и очень довольны и расходятся по своим землянкам в приподнятом веселом настроении. Везде слышишь отзыв: „Вот это действительно пишут справедливо!" Да оно и точно. Ведь читая его встречаешь то, как воюют наши люди на фронтах Отечественной войны, как они веселятся в перерывах между боями. С какой простотой, справедливостью Вы описали в своей повести о боевых делах на фронте, делая все это интересным, в то же время красочным и простым.

Бойцы нашего подразделения в т. ч. и я очень благодарны Вам за Вашу повесть.

Мы надеемся что общими усилиями, Вы пером, мы штыком в бою, добьемся окончательной победы над врагом, нарушившим нашу мирную радостную жизнь.

Желаю Вам (дальн) успехов в Вашей дальнейшей плодотворной работе.

Прошу Вас, дорогой Михаил Шолохов, пишите мне письма, так как письменная связь с Вами составит для меня очень большую радость. Спрашивайте меня чем Вы интересуетесь я Вам опишу подробно.

А пока до свидания! Желаю Вам хороших успехов в работе и хорошего здоровья! Мой адрес: Полевая почта „12471-О"

С приветом Василий Ермолаевич

Шишов — 22 ноября 1943 г.

25.
Письмо В.Е. Шишова М.А. Шолохову
от 22 ноября 1943 г. (ГМЗШ)

Дорогой товарищ, Шолохов!

В моем подразделении нет более популярных и любимых брошюр, чем Ваша „Они сражались за Родину". Лично я считаю каждую страничку – [illegible], как самое вкусное блюдо.

Скажу откровенно, без лести: только Вам удается показать многогранность и величие души русского солдата, его глубокую, цельную натуру, врожденный [illegible], спокойную возвышенность, беззаветную любовь ко всему русскому – к Родине. И Ваши Звягинцев, Лопахин и другие, – это мои сподвижники Петров, Красноперов, Трущин и пр. и пр., с кем бок-о-бок разделяю тяготы фронтовой жизни.

Только что пришел с роты, где читают вслух Вашу [illegible] брошюру (отрывок) „Они сражались за Родину". Единственная книжечка обошла там и мне не на что сослаться, чтобы конкретизировать отзывы и замечания бойцов и сержантов.

Главное же вот в чем: читают люди тот или иной монолог – диалог, упоминают – реплики – [illegible].
Вдруг – вопрос: „Какой, какой кто это говорит и кому?"
– „Лопахин". – „Звягинцев". – „Звягинцев, а не Лопахин; слушать надо" и т.д.

Чтец сам не уверен, поэтому перелистывает назад 1-2 стр. и отвечает на вопрос слушателей.

Эта несущественная сумятица. Правда, по двум отрывкам трудно судить об индивидуальных чертах героев романа. Они (Лопахин и Звягинцев) оба хороши; они [illegible], чудесные советские солдаты; в них воплощены со всей полнотой неповторимые качества наших людей. Но здесь (в отрывках) они очень одинаковы, почти близнецы. Хочется надеяться, что Вы убережете обоих до конца романа (ни один не погибнет). Но чтобы они не слились. Ведь у них такие большие души, что Вам не трудно резче показать их различие.

Вот, пожалуй, и всё главное, о чём я хотел сказать Вам.
Прошу извинить, если я [illegible] невпопад Вам, или ломился в открытую дверь.

С большим фронтовым приветом.
З. Соколов. (ст. лейтенант).

п.п. 36513-Д.
17.05.44 г.

6794/13

26.
Письмо старшего лейтенанта З. Соколова М.А. Шолохову от 17 мая 1944 г. (ГМЗШ)

новского, где развивались положения его статьи «Тихий Дон» (На литературном посту. 1929. № 10. С. 46–56). Селивановский Алексей Павлович (1900–1938), литературный критик, журналист, редактор, один из виднейших деятелей РАППа; в 1931–1932 гг. — главный редактор «Литературной газеты». Автор письма цитирует строки предисловия Селивановского на с. 3 первой книги. Упомянутый выше портрет Шолохова размещен на обложке издания. В конце первой книги «Тихого Дона» (С. 398) напечатано обращение к читателям: «Читатель. Сообщите Ваш отзыв об этой книге, указав Ваш возраст и Вашу профессию по адресу: Москва, центр, ул. 25 Октября, 10 (б. Никольская) Государственное издательство художественной литературы. Массовый сектор».

[8] Автор письма имеет в виду строки из предисловия Селивановского: «...огромный и неопределенный груз прежних наблюдений и впечатлений не позволил Шолохову до конца преодолеть в своем творчестве начало Григория. Шолохов не сумел до конца понять и прочувствовать новый мир, данный Октябрьской революцией. У него не хватило силы для того, чтобы наделить жизнью образы Штокмана, Гаранжи, Бунчука и даже Подтелкова и Кривошлыкова. Крестьянский писатель, находящийся на пути превращения в писателя пролетарского, в процессе перехода на рельсы пролетарской идеологии, — так определила Шолохова часть марксистской критики. И это определение правильно» (С. 11–12).

11. М.С. ХАРИН

12 октября 1931 г., село Винницы Подпорожского района Ленинградской области

Отзыв по книге первой «Тихий Дон».

Читая много разных книг, писателей классиков и современных советских писателей, я редко давал отзывы о книгах. Но об этой книге следует написать кое-что.

Книга «Тихий Дон», написанная Шолоховым Мих., имеет громадный авторитет среди читателей. По-моему, неправильно в предисловии А. Селивановский накидывается на Шолохова[1]. Шолохов по своему казачьему положению прав в то время, когда писал эту книгу, Селивановский забыл, наверно, что много ли казаков было рабочих, как у них развита была националвражда («мужик» было ругательное слово). А много ли было у казаков изб-читален. 1913–1914 революционные годы и только один Штокман, рабочий, на целый уезд среди казачества вел кой-какую работу по разъяснению правды казакам, да и то с объявлением войны его арестовали, конечно, нельзя спрашивать с Шолохова революционного энтузиазма среди казачества 1913–1914 г., как это спрашивает Селивановский А. Григорий по своему развитию прав, т.к. привязанность у мужчины к женщине бывает подлинная только один раз, что и подмечает Шолохов. Тоже и Наталья. Аксинья — это баба без привязанности, хотя и ушла от мужа, таких баб много, которые отдаются во время отсутствия мужа, и на этом Шолохов

прав, подмечая такие мелочи. В общем, если писать, то много буду писать и все буду считать Шолохова правым, т.к. написано просто, картинно, поэтично и жизненно.

А посему прошу выслать наложенным платежом следующие книги

«Тихий Дон», книгу вторую (Шолохова)

«По следам войны» (Войтоловского)[2]

«Одеты камнем» (Форш)[3]

«Последний из Удэге» (Фадеев А.)[4]

Почтовое отд. Пушкино Ленинградской области, Харину Мих. Сергеев.

Профессия — счетовод I разряда Севзаимлеспрома Винницкого леспромхоза, рожд. 1903 года.

П. от. Пушкино, М. Харин, с. Винницы Ленинград.обл.

12/X 31 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 616. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 179–179 об.*)

[1] См. примеч. 7 к п. 10. Автор письма, скорее всего, имеет в виду следующий фрагмент из предисловия А.П. Селивановского к изданию «Тихого Дона» 1931 г.: «В “Донских рассказах” мы встречаемся с неумением автора понять действительность как она есть. Именно от такого неумения рождается и специфическая тенденциозность рассказов <...> В “Тихом Доне” тенденциозность сменяется объективизмом <...> Но можно ли сказать, что Шолохов нашел путь к диалектико-материалистическому творческому методу <...> Нет, нельзя <...> Чего же не хватает методу Шолохова? Прежде всего действенной направленности. Показать действительность так, как она есть, это значит показать ее в движении, в “саморазвитии”, в единстве и борьбе противоположностей, в единстве и борьбе тенденций, представляющих в ней вчерашний и завтрашний день <...> Не то плохо, что характеры белогвардейских персонажей “Тихого Дона” обладают сплошь да рядом субъективно-положительными чертами. Но плохо то, что Шолохов не показал, как каждая из этих черт оборачивается своей изнанкой, оказывается враждебной пролетарской революции, миллионам рабочих и крестьян. Не то плохо, что Мелехов мечется между различными полюсами классовой борьбы, — в этом именно и состоит идея романа, — но плохо то, что до последних опубликованных страниц романа Шолохов не вскрывает всей конкретности этого образа колеблющегося середняка с точки зрения мировоззрения пролетариата» (Указ. изд. С. 14, 15–16).

[2] «По следам войны. Походные записки 1914–1917» (1925) — роман Л.Н. Войтоловского (1975–1941), врача, писателя, журналиста, публициста и литературного критика. На протяжении 1920-х гг. с предисловием Демьяна Бедного книга неоднократно выходила в Государственном издательстве. В 1931 г. вышла там же в серии «Дешевая библиотека». На протяжении 1920-х гг. с предисловием Демьяна Бедного книга неоднократно выходила в Государственном издательстве. В 1931 г. вышла там же в серии «Дешевая библиотека».

[3] «Одеты камнем» (1924–1925) — роман О.Д. Форш (1873–1961), известной прежде всего как автор исторических романов. В 1931 г. книга вышла в Государственном издательстве художественной литературы в серии «Дешевая библиотека».

[4] «Последний из Удэге» (1929–1941; незакончен) — роман о Гражданской войне писателя и общественного деятеля А.А. Фадеева (1901–1956). В 1931 г. книга вышла в Государственном издательстве в серии «Библиотека советских писателей», в серии «Дешевая библиотека ОГИЗа» — в 1933 г.

12. С.А. СОТНИКОВ

23 октября 1931 г., село Николаевка Сорочинского района Оренбургской области

Мой отзыв о книге «Тихий Дон».
Книга 1-я.

Книжка правдиво написана.

1. С одной стороны, очень хорошо, подражаемость наречия поразительная.

2. Где и чувствуется фантазия, но воображается, как-будто так и было.

3. Герой романа нарисован художественно выпукло.

4. Семейные сцены, особенно на них задерживаешься и вдумываешься, остается надолго впечатление о случившемся.

5. Не упущены автором в тени все мелочи, листочки, пятнышки и вши.

6. Особенно ярко выражена вероломная измена Аксиньи, непостоянство женщины...

7. Очень интересная сцена Степана, пришедшего со службы, узнал, что ему жена изменила...

8. Описан факт свата со сватом, бьются в полемике, доказывая один другому свою невиновность, тоже ничего хорошо.

9. Хорош сюжет рыбалки Митьки с Лизой, выдержаны все тени и полутона.

10. Герой Кузьма Крючков не особенно, но все-таки подходяще. Сойдет по нашей современности.

Характерной чертой остается в памяти, как Григорий ответил Царской Особе, когда он лежал в больнице...

11. Не плохо и то подмечено, когда Кошевой провожал пленного венгерца и зарубил его... Григорий схватил винтовку и выстрелил в Кошевого. Здесь уже виден Григория инстинкт великой справедливости.

12. Когда он полежал в больнице и услышал от хохла, за что они воевали, за царя, веру и отечество, Григорий окончательно преображается.

Зайдем с другой стороны.

1. Яркая и похабная фраза «сучка не схочет, кобель не вскочит»... Можно ли читать вслух в порядочном культурном кругу. Особенно при женском персонале.

Или же в семейном кругу. Нет! Какую же мы готовим литературу для молодого поколения?

2. Или же возьмем сцену, как насилуют девушку Франю в юбке разорванной и сбитой выше груди. С нее только что встал, придерживая шаровары, казак и не глядя на товарищей, криво улыбаясь, отошел к стене, уступая место очередному.

3. Может быть, это и правда, но зачем сгущать краски до такой сальности. Даже читать делается противно, молодежь ржут как жеребцы, барышни бегут прочь, как от пугала...

4. Еще фраза — гребут твою мать...

С такими выражениями роман, я думаю, можно читать только беспризорным или босякам в пьесе Максима Горького («На дне»).

Мы такими романами не культуру будем проводить, но похабщину разводить.

Нижне-Волжский край, Сорочинского района, Николаевского с/сов.<*2 нрзб.*>. Крестьянин, 57 л. Сотников С.А.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 616. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 172–173 об.*)

13. П.Г. АРЬКОВ

25 апреля 1932 г., поселок Гигант Сальского района Ростовской области

Отзыв на книгу М. Шолохова «Донские рассказы».

Кратко о себе. Я родился <в> 1910 г. на Дону в семье казака. Ст. Романовская х. Потапов. Без отца с 1914 г. (убили в империалистическую войну). Осталось нас у матери трое, я старший. С 1922 г. я работаю по зажиточным людям. С 1928 г. по 1931 г. — в колхозе. С весны 31 г. на заводе чернорабочим в г. Ростове н/Д, с сентября на курсах счетных работников з/совх.

Эту книгу с большим желанием, с большим вниманием я прочел. Она явилась для меня воспоминанием жутких моих юношеских нечеловеческих переживаний, сейчас мне дали возможность (советс<кое> госуд<арст>в<о>) подняться хотя на небольшой культурный уровень. Сейчас я делаю выводы, к чему приводит капиталистический строй и к чему социалистический. Я непримиримо буду драться за новое соц<иалистическое> строительство, за ликвидацию остатков капиталистического класса и вообще классов.

Я доволен остался авторовой книгой, в ней на понятном языке написано. Доступно, понятно даже малограмотному человеку. Я прошу вас сообщить мне произведение т. Шолохова другие.

И еще хотел спросить или указать, что эта книга ничуть не распространена, а если и распространена, то очень в малом количестве по нашей донской местности.

Мой адрес: С.-К. кр. Сальский р-он, ст. Трубецкая, з/совх. «Гигант». Машинный парк. Арьков Павел Гр. 25/IV 32.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 616. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 158*)

14. ШИРОЧЕНКО

6 декабря 1932 г., деревня Казюли Демидовского района Смоленской области

Прочтя роман Михаила Шолохова «Тихий Дон», первую книгу, я читатель по просьбе издательства шлю отзыв о прочитанном[1]. Прежде всего, нахожу весьма тонкий взгляд автора на жизнь и еще более его понимание ее, в особенности правильно охарактеризована война капиталистическая, где молодое тело превращали в «говядинку». Но сама по себе книга очень нравится читателям своей правдивостью, и очень жалеем, что никак не можем найти второй книги.

Широченко.
6/XII-1932.
Западная область
Демидовский район
П/о Заборое, д. Казюли.
28 лет, колхозник, бедняк.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 8–8 об.*)

[1] См. примеч. 7 к п. 10. В 1932 г. роман «Тихий Дон» не издавался.

15. И.И. ВЕТОХИН

20 февраля 1933 г., село Новоселебное Киреевского района Тульской области

Типография Гиза, я обращаюсь к вам о том, что я, ученик школы Ф.З.С. 6 группы «Д» сентябрьской, год рождения моего таков: 1915 года 18 августа, Ветохин Иван Иванович. Я вам сообщаю, что я взял в библиотеке книжку для чтения «Тихий Дон», книга первая, издание третье. Автор такой, Михаил Шолохов. Что

эту книгу можно читать или нет, пожалуйста, сообщите мне, я без разрешения вас не читаю покамест.

Жду ответ от вас по адресу моему:

Новоселебенское п/о, Болоховский р-он, станция Оболенка, рудник имени «Шварца», школа Ф.З.С., 6 группа «Д» сентябрьская. Получить Ветохину Ивану Ивановичу.

Ветохин.

20/II-33 год.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 9*)

16. БАБИЧЕВ

28 апреля 1933 г., село Вересаево Сакского района республики Крым

Факт, описываемый в настоящем произведении, происходит на Северном Кавказе в селе «Гремячий Лог» в период коллективизации 1930 г.

Автор в своем романе отразил не только одно село «Гремячий Лог», как там проводилась 100% коллективизация. Всякий читатель, работавший в 1929–30 гг. в деревне, прочитав книгу «Поднятая целина», скажет, что кусочек произведения касается и моего колхоза, где я работал, вот насколько тонко, правильно, без прикрас Шолохов изобразил, с позволения сказать, эпоху коллективизации и создания «Гигантов»[1]. Отмечая в своем произведении о ТОЗе[2], в котором руководители не руководили, а разбазаривали имеющееся в наличии имущество, он этим доказывает о необходимости укрепления большевистскими кадрами наших коллективных с.х. ячеек производства, которые при правильной организации производства перерастают в с.х. артели и т.д. (об этом говорилось на пленуме ЦК и ЦКК и съезде колхозников-ударников[3]).

Типы крестьян-казаков выведены правдоподобно, они, несмотря на свои вечные недостатки все же никак сразу не могут расстаться со своей коровой и волом. Члены партии Разметнов А., председатель с/совета, Нагульнов Макар — секретарь парт. ячейки, это два партизана, прошедшие на фронтах гражданской войны, привыкшие на фронтах брать все штурмом, потом перешедшие на фронт экономического строительства, не вооружившись теорией Маркса-Ленина, как революционной теорией, не имея оперативного руководства со стороны районных организаций, не могли ориентироваться в работе среди новой обстановки, а отсюда и левацкие перегибы по вопросу 100% коллективизации[4] и сбору семфонда, и правый оппортунизм[5] (Разметнов) по вопросу выявления классово-чуждых элементов.

Благодаря своей политической слепоте, лья воду на мельницу классового врага, они это считали быстрейшим приближением к мировой пролетарской революции. Так ли это было в действительности, прав ли автор, показавший <этот> факт в своей книге? Да, прав, потому что таких примеров можно привести очень много с разных мест, где также работали члены партии и делали подобные дела, искривляя генеральную линию партии только потому, что т.т. не понимали переходного периода, ожесточенной классовой борьбы, меняющей свои формы, и не понимали диалектики движения и изменения. Это говорит о необходимости нашим коммунистам повышать свой политический уровень[6].

Давыдов — член партии, партизан 25-тысячник, рабочий, который работал на производстве до и после окончания империалистической и гражданской войны, является стойким большевиком в перестройке с.х., как разбирающийся в политике партии и Сов. власти. О правильности «Поднятой целины» Шолохова периода коллективизации и классовой борьбы 1930 г., его художественности не может быть и речи. Автор М. Шолохов перед поставленной задачей о создании своей собственной литературы по художественности не хуже буржуазной, но чтобы она была пропитана марксизмом-ленинизмом, в основном справился. Читатель, читая книгу «Поднятая целина», и сам становится участником этой борьбы, этой работы и тех недочетов, которые часто проходят незамеченными в практической работе. Советую товарищам-курсантам прочитать эту книгу, так как уезжая на летнюю практику в сельс<кое> хозяйство, несомненно придется встретиться с подобными фактами.

Наряду с положительными сторонами произведения необходимо отметить недостатки книги, которые автор пропустил:

1) о женщинах в книге отмечено односторонне, как пол, который больше поддается влиянию кулачества и антисоветских элементов, как не желающих новой жизни, жизни коллективной (социальной).

А разве женщина не была организована на проведение мероприятий по коллективизации, сбору семфондов и т.д., там, где была проведена соответствующая работа[7].

2) Дети-школьники даже не затронуты в книге, а разве они не проводили массовой работы в своей семье по сбору семфондов, работы в полеводческих бригадах и т.д.[8]

3) Местное кулачество отображено инертно как будто бы все тихо, гладко проходит, за исключением Островнова, который вот-вот должен отказаться от своих неосуществимых замыслов и пол-

ностью перейти на строительство социализма. А кулаки разве так действовали в период коллективизации, мало ли навредили, мало ли расстреляли лучших работников-партийцев, комсомольцев и бедняцкого актива. Островнов же кажется наивным трусишкой, который идет за благословлением старухи-матери, вышедшей уже из реального здравого рассудка.

4) Автор, по-моему, не отметил гастролерства районных работников, у которых в период коллективизации была система приехать в с/совет получить сведения и сказать: «Жми до 100%», «Почему кур не обобществил, жилые постройки и т.д.», а этих фактов очень много было и даже как система, не давая четкого, оперативного руководства местным организациям[9].

28/IV-33 г.

Курсант СПШ Бабичев, член ВКП(б), работает в политотделе[10] Евпаторского зерносовхоза[11].

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 711. Л. 139*)

[1] Речь идет о крупных высокомеханизированных (для своего времени) зерновых хозяйствах (колхозах и совхозах), создаваемых с конца 1928 г. по решению пленума ЦК ВКП(б) «Об организации новых (зерновых) совхозов» (от 11 июля 1928 г.); в постановлении ЦИК и СНК «Об организации крупных зерновых хозяйств» (от 1 августа 1928 г.) была сформулирована задача «Гигантов»: «Признать необходимым организовать новые крупные зерновые советские хозяйства (зерновые фабрики) на свободных земельных фондах с таким учетом, чтобы к урожаю 1933 обеспечить получение товарного зерна от этих хозяйств в количестве не менее 100 000 000 пудов (1 650 000 тонн)».Первый крупный зерносовхоз «Гигант» был создан в Сальских степях СКК (совр. Ростовская область), это было образцовое предприятие, которое демонстрировало преимущество крупного социалистического хозяйства перед мелким; о нем писали центральные газеты; сюда приезжали делегации; в 1929 г. был снят документальный фильм «Гигант» (реж. Степанова).

[2] До коллективизации 1929 г. среди организационных форм коллективных хозяйств в деревне, наряду с артелями и коммунами, преобладали ТОЗЫ (Товарищества по совместной обработке земли).

[3] Речь идет о материалах Объединенного пленума ЦК и ЦКК (7–12 января 1933 г.) и Всесоюзного съезда колхозников-ударников (15–19 февраля 1933 г.), которые печатались в центральных газетах «Правда» и «Известия». В письме читателя развиваются основные темы из выступления И. Сталина на пленуме — доклада «Итоги первой пятилетки» (7 января; опубл.: Правда. 1933. 10 января), речи «О работе в деревне» (11 января; опубл.: Правда. 17 января), а также его речи на первом съезде колхозников-ударников (19 февраля; опубл.: Правда. 23 февраля).

[4] «Левацкие перегибы» (в романе «Поднятая целина» они связаны с образом Макара Нагульнова) были осуждены в выступлениях И. Сталина весны 1930 г.: в статье «Головокружение от успехов. К вопросу колхозного движения» (Правда. 2 марта) и в «Ответе товарищам колхозникам» (Правда. 3 апреля). Подчеркнув, что главной опасностью в деле колхозного строительства остается «правая», Сталин указал, что «искривления “левых” загибщиков являются теперь главным тормозом колхозного движения»: «...ошибки “левых” загибщиков в области кол-

хозного движения являются такими ошибками, которые создают благоприятную обстановку для усиления и укрепления правого уклона в партии» (цит. по: *Сталин И.* Сочинения. Т. 12. М., 1952. С. 217).

[5] Правый оппортунизм — из политического языка революционной эпохи; беспощадная борьба с оппортунизмом (от лат. opportunus — удобный, выгодный) как формой и политикой, направленной на классовое соглашение, сотрудничество пролетариата с буржуазией и отказ от социалистической революции, является частью партийной идеологии и внутрипартийной борьбы с первых лет советской власти. В реконструктивный период (с 1928 г.) обвинения в правом оппортунизме связаны с оформлением правой оппозиции в ВКП(б), возникшей после разгрома троцкистской (левой) оппозиции (ноябрь 1927 г.) в условиях кризиса хлебозаготовительной кампании 1928 г., когда были применены насильственные меры изъятия зерна у крестьян. Вопрос о «правой, оппортунистической опасности» был поставлен осенью 1928 г. в выступлениях Сталина на пленуме МК и МКК ВКП(б) (октябрь) и на пленуме ЦК ВКП(б) (ноябрь) (см.: *Сталин И.* Сочинения. Т. 11. М., 1952. С. 222, 257–276). Представители «правой оппозиции» (Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский и др.) предлагали отказаться от чрезвычайных мер, вернуться к мирным принципам НЭПа. В своей речи на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) «О правом уклоне в ВКП(б)» в апреле 1929 г. И.В. Сталин назвал «линию группы Бухарина» — «отличной от линии партии», «противопоставляющей себя генеральной линии» — «линией правого уклона», борьба с которым «есть одна из решающих задач нашей партии» (*Сталин И.В.* Сочинения. Т. 12. М., 1952. С. 96, 105).

[6] Одну из причин недостатков нашей работы партии в деревне Сталин (речь «О работе в деревне») видел «в неименье целого ряда наших товарищей на местах перестроить фронт борьбы с кулачеством, в непонимании того, что лицо классового врага изменилось за последнее время, изменилась тактика классового врага в деревне и что сообразно с этим надо изменить свою тактику, чтобы добиться успеха. <...> Чтобы разглядеть такого ловкого врага и не поддаться демагогии, нужно обладать революционной бдительностью, нужно обладать способностью сорвать маску с врага и показать колхозникам его действительное, контрреволюционное лицо. Но много ли имеется у нас в деревне коммунистов, обладающих этими качествами? Коммунисты нередко не только не разоблачают таких классовых врагов, а наоборот, сами поддаются их жульнической демагогии и плетутся за ними в хвосте» (*Сталин И.* Сочинения. Т. 13. М., 1952. С. 229, 230).

[7] В выступлении Сталина на Первом съезде колхозников-ударников большое место было уделено вопросу о «женщинах, о колхозницах», подчеркивалось, что «колхозное движение выдвинуло на руководящие должности ряд замечательных и способных женщин»: «Посмотрите на съезд, на его состав, — и вы увидите, что женщины давно уже продвинулись из отсталых в передовые. Женщины в колхозах — большая сила» и т.п. (*Сталин И.* Сочинения. Т. 13. С. 251).

[8] Читатель был вправе отметить этот недостаток романа Шолохова. «Миллионы пионеров и школьников, — сообщала «Пионерская правда» в 1931 г., — вели борьбу за пятилетку», «миллионы детских рук помогут выполнить пятилетку в четыре года» (1931. 1 янв. С. 1). Тема пионеров, верных партии, не сходила со страниц газеты, нашла отражение в очерках о пионерах-героях эпохи коллективизации (история Павлика Морозова и др.), а также в лозунгах газеты, см.: «Второй пятилетке социализма — пламенный пионерский салют!», «Вперед, отряды сжатые, по ленинской тропе. / У нас один вожатый — товарищ РКП» (Пионерская правда. 1933. 1 янв. С. 1).

[9] Одной из причин недостатков работы партии в деревне Сталин в речи «О работе в деревне» назвал оторванность членов районных и краевых партий-

ных организаций от жизни колхозов и из запросов: «Переход от индивидуального хозяйства к колхозам должен был привести к усилению руководства коммунистов в деревне. А на деле в ряде случаев этот переход привел к тому, что коммунисты почили на лаврах, козыряя высоким процентом коллективизации и предоставили дело самотеку...» (*Сталин И.* Сочинения. Т. 13. С. 224–225). См. также в статье «Головокружение от успехов» критику кампании обобществления всего мелкого скота, жилых построек и домашней птицы — «головотяпскую работу», «ретивых “обобществителей”» (*Сталин И.* Сочинения. Т. 12. С. 197–198).

[10] Политотделы при МТС и в совхозах были созданы решением январского объединенного пленума ЦК И ЦКК по инициативе И. Сталина, который завершил анализ недостатков работы партии в деревне постановкой вопроса о политотделах: «Я думаю, что политотделы МТС и совхозов являются одним из тех решающих средств, при помощи которых можно будет устранить эти недостатки в самый короткий срок» (*Сталин И.* О работе в деревне // *Сталин И.* Сочинения. Т. 13. С. 233). Вопрос «О политотделах МТС и совхозов» докладывал на пленуме т. Каганович, по его докладу была принята специальная резолюция, в которой отмечалось, что «необходимость создания политотделов» связана со «слабостью политической работы в деревне»; на политотделы возлагались политические и государственные задачи; они должны были: «обеспечить партийный глаз и контроль во всех областях работы и жизни как самих МТС и совхозов, так и обслуживаемых МТС колхозов»; «первоочередными задачами МТС является обеспечение безусловного и своевременного выполнения колхозами и колхозниками своих обязательств перед государством и в особенности решительная борьба с расхищением колхозного добра, борьба с явлениями саботажа мероприятий партии и правительства в области хлебозаготовок и мясозаготовок в деревне» и т.п. Политотделы организовывались при каждой МТС и в каждом совхозе в составе начальника, двух его заместителей по общепартийной работе и одного помощника по комсомольской работе (см.: Цели и задачи политотделов МТС и совхозов (Резолюция Объединенного пленума ЦК и ЦКК по докладу тов. Кагановича // Правда. 1933. 13 янв. С. 2). Политотделы при МТС были ликвидированы в конце 1934 г.

[11] Правильно: Евпаторский зерносовхоз. Политотдел Евпаторийского зерносовхоза в 1933 г. издавал свои небольшие брошюры о работе политотдела.

17. В. ПЕККЕР

16 мая 1933 г., б.м.

Я хочу сказать несколько слов вообще, о книге. Я сам не специалист литератор, не разбираюсь совершенно в литературных тонкостях, т.е. в этом отношении не могу делать сколько-нибудь объективной оценки.

Но, как комсомолец, как человек, преданный делу пролетариата, я эту книгу вправе и должен оценить.

Я горжусь тем, что пролетарские писатели могут дать образцы творчества, подобные этой книге.

Эта книга будит энтузиазм и, я бы сказал, разъясняет многое в тех случаях, которые происходят в деревне. Она прекрасно иллюстрирует слова нашего вождя о классовой борьбе, о тех новых фор-

мах классовой борьбы, которые применяет враг[1]. Демонстрирует воочию политику рабочего класса в деревне. Короче говоря, книга посвящена актуальным вопросам нашей политики в деревне.

Написать книгу, посвященную именно этим вопросам, написать так, чтобы это была не агитка, а доподлинное художественное произведение, чтобы все действующие лица были живыми людьми, а не ходульными героями, очень трудно. Справился ли с этой задачей автор? Мне кажется, что справился. Я лично три раза прочел «Поднятую целину», несмотря на острый недостаток времени, и все три раза сделал это с удовольствием. Все картины разворачиваются необыкновенно живо, необыкновенно красочно. Людей видишь как бы наяву. Все эти люди действительно живые, люди с недостатками, со слабостями, делающие обычные ошибки. Шолохов не рисует коммунистов аскетами, людьми без погрешностей, но тем не менее чувствуется, что Разметнов, несмотря на слабость в момент коллективизации, настоящий большевик, что Давыдов достойный представитель рабочего класса и т.д.

Я уже оговорился, что о литературной стороне говорить не буду, т.к. мало в ней разбираюсь, поэтому мой отзыв носит несколько односторонний характер.

Хочу отметить несколько слабых мест произведения:

1. Автор чересчур однобоко подошел к райкомовскому руководству.

Впечатление такое, будто там ни одного человека путного нет. Секретарь — правый[2], один из членов — бывший дезертир (разбор дела Нагульного) и т.д. Я допускаю, что такое руководство на самом деле возможно, что, может быть, все это списано с натуры. Но ведь все же произведение носит характер общий — о сдвигах, происходящих в деревне вообще. Такой подход следовало сохранить на все моменты произведения, а в этом пункте — досадный пробел. Вышло вроде отражения мнения некоторых работников на местах: «Что-де, мол, руководство. Они там сидят, дела не знают, все путают и т.д.»

Работа коммунистов Гремячего Лога освещена всесторонне, а райкомовцы только одни ошибки и делают.

1. Как ни странно, может быть это субъективное впечатление, но лицо Давыдова вышло как-то бледнее Нагульного и Разметного. Кажется мне, что чуть-чуть идеализирован он. Не чувствуется в нем как-то человеческих слабостей. Может быть, это происходит потому, что автор недостаточно останавливается на личности Давыдова. Во всяком случае натяжка кое-какая чувствуется.

2. В целом книга прекрасная. Ее следует усиленно пропагандировать и продвигать в массы.

16/V-33 г.

В. Пеккер.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 709. Л. 1–3*)

[1] См. об этом примеч. 6 к п. 16. Имеются в виду слова Сталина, сказанные на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в речи «О работе в деревне»: «Враг понял изменившуюся обстановку, понял силу и могущество нового строя в деревне и, поняв это, перестроился, изменил свою тактику, — перешел от прямой атаки против колхозов к работе тихой сапой. <...> Ищут кулака, каким мы его знаем из плакатов. Но таких кулаков давно уже нет на поверхности. Нынешние кулаки и подкулачники, нынешние антисоветские элементы в деревне — это большей частью люди “тихие”, “сладенькие”, почти “святые”. Их не нужно искать далеко от колхозов, они сидят в самом колхозе и занимают там должность кладовщиков, завхозов, счетоводов, секретарей и т.д. <...> они ведут в колхозах такую саботажническую и вредительскую работу, что колхозам от них не поздоровится» (*Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. С. 229).

[2] См. об этом примеч. 5 к п. 16.

18. И. ЗАЙЦЕВ

4 июля 1933 г., б.м.

Роман Михаила Шолохова «Поднятая целина» есть крупное произведение пролетарской литературы, очень правдиво передающее переделку деревни, на социалистических началах.

Особо важно, что Шолохов не описал коммунистов и активистов-колхозников только с положительной их стороны, а описал как они есть с полож. и отрицательными сторонами.

Так же правдиво переданы типы кулака (Якова Лукича и др.), их поступки и контрреволюционная деятельность.

Правдиво изображен дед Щукарь с его историей жизни. Таких Щукарей, нырявших в тяжелой жизни русской деревни, влачивших ярмо кулацкой кабалы до коллективизации, была большая часть маломощных крестьян.

Рабочий, двадцатипятитысячник Давыдов изображен именно как рабочий, помогающий крестьянину выбиться из кулацкой кабалы.

Когда читаешь «Поднятую целину», картины, разворачивающиеся в Гремячьем Логу, есть картины, которые видел каждый, кто работал в деревне.

И известная уловка кулачества, выставлять женщин на собрании впереди мужчин, и слухи, и слушки, тысячами распространяющиеся кулачеством, все это так ярко вспоминается при чтении «Поднятой целины». (Особенно, кто работал в деревне.)

Больше того, что тогда было непонятно, как отдельные действия людей, настроений бедноты и середняков, при помощи «Поднятой целины» учишься понимать точнее, какие способы борьбы развертывал враг против колхозного строительства.

«Поднятая целина» — это учебник, спутник агитатора, спутник каждого работника деревни.

Книга очень полезна не только для деревенских работников, но для всех трудящихся, как в художественном, так и в поучительном отношении.

Книга помогает осмыслить тот великий переворот, который произошел в деревне.

Под руководством великой партии большевиков и вождя трудящихся мира т. Сталина колхозы добьются новых побед в укреплении колхозного строя и окончательно уничтожат отпрыски кулачества.

Будем с нетерпением ждать от Шолохова второй книги, которая покажет эти достижения колхозов[1].

И. Зайцев.

Н. Дорога, 18 барак, 11.

1933 г. 4/VII.

Год рожд. 1913.

Служащий. Комсомолец.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 709. Л. 7–8*)

[1] Во время беседы с корреспондентом «Литературной газеты» М.А. Шолохов дал ответ на часто задаваемый ему вопрос о 2-й книге «Поднятой целины»: «Окончанию второй части “Поднятой целины” помешала работа над последней книгой “Тихого Дона”. <...> Как только закончу “Тихий Дон”, вернусь к “Поднятой целине”» (В работе «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Беседа с тов. М. Шолоховым // *ЛГ*. 1934. 6 февр. С. 4).

19. СЕГОДНЯЕВА

29 июля 1933 г., Нижний Новгород

Прочитав книгу «Поднятая Целина» Шолохова, у меня осталось еще большее впечатление, нежели от книги «Тихий Дон». Тема, мне кажется, сложнее, и чувствуется, что сам автор больше вырос с того времени. Нет выдуманных, примитивно описанных действий на протяжении всей книги. Однако, мне кажется, автор несколько неверно дает освещение по поводу действий кулака Островнова, который, надо догадываться, наполовину «наш» колхозник. Давно известно, что враг не сдается[1], а у Шолохова он работает не «тихой сапой», а местами описан с положитель-

ной стороны. Кроме того, в книге не выведена положительная женщина. Ведь у нас есть женщины, прекрасно показавшие себя в колхозном строительстве. Возьмите ту же Матрену Дорошенко (в «Правде» 8-го марта была ее статья[2]). А между тем в книге нет ничего о положительной женщине. Пусть у нас таких женщин мало, но ведь литература, кино, театр и др. просвещают массы, и вы должны показать не только то, что есть, но и то, что должно быть. А мы, читая, должны (незаметно для самих) учиться, заражаться энтузиазмом у таких женщин в борьбе за хорошую жизнь. Тов. Шолохов мог бы мастерски описать женщину, противоположную Лушке. Надо пожелать автору, чтобы он во второй книге дал женщину (правда, не идеализируя ее) и с таким же умением писал бы книгу.

Надо сказать, почему-то многим авторам не удается положительная женщина. Или она описана в общей массе, или похожая на ходячий манекен (Даша), или инстинкт женщины берет верх (Наталья Тарпова), либо кончает самоубийством (Таня из «Отступника» Лидина), не говоря о женщине Малашкина[3].

29/ VII-33 г. г. Горький, Автозавод. Поликлиника, врач Сегодняева.

В конце книги «К читателям»[4] вы просите сообщить и возраст. Мне 27 лет, в 31 году окончила Сарат<овский> Медфак. До университета работала прачкой и училась по вечерам (3 года рабочая школа по типу Рабфака). Испытав многое сама, я тем более верю в возможность описания достойной женщины строителя, администратора. Издательству необходимо увеличить количество книг по периферии, особенно последних, так как в библиотеках за ними создается невероятная очередь.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 711. Л. 2*)

[1] Используется первая часть названия статьи М. Горького «Если враг не сдается — его уничтожают» (Правда. 1930. 15 ноября); название вошло в политический язык 1930-х гг.

[2] Этот номер газеты был посвящен 8 марта — Международному коммунистическому женскому дню: «Сегодня миллионы работниц и крестьянок Советского союза под руководством ленинской партии и ее вождя тов. Сталина дадут новые тысячи передовых ударниц социалистического труда» (с. 1). Под общей шапкой «Люди революции» печатались рассказы передовых работниц и крестьянок страны. Матрена Дорошенко из станицы Ирклиевской Тихорецкого района Северо-Кавказского края была организатором в станице колхоза «Красный Донбасс», стала председателем колхоза, была делегатом «красного съезда» (съезд колхозников-ударников 1930 г.); она рассказала о казачьей станице и об истории своей жизни: батрачка, издевательство кулаков, организация колхоза в 1928 г., борьба за выполнение планов хлебозаготовок, столкновения с кулаками и т.п. (*Дорошенко М.* До конца, до полной победы // Правда. 1933. 8 марта. С. 3).

[3] Называются героини произведений, в которых был представлен образ новой женщины, свободной от старых предрассудков во взглядах на семью и любовь: Даша Чумалова, развернувшая гражданскую войну в семье, — героиня романа Ф. Гладкова «Цемент» (1925), «живой человек» инженер Наталья Тарпова — героиня романа С. Семенова «Наталья Тарпова» (1927), Таня, героиня романа В. Лидина «Отступник» (1927). Героиня повести С. Малашкина «Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь» (1926) комсомолка Таня Аристархова, как и в целом повесть о «свободной» любви комсомольцев, вызвала большую дискуссию на страницах центральных газет и журналов 1926–1927 гг.

[4] См. примеч. 7 к п. 10.

20. СИМАКОВ

6 августа 1933 г., б.м.

В произведении «Поднятая целина» Шолохов рисует обстановку начала 1930 г., т.е. особое звено в политике партии — перехода от политики ограничения кулачества к его ликвидации как класса на основе сплошной коллективизации[1].

Приездом Давыдова в деревню Гремячий Лог Шолохов отображает отклик пролетариата на выступление т. Сталина на конференции аграрников-марксистов выделением лучших своих представителей (двадцатипятитысячников) для работы в качестве организаторов и руководителей колхозов[2]. Приездом Половцева к кулаку Островнову Шолохов также отображает, что кулачество в ответ на изложенную т. Сталиным политику партии пыталось развить бешеное сопротивление этой политике.

Дальше Шолохов рисует картину работы т. Давыдова по разъяснению крестьянской массе политики партии и ответ бедняцко-середняцкой массы усилением прилива в колхоз и борьбы с кулачеством. Дальше Шолохов описывает классовую борьбу, правый уклон и «левый» загиб[3], вредительство хорошо замаскированного кулака Островнова и борьбу за весеннюю посевную кампанию.

Хорошо и удачно нарисованы картины: раскулачивание, вступление в колхоз, собственническая идеология колхозника, вредительство кулака Островнова, заговор кулачества, резка скота, статья т. Сталина «Головокружение от успехов»[4] и отклики на это крестьянской массы, весенний сев и победа, т.е. выполнение плана посевной.

Слабо отражен «левацкий» загиб, который т. Шолохов проводил в лице секретаря партячейки т. Нагульнова, человека преданного всей душой партии, и в то же время сам Шолохов питает к Нагульнову симпатию.

Совсем не отображен правый уклон, хотя Шолохов и пытался его отобразить в лице т. Разметнова.

Все свое художество Шолохов портит откровенным отображением крестьянских поговорок. Я думаю, что можно было бы обойтись и без них, т.е. быть поскромнее.

Симаков.

6/ VIII–33 г.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 710. Л. 7*)

[1] Интерпретация читателем «Поднятой целины» основана, главным образом, на документах осени-зимы 1929 г. — статье Сталина «Год великого перелома. К XII годовщине Октября» (Правда. 7 ноября), резолюции ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства» (Правда. 21 ноября), выступлении И. Сталина («К вопросам аграрной политики») на конференции аграрников-марксистов (27 декабря; Правда. 1929. 29 декабря). Формулировки читателя восходят к следующему высказыванию Сталина: «До последнего времени партия стояла на позиции **ограничения** эксплуататорских тенденций кулачества. <...> мы перешли в последнее время от политики **ограничения** эксплуататорских тенденций кулачества к политике **ликвидации кулачества, как класса**» (*Сталин И.* Сочинения. Т. 12. С. 166, 169).

5 января 1930 г. специальным постановлением ЦК ВКП(б) выделены особые — зерновые — регионы, где коллективизация (создание колхозов) должна была быть проведена в кратчайшие сроки: от года (Северный Кавказ, Поволжье) до двух лет (другие зерновые регионы) и завершена к весне 1932 г. Принимаются специальные постановления, обеспечивающие данные темпы коллективизации; см. постановление политбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» (от 30 января 1930 г.), которым определялись жесткие меры проведения раскулачивания: конфискация имущества, «репрессивные меры» вплоть до заключения в «концлагеря кулаков», высылка в округа Северного края, Сибири, Урала, Казахстана и др.

[2] Решение о посылке на работу в деревню, в колхозы и МТС, более 25 тысяч рабочих с достаточным организационно-политическим опытом было принято на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1929 г.

[3] «Правый уклон и левый загиб» — понятия из политического языка второй половины 1920-х — начала 1930-х гг., см. выше примеч.4, 5 к п. 16. См. статью И. Сталина «Ответ товарищам колхозникам» (3 апреля 1930 г.): «...кавалерийские наскоки, необходимые и полезные для решения задач военного характера, непригодны и пагубны при решении задач колхозного строительства...» (*Сталин И.* Сочинения. Т. 12. М., 1952. С. 203); «Дискредитация руководства есть та самая элементарная почва, на базе которой только и может разыграться борьба правых уклонистов против партии. Эту почву дают правым уклонистам “левые» загибщики”, их ошибки и искривления. Поэтому, чтобы бороться с успехом с правым оппортунизмом, надо преодолеть ошибки “левых” оппортунистов. “Левые” загибщики являются объективно союзниками правых уклонистов» (Там же. С. 217–218). В этом же выступлении, в ответе на вопрос — «Какая у нас главная опасность, правая или “левая”?», Сталин подтвердит общую стратегическую (с 1928 г.) линию борьбы с «правым уклоном» в партии: «Главная опасность у нас сейчас правая. Правая опасность была у нас и остается главной опасностью» (Там же. С. 217).

[4] Статья И. Сталина «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения» (Правда. 1930. 2 марта) посвящена некоторым итогам в проведении коллективизации, несомненным ее успехам («коренной поворот деревни к социализму можно считать уже обеспеченным»), но главным образом — критике ошибок и искажений установок партии в проведении коллективизации, возникших, как подчеркнуто, «лишь в результате того, что у некоторых наших товарищей закружилась голова от успехов, и они лишились на минутку ясности ума и трезвости взгляда» (*Сталин И.* Сочинения. Т. 12. С. 199). Публикация этой статьи является одной из завязок событий, развернувшихся весной 1930 г. в романе «Поднятая целина».

21. П. КУРЛЕНКО

13 августа 1933 г., город Люберцы Московской области

Тов. Шолохов!

Прочитавши вашу книгу «Поднятая Целина», невольно вспомнил тот героический период нашей руководительницей Коммунистической партии большевиков — период перехода от мелкого, гнилого хозяйства к великому коллективному хозяйству, период перехода от сохи к мощному плугу. Этот героический период вы в своем вышесказанном романе дали ясную картину проведение коллективизации хутора «Гремячего Лога». Этот роман мне как рабочему комсомольцу понравился не как «роман», развлекающий вроде «Александра Дюма» и прочих, и оцениваю я его того, что нам молодому рабочему поколению надо побольше таких книг. Вы, тов. Шолохов, дали ясный портрет стойкого бойца за выполнение директив партии, это портрет рабочего Путиловского завода тов. Давыдова. Как только его мощные ноги вступили в хутор, он сразу бодро и стойко борется за 100% коллективизацию хутора, но тех лиц, которые искривляли ленинскую линию партии, он им пощады не давал. Несмотря на то, что ему вставляли палки в колеса со стороны всяких бывших бело-бандитов и кулаков, он эти палки разламливал на мелкие щепки и забрасывал дальше от дороги, чтоб новопостроенный колхоз не заскилил[1] ногу.

Тов. Шолохов! После того, как взялся я читать 1-ю книгу, то, как удав, впиялся в ваши столь для молодежи дорогие слова, и до тех пор, пока не прочитал два слова, которые я не хотел понять «окончание в следующем», я не мог оторваться. Но после окончания 1-ой книги я желаю, чтоб вы вложили свои труды, и поскорей увидать окончание романа. Этот роман даст много пользы молодежи, и в особенности нам комсомольцам надо поучиться над героем романа тов. Давыдова.

С комсомольским отзывом
П. Курленко <раб. Люб<ерецкого> С.Х. завода[2]>
с. Люберцы[3].
13/ VIII 33 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 710. Л. — 3, ред. копия — л. 4*)

[1] Заскилил (*мест.*) — занозил.

[2] Люберецкий завод сельскохозяйственного машиностроения, до революции — завод Международной компании жатвенных машин, один из крупнейших в Европе. Завод входил в число опорных пунктов ГИХЛ (см. об этом статью «Читатели Михаила Шолохова: контексты эпохи», с. 721–723 наст. изд.).

[3] Статус города село Люберцы Московской области получило в 1925 г.

22. И.П. ФИЛИППОВ

23 августа 1933 г., б.м.

Общее впечатление хорошее. Начало хорошо проработано и детализировано. События разворачиваются естественно и вполне правдоподобно. Работу считаю достаточно художественной и исторически ценной. Есть недостатки, но они не так значительны. Выражаются, по-моему, они в следующем. Мала типичность рядовых крестьян, участников событий. Не чувствуется общей жизни хутора, его плохих бытовых сторон. Нет мужицкой философии. Мало суждений о социализме. О коммуне. О колхозе в будущем. Даже организаторы колхоза при агитации не рисуют никак его будущее. Мало опираются на Маркса и Ленина. Мало ошибок и ошибки не ярки. В Давыдове не чувствуется Ленинграда. Зато хороши Половцев, Островнов, Нагульнов. Очень напрашивается, чтоб Яков Лукич встал на распутье и колебался, куда ему — вправо или влево, за или против. Не хватает в типах парочки, которым все безразлично, им хорошо, а вы делайте, что хотите.

Хотя судить строго еще рано. Недостающее еще включить, картинность пополнится, и общий вид примет самые реальные черты.

<Подпись>. Поселок им. Калинина. И.П. Филиппов.

23/VIII — 33 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 710. Л. 10–10 об; ред. копия — л. 9*)

23. Н.И. ТАРАСОВ

28 августа 1933 г., Москва

Книга Шолохова «Поднятая целина» читается легко и с интересом. Основное достоинство книги заключается в том, что автор сумел простыми понятными словами изобразить то, что происходило в деревне в период коллективизации. Он просто без иностранных терминов, не щеголяя словами и модными фразами, но в то же время художественно изобразил и показал ту борьбу, которая происходила с классовым врагом, борьбу коллективистов с индивидуалистами, кулаков с бедняками. Автор прекрасно знает психологию деревенского человека, умеет простым понятным языком показать и представить перед читателем его темперамент. Очень удачно изображен автором Щукарь, этот простой старикашка, который своим поведением и словами заставляет читателя находиться в оптимистическом настроении. Я замечал несколько раз на лице читающего эту книгу невольную улыбку, где речь шла и где фигурировал этот безобидный старикашка Щукарь –и не только улыбку и зачастую звонкий смех. Очень хорошо, что автор разбил эту книгу на отдельные главы и построил их так, что они зависели друг от друга и вытекали одна из другой.

Есть в книге такие места, где чувствуется вульгарность и нетактичность слов. Но они лишний раз придают книге своеобразный характер. Эти слова так имманентны деревенскому человеку, так свойственны некультурному мужику, что читатель невольно соглашается и мирится с автором. Но наряду с положительным качеством книги у автора есть также небольшие упущения. Было бы хорошо, если бы автор помимо того что сумел представить и показать человека как он есть, его темперамент — описал бы его наружность, его внешность, чисто физиологические свойства, того или иного героя романа. Только при этом условии читатель хорошо бы представлял и видел бы перед собой как живого участвующего в рассказе.

Помимо этого, автору не мешало бы дать какое-нибудь название колхозу, хотя бы колхоз «К новой жизни» им. Сталина[1]. Это придало бы книге больше конкретности и действительности. Очень туманно описан Половцев. — Откуда он приехал?..

Потерпевши фиаско перед выступлением, куда-то уехал. Не видно было совершенно его работы. Автор изобразил его очень пассивным и скромным человеком. — Наоборот, нужно было бы его изобразить как врага советской власти и рабочего класса, злым, свирепым, дать ему больш<о>е поле деятельности. Тогда

бы он у читателя еще больше вызвал чувство ненависти и злобы. Вообще кроме этих мелких замечаний книга Шолохова хороша, а самое главное то, что она вышла в свет своевременно.

Читая эту книгу, чувствуешь дух бодрости и уверенности в победе. Книга эта является не только романом или рассказом, но она является также и историческим документом для нашего будущего поколения.

Москва. 28/VIII-33. <Подпись>

Москва, Всехсвятский студгородок[2], дом 3, кв. 119. Тарасову Н.И.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 711. Л. 5*)

[1] Традиция символических названий была характерна для коммун и артелей начала 1920-х гг., частично в 1930-е гг. она сохранялась и в отношении колхозов, которые именовались не только в честь государственных деятелей, героев революции и Гражданской войны (см., например, названия колхозов в приводимых далее письмах читателей: «Оборона труда», «Путь социализма», «Стремление», «Путь к новому», «Смычка», «Заря Свободы», «Ответ интервентам» и др.).

[2] Всехсвятский студенческий городок — комплекс общежитий в стиле конструктивизма, построенный в 1929–1935 гг. для студентов и аспирантов нескольких московских институтов; располагался в бывшем селе Всехсвятском (совр. адрес: Москва, Головановский переулок, 6/21, корпуса 1–4).

24. УРАЗМЕТОВ

17 декабря 1933 г., село Мартыновка Сафакулевского района Курганской области

Прочитал книгу «Поднятая целина». Идеальная книга. С нетерпением жду выпуска второй книги.

С приветом Уразметов.

17/ XII-33 г.

Участковый агроном Мартыновской МТС Ялано-Катайского района Урал<ьской> обл.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 711. Л. 26*)

25. И.В. УРЮПИН

1933 г., село Ачи-Сай Южно-Казахстанской области (*Казахстан*)

Мих. Шолохову!

Я никогда не писал в Москву, не имел связей с ней. Но за это творчество произведения вашей книги «Поднятая целина» я буду рад сообщить Вам свою одобренность по адресу Автора этой книги.

Я, конечно, мало читал романов, потому что я кончил ликбезное образование и достиг самообразованием «хорошо читать». Но мне приходилось читать романы, в которых я утомляюсь от лишне-продолжительного развития сюжета каждой сцены. Непонятные слова, которыми, вероятно, автор стремится доказать свою грамотность, затемняют ясность книги. 1930 год, живя в деревне С.В.К., я встречал то же самое у себя в Большой глушнице (<*нрзб*> книга). Сравнив с вашей книгой, на 80% в ней сходства в борьбе за коллективизацию, за перевоспитание отдельных членов партии, которые имели ошибки. За борьбу ликвидации кулачества и вдохновение идей колхозного строительства. [*Я прямо скажу, что линия партии и советской власти, вместе взятая их политика, была, есть и надеюсь, что будет незаменимы, и я весь пропитан любовью к ВКП(б). За ее правильную политику, и не дождусь время, когда можно будет вступить в ее ряды, в ряды борцов за то, о чем говорит и куда направляет партия*][1].

Я пишу вам выводы вашей книги, но писать нет сил. Если бы я мог говорить устно с вами, то я бы высказал все то, что у меня творится в груди. Я, однако, скажу. Нам нужна своя книга, понятная, простая, веселая и зажигающая сознание масс в идее коммунизма. Ваша книга этому соответствует. Я с жадностью прочел ее в часы отдыха за 3-е суток и, когда я не думал о конце, прочитал «Конец первой книги», то <был> как собака, ищущая своего хозяина по следу, который вдруг теряется, она пробегает. А потом, не найдя дальше следа, она ворачивается и перенюхивает след. Так и я. Мне жалко стало, что нет второй книги, и обидно при мысли, что, может быть, я ее не получу.

Ну, пока.

Мой адрес: Ср.-Аз. ж. дор., Туркестан, рудник Ачи-сай. Урюпину Ивану Васильев. Возраст с 1913, 22 года. Профессия электромонтер.

Пришлите II-ую книгу. Я уплачу.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 708. Л. 133–133 об.*)

[1] Строки, вычеркнутые автором письма.

26. В.П. ВИНИВИТИН

1 января 1934 г., село Черемшанка Солонешенского района Алтайского края

Мих. Шолохову.

Шлем Вам наш пламенно-дружеский привет!

1 января 1934 года.

Дорогой товарищ Мих. Шолохов!

Мы, деревенские малограмотные ребята, прочитали совместно ваше большое произведение «Поднятая целина» и, узнав, в конце книги, ваш адрес (между прочим, мы сомневаемся в адресе, а потому опасаемся, что наше письмо не дойдет лично к Вам), мы решили, если вам не будет противно, сообщить наш отзыв.

Мы вас, Миша, полюбили (особенно я) ровно год назад, читая огромное ваше произведение «Тихий Дон».

Причина, которая заставила Вас полюбить, является художественное творчество, которым заражается окружающая Вас, как деревенская, так и городская жадно читающая молодежь.

Нам нельзя вас, Миша, не полюбить, потому что мы признаем Вас нашим дорогим, чисто деревенским писателем, так как ваше произведение пылает истиной деревенского быта, и потому-то я решился написать.

Я не буду описывать ваше произведение с какой-либо классовой точки зрения, как это делали В.Г. Белинский[1], Г.В. Плеханов[2] и ряд других. Нет, мне так не описать! Потому что я прожил восемнадцать лет, за время которых не провел единого дня в школе, вследствие чего письмо будет безграмотно, с большим количеством грамматических ошибок, за что, я думаю, вы простите от души.

Я лишь постараюсь довести до вас, какое производит впечатление на массу при чтении вашего произведения.

Итак, буду краток.

Прежде чем начать описывать главную суть письма, я должен писнуть несколько страниц о себе.

Родился я в глухой и отсталой деревушке Западно-Сибирского края. Когда я дошел до школьного возраста, то мой дородный дедушка не посчитал нужным отвести меня учиться в школу, говоря, что в советских школах учат богохульству; упоминал, если мне не изменяет моя память, какого-то «антихриста», о котором я и вовсе не имел даже молекулярного представления. Главное упорство было на малое состояние, да к тому же нужно было ехать в районное село, так <как> в нашей деревне

школы не было. К грамоте же я научился у ссыльного эстонца, который знал довольно хорошо по-русски, лишь чувствовал слабо в отношении грамматики. Будучи двенадцатилетним, я мог соревноваться, по быстроте чтения, с учеником четвертой группы.

Пытался заниматься (у этого же эстонца) по всем предметам, как-то: математике, химии, зоологии и другим, но почему-то не полюбил и посчитал излишним изучать их. Особенно не полюбил алгебру, зато особенно полюбил читать литературу. Но надо, я думаю, сказать, что за четыре года весьма упорной над собой работы, я, все же, прошел курс семилетки.

Итак, шестнадцати лет я кончил свое единоличное (если исключить эстонца) учение, которое досталось мне не так-то дешево.

Для того чтобы поехать учиться дальше, мне не представлялось никаких шансов, так как отца нет (его убили в рядах красных партизан), а мой «многоуважаемый дедушка» задыхался в жадной скупости.

Таким образом, закончив свои занятия и не поимев счастья поехать учиться дальше, я, надо сказать, набросился с голодной жадностью на классиков.

В таком, как в нашем, отсталом селении не больно-то разживешься литературой, а потому в силу необходимости приходится доставать в районных библиотеках и у частных личностей.

Иногда — да это бывало часто — приходится рисковать на такое дело, как воровать, потому что денег на покупку книг дедушка наотрез отказался давать. Часто, вследствие неудачной операции — подвергаешься избиению.

Раз это было весной.

Проходя по проулку нашей деревни, заметил в окно покосившейся избушки две огромных книги и, прежде чем спросить, я подумал: зайти или не зайти.

Таким образом, избрав первое решение, я с тихой осторожностью вошел.

В переднем углу, под образами, с чулком в руках сидела дряхлая, годов семидесяти старуха. На мой поклон она низко опустила голову и в свою очередь спросила:

Зачем пожаловал молодой человек?

Я ей объяснил, что нельзя ли у нее купить книги, которые у ней имеются.

В ответ на мои слова старуха развела длинную философию, суть которой сводилась к тому, что книги, которые имеются на лицо, хранятся как долгая память ее дорогого мужа.

После некоторого молчания старуха приподняла до этого опущенную голову и, выпятив свою старческую грудь, проговорила быстрой скороговоркой, словно отдавая рапорт: «Мой многоуважаемый муженек служил старшим военным хирургом при его императорском величестве государе императоре Николае последнем». Кончилось у нас с ней тем, что старуха, будь она мною проклята, отказала мне в покупке книг и даже <в> предложении прочитать книгу (Вторую я не просил. Стоя у порога, а книги в переднем углу, я все же по обстоятельству дальнозоркости своих глаз прочитал; на обложке верхней значилось: «Полное собрание сочинений Державина[3]», на обложке нижней: «Полное собрание сочинений Карамзина[4]». Книгу первую прочитал два месяца назад) с тем условием, чтобы вернуть в полной сохранности обратно.

Когда я попытался спросить еще раз, то старуха обрушилась на меня с жалобами, как будто постигшие ее несчастья свершились по моему желанию. Что жила она раньше в московском обществе, не знавши горя и нужды, да к тому же пользовалась довольно приличным авторитетом и всесторонним уважением, а теперь забытая кругом.

Не дослушав последних слов старухи, я вышел и твердо решил достать книгу Карамзина. Дождавшись темноты и подслушав, что старуха захрапела, я с тихой осторожностью принялся отворять створное окно.

Когда пробрался в комнату и ощупью нашарил нижнюю книгу, — направился в обратный путь. Не успев сделать и двух шагов, как вдруг плаха, на которую я наступил, от тяжести моего тела не выдержала, — застонала. В это время старуха пробудилась и спросонку, не определив в чем дело, — закашлялась. Я же, затаив дыхание, почувствовал, как жадно принялись глодать мои пятки мураши.

Ночь была лунная, а потому меня легко можно было заметить. Между тем старуха перестала кашлять и, прошептав несколько молитвенных слов, — сладко зашипела. Я же поторопился, и скамья, на которую наступил, — навалилась (по всей вероятности отсутствовала четвертая ножка); второпях с окна сшиб огромную садин и, собрав все силы разом прыгнул в окно. Но, недостаточно пригнувшись, со всего маху стукнулся о раму отворного окна, так, что треснули стекла. О, ужас! Среди воцарившейся до этого тишины мгновенно появился страшный гром и ужасающий рев старухи. Между тем я уже был у ворот, когда получил увесистый подзатыльник, вслед за которым потерял сознание.

Живущий рядом сосед, заслышав гром и пронзительный караул старухи, — быстро нагнал, да так меня нахрустал (он был геркулесовского телосложения), что я не в состоянии был найти дом.

С вышестоящим примером я хотел показать, как трудно доставать литературу деревенской молодежи, и доказать, что не только стремится к чтению городская масса, но так же стремится и деревенская.

С таким трудом — повторяю, — как показано выше, я все же, надо сказать, успел прочитать литературу от Петра Великого (исключая полное собрание сочинений Батюшкова[5] и некоторых современных) вплоть до настоящего времени, из которых особенно полюбил М.Ю. Лермонтова, А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого.

Читая ваше произведение, я так же полюбил и вас. И, как будто, — если я не ошибаюсь, замечаю некоторое сходство с толстовской певучестью.

В 1932 году встретил вашу книгу «Тихий Дон», я догадался, что книга должна быть интересна, так как я уже знал, что на Дону живет народ особенный (кажется, читал исторический роман Чапыгина «Степан Разин»[6]).

Читал я ваше произведение не один, а собирал в большие группы деревенскую молодежь. Обыкновенно, во время лета, собирались на горе, в березняке. При чтении воцарится такая глубокая тишина и блеск вылупившихся, кругом меня, глаз, что нередко приходится, от волнения, прекращать чтения.

Ведь надо прослушивать с утра до позднего вечера: пожирая каждое слово, словно от него зависит какая-либо судьба.

И, действительно, — с первых страниц вашего романа, перед нами открывается, я бы сказал, живописная панорама донского края, если можно так выразиться. Заражаясь природным описанием донской местности, мои собеседники начинают проклинать то местожительство, где они живут.

Особенно парни (я буду так их называть) заражаются выходками хуторских казаков. Гришка Мелехов, — которого особенно полюбили и которому стали подражать в выходках, так же, как некогда подражал в книге Л.Н. Толстого «Казаки» казак Назарка своему тов. Лукашке[7].

— И что за книга! Она так и заглядывает к нам в душу, — воскликнула дрожащим, как струна, голосом восемнадцатилетняя девушка Варя.

Во время чтения нередко можно было заметить, как часто капали с ее румяных щек крупные слезинки. Особенно она залива-

лась с глубоким рыданием (признаться, и остальные девчата были не менее взволнованы) в тот момент, когда Гришка коварно изменял свою жену: заводя любовную иллюзию с ненасытной Аксиньей. И как та (Наталья) будучи уже отходкой, из-за насмешки над ней хуторских холостых казаков: налаживала на себя руки. Только тогда успокоилась наша Варя, когда Степан, будучи в отставке, безжалостно избил Аксинью (что мы и все ожидали последнего).

Интересный тот момент, когда схватились драться Гришка Мелехов с братом Петром на Астахова Степана. Вот в этот-то самый момент не выдержали мои ребята. Они с дикой яростью набросились, и давай насаживать друг друга кулаками. Я же продолжал читать. Быть может, драка продолжалась бы и дальше, но Зубов, не участвовавший в драке, а слушавший чтение, вскочил, вообразил себя Христоней (он действительно был огромного двадцатилетнего возраста) и так же, как он, перескочил через березовый пень (хотя Христоня через плетень), который далеко стоял не по пути к сражавшимся. Он не посчитался с тем расстоянием, которое лежало в сторону к пню, лишь потому, чтобы повторить в точности только что прочитанный маневр Христони; знаете ли, чтобы это вышло, так сказать, официальней, что, де мол, он казак и знает себе цену не ниже настоящей. Таким образом, проделав маневр Христони (последнего Зубов полюбил, за что и получил прозвище — батарейца), он добежал до товарищей и, с быстротою дикого барса, набросился на сражающихся и, так же выкрикивая в точности слова Христони, — вмиг разбросал! После чего я спросил окровенившегося Афоньку (ему разбили зубы), а что его заставило вмешаться в драку?

Он задыхаясь проговорил:

— Я вмешался в драку лишь потому, что меня взяло зло за Гришку! Он же холостой парень, да еще выше на голову обоих, — позорно падает от кулака Астахова Степки. Нередко приходилось, конечно, из интересу, перечитывать несколько глав одно и то же. Зубов, этот особенно просил перечитывать поступки Христони, вслед за которым разразится громким хохотом, в то же время повторяя проделки последнего.

Мало того, что ребята заразились выходками хуторских казаков, они (подражая Коршунову Митьке) позаводили седла с серебряной оправой, не спали ночи, — холили своих лошадей. Преобразились в казацкие широчайшие шаровары, с красными лампасами, сапоги с серебряными подковами, а главное все пере-

няли поговорку: «Зараз, кубыть, трошки».

Я бы вам мог привести еще ряд примеров, которыми вы ужасающе поражали моих слушателей, да опасаюсь, что и так, наверно, наскучил своим умным письмом. Лишь только одно вам, Миша, напишу, что мы, молодежь села Черемшанки, доводим до вас следующее: прочитав большое ваше произведение «Тихий Дон», причем (по правде сознаться), все поголовно, не исключая и комсомольцев, находились на стороне казачества, вернее, на стороне повстанцев, хотя в душе признаем их чуждыми нам. Мы не знаем, от чего это зависит, автор ли так передает, или, может быть, потому что на стороне повстанцев действуют знакомые нам герои. Когда победа остается на стороне повстанческой армии, чувствуешь себя как будто превосходно и даже сам превращаешься в лихого казака — покоряющего целые батальоны.

Но, когда красные части потрепали до этого боевую первую дивизию, под командой Мелехова Григория, то сразу разбирает зло: ах, черт возьми, думаешь, неудачно вышло!

Прочитали три книги и думаем, что вы на этом не кончили, а потому постараюсь найти книгу четвертую.

Просим вас от имени нашей молодежи следующее: отписать на наше письмо и указать: есть ли в действительности Мелехов Григорий, Коршуновская семья, Астахова ну да вообще все герои вашего романа и действительно ли есть хутор Татарский или просто написанная фантазия, подобно фантазии Жюль Верна[8].

Прочитал первую книгу «Поднятая целина», в которой встретил лишь одно воспоминание о знакомом мне герое «Тихого Дона» тов. Подтелкове.

Во время чтения также собирал в большие группы стариков, которые не менее молодых спорили. Особенно их занимательно поражали события деда Щукаря, даже просили перечитывать по нескольку раз. Говорили, что подобно этой книге происходило и у нас в конце 1929 года. Книга «Поднятая целина» подействовала на стариков ужасно здорово! Некоторые, прослушав с начала до конца и прочувствовав, без агитации подали заявления о вступлении в колхоз.

Мы все от мала до велика шлем вам свой пламенный привет и желаем вам большого успеха в вашем творчестве. Я же вас заверяю, что еще пуще буду следить за вашими произведениями и заражать ими массу.

Мой адрес: Зап.-Сиб. край, р-он Солонешенский. Винивитину Василью Потаповичу.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 700. Л. 8–12 об.*)

[1] Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1948) — литературный критик, выдвинул и обосновал теорию реализма; его работы содержали ряд положений, принципиальных для революционеров-демократов, таких как народность и соответствие действительности; художественная точка зрения у Белинского сочеталась с исторической и социальной. В советский период был провозглашен ведущим русским критиком.

[2] Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) — теоретик и пропагандист марксизма, философ, видный деятель российского и международного социалистического движения; автор работ по философии, социологии, эстетике, этике и и истории общественной мысли. В основу эстетических взглядов Плеханова было положено материалистическое понимание истории, в соответствии с которым провозглашался тезис о зависимости художественного сознания от социального бытия. Объективным критерием художественности Плеханов назвал соответствие формы художественного произведения его содержанию.

[3] Державин Гавриил Романович (1743–1816) — поэт и государственный деятель, сенатор, действительный статский советник. Сочинения Державина в 9 томах под редакцией Я. Грота выпускались в Санкт-Петербурге на протяжении 1864–1883 гг.

[4] Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) — писатель эпохи сентиментализма, историк, автор «Истории государства Российского» (1803–1826). Полное собрание его сочинений было выпущено в 1915 г. в Петрограде в издательстве «Копейка» в серии «Классическая библиотека “Всемирной панорамы”» (всего вышло 16 выпусков в качестве бесплатного приложения к номерам журнала). Сочинения Н.М. Карамзина в 3 т. были изданы А.Ф. Смирдиным в 1848 г. в Санкт-Петербурге.

[5] Батюшков Константин Николаевич (1787–1855) — поэт. Сочинения Батюшкова до революции издавались не раз. Например: Батюшков К.Н. Сочинения: в 2 т. СПб.: А. Смирдин, 1850; Батюшков К.Н. Сочинения: в 2 т. СПб.: изд. П.Н. Батюшкова, тип. Котомина, 1885.

[6] Речь идет о популярном историческом романе А.П. Чапыгина (1870–1937) «Разин Степан» (1927). Впервые в Государственном издательстве роман был издан в 1931 г. в серии «Дешевая библиотека».

[7] Повесть Л.Н. Толстого «Казаки» из жизни терских казаков; опубликована в 1863 г. В 1930 г. роман был напечатан в серии «Дешевая библиотека Госиздата». Возможно, автор имел в виду следующий фрагмент произведения: «Лукашка, подойдя к кружку, медленно приподнял папаху и остановился против девок. Широкие скулы и шея были у него красны. Он стоял и говорил тихо, степенно; но в этой медленности и степенности движений было больше оживленности и силы, чем в болтовне и суетне Назарки. Он напоминал разыгравшегося жеребца, который, взвив хвост и фыркнув, остановился как вкопанный всеми ногами. Лукашка тихо стоял перед девками; глаза его смеялись; он говорил мало, поглядывая то на пьяных товарищей, то на девок. Когда Марьяна подошла к углу, он ровным, неторопливым движением приподнял шапку, посторонился и снова стал против нее, слегка отставив ногу, заложив большие пальцы за пояс и поигрывая кинжалом. Марьяна в ответ на его поклон медленно нагнула голову, уселась на завалинке и достала из-за пазухи семя. Лукашка, не спуская глаз, смотрел на Марьяну и, щелкая семя, поплевывал. Все затихли, когда подошла Марьяна.

— Что же? надолго пришли? — спросила казачка, прерывая молчанье.

— До утра, — степенно отвечал Лукашка.

— Да что ж, дай Бог тебе интерес хороший, — сказал казак, — я рад, сейчас говорил.

— И я говорю, — подхватил пьяный Ергушов, смеясь. — Гостей-то что! — прибавил он, указывая на проходившего солдата. — Водка хороша солдатская, люблю!

— Трех дьяволов к нам пригнали, — сказала одна из казачек. — Уж дедука в станичное ходил; да ничего, бают, сделать нельзя.

— Ага! Аль горе узнала? — сказал Ергушов.

— Табачищем закурили небось? — спросила другая казачка.

— Да кури на дворе сколько хошь, а в хату не пустим. Хошь станичный приходи, не пустю. Обокрадут еще. Вишь, он небось, чертов сын, к себе не поставил, станичный-то.

— Не любишь! — опять сказал Ергушов.

— А то бают еще, девкам постелю стлать велено для солдатов и чихирем с медом поить, — сказал Назарка, отставляя ногу, как Лукашка, и так же, как он, сбивая на затылок папаху» (Цит. по: *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 100 т. Художественные произведения: В 18 т. Т. 4. М.: Наука, 2001. С. 47–48).

[8] Верн Жюль (1828–1905), французский писатель, один из основоположников научной фантастики. На протяжении 1927–1931 гг. издательство «Земля и фабрика» (М.; Л.) выпускало собрание сочинений Ж. Верна в двух сериях и 23-х томах с критико-биографическим очерком В.А. Попова и предисловием А.О. Старчакова.

27. Г. ГАНЖИНСКАЯ-ВЕДИЩЕВА

13 января 1934 г., село Чутановка Кирсановского района Тамбовской области

Тов. редактор!

На Вашу просьбу сообщать отзыв о книге, считаю нужным написать, что при книгах такого типа, как «Бруски» Ф. Панферова[1], «Поднятая целина» Шолохова и т.д., хорошо давать хотя бы краткую биографию автора. Это поможет лучше разобраться в его произведении.

Уч-ца 6ой гр. Чутановской 7 летки, Кирсановского района, ЦЧО.
Ганжинская-Ведищева Галя, 14 лет.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 10*)

[1] Панферов Федор Иванович (1896–1960) — прозаик, активной участник литературной жизни 1920–1930-х гг., главный редактор журнала «Октябрь»; наибольшую известность получил как автор романа «Бруски» (книги 1–4; 1928–1937). См. ранее примеч. 2 к п. 10; далее примеч. к п. 79, 94, 117.

28. В. БАТЕНИН

14 января 1934 г., поселок Яблоновский республики Адыгея

Ув. товарищи!

Сейчас только кончил читать книгу Шолохова «Поднятая целина», которая мне очень понравилась. Книга написана бодро,

правдиво и красочно. Когда читаешь строки о том, где говорится о развале колхоза, то вспоминаешь начало сплошной коллективизации у себя в Адыг. области в 1930 г., когда женщины избили председателя Обкома партии за его доклад про организацию колхоза.

М. Шолохов — автор книги, сумел найти и описать, т.е. передать те приемы и методы наших классовых врагов в деревне, кулаков, которые применялись ими всячески против колхоза.

Когда читаешь про то, как Макар Нагульнов хотел за убой коровы расстреливать, становится ярко понятной политика ВКП(б) и заблуждения политически неразвитого Нагульнова.

В заключение мне хочется сказать. Таких книг побольше! Я жду не дождусь теперь второй книги!

Книга все время держит тебя в центре внимания. Это произведение высокохудожественное и лучше написанное (в некоторых местах), чем даже «Тихий Дон».

Мне 24-й год. Секретарь колхоза «Новая Адыгея», Адыгейской автономной области Сев.-Кав. края.

Разъезд «Кубань» СКЖД.

14/ 34 г.

1 час ночи.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 218–219*)

29. Д. КУКАНОВ

15 января 1934 г., город Орск Оренбургской области

Наконец-то я выбрал время и прочитал 1-ую часть так давно желаемой книги «Поднятая целина» М. Шолохова.

Прекрасное произведение!

Я много и активно работал в деревне; со всей остротой ощущал ее условия и трудности, но новые задачи и заботы вытесняют из памяти прошедшее. А вот теперь «проглатывал» страницу за страницей, передо мною снова прошла жизнь советской деревни, на историческом рубеже перехода от единоличного к коллективному хозяйству, знаменитого 1930 года.

Автор правдивым и красочным языком изобразил бедноту, с подъемом встретившую коллективизацию и «двойственность» середняка, осторожно прощупывающего новый путь развития деревни, и позицию классового врага, не брезгующего никакими средствами в борьбе за свое капиталистическое существование.

Образы двадцатипятитысячника Давыдова, волевого коммуниста, хорошего организатора — этого посланца пролетариата в деревню, секретаря партячейки — Макара Нагульнова, беззаветно преданного партии, проводящего каждое дело с перспективой на

мировую революцию, но склонного впадать в крайности, бывшего казачьего есаула — Половцева, циничного, решительно заклятого врага советской власти, пробравшегося в колхоз — кулака Островнова, трусливого, но вредительствующего — волка в овечьей шкуре, и других героев романа — сильны и убедительны.

С сожалением вынужден заметить т. Шолохову, что у него совершенно выпал, из поля зрения, комсомол, если не считать работника агитколонны — Найденова, а ведь он, как помощник партии, сыграл огромную роль в социалистической реконструкции деревни.

«Поднятая целина»! — это один из величайших памятников истории, эпохи социализма. Роман заслуживает внимания широкой советской общественности, его нужно всемерно пропагандировать и внедрять на завод, в колхоз.

19 $\frac{15}{\mathrm{I}}$ 34 г

г. Орск Средне-Волжского края.

Райком ВЛКСМ.

Заворготделом Куканов Д.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 144 –146 об.*)

30. М. ШВЕЦОВ

<Январь 1934 г.>, село Чаадаевка Городищенского района Пензенской области

Возраст мой 32 года.

Член ВКП(б) с 1926 года.

Профессия: Со дня приезда из Кр. Армии с 1924 г. работаю все время на адм.-хоз. работах: Пред. совета, член Вика, Пред. Кустарной артели и с 1931 года (когда у нас в районе началась во всю ширь коллективизация) Предколхоза.

Прочитал книгу от начала до конца внимательно и не торопясь. Должен сказать, что книга мне чрезвычайно понравилась. В особенности понравились 2 лица: Предколхоза Давыдов и секретарь ячейки Нагульнов. Характеристики их вполне правдоподобны.

Немного неполно обрисовано мировоззрение Давыдова — его переживания (суховато). Получается, что он переживал (в мышлении) меньше Нагульнова. А вот Нагульнов обрисован очень хорошо. Как тип Нагульнов выглядит, пожалуй, что симпатичнее всех, как человек «весь целиком» готовый отдать себя за революцию. Даже отрицательные его поступки, как избиение единоличника Банника, показывают не только его болезненное состояние, а также и то, что он бы<ва>лой борец за власть советов (несколько

раз раненный и получивший орден «Красного Знамени») не мог вытерпеть тех нахальных выкриков Банника, который говорил, что «лучше свиньям отдам хлеб, но не колхозу».

Переживания колхозников на 100% жизненны и характеристики отдельных из них: Майданникова Кондрата, деда Щукаря буквально можно встретить в каждой деревушке.

Забыл про то, что мне наравне, пожалуй, с Давыдовым и Нагульновым понравился Майданников. Тип обрисован на редкость правдоподобно. Таких людей в колхозах большинство.

В общем и целом Шолохов, видимо, крепко знает психологию крестьянина, и описание им новых настроений деревни — выплывших за время революции — очень правдоподобно.

Читал его «Тихий Дон» (раньше «Поднятой целины») и должен сказать тоже, что Шолохов мне нравится лучше, пожалуй, всех молодых пролетарских писателей. Он описывает жизнь так — как она есть, без излишнего блеска и «треска».

Пишу отзыв о книге впервые. Образование имею небольшое, окончил только городскую школу. А поэтому просил бы Госиздат, если возможно — в запросах о качестве книг — писать для нас, людей не ахти грамотных, прямо-таки по вопроснику, что и как надо отвечать в посылаемых вам отзывах и какие моменты освещать. А то вот посылаю ответ, а чувствую, что он однобок, а чтобы расширить его как-то не соображаю, т.к., пожалуй, напутаешь и от прежнего писания не будет толку.

А в голове вертится много — только не соберешь в плановый порядок.

Если бы был план вопросов — то глядишь имеющийся комок мыслей постепенно и разобрался бы.

Делаю маленькое примечание: я крестьянин и поэтому вам должен быть понятен мой симпатичный взгляд на Нагульнова. Все это, может быть, отрыжка происхождения.

Но пишу то, что говорит рассудок и совесть.

В то же время, живя с матерью вдовой в городе до 16 лет, я знаю несколько психологию рабочего (их задор и закалку) и считаю, что Давыдов обрисован суховато.

с. Ча<а>даевка Ср.-Волж. Края.

Михаил Швецов.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 238–240 об.*)

31. Н.Г. ИЩЕНКО

14 февраля <1934 г.>, село Кочетовка Аткарского района Саратовской области

Дорогие товарищи!

Только сейчас я кончил читать книгу М. Шолохова «Поднятая целина» и, не теряя времени, сажусь писать отзыв об этой книге.

Прежде всего, познакомимся, с кем имеете дело. Я работаю заведующим однокомплектной школой в одной из деревень Нижнего Поволжья. Мне 18 лет. Работаю на этой работе 2 года. Образование — семилетка. Окончил ее в 1931 году. Год скитался по различным должностям одного крупного Зерносовхоза. Пошел на работу просвещенца.

Как-то случайно я услыхал от одной знакомой барышни: «Замечательная книга Шолохова “Поднятая целина”. Только много безобразничает парень». Я, безусловно, достал эту книгу и в две ночи спустил ее (до того она меня завлекла).

После читал эту книгу в красных уголках, и нужно видеть, с каким вниманием слушали эту книгу колхозники! До того верно и ярко обрисованы герои этой книги, что во время чтения кто-нибудь вставлял сравнения ее героев с людьми всем знакомыми в данной деревне: «Этот как наш Тимошка, ретивый» (Нагульнов), «Ей богу, это про Сапрыкина пишут!» (Давыдов), «Эта и Феньке не уступит, только к Феньке сам пред в окно лазит!» (Лушка) и много, много других сравнений приводили колхозники, до того верно и метко были нарисованы герои этих событий. Да и нельзя их не сравнивать со знакомыми людьми. Когда я читал эту книгу, на ум невольно приходили все знакомые мне руководители колхозов (особенно), которые умышленно или неумышленно искривляли линию партии.

Прочитанной книгой я и колхозники остались очень довольны и шлем редакции «Советской литературы»[1] и М. Шолохову хорошие пожелания в дальнейшей работе и с нетерпением ждем продолжения первой книги!

Я до черта прочитал книг, и сам когда-то пробовал писать, но нельзя в глуши, в деревне не к кому обратиться за помощью и сейчас только разве в газету писать, что-нибудь, чтоб карась не дремал. Я был бы очень рад, если бы редакция ответила мне на мой отзыв, схож ли он с другими или я преувеличил или переоценил достоинство этой книги.

Вообще, я желал бы завязать связь с редакцией и по ее заданию, может быть, что-нибудь ей сотворил. Жду ответа и думаю, мы будем иметь связь[2].

Мой адрес: Саратовский край, Аткарский район, Кочетовское п/о. Зав. школой Ищенко Н.Г.

В следующем письме напишу побольше о литературе, как я на нее смотрю, а сейчас довольно, тороплюсь на пленум с/совета.

Жду!

14/II. С приветом <Подпись>.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 711. Л. 184*)

[1] Изд-во «Советская литература» возникло на базе изд-ва «Федерация» (орган ФОСП) в конце 1932 г.; после съезда писателей было преобразовано в изд-во «Советский писатель» (орган СП СССР). В книгах изд-ва «Советская литература» также на последней странице печаталось обращение к читателям:

«Читателям. Издательство обращается ко всем читателям с просьбой о присылке отзывов на эту книгу. Просьба к библиотечным работникам сообщить издательству данные, характеризующие спрос читателей, высказываемые мнения (если проводится коллективное обсуждение — желательно получить протоколы, резолюции и т.п.), а также сведения о профессиональном и возрастном составе читателей этой книги. Все отзывы и материалы отправлять по адресу: Москва, Тверской бульвар, 25, издательство “Советская литература”».

Для обработки письма читателей из издательства «Советская литература» были переданы в массовый сектор Изд-ва художественной литературы.

[2] Читателю удалось установить связь с издательством, он был включен в состав книжкоров, о чем свидетельствует его письмо от 17 ноября 1934 г.:

«Я заведующий двухкомплектной начальной школы д. Рудия Аткарского р-на Саратовского края Ищенко Николай Гаврилович. Год рождения 1915, национальность — украинец, образование — 7 классов, кружки текущей политики и состою заочником 1-го курса педтехникума. На работе вообще 4-й год, на учительской — третий. За период работы еженедельно занимаюсь с малограмотными, готовлю допризывников <...> С малых лет люблю литературы. <...> Сейчас взялся читать литературу о литературе, которую я уже прочитал (для более глубокого изучения). Но работать в деревне сейчас трудно. А я работаю в отсталой деревне. Уделить больше внимания литературе нельзя. Я бы просил Вас помочь мне в том, что я буду просить. Если Вы будете писать мне, я обо всем буду писать Вам, что интересует Вас.

Адрес мой пишу.

Прочитав несколько книжек-гривенник, я пишу свой отзыв и отзыв других людей (колхозников).

“Энергия” Ф. Гладкова. 1-ый том я читал весь, прочитал и “гривенник”. Для колхозников книга трудная. Персонажи трудно запоминаются. Спрос на нее не так уж большой. “Лиза Сорокина” А. Афиногенова. Для начинающего читателя книга неплохая. Колхозник со вниманием прослушал ее до конца, но особого впечатления на слушателей не произвела; а один из колхозников, никогда не читавший книг (он неграмотный), но большой любитель слушать, сказал: “Чепуха”.

“Цусима” Новикова, 1-ый том читал весь. Читал и “гривенник”. Были слушатели. Несколько раз рассказывал колхозникам. Говорил с участниками Русско-Японской войны. Книга очень понравилась мне и тем, кому я ее читал. К сему <Подпись>» (Биографические сведения книжкоров (1934–1936) // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 765. Л. 7–8). О книжках серии «Книжка-гривенник» изд-ва «Советская литература», в которой печатались указанные в письме книги — главы

из романов «Энергия» Гладкова, «Цусима» Новикова-Прибоя, рассказ Афиногенова «Лиза Сорокина», подробно см. примеч. к п. 128.

32. НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО

14 февраля 1934 г., город Нефтегорск Апшеронского района Краснодарского края

Нефтегорск 14/II-34 г.

Уважаемые товарищи!

Шлю свой отзыв о выпущенной Вами книге IIIй «Тихий Дон»[1]. По моему убеждению, это одно из лучших произведений наших советских писателей. В романе «Тихий Дон» показана не только романтическая и личная жизнь героев книги, но автор со всей правдивостью сумел показать ту героическую борьбу Красной армии с классовым врагом. На протяжении всех 400 страниц он в буквальном смысле очаровывает читателя и невольно заставляет восхищаться этой книгой. Я года два тому назад прочел Iю книгу, а IIй книги не читал, посему для меня многое непонятно, и я так коротенько пишу свой отзыв. Убедительно прошу ответить, где можно выписать I и IIю книгу «Тихий Дон» и будет ли выпущена книга IVя[2]. Если у Вас, то высылайте по адресу указанному при сем наложенным платежом.

С приветом <Подпись *нрзб.*>.

Мой возраст 29 л. Профессия бухгалтер.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 11 об.*)

[1] К работе над шестой частью романа «Тихий Дон» (третья книга), где речь идет о событиях на Дону с весны 1918 до начала лета 1929 г., в том числе о Вёшенском (Верхне-Донском) восстании, Шолохов приступил во второй половине 1928 г. В 1929 г. началась ее публикация в журнале «Октябрь» (на тот момент органе Всероссийской ассоциации пролетарских писателей), в трех первых номерах напечатали 12 глав нового произведения. После этого публикация была приостановлена и возобновлена в том же издании только в 1932 г. Причиной тому послужили разногласия автора и редколлегии журнала, касавшиеся предпосылок Вёшенского восстания, показанных в романе и связанных с политикой «расказачивания», осуществлявшейся на Верхнем Дону в соответствии с секретным циркулярным письмом Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. Возобновлению публикации в большой мере способствовали А.М. Горький и И.В. Сталин. В 1932 г. третья книга «Тихого Дона» была напечатана в журнале полностью, однако, с целым рядом купюр, сделанных по идеологическим соображениям. Все они, по требованию писателя, восстановлены в первом отдельном издании третьей книги, вышедшем в 1933 г. в Государственном издательстве художественной литературы. Тогда же третья книга «Тихого Дона» была выпущена ГИХЛом в серии «Книгу — социалистической деревне. Дешевая библиотека ОГИЗа». На с. 420 этого издания напечатано обращение к читателям с просьбой прислать отзыв о книге: «Чита-

тель, сообщите ваш отзыв об этой книге, указав ваш возраст и вашу профессию, по адресу: Москва, Центр, ул. 25 Октября (б. Никольская), 10/2 Государственному издательству Художественной Литературы. Массовый сектор».

[2] Четвертая книга «Тихого Дона» на протяжении 1937 и 1940 гг. печаталась в журнале «Новый мир». Ее первое отдельное издание вышло в Гослитиздате в 1940 г.

33. БЕЗБОРОДОВ

23 февраля 1934 г., б.м.

Как первые две, и, в частности, только что вышедшая в свет долгожданная третья книга (последняя ли она), замечательно хорошо все написаны: очень живо, содержательно и сочно.

Ничего отрицательного в них (в книгах) нельзя найти. Кажется, что самый ретивый критик и тот не может подкопаться.

Правда, не так уж много нам живущим в таких медвежьих уголках (где живу я) приходится читать современной художественной литературы, но все же кое-что почитываем. «Тихий Дон» Шолохова считаю до сих пор никем из советских писателей непревзойденным по части солидного художественного произведения.

Молодец Шолохов!

Побольше бы таких романов.

P.S. Когда я случайно купил эту III книгу и односельчане колхозники узнали, то записались у меня на очередь.

Какая жажда у всех прочесть! Судя по двум первым книгам.

Возраст — 37 лет.

Профессия — колхозник — рядовой.

Безбородов.

23/II 1934 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 12–12об.*)

34. П.В. ТЕРЯЕВ

23 февраля 1934 г., село Пензено Большечерниговсого района Самарской области

23/II — 34 г.

Прочитав книгу I автора М. Шолохова «Поднятая целина» с присущим мне вниманием, я высоко ценю художественно-политическое содержание книги. Она, эта книга, привлекла неисчислимый круг читателей, — и их внимание не только художеством — историей, — но и указанием. Роли Нагульнова — Разметнова находят свое отражение среди наибольшего ряда сельских ком-

партистов, страдающих идейно-организаторской способностью. Герой книги «Давыдов» — копирует многих руководителей и организаторов к-за из среды рабочих. Роли — «Якова Лукича» и «Половцева» не в этой, так в другой форме приобретают внимание, по-моему, везде. Книга кроме всего одобряется простотой стиля писателя. С нетерпением ожидаем ее продолжения.

Мой возраст — 19 лет, профессия — счетовод, из крестьян, бедняк-колхозник.

Поселок Пеньзин того же с/совета, Б. Глузишицкого района, Сред.-Волж. край.

Теряев Петр Васильевич.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 708. Л. 3–3об.*)

35. А.В. ПАРАМОНОВ и др.

24 февраля 1934 г., поселок Кала-и-Мор (*Туркмения*)

Редакции художественной литературы. Массовый сектор.

Мы, читатели Парамонов Ал-др Вас., Беккер Ив. Ив., Кузнецов В.Т., просим сообщить место рождения с указанием точно села, хутора, станицы, социальное происхождение автора книги «Тихий Дон» Мих. Шолохова и настоящее фамилие[1]

по адресу: ТССР, Кушкинская ветка, ст. Кала-и-Мор, Каракулеводческий совхоз.

Парамонову А.В. или Кузнецову В.Т.

Просители <Подписи>.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 757. Л. 54*)

[1] Помета редактора на письме: «отв<ечено> 21/III».

36. М. ШВЕЦОВ

26 февраля 1934 г., село Чаадаевка Городищенского района Пензенской области

Читал все 3 книги «Тихий Дон». Должен характеризовать Шолохова как писателя незаурядного, способного воспроизводить не только видимые процессы движения, происходящие в природе на виду, но, вместе с тем, и могущего также искусно обрисовать внутренние пружины движения человека.

Шолохов, видимо, из крестьян. У него все типы, участвующие в действиях романа «Тихий Дон», до чрезвычайности правдивы, и он очень правдиво описывает их душевные переживания.

Я когда-то читал «Фома Гордеев» М. Горького[1] и должен сказать, что в романе «Тихий Дон» есть фигура очень похожая на Фому не по социальному разрезу, а по моментам личных переживаний. Это Григорий Мелехов. Как Горький чрезвычайно подробно обнажил душу Гордеева — так и Шолохов с большим мастерством сумел обрисовать переживания Мелехова, а следовательно, сумел обнажить во всю ширь психологию промежуточных классов между пролетарским и буржуазным.

Читая из рев. писателей: Подъячева[2], В. Шишкова[3], Гладкова[4], Катаева[5] и др., должен сказать, что в моем личном мнении Шолохов разрабатывает психологию действующих лиц правдоподобнее всех (без напыщенностей, как это есть у других, но и не упрощая их).

Помимо умелого обрисования психологии действующих лиц — что есть основное — Шолохов не плох и как художник.

Художество его умело увязывает и события, и описания природы. Писать можно было бы еще, но заканчиваю из-за того, что я не слишком грамотен и боюсь дальнейшими описаниями (мелочами) затемнить главную сущность, что мною писано выше.

Мне 32 года.

По происхождению я крестьянин, до 23 лет работающий в кр-ве. С 1924 года по приезде из Кр. армии безвылазно работаю на адм.-хоз. и полит. работе. В настоящее время Пред. Промколхоза с. Ча<а>даевки Городищенского района Ср.-Волж. Края.

Михаил Швецов.

26/II-1934 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 14–15 об.*)

[1] Повесть «Фома Гордеев» (опубликована в 1899 г.) — первое крупное произведение А.М. Горького. Образ его главного героя, Фомы Гордеева, в советском литературоведении всегда рассматривался как образ мятежника, бунтаря, восставшего против несправедливости, уклада жизни купечества и шире всей царской России. На протяжении 1920-х — начала 1930-х гг. повесть Горького не раз издавалась Государственным издательством, в 1928, 1930, 1933 (в серии «Массовая библиотека») гг.

[2] Подъячев Семен Павлович (1866–1934) — прозаик. Дарование Подъячева открыл В.Г. Короленко, он же печатал прозу писателя в журнале «Русское богатство» на протяжении 1902–1909 гг. В своем творчестве Подъячев продолжил традиции русской демократической литературы 1860-х гг., писал в основном о драме деревенской жизни, постепенно акцентируя внимание на пробуждении социальной активности личности. В 1916 г. возглавил «Союз крестьянских писателей». Октябрьскую революцию встретил с большим воодушевлением и в 1918 г. стал членом РКП(б). В 1920-х гг. произведения Подъячева печатали Государственное издательство и издательства «Земля и фабрика» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК». В 1927–1930 гг. в изд-ве «Земля и фабрика» выходило девятитомное собрание сочинений писателя, под редакцией И.М. Касаткина и с предисловием М. Горького.

[3] Шишков Вячеслав Яковлевич (1873–1945) — прозаик, инженер, автор романов «Ватага» (1923), «Угрюм-река» (1932), трехтомной исторической эпопеи «Емельян Пугачев», над которой писатель работал 11 последних лет жизни. Роман Шишкова о Гражданской войне «Ватага» был напечатан Государственным издательством (1924) и издательством «Земля и фабрика» (1928). В 1926–1929 гг. в изд-ве «Земля и фабрика» выходило девятитомное собрание сочинений писателя.

[4] Гладков Федор Васильевич (1883–1958) — прозаик, журналист, автор производственных романов «Цемент» (1925) и «Энергия» (1933), которые выдвинули его в ряд официально признанных советских писателей. Роман Гладкова «Цемент» к 1931 г. выдержал в Государственном издательстве художественной литературы 16 изданий. В 1933 г. там же был издан в серии «Школьная библиотека современных писателей», в 1934 — в «Дешевой библиотеке ОГИЗа».

[5] Катаев Валентин Петрович (1897–1986) — прозаик, драматург, киносценарист, основатель и первый главный редактор журнала «Юность» (1955–1961). автор романа «Время, вперед!» (1932) и повести «Белеет парус одинокий» (1936), развернутой после войны в тетралогию. Роман «Время, вперед!» в 1933 г. был издан издательством «Советская литература», в 1935 — Гослитиздатом.

37. А. М. ЗУБОВ

27 февраля 1934 г., Смоленск

Дорогие товарищи издатели!

Я по специальности агроном. Работаю в деревне, начиная с 1930 г.

Так что, читая книгу «Поднятая целина» М. Шолохова, чувствуешь себя непосредственным очевидцем всех людей поднятой целины, начиная от Давыдова и кончая дедом Щукарем. Прежде всего, тов. Издатели, разрешите Вам выразить большое спасибо, что Вы данную книгу выпустили в более дешевом виде[1] (до этого она стоила около 6 руб., что нельзя рассчитывать на массовое ее проникновение в самую гущу колхозной массы).

Я с большим напряжением прочел данную книгу и желаю сообщить, что написанные ранее автором три книги романа «Тихий Дон» являются доподлинным мастерством высокого художественного творчества и непосредственного участника событий, данных в романе и повести «Поднятая целина».

Из прочтенных книг видно, что автор вынес всю эпопею жизни донского казачества, начиная от русско-турецкой войны и кончая колхозным строительством в 1930 году с доскональной точностью и образностью. «Поднятая целина» разбивает окончательно версию о том, что роман «Тихий Дон» М. Шолоховым присвоен им от одного убитого офицера и сдан в печать как свое творчество[2]. Среди читателей мне это часто приходилось слышать, в особенности среди участников гражданской войны. Дочитывать «Подн.

целину» мне пришлось, работая в Издешковском р-не Западн. Обл. в колхозе «им. Котомина», уполномоч<енного> Издешковского ОГПУ., убитого в данной дер. в 1930 г. быв. офицерами-кулаками, где в действительности нарисована такая картина, что и при организации «Гремяченского колхоза им. Сталина», только там кулацкой мишенью была фигура Давыдова, здесь же т. Котомина. <Чтобы> выразить все чувства по поводу этой книги, нужно быть самому писателем, такого же мастерства как Шолохов в показе статьи нашего вождя победоносной коммунистической партии тов. Сталина «Головокружение от успехов»[3]. Нужно сказать одно, что Советская литература обогатилась вторым Л.Н. Толстым. Мои пожелания размножить как можно <в> больших тиражах данную книгу (а то ведь такие книги в наших Райогизах бывают очень редко). Прочитавши данную книгу, колхозник увидит, насколько ухищренные сопротивления недобитого классового врага, хватающегося уцепиться за любой промах в колхозном строительстве. А раз враг сопротивляется всеми своими вылазками, не щадя него <sic!> никого, значит чувствует верную гибель от коллективной стройки. Мне только непонятно, почему у нас так много молодых талантливых писателей, но мало содержательных художественных книг о колхозном строительстве. Ведь что ни колхоз, то своя история. Я бы предложил включить в программу наших пролетарских писательских организаций составление книги «История социалистической переделки деревни»[4].

Все. <Подпись>

Адрес. Зап. обл., г. Смоленск, Вокзальное п/о (до востребования), А.М. Зубову.

27/II 34 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 711. Л. 68–71, ред. копия — л. 165*)

[1] Речь идет о публикациях романа в серии «Книга — социалистической деревне. Дешевая библиотека Огиза» (3 издания Гослитиздата 1933 г.). Стоимость книжек этой серии и изданий (М.: Сов. лит. и Госиздат, 1933) — 1 рубль 20 копеек.

[2] После грандиозного успеха первых двух книг «Тихого Дона» и публикации в журнале «Октябрь» первых 12 глав третьей части романа «Тихий Дон» (№ 1, 2, 3) в московских литературных кругах стали распространяться различные слухи, что роман написан не Шолоховым. 23 марта Шолохов сообщает об этом в письме к жене: «...ты не можешь себе представить, как далеко распространилась эта клевета против меня! Об этом только и разговоров в литературных и писательских кругах. Знает не только Москва, но и вся провинция. Меня спрашивали об этом в Миллерово и по железной дороге. Позавчера у Авербаха спрашивал об этом Сталин. Позавчера же иностранные корреспонденты спрашивали у Роста соглашение, чтобы телеграфировать в иностранные газеты о “шолоховском плагиате”. <...> А до этого ходили такие слухи, будто я подъесаул Донской армии, работал

в контрразведке и вообще заядлый белогвардеец. Слухи эти не привились ввиду их явной нелепости... <...> Меня организованно и здорово травят. <...> Писатели из “Кузницы” Березовский, Никифоров, Гладков, Малышкин, Санников и пр. людишки со сволочной душонкой сеют эти слухи и даже имеют наглость выступать публично с заявлениями подобного рода. Об этом только и разговору везде и всюду. <...> Все это уже рассеивается. В печати пойдет в воскресенье опровержение РАППа (Серафимович, Фадеев и др. изучали мои черновики и записи), а клеветники привлекаются к партийной ответственности <...> Ох, как закрутили, сукины сыны! Вот и по Москве слух, что авторитетная комиссия установила мой плагиат (позаимствование, грубее говоря — воровство) и передала материал прокурору Верховного Суда Крыленко. Из “Октября” звонят ему. <...> В издательстве беспрерывные звонки, в магазинах книги бесчисленные вопросы, на фабриках, на вечерах то же самое... Неплохо атаковали?» (*Письма*. С. 28–29). 24 марта 1929 г. в «Рабочей газете», а 29 марта в «Правде» печатается «Письмо в редакцию» в защиту М.А. Шолохова и его романа за подписями членов комиссии, рассматривавшей вопрос о плагиате и знакомившейся с рукописью романа:

«В связи с тем заслуженным успехом, который получил роман пролетарского писателя Шолохова “Тихий Дон”, врагами пролетарской диктатуры распространяется злостная клевета о том, что роман Шолохова является якобы плагиатом с чужой рукописи, что материалы об этом имеются якобы в ЦК ВКП(б) или в прокуратуре (называются также редакции газет и журналов).

Мелкая клевета эта сама по себе не нуждается в опровержении. Всякий, даже не искушенный в литературе читатель, знающий изданные ранее произведения Шолохова, может без труда заметить общие для тех его ранних произведений и для “Тихого Дона” стилистические особенности, манеру письма, подход к изображению людей.

Пролетарские писатели, работавшие не один год с т. Шолоховым, знают весь его творческий путь, его работу в течение нескольких лет над “Тихим Доном”, материалы, которые он собирал и изучал, работая над романом, черновики его рукописей.

Никаких материалов, порочащих работу т. Шолохова, нет и не может быть в указанных выше учреждениях. Их не может быть и ни в каких других учреждениях, потому что материалов таких не существует в природе.

Однако мы считаем необходимым выступить с настоящим письмом, поскольку сплетни, аналогичные этой, приобретают систематический характер, сопровождая выдвижение почти каждого талантливого пролетарского писателя.

Обывательская клевета, сплетни являются старым и испытанным средством борьбы наших классовых противников. Видно, пролетарская литература стала силой, видно, пролетарская литература стала действенным оружием в руках рабочего класса, если враги принуждены бороться с ней при помощи злобной и мелкой клеветы.

Чтобы не повадно было клеветникам и сплетникам, мы просим литературную и советскую общественность помочь нам в выявлении конкретных носителей зла для привлечения их к судебной ответственности.

По поручению секретариата Российской ассоциации пролетарских писателей: А. Серафимович, Л. Авербах, В. Киршон, А. Фадеев, В. Ставский» (Правда. 1929. 29 марта. С. 4).

Однако тема плагиата не была закрыта этим письмом в «Правде». В письме А. Серафимовичу от 1 апреля 1930 г. Шолохов сообщает о новой волне слухов и обвинений в свой адрес, упоминаются и письма читателей с вопросом об авторстве: «Я получил ряд писем от ребят и от читателей, в которых меня запрашивают и ставят в известность, что вновь ходят слухи о том, что я украл “Тих<ий> Дон”

у критика Голоушева — друга Л. Андреева, и будто неоспоримые доказательства тому имеются в книге “Реквием памяти Л. Андреева”, выпущенной его близкими. <...> Что мне делать, Александр Серафимович? Мне крепко надоело быть “вором”. На меня и так много грязи вылили. <...> У меня руки отваливаются и становится до смерти нехорошо. За какое лихо на меня третий раз ополчаются братья-писатели? Ведь это же все идет из литерат<урных> кругов» (*Письма*. С. 52–530). В письме Е. Левицкой от 2 апреля 1930 г., вновь возвращаясь к теме — «Я серьезно боюсь за свою дальнейшую литературную участь. Если за время опубликов<ания> “Тих<ого> Дона” против меня сумели создать три крупных дела (“старушка”, “кулацкий защитник”, Голоушев) и все время вокруг моего имени плелись грязные и гнусные слухи, то у меня возникает законное опасение, “а что же дальше?” Если я и допишу “Тих<ий> Дон”, то не при поддержке проклятых “братьев”-писателей и литерат<урной> общественности, а вопреки их стараниям всячески повредить мне», Шолохов отмечает, что и читатели шлют ему письма на эту тему: «Получаю письма от читателей по поводу истории с Голоушевым. Уже есть 3. Одно — хорошее, а 2 с неприкрытой иронией. Ну, что же, видно большое лихо сделал я тем, кто старается меня опоганить» (Там же. С. 55).

[3] См. примеч. 4 к п. 20.

[4] В 1933 — 1934 гг., в период подготовки к писательскому съезду, когда формировались крупные проекты и писательские коллективы, призванные их создать («История фабрик и заводов», «История гражданской войны», «Беломорско-Балтийский канал», «Социалистическая Москва», «Социалистический Ленинград» и др.), в планах значился и проект «История деревни»; направления работы широко обсуждаются на страницах «Литературной газеты», где появляются целые разделы «Книгу — социалистической деревне» (см.: *ЛГ*. 1933. 23 авг. С. 4), в редакционных статьях формулируются главные направления социалистической переделки деревни (см.: Создадим книги о политотделах МТС. Советские писатели выезжают в политотделы (1933. 11 окт. С. 1; Создадим историю МТС! Дайте совхозную пьесу! // 23 сент. С. 1), утверждается план нового журнала «Великий перелом» (5 сент. С. 4); газеты публикуют диспуты о главных романах о коллективизации и др. Выступавшие на Всесоюзном съезде советских писателей (август 1934 г.) представители колхозной деревни рассказывали, как фантастически изменилась деревня и призывали советских писателей осветить ее новое лицо: «Жизнь наша такая, что вы должны и можете ее показать нам во всей красоте. Нам нужно товарищи, чтобы вы показали нам людей, которые сейчас борются, которые ведут классовую войну» (*Стенографический отчет — 1934*. С. 227).

38. В.К. ДВОРНИКОВ

28 февраля 1934 г., село Николаевка Красногвардейского района республики Адыгея

О книге три «Тихий Дон».

Правдивость и жизненность темы о борьбе с белогвардейщиной и повстанцами на Дону на первых этапах революции, классовое раскрытие психологически-воспитанного человека нашей эпохи, разнообразие выведенных типов и сверх всего этого отличный по простоте своей и выразительности фактов действитель-

ности язык — вот те качества, которые делают роман Шолохова «Тихий Дон» ценнейшим вкладом в нашу современную литературу. Я жду 4ю часть. Конец роли Гр. Мелехова.

28/II-34 г. Дворников.

О себе сообщаю следующее.

Рождения 1906 года, в 1932 году окончил среднетехническое образование и квалифицирован техником-дорожником. Желаю получить вашу оценку на мой отзыв, так как имеющийся у меня материал уже три раза переработан, и, по-моему, можно отсылать в печать, и вот если будете писать, то пишите по адресу: Красногвардейский район ААО, село Николаевка, Первомайская, № 9, технику Дворникову В.К.

У меня материал под заголовком «Бурные годы».

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 16–16 об.*)

39. Н.Г. ЛИПАТОВ

28 февраля 1934 г., Самойловский район Саратовской области

Прочитав две книги Шолохова «Тихий Дон» еще в 1931 году, я с нетерпением ждал выхода третьей книги[1], и, наконец, в феврале 1934 года я мог найти ее в своем киоске политотдела. Прочитав все, я решил написать не отзыв (это много), а свое понимание. На что я обратил внимание в этой книге.

В смысле ее художества я, конечно, ревизорам замечания делать не могу, ибо в этом вопросе я туговат, но я хочу заметить простые элементарные вопросы, которые проходят красной нитью во всем томе: это склонность автора в отношении мятежников и подражание в ихней борьбе против красных.

Автор красочно, даже легендарно описал «неуязвимую» повстанческую армию, ее способность из ничего <превратиться в>[2] мощную страшную силу.

Склонность автора — со всей несуществующей красочностью описать даже маленькие победы повстанцев, возвеличить их и затушевать, хотя и большие победы красных.

Особо ярким эпизодом вырисовывается, когда конная <армия> повстанцев <с> легендарным Григорием идет в атаку на залегшие цепи красных, последние открывают пулеметный огонь и согласованный ружейный, по приближении конницы противника к красным цепям, красные бросают свою конную, клинки противников скрещиваются, после чего конная повстанцев якобы с целью «ловушки» отступает к хутору. Григорий скомандовал: «Д-е-л-и-с-ь!». Конная разделилась надвое: левую и правую сто-

рону, открыв фронт казачьей цепи, залегшей в окраине хутора и ружейному огню, понудила красную конницу вернуться.

Исход боя кончился тем, что казаков убито 3 и ранено 7 человек, а красных — больше 140?

Всякий, который хоть немножко знаком с военной техникой, не может этому поверить, чтоб на атакующую конницу, сыпался пулеметный и ружейный огонь, к этому лобовой удар красной конницы, и в результате всего этого убито 3 казака.

Второй эпизод: когда Григорий «порубил» матросов, этот случай даже нельзя представить близким к действительности. Конная идет в атаку на красные цепи матросов, впереди скачет Григорий, по ним сыпет пулемет.

Когда расстояние сократилось между повстанцами и цепями красных матросов, Григорий машинально оглянулся назад, то конная его сотня стремительно неслась назад «без урона», а за ним ехал лишь сотенный Рябчиков[3] и трое казаков, но это Григория не смутило. И они, пять «метеоров», решили продолжать атаку на залегшие красные полчища. Увидев в стороне огневую пулеметную точку, у которой сгустились пять матросов, Григорий решил атаковать на них, заряжаясь желанием порубить матросов.

Заметив это, матросы заторопились, повернули тачанку назад, чтобы можно было вести пулеметный огонь, но, видишь, они не могли развернуться в проулке, так как он был чрезвычайно «узок», матросы начали рубить постройки, и в результате тачанку с пулеметом они повернуть не смогли, открыли ружейный огонь, но пули летели бесцельно, и Григорий их порубил.

Я спрашиваю автора: будь он на месте матросов, стал ли бы он поворачивать кобылу, хотя допустим, что в этом хуторе построили такой проулок, что в нем нельзя поворачивать тачанку на 2-х колесах, которая способна повернуться на месте, не лучше ли было бы бросить пулемет на землю и порубить «неуязвимых конников».

Во всяком случае, я думаю, что пять конных не могут биться с пятью пешими, и если последние об этом предупреждены.

Взятые мной эпизоды являются как бы выпусками, но я уже указал вначале своего письма, что вся 3-я книга пронизана этим, в иных местах немного затушевано, а в иных более ярко. Может быть, это потому, что сам автор в прошлом был казаком? Ввиду этого незаметно для себя, инстинктивно отражал более яркие настроения казаков.

Впервые я решил сделать замечание, да к тому же достойному писанию, как Шолохова. Может быть, они попали не в точку, но

я надеюсь, что редакция хоть два слова ответит на мои корявые замечания.

Мой возраст 24 года, профессия — тракторист-шофер, образование — сельская школа, которую кончил в 1920 году.

Саратовский край, Самойловский район.

Липатов Николай Григорьевич.

28/II 1934 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 2–3 об.*)

[1] См. примеч. к п. 32.

[2] Пропуск слова в тексте письма.

[3] Здесь и далее читатель, пересказывая близко к тексту романа бой под Климовкой из главы XLIV: «В замешательстве, в страхе Григорий оглянулся. Растерянность и гнев судорогами обезобразили его лицо. Сотня, повернув коней, бросив его, Григория, скакала назад. Невдалеке командир вертелся на коне, нелепо махал шашкой, плакал и что-то кричал сорванным, осипшим голосом. Только двое казаков приближались к Григорию, да еще Прохор Зыков, на коротком поводу завернув коня, подскакивал к командиру сотни. Остальные врассыпную скакали назад, кинув в ножны шашки, работая плетьми» (*Шолохов М.А.* Тихий Дон. Кн. 3. М.: ГИХЛ, 1933. С. 249–250), упоминая Рябчикова, ошибается, путая сцену боя под Каргинской, описанную тремя главами раньше: «Сотни Рябчикова повернулись фронтом к Каргинской и, словно ветер листья, погнали обратно красноармейцев. Возле моста через Забурунный человек тридцать красноармейцев, видя, что они отрезаны и выхода нет, начали отстреливаться. У них был станковый пулемет, немалый запас лент» (Там же. С. 239).

40. Н.З. БЕРКОВ

2 марта 1934 г., город Шахты Ростовской области

Азово-Черноморский Край.
город Шахты.
2 марта 1934 г.
Берков Ник. Зах.
Возраст 22 года.
Профессия
подруч. котельщик.

Я прочитал Мих. Шолохова дважды, 1–2 книги «Тихий Дон». Читал с интересом, с жадностью глотал строка за строкой. М. Шолохов в своем произведении много вложил трудов в описание Гражданской войны. Труды Шолохова очень ценны. Они читаются с большим интересом массами трудящихся Советского Союза! М. Шолохов пишет правду хотя бы про Подтелкова, Петра Мелехова, когда они в станице Каменской организовывали Комитет Красной гвардии. Это помещение и сейчас целое[1]. Мы в нем

были в 1931 году как бы на экскурсии. И все описуемые события относятся к нашему краю. У нас много красных гвардейцев, красноармейцев и красных партизан, участвовавших в боях, описанных Шолоховым в «Тихом Доне». Сегодня я прочитал третью книгу «Тихий Дон». Я не могу, чтобы не отозваться об этой книге. Книга ценна. Когда эти книги получил КОГИЗ, то их в несколько дней разобрало население города и поселков. Книга читается с большим интересом. Эта книга должна выпускаться в нескольких тысячах экземпляров. По-моему, конец книги неудачный. Здесь кончается на подавлении повстанцев и на Мишке Кошевом. Но не ясно, проходит подавление повстанцев, хотя читатель сам догадывается и понимает.

Мною была прочитана «Поднятая целина» тоже с большим интересом.

Мих. Шолохов заслуживает видное место со стороны масс в литературе современности. Пожелаю всего наилучшего в дальнейшей работе М. Шолохова. Его труды, 1–2–3 книги «Тихий Дон», книга «Поднятая целина» очень хороши и ценны.

Н. Берков.

2 марта 1934 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 22–23 об.*)

[1] Автор письма, видимо, имеет в виду нынешнее здание Каменского музея декоративно-прикладного искусства и народного творчества (проспект Карла Маркса, 56), где в 1918 г. располагался Донской областной военно-революционный комитет во главе с Ф.Г. Подтелковым и М.В. Кривошлыковым; на здании, которое ныне является памятником истории, установлена мемориальная доска, перед зданием — памятник Подтелкову и Кривошлыкову.

41. Л.Ф. МИТРОВ

3 марта 1934 г., село Белая Глина Белоглинского района Краснодарского края

Уважаемый тов. Мих. Шолохов.

Уважаемый тов., когда я был беспартийный, то я не мог ни читать, ни писать, ни разбираться с политическими и хозяйственными вопросами. Когда я вступил в ряды комсомола, я там научился писать, читать и разбираться с вопросами, как в хозяйстве, а также и политически. У меня одна только загвоздка, затруднение. Я хочу вам признаться, это вопрос жизненного характера. Так как я человек молодой, но хочу быть развитым, умным по всем вопросам. Я прошу, чтобы вы выслали мне по моему адресу книгу

АЛЬБОМ ЛЮБВИ.

А пока с товарищеским приветом.

3/III-34 года.

Адрес:

Азово-Черноморский край. Белоглинского района село Белая Глина, коммуна им. Сталина.

Л.Ф. Митров.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 17–18*)

42. БЕГЕЛЬФЕР

7 марта 1934 г., город Никополь Днепропетровской области (*Украина*)

Мое мнение о книге Шолохова: «Поднятая целина».

Читается с захватывающим интересом. Сильно раздражают и портят впечатление многочисленные провинциализмы и малограмотная, литературно не обработанная речь действующих лиц. Т. Шолохов! Для кого пишешь: только для Дона или для всего Союза?[1] Если для всего Союза, то брось провинциализмы и пиши на едином литературном русском языке. А так, если каждый начнет писать на языке своей деревни, то в литературе вавилонское столпотворение получится, и читать придется со словарем в руках. Теперь о малограмотности. Во-первых, автор забыл, что в русском языке произношение не всегда совпадает с правописанием. В одних местах попадается: «конечно», «што», а в других местах: «лучше», «себе», «надо». Если уж быть последовательным, то пришлось бы писать: «луче», «сибе», «нада». Вот кавардак получился бы! Поэтому, уважаемый т. Шолохов, надо писать «конечно» и «еще», несмотря на другое произношение.

Во-вторых, стоит ли точно копировать народную речь: «Вдарит», «Энтот», «кровья» и т.д. и т.п.? Для достижения художественного реализма достаточно и необходимо сохранить только лишь <u>стиль</u> народной речи, но самые слова надо читателю преподносить в грамматически исправленном виде. Почему? — Да потому, что печатное слово для широких масс это величайший авторитет. Массовый читатель, увидя: «вдарит», подумает: «Раз так написано, значит правильно», и еще больше укоренится в своей малограмотности. А надо как раз наоборот: чтобы книга, печатное слово боролось с малограмотностью и воспитывало читателя не только «идейно», но и, так сказать, «грамматически».

Командир взвода № полка Бегельфер.

Украина, Никополь, Нагорная 12.

7/III-34.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 711. Л. 73; ред. копия — л. 72*)

[1] Не исключено, что читатель был знаком с дискуссией вокруг романа «Бруски» Ф. Панферова, которая началась с выступления Панферова на обсуждении его романа, устроенном в издательстве ГИХЛ (опубл.: Вечерняя Москва. 1934. 19 янв.). На выступление Панферова, настаивавшего, что современный литературный язык — это «язык революции», «язык миллионов», откликнулся М. Горький статьей «По поводу одной дискуссии» (*ЛГ*. 29 янв.). Горький выступил с резкой критикой образцов «языка миллионов», «засорения русского литературного языка неудачными “местными речениями” и вообще словесной шелухой», преклонением перед «словарем Даля», написанием «слов так, как они произносятся» и т.п. (*Горький М.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 27. М., 1953. С. 138–140). Подробно о дискуссии см. далее примеч. 1 к п. 79, примеч. 3 к п. 178.

43. В.Н. КОМОВ

7 марта 1934 г., город Спасск-Дальний Приморского края

Прочитавши книгу «Поднятую целину» автора тов. Шолохова, я очень увлекся ей и проработал до единой страницы, и очень много я получил из ней для дальнейшего опыта в продолжении своей жизни и в чем после этой моей настойчивой работы над литературой и хорошо стал усваивать ее и понимать, какое она имеет значение для нашего великого будущего в построении социализма в одной взятой стране[1] и построение бесклассового общества. Издательство сов. литературы очень прошу и именно в чем: во-первых, дайте мне своего совета, так как я хочу быть начинающим писателем нашего время <sic!>, и прошу вас дайте мне предложение, какие выписать учебники для того, чтобы быть литературным работником или программу начинающую. И второе. Очень прошу вас дайте мне точный адрес М. ШОЛОХОВА, где он проживает, и надеюсь, что вы мне как красноармейцу Дальне-Восточнику дадите разъяснение и предложение, какие мне выписать книги, чтоб быть нач. пис., и поможете в этом деле.

Пишите мной указанном адресе.

ДВК, г. Спасск. Военный городок, корпус № 99.

В.Н. Комов.

С Красноармейским приветом ко всем раб<отникам> изд.«-Сов. Литературы».

7/III-34 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 711. Л. 75. ред. копия — л. 74*).

[1] Имеется в виду концепция построения социализма в одной отдельно взятой стране, выдвинутая И.В. Сталиным (с опорой на работы В.И. Ленина) и официально закрепленная в резолюции XIV партконференции (1925); эта стратегия развития страны вызвала раскол в партии, образование оппозиции, считавшей, что сама идея строительства социализма в отсталой России не верна, не имеет

ничего общего с марксизмом и идеями Коминтерна, является предательством революции, пролетарского интернационализма и т.п. Строительство социализма в отдельно взятой стране не отменяло высоких целей мировой революции; см. об этом: «...победу социализма в нашей стране мы рассматриваем не как самоцель, не как нечто самодовлеющее, а как подспорье, как средство, как путь для победы пролетарской революции в других странах» (*Сталин И.В.* О социал-демократическом уклоне в нашей партии [1926] // *Сталин И.* Сочинения. Т. 8. М., 1952. С. 263).

44. НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО

8 марта 1934 г., б.м.

Отзыв о 3 книге «Тихий Дон» М. Шолохова[1].

Сведения о читателе: Возраст 30 л., экономист — Сталинград.

8/III-34 г.

Я лично ожидал, что Гришку Мелехова то ли убьют, то ли он перейдет к красным. И пора бы, пожалуй, уж прибрать его — как это говорится — к рукам.

В первых 2[х] книгах Шолохов нам ярко показал, что Мелехов (об остальных не говорю) принадлежит к одной из сознательных прослоек, что в Григории живет казачья «кровь» любострастия, и он любит одну из красивых баб Аксютку, отвечающую ему взаимностью. Так зачем же растягивать это в третьем томе (Шолохов породил в сердцах Григория и Аксиньи любовь до гроба — в то время это было уже изжито).

Вот когда читаешь «Поднятую целину» (его же), то там чувствуешь, что если выбросишь одну страницу из книги, то смысл теряется, а здесь без ущерба можно выкидывать страницами, главами. А он (автор), наверно, думает и в четвертой книге не доконать этого Гришку Мелехова. Ведь чувствуется, что он ведет его к перерождению — но тип к «переделке» неудачен. Если он будет и переделан, то плохой из него будет наш человек, а если его расстреляют, то зачем тянуть в четырех книгах — расстреляй его сразу и все, как вредного.

Слушая отзывы читателей — простых читателей, может быть, не придающих значения сознательной типичности героям романа, — то выявляется, что мужчины захлебываются слюной в рассказе о красивой Аксютке, а женщины завидуют ей.

В заключение надо сказать, книга удобоваримая читателю: по стилю, по простоте языка, не как, например, у Шагинян, переворачиваешь слова как камни тяжелые («Гидроцентраль»[2]), «ажник» спать хочется. У Шолохова все это вьется, как ручеек, журчащий по камням. Можно читать всю ночь — это его достоинство.

А Гришку все-таки надо к месту, к месту.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 19–19 об.*)

[1] См. примеч. 1 к п. 32.

[2] Роман М.С. Шагинян (1888–1982) «Гидроцентраль» (1930) — один из образцовых советских производственных романов. Принципиальными художественными открытиями считались не только тема романа (строительство гидроэлектростанции в Армении), но и ее художественное воплощение. Шагинян разрушила «домашность» литературы, вывела ее на простор современной жизни и «оказалось, что вокруг грандиозные вещи», озаренные «пафосом первородного огня» (*Тихонов Н.С.* Нет произведения без политики // На литературном посту. 1931. № 26. С. 18).

45. Т. ПОДКОВЫРОВА

10 марта 1934 г., Самара

Произведения Шолохова очень меня заинтересовали, я люблю такие книги, как, напр., «Поднятая целина». Там говорится о борьбе с кулачеством как класс и организование, на первых порах, колхозы.

Люблю читать о революции, как боролись с буржуазией и помещиками, какие были перевороты, как колебались солдаты, не зная на чьей стороне правда. Это вот и есть произведение Шолохова «Тихий Дон», там и говорится как раз об этом. Вот таких книг я много читала и много о них думала. Много вопросов сама разрешила, но на некоторые я не могла ответить, так я обращаюсь к вам и хочу задать вам несколько вопросов по произведению «Тихий Дон» и прошу вас ответить мне.

Прежде чем задавать вопросы вам, я познакомлю вас со своей биографией.

По происхождению я крестьянка-беднячка, сейчас учусь в ФЗД, т.е. десятилетке. А почему я сюда попала, потому что у меня сестра ушла в город учиться, сперва она взяла одну мою сестру старше меня, а потом уже старше меня сестра выучилась, я к ней переехала жить и учиться, а она училась в комвузе, а потом ее послали работать в политотдел женорганом. В общем, у нас семья сейчас вся грамотная, только мама неграмотная, потому что она уже старая и без зубов, а папа грамотный, и как в деревне его звали безбожник, не молится и не верит в бога. Мне сейчас 16 лет.

Ну, теперь я закончила писать о своей биографии, а задам вам несколько вопросов.

Первый вопрос о писателе.

1) Биографию Шолохова, какой он нации, ну вообще о всем пишите, да передавайте ему горячий привет от меня. Передайте!

2) Сколько книг «Тихого Дона» и «Поднятой целины».

3) Почему Григорий Мелехов был белогвардейцем, или он был темный, или еще почему-нибудь. Объясните.

4) Теперь, я читала 3 книги «Тихого Дона», но нет конца, где и куда денется Григорий Мелехов, его расстреляют или нет. Может, он и сейчас жив.

Ну и все мои вопросы. У меня хотя их мало, но я хочу, чтобы советская литература[1] мне ответила. Я только первый раз пишу отзыв, хотя я много читала. Ну, пока, жду скорого ответа на мои вопросы.

Мой адрес:

г. Самара, Голооктионовская, 34, ком. 20. Комвуз.

Подковырова Татьяна.

Прошу, пожалуйста, ответить на вопросы.

К сему <Подпись>.

10/III-34 года.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 173–173 об.*)

[1] Имеется в виду издательство «Советская литература».

46. А.Г. КАНТЫРЕВ

11 марта 1934 г., Тверь

11/III-34 г.

Сегодня я кончил читать вашу книгу «Тихий Дон», книга третья, и остался ей очень доволен.

Я сердечно благодарю автора этой книги и горжусь им как нашим советским писателем. Он так ясно показал всю картину действий и борьбы с повстанческими армиями, поднятыми кулаками и офицерами. Писатель ясно и лаконично показал, как обманутые казаки, борясь за советскую власть без коммунистов, против офицеров, генералов и помещиков сами действительно, это не замечая, помогали белым бандам, Колчаку[1] и Деникину[2]. Когда читаешь эту книгу, то так ясно представляется вся картина, точно действие ее в это время переживаешь.

Автор сумел выразить свою мысль так просто и понятно, что всякий ее очень хорошо поймет, даже и тот, кто малограмотный.

Я горжусь и благодарю товар. Мих. Шолохова за его все 3 книги и посылаю сердечный привет ото всего нашего красного студенчества.

Московский областной Ф.Э.Т.

Студент II курса финн. группы Кантырев Алек. Григ. Рож. 1911го, прож.: Калинин, Пушкина № 1 Ф.Э.Т.

С нетерпением ждем 4 книги, надеемся, что скоро будем ее читать.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 24–24 об.*)

[1] Колчак Александр Васильевич (1874–1920) — военный и политический деятель, ученый-океанограф, полярный исследователь (1900–1903), флотоводец (1915–1917), адмирал (1918), участник Русско-Японской и Первой мировой войн, один из руководителей Белого движения в годы Гражданской войны в России; Верховный правитель России и Верховный Главнокомандующий Русской армией (1918–1920).

[2] Деникин Антон Иванович (1872–1947) — военный, политический и общественный деятель, участник Русско-Японской и Первой мировой войн, один из руководителей Белого движения в годы Гражданской войны в России; сначала командующий Добровольческой армией (1918–1919), затем Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России (1919–1920).

47. В.А. АНДРЕЕВ

16 марта 1934 г., село Рящино Тамалинского района Пензенской области

Отзыв о книге «Поднятая целина» Мих. Шолохова.

Лично мой отзыв о вышеуказанной книге... Убедительно прошу высылайте вторую книгу «Поднятой целины», если только она вышла из печати.

Читая ее, я не увидел, как подошел конец книги. Это прямое доказательство, что книга ужасно интересная, своими новыми, не натянуто описываемыми автором событиями на фронте коллективизации. Как понятно описано вредительское дело кулаков и как автор воодушевляет большой злобой читателя на вредителей (ихними же вредительскими действиями), которые тормозят великую работу, для улучшения жизни всех трудящихся масс, стойко преданных работникам сов. власти.

Настоящую книгу я думаю дать прочитать председателю нашего колхоза т. Почуенке, а то просто срам, что у него убедительные речи с колхозниками — везде грубое обращение и похабный мат. Быть может, прочтя ее, т. Почуенка научится хорошему обращению с колхозниками.

Конечно, и Давыдов делает ошибки в организации колхоза, а кто их не делает. Наверно, только тот, кто не организовывал колхоз, эта работа — великая работа, которая не проводилась еще нигде во всем мире, да еще в таком большом масштабе, но Давыдов

свои ошибки сознавал и исправлял. Старался убедить закоренелое крестьянство убедительной речью (подтверждает фактами), а не грубым матом, или сам, засуча рукова, работал вместе с колхозниками. Он ради общественной собственности чуть не лишился жизни, но старался удержать сделанное (семенной хлеб).

А наш пред-колхоза сам растратил 800 руб. общественных, колхозных денег, справил из колхозной шерсти: себе, сестре, жене валенки, не заплатив за них ни копеечки, а между тем некоторые колхозники (работники в полном смысле этого слова) ходят в лаптях. Такой пред-колхоза не подлежит даже сравнению с Давыдовым. Осенью наш «любимый» председатель пропил двух поросят. Кто говорит это ложь, кто — правда. Теперь говори, что хочешь, а двух поросят на самом деле нет. Много и других безобразий делал наш председатель, но что-то ему сходит с рук хорошо, как с гуся вода. Вот я думаю, если бы были хоть такие председатели как Давыдов (быть может, он во второй книге вредителем тоже будет, этого я не знаю), то дело было бы не так трудно, как оно было. Хорошо, наш вождь т. Сталин с быстротой молнии подмечал эти ошибки и давал соответствующее этому делу указание.

Быть может, я не так искусен в литературе и напрасно возношусь о тов. Давыдове, но я много видел пред-колхозов, но из них ни одного не видел, чтобы был похож на Давыдова своей работой. Давыдов по моему мнению, верх совершенства по сравнению с ними.

Читающий мой отзыв о книге «Поднятая целина» подумает: «зачем это он пишет?», а вот засеем, любезный. Я понял, как сов. власть старается об улучшении жизни крестьянства, но некоторые ее руководители (хотя бы наш председатель) своими поступками кладут блистательный позор колхозному движению, тем самым помогают жужжать остатку кулачества небывалую дребедень о сов. власти. А прочтя эту книгу, я вовсе прихожу в ярость, меня берет зло на таких руководителей, которые своим руководством пролезуют <sic!> деятельность колхоза. (А ведь колхоз не мачеха крестьянину, а родная мать, так зачем же ее похабить. Почему бы не делать пред-колхоза так, как хотя бы делает Давыдов?)

Не знают такого обращения? Нет, они знают, но только не хотят поговорить с крестьянином по душам. А прям «с плеча легче», что будет, то будет, а дам все-таки прочитать ему эту книгу.

Сообщите мне: прав ли я в своих рассуждениях, вышла ли из печати вторая книга или сообщите, когда выйдет и можете ли вы ее мне выслать.

Мой адрес:
ст. Тамала,
с. Рящино.
Андрееву Василию Алексеевичу.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 152–155*)

48. А. АНТОНОВ

16 марта 1934 г., город Камень-на-Оби Алтайского края

Товарищи издатели!

Вы просили читателей вашей литературы сообщить отзыв о романе Шолохова «Тихий Дон». Я, один из читателей этого романа, пишу вам, что это один из лучших цветков художественной литературы. «Тихий Дон» дает яркую живую картину простой реальной жизни казачества. В нем прекрасно изложено описание природы.

Как видно, Шолохов отлично знал и, быть может, знает жизнь казаков, их привычки, обычаи и т.д. Но, по моему мнению, в романе недостает только биографии Шолохова, которую, я думаю, необходимо приложить к «Тихому Дону», и также объяснительной статьи о цели этого романа.

Я прошу вас, если можно, сообщить мне хотя <бы> краткую биографию Шолохова и его цель в этом романе. Притом, жив ли сейчас Шолохов и также, если можно, подробный адрес его местожительства. Я вам буду очень благодарен, если вы не откажете в моей просьбе.

Если вы пожелаете исполнить мою просьбу, то можете сообщить по следующему адресу доплатным письмом:

Сибирь.
г. Камень,
ул. Ленина, № 178.
Антонову Александру.

Больше я вам не могу ничего сказать — да, еще мне 15 лет, я ученик 7 гр. Шк. Ф.З.Д., сын водника.

Ну! Пока до свидания, впрочем, мы никогда не виделись и не увидимся.

16/III-34 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 28–28 об.*)

49. МИХЛЕВ

17 марта 1934 г., б.м.

Из недостоверных источников я слышал, что автор настоящей книги — Шолохов. Материал был похищен у одного офицера, который участвовал в подавлении повстанцев на Дону[1].

Недостатки, которыми изобильно насыщена настоящая книга, могут отталкивать от себя читателей среди интеллигенции.

По-моему, преобладают в данной книге следующие недостатки:

1. Все 3 книги насыщены вульгарными выражениями, в особенности 2-я книга.

2. Герой романа Григорий Мелехов во всех 3-х книгах обладал как будто бы сверхъестественной силой.

3. Героиня романа Аксинья, через которую Шолохов хотел изобразить характер и быт казачек Дона.

4. Самы<м> крупны<м>недостатк<ом> в данной книге является то, что в конце концов нет развязки. Мое мнение — еще нужно поработать над этой книгой.

Михлев.

17/III-34 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 8–8 об.*)

[1] См. об этом примеч. 2 к п. 37.

50. А. БЕЛЬКОВ

18 марта 1934 г., Запорожье, Украина

Прочитал роман т. Шолохова с удовольствием (I часть). Он ярко отображает переживаемую нами эпоху в сельской жизни.

Тип крестьянина в романе массовый и списан с натуры. Так живут и борются крестьяне за новые формы общественной жизни не только на Дону, но и по всему СССР. Тип рабочего Давыдова тоже реален. В романе мало уделено места «смене», подрастающему поколению. Из них, из молодежи, нет положительных типов, нет идейного комсомольца, который бы своим энтузиазмом и геройством в борьбе за новый быт, возбуждал бы интерес к этой книге у молодежи и вызывал бы молодежь к подражанию, к самоусовершенствованию.

Я считаю, что всякая книга по беллетристике, должна не забывать воспитательное назначение не только для подрастающего поколения, но и пожилых читателей. Массовый читатель плохо разбирается в положительных и отрицательных свойствах героев

произведения и часто по ассоциации имеющихся в «запасе» привычек воспринимает из книги дурные поступки героев, а также подражает и нескладной, нелитературной речи.

Я считаю, что роман Шолохова «Поднятая целина» послужит историческим памятником на долгие годы. Здесь и быт, и природа, и все окружающее вполне реально увлекает искушенного в литературе читателя. Он знакомит с новыми героями и типами в борьбе за новый быт. Он хорошо для достаточно разумного читателя, привыкшего критически относиться к прочитанному. Но в нем много горести, обыденной затасканности, деревенской грязи, которая отравляет эстетическое восприятие. И это лишь потому, что здесь нет комсомолочки, нет комсомольца, словом, нет «изюминки», которая бы как путеводная звездочка манила через всю суровую и неприглядную жизнь к высшему идеалу. Очень много у автора говорят сами герои романа своим тарабарским языком. Конечно, рассказ Щукаря и о Щукаре я не беру в пример — здесь написано бесподобно красиво. Здесь автор превосходит по юмору знаменитых писателей.

Я не критик, я бывший сельский учитель, который в прежнее время читал книжки детям и крестьянам. Знал вкусы сельских читателей и слушателей интересных книжек. Прочитал я эту книжку про себя, но некоторые выдержки пробовал читать слушателям. Заявили, что трудно понятен язык. Массовый читатель, думаю, что, несмотря на все хорошие качества книги, не осилит ее. В будущих произведениях, я надеюсь, что тов. Шолохов нам даст <образы> откристаллизовавшихся типов и героев нашего времени из молодежи, которые станут блестеть путеводными звездочками для подрастающего поколения и стареющих борцов за новый быт.

А. Бельков

Возраст 51 год, служебный стаж 34 г., учитель со стажем 25 лет.

Днепрострой-Кичкас[1] лев. бер., 6 пос., д. 43, кв. 13.

P.S. Мой отзыв написан экспромтом и думаю, что Вас не удовлетворит. Следует, по-моему мнению, поставить вопросы в виде анкеты.

<Подпись>

18/III 1934 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 158–158 об.*)

[1] Основная часть старинного села Кичкас была затоплена в ходе строительства Днепрогэса; левобережный район села сначала получил название Павло-Кичкас, затем вошел в состав города Запорожье, образовав левобережный район города.

51. Т.М. КАЛИНИН

18 марта 1934 г., деревня Корняки Великолукского района Псковской области

Дорогие товарищи!

Прочитав первую книгу Шолохова «Поднятая целина», я страшно заинтересовался ей. Где так ясно нарисована картина вредительства работы кулаков, пролезших в колхозы и заняв там ответственные посты.

Мне пришлось видеть постановку артистами В-Луцкого гор. театра «Поднятая целина», и заинтересовавшись, я купил книгу «Поднятая целина» и прошу вас выслать мне книгу второй части «Поднятой целины».

Прочитал я всю речь эту стройную
И прошу передайте привет,
Кто писал эту книгу достойную,
Большевистской борьбы и побед.
Он имеет ведь силу великую
Пролетарских врагов рисовать
И ненависть их злую и дикую
Пред рабочим так ярко вскрывать.
Пусть трепещут тираны всемирные,
Близко время расплаты для вас.
А полки наши красные дивные
Все растут и растут каждый час.

Т. Калинин. 18/ III 34 г.

Тимофей Матвеевич Калинин, рожд. 1892 года.

Профессия хлебопашец, в настоящее время занимаю должность председателя колхоза.

п/о Горицк, В-Луцкого района Смоленской области,
дер. Корняки Горицкого с/с.
18/ III 34 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 148 –148 об.*)

52. М.И. МОРОЗОВ

19 марта 1934 г., город Тара Омской области

Тов. Редактор!

Работаю в глухой деревне Западной части Сибирского края, где нет: ни библиотеки, ни красных уголков[1], даже и избы-читальни.

Я, лично, хотел бы получить некоторый кругозор знаний через советскую литературу, но к моему несчастью здесь ее нет.

Какими-то судьбами выслана партиздатом на совет первая книга М. Шолохова «Поднятая Целина», которую я прочитал с жадностью голодного волка и остоповал[2] на половине пути, т.к. книга, в которой описывает автор коллективизацию деревни и сопротивление враждебных классов надвигающемуся Новому Строю, не закончена. Поэтому прошу Вас выслать продолжение Указанной выше книги и если вышло из производства произведение «Тихий Дон» этого же автора, то тоже вышлите. Книги направляйте наложенным платежом, законченные по содержанию.

Мой адрес

Зап.-Сибирский край, г. Тара, ул. Кар. Либкнехта, д. 58.

Морозову Михаилу Ивановичу.

Моя просьба к Вам, передайте пролетарский привет М. Шолохову за его ценные, как по содержанию, также и по художественной части языка, произведения. Надеюсь, что просьбы мои удовлетворите.

С товарищеским приветом <Подпись>.

19/22 /III-34.

д. Илишачаи[3].

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 711.*
Л. 85; ред. копия — л. 86)

[1] Красный уголок — особое место в клубе, библиотеке предприятия, колхоза или школы, украшенное лозунгами, знаменами, портретами революционеров и руководителей партии, где проводились самые разные мероприятия.

[2] Остоповал (*мест.*) — остановился.

[3] Среди современных деревень Тарского района нет такой деревни. Скорее всего, оказалась среди неперспективных деревень и была ликвидирована.

53. И.К. БАЧЕВСКИЙ

20 марта 1934 г., хутор Замостье Петропавловского района Воронежской области

Прочитавши произведение Шолохова «Тихий Дон», я ее нашел лучшей из лучших. Шолохов Михаил, как видно, хороший мастер, а поэтому-то у него и дело вышло на «ять». Он сумел так охарактеризовать эпоху, человечество, что, когда я прочел и стал наводить справки по поводу восстаний и самой революции, я нашел у красных партизан ответы таковы, что ни на есть в этой книге можно убедиться, — все правда. Шолохов, как видно, не лжец. Он любит показать правду человеческой жизни. А если в этой книге дышат правдой его красивые строки, эту книгу можно назвать «популярным учебником», который человека наталкивает <на> действие.

И, когда прочитаешь эту книгу, то хочется, страшно хочется еще дальше, узнать действия героев...

И так в душу вонзаются герои этого великого мастера изображения, что читатель без них никуда, куда герои, туда и он, куда он, туда и герои...

Каждое поражение героя в бою, в мирное время читателя веселит, мрачит, и, наконец, читатель остается с неразрешенным вопросом, с неразвязанным узлом, об котором долго дома головоломку делает.

Шолохов так сумел показать пережитое человеком в этой книге, что невольно читатель забывает и вчерашнее приключение, если оно было...

Прочитав все 3 книги «Т. Дона», я невольно берусь за перо, сообщить спешу о том, что не нашел лучшего произведения, как «Тихий Дон».

Дорогие редактора, я бы вас всю свою жизнь благодарил за то, если бы вы выслали четвертую книгу «Тихого Дона».

Вот тогда бы я сложил отзыв об этом и так великом красивом произведении, а так нет возможности. Потому что Шолохов бросает читателя в своей третьей книге не в хорошее место.

Прошу, если возможно, то пришлите ответ, как у вас можно выписать книг...

Бачевский Илларион Константинович, год рождения 1913, происхождение крестьянин, середняк, работаю в производственно-полевой бригаде, среднего возраста.

Адрес мой: ЦЧО, Петропавловский район Быковского, колхоз «Новая жизнь».

Ответ пишите так: ЦЧО, хут. Замостье, ул. Ленина.

До свидания, дорогие.

20 марта 1934.

Бачевский.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 12–13 об.*)

54. К.Т. ГУНЧЕНКО

20 марта 1934 г., Донбасс (*Украина*)

Гос<ударственному> издательству
худож<ественной> литературы
от читателя Гунченко К.Т. Донбасс. Зав. <*1 сл. нрзб.*>,
забойщик. 35 лет.

Прочитал 3ю книгу Шолохова «Тихий Дон»[1].

Книга, по-моему, написана искусно, мастерски выдержана и не только имеет натурально художественный оттенок, но и обрабатывает человека, закаляет его дух, но и агитирует против советской власти, придавая очень большую ценность родной земле и особенно сословной знати.

Не читав произведения Шолохова, я был непримиримо настроен к сословию и знати и особенно к казачеству. После прочтения у меня вместо прежней ненависти временно внушилось сочувствие казачеству, ихнему героизму, стойкости за свои интересы, и даже зародилась некоторая любовь к Григорию как мужественному борцу за честь потомства.

По-моему, это произведение служит ярым сторонником и агитатором за собственность крестьянской стихии и создание бандитизма, за создание не ученых героев победоносцев.

20/III 34 г. Гунченко.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 32–33*)

[1] См. примеч. 1 к п. 32.

55. В.П. ПЕРЕГУДОВ

20 марта 1934 г., село Большепанюшево Алейского района Алтайского края

Книга писателя М. Шолохова «Поднятая целина» попала мне в руки совершенно нечаянно. Зашел я в политотдел нашей МТС, при которой есть киоск. Спрашиваю. У вас есть книги, которые бы заинтересовали колхозника и вообще колхозная литература? Мне ответили, что есть и подали книгу «Поднятая целина». Придя домой, я решил посмотреть, что это за книга. С первых строк я увидел, что книга очень интересная и соответствует чтению колхозника. Я читал ее с жадностью, не отрываясь на обед. Прочитав ее, я шлю от колхозников и от себя большое спасибо писателю М. Шолохову за то, что он один из наилучших писателей, не забыл оповестить или сообщить всему Союзу о том, как строились колхозы и вообще, с какими трудностями создавались колхозы.

*

Мне, как комсомольцу, участвовавшему в сплошной коллективизации, вспоминается, как у нас происходила такая же вещь. Когда к нам пришла газета со статьей Сталина[1], у нас такой же красный партизан, как Нагульнов («Поднятая целина»), Кол-

маков Ф., организатор колхоза, секретарь ячейки ВКП(б) в прошлом, стал не давать колхозникам растаскивать обобществленных уже курей, то его тоже потрепали бабы и угнали, заставив его тоже спрятаться в солому. Во время растаскивания курей 20 штук было задавлено. Как в то время колхозники Гремячего Лога растаскивали семфонд и затаптывали золотое зерно под ногами (Давыдов, «Поднятая целина»).

*

Мне только жаль, что книга не переплетена. Сразу после купки рассыпалась такая драгоценность, воспоминание о прошлом. Книга дешевая[2], доступная для каждого, умеющего читать. Плохо, что без рисунков. Жду второй книги т. М. Шолохова. Как выйдет, не знаю, где ее купить. У нас такие книги редко продаются. Но все же постараюсь достать.

Мой адрес. Колхоз имени «Ворошилова» Б. Панюшевского с/совета Алейского района, Зап.-Сиб. края.

Читатель книги «Поднятая целина» счетовод МТС нашего колхоза Перегудов В.П.

Жду кое-какого ответа и присылки мне второй книги «Поднятая целина» М. Шолохова, а то трудно мне ее достать в нашей местности.

Пока всё.

20/III-34года.

Читатель <Подпись>.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 711. Л. 82–83*)

[1] Речь идет о статье И.В. Сталина «Головокружение от успехов», публикованной 2 марта 1930 г. в «Правде», а затем перепечатанной во всех областных и районных газетах. Одним из перегибов коллективизации в статье названо «обобществление» «мелкого скота и птицы».

[2] Скорее всего, речь идет об первом издании «Поднятой целины» 1934 г. в серии «Книгу социалистической деревне. Дешевая библиотека Огиза». Стоимость — 1 р. 20 коп.

56. П.И. РЕМИЗОВ

20 марта 1934 г., село Лабаново Ефремовского района Тульской области, поселок Абрамовка Таловского района Воронежской области

20-го марта я попросил у зав. клуба — у женщины книжечку, почитать в свободное время мне какую-нибудь, сказал я ей. Она мне вынесла из комнаты в толстом переплете Шолохова М. Я поблагодарил и отправился читать.

В произведении т. М. Шолохова в первой книге «Поднятой целины» в ее двухдневный срок чтения, она мне открыла немало нового. Во-первых, она мне дала то, что мы, крестьянская масса, блуждалась, не видя правильного пути, по которому идет наша генеральная линия партии и генерального секретаря т. Сталина. Еще до революции, шагая в безграмотности в своем захудалом крестьянском хозяйстве, трясясь над частной собственностью и не видя эксплуатируего врага, переживал нищету и голод. И теперь в 1930 году Партия и советская власть под руководством наметила пути перестройки народного хозяйства на основе сплошной коллективизации. Автор этой книги М. Шолохов выразил ясную картину, период коллективизации в хуторе Гремячий Лог. Зажиточная масса крестьянства старалась сорвать, разрушить, затоптать проведение коллективизации, путем всевозможных провокаций, защищая идею капитализма, стараясь восстановить и поставить на ноги, что было разрушено в октябрьские дни 17 года. Теперь он <капитализм –?> обратно топырился и укоренял при новой экономической политике, и только ему становилось тошно при сплошной коллективизации, когда его стали задевать под самый корень. Все кулачество Гремячего Лога, стараясь распространять слухи средь бедняков и середняков, что мол вы не поддавайтесь, не идите в колхоз, вы будете там вечными рабами. При обобществлении тягловой силы на общий двор, кулаки распространили теорию, что мол они возьмут скот и отправят на лесозаготовку, за границу, вы его лучше уничтожьте, сами делали убой скота, такому примеру следовала и беднота. Во время засыпки семенного фонда, они обратно проводили втихомолку агитацию: вы, беднота, не давайтесь на удочку, вы разбирайте хлеб семенной, а то вы оставите себя и детей голодными, а они его смогут на хлебозаготовку отправить. Такая теория колхозу была сплошным тормозом, бедняки волновались, разбирали семена, и делали уничтожение молодого скота и птицы. Такое положение не проходило <только> в Гремячем Логу, и в ЦЧО, на Украине, в Белоруссии и т.д. и т.д., по всему СССР.

Но против такого кулаческого натиска была другая сторона, которая боролась до последней капли крови, не только при сплошной коллективизации, а еще боролись в Гражданскую войну на фронте с белобандитами, истекая кровью, защищая идею трудящегося, освобождая от ига капитализма, мещанства и эксплоатации.

И теперь так ясно выразил т. Шолохов, как на хуторе Гремячем Логу боролся настойчивый партиец на фронте коллективиза-

ции, например, т. Давыдов, когда его колотили, а он все вытерпел и улыбался, не <загорился– *нрзб*>, что его могут убить. Также и другие товарищи, как Нагульнов и пред. с/совета т. Разметнов. И ему помощник социалистический Комсомол. Хотя при таком напряжении было много и щаткостей, влево и вправо, но все это было исправлено, как сказал т. Сталин, на ошибках учимся. И теперь только настоящий момент. Наша партия взяла перевес над кулачеством и его агентурой. Теперь пущай и другие капиталистические государства наскакивают и то отпор даст, а если среди какой-нибудь отгрызнется, то это капля в море. Итак, эта книга дала много оттенков, в которых мы путались, и, может быть, у нас еще сохраняются такие оттенки, и мы еще в них путаемся. Теперь мне бы интересно узнать, чтобы Шолохов еще подчеркнул, как теперь живет хутор и процветает его колхоз имени Сталина. Больше писать не могу, нашли рабочие в общежитие, и мне перебили впечатления.

Обратно обращаюсь и сообщаю о своем возрасте и профессии (на следующей странице).

Я товарищ Ремизов П.И. Рождения с 1924 года, по старому стилю. Происхождение из крестьян. Окончил шестимесячные курсы школы ФЗУ в качестве аппаратчика. Командированный Московским спиртотрестом в Лабановский спирт-завод № 10 Ефремовского района. Прошу если будете писать ответ и захотите иметь переписку по литературам, то прошу сообщите по адресам. Если буду в отпуске, то домой по адресу, а на работе, то пишите в завод. Домой: ЦЧО, ЮВЖД, с<танция>Абрамовка Абрамовский п/отдел, а в завод, то выше указал.

20/ III- 34.

Ремизов Павел Иван.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 189 –191*)

57. Д.В. МОСЯГИН

21 марта 1934 г., деревня Ковалевка Кимовского района Тульской области

21 марта 34 г.

Прочитав книгу первую романа Шолохова «Тихий Дон» с большим интересом, я увлекся глубокой думой о Донском казачестве, о его быте, нраве и веровании. Останавливаюсь при чтении на тех строчках, на тех страницах, которые характеризуют вышеуказанные строки. Большой интерес мне оказывают те места, которые целиком и полностью показывают, как царское правительство обманывает, подкупляет казаков за то, чтобы они вели различные

войны со своими же братьями по классу из захватнической руки и большого кармана царя и его прислужников князей, помещиков и т.д. и погибали из чужого интереса. Таких книг надо больше печатать, распространять в круги трудящихся, т.к. они дают живую, движущую картину какой-либо нации. В настоящее время стараюсь найти II и III книгу «Тихого Дона».

Профессия моя ученик Ш.К.М., возраст 16-летний.

Теперь прошу издательство разъяснить мне тревожные вопросы, что можно ли в вашей типографии отпечатать мною написанные стихотворения, которые я имею пока 26. В настоящее время пишу еще, если можно, то сообщите письменно, и я пришлю свои стихи заказным письмом, еще разъясните, сколько платят за стихи, если считаются годными. А если напечатать нельзя в вашей типографии, то дайте совет, куда с ними обратиться. Дайте точные сведения начинающему поэту и пришлите адрес пролетарского поэта Демьяна Бедного[1]. Прошу, пожалуйста и искренно, не оставить меня в центре непонимания.

Адрес мой: Московская область, Кимовский район, ст. Епифань, Хитровщинское п/о, д. Ковалевка, Мосягин Дмитрий Васильевич.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 34–34 об.*)

[1] Бедный Демьян (наст. имя Придворов Ефим Алексеевич; 1883–1945) — поэт, писатель, публицист и общественный деятель, автор стихотворных фельетонов на текущие партийные и политические темы, в том числе антирелигиозные (регулярно печатались в центральных газетах «Правда» и «Известия»).

58. НЕДУРАЕВ

22 марта 1934 г., село Захарково Конышевского района Курской области

22 марта 1934 г.

Прочитал книгу III-ю Шолохова «Тихий Дон» — книга понравилась своим содержанием[1]. Это сочинение отображает быт казачества, Дона, характеризует доподлинно период гражданской войны вообще и, в частности, на юге Дона. Ярко рисует взгляды на Сов. власть, бывших казаков-кулаков, его офицерства и повстанческое движение, руководимое различными кружками бывших людей. Роман также очень интересный и понятный, хотя очень прямо говорит о взаимоотношениях Григория с Аксиньей.

Книга может быть прочитана только взрослым, с большим интересом, недостаток в книге — это плохой переплет и формат листа, будет ли 4-я книга?

Я работаю секретарем Захарковского с/с Конышевского района, ЦЧО, имею возраст 31 год.

К сему, Недураев.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 15–15 об.*)

Письмо написано на бланке Захарковского сельского совета.

[1] К началу 1934 г. третья книга романа «Тихий Дон» была издана трижды: *Шолохов М.А.* «Тихий Дон». Роман: Кн. 3. М.: ГИХЛ, 1933. Серия «Дешевая библиотека Госиздата»; *Шолохов М.А.* «Тихий Дон». Роман: Кн. 3. М.: ГИХЛ, 1933. Серия «Книгу — социалистической деревне. Дешевая библиотека ОГИЗа»; *Шолохов М.А.* «Тихий Дон». Роман: Кн. 3. М.: ГИХЛ, 1933 (Роман-газета. № 8–9).

59. Г.П. ПОЛИВОДА

23 марта 1934 г., село Подгорное Липецкого района Липецкой области

Книга, написанная Мих. Шолоховым, «Тихий Дон» должна остаться историческим документом, доказывающим все лучшие достоинства современного поэта.

Я прежде всего самоучка и делить поэтическое творчество не могу, но я красный партизан и вояка старой армии. И вот поэтому, быть может, и понравилось мне так произведение Шолохова.

Меня немало поражает такая неограниченность умственности — в одно и то же время быть на фронте, в городе, в селе, а если не быть, то, мне кажется, нельзя так точно, так выдержанно и закончено изложить и действительность, как ее излагает Шолохов.

Давно, кажется, года 3–4 назад, я прочитал первые две книги М. Шолохова «Тихий Дон». Помню, я тогда работал в сельской местности, и, когда книги эти прошли через руки «читающих», то оказалось, что больше литературы нет, и это так было, да кажется, что наполовину так и есть.

Возьмите «простые» читачи, читают и простые вещи, а эти «простые вещи» так наковеркают, что в них ни серьезности, ни простоты.

Шолохов читается, как украинский большой поэт Т.Г. Шевченко. У Шолохова действительность, тонкий анализ человека, как такового, и опять-таки при известной обстановке.

На самом деле, собрать в 3-х книгах целую армию действующих лиц и всех так охарактеризовать, так обработать, что самый низкий читака может их вспомнить в соответствующей роли через десяток лет.

Прежде всего, что у Шолохова совершенно отсутствуют агитационные порывы и «примазка». Шолохов пишет именно так, как есть на самом деле.

Попутно читаю Фурманова «Чапаев»: героев пять. Фрунзе отсутствует, Федор в обозе, Чапаев крестится, а читать нечего.

У Шолохова и Листницкий, и Аксинья, и случайная «подруга жизни», и генерал, и купец, и последний старик, дед Гришака, настолько увязаны с действительностью, что Шолохова труд кажется равнять с романистами-беллетристами.

Герой Григорий, стихийная заблудчивость, «плюю на твои чины», и это в нем было, но оставался быть чином только потому, что был в безвыходном положении. Это все Шолоховым расшифровано и доказано, а само человечество Григория разве не доказано тем, что, порубив матросов, в вихре героизма Григорий из-за сознания человечества заболел.

Или сама поэзия: «Кого везете?» — Шамиля, Томилина, Подкову, и далее идет характеризация побитых, в такие тонкости вникнуть не так легко — они просто не даются.

Вот такую литературу давайте массам, она с горечью напомнит и прошлое и будет учить лучшему, настоящему.

С баснописцами Демьянами, Горькими и пр., с ихними ломаными балладами можно не спешить — не читаются.

Им нужно переключиться на агитпропагандистов.

Прошу сообщить, будет ли дальнейший выпуск произведений Шолохова «Тихий Дон».

23/III 34.

Поливода.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 20–22 об.*)

60. М.Г. КОРОБОВ

24 марта 1934 г., деревня Тютчево Петровского района Тамбовской области

Уважаемые товарищи!

В конце книги М. Шолохова «Тихий Дон» (кн. III) вы обращаетесь к читателю с просьбой: сообщить свой отзыв об этой книге, указав возраст и профессию.

Прочитав эту книгу (кн. I, II и III^{я}), я необходимо счел нужным дать отзыв о ней.

Учась в ШКМ в 7ой гр. и имея 15-летний возраст (год рож. 1918), грандиозный роман Шолохова я читал с непадающим и неослабленным интересом. Роман-эпопея «Тихий Дон» охва-

тил собою исторический период жизни донского казачества, начиная с довоенного периода и кончая гражданской войной. Изображение жизни донского казачества развертывается в последовательных моментах с исключительным умением этого талантливого художника М. Шолохова, давшего лучший образец пролетарской литературы — грандиозный роман «Тихий Дон». С первых страниц этой книги читатель вторгается в нее, испытывая самые разнообразные впечатления <от> эпизодов и пейзажей.

Быть может, подлинно я не могу разбираться в критической оценке литературы, но все же, прочитав «Тихий Дон», я мог заметить целый ряд достоинств его и лишь один недостаток.

Центральное место в «Тихом Доне» принадлежит Гражданской войне, изображению боевых дней повстанцев-белогвардейцев и борьбе с ними Красной армии. Красная армия, характеризующаяся составом из коммунистов, рабочих и крестьян, имела немалое количество и ненадежных людей — офицеров царской армии (Вороновский) и крестьян, противников Сов. власти (Горигасов), которые сумели переправить на сторону повстанцев сердобцевский <sic!> полк. Коренное население — казаки — въелись в старые порядки жизни, окрепли и пустили корни. Им дорог жизнерадостный обычай, но в период Гражданской войны разрушенный строй казачества. Казаки — укоренелые забияки, собирают последние силы и впервые немало рушат красноармейских частей, длят Гражданскую войну около двух лет и, наконец, обессилев, получают сокрушительный удар со стороны Красной армии. Шолохов правдиво показал ужасные сражения обеих сторон и дал им определенную направленность. Но между отдельными лицами романа обеих сторон (повстанцы и Кр. ар.) существуют «человечики» с колеблющимися натурами, еще не избравшими определенного пути.

Григ. Мелехов — желает уйти к большевикам, но не решается. К ним толкала его их правдивость, которую в полноте он ощущал, но старый устой врожденного чувства тянул назад, и он избрал путь — идти против большевиков, о чем автор говорит так: «И помалу Григорий стал проникаться злобой к большевикам. Они вторглись в его жизнь врагами, отняли его от земли!» Ему, сыну казака дороги старые устои, но неосознанный реализм заставляет Григория думать и после этого. Он нерешительно в уме, но решительно на деле воюет против большевиков, защищает «родные» курени.

Иван Алексеевич Котляров — коммунист, простой хуторянин, еще не крепкий борец за дело освобождения трудящихся, он слаб. В нем нет ни мужественности, ни ярких доказательственных мыслей — погибает от зверских расправ казаков-живоглотов.

О. Д. Штокман — более решителен. За долгое время пребывания в партии он почерпнул многое. В Штокмане преобладали и мужествен<ность>, и запас доказательств — убит на митинге.

Кошевой — бывший друзьяк Мелехова, перешел на сторону большевиков и уже с тех пор стал ненавидеть все богатое казачество, в частности, и Гришку. Ему свойственны грубость и казацкое удальство. После установления Сов. власти Кошевой состоит в одной из ее организаций и отважно бьется с повстанцами. Кошевого Шолохов наделяет решительностью и качествами смелого большевика.

Немало места в «Тихом Доне» Шолохов уделяет партийной работе, вопрос бесспорный, но созданные Шолоховым документы подобных конфликтов не являются ни партийными речами, ни догматическими аксиомами, претендующими на всеобщее значение. Таков недостаток!

Юмор в отдельных эпизодах, в речах героев — проскальзывает через все произведение. В других же главах преобладает мягкий, нежный лиризм отдельных сцен и эпизодов.

Эти резко заметные противопоставления подчеркивают художественную основательность и глубину чувств писателя с величественным смыслом изображаемого. Сразу бросается в глаза, что все, что говорит Шолохов о женщине, носит чисто индивидуальный, шолоховский характер, и в наше время отношение его к половой проблеме заслуживает особенного внимания. Каждый высокоразвитый читатель (в особенности мужчина) с внутренней жизнью, найдет у Шолохова массу поучительных темных страданий, вызванных женщиной. И в особенности, на чем нужно остановиться — это на художественном мастерстве Шолохова в изображении природы. Исключительным обаянием проникнут пейзаж в «Тихом Доне». У Шолохова преобладают художественные черты, щемящие сердце. Пейзаж Шолохова — новый образец пролетарской прозы с отточенными понятными сравнениями и прекрасным языком!

Я кончаю и прошу уважаемых товарищей массового сектора откликнуться на мое письмо и подвергнуть меня критике, подробно выяснив мои ошибки, если таковые окажутся. Передаю пламенный сердечный привет автору «Тихого Дона» М. Шолохову!

Мой адрес: Ц.Ч.О. Шехманский район, п/о Волчек, Тютчевский с/с, колхоз «Оборона труда», Коробов Михаил Гаврил.

Желаю иметь тесную связь с массовым сектором.

24/III-34 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 144–145 об.*)

61. П.М. ХРАМОВ

25 марта 1934 г., село Наскафтым Шемышейского района Пензенской области

Я эту книгу прочитал с большим интересом к ней, так как я ране читал все 3 книги «Тихий Дон», от этого у меня создалась большая любовь к автору и большое желание с жадностью читать все произведения тов. Шолохова — идейного талантливого пролетарского писателя.

Мне кажется, в книге «Поднятая целина» не совсем верно описана роль бедняка как не умевшего работать. Якобы бедняк и до колхоза плохо жил потому, что он не работал, ленился и не умел работать, и в колхозе то же самое не умеет ничего делать, по словам бригадира Любишкина. Это роль Щукаря.

Дале мне кажется, что конец книги как-то приходит неожиданно. Здесь готовится восстание, приехал офицер Половцев, убежал лишенец[1]<из> ссылки Тимофей Рваный! А что случилось с лишенцем Тимофеем не сказано, также, что случилось с готовящим восстание Половцевым. И неизвестно, на какую сторону пришла победа. Прошу на это дать мне ответ.

Я рождения 1915 года.

Работаю сельским учителем. Мое образование среднее, люблю литературную работу. Когда-когда пишу стихи, которых много напечатали в местной печати. Прошу выслать мне каталог книг, которых можно выписывать.

Я надеюсь на это все дадите мне ответ, т.к. я интересуюсь читать новые художественные произведения.

Мой адрес:

Средневолжский край, Шемышейский район, Наскафтымский с/сов., учителю Храмову Павлу Максимовичу.

С комсомольским приветом

Ваш читатель.

25/III — 34 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 708. Л. 6–7 об.*)

[1] Лишенец — неофициальное название гражданина, лишенного согласно статье 65 конституции РСФСР 1918 г. (опубликована: Известия ВЦИК. 1918. 19 июня) избирательных и других гражданских прав по социальным призна-

кам, в связи с принадлежностью к эксплуататорскому классу. «Не избирают и не могут быть избранными, хотя бы они входили в одну из вышеперечисленных категорий: / а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; / б) лица, живущие на нетрудовой доход, как то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.; / в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; / г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; / д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; / е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; / ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором» (Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М., 1918). Конституция РСФСР 1925 г. содержала тот же список лиц в статье № 69. Только в конституции 1936 г. ограничения в избирательном праве по социальным признакам были сняты.

62. М.Ф. ЖУКОВ

26 марта 1934 г., г. Михайловка Волгоградской области

26 марта 1934 г.

Дорогие товарищи!

Только сейчас кончил читать замечательное произведение М. Шолохова «Поднятая целина», и надо отдать справедливость, что прочитана она мною прямо-таки запоем. Как больной алкоголем человек не может оторваться от водки, так и я не мог оторваться от этого произведения и уделял ему весь свой досуг.

Тема романа отражает то, что мною видено в реальной действительности, и поэтому, читая это произведение, я ярко восстанавливал в памяти все прошедшие события описываемых Шолоховым лет.

«Поднятая целина», по моему мнению, величайший вклад в сокровищницу советской, подлинно пролетарской литературы, дающая Шолохову мировую славу.

И последнее его произведение, по-моему, должно выйти на Мировую арену. Замечательно в произведениях Шолохова то, что в них отражается реализм вообще, и социалистический реализм в частности. Если «Тихий Дон» освещает эпоху Мировой Империалистической войны, то «Поднятая целина» рисует картину, которая протекала даже у тех на глазах, кто только еще научился читать. Это еще более утвердило ее авторитет в литературе, не говоря уже <о> высокохудожественности этого романа.

А какое разнообразие типов и характеров дано в нем! Нагульнов, например, никак не может отвыкнуть от партизанских мето-

дов работы, и в результате несет тяжелое наказание — исключение из Партии.

Наряду с вопросами общественного порядка, параллельно им отражены вопросы быта, что делает роман еще более красочным и увлекательным.

Сцены трагедии в романе хорошо сочетаются с юмором; дед Щукарь, пустозвон и балагур, где бы ни выступал, везде у него не обойдется без как<их>-либо приключений, которые у читателя <вызывают>добродушный смех ото всей души.

Я студент педагогического техникума, делюсь с вами своими впечатлениями о<б> этом произведении под влиянием необычайного интереса к нему.

В среде нашего студенчества «Поднятая целина» завоевала широчайший авторитет. За недостатком экземпляров за ней устанавливается очередность в библиотеке. Книги переходят из рук в руки, с ними ходят в столовую и в ожидании, когда подадут обед, читают ее, а также проводят за ней все свободное время, вплоть до перемен между уроками. Книги не лежат неиспользованными, кончает читать один — берется другой.

Кончая свой отзыв о данном романе, я заверяю вас, что за время своей работы в деревне я буду широко популяризировать его среди крестьян, организуя общие читки.

А в заключение пожелаю дорогому товарищу, писателю Михаилу Шолохову, много лет здравствовать и написать еще не одно подобное «Поднятой целине» произведение.

А сейчас буду с нетерпением ждать, когда выйдет его вторая книга этого романа.

Студент Михайловского педагогического техникума М.Ф. Жуков.

26/III — 34.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 708. Л. 8–10 об.*)

63. Ф.М. ШЕВЧЕНКО

26 марта 1934 г., город Шахты Ростовской области

Прочитав 3-ю книгу «Тихого Дона» и 1-ю книгу «Поднятой целины» М. Шолохова.

Данные книги мною прочитаны старикам, которые заверяют и подтверждают описанную жизнь Донщины до революции и во время сплошной коллективизации 1930 г.

Я и моя жена благодарны Мих. Шолохову за выпуск в свет данных книг, что дают понятие новому (молодому) поколению жизнь казачества и их интересы.

Читатели Шевченко Ф.М., рожд. 1909 г., работаю, шахта «Красина», в должности слесаря. Жена моя рожд. 1910 г.

Книга 1-я и 2-я «Тихого Дона» мною не прочитана. Ввиду, не имея таковых, а также не на рынке и в городских библиотеках, то желал бы приобрести указанные книги, не считался бы с пятикратной ценой их. Моя просьба, если можно приобрести через Вас, прошу сообщить.

Адрес: город Шахты, Шахта им. «Красина». Шевченко Ф.М.

26 марта 1934 г.

<Подпись>

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 179*)

64. А.С. КОВАЛЕВ

27 марта 1934 г., станица Перекопская Клетского района Волгоградской области

27 марта 1934 г.

Как только мне попалась в руки 3-я часть «Тихого Дона», я с жадностью стал читать.

Читая эту книгу, я читал ее неспокойно, как читая другие книги, а читал ее с двумя настроениями, с душевной болью к красноармейцам и со злобой к их врагам. Особенно сильно волновался, и как будто находился вместе в тех же рядах, и испытывал те же муки, когда читал моменты расстрела 25-ти коммунистов[1].

Этот процесс, т.е. те страницы описания, в которых описывали, как гнали этих коммунистов и как над ними измывались, я прочел сразу четыре раза, и с каждым разом все сильнее накипала злоба к казакам и особенно старикам-конвоирам. Когда они попросили остановиться отдохнуть и напиться, то старший отказал и в ответ сказал, что они не люди, а коммунисты, ибо у меня сразу екнуло сердце, и бросил читать.

С таким же чувством относился и когда расстреливали Штокмана.

Эта книга вложила мне в ум прошлого, а особенно, как казачество осторожно охраняло те законы, которые все время гласили: умрем за Тихий Дон, за веру, царя и отечество.

Но в противовес тем стойким за царя казакам вырастали из их же рядов стойкие, железные коммунисты (Кошевой, Иван Алекс.).

Дальше я буду просить, я страшно киплю желанием, т.е. хочу узнать последнюю историю жизни Мелеховых, живы ли они сейчас, а особенно, если жив Григорий, если нет, то, где и как он умер. Может быть, кто остался из его родных, хочу узнать их адрес.

Где сын и дочь Григория, где Аксинья. Но в общем окончания того, как они переправились через Дон и чем все закончилось.

Если это можно сделать, то не сочтите за труд, дайте совет, где эти сведения можно взять и откуда выписать. Если будут нужны деньги, я вышлю, лишь только сообщите.

Моя характеристика: Ковалев Анатолий Сем., 16 лет. Хожу в школу. Интересант чтением книг. Комсомолец.

Покуда до свидания.

Не знаю, кто получит мое письмо.

С комсомольским приветом.

Ковалев.

Сообщите, нельзя ли у вас выписать хороших пьес и книг.

Жду скорый ответ о дальнейшей жизни Мелеховых.

Мой адрес: Сталинградский край, Клетский район. Станица Перекопская. Ковалев А.С.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 23–25*)

[1] Речь идет о главе LIV третьей книги.

65. И.И. ЯКУНИН

27 марта 1934 г., деревня Китово Касимовского района Рязанской области

Прочитав книгу «Поднятая целина», меня очень возмутило то геройство т. Давыдова, как оно показано в книге, и в ней ярко отмечаются те уклоны, в которые скатились во время коллективизации 1929–30 г. даже старые коммунисты. Как в книге отмечается, это был Нагульнов, <у> которого была цель, что<бы> загнать, хотя бы и силой, всех в колхоз, а классового врага сейчас же пришибить. Дальше третий тип, это Разметнов, который шел за Давыдовым, но в некоторых случаях он колебался и в сторону Нагульнова. В книге ярко обрисована классовая борьба кулачества, как взять Банника, Островнова как вредителей колхоза и агитаторов против засыпанных семфондов. Половцев белый офицер, агитирующий против коммунистов, против советской власти за восстание, за освобождение Дона. Эта книга мне очень понравилась и поэтому прошу Издательство Художественной литературы, если можно, то пришлите наложенным платежом продолжение этой книги, потом третью часть «Тихого Дона», I и II части я давно прочел, которые меня тоже интересуют.

Моя профессия активист-комсомолец.

Адрес мой следующий:

п/о Китово Касимовского р-на Московской области,
д. Китово, дом № 165.
Якунину Илье Ивановичу.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 130*)

66. НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО

До 28 марта 1934 г., город Бахмут Донецкой области (*Украина*)

Уважаемые товарищи!

Замечательно хорошо, что вы просите читателей поделиться впечатлением от прочитанной книги «Тихий Дон». Сообщаю, что я воспринял. Книга по размеру — солидная, по содержанию — пустая. Замечательно: откуда автор собрал такие сведения, такую тайну? Где он такого диалектизма набрал? Произведение интересное с одной стороны: когда казаки бьют красных бандитов, грабителей, душегубов, невеж, варваров, негодяев, которые могут только убивать, грабить, казнить, разорять, уничтожать... Казаки красных не хотели — чего же эти экплоататоры лезли!? Т.е. вся повесть наполнена кровью. Возмущался, когда красные нападали на тружеников казаков. Напишите книгу: «Скоро ли конец б<удет> этой стране поголовного порабощения?»

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 40 об.*)

Письмо написано на почтовой карточке со штемпелем города Артемовска Украинской ССР. Дата получения: 28 марта 1934 г.

67. М.В. ШКУРИН

28 марта 1934 г., хутор Тушкановский Нехаевского района Волгоградской области

Я проживаю в глухом казачьем хуторишке Нехаевского района, куда мало попадает художественной литературы и вообще книг, но все же, имея большой интерес к книгам, я с трудом их достаю в киосках Госиздата через знакомых за отцовы средства. Через посредство знакомого секретаря с/совета мне удалось прочитать 2 книги Шолохова «Тихий Дон», которые возбудили во мне небывалое чувство и любовь к книгам его сочинения. При поступлении в рабфак через преподавателя литературы удалось прочитать рассказ «Червоточина»[1]. Простой и понятный язык Шолохова, его красочные рисунки обстановок, героическая смерть Степки комсомольца заставили меня несколько раз прочесть этот рассказ

и как комсомольца толкнули на борьбу с остатками кулачества в казачьем хуторе. Мною выявлено 12 человек расхитителей общественной собственности, которые привлечены к уголовной ответственности, и некоторые суждены самосудом. После закрытия рабфака, в котором я учился, меня взяли в политотдел М.Т.С. на работу инструктора по пионерским отрядам, где за полученный аванс в киоске купил книгу 3ью, от которой не отрываясь два дня с большим интересом читал книгу.

Героическая смерть красноармейцев за дело революции, как Лихачев, пленных Еланских коммунистов, Ивана Алексеевича, героическая месть Кошевого Мишки, зверская расправа казаков повстанцев с коммунистами во мне возбудили ненависть к богатому классу казачества даже в своем родном хуторе. Описываемая природа Шолоховым и обстановка мне очень и очень нравится. Прочитав эту книгу, я убежден, что после подавления восстания Мелехов, Кудинов, Вороновский, Сафонов и др. белогвардейские сослужники расстреляны, а Кошевой получил награду орден Красного знамени. Шолохов является моим любимым писателем.

Я прошу, дорогие товарищи, дать возможность прочитать все книги Шолохова.

М. Шкурин.

Я проживаю в хуторе Тушкановском в семье бедняка отца, когда-то приехавшего из Тамбовской губернии на заработки в казаки и оставшего<ся> здесь на местожительство, до 26 года не пользовавшего<ся> наделом казачьей земли и жил портняжней профессией. Сейчас семья моя, которая состоит из отца и матери, работает в колхозе, а я учился, но после закрытия рабфака остался оторван от учебы, о которой ужасно жалею, всего мне 16 лет.

Мой адрес: Сталинградский край, Нехаевский район, хутор Тушкановский, Шкурин Михаил Васильевич.

С ком. тов. приветом М. Шкурин.

28/III — 34 года.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 699. Л. 6–7 об.*)

[1] Рассказ Шолохова «Червоточина» был опубликован в 1926 г. в журнале «Смена» (№ 10); входил в авторские сборники «Лазоревая степь» (1926) и «Лазоревая степь. Донские рассказы. 1923–1925» (1931). В программу рабфаков по литературе указанное произведение, как и творчество М.А. Шолохова в целом, не входили (см.: *Гришин В., Касторский С., Спасибенко П.* Учебник по литературе для I курса рабфаков. М.; Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1932; *Андреев Н., Голубев В., Каган А., Ровда К.* Учебник по литературе для второго курса рабфаков. М.; Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1932; *Бутенко Ф., Гришин В., Кузьминов Я.* Пооктябрьская лите-

ратура. Учебник по литературе для III курса рабфаков. М.; Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1932). Видимо, это была личная инициатива преподавателя.

68. В.М. ЗАЙЦЕВ

29 марта 1934 г., Конотоп (Украина)

Уважаемые товарищи!

Третью книгу «Тихий Дон» М. Шолохова прочел с большим интересом. Книга гораздо сильнее 2-й.

Легко читается, тяжело оторваться, ждешь вечером, когда будет любая минута, чтобы продолжить читать.

Мне кажется, что Григорий должен быть на стороне Красной армии, а оказалось совсем другое, интересно знать развязку, очень прошу сообщить, будет ли 4-я книга, и если да, то когда и как ее можно прочесть?

Мой адрес: Конотоп УССР, до востребования. Наркомвоенмор. Почтовый ящик № 2743, Зайцеву Владимиру Максимовичу.

29 /III-34 г.

P. S. Если таковая, т.е. 4-я книга есть, сообщите, как можно приобрести.

Зайцев В.М.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 28–28 об.*)

69. М.М. ГОРОЖАНКИН

2 апреля 1934 г., село Тюменцево Алтайского края

Книга «Т. Д.» читалась мною с большим интересом. Во-первых: я люблю читать художественную литературу о Гражданской войне и импер<иалистической> войне. Во вторых: книга привлекает тем, что она просто, ясно, простыми словами написана. Когда читаешь ее, то думаешь, как будто ты видишь своими глазами и живешь в Татарском хуторе. Когда я читал ее, то представлял картину жизни Мелеховых, зажиточных казаков.

Я прочитал 3 книги «Т. Д.». Первую книгу прочитал два раза. И остальные еще прочитаю. Я дам небольшую характеристику героям книги, в частности Григорию. Григорий — на протяжении всех 3 книг не занял определенной позиции в жизни. Он шатается. Когда его ранили и отправили в Москву (это в 1 кн.), то он был убежден или, вернее, настроен патриотически к царю и к России. Он твердо стоял за монархию.

Но когда в лазарете (больнице) встретился с украинцем Гаранжой, тот раскрыл <ему> глаза. Рассказал из-за чего идет война и зарядил его отрицательно к царю и вообще к буржуям. Он поступает в ряды кр<асной> гвардии и борется с белогвардейцами-офицерами (2 книга). Но богатый отцовский двор не дает ему крепко связаться с ней. Он покидает ее. Уезжает домой. Потом восстание. Он в нем участвует как человек защищающий свою родину. И настроен против Советов.

Я учусь в 8ой группе в ОШКМ им. М. Горького в с. Тюменцево.

«Тихий Дон» у нас читается с большим интересом. Я активист местного киоска, и когда продавал книги, то спрос на них большой. Я прошу вас, редакция, чтобы вы прислали, как выйдет, 4 книгу.

Я буду стараться больше распространять и предлагать читать ее.

Передайте от меня комсомольский привет тов. Шолохову. Он очень хорошо пишет книги. И я желаю ему долгой жизни и большого успеха в творческой работе.

Может, знаете адрес писателя Александра Осиповича Авдеенко[1], то я прошу Вас сообщить мне его адрес. Я читал его произведение «Я люблю»[2].

Писал торопился.

2 апреля 1934 г.

С ком. приветом Горожанкин М.М. (Михаил Матвеевич).

Мой адрес.

Запсибкрай. П/о Тюменцево. С. Тюменцево. ШКМ им. М. Горького.

Горожанкин.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 699. Л. 3–4*).

[1] Правильно: Авдеенко Александр Остапович (1908–1996) — прозаик, публицист, драматург.

[2] «Я люблю» (1933) — роман А.О. Авдеенко, которым он дебютировал в большой литературе. Переиздавая произведение в 1958 г. в издательстве «Советская Россия», автор писал: «Роман “Я люблю” — первое мое произведение. Написал я его давно, четверть века назад, едва выйдя из совершеннолетия. Работал я тогда паровозным машинистом на Магнитке. Писал в свободные часы, вьюжными ночами. Чернила замерзали в пузырьке. На моих руках были шерстяные перчатки, на плечах — рабочий кожушок, на голове — шапка, но писал, не отрываясь, до рассвета, а потом отправлялся на работу. Написав все, что задумал, я послал рукопись в Москву, в кабинет рабочего автора Профиздата. А через некоторое время неожиданно получил из редакции горьковского альманаха “Год шестнадцатый” телеграмму с просьбой прибыть в Москву. Придя в редакцию, я узнал, что Алексей Максимович Горький прочитал мой роман и решил печатать его в ближайшем, втором выпуске альманаха, и рукопись уже готовится к сдаче в набор. Действительно, она так срочно была сдана в производство, что я не успел вписать в нее ни

единого слова. А вписать хотелось. И немало. Когда я сказал об этом Алексею Максимовичу Горькому, он посмотрел на меня очень серьезно, подумал, потом улыбнулся и ответил: − Не торопитесь! У вас много времени впереди. И чем дальше отойдете от книги, тем яснее увидите, что и как надо вписать. А пока... пусть живет и здравствует» (с. 3). Выступая на I съезде советских писателей в 1934 г., Горький назвал «Я люблю» в числе заслуженно любимых читателями книг. В произведении рассказана история Саньки Голоты из рабочего поселка Донбасса, скитания которого заканчиваются тем, что его спасают «красные люди». В 1933 г. роман вышел одновременно в «Профиздате» и издательстве «Советская литература», в 1934 — в Государственном издательстве художественной литературы. В 1967 г. Авдеенко опубликовал вторую книгу романа (М.: Советская Россия), продолжив историю главного героя.

70. Т.Е. ИЛЛАРИОНОВ

3 апреля 1934 г., Москва

3/IV — (1934)

М. Шолохов «Поднятая целина»

Я сегодня кончил читать первую книгу «Поднятая целина». Я никак не могу отстать от этой книги, меня очень интересовали выдающиеся черты представителей из пролетарского государства. Читал я хотя порядочно, но зато разобрал и понял все, что там происходило в темных уголках нашей социалистической будущей деревни.

Я слышал, будто есть II часть, дожидаюсь тоже. Дал бы сейчас свой месячный отдых, лишь бы прочитать II-ю часть.

Я работаю сторожем 40 лет, рождение 1851 года. Пока вижу хорошо, конечно, в очках, и чувствую себя здоровым. Мой месячный оклад 80 р. 50 к. Мне, старому человеку, хватает, помогают ребята.

Звать меня Терентий Емельянович Илларионов.

Адрес мой: Москва. С. ж. д., ст. Перловка, 8-ая Ленинская улица, д. № 14.

Читал несколько вещей М. Горького, «Мать»[1] и другие, но купить интересных книг не хватает средств.

С приветом Т. Илларионов.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 707. Л. 161*)

[1] «Мать» — роман М. Горького, «образцовое» произведение социалистического реализма. Написанный в 1906 г., роман начал активно переиздаваться в СССР с середины 1920-х гг., до 1934 г. вышло десять переизданий в крупнейших издательствах страны.

71. И.Т. РУДЕНКО, Н.К. АНДРЮЩЕНКО

3 апреля 1934 г., хутор Высокая Дача Россошанского района Воронежской области

Письмо двух учеников Vй группы Ново-Постояловской школы того же с/совета Россошанского района ЦЧО, хутора Высокая Дача, Руденко Иван Трофимович и Андрющенко Николай Кириллович. К нашему великому писателю Михаилу Шолохову. Пущено письмо 3/IV–34 года.

Дорогой наш пролетарский писатель Мих. Шолохов!!!

Мы, ученики, посылаем Вам большую благодарность и желаем всего хорошего. Мы по литературе, когда прорабатывали пролетарских писателей и их произведения, то нам лучше всего понравились Ваш рассказ «Червоточина»[1], повесть Неверова А.С. «Ташкент — город хлебный»[2], рассказ А.С. Серафимовича «Стрелочник»[3] и большой рассказ Фурманова Д.А. «Красный десант»[4]. Эти произведения нам понравились более других. И еще мы читали сами ваш большой роман «Тихий Дон», том 1-й, и он нам очень понравился. Мы еще хотели прочитать ваши произведения, но их у нас нет.

Но ничего, мы достанем, за это все мы выносим большую благодарность. Теперь мы просим Вас, чтобы Вы прописали нам ответ, где вы находитесь и где находятся другие пролетарские писатели.

Нам очень интересно узнать, где находятся пролетарские писатели, мы живем в хуторе от города Россошь в 15-ти километрах.

Пожалуйста, пришлите нам Ваш адрес и других писателей. С этим до свиданичко, остаемся живы и здоровы и желаем Вам этого.

К сему Руденко Иван, Андрющенко Николай.

Редакция художественной литературы, передайте, пожалуйста, пролетарскому писателю Михаилу Шолохову, автору романа «Тихий Дон», без распечатки конверта.

К сему Руденко Иван и Андрющенко Николай.

Ученики Vй группы

Россошанского р-на. ЦЧО.

Ново-Постояловского сель/совета

Ново-Постояловской школы

Хутора Высокая Дача

Руденко, Андрющенко.

Пущено письмо 3/IV–34 года.

Прямо к Михаилу Шолохову через редакцию художественной литературы.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 106–107 об.*)

[1] См. примеч. 1 к п. 67. Рассказ «Червоточина» и перечисленные ниже произведения советских писателей входили в программу по литературе пятого класса средней школы (см.: *Голубков В.В., Мирский Л.С.* Литература. Учебник для 5-го класса средней школы. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1934).

[2] Неверов Александр Сергеевич (наст. фам. Скобелев; 1886–1923) — прозаик, драматург, очеркист. Повесть «Ташкент — город хлебный» (1923) о голоде в Поволжье стала в 1920-е гг. одной из популярнейших книг для юношества, до середины 1930-х гг. входила в списки произведений для школьного чтения.

[3] Серафимович Александр Серафимович (наст. фам. Попов; 1863–1949) — прозаик, автор известного романа «Железный поток» (1924). Рассказ «Стрелочник» написан и опубликован в 1891 г.

[4] Фурманов Дмитрий Андреевич (1892–1926) — прозаик, военный и политический деятель; наибольшую известность из всего его литературного наследия получил роман «Чапаев» (1923). Повесть «Красный десант» о событиях осени 1920 г. на юге России написана в 1921 г.

72. И.И. НИКИТИН

6 апреля 1934 г., село Братовщина Пушкинского района Московской области

От читателя книги Никитина Ильи Ивановича, председателя с/сов. Братовщино Зеленоградского района Московской обл.

«Поднятая целина» М. Шолохова.

Эту книгу я получил на областном совещании пред. с/сов. и пред. колхозов 29/III-34 года. Урывками я ее прочел к 6/IV-34 года. Все время чтения я не раз — прячась от жены и детишек — плакал, не выдерживая себя. Какие трудности переносил Нагульнов. Меня слишком тревожило головотяпское действие районных организаций (т.е. отдельных коммунистов). Я часто сквозь слезы улыбался, читая эту книжку, не показывая слабость нерв своих присутствующим.

Мне 34 года, работаю в партии с 1929 года, вся коллективизация проходила в непосредственном моем участии. Я при организации колхоза первого в З/городе вступил в него, и все левацкие заскоки[1] и исправления их проходили при моем участии. Я много перенес на себе за эти годы. По профессии я сапожник, с 1923 г. работаю в активе села как бедняк. Грамотность — 2 зимы ходил в школу. В общественной работе подучился и работаю. Возможно, и с моей стороны были медвежьи услуги для нашей партии, т.к. я бедняк и много потерпел от кулаков. По всевозможным поклепам последних я так же был исключен из партии, после восстановлен. Эта книга все прошлое напомнила мне, и я, не перенося этого, плакал, несмотря на то, что когда все это было со мной в работе, никогда столько слабости не имел.

Эта книга больно потревожила мне нервы. Зато я знаю, что не один я, а нас много-много подвергались головотяпским подходам к низовым работникам и поклепам кулачества.

Эта книга дала мне больше уверенности в победе. Указала еще больше методов борьбы со всякими ненормальностями внутри партии и с классовыми элементами. Буду искать вторую книгу Шолохова для чтения.

6/IV-34 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 708. Л. 19–20 об.*)

[1] От «левак» — оппортунист, прикрывающий революционными фразами мелкобуржуазную сущность своих взглядов. Придерживающиеся «левого, троцкистского уклона» в партии, по словам И.В. Сталина, сказанным в 1929 г., «не видят в деревне других социальных группировок, кроме бедноты и кулаков», у них «исчезают из поля зрения середняки» (*Сталин И.В.* Сочинения. Т. 12. С. 41). См. также примеч. 4 к п. 16, примеч. 3 к п. 20.

73. Е.П. ПАВЛОВ

7 апреля 1934 г., село Алексино Пушкиногорского района Псковской области

Письмо от 7/IV 34 года.

Павлова Егора Павловича. Горский район, Васильковский с/совет, колхоз «Новый коллектив», селение Алексино.

Товарищи, я инвалид труда города Ленинграда Путиловского завода, работал сталеваром 10 лет, где и получил глухоту на оба уха, отроду имею 49 лет. С 1920 года проживаю в деревне. И сколько, Товарищи, я за ето время произнес <sic!> мытарства по приезду в деревню в 1920 году. В 1921 году меня лишили пенсии, и восемь лет я не получал. Но как я читал книги и газеты, «Крестьянскую газету»[1] я читаю беспрерывно с 1926 года, через которую я добился пенсии, хоть и не той, которая мне полагается как сталевару. Трудно, Товарищи, все описать мое положение. Хоть я и совершенно глухой, но книга мне помогла. Когда я читаю книгу или газету, которая волнует во мне кровь, тогда я беру в руки перо. Но только, Товарищи, мало получаю чуткости к своей рукописи от Товарищей, в особенности в настоящее время. Бросаю читать, потому что, прочитавши, не могу чтобы не писать. Через чего стал всем противный, и меня презирают, запрещают со мной разговаривать, даже старой старухе. Но, конечно, Товарищи, я ето все понимаю, в чем дело, хоть и глухой, человеческого звуку мне мало приходится знать, но книга мне обо всем расскажет.

Товарищи, я прочитал вашу книгу «Поднятая Целина», Михаил Шолохов, книга, № 1-ый. Хоть я, Товарищи, малограмотный, много в ней понял, потому что эта книга предсказывает вперед. Теперь, Товарищи, я вам опишу практику етой книги.

Я в 1929 году вступил <в> указанный выше колхоз со своим семейством. Жена 50 лет, дочь 21 год, сыну 15 лет. Колхоз наш состоит из 12 домохозяев. Было больше, но улетели. Товарищи <петухи> улетели, и я, Товарищи, хотел лететь. Но книга меня удержала. Но все летуны теперь в колхозе, но только не в нашем. Как наш колхоз организован на бывшей помещицкой земле, поэтому к нам никто не желает, и руководство у нас еще почище, чем у помещика. Я 27 лет батрачил до революции, и такого издевательства не видал нигде, как нашим колхозом все время руководят два свояка, Гаврилов В. и Павлов Василий. Смена руководства только бывает <что> муж и жена этих двух семейств. Эти два семейства нельзя назвать чтобы кулацкие. Гаврилов В. бывший крепкий середняк, Павлов В. середняк. Бывшие партейцы, но теперь исключены из партии. Но жены ихние еще в партии и руководят колхозом. Но только не по-партейному очень грызутся промеж собой, и людей грызут, но в книгу никогда не заглядывают. На что нам книга, мы и так все знаем. Но я читаю книгу и смотрю на практику, а практика показывает то, что у нас было при организации колхоза. Было у нас 37 коров, теперь 16 коров, было у нас 12 лошадей, теперь 10, из них 8 маток племенных, и мы за 5 лет не вырастили ни одного жеребеночка. Все надеялись на тракторы, была у нас свинарная ферма, теперь ее нет. Была у нас водяная мельница, теперь нет. Были у нас две бани, теперь нет. Заели вши и обмыть негде. Живем в общежитии и не имеем даже русской печи, чтобы хотя по старинке влезти в русскую печь попариться, а ведь были две бани, и все нам обещают, что ето все будет. Но когда будет, вероятно тогда нас не будет. Четыре года наши руководители жили рысково, и нам было тогда не плохо. Была обчественная кухня, работал не работал, а садись да ешь. Четыре года от нас государство не видело ни одного зерна, ни одной копейки, еще нам давало. Несмотря на то, что нам своих было девать некуда. Забрали у государства 9 тыщ, наши руководители говорили: рви, ломай, нам даду<т>, и верно им давали, а я все читал книги, иногда и говорил: товарищи, не дело вы делает<е>. Но мне не давали говорить, раз не работаешь и молчи. Я просил: «Товарищи, дайте мне по возможности работу. Говорят, вставай с сыном вместе. Я говорю: если бы я мог работать, я бы не ушел с Путиловского завода как я специалист своего дела».

Оне говорят: <с> заводу выгнали, из колхозу выгони<м>. Кому же, Товарищи, верить, книге или же практике. Через книги я был исключен из колхоза. Если бы не московская бригада, может быть, я и после <*1 нрзб*> находился вне колхоза. Московская бригада меня выручила как старого рабочего и поставила меня ревизионной комиссией нашего колхоза. Хоть я и глухой, стал действовать по всем правилам, как с<е>лькор. Но не долго ето было, только три месяца. Меня исключили из ревизионной комиссии безо всяких причин, только за то, что я читаю газеты. Стал действовать как селькор. Ничего не помогло, ни от Москвы, ни от района. Только не знаю, как-то наши руководители Гаврилов и Павлов попали на скамью подсудимых за растрату с мельницы. Павлову дали один год. Гаврилову 6 месяцев. Без них меня поставили кладовщиком, но не долго ето было. Когда Павлов и Гаврилов отбыли принудительные работы, возвратились опять в колхоз, меня снимают из кладовой и начали меня обливать грязью и травить. Говорят, довольно похапал, до колхозу ходил в колодках, в колхозе оперился. Я, товарищи, честно работал и мое семейство работало честно, поетому я и стал зажиточным, а оне лето не работали и думали, как раньше прийти на общую кухню напитаться. С тем что теперь трудодень, поетому меня пеняли из кладовой, чтобы пожи<ви>ца. Товарищи, я обращался два раза в район, чтобы не дать им хозяйничать, райзо два раза давало предписание, чтобы поставить опять меня кладовщиком, но правление колхоза на ето не обращает внимания. Вот, Товарищи, до чего теперь доводят людей книги и газеты. Я не знаю, кому верить, практике или книгам. Товарищи, я вам сообщаю, что эта книга («Поднятая целина». — *Н.К.*) говорит сущую правду, ето будет.

Только пожить, Товарищ, хочу, но жизнь не дорога, ету мы путиловцы пенсию имели до революции.

Павлов Е.П.

7/IV1934 года.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 710. Л. 17–20 об.*)

В письме в основном сохранена авторская орфография.

[1]«Крестьянская газета» — центральная советская газета, выходила с ноября 1923 г. по февраль 1939 г.

74. Г.Л. ДОВЫДОВ

9 апреля 1934 г., станица Старочеркасская Аксайского района Ростовской области

Ответ редактору:

Я прочитал не очень много произведений Шолохова, а главное 2 книги «Тихий Дон», 1 книгу «Поднятой Целины», в которых автор действительно охарактеризовал жизнь и обычаи «донских казаков» и действительно верно подметил события в 1930 году, как на низовьях Дона, а также и вверх по его руслу были события и почти восстания.

А поэтому я интересуюсь получить 3-ю книгу «Тихий Дон» и 2-ю книгу «Поднятой Целины». Потому что эти книги мне очень понравились, по их описанию обычаев Дона, которые действительно верно описывает автор.

То моя просьба к редакции, если есть эти книги, которые я желала получить, то сообщите, сколько выслать денег для того, чтобы вы выслали мне книги.

Мой адрес.

Азово-Черноморский край, Ростово-пригороды, район Альшинска, М.Т.С.

Станица Старочеркасская н/Д, с/х арт. им. Т. Шаболдохова, бриг. № 3.

Довыдов Георгий Львович.

9/IV-34.

Прошу не отказать.

Возраст мой рождения 1919 г. Образовательный стаж 5 груп.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 705. Л. 2; ред. копия — Л. 3*)

75. Ф.И. МОСКАЛЕВ

9 апреля 1934 г., город Острогожск Воронежской области

9го апр. 1934 г.

Острогожск Ц.Ч.О. Воронеж. Губ., улица Карла Маркса, д. № 10. Школа Уч. Комбинат Коопер<ации>. Николаю Федоровичу Москалеву для Ф.И. Москалева. Это мой адрес. Профессия моя портной. А сын мой зав. уч.ч. при Школе У.К.К., теперь переведен в г. Курск. А я до 1го мая или июня буду находиться на его квартире.

Прочитав книга 1$^{\underline{я}}$ «Тихий Дон» соч. М. Шолохова, приношу великую благодарность столь знаменитому писателю. Роман «Тихий Дон» это замечательно охарактеризованное казачье житье-бытье в те годы. Для меня тем более интересно, потому что я около

20-ти лет жил в ст. Вешенской ОВДонского. И жил в соседстве с атаманом Дударевым[1], с которым дружили на выпивке. И главное, в те годы, когда происходили столь ужасные события в хуторе Татарском Вешенской станицы. А в 1916^{м} я выехал с семейством в г. Калач Ц.Ч.Обл. Теперь третий год в Острогожске при сыне, хотя у меня их четыре сына и пятая дочь. Все служат. Старший, Николай, в г. Острогожске служил, теперь переведен в Курск, второй, Федор, в Красной армии, г. Благовещенск-на-Амуре, третий, Василий, ст. Горшечная Ю.-В. ж. д., Горшеченская М.Т.С., шофер. Четвертый окончил Школу Уч. Комбинат, ждет место пом.зав.<*1 нрзб.*>, он пока на хлебах брата и мне приходится прирабатывать. Дочка в слоб. Воробьевка служит счетоводом зерносовхоз<а>. Так что мне и старухе моей почти жить можно. Но годы идут, 62 года не видел, как прошли. Сам я рожден в станице Зотовской Н.-Волжс<кого><края>. Раньше Хопер<ского> <округа>. А родитель мой родом <из> Рязанской губ., село В<ерхний> Белоомут, где гнездо портных. Поэтому-то и силен интерес читать казачье, сам до 33^{х} лет жил в казаках. Только плохо, что книгу вторую читал сначала в г. Калаче. А первую вот в Острогожске. «Поднятую целину», начало, читал в журнале «Новый мир»[2]. Но сегодня получат полное издание. Иду покупать. Советую распространить издания М. Шолохова по всем школам и книжным киоскам, чтобы не было недостатка, или продавать совокупно книга 1–2–3-я.

С почт. Ф.И. Москалев.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 699. Л. 9–10 об.*)

[1] Дударев Афанасий Васильевич — станичный атаман в Вёшенской в начале XX в. Упоминается во второй части первой книги «Тихого Дона»: «На утро станичный атаман Вешенской станицы Дударев привел вешенцев на врачебную комиссию».

[2] «Поднятая целина» публиковалась в журнале «Новый мир» в 1932 г. (№ 1–9).

76. И.М. ЕРШОВ

10 апреля 1934 г., село Никольское Сысертского городского округа Свердловской области

Отзыв читателя.

Роман «Тихий Дон», часть первая.

После того, как я прочитал громкой читкой среди своей семьи данную книгу, я и мои члены семьи остаемся вполне солидарны, и есть желание достать и читать предыдущие части, т.е. начиная с 1$^{\underline{\text{ой}}}$ и до последней, роман «Тихий Дон».

Уже не старых сочинений романы, в которых иногда встречались небылицы о жизни и баловстве царей, князей, бояр и помещиков.

Данная книга дает политические выдержки и ясно открывает глаза читателю и слушателям о бывшей великой, но отсталой царской России, в которой существовала ненависть среди нации, за счет чего и зашаталось существование трона.

Власть царя существовала на религии, телесных наказаниях, при преследовании политиков, разоблачающих классовую и национальную рознь.

1. Убита турчанка, мать отца Григория Мелехова, на почве розни и старых обычаев.

2. Драка казаков с хохлами из-за очереди на мельнице, глупость, несознательность.

3. Половая распущенность Аксиньи и недопустимо низкое явление старых солдат-казаков. Случай дежурства Григория на службе, очередь 10 казаков к одной женщине.

4. Семейный разлад и ненависть к ближним на почве ревности.

5. Эксплоатация человека человеком, разница хозяина с батраком.

6. Бесцельная Германская война, убийство и борьба трудящихся за интересы эксплоататоров, которые старались отвлечь ненависть классовую, переводя ее на народность и национальность.

Рабочий класс и трудовое крестьянство России и Германии убивали и калечили один другого, оставляя сирот, а эксплоататоры за счет этого жили и укрепляли царский трон, ихнюю власть, наживая капиталы.

Мне, читателю, интересен роман «Тихий Дон» еще потому, что я из беднейшего крестьянства, батрак помещиков Злоказовых[1], очевидец белогвардейского террора под руководством Злоказова.

Участник борьбы с бандами в Средней Азии.

Написал о себе из жизни своей истории 142 страницы и думаю переработать в такой же роман, как «Тихий Дон».

Благодаря Сов. власти и службе в Красной армии, я получил маленькое образование и сейчас работаю.

Мой адрес: Урал<ьская> область, 4-й Свердловский гор. Совет, село Никольск<ое>, Сысертская показательная машинно-тракторная станция, счетовод-кассир Ершов Илья Михайлович.

10/IV 34 г

Ершов.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 47–48 об.*)

[1] Злоказовы — екатеринбургские купцы, активно действовавшие на российском рынке, потомственные почетные граждане; из крепостных крестьян Каслинского завода Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Торговый дом «Братья Злоказовы» (основан в 1882 г. братьями Петром Алексеевичем, Николаем Алексеевичем и Федором Алексеевичем) занимался винокурением и виноторговлей, вкладывал средства в металлургическое, стекольное, суконное и химическое производства. В начале XX в. к управлению фирмой пришло младшее поколение Злоказовых: Мария Николаевна Вадарская (Злоказова), Сергей Федорович и Николай Федорович Злоказовы. Кого из них имеет в виду автор письма, неизвестно (подробно см.: *Микитюк В.П.* Братья Злоказовы — от поколения к поколению // Урал. 1993. № 9. С. 205–228).

77. А.А. ФЕЛИДОВ

11 апреля 1934 г., Свердловск

11/IV 34 г

г. Свердловск

Прочитанный мною роман Мих. Шолохова «Тихий Дон», 1, 2, 3 кн., произвел на меня очень хорошее впечатление. Исторический острый сюжет — Германская и Гражд<анская> война, восстание казаков на Дону, — все это точно и ясно воспроизведено в романе. Очень мастерски автор показал сущность Донского казачества, их общественный, строевой и семейный бытовой уклад жизни. Впечатление, как от наглядной картины. Нравится литературный язык автора, простой, характерный, заинтересовывающий, как живая беседа.

Желательно получить ответ, будет ли дальнейшее продолжение романа 4-я книга, т.к. пока видно, что роман не кончен[1]. Прошу мне на это ответить.

Очень приятно то, что труд этот точно исторически верен, сходится с описанием этих событий в книге «Гражданская война на юге России» в описаниях белогвард<ейцев> (г. Краснов)[2].

Жду ответ.

Шлите доплатным: Свердловск, Оперный театр им. Луначарского.

А.А. Фелидов, 25 л. Артист Оперы.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 50–50 об.*)

[1] См. примеч. 2 к п. 32.

[2] Автором записок «Гражданская война на юге России. 1918–1920 гг. Книга 1. Январь–май 1918 г.» (Константинополь, 1921) был командующий Донской армией Святослав Варламович Денисов (1878–1957). Перу Петра Николаевича Краснова (1869–1947), атамана Всевеликого войска Донского, военного и политического деятеля, писателя и публициста, принадлежат работы: «На внутреннем фронте» (Архив русской революции. Т. 1. Берлин, 1922), где рассказывается о событиях

революции и их последствиях, и «Всевеликое войско Донское» (Архив русской революции. Т. 5. Берлин, 1922) о событиях на Дону в 1918 г.

78. Т.И. ФИСАНОВ

12 апреля 1934 г., б.м.

Прочитав третью книгу «Тихий Дон», но жаль того, что не читал первой и второй книги за отсутствием в нашей совхозной библиотеке.

Данная книга для меня понравилась, к тому <же> привлекла желание прочитать ее. Читал я ее пять вечеров с большим вниманием, каждую минуту обеденного перерыва я уделял только чтению книги. В данной книге считаю недостатком следующее:

1. Много автор описывает, считаю излишним, когда читал, для меня как бы мешало, что солнце нахмурилось, была тишина, листья не шевелились, воробьи не чирикали и т.д. Ничуть не считаю это излишним, но лучше бы, если б этого поменьше.

2. Книга не дала мне окончательного ответа как же было ликвидировано повстанческое движение и что было с главными героями романа, участвующими в книге, как то Григорий Мелехов и другие. Больше сказать по книге ничего не могу.

Моя профессия счетовод, возраст 30 лет, происхождения из крестьян, в данное время работаю в совхозе «Алтай» Западной Сибири. Участок № 6.

Фисанов Т.И.

12 /IV-34 года.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 30–30 об.*)

79. А. КУРИКОВ

14 апреля 1934 г., б.м.

14 апреля 1934.

Т. Шолохов!

За последнее время делается особенно много мероприятий в литературной среде для сближения автора с читателем. Да оно иначе быть не может, ибо эти две «стадии» едины и всякое высокохудожественное произведение, если оно претендует на это, будет считаться законченным тогда, когда над работой автора будет продолжена работа массового критика — читателей.

Наш студенческий коллектив жадно читает «Поднятую целину». У каждого свои замечания, свои восторженные сто-

роны. Я лично не мог не восторгаться Вашим описанием природы. Многие обыватели заучили одно — нашим писателям до классиков далеко... Ваша книга говорит за обратное: могут при желании писать, да еще как могут. Не обидим композитора слов Ивана Сергеевича Тургенева, если ему скажем: у нас теперь есть Шолохов!

Но есть недостатки у Вас, в вашей книге есть недостатки. Не буду повторять много написанного в «Литературной газете» о чистоте языка — это вам теперь хорошо известно[1]. Вот личность Половцева у Вас надумана. В «Лит. газ.» от 9 апреля в своей статье «За здоровье преосвященного» Л. Сейфуллина писала: «...мы в большинстве изображаем, как советская власть победила дегенератов, подлецов и трусов. Жизнь грубей и глубже... Он (победивший класс. — *А.К.*) победил не гнилого, а сильного врага»[2]. Что такое Половцев, как классовый враг? Он — действует угрозами, колеблющихся запугивает, Якова Лукича дергает за нитку, как картонную игрушку. Навряд ли истинный Половцев, который в Империалистическую войну и в революцию уже увидел нечто новое во вчерашней «серой скотинке» — солдатах, стал бы в условиях диктатуры пролетариата, в колхозную стройку по-деревенски управлять бывшими своими крестьянами; а ведь вернее, он не управлял, а только хотел сыграть на настроении этих отсталых крестьян, но ничего не вышло. Следовательно, хотя хищник теряет голову, но все же он пока хищник, Половцев применил бы в самом деле новые формы борьбы, а с такими формами он — гнилой враг.

Вот что хотел указать в качестве недостатка. Наши Вам пожелания помимо сказанного — быстрее дать читателям 2-ю часть.

С тов. приветом студент А. Куриков

14/IV — 34 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 708. Л. 21–21 об.*)

[1] С начала 1934 г. на страницах «Литературной газеты» широко развернулась дискуссия о языке (см. об этом примеч. к п. 42). 6 февраля А.С. Серафимович в статье «О писателях “облизанных” и “необлизанных”» выступил «как читатель» и дал высокую оценку «необлизанному» языку произведений Ф. Панферова, подчеркнув, что хотя язык их «не всегда хороший», есть «слабые образы», «растянутость», но все это искупается «корявой, здоровой мужичьей силой», пронизывающей его творчество (*ЛГ.* 1934. 6 февр. С. 2). Не изменивший к 1930-м гг. своего неприятия крестьянства, ярко звучавшего еще в его дореволюционном творчестве, А.М. Горький в «Открытом письмо А.С. Серафимовичу» определил «характер статьи» его как «вредоносный»: «Я решительно возражаю против утверждения, что молодежь может чему-то научиться у Панферова, литератора, который плохо знает литературный язык и вообще пишет непродуманно, небрежно. <...> *Здесь идет речь не об одном Панферове,* а о явном стремлении к снижению качества литературы», при этом подчеркнув, что речь идет о проблеме не только эстетической, но прежде всего — идеологической: «В области словесного творчества языковая —

лексическая — малограмотность всегда являлась признаком низкой культуры и всегда сопряжена с малограмотностью идеологической — пора наконец понять это! <...> Необходима беспощадная борьба за очищение литературы от словесного хлама...» (Там же. 14 февр. С. 1). В следующей статье «О бойкости», напечатанной через неделю, Горький причислил к тем, кто «творил словесный хаос», В. Хлебникова и А. Белого, а из современников — Вс. Вишневского. В дискуссии о языке и «мужицкой силе» на страницах «Литературной газеты» приняли участие А. Толстой (6 марта), Е. Пермитин (18 марта), М. Шолохов (18 марта), Л. Сейфуллина (4 апреля) и другие писатели. Итоговый характер имела редакционная статья «Еще раз о мужичьей силе», где «преклонение» перед ней, то есть перед «стихией мелкого собственника», определялось как «опасность идеологическая» (Там же. 18 марта. С. 2). См. далее о дискуссии примеч. 3 к п. 178..

[2] Неточная цитата из статьи прозаика Лидии Николаевны Сейфуллиной (1889–1954) «За здоровье преосвященного!»: «В книгах о торжестве Октябрьской революции мы в большинстве изображаем, как советская власть победила дегенератов, подлецов и трусов. Жизнь грубей и глубже. Победивший класс поверг в прах много волевых, прекрасно одаренных, честно служивших *своим* убеждениям людей. Храбрых людей, но не *нашей* правды и не *нашей* чести. Он победил не гнилого, а сильного врага» (*ЛГ*. 1934. 4 апр. С. 2).

80. ЛЕПЕШКИНА

14 апреля 1934 г., деревня Лутошкино Краснинского района Липецкой области

Я работаю секретарем политотдела, прочитала первую книгу Шолохова «Поднятая целина», она мне очень понравилась, главное стиль и содержание, что мне особенно нравится у Шолохова, и пьеса[1], которая была прислана в наш политотдел, по моей инициативе, со своими комсомольцами, мы ее быстро стали репетировать, и вот только вчера мы ее поставили в колхозе им. Сталина, это в том селе, где находится политотдел, она очень понравилась колхозной массе, а особенно дед Щукарь, который особенно комическую роль играет в этой пьесе, я особенно ценю не только эту пьесу, но и книгу Шолохова и хочу скорейшего выпуска II книги «Поднятая целина».

Прошу, побольше шлите таких пьес для колхозной массы.

Мой адрес: ЦЧО, ст. Лутошкино, Краснинского района политотдела МТС.

Секр. Лепешкина.

14/IV-34.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 709. Л. 14*)

[1] Пьес (инсценировок) по роману «Поднятая целина» в 1930-е гг. было написано несколько. Первоначально Шолохов предоставил «исключительное право на постановку и издание» пьесы по роману «Поднятая целина» Н. Крашенникову, его инсценировка была осуществлена в 26 городах России (см.: *Летопись*. С. 106).

В сентябре 1933 г. в Ленинградском театре ЛОСПС был поставлен спектакль по инсценировке А.Б. Винера (*Винер А.Б.* Поднятая целина. Пьеса в 4 д. По роману М. Шолохова. М.: Цедрам, 1935). Шолохов упоминал ее в письмах в Ленинградский областной совет профсоюзов (от 18 октября 1933 г.) и редакцию «Литературной газеты» (от 13 ноября 1933 г.) с одобрением, ставя работу Винера «выше работы Крашенникова», которому он первоначально предоставил «исключительное право на постановку и издание» пьесы по роману «Поднятая целина» (*ЛГ.* 1933. 13 нояб.; *Письма.* С. 145–147). Однако инсценировка Н. Крашенникова была осуществлена в 26 городах России, т.к. у режиссера на руках был законный договор, подписанный Шолоховым ранее (см.: *Летопись.* С. 106). В декабре 1933 г. М.И. Гринева прислала Шолохову свою пьесу по роману и впоследствии выступала с литературной композицией в студии под руководством Р.Н. Симонова при театре им. Е. Вахтангова и с эстрадных площадок (Там же. С. 109). Какая пьеса имеется в виду в данном письме, не установлено.

81. Н. ЛУПСЯКОВ

14 апреля 1934 г., деревня Мормоль Жлобинского района Гомельской области (*Беларусь*)

Писатель, имея большой талант, действительно художественно описывает революционное время на Дону среди казачества. Интересно, что против молодой неокрепшей Советской власти идет богатая часть казачества, бывшие офицеры, как Григорий и Петро Мелеховы. Они и им подобные поднимают казачество на восстание против Советской власти и будто бы против того, что красные расстреливают ни за что казачество. Они борются против расстрелов, они идут за это в бой, но вместе с тем расстреливают красноармейцев. Можно подумать, что среди них была часть, которая действительно шла в повстанческие части, ловясь на удочку их организаторами, и шла против расстрелов, но, видя расстрелы над пленными красными, и сами расстреливали их, можно ясно уявить, что они повстали не за этим. Они повстали, имея жажду до собственности, они повстали, чтобы и далее эксплуатировать пролетариат.

Почему не пошел вместе с ними Мишка Кошевой и другие казаки? Почему они не стали бороться с Советской властью, а, наоборот, пошли в красные части? Это все ясно доказывает, кто и зачем повставал. Писатель Шолохов очень интересно, конечно, и правильно описал контрреволюционное действие части казачества. Еще лучше можно увериться в заядлости контрреволюционного действия казачества, когда один из их полков Красной армии перешел на сторону повстанцев. Они предали смерти верного рабочему классу коммуниста Штокмана, они предали верного Советской власти казака Ивана Алексеевича. Вместе с тем,

художественное описание книги завлекает читателя до того, что от книги нельзя оторваться.

Я очень завлекался над чтением III тома «Тихого Дона».

Да и не один я, каждый читавший эту книгу завлекался. Жалко, что прочитался только III том этого сочинения.

Ученик VI группы Папоротнянской школы Лупсяков Николай. Рождения с 1919 года. 15 лет.

Мой адрес: БССР, ст. Мормоль, Жлобинский район, Папоротнянский с/с. Ученику VI группы Папоротнянской школы

Лупсякову Николаю.

14 апреля 1934 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 31–32 об.*)

82. А.С. БАНДАР

15 апреля 1934 г., город Кривой Рог Днепропетровской области (*Украина*)

Прочитал книгу «Поднятая целина», я должен сказать следующее: Нагульнов вполне был прав в своих поступках, ведь он был красный партизан, и он никогда не мог допускать того, чтобы классовый враг (кулак) мог издеваться над советской властью, но Райпартком не точно учитывал его, а прямо по привычке мерял всех на один аршин, один сделал перегиб, гонясь за % коллективизации, а другой сражался с врагом, тоже вышел перегиб.

О роли Давыдова. Давыдов не мог учитывать того, что «услужливый дурак опаснее врага»[1], и в то время, когда сам слыхал, что бабы говорили: мол, ключи от амбара у Давыдова, сказал Яков Лукич. И чем бы вызвать потом этих женщин и Якова Лукича и допросить ясно, как это было, Давыдов лишь поговорил с Яковом Лукичом, который своими словами отбоярился от своей вины.

Теперь о роли Лушки Нагульновой: писатель Шолохов мало осветил ее нрав, мнение и характер. Ведь читателю не совсем ясно: Лушка в поле привлекала за собой ребят, можно это подумать так, что она была распутная женщина, а можно судить и по-другому, что она завлекала собой мужчин, чтоб они не скучали по деревне, по своим женам, а ребята по девкам, ведь они же все <*1 нрзб*> жили на поле за 9 верст от деревни. Не быть там Лушки, многие холостые и женатые вечером пошли бы в деревню. А на другой день, быть может, не вышли б на работу. А Лушка их усех задерживала.

Поэтому подход ее к Давыдову тоже можно тоже судить в две стороны. 1) что она распутная, а другое, что она, Лушка, была очень боевая женщина, она не могла терпеть <*2 нрзб*> той женской застенчивости, какую имеют деревенские женщины, что,

мол, за того я выйду и с тем буду жить, кто меня сосватает. Она боролась за свой нрав, она показывала боеспособность женщины, что, мол, и женщина может завоевывать себе жизнь, может завоевать себе хотя б и мужчину, который ей по сердцу и т.п. Так что, на мое мнение, Лушку нужно осветить гораздо лучше.

Пишет Бандар Андрей Сидоров. 34 года возрастом. Занятие мое шахтер, лопаточник. Отвечайте мне по адресу: ст. Вечерний Кут. Почта. До востребования Бандарю А.С.

С дружеским приветом Шолохову.

Бандар.

15/IV- 34 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 707. Л. 18–19 об.*)

[1] Строки из басни И.А. Крылова «Пустынник и медведь» (1807), ставшие крылатым выражением.

83. Н.А. НИКИФОРОВ

15 апреля 1934 г., город Порхов Псковской области

Пишет командир батареи 168 с/п Никифоров Николай.

Находясь в госпитале с поломанной ногой, я эту книгу читал с большим вниманием, от корочки до корочки.

Нужно откровенно сказать, что сколько я ни читал книг, на меня не производило такого интереса, как эта книга «Тихий Дон».

Автор прекрасно отразил старую Россию, жизнь донского казачества, помещика, старую армию, жизнь и быт казака.

Хорошо описаны главные лица, я считаю: Григорий, Аксинья, Степан, Наталья, Евгений (Сотник), (Сваты), Петр, Елизавета и т.д., да еще Штокман, Гаранжа (политики того времени).

Насколько это все было отражено художественно, что, читая книгу, я так много переживал, быть может, потому, что, находясь 15 лет в армии, начиная с рядового и кончая командиром, для меня это так близко.

Я читал эту книгу с большим интересом, эта книга аналогична книге «Поднятая целина».

Для меня было тяжело читать, так как она написана на украинском языке («Тихий Дон»). Сам я уралец.

Я жду от вас ответа, быть может, я что неправильно оценил. Но тов. Шолохов очень хорошо отразил, до мельчайшей подробности то, что происходило в то время.

У массы большой интерес к произведениям Шолохова.

Я имею желание почитать книгу «Бруски», но ее пока не вижу.

Адрес мой места службы: г. Порхов, ул. Средне-профсоюзная, № 5. Никифоров Н. А.

В госпиталь, я лежу в нем: г. Псков, ящик 6, войсковой лазарет, комната 6.

Я хочу все же получить от вас ответ.

С коммунистическим приветом к вам

Ваш читатель.

Командир батареи: Никифоров.

15/IV-34 г.

Пишу на кровати госпиталя, жду ответ в госпиталь.

Адрес на обороте.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 37–38 об.*)

84. Н.Н. НОСОВ

15 апреля 1934 г., село Киясово Сарапульского района Удмуртской республики

Я прочитал книгу «Поднятая целина», и она мне пондравилась. Я благодарю за эту книгу автора и желаю ему всего хорошего. Теперь у меня есть вопрос, что написано в книге «Поднятая целина», это правда или выдумано автором этой книги тов. М. Шолоховым? Этот вопрос у меня к издательству, а особенно к автору этой книги.

Просьба сообщить.

Мой адрес: Свердловская область, Сарапульский район, Киясовская МТС. Получить Носову Николаю Сергеевичу. Я адрес пишу на отца, т.е., если адрес писать на меня, то письмо может не дойти. Профессия: учусь в школе первой ступени, в 4 группе, ударник, пионер. Возраст: 12 лет.

15/IV-34 г.

Николай Николаевич Носов.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 708. Л. 25–25об.*)

85. ПАНТЕЛЕЕВ

15 апреля 1934 г., город Снежное Донецкой области (*Украина*)

У. Товарищи!

Никогда в жизни не писал отзывов на ту или иную книгу, но, прочитав Шолохова «В бригаде прорыв»[1], как патриот народного говора донских казаков, я решаю написать свое мнение об этой книжечке.

Тема самая удачная — сегодняшний день жизни колхоза. Я нарочно прочитал ее колхозникам, собравшимся у моего товарища, куда я приехал погостить. Колхозники-казаки так восприняли свой родной говор, изложенный мастерски автором, как будто бы они слушали своего соседа, и так громко хохотали над сценкой, когда старик Щукарь накормил лягушкой, но деловито заметили: «Вот бы нашему предколхоза эту книгу подсунуть, пусть бы знал, как следует руководить пахотой». По-моему, не лишним было, если б автор в коротких словах пояснил, кто таков Давыдов в прошлом. Потому что меткое замечание одного из моих слушателей вызвало недоумение у всех: «Он (Давыдов), наверное, в жизни еще не видел быков и боится, чтоб они его не укусили...» Не мешает сказать о нем как о рабочем-большевике, которому все посильно, и подлинный наш гражданин трудящийся одинаково владеет станком, плугом и винтовкой.

Дальше в книге показан личный пример выхода из прорыва и перевыполнение плана, но наряду с этим следовало бы показать его умение организовать, роль командира. А то на первый взгляд получается так, что Давыдов сидит в правлении, совещается, митингует, издает приказы, а «воз и ныне там»[2] — плана не выполняют.

Чувствуется слабость в руководстве, неумение найти добросовестный актив, который бы тянул на буксире всю бригаду: самотеком работал Майданников, и когда он вспахивал по ¾ десятины, то после оказывалось, что можно вспахивать без <п>лана 1 ½ дес. Между правлением и полем существует разрыв. Эта книга может быть полезнейшим материалом, если б ее проработать в каждом колхозе. Не умеющие пахать — научились бы, преды колхозов поняли бы, что административного руководства мало, а следует самим показать живой пример. Отсутствует в книге роль парторганизации, КСМ, роль бригадной или колхозной газеты, всякого рода показателей, кто что сделал — по-моему, в такую полезную книгу для колхоза следует совокупить все лучшие примеры руководства агит-культ-массовой работы.

Наконец сам разговорный язык должен еще проще выглядеть, потому что запас всяких слов и выражений в народах Дона огромный.

Не мешает создать особый для них коллектив литераторов для усовершенствования или увековечивания местного говора, песен, танцев. Потому что с каждым годом в их речь вливаются новые слова, старые же «умирают», а для истории в дальнейшем это будет ценным. Дети, воспитанные сегодня, не будут знать, что

и как было вчера в области интимной жизни и чувствах казака, казачки, говоре, искусстве.

Вот все. Если здесь есть неточности, неопределенности — так это будет свидетельствовать о том, что я сам не имею определенной профессии.

Год рождения мой 1911-й.

Адрес: Донбасс, п/о «Снежное».

10 Учкомбинат. Ковалевой для Пантелеева.

15/IV — 34 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 708. Л. 23–25 об.*)

[1] Речь идет об издании: «В бригаде прорыв. Глава из романа Поднятая целина» (М.: ГИХЛ, 1933. Серия «Библиотека начинающего читателя»).

[2] Строки из басни И.А. Крылова «Лебедь, рак и щука» (1814), ставшие крылатым выражением.

86. Т.Я. РЫКОВСКИЙ

17 апреля 1934 г., поселок Безенчук Самарской области

Тов. Шолохов!

Читая Ваши произведения, не могу удержаться, чтобы не высказать Вам самое лучшее мнение о них, особенно большое впечатление производят «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Написано ярко-образно, дает полное представление реальности. События исторически верны. Зарисовки быта и нравов донских казаков-хуторян взяты с натуры.

Особенно родным и понятным является все для самих казаков, как изложенное на донском диалекте. Я родился в казачьей семье на хут. Усть-Фоминском Тацинского района. Жил там до 15ти летнего возраста. После этого 39 лет почти не жил между казаками-хуторянами (за исключением гор. Новочеркасска). Несмотря на столь длительный срок оторванности от хуторян, у меня чтение Ваших произведений живо воскрешает в памяти действительность быта, обычаев, повадок и особого жаргона казаков-хуторян.

Осмеливаюсь побеспокоить Вас следующим вопросом: будет ли и когда выпущена четвертая книга «Тихий Дон» и вторая книга «Поднятая целина».

Т. Рыковский.

Адрес: Почта Безенчук Чапаевского района Средне-Волжского края. Комбинат, дом № 21, кв. 9. Рыковскому Трофиму Яковлевичу.

17/IV-34 г.

Я пенсионер. 30 лет работал телеграфистом. Мне 54 года.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 51–51 об.*)

87. Н. БЕРДНИКОВ

19 апреля 1934 г., город Алейск Алтайского края

3я книга «Тихий Дон» Шолохова[1].

Отзыв.

Читал с интересом, но внимания так и не приобрел до конца книги.

Прежде всего, я считаю выражение автора о советской власти слишком даже грубым, а самого автора отнюдь не стойким революционером, не может он своим произведением «Тихий Дон» направить на революционный путь молодого, не окрепшего революционера. Несмотря на то, что роман «Тихий Дон» является историей (если это около действительности) донских казаков, он не имеет такой ясности и революционного настроения.

Шолохов умело описывает и так называемый «дух» казаков, как Григория, Петра, и совершенно туманно, неумело подходит к Штокману, Лихачеву.

Сожаления больше летят на сторону контрреволюционных казаков и капля на большевиков.

Смерть Петра — автор рыдал, описывает расстрел — останавливается на мыслях Григория о детстве, заставляет жалеть об убитом офицере. Но смерть Штокмана, ясно, что он погиб героической смертью, но не единого тона сожаления, как о большевике, не дано, а наоборот, правда, не ехидно, но около того брошено: «Собаке собачья смерть!»

19/IV-34 года.

Мой адрес:
Зап.-Сиб. край, Алейский р-н, Алейская М.Т.С.
Николай Бердников.
Профессия — токарь-металлист.
Возраст — 18 лет.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 53–54*)

[1] См. примеч. 1 к п. 32.

88. Е.Н. ЕФИМОЧКОВА

19 апреля 1934 г., город Мамадыш республики Татарстан

Прочитав на своем веку много романов и книг, хороших и плохих авторов, старых и современных, я, как говорится, «поднаторела» во вкусе к чтению, и это дает мне возможность судить, может быть, и неверно, о достоинстве того или иного романа и его авторе. Откровенно говоря, я не люблю современных писателей. Большинство из них наполовину или вовсе бездарны, и в их романах, и вообще в написанных ими вещах, преобладают высокопарность слога, подделка под известных авторов и какая-то неискренность, которую, вероятно, чувствует и сам автор. А главное, большинство современных писателей уж чрезмерно стараются подделаться под современный лад.

Ничего подобного нет в романе М. Шолохова. Автор простым понятным слогом, в ярких красках описывает гражданскую войну на Дону, без чрезмерного выделения персонажей, как то встречается у некоторых других писателей, которые чрезмерно ярко подчеркивают так называемых «добродетельных» и «порочных» героев своих книг. С захватывающим интересом читая «Тихий Дон», читатель переносится туда, где действуют герои романа, переживает вместе с ними, как будто бы сам читатель именно является действующим лицом и испытывает то, что так ярко и красочно излагает автор в своем романе.

Не подчеркивая чрезмерно ни белых, ни красных, автор незаметно и не так уж притворно выделяет геройские подвиги обоих армий, не скрывая и не умаляя вину ни тех, ни других.

Несмотря на то, что я прочла всего лишь три тома «Тихий Дон», и притом с промежутками через год каждый, интерес от этого не умаляется, и, кончая ныне третий том, я ярко вспоминаю предыдущие два тома, как будто бы я прочла их все разом.

Но, к сожалению, живя в провинции, здесь нельзя полностью удовлетворить запросы к чтению, ибо литература поступает нерегулярно и неполно — это в библиотеки. Совсем или очень мало бывает художественной литературы в местных магазинах Татиздата, а если она и появляется, то цены на нее бывают такие внушительные, что работнику, получающему незначительное жалование, иногда бывает невозможно купить себе книгу, и приходится пользоваться лишь библиотечными книгами.

Сейчас в нашей библиотеке нет четвертого тома «Тихий Дон», когда будет, неизвестно, и я с нетерпением жду его прибытия, чтобы еще раз пережить с героями романа события.

По яркости таланта и живости письма М. Шолохова можно поставить наравне с нашим М. Горьким. Вот эти два пролетарских писателя больше всего могут так ярко и красочно изобразить своих героев и заставить читателя пережить то же, что переживали и они.

С благодарностью и с удовольствием читая романы М. Шолохова, остается лишь пожелать, чтобы другие авторы, входящие в ГИХЛ, были бы настолько же талантливы и красочны, как М. Горький и М. Шолохов.

Мое положение: я работаю в должности машинистки в Политотделе Мамадышской Машинно-Тракторной Станции в Татреспублике. Возраст мой — 30 лет.

19/IV 1934 года.

г. Мамадыш Тат. Республики, МТС.

Ефимочкова Екатерина Николаевна.

(*Авторизованная машинопись. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 40–40 об.*)

89. И.Е. МЕЛЬНИКОВ

19 апреля 1934 г., б.м.

19 апреля 1934 г., прочитав книгу «Тихий Дон» Шолохова, сообщаю, что автор этой книги чрезвычайно тонко, чрезвычайно художественно осветил полосу гражданской войны и восстание донских казаков, упорно отстаивавших свою прежнюю богатую жизнь.

Автор Шолохов красочно осветил героя этой книги, Григория Мелехова, все те его колеблющиеся чувства и настроения в начале мятежа и злобную ненависть к советской власти в исходе этого мятежа.

Автор также характерно подчеркивает недостатки коммунистов, боровшихся против буржуазии донского казачества. В их малой опытности в завоевании авторитета среди казачества бедняцких слоев они не учли ту веками всосавшуюся в кровь донских казаков традицию вольной, непреклонной жизни.

Было бы гораздо меньше пролито крови, если бы коммунистами было проделано больше агитационной работы среди казачества низших слоев.

В общих чертах — книга завлекательная, и оценку ей можно дать в высшей степени приличную, и можно с успехом сказать, что наши современные писатели в литературной деятельности уже перещеголяли прежних, царской (монархической) эпохи писателей.

Недостатком можно признать — это развязку, которая как-то сходит не картинно, хотя смысл развязки вполне понятен.

В общем, книгой я остался чрезвычайно доволен.

Возраст мой 23 года, пол — мужской, образование — среднее, профессия — промысловик-охотник и рыбак.

19/IV-34 г.

И.Е. Мельников.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 34–35*)

90. Г.Ф. БАКАЛИНСКИЙ

21 апреля 1934 г., город Монастырище Черкасской области (*Украина*)

Я прочел «Поднятую целину» Шолохова. Книга интересная, написана хорошо. Особенно удалося Шолохову отобразить классового врага, который мешает работе колхоза. По-моему, неудачные моменты у Шолохова, это очень растянутые описания какого-нибудь бугорка или избы, потом разные воспоминания, часто лишние, напр., деда Щукаря, его и без рассказов видно, кто он.

Потом ужасно плохо получилось «факт» Давыдова, начавшийся чего-то из средины книги, сначала Давыдов говорил, как нужно, а потом «факт»?

По-моему, это лишнее. Совсем у автора нету в Гремячем молодежи и комсомола, где они девались, что в «Поднятой целине» нету.

Это и все!

С приветом! <Подпись>

УССР, Монастырище, Вокзал

Киевской обл.

Бакалинский Геннадий Федоров.

Профессия: агротехник.

Возраст: 20 лет.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 711. Л. 93–94*)

Письмо написано на бланке «Службова записка»; сверху бланка вписана дата: 21/IV 1934.

Службова записка № 16

Кому: изд-ву «Советская литература»

Від кого:................................

91. Н.Л. НЕКРАСОВ

23 апреля 1934 г., поселок Ширвей Пинежского района Архангельской области

Моя профессия — учитель сельской школы, работаю первый год, образование среднее, возраст 19 лет.

Впервые книгу прочел в «Роман-газете»[1], читается очень легко, очень хорошо оформлена с художественной стороны. Особо выделены образы Григория Мелехова <и> его отца.

Но, с моей точки зрения, основной недостаток данного романа заключается в том, что автор данного произведения выпячивает во всей форме восстание казачества, его авангардную роль, тем самым затушевывает роль нашей победоносной Красной армии. На всем почти протяжении произведения Красная армия перед восставшим казачеством бессильна. Героями дня выставляются «Мелеховы», а героических схваток отрядов Красной армии не видно. Представителем от казачества в Красной армии является Мишка Кошевой, но *его действия* так искусно затушеваны, что его героических отдельных моментов совсем не видно, за исключением момента, когда его направляют с донесением о переходе их полка на сторону восставших.Только под конец романа выделена его роль, но и то в недостаточно красочных образах. Из произведения видно, что все почти население только на стороне восставшего казачества, на стороне же красных почти нет, за исключением отдельных индивидуумов.

Вот отдельные моменты упущенные, по моему мнению, в данном романе. Я не литератор, поэтому возможно, что недостатки, указанные мною, могут быть недостаточно ясны, но все-таки я придерживаюсь данных мнений, выраженных выше.

23/IV-34 г.

С ком. приветом, Некрасов.

Мой адрес: Северный край, Карпогорский р-н, Явзорское п. отд., п. Ширвей, шк. I ступени[2], Некрасову Н.Л.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 44–45*)

[1] Речь идет об издании: *Шолохов М.А.* Тихий Дон. Роман Кн. 1–2. М.: Московский рабочий, 1928 г. (Роман-газета).

[2] К 1930-му году сложилась следующая система начального и среднего образования: Школа I ступени (начальная школа) с четырехлетним сроком обучения являлась базой для школ низшего профессионального образования, учебно-производственных мастерских и в сельской местности Школ крестьянской молодежи (ШКМ). Общеобразовательная семилетняя школа являлась основой для средних и профессионально-технических учебных заведений: индустриальных, сельскохозяйственных, педагогических техникумов и фабрично-заводского ученичества

(ФЗУ). Как разновидность семилетней школы в промышленных центрах и районах создавались фабрично-заводские семилетки (ФЗС) (Подробнее см.: *Арнаутов Н.Б.* Развитие системы советского среднего образования в 1920–1930-е годы // Вестник НГУ. Серия: Педагогика. 2010. Т. 11. Вып. 1. С. 113).

92. Г.И. ЗОРИН

24 апреля 1934 г., город Сорочинск Оренбургской области

24 апреля 1934 г.

Сообщаю, мною прочитаны 1-я и 2-я книги в 1930 г. и 3-я в апреле 1934 г. «Тихий Дон», составленные Михаилом Шолоховым. Из них можно научиться: 1. Ведению политически классовой войны в прифронтовой полосе: как-то арест контрреволюционного казачества; 2. К чему может привести нетактичный поступок бойца по отношению к мирному населению <в> прифронтовой полосе: как-то поступок красноармейца с Мелеховым Григорием; 3. Половое влечение берет верх и над экономией, и над семьей: как-то интимная связь Григория с Дарьей[1].

Книгу читаешь с большим интересом, с нетерпением жду выпуска 4-й книги. Выпускай скорей, охота узнать, чем кончится с Григорием.

Возраст мой 36 лет, профессия — упаковщик-рабочий.

Зорин. 24/IV-34 г.

Адрес мой: Средне-Волжск. край, Сорочинский район, Оренбургская улица, № 33, Зорину Г.И.

Чтобы оценить книгу, желательно получить вопросник, чтобы на него можно было ответить, а так очень трудно с 1930 г. помнить. Мне лично не нравится поступок Кошевого с Ильиничной. Пользуясь моментом, завел речь о женитьбе.

Я сам партизан, уральским военно-полевым судом приговорен к смерти. В Красной армии служил с 1917 г. по 1924 г. включительно, занимал должность от стрелка до комроты.

Сообщите по адресу о получении и отзыве и пришлите вопросник, на весь дам ответы, с подробным описанием.

Зорин.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 202*)

[1] Речь идет не о Дарье, а об Аксинье.

93. П.И. БЕЛИКОВ

26 апреля 1934 г., деревня Осиновка Лежневского района Ивановской области

Эта книга мне очень понравилась, а самое главное, это какое брожение было казаков во время революции 1917 г. Интересно то, как Григорий Мелехов перешел сначала на сторону красных, ну а потом опять ушел защищать свой родимый Дон от нападения и вторжения в него уже не в первый раз красных войск, в $3^{й}$ книге очень интересно, как делается наивным врагом Советской власти Григорий Мелехов. Как он становится руководителем повстанческим движением Дона — против Советской власти. Но и интересно то, насколько свирепо было настроено казачество, когда Дарья, жена Петра Мелехова, застрелила своего хуторянина. И, в конечном счете, Григорий не совсем сходился с казаками. У него было как бы брожение в голове, но его вроде на борьбу с красными толкал как будто какой инстинкт. Написать бы конечно можно много, но сейчас очень некогда, но книга очень и очень интересная, прошу писать ответ. 26/IV-34 г. П. Беликов.

Работнику Государственного издательства художественной литературы.

Первое сообщаю, что моя профессия — кончил Ивановскую железнодорожную школу Ф.З.У. Сейчас послан колхозом на курсы председателей колхозов, скоро кончаю. Год рождения 1915.

Сообщайте мне по адресу:

П/о Крапивново Тейковского р-на Ив. Пром. области, д. Осиновка, Беликов Павел Иванович.

Настоящим прошу работников художественной литературы сообщить мне, имеются ли в продаже книги «Тихий Дон» произведения Шолохова. Начиная с $4^{й}$ книги, так как я $1^{ю}$, $2^{ю}$ и $3^{ю}$ книги прочитал, но продолжение нигде не могу найти, прошу сообщить, если имеются книги начиная с $4^{й}$, а также сообщить цену и куда посылать деньги.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 699. Л. 79–79 об.*)

94. НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО

5 мая 1934 г., станица Новоцимлянская Цимлянского района Ростовской области

Отзыв на книгу
Мих. Шолохов — «Поднятая целина», роман, кн. 1-я,
ГИХЛ, 1934 г., 1 р. 20 коп.

Книга возмутительно испещрена местными словами (провинциализмами), вернее, она написана не на русском языке, а на донском казачьем говоре, и это смазало ее достоинства. Откройте стр. 271 (это без всякого выбора) и Вы найдете до 14 вывихов: «зарья» (сейчас), «нету» (нет), «вшов» (вшей), «про митингу» (про митинг) и т.д. Тут же целые фразы: «нету зараз митингов!» Ведь это же целый букет из шипов, никто не превзойдет такого «художественного» языка. Что хотел показать или достичь автор, употребляя такие слова, как «хучь» (хотя). «ажник» (даже), на каждой странице? Фиглярство какое-то! Шолохов до того защеголял, что часто пишет слова, какие на донщине никто и не говорит: «раскакую» нужду, «споверх» — почему бы уж не насповерх или еще что-нибудь нелепее.

Шолохов — донской казак, он старается показать, щегольнуть единственным, что осталось от всевеликого войска донского[1], — исковерканным выговором донским.

Наводит на размышления и тот факт, что такой вывихнутой речью автор наградил главных героев[2] — красных партизан, коммунистов с многолетним стажем, председателя с/совета Разметнова и секретаря партячейки Нагульнова, а наряду с ними дед Щукарь, нигде не бывший за пределом своей станицы и соседних хуторов, говорит правильно.

Удивительно, почему у автора не хватило нахальства испохабить речь ленинградского рабочего Давыдова.

Из-за таких «художеств» книгу читать трудно. Читателю, не знакомому с донским выговором (напр., Моск<овская> обл., Ленингр<адская>, Сев<ерный> край), во многих местах книга не понятна будет.

В таком виде книгу больше издавать нельзя, ее нужно перевести на русский литературный язык.

Читатель <Подпись>, учитель, 40 лет.

Станица Новая Цимлянская Цымл<янского> района, Аз.-Черн. Кр.

P.S. Если можно, то перешлите копию этого письма Шолохову, и пусть он не пишет больше на таком вывихнутом языке. Я бы непосредственно послал, да адреса не знаю.

5/V34 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 710. Л. 22–23 об.*)

[1] Всевеликое Войско Донское (Донская республика) — республика на Юге России, на территории казачьей Области Войска Донского; провозглашена белым правительством на Дону в 1918 г. (название для Донской республики было предложено атаманом П.Н. Красновым), пала в начале 1920 г.

[2] См. об этом примеч. 2 к п. 42, 79. В дискуссии о языке использованию местных речений была дана и идеологическая оценка; она прозвучала в открытом письме Горького в адрес А. Серафимовича, выступившего с поддержкой Панферова. Горький напомнил, что «мужицкая сила», защитником которой оказался Серафимович, «сила социально нездоровая и что культурно-политическая, талантливо поставленная работа партии Ленина — Сталина направлена именно к тому, чтобы вытравить из сознания мужика эту хвалимую Вами “силу”...»; «В области словесного творчества языковая — лексическая — малограмотность всегда является признаком низкой культуры и всегда сопряжена с малограмотностью идеологической, — пора, наконец, понять это!» (*ЛГ*. 1934. 14 февр.; *Горький М.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 27. С. 148, 151).

95. П.М. КТИТОРОВ

6 мая 1934 г., село Великомихайловка Новооскольского района Белгородской области

6 /V-34.

Когда в голове возникает вопрос, что такое художественная литература, то в книге Шолохова «Тихий Дон», кн. третья, мы находим глубоко исчерпывающий ответ на данный вопрос. В этой книге мы находим картинное отображение того положения, которое было на Дону, во время борьбы трудящегося населения под руководством коммунистической партии за освобождение, за власть Советов.

Вот тут-то у Шолохова картинно показано то сопротивление контрреволюционно-настроенного казачества во главе с генералами-белогвардейцами при энергичной поддержке международной буржуазии. В этой книге картинно показал т. Шолохов до атома пропитанные жадностью на частную собственность, теряя свои силы, уверенность в победу, бешено сопротивлялись.

В этой книге показана одна сторона борьбы, другой почти не видно. Показана сторона белых. Между прочим, это возбуждает у читателя интерес, желание в чтении продвигаться дальше, скорее-скорее увидеть геройство красноармейцев, пережить чувствами успех Красной армии в победе над белогвардейцами. И, не дождавши<сь> этого, смотришь: «Конец книги третьей». Значит, надо ожидать книгу четвертую, где должна быть показана картина окончательного разгрома контрреволюции. Жду книгу четвертую!

Пару примеров о популярности этой книги.

В наш район их попало не много, а может быть, одна. На это сведений я не имею. Мне пришлось эту книгу купить. Я с жаждою принялся ее читать. Я рассказал кое-кому из товарищей об этой книге, и они чуть не в очередь стали записываться, кому я должен дать прочитать эту книгу.

Был такой момент на этот счет. Во время первомайской демонстрации стою, ко мне подходит учительница, спрашивает: «Петр Матвеевич, у вас, говорят, есть третья книга “Тихого Дона”?» — «Да, — говорю, — есть». — «Вы ее уже прочитали или еще читаете?» — «Нет, еще читаю». — «Вы потом дадите мне почитать?» — «Я дал бы, но у меня на эту книгу читателей целая очередь стоит». — «Ну, вы все же дадите мне почитать».

Вот из таких маленьких примеров можно видеть, каким авторитетом пользуется «Тихий Дон» у широких масс читателей. Это ставит вопрос перед издательством об увеличении тиража этой книги. Вот и все.

Читатели ждут от т. Шолохова четвертую книгу «Тихий Дон».

Профессия моя — учитель школы I ступени[1]. В данный момент работаю инструктором политико-просветительской работы при Велико-Михайловском районном отделе народного образования. Возраст мой — 24 года, член ВЛКСМ с 1928 г.

Кктиторов.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 47–48 об.*)

[1] См. об этом примеч. 2 к п. 91.

96. Я.Х. РАСПАРКИН

6 мая 1934 г., город Завитинск Амурской области

6 /V-34 г.

Прочитав книгу Шолохова «Тихий Дон», в порядке отзыва об этой книге могу сказать следующее. Прежде всего, мною были прочитаны все три книги.

Шолохов в своем произведении мог отобразить донское казачество как никто другой. Им было описано казачество в его быту, в его идеологии с очень большим художественным мастерством. Классовая борьба среди казачества показана на живых примерах и людях, а не путем авторского описания, что зачастую делают другие писатели. Поворот бедного казачества в сторону советской власти описан довольно-таки правдиво.

Не знаю, может быть, автор и не ставил своей задачей, но, по-моему, недостатком этой книги является то, что не было показано взаимоотношений казаков и иногородних, а ведь в действительной жизни среди казачества живет много иногородних. Еще ценна эта книга тем, что он в художественных образах довольно правдиво рассказывает историю всего казачества.

В отношении художественной обработки этой книги Шолохов, как художник, оказался на высоте своего положения. Им даны высокохудожественные образы в простой и понятной форме.

Сам по происхождению крестьянин-казак (донской).

Работаю сейчас командиром взвода. Возраст — 1908 года рождения.

Я убедительно прошу выслать мне наложенным платежом все произведения М. Шолохова, так как я им сильно интересуюсь и, можно сказать, изучаю произведения Шолохова. Но в этой местности, где я нахожусь, их достать невозможно.

Мой адрес: ДВК, Уссурийская ж. д., ст. Завитая. Почтовый ящик № 10. 51-й Отдельный строительный батальон, 4-я рота.

Распаркин Яков Харлампович.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 49–50*)

97. Г.И. АФОНИН

14 мая 1934 г., город Атырау (*Казахстан*)

Прочитав 3 книги «Тихий Дон» Шолохова в разное время, я после прочтения первых книг порывался написать свое мнение, но откладывал, надеясь на то, что в последующих книгах, возможно, допущенные автором ошибки будут исправлены, но в третьей книге я нашел то же, что в первых двух.

Формулировать свои отзывы я точно не в состоянии, но они сводятся к следующему: художественная сторона, пожалуй, никому не может не понравиться, но содержание их не может не возмущать читателя.

Содержание книг «Тихий Дон», мне кажется, может удовлетворить только белогвардейца. Ведь такие моменты, когда представители славной Красной гвардии — армии — были такими жалкими на совместном с белогвардейцами совещании; отсутствие представителей бедноты, женщин, молодежи и их действия в станицах; совершенно смазана роль слесаря-большевика; нет даже ни одного героя на стороне красных. Петра красные убивают, чуть ли не связанного, и то после боя, тогда как беляки с таким удальством в невозможных случаях рубят красноармейцев (случай Григория с пулеметчиками), отсутствие работы в тылу белых со стороны красных.

Есть слухи о том, что в четвертой книге автор пытается все эти ошибки исправить — будем ожидать, иначе эти книги крайне возмущают многих бывших героев и умевших рубить в схватках гораздо лучше Григория.

14/V-34 года.

Афонин Григорий Иванович.

Город Гурьев КССР — работник аппарата Ук. Гос. Рыбтреста, 1898 года рождения.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 51–52*)

98. В. ШЕВОЧКИН

17 мая <1934 г.>, Минск (*Беларусь*)

Издательству «Советская литература»,
автору книги «Поднятая целина» тов. М. Шолохову

Прочитав Ваше произведение, я решил написать о нем свой отзыв.

Целью моего письма — остановиться больше на недостающих моментах и на упущениях, которые сделал автор. Думаю, что эта сторона моего письма будет для автора и издательства наиболее полезной.

Прежде всего, характеризуя перестройку деревни с частнокапиталистических на социалистические рельсы, красочно и художественно описывая классовую борьбу в деревне, автор главными героями тяжелой работы перестройки выводит старых революционеров и участников гражданской войны Давыдова, Разметнова, Нагульнова, забывая и упуская совершенно роль новых специалистов сельского хозяйства. В частности, нет роли агронома в перестройке деревни и не показано агроруководство колхозами[1]. Ведь севообороты, производственные планы, применение удобрений и борьба за урожай в деревне основаны не только на стараниях Якова Лукича, не только на приложении усилий со стороны Давыдова, но они достигаются сочетанием усилий сельскохозяйственников колхозов и агрономических сил, которые получила деревня за последние годы. Однако это в произведении не описано.

Очень большим пробелом в произведении является: отсутствие роли комсомола в перестройке деревни, в борьбе с классовым врагом, в борьбе за культурную жизнь деревни. Роль комсомольца Ивана Найденова хоть и не малая, однако она еще не показывает работы и борьбы комсомола в деревне. В такой деревне, как Гремячий Лог, бесспорно, есть комсомольская ячейка и такая ячейка, которая повседневной черновой работой закладывала камни в фундамент колхозного строительства и теперь, во второй пятилетке[2], тоже бесспорно участвует комсомол в воздвигании социалистического здания в деревне.

И, кроме сказанного, укажу еще на один пробел: автор не достаточно, даже вовсе не показал деревенской молодежи. Нет моло-

дых всходов в деревне, которые могли бы продолжить работу Давыдова. Нагульнова и др. Ведь если брать школьников, то они еще малы (зелены), а комсомол не показан, и, следовательно, нет смены старым бойцам. Не показана ключом бьющаяся жизнь деревенской молодежи.

Очень буду рад, если автор обратит внимание на мои замечания в дальнейшем, т.е. во 2-й и последующих книгах «Поднятой целины», более ярко осветит жизнь и работу деревенской молодежи, роль комсомольской работы в колхозном строительстве и работу кадров-специалистов в перестройке с/хозяйства!

Сердечно благодарю автора и издательство за такую хорошую художественно написанную книгу. Сам я сейчас красноармеец. До армии работал агрономом в с/хоз-ве.

С удовольствием бы прочитал письмо от издательства или автора о моих замечаниях и стоит ли Вам их писать? Что Вас больше интересует, знать от читателя впечатление о книге, или недостающие стороны книги, которые не удовлетворяют читателя?

Адрес: город Минск, почт. ящ. 89, квартира 19.

Владимиру Шевочкину.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 711. Л. 98–99*).

[1] С 1928 г. в обсуждениях курса на коллективизацию, принятого XV съездом ВКП(б), постоянно в повестку дня ставился вопрос о необходимости придать фигуре агронома высокий статус, потому что «нельзя строить крупное коллективное производство без агрономической помощи» (см.: Колхозное строительство. Третий Всероссийский съезд колхозов. 24–30 мая 1928 года. [Стенографический отчет.] М.: Книгосоюз, 1929. С. 197). Сама же реальность выглядела по-другому, признавалось, что вместо агропомощи деревне предлагаются лекции и беседы, что агрономы не хотят ехать в деревню, что «целый ряд агрономов представляют из себя чиновников на местах», что необходима подготовка и переподготовка агрономов, что «наша советская агрономия не создана, она еще только должна создаваться» (Там же. С. 132, 167–168, 197). В публикуемых в центральных газетах сообщениях о ходе обсуждений вопросов колхозного строительства критиковалась позиция Наркомзема за недооценку значения агропомощи и фигуры агронома; агроном-общественник выдвигается в центр колхозного движения и культурной революции в деревне: «Тысячу агрономов надо поставить на службу колхозов» (Очередные задачи колхозного строительства. Доклад тов. Я.А. Яковлева на Всесоюзном съезде колхозов // Крестьянская газета. 1928. 12 июня. С. 4); «Революция толкнула крестьян искать выход не в поповских молитвах, а в агрономе. <...> ...Сейчас агроном — самый популярный и желанный гость на всех крестьянских собраниях» (*Коган А.Я.* Вместо поповского кадила — агроном // Там же. 1928. 10 февр. С. 2).

[2] Вторая пятилетка охватывает период с 1933 по 1937 гг.; план пятилетки был утвержден в январе 1934 г. на XVII съезде ВКП(б).

99. С.И. БАЙКА

31 мая 1934 г., село Веденка Дальнереченского района Приморского края

Прочитанные три года тому назад, первые два тома «Тихий Дон», Шолохова, произвели на меня неизгладимое впечатление, а законченный сегодня третий том, читался с упоением. Я, крестьянин, колхозник Д.В. края Приморской губернии Иманского района 46 лет. Образование — четыре класса дореволюционной сельской школы. За свою жизнь пришлось прочитать много литературы как русской, так и иностранной, в русском переводе. Но с таким захватывающим все пожирающим интересом читались мной книги только: «Горные орлы», «Горе забытой крепости»[1] и «Камо грядеши»[2].

Что-то в «Тихом Доне» является для меня лично ценным и привлекательным. Прежде всего: искренность и беспристрастность автора к происходящей трагедии, затем свежесть и правдивость событий, а также глубокое знание обычаев, языка и психологии людей «Тихого Дона». В заключение могу автору «Тихого Дона» пожелать дальнейшего успеха и прокричать громкое: «Ура»!!!

Сергей И. Байка.

с. Веденка.

31 / V 34 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 703. Л. 1–1 об.*)

[1] Речь идет о романе Василия Ивановича Немировича-Данченко (1848–1936) «Забытая крепость: Исторический роман из времен Кавказской войны». Роман состоит из двух частей: первая часть называется «Горные орлы», а вторая — «Горе забытой крепости». Обе части романа вышли в 1904 г. отдельными изданиями в изд-ве П.П. Сойкина.

[2] «Камо грядеши» («Quo vadis»; 1894–1896) — исторический роман польского писателя Генрика Сенкевича (1846–1916), лауреата Нобелевской премии по литературе (1905).

100. П. КАРЕЛОВ

2 июня 1934 г., Казань

Прочитавши 3ю книгу М. Шолохова «Тихий Дон», сообщаю вам, что книга эта сочинена очень хорошо и изложена очень широко и просто, я думаю, что у каждого, кто прочитал эту книгу, возрос революционный дух и глубокое соболезнование тем, кто остался лежать навеки от подлых повстанческих

натисков, и в то же время торжествует о победе пролетариата, как на Дону, а также и во всем Советском Союзе. Я лично от себя посылаю свой комсомольский привет павшим героям в этой борьбе.

В общем, вся книга эта много мне преподнесла живости чувства к делу революции.

Только в одном месте мне не понятно на стр. 344, гл. LVI. Как же Мишка Кошевой здесь мог уцелеть[1], но не знаю, уцелел ли он до победы?

Живу я в г. Казани АТ.С.С.Р. учащийся школы Ф.З.У., образов<ательный> ликбез 1 группы, рабочий л/сплава, год рождения 1912, т.е. 22 года. Еще прочитал т. Шолохова «Поднятая целина», книга 1я. Да побольше бы таких книжек выпускали, хорошо бы было.

Карелов Петр.

2/VI-34 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 59–59 об.*)

[1] В главе LVI третьей книги «Тихого Дона» речь идет о расправе над пленными красноармейцами в хуторе Татарский. Кошевой в плен не попал, так как 19 мая «был послан Гумановским — начальником штаба экспедиционной бригады 9 армии — со спешным пакетом в штаб 32 полка, который, по имевшимся у Гумановского сведениям, находился в хуторе Горбатовском» (глава XLV третьей книги романа).

101. Д.П. ТАРАСЕНКО

3 июня 1934 г., город Уральск (*Казахстан*)

г. П-Уральск

То, что я здесь скажу, — относится к книге I «Поднятой целины».

Книгу «Поднятая целина» я прочитал с глубочайшим интересом. Эта книга — подлинник великого исторического момента периода диктатуры пролетариата, момента, который рукой партии нанес окончательный и уничтожающий удар всем силам прошлого, всем силам контрреволюции, а главное — кулачеству, основе, почве, базе всех контрреволюционных сил. Эта книга — яркая иллюстрация жесточайшей классовой борьбы, не только на Дону, а во всей Советской стране. Здесь правдиво показаны все типы, принимавшие (принимающие) участие в борьбе за и против социализма. Тут самоотверженные коммунисты-большевики; тут и бедняк, с первых дней пошедший на предложение партии в колхоз; тут и колеблющийся середняк; тут и кулак с офицером,

с наганом и обрезом, религия, правый и левый уклоны и пр., пр., и все они, эти типы, в этой великой борьбе, классовой борьбе — соответственно расставлены на своих постах. Изложение книги такое, что легко можно понять, какая особа на какую дудку играет: кто за социализм и кто против его.

В этой книге ничего не сказано лишнего, т.е. ничего не написано такого, чего не было в действительности, относительно классовой борьбы.

Кто прочитает эту книгу — тот отчетливо поймет все события, вредительство и то жесточайшее сопротивление, которое кулачество, подкулачники, разные духовные чины и пр. оказали против сов. власти. Увидит также, насколько глубоко вросла собственность в сознание людей и как трудно было выкорчевывать, сплотить ее. Вообще, эта книга показывает все, что было в тот момент, момент коллективизации в деревне.

Помимо своего исторического значения, «Поднятая целина» имеет очень большое воспитательное значение. Ибо не только в крестьянстве еще живут печаль и сострадание о прошлом, особенно по «хозяевам», но даже в среде некоторых рабочих. Есть рабочие, которые жалеют по «хозяевам», которые якобы своим упорным и умным трудом кормили весь Советский Союз, а теперь их сослали ни за что и т.д. и т.д. Эта книга в полной красоте показывает этих «хозяев» и их деятельность, и кто прочитает эту книгу — тот наверняка без колебаний расстанется с такими убеждениями.

Я давно искал подобную книгу, но мне не попадалась такая книга. До этой книги читал «Разбег» В. Ставского[1], но там не так полно отображена действительность; классовая борьба в «Разбеге» не такая острая, какой она была в действительности в то время. Хотя я фактически не знаю, какой была классовая борьба в фактических местах «Разбега», но я знаю классовую борьбу на Украине, а в основном классовая борьба везде одинакова, притом классовая борьба в «Поднятой целине» очень совпадает с фактической классовой борьбой на Украине, в той местности, где я в то время проживал.

Что такие книги нужны — я думаю, не может быть и речи; особенно такие книги очень необходимы деревне, где всякие ненужные понятия и убеждения, сплетни и пр. имеют очень хорошее убеждение в головах многих не осознавших еще политики партии колхозников — вчерашних собственников. Вместо 125. 250 экземпляров — таких книг надо выпускать 1 000 000 и, конечно, большую часть надо направить в деревню[2].

О том, какое впечатление произвела на читателей «Поднятая целина», я скажу совсем немного.

Когда я вошел в библиотеку и спросил хорошую книгу из современности — библиотекарша ответила:

— Возьмите «Поднятую целину», это очень хорошая книга, — а из публики, стоящей в это время в библиотеке, посоветовали:

— Возьмите, возьмите, молодой человек, это действительно очень хорошая книга, вы ее должны почитать.

Наверняка эта книга и на других произвела такое впечатление, как на меня.

Я — сын раскулаченного крестьянина-украинца и по своему соц. происхождению я должен бы недовольствоваться этой книгой, но я хотя и не учился нигде, но зато много читал о политике, программе и тактике компартии большевиков, а также из политэкономии кое-что знаю, признаю все мероприятия, проводимые советской властью, правильными и необходимыми, ибо чтобы выйти трудящимся из нищеты и голода, чтобы миру освободиться от тех оков, которые на него надел капитал, чтобы человечеству избавиться от братских кровопролитий и пр., пр., <кроме> партии большевиков сделать никто не может, потому что, пока существуют классы — о хорошей, братской равноправной жизни не должно быть и речи. Значит, надо ликвидировать классы, но всякий знает, что никакой класс не сдается без боя и его надо уничтожать насильственным путем. Вот большевики и взялись уничтожать класс эксплуататоров. На этой точке зрения стою и я, и только потому я и признаю «Поднятую целину» правильной и нужной книгой, потому, что она разоблачает классового врага социализма. А если кулак или белый, или же еще какой-нибудь контра будет смотреть на эту книгу с точки зрения своих идеалов — то она ему очень не понравится, она ему очень большая подщечина, как раз по глазам, потому что он, в этой книге, увидит себя со своими действиями, как в зеркале, а рабочий или колхозник — увидит совсем другое. Он увидит настоящего своего врага, и это сообщит ему ненависть к эксплуататорам. Вот тут-то «Поднятая целина» как раз и имеет свое большое воспитательное значение.

Плохо то, что я не читал книгу II-ю «Поднятой целины», где автор, наверняка, показал работу и жизнь колхозов и вредительскую, разрушительную работу кулака и его агентов.

Относительно первой книги «Поднятой целины» я еще раз скажу: эта книга не то что нужна, а — необходима.

За правильное отображение действительности того времени, которое описывается в первой книге «Поднятой целины», желаю

автору ее Михаилу Шолохову еще долгих и здоровых годов жизни, за которую (жизнь) он еще напишет много ценных книг, хотя, конечно, мне-то не придется читать, потому что я сын кулака и я подлежу ликвидации как классово-враждебный элемент, но это не важно; будут читать другие рабочие и колхозники, новые люди нового общества.

Ныне я рабочий одного из уральских металлургических заводов. Возраст — 22 года.

3 июня 1934 г.

Тарасенко Д.П.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 709. Л. 22–25, с об.*)

[1] Ставский Владимир Петрович (наст. фам. Кирпичников; 1900–1943) — советский писатель, журналист, участник Гражданской войны. В первой половине 1920-х гг. жил и работал в Ростове-на-Дону (с этого времени был знаком с Шолоховым). С 1926 г. — секретарь Северо-Кавказской ассоциации пролетарских писателей, с 1928 г. — секретарь РАПП, после смерти А.М. Горького — генеральный секретарь Союза писателей СССР.

Автор классических произведений колхозной литературы, повести «Станица» (1928), романа «Разбег» (1931) и др. О месте действия своего романа «Разбег» (1931) В. Ставский писал: «Это — книга о хлебозаготовках, о борьбе за хлеб — борьбе за социализм в условиях обостренной классовой борьбы на Кубани и вообще в стране» (*Ставский В.* Разбег. М.-Л., 1931. Массовая библиотека. С. 5).

[2] Читатель указывает тираж издания: *Шолохов М.* Поднятая целина. М.: ГИХЛ, 1934. Серия «Дешевая библиотека ОГИЗа». В реальности тиражи романа «Поднятая целина» росли из года в год: в 1933 г. в издательстве «Советская литература» роман вышел тиражом в 5 000 экземпляров, в ГИХЛе — 15 000 экземпляров. А в 1935 г. в Гослитиздате тираж насчитывал уже 100 000 экземпляров. Тираж «Дешевой библиотеки» был самым большим, так как это издание было рассчитано на самые широкие круги читателей.

102. Ф. ТУРОВА

3–10 июня 1934 г., деревня Борки Дзержинского района Красноярского края

Издательству «Советской литературы».

Я комсомолка Турова Фекла, уч-ца 7-й гр. Кончено 10/VI-34 года.

Я очень люблю читать литературу. И вот мне пришлось во время испытаний познакомиться с «Поднятой целиной». Она меня до того привлекла, что я не могла отклоняться, читаю и забуду про уроки, а завтра испытания. Прочитав эту книгу, я сразу же поняла значение этой книги, мы много прорабатывали писателей XIX века и современных писателей, также читала много произведений, и все меня интересует одно это — показ борьбы с клас-

совым врагом и социалистическое строительство жизни и борьба комсомола в деревне и в городе.

Вот только что, в этой книге почему-то не показаны деревенские комсомольцы, их жизнь или же их еще там тогда не было, но у нас в глухой деревушке Сибири в 1930 году уже была комсомольская организация, я помню хотела тоже вступить в комсомол, да побоялась матери, которая говорила: «Нельзя дочка отдавать антихристу душу». Ну, она еще не старая у меня, 60 лет, а теперь не обманешь и ее, перевоспиталась и она. Теперь еще вот что. Реальные ли те лица в «Поднятой целине» и в действительности все это было или нет в этом Гремячем Логу???

3/VI-34 г.

Мне нравится читать те произведения, которые чтобы больше пришлось почитать, а то как-то обидно, ежели кончишь на самом интересном, думаешь еще бы узнать, на чем кончилось дальше, хорошо, что «Поднятая целина» есть еще книга. Очень интересно мне, что все же организует или нет Половцев восстание, а этого гада Илью Лукича[1] зря держат в колхозе.

Мой адрес: д. Борки Дзержинского р-на ВСК.

Турова Ф. 17 лет. 3/VI-34 г.

Мне тоже очень охота быть писателем.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 711. Л. 101–102*)

[1] Правильно: Яков Лукич.

103. Ю. АНДРЕЕВСКАЯ

19 июня 1934 г., Саратов

Только что прочла 3-ю книгу «Тихий Дон», читала с большим интересом, хотя чересчур реальные описания поражали, но тем не менее давали ясную картину и понятие о казацкой жизни и нравах. Предпочитая по своему возрасту (67 л.) старую литературу, я в то же время убеждаюсь, что и в новой литературе есть даровитые и интересные вещи. Но в то же время нахожу, что чересчур натуральные описания и выражения (физические и моральные) имеют антивоспитательное влияние на молодое поколение. С нетерпением жду выхода 4-й книги.

19/VI-1934 г.

Пенсионерка-учительница Ю. Андреевская.

Саратов, Малосергиевская, 151.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 53*)

104. П.Г. СПИРИДОНОВ

9 июля 1934 г., поселок Левашово, Ленинград

9 июля 1934 г.

Прочитав книгу Шолохова «Поднятая целина», я был поражен ясностью и реальностью мыслей автора. До этой книги я читал и другие книги наших, советских писателей, но такой действительности в них не было.

Я удивлялся, неужели наша эпоха не родит нам нужного простого языка? Наконец и появилась на свет давно ожидаемая нами книга «Поднятая целина». По-моему, так-то и нужно писать, так писали Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Достоевский, Тургенев, Горький и другие. Тема у автора подобрана самая подходящая для читателя — рушится строй старой казаческой жизни. Я остался очень доволен одним из героев книги, это дедом «Щукарем».

Когда читал о его проделках, смеялся как пятилетний ребенок. Таких как «Щукарь» я видел на практике, и действительно они кажут<ся> такими, до слез смешными.

Давыдов (орг. колхоза) показан стойким партийцем, хотя тоже был виноват в «левацком загибе».

Макар показан красным фронтовиком, партизаном с потрепанными нервами и дает ясность о натиске загиба.

Жители станицы очень и очень показаны такими темными и плюс вместе с глупой хитростью деревни, и видно, что автор хорошо понимал дореволюционный строй.

Книгой я остался очень доволен, так же как был доволен произведением Лермонтова «Герой нашего времени», когда прочитал в первый раз в 24 году. «Челкаш» Горького очень реален, но эта книга не уступит ни в коем случае, такой книгой автор может гордиться.

Это все хорошо в положительную сторону, но я нашел в ней и отрицательные моменты, или, может, не так понял, то извиняюсь (мало опытен).

Начну с того. Давыдов и Разметнов с собрания шли ночью вдвоем, «остановились против базы единоличника Лукашки Чебакова и получилась как-то очень просто, что этот Чебаков вышел к ним навстречу с финским ножом. Во-первых, кулак не так прост, чтобы его поймать, когда он режет скотину, и притом финским ножом вряд ли кто резал скотину, да и увидеть этот нож при хорошем свете в двух сажнях <sic!> трудно, а Л. Чебаков мог руки держать сзади спины. И если он хотел совершить такое дело, то следил бы за членами правления колхоза из-за угла.

По-моему, это место в книге не похоже на действительность, а скорее на выдумку, и когда читаешь, то былью назвать этого нельзя.

Вот, положим, вы войдите в роль этого Л. Чебакова, ваша свинья или боров, и как бы вы поступили?

Может, я ошибился, но может, и нет. Если это так, то я прошу разъяснения письменно, журнально, газетно, по адресу:

Л<енинградская> обл. Станция Левашово Финляндск<ой> Октяб<рьской> желез<ной> дорог<и>, п/я № 25. Ш/Б. 13. Т.Р. Пав. Гр. Спиридонову.

Относительно моей профессии — служу в РККА.

Занимаемая должность: топографист. До армии — учащийся. Литературой занимаюсь с 12-ти лет. Возраст рож. 1908 г., т.е. 25 лет. Что читал, полные произведения:

Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Некрасов, Достоевский, Тургенев, Горький, Толстой, Сенкевич (польск. писат.), Герцен, Кольцов, Никитин, Писемский, Д. Бедный, граф. Алекс. Толстой, Крылов (басноп<исец>), Безымен<ский>[2].

Не полностью читал:

Шекспира, Виктор Гюго, Маяковский, Александр Дюма, Салтыков-Щедрин, юмор Зощенко и ряд других и плюс Шубина, Жарова[1].

Сейчас читаю все, что попадает под руку, но читаю много.

Образование не большое, до среднего далеко.

Обращаюсь к вам: пишите мне, правильно ли я понимаю литературу, и что читать, и как лучше работать над книгой?

1934 г.

(*Автограф. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 707. Л. 24–27, с об.*)

[1] Большие списки отечественной и зарубежной классики завершают писатели, представляющие комсомольскую поэзию и прозу. *Безыменский* Александр Ильич (1898–1973) — поэт, драматург, публицист, один из основателей литературных групп «Молодая гвардия» (1922) и «Октябрь» (1922), см. о нем в статье «Читатели Михаила Шолохова: контексты темы», с. 683–691 наст. изд. *Жаров* Александр Алексеевич (1904–1984) — поэт, первый редактор литературно-художественного журнала «Комсомолия» (1925–1926). *Шубин* Георгий Петрович (1903–1932) — прозаик, автор сборников рассказов «Комсомольские рассказы» (1925), «Как Сенька в комсомол вступил» (1926), «Молодняк» (1927).

105. М.Ф. ВОЙТЕНКО

12 июля 1934 г., село Ново-Комиссаровка Дубоссарского района (*Молдова*)

Прочитав третью книгу Мих. Шолохова «Тихий Дон», решил дать свой отзыв о ней, ибо недостатков, на мой взгляд, в ней слишком много, чтобы о них умалкивать.

Как известно, первые две книги этого романа привлекли к себе большое внимание нашей общественности, публика с большим удовольствием «глотала» их. Появившаяся 3-я книга также с жадностью пошла по рукам нашего читателя.

Оно и понятно: роман Шолохова написан простым, всему народу понятным языком, сохранив высокое художественное оформление. Жизнь в романе обрисована такая, как она на самом деле есть, с ее сложными зигзагами и одновременно простыми обыденными фактами, со сложной структурой человеческого «Я» и самой разнообразной обстановкой. Поэтому, когда читаешь роман — не видишь перед тобой лежащей книги, а видишь жизнь, обстановку, факты, людей и т.д.

Этими же художественными качествами отличается и 3-я книга романа «Тихий Дон».

Но в сути книги есть много недостатков.

Ведь каждая книга должна обладать чем-то ценным, чему можно было бы поучиться. Не пишем же мы книги только потому, чтобы писать, а пишем для того, чтобы учить других жизни, работе, классовой борьбе.

Казалось бы, в такой книге, ценной по задуманности (Гражданская война), как «Тихий Дон», только бы учиться, в особенности нам, молодняку, не принимавшим непосредственного участия в боях за революцию.

А между тем, учиться в 3-й книге романа «Тихий Дон» нечему, как ни жаль!

Ибо вся книга обрисовывает Гражданскую войну в контрреволюционном лагере. Книга как бы фотографировала события на Дону в 1918–1919 гг. со стороны противника, поэтому на фоне ее остались лишь дела и люди контрреволюционного лагеря, и лишь изредка в книге покажется голова подлинного революционера, да и то зачастую не такая, как нам нужна, чтобы учиться.

В самом деле: центральная фигура романа — Григорий Мелехов — сын кулака, бывший офицер, заядлый контрреволюционер. Да и все казачество, обрисованное Шолоховым, — контрреволюционное, восставшее против Советской власти.

Значит, одна из основных ошибок книги та, что в ней показано, как боролись с Советской властью, а не как боролись за Советскую власть. А это не одно и то же. Учиться, как бороться с Советской властью, мы не хотим. Мне могут возразить: «Для того, чтобы бить врага, надо знать его силу, тактику. В этом, мол, ценность книги». Но ведь тактика и силы врага — меняющиеся понятия — сегодня одно, а завтра — совсем другое, но вот классовая линия пролетариата, которой можно было бы поучиться у Шолохова на примере Гражданской войны на Дону, — это неизменчиво. Научить нас бить и как бить врага — это было бы, пожалуй, ценнее.

Вторым недостатком книги я считаю тот, что в ней не показана классовая борьба среди самого казачества. Неужели все казачество было настроено против Сов. власти? — Что-то не верится! А между тем на весь хут<ор> Татарский у Шолохова набралось из местных казаков лишь два коммуниста, стоявших душой и телом за Советскую власть — Мишка Кошевой и Ив. Алексеевич Котляров (третий коммунист — Татарского — Штокман, бывший казак[1], в последнее время проживавший где-то в России).

Неужели больше на селе не было бедняков, которым по социальному положению положено быть за Советскую власть? Мне кажется это не верно. Бедняки были, и они были за Советскую власть. Другое дело, что их могло сагитировать против Советской власти кулачество, но тогда надо было этот процесс показать. Показать, как кулачество агитирует против Сов. власти, как прибирает бедняков в свои руки. А Шолохов ограничился лишь ярым выражением своего негодования против Советской власти Мирона Коршунова...Пантелею Мелехову, который и сам, как кулак, был противнее настроен. Поэтому создается впечатление, что казачество в целом не хотело Советской власти, а ее ему навязали.

Национальный вопрос здесь у Шолохова разрешен неправильно. Советской власти не хотела лишь известная — зажиточная часть села, но не все казачество.

Поскольку классовая борьба внутри казачества не показана — становится совершенно неясным, почему же вспыхнуло восстание казачества. Неужели потому, что пришедшая Советская власть расстреляла несколько заядлых контрреволюционеров-кулаков? Не думаю, чтобы все казачество так сильно любило своих кулаков, не мало было из них (казаков) и таких, которым кулачье не мало подушило глотку. Поэтому надо было показать, кто был за восстание, а кто против. В книге этого не показано, поэтому получается, что на арену борьбы за Дон вышел не класс против класса, а нация

против нации, ибо в лице своих врагов казачество видело лишь москвичей, нижегородцев и т.д.

Следующим недостатком книги я считаю тот, что в ней не показана героическая борьба Красной армии, а показано лишь «доблестное геройство» казаков-контрреволюционеров. Почему-то у Шолохова получается, что везде в бою остаются победителями казаки, казаки перехитряют красноармейцев, казаки ловчее их, отважнее, умнее, мужественнее борются. Ни одного эпизода геройства Красной армии и ее руководителей! Гр. Мелехов все время умно, умело борется, показан как хороший стратег и тактик, а вот командиры Красной армии — все глупенькие, маленькие люди: в боях проигрывают, сами попадают в руки казаков (Лихачев попал к Мелехову по глупой неосторожности). Мне кажется, что очень не мешало бы насытить книгу эпизодами героической борьбы Красной армии с контрреволюционным казачеством.

В книге также не показан ни один действительно твердый, настоящий коммунист-большевик.

Мишка Кошевой — казак, бедняк, показан как преданный делу рабочего класса коммунист, но не совсем настоящий. Вернее, он подан как ярый партизан, ибо коммунист-большевик не пошел бы жечь дома в Татарском, хотя бы они были и кулачье. Большевики были против людей, а не против имущества, ибо имущество могло стать достоянием нуждающихся.

Ив. Алексеевич Котляров — в книге почти совершенно не показан.

Лишь Шоткман твердый коммунист-большевик, но показан в книге он очень мало, так, мимолетом. Был Штокман, выступил пару раз с горячей речью большевика — и нет Штокмана, убили. Характерно, что даже красный комиссар (Сердобского полка) тоже показан шляпой, прозевавший контрреволюционное брожение своего полка. Я не хочу этим сказать, что на фронте не было руководителей шляп, но нельзя же показывать одну — плохую — сторону медали. Надо было бы наряду с плохими экземплярами показать геройские фигуры коммунистов-большевиков.

Не нравится мне и фигура Григория Мелехова. Эта фигура у Шолохова вышла почему-то шатающейся. То он зол, как собака, на большевиков, то вдруг появляется чувство жалости к ним. Так, после того, как он изрубил пять красных матросов, он выкрикивает с плачем: «Кого ж рубил...», сожалея о проделанном. Получается, будто бы невольная стихия вовлекла его в борьбу с Красной армией. А между тем — он ярый кулак, контрреволюционер, старый офицер, и фигура эта должна вызывать чувство гнева и

отвращения. А то иногда сожалеешь о нем: «вот, бедный, режет красных, как будто его кто заставляет».

В заключение хочу сказать, что книга богата очень ценными историческими фактами, но сплошь и рядом только констатирует эти факты, не давая им определенной, в особенности классовой подоплеки. А беспрерывные победы казачества над Красной армией вызывают в книге дикую ярость, и хочется крикнуть: «Черт возьми! Когда же победят наши?!!»

АМССР. п/о Ново-Комиссаров<к>а Дубоссарского района, с. Ново-Комиссаровка. Медамбулатория. Врачу Войтенко М.Ф.

P.S.: рождения 1911 года, врач, окончил Одесский медицинский институт в 1934 г.

Интересно знать, как найдет издательство мое мнение об этой книге.

Жду ответ.

Войтенко.

12/VII 1934 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 2–7*)

[1] Читатель ошибся: герой романа Штокман из иногородних, приехал на хутор Татарский из Ростова.

106. НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО

14 июля 1934 г., Харьков (*Украина*)

Мне 20 лет, рожд. 1914 г., слесарь и электрослесарь 3 разряда.

Я прочитал три тома «Тихого Дона», и они мне очень понравились, и вообще я стал чаще читать Шолохова.

Что мне дали эти книги, они мне дали многое: я узнал жизнь и быт «казачества Донского», участие казачества в империалистической войне и в Революции 1917 г. Мне Шолохов в своем романе так ярко, образно и красочно рисует те происходившие действия, тех действующих лиц, ту местность села, город, где происходит действие, то, когда я читал, то представлял себе очень яркую и интересную картину.

Писал не на свежую память, уже, как прочитал, тому будет 2 месяца.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 765. Л. 98*)

107. В.В. АБРОСИМОВ

16 июля 1934 г., Томск

Город Томск. 16/VII-34 г.

Студент Виталий Васильевич Абросимов.

Хороша книга «Поднятая целина». Близок и жизненно верен сюжет. Мне 20 лет, и в 28–30 гг., еще пионером, а потом комсомольцем, я был не только свидетелем, но таким же участником «Агитколонн» и «бригад»[1], где был комсомолец Ванюша и другие близкие и понятные лица. Не только реальными видишь образы Нагульнова, Островнова, Разметнова, Давыдова, но вспоминаешь лица, вспоминаешь подобную обстановку (хотя почти и в другом конце Союза — районе Красноярска). Побед <*1 нрзб*> или островновских обострений с людьми, боровшимися со своей личной душой собственника. Вторично переживаешь период коллективизации. Но по-новому, более внимательно, осторожно. И всесторонне смотришь на людей. Тогда, помню, такая непомерная злоба брала на людей, которые не могли сразу понять преимущества коллективизации.

Нередко, помню, казалось, что выгнать надо дядю из хаты, а не то что его в колхоз агитировать. Столько в нем недоверия, шатаний, колебаний. Порой совсем, кажется, доказал старику все преимущества колхоза, и назавтра утром дед уверенно обещает прийти с заявлением, а оно нет, придет старик утром и опять передумал — начинай значит снова. Бывало и наоборот — упрется как бык. «Подожду, мол, и не уговаривай», а смотришь, назавтра заявление несет.

Такой действительной и близкой оказалась «Поднятая целина».

С новыми глазами и новой большой энергией пережил период классовой борьбы и коллективизации.

Необходимы, дороги и близки такие книги, они укрепляют энергию, дают возможность осмысленнее разобраться и посмотреть на жизнь и на себя со стороны того исторического великого перелома в жизни людей, периода всего промежутка первой пятилетки.

Когда я читал, я не видел строк книги, писанины. Я видел живых людей и эту жизнь, полную борьбы за новое.

Абросимов

Томск, пер. Макушинский, № 5 МЭК, ст-т Абросимов.

(*Редакторская копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 708. Л. 140–140 об.*)

[1] Одно из массовых явлений 1930 г. — организация бригад и агитколонн от писательских организаций, театров, издательств, газет, промышленно-хозяйствен-

ных учреждений, советских и партийных организаций, отправляющихся в колхозы и на стройки социализма в рамках различных кампаний (см. об этом в статье «Читатели Михаила Шолохова: контексты эпохи», с. 682 наст. изд.).

108. М.Н. КАЧЕВ

16 июля 1934 г., Екатеринбург

Уважаемый товарищ!

Только в первых числах июля с/г мне удалось приобрести в дешевом издании[1] 3ю книгу М. Шолохова «Тихий Дон», читал я ее, как и первые две, с величайшим удовольствием и интересом, она так захватила меня, что я зачитывался ею до утра. Шолохов так красочно описал картины боевых схваток, что я, как участник гражданской войны, читая, издавал рычанье или восторг. Его язык настолько популярен и доступен рядовому читателю, что очень легко читается, кроме того, соблюдена такая последовательность в изложении, которая позволяет на всем протяжении книги помнить всех его второстепенных и третьестепенных героев и участников.

Но беда в том, что таких книг на рынке чрезвычайно трудно найти. Рынок завален ненужной макулатурой, но хороших книг в дешевом издании найти чрезвычайно трудно.

Да и дешевые издания нужно выпускать в картонном переплете, иначе они удовлетворяют потребность только нескольких читателей и недолговечны, а такую книгу необходимо сохранить надолго.

Пожелаю же издательству побольше выпускать таких книжек, в данном случае «Тихий Дон» выпустить отдельным (дополнительным) изданием в хорошем коленкоровом переплете все три книги по общедоступным ценам. Кстати, не можете ли вы выслать мне все три книги в хорошем переплете наложенным платежом по адресу: г. Свердловск, ул. Декабристов, 6-й дом Горсовета, под. 27, кв. 216. М.Н. Качеву.

P.S. Кроме того, я да и многие другие хотели бы видеть «Тихий Дон» на киноэкране, но значительно лучше, чем это было[2], и подробнее (может быть, в 2–3 сериях). Считаю, что это был бы богатый вклад в Историю Гражданской войны.

К сему: б. красногвардеец, член ВКП(б) с 1919 г. Качев.

16/VII-34 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 700. Л. 14–14 об.*)

[1] Речь может идти о двух массовых изданиях 3-й книги: *Шолохов М.А.* Тихий

Дон. Кн. 3. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1933. Серия «Книгу — социалистической деревне. Дешевая библиотека ОГИЗа»; *Шолохов М.А.* Тихий Дон. Кн. 3. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1933 (Роман-газета. № 8 (100) — 9 (101).

[2] Речь идет об экранизации первых двух книг «Тихого Дона» 1930 г. (авторы сценария и режиссеры — О.И. Преображенская и И.К. Правов). Фильм вышел на экран 14 мая 1931 г. И в период съемок, и во время сдачи кинокартины в адрес ее создателей звучали резкие суждения. Так, еще в январе 1930 г. Шолохов писал актрисе Эмме Владимировне Цесарской, исполнившей в фильме роль Аксиньи: «Что касается "Тихого Дона" и того, что я будто бы способствовал или радовался его запрещению, — чушь! До таких вершин "дипломатии" я еще не дошел. Разумеется, приеду, и, разумеется, буду делать все от меня зависящее и возможное, чтобы "Дон" пошел по экрану» (*Письма.* С. 50–51). Спустя короткое время после выхода фильм был снят с проката. Этому в большой мере способствовали различного рода критические статьи, направленные против Преображенской и Правова. В одной из них отмечалось: «Писатель активно творил, работал над своими героями. Авторы кинофильма пассивно воспринимали поступки героев, подхватывали лишь то, что понятно, созвучно, доходчиво до пассивного сознания пассивного читателя. И на этом творческом процессе, на этом отношении к литературному произведению сразу же вскрываются позиции авторов кинофильмы. Это позиции — ярко выраженные буржуазные позиции. Здесь критические позиции художника сразу же раскрывают нам все его существо, существо обывателя-мещанина. Авторы кинофильмы, невзирая на самую добросовестную помощь критики, не сумели активно вскрыть в той действительности, над которой работал Шолохов, ее социально-исторической основы. Эту основу авторы подменили проблемой взаимоотношения полов <...> Инесмотря на то, что с экрана звучала какая-то тонкая нотка критики, эта критика выражала не пролетарское, даже не попутническое пролетариату отношение исторической действительности — быту и жизни казачества. Критиковалась не худшая форма этой многообразной действительности, а лишь слабое, поверхностное ее проявление, при этом критиковалось с точки зрения буржуа» (*Юков К.Ю.* «Тихий Дон» // Пролетарское кино. 1931. № 10–11. С. 17). Однако в 1933 г. немой «Тихий Дон» озвучили музыкой, частично шумами и возгласами и вновь выпустили на экран.

109. И.С. АНФАИЛОВ

23 июля 1934 г., село Хайково Усть-Большерецкого района Камчатского края

Мой отзыв о романе «Тихий Дон».

Я прочитал с большим увлечением три книги и остался очень доволен. Главное, что мне нравится у Шолохова это чисто неугодное выражение, его прямота.

Как в романе «Тихий Дон», так и «Поднятая целина». Я жду, что будет четвертая книга. Мне хочется узнать, что будет с Кошевым и Мелеховым Григорием, последний, как мне кажется, не пожеланию среди повстанцев казаков, а жертва кулачества.

Если есть 4-я книга, то прошу послать мне, а также вторую книгу «Поднятая целина».

Я работаю зав. рай. У.-Большерецкого клуба райпрофсовета на Камчатке.

Мой возраст 36 лет.

Шлите пьесу по адресу: Усть-Большерецк, Камчатка, с. Хайково, клуб.

Анфаилов И.С.

Жду.

23/VII-34.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 705. Л. 14; ред. копия — л. 15*)

110. К.Е. КАДОЧНИКОВ

23 июля 1934 г., деревня Крёково Кемеровского района Кемеровской области

От читателя романа «Тихий Дон», от кр-на, проживающего в Зап.-Сиб. крае, Кемеровском районе, Крековского с/совета колхозе «Смычка», возраст мой с 1912 года. Профессия: крестьянин-колхозник фамилия: Кадочников Константин Ефстафьевич.

На вашу просьбу в конце 1й и 3й книги «Тихого Дона» отвечаю:

Я сначала смотрел кино «Тихий Дон»[1], а потом в киоске политотдела Кемеровской МТС увидал книги «Тихий Дон», и т.к. картина мне очень понравилась, я купил весь том этого издания, 3 книги, и когда прочитал, то у меня осталось в голове многое из этих книг, т.е. пополнились знания об истории Гражданской войны.

Я уже об этих мятежах читаю 2ю книгу, «Мятеж», автор т. Фурманов[2], который описывал как проходил в 1920 г. мятеж в Казахстане в бывшем городе Верном, теперь Алма-Ата.

Мое зрение на вашу книгу «Тихий Дон» очень удовлетворительно, книга мне очень понравилась, и моему слушателю т. Савельеву И.И. тоже понравилась. Мы просим редакцию и автора т. Шолохова М. побольше выпускать таких книг для деревни, т.к. у колхозников спрос на такие книги очень большой. И одновременно мы просим редакцию передать от нашего имени привет т. Шолохову и ответить нам по указанному выше адресу: живой или нет т. Шолохов — автор если живой, то мы желаем ему доброго здоровья и дальнейшего творчества. Теперь просим сообщить для большей ясности, жив или нет герой — казак Мелехов Григорий, т.к. в конце про него не сказано, его сполюбовница Астахова Аксинья, и почему не описано, когда и что сделано с Евгением Лист-

ницким, с помещичьим сыном с. Ягодное в 12 км от хутора Татарского. Описано, как он приехал с новой женой домой без руки, прогнал Аксинью Астахову, и больше об нем ничего нет. Наши мнения по поводу Григория Мелехова, он очень храбрый казак, таких героев в будущей войне иметь хорошее дело, но у меня <*1 сл. нрзб.*> к нему, как вояке на 2 руки, объясняется тем, что он малограмотный. Его когда в больнице на германской войне украинец поагитировал, так он даже не показался княгине, пришедшей проверять палаты, проявил ненависть к капитализму и воевал с Подтелковым против Чернецовых, а потом его отец и тесть Коршунов сбили, чтоб была советская власть, но без коммунистов и ревтрибуналов и расстрелов. А без трибуналов донского казака никак бы не взять, как говорил т. Штокман.

Вот напишите нам ответ на наши вопросы и выпустите еще таких книг о гражданской войне и дайте роман согласно к/картины <*1 сл. нрзб.*> на Украине. Профессия моего слушателя крестьянин-колхозник, кладовщик «Смычки».

С товарищеским приветом читатель К. Кадочников.

Слушатель: Савельев.

23/VII–34 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 64–64 об.*)

[1] См. примеч. 2 к п. 108.

[2] О Фурманове см. примеч. 4 к п. 71. Роман «Мятеж» о восстании в городе Верный (1920) опубликован в 1925 г. В 1929 и 1930 гг. печатался в серии «Дешевая библиотека Госиздата».

111. В.М. КРАСНИКОВ

27 июля 1934 г., н.м. Карагандинской области (*Казахстан*)

Прочитав книгу первую «Тихого Дона», самое большое через месяц я буду с удовольствием читать снова, ибо перечитываю книгу третий раз.

Считаю, что Мих. Шолохов, наверно, сам рьяный казак, почему так ярко отразил жизнь донского казачества, и думаю, что очень правдиво и красочно, но при чтении книги почему-то симпатию имеешь больше <к> казакам, по-моему, потому, что Шолохов сумел ярче обрисовать их натурно и их окружающую обстановку.

Моя профессия — таксатор[1] 2 года, зав производственного лесоучастка 1 год, по образованию — техник-лесовод.

Адрес: Казахстан, Карагандинская обл., Антшоусский р-н, Антшиковский лесхоз — Красикову Васил. Мих.

С приветом к Вам.
27/VII-34 г.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 55*)

[1] Таксатор — оценщик земель и леса.

112. Г.И. СИОМАШ

30 июля 1934 г., село Долинское Днепропетровской области (*Украина*)

Замечательная книга, равно так же, как и первые две книги. Третью книгу «Тихий Дон» с трудом, на протяжении целого года, пришлось ее разыскивать и, наконец, эта задача разрешена.

Третью книгу «Тихий Дон» читают нарасхват в очередь[1].

В книге третьей очень удачно показана контрреволюционная роль кулачества, офицеров и зажиточных слоев казачества в организации и развороте восстания на Дону в тылу Красной Армии[2].

Может быть ошибаюсь, но мне кажется, что очень слабо в книге третьей показано настроение, поведение и роль батрацких, бедняцких и средних слоев казачества в мятеже.

Слабо показана роль в организации восстания офицеров белой армии, в частности, КАЛЕДИНА[3].

Остается непонятным и загадочным поведение АСТАХОВА, а также не окончен в книге конечный исход этого мятежа и участь Григория МЕЛЕХОВА после того, как повстанцы отступили за Дон.

Может быть эти вопросы будут освещены в следующей, четвертой книге, если только она вообще будет.

Я и мои товарищи, читатели «Тихого Дона», просят издательство сообщить нам, будет ли выпущена в свет книга четвертая и, если так, то каким образом и как ее можно скоро приобрести[4].

Кроме этого, просим прислать список подобных «Тихому Дону» книг или, если возможно, выслать их прямо наложенным платежом.

Подателю этого письма 32 года. Работаю заведующим Кабинета парт. просвещения Долинского Райпарткома Днепропетровской области.

Сиомаш Григорий Иванович.
30/VII-34 г.

(*Машинопись. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 703. Л. 2*)

[1] См. примеч. 1 к п. 32.

[2] Речь идет о Вёшенском (Верхне-Донском) восстании — вооруженном выступлении значительной части казаков на Верхнем Дону в марте–июне 1919 г. Его причинами стали меры (постановка на учет хлеба и других продуктов, конфиска-

ция земли, передача части территории соседним губерниям, запрет на ношение казачьей формы и т.п.), проводимые по отношению к казачеству, как контрреволюционному сословию, в русле политики «расказачивания», начало которой было положено секретным циркулярным письмом Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. Непосредственным поводом к выступлению послужили массовые расстрелы казаков верхнедонских станиц и хуторов. Повествование о Вёшенском восстании, которому почти полностью посвящена третья книга романа «Тихий Дон», стало одним из сюжетных центров произведения (Подробнее о восстании см.: *Венков А.В.* Печать сурового исхода. К истории событий 1919 года на Дону. Ростов н/Д: Книжное изд-во, 1988).

[3] Каледин Алексей Максимович (1861–1918) — русский военачальник, участник Первой мировой войны, видный деятель Белого движения; первый после 1709 г. выборный войсковой атаман Дона (в 1709 г. выборность была упразднена и восстановлена после Февральской революции 1917 г.). Принимать участие в организации Вёшенского восстания Каледин не мог, так как погиб за год до его начала 29 января (11 февраля) 1918 г., покончив жизнь самоубийством.

[4] Помета редактора на письме: «Отвечено». См. также примеч. 2 к п. 32.

113. К.В. ШУТЕНКО

30 июля 1934 г., село Рагули Апанасенковского района Ставропольского края

От читателя произведения «Тихий Дон».
Возраст мой 28 лет. Учитель шк. I ступ.

Первым долгом прошу извинить меня за позднее обращение к вам с отзывом, потому что мы живем в такой глуши, что здесь нет даже плохонькой библиотеки, а от Райцентра находимся в 70 км. И мне только в июле месяце с/г удалось достать третью книгу и прочесть. Я должен сказать, что это произведение интересует всех читателей, а особенно молодежь. Чем интересно это произведение, это своей прямотой, откровенностью, простотой языка, который близок и понятен для любого читателя. Но я, читая третью книгу, вынужден был просидеть целую ночь до утра, ожидая, когда же будет победа на стороне красных, что меня очень нервировало, то, что на стороне красных отрядов не отражено ни одного случая победы так, как это отражено на стороне белых. Это замечено несколькими моими тов., читавшими эту книгу. Мы теперь просим вас, если вышла из печати четвертая книга, то пришлите нам наложенным платежом хотя экземпляра 2, а то нам не скоро удастся достать ее. А потом обратите свое внимание на плохой переплет этой третьей книги.

Еще раз просим вас, если возможно, то вышлите нам 4 книгу наложенным платежом по адресу:

С.-К. К.

Винодельнское п/от.
Село Рагули, шк. № 2.
Шутенко К.В.
30/VII-34 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 63–63 об.*)

114. И.А. РЕВЕНКО

2 августа 1934 г., город Кадиевка Луганской области (*Украина*)

Рабочий Донбасса, шахта Ильича, забойщик Ревенко И.А., Кадиевка, коксовая колонная, д. № 8.

Прочитал 1-ю книгу Шолохова «Поднятая целина», как читают большинство рабочих периодически, без всяких примечаний и заметок и от начала и до конца книги, и заключил следующее: в целом книга содержит ценнейший политический материал ломки мелкого крестьянского хозяйства, которое существовало сотни столетий. Поэтому книга получила достойное название, «Поднятая целина», и является исторически ценным материалом. Автор очень умело зарисовал отдельные сценки, которые сняты с натуры, как, например, напряженную работу коммунистов и их перегибы, так и белогвардейщину, которые вели бешеную травлю против Сов. Власти. А равно также он сумел оттенить отдельных героев честных коммунистов, которые меньше всего знали текущую политику, а действовали по-партизански, даешь сто %% и трава не расти, но и самая интересная сценка это хвостизм в руководстве коллективизацией районных и внешних организаций, которые хвактически выжидательно руководили, с боязнью. Еще раз повторяю, книга имеет ценнейший материал, не только потому, что в ней охвачено Донское казачество, а потому, что эти недостатки и прорехи имели место по всему Союзу. Недостатком книги я считаю, что Автор совершенно умолчал, почему так необходимо круто стал вопрос 100 %% коллективизации, он не подвел технического и экономического роста промышленности, поэтому коллективизация получилась как стихия, выдуманная районными организациями, и Давыдов — питерский рабочий, случайно попавший в район, был послан проводить коллективизацию.

Письмо т. Сталина, бичуя перегибы, как будто подтверждает эту сцену[1].

2/VIII–34 г.

Ревенко.

Я начинающий читатель, первый раз изложил свое понимание о книге, но я почему-то уверен, что недостаток книги является

совершенно правильным, или потому что я хотел бы, чтобы в этой книге фигурировала промышленность, или потому, что рабочий класс как авангард очень слабо играет в книге роль, а потому еще раз подтверждаю свое мнение о недостатке книги.

Прошу издательство прислать ответ, правильно ли я понимаю книгу, и как я должен читать и понимать.

<Подпись>

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 709. Л. 36 –37*)

[1] Имеется в виду или статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов» (см. примеч. 1 к п. 55), или его же «Ответ товарищам колхозникам» (Правда. 1930. 8 апр. С. 1–3), в котором речь идет о недопустимых при проведении коллективизации «насилии», «кавалерийских наскоках», «ошибках» и «излишней торопливости» (цит. по: *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 12. М., 1955. С. 202–228). См. о статье Сталина примеч. 10 к п. 16, примеч. 4 к п. 20.

115. К. АРСЛАНОВ

3 августа 1934 г., Самара

Уважаемые товарищи!

Не зная адрес М. Шолохова, пишу Вам и прошу передать ему следующее:

В третьей книге «Тихого Дона» (Дешевая библиотека ОГИЗа, 1933 г.)

На стр. 207–209 красноармейцы убивают Петро Мелехова, Мартина Шамиля, Антипа Бреховича и других, всего 11 человек.

На стр. 320 Стремянников и Антип Брехович везут убитых Алешку Шамиля, Якова Подкову.

На стр. 349 Антип Брехович убивает Котлярова.

Не понятно, неужели Шолохов собирается убить его вторично в четвертой книге? Или он описался? Если ему будет не лень, попросите его написать разъяснение. Этого разъяснения ждут здесь несколько человек.

С приветом писатель К. Арсланов.

Передайте привет Шолохову.

Мой адрес:

Самара, Ленинградская, 53.

КрайГИЗ.

К. Арсланову.

3/VIII-34 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 66–66 об.*)

[1] В издании «Тихого Дона» 1937 г. в главе XXXIII была исправлена допущенная автором ошибка в отношении судьбы Антипа Бреховича, сначала погибавшего с Петром Мелеховым и другими казаками-татарцами в одном из первых боев повстанцев у Красного яра, а потом неожиданно воскресавшего в главе LVI, где рассказывалось о расправе над коммунистами Сердобского полка. Для того чтобы устранить имевшее место противоречие, в текст главы XXXIII после слов «Назад! — но его уже никто не слушался» была введена фраза, выводившая персонаж из числа погибших: «Казаки — все, за исключением забившегося в вымоину Антипки, — цепляясь за уступы, полезли наверх». Одновременно реплика Антипа Бреховича «Вылезем, коли посулитесь отпустить нас. А нет, — будем отстреливаться! Берите!» была передана Бодовскову. В издании романа 1941 г. количество скрывавшихся в яру казаков было увеличено с одиннадцати до двенадцати человек в связи с упоминанием в следующей XXXIV главе сообщения разведки о том, что в вершине яра лежат изрубленные «Петро Мелехов с десятью казаками»: «В минуту их нападало одиннадцать человек. Петро был двенадцатым» вместо «В минуту их нападало десять человек. Петро был одиннадцатым».

116. В.А. КРИВКОВ

5 августа 1934 г., село Мироново Артемовского района Свердловской области

«Тихий Дон». Мих. Шолохов. Книга третья

Сегодня я закончил читать Вашу книгу. Автор книги описывает восстание казачества в 1919 году против Красной армии: автор очень хорошо рассказывает, интересует храбростью казаков, устрашает жестокостью и своеволием, дает хороший и поучительный пример для молодого читателя. Когда Григорий (офицер, казак) погнал на 8 матросов, которые были с пулеметом, и они не могли дать отпор, он порубил 4, а остальные убежали[1]. Да, на войне бывает такая растерянность, оторопь, прочитав молодой читатель скажет: «Надо быть хорошим стрелком». Книга дает <о> многом подумать, досадовать на безжалостное истязание, искалечивание пленных красноармейцев казаками. Теперь это ненасытное казачество советская власть посылает к нам на Урал зарабатывать себе 800 грамм[2], сбрасывать с ног свои чирики[3] и надевать валенки. Прав и дед Гришака со своим Евангелием; он говорил, хотя и сам не знал за что говорит: «Какою мерою мерите, такою и вам будут мерить»[4]. Книга не сказала, чем кончилось восстание. Куда девался белогвардейский офицер Григорий, его отец, хромой Мелехов, и чем кончились дела красноармейца Мишки Кошевого.

Очень желательно бы узнать конец этого восстания и названных белобандитов и красноармейца Мишки Кошевого.

Крестьянин. 43 лет.

Адрес мой: Свердловская область, Егоршинский район, Мироновский сельсовет. Кривков Василий Ал.

1934 года августа 5 дня.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 11–11 об.*)

[1] Интерпретация читателем следующего фрагмента романа: «В непостижимо короткий миг (после в сознании Григория он воплотился в длиннейший промежуток времени) он зарубил четырех матросов и, не слыша криков Прохора Зыкова поскакал было вдогон за пятым, скрывшимся за поворотом проулка. Но наперед ему заскакал подоспевший командир сотни, схватил Григорьева коня под узцы: — Куда?! Убьют!.. Там, за сараями, у них другой пулемет!» (*Шолохов М.А.* Тихий Дон. Кн. 3. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1933. С. 270).

[2] 800 грамм — тот объем рыбы, которую единоличник мог оставить себе от дневного улова, остальное сдавалось государству (для ср.: член рыболовецкого колхоза оставлял себе 1,5 кг).

[3] Чирики — обувь донских казаков, туфли-галоши.

[4] См. фрагмент 65-й главы третьей книги «Тихого Дона», разговор деда Гришаки с Кошевым: «– ...А ты что же это? В анчихристовы слуги подался? Красное звездо на шапку навесил? Это ты, сукин сын, поганец, значит, супротив наших казаков? Супротив своих-то хуторных? — Дед Гришака неверными шагами сошел с крыльца. Он, как видно, плохо питался после того, как вся коршуновская семья уехала за Дон. Оставленный родными, истощенный, по-стариковски неопрятный, стал он против Мишки и с удивлением и гневом смотрел на него. — Супротив, — отвечал Мишка. — И что не видно концы им наведем! — А в святом писании что сказано? Аще какой мерой меряете, тою и воздастся вам» (Указ. изд. С. 416). И автор письма, и герой романа неточно цитируют Евангелие: «Ибо каким судом судите, *таким* будете судимы; и какою мерою мерите, *такою* и вам будут мерить» (Матф. 7: 2).

117. И.С. АВРАМЕНКО

6 августа 1934 г., село Любимовка Большесолдатского района Курской области

6 августа 1934 г.

Уважаемый Михаил Шолохов!

Не имея возможности выразить искреннее сочувствие по поводу книги «Поднятая целина» Вам лично, выражаю через издательство.

Книг я перечитал много, и Бальзака, и Дюма, и Вальтер Скотт, и Дж. Лондона. Все писатели мне нравятся.

Но книга «Поднятая целина» мне нравится больше всего. Как все просто, близко, правдиво. Читаешь, кажется, что переживаешь. Книга — зеркало нашей действительности. Особенно сильно нравится дед Щукарь со своей психологией. Нравятся Нагульнов, Давыдов.

У автора есть удочка. На этой удочке он водит читателя. Я книгу прочитал в один присест. И, если бы мне сказали, «Толстого или Шолохова выбираешь в любимцы», я с гордостью выбрал бы Шолохова.

«Поднятую целину» я решил прочитать дяде. Читая ему книгу <sic!>, он то смеялся, то впадал в уныние, то повторял слова: «Ай да Шолохов, черт бы его подрал (любимая поговорка дяди, выражающая восторг, радость, восхищение). Читай, читай дальше».

Одно плохо, книг в колхозе таких нет. Издательство, очевидно, об этом не позаботилось.

Правда, есть при колхозе библиотечка, но там, кроме Чехова, Гоголя да разных технических книг, нет больше ничего. Панферова[1], Шолохова надо в колхоз. Надо присвоить им имя ударников колхозных полей.

Читая книгу «Поднятая целина», мне самому хочется писать, она меня вдохновляет. И я пишу:

Труд для нас единственная радость,
И всей радости в стихах мне не излить.
Счастлив я, когда вместе с бригадой
Выхожу пшеницу молотить.

Ну да это будет уже лишнее. Люблю литературу, да и сам кое-что пописываю о колхозе, о<б> ударниках, о переживаниях, о новой радости и зажиточной жизни. Эти стишки я еще никому не посылал и посылать не знаю куда. В конце я еще раз благодарю Михаила Шолохова и желаю ему здоровья, чтобы в свет скорее вышла вторая книга.

Сам я работаю в колхозе. В комсомоле состою с 1931 года.

Люблю пионеров и их жизнь.

Мой адрес: Курская область, Кореневский район, с. Любимовка, колхоз имени «Завет Ильича». Ивану Стефановичу Авраменко.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 709. Л. 38–39 об.*)

[1] О Панферове см. примеч. к п. 10, 27, 42. К моменту написания письма Панферов был одним из самых популярных писателей, его роман «Бруски» в СССР выдержал уже 20 изданий. К 1934 г. вышли три части романа «Бруски»: «Оборотни. Книга 1» (1928), «Плотина. Книга 2» (1931), «Твердой поступью. Книга 3» (1933). Четвертая книга опубликована в 1937 г.

118. Н.С. ПОНОМАРЕВ

10 августа 1934 г., город Острогожск Воронежской области

Уважаемые товарищи!!!

С трудом мне досталось достать IIIю книгу Шолохова «Тихий Дон»[1]. Прочитав «залпом», я все же IIIй книгой остался недоволен. Не буду говорить об Iй и IIй части. Я ясно представил жизнь казачества перед войной, но касаясь Гражданской войны, а в частности, повстанческого движения на Дону, я хотел бы высказать свою мысль.

Почему Шолохов так выставил всю контрреволюционную сволочь (казачество)? Читая книгу, невольно думаешь, что Шолохов действительно всецело на стороне повстанцев. Все они «герои», смелые, хитрые, маленькие отрядики забирают большие части красных, и что красные это по «шолоховски» тамбовские, пензенские мужички, плюгавые, трусливые, которых целыми отрядами забирают казаки и расстреливают. А где же выдающиеся рабочие московские полки, где подлинные и преданные герои, революционеры-коммунисты, не такие нытики, как показал Шолохов. Разве сопоставить Григорию или Петру (подлинных и прославленных казаков Шолоховских) нельзя было действительно коммунистов и красных комиссаров, тоже громивших белое казачество. Разве только мужички боролись, которых прославленные Шолоховым казаки из станиц Вешенских, Мигулинских. Еланских и др. сгоняли как овец и крошили сабельными ударами. Получается так, что действительно у повстанцев и Донской армии и штабы, и командиры, и планы, и герои, и все проч. А Красная армия это сброд без героев, катящаяся лава мужиков. А где же железная дисциплина, а где же подлинное самоотверженное и преданное революции лицо. Его нет. По-шолоховски это лава, которая катится в зависимости от ее количества. Нет самоотверженных рабочих полков, которые действительно брали инициативу не количеством, а преданностью и революционным самопожертвованием ради будущей лучшей жизни. И как не печально, но по-шолоховски погибла так бесславно хорошая часть матросов, которых один человек уничтожил 6 человек. Но навряд так бесславно продавала свои головы матросня.

Теперь еще один щекотливый вопрос. Оказывается, у Шолохова нет на Дону бедноты и преданной части середняков-казаков. У него все поголовно повстанцы и противники советской власти. Не может быть, и смешно получается, что из хутора Татарского только один-единственный был Мишка Кошевой, да Иван Алек-

сеевич. А где же червоне казачество, где беднота?? Оказывается, все желают прежней власти или же везде были одни кулачье. Лицо беднейшего казачества не показано. А во время соввласти на хуторах, оказывается, правили комиссары — единицы. В советах сидели назначенные — вроде Ивана Алексеевича и Мишки. На кого же тогда опиралась советская власть. Разве не было ярых сторонников соввласти из беднейшего казачества. Где же беднота. Неужели она сидела, сложа руки. Или же вся пошла опять за своими эксплуататорами. Что плохо, так это Шолохов не показал лицо красного казачества и подлинных коммунистов, преданных рабочему классу и подлинную Красную Армию, не отдающую себя двум-трем казакам, а подлинно боровшуюся во всех трудных обстоятельствах и выходившую из этого геройской армией, а не отдающую себя в плен, лишь увидев казака. Зато чересчур расхвалив и выдвинув контрреволюционное казачество и его героев-офицеров, как некогда царское командование выдвинуло в Германскую войну «героя» Кузьму Крючкова[2].

Интересно бы очень было, если бы на мой отзыв отозвался сам Мих. Шолохов. Прав ли я или глубоко ошибаюсь, не вдумавшись в эту книгу.

10/VIII 34.

Мой адрес:
Воронежская область
Острогожский р-н
г. Острогожск
Мельничный переулок, д. № 12.
Пономареву Николаю Степ.
Возраст 22 года. Работаю преподавателем Ш.К.М.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 68–70 об.*)

[1] См. примеч. 1 к п. 32.

[2] Крючков Козьма Фирсович (1890–1919) — донской казак, первый Георгиевский кавалер времен Первой мировой войны, в Гражданской войне принимал участие на стороне белых. Один из героев романа «Тихий Дон» (часть III первой книги, главы VII–IX; часть IV второй книги, глава VI).

119. Н. МАРТЫШКИНА

17 августа 1934 г., Астрахань

Книга 3[я] «Тихий Дон» Шолохова, прочитанная мною 16/VIII 34 г. очень хороша тем, что слишком правдоподобно изображает период Гражданской войны, отражая отдельные моменты

затруднений красноармейцев, их упорную и длительную борьбу с казаками Дона. Особенно хорошо изображено предательство Сердобского полка бывшим дворянином Воронцовым[1], этот факт указывает, насколько мы должны широко развернуть классовую бдительность. В своем произведении Шолохов так же сумел отразить и индивидуальную жизнь казаков, художественно показал их страстные порывы к жизни, их личные интересы, а также и нравы отдельных казаков. Жду с нетерпением выпуска 4[й] книги. Писала студентка Астраханского водного политехникума 21 года. Мартышкина Н.

17/VIII 34 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 75*)

[1] Правильно: Вороновским.

120 А.Л. ФОМИН

20 августа 1934 г., Алма-Ата (*Казахстан*)

Отзыв о 3[ей] книге Шолохова «Тихий Дон».

С книгами 1 и 2 я познакомился в 1930 г. Прочитав первую, я убедился в том, что здесь будет говориться про бывшую войну на Дону. В этих книгах, как я понял, в главной роли — Григорий Мелехов, который произвел на меня впечатление во II книге то, что почему он из Красной армии перешел обратно к белым? Вот коротко о I и II кн-х.

А теперь о III[ей].

Эту книгу я читал, будучи на каникулах, которая мне больно понравилась, как показатель бывшей войны, но и одновременно не понравилось поведение опять же Григорья, т.к. он стал изменником родины, т.е. изменил Красной армии, ушел обратно к белым и начинает задумываться в том, чтобы отстранить тот порядок, чтобы убивать пленных из войск Красной армии.

С моей же стороны обсуждение будет такого рода (может быть неверное): если Григорий нашел причину уйти из рядов Красной армии, то нужно было поддерживаться порядка, который существовал у белых, а именно, уничтожать пленных, грабить семьи тех солдат, которые ушли к красным. А Григорий почему-то шел против этого.

Я думаю, что Григорий перешел бы опять к красным (и у него была такая мысль во время отступа — «как будут идти красные войска, и к ним присоединиться». Эта мысль зародилась у него в то время, когда он ехал домой с фронта) и, я уверен, он был бы

отличным и честным бойцом, если бы не стали его стращать арестом и не расстреляли бы хуторских казаков.

Но вместе с тем, как восстали казаки, и мысль у Григорья отпала, а перешла на то, чтобы построить Сов. власть без коммунистов.

А вообще мне эти книги понравились, и жду еще 4-ую, т.к. из III^{ей} книги не видать конца, вышибли или нет красные повстанцев из-за Дона?

Я студент института Сов. строительства при ВЦИКе.

Учусь на I^{м} курсе, ударник с 7 ноября 1933 г.

Год рождения мой 1918.

Одновременно с занятиями я урываю моменты на чтение книг — литературы.

Сколько я читал книг, а понравились только мне «Макар Следопыт», «Черный лебедь»[1], Новиков-Прибой «Женщина в море», «Тихий Дон» 1–2–3. И более меня интересующее из приключений: Жюль Верн «Приключение капитана Гаттераса»[2], «1000 лет под водой»[3] и др.

Мой адрес:

г. Алма-Ата.

Инст-т Сов. строительства при ВЦИКе.

ул. Лежинская, № 37.

Фомину Андрею Лукьяновичу.

20/VIII-34 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 77–78 об.*)

[1] Повести «Макар-следопыт» (книги 1–3; 1925–1926) и «Черный лебедь. Новые приключения Макара-следопыта» (1930) о деревенском пареньке, ставшем в годы Гражданской войны разведчиком в Красной армии, принадлежат перу писателя Льва Евгеньевича Остроумова (1892–1955). Названная серия книг пользовалась большой популярностью в детской аудитории в 1930-е гг.

[2] Правильно: «Путешествие и приключения капитана Гаттераса» (1866).

[3] Правильно: «Двадцать тысяч лье под водой» (1869–1870; в старых русских переводах — «Восемьдесят тысяч верст под водой», в советских — «80 000 километров под водой»).

121. И.Я. ФЛЕГОНОВ

21 августа 1934 г., Нижний Новгород

Я прочитал книгу Шолохова «Поднятая целина». Мне очень понравилась книга своим простым языком, а главное, писано все

так, как и было во время коллективизации. «Момент головокружения от успехов».

Хорошо подобраны действующие лица, но мне только не понятно, для чего введен образ деда Щукаря.

Очень хорошо отображен 25-тысячник, который сделал истинно коммунистический поступок в момент, когда его били женщины, который своею спиною и своим твердым поведением мог отвлечь казаков от контрреволюции, чем доказал правоту колхозников.

Дальше образ Якова Лукича питает к себе какую-то жалость, как человек, терпящий 1. 000. 000 терзаний[1]. Все.

Мой адрес: г. Горький, 49 с/полк, Кремль, 6 взвод. Флегонов И.Я.

Моя специальность до армии — я был и крестьянином, и работал на фабрике, но в момент коллективизации был в деревне.

21/VIII — 34 г.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 708. Л. 50*)

[1] Строки из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1828), ставшие крылатым выражением.

122. И.М. ТАРАСОВ

22 августа 1934 г., Харьков (*Украина*)

Прочитав роман «Поднятая целина», ч. I, — я очень был ей доволен и стал представлять в полной ясности организацию сплошной коллективизации.

Эту книгу я искал месяцев 6, наконец-то мне удалось ее найти, теперь стоит передо мной задача — разыскать ч. II.

Мне один момент не совсем понравился, а именно: когда женщины водили Давыдова по селу и били, а он отделывался одними шутками.

Это чтой-то не совпадает с действительностью.

Бывший партизан не должен допустить над собой таких издевательств.

Если у него не было нагана в то время, когда он подошел к общественному амбару, то он был на квартире (вроде искал ключи) и мог бы взять наган. Просто разогнать этих женщин, в крайнем случае можно пострелять за такие издевательства над ним, а также момент с Разметновым <sic!>, он носил наган без патрон, из-за чего с него стащили самого и брюки[1]. Это просто упущение автора.

А также не выяснено: признал ли Нагульнов правильность статьи т. Сталина.

Я очень ценю подход Ивана Найденова к колхозникам. Хотя бы с этим комсомольцем.

И еще понравился момент Нагульного, когда он разогнал народ от амбара, когда единоличники и колхозники сломали замок и забирали хлеб.

И еще четко передано Якова Лукича <sic!> как кулака-контрреволюционера.

Я рабочий — выходец из крестьян (в 1926 г. выехал совсем из деревни) — по профессии строитель-плотник, в настоящее время студент Харьковского инженерно-строительного института, II курса.

Тарасов И.М.

Мой адрес: Харьков,

Строительный институт.

Если вам не <трудно — ?>, то ответьте на мой запрос.

22/VIII — 34 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 709. Л. 49–49 об.*)

[1] Имеется в виду эпизод из главы 35 романа, где разъяренные колхозники угрожают Разметнову: «Нам портянки твои не нужны, а вот шаровары мы с тебя, председатель, сымем...», «Штаны нам позарез нужны! Беднота без штанов ходит, а кулацкого не хватило...» (*Шолохов М.А.* Поднятая целина. М.: ГИХЛ, 1934. С. 278–279).

123. А. КУЛИШЧ

26 августа 1934 г, село Мамонтово Алтайского края

Автору «Поднятой целины» М. Шолохову.

«Поднятая целина» первая из прочитанных мною книг, так тонко до нитки и актуально рисующая героическую историю колхозной деревни. Читал я ее с очень большим вниманием и энергией, несмотря на то, что своей практической работы хватило бы на 24 часа в сутки. С жаждой зверской ненависти я следил за фигурой Островнова Якова Лукича. Подобный мерзавец был завхозом в одном из обслуживаемых мною колхозов в 1931 году в Гайсинском р-не Винницкой области (с. Жерденовка, колхоз «Батрак»). Но тогда я был убежден не окончательно, а подобно секретарю Гремяченской ячейки ВКП(б) Нагульнову. В лихорадочном волнении вспоминал мною практически пережитое время, когда начиналось плановое ведение коллективного хозяйства, неразбериха в организации и оплате труда в сотнях тысяч колхозов. Все

оно мне так<ое> «родное», знакомое и ясное, т.к. в колхоз с батьком я вступил еще в 1922 году. Тогда в этом колхозе не только не записывали палочек[1], а совсем никакого и ничему учета не было.

Жалко, что в книге я не встречаю фигуры агронома, которым тогда не малая роль принадлежала[2], да, кроме этого, среди старых агрономов были, хотя не совсем подобные, а все же схожие с Яковом Лукичом. К несчастью, не знаю, вышла ли из печати вторая книга, очень хочется дочитать. Но и эта лишний раз пополнила до отказа энергию моего аккумулятора, отдающего ее на стройку новой, радостной человеческой жизни.

Агроном Мамонтовского Райземотдела. Северный Казакстан.
Антон Кулишч.
26/VIII- 34 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 709. Л. 58–58 об.*)

[1] Речь идет о трудоднях, форме учета количества и качества труда в колхозе; трудодни отмечались в ведомости учета палочками.
[2] См. об этом примеч. к п. 98.

124. А.Г. ПХЕНДА

26 августа 1934 г., село Евгеновка Великоновосёлковского района Донецкой области (*Украина*)

Издательству. Москва.
От читателя с. Евгеновка
Ст<аро>-Керменчикского района
на Донбассе
Пхенды Алексея Гаврилова.

Ответ.

По вручению мне редактором газеты Политотдела Н.-Каракубского М.Т.С. «Путь Социал<изма>» т. Горуком книги автора М. Шолохова — «Поднятая целина» — прочитавши эту книгу, которою я чрезмерно заинтересован бытовым описанием автора, в котором он указал о построении колхоза в Гремячем, о уполномоченном Райкома т. Давыдовым, который с большевистским энтузиазмом боролся за построение колхоза, где переносил трудное положение, не считаясь с жизнию. О работе секретаря партячейки Нагульнова, о его политической увертливости. О работе и печальном положении во время службы А. Разметова, о колхозном дедушке Щукаре, о <в>заимном отношении бригадира к нему за его неполное здоровье, о его старческой помочи т. Давыдову, и вообще все описания автора М. Шолохова очень интересно и так

понятно, что любой грамотный человек может понимать содержание книги. На что я, Пхенда А., даю свое обещание издательству и автору М. Шолохову читать все выпущенные книги не только единолично, но и публично и вызываю всех грамотных гр-н и гр-нок на читку книг автора М. Шолохова.

С горячим приветом издательству, автору М. Шолохову, отв. ред. Э. Болотиной, техред<у> М. Фишелев<у>[1].

— А. Пхенда —

26/IIX — 34 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 709. Л. 53*)

[1] Судя по имени технического редактора — М. Фишелева, автор письма читал первое отдельное издание романа: *Шолохов Мих.* Поднятая целина. Роман. М.: Федерация, 1932. Однако ответственным редактором этого издания был Л. Шмидт, а не Э. Болотина.

125. Г.С. НЕДОСЕКИН

27 августа 1934 г., Владивосток

Многоуважаемые Михаил Шолохов и издательство «Советская литература», я сегодня закончил читать Вашу книгу «Поднятая целина»[1]. Эта книга произвела на меня неописуемое впечатление своими образами, художественностью текста, многообразием описания крестьянской психологии и освещением ее в Марксистско-Ленинском мировоззрении. Я скажу прямо, что это живая правда деревенско-колхозного строя, выраженная в художественных образах и мастерском освещении разносторонней крестьянской действительности. Ваша книга завлекает до безумия читателя, прошедшего путь Найденова и других, хотя он и испытывал то же самое на собственных плечах.

Я, как знаток крестьянской действительности, могу с уверенностью сказать, что «Поднятая целина» есть комплекс представителей, разновидных и разнокалиберных, деревенской жизни. В ярком свете показаны: жемчуг колхозного строя — Майданников, Любишкин, Дубцов и др., выкристаллизовавшие<ся> из самой колхозной массы; подхалим Банник; пакостная гадюка, вредитель, сладенький мужичок — Яков Лукич, одурачив<ший> Давыдова, не знавшего деревенской действительности; Половцев — контра, вредитель, прямой изменник и враг социалистической родины; Щукарь — развеселый хвастун и подлиза, но не опасная подлиза, источник смеха на селе; Дымок, Лушка — подонки и смрад деревенско-колхозной жизни; Молчун, одура-

ченный и обманутый классовым врагом; Менок — беспринципное существо, живущее сегодняшним днем; Нагульнов — железный большевик, опьяненный мыслью об конце мировой революции, с резкими перегибами, но за партию и коммунизм отдающий всего себя, со всем содержимым; Андрей тоже, но не перегибает и с чрезвычайной мягкостью к своему классу; и наконец — Давыдов, стальной большевик с железной волей и напористостью, не боящийся никаких трудностей, предан всем своим существом делу пролетариата.

Вообще Ваша книга дает читателю очень многое, как с формальной стороны, так и с содержательной: есть над чем посмеяться, есть о чем поговорить, есть о чем погоревать, есть над чем поторжествовать, есть кого возненавидеть и так далее. Она мобилизует на ударную работу, заражает подвигами героев и заставляет презирать врагов.

Побольше бы таких книг. Спешите напечатать 2-ю книгу.

Адрес мой: г. Владивосток, поч. ящик 9610. Недосекин.

Я Недосекин Григорий Степанович, красноармеец. В. ч. 9610. 1912 года рождения, призван в армию 15/II 34 года из Москвы, Сталинского райвоенкомата.

1934 г. 27 августа.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 708. Л. 52–52 об.*)

[1] См. примеч. 1 к п. 31.

126. Г.Ф. ТКАЧЕВ

1 сентября 1934 г., поселок Желтое Апостоловского района Днепропетровской области (*Украина*)

Отзыв на книгу «Тихий Дон»

Я рабочий Желто-Каменской МТС Апостоловского района Днепропетровской области Ткачев Герм. Федос. 39 лет. Механик с-хоз. машин.

Прочитал все три книги В<ашего> издательства «Тихий Дон» автора Мих. Шолохова. Очень заинтересовался охарактеризованным положением прошлого времени и жизни донского козачества, резко отраженного в этих книгах, зная шовинистическую склонность донского козачества в непоколебимости, и в это же время верных прислужников монархии, что в этих книгах очень четко охарактеризовано, но этого еще недостаточно, а посему прошу издательство этой книги и автора тов. Мих. Шолохова выпустить еще добавочные 1–2 книги или сколько для этого будет нужно,

охарактеризовать дальнейшую борьбу с казачеством нашей доблестной Красной Армии.

Особенно отразив такие факты, как же повстанческие отряды донских козаков присоединились к атаманским генералам, откуда взялся генерал Врангель, что с его армией сделали 1 — 2 конные красные армии под командованием т.т. 1) Буденного[1] — 2) Миронова[2], дальше охарактеризовать Григория Мелехова, — Аксинью — Степана Остаховых[3], семью Мелеховых, особенно охарактеризовать, что сделано с участвующими в жесткой расправе над тов. Подтелковым, Бунчуком и их тов. в числе 80 чел. Ведь там же всех участвующих в зверской расправе известны фамилии и с какой станицы, оцените, что сделано с участвующими в похабном издевательстве над 25. Кому писали свердобинцами[4], отразите, как перебрался через Днепр где, в каком месте генерал Бабиев[5] со своей дивизией, где он убит и что сделано нашей 2-й конной армией (мироновцами) с его дивизией, какой был положен мост на Днепре, как преследовались Красными Армиями бешеное бегство белых до Азовского моря, погрузка белых на судна и окончательный разгром и ликвидация белых, и остальное, жизнь донского казачества после окончательного разгрома белых банд и Антанты, аж до сего момента, хотя бы до 1932 года.

Еще раз прошу издательство и автора продолжения этих книг, ибо эти ранее выпущенные 3 книги не полностью удовлетворяют читателей.

Прошу сообщить, будет ли продолжение или нет, если будет по когда, если нет, почему

Читатель Г.Ф. Ткачев.

Ж-Камянська МТС, Апостоловский район, Днепропетровская область.

1/IX 1934 года.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 705. Л. 10–11*)

[1] Буденный Семен Михайлович (1883–1973) — участник Первой мировой и Гражданской войны, в годы Гражданской войны командующий Первой конной армией РККА. См. далее примеч. 1 к п. 341.

[2] Миронов Филипп Кузьмич (1872–1921) — участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войны, командарм 2-й Конной армии РККА, пользовался большой популярностью среди донского населения. См. далее примеч. к п. 320, 486.

[3] Правильно: Астаховы.

[4] Правильно: сердобцы.

[5] Бабиев Николай Гаврилович (1887–1920) — участник Белого движения; звание генерал-лейтенант получил за участие в Царицынской операции 1919 г. Убит артиллерийским снарядом около села Шолохово Никопольского района Днепропетровской области.

127. Н.В. НЕПОМНЯЩИЙ

15 сентября 1934 г., город Нытва Свердловской области

Издательству «Советская литература».

С большим удовольствием я прочел книгу М. Шолохова «Поднятая целина».

В книге так правильно, так образно отражены все этапы — коллективизация, выход из колхозов и снова прилив в колхоз; работа 25-тысячников прекрасно охарактеризована, нарисованы типы контрреволюционной сволочи (простите за такое выражение), классовых ... в скорлупе активных «строителей» социализма, как этот Яков Лукич Островнов.

Удачен тип деда Щукаря, он так занимательно выведен т. Шолоховым, что места, где дед Щукарь рассказывает о своей жизни (стр. 239–244) или воспоминание деда Щукаря о купленной им лошади у цыгана (стр. 231–235)[1].

Много прекрасных мест, если о них писать, пожалуй, всю книгу пришлось бы переписать.

Самое главное, это, что в книге все — сущая правда, что книга эта не набор набранных слов, фраз и предложений, а правдивая быль, в то же время очень увлекательна.

Я читал много книг, но из всех мне больше всего нравится «Поднятая целина».

У нас в Нытве мало кто читал эту книгу, я ее рекомендую всем своим сослуживцам, знакомым.

В библиотеке есть только один экз. и он все время на руках, а в магазинах ее нет. Я приобрел ее в Перми, купил последний экземпляр.

Было бы очень хорошо широко популяризовать ее в селах, в колхозах, устраивать громкое чтение в Красных уголках, у нас по району это не делают.

Далее, чтобы эта книга была прочитана тем читателем на кого она рассчитана — колхозно-крестьянскую массу, следовало бы печатать в газете, давая ежедневно газетную страницу, это широко обслужило бы читателя колхозника.

Не знаю, написана ли автором т. Шолоховым, вторая часть этой прекрасной книги, я жду ее, только не знаю, когда она придет в Нытву или Пермь, и смогу ли я ее достать — приобрести, т.к. ее разберут.

Если можно вышлите мне один экз. наложенным платежом по адресу: Нытва Свердловской обл., ул. Карла Маркса, № 83.

Непомнящему Николаю Владимировичу.

Помимо этого прошу сообщить мне, какие интересные книги изданы и как их можно приобрести — выписать.

Непомнящий.

15/IX-34 г.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. 706. Л. 5–5 об.*)

[1] Упоминаемые читателем страницы даны по изданию: *Шолохов М.* Поднятая Целина. 3-е изд. М.: Советская литература, 1933. — 366 с.

128. НЕУСТАНОВЛЕННЫЕ ЛИЦА

10 сентября 1934 г., город Тара Омской области

Отзыв на книжку (гривенник[1]) Мих. Шолохова.

«Поднятая целина» ни к черту не годится, только и всего, что написано только про колхозы, да про ударников, а мы все знаем, что нам уже все это перегрызло шею, но мы не станем ругать Шолохова за это. Правда, у Шолохова есть мастерство писать, но теперь ведь настала такая эпоха жизни, что даже не о чем писать и нечего рассказывать из этой чертовой жизни. Тут не до книг, когда жрать нечего стало с этими колхозами, да с коллективами, пошли они все к черту. Вы нас, черти, заморили с голода.

Так вот, какое будет наше мнение об этом отзыве.

10/IX 1934 г.

Г. Тара, ученики Т<арского> педтехникума.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 708. Л. 57*)

[1] «Книжка — гривенник» — массовое издание, рассчитанное на широчайшие круги советских читателей, в первую очередь на колхозников; книги этой серии выпускало в 1930-е гг. издательство «Советская литература» миллионным тиражом по цене 10 копеек (гривенник) за один экземпляр. В серии «Книжка-гривенник» в 1934 г. была издана глава из романа М. Шолохова «Поднятая целина», посвященная пахоте в колхозе (*Шолохов М.А.* Поднятая целина [Отрывок из романа]. М.: Советская литература, 1934).

129. И.А. ДЕМЬЯНЕНКО

23 сентября 1934 г., город Уссурийск Приморского края

23 сентября 1934 г.

Конечно, если бы книга не понравилась и не касалась близкой знакомой, животрепещущей темы, мне бы не пришла мысль и желание отозваться на обращение издательства и автора к читателям[1].

Первым долгом даю сведения о себе как о читателе. — Возраст 23 г., в настоящее время курсант (красноармеец), образова-

ние — среднее, соцпроисхождение — крестьянин-колхозник, на гражданке после окончания техникума работал 2 года техником на ж.д. транспорте. Сельское хозяйство близко и знакомо. Отец — крестьянин. Сам до поступления в учебное заведение работал с отцом. Участник в колхозном строительстве. Период 28–32 годы в деревне органически знакомы.

Все эти данные привожу к тому, что мое слово о книге «Поднятая целина» будет иметь свой грунт.

Произведение «Поднятая целина» — лучшее произведение современной художественной литературы. Написано просто, понятно, интересно. Книга вполне доступна широким массам крестьянства. Она будет нравиться и увлекать их. Особенность произведения это — редкостная правдивость положений периода колхозного строительства. Все показано откровенно, прямо, не скрывая тех грехов, а в многих случаях и преступлений, которые были допущены в те годы в деревне. Крестьянин вполне поверит этому рассказу.

Всякий читатель симпатизирует тому автору, в книге которого агитация незаметна, у которого она замаскирована, ее не видно. На человека агитация, которую суют, пичкают в глаза, не действует, а лишь раздражает. Такой вещи в «Поднятой целине» нет — это положительная сторона произведения.

Я сказал выше, что книга читается легко. Что это значит? Это значит то, что каждая страница, каждая строка живая, понятная для читателя, возбуждает его интерес, возбуждает его самого. Читатель и волнуется, и возмущается, и восхищается, и негодует, и смеется. В книге часто встречаются «словечки» вроде: «Ведерник тебя делал», «...а вот у бабы попросить робеешь», «Чем мы ее будем пахать? Чем детишков делают?» и т.д. Конечно, это является непристойностью, некоторой грязью в тексте, зато уж никак нельзя сказать, что это идет в ущерб увлечению к чтению книги. Во-первых, этим дается правдивая подлинная речь того или иного лица, а значит читатель яснее воображает его; во-вторых, наш рядовой читатель, в особенности крестьянин, читая такую книгу, скучать не будет.

Вообще надо сказать, что всякое художественное произведение должно быть таким, чтобы при чтении читатель трепетал, горел, бурлил, чтобы он получал такое возбужденное чувство, как это бывает при наивысшем моменте любви. Читатель — что железо, чтобы сделать в нем какой-либо изгиб, поворот, его надо накалить добела.

Конечно, такого накала в «Поднятой целине» читатель еще не получает, но все же нагревается ничего себе, и автор достигает некоторого сворачивания читателя в желанную ему сторону.

Хорошо и то, что в книге есть веселые, забавные моменты. Читателю есть с чего посмеяться, порезвиться, оживиться. Вот, например, инцидент с тем, как старухи пришли в возмущение, что их заставят на яйцах сидеть — цыплят высиживать. Очень удачный момент повеселить читателя. И главное здесь то, что читатель может поверить такому случаю.

Хорошие есть выражения, образы:

«Хозяин нужен, чтобы у него колхозная копейка рублем звенела».

«...когда жизнь сияла и хрустела у него в руках, как радужная екатериновка».

«Девичьи слезы что роса на восходе солнца».

И т.д.

Но есть стороны, которые, на мой взгляд, являются недостатком.

Первое. — Не яркие фигуры главных героев — Давыдова, Нагульного, Разметнова. Я не мог их точно представить себе перед глазами, т.е. видеть их живыми. Один дед Щукарь изображен живым, я его представил себе, вообразил.

Вторoе. — В месте, где Давыдов говорил с пионером (когда он посадил себе на повозку), так там детский разговор далеко не правдив, искусственный.

Третье. — Неудачный, неправдивый случай, когда разорвали гуску. Даже хотя был такой случай, он явно выдуманный.

Четвертое. — Очень поганые, не яркие, не образные фамилии у героев (Давыдов, Нагульнов, Разметнов). Две последние даже трудно выговариваются. Они быстро забудутся. Самая лучшая фамилия — Щукарь.

Пятое. — Три абзаца начала книги считаю совсем лишними. Автор хотел «красиво» начать произведение, но это начало механически приставлено к действительному началу. Ведь вполне бы можно начать книгу с строк: «По крайнему в степи проулку январским вечером 1930 года въехал в хутор Гремячий Лог верховой».

Вот все, что хотел сказать с первого взгляда, поверхностно, без глубокого анализа о книге. Конечно, критиковать я не специалист, не мастер, а сказал с личного впечатления о произведении.

Д.В.К. Никольск-Уссурийск. 29/IX-34 г. П/я № 14017, часть 3087. 2-я рота. — И.А. Демьяненко.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 707. Л. 37–42*)

[1] Обращение к читателю на последней странице имелось не только в книгах, опубликованных издательством «Советская литература», но и в изданиях «Поднятой целины» в серии «Дешевая библиотека ОГИЗа»: «Читатель, сообщите Ваш

отзыв об этой книге, указав Ваш возраст и Вашу профессию, по адресу: Москва, центр, ул. 25 Октября, д. 10/2. Государственное издательство художественной литературы. Массовый сектор».

130. В.Е. ГАВРЮШЕНКО

24 сентября 1934 г., поселок Белый Колодезь Волчанского района Харьковской области (*Украина*)

Издательству «Советская литература» от читателя. 24 сентября 1934 г.

Прочтя книгу 24/IX–34 г. писателя Михаила Александровича Шолохова «Поднятая целина», книжка гривенник[1], выпуска 1934 г., по просьбе издательства пишу свои мнения.

Книжка, с одной стороны, политически выдержана, но не указано зажиточной жизни колхозников и массовой перестройки колхоза. Нету показательности над взрывщиками колхоза и какие привилегии имеет ударник-колхозник в период перестройки колхоза. Не показано годового результата колхоза и его дальнейшего укрепления.

Само заглавие этой книги «Поднятая целина» говорит за то, что какая-то степь заброшенная разработана и получены большие результаты урожая, развитие. Нельзя понять период года — осенью, весною, а также очень мало написано в книге окраски природы, которая связала б обстоятельства с переживанием героев, а также нету переживаний самих героев.

Нету совсем идей молодежи, а также, наряду с участием молодежи в организации колхоза, желательно б и завязать любовью-жизнь, что большинство читателей, особенно, молодежь заинтересовало б и политически имело б развитие молодежи. А также в книге нету музыкальности колхозных песен, культурного развития колхоза.

Только при переработки этой книги указанные факторы могут удешевить книгу и завлечь читателя, а иначе она в библиотеке останется мертвым балластом, она написана не на литературном русском языке. Имеются, например, слова: на стр. 4 — «лядащую», на странице 27 — «могем»[2]: — эти слова затрудняют читателя в смысле:

———

Пишу такое замечание, — в жизни первое, но желал бы получить ответ.

Извини, писатель, я человек не очень грамотный, а когда выругаться хотишь, — так вот адрес мой:

Харьковская обл., Волчанский р-н, с. Белый Колодезь, ул. Гапонинщика, д. 4. Гаврюшенко Вас. Елис.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 710. Л. 25–27, ред. копия — л. 134*)

[1] Об издании этой серии см. примеч. к п. 128.

[2] Последняя страница автографа утрачена; восстанавливается по редакционной копии.

131. Ф.М. МАЗНЕВ

8 октября 1934 г., село Отрадо-Ольгинское Гулькевичского района Краснодарского края

Азово-Черноморский край, Кропоткинский район, Отрадо-Ольгинский сельсовет, колхоз «Заря Свободы». Мазнев Федор Николаевич.

Родился 1904 года, рядовой колхозник, батрачил по кулакам, вступил в колхоз <в> 1929-м году, сейчас в 34 году с 1-го января по 1-го сентября имею 301 трудовых дня, семья 2 души, с колхоза получил на трудовые дни за полугодие или по 1-го июля 1934 г. 200 руб., 31 кило меду пчельного и 20 пудов муки пшеничной, окромя муки еще по 2 кило пшеницы и по 4 кило кукурузы на трудодень.

Я полагаю, что вы меня простите за мою малограмотность, но поверьте, я сильно любитель читать книги. Все 3 книги «Тихий Дон» большой имеют авторитет среди социалистической деревни. Я, когда их купил, то не мог оторваться, быстро прочитанное рассказывал колхозникам, и меня заставляли читать вслух книги «Тихий Дон», выносились большие благодарности этим книгам, но особенно писателю Михаилу Шолохову. Вам, тов. Шолохов, жить и крепнуть, и чтобы ваш ум в дальнейшем был крепок, чтобы вы снабжали соцдеревню новыми и новыми книгами. Еще прочитана мною неоценимая книга «Поднятая целина». Спрос на эти книги большой, читают старый и малый, лишь бы было написано <*1 нрзб.*> Михаил Шолохов. Шолоховские ценные книги, но плохо то, что их не переплетают, лучше бы платить 1,50 коп. за книгу, только бы в переплете.

8/X34.

Мазнев.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 700. Л. 16–16 об.*)

132. И.М. КРОТОВ

11 октября 1934 г., Душанбе (Таджикистан)

Чем можно отозваться на книгу «Поднятая целина»?! «Дискуссию вокруг статьи нечего устраивать», — так советовал Давыдов Нагульнову — в разговорной речи на закрытом собрании ячейки — о статье тов. Сталина.

Да, все это было излишнее.

Книга до того гипнотизирующая действительностью — читая ее, невольно впадаешь в обширные действия в устройстве и организации коллективизации. Читая — на страничках чувствуешь себя Давыдовым, Нагульновым и всем-всем, что беспрекословно связано с героями этой книги — что очнувшись — против воли натуры — содрогаешься.

С 1927 года я выехал 14-летним подростком из деревни. Все время живу в городе. Можно сказать, забыл деревенскую жизнь — жизнь темную, грязную. И читая книгу «Поднятая целина», ясно припоминается эта жизнь, которую — столь любимый и талантливый писатель Шолохов — так ярко — яркими красками нарисовал на 335-ти страничках.

Читая «Поднятую целину» — душою плачешь, и смеешься от души. И главное, чувствуешь ту линию — за которую так с гордостью дерется непобедимая — во главе с Великим Вождем тов. Сталиным — Ленинская коммунистическая партия большевиков. Правдивость колебаний в крестьянстве при коллективизации, отраженная в книге писателя Шолохова — не забываема, и после чтения оставляет несокрушимый эффект.

Больше таких книг — т. Шолохов! Ваша книга «Поднятая целина» — спутник и агитатор к скорейшему подходу к социализму — бесклассовому пролетарскому строю.

Жду (и миллионы ждут) II книгу «Поднятой целины».

Таджикистан, город Сталинобад.

11/X-34.

Рабочий по общественному питанию И. М. Кротов.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 710. Л. 29–29 об.*)

133. КУРБАТОВ, ЕВДОКИМОВ

17 октября 1934 г., Москва

17/X-34 г.

Профессия — рабочие

Образование —

Возраст —
Партийность —
Фамилии — Курбатов, Евдокимов

Мы, нижеподписавшиеся рабочие Авто-дор.-мех. з-да Курбатов и Евдокимов с большим интересом и увлечением читали роман М. Шолохова «Поднятая целина». — Эта книга по нашему мнению, является очень ценной, так как в ней автор совершенно правильно изложил классовую борьбу в деревне в период коллективизации.

В «Поднятой целине» автор правильно изобразил типов современной деревни.

В лице Давыдова автор показал нам такого большевика, каким он есть и должен быть в действительности — спокойным, выдержанным, классово-бдительным и уверенным в победу своего дела. В брошюре Ечеистова и Лебедева «Вечер рабочей критики по Поднятой целине»[1] — рабочий завода «Серп и Молот» тов. Конов, заявляет — что Давыдов слишком доверял кулаку Островнову, хотя его не раз предупреждал Нагульнов. Получилось так, что левый загибщик Нагульнов имел больше классового чутья, чем 25-ти тысячник Давыдов[2]. Но это ведь была единственная серьезная ошибка Давыдова. Нет такого человека, как бы он не был развит, какой бы он не был способный, который бы не ошибался, а у Нагульнова только лишь в этом проявлено большевистское чутье к классовому врагу.

Этим, мы хотим сказать, то, что в этом отрывке книги, автор не ошибся, допустив вышеуказанное.

В лице Половцева и Островнова очень хорошо показаны типы неразоблаченного классового врага, каких еще очень много в деревне, которые еще и теперь продолжают действовать, «тихой сапой» стараясь взорвать колхоз изнутри, с которыми еще долго придется бороться и разоблачать.

Особенно четко, ясно и правильно Шолохов описал влияние статьи тов. Сталина «Головокружение от успехов»[3] на крестьянство.

В период коллективизации мы учились и жили в деревне, поэтому мы сами являемся свидетелями того, с каким интересом крестьяне читали эту статью, с какой жадностью разбирали газеты с этой статьей.

Мы сами видели и слышали то, что эту статью некоторые недопонимали, искажали ее смысл, а классовые враги кулаки старались растолковать непонимающим в своих интересах. («Ну теперь полезут колхозы по швам, как прелая одежда»и т.п. — Банник[4]).

Можно бы еще не одним десятком примеров одобрить эту книгу (простота изложения, художественное описание природы и т.д.).

Из этого видно то, что мы стоим за то, чтобы увеличить тираж этой книги и рекомендовать ее каждому рабочему и колхознику.

Много ценного и правильного в этой книге.

Но есть и крупные недостатки. — Но автор совершенно забыл местную молодежь и упустил молодежь из вида и не предал значение какие огромные и ответственные задачи стояли и стоят перед молодежью деревни и какая доля классовой борьбы приходится на комсомол.

К сему рабочие Авто-дормех. З-да — Евдокимов, Курбатов

Адрес: Москва 57. Ст. Серебряный бор

Авто-дормех. Завод Мособлдортранса[5].

Нам.

Просьба дать ответ.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 706. Л. 8–8 об.*)

[1] См.: *Ечеистова В.Б., Лебедев А.* Вечер рабочей критики по «Поднятой целине» М. Шолохова: Опыт Библиотеки завода «Серп и Молот». — М.: [Б.и.], 1934. — Кабинет профработы МОСПС и МГСПС. Бюро по соцобмену опытом культмассовой работы КультСО, № 17. Данная книга была издана в связи с подготовкой к съезду писателей: «Опыт библиотеки завода “Серп и молот” интересен в том отношении, что дает большое многообразие форм массовой работы с художественной литературой. Здесь и заочный диспут в заводской газете, и громкие читки в цехах, и передачи по радио, и семинар передвижников по проработке книги, организация отзывов и выступлений рабочих, художественная читка отрывков на самом вечере» (С. 3). Для первого вечера рабочей критики библиотека завода выбрала роман «Поднятая целина», мотивируя это так: «К “Поднятой целине” нас привлекла ее актуальность, глубокая содержательность, политическая заостренность, четкость и правильность постановки вопросов классовой борьбы, отражение социальных сдвигов в деревне и вместе с тем высокая художественность, богатство изобразительных средств» (С. 5–6).

[2] Это точная цитата из выступления рабочего прокатного цеха Конова, который заметил также: «Еще, по-моему, плохо Шолоховым показаны корни классового врага. Я так и не уяснил, откуда взялась офицерская контрреволюционная организация и что потом с ней стало. Но все же книжка правильно показывает упорную борьбу большевиков над созданием колхозов и тактику классового врага в деревне» (С. 21).

[3] См. примеч. 4 к п. 16.

[4] Слова Банника после прочтения газеты «Молот» (глава XXVIII).

[5] Завод по ремонту автодорожных машин был открыт на станции Серебряный Бор в 1933 г.

134. Ф. АЙТМАМБЕЗОВ

30 октября 1934 г., село Георгиевка (аул Колбатау), Жарминского района Восточно-Казахстанской области (Казахстан)

Сегодня прочел Мих. Шолохова — «Поднятая целина» (книга 1). Возраст 34 г., советский работник, низшее образование.

Книгу прочитал с увлечением, строка за строкой, торопился закончить. Эту книгу также прочитал, как «Мать», «Жизнь Клима Самгина» — Максима Горького. Роман, по-моему, единственная книга, действительно художественно описывающая пути коллективизации. Мне эта книга очень понятна, как проводившему эту работу — сплошную коллективизацию непосредственно.

По-моему, недостаточно показана роль района, округа, губернии, кроме их нажима директивой или через заседания бюро РК ВКП(б) Давыдову. Нужно было показать, как уполномоченные чрезвычайными полномочиями[1] заездом на село на заседаниях, собраниях заставляли вступать в колхоз, или авторитетом партии, или угрозами как сопротивляющимся государственным мероприятиям и т.д. и т.п, или вроде того, что район объявлен <районом> сплошной коллективизации[2], поэтому волей не волей суждено им вступить в колхоз. Также мало показано администрирование (перегиб) по отношению середняка.

Я не знаю, вышла или нет вторая часть книги. Не встречал.

Жаль, что наши писатели националы еще не могут или не хотят приблизиться к этому, книгу написать о пройденных путях коллективизации Казахстана. Ведь в Казахстане перегибы по коллективизации продолжались до исторического решения ЦК от 17/IX 1932 года[3]. Последствия этих перегибов начали ликвидироваться с 1933 года со сменой первого руководителя (Ф.И. Голощекина[4]).

30/X 1934 г. <Подпись>

с. Георгиевка Нарминского района, Вост.-Казах. область[5].

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 711. Л. 108*)

[1] С 1928 г., когда начал проводиться курс на коллективизацию, всеми органами власти (ЦК партии, обкомы, крайкомы, наркоматы земледелия, внутренней и внешней торговли, ОГПУ и др.) выделялись специальные уполномоченные, призванные следить за организацией хлебозаготовительных кампаний, проведением коллективизации и докладывать результаты вышестоящим органам; см. опубликованные документы 1931–1933 гг. (см.: Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. М., 2011).

[2] 5 января 1930 г. специальным постановлением ЦК ВКП(б) выделены особые — зерновые — регионы, где коллективизация (создание колхозов) должна была быть проведена в кратчайшие сроки: от года (Северный Кавказ, Поволжье) до двух лет (другие зерновые регионы) и завершена к весне 1932 г. Принимаются специальные постановления, обеспечивающие данные темпы коллективизации; см. постановление политбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации кулацких хозяйств

в районах сплошной коллективизации» (от 30 января 1930 г.), которым определялись жесткие меры проведения раскулачивания: конфискация имущества, «репрессивные меры» вплоть до заключения в «концлагеря кулаков», высылка в округа Северного края, Сибири, Урала, Казахстана и др.

[3] Речь идет о постановлении политбюро ЦК ВКП(б) «О сельском хозяйстве и, в частности, животноводстве Казахстана» от 17 сентября 1932 г., которым 1) допускалась в «оседло-земледельческих районах Казахстана практика индивидуального пользования колхозника» домашним хозяйством «из 2–3 коров, 10–20 голов свиней и поросят»; 2) выделялась продовольственная помощь населению; 3) уменьшался план хлебозаготовок по Казахстану на 5 млн пудов. Постановление связано с катастрофическим положением в сельских районах Казахстана: засухой, голодом, массовыми эпидемиями и смертями, ростом «откочевок» (переселением в другие регионы страны и в Китай); в Москву и в краевые органы с января 1932 г. шли сообщения от разных уполномоченных, отмеченные пометой «Совершенно секретно»; см., например: «По сведениям Семипалатинского ОС, в Павлодарском районе в аулсовете № 11 на почве голода умерло 14 колхозников и в немецком колхозе "Роте Фане" 2 колхозника и 6 семей лежат опухшими»; «В Павлодарском р. со второй половины декабря [1931 г.] в течение января по неполным данным зафиксировано 515 случаев голодной смерти, случаи учащаются. Зафиксировано много случаев питания собачьим мясом, трупами павшего скота» и т.п. (Голод в СССР. 1929 – 1934: В 3 тт. Т. 1. Кн. 2. М., 2011. С. 126–127). По разным данным от голода в 1932 г. в Казахстане умерло от одного до двух миллионов человек.

[4] Голощекин Филипп Исаевич (наст. имя Шая Ицикович; 1876–1941, репрессирован) – партийный и государственный деятель, член ЦК ВКП(б); в годы Гражданской войны член Уральского обкома и облсовета, комиссар Уральского военного округа, сыграл определяющую роль в убийстве царской семьи; с июля 1925 до 21 января 1933 гг. – первый секретарь казахского крайкома партии. При новом руководстве (Л.И. Мирзоян) в 1933 г. удалось собрать неплохой урожай, прекратился массовый убой скота, началось формирование промышленных районов и т.п.

[5] Восточно-Казахстанская область образована 20 февраля 1932 г. с административным центром области в г. Семипалатинске в составе 14 районов.

135. П. СЫСОЕВ

1 ноября 1934 г., город Поти (Грузия)

От группы читателей романа М. Шолохова «Тихий Дон».

Мы – рабочие строители, живущие в исполкомском бараке: землекопы, плотники, маляры, только что прочитали 3 книгу Шолохова «Тихий Дон». Читали коллективно, по вечерам. В конце книги Вы просите дать ответ-отзыв о книге.

Книга очень понравилась: все понятно, все верно и завлекательно. Спрашивали многие – кто он – Шолохов – из простых или из образованных. Неужели из образованных мог знать всю подноготную из жизни простого народа? Мы благодарим писателя Шолохова и тех, кто напечатал и распространяет такие хорошие книги. Вечера чтения были интересные вечера.

Просим со своей стороны Вас ответить — печатается ли 4 книга и в каком журнале или газете — мы хотим выписать. Откуда можно выписать 1 и 2 книгу «Тихий Дон». На ответ влагаем <в> 20 коп. марку.

Адрес: Поти, ул. Колонтайская, барак № 18, комната 7.

От группы читателей

П. Сысоев.

1 ноября 1934 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 14–14 об.*)

136. Е. РОМАНКО

3 ноября 1934 г., б.м.

3/XI-34 г.

Профессия — учащаяся

Образование — 2 курс рабф<ака>

Возраст — 16 лет

Партийность —

Фамилия Романко

Книга «Поднятая целина» Шолохова мне очень понравилась. Даже сообщу Вам, что со мной случилось такое, чего случается очень и очень редко.

После окончания уроков в 3 часа дня, я пошла в столовую и взяла с собой книгу. Говорят, что обед мне был подан и я наверное его съела и не знаю, сколько времени я просидела в столовой, только официантка меня попросила освободить зал, т.к. было уже 6 часов и налаживали ужин, а я опоздала в тот день на политинформацию даже.

Я не могу о книгах говорить, как Белинский, только книга мне очень нравится, хорошая, но, по-моему, Шолохову можно было бы меньше писать ругани. И так понятна и обстановка, и быт, а ругательства к каждому слову излишни, наши забайкальские крестьяне и то так не ругаются.

Наверное, Шолохов сам крестьянин, потому что он очень хорошо описывает крестьянский быт, знает его, а если он не крестьянин, то трудно было бы ему поверить, что пишет он.

Вот когда я научусь как следует говорить о книге, то перечитаю и напишу вам настоящий серьезный отзыв.

А тов. Шолохов лучше, чем всякий Пушкин, Лермонтов и т.д. дворянские писатели. Что ж что они «мастера слова», а он — настоящий идеалист. Только не понимаю, почему он заставляет

читателя симпатизировать до некоторой степени Островнову особенно в конце 1-й части, думаешь, что Островнов встает на твердый путь и кончит все со старым и даже прощаешь ему все.

Это напрасно. Нужно было бы не так.

Ну да у Шолохова своя голова на плечах, и я не думаю ему указывать.

Потом, (через несколько лет) напишу Вам серьезный настоящий отзыв, а то так выходит болтовня как у деда Щукаря.

С приветом

Елена Романко.

Скорее выпускайте 2-ю часть.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 706. Л. 13–13 об.*)

137. И.Д. СУСУРКИН и др.

20 ноября 1934 г., село Боровиково Павловского района Алтайского края

Шлем свой дружеский пламенный колхозный привет работникам Московской редакции и приветствуем Вас за хорошую работу и за хорошую отпечатку новых книг и приветствуем автора и хорошего советского писателя за хорошее сочинение литературы.

Тов. М. Шолохов, мы, колхозники, прочитали Ваше сочинение книга 1 «Тихий Дон» и вторую книгу, и книгу «Поднятая Целина», из которых получили большую зарядку как в области революции, <так> и сплошной коллективизации как класса.

Провели массовую читку книг с колхозниками, и Ваши книги нам очень понравились. И просим работников редакции сообщить Ваши имена, фамилии и передать наше колхозное письмо Михаилу Шолохову. Мы колхозники обращаемся к Вам с просьбой дослать нам книги, продолжения «Тихого Дона» и «Поднятой Целины» и еще какие у Вас есть самые хорошие сочинения т.Шолохова, так как у нас достать таких книг нельзя.

Направляйте книги наложным платежом или как сумеете по адресу: Зап.-Сиб. Край, Павловский район, Боровиковский с/совет, на фамилию Сусуркина И.Д. Еще мы Вам сообщаем, что мы Вам поможем <в> Вашей работе. У нас есть хорошие материалы, из которых выйдет самый интересный роман. И этот материал возьмется из нашей жизни. Как до Гражданской войны проживали наши ряд колхозников и как живут в настоящее время.

А поэтому еще раз Вас товарищи просим удовлетворить нашу просьбу и передать наши письма тов. Шолохову.

Пока до свидания, с приветом Вас. Пишите нам ответ поскорее.

К сему: Сусуркин, Переполова, Нючев, Орлова, Королева.
Извиняемся, что плохо написали, мы все малограмотные.
(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 699. Л. 16*).

138. Е.С. БЕЗУГЛАЯ

22 ноября 1934 г., хутор Киновия Брюховецкого района Краснодарского края

Уважаемый товарищ Шолохов!

За пять нудных осенних хуторских вечеров я окончила чтение Вашего романа «Тихий Дон». При окончании 3-й книги мне было жаль ее кончать читать. Роман этот мне очень понравился. В нем довольно красочно и правдиво выведены типы, быт и переживания казачества в годы войны. Я в это время работала с мужем учителем на Кубани и, сравнивая жизнь кубанских казаков, считаю, что Вы довольно правильно рисуете в романе жизнь казаков. Хорошо нарисованы типы Григория Мелехова — вояки и «отщепенца», потом Аксинья, семья Мелехова, его свата, корниловская свора тоже ничего нарисована, но мало. По моему мнению, роман Ваш не окончен. Не видно конца судьбы Григория, его «любушки» и вообще судьбы белых казаков, воюющих под командой Григория, и красных войск, борющихся с белыми казаками на Дону. Хотелось бы мне еще почитать что-либо, написанное пером вашей руки, но живя на хуторе в глуши, это сделать очень трудно. Ваш роман ходит по домам колхозников, которые тоже им интересуются. «Поднятая целина», я считаю, тоже не окончена, и думаю, что будет ей продолжение. Потом меня интересует такой вопрос: почему Вы ничего не напишете о жизни «вольной Кубани» в гражданскую войну. Ведь она тоже переживала большие ужасы в это время. Я лично и то переживала ужас от армии белых. Дикая дивизия Эрдели[1] грабила мою квартиру, мужу белые дали каторги 20 лет, а станица, где я жила в 17–18 годах, была в огне и красных, и белых несколько раз. Думаю, что Вы не сочтете за труд ответить мне на мои вопросы, затронутые в моем письме к Вам. Хотелось бы мне почитать еще произведения, написанные о коллективизации, но только на Кубани. Она здесь происходила с большим трудом... Возня, конечно, была словесная, а втихую и до смерти казаков с бывшими «городскими душами» (как здесь называют иногородних). Извините за беспокойство. С тов. приветом, Е. Безуглая. Желаю Вам успеха в творчестве и художестве Вашего правдивого пролетарского слова, которое так хорошо действует на массу.

Адрес: хут. Киновия, Чепиловское почтовое отделение, Брюховецкий район, Азчеркрай, учительнице Евгении Сергеевне Безуглой.

22 /XI -34 г.

Безуглая Е.С.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 64–65*)

[1] Эрдели Иван Георгиевич (1870–1939, Париж) — генерал от кавалерии (1917), участник Первой мировой и Гражданской войны. Представитель Добровольческой армии при Кубанском краевом правительстве (январь-март 1918 г.). Участвовал в Первом Кубанском (Ледяном) (февраль–май 1918 г.) и Втором Кубанском (лето 1918 г.) походах. Командовал отдельной Конной бригадой Добровольческой армии и 1-й конной дивизией. «Дикой дивизией» по аналогии с Кавказской туземной конной дивизией (1914–1918) в Гражданскую войну стали называть кавалерийские дивизии, сформированные из добровольцев мусульман, уроженцев Кавказа и Закавказья.

139. П. ДАНИЛОВ

23 ноября 1934 г., Ростов-на-Дону

С большим интересом я прочел книгу «Поднятая целина».

Книга написана простым и понятным языком. В ней действительно и правдиво автор Шолохов отражает остатки старого и современного быта.

Читается и усвояется книга легко, написано художественным языком и умело.

Автор удачно нарисовал фигуру подлинного организатора, стойкого большевика коммуниста т. Давыдова.

М. Шолохов умело показал подлинное лицо красных партизан Макара Нагульнова, Андрея Разметнова и других преданных делу до конца пролетарской революции.

Не плохо показано лицо перерожденца из красных партизан в кулака, предателя интересов рабочего класса Титка Бородина и др.

Это положительная сторона книги «Поднятая целина».

В книге «Поднятая целина», по моему мнению, имеются следующие отрицательные стороны:

Автор смазал роль председателя с/совета станицы «Гремячий Лог», красного партизана батрака и коммуниста тов. Разметнова Андрея, приписал ему трусость и нерешительность по вопросу организации колхоза и по отношению раскулачивания классового врага кулака Титка и др. По-моему, Андрей не трус.

Мой товарищеский и коммунистический тебе совет, Миша Шолохов.

Во II книге «Поднятой целины» поднять роль партячейки на должную высоту.

— Вывести Разметнова, Нагульнова и тов. Давыдова в подлинных коммунистов, победителей всех препятствий в борьбе с классовым врагом.

— Вдребезги расчихвостить есауловщину, снять волчью шкуру с Якова Лукича как классового врага и предателя интересов рабочего класса, чтоб неповадно было другим совать свое свинячье рыло в наш советский огород.

— Откажись от похабных словечек, постарайся избегнуть их, как подлого остатка от враждебного нам капиталистического наследства, замени их другими, более жизненными, полезным и научным, — тебе в карман за ними не лазить.

Миша! Не забывай, что на нашей современной советской литературе воспитываются наши кадры и молодое поколение.

С комприветом с/х рабочий, 35 лет возраста П. Данилов.

Мой адрес: Ростов-на-Дону, ул. Энгельса, 8, кв. 18.

23. XI. 1934.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 710. Л. 35*)

140. М.И. САМОХАТЬКО

23 ноября 1934 г., город Горловка Донецкой области (*Украина*)

Не касаясь художественных достоинств книги, считаю необходимым сообщить свое мнение по вопросу о политической выдержанности книги, вероятно, вопреки общепринятым взглядам.

Самой яркой, живой и остающейся в памяти фигурой в книге «Тихий Дон» является фигура Григория Мелехова. Как человек, он наделен храбростью, сметкою, упорством и настойчивостью, неплохими физическими данными и т.д.

Нестойкость и шатание в политических вопросах, неопределенность и смена симпатий к политическим группировкам в незначительной степени могут служить факторами, отрицательно влияющими на впечатления читателя; да и то такого, который достаточно искушен в критике или имеет солидное образование и политическую выучку. В подавляющем же большинстве случаев впечатления о Григории Мелехове будут положительные, вызывающие симпатии, восхищение и чувство подражания.

Иными словами, громадное большинство читателей, имея в виду законы художественных восприятий, будет отождествлять себя с Григорием Мелеховым, а не с кем иным из героев.

Но ведь Григорий классовый активный враг пролетариата. Кому же нужны чувства восхищения и подражания нашему классовому врагу? Получается так, что в книге классовый враг (3я книга особенно) герой и умница, а герои кр<естьянской> бедноты и пролетариата серые, часто ходульные.

Такая установка, если можно так выразиться, едва ли приемлема для нас.

В кратком письме едва ли возможно написать критический обзор книги, поэтому я ограничиваюсь вышеуказанными общими замечаниями.

Несколько еще организационных выводов, которые я бы сделал, исходя из указанных предпосылок.

Третью книгу «Тихого Дона» запретить, если в четвертой книге Григорий не осознает правоту пролетариата и не перейдет на сторону красных, где покажет себя таким же храбрецом, каким был у белых. Всякое другое окончание будет, по-моему, контрреволюционным.

Отзыв прислал врач, 38 лет.

Если издательство интересует подробный отзыв о книге и оно находит мысли автора достаточно интересными[1], прошу сообщить по адресу: Донбасс, Горловка, больница, М.И. Самохатько.

Самохатько.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 700. Л. 19–20 об.*)

[1] Как свидетельствует переписка, издательство заинтересовало письмо Самохатько, и ему было предложено стать книжкором ГИХЛ. В ответном письме от 27 ноября 1934 г. он сообщал: «С удовольствием принимаю Ваше предложение работать книжкором в ГИХЛе. Сообщаю о себе необходимые Вам сведения и краткую автобиографию. По социальному происхождению — рабочий, по положению заведующий хирургическим отделением Горловской районной больницы, беспартийный, образование — высшее, по профессии — врач-хирург, 37 лет» (Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 700. Л. 18). К письму приложена автобиография:

«Биография Михаила Ивановича Самохатько.

Родился в 1896 г. в семье рабочего, с 12 лет до 1915 года работал в разных часовых мастерских учеником, подмастерьем и мастером. В 1915–1917 гг. служил в старой армии рядовым, с 1917 до 1919 г. снова работал в разных мастерских, в это время начал заниматься на общеобразовательных курсах. В 1917–1919 годах служил в Красной Армии на разных должностях, начиная от красноармейца и кончая уполномоченным по снабжению частей Красной армии. В 1922 году демобилизовался, с мая 1922 г. работал в Совторгфлоте, осенью этого года поступил в Мединститут в Одессе, во время учебы в нем работал в Кубуче на разных должностях, в последний год обучения в Институте работал руководителем профшколы в Институте, на фабриках и заводах. В 1927 г. окончил Мединститут в Одессе, с этого года до 1929 г. работал на марганцевых рудниках. В 1930 получил командировку в специальное леч. учреждение для повышения квалификации, где работал

интерном до 1932 года, после этого получил назначение в Горловку зав. хирургическим отделением, где работаю и сейчас» (Автограф. Там же. Л. 21).

141. А.В. ПЯТЫШЕВ

27 ноября 1934 г., город Красноборск Архангельской области

27/XI-34 г.
Профессия — ученик неп.шк.
Образование —
Возраст — 14 лет
Партийность —
Фамилия — Пятышев А.В.

Прочитав книги дорогого и любимого автора М. Шолохова, я читатель сделал следующее заключение.

Я читатель 14 лет, Северного Края, Котласского района Красноборской неполной средней школы, ученик 6-го «А» класса.

У меня есть просьба к Советскому Издательству в том, что, читавши книги любимого автора, есть непонятия в следующих словах, которые помещены в 1 книге «Поднятая целина» 1933 г. —

«Шашель, сердяга, кобель, баз, чмокает, брехали, дерюжкой, кочет, жита, бахчи, чувалы, рубанет, соблюли, брехнов, контра, зараз, трошки, нехай, анчибель, курюг, гутарить, треух, магрычил, есаул, откамелок, дюже, чекмень, махотка, боров, брех».

Все эти слова местного донецкого выговора.

Я имею представление этих слов, но не надеюсь, что они обозначают, поэтому я хочу узнать через издательство[1].

Эта книга мне очень понравилась, я хочу еще спросить Советское издательство в следующем: — Где находятся кулаки: Фрол Домасков, Тимофей Борцов, Тит Бородин.

Где живут, что делают колхозники: Аркашка Менок, Любушкин, Степанович, Разметнов, Майданников Кондрат, Аким (старик), Демка Ушаков, Нагульнов, Давыдов, Лушка, Щукарь, Яков Лукич, Ефим Трубачев, Батальщиков, Атаманчуков, Пояркова, Донецкова, Дубцов.

Яков Лукич, я сделал заключение, что он классовый враг колхоза, действующий исподтишка.

Тов. Половцев — контрреволюционер, который тоже через Якова Лукича действовал исподтишка. Они убивали Хопрова с женой.

Какая классовая борьба продолжалась ли Якова Лукича и где он сейчас, тов. Половцев, Разметнов.

Просьба у меня еще у Советского издательства в том, что организован ли хорошо колхоз в Гремячем Логу. Как идет работа в колхозе?

Есть ли ударники работы?

Как живет тов. Давыдов, кем работает?

Я хочу прочитать следующую книгу, но у меня ее нет.

Пишу пламенный привет автору Михаилу Шолохову и Советскому издательству.

Просьба — удовлетворить меня этим спросом.

Мой адрес: Северный край, Котласский район. Красноборская неполная средняя школа, уч. 6 класса Пятышев Алексей Васильевич.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 706. Л. 14–14 об.*)

[1] Речь идет об издании: *Шолохов М.* Поднятая целина. М.: Советская литература 1934. В этом издании словаря местных слов не было. О практике подобных словарей см. примеч. к п. 158, 316.

142. П.В. КОЧЕТОВ

1 декабря 1934 г., город Новоузенск Саратовской области

1 декабря 1934 года

До чтения этой книги, я не верил ни одному рассказывающему товарищу о том, что есть герои, которые претерпевают несколько невзгод и остаются победителями.

Но, прочитав данную книгу, я окончательно убедился, что такие люди есть. Кроме того, она так изложена просто и подробно, что любой читатель может хорошо понять и усвоить. Правда, есть непонятные слова, но я их, путем расспрашивания других лиц, уяснил. Во второй книге на стр. 106 «большевистский фортель»[1] — последнее слово я не понял и не нашел объяснения и просил бы вас прислать объяснение[2]. И сколько я читал книг, в каждой книге есть просьба к читателю о присылке отзыва, вот, я и решил написать и прошу вас, при получении сего отзыва, прислать мне ответ. Я буду убежден правильно-ли, что вы отвечаете на непонятные слова, и еще я хочу узнать, дошел ли мой отзыв до вас, из этого выходит, что вы должны написать мне ответ.

Адрес: г. Новоузенск, того же района Саратовского Края.

Зооветтехникум. Студенту 3 курса Кочетову П.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 703. Л. 4*)

[1] Читатель ссылается на издание: *Шолохов М.А.* Тихий Дон. Роман: в 3 кн. Кн. 2. М.: ГИХЛ, 1933. Серия «Книгу — социалистической деревне. Дешевая библиотека ОГИЗа».

[2] Фортель — неожиданная выходка, хитроумный прием.

143. РАХЧЕВСКИЙ

1 декабря 1934 г., Бузулукский район Оренбургской области

1/XII-34 г.

Профессия — колхозник

Больше сведен<ий>нет

Дорогой тов. Шолохов!

Я колхозник... Читал и «Тихий Дон», и «Поднятую целину», и имеющиеся у меня «Донские рассказы». Больше Ваших книг у меня нет. Прочитал, и сразу писатель Шолохов сделался для меня любимым.

Сколько правдивости, простоты и особенности обрисовки жизни нашел я в Ваших трудах. Какие начиненные слова, какие живые, начиненные действием и особенностью друг от друга герои. Какая художественная сила мастера смотрит со страниц романов.

Не знаю, тов. Шолохов, может я и ошибаюсь если скажу, что Вы имеете свой особенный способ работы над книгой, что Ваши труды созданы под каким манером влияния других старейших писателей на Вас еще молодого, или Ваши произведения никогда не походят на другие произведения современников.

По особому мотиву дышат Ваши книги от Ваших крестьянских писателей.

Ставский походит на Панферова, у Шухова[1] тоже чего-то взятое и у кого-то.

Вообщем, многие из наших современников идут по готовому, уже созданному, в то время у Вас, тов. Шолохов, имеется <u>свое-кровное</u>. А это свое подошло под масть нашему советскому читателю.

Многим колхозникам я давал читать и сам на собраниях читал, и слышал одно про Ваши книги: «Хороши и понятны книги, бьет со страниц живая жизнь». Колхозник Минаев И. говорит: «Читал я книжки-то, непонятны они мне неразвитому, а вот “Поднятую целину” понял, потому, в ней действительно наша жизнь описана, просто, без вранья».

Зачастую приходится бывать в политотдельской библиотечке, в которой видишь какие книги больше в расходе. «Подня-

тая целина» и «Тихий Дон» всегда на руках, их трудно захватить. «Поднятая целина» читает и рядовой колхозник, и начальник политотдела.

Недавно помполит по комсомолу нашей МТС на комсомольском собрании говорил о достоинствах «Поднятой целины», говорил о классовой борьбе в ней, как она скрытна и принимает различные формы, от убийства бедняка, от подготовки к восстанию до «тихой сапы»–Островнова.

Помполит прямо сказал, что: «“Поднятую целину” проработать как учебник, ибо она научит бороться...»

Это, тов. Шолохов, говорит за ценность «Поднятой целины» для нашей общественности.

А как много выпущенных книг не читает и не знает наш колхозник, у меня у самого заваливаются произведениях больших писателей, их колхознику не всучишь, несмотря на ценность книги, а вот Ваши книги вконец потрепаны.

Писатель тов. Шолохов, я заканчиваю. Пишу коротко из-за того, чтобы познакомиться. Я один из тысяч читателей, поздравляющий с хорошим произведением автора. Если можно, тов. Шолохов, написать в печать свой отзыв о «Поднятой целине», то сообщите. Тов. Шолохов, можно ли на Вас направлять свои литературные работы? Можно ли иметь с Вами связь? Я могу, может быть, дать для Вас кой-чего полезного.

Адрес: Средне-Волжский край. Бузулукский р-н. Липовский с/совет с/х коммуна «Искра» п/я 35 Рахчевскому.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 706. Л. 17–18*)

[1] Названы ведущие советские прозаики, авторы книг о коллективизации, активные участники литературной жизни 1930-х гг., в том числе, Всесоюзного съезда советских писателей.: Ставский — см. примеч. 1 к п. 101, Панферов — см. примеч. к п. 10, 27, 79, 94. Шухов Иван Петрович (1906–1977) — прозаик, автор романов «Горькая линия» и «Ненависть», принесших ему всесоюзную известность. Роман «Ненависть» переиздавался в «Роман-газете».

144. Д. ШЕР

6 декабря 1934 г., Женева (*Швейцария*)

Женева, 6.12.34
Тов. М. Шолохову
и тов. издателям «Сов. Литературы».

Товарищи –

Я прочел вашу книгу «Поднятая целина», согласно вашему обращению, посылаю настоящий отзыв.

Не могу судить насколько верно ваш труд отображает действительность, т.к. не живу в СССР. Поэтому на те случаи, где мне кажется, что описание действительности не соответствует, я буду указывать условно, т.е. с оговоркой, что реальность быть может не такова, какой предполагаю ее я и, следовательно, оговорка не непременно правильна.

Мой отзыв:

I. Критика

А) Подозреваю несоответствие описания настоящей жизни:

1) Совершенно не описана культурно-просветительная работа среди крестьянства (предполагая, что такая ведется).

2) Если цель труда дать изображение возникновения и развития среднего колхоза, то изображение это достоверно только в том случае, когда средний результат коллективизации в Сов. Союзе (или по крайней мере на Сев. Кавказе) равен таковому Гремячего Лога, который, в конечном итоге, весьма благоприятен. Спрашивается:

а) Верно ли что это и есть цель труда?

б) Имеется ли такое соответствие в результатах?

В случае, если ответ на первый вопрос будет положительным, а на второй — отрицательным, будет иметь место несоответствие между описанием и реальностью, возможность которого (несоответствия) я готов не исключать apriori.

Б) Художественные неправильности:

1) Образ Давыдова положителен на все 100 процентов, в то время как в жизни не бывает абсолютно положительных, как и абсолютно-отрицательных типов.

2) Не достаточно освещена психология крестьянской (в частности — середняцкой) массы — в особенности женщин — в связи со столько частой переменой настроения по отношению к колхозу.

3) Настроениям и переживаниям бедноты с момента ее вступления в колхоз не уделено вовсе никакого места.

II. Общая оценка.

Труд этот дает полную и яркую картину геройской борьбы, в общем удачной, активного меньшинства среди инертного большинства (как и везде) за строительство социализма. Борьба эта (как и любая другая) наталкивает на трудности, часть которых обязана предыдущим ошибкам. Так, например, если Давыдову предшествовал другой Давыдов, который провел бы психологическую подготовку середняцких масс благодаря широкой обще-культурно-просветительной работе, дело шло бы совершенно иначе. Однако она (т.е. борьба) имеет, по-видимому, все шансы на успех

из-за неутомимой энергии бойцов и соответствии ее фундаментального принципа к требованиям условий настоящего.

Все замеченные мною недочеты книги мало ощутимы по отношению к ее качествам: живой, богатый язык, естественность и живость передачи, глубокое знание и ясный синтез социального состояния описываемого общества. В особенности последнее чрезвычайно ценно для понимания происходящего в Сов. Союзе — оно служит незаменимым дополнением к научным и, отчасти, газетным статьям.

Буду очень благодарен, товарищи, за ответ.

В ожидании второй книги.

Даниэль Шер.

Имя и фамилия — Даниэль Шер.

Адрес: 1. Площадь философов, Женева, Швейцария.

Профессия — студент.

Возраст — 21 год.

Подданство — английское.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 706. Л. 16–16 об.*)

145. А. ФЕДОРОВ

7 декабря 1934 г., Ленинград

Ценность произведений М. Шолохова заключается в его жуткой реальности и богатом разнообразии языка. Язык настолько богат и красочен, что просто поражаешься, откуда у него все это берется.

Также описание природы и всего в ней живущего, не забыта самая маленькая зверюшка, которая так или иначе влияла на сознание. Хорошо и правдиво изображены психологические переживания, мерзость человеческой сущности в озверелом состоянии (III-я книга «Тихого Дона»).

В общем, я несказанно рад, что в нашем социалистическом отечестве еще появился большой художник, писатель, честно и правдиво изображающий события, вкладывая все в изумительно художественную форму. Читается легко с захватывающим интересом.

А. Федоров.

Ленинград, Набережная Лейтенанта Шмидта, д. 39.

Служащий, год рождения 1880, с низшим образованием.

7/XII 1934 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 67*)

146. ГЛИНСКИЙ

<1934 г.>, б.м.

Прочитал первую книгу с большим интересом. Шолохов, взявшись за большую тему — рассказ о том, как пережила донская станица первые этапы колхозного движения, выполнил ее хорошо. Книга мне понравилась тем, что станица со всеми ее обитателями и разноречиями дана настолько хорошо, что хочется сказать о том, что Шолохов сам участник описываемых им событий.

Коллективизация, прошедшая в станице, была по-разному встречена населением. С одной стороны, беднота, которую возглавляет и руководит ею рабочий-путиловец Давыдов и с другой — богатей, прекрасно чувствующий, что колхозное движение — их погибель.

Интересен тип кулака, который прикинувшись «крепким хозяином», входит в полное доверие руководства колхоза и становится завхозом. С другой стороны, он держит у себя белобандитов, укрывая их и исполняя их приказания. В колхозе его, как завхоза, захватывает работа и он по старой привычке хозяйствовать — проводит большинство мероприятий в пользу колхоза и однажды его совершенно предательский акт — замораживание быков по указу белого офицера, колхозное руководство оправдывает как «ошибшегося». Есть ли в этом утеря классового чутья у Давыдова и Нагульнова. Конечно, нет. Они видят, что по духу Островнов чужд колхозу, но видя его способности хозяйствовать, они держат его завхозом, не смотрят за его работой. Островнов видит укрепление своего положения, но справедливо побаивается и за свое прошлое, и за связь с белыми. Его враждебное отношение к колхозу часто проскальзывает в его действиях и ясно, что он долго в правлении колхоза не продержится. Судьба кулака Островнова, связанная с судьбой осколков белого офицерья, явно обречена на гибель, о чем прекрасно знают офицеры. Но Островнов еще на что-то надеется, пряча болтливую бабку в горницу под замок, он думал пережить офицеров и «врасти» в колхоз. Этого-то и не может произойти, т.к. кулак не сменит мировоззрения своего и не забудет «доброго-старого» времени.

Во всем романе сквозит некоторое своеобразие языка, которое порой и «слух режет»: на разных страницах герои разговаривают на разных языках. Эта мелочь, конечно, не лишает достоинств книги, окончания которой следует ждать и надеяться на скорый выход в свет.

Действительно интересна дальнейшая судьба героев. Как перестроил свою работу Нагульнов. Как скоро и каков будет бес-

славный конец остатков кулачества в станице и белого офицерья, «спасителей» «единой — неделимой». Главное интересно развитие колхоза, находящегося в крае сплошной коллективизации и обладающего крупными земельными богатствами.

Глинский. Рабочий.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 710. Л. 139*)

147. Ф.А. ГНИЛОМЕДОВ

<1934 г.>, село Иловатка Старополтавского района Волгоградской области

С БЕЗБОЖНЫМ ПРИВЕТОМ!

Прочитав Вашу книгу («Поднятая целина»), я очень был доволен вашей книгой.

Учусь я в 7-ой группе в Иловатской Ш.К.М., возраст мой 16-летний.

Учусь я не плохо, хотя не выше всех учеников, но все же не последним.

Ваша книга дает яркость того, как в хуторе Гремячий Лог проводилась коллективизация, как организовывался колхоз.

И говорит об этом, как упорно вели борьбу с классовым врагом, врагом Советской власти. Говорится об том, как раскулачивали кулаков и как эти кулаки старались всячески подорвать коллективизацию.

Ярко говорится о том, как партийцы зачастую недопонимали коллективизации.

Например: согнали на колхозный двор весь молодняк, овец, свиней и даже птиц.

Когда этого бы не полагалось.

Это говорит за то, что они было потянули к коммуне.

И тем самым, что они начали сгонять весь молодняк и птицу, они усилили резку скота.

Затем, принимая в колхоз, они не разобрались в том, что этот человек, принадлежит ли колхозу или нет. И не знали, что он может навредить, как, напр., Давыдов принял в колхоз Якова Лукича, к которому приехал бывший командующий войсками при царской власти есаул полковник.

Под руководством которого Яков Лукич старался всячески навредить.

Но охота мне было узнать о бандите Половцеве, который хотел организовать отряд и нападать на коммунистов.

Узнать о том, что произошло с ним и Яковом Лукичом, так как этого в первой части не сказано.

Теперь прошу сообщить мне, кто состоит в вашей редакции, так как это для меня интересно, и передайте всем почтение.

Если Панферов там, то передайте ему: я начинаю читать его книги («Бруски»)[1]. Тоже книги мне очень нравятся.

Очень благодарен я вашими книгами.

В особенности мне показалась книга «Поднятая целина» тов. Шолохова Мих. Я прочитал очень много книг, поэтому мне и интересно узнать, кто состоит в вашей редакции.

Я сейчас состою в комсомоле. Сейчас у нас в школе идет подготовка к испытаниям. Еще я прочитал книгу товарища Шолохова «Тихий Дон» II часть. Тоже понравилась мне.

Затем писать кончаю и желаю вам доброго здравия навсегда, чтобы еще больше писали хороших книг.

А все же, тов. Писатели, во многом у нас правят классовые враги, напр., в нашем колхозе Третий год идет голод[2].

Писать лучше не умею, хотя и в 7-й я группе.

К сему Гниломедов.

Адрес: АССРН, п<о>с. Иловатка Старо-Полтавского р-на. Получить Гниломедову Федор Александровичу.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 708. Л. 170–171 об.*)

[1] О романе «Бруски» см. примеч. к п. 10, 27, 117 и др.

[2] См. примеч. к п. 134. О голоде 1931 г. Шолохов знал, и не понаслышке, стремился всеми силами улучшить положение. В январе 1931 г. он совершает поездку по колхозам Верхнего Дона, убеждается в том, что люди начинают пухнуть от голода, нет семян для весеннего сева, нет корма для быков, видит массовый падеж скота и лошадей в колхозе «Красный маяк», в Новопавловском колхозе, в «Райзаготскоте» (г. Миллерово) (см.: *Летопись.* С. 75). 16 января по результатам поездки писатель отправляет письмо И.В. Сталину: «Товарищ Сталин! В колхозах целого ряда районов Северо-Кавказского края создалось столь угрожающее положение, что я считаю необходимым обратиться прямо к Вам...» (*Письма.* С. 62). Описав злоупотребления при проведении коллективизации на Дону, он просит прислать комиссию в бывший Донецкий округ. Ответа не последовало. 22 марта 1932 г. в «Правде» печатается статья Шолохова «Преступная бесхозяйственность (от нашего специального корреспондента)», где писатель обличает Союзпродкорм, Колхозцентр, Скотоводтрест и высказывает мнение о необходимости вмешательства центральной власти в их деятельность (*Летопись.* С. 85–86). Осенью 1932 г. Шолохов вновь обращается к Сталину с предложением относительно сохранения семенного фонда от хищений во время сева (письмо от 29 октября // *Письма.* С. 97). 4 апреля 1933 г. датируется еще одно письмо Шолохова Сталину, в котором писатель информирует ЦК о голоде на Дону и преступных действиях краевого руководства при проведении хлебозаготовок: «...Продовольственная помощь, оказываемая государством, явно недостаточна. Из 50 000 тысяч населения голодают никак не меньше 49 000. <...> Истощенные, опухшие колхозники, давшие стране 2 300 000 пудов хлеба, питающиеся в настоящее время черт знает чем, уж наверное

не будут вырабатывать того, что вырабатывали в прошлом году...» (Там же. С. 105–124). В телеграмме от 16 апреля 1933 г. Сталин отвечал: «Спасибо за сообщение. Сделаем все, что требуется. Сообщите о размерах необходимой помощи. Назовите цифру. Сталин» (Там же. С. 125). В тот же день, 16 апреля, Шолохов пишет Сталину еще одно письмо о голоде в колхозах Вешенского и Верхне-Донского районов, называет необходимую «минимальную» «продовольственную помощь» — «160 000 пудов хлеба» (Там же. С. 127–132).Ответом на это письмо стала телеграмма (молния) Сталина: «Ваше второе письмо только что получил. Кроме отпущенных недавно сорока тысяч пудов ржи отпускаем дополнительно для вешенцев восемьдесят тысяч пудов всего сто двадцать тысяч пудов. Верхне-Донскому району отпускаем сорок тысяч пудов» (Там же. С. 132–133).

148. А.А.ЗОСИМЕНКО

<1934 г.>, село Карпова Балка Красноперекопского района Республики Крым

Прочитав первую часть книги «Поднятая целина» Шолохова, у меня осталось очень хорошее впечатление.

Что именно дала мне данная книга? Во-первых, то, что и сейчас еще у нас есть такие люди, которые в глазах все летит вверх дном во время ихней работы, но когда нету члена правления или председателя, то про них хоть трава не расти в колхозе. Это люди, подобные Якову Лукичу. Это значит, что надо особо быть бдительному руководителю и хорошо знать Законы, политическому грамотному, а главное выдержанность и подход к колхознику.

Все это происходило во время коллективизации и в нашем колхозе. Меня лично не били как председателя к-за, но в лицо наплевали и крепко ругали.

У меня будет к вам лишь одна просьба в том, что вот такие книги редко можно встретить в колхозе. Я лично случайно попал в свои руки первую часть этой книги. Ибо в библиотеках у нас в Районе нету.

Прошу Вас, тов., если вышла вторая часть, то прошу, вышлите наложенным платежом по моему адресу.

Я лично работаю в данном колхозе с 1929 года по 1934 год бессменно председателем колхоза, или, вернее говоря, уже 6 лет. Для меня эта книга, прямо заявляю, что дала многое.

Мой адрес: КрымАССР. Ишунского района. п/о Будановка. Будановского с/совета, д. Карпова Балка, колхоз им. «Ворошилова» № 1.

Председателю колхоза Зосименку Андрею Андреевичу.

Если получите отзыв, то сообщите о второй части этой книги.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 707. Л. 124, 124–125*)

149. Д.К. ЗУБОВ

<1934 г.>, город Темрюк Краснодарского края

Добрый день, М. Шолохов!

Я прочитал твою книжку «Поднятая целина» и одобряю — хорошая. Хочу читать продолжение Давыдова, Половцева, Нагульнова, про Лушку и других — прошу, шли мне продолжение.

Зубов Д.К., рабочий нефтесклада,

гор. Темрюк Сев.-Кавказского края.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 280*)

150. М.А. КОРНИЛОВА

<1934 г.>, Ленинград

Уважаемые товарищи!

Я прочла все 3 книги Шолохова «Тихий Дон», но свое мнение пишу только по III книге, т.к. первые две я очень давно читала.

Я студентка рабочего факультета ЛИПК в гор. Ленинграде.

До поступления работала в колхозе на Украине трактористом. Мне 22 года.

Я просила бы ответить мне, почему у тов. Шолохова так отрицательно выведены женщины? Даже в книге «Поднятая целина» — тоже самое. Меня это очень огорчило и я решила написать Вам свое мнение.

М. Корнилова.

В III книге Шолохова «Тихий Дон» — художественно описаны походы Антанты против еще не окрепшей Советской республики; враждебное отношение казачества к «иногородним» и презрительная кличка данная переселенцам «мужик», жадность к грабежам некоторой части казачества (Пантелей Прокофьич и другие) — все это нашло художественное оформление в книге Шолохова.

Хорошо описаны руководители повстанческих отрядов, их несамостоятельность и колебания, их неуверенность в правде своего дела (Григорий Мелехов).

Интересны личности Кошевого, Штокмана и Ивана Алексеевича, которые явились представителями и трудового казачества (Кошевой) или пролетариата — Штокман.

Хорошо изображена героическая борьба Кр. Армии, небоеспособность наспех сколоченной из сырой крестьянской массы, Сердобского полка, в котором в преобладающем большинстве были зажиточные и пожилые кр-не; разложение внутри повстанческого лагеря (в палатках с казаками жены и др.), жестокость казаков и

их жадность к водке и поклонение чинам, которое привило казачеству самодержавие.

Стойкость и боеспособность матросских отрядов.

Автор хорошо описал природу и любовь, обрисовал внешность и качества лошадей.

В романе нет ни одного положительного типа женщины[1]. Все персонажи женщин (получились) выведены Шолоховым с отрицательными чертами.

Если взять фигуры мужчин, то некоторые из них привлекают к себе или умом или храбростью, но типы женщин — это что-то ужасное.

Женщина в изображении Шолохова или самка, или просто идиотка.

Аксинья — красавица, но ни на что большее не способна, как на «любовь», это безвольное существо, которого кто приласкает, к тому она и идет. Листницкий ее погоняет, а она беспрекословно уходит, ласкаясь к нему.

Дарья, после убийства мужа, как голодная волчица набрасывается на коммуниста Ив. Алексеевича и убивает его.

Какая-то баба очень хорошо сидит в седле и правит лошадью. — Таковы героини романа (III книги) Шолохова, героизм которых выразился или в чрезмерной любви к мужчинам (Аксинья) или в глупой жестокости (Дарья), или в хорошей посадке на лошади (баба).

Спрашивается, а где же участие женщины в гражданской войне? Неужели из нескольких десятков тысяч казачек, не было ни одной, которая шла бы вместе с мужчинами в бой, или работала в тылу на пользу бойцам.

Неужели не оказалось ни одной казачки, сочувствовавшей Советской власти? Чтобы ее можно было противопоставить вот всем этим жалким существам, выведенным в романе.

Книга хороша читается легко и весьма интересная.

Имеет большое историческое значение, т.к. в ней художественно оформлены походы империалистов всех стран, их попытки всеми силами и средствами восстановить старую власть в России, а тем самым сохранить день империализма, вернуть свои капиталовложения и поставить «всемирного жандарма» на Востоке.

М. Корнилова.

Ленинград 22. — Карповка 32. Общеж. Рабфака ЛИПК.

Ст-ке III курс<а> рабф<ака> — М.А Корниловой.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 705. Л. 5–7; ред. копия — л. 8–9*)

[1] Подчеркнуто редактором массового сектора издательства.

151. М. ЛАВРОВ

<1934 г.>, село Александрово Пучежского района Ивановской области

Товарищ Шолохов! Прочитавши ваши произведения «Тихий Дон» 1–2–3 книгу, я был вынужден написать вам ответ на ваши несказуемо интересные произведения. Кроме того сообщаю, что в нашей деревне, находящейся среди лесов, ваши книги как «Тихий Дон» и «Поднятая целина» у нас стали настольной книгой. Более распространенные, чем другие книги, в виду большого вашего красноречивого писанья и большого привлечения к читателю. Еще, Миша, хочу спросить вас, будет или нет написана 4-я книга «Тихого Дона». Если не будет, то очень плохо, потому что не известно, как тогда победит Кр. армия и жив или нет тот разбойник Мелехов Григорий.

Потрудитесь дать ответ.

Мой адрес: город Пучеж, И.П.О. Пучежский р-н, Лужиновского с/совета, дер. Александрово.

Лавров Михаил.

Мой возраст 19 лет,

бригадир полеводческой бригады.

Грамотность с/школа.

С приветом <Подпись>.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 125–125 об.*)

152. Н. МИХАЙЛОВ

<1934 г.>, Москва

Непонятая целина

Отзывы тт. Глинского[1], Соколова[2] показательны. Лучшей рецензии трудно и желать, и непростительно будет, если такие отзывы не используют и не учтут соответственно библиотеки, издательства и присяжная критика.

Критики (хотя бы Васильковский в «Лит. Г.»[3]) уже отметили схематичность образов колхозников и партийцев у Шолохова. Большую схематичность, надо сказать, а не «налет схематичности» (Васильковский). Герои даны в оформленном, законченном виде, без показа среды, вырастившей их, тех нитей, которые соединяют в жизни казаков «Тихого Дона» с казаками «Поднятой целины»; не показано и развитие типов, движение их и направле-

ние этого движения. А ведь отсюда следует очень существенный практический вывод: если бы в действительности мы имели такие четкие, недвусмысленные типы, то никаких затруднений не представляло бы, например, распознавание и разоблачение классового врага, хитро и тонко маскирующегося...

Поверхностность Шолоховского анализа типов и событий особенно характеризует такой пример: рачительный хозяин беспокоится за судьбу своей скотины, отданной в колхоз. Т. понял эту боязнь как наследие старого, собственнического отношения к скотине, — и примерил так и рисует дело сам Шолохов. А в действительности это чувство у колхозника гораздо сложнее — и не только не противоречит направлению колл. хозяйства, но составляет, по указаниям Сталина, базу подлинно социалистического отношения к труду и к хозяйству.

Эта схематичность, поверхностность не замечены рабочими-критиками, хотя они более или менее политически грамотны. Это заставляет, обязывает всерьез подумать о судьбах книги. Эти отзывы очень ясно и определенно показывают, что неверная в основе картина действительности принимается за подробное, правдивое изображение действительности. Книга, оказывается, ложно ориентирует читателя в действительности, — хотя читатель и не невежда в политграмоте, по-видимому. Предисловиями или послесловиями дела не поправишь: мы вправе требовать от автора исправлений в книге на ходу, — как это делал, например, Горький со своими книгами.

Я лично хочу отметить еще один крупный промах Шолохова. Он рисует деятельность Половцева и подготовку восстания в лубочно-грубых, мелодраматических тонах, выпячивая явного «злодея» — Половцева. Дело не в политике перегибов — и только. Социально-экономическая база восстаний (на Кубани, в Сальских степях, в Чечне) были шире, глубже, сложнее, а ликвидация происходила не единым махом (статьей Сталина), а огромной и тяжелой организац.-политической работой, а порою — и решительными хирургическими мерами[4]. Вот это большое явление совершенно обойдено Шолоховым — по политической трусости, очевидно, или в силу спешки в работе. А отсюда — опять-таки неверная ориентация читателя, грубое искажение в показе одной из самых тревожных сторон деревенской действительности на Юге.

Мое мнение: «Разбег», «Станица» Ставского, книги Третьякова, Кушнера[5] и др. о перестройке деревни дают не только более верное изображение, но и более яркое и жизненное (т.е. художественное), чем «П. Целина». Они более прав имеют на продви-

жение их в массы, — ибо «художественность» Шолохова, кот. соблазняет, как мы видим, читателя — не так уж велика. Я — не ликвидатор беллетристики, но в данном случае — я за честный очерк, против невысиженного «художества».

Михайлов.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 710. Л. 140–144*)

Письмо-статья, скорее всего, принадлежит перу писателя-ударника Н. Михайлова, нами датируется серединой 1934 г. Михайлов принадлежал к кругу рапповцев, вошедших в литературу на волне провозглашенного РАПП в 1930 г. «призыва» ударников в литературу; автор очерковых книг «В боях за металл» (1930), «Седьмая батарея» (1932), «Марка “М”» (1933); входил в созданный при ГИХЛ рабочий редсовет; один из идеологов и организаторов «рабочей критики» (упоминается в докладе В. Ставского «О литературной молодежи» на Первом Всесоюзном съезде писателей; см.: *Стенографический отчет–1934*. С. 588).

[1] См. отзыв Глинского (п. 146), некритическая позиция которого в отношении «Поднятой целины» и стала главной темой статьи Михайлова; ср.: «Книга мне понравилась тем, что станица со всеми ее обитателями и разноречиями дана настолько хорошо, что хочется сказать о том, что Шолохов сам участник описываемых им событий» (с. 199 наст. изд.)

[2] Отзыв Соколова не выявлен.

[3] Речь идет о статье критика Г. Васильковского, опубликованной в «Литературной газете» (1933. 17 июля) и журн. «Литературный критик» (1933, № 4). Статья посвящена роману «Бруски» Панферова, который возведен критиком на недостижимую не только для русской (Толстой, Успенский), но и всей мировой литературы (Бальзак) высоту: «“Бруски” как эпопея коллективизации подводит красную черту под всю мировую литературу о крестьянстве и деревне»; роман Шолохова этой высоты, естественно, не достигает (*Васильковский Г.* О третьей книге «Брусков» Федора Панферова // *ЛГ*. 1933. 17 июля. С. 2–3). Это выступление Шолохов упоминает в статье «За честную работу писателя и критика» (*ЛГ*. 1934. 18 марта) и называет ее «образчиком... недобросовестной критики»: «Автор статьи обуреваем стремлением выдать Панферову паспорт на литературное бессмертие», «Эдакий мадригал в прозе!» (*Шолохов М.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 8. М., 2002. С. 209–210). В целом, логика обзора Михайлова отражает предсъездовскую литературную борьбу (см. письмо Горького Сталину от 2 авг. 1934 г., где подробно описывается лагерь Ф. Панферова, а также цитируется статья Г. Васильковского: Власть и художественная интеллигенция. Документы. 1917 — 1953. М., 1999. С. 221).

[4] Массовыми антиколхозными выступлениями были охвачены зимой 1929 — в 1930 гг. многие регионы СССР — районы ЦЧО, Поволжья, Северного Кавказа, Украины, Сибири, Казахстана; крестьяне оказывали войскам ОГПУ вооруженное сопротивление, создавались вооруженные отряды, на подавление которых направлялись не только части ОГПУ, но и Красной Армии. На Северном Кавказе отряды восставших иногда достигали несколько сот и даже тысяч человек. Так, «в одном из районов Чечни в отрядах восставших насчитывалось до 250 человек. За неделю боев (20 — 26 марта) они потеряли 35 человек убитыми, 58 пленными. Потери войск РККА составили 53 человека, в том числе 8 убитых, 18 ранеными и 27 пленными» (Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 268).

[5] *Ставский* — см. выше примеч. к п. 101; бывшие футуристы и лефовцы Кушнер Борис Анисимович (1888–1937, репрессирован) и Третьяков Сергей Михай-

лович (1892–1937, репрессирован) являлись ведущими теоретиками и практиками очерка как ведущего жанра литературы реконструктивного периода; очерки о коллективизации Б. Кушнера и С. Третьякова печатались в центральных газетах и журналах, выходили отдельными книгами; см.: «Южное сияние (Суховой)» (1929, 1930), «Джон-Дир и украинка, повесть о станице Старощербиновская» (1930) Б. Кушнера, «Вызов» (1930), «Месяц в деревне» (1931) «Тысяча и один трудодень» (1934) С. Третьякова.

153. ПАЩЕНКО

<1934 г.>, село Гремяченское Хохловского района Воронежской области

«Поднятая целина» — книга хорошая, я ее прочитал залпом. Хорошо в ней показано все, начиная с организации колхоза. Хорошо показана классовая борьба с кулачеством, значение статьи т. Сталина «Головокружение от успехов», вообще всё. Ведь нам, живя в деревне, все это пришлось пережить на своих глазах, ведь редко где пришлось с организацией колхоза тихо и гладко. Я думаю, что нигде не обошлось так. Было дело и организаторам колхозов, как Давыдову, Разметнову, Любишкину и пр., всё было, где переживали, поэтому и правильно Шолохов написал.

А самое главное это то, что пишет он простым нашим крестьянским языком. Читать легко и интересно, когда написано наше родное и по-нашему, по-родному. Я лично прямо спасибо сказал бы т. Шолохову за это. Меня удивляет, как он мог так изучить крестьянский язык, не иначе как сам мужик, казак, пахарь.

Всё хорошо, а вот плохо то, что таких книг читать нам приходится редко. Я много читал хороших писателей, но всегда книги покупал. Да купить негде. В городе я столько спрашивал «Тихий Дон», «Бруски», «Поднятую целину» — нигде не нашел. Эту книгу я купил в селе в киоске последнюю, с боем. Оставил ее себе продавец. Это очень плохо.

А эта книга хороша. Пущай т. Шолохов пишет также и остальное. Такие книги в деревне будут читать нарасхват, только давай. На эту книгу зародится мысль у многих писать о себе. Ведь мы много кое-чего знаем, пережили, видели, но писать не умеем. Но попробуем, я лично попытаюсь писать. А научить, я думаю, нас должны т.т. Шолохов, Панферов и другие, такие же, как мы, крестьяне.

Пащенко, кузнец, 28 лет.

ЦЧО, Гремяченский район, колхоз «Стремление».

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 48*)

154. Н.Г. ПИМЕНОВ

<1934 г.>, город Сарапул Удмуртской Республики

Профессия — конюх.
Образование — низшее.
Возраст 17 лет.
Партийность
Фамилия — Пименов Н.Г.

М. Шолохов «Поднятая целина»

Книгу «Поднятая целина», а также и пьесу[1] я прочитал с большим удовольствием и очень ею заинтересовался.

Книга очень хорошая. Насколько я ее понял, книга эта гласит о следующем: Автор выводит здесь фигуру большевика двадцатипятитысячника С. Давыдова упорно борющегося за переделку с/хозяйства — за переделку деревни как в области культурного уровня, так и в экономической мощи. Коммунист Давыдов борется за социалистический уклад хозяйства в тот момент, когда у нас начался перелом во всей системе народного хозяйства, когда еще поднимал голову как змея, недобитый враг оставшийся от революции 1919 г. как, напр., есаул Половцев, который старается поднять казачество этого района на восстание.

Но он уже не в силах. Автор ему дает определение, что это «патриот без отечества»; полководец без армии и игрочишка без единого золотого в кармане.

Также здесь мешает деревне двигаться к социализму подкулачник Островнов Яков Лукич, который пляшет под дудку Половцева. Он действует исподтишка. Когда он разговаривает с Давыдовым, то он на словах за советскую власть за проекты; но свое держит на уме, а как за ним не следят, то он начинает вредить, напр.: порча быков, чтобы сорвать сев, убийство бедняка Хопрова и т.д., и т.п. Так же здесь автор не обошел деревенских коммунистов и активистов колхозников — напр., секретарь Гремяческой партячейки Нагульнов Макар и пред. с/совета Разметнов Андрей — это такие люди, которые силой воли умеют держать в руках деревенскую массу. Деревенские активисты дед Щукарь и Кондрат Майданников эти люди способны жить в укладе социалистического хозяйства.

Вот так я понял эту книгу.

Но я остался в заблуждении на конце книги — что осталось с Островным и Половцевым, они на конце вышли как-то в тумане, и я понял так, что книга эта не кончена.

Книга «Поднятая целина» считается как бы продолжением «Тихого Дона», я «Тихого Дона» обе книги прочитал, но в этом

я ничего не вижу. Тут куда-то улетучились образы, выводимые в «Тихом Доне», как головные герои романа — семья Мелиховых: Григорий Мелехов, старик Пантелей Ильич и ряд других.

Здесь Шолохов сразу переходит на 10 лет вперед и забывает тех старых героев, но ведь читателю интересно, что происходило за 10 лет, и как вращались в круговороте жизни эти герои.

Конец.

Прочитав это произведение я хочу задать несколько вопросов.

1. Зачем автор дал заглавие «Тихий Дон», в чем этот смысл заключается и что автор держал в основе.

2. Когда автор пишет какую-либо книгу, то он бывает очевидцем происшествия, или сидя у себя в кабинете, выбрав тему, развертывает свои мысли в последовательности.

3. Что в последствии получилось с Половцевым и Островновым, живы ли они до сего времени, или их как негодный элемент ликвидировали. Или этого в действительности не было, и автор мысленно представлял себе какие должны быть образы и действия врагов социалистической стройки с/хозяйства.

4. Есть или нет у Шолохова новые произведения, и если есть, то, когда они выйдут из печати.

5. Где сейчас проживает М. Шолохов и откуда он родом.

Михаил Шолохов, это хороший писатель, современник советской литературы, судя по его мыслям, как он их выкладывает.

Я пишу вам этот отзыв в настоящий момент я работаю конюхом в г. Сарапуле в с/х техникуме. Книги я беру читать в библиотеке, которая есть при с/х техникуме.

Читать приходится мало, времени нет, но я все-таки читаю

Н. Пименов.

Мой адрес — Свердловская область, Сарапульский р-н

г. Сарапуля, ул. Раскольникова, № 24.

Пименову Ник. Григ.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 706. Л. 1–2*)

[1] О пьесе «Поднятая целина» см. примеч. 1 к п. 80.

155. А.Е. КАЛИНКО

<1934 г.>, село Терновка Воронежской области

Дорогие товарищи!

При конце книги Шолохова «Поднятая целина» написано, чтоб сообщить мнение.

Во-первых, быть может, у меня не так будут построены фразы, но это не удивительно. Я только учусь русскому языку.

Работаю я грузчиком баласу[1], возраст мой 25 лет.

1 книга «Поднятая целина». Шолохов подошел правильно, показал верно классовую борьбу в деревне. Тольки, на мою думку, он много упустил: во-первых, не показал Давыдова как хорошего организатора, а в некотором моменте он организатором, а в некотором плутается, но пример такого хорошего оргактива не сорганизовал, то есть Шолохов не вывел.

Теперь на странице 150[2] есть такой абзац «Звонит мне из ГПУ Захарченко, куда их девать?» Эта мысль идет про кулаков, тут я понимаю, что как будто ГПУ не знало, что делать с кулаками. Куда их девать. ГПУ, оно и в тот момент стояло не в растерянности и отлично знало, куда девать.

На 198–9 стр. Шолохов хотел довести, как нужно работать и как нужно учиться в комсомольцев <sic!>, но роль комсомола в коллективизации как застрельщика не показал. Еще неудачно у него получилось с агитбригадой, которая, приехавши в деревню, пошла по куткам, а чтоб показала эта бригада, то есть организовала культурно-бытовое (спектакли, вечера), даже не сказано, <нет> примерной работы на кутках, кроме одного Ванюшки (стр. 198–9). Но и кроме того, нужно было сделать выводы, какую пользу принесла эта бригада, что конкретно сделано.

Побои Давыдова бабами (глава 33) характеризует тем, что Давыдов как председатель колхоза не имел авторитета. Авторитетного человека никогда бить не будут.

А в целом мне книжонка понравилась.

Я хотел бы, чтобы вы мне написали поскорее ответ на мое мнение и на мои ошибки, когда они есть, и напишите мне, какие сейчас Вы рекомендуете почитать книги. Вообще я хочу попросить <*1 нрзб*> от Вас.

Напишите ответ на адрес: ст. Кашира, г. Терновск, контора Шлакобетонного завода, песочный карьер.

Калинко Андрей Ефимович.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 707. Л. 156*)

[1] Скорее всего, имеется в виду балласт — груз, каменья, песок, погружаемые в трюм или под дно судна для должной осадки и устойчивости его (*Даль В*. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М., 1989. С. 42).

[2] Читатель ссылается на издание: *Шолохов Мих*. Поднятая целина. Книга 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1934. Серия «Дешевая библиотека ОГИЗа».

156. И.Г. ФИЛЕНКО

1934 г., г. Одесса (*Украина*)

Прочел я книгу «Поднятая целина» Шолохова М. Очень понравилась. Книга написана на с/хозяйственную тему. С этой книги я еще раз заключил, что Шолохов очень хорошо знает до мелочи быт крестьянина вообще, и на данном историческом этапе. Начало колхозов.

Я сам колхозник, и, читая эту книгу, я узнаю своих людей, я вижу себя нарисованного в этой книге, даже цвет вижу, и всякий запах свойственный деревне я ощущаю, конечно, все это с особенностями Кавказа, но социальное положение и производственное отношение здорово написано.

Все эти события я частично перенес на своей шкуре, работая в комиссиях содействия. Для меня было многое непонятно, все это как-то запутано, всякие вылазки классового врага. И как-то непонятно до усталости.

Вытекающие события одно из других, последовательности их я не знал, а также причины этому всему. В трудные моменты я был ужасно озлоблен по отношению ко всяким тенденциям, препятствующим новым мероприятиям, и был настроен прибегать к таким мерам воздействия, как Нагульнов, герой этой книги.

Но читая эту книгу, так приятно двигаться за происходящим, так расчленяется все запутанное, так понятны причины, что аж хочется повторить, чтоб уже действовать не вслепую, а вооружившись знанием всех необходимостей, рождения и гибели в процессе борьбы.

Как произведение искусства на новую тему о с/хозяйстве, по-моему, стоит высоко.

Мне именно так и хотелось, чтобы вот так описать мастерски колхозы, т.е. наше время. Мне так и хотелось прочесть, как пишут Шолохов М., или еще Ал.М. Горький.

Потому что литературной воды, пустоплету очень много. А вот так сильно, художественно, классово остро, есть очень мало. Мне кажется, потому-то и сложилось такое мнение некоторых «читателей», что «новых книг не может быть хороших, высоко стоящих по отношению к произведениям прошлого столетия, потому что у нас нет о чем интересно писать».

Я вот прочел 1-ю книгу «Тихий Дон» и решил, пусть Шолохов хоч <sic!> и десять книг этого произведения напишет, то я их прочту, а также и эта, «Поднятая целина».

Вы мне извините, что я так много задержую <sic!> внимание.

А все ли я сказал Вам нужное?

Может, это мой недостаток, но мне хочется очень говорить об этом, о Шолохове и о Горьком, потому что они мне нравятся, я их читаю. Они мне очень близки. У меня есть уйма вопросов, интересующих меня до слез. Именно, — как пишут толстые книги, например Шолохов, когда писал начало, знал ли он, какой будет конец, или когда писал о прибытии Половцева к Якову Лукичу, то знал ли автор о том, что Яков Лукич пойдет в лес и там встретит Тимофея Рваного, кулака. И также средина книги. Или это по ходу работы само вытекает.

Например, «Тихий Дон» Шолохова, Штокман появился в деревне еще в первой книге, и как автор не забыл о нем совсем, аж в 3-й книге появляется. А сколько подобных случаев: появляются и исчезают, как это, или автор записывает их, и кто убит, вычеркивает, или, я не знаю.

Появляется личность и думаешь: «Где-то встречал», — а потом вспомнишь.

Недостатки, т.е. то, что хотелось бы иначе. Это: описание природы, в степи или дома ту обстановку, на фоне которой разворачивается действие, вот описание этой-то обстановки получается несколько отдельно от действия, т.е. не связано одно описание с другим. Ну и начало колхоза, раскулачивание в «Поднятой целине». Показано <много> активистов и кулаков, а массу шатующую, сельских разнодумцев мало показано, потому-то в этот момент получается пусто, и просторно мотаются одни и те же фигуры.

Все.

Очень я желал бы получить письмо, т.е. мнение о моем отзыве и ответ на мои вопросы самого Шолохова М.

Мне 24-й год, с 1910 г. рождения.

Я был колхозник, а сейчас поступил учиться в Одесский художественный институт, потому-то мой адрес не на Крым домой, а вот: Одесса, ул. 10-летия Красной Армии, 14. Художественный Институт.

Филенко Ив. Гавр.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 709. Л. 108–110, с об.*)

156а. Г. В. БАРАНОВ

<1934 –1935 гг.>, деревня Федяшево Белевского района Тульской области

Дорогие товарищи!

Прочитав Вашу книгу «Поднятая целина», книга I Шолохова, даю отзыв на Ваш запрос в конце книги.

Я работаю сельским учителем <школы>I ступени[1], в Белевском районе, Моск. обл. Второй год. Год рождения 1917 год.

Эту книгу (и др.) я получил в подарок от Московского комитета ВКП(б) и облисполкома к новому учебному году.

Я хочу сказать про книгу то, что она читается с захватывающим духом и нельзя от нее оторваться. Я ее прочитал сам давно и уже читаю по вечерам колхозникам (прочитал колхозникам в кр<асном> уголке[2] 28 глав). И передаю вам мысли колхозников: «что если побольше таких книг дать в колхозную массу, то колхозника лучше можно перевоспитать и скоро дойдем к коммунизму». И колхозники требуют еще таких книг.

Посылаю большую благодарность Вам, дорогие товарищи, за эту книгу и Московскому Комитету ВКП(б) и Облисполкому за подарок (библиотеку книг).

К сему Г.В. Баранов.

Шлите ответ на мое письмо по адресу:

п/о Погорелое, Белевского района, Моск. обл.

Воронецкий с/сов.

дер. Федяшево.

Г.В. Баранову.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 204–204 об.*)

[1] См. примеч. 2 к п. 91.

[2] См. примеч. 1 к п. 52.

157. И.М. ГУНЬКО

<1934 — 1935 гг.>, хутор Прасковейский Зимовниковского района Ростовской области

Дорогие товарищи!

Я прочел все 3 книги сочинения Шолохова «Тихий Дон». Очень мне нравятся описания из Гражданской войны и быт казачества. Книга «Тихий Дон» (Шолохова) очень хороша и занимательна для деревенского читателя, в особенности участникам Гражданской войны. Но как я думаю, имеет некоторые недостатки.

1. Так, в первой книге выдвинулся из среды революционеров Бунчук и скоро у Шолохова погиб в третьей книге. Выдвигается на политическую арену «Штокман» и также скоро погибает. А также, по-моему, скоро погиб Петро Мелехов. Более было бы интересно, чтобы Мелеховы Петро и Григорий больше противоречили друг другу. А Штокман как политический руководитель был живой до окончания романа и воздействовал на Григория, чтобы он перешел к красным.

2. Из среды казачества, т.е. восстанцев мало уделено внимания борьбе с офицерами, как будто Григорий сам только ненавидел офицеров старой армии. Я думаю, таких, как Григорий, среди казачества были все, чтобы была Советская власть, но без коммунистов.

К сему <Подпись>.

х. Прасковейский М. Гашунского с/сов. Зимовниковского района Азово-Черноморского края.

Гунько И.М., селькор колхозной «Правды» и районной газеты «Соц — животноводство». Колхозник. 31 год.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 136–136 об.*)

158. БЕССОНОВ

5 января 1935 г., б.м.

Книга читается с захватывающим интересом. Может читаться людьми всех ступеней образования. Весьма полезные даваемые примечания, как автора, так и редакции[1]. Насколько мне известно, эта книга единственная, дающая характеристику донского казачества — этого опричника самодержавия. Поэтому она является ценным вкладом в пролетарскую художественную литературу. Думается, что сам Шолохов, если не казак, так, во всяком случае, выросший в среде казачества, чем и можно объяснить даваемый им яркий образ донского казачества.

В отношении художественности, мне кажется, что книга страдает некоторой слабостью характеристики переживаний главных действующих лиц, но описательная часть хороша: очень смелые сравнения в отношении природы. Удачно приведена в книге простонародная донская разговорная речь.

Профессия — гидротехник-мелиоратор, возраст — 25 лет.

5/I-35 г.

Бессонов.

(*Авторизованная машинопись. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 78–78 об.*)

[1] Читатель ссылается на издание: *Шолохов М.А.* Тихий Дон. Роман: в 3 кн.. Кн. 1–2. М.: ГИХЛ, 1933. Серия «Книгу — социалистической деревне. Дешевая библиотека ОГИЗа». В этом издании впервые была предпринята попытка прокомментировать упомянутых в романе исторических и военных деятелей, исторические события, разъяснить слова иностранного происхождения. В отличие от предыдущего издания (*Шолохов М.А.* Тихий Дон. Роман: в 3 кн. Кн. 1–2. М.: Госиздат, 1931), в котором прокомментировано несколько диалектных слов, здесь выявлена и снабжена пояснениями большая часть; ряд диалектизмов прокомментирован М.А. Шолоховым. См. также примеч. 1 к п. 142; примеч. 2 к п. 194; примеч. 1 к п. 316.

159. П.М. СКОПЕНКО

10 января 1935 г., село Верхний Икорец Бобровского района Воронежской области

10/I 1935 г.

Прочитал тов. Шолохова «Тихий Дон», все три части. Восстание станиц: Вешенской, Мигуленской, Чирской и др. нельзя расценивать, как в книге написано, <что оно> возникло из безобразного отношения красного отряда к женам казаков и вообще к казачкам. Это, возможно, только предлог к восстанию, а само восстание подготовлено раньше. Казаки в своем большинстве относились к Сов. власти недружелюбно, а также и к отрядам красных. Пройдя со станции Миллерово до гор. Луганска, ни в станицах, ни в хуторах не встречали теплого приема. Другое дело в городе Луганске, местечке Алчевском, здесь красных принимали как своих защитников. Вместо затаенной вражды тут была откровенная радость, и красные чувствовали, как у себя дома. Враждебность в Донщине посеяна кем-то раньше. Проходили мы в 1919 г. В начале апреля месяца или в конце марта. Как героев, казаков у нас в Воронежской губ. в Бобровском уезде не считали, а считали трусами, любящими нападать на неорганизованную, а в особенности на невооруженную толпу. Любимая их струна десять на одного, тогда они взахват рубят, а как организованный нажим, то они: «Кум! Микитыч! В кусты». Это говорили наши старики, и мы знаем. Дурной поступок Подтелкова: сдался на милость казаков и сдал весь отряд, хоть и умер с честью. Ведь в то время плена не было. Затем, неизвестно, что стало с Мелеховым Григорием и его семьей. Много написано мата, те (сальности) при детях вслух нельзя читать. В заключение можно сказать, книга — прелесть, читаешь и забываешь, что сидишь в квартире мирных условий, а воображаешь в хате времени гражданской войны. Большое спасибо тов. Шолохову, но мало героев, по-моему, со стороны красных, как бойцов.

Имею 43 года, участник гражданской и империалистической войн.

Адрес: Верхняя Икорецкая медамбулатория Бобровского р-на Воронежской области. Скопенко Петр Михайлович.

P.S. Еще в книге имеется один анекдот, как свекор приставал к снохе и как сын его ударил скалкою вместо телка. Это известно раньше.

Хотя я и написал, но в литературе ничего не понимаю, вы меня извините, может, я и глупости написал. Прошу разъяснить мне.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 74–74 об.*)

[1] О Верхнедонском восстании и 3 книге «Тихого Дона» см. примеч. 1 к п. 32, примеч. 2 к п. 112.

160. И.Д. СУКАЧЕВ

17 января 1935 г., село Покровское Мантуровского района Курской области

В конце третьей книги тов. Шолохова «Тихий Дон»[1] вы просите, чтобы читатель сообщил свой отзыв о книге. Отзыв мой следующий.

Весь роман «Тихий Дон» является огромным достижением советской литературы, но вместе с этим в нем, и особенно в третьей книге, имеют место грубые, непростительные ошибки. Вот эти ошибки:

1. «Но он долго еще выгинался под ним дугой, рыл судорожно выправлявшимися ногами зернистый снег и, стоная, бился головой о взрытую копытами, тучную, сияющую черноземом землю, на которой родился и жил, полной мерой взяв из жизни — богатой горестями и бедой радостями — все, что было ему УГОТОВАНО» («Тихий Дон», стр. 270, 1933 года)[2]. Оказывается, что Григорий, главный герой романа, родился, жил и бил красных — все это ему было приготовлено. Кто же приготовил Григорию его дела и похождения?

Кто его сводил и разводил с Наташей, Аксиньей? Почему он бил красных? Неужели бог из библии, которую дед Гришка к делу и не к делу читает всем.

Но я знаю, что тов. Шолохов коммунист и в бога не верит. Если не бог приготовил жизнь и деятельность Григорию, то кто же? Ведь только попы, идеалисты утверждали, что все, что делает человек, — это по воле и указанию всевышнего.

Коммунист обязан на любом посту, в том числе и литературном, бороться с идеализмом и активно пропагандировать марксизм.

Марксисты признают случайность в том, что родятся герои, великие люди, а тов. Шолохов словами: «Что было ему уготовано» не признал, отбросил случайность. Послушаем, что говорит Энгельс о случайности и необходимости и жизни отдельных людей: «Что Наполеон был вот именно этот корсиканец, что именно он был военным диктатором, который стал необходим Французской республике, истощенной войной, — это было случайностью» (Маркс и Энгельс, письма, стр. 407, 1933 г.)[3].

По Шолохову, Григорий родился, жил, бил красных — все это кем-то приготовлено, необходимо. Это идеализм. По Энгельсу, Наполеон родился, жил, бил врагов — все это случайно, конечно, с точки зрения одной личности (Наполеон, Григорий).

2. Нехорошо, путано и политически вредно Шолохов дает тип коммуниста в лице Мишки Кошевого.

На стр. 392 Кошевой, Штокман и Иван Алексеевич служат в I Московском полку, а на стр. 303 они, кроме Кошевого, уже в Сердобском полку. Как они попали в Сердобский полк, одному Шолохову известно, но не читателям. Далее Штокман посылает Мишку Кошевого в Политотдел 14 апреля (304 стр.), и до 19-го мая (стр. 408) про Мишку не духу ни слуху. Где он был, чем занимался, неизвестно.

Усугубляет положение то, что на 327 стр. в своем письме к Григорию Кудинов пишет: «Да, чуть было не забыл, захвачены твои земляки — коммунисты Котляров, Кошевой и много еланских».

Как будто ясно, что Кошевой в плену, но когда били пленных в хуторе Татарском, то татарцы тоже искали Кошевого, как и мы, читатели. Они кричали: «А другой где? Кошевой Мишка где?». Это означает, что в плену с коммунистами его не было.

Как же понимать, если Кудинов в письме пишет, что Мишка Кошевой в плену, а его в плену нет, и неизвестно где, где он был до 20-го мая, путано и неясно.

Кошевой самовольно сжигает дома, стреляет без суда старика Гришаку, и это ему проходит безнаказанно. Мало этого, что его не наказывают, а комсостав Красной армии не только позволяет делать эти полубандитские поступки, а даже учит Мишку бить людей.

Вот слова начальника разведки: «Сам молодой был, девок портил, из баб вытежа делал, знаю... Цепок — нового американского золота. Ежели кто будет пытать — так и отвечай. А ежели какой настырный попадется и будет лезть и пытать где проба, — бей того прямо в морду» (стр. 413).

Я бывший командир Красной армии и был в аналогичных боях и знаю, что арестами и расстрелами врагов шпионов занимался особый отдел, но не каждый красноармеец.

Шолохов в лице Григория дал в трех книгах яркого классового врага, который родился, живет, бьет беспощадно красных, и это он только берет из жизни, что ему приготовлено. Если нужно было три книги, чтобы описать героя-бандита, то это очень плохо. Если Шолохов хочет сделать Григория положительным героем в 4 книге, то большевики в чудеса не верят. После того, как Григорий на протяжении почти всей гражданской войны жестоко бил красных, если сделать его положительным героем, то получится чудо из библии деда Гришаки. Нет ни одного выдающегося красного командира, который бы столько побил красных, а в конце гражданской войны перешел на сторону Красной армии и выдвинулся бы в видные командиры.

Шолохов дает в лице Мишки Кошевого не коммуниста, а партизана, более похож<его> на полубандита.

В «Тихом Доне» роль партии в гражданской войне отсутствует. Был один Штокман, и то его умертвил т. Шолохов. Спрашивается, кто-же будет организовывать разгром белоказаков.

На основе вышеизложенного можно заключить, что весь роман марксистски не выдержан, не отражает действительную боевую жизнь Красной армии, а прославляет героическую борьбу белобандитов-казаков с Советской властью.

17 января 1935 г.

Очень прошу ответить мне по существу моего отзыва о книге по адресу: Курская область, Покровский район, Покровская МТС. Заместитель директора по политчасти Сукачев Иван Дмитриев.

Сукачев.

(*Авторизованная машинопись. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 76–77*)

[1] См. примеч. 1 к п. 32.

[2] Здесь и далее читатель ссылается на издание: *Шолохов М.А.* «Тихий Дон»: В 3 кн. Кн. 3. М.: ГИХЛ, 1933. Серия «Книгу — социалистической деревне. Дешевая библиотека ОГИЗа».

[3] Читатель ошибся: речь идет об издании — Маркс К., Энгельс Ф. Письма. Сборник избранных писем. М.; Л.: Партийное издательство, 1932. С. 408. Цитируется письмо Ф. Энгельса Г. Штаркенбергу от 25 января 1894 г.

161. А.М. БОГАЧЕВ

20 января 1935 г., поселок Саракташ Оренбургской области

Михаилу Шолохову.

Прочитавши 3 тома «Тихого Дона», Вашей работы, я шлю Вам горячий, пламенный, сердечный привет и желаю еще большего успеха <в> Вашей работе. Вы совсем молодой пролетарский писатель! Но среди рабочих, колхозников и особенно среди трудящейся молодежи Вы имеете большой авторитет в нашей Саракташской МТС.

Ваши рассказы, повести и романы написаны мастерски и особенно мастерски художественно оформлены. В «Тихом Доне» мы видим быт и обычай казаков Дона, в то же время иную жизнь при царизме и ихнем отношении к революции, в Октябрьские дни, ихнии классы до революции, во время Гражданской войны.

Мы читаем Ваши книги не только как повесть или интересный роман, а также изучаем историю гражданской войны. Пишите скорее книгу IV-ю.

С приветом Богачев.

Год рождения 1913.

Бригадир тракторной бригады Саракташской М.Т.С. Оренбургской области.

20 января 1935 года.

Богачев Андрей Максимович

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 83–83 об.*)

162. Е.А. КАБАНЕЦ

21 января 1935 г., город Шацк Рязанской области

Критические замечания к роману «Поднятая целина» М. Шолохова.

Написать критическую статью можно по-разному, вывести два момента, что значит положительные стороны романа и отрицательные, указать о творчестве автора.

Я в данном случае хочу сказать, что не лишним будет к этому добавить, как я вообще читал роман «Поднятая целина», какое он имеет значение, как любитель-читатель высказуется в своей среде не знающих романа, какого мнения остается о прочитанной книге.

Мне совсем интересно было читать эту книгу, наблюдая за всеми теми описаниями автора, которым почти приходилось быть очевидцем. Да и не секрет сказать, что многие читающие из про-

изводственников эту книгу выезжают на периферию, становятся более знакомыми с колхозной жизнью на селе.

Прежде чем читать книгу, я задумался над тем, как больше усвоить прочитанную книгу. У меня вырисовывался такой план: почти с первой страницы я стал записывать фамилии героев данного романа с отметкой: профессия, должность, администратор, колхозник, единоличн<ик>, кулак и т.д. Таким образом, к концу первой части романа «Поднятая целина» я записал 64 фамилии, и первые из них: Давыдов, Нагульнов, Разметнов, Островнов и дед Щукарь.

* * *

Само название романа очень мастерски присвоено писателем. Когда веками крестьянство искало выхода из кабалы, прошел целый ряд крестьянских революций, и только партия рабочего класса сумела поднять такую «целину», поставить крестьянство на путь коллективного хозяйства, на путь к цветущей жизни.

* * *

Насколько мне помнится — не лишним здесь указать — вечер 2-го июня 34 года, посвященный разбору романа «Поднятая целина» с участием всей молодежи нашего города.

Я этот вопрос затронул здесь для того, что как еще не в силе любой из преподавателей ответить на такие вопросы, интересующие читателя: подробная автобиография писателя, его начало литературного творчества и т.д. Это, очевидно, объясняется тем, что недостаточно еще проникла критика к читателю с автобиографическими очерками и т.д., не то что взять М. Г. и других писателей.

Роман «Поднятая целина» есть одно из наилучших произведений на тему коллективного строительства в нашей стране. И если говорить не о авторе романа, а о самом романе, то читатель больше всего скажет, что только «П-ц» выдающаяся книга, отражающая тот пройденный путь, когда крестьянство, закаленное в индивидуализме, не хотело расстаться с своим живым и мертвым имуществом. И только с бедняцким слоем крестьянства под руководством такого твердокаменного большевика, живого человека, ленинградского рабочего — Давыдова, сумевшего поставить свое дело.

Роман не лишен же и своих недостатков. У многих читателей уже сложилась своя поговорка, что «Шолохов пишет и очень много употребляет, так наз. “многоточия”». Так, например, на странице 15 — «я, парень, откусался. Мой зуб-то уж какой год книзу глядит...»[1]

«Выходит жену отдай дяди, а сам иди к бл...!»

«А ты... на твою бабу лезут...»

Ясно, что без этого нельзя обойтись, как Зощенко говорит, что «так сказать, и в художественной речи не ловко выразиться»[2].

Язык Шолохова общедоступный для крестьянской молодежи и воспринимается очень легко, не то что «Тарас Бульба» Гоголя.

Шолохов очень любит увлекаться посторонними рассказами, что придает художественную красость <sic!> роману, но сам по себе роман не очень художественно обработан. Он для того чтоб описать, как дед Щукарь получил фамилию, занимает две-три страницы. Роман, писанный в таком хронологическом порядке, начиная историю над Гремячим Логом с осени и до конца прополочной кампании. Не совсем достаточно обрисован Половцев, помимо той связи, которая была с Яков Лукичом. Также и Лушка.

Пожалуй, единственным примером героя, показанного целиком через действие, <является> Давыдов.

Его выдержка во время кулацкого бунта, его уменье разговаривать с массой вызывают сочувствие читателя.

Но положительные качества Давыдова, производящие достаточно сильное впечатление, когда мы анализируем их вне романа, тускнеют, как только мы начинаем сопоставлять Давыдова с отрицательными героями. Тогда оказывается, что Нагульнов, Островнов, Щукарь обрисованы ярче Давыдова.

Шолохов при всем своем мастерстве споткнулся на том, на чем споткнулись до него многие: он не сумел дать положительного героя, более яркого и сильного, чем герои отрицательные. Образ Давыдова недостаточно приподнят. Именно поэтому в лице Давыдова писатель не дал нам образа большевика. «Быть таким, как Давыдов», — этого у нас не говорят. А необходимость в таком нарицательном имени, в таком герое сейчас еще большая, чем когда бы то ни было.

Адрес: город Шацк Моск. Обл. — Райзо.

Служащий по профессии — статистик.

23 года, б/партийный.

Кабанец Евдоким Афанасьевич.

21/I-1935.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 708. Л. 75–78, с об.*)

[1] Здесь и далее читатель ссылается на издание: *Шолохов Мих.* Поднятая целина. Роман. Книга 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1933. Серия «Дешевая библиотека ОГИЗА».

[2] В середине 1930-х гг. продолжали широко издаваться и ранние, и новые произведения М. Зощенко: «Избранные рассказы и повести» (1926, 1930), «Избранное» (1933), «Возвращенная молодость. Повесть» (1933), «Личная жизнь. Рассказы» (1934), «Рассказы» (1934), «Голубая книга» (1935), «Избранные рассказы»

(1931, 1935, 1936), многие фразы писателя цитировались как афоризмы и пословицы. Источник данной цитаты не выявлен.

163. В.Д. КАЗБЕЛЬ

24 января 1935, Ленинград

Товарищи редакторы, мне ваша книга «Тихий Дон» так пондравилась, что я прочитал несколько раз, и до того пондравились мне цитаты Гаранжи, они как будто внедряют в тебя те чувства по отношению врага, хотя я там не был и не присутствовал. Мне очень пондравилось описание хутора, что-то приятно гладит тебя по сердцу пейзаж Дона. Мне мило слышать эти слова и говор, потому что я отчасти сам казак, но с болью чувствую и болею за их некультурность, грубость, за ихнию несознательность и непонимание к бойне царского правительства, как прекрасно выразил писатель все эти моменты.

Хотя я прочитал еще только первую книгу, но чувство во мне она оставила большое. Я в настоящее время учусь в школе ФЗУ им. Кирова, бывший путиловец, занимаю должность кузнеца-штамповщика.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 85–85 об.*)

164. Д.Г. ДЕРЕЧА

1 февраля 1935 г., Таганрог

3-я книга «Тихий Дон»
М. Шолохов

Читал и не мог оторваться, эта книга все внимание поглощала, я не чувствовал утомленности, мое сердце неоднократно забивалось быстро-быстро в местах напряженности боя. Я не могу выразить того чувства, пленяющего меня, не могу выразить благодарности за те яркие картины революции на Дону, дающие много ясности, но скажу, что воспоминания об этой книге останутся на долгие годы...

Да, давно так увлекательно не читал. Помню, еще с детства «Робинзона»[1] читал с таким увлечением, как эту книгу. Прекрасная навсегда вошедшая в память книга! Скорее бы четвертую часть прочесть. Когда она уже выйдет? Осталось мне непонятным, почему Григорий Мелехов, этот герой романа, пропитан симпатией читателя и, наверное, и автора в первой и второй части, в третьей части становится герой, но... герой белогвардейщины?

Читаешь, и хочется, чтобы Григорий опомнился, чтобы он стал на сторону большевиков, но он своими действиями уходит все дальше безвозвратно в лагерь врага. Почему так? Почему Мишка Кошевой в первой и второй книге играет, я бы сказал, третьестепенную <роль>, выбивается и в четвертой части, по моим убеждениям, наверное, станет героем романа 4 книги, тогда как Григорий должен уйти в отрицательную сторону или покончить с собой, но уйти. Зачем тогда было отводить столько места и создавать симпатию, нарисовать эту фигуру такой, что все остальные люди, в том числе и Мишка Кошевой, романа бледны в сравнении с Григорием. Почему Григорий не большевик? Ведь все предпосылки были в первой и второй книге. Почему, если так Мишка нарисован бледно, и читатель его не знает? Это основная непонятность для меня. Скажу и о другом, вернее, спрошу. Что сделалось с Дарьей Мелеховой, она не ушла со сцены, между прочим, и не ясно, где она делась, и ее действия в третьей книге остались не оконченные и... Пантелей Мелехов — о нем ничего не сказал. То же самое можно сказать и о связи Моховой, которой в первой книге отводилось не последнее место, но которая скрылась из глаз читателя, после тоже непонятно. Нужно, т.е. интереснее было, если бы автор при бегстве Мохова упомянул о Лизе для ясности, так как после революции о ней и слова не было.

Вообще о Мохове, Листницком и других, об их бегстве и «стараниях» для Советской власти ничего не сказано. Ясная картина и очень <увле>кательно нарисована — это восстание на Дону, а остальные — <о> Красной армии и ее действиях, а также о действиях первоклассной контрреволюции ясность, лично для меня, — плоховатая.

Скажу еще под конец, что описание природы для чтения трудное и длинное, язык этот трудно произносить, хотя местами есть очень увлекательные виды.

Все это, хотя и преодолевается, особенно в третьей книге, динамикой и живым народным «говором», но немного обесценивает, особенно вторую часть. Не знаю, прав или нет, в критике я, пожалуй, смыслю столько, «как баран в аптеке», но личные мои мнения таковы. Мои желания в четвертой части увидать конечный путь всех лиц первой книги, в «трех» лагерях (хотя трех лагерей нет, но я имею в виду — контрреволюцию, которая должна быть за границей, кулачество и остатки белогвардейщины и советских людей и власть). Очень хотелось бы получить ответ на затронутые вопросы, и прошу его, если можно.

Моя профессия — слесарь, возраст мой — 20 лет, комсомолец.

Адрес: Таганрог, Аз.-Чер. край, ул. Брепевского, д. № 24, Д.Г. Дереча.

1/II-35 г.

Д.Г. Дереча.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 87–88*)

[1] Речь идет о романе английского писателя Даниэля Дефо «Робинзон Крузо» (1719). Роман Д. Дефо пользовался большой популярностью и издавался достаточно часто как в дореволюционный, так и в советский период, поэтому указать точно каким именно изданием пользовался читатель трудно. Однако отметим, что в 1925 г. для массовой серии было подготовлено издание Дефо Д. «Робинзон Крузе» <sic!> (Новая переработка для рабоче-крестьянской молодежи / Под ред. и послесловием З. Лилиной. — Л.: Рабочее изд-во «Прибой»), снабженное следующим послесловием: «Автор "Робинзона Крузе" представил дело так, будто Робинзон в течение довольно долгого времени хорошо себя чувствовал и без людей и только впоследствии ему стало скучно одному. В этой точке зрения автора ошибка в том, что он приписывает одному лицу — индивидууму — героические поступки и совершенно забывает про то, что человеческую историю делали, не герои, не отдельные люди, не цари, не полководцы и не отдельные ученые, а масса трудящихся, трудовой народ: охотники, земледельцы, рабочие. Вторая ошибка автора "Робинзона Крузе" состоит в том, что он смешал в своей книге два далеко друг от друга отстоящих этапа развития человеческого общества. Он поселил на необитаемом острове не первобытного человека, который в течение ряда тысячелетий дошел до культурного состояния наших дней, а посадил туда высококультурного человека — европейца. Правда этот культурный европеец имел только книжные знания, умел только книги читать, но ничего не умел делать. И тут автор показывает, что книжная наука без умения работать руками недостаточна в жизни и что человек обязан уметь работать» (Указ. изд. С. 278–279).

165. ЭДВАРД ГЛИКМАН

2 февраля 1935 г., Нью-Йорк (*США*)

Многоуважаемые граждане.

Отвечаю на Ваше предложение выразить мое мнение о книге «Тихий Дон» Михаила Шолохова.

Прочел с захватывающим интересом. Это художественная реальная эпопея — равная сочинению Толстого «Война и мир». Это неоценимый исторический документ для будущих поколений. Это сама правда.

Английский перевод[1] читается с захватом американцами. О колонии эмигрантов, знающих русский язык, нечего говорить — книга врасхват.

Я, польский врач из Варшавы, 66 лет, командированный Польской врачебной палатой для научных изысканий. Участвовал в Русско-японской войне и Мировой как врач Русской армии.

С товарищеским приветом доктор Эдвард Гликман, Нью-Йорк.
Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 21–21 об.)

[1] Две первые книги «Тихого Дона» были опубликованы в Великобритании и США под названием «И течет Дон» и в переводе С. Гарри соответственно в апреле и июне 1934 г. (Sh. M. And queit flows the Don. By S. Garry. L., Putnam, 1934; N. Y., Knopf, 1934). К английскому изданию Шолоховым было написано предисловие «Английским читателям», которое напечатано не было. Впервые опубликовано В.В. Гурой в издании: Михаил Шолохов. Сб. статей. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1956. С. 264–265.

166. Ф.В. КНЯГИНИН

25 февраля 1935 г., село Прасковея Буденовского района Ставропольского края

Здравствуйте, товарищи!

Письмо это пишет Княгинин Федор Васильевич. Прежде всего напишу несколько слов о себе. Я родился в 1913 году. С начала 1930 г. Колхозник. Премировался 5-ть раз (костюмом, сапогами и т.п.). В 1933 г. был послан колхозом на курорт на 2 м-ца. В январе 1934 г. послан к-зом на счетные курсы, где я получил старшего счетовода и с июня 1934 г. по настоящее время работаю в этой должности.

«Тихий Дон» Шолохова я прочитал первые 3 книги уже 2 раза. Прочитал 2 раза 1-ю книгу «Поднятая целина». Эти книги мне очень нравятся, но где найти окончание этих произведений я не знаю. Или я их никак не могу найти, или может быть они еще не вышли из печати[1], об этом вы пожалуйста мне напишите. Отзыв об этих произведениях мой будет таков: первое это что они написаны так ярко, так интересно и притом таким понятным нашим мужчинам языком, что их читает даже малограмотный и хорошо понимает смысл этих романов; второе то, что здесь очень понятно показано, как трудовое казачество поворачивало в сторону советской власти, преодолевая все свои старые привычки и убеждения, которые как говорит Шолохов, всасывались ребенком с материнским молоком. Здесь очень ясно видны все ошибки, которые были со стороны отдельных работников соввласти и партии («Поднятая целина», районные организации) и отдельных красноармейских отрядов («Тихий Дон») и как эти ошибки сказывались отрицательно в деле завоевания и укрепления диктатуры пролетариата. Здесь очень ясно и понятно показано в лице Михаила Кошевого как беднейшее казачество (да и не только казачество), освобождаясь постепенное от своих привилегированных, великодержавных

и националистических убеждений, приходило к ожесточенной классовой борьбе.

Теперь у меня будет такой вопрос. Почему в 3-й книге «Тихий Дон» когда был убит Петро Мелехов, с ним вместе был порублен и Антип Брехович, а потом в конце этой же книги Антип Брехович оказался жив, когда в хутор Татарский пригнали пленных, то он после того, как Дарья выстрелила в Ивана Алексеевича, дорезал его штыком и сказал: Ну, издыхай Котляров![2]

Что это за ошибка (объясните мне пожалуйста или, может быть, я сам ошибся, не так где понял). А теперь пока до свидания, товарищи.

Передайте привет от меня лично и ото всех наших к-ков Михаилу Шолохову. Мы знаем, что его любим не только мы, но и все трудящиеся нашей великой родины. Живи еще долго наш любимый писатель Шолохов. Живи и пиши нам еще много таких же понятных и хороших произведений, которые мы очень любим читать.

С горячим ученическим приветом Княгинин.

Адрес мой: Северо-Кавказский край, Прикумский район, Прасковейский колхоз «Советская культур<а>», ул. Виноградная, 38.

Княгинин Федор Васильевич.

25/II-35 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 705. Л. 17–19*)

[1] О продолжении «Тихого Дона» см. примеч. 2 к п. 32. 2-я книга «Поднятой целины» была опубликована в 1959 г.

[2] См. об этом примеч. 1 к п. 115.

167. И.А. ПРОХОДА

8 марта 1935 г., село Духовское Спасского района Приморского края

8/III-35.

Письмо в издательство советской литературы от колхозника колхоза «Путь к новому», село Духовское Спасского района Д.В.К. Проходы И.А.

Прочитавши книгу М. Шолохова «Поднятая целина» среди колхозников в своей бригаде, у которых много памятных слов осталось в памяти, но еще больше у меня самого, я начал работать так, как работал тов. Давыдов, пред. колхоза им Сталина «Гремячий Лог». Именно когда колхозники стараются доказать, что норма невыполнима, я сам везде доказываю на деле и

тогда уже падают у колхозников сомнения о невыполнении норм выработки. Действия Якова Лукича Островнова тоже сделало большой перелом в колхозе, и — конюха сняли с работы за вредительство 25/II. Конюх Шкоробура Я.П. нашего кол-за привязал к загороди лошадь, а там стояли бороны и когда лошадь пугнули, она сорвалась и наскочила на железную борону, пробила себе живот, все внутренности выпали, да еще жеребая была — лошадь пропала и правление решило оставить конюха. Я тогда прочитал на правлении действия Островнова Я.Л. о подсыпке песку под быков, и правление единогласно решило изъять конюха с работы и разобравши биографию тов. Шкоробура увидели, что его жена дочь сосланного кулака. Дело передали нар<одному> следователю. Правление колхоза считает книгу как лучшее указание в жизни колхоза.

Моя просьба к работникам издательства «Советская литература» выслать мне по почте книгу II-ю «Поднятая целина», потому что все силы поклал разыскивая II-й том, но найти не пришлось. Моя просьба выслать книгу по адресу: Д.В.К. Уссурийская ж.д., ст. Свягино, п/о Зенковка, село Духовское. Проходу Ив. Александровичу. Деньги будут уплочены на почте в с. Духовском.

Моя автобиография. Я родился в 1910 г. в с. Суходоле, Глуховского р-на, Черниговской об-и, до 26 г. работал с отцом, помогал ему, потом пошел в наймы, работал 26-27 г., потом 28 г. работал на жел. дороге, в 29 г. вступил в колхоз, в 27 г. вступил в комсомол. В 1932 г. 12 апреля забрали в Армию на Д.В.К. Спасского р-на, где остался на оседание на Д.В. Перевез свою семью к себе и 25/XII-34 г. правление колхоза назначило меня бригадиром огородной бригады. Сейчас в колхозе к весенней посевной кампании уже готовы, семена отсортированы, с/х инвентарь отремонтирован, лошади в порядке, у колхозников настроение хорошее, только одно плохо, что в этом селе, где я осел, 30% всей коллективизации еще единоличники очень влияют на укрепление колхоза. Мне из Армии дали на хозяйство корову, свинью.

Вот что я хотел написать и прошу мне выслать книгу т. II-й[1].

С тем и до свидания.

Прохода.

8/III 35.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 706. Л. 20–22 об.; ред. копия — л. 24*)

[1] На письме имеется редакционная помета, указывающая, что 10/IV адресату было послано цирк<улярное> письмо, скорее всего, приглашавшее автора письма к сотрудничеству. См. далее п. Проходы от 3 мая 1935 г.

168. В.И. ЛАМОНОВ

10 марта, город Боготол Ачинского района Красноярского края

Автору книги «Поднятая целина» т. Мих. Шолохову.

Книга замечательная. Только так, по-моему, надо, чтобы Герой Макар Нагульнов был счастлив — ведь страстный революционер, краснозвездовец — всю жизнь отдает за революцию, но мало здоров и нервно истощен. Поэтому, когда читаешь, как он любит революцию, то хочется, чтобы он был счастливее всех из героев книги, и особенно мне не нравится то, что жена его развращена, бросила его и сошлась с Давыдовым. Тогда как Давыдов упрекал Нагульнова, что он имеет такую жену, а потом стал сам с ней — мне это не нравится, и, кажется, — то портит весь сюжет рассказа, и лишь потому, что Макар все за жизнь, а жизнь его обидела, а потому будет хороший исход, если автор в дальнейшем II книги покажет, что любовь Лушки к Макару снова растет, и она, в конце концов, делается его женой, т. е. чтобы Макар был счастлив. Таков должен быть конец книги.

Писал угольщик склада топлива ст. Боготол, Томск<ого> <района>, Зап.-Сиб. края. Василий Иванович Ламонов.

Пишу по просьбе книги.

10/III-35. <Подпись>

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 710. Л. 53*)

169. А.П. ОЖОГИН

10 марта 1935 г., село Тюменцево Алтайского края

С большим интересом и напряженным вниманием прочитал я книгу. М. Шолохов. «Поднятая Целина».

Книга мне очень понравилась, и я сейчас читаю ее малограмотным колхозникам, которых она тоже интересует. Книга, как нельзя лучше, отображает тот этап, когда действительно было «головокружение от успехов». В книге наглядно показаны живые люди, которые будучи политически малограмотными, не понимая сами того, играли на руку классовому врагу (Нагульнов). В книге хорошо изображен классовый враг и его действия. Таких как «Яков Лукич» сколько хочешь и у нас в то время было.

Удачно изображен момент, когда растаскивали колхозный хлеб. Точь-в-точь это все происходило и у нас, а это еще делает книгу интересной, потому что здесь колхозник видит себя.

В общем, книга интересная, выпущена она своевременно. Эту книгу колхозники слушают с большим интересом. А когда я читал о заседании бюро райкома, то со стороны колхозников слышал такие возгласы: «Ожогин, а тебя тоже так исключали, как Нагульнова?..» Или: «Давыдова, видать, побили не хуже нашего Ломовцева», «А вот Балобин молодец, этот, брат, понимает, что ошибки-то делали вместе»

Недостаток книги, по-моему, состоит в том, что тов. Шолохов совершенно не видит активных, идущих нога в ногу с партией ВКП(б) женщин. Он не видит тех героинь, которые боролись и борются за социалистическое с/х-во. Он видит только женщин распутных (Лушка Нагульнова), которые работать не хотят, а любят искусить мужчину! Ясно, что такие экземпляры есть и их отобразить надо, но тов. Шолохов отобразил только плохую сторону. Из его зрения совершенно ускользнуло, что наряду с этими Лушками, есть такие женщины, которые беззаветно преданы делу колхозного строительства. При следующем переиздании книги этот пробел нужно заполнить. Вот мои пожелания.

Западно-Сибирский край,
Колхоз «Батрак»
Тюменцевского района.
Член правления Ожогин Абр. Петр.
В колхозе с 1928 г., от роду 35 лет, самоучка.
10/III 35.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 710. Л. 61*)

170. П.И. ДУРОВ

17 марта 1935 г., село Бабка Павловского района Воронежской области

Добрый день, литературные работники просвещения. Прочел я книгу «Тихий Дон» Шолохова, книга третья и задаю Вам некоторые вопросы, которые мне непонятные для меня:

1) Скажите, наблюдал ли тов. Шолохов или участвовал ли сам в этом восстании или в революции.

2) Я слышал, что тов. Шолохов нашел это составление и перепечатал его. (Верно или нет)[1]. Или сам его напечатал.

3) Я не пойму, где подевались генералы, что так сами казаки восстали.

4) Что у казаков это закон или нет, иметь много полюбовников, например, как Аксинья.

5) Я видел кино 1-вую серию[2].

Почему царское время такое право разрешало вольное и не брало их на военную службу. Были ли возражения со стороны заграничных генералов и афыцеров <sic!>. Были еще восстания после того боя, как указано в 3-й книге.

Жив ли Мишка Кошевой, ежли жив, то чем он сейчас работает. Были ли возражения казаков, когда организовались у них колхозы, и какой был подход к казакам, когда проходила коллективизация.

Проходило ли у них раскулачивание, по книгам видно, у казаков много офицеров, торговцев и атаманов.

Вот что я хотел задать Вам вопросы, которые были мне не понятные. Прошу редакцию ответить на мои вопросы в письменной форме.

Моя профессия колхозник.

Бедняк, работаю в колхозе чернорабочим, участвую в культурности молодежи и села.

Я рожден 1915 года. С 10 лет пошел участвовать в общественных работах.

Мой адрес:

Центральная Черноземная область, Павловского района село Бабка.

Получить Дурову Понтию Ивановичу

17/III-35 г.

Жду ответа.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 705. Л. 21–22*)

[1] См. об этом примеч. 2 к п. 37.

[2] См. об этом примеч. 2 к п. 108.

171. М.Е. ЛОГИНОВ

19 марта 1935 г., деревня Чемошур-Куюк Алнашского района Удмуртии

19 марта <1935 г.>
от комсомольского организатора
колхоза имени Кирова
Чем-Куюковского с/сов.
Алнашского р-на
У.А.С.С.Р.
Кировского края
Логинова Михаила Ефимовича.

Первая книга Шолохова «Поднятая целина» мне очень понравилась. Эта книга ярко популяризирует древнюю жизнь, зарожде-

ние колхоза, перегибы и недогибы местной и районной властей в руководстве при создании колхоза в хуторе Гремячий Лог.

Прекрасно обрисовывает быт казаков Гремячего Лога как раньше, так и в момент сплошной коллективизации. Книга очень справедливо рассказывает о методах и подходах к крестьянству, о массовых загонах земледельцев в колхозы, об извращениях законов партии и правительства Рабоче-крестьянского государства — местными и районным сотрудничеством органов Советской власти при первой организации колхозов. Книга очень заинтересовывает любителей, читателей художественной литературы своим правильным и доступным — читать всем гражданам — строением речи автора.

Наши колхозники — колхозницы — комсомольцы — ранее даже не понимающие сути художественной литературы — начинают с большим желанием и энтузиазмом читать очерки Максима Горького, Демьяна Бедного, Шолохова и других наших пролетарских писателей из журналов «Колхозник», «Крестьянка» и проч.[1]

Но с наибольшим желанием и заинтересованностью читают наши колхозники с мала до велика первую книгу Шолохова. У наших колхозников проявляется любовь читать художественную литературу.

Только жаль, что мы имеем одну книгу «Поднятая целина», и то нам привез ее делегат II Всесоюзного съезда колхозников-ударников[2] т. Кириллов из Москвы.

Не доходит до нас хорошая и ценная художественная литература.

А скоро ли будет издана вторая книга?!

Мне очень хочется дочитать это произведение до конца.

От имени К.С.М. организации и ударничества колхоза им. Кирова — большевистский привет т. Шолохову — нашему любимому писателю.

Отписывайте по в начале указанному адресу.

Пишет комсорг и второй счетовод колхоза им. Кирова с 1915 года рождения Логинов М.Е.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 708. Л. 136–137 об.*)

[1] Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал «Крестьянка» издается в Москве с 1922 г. Название «Колхозник» в 1931 г. получил бывший двухнедельный общественно-политический и литературно-художественный «Крестьянский журнал» (выходил с 1923 по 1930 гг.), который с 1934 г. стал именоваться «литературно-политический и научно-популярный журнал» и выходил при непосредственном участии А.М. Горького. В отличие от «Крестьянского журнала», «Крестьянки» и «Колхозника» 1931–1932 гг., где печатались очерки и рассказы начинающих писателей из среды самих колхозников, в

новом «Колхознике» должны были «принимать участие крупнейшие литературные и научные силы Советского Союза» и «печататься рассказы о жизни крестьян и рабочих в наши дни и в прошлом, до Советской власти, о тяжелой их борьбе против кулаков, помещиков, фабрикантов, очерки строительства советского государства» (Колхозник. 1934. № 1. С. 2). Из названных в письме писателей в указанных журналах были опубликованы только произведения А.М. Горького: «Рассказы о героях (в сокращении)» (Крестьянка. 1932. № 19–21), «Шорник и пожар», «Беседа» (Колхозник. 1934 № 1), «Экзекуция» (Там же. 1935. № 1), «Орел» (Там же. № 2), «Бык» (Там же. № 3), «Погром» (Там же. № 6). Произведения М. Шолохова и поэта и публициста Демьяна Бедного (наст. Ефим Алексеевич Придворов, 1883–1945) в указанных журналах не печатались.

[2] Второй съезд колхозников-ударников, проходивший в Москве, завершил свою работу 20 февраля 1935 г., на нем был принят примерный устав сельскохозяйственной артели — «сталинский устав колхозной жизни». На съезде присутствовала делегация писателей: А. Безыменский, Л. Сейфуллина, В. Инбер, Вс. Иванов, с приветствием выступил А.М. Горький. Редакционная статья в «Литературной газете», посвященная съезду, называлась «Поднятая целина» (*ЛГ*. 1935. 20 февр. С. 1).

172. А.Т. БУРСЕВИЧ

25 марта 1935 г., город Унеча Брянской области

Москва. ГИХЛ. Массовый сектор.

Товарищи!

Трудновато мне на 52-м году моей незавидной жизни, беспартийному, малообразованному разбираться в красотах быстротекущей новой жизни общества. Не успеешь разграничить хорошее и плохое в сегодняшнем дне, как завтрашний день блещет новой красотой в новых неизведанных границах и растворяет в себе вчерашнее плохое, выпуская на рынок жизни нечто химически созданное, интересное, новое.

Чем-то подобным новым явилась для меня и первая книга Мих. Шолохова, роман «Поднятая целина», ГИХЛ, 1934.

О существовании этого романа я знал из газет. Слышал от других лиц (молодежи), как хвалили его. Кое-что похвальное читал о нем в журналах. Мне хотелось прочитать роман, но лишь недавно, 20/III, я заметил, как мой сын, 18-летний (пом. маш.), жадно читал появившуюся у него «Поднятую Целину». Я воспользовался наличием книги в доме и на досуге (второй месяц безработный по сокращению штатов) прочел ее за шесть дней.

В конце книги нашел Ваше обращение к читателю, дать свой отзыв о книге. По мере моих сил этот отзыв излагаю и шлю его в Ваше распоряжение.

Предварительно сообщаю, что читал я книгу «запоем», стараясь прочесть ее к сроку сдачи[1]. Читал не ради критики; меня

интересовало: как пишется новый роман и чем он не похож на старые романы? Никаких записей, заметок себе о прочитанном я не делал, глотал как голодный куски хлеба. Поэтому и мой отзыв будет далеко неполный и нестарательный.

Перед чтением невольно я поинтересовался наружностью книги. Она мне показалась непривлекательной: серой, толстой, куцей, с рисунками не то книг на полке, не то неумело разложенных для чего-то брусочков.

Бумага — грубая, отчего книга в 350 страниц[2] — толстая и кажется длинной по тексту, будто требует много времени для прочтения. Желательно бы видеть на обложке рисунок по содержанию книги и более яркий, тем более что книга по ее лозунгу «Книгу социалистической деревне» предназначена прежде всего для колхозной массы, где ценят и по одежке.

Хотя «не все то золото, что блестит», хотя «наружность бывает обманчива», но все же внешняя простота и человека, и книг играет немаловажную роль в их жизни.

На первой точке текста я задумался: как это в конце января хорошо пахнут вишневые сады?[3] И решил: плохо знаю географию: наверно, в Гремячем Логу весна — в январе, когда в Унече и почти по всему СССР — самые трескучие морозы. Где именно Гремячий Лог — трудно ориентироваться.

Язык книги трудноват, кажется исковерканным или малоизвестным, до противоположности русскому литературному языку. Мне кажется, что автор переусердствовал в подражании местному говору, наречию, предпочел его более распространенному в литературе, — и возможно, и в Гремячем Логу, — языку, которому в книге отведено не первое место по объему и значению этого инструмента.

Изобилие «матерщины», как бы она ни скрывалась автором книги под многоточиями и иными, смягчающими ее, выражениями героев, щедро дополняют некрасоту языка. Если это допущение хорошо копирует натуру языка казаков, то ведь литература (и роман тоже) своим достоинством и целью не может считать копирование действительности, к тоже и отрицательной. Не всегда клин клином вышибается. Ведь книгу читают и будут читать и те, кто и без нее умеет ругаться и считают ругань за ругань, а не за литературные выражения мыслей в более высокой форме в эпоху социализма. Читает и молодежь, еще не научившаяся в жизни щедро ругаться по-казачьи, по-шолоховски. А книга невольно влияет на язык читателя, и думаю, сам автор книги не заинтересован в культивировании матерщины, которой при социализме не

должно быть места, как и породившему ее классу. Если ею легче охарактеризовать героя, — тут средства не оправдывают цели, как в этом, так и в другом отношении.

Затем, слог, построение речи трудноваты для чтения и понимания, — вроде грубовато <жирно ?> разведены краски для картин, так что подражать этому нет чувства при чтении. И такие, к примеру, выражения: «По крайнему в степи проулку...» (глава 1, абзац 4). Они далеко не уясняют картину реальности. Какие в степи проулки?

Отличный фон романа, где исторически последовательно расположены <сжатые –?> яркие обрисовки картин революционно-колхозного строительства и перерождения деревни и быта ее, несмотря на все тени, легко отражают эпоху, отражаются и методы действия и непреодолимая сила, действующая в эту эпоху на пути к социализму.

Достоинство «Поднятой целины» в том, что она действительно подняла на должную ступень эту литературную целину, которой почти не касалось перо художника-писателя до этой эпохи из-за брезгливости к целине, извечно не знавшей своего места в литературе.

Из первой книги трудно уловить главных героев романа (а героев много), и я не знаю, кто в дальнейшем окажется главными действующими лицами: Лушка и Давыдов, или другая пара; женщина или мужчина; партиец или комсомолец; партия или масса.

Романического в том смысле, в каком привыкли разбирать романы, в «Поднятой Целине» вписано так мало, что едва ли этот роман отличается от исторической повести. Быть может, в последующих книгах роман войдет в свои права, а пока роман неполноводный, и плавать по нем<у> не безопасно.

В общих чертах я понял, что далеко не все картины романа и герои действительно взяты из жизни людей Гремячего Лога и его окрестностей. Многое завезено туда совсем из других пределов СССР, и уж там, как вырезки из газет в стенной газете, малоопытной рукой вклеено в рамки обширного повествования. Вклейки по содержанию ценны, но <*1 нрзб*> их не тщательно спаяны с соседними, слабым раствором логики. Как будто бы излишняя, напр., целая история с лошадью, надутой цыганами! И что в этой картине за романический штрих?

Ну, и героиня Лушка, по-моему, слишком неестественно быстро предложила себя в жены Давыдову, — со второго слова. Как ни проста она и развратна была, а все же для русской женщины вообще как будто не свойственны столь простые и прямые

предложения ни при любви, ни при политическом обмане. А если это и так было, то едва ли следовало выпячивать этот факт как некоторое достоинство, силу смелости женщины, этим одолевшей неглупого партийца.

Хорошо передана роль двуличного Якова Лукича. Этот тип живой, а не Лушка.

Все же «Поднятая Целина» мне понравилась, и я благодарен автору за его труд, освеживший и меня старика: у меня усилилась любовь к новой жизни.

25 марта 1935 г.

г. Унеча, Зап. обл., ул Семашко, д. 3.

Андрей Тарасович Бурсевич.

P.S. Хотел бы узнать Ваш отзыв о моем отзыве. <Подпись>

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 711. Л. 113–116*)

[1] Имеется в виду срок сдачи книги в библиотеку, который отмечался в формуляре выданной книги и строго отслеживался библиотекарем.

[2] У читателя, скорее всего, было издание «Поднятой целины» 1934 г., вышедшее в Госиздате в серии «Книгу — социалистической деревне («Дешевая библиотека ОГИЗа»)»; 347 страниц, на обложке изображены книги, стоящие на полке.

[3] В тексте: «В конце января, овеянные первой оттепелью, хорошо пахнут вишневые сады».

173. Е.А. КОЖУТНЫЙ

25 марта 1935 г., Баку (*Азербайджан*)

Уважаемый дорогой автор книги «Поднятая целина»
т. М. Шолохов.

Читаючи Вами написанное произведение, я впервые за свою жизнь был поражен той достоверностью, которую вы преподнесли в том виде, в каком она была действительно.

Я, когда читал «П. Ц.», то я видел все то, что у меня творилось наглядах, хотя и я знаю, что то, что вы преподнесли, что творилось в Гремячем Логу, Вы не знали, что творилось в моем селе, где я жил, но в Вашей «Поднятой целине» такое сходство, Вы так сумели обобщить положение, что кое-что измени в «П.Ц.», и будто что творилось наглядах. Возьмем коллективизированных крестьян. Я сам участвовал. Из района никаких наставлений нет. Местные руководители дают проводить коллективизацию под лозунгом «Стопроцентная коллективизация!»

И каким порядком.

Я работал в штабе в селе.

И <в>от какой чл. ВКП(б) т. Бондаренко так «организовал» коллективизацию, видит, что днем на крестьянина не действует, он ночью пять-шесть раз вызывает дядька в штаб, требует заявления в колхоз.

И что получилося: произошел сплошной колхоз, обобществили все, кроме овец, свиней, птицы, из-за чего много однаково было споров. После чего все население села под кулацко-поповской агитацией восстало против колхоза и приняло такой характер, что местные власти не могли справиться (наподобие у «П.Ц.» грабеж хлеба, избиение председателя с/совета и колхоза).

Только в нас<sic!> не разломили хлебного амбара, испугались или, вернее, наровились взорвать сургучную печать, которую я успел наложить на дверь. Но выступали в руках с черным знаменем (черным платком, надетым на шест) и не расходились, требуя своего с волнением, не <слушали — ?> ни секретаря Райкома партии, ни председателя РИКа, ни сельских. Выходом с положения было то, что вызвали отряд красноармейцев. Что даже стали напирать на красноармейцев, которые по команде, конечно, условной с командным составом, дали залп вверх с винтовок. После чего за такое время, как прочитать мое письмо, никого нигде со свечой не найдешь.

На другой день настало в селе то, что в Гр<емячем> Лугу <sic!> после разгрома. И в Вас<sic!> все это так показано, обобщено, как будто мы с вами работали в моем селе Черепачинцах Калиновского района Винницкой области.

Интересное и вместе с тем жуткое было положение, когда вспомнишь. Конечно, когда может Вам будет интересно, я могу нехудожественно описать все подробно. Я не очень давно (разов несколько) посещал литкружок. У меня еще с того времени коллективизации возникла мысль в каком-нибудь виде зарегистрировать прошлое положение, я стал работать над стихами. Маленькие сдвиги есть, но все-таки ничего получается. Нужно приготовить силы и научиться, и научусь! И напишу. Стихами напишу!

К сему <Подпись>.

Краткие сведения: Кожутный Евтух Ант., 1912 года рождения, украинец, крестьянин-колхозник, чл. ВЛКСМ, в РККА служил вместе с <призывом> 1910 года добровольно, последний год службы работал ком<андиром> отд<еления>, сейчас нахожусь в военизированной охране водного транспорта. В колхозе работал заведующим зерновым складом. Окончил семилетку, после чего был послан ксм в рабфак, где проучился год и пошел в армию.

Мое местожительство сейчас — г. Баку, ул. Свободы, № 72, 1-й отряд.

Прошу Вас <ответить>, как вы работали над «Поднятой целиной» и какие наставления можете дать мне, буду очень благодарен.

К сему <Подпись>.

25/III–35 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 710. Л. 159–160 об., ред. копия — л. 55*)

174. А.И. СКРИПНИК

2 апреля 1935 г., г. Антрацит Луганской области (*Украина*)

Дорогому, любимому писателю нашей страны М. Шолохову!

Сегодня я прочел третью книгу «Тихий Дон», с нетерпением жду продолжения этого прекрасного романа, много я читал книг, но подобных «Тихому Дону» еще не находил, я даже не в силе передать его качеств, как Вы могли с такой силой все изобразить.

Я имею знакомого казака, который служил действительную службу с Подтелковым, он много подтвердил событий, поданных в «Тихом Доне».

Меня занимает много; как Вы писали «Тихий Дон»? Почему-то навязывается сам вопрос, что Вы сами играли какую-то роль в «Тихом Доне»! Живы кто-либо из героев?

Мне кажется, Григорий должен бы убитым быть, или, вообще, получить наказание по своим заслугам.

Аксинья должна бы быть жива, Мишка Кошевой должен бы теперь стать героем «Тихого Дона». Я прошу Вас, чтобы Вы к четвертой книге написали свою автобиографию и как Вы писали «Тихий Дон». Это будет интересовать не меньше, чем самый «Тихий Дон», что теперь представляет из себя станица Вешенская? И какие теперь казаки?

Желаю Вам долгого плодотворного творчества, дать нам еще сколько, Ваши силы смогут, подобных романов «Тихому Дону».

С приветом

Ваш читатель: Скрипник Андрей Иванов.

Профессия моя: химик-лаборант, возраст 29 лет.

Мой адрес: Донбасс, ст. Антрацит, шахта № 13.

Спасательная станция: Скрипник А.И.

(*Машинопись. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 153–153 об.*)

175. И.И. РУДЕНКО

4 апреля 1935 г., Ростов-на-Дону

Весьма желательно и интересно дать отзыв на такую блистательную книгу.

Я небольшой читатель и мастер литературы, но впечатление, полученное мною после прочтения этой книги, заставляет волноваться и писать замечание.

Окончил семилетку, деревенскую школу, читал немножко литературу. Сейчас учусь в ростовской краевой школе ФЗУ мукомолов. Так же продолжаю читать литературу.

Теперь по существу.

Во-первых, вам будет казаться странным, почему я только сейчас читаю эту книгу? Этот вопрос как раз и по существу. На «Тихий Дон» я смотрел ряд лет, оценивая ее как «маленькое» произведеньице. Ну, дескать, «Тихий Дон», и все. Занимался классическими произведениями.

Мои товарищи, читая эту книгу, были хорошего впечатления и советовали прочесть ее. Я прочел. И увидел, что «Тихий Дон» — это произведение, являющееся одним из представителей первоклассной советской художественной литературы, могущее свободно стать рядом с классическим художественным произведением Л. Толстого «Война и мир». Этим произведением я и восхищался в течение всего времени учебы, и не находил ему равного в художественном отношении. Теперь я поражен этим Шолоховым. Такой молодой человек с необычайным талантом и умом! Но, по-моему, еще не достиг вершин Толстого.

На этом произведении выращивается и воспитывается, закаляется и укрепляется наше молодое поколение, а поэтому я должен отметить некоторые недостатки этой книги (я думаю, цензура извинит меня).

Во-первых, сам герой неподходящий (он как анархист), действует на стороне белых, а потому, выделяя его, автор выделяет и всю белую армию, ее тактику и стратегию. И получается, что приходится читать и воспитываться не на стратегии большевиков, а на стратегии белых, что, конечно, отрицательно отражается на воспитании масс, особенно на неустойчивые элементы.

Необходимо показывать подвиги красных войск, а автором показываются в большой степени подвиги белых, их геройство. Например, силы красных укреплялись и укреплялись, стягивали полки с Кубани с Москвы и т.д. Белых была одна горсточка, и они всегда почти побеждали, даже сам Григорий побеждал десятки.

Симпатия пролетарского писателя должна быть на стороне пролетариата, а у Шолохова симпатия нейтральная, даже порою, кажется, на стороне белых. Конечно, автор пишет реально, т.е. так, как оно было, а поэтому художественно, но надо выделить больше и сильней ужасы положения Красной армии и с какой напористостью она отражала натиск врагов.

Поведение коммунистов-большевиков выставлено очень хорошо и достойно, в особенности Штокмана, Бунчука и Ивана Ал.

Вот замечания молодого маленького читателя. Возможно, я в чем ошибаюсь и оцениваю неправильно, надеюсь, что я в ближайшее время получу ответ и разъяснения. Я бы этого очень желал и прошу вас не отказать, т.к. важность этого произведения должна стать достоянием каждого молодого человека нашей родины. Прошу!

Я родился в 1916 г., учусь ФЗУ мукомолов Ростовской школы, чл. ВЛКСМ с 1931 года.

г. Ростов н/д, Н.-Бульварная улица, № 50. ФЗУ мукомолов.

Руденко Ивану Ивановичу.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 133–135*)

176. БОРИСЕНКО

12 апреля 1935 г., город Никополь Днепропетровской области (*Украина*)

Профессия — учащаяся
Образование — 8 кл.
Возраст — 15 лет
Партийность —
Фамилия — Борисенко

Прочтя книгу «Поднятая целина» Шолохова, мне кажется, что в ней недостаточно хорошо показан актив села Гремячий Лог на фронте борьбы за коллективизацию и вовсе не показан актив села женщин, в то время, когда автор не пожалел красок описать бабью волынку.

И на счет окончания, я не согласна. Когда я надеялась, что книга окончится тем, что Яков Лукич отречется от Половцева, осознает свое нестойкое положение на раздорожье между двумя противоположными лагерями — лагерем вредителей и лагерем колхозников-активистов, и, чувствуя под собой твердую почву, смело и уверенно пойдет за советскую власть, настойчиво будет биться за укрепление колхоза — автор так неожиданно оканчивает: «Старое начиналось сызнова!».

А где же переработанный, новый Яков Лукич, где по крайней мере его перспектива на будущее?!

Но, может быть, это есть во второй книге, тогда простите меня потому, что я еще не читала.

Теперь у меня есть к вам просьба.

Посоветуйте мне, что читать по поводу классовой борьбы на селе, а я так люблю книги на такую тему, потому что в этих книгах я вижу почти все то, что было и вокруг нас, в наших селах, и я все больше и больше люблю партию и т. Сталина.

Мой адрес: Украина, г. Никополь, ул. Безымянная, № 23.

Борисенко.

12/IV-35.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 706. Л. 26–26 об.*)

177. А.И. СКВОРЦОВА

13 апреля 1935 г., село Ребрихино Алтайского края

Дорогие товарищи!

Прочитаны мной книги «Тихий Дон» Шолохова всего 3-и части, оказались непонятные места, а также возникли вопросы.

Вот, например, в 3-й части мне непонятно, встретился или нет Григорий с Аксиньей, после поездки к родителям, а потом, как живет Листницкий со своей женой, а также не указан возраст детей Натальиных. Мне интересно знать, почему Григорий, будучи красноармейцем, перешел на сторону белых, а почему бы не быть ему закаленным большевиком. Ответьте, будет ли выпущена 4-я часть «Тихого Дона»?

На заданные мной вопросы ответьте, пожалуйста, на этот адрес:

Зап.-Сиб. край, Ребрихинский район, средняя Ребрихинская школа, ученице 8-го класса

Скворцовой Анне Ивановне.

Мне 15 лет.

С приветом!

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 98–98 об.*)

178. П.К. ЛЕЩЕНКО

17 апреля 1935 г., село Петровское Ставропольского края

Уважаемый М.А. Шолохов!

Я прочитал все три книги «Тихий Дон» и хочу поделиться с Вами впечатлениями...

Признаюсь, до этого я мало интересовался современными писателями, больше читал классиков. Ну, это, конечно, вполне вероятно. Ведь для таких людей, как я; мне сейчас 18 лет, я учусь в педагогическом техникуме в с. Петровском Сев.-Кав. края. Сын крестьянина-бедняка, много мне приходилось работать в поле, много испытал на себе и в такие юные годы, когда 14 лет я работал у молотилки по суткам бессменно, когда поздней осенью проводил в поле на севе и мок под мелким осенним дождем, и много-много еще было, но это не так важно, моя цель в настоящем письме — дать отзыв о прочитанных книгах, слишком заманчива была поэзия таких видных писателей, как Пушкин, Лермонтов, Некрасов и др. Вот над этим я главным образом и сидел. И когда читал какое-нибудь стихотворение Пушкина, у меня захватывало дух, замирало сердце, и я сам буквально переживал все то, о чем читал. Так, например, «Евгения Онегина» я читал 2 раза, половину прямо наизусть выучил, и все же он мне интересен. Но потом «пыл страстей» начал угасать, и я понемногу втянулся в современную литературу. Прочел такие произведения, как «Разгром», «Цемент», «Чапаев» и др. и в последнее время, т.е. уже в этом году, прочел Ваш, надо сказать, замечательный «Тихий Дон».

Первую книгу я читал дома на январских каникулах и до того увлекался, что не мог оторваться, сидел, что называется, день и ночь. Бывало, мать заставляет рубить дрова, так я прямо поругаюсь с ней, не могу бросить читать, и все.

Нужно сказать, что Вы очень умело, очень тонко и вместе с тем очень просто сумели показать в своих книгах тех героев и те события, которые там изображаются...

Признаюсь, мне очень понравился слог романа; уж очень красочно и высокохудожественно сделано описание, и, когда читаешь, невольно сам уносишься в те далекие донские степи, где так привольно почило казачество, или читаешь переживания героя и сам невольно заражаешься этими переживаниями.

Я не могу найти слов, чтобы выразить то глубокое, поразительное впечатление, которое произвел на меня роман. Но скажу Вам откровенно, со всей своей чистосердечностью, что лучше ваших книг «Тихого Дона» и «Поднятой целины», которую я прочел в январе 1934 года, я не встречал, как по художественным своим превосходствам, так и по той простоте языка, которая так удачно туда вложен<а> Вами.

Эти Ваши книги полны самых интересных волнующих моментов, и когда читаешь, то мысли опережают зрение, забегая далеко вперед и предугадывая... А что же дальше, а какой результат

того-то, а чем кончится и т.д. Когда я читал остальные две, II и III книги уже после каникул, я даже жертвовал уроками, сижу вечером и вместо того, чтобы решить математику или еще что-нибудь, я сижу, читаю, читаю без устали, и просиживал дольше всех. Когда ребята положатся спать (я живу в общежитии), я долго еще просиживал над книгой.

Но 13/II-35 <г.>. закончил чтение III книги и не удовлетворен, хочется скорей развязки, ведь здесь, по-моему, развязки нет еще.

Меня больше всего интересует Григорий, что получится из него, этого безумного храбреца, но очень жаль, что против Красной армии, в дальнейшем?..

Теперь у меня к Вам будет несколько вопросов:

1. Откуда взят герой романа Григорий, был ли он в действительности?

2. Каким образом Вы сумели так детально описать все события, все эти письма Краснова, Корнилова и т.д., все эти местности, хутора, станицы, я, правда, не знаю Вашей биографии, вы, наверное, сами донской казак?

3. Какими являются др. герои романа: Мишка Кошевой, Штокман, Христоня, Степан Астахов и др. (придуманы Вами или действительны)?

Но, кажется, все.

С нетерпением жду четвертой книги, она еще должна быть?

Досадно, я ни разу не видел Вас, даже на портрете, обходил все магазины, и нигде нет Вашего портрета, почему это так? Не знаю!

Я узнал о Вашей поездке за границу[1], прочел о Вашем пребывании в ст. Вешенской, где Вы выступили с речью на районном ком<итете> ВКП(б)[2].

Мне помнится, когда была баня писателям, насчет языка в произведениях[3], Серафимович, кажется, наз<вал> писателей облизанных и необлизанных, и Вас, кажется, отнес к писателям необлизанным[4], я не согласен с этим, ведь, если Вы пишете в своих произведениях языком (где это идет разговор) простым, т.е. как разговаривают в действительности, те люди, к которым это относится, то, конечно, интересней и читать. А то, что же получится, когда какой-нибудь Христоня или Шамиль, совершенно некультурный, неграмотный человек, начнет разговаривать чистым русским языком, с совершенно правильными оборотами речи, совсем никакого эффекта. Ну, кажется, все.

Если где найдете ошибки, не ругайте, я еще не совсем научился писать без ошибок, так что не придавайте этому большого значения...

Между прочим, хочу сообщить, в прошлом году приезжал писатель <Пучков –?>, он проводил беседу в нашем техникуме, передайте ему привет от меня, если увидите...

Ну хватит! Кажется, все...

Желаю Вам всего хорошего в жизни и такой же замечательной дальнейшей творческой деятельности на пользу трудящихся СССР, а возможно, и всего мира...

Ваши книги доступны каждому малограмотному неразвитому колхознику. Когда мой отец читал Вашу книгу «Поднятая целина», то он ежечасно находил себя в той или иной кампании, в той или иной работе. Он вступил в колхоз в 1927 году, много сам работал по коллективизации. Всего приходилось.

Итак, еще раз мое Вам самое лучшее пожелание.

Скорее шлите нам 4-ю книгу!

Мой адрес: с. Петровское, того же р-на, Сев.-Кав. край, Педтехникум.

Лещенко Петр Кириллович.

17/IV-35 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 99–102*)

[1] В период с 23 ноября 1934 г. по 22 января 1935 г. М.А. Шолохов с супругой, М.П. Шолоховой совершили деловую поездку по странам Европы: в Швецию, Данию, Англию, Францию по приглашению издательств этих стан (*Летопись*. С. 123–124; *Шолоховская энциклопедия*. С. 243). См. примеч. 1. к п. 194.

[2] На пленуме Вешенского РК партии М.А. Шолохов поделился впечатлениями от поездки по Скандинавским странам, от знакомства с сельским хозяйством за рубежом (М.А. Шолохов на пленуме РК ВКП(б). (Сокращенная запись выступления писателя) // Большевистский Дон. 1935. 5 февр.; Комсомольская правда. 1935. 11 февр.; *Летопись*. С. 127.

[3] См. примеч. к п. 42. Речь идет о дискуссии о языке, развернувшейся на страницах «Литературной газеты» в 1934 г. после публикации статьи А.М. Горького «По поводу одной дискуссии» (*ЛГ*. 1934. 28 янв. С. 1). Поводом к написанию статьи послужило обсуждение неоконченного романа Ф.И. Панферова «Бруски», организованное ГИХЛом 19 января 1934 г. В статье Горький, «считая себя обязанным бороться против засорения русского литературного языка неудачными “местными речениями” и вообще словесной чепухой», выступил с резкой критикой позиции Панферова, подчеркнув, что «можно, конечно, не отмечать словесных ошибок и небрежной техники литератора даровитого, но он выступает в качестве советчика и учителя, а учит он производству литературного брака» (28 янв. С. 1). В защиту Панферова А.С. Серафимович опубликовал под заголовком «О писателях “облизанных” и “необлизанных”» текст своего выступления на дискуссии в ГИХЛе. Разделив писателей на «облизанных», «вычищенных», работающих над формой и «необлизанных», «стихийных» или, в случае Панферова, писателя с внутренней народной «мужицкой силой», которая пронизывает и характеризует все его творчество, Серафимович заключает, что «панферовская вещь, корявая, такая, что торчит во все стороны, надолго останется» (6 февр. С. 2). На статью Серафимовича последовал ответ Горького (Открытое письмо Серафимовичу//

14 февр. С. 1), в котором вопрос качества художественной литературы Горький перевел в идеологическую плоскость: «Насколько типично изображен этот процесс <перевоспитание прославленного народниками мужика> в “Брусках”? Критика не ставила перед собою этот вопрос во всем его объеме и глубине, критика еще не удосужилась сопоставить “Бруски” с “Ненавистью” Шухова и “Поднятой целиной” Шолохова. И нам с Вами, протопопам, следовало бы предоставить слово критике, подождав несколько с оглашением наших личных вкусов и симпатий». И возвращаясь к дискуссии, заключил «возможно ли посредством идиотического языка, образцы коего даны выше, изобразить героику и романтизм действительности, творимой в Союзе Социалистических Советов?» Затем последовал ответ Серафимовича: «У Шолохова, прекрасного писателя, не только весь диалог насыщен словами местного говора, но эти слова очень часто мелькают в его собственной речи. Предать его анафеме? Да ничуть, — это сообщает ему живой местный колорит, и ничего тут страшного нет, ибо у него чутье и чувство меры. Вы противопоставляете его “Поднятую целину” “Брускам” Панферова. Но почему же то, что разрешается Шолохову, не разрешается Панферову? Панферов использует, как и Шолохов, народную речь. С другой стороны, и у Шолохова есть языковые неудачи. По-моему, к писателям надо подходить одинаково» (Ответ Горькому // 1 марта С. 2). Свою точку зрения М.А. Шолохов выскажет в статье «За честную работу писателя и критика»: «Многие из советских писателей (в том числе и автор этих строк) погрешны в злоупотреблении “местными речениями”. Большинству из нас присущи, в той или иной мере, и другие литературные недостатки. Но утверждать за собою право плохо писать да еще поучать тому же молодых писателей — на это хватило “мужества” у одного лишь Ф.И. Панферова. Общеизвестно, какой конфуз претерпел Панферов, выступивший с заключительным словом на дискуссии о “Брусках” и неосмотрительно утверждавший, что пишет он “языком миллионов”. О Панферове, в достаточной мере разоблаченном А.М. Горьким, пожалуй, можно бы больше и не говорить, если б не было у него многочисленных последователей, загромождающих литературу антихудожественными, литературно-безграмотными и бесталанными произведениями, если б Панферов, присваивающий себе роль “литературного вождя”, не пытался возглавить этот отряд литературных бракоделов, если б сам Панферов писал не по принципу “если из ста слов останется пять хороших, а девяносто пять будут плохими, и то хорошо”. А “Бруски” именно так и написаны. Для доказательства этого моего утверждения нет нужды умножать приведенные А.М. Горьким примеры проявленной Панферовым разительной литературной малограмотности, беззаботности в отношении слова и невежественности. Всякий может сделать это сам, внимательно перечитав три книги “Брусков”» (18 марта. С. 2). Статья М.А. Шолохова будет опубликована в одном номере со статьей Горького «О языке» (С. 1). В дискуссии участвовали А.Н. Толстой и его оппонент В. Ильенков (6 марта. С. 2; 28 марта. С. 2; 2 апр. С. 1; 10 апр. С. 2), редколлегия «Литературной газеты» (12 февр. С. 1; 20 марта. С. 1). Свои соображения по обсуждаемому вопросу высказал Л. Леонов (16 апр. С. 2). Итог предсъездовской дискуссии о языке подвел Горький: «От художественного произведения, которое ставит целью своей изобразить скрытые в фактах смыслы социальной жизни во всей их значительности, полноте и ясности, требуется четкий, точный язык, тщательно отобранные слова. Именно таким языком писали “классики”, вырабатывая его постепенно, в течение столетий. Это подлинно литературный язык, и, хотя его черпали из речевого языка трудовых масс, он резко отличается от своего первоисточника, потому что, изображая описательно, он откидывает из речевой стихии всё случайное, временное и непрочное, капризное, фонетически искаженное, не совпадающее по различным причинам с основным “духом”, то есть

строем общеплеменного языка. Само собой ясно, что язык остается в речах изображаемых литератором людей, но остаётся в количестве незначительном, потребном только для более пластической, выпуклой характеристики изображаемого лица, для большего оживления его» (22 апр. С. 2–3).

[4] Речь идет о статье: *Серафимович А.* Ответ Горькому // *ЛГ.* 1934. 1 марта. С. 2. См. выше примеч. 3.

179. С. КАЦНЕЛЬСОН

23 апреля 1935 г., Киев (*Украина*)

Киев, 23. 4. 35.

Уважаемые товарищи!

Роман Шолохова «Поднятая целина» произвел на меня исключительное впечатление, поразив чарующей художественностью и глубочайшей политической насыщенностью.

Я не считаю необходимым входить в подробные рассуждения относительно «Поднятой целины», ибо уверен, что не скажу ничего нового и оригинального.

Я хочу лишь предложить ввести во 2-ую часть «Поднятой целины» Григория Мелехова. Массовому читателю, который к моменту выхода в свет 2-й книги «Поднятой целины» будет окончательно осведомлен о жизненном пути Г. Мелехова (ибо, надо полагать, 4-я книга «Тихого Дона», с которой масса еще не познакомилась, уже поступит тогда в продажу), будет крайне любопытно встретить последнего в годы коллективизации.

Я представляю себе появление Г. Мелехова во 2-й книге «Поднятой целины», как кратковременный приезд его в Гремячий Лог, как мимолетную встречу на какой-либо станции, на рынке, на собрании, на слете и т.п.

Я надеюсь, что М. Шолохов примет мое предложение, или подробно объяснит причины отказа, если таковой последует.

В заключение, я хочу отметить, что если автор рисует жизнь Г. Мелехова в 4-й книге «Тихого Дона», то мое предложение, естественно, вряд ли возможно будет осуществить.

Я с нетерпением буду ждать ответа от вас или от М. Шолохова.

С комсом. приветом <Подпись>.

С. Кацнельсон.

Ученик 9-го класса Киевской образцовой 45-ой полной средней школы.

Киев, Пушкинская, 21, кв. 31.

17 лет.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 711. Л.123*)

180. И.Н. ВОРОНИН

25 апреля 1935 г., город Жмеринка Винницкой области (Украина)

25/IV-35.

Я прочел первую книгу М. Шолохова «Поднятая целина», и так как в конце книги написано, чтоб читатель прислал свой отзыв, я его пишу. Может, неверно, но я не большой грамотей. Кроме «Поднятой целины», я читал две (1-ю и 2-ю) книги «Тихого Дона», и я их в своем сознании оцениваю в полной их правдивости и красоте. Эти книги меня при чтении захватывали и как будто уносили куда-то. Я сам родился в Романовском районе Азово-Черноморского края, где и развернул свою писательскую руку тов. Шолохов. Я с 1928 года работал в общественности, и все картины, которые описывает т. Шолохов, проходили перед моими глазами. Хлебозаготовки 1929 года и коллективизация в «Поднятой целине» отражены с такой ясностью и верностью, какой не может лучше быть.

В «Поднятой целине» ясно отражено сопротивление классового врага кулака в момент коллективизации и хлебозаготовок. Словом, я высоко ценю произведения Шолохова, ибо он дает многого о допущенных ошибках и о той работе, которая стоила многих трудов и не одной сотни людей. Вот и все, много я не могу писать, потому что не знаю, как лучше и в каком виде оценить.

Сейчас я нахожусь в рядах РККА. ФИО — Воронин Иван Никитич. Год рождения — 1912, образование — 5 групп, партийность — КСМ.

Профессия — тракторист, сейчас замковый. Адрес: УССР, г. Жмеринка, п/я 14, 3 бат.

Дом. адрес: АЧК, Романовский район, коммуна 26-ти Бакинских комиссаров.

Я работаю над собой и думаю что-нибудь сделать по художественной литературе. Меня это интересует. Но мне нужна помощь и повышение образования. Оно у меня только 5 гр.

К сему И. Воронин.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 708. Л. 97–97 об.*)

181. И.А. ПРОХОДА

3 мая 1935 г., село Духовское Спасского района Приморского края

3.V. 35. Письмо от Проходы Ивана Александровича.

Первым долгом сообщаю Вам о том, что ответ, посланный вам<и> мне[1], я получил, за который чуйствительно благодарю.

Вы в ответе мне предлагаете стать книжкором, то я с большим удовольствием могу быть книжкором, потому что я заинтересован в чтении книг. Я очень много перечитал книг, с которыми очень много осталось у меня в голове. Я люблю читать книги, рассказы, романы. Но в политических книгах я мало заинтересован, потому что у нас по поводу политики есть парткомсомольская школа и там руководителя могут достать какую хотиш политическую книгу.

Я прочитал книгу («Пятницкого» Записки большевика[2]), потом (от белого креста к красному знамени «Гяльц»[3]), потом «Шолохова» Поднятая целина, часть 1-я. Прошу вас выслать 2-ю часть «Шолохова», потом «Робинзон Крузое»[4] и ряд других книг, которые я перечитал и здорово меня заинтересовали. Но я боюсь одного, что отзывы вам от меня будут поступать нерегулярно, потому что много писем пропадает в пути, я вам до этого письма, которое вы получили. Я еще 2 <дважды> посылал вам потому же адресу, что и раньше, то я боюсь, чтобы вы не вычеркнули меня потом из списков книжкоров. Потому что я живу на Д.В.К. и путь далек. Свое происхождение я напишу вам и даже заверю в с/совете.

С тем до свидания.

С товарищеским приветом

Прохода.

Жду ответа в положительную сторону.

Автобиография

Я Прохода Иван Александрович родился <в>1910 году в селе Суходоле Глузховского ра-на Черниговской области. Отец мой был бедняк, хлебороб. С 1918 года я поступил в сельскую школу и проучился по 22-й год, окончив 4-х ричку[5] сельскую школу, после окончания школы помогал батьке по сельскому хозяйству до 1929 года, в 1929 году вступил в колхоз им. Коминтерна, и был в колхозе до 1932 г. В 1932 году меня взяли в армию на Д.В.К. На Дальнем востоке меня пригласили остаться жить на Д.В. И я порешил остаться, в 1934 14-го мая привез свою семью и сейчас проживаю в селе Духовском Спасского района Д.В.К. В 1927-м году вступил в комсомол и был в комсомоле до 1930 года, а в 1930 механически выбыл, и в 1931 г. вступил обратно в комсомол и утвердили райкомом ком-ла в 1932 г. И на сегодня работаю в комсомольской организации. Работаю членом с/совета по социальному положению, был бедняком.

Год рождения 1910, за что и расписываюсь[6].

Прохода.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 706. Л. 21–23 об.*)

[1] См. примеч. к п. 168.

[2] См.: *Пятницкий О.* Записки большевика. М.; Л.: ОГИЗ, Московский рабочий, Институт Ленина при ЦК ВКП(б), 1931. 208 с.

[3] См.: *Гельц М.* От белого креста к красному знамени. М.: ГИХЛ, 1931. 316 с.

[4] Вероятно, читатель держал в руках перевод книги Д. Дефо, сделанный русским педагогом И.Д. Беловым и опубликованный под названием «Путешествия и удивительные приключения Робинзона Крузоэ» (1866, второе издание — 1874 г.). См. также примеч. к п. 164.

[5] Роки, рік (*укр.*) — год.

[6] Автобиография читателя заверена подписью председателя с/совета и печатью 13/IV 35 г.

182. С.И. ЧЕБОТАРЕВ

8 июня 1935 г., хутор Жлобин Зимовниковского района Ростовской области

Профессия — студент

Образование — среднее

Фамилия — Чеботарев

Товарищи, литература есть искусство, которая в образах, картинах изображает жизнь народа любой эпохи и любой страны, развиваясь в тесной зависимости от экономических, общественных, политических и культурных условий своего времени.

Россия в первой половине XX века характеризуется переустройство<м> сельского хозяйства, с единоличного ведения хозяйства переходит на культурный социалистический и мощный подъем ее в технике. В 1930 году во всех уголках России проходила сплошная коллективизация — этот момент характеризуется тем, что каждый крестьянин должен вступить в колхоз, но жажда тягота к своей собственности мешала вступлению в колхоз особенно середняцким хозяйствам, а еще больше тормоз давало кулачество бедным слоям населения о вступлении в колхоз. На этой великой для России арене 1930 г. по 1932 <положение> более зажиточного казачества, более стремящегося к собственности и развитию своего кулацкого хозяйства отразилось в художественной литературе пролетарским писателем Михаилом Шолоховым.

Михаил Шолохов в своем романе «Поднятая целина» хорошо, ясно описал казацкий быт жизни и особо их перелом, на коллективный путь развития хозяйства. Михаил Шолохов ясно для всего народа изображает привязанность к собственности и нехотение с ней расставаться и какую роль в этот период — великий период играл кулак как вредитель построению социалистического общества. Как раз в этот период 1930 <года> накалена гневом атмос-

фера борьба с кулачеством, их громадный вред в Социалистическом строительстве и убийство руководящих партийных органов, явное истребление скота — это все ясно отражено в художественной литературе Мих. Шолоховым.

Открытый путь трудовому крестьянству, отрыв их от темноты невежества и не культуры, переход их от собственности на коллективный и коммунальный путь развития сельского хозяйства хорошо отражены в художественной литературе Мих. Шолохова.

Работа отдельных лиц партийцев в обществе казачества на Дону по вовлечению в колхоз, засыпка семенного фонда 1930 г., борьба с весенне-посевной кампанией 1930 года — хорошо отражена в художественной литературе Мих. Шолохова.

Вредительский метод работы ответственных членов правления колхоза, как завхоз, на Дону населенным пунктом казачества хорошо изображены в художественной литературе Мих. Шолохова.

Стремление казачества к развалу колхозного строя и вредительско-лодырническое отношение к великой работе, как весенне-посевной кампании, разгром семейного фонда, хорошо отображены в романе Шолохова «Поднятая целина».

Прочитав 1-ю книгу романа «Поднятая целина» Михаила Шолохова, я пишу по первой книге свой хороший отзыв.

За неимением всего романа в населенном пункте я не смог прочесть и по всему роману дать свой отзыв.

Я учился в 1933 и 1934 учебном годе в Сельхозсемилетке за исключением двух дисциплин не окончил ее, но еще учился 8 месяцев в Сельхозтехникуме при з/совхозе «Гигант», по болезни я отстал, а в данный период занимаюсь читкой художественной литературы, далее я учиться не смогу за неимением никаких средств, сын красного партизана.

Мой адрес: Азово-Черноморский край, Мечетинский район Жлобинский с/совет.

Чебботарев Степан Ильич.

8/VI-35 г.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 706. Л. 25–25об.*)

183. ГЛУВШЕНЕВ

25 июня 1935 г., б.м.

25/VI-35 г.

Многоуважаемый товарищ Шолохов!

Исполняя просьбу издательства послать свой отзыв относительно «Тихого Дона», беру на себя эту задачу, поскольку, конечно, смогу, т.к., будучи бойцом в прошлом и техником в настоящем, весьма слабо владею пером.

Как участник и свидетель большинства событий, описываемых Вами, в период германской и гражданской войн, констатирую, что Вам удалось изобразить весьма правдивую действительность. Правда, я, как пехотинец, чувствую тенденцию с Вашей стороны преувеличить роль казачества в германскую войну. Не отрицая, что пришлось им поработать, но все же я считаю, что кавалерийские части в прошлую войну не были использованы надлежащим образом, и их положение на войне было несравнимо лучше положения пехотинца. Если пехотинец принял участие в революции, благодаря беспросветности, как на фронте, так и в тылу, то казак — прямо по врожденному шкурничеству. Не отрицая индивидуальной лихости, скажу смело, что казак с его прошлой психологией был плохой боец и напоминал разбойника, норовящего ограбить беззащитного, уклоняясь от открытого боя. Я не судья казакам, но, к сожалению, это мое личное впечатление как в Германскую, так и в Гражданскую войну.

Русский крестьянин, будучи сам беден, знал нужду своих домашних, с жалостью относился к прифронтовому жителю и, если мог помочь чем-либо, с охотой помогал. Казак дома нужды не испытывал и, понятно, не имел чувств таких к бедноте, норовя по традиции привести в станицу трофеи в виде подарков для баб и вещей, могущих убедить станичников в его лихости и участии в непосредственном соприкосновении с противником. Поэтому одиночкам-пленным с ценными вещами приходилось очень плохо.

Почему казаки не пошли за Калединым? Не отрицаю, что существенную роль играла усталость, но ведь и красноармейцы, и белогвардейцы устали, а все же шли. Первые — за своими вождями, вторые — за своими. «Да чаво мине надоть. Пущай деруться, а я посмотрю. Охота погибать, что ли? Баба есть, кресты есть, земля есть». Чисто обывательская психология или, как говорили до революции, мужицкая, была отличительной чертой казаков. Идеи не было. Красноармеец, ничего не имеющий, усталый, забитый царским начальством в ту войну, комиссарами в

гражданскую войну, шел в бой с идеей: или завоевать лучшую жизнь, или умереть. Почему шел в бой так же уставший доброволец? Многие, и даже эмигрантщина, утверждают, что защищал свое имущество и положенье. Ложь! Нам была дорога родина, честь ее, народ и честь его.

Да бойцами-то у Корнилова были в большинстве люди без имущества и положения. Были лишь более индивидуальны, чем красноармейская масса, но политически так же несведущи, как и те. Шли они за Корниловым, веря ему, как казаку-генералу, бежавшему из плена и поставившему задачей довести страну до Учредительного собрания и создания фронта против немцев, беззастенчиво шедших в страну, армия которой протянула руку мира. Не думайте, что нам, рядовым бойцам, нужны были помещики и дегенеративные аристократы. Мы шли к одной цели, но разными путями. Ваш путь был более правильный, потому что за Вами пошли массы, наш путь был ложным, потому что за нашими спинами свили гнезда мерзавцы, для которых нет понятия родины, а есть лишь понятие личного благополучия.

Лучшие люди — активные участники исторических событий, кто бы то ни были — офицер ли, солдат ли, казак ли, штатский ли, — но раз он сложил свою голову за идею, он заслуживает почтения. Мерзавцы же всегда строят счастье личное на костях павших за идею. Не приди немцы на Дон, вряд ли удалось бы Краснову или Деникину поднять их. В начале события я не был на Дону, но на Кубани. Что побудило кубанцев отозваться на призыв Добровольческой армии? Жадность. Иногородние, будучи ограниченными в правах в станицах в сравнении с казаками, с приходом большевиков выдвинули требования об уравнении их в правовом и земельном отношении. Казак понял, что ему новая власть не в пользу, и, конечно, обернулся к белым. Кубань очистили, Дон очистили, вот казак и подумал: «Ну что ж, надоть еще пограбить кацапов, да и довольно». Так, собственно, и сделали. Вмешивались ли вначале добровольцы в станичные дела? Никогда. Мы, приходя в станицы, никогда не интересовались ее внутренними раздорами. Расправы, очевидцем которых я был, проводимые самими казаками над бывшими у власти при большевиках, были ужасны. Когда у меня окончательно возникла мысль, что казак по своей психологии – обыкновенный мужик-собственник? Да в самом начале гражданской войны. Ему бы так: «Держитесь, да меня не трогайте. Заплатите за сено, за харчи, и больше ничего».

Простите, что я, кажется, уклонился от главного, а именно — от оценки Вашего произведения.

Я прочел 3 книги «Тихого Дона» и одну книгу «Поднятой целины». Читал запоем. Искренность и желание быть объективным чувствуются. Изображение станичной жизни, обихода, взаимоотношений настолько рельефно, что читатель невольно переносится в станицу и как бы живет в ней. Страсть, любовные сценки изображены так рельефно и правдиво, что опять-таки видишь жизнь человеческую в том свете, в каком она явствует на самом деле. С моей личной точки зрения считаю, что та часть произведения, которую удалось мне прочесть, будет вкладом в художественную литературу и в то же время дает ценный исторический материал.

Психологический анализ также правдоподобен, и только необходимое участие в революции Штокманов и Валеток, якобы играющих роль реактива в клокочущем растворе революции, давшие положительные реакции и благотворно действующие на ее элементы, — позиция неискренняя. На мой взгляд — реактив, портящий весь процесс. Узнав Европу, ее отношение к народам, населяющим Советский Союз, я возненавидел их всей душой. Если бы колесо истории могло повернуться чуточку назад, а мои познания остались бы нынешними, возможно, что не было бы и Вашего литературного труда, навевающего грусть и обиду. Мерзка русская буржуазия, прожигавшая денежки за границей и не заметившая местного зла. Когда прочту все, еще раз побеседую с Вами, если не сочтете эту беседу убогой и не покажется поперек времени. Я очень скромен.

Остаюсь с уважением Глувшенев.

P.S. Кстати, я бы весьма был рад получить от Вас ответ на свое письмишко. 15 лет отделяют меня от пространств родной земли, и все кажется, что это было лишь вчера. Еще чувствую себя сильным и бодрым для того, чтобы вновь вступить в активную борьбу, но уже не как ваш противник, а рука об руку, с врагами, стремящимися расчленить нашу общую землю.

Я не раскаиваюсь в своем прошлом, т.к. мои действия были совершены из любви к родине.

Полученная за границей жизненная школа настойчиво требует в минуту опасности для Вас идти с Вами на общих врагов. Моими единомышленниками являются все рядовые эмигранты-фронтовики.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 106–109*)

184. НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО

26 июня 1935 г., б.м.

«Тихий Дон».
Книга III-я.

Эта книга мне очень понравилась, потому что написана на простом крестьянском языке из крестьянских же явлений. Она мне помогла и вызвала любовь к литературе. Впоследствии я решился сам писать своего рода рассказы, пользуясь этой книгой. Я ее несколько раз перечитал. У меня явилась ненависть к одним героям этой книги и любовь к другим. Я ей пользовался для проработки по грамматике различных частей речи.

Сейчас я только начинаю заниматься литературной деятельностью. Пишу повесть «Отец и сын». Конечно, она первый раз будет не удаваться, но я постараюсь добиться цели и быть таким, как Шолохов.

Прошу издательство прислать мне для развития литературной деятельности «Что должен знать молодой колхозный поэт»[1].

Пришлите мне, что будет стоить отпечатать мне поэмы Пушкина: «Кавказский пленник» и «Цыгане» и стихи «К жене»[2]. Поэму Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». (Укажите цены отдельно.)

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 699. Л. 21*)

[1] Речь идет об одном из изданий для начинающих писателей; см.: Что нужно знать молодому колхозному поэту: Письмо Литературной консультации «Крестьянской газеты». М.: Изд. и тип. «Крестьянской газеты», 1935.

[2] А.С. Пушкин посвятил жене, Н.Н. Гончаровой (1812–1863), несколько стихотворений: «Мадонна» (1830), «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем...» (1831), «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» (1834).

185. Н.В. АНТОНОВ

7 июля 1935 г., Москва

Прочитав эту книгу, я заключил следующее: книга ценная и очень ценная. Герои показаны хорошо и ярко. Особенно Нагульнов. Этот человек действительно душой и сердцем боролся за социализм и тем же был предан партии. Хоть у него и были искривления, но это только потому, что он всеми жилками был предан строительству социализма.

Язык прост и понятлив. Но слова, как, например, «следовает» и ряд подобных слов, по моему мнению, портят книгу и

язык читателя. Я не возражаю против двух, трех десятков подобных слов (можно и побольше для подкраски) во всей книге, но построить почти всю книгу на таких уродливых словах, никуда не годится!

Я студент 1-го курса вечернего отделения рабфака МПИ (возраст 21 год) — читая эту книгу, я не могу укрепить правильного русского языка, а, наоборот, я разлагаю то, чему учат нас на рабфаке.

Если будут все остальные писатели следовать примеру Шолохова, как порядочного писателя, то через несколько десятков лет мы разучимся правильно говорить и правильно владеть русским языком...

Вот в этом все недостатки книги.

Я думаю, вам об этом многие писали, но если не писали, то убедительно прошу вас обратить на это внимание.

7/VII–35 г. Антонов.

Прошу извинить меня за ошибки, ибо студент 1-го курса вечернего отделения по образованию равняется 5 группе ФЗС (знаки препинания еще совсем не проходили), а ученики 5 групп делают очень много ошибок.

Адрес: Москва 2. Новинский бульвар, д. № 7, кв. 35.

Антонов Николай Васильевич.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 700. Л. 74–74 об.*)

186. НАЗАРЕНКО и др.

14 июля 1935 г., село Быстрик Кролевецкого района Сумской области (*Украина*)

г. Москва

Тверской бул., 25.

Автору книги «Поднятая целина»

Тов. Шолохову!

Мною прочитана ваша книга «Поднятая целина» два раза. Книга приобрела большой интерес, в особенности среди работников руководителей колхозов.

Я лично по коллективизации среди колхозов работаю с 1929 года, пережил ужасный случай в 1930 году, когда были кулацкие волнения. Читая вашу книгу, передо мной встает картина, которую вы копируете в вашей книге — я лично пережил подобное. Мое письмо связано с рядом вопросов, которые я хочу вам задать в продолжении вашей книги первой части. По первой

книге видно, что колхоз стал закрепляться с первых годов его организации, колхоз как видно степной. Поэтому мои вопросы будут сводиться к следующему:

1) Насколько колхоз очистил себя от классово чуждых элементов, полностью ли раскрыт ваш герой Яков Лукич.

2) Насколько колхоз вырастил кадры молодые, сколько учатся.

3) Как растет производительность труда.

4) Есть ли ударники и лжеударники.

5) Как организована агротехническая помощь колхозу, а также и учеба.

6) Обслуживает ли машинно-тракторная станция.

7) Насколько выросла партийная и комсомольская организация.

8) Организационное построение МТС, обеспеченность кадрами, машинами, были ли проникновения вредительской работы в МТС.

9) Какую роль сыграл политотдел в этом колхозе.

10) Проявлял ли колхоз свою инициативу в планировании хозяйства и какое место занимала в этом МТС.

11) Как осуществлял свое руководство политотдел в части партийно-массовой работы и мобилизации колхозной массы на выполнение планов.

12) Имеет ли колхоз в настоящее время фермы и какие в каком количестве.

13) Имеется ли школа, с каким охватом детей, кто строил школу, колхоз или с/совет.

14) Организация детских ясель, колхозного театра, кино, бани, хаты родинки, дом отдыха колхозника, парка.

15) Все ли колхозники обеспечены скотом, коровами, свиньями, овцами.

16) Имеет ли колхоз племенной скот и какой.

17) Сколько колхоз имеет агрономов, механиков, учителей, врачей, ветсанитаров и т.д.

18) Какой севооборот в колхозе.

19) Насколько колхоз сумел довести урожайность своих полей. Сравнивая с первыми годами коллективизации.

20) Работает ли руководство колхоза над вопросами 3-х и 5-ти летним планированием развития колхоза и какой вид будет иметь ваш колхоз при *-летнем существовании — с дня его организации.

21) Насколько будут подготовлены кадры для руководства такого крупного колхоза.

22) Изобретательство в колхозе, соцсоревнование, ударничество.

23) Внутреннее организационное построение, контроль и проверка своих решений, как осуществляется руководство колхоза со стороны правления, главным образом председателем.

Спрашивается. Почему именно я задал столько вопросов?

Уважаемый т. Шолохов. Я хочу, чтобы ваша вторая и последующие книги были настольным журналом председателя колхоза.

Какое место и в какой период времени будет занимать председатель такого крупного колхоза. Мы сейчас в себе, в колхозах часто обсуждаем вопросы развития колхоза. Не только то, что мы имеем сегодня, а что мы будем иметь через три-четыре года.

Нам практика подсказала ряд фактов нашей близорукости. Мы строили конюшни, через три года они оказались малы, построили свинарник один другой, через два года нам приходится строить еще три, в то время, когда б мы могли строить совершенно по плану другому и не на том месте. Такое состояние и с коровами, овцами.

Колхозники сразу пожгли свои амбары, поветки, сараи, а сейчас тоже приходится их восстанавливать. Строить новые.

Мала школа.

Был театр, оказался мал. Заняли б/церковь, тоже мала. Сейчас организовываем дом отдыха колхозникам, составили план, кто и когда отдыхает, прием идет по заключению врача, даем много продуктов. Кормим их, и через две недели набираем других, в первую очередь ударников. Несмотря на первый раз как будто в колхозе все хорошо, а классовая борьба проникает. Недавно выгнали фальшивого партизана, оказался матерый кулак, бандит, вор, сидел в колхозе и писал о безобразиях руководства, в то время как факты не подтвердились.

Мы очень будем вам благодарны, если вы нам ответите по интересующим нас вопросам о вашей дальнейшей работе над книгой «Поднятая целина»

Если вам будет нуждаться какой-либо помощи с нашей стороны, мы всегда готовы вам помочь.

Ваша книга, первая часть имеется чуть ли не у каждого нашего колхозника.

Надеюсь, что вы пришлите нам ответ на наши вопросы, если они вас не будут затруднять

Оставайтесь здоровы. Пожелаем вам успеха в дальнейшей вашей работе.

Наш адрес —

г. Кролевец Черниговской обл.

с. Быстрик, колх. «Шевченко».

Колхозники Назаренко
Овсянников
Чемерис.
Писал <Подпись> (Овсянников).
14/VII-35 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 710. Л. 78–79*)

В левом углу первой страницы запись редактора массового отдела: «Послать Шолохову. 20-7-35». Подчеркнутый фрагмент отчеркнут редактором двумя линиями.

187. И.Е. АРБУЗОВ

18 июля 1935, Ульяновск

18/VII-35 г.

Тов. Шолохов!

Мной прочитаны все 3 книги «Тихий Дон» в течение 7 дней и произвели на меня хорошее впечатление. Я просто заинтересовался. Сидел днями, даже забывал обед. Мне лично особенно понравились 1-я и 3-я книги (1-я, 2-я, 3-я, 6-я части). Я беседовал с ребятами, студентами, читающими в большом количестве художественную литературу по поводу книги «Тихий Дон», тоже отзываются хорошо. Особенно бурно отзываются о книге 1-й те, которые не читали 3-ю книгу, но 3-я книга очень хорошая.

Желаю дальнейшего успеха в творчестве. Больше творите такие же интересные книги, как «Тихий Дон».

Мой адрес до 25-го августа: Куйбышевский край, п/о пос. Н.-Пестровка, Арбузову Ивану Ефимовичу.

Постоянный адрес: гор. Ульяновск, Советская, 12, студенту 3-го курса Арбузову И.Е.

Возраст 1914 года рождения.

18/VII-35 г.

Арбузов.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 110–110 об.*)

188. К.М. МОШКОВ

23 июля 1935 г., поселок Гидроторф Балахнинского района Нижегородской области

Мне эта 1-я книга «Тихий Дон» Шолохова попалась случайно. Спрашиваю товарищей отзыв о<б> этой книге, они говорят: «Интересная». Я начал сначала, мне показалось неинтересной,

я и бросил читать. Но я давно когда-то слышал о том, что книга «Тихий Дон» Шолохова — интересная.

Когда взял ее и стал со вниманием читать, то читал, не отрываясь, до тех пор, пока не подошло время идти на работу. За пять часов чтения прочитал чуть ли не половину книги. Работаю на работе, и никак не выходит из головы эта книга, и как только пришел с работы, взялся за чтение второй половины и читал до тех пор, пока не прочитал всю книгу, и как жалко, что она кончилась, а то бы читал и читал, все время бы читал. И сейчас эта книга не выходит у меня из головы, до того осталось хорошее впечатление, что лучше и быть не может. До того понятно, простым русским языком написано, легко дается читателю. Хорошее содержание ее и хорошая взята тема.

И много дает читателю, тому, кто не жил при старой царской жизни, раскрывает всю жизнь донских станичных жителей старого времени.

Спасибо писателю Шолохову за хорошее интересное содержание книги «Тихий Дон»!

Я, Мошков Константин Михайлович, окончил 6 группу семилетки, 1 год ФЗУ и сейчас работаю электриком. С 1917 года рождения, происходил из крестьянской семьи.

Напишите мне и рекомендуйте, какие еще можно читать интересные и полезные худ. книги подобно «Тихому Дону».

Мой адрес: Горьковский край, Балахнинский район, Чернораменский торф. трест, техн<ический> поселок, «Дом молодежи», кв. № 2. Мошкову.

23/VII-35 г.

Мошков.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 111–111 об.*)

189. И.М. СОЗИНОВ

31 июля 1935 г., Ленинград

Автору т. Шолохову.

Уважаемый тов. Шолохов!

На днях я с огромным неослабевающим интересом прочитал ваше творчество, воплощенное в романе «Поднятая целина», описывающем с неподражаемой правдивостью, а также красотой образов величайший и сложнейший период социалистического строительства — период сплошной коллективизации сельского хозяйства.

Не ознакомившись со второй частью «Поднятой целины», трудно дать правильный, с моей точки зрения, отзыв, но поскольку

нет в обращении 2-й книги, то не откладывать же писание этого отзыва до выхода в «свет» 2-й книги.

Хочу дать несколько замечаний о некоторых героях этого романа.

Несмотря на чарующую социальную силу романа, мне кажется, в нем есть и «темные пятна» — суть следующие: 1) Герой романа рабочий Путиловского завода Давыдов (25-парттысячник, председатель колхоза им. Сталина) выведен не достаточно классово-бдительным, в бытовом отношении неустойчивым, легкомысленным, замаравшим себя близостью с такой потаскухой — пустой и вздорной бабой Лушкой Нагульновой, которая выгнана бывшим мужем не без морального влияния того же Давыдова. Если она окажется его (Давыдова) женой, если она также останется такой же деклассированной в общежитии, стремящейся подальше от какой бы то ни было общественно-полезной работы, жить за счет трудов покровителя и кормильца мужа, то сильный образ коммуниста Давыдова сведется к нулю, что крайне не желательно. Та же Лушка-потаскуха (женщина для всех) имела в качестве друга сердца кулака Тимофея Рваного. И, невзирая на все эти отрицательные качества, под влиянием половых страстей («Архиерейское положение»), только под влиянием этого Давыдов оказывается в плену у развратной Лушки, дискредитировавшей своим антисемейным поведением коммуниста, секретаря ячейки Нагульнова, своего первого мужа. Ведь об этом Давыдов говорил Нагульнову, то на каком основании и для чего вы ее сделали (пока что) любовницей столь симпатичного героя, каким является Давыдов. Куда он будет прятать свои глаза перед ее бывшим мужем, ввиду чего он теряет свою совесть перед Нагульновым. Для выхода из «архиерейского положения» следовало подобрать иной исход. Подыскание реального друга, помощника-жену, уважаемую окружающими, являющейся либо ревностной и примерной женой семьянинской, не принимающей большой активной жизни в общественных делах, или даже и принимающей активное участие в общественной жизни. Это придало бы Давыдову много плюсов. Очень не нравятся слишком наивные слова Давыдова — зрелого мужчины, много испытавшего и перенесшего в своей жизни, что после первого сближения с такой нахальной отталкивающей бабой стал думать о фактическом оформлении своих связей с Лушкой.

Нужно найти зацеп для Давыдова, дающий возможность разоблачить тонкое вредительство Островнова. Иначе из Давыдова будет не идеологически чуткий рабочий-коммунист, а коммунист-шляпа, не оправдавший доверие партии, со всеми пороками

чудака и дискредитация ЦК ВКП(б), не сумевшего подобрать людей на ответственные участки партийной работы.

Герой Разметнов выведен очень чудаковатым и с тем же бытовым пороком старого холостяка-неудачника, не могущего найти для себя жену, кроме вдовы белогвардейца-вахмистра Марины, да и та 40-летняя, сама наславшаяся в сожительницы к Андрею, его бросила, в силу чего он потерял душевный покой, человека, занимающего высокое общественное положение. Пусть он малограмотный коммунист — председатель Гремяческого сельсовета, но он должен быть не таким болтуном пустомелей, ибо такие пустомели, как Андрей Разметнов, не могут творить и не творили коллективизацию сельского хозяйства, а линию партии на селе проводили люди с большой силой воли, с большим революционным организаторским опытом, принципиальной непримиримостью и неподкупностью к классовому врагу. Если бы были такие бесхребетные болтуны как Разметнов, то коллективизация была бы угроблена, а отсюда считаю слишком преувеличены недостатки этого героя.

Почему у Секретаря партийной ячейки Нагульнова и для какой цели жена выведена такой б... Опять семейно-бытовая драма в семье коммуниста. Мне кажется, пора привыкнуть нашим уважаемым писателям и взять за правило смотреть на семью коммуниста не как на что-то постыдное, глупое, непостоянное и ненадежное, без детей сожительство двух субъектов разных полов, с разными уровнями умственного развития, с разными общественными идеалами, а смотреть и описывать для читателя совместную жизнь коммуниста с женой, поучительно свободную от мелких нарушающих покой дрязг и сцен, подъедающих устойчивость семейной жизни, мешающих работать и ведущих к неминуемому разводу. Такие картины дали бы благотворное влияние на умы нашего молодняка, а подчас и на людей солидного возраста, в семьях которых не все в порядке.

Почему я останавливаюсь на этой стороне вашей достойной восхищения книги, так это потому, что герой Молчун-полуидиот (характеристика Щукаря), обладающий только огромной силой, оказался более достойным любви белогвардейки Марины, чем коммунист Андрей Разметнов. Разметнова она стала ненавидеть за принадлежность к партии, следовательно, с этой стороны у коммунистов получается ничем не заполненный разрыв (отсутствие симпатии), преобладание отчужденности, неприязни к коммунисту-холостяку со стороны девиц и женщин, то волей-неволей Давыдов, Нагульнов и Разметнов в ущерб своему авторитету и

самолюбию вынуждены иметь такую мразь как Лушка, Марина, связь с женщинами, идущими против общественных интересов, которые близки коммунисту. В жизни это далеко не так. В этом я нахожу большой минус вашего романа.

Кроме этого, много непонятных казацких слов, недоступных для понимания русского без перевода.

Писал этот отзыв бывший комсомолец с 1922 г., в настоящее время чл. ВКП(б), по образованию юрист. Рож. 1903.

Адрес: г. Ленинград, 14, Саперный пер., д. 6, кв. 8.

Созинов И.М.

Жду с нетерпением выхода из-под вашего пера второй книги и желаю, чтобы развязка романа получилась для большинства героев с большим сглаживанием уродливых (на мой взгляд) явлений во всем их многообразии. За недостатком времени посылаю черновик, в чем прошу меня извинить.

С приветом <Подпись>.

31/VII-35.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Ед. хр. 710. Л. 91–92.*)

190. В. МАКУЛОВ

8 августа 1935 г., село Исаклы Самарской области

Книга «Тихий Дон» является очень ценной книгой. В этой книге сочетаются и быт казачества, и революционная работа.

По своему содержанию и изложению книга читается легко и интересно.

Имеется много захватывающих моментов, но и много комичных мест.

В этой книге много исторического, а именно: происхождение рода Мелеховых, Империалистическая война, свержение самодержавия, эпоха Временного правительства, корниловщина, Октябрьский переворот 25 октября 1917 года, Гражданская война на Дону, немецкая оккупация и, наконец, восстание Верхне-донских казаков в 1919 г. Все это описано ярко и образно. Но, на мой взгляд, имеются и недостатки:

1. Нужно иллюстрировать роман, т.е. дать портреты генералов, снимков местности, несколько картин сходки, боев и гулянок, выделив Григория, Аксинью и Мелеховых и многих казаков.

2. Желательно было бы, если в конце книги приложить карту Донской области и Верхнего Дона, указав станицы, хутора и указать фронты у Дона и на Севере.

3. Набросать виды на местность с обозначением хутора.

Все это, по-моему, еще больше привлекло бы читателей, и роман был бы красочен понятен.

Возраст — 16 лет, учащийся 8 кл. Макулов Василий.

Адрес: Куйбышевский край, Исаклинский район, г. Исаклы, Макулову Василию.

Напишите ответ.

Читатели ждут не дождутся 4-й книги «Тихого Дона». Прошу Вас, выпускайте скорее 4-ю книгу.

Писано 8/VIII-35 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 112–114*)

191. И. ПАСТУХОВ

9 августа 1935 г., б.м.

Отзыв на книгу М. Шолохова «Поднятая целина»

Автор письма — служащий, 45 лет, колхозник. Книгу прочел в три дня.

Книга большая, в ней 364 стр. она предназначена для деревни[1], вероятно полагая, что в деревне сидят тумоски <sic!>, но и в деревне умеют отличить черное от белого. Книга велика, есть пословица: «Велика Федора, да дура». Книгу я не называю дурою, она предмет неодушевленный, ее многие хвалят, но эта похвала лицемерна. Они эти крикуны похвалы, вероятно, с такими же взглядами на жизнь, как и т. Шолохов. Выражаться в печатном слове: «твою мать. Глядь сукин сын, чем детей делают» — не допустимо. В старое время в печати таких выражений не встречалось. Теперь говорят: книги просвещают. Нет уж простите! От таких просвещений избави бог. Да и название книги-то не соответствует действительности; названа романом «поднятая целина». Ничего подобного в ней нет. Деревню целиной назвать нельзя[2]. В течение 17 лет со дня революции, деревню не один раз уже перевернули с боку на бок и в ней теперь живого листа не осталось, а не только целины. Было бы правильнее назвать эту книгу не романом, а повесть или былина о том, как организовались по СССР добровольные колхозы. Впрочем, надо спасибо сказать т. Шолохову за то, что он, не сознавая своей глупости, описал как на Украине с помощью побоев организовывали колхоз, и об этом, благодаря его книге, буде известно по всему СССР. В нашей местности не были, но <в>тюрьму сажали, и потом на выселку в отдаленные места. Благодаря этому тоже организовали колхоз. Но да будет ведомо, что эти добровольные колхозы подобны каменному дому, построенному на деревянном фундаменте.

Хотя это не относится до книги т. Шолохова, но два сомнения скажу: раньше попы нам за деньги обещали небесный рай, а при партработе им до треба денег — дай. А теперь партийцы с портфелями в деревне за уплату раньше срока налогов обещают социалистический земной рай, а при неуплате — тюрьма и высылка в другие края, как врага Советвласти. Соввласть — власть народная, хорошая, но нет актива ея в городе, а в особенности в деревне Шолохова. Нагульные царствуют на страх врагам и теперь их много.

Колхозник — Иван Пастухов.

9/VIII-35 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 706. Л. 27–28 об.; ред. копия — л. 29–29 об.*)

[1] Речь идет об издании: *Шолохов М.* Поднятая целина. М.: Гослитиздат, 1933. Серия «Книга — социалистической деревне. Дешевая б-ка ОГИЗа». 365 с.

[2] В редакции «Нового мира», куда Шолохов принес роман «С кровью и потом», настояли на новом заглавии «Поднятая целина»; см. об этом названии в письме Шолохова Е. Левицкой от 29 июня 1932 г.: «На название до сей поры смотрю враждебно. Ну, что за ужасное название! Ажник самого иногда мутит. Досадно» (*Письма.* С. 89).

192. С. МАТВЕЕВСКИЙ

14 августа 1935 г., деревня Матвеевское Кичменгско-Городецкого района Вологодской области

Прочитав книгу «Тихий Дон» Мих. Шолохова, прошу вас сообщить, где в настоящее время находятся Мелехов Гр. П., Кошевой Мих., Астахова Аксинья, писатель тов. Шолохов Мих. И когда выйдет из работы IV книга «Т. Д.>» (если это возможно).

Отзыв о книге писать ни к чему (возможно, сами читали), а поэтому убедительно прошу Вас сообщить вышеуказанные сведения (ответ прошу не задерживать).

АДРЕС.

Северный край, Кич<менгско->Городецкий район, Матвеевский.

Работаю делопроизводителем РИК, год рожд. 1919.

К сему С. Матвеевский.

(*Машинопись. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 699. Л. 26*).

193. Н.И. ПАНОВ

25 августа 1935 г., Пермь

25 $^{\underline{го}}$ Августа 1935.
гор. Пермь.

Уважаемые т.т.!

Только что прочитал первую книгу Мих. Шолохова «Тихий Дон». Читал ее в течение двух дней не отрываясь. До чтения этой книги видел кинокартину[1]. Еще прочел его же произведение «Поднятая целина», первую книгу. Прочел две части произведения А. Толстого «Петр 1$^{\underline{й}}$». Прочел произведение А. Серафимовича «Железный поток» и др. Все эти книги мне являются очень богатым и подсобным материалом, как в работе, так и в быту.

Поэтому я прилагаю сейчас все усилия к тому, чтобы собрать миниатюрную библиотечку художественной литературы из произведений современных классиков. Но на пути встречаются трудности в приобретении. Магазины ОГИЗА, КОГИЗА и др. не выпускают ни одного экземпляра в продажу населению и целиком бронируют все за библиотеками. Это очень хорошая мера собирания библиотечного фонда, но все-таки нужно удовлетворять и голодного читателя хорошими произведениями в пути, как на пароходе, так и на поезде.

Поэтому я вынужден сейчас искать по самым мельчайшим ларькам этих книг, и они, безусловно, иногда там бывают, а вот в центральных магазинах там их нет с первого же дня получения.

Предложение мое сводится к тому, чтобы 50% бронировать, а 50% выпускать в продажу.

Книга 1$^{\underline{я}}$ «Тихий Дон» так великолепно врезалась мне в память, что я думаю, <что> уже заранее читал план писателя т. Шолохова.

Эта книга убедительно и реально демонстрирует, как в процессе пройденных столетий преобразуется человек и становится твердо на путь социалистический. Старый быт с его традиционными привычками, темный и невежественный, уходит в прошлое с отпечатком презрительного наследия, оставленного от капитализма.

Полезная книга для каждого человека. Высокохудожественное и замечательное произведение нашего социалистического писателя т. Шолохова.

Желаю ему крепких сил и стального мужества для сочинения еще более сильной и убедительной книги из жизни нашей красивой, свободной и крепко спаянной в один большой коллектив — неутомимой в работе молодежи.

Пожелаю лучших творческих мыслей и крепкого здоровья т. Шолохову!

Мой адрес: гор. Пермь, Красные казармы, 244 стр., полк<овой> корпус № 17.

Панов Николай Иванович, рождения 1906 г., т.е., 28 лет. Профессия военная: начальник финансовой части полка.

Образование: низшее. Окончил 3 класса городской школы.

Член ВКП(б) с 1932 г.

Выполняю общественную работу: редактор стенной газеты «Ильичевец».

Панов.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 699. Л. 30–31 об.*)

[1] См. примеч. 2 к п. 108.

194. М.А. МАХЛАЕВ

1 сентября 1935 г., деревня Новоселки Гомельской области (*Беларусь*)

Прочтя книгу Шолохова «Тихий Дон», я пришел к выводу, что это — очень ценная книга. Написана данная книга очень художественно. Автор Шолохов очень и очень красочно описывает быт и нравы донского казачества. Интересна эта книга и самой тематикой. Нравы, быт и уклад жизни донского казачества, как ранее привилегированного населения, очень интересовали многих, в том числе и меня. Ни одному писателю не пришлось с такой любовью и подробностью описывать казачество. Правда, есть некоторое описание про терское казачество в произведении Льва Толстого «Казаки». Мне, до этого времени часто читаючи «Комсомольскую правду», случалось встретиться со статьями, где первичные комсомольские организации прорабатывали произведения Шолохова[1]. Этой книги у меня до сего времени не было. Получивши данную книгу «Тихий Дон», я решил прочитать колхозным массам, что мною и было сделано. По отзывам многих, книга «Тихий Дон» есть очень ценная книга. Надо указать некоторые достоинства в смысле обработки книги изданием. Переплет очень хорош, напечатано на хорошей бумаге шрифтами среднего размера. Но наряду с этим надо указать маленький недостаток. Может, это будет ошибка слова «джигит», в книге написано «чжигит», и очень хорошо, что многие непонятные слова пояснены в конце страницы[2], чего в раннейших изданиях не было. Не мешало, чтобы издательство помещало в данной книге его портрет, и хотелось бы краткую биографию, или в начале книги, или в конце. Хорошо, что некоторые знают кое-что про автора с тех книг (учебников), которые имеются в школе. В частности, мне, как комсоргу, часто

прорабатываючи то или иное произведение, задают вопросы, касающиеся биографии выдающихся писателей Советского Союза. Очень большое желание прочесть 2–3 книгу Шолохова «Тихий Дон», а также «Поднятую целину». Но вся беда в том, что данных книг негде достать, несмотря на все мои старания. Делал запрос в «Книгу почтой». Оттуда мне прислали I книгу «Тихого Дона», и больше нет. На этом заканчиваю.

Мой адрес следующий: БССР, Копаткевичский район, Новоселковский с/совет, д. Новоселки, Махлаев Мефодий Александрович, рождения 1912 года; профессия моя избач[3], культработник Новоселковского Д.С.К.

С приветом,

1/IX-35 года.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 119–120 об.*)

[1] Указанных читателем сведений в газете «Комсомольская правда» обнаружить не удалось. Однако читатель мог ошибиться, поскольку в начале января 1935 г. в этой газете была размещена небольшая заметка корреспондента из Харькова К. Ицкевича «Литературный вечер в колхозе» об обсуждении романа «Поднятая целина»: «В колхозе “Коминтерн” (село Краснознаменка Кременчугского района) проведен первый вечер чтения художественной литературы. На вечер пришли старики-колхозники, комсомольцы, колхозная молодежь, сельские учителя. Читали и обсуждали “Поднятую целину” Шолохова. Лучшая ударница колхоза Галя Кокойло в своем выступлении говорит: “Все в романе правильно и жизненно. Замечательный роман. Вспоминается 1930 г., как ругали меня и насмехались кулаки и подначивали, как они натравливали отца, чтоб он меня не пускал на работу в колхоз. Наше взяло верх. Колхозницы стали зажиточными. Я получила за работу в колхозе так много хлеба и денег, что никогда раньше и не мечтала”. В своих выступлениях колхозные критики с большой любовью говорили о том, как прекрасно Шолохов показал своих героев. Обсуждая роман, выступавшие вспоминали о борьбе с кулачеством в своем селе, как организовали колхоз и насколько он хозяйственно и организованно укреплялся» (*Ицкевич К.* Литературный вечер // Комсомольская правда. 1935. 2 янв. С. 4).

Вскоре за этой публикацией в газете была размещена телефонная беседа корреспондента с Михаилом Шолоховым, находящимся в Париже, под заглавием «59 дней» (Там же. 1935. 22 янв. С. 4) о его пребывании за границей, во время которой он уже посетил Швецию, Данию и Великобританию. Следом появилось сообщение о возвращении М.А. Шолохова из заграничной поездки (Встреча Шолохова в Негореловом // Там же. 1935. 24 янв. С. 2) и здесь же была опубликована его речь под названием «Наша молодежь — счастливейшая в мире» (Там же. 1935. 24 янв. С. 2), произнесенная им на станции Негорелово. В конце февраля этого года была опубликована еще одна беседа В. Кетлинской с М.А. Шолоховым (предыдущее интервью: *Кетлинская В.* Михаил Шолохов // Там же. 1934. 17 авг. С. 3), из которой читателю становилось известно, что «последние листы “Тихого Дона” находятся в работе <...> и уже вторым томом “Поднятой целины” властно стучится в литературу новый Дон — Дон социалистических колхозов» (Там же. 1935. 26 февр. С. 2).

[2] Речь идет об издании: *Шолохов М.А.* Тихий Дон. Роман: в 3 кн.: Кн. 1. М.: ГИХЛ, 1933. Серия «Книгу — социалистической деревне. Дешевая библиотека ОГИЗа». См. также примеч. 1 к п. 142; примеч. 1 к п. 158; примеч. 1 к п. 316.

[3] Избач — от «изба-читальня». Избач — тот, кто организовывает вечера в центрах просвещения в деревнях и селах. Широкое распространение избы-читальни получили в 1920-е гг.

195. П.И. СЕРГИЕНКО

10 сентября 1935 г., город Карабогаз (*Туркменистан*)

Прочитана мною 1-я часть книги, которая меня потешила своим обширным знанием, но удовлетворить совсем не смогла[1].

Например:

1. Стр. 88 имеет такой недостаток: «Пугая[2] ее новая стоявшая у порога жизнь, томила неизвестностью». Считаю, ясней бы нужно было сказать: «Представляла темную ночь».

2. Стр. 104: «Пантелей Прокофьевич стоял на табуретке мотал хромой ногой, чмокал языком» и т.д.

Эти все подробности дурных навыков всем известны, считаю, что лучше бы было их не печатать.

3. Стр. 197: «Ездят тут? — спросил Григорий. — Та издять ноне утром проехали»[3]. Григорий заехал с лошадьми в бушующую воду, сани начали потопатьи плыть в сторону, то украинец горланил: «А-я-яй А-я-яй», но сам же его туда умышленно направил.

Считаю я, что надо было бы сюда поставить какого-нибудь идиота, вора или же пьянюгу, что озлобило бы общество против негодного элемента в народе, а не тут ли автор поставил безвинного человека, украинца, чтобы поджечь темного козла кацапа к украинской нации.

Автор, правда, в этой же книге на стр. 385 ставит украинца, как революционного застрельщика в поджоге революции[4]. Теперь же будет читать эти мотивы «темный осталоп, козел русский», который с прадеда натравлен ненавистью на хохла, такой факт возьмет перевес к ненависти до хохла.

Больше по этой книге сказать ничего не имею.

С приветом Сергиенко.

Мой адрес: Т.С.С.Р., гор. Карабугаз.

Сергиенко Порфирий Иванович.

10/IX–35 г.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 700. Л. 31*)

[1] Речь идет об издании: *Шолохов М.А.* Тихий Дон. Книга первая. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1935. Серия «Книгу — социалистической деревне!»

[2] Правильно: «Пугала».

[3] См. в тексте: «Ездют тут? — спросил Григорий, махая вожжами на коричневый перекипающий поток. — Та ездют. Ныне утром проихалы».

[4] Речь идет о разговоре Григория Мелехова с украинцем Андреем Гаранжой в глазной лечебнице доктора Снегирева.

196. А.И. ГИРЕНКО

11 сентября 1935 г., село Аксай Октябрьского района Волгоградской области

Я гражданин Гиренко Алексей Иванович. Рождения 1916 г. Социальное положение — батрак, сын красного партизана. Образование среднее. Место работы — типография районной газеты «Ворошиловец», село Ворошилово. Работаю метранпажем.

«Тихий Дон» прочитан мною, все 3 книги. Но больно в память вошла эта книга, 3я часть. Этой книгой очень пользуются массы, и она, эта книга, разъясняет каждому трудовому казачеству, что и как неправые и сбитые с толку казаки, бедняки кулаками и ихней агентурой шли защищать Дон.

Из третьей книги самое главное интересно то, что Григорий Мелехов, когда попал с германского фронта в лазарет, он сбивался в сторону большевиков. Но когда Дон всколыхнулся, то он пошел с братом Петром защищать белых гадов. Бросается в глаза то, что под лозунгом против грабежа, против виселиц, а сами сотнями загоняли пленных красноармейцев в тыл и мучили, избивали и вешали.

И здесь вытекают факты, что контро-настроенные казаки и вообще все население Дона беспощадно мучили тех людей, которые добивались правды.

Из этих книг каждый рабочий и колхозник знает, как много жертв пришлось утерять, чтобы разгромить этот контрреволюционный бунт донского казачества. В этих книгах нет недостатков. В них сказано так ясно, так памятно, что каждый читатель хорошо разбирается без ошибок. Правда, здесь автор больше придерживается к казачеству, он как-то больше и подробно описывает и резко выступает к стороне казаков. Он старается больше писать храбрость казачества, а людей, борющихся за свободу, он как-то оставляет в тени. Может быть, я не прав в этом.

Но мне кажется, так теперь интересно спросить по всей его книге — у него герой романа был Григорий, но Григорий пошел

за Дон. Интересно, кто теперь выйдет героем, на Мелехова Григория нет надежды, чтобы он был героем, а если я не ошибаюсь, то героем будет, вероятно, Кошевой Михаил. Еще прошу вас, если можно достать четвертую часть, и вышла ли она или нет. Прошу, если я ошибаюсь в чем, то сообщить.

Адрес.

Сталинградский край, Ворошиловский район, село Ворошилово (быв. Аксай). Гиренко Алексею Ив.

11 IX 35.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 699. Л. 33–34 об.*).

197. В. ТРАЯН

28 сентября 1935 г., город Кирово-Чепецк Кировской области

Уважаемые товарищи!

Только что прочла очень хорошую книгу М. Шолохова «Поднятая целина», I кн. Издана она еще в 1934 г. и хвалили ее, очевидно, много за этот год — в этом не сомневаюсь и повторяться не буду.

Хочу сказать о том, что не понравилось мне в этой книге: глава 33 на 287 странице, третья красная строка: «Из Дымка трудно было вышибить жизнь — живуч был, как кошка. Его исключили из комсомола, судили за...»[1] и т.д.

Я читала книгу «захлебываясь», а тут, как с разбегу да в тупик, остановилась: «Из комсомола»?! Из какого?

В Гремячьем Логу комсомол был?

Тут только обратила внимание, что на протяжении всей книги ни разу тов. Шолохов не вспомнил о комсомоле, будто и не было его в Гремячьем Логу. И вдруг пишет об исключении из комсомола!

А не исключенные же где комсомольцы? Так и живут себе в сторонке? Не мешают и не помогают тов. Давыдову и пр.?

Или где-то в другом месте Дымка исключали, а не в Гремячьем Логу?

Ванюша Найденов не в счет, он приезжает в Гремячий Лог.

Очень жаль, что местных комсомольцев не видно! Чтобы их совершенно не было быть не может, раз упомянул уже о комсомоле автор.

А что в стороне от жизни в такие годы стояли комсомольцы — не поверю, пусть это и на Дону, в незнакомом мне месте.

Сама комсомолка. В 1930 г. по селам на хлебозаготовках и раскулачивании работала. И всегда в помощь был местный актив комсомольцев.

Так и передайте тов. Шолохову — только это нехорошо у него, а вся книга замечательная.

И извините, если наговорила чего лишнего — ваш призыв в конце книги вызвал на это!

В. Траян. 26 лет.

Студентка Стр<оительного> т-ма.

28/IX-35

г. Кирово, пер. Слуцкого, № 6.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 706. Л. 30–31*).

[1] Читатель ссылается на издание: *Шолохов М.* Поднятая целина. М.: Гослитиздат, 1934. Серия «Книга — социалистической деревне. Дешевая библиотека ОГИЗа».

198. Н.И. ШИСТЕРОВ

1 октября 1935 г., деревня Уварово Очерского района Пермского края

1/X-35 г.

Да, признаюсь, книга увлекательная, и вообще все три книги, которые своими развертывающимися событиями мира, если это можно так сказать, захватывают врасплох.

Здесь достаточно ярко обрисованы «герои» казачества донского в лицах: Гришки Мелехова, Петра Мелехова и ихней семьи. Наряду с героями донского казачества есть герои (поистине герои) революции в лицах: Бунчук, Мишка Кошевой, Иван Алексеевич, Штокман и горсть коммунистов, борющихся с контрой. Наряду с этим есть и недостатки: неясность положений и малое описание героев Красной армии и недостаточно их показано, т.е. мало их показано.

Вот каков мой отзыв о всех трех книгах Шолохова «Тихий Дон», интересно знать, в скольких книгах весь этот роман.

Мой возраст — с 1921 года 24 декабря, т.е. 13 лет, пошел 14-й.

Мой адрес: Свердловская область, Очерский р-н, Спешковский с/с, Уварово.

Шистеров Николай Ильич.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 127–127 об.*)

199. И.М. МАКСИМОВ

3 октября 1935 г., Волгоградская область

3 октября 1935 г.

Дорогие товарищи!

Я читатель Ваших книг «Тихий Дон», Максимов Иван Маркианович, ранее крестьянин, в данный момент — служащий, 40 лет.

Товарищи! Я с большим интересом читал первую и вторую еще в 30 году, но до сего времени никак не мог достать третью книгу, и только в 1935 году в сентябремесяце я достал и прочел еще больше с глубоким интересом.

Почему мне так интересно их читать? Потому что я сам — уроженец быв. Донской области Хоперского округа стан. Тишанской хутора Соколова. Казак, участвовал и, испытывая всю гражданскую войну со стороны красных, и мне в книгах так интересно, так понятно. Я помню то время и был удивлен, как правильно все написано в них. Я с тов. Подтелковым вместе участвовал на первом Съезде прибывших частей с фронта в ст. Каменской[1], откуда тов. Подтелков вместе с другими товарищами выезжали на переговоры с Донским правительством. Я их провожал на станцию: Подтелкова, Кривошлыкова[2], Лагутина[3], Долпачева[4] и др., но жаль, что мне не пришлось видеть Гришку, а может быть, не помню.

Описания про Подтелкова и других точно указано, например, как он говорит, какой у него характер, даже в нескольких местах упоминается его кожаная куртка, в какой он любительски щеголял, и широкие галифе. Волосы кудрявые, лишь одно не указано, что редкие передние зубы и маленькая щербинка. Ну, когда я читаю, что победа на стороне красных, я тогда еще больше углубляюсь читать, но когда на стороне белых, я делаю перерывы.

Написані в книгах старый уклад жизни и психология казачества досконально правильно. Я застал жизнь казачества и все старые обычаи.

Теперь вот что, если вы выпустили 4-ю книгу «Тихий Дон», то прошу выслать и, если есть, 2-я книгу «Поднятой целины».

С тов. приветом, читатель Максимов.

3/X-35 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 128–129*)

[1] Съезд фронтового казачества в станице Каменской прошел 10 января 1918 г., в ходе которого был образован Донской казачий Военно-революционный комитет под председательством Ф.Г. Подтелкова.

[2] Кривошлыков Михаил Васильевич (1894–1918)– участник Первой мировой и Гражданской войн, один из руководителей революционного казачества на Дону, член правительства Донской советской республики; герой «Тихого Дона».

[3] Членом делегации от вставших на сторону революции казачьих частей, направленной для переговоров с А.М. Калединым, был Яков Назарович Лагутин (1888–1987), старший урядник 4-й сотни 28-го Донского казачьего полка, участник Первой мировой войны, трижды Георгиевский кавалер. В романе «Тихий Дон» он ошибочно назван Иваном. Иван Антонович Лагутин (р. 1891–1918), участник Первой мировой войны, служил в команде связи 14-го Донского казачьего полка, впоследствии член отряда Ф.Г. Подтелкова, в переговорах с Калединым не уча-

ствовал (см.: *Прийма К.И.* Вешенские встречи. Побратимы из «Тихого Дона» // Подъем. 1963. № 5. С. 127).

[4] Читатель ошибся: правильно — Донецков: «Кривошлыков, еланский, с хутора Горбатова. За ним наши — Кудинов, Донецков» (*Шолохов М.А.* Тихий Дон. Кн. 2. М.: ГИХЛ, 1931. С. 241).

200. Н. БАСИШВИЛИ

14 октября 1935 г., б.м.

Многоуважаемый автор прекрасного романа «Тихий Дон». В романе Вашем «Тихий Дон» в книге 1-ой глава XIV-ая лакей старого Листницкого Вениамин говорит: «попробую доедать за него, не сорвет?..»[1] и т.д. Уж слишком откровенно. Нельзя писать все то, что иногда делает и говорит человеческий выродок.

Нина Басишвили.

14/X–35 г.

Заранее прошу прощения.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 700. Л. 36*)

[1] Приведенное читательницей выражение героя входило в описание слуги Листницких Вениамина во всех изданиях 1920–1940-х гг. и было мотивировано формулой персонажа — лакей «из мужиков»: «Через год, как-то глядя, как пан, выжевывая котлетки из мяса индейки, выплевывает их, подумал. “Пропадет добро! Сам жрет, а у меня судороги в животе. Одним словом, лежит, как кобель на скирду. Попробую доедать за него, не сорвет?” Попробовал — не вырвало. С тех пор после обеда уносил серебряную тарелочку в переднюю и там торопливо глотал то, что пану запретили глотать. От этого ли, или от другого чего, но разъелся, заблестел салом, набрал на шее чистые складки» (Октябрь. 1928. № 2. С. 182). Данный фрагмент отсутствует в «исправленном» тексте «Тихого Дона» издания 1953 г. (редактор — К.В. Потапов). Во всех последующих изданиях укоренился текст: «Был Вениамин придурковат, смугл, на круглой голове — не волосы, а черный плюш. Служил у пана Листницкого шесть лет. Вначале, когда припало стоять над генералом с серебряной тарелочкой, не мог без тошноты глядеть, как старик выплевывает серые, измочаленные зубами жевки, потом привык».

201. А.И. КУЛЕШОВ

4 ноября 1935 г., хутор Андреевский Степновского района Ставропольского края

От Кулешова Андрея Ивановича Сев.-Кав. края Степновского района Андреевского сельсовета.

Я работаю секретарем Андреевского с/совета, от роду 27 лет. Желаю Вам сообщить и одобрить книги и автора этих мировых книг «Тихий Дон». Я вам должен признаться, что прочел все три

книги «Тихий Дон» и $1^{ю}$ часть «Поднятая целина», которые с первых страниц завлекают все дальше и дальше. Эти 4 книги особенно выделяются простотой, художественной обрисовкой каждого слова, в котором ясно дается понятие и уклон настоящих книг. Я за свое многое чтение художественных книг считаю: эти три книги «Тихий Дон» и $4^{я}$ «Поднятая целина» являются лучшими книгами в описании царской и Гражданской войн, и «Поднятая целина» лучше <других> отражает дни коллективизации. Я особенно отмечаю героизм: Подтелкова и местного казачества хутора Татарского, Ивана Алексеевича и Кошевого Михаила, которые грудью в передних рядах защищали границы советского Дона от белобандитского натиска, где героически поражал красных белобандит повстанец Мелехов Григорий. Меня поражает одна мысль, как мог <автор> так широко охватить все подробности, которые так ясно и понятно описаны, все действия и приключения Аксиньи с Григорием Мелеховым.

Еще одним заинтересовался, Давыдовым. 25-тысячник коллективизировал Гремячий Лог и проводил время с Лушкой на Дону.

Я не могу широко обрисовывать книги, но они меня поразили своей простотой. Как начнешь читать, то нельзя оторваться.

1. Прошу дать точное пояснение.Было ли это на факте описанное в книгах «Тихий Дон» или же фантазия.

2. Прошу, если уже вышли из печати $4^{я}$ книга «Тихий Дон» и $2^{я}$ книга «Поднятая целина», если есть, то вышлите наложенным платежом по адресу.

Еще раз благодарю автора за его большой кругозор и художество.

Прошу иметь со мной связь в письменной форме.

С тов. приветом,

Кулешов.

4/XI 35 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 700. Л. 49–49 об.*)

202. Н. МАТУСЕВИЧ

<Ноябрь 1935 г.>, б.м.

Означенной книги ни в каком случае нельзя отнести к разряду художественной литературы. Это просто-напросто агитка, имеющая ряд крупных недостатков, из которых укажу существенные.

1. Объем непомерно велик. Разве можно теперь читать такие бесконечные произведения? Время не позволяет возиться с такими фолиантами. Я, например, читал ее целых два месяца.

И, конечно, впечатление рассасывалось. Цель издательства не достигалась. Агитка должна быть краткая, сильно написанная, создающая <*1 нрзб*> еффект <sic!>.

2. Во-вторых, книга по всем данным написана поспешно и небрежно. Масса встречается нелитературных оборотов, и необработанных сцен, и собраний. Случаи этой небрежности очень огорчают читателя и раздражают против издательства.

3. Затем, к чему это автор уснастил свою книгу массой специально-технических, никому не понятных слов и изречений местного порядка. В таких случаях обыкновенно делают подстрочные примечания. А автор и это поленился сделать[1].

4. Наконец, самое главное. Автор совсем не достигает своей цели. У меня лично сложилось впечатление в пользу раскулаченных, и я вполне оправдываю их поведение. От всей души я пожалел всех пущенных по миру и возненавидел всех неумело и глупо осуществлявших великую коммунистическую идею.

А между тем я партиец и скорблю о таком впечатлении. Но это не моя вина. Я проверял свое впечатление на других. Они вынесли то же самое впечатление.

Вот те и <ха — ?>! С тем и поздравляем.

Читатель

Николай Матусевич.

24-х лет.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 711. Л. 213*)

[1] Об изданиях «Тихого Дона» с подобными примечаниями см. примеч. к п. 158, 316.

203. А.И. ТАРАСОВ

14 декабря 1935 г., село Юсьва Пермского края

Уважаемые товарищи!

Сообщаю я вам свой отзыв о книге «Тихий Дон» Мих. Шолохова. Прочитал я книгу первую, вторую и третью. Очень меня заинтересовали эти книги про тихий Дон.

Особенно прописывается про жизнь казачества тихого Дона, про жизнь Мелеховых, про Аксинью. Борьба казачества за тихий Дон, за свои земли все это меня очень заинтересовало. Сидел ночами, все охота дальше и больше прочесть. Поэтому уважаемые товарищи, если есть четвертая книга «Тихий Дон» и пятая, то направляйте мне, так как я не мог достать эти книги, а читать очень хочется. Сейчас начинаю читать «Поднятую целину» Мих. Шоло-

хова, книга I-ая; если есть книга вторая и третья, то тоже направляйте по адресу:

Коми-Пермяцкий округ, Юсьвинское почтовое отделение, Мемохшский с/сов, дер. Муртьем. Тарасову Александру Ильичу

Возраст мой 29 лет, сельский учитель.

Деньги будут направлены аккуратно за посланную литературу почтой.

Сообщите, какие еще есть книги Шолохова?

Тарасов.

14/XII 1935 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 33*)

204. Д.Я. ГОЛОВЧАНСКИЙ

18 декабря 1935 г., село Пирогово Калачеевского района Воронежской области

Письмо-отзыв от колхозника колхоза им. Ворошилова, Пироговского с/с, Меловатского р-на, Воронежской об.

Головчанский Данил Яковлевич, рождения с 1904 г.

Я прочитал все три книги «Тихий Дон» М. Шолохова, я читал безотрывно, лишь потому что эти книги больше всего меня заинтересовали.

Я не участвовал в войнах и в революции, то сейчас понимаю с книги, как делилось человеческое общество на классы. В этом узнал я, сколько погибло лучших людей, борцов за революцию, как, например, коммунист<ы>: Штокман, Котляров Иван Алексеевич и много других.

Многое мне запамятовалось: Мелехов Григорий Пант., игравший на защиту классового врага «белым», но я его понимаю, он был по социальности «трудовой казак — середняк», но классовый враг мог использовать его на свою сторону, как необразованного, неученого мужика, но способного воевать.

Прочитал я книгу третью, у меня как будто перестроилось что-то внутри, в печати мое выражается в том, что как крестьянство при восстании на Дону колебалось то в ту, то в другую сторону и как делилась деревня на два фронта.

Сейчас уже для меня понятно то, что все это играл в деревне зажиточный класс и кулак, в организации казаков на восстание. Но нужно будет сказать, что для колхозников мало еще таких книг, как «Тихий Дон», поступает в деревню, у нас примерно на колхоз только имеется одна книга на 240 дворов и за ней в настоящее время читатели имеют большой спрос.

И в дальнейшем мне интересно знать есть ли четвертая книга «Тихий Дон», а если нет, то скоро ли она будет и где ее можно купить? Прошу ответа.

По третьей книге Шолохова «Тихий Дон» я свое понимание в кратком письме сказал, по своей малограмотности больше сказать я ничего не смогу.

Мой адрес: Колхозник колхоза им. Ворошилова, Пироговского с/с, Меловатского р-на, Воронежской области, Головчанский Данил Яковлевич, рождения 1904 г., в колхозе работаю в качестве бригадира полеводческой бригады.

Нуждаемся в художественной литературе.

18/XII–35 г.

(*Редакционная копия. Ед. хр. 700. Оп.1. Л. 56–56 об.*)

205. А. НЕПОМНЯЩАЯ

23 декабря 1935 г., Ашхабад (*Туркменистан*)

Ашхабад, ул. Кольцова, д. № 100. Непомнящая Тося.

Как далекая сложная песня манит к себе и волнующе прекрасным ковром развертывается жизнь героев шолоховской книги — «Тихий Дон».

Сколько труда, сколько свежести и могущей силы воплощено здесь.

Поистине прекрасная, достойная восхищения и высокой оценки в своей многогранности книга.

Таково мое мнение о «Тихом Доне» и товарище Шолохове.

Особенно ценна и прекрасна книга третья.

Тов. Михаил Шолохов! Мы гордимся вами, что у нас есть неоценимый один из лучших пролетарских писателей — писатель.

Отдыхайте и еще напишите четвертую книгу.

С приветом большевистским Тося Н<епомнящая>.

Студентка высшего Туркменского педагогического института и инструктор физкультуры.

Чемпионка Средней Азии по велосипеду. Мне 19 лет.

Жду ответа от самого тов. Шолохова.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 700. Л. 58*)

206. А.Н. ПЕЧЕРСКИЙ

23 декабря 1935 г., поселок Кировский Приморского края

Читатель «Тихого Дона» Шолохова, тов. Печерский Александр Н., рождения 1909 г., проживающий на ДВК Кировского района.

Работаю инструктором райкома ВКП(б), прочел я 3 книги <в> октябре 35 г.

Книгами я очень остался доволен, но недоволен окончанием 3 книги, и я до сих пор не знаю, есть ли 4 книга или нет. Если нет, то, когда она будет? Прошу сообщить, если есть, то я постараюсь найти.

Книги мне дали очень много добавочного материала к истории партии. Дали много знать о жизни казачества, и о германской войне, разложении царской армии.

Узнал, как было трудно партии восстановить Советскую власть в казачестве. Я только был недоволен Шолоховым за то, что он ничего не написал о Мелеховом Григории; когда он приходил первый раз с германской войны. Когда он избил Листницкого, за жену, я был в раздумье, о том, неужели ему за это ничего не было: за избиение панского сына.

Дальше не написал, осталась живая жена его брата, Дарья, после того как Григорий ее избил сапогом[1]. Вот и все; если есть 4 книга то, конечно, было бы гораздо лучше, если бы она попала сразу.

Читал я все книги сразу, без перерыва, одна за другой. И много читал еще другие книги, но лучше автора Шолохова, пока не нашел. Шолохов очень пишет подробности и понятно, в нашем районе много <читают> эти книги и все хорошего мнения.

Печерский.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 32–32 об.*)

[1] Речь идет об эпизоде возвращения Григория на Хутор Татарский после расстрела красноармейцев: «Никогда еще Григорий не испытывал такого бешеного желания рубануть. Несколько секунд он стоял над Дарьей, стоная и раскачиваясь, крепко сцепив зубы, с чувством непреодолимого отвращения и гадливости рассматривая это лежащее тело. Потом шагнул, наступил кованым каблуком сапога на лицо Дарьи, черневшее полудужьями высоких бровей, прохрипел: “Гга-дю-ка!” Дарья застонала, что-то пьяно бормоча, а Григорий схватился руками за голову и, гремя по порожкам ножнами шашки, выбежал на баз» (*Шолохов М.А.* Тихий Дон. Роман: в 3 кн. Кн. 3. М.: ГИХЛ, 1933. С. 351).

207. А.В. ТОКАРЬ

<1935 г.>, поселок Дербетовка Апанасенковского района Ставропольского края

Прочитав 1-ую книгу романа «Поднятая целина» Мих. Шолохова, я решил написать мой отзыв о этой книге, мое мнение.

Хотя я еще и молодой читатель, т.е. возрастом 16 лет, но, я, кажется имею право судить о тех или иных достоинствах или недостатках того или иного произведения, высказать свое мнение.

Профессия моя? Профессии у меня сейчас нет, абсолютно, никакой. Неполную среднюю школу окончил в 35 г. в пос. Дербетовка с удовлетворительными результатами. Но дальше учиться нет возможности, а поэтому я сейчас ничем не занимаюсь и, следовательно, не имею никакой профессии.

Отзыв

О достоинствах или недостатках того или иного произведения независимо от того, к какому разряду принадлежит это произведение, к романам ли, к повестям, к рассказам и т.д., нужно судить со стороны содержания произведения, т.е. насколько важно то описываемое событие для людей, которое открывается художником, и насколько красива форма произведения, ответственна ли содержанию его, и наконец самое главное это, как искренно отношение художника к описываемому предмету, т.е. насколько он уверен в верности того, что он изображает. Исходя из этого, я скажу, что книга Шолохова «Поднятая целина» является достоянием и гордостью трудящихся масс деревни. Она как раз попала в цель своим содержанием и достойна широкого распространения среди деревенских масс. Но еще она не совсем распространена, так как второй книги я до сих пор не найду несмотря на то, что она уже выпущена и что я по всей Дербетовке искал и не нашел. Эту книгу колхозники читают с захватывающим интересом.

Она написана просто, ясно, понятно, написана понятным языком для деревенских масс, выражения преобладают исключительно простые, очень сильные и впечатлительные и главное, что вся книга дышит веселостью и пересыпана разными шутками. Книга не лишена действительности, и я когда читал книгу, то передо мною проходили действительные картины, свидетелем которых был я, и очень уж выражения такие правильные и действительные, что, кажется, как будто автор все стенографировал и конец!

Автор своему произведению дает силу впечатлительности и заразительности, что и свидетельствует о том, что книга Шолохова «Поднятая целина» имеет великие преимущества среди деревенских масс.

Но наряду с этими достоинствами имеется маленький недостаток, можно сказать, очень маленький, это то, что автор еще употребляет те слова, которые надо выкорчевывать из русского языка и сделать его совершенным. Слова эти: сбочь, крыги и др.

С этим недостатком автор в дальнейшем справится.

А теперь я желаю автору успеха в создании таких произведений, которые могли бы быть зачисленными во всемирную художе-

ственную литературу, и, которыми мог бы гордится наш Великий Советский Союз построения бесклассового социалистического общества.

Также посылаю автору «Поднятой целины» горячий привет.

Прошу редакцию дать мне ответ на мой отзыв.

Токарь Алексей В.

Мой адрес:

Северо-Кавказский край,

Ворошиловский округ (бывш. Ставрополье),

Апанасенковский район (быв. Девичье),

Поселок Дербетовка.

Улица Рыкова, дом № 27.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 706. Л. 34–35 об.; ред. копия — л. 36*)

208. П.П. ГУСЕВ

<1935 г.>, село Новочеркутино Добринского района Липецкой области

Благодарность М. Шолохову

От г-на Гусева Петра Прокофьевича.

ЦЧО, Добринский р-н, Усманский уезд или округ,

Новочеркутино, п/о.

Издательству. Советской литературе. Мною Гусевым прочтено. Книга. Произведение М. Шолохова; которая меня побудила проснуться и взяться за тяжелый подвиг. Шлю М. Шолохову Почтеньское Благодарение за то, что он своими произведениями наталкивает человеческие мысли описывать то, что нужно для уяснения народа. Примерная Книга М. Шолохова под заглавием «Поднятая целина» прочитана, книга 1-я. То я убедился со слов М. Шолохова, что можно будет описать, вот как примерно мне Гусеву об собственном воспоминании с детства и приключение в жизни до настоящего времени.

Оговорка.

Я Гусев П.П. род. в 1909 году. Проживаю в селе Ново-Черкутине. Учиться в школе мне пришлось совсем мало <из-за участия в –?> Революции. Я тут после Революции стал учиться урывками, так что малограмотное ликвидировал. Но не могу ставить точки и запятые после каких слогов, в виду этого я просил бы М. Шолохова пособить мне в этой беде, так как я начал произведение 1/I1934 г. собственное воспоминание в жизни, веселый рассказ.

Прошу помощи и ответа.

Гусев П.П.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 711. Л. 176–177*)

В письме в основном сохранена авторская орфография и пунктуация.

209. КРАСНОВ

1935 г., б.м.

Беглым взглядом прострочил «Поднятую целину», на читку с чувством, с толком, с расстановочкой времени не было. Однако при всем этом книга произвела на меня незабываемое впечатление. Не подлежит сомнению, что вещь талантливая и высокохудожественная. Книга буквально заполняет читателя, предельно волнующегося за своих героев. В разбираемой здесь вещи не чувствуется тенденциозности, агитки. А ведь по сути герои Шолохова уводят читателя туда, куда желает автор, хотя этого он и не чувствует, не подозревает, находясь весь во власти высокохудожественной «агитки» в самом лучшем смысле этого слова (да простит мне автор). Например, не подозревал ведь молодой читатель, что он изучает популярную астрономию, читая увлекательные романы К. Фламариона[1], так и читатель «Поднятой целины», увлекаемый художественным изображением жизни, страданий и борьбы героев Шолохова, совершенно незаметно для него уже сагитирован.

Теперь о «героях» (и без кавычек). Симпатичен мне честный рубака Макар Нагульнов. «Революционное правосознание» было излюбленным методом действий многих славных работников дней военного коммунизма[2]. Отрицательная оценка Нагульным статьи Сталина вызывает в моей памяти такой случай. 13-го апреля 1930 года я в пути к Севастополю. Недалеко от Мелитополя в вагон вошло несколько человек с портфелями. Едут в райком с докладом о коллективизации. Разговорились — они двадцатипятитысячники, рабочие предприятий центральных районов. Статьей Сталина они были ошеломлены, недовольны. (Они «добились 100% коллективизации, а после статьи 2/3 колхозников разобрали семена, инвентарь растащили. Весенний сев сорван»[3]). Что же можно было ожидать в этой части от «черноземного» Макара. Понятно, Макар с наганом у виска Банника, выколачивающий из него семенные, — крайность, отрыжки 20-х годов. Во всяком случае, это далеко не образцовый метод сбора семян в 30-е.

Метод Ванюши Найденова — наивен, элементарен, тоже не является стилем примерным. Кстати, <метод — ?> Ванюши (стр. 189)[4], как «метод выуживания» семенных бесподобен. И телушка, наделавшая в церкви «конец свету», и в особенности безнадежный возглас в взбаламученной церкви неуловимого на воле конокрада:

«от попався, так аже попався» (стр. <*нрзб*>) вызывает смех до колик даже у людей, не склонных к смеху.

Давыдов ведущая фигура в книге. Мне он не вполне нравится. Расплывчат, доверчив не в меру. Малопроницателен, неустойчив в оценке людей и окружающих событий. Скор иногда на приговоры, не обоснованные.

После его истязаний (стр. 272–274) мне совершенно непонятно его какое-то «толстовское» непротивление (стр. 290). Какой же генеральный метод коллективизации по Давыдову? — к сожалению, не уловил, не уяснил. Виною этому спешка в чтении, из-за которой я проглядел давыдовскую линию. Связь Давыдова с Лушкой усугубляет мое невнимание к нему. Чудится, что он собирается ее перевоспитывать (с. 329) — банальный штамп. Правда, это предположение может и не сбыться в связи с появлением опять на сцене сына Тимошки Рваного, любовника Лушки. Впереди можно ожидать интригующего узла сложных и трагических взаимоотношений трех: Давыдова, Лушки, Тимошки. Лушка больше выглядит разнузданной горожанкой, чем простоватой казачкой, поэтому она вдвойне несимпатична (пока).

Особенно досадно то, что Давыдов не чувствует в Якове Лукиче гада-вредителя. Это заслуга автора, мобилизующего внимательность. Работа этого «завхоза» на два фронта почему-то напоминает Шейнина и Осадчего в Шахтинском деле[5]. По дьявольскому «стоицизму» и оказываемому им доверию они схожи.

В Половцеве дан вполне законченный тип целеустремленного врага, беспощадного и бесчеловечного (убийство в последней борьбе за сохранение своей пьяной и сытой паразитической жизни). Трудно только верится, чтоб этот закоренелый душегуб мог расплакаться (стр. 209) даже от злости[6].

Лятьевский полноценный сгусток разложившейся дворянской военщины, про которого строгий ревнитель «ангельской чистоты белой идеи» Шульгин в своих «Днях» сокрушенно писал: «что они (т.е. забулдыги белые) делают красное дело, сами этого не подозревая»[7].

Живописны Щукарь и Марина Пояркова. Итак, М. Шолохова, по его высокохудожественному таланту, утилитарности и его увлекательности произведения, я бы числил (пусть м/б это и только с моей стороны) в рядах первой тройки молодых советских писателей. «Поднятая целина» — огромная заслуга Шолохова перед страной. Самое ценное внимание — внимание читательской массы — Шолохов заслужил по праву, поэтому и внимание к нему правительства должно быть чутко и по заслугам. Во всяком слу-

чае, карикатурист т. Ефимов и руководитель оркестра народных инструментов, при всем моем уважении к маэстро, награжденные высокими наградами[8], не больше имеют на это прав перед страной, чем Шолохов. Дело за представлением Наркомпроса.

19/35 г.

Краснов.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 707. Л. 60–61*)

[1] Речь идет о французском астрономе и писателе Камиле Николя Фламарионе (1842 –1925), известном популяризаторе астрономии. В конце XIX — начале XX в. в России печатались его «астрономические романы»: «Светопреставление» (СПб., 1893), «По волнам бесконечности» (СПб., 1894), «Стелла» (СПб., 1897), «В небесах» (СПб., 1899). «Конец мира» (М., 1908). В СССР вышло только одно издание Фламариона — «Звездная книга. Начальная астрономия» (М.; Л., 1929).

[2] Внутренняя политика СССР, проводившаяся в 1918–1921 гг., в условиях Гражданской войны, которая предполагала: централизованное управление всей экономикой, монополизацию внешней торговли, национализацию всей промышленности; сведение к минимуму частной торговли, ограничение товарно-денежного оборота, закрытие частных банков и конфискацию вкладов. В продовольственной политике власть была вынуждена продолжить хлебную монополию, введенную Временным правительством, и установить продовольственную разверстку. Политика военного коммунизма закреплялась следующими документами: декретом ВЦИК от 26 марта 1918 г. «Об организации товарообмена», декретом ВЦИК от 13 мая 1918 г. «О чрезвычайных полномочиях», постановлением Совнаркома от 21 ноября 1918 г. «Об организации снабжения», декретом от 11 января 1919 г. «О введении продразверстки на хлеб», декретом от 29 января 1920 г. «О порядке всеобщей трудовой повинности» и другими. Политика отличалась применением жестких мер и была непопулярна в стране. На смену ей в марте 1921 г. на X съезде РКП(б) была введена новая экономическая политика (нэп).

[3] Видимо, автор письма берет в кавычки слова своих попутчиков. В статье И.В. Сталина эти слова отсутствуют.

[4] Читатель ссылается на издание: *Шолохов М.* Поднятая целина. М.: Советская литература, 1934.

[5] Шахтинское дело — судебно-политический публичный процесс, проходивший в Москве, в Колонном зале Дома Союзов с 18 мая по 6 июля 1928 г. Начало ему положила опубликованная в «Правде» 12 апреля 1928 г. резолюция Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) о «раскрытии контрреволюционной организации» в Донбассе, организация характеризовалась как «вредительская», имевшая целью подготовку иностранной интервенции в СССР. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 мая в качестве общественных обвинителей на Шахтинском процессе были утверждены тт. Шеин, Гринько, Крумин и Осадчий (см.: Шахтинский процесс 1928 г. Подготовка, проведение, итоги. Книга 1 / под ред. С.А. Красильникова. М., 2010. С. 583). С.Д. Шеин и П.С. Осадчий к концу 1920-х гг. занимали высокие посты в экономике СССР. Сергей Дмитриевич Шеин (Шейн) (1880 — ?) — член промышленной секции Госплана СССР, председатель Всесоюзной секции бюро инженеров и техников, член Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (ВАРНИТСО). Петр Семенович Осадчий (1866–1943) в 1919–1929 гг. председатель Центрального электротехнического совета, зам. Председателя ГОЭЛРО (Госплана СССР), с 1928 г. председатель технического совета Днепро-

строя (Там же. С. 916, 944). Спустя два года после того как в 1928 г. Шеин и Осадчий выступали как общественные обвинители по делу «об экономической контрреволюции в Донбассе», оба были арестованы и осуждены по делу «Промпартии». В конце ноября — начале декабря 1930 г. со страниц газеты «Правда» они обвинялись в «двурушничестве» и «предательстве». По показаниям «подсудимого Рамзина», с весны 1929 по март 1930 г. Осадчий был «весьма близок к ЦК “Промышленной партии”» (26 нояб. С. 3–4); способствовал «вредительству в области энергетики», «задерживал развитие электрификации» (27 нояб. С. 4), летом 1930 г. в Берлине должен был встретиться с представителем «Торгпрома» Денисовым и получить от него необходимые указания и информацию для осуществления интервенции, во главе которой должна была стоять Франция (Там же 30 нояб. С. 2; 5 дек. С. 7). В своих показаниях Осадчий подтверждал все показания Рамзина (5 дек. С. 7). С.Д. Шеин, будучи членом ЦК Промпартии, являлся «информатором французского генштаба», должен был собирать сведения по части коксовой промышленности (Там же. 30 нояб. С. 2). Особенное возмущение вызвал тот факт, что «Осадчий и Шеин выступали на Шахтинском процессе с санкции ЦК “Промпартии”» (9 дек. С. 8). П.С. Осадчий 18 марта 1931 г. по делу «Промпартии» был приговорен Коллегией ОГПУ к расстрелу с заменой приговора на 10 лет лишения свободы. Освобожден в 1935 г. (Шахтинский процесс. С. 906). С.Д. Шеин в 1930 г. арестован и осужден по делу «Промпартии», сведения о дальнейшей судьбе отсутствуют (Там же. С. 944).

[6] Имеется в виду эпизод из 27 главы романа, где Половцев получает известие о том, что в хуторе Тубянском и в его станице казаки «отказались восставать. Переманил их Сталин своей статьей»: «О том плачу, что не удалось наше дело... на этот раз...» (Указ. изд. С. 206).

[7] Из книг русского политического деятеля, писателя и публициста Василия Витальевича Шульгина (1878–1976) в СССР в первые пореволюционные десятилетия были изданы «Дни» (Л.: Прибой, 1927, со вступ. статьей и пояснит. примеч. С. Пионтковского) и «Белый о белых. (Из книги “1920-й г.”)» (М.: Гудок, 1927). В книге «Дни», включающей воспоминания Шульгина, члена Государственной Думы, о событиях февраля 1917 г., приведенная в письме цитата отсутствует. В точности таких слов нет и в издании «Белый о белых», хотя основная идея книги заключается именно в том, что «белое дело», «начатое “почти святыми”», «попало в руки “почти бандитов”» (*Шульгин В.* Белый о белых (Из книги «1920-й г.»). М., 1927. С. 17). Автор повествует о грабежах среди мирного населения в Белой армии, о том, как стреляли «по русскому народу, за который мы умираем» (Там же. С. 20), о жестокости «растлителей белой армии, предателей белого дела, убийц “белой мечты”» (Там же. С. 23).

[8] Имеются в виду Борис Ефимович Ефимов (наст. имя. Борис Хаимович Фридлянд) (1900–2008) — художник-график, мастер политической карикатуры и Василий Васильевич Кацан (1887–1941) — домрист, с 1934 г. руководитель Оркестра народных инструментов, образованного в 1925 г. при Ленинградском радио и ведущего свое начало от знаменитого Великорусского оркестра В.В. Андреева (создан в 1888 г.). В 1932 г. Б.Е. Ефимову было присвоено звание Заслуженного деятеля искусств РСФСР, а в середине 1930-х гг. В.В. Кацану — звание Заслуженного артиста РСФСР.

210. П. ЦЕЛИКИН

1935 г., село Чибирлей Кузнецкого района Пензенской области

Уважаемый тов. редактор.

Сейчас только прочитал вашего издательства книгу «Поднятая целина», автора М. Шолохова и решил вам написать свое мнение. Книги читал нельзя сказать, что много, но все же читал, и из всех прочитанных книг больше всего понравилась «Поднятая целина». Я удивлялся автору, как же так, если он писатель, то сидит где-нибудь в городе и выдумывает, ну иногда съездит в деревню, посмотрит со стороны, а здесь, на поди, всякую мелочь знает, да до чего точно описывает. И самое главное и интересное это то, что в книге описываются наши будни, почти сегодняшний день, те фигуры, о которых пишет уважаемый т. Шолохов, они встали сейчас передо мной, я их сейчас только заметил в своем колхозе, они в каждом колхозе есть. И кто прочитает эту книгу, он сейчас же их увидит. Есть еще и такие, как Яков Лукич, я сам сейчас в колхозе не работаю, а работаю на заводе, и все же эта книга мне на многое открыла глаза, а для работников в колхозе она послужит замечательным учебником, правда, и посмеешься немного для поднятия настроения, это тоже хорошо. И все это нам, деревенским, родное, в кругу этого мы вращаемся ежедневно. Шлю от души великое спасибо товарищу Шолохову и желаю ему долго еще прожить в добром здоровье и написать еще больше книг. Он наши деревенскую жизнь и борьбу за социалистическое сельское хозяйство знает на ять, издательству также большое спасибо и просьба побольше выпускать таких книг.

с. ЧибирлейКузнецкого района СВК. Лесозавод № 23.

Петр Целикин.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 708. Л. 183*)

211. Н.Ф. МАКУРИН

8 января 1936 г., село Чусовое Шалинского района Свердловской области

Тов.! Прочитав 3 книги «Тихий Дон» т. Шолохова, они мне очень понравились и надолго осталось в памяти этот бунт или восстание, которое не добилось никаких результатов. Понравились и его герои с обеих сторон. Но лучше всех тов. Штокман, Иван Алексеич и его геройская смерть, и Кошевой Мишка. Очень хочется прочитать остальные книги и хочется узнать, выпустил <или> нет Михаил Александрович хоть одну книгу и когда выпустит, и еще узнать адрес Мих. Алек. Шолохова.

Писал Николай Макурин, комсомольский организатор, ученик 7го класса НСШ Ст<аро>-Шайтанского с/совета Шалинского района Свердловской области.

Макурин Николай Фадеич. Рожден (1918).

8/I 1936 года.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 699. Л. 39–39 об.*)

212. НАГАЕНКО

30 января 1936 г., б.м.

Вы просите читателя, чтобы он вам сообщил свой отзыв о прочитанной книге советского издательства. Я как раз прочитал первую книгу романа «Тихий Дон». Товарищи, я не могу дать оценку книге, но я должен вам передать свое мнение, т.е. то, что я узнал из этой книги.

Товарищи! Я должен вам признаться, что я, когда читал книгу, то я чувствовал себя так, что как будто я смотрю кинокартину, и я не мог отвлечься ни на минутку от нее.

Книга содержит в себе ряд политических вопросов, которые для нас в данный момент очень ценные, с другой стороны, эта книга широко рисует жизнь юношей бывшей царской России, которые часто ошибались в своей жизни из-за своей некультурности и политической неграмотности.

Наша современная молодежь этого никогда не сделает, т.е. она ничуть не ошибется в своей молодой жизни, она читает эти романы и изучает прошедшее, а разом с этим и учится будущему.

Товарищи! Книга «Тихий Дон» внедрена в историю революций 1905 года и 17 года, а также и в войну 1914–1915 года. И это все для нас, молодых людей Советского <Союза>, очень ценное, так что нам сейчас таковых «романов» побольше, потому что они очень ярко освещают тот путь, по котором<у> в данный период времени нельзя идти, а указывают, как надо бороться с теми людьми, которые стоят на пути нашему социалистическому росту культуры и ряд<у> других отраслей. Товарищи! Можно <*1 нрзб*> дела с этой книги, но я решил ограничиться этим, так как я еще не прочел 2 и 3-ю книги.

Млад. ком-взвода РККА

Радио-телеграфного отдела.

30/I–36 года.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 699. Л.42–42 об.*)

213. В. ЕЛЬКИН

7 февраля 1936 г., город Симферополь Республики Крым

7 февраля 1936 г.

Дорогой товарищ Михаил Шолохов!

Познакомившись с Вами через Вашу замечательную «Поднятую целину» и «Тихий Дон», где так правдиво, ярко и красочно говорится о донском казачестве, как до, так и послереволюционном, я решил написать Вам о своих впечатлениях и кое о чем еще.

В «Поднятой целине» эпизоды: раскулачивание кулаков, поведение Нагульнова, Банника, Островнова, как кулака, офицера Половцева, статья тов. Сталина и толки колхозников и единоличников о ней так живы, интересны и реальны, что поневоле вспомнишь тот период начала сплошной коллективизации и мысленно сравниваешь людей (положительных и отрицательных) своего села с людьми Вашего романа.

Эпизоды о Щукаре читаются захватывающе, с громом хохота. Убийство Хопрова создает впечатление небывалой ненависти к кулачеству.

Все эти указанные типажи вместе с Давыдовым, Найденовым и др., все эти страницы, замечательно описывающие классовую борьбу во время коллективизации, заставили меня задуматься и по предложению Коми нацгиза я перевел Вашу «Поднятую целину» на Коми национальный язык, которая в скором будущем должна выйти из печати в городе Сыктывкаре[1].

«Тихий Дон» богат историческими данными: фактами, документами и главным образом, художеством, написанным Вашим талантливым пером.

Я и мои товарищи — пограничники с конца 1935 года ждем 4-ую книгу «Тихого Дона» и 2-ую «Поднятой целины», каждый раз обращаясь к работникам Крым Гиза с вопросом: «Когда будут продолжения книг Шолохова?»

Как бы то ни было, мы надеемся в скором будущем опять заняться чтением Ваших замечательных произведений.

Вместе с этим я и мои товарищи очень недовольны издательством, почему они не печатают Вашу биографию. Мне кажется, что ее не знают не только я с моими товарищами, но и огромное большинство людей, читающих «Поднятую целину» и «Тихий Дон».

Дорогой товарищ Шолохов! Я понимаю всю специфику Вашей работы, но тем не менее я хотел бы лично от Вас получить ответное слово, а главное — Ваше мнение по части перевода «Поднятой целины» на национальный Коми язык.

Остаюсь с пламенным пограничным приветом Вас.

Елькин.

P.C. Надеюсь, что не будете удивляться, что я сам с Севера, а пишу из Крыма. Объяснение простое: нахожусь в рядах РККА.

Мой адрес: Крым АССР, гор. Симферополь, п/я 209.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 707. Л. 110–110 об.*)

[1] Перевод В. Елькиным романа М. Шолохова «Поднятая целина» на язык коми неизвестен.

214. СИМАНОВСКИЙ

7 февраля 1936 г., город Саройкамар (*Таджикистан*)

Возраст — 22 года.

Профессия — пограничник войск НКВД.

Здравствуй, дорогой советский писатель товарищ Шолохов!

Я хочу тебе передать благодарность за твои произведения.

Обыкновенно приветствия и пожелания посылаются в юбилейные дни. Но, к великому сожалению, я не знаком с Вашей автобиографией. О чем кратенько, выбрав время, Вы мне напишите.

Знаю одно то, что Вас зовут Михаил. И это знают многие. Я знаю, что критики всегда советуют, прежде чем изучить то или иное произведение, изучить автобиографию автора этого произведения. Это верно.

Товарищ Шолохов, я прочитал все три книги «Тихий Дон», а также первую книгу «Поднятая целина». Очень понравились книжки. Я слышал про Вас одну вещь, как будто Вы где-то, каким-то образом, будучи на войне, Вы достали материал «Тихого Дона» с помощью некоторого офицера, а сами его только лишь подработали[1]. Но когда я прочитал книгу первую «Поднятая целина», то всякая вера слухам о «Тихом Доне» исчезла.

«Поднятая целина» очень сильная современная повесть, материал которой, кроме как из своего ума, позаимствовать негде. Согласно Ваших произведений я Вас, товарищ Шолохов, считаю наилучшим художником литературы. Может быть, Вы, читая это мое письмо, думаете, что, мол, кто ты такой, берешься оценить мои давно признанные хорошими произведения, то на это дано право каждому читателю любого произведения, ибо оно предназначено для него, т.е. читателя.

Пишу от искреннего пожелания. Больше всего мне, как и многим другим, нравится простота и прямота выражений. За такой

простой, прямой язык ведь пользуются любовью масс такие великие писатели, как Некрасов, Пушкин А.С., Демьян Бедный.

Я читал произведение, оно называется «Огонь», французского писателя Анри Барбюса[2], которое мне показалось очень скучным. То есть обратное тому, что от Вашего оторваться трудно, а к «Огню» приступить читать трудно. И вряд ли об «Огне» кто чего знает. Я его тоже почти забыл, а героев романа всех забыл на третий день.

Но забыть из «Поднятой целины» Нагульного, Давыдова, Разметнова, Островнова Якова Лукича, деда Щукаря, контрреволюционера Половцева, Лушку вряд ли удастся. Они все как живые встают в памяти.

Насчет слабости у женщин, товарищ Шолохов, недостаток, верно. Но и очень хорошо (привлекательно читателю), что есть сценки вроде сцены Давыдова с Лушкой. Это подчеркиваю: «Лежа на спине, поджав ноги, Лушка оправляет подол». Такие эпизоды делают Вас еще более популярнее.

Мой адрес: Средняя Азия, ТССР, г. Бауманобад, почт. ящик 5.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 707. Л. 111–111 об.*)

[1] См. примеч. 2 к п. 37.

[2] Роман «Огонь» (1916), посвященный событиям Первой мировой войны, французского писателя, журналиста и общественного деятеля Анри Барбюса (1873–1935) принес ему всемирную известность, в 1930-е гг. неоднократно переиздавался в СССР: вошел в первый том Собрания сочинений А. Барбюса (М.; Л., 1929–1930), в 1934 и 1936 гг. выходил в издательстве «Художественная литература» с предисловием А.М. Горького.

215. И.Д. МУХИН

10 февраля 1936 г., Днепропетровск (*Украина*)

Товарищи. Я гр. Мухин Иван Демьянович — 23 лет, ст. десятник профессия моя, прочел «Роман» «Тихий Дон» все три книги. Собственно говоря, по-моему, должна быть еще книга четвертая, поскольку конец этой книги не понятен. Герой романа Григорий Мелехов и Аксинья, его симпатия, как и куда делись. Кроме этого, Миша Кошевой, который вел борьбу против кулаков и агентов их, тоже неизвестно куда делся.

«Роман» этот сам по себе не только художественно умело построен и политически достаточно ясен.

Мне эта книга больше всего понравилась, что нет в ней красок философии и только лики, украшена она красками живых фактов

«Тихий Дон» мне послужил не только художественной книгой, но и исторически научно<й>, с годов империалистической и гражданской войн ясно охарактеризовал период революций и повстан<цев>.

Достаточно крепко критиковал тех, кто шел неуверенно на борьбу <с> капитализмом, и тех, кто открыто выступал против Красной Армии.

Умело охарактеризовал донское казачество как группу населения людей, закаленных в боях за свою независимость, нехотевших признать сов. власть. Ясно показал, что из них большинство были зажиточные и долго не хотели подчиниться тем, кому было доверено среди них вести перевоспитание и подавление классово чуждых элементов среди казачества.

Выведены ярко те, кто умирал твердо на боевом посту за большевистское дело.

Все хорошо, только лишь одно плохо, что конец этого романа не ясный, возможно ведь, что есть еще четвертая книга, но я ее достать не могу.

Прошу Вас уделить минуты две три времени сообщить мне по адресу: УССР, г. Днепропетровск, пос. им. Фрунзе, проспект Петровского, д. № 16, кв. 23

З.Т. Дорду следующее:

1) Живы ли сейчас Аксинья и Кошевой и где они?

2) Как поступили с Мелеховым те, кто руководил в этой деревне?

3) Григорий Мелехов как шатающийся, твердо не зная, за что вел борьбу, жив или нет и где в данный момент?

4) В каком году закончилась на Донщине борьба вооруженная за сов. власть?

5) Выдерживает ли критику данный «роман» перед знающими жизнь донских казаков из практики?

6) В данный момент есть ли такие моменты, чтобы проявлялась старая казатчина?

Напишите, какие книги читать и ими руководствоваться начинающему писателю.

С приветом читатель «Романа» «Тихий Дон» Шолохова.

10/II-36 года.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 705. Л. 33–34*)

216. В. КУЗНЕЦОВА и др.

12 февраля 1936 г., село Мало-Минуса Минусинского района Красноярского края

Письмо 12/II-36 года.

Прочитав книгу в 5-ть частей, «Тихий Дон» (не знав, есть или нет продолжение), просим государственное издательство «Художественной литературы», массовый сектор, сообщить нам о том, что все что описано в книге, именно существовало в жизни: существовал ли хутор Татарский, жили ли там Мелехов Григорий, Аксинья и др. И если нет, то сообщите, что послужило Мих. Шолохову материалом для написания произведения «Тихий Дон». Если Татарский хутор существовал, то сообщите, где он находится, живы или нет Мелехов Григорий, его дети Михаил и Пелагея, Штокман, Бунчук. Еще просим сообщить, как в настоящее время казаки относятся к политике Советского союза, как у их прошла коллективизация. С приветом к вам колхозницы: Кузнецова Вера, Голубцова П., Михайлова С., Козина Н.

Наш адрес: Красноярский край. Минусинский район. Село Мало-Минуса.

Получить Кузнецовой Вере.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 705. Л. 35*)

217. Л.В. ЧУЙКО

13 февраля 1936 г., Одесса (*Украина*)

13 февраля 1936 г.

Автору книги «Поднятая целина» т. М. Шолохову.

В конце книги просят сообщить свой отзыв, вот что могу сказать.

Книга во многих отношениях прекрасная. Быт и разговорный язык взят превосходно до мелочей (приходилось бывать в этих краях).

Без всякой предвзятости располагает читателя к новой переделке жизни, указывает геройство этих «Джимми Хиггинсов»[1] нашего времени. Это верные и типичные люди и напрасно где-то в критике упрекают Вас за Щукаря[2], он жизнен, а не взят для красного словца.

Громадное впечатление производит сцена убийства. Может быть, Давыдов говорит не языком ленинградского пролетария, а тем же донецким?

Лично мне не нравится в сюжете «Целины» роль Лушки, как во многих романах соврем. советск. писателей, к катастрофе приводит женщина, других не бывает ли причин?

То же у Ле– Любка, у Ясенского и многих других[3].

Мне 32 года, служу нормировщиком на заводе Красн<ый> Октябрь.

Адрес: г. Одесса, проживаю на углу Мечникова, № 68.

Чуйко Лев Викторович.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 707. Л. 112*)

[1] Джимми Хиггинс — персонаж одноименного романа (1919) американского писателя Эптона Билла Синклера, рабочий машиностроительного завода, член кружка социалистов. В 1928 г. роман был издан в СССР, тогда же режиссером Г. Тасиным по роману Синклера был снят фильм (киностудия ВУФКУ, Одесса, сценаристы Г. Тасин, И. Бабель).

[2] В критике образ Щукаря вызвал самые разные оценки: «бедняк и посмешище» (А. Горелов), деревенский Хлестаков (Б. Брайнина, Ф. Гинзбург); «продукт деревенского идиотизма», изуродованный, как и Санчо Панса, единоличным хозяйством (И. Макарьев), «типичнейший продукт темноты и отсталости старой деревни» (С. Ромм) и т.п. (см. об этом: *Абрамов Ф.А., Гура В.В.* М. Шолохов. Семинарий. Л., 1958. С. 34–35: *Цветова Н.С.* «Поднятая целина» в периодике 1930-х гг.: к проблеме медиапрезентации // Литературный архив советской эпохи. СПб., 2018. С. 83–84).

[3] Речь идет о женских персонажах произведений советских писателей Ивана Ле (наст. имя. Мойся Иван Леонтьевич, 1895–1978) и Бруно Ясенского (1901–1938). Любка — героиня романа Ле «Роман Межгорья» (1932), экранизированного в 1933 г. на киностудии «Украинфильм» режиссером Ф. Лопатинским. По-женски привлекательные, но жесткие и расчетливые героини произведений названных в письме писателей, очевидно, напоминали автору письма Лушку Нагульнову своим характером, отношением к жизни, ролью в судьбах любящих их героев-коммунистов. Так, дочь богатого Юхима Кудри красавица Одарка из повести И. Ле «Юхим Кудря» (1929), о которой говорится, что она «и поет, и смеется, и на посиделках над всеми верховодит», яростно ненавидела коммунистов, но «приманила комиссара» Хведосия Кирилленко обещанием ночного свидания (*Ле Иван.* Юхим Кудря и другие рассказы / авториз. перевод с укр. И. Тутковской-Зак. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 6–7). Во время свидания отец девушки стреляет в комиссара. В финале повести Одарка, гулявшая и с бандитом Шарапой, и с бравым поручиком, перевоспитывается и выходит замуж за большевика Данило. Героиня романа Б. Ясенского «Человек меняет кожу» (1932), посвященного строительству плотины в Таджикистане, Галина Немировская, дворянка по происхождению, бывшая актриса, приезжает на строительство вместе с мужем. Среди ее любовников оказываются и начальник строительства Еремин, и местный прокурор Кригер, и иностранный инженер Кларк. В финале Немировскую, которая «путалась с десятком инженеров и впутала их в дело» о вредительстве, разоблачают и арестовывают (*Ясенский Б.* Человек меняет кожу // Роман-газета. 1932. № 11–12. С. 23–24).

218. К.Д. ДАНИЛЕЙКО

27 февраля 1936 г., станица Батуринская Брюховецкого района Краснодарского края

Уважаемые товарищи!

Я, участковый инспектор РК милиции, Данилейко. Прочитал 1-ю, 2-ю и 3-ю книги «Тихого Дона» уважаемого писателя тов. Шолохова. Хочу в пяти словах сообщить следующее; что изложенное в книгах, произвело большое впечатление, а главное то, что в них ярко отражена критика старой службы и с другой стороны, геройски и мужественно погибших за дело революции преданных большевиков.

Единственно, что я отношу за счет неясности — это то, что, когда повстанцы, захватив в плен красноармейцев, в том числе Ивана Алексеевича и Михаила Кошевого, где первого в хуторе Татарском пристрелила Дарья Мелехова, а Кошевой, будучи там же, неизвестно каким путем вышел из этого тяжелого положения, оставшись живым, что для меня осталось неясным.

Кроме коротенького моего письма, прошу по получении его, не счесть за труд ответить мне для дальнейшей нашей связи. Вместе с тем, товарищески прошу, при ответе напишите мне, когда выйдет из печати 4-я книга «Тихого Дона» и как можно скорее ее приобрести, и если можно будет выписать, то прошу сообщить цену и адрес.

Также желаю приобрести книги «Поднятая целина» и «Как закалялась сталь».

Полагаю, что Вы без ответа меня не оставите, как своего читателя, и мы в дальнейшем закрепим нашу письменную связь.

С товарищеским приветом, тов. Шолохову.

Мой адрес: Азово-Черноморский край, Брюховецкий район, станица Батуринская.

Участковый инспектор РК Милиции <Подпись>Данилейко Кирилл Денисович.

Данилейко.

27/II 1936 г.

(*Авторизованная машинопись. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 37*)

219. М.Т. ДОЛГОВ

27 февраля 1936 г., село Покровка Локтевского района Алтайского края

Ваша книга «Тихий Дон» имеет очень большое значение для нас, молодых строителей социализма. Я сейчас знаю, после того

как прочитал 3-ю книгу, как боролись казаки за свою собственность, но Красная армия сумела восстановить и там Советскую власть. Я работаю зав. клубом и библиотекарем при п/п базе МТС «Гигант». Родился я в 1917 году, 7 ноября. Вот мой точный адрес: Западно-Сибирский край, Локтевский район, Покровский с/совет, с. Покровка, зав. клубом Долгову Михаилу Тарасовичу.

Сейчас я читал в газетах, что вышла четвертая книга, то прошу Вас сердечно подсобить мне ее достать.

Если есть у Вас все четыре книги, то пришлите мне. Всю их стоимость я Вам переведу по телеграфу, после чего Вы мне их вышлите.

Я комсомолец с 1934 года 2-го апреля и сейчас состою.

Прошу не отказать.

С комсомольским приветом

Долгов М.Т.

27/II 1936 года

Жду срочно ответа.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 703. Л. 10–11*)

220. С.В. КУДРЯШОВ

29 февраля 1936 г., Челябинск

Товарищи! Мне эта книга очень понравилась. Я считаю Михаила Шолохова — это герой Советского Союза, мне хотелось узнать, чем наградили этого ценного человека для всего пролетариата.

Я читал с большим вниманием эту книгу — даже волновался, когда били Давыдова — пред. колхоза и когда выключили из партии орденоносца Макара Нагульнова. Автор точно пишет жизнь деревни и разговор и насчет врагов народа. Советую эту книгу читать всему пролетариату.

Мой адрес: г. Челябинск, ул. 8-ое Марта, д. 22.

Кудряшов Степан Васильевич.

Работал в Торгсине — золотоприемщиком, а сейчас переведен: гор-банк.

Я сам из крестьян-бедняков. Образование — с/школа.

Больше бы, товарищи, таких людей, как М. Шолохов. Чтобы они больше писали такие книги.

29/II–36 года.

К сему — Кудряшов.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 700. Л. 61*)

221. Г.З. БАБИНОВ

12 марта 1936 г., деревня Ректа Рогачевского района Гомельской области (*Беларусь*)

Дорогие товарищи!

Прошу передать от меня колхозника пламенный товарищеский привет лучшему сыну Социалистической родины автору книги «Тихий Дон» М. Шолохову.

Я с большим энтузиазмом прочел первую и вторую книгу «Тихий Дон» своим колхозникам, молодым ребятам допризывникам и не нахожу границ радости, и интереса, какой обхватил нас усех девять человек. За что покорно благодарю и желаю наилучших успехов в подобного рода произведении. Больно жаль, что не имеем III-й книги, бедна наша библиотека, буду стараться ее найти.

Как моих слушателей, а также меня охватывает один непонятный вопрос <*5 нрзб*>. Я думаю, что вы нам помогите с ним разобраться.

Вопрос следующий.

Откуда Шолохову могли попасть такие точные доказательства, что цен<тральная> фиг<ура> рассказа Мелехов Григорий описывается в точности, как будто в станице с Аксиньей, в годы империалистической войны, свадьба с Натальей, уход в Ягодное, боевые дела Бунчука.

Я думаю, что Шолохов с Мелеховым не ездил и следы его действий не описывал, а пользовался чем-то другим, как это могло получиться?

Мой вопрос, наверное, вам окажется странным, но для меня он непонятный, и я думаю, что вы дадите мне ответ, и я его жду с большим нетерпением.

Адрес: БССР, п/о Журавичи Журавицкого района Ректянского с/с д. Ректа.

Бабинову Грыгорию Зосимовичу.

12/III-36 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 705. Л. 37–38*)

222. А.И. ИВАНОВ

18 марта 1936 г., село Никольское Торжокского района Тверской области

В конце книги первой «Тихий Дон» написано: Читатели, сообщите ваш отзыв об этой книги, указав ваш адрес и вашу профессию по адресу.

Я ученик Никольской НСШ Иванов А.И. слыхал от своих товарищей, что книга «Тихий Дон» очень интересная. Я решил найти эту книгу и прочитать, но почти вся зима прошла, и только эту книгу наша пионервожатая привезла из библиотеки. И сразу только, что она привезла, я эту книгу взял и уже прочитал. И вот даю свой отзыв об этой книге.

В первую очередь благодарю автора книги «Тихий Дон» Михаила Шолохова за его хорошую работу над этой книгой, за художественно-складную речь и за интересность этой книги. Михаил Шолохов хороший образ дал Григорию Мелехову с начала его жизни и до войны, особенно во время войны. Еще хорошо срисовал Пантелея Прокофьича.

Только мне неясно в этой книге следующее:

Когда и в каком году существовал Мелеховский двор. Еще когда Прокофий был на каторге, ничего не сказано, как он там проводил время и в какой нужде он там был. И сколько он от роду до самой смерти прожил годов.

Потом мне не ясно, когда Аксинья ушла к Григорию, и они по<ш>ли работать на хутор Ягодино[1] пану. Что стал делать тогда Степан, старый муж Аксиньи.

Только сказано, когда Григорий ездил на охоту с паном, и когда они гналися за волком и убили его, тогда подошел Степан и пан приказал привести к ихнему имению, и в это-то время Степан сказал Григорию, что я теперь драться с тобой не буду как раньше. А когда-нибудь я тебя убью.

Мало сказано про Дуняшу.

Вот и все, что мне не ясно. Мой отзыв об этой книге очень хороший, я благодарю автора за простоту этой книги.

Я обещаю найти и прочитать вторую и третью книгу «Тихий Дон».

Пишу отзыв сразу же, как прочитал эту книгу

18/III-36 г.

Мой адрес:

г. Торжок, Кал<ининская> область, Никольское п/о, Никольская НСШ.

Иванов Алексей Иванович

Прошу ответить мне, где сейчас живет и над чем работает Михаил Шолохов и прошу поблагодарить от меня автора — Михаила Шолохова

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 705. Л. 39–40*)

[1] Правильно: Ягодное.

223. НЕУСТАНОВЛЕННЫЕ ЛИЦА

18 марта 1936 г., село Боровлянка Белозерского района Курганской области

Просьба сообщить, будет ли 4 книга, если будет, то когда выйдет.

Самое главное, что нас читателей интересует в книге, Мелехов Григорий, просьба сообщить, был ли таков в действительности или фантазия.

Наш коллектив прочитал все 3 книги романа «Тихий Дон», и выходит спор, одни говорят, что Мелехов Гришка был в действительности, а другие оспаривают.

Просьба разъяснить.

Адрес: Челябинская область, Белозерский район, Баровлянский с/совет, Ниапский мясопункт. Рабочему комитету.

18/III–36 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 705. Л. 41*)

224. С.А. КРУПКИН

До 25 марта 1936 г., город Энгельс Саратовской области

Письмо автору «Тихого Дона» Мих. Шолохов

От рабочего кирпич<но>-черепич<ного>завода г. Энгельс, прож. Энгельс, Дзержинского, 12. Крупкин С.А.

Дорогой наш любимый Шолохов.

Сегодня 19-го марта 1936 г. закончил читать твой роман «Тихий Дон» 3-ю книгу, который очень мне понравился. Я так с жадностью читаю твои произведения, что оторваться от них не могу. Я все три книги «Тихого Дона» читал вслух и поэтому моя женка Евд. Ст. просила меня сообщить тебе письмом, т.к. роман Тихого Дона очень нам пондравились<sic!> и шлем тебе привет.

Дорогой тов. Шолохов, мы просим, когда будет 4-я книга, а также просим тебя сообщи нам, кто еще жив остался из участников «Тихого Дона».

Мы никак не дождемся полной 4-й книги «Тихого Дона», как-то недавно читали отрывки из книги «Тихого Дона» в газете «Правда»[1].

Я расписывать красиво не умею, но еще раз передаю тебе большое спасибо.

Ждем ответа.

Г. Энгельс,

Дзержинская, 12.
Крупкин С.А.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 705. Л. 43; ред. помета о дате получения письма:«25/III-36»*)

[1] Речь идет о публикации двух глав 4-й книги «Тихого Дона» (см.: Правда. 1936. 1, 3, 4 февр. С.4), 1 марта глава романа печаталась в газете «Известия» (С. 3).

225. С.В. РЯЗАНОВСКИЙ

3 апреля 1936 г., город Чугуев Харьковской области (*Украина*)

3/IV-36 г.

Шолохов
«Тихий Дон»

Ценность произведения (роман «Тихий Дон»)в том, что оно отражает эпоху не одного периода. А Шолохов описывает в своих 3-х частях эпохи два периода, это эпоха империалистической войны и гражданской.

Но было бы интересно прочитать 4-ую книгу, в которой, я думаю, что будет описываться эпоха восстановительного периода. В особенности первая книга, она заинтересовывает читателя тем, что герои этой книги как Григорий, Аксинья, Степан, у которых появлялась между собой вражда именно в том отношении, т.е. любви. Если Григорий находился в хороших отношениях с Аксиньей, то зачем было нужно Степану опять-таки свататься к Аксинье.

Безусловно, Григорию было жалко тогда Аксинью, но все же он ее любил и находился <sic!>, что она будет его женой. Правда, по социальному характеру Григорий и Аксинья были совсем противоположны, но Григорий на это не обращал внимания. Но для Григория являлась еще одна преграда, т.е. родители — его всегда разбивали мысли с Аксиньей, лишь потому, что родители Григория были зажиточными. Они решили Григория женить на Натальe, которая являлась дочерью зажиточного крестьянина, но Григорий этим был абсолютно недоволен, все его старая любовь тянула к Аксинье.

Тоже самое жизнь Аксиньи со Степаном была скудной, скупой, жесткой, что отделяло Аксинью от Степана. В конце концов, Аксинья решила бросить своего Степана. Это безусловно было верно, так как жизнь Аксиньи была забита.

Тогда Григорий и Аксинья начинают договариваться именно о том, чтобы одна бросила своего мужа, а другой свою жену. И найти благоприятные условия для своей жизни. Они нанимаются

к помещику в Ягодное, один работает кучером, другая судомойкой. И жизнь для них пошла значительно лучше.

Но Григорий скоро идет на военную службу в солдаты. В это время он здорово дрался, за что получил георгиевский крест. Вместе со своим братом Петром они воюют на одном фронте, то же самое и другой брат Петр за заслуги в период империалистической войны получает георгиевский крест.

Но эта служба Григорию не дала много служить, его на позиции ранили, где он получил лечение в военном госпитале. За время службы Аксинья стала отдаляться и забывать Григория и его ласки, она забыла. Отдается молодому помещику Евгению и начинает с ним жить.

По приезде Григория в отпуск дворник дед Сашка рассказал о творившихся делах Аксиньи с Евгением, он, конечно, не вытерпел, решил за все это отомстить. Решил своего молодого барина, как старый кучер прокатить до леса, где и решил с ним расправиться.

Григорий расправился, как говорится, не на живот, а на смерть. Где он применил самые свирепые расправы и за Аксинью, и за себя.

Тогда жизнь Григория снова стала искать себе выхода, но старая любовь к Аксинье сохраняется, а сила воли его побеждает, и он снова уходит в свой родной дом к Пантелею Прокофьевичу, где и жила его старая жена Наталья, где жизнь Григория снова сводит с Натальей.

Но через небольшой период времени Григорий снова уходит на военную службу, т.е. на фронт и уже воюет до самой гражданской войны.

Григорий все же не мог бороться по-большевистски, на фронтах, именно он все время шел за белогвардейщиной, но все же психология его не позволяла бороться с врагами, изредка он колебался в своих мнениях, именно когда на какой стороне сила, туда он и шел за тех именно в этом отношении, психология ему и мешала бороться на военном фронте завоевания власти советов.

В одно время он было примкнул к большевикам, но скоро он опять отделился лишь потому, что он боялся ввиду малых сил большевиков. Но Шолохов подробно отразил борьбу во второй части своего романа, т.е. во второй книге, где он показал, что на протяжении всей этой борьбы военных действий начинаются сформировываться партизанские действительно большевистские отряды, эти отряды насчитывались довольно и большие, но не было у них организации, сплоченности. Например, отряд Подтелкова и Кривошлыкова, он довольно крепко дрался с белогвардей-

щиной, но сила этого отряда была незначительна, у этого отряда и мало было оружия и боевых припасов, что не могли победить противника. Но вот эти несколоченные отряды все же они наносили большой ущерб противнику, они мизерным своим оружием громили белогвардейские отряды. Сам Подтелков и Кривошлыков действительно боролись по-большевистски, они вели за собой массу, которая в трудных условиях шла в бой на врага.

Но в конце концов этот отряд был окружен врагом, захвачен, над которым был устроен полевой суд, где их всех расстреляли, а руководителей, т.е. Подтелкова и Кривошлыкова, повесили. Но сила большевистская, которая стремилась за власть советов, перед петлей и то не сдал своего слова, перед военным чиновником белогвардейщины сказал свое резкое слово, которое даже ему не дали и договорить, задушили в петле.

Теперешние колхозники Киевского района Северо-Донского округа Азово-Черноморья, которые сделают конный переход, вот по этому самому историческому пути отряда Донского революционного казачества в 1918 году под предводительством Подтелкова и Кривошлыкова, и тот участник, который остался в живых, покажет им путь Подтелкова-Кривошлыкова и вместе эти колхозники дадут оценку этим революционерам-большевикам, какие были положительные и отрицательные стороны, и что они действительно делали неправильно по разгрому врага.

Но революционное казачество продолжает свою борьбу, позже стали сформировываться красноармейские полки, красноармейцы то же самое довольно прочно дрались, часто из ихних рядов убивали, но красноармейские полки все же настойчиво дрались, то же самое недостаточно с большей своей техникой громили белогвардейцев казаков. Даже после красные особенно активно участие принимали в уничтожении кулацких крестьянских хозяйств, особенно Мишка, много пережег домов кулацких. Вот еще в то время такой борьбой уничтожали врага, на селе и на фронте.

Эта книга «Тихий Дон» довольно заслуживает большого авторитета от читателя, потому что она написана довольно красочным простым языком, описывает борьбу и на фронте с врагом, и на селе с кулаком, и в то же время описывается большая любовная интрига. Этим самым она популяризовала большие отзывы читателей, и четвертая книга наверняка продолжит жизнь Аксиньи, Григория, Натальи и Степана.

Рязановский Сер. Владим. 23 лет.

Младший командир РККА.

Мой адрес:

У.С.С.Р. Харьковской обл., г. Чугуев,
п/я 1495 5/1.
Рязановскому Сергею Владимир.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 705. Л. 44–46; ред. копия — 47–48 об.*)

226. Н.Н. МИХАЙЛОВСКИЙ

20 апреля 1936 г., деревня Печары Костюковичского района Могилевской области (*Беларусь*)

Книга русского пролетарского писателя Михаила Шолохова «Тихий Дон» заставила обратить внимание как на книгу художественную. Книга показывает, как жили казаки на Дону до революции и во время империалистической войны 1914 г. Особенно жалкое положение на протяжении всего времени, которое охватывает книга I «Тихий Дон», занимала женщина. Приходится только вспомнить, как обходился, например, Степан с женой Аксиньей, тяжело побив на другой день после свадьбы, которая после также перешла к Григорию, который за то, что к ней во время, когда Григорий был на фронте, ходил на ночь полковник Листницкий, бил кнутом по лицу. Также показывает эксплуатацию бедного населения помещиками: Листницким и Моховым. Но показано это очень тускло, мало. И, наконец, бич населения — война. Война началась как раз в то время, когда поспевали хлеба, и конница (а конница имела больший вес, чем пехота) беспощадно убивала хлеба. Население было недовольно войной, но показано это тоже тускло. Было, например, и некоторое революционное ядро в хуторе, это столяр Штокман и несколько рабочих мельницы, но было оно очень слабое и вскоре совершенно исчезло <с> арестованием Штокмана. У армии также не было никакого революционного духа, казаки бились до конца жизни за «отечество и царя». Открыл глаза и показал, за что они воюют, украинец Андрей Гаранжа Григорию — герою романа во время пребывания их в Москве в больнице, откуда вскоре Григория отправили домой за то, что он начал возражать важной императорской особе, оглядывавшей больницу. Основной темой книги является жизнь казаков на Дону. Шолохов очень ярко показал все это в художественной книге «Тихий Дон». Шолохову это легко было выразить потому, что он сам сын казака и участвовал в Гражданской войне.

«Тихий Дон» является полезной книгой как отрывок жизни донских казаков. Книгу читают многие с большим наслаждением. И жажда к чтению ее не прекращается. Я, прочитавши книгу,

очень хотел, чтобы она дальше протянулась, но книга оборвалась на приезде Григория домой.

Я хотел бы, чтоб вы на мой отзыв о книге «Тихий Дон» дали ответ, указав адрес автора книги Мих. Шолохова и указав, протягивается эта книга дальше или нет.

Ответ шлите по адресу:

БССР. Станция Коммунары, почта Костюковичи, Костюковичского района, Печарского с/с, колхоз «13 Кастричник».

Михайловский Николай Н., ученик 7го класса Печарской НСШ.

Шлю горячий дружеский привет автору книги «Тихий Дон» и «Поднятая целина», которую я также читал в переводе на белорусском языке.

Михайловский Н.Н.

20/IV–1936 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 699. Л. 49–50 об.*)

227. М.Е. ФЕДОТОВСКИЙ

3 мая 1936 г, деревня Сумино Росляковского района Вологодской области

3/V-36 г.

Я прочитал 3 книги «Тихого Дона», в которых отдельных эпизодов не смог пройти без повторений существовавшей острой классовой борьбы обманутого казачества. Содержание которых производит сильное впечатление, составляющее аналогичную действительность, отражающее кошмарность событий, ярко открыв дни пережитой борьбы, создания роста и укрепления Власти Советов и партийной работы в армии. Я очень доволен, что мог прочесть 3 книги, которые переходят из рук в руки — уже читает после меня 4-ый тов. Сейчас себя чувствую ровно после отпуска. Книги влили еще больше энергии, силы для работы, на укрепление нашего пролетарского государства. Спасибо тов. Шолохову, что он так умело изобразил старые привилегии, быт казачества, которых большинства жизнь ничем не завидна, и раскрыл быт и борьбу белой кости и обездоленного казачества, уничтожавшегося в войне капитализмом на полях запада и юго-запада одинаково с москалями, хохлами и др. угнетенными национальными племенами. С умелым отбором сатрапов царизма, кулачества, офицерства, душителей революции, отобразив борцов и защитников фамильных и бесфамильных, сложивших головы за дело социализма.

Прошу Гос. изд. худож. литературы выслать мне 4-ю книгу «Тихого Дона» наложенным платежом, а также книгу «Как закалялась сталь» Островского, «Поднятая Целина».

По адресу: Северный край, Рослятинский район, Суминский с/сов.

Председателю сельского совета Федотовскому Мих. Епифановичу.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 43–44*)

228. В. ВЕРЕЩАГИН

<До 26 мая 1936 г.>, город Енисейск Красноярского края

Отзыв о книге «Тихий Дон».

Прочитавши книгу автора Шолохова Мих. 1 часть (первую книгу), я очень остался доволен. До этого я только слышал, что «Тихий Дон» книга очень хорошая, но мне не приходилось ни одного произведения Шолохова читать. И в общем я считал это произведение, как и Фурманова книга «Чапаев», о котором очень много говорят, но когда прочитал, ничего не стоит, ничем не может заинтересовать читателя.

А когда прочитал первую книгу автора Шолохова «Тихий Дон», то мне очень понравилась, в которой пишет автор просто, понятно. И когда читаешь такую книгу, как будто бы ты сам это видишь или сам все это испытываешь и все дальше тебя затягивает в чтении. Особенно автор книги поставил на такое место семью Мелехова, что везде или во всей книге являются он и герои в свое время. И обрисовал очень ярко Григория Мелехова, который не может еще понять себя, для кого он борется, во-первых, ему страшна была война и он не мог привыкнуть и понять, за что борется, только когда приехал в Москву в глазное отделение, там ему открыл глаза украинец Гаранжа, пояснил, кому нужна война. И тут же увидел в глаза, когда приезжала особа царской фамилии и он не захотел ей отвечать. Словом, казак хотя еще не перевоспитался, но подходит к этому очень тихо, т.к. они тогда привыкли еще служить царю-батюшке. И таких книг надо очень много для молодежи, которые дают хорошие понятия о прошлой жизни. И пишу, чтобы отдать благодарностью изданию этой книги. И желаю еще, чтоб побольше таких книг выпускали.

Читатель Верещагин Василий, прож. Красноярский край, г. Енисейск, ул. Рабоче-Крестьянская, д. 2.

Профессии не имею, чернорабочий.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 705. Л. 49–49 об.; ред. помета о дате получения письма: «26/V-36»*)

229. А.Т. ВАРЛАМОВА

<6 июня 1936 г.>, Иваново

Сообщаю свой отзыв о книге «Тихий Дон», книга I М. Шолохова.

Эта книга мне очень понравилась. В этой книге ярко показана культура и быт царской деревни. Автор говорит понятным, для широких масс, языком.

Меня интересуют некоторые вопросы:

1. Жив ли писатель?

2. Если жив, то где он живет и чем занимается?

3. Какие еще есть его произведения[1]?

Адрес: город Иваново, 1-й рабочий поселок,

Квартал 18, дом 6, кв. 3.

Варламова Анастасия Т.

Мой профессия — педагог начальной школы

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 757. Л. 43*)

[1] Помета редактора на письме: «отв<ечено> 14/VI».

230. Н.М. ЗАЛОМЕНКОВ

7 июля 1936 г., Свердловский район Орловской области

Мой отзыв о первой и второй книге Шолохова «Тихий Дон»

Дорогие товарищи!

Эти книги я прочитал с большим интересом, перечитывая их по нескольку раз, разбирая каждое предложение, каждую строчку, легко понятную не только мне, но и малограмотному колхознику.

После этих книг мне понравился Шолохов, как талантливый писатель, который умело показал картину казацкой жизни.

Здесь отображена сущая действительность. Шолохов не жалел красок на эту великую картину, но и не приукрашивал.

Как в зеркале показана казацкая жизнь и до войны, и во время империалистической войны и гражданской.

Яркой чертой подчеркнута национальная вражда, посеянная заботливой рукой царского правительства.

Через все книги романа проходит образ смуглого Григория. Он — герой романа.

Горячая любовь к Аксинье заставила его пойти на казацкую низость — в работники. В империалистическую войну Григорий — кавалер всех четырех степеней. Получил он их не как Петро, а с геройством. Петро в войне выигрывал. Григорий — силы истратил.

Все эти действия умело сгруппированы в одно целое.

Во второй книге перед нами проходит образ революционера — Бунчука. Он весь период империалистической войны вел революционную пропаганду среди солдат. После революции круто повернул свой пулемет в сторону белобандитов, и вдруг при разгроме остатков буржуазии, сломился. Это меня сильно разволновало.

Я в этом году окончил 8-й класс при Яковлевской образцовой Н.С.Ш. Мне 17 лет. Буду учиться дальше, но неизвестно где. Склонность к литературе и рисованию я имею с ранних лет.

У меня сейчас есть небольшие произведения, которые я писал по русскому языку. Но ведь без помощи писателем трудно быть. Лучшие произведения я думаю послать в журнал «Колхозник» для проверки.

7/VII-36 г.

Мой адрес:

Курская область, Свердловский район, Ивощинский с./с.

К-з «Новая заря»

Заломенков Николай Мих.

Если можно, пришлите литературный путь Шолохова.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 705. Л. 51–52 об., ред. копия — л. 53*)

231. А.В. ВЛАСЕНКОВ

<Июль 1936 г.>, поселок Земляное Тавдинского района Свердловской области

Прочитав эту книгу, т.е. «Поднятую целину», мне эта книга понравилась, и решил спросить в издательстве: будет ли II часть «Поднятой целины», так как здесь в последней строке этой книги написано: «... старое началось сызнова». Вот и интересно узнать, чем кончится. Напишите тоже на мой вопрос[1].

Мой адрес: Омская обл., ж.д. им. Кагановича, ст. Тавда, п/о Земляное[2], ул. Кирова, дом № 16.

Власенкову Анатолию Васильевичу.

Мой возраст 15 лет, я ученик, учусь в 7-м классе.

К сему <Подпись>.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 757. Л. 77*)

[1] Помета редактора на письме: «отв<ечено> 5/VIII».

[2] Поселок Земляное был основан в 1931 г. как поселение для раскулаченных спецпереселенцев из Кубани, Украины и Белоруссии.

232. П.Ф. АБАИШОВ

1 августа 1936 г., город Полоцк Витебской области (*Беларусь*)

Прочитав первую книгу «Тихий Дон», я не могу найти таких слов, чтобы выразить всю глубину ее содержания, которое втягивает в безотрывное чтение.

Мне лично эта книга понравилась до такой степени, что я использовал каждую свободную минуту для чтения этой книги (во время принятия пищи и т.д.), прочел я ее за 10 дней, из них я выкраивал свободные минуты. Сейчас пишу и думаю, как бы скорее получить 2-ю часть и прочесть как можно быстрее.

Мне кажется, что автор данной книги писал с таким расчетом, чтобы заинтересовать читателя и развить в нем политический кругозор.

Например: Гаранжа, лежавший вместе с Мелеховым Г. в Московском госпитале и спрашивая Мелехова — за что они воевали? Кому приносит пользу война? За что бьют подобных им людей?

После он эти вопросы охарактеризовал так, что Мелехов не находил противопоставления справедливым выводам Гаранжи. И невольно соглашался. После таких выводов у меня тоже осталось очень многое.

За великие труды и прекрасное содержание вышеуказанной книги «Тихий Дон» я автору выношу благодарность и желаю ему долгой жизни. Пусть живет и пишет больше подобных книг.

С искренним приветом

Читатель Вашей книги П.Ф. Абаишов.

1/VIII-36 г.

Краткая автобиография

Родился в 1913 г. Крестьянин (к-зник), русский. Окончил 2-х годичные курсы Агропрактикума (при Илекском с/х техникуме). До этих курсов имел образования 2 группы. Родителей не имею, холост. В данное время в рядах Р.К.К.А.

Мой адрес: БССР, г. Полоцк п/я № 2626 2/5.

Абаишов П.Ф.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 705. Л. 59–60 об; ред. копия — 61–61 об.*)

233. В.В. ЕВСЕЕВ

1 августа 1936 г., село Рамзай Мокшанского района Пензенской области

Я прочитал 3 книги «Тихого Дона». Эти книги сильно заинтересовали меня. Я через издательство московского сектора[1] шлю

пламенное спасибо М. Шолохову и желаю ему долгого времени своей жизни. Я прошу московский сектор, как можно получить 4 книгу «Тихого Дона». Прошу сообщить и указать цену[2]. Я даю вам свой адрес.

Мой адрес: п/о Рамзай, колхоз «Авангард», Пензенский район, Куйбышевский край.

Евсееву В. Васильевичу.

1/VIII-36.

<Подпись>

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 757. Л. 81*)

[1] Правильно: массовый сектор.

[2] Помета редактора на письме: «отв<ечено> 4/VIII».

234. Н.Ф. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ, А.А. ШЕСТОВ

4 августа 1936 г., деревня Недойка Буда-Кошелевского района Гомельской области (*Беларусь*)

Мы, студенты Новобелицкого рабфака при Белорусском Лесотехническом Институте Александровский Николай Ф. и Шестов Аким А., находясь на летних каникулах, прочли все три книги Шолохова «Тихий Дон», за которые выносим писателю великую благодарность.

Просьба до редакции.

Так как мы не имеем адреса Михаила Шолохова, а хотим у него кое-что спросить, то мы просим редакцию переслать М. Шолохову наш листок, который мы здесь написали.

Наш возраст: Александровский — 1920 г.<рожд.>,

Шестов — 1917 г. <рожд.>.

Александровский <Подпись>

Шестов<Подпись>

4/VIII-36 г.

Дорогой Михаил Шолохов!

Прочитав Ваши три книги «Тихого Дона», выносим Вам, уважаемый Михаил, великую благодарность за то, что все события в романе описаны красочно и полно, что Вы, не скрывая ничего, простым языком описали и показали все те события и взаимоотношения между самими героями романа.

Теперь мы просим Вас ответить нам на следующие, интересующие нас вопросы:

1. Герои, которые показаны в «Тихом Доне» (Григорий Мелехов, Аксинья Астахова, Степан Астахов, Митя Коршунов, Лиза Мохова, Наталья Коршунова, Евгений Листницкий и др.), являются действительными или просто придуманными.

2. Если они (герои) действительные, то живут ли которые из них еще и теперь?

3. Если же они придуманные, то каких лиц они заменяют собой (укажите их фамилии).

4. Если который из героев живет и теперь, то укажите нам его адрес (когда знаете).

Желаем Вам, дорогой Михаил Шолохов успешно закончить четвертую книгу «Тихого Дона»!

Шлем Вам горячий студенческий привет! Укажите Ваш адрес. Ждем ответа с нетерпением!

Студенты III-го дневного курса Новобелицкого рабфака при Белорусском Лесотехническом Институте

Александровский Николай Фролович,

Шестов Аким Алексеевич.

Наш адрес:

Б.С.С.Р., ст. Буда-Кошелевская,

Буда-Кошелевский район,

Недойский с/с, п/о Недойка,

К-з имени Кирова — Александровскому Н.

4/VIII-36 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 705. Л. 54, 55–56; ред. копия — л. 57–58*)

235. В.И. ЦВИЛЕВ

15 августа 1936 г., деревня Карбовка Погарского района Брянской области

Москва

Массовому сектору

Колхозника Цвилева Василия Игнатьевича.

Рожд. 1903 года,

б/п, образование Церковно-приходская школа (3 класса).

Работаю секретарем Почарского р-на

Западной области с 1/I 31 г.

15/VIII-36 г.

Прочитав книгу «Тихий Дон» — книга первая, какой тронут и не могу забыть содержание книги, я читаю регулярно газеты, особенно «Известия», где писалось, что выйдет книга «Тихий Дон» и

«Поднятая Целина»– автор Шолохов, но такой я в своем районе не мог найти, и только 28/VII- 36 г. мне удалось найти в другом районе, каковую я взял под расписку почитать.

Из прочитанных мною несколько книг, я нахожу одна из лучших по своему содержанию и тяготению к читке «Тихий Дон», в каковой ясно отражены бывшая неграмотность нашего казачества, насильственность и эксплуатация помещиков над казаками, набор молодых казаков в службу по их классовости, война с германцами и австрийцами, а также замечательно любовно-брачная жизнь молодежи, где главную роль играет Гришка, Аксютка и Наталья. Ценю книгу как одну из лучших и прошу массовый сектор дать мне указание, где можно купить следующие части книг «Тихий Дон». Свободного времени прочитать я <не имею>, использовываю выходные дни и по окончании работы.

Адрес:

Карбовский с/с., Погарский р-н, Зап. обл.

Секретарю с/с Цвилеву.

Читатель — <Подпись>.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 705. Л. 70–70 об.*)

236. Г.А. БУДКИН

16 августа 1936 г., деревня Власово Мценского района Орловской области

16/VIII-36 г.

Фамилия — Будкин.

Возраст —

Партийность —

Образование —

Профессия — художник.

«Тихий Дон»

Уважаемые товарищи!

Даю свой отзыв о «Тихом Доне» А.М. Шолохова <sic!>.

Сколько я книг ни читал, читал классическую литературу, но не мог увидеть хорошего.

Читал М. Горького, но равных «Тихому Дону» не нашел.

«Тихий Дон» — триумф советской литературы, ибо в «Тихом Доне» заключены все могущества и краски, и яркость слова в нашей современности, и Шолохов творец этой книги беспримерно дал гениальный документ в советскую литературу.

Чем же дорог «Тихий Дон»?

Ответ следующий. Экран, где точки зрения выпукло в натуре показаны жизнь и вообще Донское казачество, здесь художе-

ственно описано все происходившее. Все чувства, все силы вложены в «Тихий Дон». Язык и композиция, персонажи сильно закрепляют произведение. «Тихий Дон» станет алеть рядом с именами, как Декамерон[1], Толстого, Гоголя, Диккенса.

Наша литература и добрые очеркисты-писатели должны учиться и учиться, бесспорно, у Шолохова. Шолохов есть гордость и радость советской литературы. Ибо наша литература еще бедная.

Шолохов современник. Ибо он величайший инженер человеческих душ, институт, где находится вся его талантливость.

Учиться у Шолохова. Смех и горе, и душа, сердце, казалось, голосовали в «Тихом Доне».

Желаю читать всем «Тихий Дон». Книга очень замечательна для нашего времени.

ИЗДАТЕЛЬСТВА!

Разрешите мне иметь право сделать критику на произведение «Бруски» — Панферова[2].

Разбор полный во всех сторонах.

Укажите сроки представки труда. Пишите мне письмо и свое мнение.

Фольклорист художник Григорий А. Будкин.

Власов<ский> с/с,

Мценский р-н

Курской области.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 705. Л. 62–62 об.*)

[1] Речь идет о собрании ста новелл итальянского писателя Дж. Боккаччо; это книга итальянского Ренессанса, датируемая 1352–1354 гг. Впервые на русском языке была издана в переводе А.Н. Веселовского в 1891 г.; впервые в СССР книга была издана под редакцией Н. Томашевского в 1970 г. в серии «Библиотека всемирной литературы» (Т. 29).

[2] См. примеч. к п. 10, 27, 42, 117, 178.

237. А.И. КОЛОТОВА

<Август1936 г.>, поселок Уфимский Каргатского района Новосибирской области

Книга знатная. Прочитав эту книгу, получается мнение о беспощадной борьбе с классовыми элементами, с врагами нашей социалистической родины. Кажется, если бы было это сейчас, то, не щадя своей жизни, я пошла бы бить этих чуждых наших врагов. Я осталась недовольна тем, что, прочитав 3-ю книгу «Тихого Дона», не узнала, что сделалось с Григорием Мелеховым, который так много

вредил нашей доблестной Красной Армии. Но все остальное, начиная с 1-й и кончая 3-й книгой, мне понравилось: описание местности, сравнения, описание героев хорошими чертами, художественными чертами были снабжены герои коммунисты Мишка Кошевой, Иван Алексеевич, Штокман и др. Когда читаешь эти главы, так сливаешься с этими героями и думаешь, немногие же они дожили до нашей счастливой жизни. И <смогли> увидеть наших вождей, наших маршалов нашей страны. Вы живете в Москве, передайте от меня пламенный комсомольский привет нашей партии и ее руководителю мудрому Сталину. Пишите, как достать 4-ю книгу[1].

Читатель <Подпись>.

Ст. Каргат Каргатского района, Уфимский с/с.

Колотова Анастасия Ивановна,

рождения с 1917 г., 1-го января.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 757. Л. 84*)

[1] Помета редактора на письме: «отв<ечено>. 10/VIII».

238. А.М. САРЫЧЕВ

<Сентябрь 1936 г.>, станица Староаннинская Новоаннинского района Волгоградской области

Мне 18 лет, работаю агентом связи при Староаннинском с/с Новоаннинского района Сталинградского края.

Книгу «Поднятая целина» М. Шолохова мне удалось прочитать только в 1936 г. в сентябре месяце, тогда когда книга существует уже несколько лет. Книга мне очень понравилась. Все, что описал т. Шолохов, все это проходило и у меня на глазах в годы коллективизации.

Книга хороша, нет слов, только беда, что я прочел только 1-ую часть, и мне хочется прочитать и вторую часть, т.к., если прочитаешь 1 главу, у тебя зарождается мысль, а что же будет дальше. А потому прошу массовый сектор ГИХЛА выслать мне вторую часть наложенным платежом по адресу:

Сталинградский край,

Ново-Анненский район,

Хутор Старо-Анненский.

Сарычеву Архипу Максимовичу.

Если же нельзя выслать наложенным платежом, то дайте ответ, почему нельзя. Если же нельзя выслать наложенным платежом, то вышлите прейскурант цены книг. Книги я выберу и сделаю перевод на потребующуюся мне литературу.

С ответом торопитесь[1].

С приветом <Подпись>.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 757. Л. 97*)

[1] Помета редактора на письме: «отв<ечено> 3/Х».

239. Ю. БАРАНОВСКИЙ

<До 14 октября 1936 г.>, Ленинград

Ленинград.

Письмо в редакцию

Недавно я прочел 1 часть «Тихого Дона» Шолохова. Книга эта меня очень и очень захватила. Читая эту книгу, переживаешь все, что переживают главные герои этой книги.

Книга написана очень правдиво, и, прочитав ее полностью, становишься на сторону угнетенных.

Мне 13 лет, учусь в 23 школе Выб<оргского> р-на в г. Ленинграде. На читку книги я пожертвовал все свободное время и поэтому прочел ее очень быстро. Очень ярко у Шолохова описаны ужасы войны, но очень мало революционной агитации на фронте. Среди казаков почти нет сознательных, которые понимают, для кого нужна война. В ярких красках описана встреча Григория с родными, встреча Натальи с Аксиньей и т.д.

Сейчас я стараюсь достать II-ю книгу, думаю, что она будет нисколько не хуже первой.

С пионерским приветом

Ю. Барановский.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 705. Л. 75–75 об.; ред. копия –л. 76; ред. помета о дате получения письма: «14/Х»*)

240. Н.Ф. ЛИТОВКА

17 октября 1936 г., станица Анастасиевская Славянского района Краснодарского края

Отзыв

на две книги Шолохова «Тихий Дон»

Дорогие товарищи!

Я не читатель тот, который наслаждается романтикой и выбирает книги любовные, читает их замкнуто, без всякого рассудка сам для себя, иногда его спросить, то он не может рассказать, о чем нужно, а читает лишь для того, чтобы провести свободное время.

Я, наоборот, читаю с целью изучить всю историю гражданской войны, у меня нет свободного времени, особенно сейчас во время осеннего сева. Я работаю заправщиком тракторного отряда <из> 5 тракторов, работают день и ночь, как часы, надо внимательно следить за горючим, все же я каждую ночь уделял по 3–4 часа для чтения книг. Что же меня интересовало в книгах Шолохова. Первое то, что героями книги являются закоренелые Мелеховы — казаки Дона. В книге ясно показано, как варварски относились к женщинам, крестьянкам, казачкам. Бедная Аксинья, сколько она горькой нужды и горя пережила через мужа и полюбовника Григория. Не мало потерпела горя и Наташа. Какие горькие и опасные роды пережила Аксинья. Благодаря своей темноте издевались над ней разъяренный Гриша и подлый офицер Гриша. В книгах ясно рассказана жизнь на фронтах. Какие плохие условия бойцов казаков и солдат: плохое питание, червивое мясо, как тяжело умирают от пуль и газов русские солдаты и казаки, по семь лет томились бедные казаки на русских царских войнах, по семь лет тянули страдания от голода, холода и плохих условий, защищая веру, царя и отечество.

По несколько лет не видели отцов, матерей и жен и своих детей, погибали на фронтах от вражеских пуль. Не видели ничего нужного для жизни и существования, а знали только уничтожать людей. Но потом утомленные боями, голодом, холодом, некоторые бедняки солдаты и казаки, которые из них поняли, что они защищают чужие интересы и убивают своих братьев пролетариев. Начинают агитировать и разлагать царскую кровавую дисциплину. Организовывают митинги против войны, уничтожают офицеров. Усиленно работают большевики, и целые полки и дивизии создают ревкомы, выгоняют Корнилова, Деникина. Становятся во власти ревкомы и депутации.

Но печально кончается книга. 75 человек кровавой рукой есаула карателя кровопийца Попова идут мужественные красногвардейцы под расстрел[1]. Ох, сколько мук перенесли эти люди, стоявшие за нашу родину. Они спят в могиле в степях Дона. Как ужасно тяжело читать за повешивание героев Подтелкова и Кривошлыкова. Я понял, какой дорогой прошла наша страна, как дорого заплатили своей кровью наши отцы. Надо с честью оправдать звание советского гражданина, мне вспоминается суд над террористами в г. Москве[2]. Я чувствую, как возбуждается гнев против троцкистов, которые хотят убить т-ща Сталина, Ворошилова, Кагановича и других вождей, которые за нашу страну в годы войны так же могли погибнуть, как Подтелков и Кривошлыков.

Ведь наши вожди всю жизнь посвятили улучшить жизнь трудящихся. Конечно, смерть изменникам родины[3].

Я внимательно прочел две книги «Тихий Дон», а также в прошлом году читал «Поднятую целину». Поэтому я желаю прочесть 2-ю книгу «Поднятая целина» и 3-ю «Тихий Дон». Но, наверное, они еще не вышли.

Мне настолько понравились своей правотой эти книги, так что, если бы мне предложили собрать материал из жизни крестьян и казаков Кубани, я бы с охотой согласился. Ведь много крас<ных> партизан и солдат имеется на Кубани, которые были на фронтах всех войн.

Большое спасибо товарищу Шолохову за хорошую книгу, за правдивое слово.

Моя профессия: заправщик в тракторном отряде или рядовой колхозник.

Мой адрес: Азово-Черноморский край, Славянский район, ст. Анастасьевская, колхоз «Путь Ленина».

Литовка Николай Федорович.

17 октября 1936 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 705. Л. 78; ред. копия — л. 79*)

[1] Речь идет членах отряда Подтелкова, приговоренных 27 апреля (ст. ст.) 1918 г. военно-полевым судом к смертной казни; в список, представленный в романе «Тихий Дон» (глава XXVIII пятой части романа) включены фамилии 75 человек.

[2] Речь идет о процессе по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Открытый процесс проходил 19–24 августа 1936 г. в Москве; дело слушалось в Военной коллегии Верховного суда СССР. В качестве подсудимых к процессу были привлечены 11 человек — Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Г.Е. Евдокимов, И.Н. Смирнов, И.П. Бакаев, С.В. Мрачковский, В.А. Тер-Ваганян, Е.А. Дрейцер, И.И. Рейнгольд, Р.В. Пикель, Э.С. Гольцман. Подсудимые обвинялись в том, что по заданию Л.Д. Троцкого создали террористический центр с целью убийства высшего руководства страны: И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова, Л.М. Кагановича, П.П. Постышева, А.А. Жданова, С. Орджоникидзе. 24 августа 1936 г. все подсудимые признали свою вину, за исключением Смирнова и Гольцмана, которые признавались только в участии в подпольной организации, и на основании признания были признаны виновными и приговорены к высшей мере наказания. Этот приговор был отменен Пленумом Верховного суда СССР 13 июня 1988 г. за отсутствием в действиях подозреваемых состава преступления. Об освещении процесса в газете «Правда» см. далее примеч. 3 к п. 250.

[3] Для сравнения см. освещение процесса в газете «Известия» (с 18 по 26 августа 1936 г.), которое сопровождалось публикацией писем рабочих, колхозников, деятелей культуры и литературы с требованием покарать подсудимых: из Одессы («Врагам народа не может быть пощады»), из станицы Крымской («Очистить СССР от гнусных убийц») (18 авг. С. 3); из Саратова («Расстрелять фашистских убийц — требование трудящихся») (20 авг. С. 2); из Курска (Уничтожить гадов»), из Москвы («Расстрелять!») (21 авг. С. 1); из Челябинска («Никакой пощады вра-

гам революции»), из Горького («Проклятые изменники!»), из Киева («Ученые требуют расстрела террористов») (22 авг. С. 1), из Минска («Уничтожить врагов народа»), из Липецка («Никакой пощады убийцам») (23 авг. С. 1); из Архангельска («Подлых предателей стереть с лица земли»), из Староселья («Смести с лица советской земли фашистских убийц») (24 авг. С. 3); из Пятигорска («Враг должен быть уничтожен до конца»), Ленинграда («Собакам — собачья смерть»), из Горловки (Расстрелять!») (26 авг. С. 2) и др.

241. А.А. КУЗАКОВ

3 ноября 1936 г., поселок Оловянная Забайкальского края

Письмо 3.11.36 года.

Добрый день!

В своем небольшом письме сообщаю свои взгляды на произведения Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина».

Материал в них вложен простым русским языком и художественно оформлен, что является достижением для широких масс.

Книга «Поднятая целина», материал в которой, на <мой> взгляд, что он надоел и всем приелся, о колхозном строительстве.

Но Шолохов сумел в него вложить то, что книга стала интересная и для всех, кто был противен к этому делу, т.е. колхозному строительству, и интересной.

Товарищи, по данным газеты «Правды» (не помню номера) Шолохов дал обещание закончить оба произведения, т.е. 4 книгу «Тихий Дон» и 2 книгу «Поднятая целина» к 1 января 1937 года, при получении им партбилета при обмене в Вешенской станице Азово-Черноморского края Донского округа[1].

А поэтому я поспешил пораньше написать, так как живу далеко от издательства, чтобы вы выслали 4 кн. «Тихий Дон» и 2 кн. «Поднятая целина», как только они выйдут из печати, по адресу:

Восточно-Сибирский край, ж.д. им. <В.М.>Молотова. Ст. Оловянная, п/я 74.

Кузакову Алексею Алекс.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 705. Л. 82–82 об.*)

[1] 26 апреля 1936 г. в станице Вешенской начался обмен партийных документов: «Партбилет № 098 1052 получил пролетарский писатель М.А. Шолохов...»; после вручения партбилета Шолохов беседовал с корреспондентом ТАСС, о чем было сообщено в газете «Большевистский Дон» 25 апреля 1936 г. (см.: *Летопись*. С. 139). 20 октября 1936 г. писатель сообщал, что четвертая книга романа наконец-то закончена: «Через полтора-два месяца я надеюсь сдать ее в печать. Четвертая книга сейчас меня целиком поглощает... Снова и снова отделываю ее. Много езжу по станицам и все исключительно с одной целью — переправляю уже написанное, собираю дополнительные данные, относящиеся к концу романа» (*Экслер И.* У Шолохова // Известия. 1936. 20 окт. С. 4).

242. И.Т. ХАМАЮНОВ

29 ноября 1936 г., город Балаганск Иркутской области

Дорогой товарищ!!!

Мне очень понравились Ваши книги, как например: «Тихий Дон», «Поднятая целина» и т.д.

Я прочитал все три книги «Тихий Дон» и первую книгу «Поднятая целина». С большим увлечением я читал «Тихий Дон». Я не знаю, где мне найти $4^{\text{ую}}$ книгу «Т. Дона». Вы скажите: что происходит дальше с Гришкой Мелеховым, с Аксиньей, с Натальей, со Степаном Астаховым и с Мишкой Кошевым?

Мне сейчас 17 годов, окончил $7^{\text{ми}}$летку в 1934 году, член В.Л.К.С.М. Работаю счетоводом в своем колхозе.

Адрес мой:

В.-С. область (по новой конституции), п/отд. Балаганск, Балаганский район, Молькинский с/совет, с/х артель «Красная Молька».

Иннокентий Трофимович Хамаюнов.

Жду ответа от Вас.

Жму Ваши руки.

29/XI–36 года.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 700. Л. 66–66 об.*)

243. Д.А. ПУЛУКЧ

16 декабря 1936 г., село Кокпекты Восточно-Казахстанской области (Казахстан)

Прочитав книгу «Тихий Дон» Шолохова, я впал в очарование. Мне кажется, что нет такой интересной и полезной книги в мире, как по художественному и политическому ее достоинству. Передо мной ярко раскрываются картины войны, но и не отсутствуют личные переживания героев, переплетаясь с общественными. Прочитав ее в течение одной ночи, я ходил, как в забытьи. Мне в голову невольно наплывали мысли об этих замечательных героях романа, которых выводит автор. Прошло уже полгода, как я ее прочитал, но до сего времени у меня в сердце остается незабываемая печать лиц этих героев, хотя я их и не видал, но автор преподносит так, что я и сейчас вижу перед своими глазами их. Книга очень интересная.

Мне 18 лет, учусь в Кокпектинской средней школе на русском языке (сам болгарин) в VIII классе.

С нетерпением жду четвертую книгу, которая, по-видимому, до нас и не дойдет.

Мой адрес: Восточный Казахстан, Семипалатинская область, город Кокпекты. Ленинская, № 51.
Получить Д.А. Пулукчу.
ЖДУ ОТВЕТА.
16/XII-36 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 703. Л. 29–29 об.*)

244. В.М. СТРЕЛКОВ

19 декабря 1936 г., Кронштадт

19/ XII 36 г.

Сообщаю вам о том, что даю отзыв на изданную вами книгу «Тихий Дон», которую я прочитал. Все три книги мне очень понравились; когда я их прочитал, я порекомендовал своим товарищам-краснофлотцам, которые тоже дают очень хороший отзыв. Книга эта, она очень много дает знать из истории гражданской войны с 1917 по 1919 гг. на тихом Дону; вернее говоря, в этой книге особенно характеризуется война 1914 года и превращение этой войны в гражданскую. Особенно хорошо описана борьба Красной армии с казачеством и упорная и страшная борьба казачества за свою независимость. Особенно важно то, как белогвардейские офицеры и генералы спровоцировали казачество на восстание против советской власти. Еще хорошо характеризует генералов Корнилова и Краснова расстрел и казнь Подтелкова с его отрядом, большевика Бунчука и ряд других большевиков, в общем книга очень хорошая. Эта книга много дает для изучения истории партии: и как завоевывалась советская власть, и в каких условиях завоевывали советское казачество. Вот и все, что я хотел написать. Дальше вы просите, чтоб читатель указал свой возраст профессию и образование.

Возраст мой такой: я рождения 1914 года, по профессии до армии был дизелист электростанции, в настоящее время служу в рядах РККФ Балтийского моря и занимаю должность моториста-дизелиста образовательный уровень мой небольшой, всего 4-х летка.

Вот и все, что я вам хотел написать.
Мой адрес: Кронштадт, п/я 117.
Краснофлотцу Стрелкову В.М.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 703. Л. 18–19*)

245. И.А. КОРОЛЕВ

26 декабря 1936 г., город Белев Тульской области

Прочитав книгу «Тихий Дон», я могу сообщить следующее, что говорится в книге «Тихий Дон»:

1) Кому служила царская армия и чьи защищала интересы;
2) Кто служил и кто был командным составом царской армии;
3) Почему казачество крепко стояло за буржуазию;
4) Почему в царской армии пошли разногласия и отказ от борьбы за бурж<уазию>;
5) Руководство партии большевиков.

Царская армия служила для защиты буржуазных интересов, для защиты царя и отечества, а что такое отечество, солдаты не знали; и не знали, за что они боролись и чьи защищали интересы. Царская армия служила для защиты буржуазии, для захвата чужих территорий, для подавления революционного народа. Буржуазия натравливала одну национальность на другую, потому так резко одна нация обозлялась на другую. В царской армии служили рабочие и крестьяне, командный состав состоял исключительно из дворян, помещиков, фабрикантов, купцов. Конечно, из бедняков и середняков не могли быть командиры, потому что им не было допуска и прав.

Основной силой в царской армии было казачество, которое служило для подавления революционного народа, где происходили восстания, туда высылались казачьи полки для подавления революционного народа. Конечно, не все были за буржуазию, часть бедняцкого казачества, которое шло против буржуазии, например, как Григорий Мелехов, и много других передовых людей, которые шли против буржуазии и сплачивали массы населения против буржуазии. Наконец, когда солдаты поняли, за что они боролись, чьи защищали интересы, они повернули оружие против буржуазии.

Руководство партии большевиков, которое разъясняло всему передовому населению и сплачивало в единое государство против буржуазии, помогло свергнуть власть буржуазии, власть помещиков капиталистов, и взяло власть в свои руки. Все богатство перешло в руки рабочих и крестьян, когда партия сплотила все национальные республики в единое государство СССР, где все богатства принадлежат трудовому народу, а не помещикам и капиталистам. Рабочий класс и крестьянство знают, за что они боролись, и знают о том, что все принадлежит трудящимся.

В отношении женского состава я описывать не буду, что из себя представляет женщина, потому что много таких случаев, как Аксинья, мне приходилось видеть, и если писать о том, когда проходила коллективизация нашей страны, то много таких случаев можно описать.

Благодаря всему этому наша партия большевиков сплотила все национальности в единое общество во главе которого стоит лучший учитель трудящихся человечества товарищ Сталин. Мы построили социализм, где ни одна буржуазная страна не посмеет на нас напасть, а если посмеет напасть, то пусть попробует, мы можем дать отпор, в любое время откуда и когда бы он ни вздумал.

Я заканчиваю писать мой отзыв, потому что имею низшее образование, потому не могу дать яркий отзыв об книге «Тихий Дон».

Если будет иметь какое значение мой отзыв, то я тогда буду в дальнейшем писать о прочитанной литературе. В дальнейшем буду писать о том, как у нас проходила коллективизация сельского хозяйства: кто шел против, кто организовывал колхозы, кто был передовой по организации колхозов, а также могу описать о женщинах и т.д. и т.п.

До свидания.

Сообщаю о моем возрасте профессии и т.д.: профессия моя крестьянин, занимался земледелием, жил в батраках у попа. В колхозе состою с 1929 года. Окончил сельскую школу трехлетку, дальше не было возможности учиться. В 1934 году окончил курсы колхозного счетовода и работал до отправки в РККА, в настоящее время нахожусь в рядах Красной армии с 14 января 1936 года.

Королев И.А.

Вот вся моя краткая биография.

Адрес: г. Белев, Московская область, полковая школа, почтовый ящик № 1. Иван Алексеевич Королев.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 703. Л. 20–22 об.*)

246. С.А. КОВБАСЮК

<1936 г.>, станица Исправная Зеленчукского района Карачаево-Черкесской Республики

В 1935 г. я прочел 2 книги (1 и 2) «Тихий Дон» Шолохова. В том же году видел кинокартину «Тихий Дон» и вот сейчас, в 1936 г., июль 4–5-го, я прочел третью книгу «Тихий Дон».

Читая 3-ью книгу, я великолепно вспоминаю прочитанные ранее 2 книги, задыхаясь от волнения при моментах чтения про кровожадного Григория Мелехова.

Книги очень хорошие. Ведь я же рожден на Донце в ст. Недвиговской, все мои родные дяди Сердюковы погибли в борьбе за Сов. власть с бандами Деникина и Колчаком. Один командовал красным десантом, был зверски изрублен казаками, и другого изрубили дроздовцы.

Я с большим нетерпением дочитывал конец 3-ьей книги, надеясь, что этого злодея, не имевшего никакой жалости к красным бойцам, в конце концов, уничтожат, но, нет, он остается, Мелехов с казаками. Но что же дальше? Чем же кончится это кровопролитие за осуществление Сов. власти на Дону.

Автор этих книг так прекрасно просто пишет, что все понимаешь и догадываешься, читая, представляешь, что вот попасть в те места, где были бои, можно много узнать, увидеть, руководствуясь книгой. Я прочел не менее 500 романов и множество повестей, рассказов, но таких родных мне книг не находил.

Я прошу вас за любую стоимость выслать мне 4-ю книгу по адресу: Аз.-Чер.К., Удобненский р-н, ст. Исправная, улица Подгорная, № 56. Ковбасюк С.А.

Я буду очень рад, если вышлете.

Ковбасюк С.А.

Ковбасюк Сергей Антон., рож. 1914 г. (В настоящий момент, т.е. с 1931 г., работник кооперации.)

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 699. Л. 67–67 об.*)

247. Ф.В. АБРАМЫЧЕВ

<1936 г.>, г. Дзержинск Нижегородской области

Прочитав 1, 2, 3 книгу «Тихий Дон», я с большим интересом сидел почти до полуночи за чтением. Уж очень подробно, без прикрас все сказано. Много я читал беллетристики и рассказов, но лучше этих книг не встречал. Я сам был в Гражданской войне в 25-й Чапаевской дивизии и 30-й Иркутской дивизии 2 года на фронте, и мне было интересно читать и вспоминать давно прошедшее время, когда нас кидало из конца в конец, с фронта на фронт. Я жду сейчас с большим интересом 4-ую книгу.

С почтением к Вам бывший чапаевец Абрамычев Федор Васильевич. Год рождения мой 1898. Моя профессия — техник. Мой адрес: Горьковский край, Дзержинский район, Завод № 80[1].

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 705. Л. 150–151*)

[1] Старейший завод химической промышленности (с 1916 г.) — завод взрывчатых веществ; советская практика именования (и переименования) заводов —

присвоения им номера; завод № 80 позднее получил свое имя в честь пламенного революционера, первого председателя ВЦИК Я.М. Свердлова (завод № 80 им. Свердлова).

248. И.С. АБРАМОВ

4 января 1937 г., село Линда Нижегородской области

4 января 1937 года.

Дорогие товарищи, я не слишком много грамотен, всего окончил только три года сельской школы, в настоящее время работаю девятый год трактористом: мой возраст двадцать три года. За свою небольшую молодую жизнь я прочитал много всяких книг, и они же мне все пондравились. Наконец, в 1936 году я смог добиться первую книгу «Поднятой целины» Мих. Шолохова, и как только я начал ее читать, я даже не мог от нее оторваться, пока не прочитал ее всю. На некоторых страницах этой книги даже ужас берет читать, даже сердце щемит, как например, на 94–95–96–97–98 страницах[1]: Половцев, бывший офицер, зарубил топором Никиту Хопрова с женой, как издевались они над ними, у меня даже слезы из глаз катились, не мог даже читать. Или как приходилось работать председателю колхоза Давыдову, как например, когда кулаки организовали, чтоб колхозный хлеб разделить. В эти тяжелые дни Давыдову очень было трудно работать. В общем, я шлю за эту книгу самую большую благодарность и жму руку и желаю дальнейших успехов в работе Михаилу Шолохову.

Так вот, товарищи, дайте мне возможность купить вторую и третью книгу «Поднятой целины» (Шолохова). Я видел кино «Тихий Дон»: мне также пондравилась игра в роли Аксиньи с Гришкой[2], я то же самое хочу купить книги «Тихий Дон». Я прошу вас, дайте мне точный адрес, где можно купить эти книги, и сообщите: сколько их имеется, то есть по порядку 1, 2, 3, 4 и т.д., и сколько им цена и как пересылают деньги. Все это укажите подробнее, и я обязательно все книги куплю, потому что хочу читать Михаила Шолохова.

До свидания.

Мой адрес: Горьковский край, Линдовский район, о/о ст. Линда, совхоз «Сормовский Пролетарий».

Тракторист Абрамов Иван Семенович.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 703. Л. 25–25 об.*)

[1] Читатель ссылается на издание: *Шолохов М.* Поднятая целина. Роман. Кн. 1. М.; Л.: Гослитиздат, 1934 г. Серия «Дешевая библиотека». 346 с.

[2] См. примеч. 2 к п. 108.

249. И.И. ГОРШКОВ

21 января 1937 г., город Павлово Нижегородской области

Героем этого романа является Григорий Мелехов. Здесь писатель ярко обрисовывает зажиточную довоенную жизнь казачества. Здесь же виден в казачестве патриархальный строй, но хорошо жить некоторым зажиточным было, если в семье <нет> инвалидов или лодырей. Этот строй отживший, он заслуживает порицания, т.к. старик являлся владыкой семьи и распоряжался, а что не по его сделано, то и на глаза не показывайся. Из этого рассказа мы видим, как дед Григория, Прокофий Мелехов привез из Турции жену, как с отвращением на него за это смотрели его родители. Дальше наблюдаем как тогда были сильны людские предрассудки; когда появлялись всевозможные невзгоды на хутор — все это приписывали Прокофию Мелехову через его мусульманскую жену, турчанку. И как варварски поступили казаки с этой турчанкой, а самого Прокофия сослали на 20 л. в каторгу. Эта расправа была устроена на почве религии. Теперь мы видим, как молодая кровь играла в неопытном молодом казаке Григории, как он быстро увлекся чужой женой Аксиньей Астаховой. Конечно, казак Степан Астахов первое время переживал, что жена убежала с Григорием Мелеховым: очень тяжело, обидно и стыдно было от людей, но сделать было ничего нельзя. Вот тем и был плох патриархальный строй, что женили Григория против его воли, хотя и на богатой добросовестной, но не любимой им девице. Дальше наблюдается грязная картина драки на мельнице мужиков с казаками. Эта травля, по-моему, происходила с целью заглушения в России Революции; если бы не поспел вовремя Штокман, то дело приняло бы, пожалуй, вроде еврейского погрома. Штокман достоин чести, т.к. сеял в таких темных местах, как у казаков, семя революции, которое после дало всходы, но все же он явился жертвой Империализма, пошел в тюрьму. Казаки, слушавшие его речи, воспринимали и проверяли точнее это во время войны. Империалистическая, воистину, кошмарная война 914 года разорила не только, как здесь описано, донское казачество, но всю Матушку Россию: сколько калек, сирот, беспризорников породила эта проклятая бойня во имя обогащения кучки дармоедов. В этом романе немаловажную роль играет Евгений Листницкий; отец его обладал имением в Ягодном и жил барином, не работая, на мужицких плечах. Евгений Листницкий, по-моему, человек очень умный, если не считать женской слабости, которую он питал к жене Григория Аксинье, за что от последнего и получил лупцовку. Война! Наши и немецкие войска разорили бедную Польшу: пострадало

главное — беднейшее кр-во. Мы в этой войне наблюдаем наших героев: Козьму Крючкова, Григория Мелехова, которые рубили немцев и обратно немцы рубят казаков и вообще солдат. Это зверство, натравливание народа на народ, было вызвано небольшой кучкой миллионеров и 6-ю или 7-ю правителями Европейских империалистических государств. Эта книга открывает нам глаза на всю бюрократическую роскошь этих господ и их идеологию, с которой рабочий класс всего мира должен бороться и превращать империалистическую войну в войну гражданскую, т.е. рабочий класс должен организоваться и восставать против, с оружием в руках, своих классовых врагов: буржуев, купцов, банкиров и всей буржуазии[1]. Эту книгу я прочитал по совету одной учительницы. Сам я впереди описал кое-что. Полную оценку могу произвести по-своему так; что здесь описано очень правильно, жизнь казачества, идущего прежде на войну за веру, царя и Отечество. По своей темноте эти люди погубили немало революционеров, восстававших за народ против царизма. Дополняю, что мы должны разъяснять людям всю невыгодность войны и проводить в жизнь политику мира и слияния всего трудового народа нашей страны, невзирая на его национальное происхождение и религиозные убеждения. Из Этой книги мы видим, что это разъяснение везде полезно: и в деревне, и на войне, и в больницах, и клубах и пр. Это все, что я мог сказать об Этой книге: сам читал и другим буду советовать читать.

Мой адрес: г. Павлов<о> н/Оке Горько<вско>го края, улица Карл Маркса, 12-а. Горшков Ив. Иванов.

Работаю в г. Йошкар-Ола, Марреспублика продавцом от Павловской А-ли «Металлист».

P.S. Если Наталья, жена Григория, позволила наложить на себя руки, что действительно было вызвано тяжелыми обстоятельствами в ее жизни, за то высоко ценю я ее геройский поступок, который она проявила в унижении себя, придя на мировую к своей сопернице. На это, конечно, согласится очень редкий человек, но за это ее судьба и вознаградила... Аксинья, как видно, человек распутный: она разбила семейную жизнь Степана Астахова, а также отравила радостную жизнь Григория, который, натерпевшись всякого горя и несчастий на войне, после всех невзгод, возвращавшийся из больницы здоровый и награжденный за храбрость на войне, хотел иметь с ней полное семейное счастье, узнав о ее поведении «без него», разочаровался в ней, и вознаградил ее и Евг. Листницкого по заслугам.

21/I 1937 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 703. Л. 14–17 об.*)

[1] Лозунг «превратить империалистическую войну в гражданскую» сформулирован В.И. Лениным в августе 1914 г., он был адресован трудящимся и социалистам всех воюющих государств, призывал их выступить против империалистов — организаторов войны: «Единственно правильный пролетарский лозунг есть превращение современной империалистической войны в гражданскую войну. <...> Только такая тактика будет действительно революционной тактикой, соответствующей условиям новой исторической эпохи» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 26. Июль 1914 — август 1915. С. 362).

250. В.Ю. БАНДИК

23 января 1937 г., город Староконстантинов Хмельницкой области

Зав. редакцией, вы просите сообщить свой отзыв об этой книге! Чего я прочел и понял из этой книги. Я понял, как вернулся казак Мелехов Прокофий из турецкой войны и привез с собой на хутор себе жену-турчанку. Жизнь жены Мелеховой была в хуторе очень скверна: ей не было возможности выйти на прогулку, как будто она хуже животного. Предъявилась в хуторе болезнь, сибирка[1], в то время, когда приехала турчанка. И пошли разговоры о том, что приехала турчанка и привезла болезнь на коров. Она ведьма, смеялись над ней, что она лица черного, били ее несмотря на то, что она была беременна. Она родила ребенка и умерла!! Ребенку дали имя по деду — Пантелей, который рос и давал пример жизни хуторянам!

Мой вывод таковой, краткий, что раньше была направлена нация на нацию, чтобы было недовольство друг на друга, народ был неграмотный, темный, вот до чего доводило раньше при феодализме и сейчас в буржуазии. А почему у нас свобода наций, потому что Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Ленин, Сталин изучали историю жизни человека и решили построить социализм в одной стране, а завтра в другой стране [2].

После смерти ниже указанных вождей, оставшийся вождь пролетариатов тов. Сталин, который построил социализм в одной стране, а завтра — в другой стране, несмотря на то, что троцкисты-зиновьевцы работают[3]: они нам не страшны, ибо Красная армия — крепка, технически вооружена, колхозник стал зажиточный[4], то есть кратко сказать: «Кто работает — тот и есть». И Сталин чего задумает, то и будет, и есть, и должно быть. Мне очень понравилась эта книга Шолохова. Книг я почитал много: семь писателей крупных.

Мой адрес: город Староконстантинов, Октябрьский городок, п/я 671. Бандик Василий Юльянович 1901 г. рождения.

В Красной армии без перерыва: с 1922 г. по 1932, занимаю должность ков. инструктора 8-го к/полка.

Жду ответ ваш, извините, может плохо написал, <ч>его не понял, ну, я в кратком изложении. До свидания.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 703. Л. 12–12 об.*)

[1] Сибирка — имеется в виду сибирская язва, опасное инфекционное заболевание, которое передается человеку от домашних и диких животных. Речь идет об описанном в первой главе романа падеже скота: «В тот год случился небывалый падеж скота. На стойле возле Дона каждый день пятнилась песчаная коса трупами коров и молодняка. Падеж перекинулся на лошадей. Таяли конские косяки, гулявшие на станичном отводе» (*Шолохов М.А.* Тихий Дон. Кн. 1. М.: ГИХЛ, 1931. С. 9).

[2] См. примеч. к п. 43.

[3] Речь идет о процессе «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», первом из показательных судов, над группой бывших руководителей партии: Зиновьевым и Каменевым, обвиняемых в организации контрреволюционной и террористической деятельности, в том числе в убийстве С.М. Кирова. См. примеч. 2 к п. 240. Процесс широко освещался в центральной газете «Правда»: слушание дела началось 19 августа (С. 1, 4), 20 августа были опубликованы выдержки из материалов следствия, представленных на судебное заседание (С. 2–3), с 21 по 22 августа публиковались материалы судебных слушаний (С. 2–3), 23 августа — речь государственного обвинителя СССР А.Я. Вышинского с требованием: «Взбесившихся псов — расстрелять всех до одного» (С. 5), 24 августа печатается Приговор суда (С. 1). «Шайка злодеев, пойманная с поличным, уничтожена» (С. 1) — этими словами начиналась статья от редакции, опубликованная на первой полосе газеты 26 августа 1936 г. Продуманно организовано представление общественного мнения по данному процессу. С начала августа 1936 г. в газете печатались статьи о разоблачении троцкистов (*Ортенберг Д.* Троцкистские агенты и днепропетровские либералы // 6 авг. С. 3; *Баев А.* Троцкистские последыши // 8 авг. С. 2; *Б.п.* Троцкистский последыш на посту редактора газеты // 12 авг. С. 2 и др.). Накануне открытия слушаний и вплоть до вынесения приговора под рубриками: «Никакой пощады банде троцкистско-зиновьевских террористов — такова единая воля рабочих, колхозников, инженеров, научных работников Советского Союза» (17 авг. С. 1), «Проклятие подлым двурушникам, террористам, предателям страны социализма! — Таков голос миллионов» (19 авг. С. 3), «Миллионные массы требуют расстрела троцкистско-зиновьевских бандитов — заклятых врагов народа» (21 авг. С. 4), «Вся страна единодушно приветствует приговор Верховного суда над бандой террористов, предателей Родины и агентов Гестапо» (25 авг. С. 1–5) печатались результаты проводимых по этому вопросу митингов и собраний и т.п.

[4] Отсылка к одному из положений второй части («Наша ближайшая задача — сделать всех колхозников зажиточными») выступления И.В. Сталина на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников» (19 февраля 1933 г.; опубл.: Правда, 23 февр.): «И если мы будем трудиться честно, трудиться на себя, на свои колхозы, — то мы добьемся того, что в какие-нибудь 2–3 года поднимем всех колхозников, и бывших бедняков, и бывших середняков, до уровня зажиточных, до уровня людей, пользующихся обилием продуктов и ведущих вполне культурную жизнь» (*Сталин И.* Сочинения. Т. 13. М., 1952. С. 249).

251. М.И. НАУМОВ

31 января 1937 г., город Томмот Алданского района Республики Саха–Якутия

Здравствуй, Михаил Алексан. Шолохов.

Во-первых строках нашего письма мы Вам пишем отзыв по 3ей книге «Тихого Дона». Прочитав ваше сочинение «Тихий Дон»: 1-й 2-й 3-й к., нам очень пондравилось и заинтересовались Вашим сочинением. Во-первых, «Тихий Дон» описан ясно и понятно. Сколь мы книг не читали, например: Максима Горького, Фурманова, Неверова и т.д., их произведения нам меньше пондравились, чем Ваше.

Но почему Вы не докончили его. Что стало с Григорием Мелеховым и вообще с его семьей.

Мы живем в якутской тайге. Литературных книг достать можно только с трудом. Если можно, то пошлите окончание «Тихого Дона».

Адрес: ЯАССР. г. Томмот, Октябрская, дом № 22.

Наумов Михаил Иванович.

Ждем и ищем окончание Вашего произведения.

С приветом, остаемся три брата

Михаил Иванович Наумов,

Никодим Иванович Наумов,

Петр Иванович Наумов.

31 января 1937 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 60–60 об.*)

252. И.Н. РАСЧУТКО

1 февраля 1937 г., село Новоактюбинск Гайского района Оренбургской области

Прочитавши книгу «Тихий Дон», книгу первую, я получил много самоудовольствия. Особенно впечатление мне <дали> герои книги, кроме того, книга дала мне особенно много научного. Я очень рад бы встретиться с автором т. Шолоховым, с человеком, который прекрасно характеризует казачью жизнь.

Я, читатель первой книги, Расчутко Иван Никонорович, возраст 22 года, по специальности счетовод. Очень заинтересовался книгой, сейчас начинаю читать вторую книгу. Из всех прочитанных мною книг лучше всех нравятся книги: Островского и Шолохова. Кроме того, что я сам прочитал книгу, я ее разъяснил окружающим товарищам. С великой энергией принимаюсь читать вторую книгу.

Мой адрес: Оренбургская область, Н-орский район, Уральский с/совет, поселок Н.-Актюбинск. Расчутко Иван Никонорович.

Желаю издательству продолжить выпуск «Тихого Дона».

С товарищеским приветом

Расчутко.

1/II 1937 года.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 57*)

253. В.И. ПУЧКОВ

8 февраля 1937 г., село Новоселка Гаврилово-Посадского района Ивановской области

8 /II 1937 года

Мне давно хотелось прочитать эти замечательные 3 книги Шолохова «Тихий Дон». Я в своей читальне взял первую книгу и ее с тем вниманием читал, что мне запомнились все эпизоды казачьей жизни. КНИГА эта мне пондравилась, как книги: «Барышня крестьянка», «Дубровский», «Капитанская дочка» А.С. Пушкина и др. Я с великим энтузиазмом возьмусь читать вторую и третью книги. Как только будет выпущена 4 книга, то я ее также прочитаю обязательно.

Мой точный адрес: Ив. область, станция Гаврилов-Посад, с. Новоселка.

Пучков Вячеслав Иванович, рождения 1922 г., колхозник, окончил 6 классов НСШ.

О прочитанных мною второй, и третьей, и четвертой сообщу еще раз, как они мне пондравились и чем они хороши.

С приветом, В. Пучков.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 56*)

254. Е.С. ТАРАСОВА

14 февраля 1937 г., город Макинск Буландинского района Акмолинской области (*Казахстан*)

Добрый день, товарищи, работающие все на вашей фабрике[1]. Товарищи! Я шлю вам свой пламенный пионерский привет и говорю спасибо за вашу книгу, которую вы напечатали. Когда я прочитала книгу «Тихий Дон», то она мне очень пондравилась, и у меня был хороший отзыв на эту книгу. Всего больше мне из этой книги пондравилась жизнь казаков. Товарищи, я вам пожелаю больших успехов в вашей работе и желаю больше выпускать таких

книг как «Тихий Дон». Я книг прочитала вообще очень много, и они были тоже интересны, но эта книга мне всех лучше пондравилась.

Я, ученица 7 кл. «В» Макинской школы, мне еще только 14 лет, но я уже прочитала очень много книг, а буду расти, и я из книг узнаю всю правду жизни и т.д.

Читала книги еще Жюль Верна, Гоголя и т.д. и все эти книги мне очень пондравились. Но я еще не читала книгу Островского «Как закалялась сталь», а некоторые читали, и у всех был хороший отзыв на эту книгу, но я ищу ее давно, но никак нигде ни найду. И прошу я вас ее прислать, как учение, бесплатно по почте.

Мой адрес: Поселок 1^{е}-мая, дом № 22.

Тарасовой Евдокии Сергеевне

P.S. Напишите мне ответ, прислали или нет.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 59–59 об.*)

[1] Фабрикой автор письма называет издательство.

255. М. БУРОВ

5 марта 1937г., село Кузедеево Новокузнецкого района Кемеровской области

Я ученик 3-го класса. Я прочел сочиненную вами книгу (роман) «Тихий Дон». Книга «Тихий Дон» мне очень понравилась. Я обязуюсь так же бороться за Советскую власть, как боролся Григорий за царя.

Буров Миша. Западно-Сибирский край, Горношорский с/с, село Кузедеево, ул. Колхозная.

Мне 14 лет.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 72*)

256. А.В. БЫКОВА

9 марта 1937 г., село Чечулино Алапаевского района Свердловской области

Книга «Тихий Дон» произвела на меня большое впечатление, читая ее, мне не хотелось отрываться от нее. В этой книге замечательно описана жизнь донских казаков при царском самодержавии. Описано как в 1914 г., во время империалистической войны, погибло много народа, именно за то, что люди недопонимали, за что они борются. В этой книге показано отношение к женщине

при царском самодержавии: это сказалось на истязании казаков над Франей.

Автор книги четко описал жизнь донских казаков; как то: Мелехова Григория, который четко недопонимал, за что он борется, но когда Григорий попадает в больницу и знакомится с Гаранжей, то Гаранжа постепенно открывает Григорию глаза. У Григория это сказывается <в> отношении к сотнику Листницкому. Он постепенно понимает, за что он боролся, и к офицерам, царским прислужникам, и к самому царскому самодержавию у него рождается ненависть, и он говорит: «Вот они, на чью радость нас выгнали из родных куреней и кинули на смерть»[1].

По выписке из больницы, Григорий очутился в родном краю, и когда узнал от дедушки Сашки, что с его женой Аксиньей жил сотник Е. Листницкий, то сердце его налилось злобой. Он по старой привычке берется прокатить Листницкого, но, когда от жи<лья> отъезжают далеко, то Григорий жестоко избивает Листницкого со словами: «за меня, за Аксинью, еще раз за Аксинью и за меня». И несмотря на Аксиньины слезы, уходит домой к отцу.

Прочитав первую книгу, мне хочется читать вторую, хочется узнать дальнейшую жизнь Григория Мелехова.

Мой адрес: Свердловская область, Алапаевский район, Чечулинский с/с, колхоз «Победа».

Быкова Анна Владимировна, работаю в колхозе рядовой колхозницей, рождения с 1918 г.

Сколько было прочитано книг много, но написала первый отзыв: правильно или нет — не знаю.

С приветом.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 68–68 об.*)

[1] Автор письма цитирует часть внутреннего монолога Григория Мелехова из 23-й главы третьей части первой книги «Тихого Дона». Полностью монолог звучит так: «“Вот они, на чью радость нас выгнали из родных куреней и кинули на смерть. Ах, гадюки! Проклятые! Дурноеды! Вот они, самые едучие вши на нашей хребтине!.. Не за эту ли.... топтали мы конями чужие хлеба и убивали чужих людей? А полз я по жнивью и кричал? А страх? Оторвали от семьи, морили в казарме...” — клубился в голове его кипящий ком мыслей. Пенная злоба поводила его губы. “Сытые какие все, аж блестят. Туда б вас, трижды проклятых! На коней, под винтовку, вшами вас засыпать, гнилым хлебом, мясом червивым кормить!..”» (цит. по: *Шолохов М.А.* Тихий Дон. Научное издание: В 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 345).

257. М.И. МАЦЫНИН

13 марта 1937 г., хутор Таловка Белокалитвинского района Ростовской области

Я посылаю письмо лишь потому, что мне эта книга очень понравилась. Поэтому я хочу ее читать и прошу, чтобы вы мне ее прислали. Я думаю, что советское государство не пострадает из-за 1 руб., но мы, если выучимся, то мы дадим прибыли несколько сот рублей.

Возраст — 14 лет. Ученик 6-го класса. Я желаю и хочу читать.

Мой адрес: Черкасс<кая> ст. Белая Калитва, Литвиновский район, хутор Таловка. Получить Мацынину Михаилу Ивановичу.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 70*)

258. В.Д. БУСЛОВ

17 марта 1937 г., село Медяково Купинского района Новосибирской области

Я член колхоза «Ударник» им. Ленина пос. Медяково Медяковского с/совета Купинского района Зап.-сиб кр., Буслов Владимир Дмитриевич. Работаю счетоводом колхоза. Мой возраст 19 лет.

Прочитал 3-и книги «Тихого Дона» автора Шолохова.

Сообщаю вам, что в моей памяти надолго останется жизнь донского казачества с его героями: Мелехов Григорий, Кошевой Мишка, Штокман и др. Я прошу вас, сообщите, выпущена ли 4-я книга. Живы ли в настоящее время: Мелехов Г. и его жена, Наталья, сестра Евдокия, Кошевой Мишка и Астахова Аксинья.

Книг у нас в деревне мало, библиотеки нет, так что такие интересные книги читать приходится редко.

Затем до свидания.

С приветом, Буслов.

17/III 1937 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 76–76 об.*)

259. НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО

<До 21 марта 1937 г.>, город Лиски Воронежской области

Прочитав книгу «Тихий Дон», я не могу на нее не отписать в издательство; так как в этой книге ярко отражена жизнь и обычаи дореволюционного казачества, а также жизнь девушек и женщин того времени.

Просто, прямо и ясно отражены характеры действующих лиц и их взгляды. Автор постарался ярко, прямо, бескорыстно описать их поступки и действия, за что я посылаю автору большую благодарность. И прошу издательство побольше печатать таких книг, так как у нас в Лисках, да, наверное, и по другим городам, ощущается недостаток в этой литературе, так что стоит трудности чтобы, когда захватить в какой-либо библиотеке, такую неоценимую книгу. Я только на 21 год своей жизни смог достать эту книгу. И несмотря на то, что я работаю машинистом в сменах, я все же прочел ее за 8 дней. Когда ночью дежурил; то приду домой и принимаюсь читать, несмотря на то что надо заснуть, так как на вторую ночь на дежурство. Я не мог от нее оторваться, и стараюсь достать и прочесть II и III.

Я с 1916 г. рождения, машинист.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 73–73 об. Ред. помета о дате получения письма: «21.3.37»*)

260. А.В. КОБЗЕВ

22 марта 1937 г., село Алексеевка Алексеевского района Самарской области

Я прочитал 2 книги «Тихого Дона» М. Шолохова. Я не обладаю красноречием, но вынужден написать свои чувства. Нравится в романах простота языка автора и хорошее описание героев (Гр. Мелехов и др.).

Я не понимаю, почему герой романа — Мелехов не был с теми большевиками, которых расстреляли?

Да, нельзя повернуть колесо истории. Но сколько было неграмотн<ого>, неразвит<ого>, забит<ого> религией и эксплуатацией народа. Действительно, трудно было бороться с самодержавием в годы революции. Только Советская власть дала образование, культуру и радостную счастливую жизнь.

Не могу найти 3-й и 4-й книги. Очень хочется прочитать.

Мой возраст 19 лет, колхозник.

Адрес: Куйбышевская область, Алексеевский район, с. Алексеевка, ул. Шевченко, № 44.

Кобзев Алексей В.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 74*)

261. Х. МЫСИН

22 марта 1937 г., город Алдан Республики Саха–Якутия

Дорогие товарищи, я не знаю, кому попадет это письмо, но так или иначе по указанному адресу.

Я прочитал книгу Шолохова «Тихий Дон»: книга, до некоторой степени, занимательная и имеет большой исторический материал, но так как ее приходится читать не только взрослым, но часто и детям несоответствующего возраста, то мне думается, что книга содержит много нелитературных выражений. Я освобождаю себя от обязанности указа на конкретные места, а говорю в общем.

Я советую, по возможности, избавиться от этих выражений. Часто благодаря засоренности книги она делается недоступной некоторым читателям.

Книга содержит много материала о гражданской войне, который должен знать любой советский гражданин, от малого до старшего, вот, по каким соображениям, я советую избавиться от нелитературных выражений. Избавив книгу от этих элементов, вы сделаете массовый доступ к этой книге, которая поможет узнать о жизни в старой России, а главное — о гражданской войне.

С приветом к Вам, Мысин.

Прошу сообщить о целесообразности данного совета по указанному адресу: г. Алдан ЯАССР, пр<ииск> Незаметный, улица Дзержинского, дом № 113. Мысину Харитону.

22/III 1937 года.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 703. Л. 37–37 об.*)

262. С.А. ПОЛЯКОВ

25 марта 1937 г., поселок Иловля Иловлинского района Волгоградской области

25 /III–37 г.

Здравствуйте, дорогие товарищи!

Я прочитал все три книги «Тихого Дона». Писателем коих является Михаил Шолохов, и я решил сделать отзыв на эти книги. Товарищи, мне очень нравятся шолоховские книги. Они так мастерски сложены, что когда их читаешь, то без затруднения их понимаешь. Шолохов обладает большим талантом для написания произведений. И я со своей стороны очень ценю Михаила Шолохова, потому что его книги интересны и художественно написаны. Я эти книги прочел без затруднения и с большим вниманием.

Шолохов также мастерски написал и «Поднятую целину», которая мне очень понравилась. На этом я заканчиваю свой отзыв. А пока прощайте, товарищи. Жду скорого ответа.

С приветом из Иловли, Поляков.

Мой адрес: Сталинградская область, ст. Иловля Иловлинский район ул. Красноармейская, д. 25. Поляков Степан Андреевич. Мне сейчас 16 лет, учусь я в 7 классе.

Товарищи ценят Шолохова, и ученики нашей школы хвалят его за мастерство писания книг. А засим — прощайте.

Тебя здесь нет, но ты со мною, в твоей руке моя рука, заочно я тебя целую и шлю привет издалека. Прощай прошедшее что было, прощай и меня ты вспоминай, мое ты имя с простотой друзьям в насмешку не давай. Прощай, не жалей без рассудка и краткой любви не жалей, расстаться мне трудно с тобой, но встретиться было трудней.

Писать больше не хочу и слов терять не буду, одно скажу, что я люблю и не забуду.

Пишу стихи вам, невольно любовь заставила меня, она стеснила мне грудь больно.

Прошу вас выслушать меня.

Те глазки голубые, те милые уста

Прощай, прощай, Валя дорогая,

Прощай же навсегда.

Прощай, мой друг, уж все свершилось,

Пришел разлуки грозный час, и не напрасно сердце билось,

Позволь обнять в последний раз!

Это я написал вам из своего Альбома.

Мой костер в тумане светит искры гаснут на лету ночью нас никто не видит мы простимся на мосту[1].

Прощайте.

Жду ответа.

Степан Поляков.

Мой адрес: Сталинградская область, станция Иловли, Иловлинский район, улица Красноармейская, № 25.

Поляков Степан Андреевич.

Мне сейчас 16 лет, учусь я в 7 классе. Товарищи ценят Шолохова, и ученики нашей школы хвалят его за мастерство его писания книг.

А засим — прощайте.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 84–85 об.*)

[1] Неточная цитата из стихотворения Я.П. Полонского «Песня цыганки» (1853), впервые опубликованного в 1953 г. (Современник. Литературно-художественный журнал. Т. 42. № 11. 1953. С. 53). Стихотворение было положено на музыку

П.И. Чайковским и Я.Ф. Пригожим. Широкое распространение романс получил в переложении Якова Федоровича Пригожего (1840–1920), композитора, дирижера и руководителя русских и цыганских хоров.

263. В.С. БОРНАКОВ

2 апреля 1937 г., город Белово Кемеровской области

Товарищи, я прочитал книгу «Тихий Дон», три части, за которую благодарю писателя Шолохова. И почему не выпустили четвертую часть? Почему Григория Мелехова не убили как врага СССР и взяли ли красноармейцы Дон. Когда я читал ее, то очень плакал, как зверски казаки расправлялись с коммунистами. И куда делся Мишка красноармеец? Просим редакцию отписать все. Я хотел раньше написать, но боялся, неладно напишу. Просим московскую редакцию объяснить нам, почему так ярко Шолохов изображает Гришку Мелехова как врага советской власти и его брата — таких героев против коммунистов. Просим редакцию ответить нам на это подробнее.

Писал колхозник Борнаков.

Мой адрес: ТЖД, Западно-Сибирский край, станция Белово, ул. Октябрьская, дом № 74.

Борнакову Василию С.

Пиши все подробно.

Ждем письма или книгу «Тихий Дон».

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 81–81 об.*)

264. А.П. БУРОВА

3 апреля 1937 г., город Кирсанов Тамбовской области

Сегодня я прочитала I-й том произведения Шолохова «Тихий Дон». Спешу сообщить свой искренне положительный отзыв об этой книге. Прочитав эту книгу, я была прямо удивлена той простотою, ясностью языка, рельефностью описываемого события и главное — глубоким знанием крестьянской жизни писателем. Здесь так реально, так просто описаны все явления деревенской жизни, что, когда читаешь, ты чувствуешь себя, как будто действительно находишься в данной обстановке и ясно представляешь все описанные факты. За это: за простоту языка, за глубокое знание жизни деревни, за глубокое знание истории жизни в период от 1912–1937 г. я искренне люблю Шолохова как молодого советского писателя.

3/IV–37 г.

Ученица Кирсановского педагогического училища, III курс «В».

Бурова Анна Петровна. Год рождения 1919.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 86*)

265. И.Г. ИВАНОВ

10 апреля 1937 г., село Боровское Мендыкаринского района Костанайской области (*Казахстан*)

Выношу великую благодарность Нашему русскому Современному писателю тов. Шолохову за его умелую сочинительную работу.

Я прочитал Ваши книги как с первой, так и до третьей, и нашел много интересного. Очень мне пондравились Ваши книги; когда я читал эти книги, особенно книгу первую, то смеялся над проделками молодых казаков: как Мелехов и Митька Коршунов проводили свою молодую жизнь, но, когда вторгся в глубину, то меня стало пуще волновать воинственные дела, особенно германские. Когда уже стал читать вторую и третью книгу, то тут вовсе стал волноваться за тех людей, которые боролись за жизнь рабочего и крестьянина: особенно волновал расстрел и повешение Подтелкова и Кривошлыкова, а также жалею Штокмана и Ивана Алексеевича.

Я много прочитал книг.

Читал «Как закалялась сталь», «Бруски» Панферова и «Роман-газету»[1], книгу «Одиночество»[2], об которой тоже давал отзыв тов. Н. Вирте и, вот, Ваших прочитал три книги и четвертая есть у меня Вашего произведения — пьеса «Поднятая целина»[2], но еще я слышал, что Вами выпущена книга четвертая «Тихий Дон», но нигде я ее не встречал, а думаю, где ежели встречу, то куплю обязательно. Но пока до свидания, шлю пламенный привет.

10/IV-37 г.

Иванов.

Адрес мой: Кустанайская обл., село Боровое, Мендыкаринский р-н, улица Карла Маркса, дом № 6.

Иванов Иван Григорьевич, член артели «Труд Кустаря», возраст 28 лет.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 703. Л. 32–32 об.*)

[1] «Роман-газета» (с 1927 по н.в.) — массовое периодическое издание художественной литературы преимущественно романов и повестей возникло в 1927 г. по мысли, высказанной В.И. Лениным в статье «О работе Наркомпроса» (1921) о том, что «если французские буржуа еще до войны научились издавать французские романы для народа <...> не в виде барской книжечки, а по 10 сантимов

в виде пролетарской газеты, то почему бы нам на втором шагу от капитализма к коммунизму не научиться делать таким же образом» (*Ленин В.И.* Собр. соч. Т. 18. Ч. 1. С. 74). Выходило в издательстве «Московский рабочий», с 1931 г. — в Гослитиздате («Художественная литература») раз в месяц. Первые два номера журнала вышли большеформатными, размером с центральную газету, но по просьбам читателей с третьего номера формат был сокращен вдвое. До середины 1930-х гг. журнал редактировали: И.М. Беспалов, М.И. Серебрянский, В.Г. Ильенков. Редакция журнала «Роман-газета» особенно подчеркивала, что, открывая издание, «имеет в виду не коммерческую его выгоду, а главным образом обслуживание массового пролетарского читателя доброкачественной и дешевой книгой читателя» (Роман-газета. 1928. № 7. С. 3). Уже на втором году издания журнал, по свидетельству самих читателей, завоевал их «своей общедоступностью, удачным подбором и дешевизной», а «получаемые номера “Роман-газеты” зачитывались до дыр» (Там же. 1928. № 7. С. 3). В журнале печатались произведения русской классики, зарубежной литературы и широко была представлена современная советская литература. В период с 1927 по 1940 гг. были опубликованы такие крупные произведения: М.А. Шолохов «Тихий Дон», Д.А. Фурманов «Чапаев», А.М. Горький «Дело Артамоновых», А.А. Фадеев «Разгром», Ф.И. Панферов «Бруски», И.Г. Эренбург «Не переводя дыхание», К.А. Федин «Похищение Европы» и др. Тираж журнала с первоначальных 50 тысяч экз. к 1940 г. вырос до 340 тысяч. экз. «“Роман-газета” потребовалась как народное издание, как “прямая линия” с литературными новинками — и она сразу же таким изданием и стала. Десятилетия нельзя было найти в нашей стране уголка, куда бы она не доходила. Это ее заслуга, что Россия по праву считалась самой читаемой страной в мире. Стопки “Роман-газеты” пополнялись и в таежных зимовьях, и на полярных станциях, и в юртах пастухов-оленеводов. Все лучшее, что появлялось в литературе (иногда с опозданием) не миновало ее страницы. Были, разумеется, публикации идеологические, были годы, когда они преобладали, но и тогда “Роман-газета” умела показать, что ей навязывается и что она предлагает с радостью» — писал Валентин Распутин, отмечая значимость этого издания для массового читателя (*Распутин В.* Народное издание // Роман-газета за 70 лет: Каталог изданий (1927–1997). М., 1997. С. 2).

[2] Речь идет о романе «Одиночество» прозаика Николая Евгеньевича Вирты (1906–1976), опубликованном в 1936 г.: *Вирта Н.Е.* Одиночество. Роман // Роман-газета.1936. № 6.

[3] См. примеч. 1 к п. 80.

266. Г.Н. КУЛИКОВ

12 апреля 1937 г., поселок Копылово Колпашевского района Томской области

Когда я стал читать эту книгу, она очень понравилась мне. Строчки до строчки, страницы до страницы ожидал я, что будет дальше.

Но, когда я дочитал до той главы, в которой написана была похабщина: (взвод издевался над девушкой), мне стало смешно и в то же время противно. Эти хулиганские выдержки т. Шолохов, видимо, не мог заменить, эти сквернословные слова — дру-

гими поучительными выдержками. Хотя Шолохов, наверно, хотел передать действительный крестьянский разговор в своем произведении, но не написал так, что могли бы читать его книгу свободно дети 15–16 лет: мальчики и девушки.

Происходит в Нарымском округе так: читают это произведение все, а крестьянская молодежь воспринимает эту похабщину и претворяет ее в жизнь. Особенно мальчики, которые открыто говорят подлинные его выдержки (Шолохова). А если кто из взрослых скажет, что так говорить, ребята, — нехорошо, то они отвечают, что эти слова из книги «Тихий Дон» (Шолохов). Я, как учитель начальных классов, предлагаю Государственному издательству изменить выдержки, которые являются вредными для нашего советского поколения, а вместо этого напечатать предложения, в которых не было бы таких ярко бросающихся в глаза нецензурных слов.

Учитель-комсомолец Копыловской школы Зайкинского с/совета, Колпашевского района Нарымского округа Западно-Сибирского края.

Пишите ответ на мой отзыв. Возраст мой 20 годов. Работаю учителем.

12/IV1937 года.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 90*)

267. Ф.П. ФОМИЧЕВ

12 апреля 1937 г., Пятигорск

12/IV-37 г.

Прочитав роман «Тихий Дон» Шолохова, книга первая, я, читатель, сообщаю отзыв об этой книге, который просят от читателя. Конечно, я не могу воздержаться от этого, хотя и плохо излагаю на бумаге. Придя в Рабоче-крестьянскую Красную армию призыва 1936 г., я стал посещать библиотеку, брать книги для чтения. До армии я смотрел кинофильм «Тихий Дон»[1]. Но почему-то для меня было много неясного. Да, в нашей библиотеке, к сожалению, «Тихий Дон», книга 1-я и 2-я. Но вот, наконец, я дождался очереди. Хотел взять вторую книгу, но и в данный момент она, оказалось, находится у читателя. Хотя мое образование четырехлетка, книг читал я немного. А читал эту книгу, действительно, как будто что переживал сверхъестественное. Каждая свободная минута меня тянула к книге, и я не мог от нее оторваться. Некоторые страницы перечитывал несколько раз, и все интересовало, в некото-

рых главах — и удивляло. За этой книгой я действительно имел культурный отдых. Спешу взять вторую книгу «Тихий Дон». Эту книгу, которую я прочитал, берет мой товарищ по службе. Такие книги лично для меня — очень большое развлечение. Особенно в данное время есть свободные часы для чтения.

Мой возраст 24 года, специальность портной, как в гражданстве, так и здесь работаю по своей специальности.

Читатель.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 88–88 об.*)

[1] См. примеч. 1 к п. 110.

268. Ф.М. РАСТВОРОВ

14 апреля 1937 г., город Ахтырка Сумской области (*Украина*)

Уважаемые товарищи, что меня дуже антересует — это художественная литература. Зачем к вам пишу? Прочитал я 2 книги Шолохова «Тихий Дон», мне дуже эти книги понравились. Я узнал, что еще будет четвертая книга, но не знаю когда. Я с нетерпением ее жду. Тов., я не встерпел написать вам письмо, потому что я люблю читать художественную литературу, а тут не хватает книг. Я хочу с вами заиметь переписку. Я дуже вам буду благодарен.

Я первый год в армии, в полковой школе и шлю я вам красноармейский горячий привет.

Дадите ответ по такому адресу: г. Ахтырка, 68-й с/п, полковая школа, курсант Растворов Федор Макарович.

Вот все.

Я с красноармейским к вам приветом!

14/IV 37 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 89–89 об.*)

В письме сохранена авторская орфография.

269. А.И. ЕРЕМЕНКО

20 апреля 1937 г., деревня Николаевка Белинского района Пензенской области

Прочитав первую книгу «Тихий Дон» Мих. Шолохова, даю отзыв с положительной стороны в следующем виде: чем могла понравиться мне эта книга: во-первых, блестящим оформлением с художественной стороны; во-вторых, книга разбита на части, а

каждая часть на небольшие главы с периодическим чередованием материала.

При чтении весьма интересно скорее кончить читаемую главу, начать следующую, чтобы узнать продолжение предыдущей, которая всегда заканчивается на самом интересном моменте действия. Такое хитрое расположение Мих. Шолоховым материала затягивает читателя романа. Для интереса приведу такую главу во 2 части: в гл. XVII, где Григорий с паном, поехав на охоту, неожиданно встретился со Степаном, тот, имея зло на Григория, с необъятной дрожью, прижав свои могучие руки к груди, пошел к сидевшему на лошади Григорию. Этим и заканчивалась глава. Что между ними может случиться? Кто читал, видно от интереса, сквозь рубахи прошибал пот. Но, начав читать дальше XVIII гл., тут совсем другой материал. Здесь Мих. Шолохов пишет продолжение предыдущей главы об искренней любви Натальи к Грише и о другом.

Третья, т.е. XIX гл., как раз и служит продолжением XVII гл., в которой и сказано, чем кончилось дело, когда Степан подошел к Григорию.

Таким образом, такое, я уже писал, периодическое чередование романа дает действительный отдых мозгам (усталых от учебы) читателю.

Век не устанешь читать такие книги.

Наоборот, начав читать от корки, от интереса сердце обливается горячей кровью и, вдруг, конец первой книги. С неимоверной быстротой проскользнули 399 стр.[1] в моих глазах, и, переложив следующий чистый лист, роман закрылся толстой коркой обложки.

В-третьих, простота художественного изложения романа, хотя трудновато читать, так как весь роман написан не на литературном языке, а на наречии донских казаков.

Кто бы знал, с каким энтузиазмом, с каким аппетитом, с какой любовью прочитан настоящий роман. С таким же, если не больше удовольствием, я прочитал первую книгу «Поднятая Целина» его же.

Пламенный привет Михаилу Шолохову за его героизм, деятельность и художественное слово.

Просил бы издательство выслать мне все 3 книги «Тихого Дона» и 2 книги «Поднятая Целина». О деньгах — стоимости и разговору быть не может. Жду.

Читатели:

Еременко Арсений Илларионович 25 лет, профессия — зав. начальной школы; Анна Петровна, 20 лет, домохозяйка.

Адрес: Куйбышевская область, Свищевский район, Соболевский с/с., Николаевская начальная школа.
А.И. Еременко.
20/IV 37 года.
(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 703. Л. 34–34 об.*)

[1] Речь идет об издании: *Шолохов М.А.* Тихий Дон: в 3 кн. Кн. 1. М.: ГИХЛ, 1934. 399 с.

270. И. ВИНОКУР

22 апреля 1937 г., поселок Ялтушков Барского района Винницкой области (Украина)

Здравствуй, дорогой наш писатель Михаил Шолохов!!!

Читаючи ваши книги «Тихого Дона», которые вплывают очень и очень на нас, мы не можем так четко описать, как устно. Читаючи с удовольствием Ваши книги, так думка, что, когда читаешь одно предложение так, мол стоишь перед этой картиной, которая была. Наша советская молодежь мечтает о том, как бы скорее прочитать четвертую книгу. Дорогой Михаил, просит, вся советская молодежь, чтобы вы описали про Тихий Дон все: как произошла коллективизация, в общем так, как прошло все после уже революции. Прошу вас очень о том, чтобы Вы мне написали, как бы мне выписать четвертую книгу, или через почту деньги послать. Прошу скоро отвечайте на все: хорошо?!

На адрес: п. Ялтушков, ученик 8 «Б», Барский район, Винницкая область, украинская средняя школа. Винокуру Имилю.

22/IV 1937 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 92*)

271. К.Ф. КОВАЛЕНКО

11 мая 1937, поселок Лозовый Партизанского района Приморского края

Прочитав первую книгу «Тихий Дон» Шолохова, мне хочется исполнить свой долг, долг читателя, высказать свои замечания (согласно Вашему обращению к читателям в начале книги[1]) об этой книге.

Еще до чтения «Тихого Дона» я порядочно прочел в журналах и газетах критических статей и очерков о произведении «Тихий Дон», как в отношении первой книги, так и последующих. Из этих очерков я уже имел представление о теме и сюжете «Тихого

Дона». И, приступая к чтению первой книги, передо мной стоял один вопрос: просмотреть, как автор эту тему, этот сюжет оформил художественно, как отдельные эпизоды соединены в одно целое — художественное произведение. В результате чего все свои замечания я должен разделить на две группы: 1) о художественных сравнениях; 2) о корректности выражений.

Начну с первого пункта:

1) в словах «Сожженная загаром и работой рука угольно чернела на белой аксиньиной кофточке»[2]. Я полагаю, что сравнение: «угольно чернела» или «угольно черный» можно применить только к жителям тропических стран (неграм) и то не ко всем. Среди них также имеются представители с более светлой или темно-коричневой кожей. Имея в виду географическое расположение Дона, Аксинья, мне кажется, не могла загореть до угольно-черного цвета. К тому же загар и работа не жгет тела. Наоборот, солнце жгет тело работающего на открытом воздухе. Оно же своими лучами производит загар на теле.

2) в словах «Дуняша, стояла раздувая ноздри, как лошадь перед препятствием»[3]. Человек при своем жизнерадостном состоянии, или переживая самый критический момент в своей жизни, видя перед собой смерть, свои ноздри, даже приблизительно, не сможет раздуть так, как это делает лошадь, беря препятствие. Сможет ли проделать этот номер артист-профессионал на сцене? А для Дуняши, простой деревенской девушки, это тем более невыполнимо.

3) в словах «Дарья в исподнице пробежала доить коров. На икры белых босых ее ног молозивом брызгала роса»[4]. Правы те авторы, когда говорят: «прозрачная, как роса» или «светлый чистый, как роса», но «молозивом брызгала роса», вряд ли это будет являться правильным художественным сравнением: молозиво густое желтое, а роса прозрачная.

4) в словах «Во рту от выкуренного натощак табаку воняло припаленной щетиной»[5]. Верно ли это сравнение? Ощущаем ли мы изо рта всех курящих людей запах припаленной щетины?

5) в словах «Он дивился атласной белизне оголенных икр, лишь на круглых пятках кожа молочно желтела»[6]. Что касается формы пяток, то они у всех людей круглые, и может ли это служить характерной чертой? Сравнение «кожа молочно желтела» опровергает третье сравнение (п. № 3), ибо молоко намного белее и светлее, чем молозиво.

6) в словах «И вдруг бесстыдно метнула подолом, обдала Пантелея Прокофьевича запахом бабьих юбок»[7]. Из характеристики Дарьи видно, что она принадлежит к тем женщинам, которые свое

тело содержат в опрятности. Дарья не прочь подкраситься помадой, попудриться, чисто одеться и т.д. В таком случае непонятно каким образом она (Дарья) дошла до того состояния, что ее юбки, начали испускать запах? Также какой запах?

7) в словах «Рыжие волосы Мирона Григорьевича, приглаженные топленым коровьим маслом, пахли потом и навозной прелью»[8]. Жители белорусского Полесья (Пинские болота), рассеянные по берегам рек, среди непроходимых торфянистых болот, так наз. Дрыгвы, до Октябрьской революции не имели представления о бане. Многие из них за всю свою жизнь мылись только два раза: родившись и умерши. В результате этой вековой грязи, среди них возникла болезнь волос — «Ковтун». Каким образом, сросшиеся волоса, как бы в один комок и то не издавали запаха, похожего на запах навозной прели.

В данном случае, волоса, Мирона Григорьевича, «приглаженные топленым коровьим маслом», скорее будут издавать запах топленого масла, чем навозной прели и пота. Следует сказать, что человек чувствует, как пахнут духи разные, цветы, свежие фрукты и т.д. С другой стороны, в человеческом лексиконе принято выражаться: слышен зловонный запах пота, разложившихся фруктов, мяса и др. И автору вместо «волоса пахли потом и навозной прелью» следовало бы сказать: «Волоса издавали запах (возможно зловонный) пота и навозной прели».

Сейчас пару слов о корректности выражений.

Если иметь в виду, что художественное произведение должно воспитывать читателей, как в культурном, так и в политическом отношении, что оно знакомит читателей с прошлым и показывает настоящее, то в первую очередь само произведение должно быть идеально чистым и культурным.

Когда герои книги между собою изъясняются разными, как бы нецензурными выражениями и, когда эти выражения не свидетельствуют об исторических или бытовых фактах, то большая ли заслуга автора, высказывающего свои мысли в этом духе?

Часто всем нам приходится слышать ругань «матом». Люди, произносящие многоэтажный «мат», совершенно себе не представляют его смысла. Эти слова столетиями употреблялись и довольно прочно улеглись в сознании человечества. Бесспорно, что в период буржуазного строя «мат» так же необходим, как соль для пищи.

Нужно ли это в наше цветущее время? Большая была бы заслуга автора, показавшего для широкого круга читателей смысл «мата», где так легко поносится: «Мать».

Мать! Родная мать! Она своею грудью, своим соком, своею материнской заботою воспитала каждого из нас. Сколько она пережила горя, покудова своих детей поставила на самостоятельные ноги?

И в ответ на этой ей, матери, на каждом шагу, от старого и малого: в деревне и городе, из уст грамотного и неграмотного человека приходится слышать свое порицание: «мат».

Что же касается первой книги «Тихий Дон» Шолохова, то она по простым, мне кажется, нецензурным выражениям может соревноваться со всеми изданиями нашего времени.

Давая характеристику турчанке, со слов соседки Мавры: «Ни ж..., ни пуза одна страма. У нас девки глаже нее выгуливаются»[9].

На вопрос Михаилу: «Почему не женишься»? Он отвечает: «Женила не выросло»[10].

Дальше в словах: «Я те... выхолощу»[11] Пантелей ругался «Климова курва»[12].

Читая эти приветы и ответы, не понятно, что автор хотел сказать этими словами? Достигнута ли автором цель перед читателями?

Если обратить внимание на слова автора: «Он (Гришка) упорно с бугаиной настойчивостью обхаживал ее (Аксинью)»[13] или на слова Аксиньи: «Напаскудил, как кобель и в сторону» со своей стороны Григорий отвечает «Сучка не захочет, так и кобель не вскочит»[14].

Такой же тон слышится в словах Митьки при разговоре с молодой девушкой Елизаветой: «Не доглядели мы с тобой... Эх, юбка то сзади...пятнышко... махонькое оно...»[15]. Дальше он (Митька) говорит: «Дай листочком обзеленю». С отцом Елизаветы Митька, как бы заканчивает свои мысли, продолжает: «Воля Ваша Сергей Платонович, как хотите, а я от души... Кому она такая-то нужна? Вот и думалось славу прикрыть... А то ить покушенный кусок кому нужен? Собака и то не исть...»[16]

Читая эти слова, и, вообще первую книгу «Тихий Дон», самовольно вспоминается творчество народного поэта Украины Т. Шевченко. В своих произведениях Шевченко выводил своих героев из крепостных и дворовых людей. Как правдиво и волнующе он их изображал. С каким большим художественным мастерством он описывал влюбленных крестьян (крепостных) молодых людей. Шевченко доподлинно использовал народный фольклор. И это было около ста лет тому назад.

Параллельно с этим, анализируя героев «Тихого Дона», видно, что они как будто бы обладают нервами и чувствами не человеческими, а животных.

Бесспорно, что Аксинья и Григорий взаимно были влюблены. В одиночестве они не могли найти себе ни в чем удовольствия. Они мысленно соединяли себя и каждый раз, улучив удобный момент, сходились, чтобы иметь возможность хоть посмотреть друг на друга. Их взаимные разговоры, объятия вызывались и укреплялись чувством любви.

Очутившись вдвоем в коноплях[17] они, Григорий и Аксинья, чувствуя, что эта встреча последняя, высказывали все наболевшее на сердце, где мы сразу читаем упрек со стороны Аксиньи: «напаскудил, как кобель и в сторону», со своей стороны Григорий отвечает: «Сучка не захочет, так и кобель не вскочит».

Не говоря о грубости и колкости для литературы этих слов, будет ли это правдоподобно, как для влюбленных?

В разговоре Митьки с Елизаветой, заключающемся в многоточиях, махоньких пятнышках, листочках и др. Также с отцом Елизаветы, Сергеем Платоновичем: «Кому она такая-то нужна? Вот и думалось славу прикрыть... А то ить покушенный кусок кому нужен?», мне кажется, автор этими словами не показал того, что следовало бы сказать для характеристики Дона.

При каждом удобном случае эти термины, дословно будут читателями демонстрироваться, как насмешка и упрек над другими девушками.

В этом ли цель художественной литературы?

Почему автором так унижена девушка, лишенная девственности?

Почему автор в своих рассуждениях нигде в последующих главах это «унижение» не защитил и не опровергнул, как предрассудок старого буржуазного строя?

Наоборот, автор словами: «Поползла по хутору новость: Митька Коршунов Сергея Платоновича дочку обгулял»[18], то «унижение» еще больше укрепляется.

Прошу издательство по получении настоящего письма сообщить мне: правильны ли мои высказанные замечания, в противном случае, как их следует понимать.

Мой возраст: рождения 1912 года.

Профессия: сейчас служу в РККА в должности красноармейца.

Адрес: ДВК Дальневосточная ж. дор., Лозовское почтовое отд. почтовый ящик № 43, кв. 1. Коваленко Карпу Федоровичу.

Для обратного ответа посылаю марок на 40 коп.

11 /V-37.

Коваленко.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 703. Л. 42–48*)

[1] Читатель ошибся. Обращение к читателям с просьбой написать отзыв размещалось в конце книги; см.: *Шолохов М.А.* «Тихий Дон». Роман: В 3 кн.: Кн. 1. М.: ГИХЛ, 1931. С. 398. Серия «Книгу — социалистической деревне. Дешевая библиотека ОГИЗа»; *Шолохов М.А.* «Тихий Дон». Роман: В 3 кн.: Кн. 3. М.: ГИХЛ, 1933. Серия «Дешевая библиотека Госиздата». С. 420.

[2] Здесь и далее читатель ссылается на издание: *Шолохов М.А.* Тихий Дон: В 3 кн. Кн. 1. М.: Госиздат, 1929. С. 23.

[3] Там же. С. 24.

[4] Там же. С. 9.

[5] Там же. С. 11.

[6] Там же. С. 9.

[7] Неточная цитата. Правильно: «Аксинья, сузив глаза, слушала. И, вдруг, бесстыдно мотнула подолом, обдала Пантелея Прокофьевича запахом бабских юбок» (Там же. С. 48).

[8] Там же. С. 94.

[9] Там же. С. 6.

[10] Неточная цитата. Правильно: «Женилка не выросла» (Там же. С. 17).

[11] Там же. С. 40.

[12] Там же. С. 78.

[13] Там же. С. 37.

[14] Там же. С. 72.

[15] Там же. С. 118.

[16] Там же. С. 122.

[17] Правильно: «в подсолнухах».

[18] Там же. С. 118.

272. А.Ф. ГЛУШКОВ

14 мая 1937 г., село Буялык Одесской области (*Украина*)

Я не писатель! И не какой-нибудь художник! А просто служащий, моя специальность — лаборант зерновик. Возраст мой — 19 лет. Прочитал я книгу писателя Мих. Шолохова «Тихий Дон» — все 3 книги. Мое заключение и мнение в том, что в этих 3-х книгах «Тихий Дон» писатель мало придавал значения Красным войскам. Во время чтения читатель болеет за казака, а почему, потому что главные герои «романа» Григорий Мелехов, Петро М. участвуют с руководителями в повстанческих армиях, и в то время получается, как будто бы они идут по правильному пути, а Красная — наоборот. И в то время получается, что Григорий Мелехов руководит дивизией 1-ой повстанческой и в то время он темный, не знает, с какой он целью борется, какой он дорогой идет правильной или нет, и читатель все время болеет за главных героев романа: Григория, Петра, Аксинью, со стороны казаков, в то время как они являются врагами Советской власти. Почему бы не разукрасить получше Красных героев: Мишку Кошевого, Штокмана и Ивана Алексеевича в этом романе, мало-мало за них написано.

Товарищи! я своем мнении о романе «Тихий Дон» вам мало пишу ввиду того, что я не читал еще 4-ой книги, когда я получу от вас ответ на мое письмо, я вам напишу подробно свое мнение за роман «Тихий Дон» за все 4 книги, но все-таки еще раз прошу от вас ответ на мое письмо.

Читатель Глушков А.Ф.

Если мое мнение о книге неправильное, прошу мне написать.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 703. Л. 39–39 об.*)

273. М.И. МАРТЫНЕНКОВ, П.Е. ЗАЙЦЕВ

29 июня 1937 г., село Широкий Уступ Калининского района Саратовской области

Уважаемые товарищи, колхозники, комсомольцы.

Проработав книги «Тихий Дон», все три, мы очень сильно заинтересовались за отважную работу Григория Мелехова и за его героическую смелость, за его пережитую жизнь. Уважаемые товарищи, эти книги очень нам дали практику войны, мы узнали, как нужно защищаться героически со всякими врагами нашей родины. И еще нас сильно поразило в этих книгах казнь и расстрел Подтелкова отряда, когда их белогвардейщина судила своим судом. Они гордо умирали эти 80 человек[1], не ослабили большевистского духа перед этими восставшими гадами против Советской власти. Уважаемые редактора, сообщите нам, есть ли еще 4 книга и где ее найти.

Нам очень интересно узнать жизнь Григория Мелехова и его семьи и с какой женой он живет. Если это можно, сообщите нам. На этом мы и заканчиваем свое сообщение и свои мысли о книгах «Тихий Дон».

Я, Мартыненков Михаил Иванович, работаю в качестве счетовода, год рождения мой 25 октября 1915 года.

Я, Зайцев Павел Емельянович, работаю в колхозе им. «8 марта», год рождения 1913 года, 13 августа.

Просим сообщить <ответ> на наш отзыв по адресу: Саратовская область, Баландинский район, село Широкий уступ.

29/VI-37 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 95–95 об.*)

[1] См. примеч. к п. 240.

274. А.А. ЕРЕМИН

30 июля 1937 г., б.м.

Дорогие товарищи!

Прочитав три книги Вашего издательства, автора Мих. Шолохова «Тихий Дон», я с нетерпеньем жду выхода в свет четвертой книги. Поэтому прошу сообщить; когда выйдет четвертая книга? Проводится ли ее оформление в настоящее время и, когда закончится и, вообще, выйдет ли в свет эта книга?

Жду с нетерпением.

С тов. приветом.

30 июля 1937 г.

Адрес: Западно-Сибирский край, село Учиристан <?>, того же района. Алексею Анисимовичу Еремину.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 106*)

275. БУЛАТОВ

5 августа 1937 г., Котласский район Архангельской области

Спешу дать отзыв о книге «Тихий Дон» Шолохова.

Книга написана простым языком, легко читается и поэтому доступна большинству читателей.

Изложен материал с умеренной художественностью. И читается в продолжение всей книги с неотрывным интересом.

Больше таких книг советскому читателю.

Булатов.

5/VIII 37 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 107*)

276. А.Г. ЛЕВЫЙ

5 августа 1937 г., поселок Серахс Ашхабадской области (*Туркменистан*)

Прочитавши Вашу книгу «Тихий Дон», я очень благотворен Вашим писанием. Складена она очень сложно и мужественно. Я, когда прочитал, то я очень много почерпнул из нее хорошего: из боевых эпизодов Кошевого Михаила, а также Григория Мелехова. И теперь мне, как пограничнику, когда приходится, то я применяю некоторые номера этой вашей книжки. А только, когда читал, то очень волновался, что в большой степени всё наших били. Мне интересно б узнать, как Мелехов Григорий покончил жизнь, а также и Кошевой. И я желаю знать, будет четвертый том или

нет. Ежели есть вам возможность, то вы, пожалуйста, сообщите, а нельзя, то и за это хорошо. У нас тут в части многие читали вашу книгу и всем очень понравилась.

Пограничник 45 погранотряда Афанасий Григорьевич Левый, год рождения 1914.

Мой адрес: ТССР, г. Серахс, п/я № 20.

5/VIII 1937 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 102–102 об.*)

277. С.П. БЕЛОБОРОДОВ

6 августа 1937г., город Ирбит Свердловской области

Я их читал последовательно — все три книги, только с большим перерывом времени, и первую видел два раза в кино[1], — но они мне все хорошо помнятся.

Здесь особо является картина с хутора Каргинского[2] семья Мелеховых, сыновья Мелехова Пантелея, Петро и Григорий, являются в одно время врагами между собой — т.е. первый становится на сторону буржуазии Петр, а второй против (за Советскую власть). Во время революции пошли за освобождение Дона, и все же ошиблись. Петра убили, а Григорий пошел воевать против Партии большевиков, явился верным слугой буржуазии Деникина и Колчака (ему не надо было отрываться от Штокмана, Ивана Алексеевича и Михаила Кошевого) и он был бы на стороне за освобождение Дона от буржуазии.

Ну и пока все, как я понимаю. Сейчас жду четвертую книгу. Мне хочется узнать: живы или нет Мелеховы Григорий с отцом и что получилось, когда Кошевой Михаил наказывал Ильиничне ни за кого не отдавать замуж Евдокию, кроме его.

Мой возраст 32 года, работаю бригадиром тракторного отряда в Ирбитской М.Т.С. Образование мое 4 класса и 4 месяца курсы трактористов. Литературу читать я любитель, художественную и революционную.

Прошу вас сообщить, как можно достать книгу 4-ю «Тихий Дон» и особенно художественную литературу, а Шолохову шлю благодарность.

Мой адрес: Свердловская область, город Ирбит, Ленина 18, кв. 3.

Белобородов Сергей Петрович.

6/VIII 1937 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 108–108 об.*)

[1] О первой экранизации романа см. примеч. 2 к п. 170.

[2] Видимо, описка читателя, который, дочитав третью книгу романа «Тихий Дон», перепутал хутор Татарский со станицей Каргинской, поскольку в станице Каргинской разворачивается одно из центральных действие третьей книги романа. Станица Каргинская (до 1918 — хутор Каргин), административный центр сельского поселения расположена на правом берегу реки Чир в Боковском районе Ростовской области. Шолохов проживал в Каргинской с 1910–1926 гг. Здесь он написал большую часть «Донских рассказов» и здесь же родился замысел «Тихого Дона» (*Шолоховская энциклопедия*. С. 293). Жители Каргинской стали прототипами героев «Донских рассказов»: «Алешкино сердце», «Двухмужняя» (*Летопись*. С. 22–23) и «Тихого Дона»: Аникей Антипов (Аникушка), братья Ковалевы (Шамили), Г. Фадеев (дед Гришака) и др. (см.: *Сивоволов Г.Я.* «Тихий Дон»: рассказы о прототипах. Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1991. С. 47).

278. НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО

13 ноября 1937г., б.м.

Я, прочитав две книги, первую и вторую решил вам написать мой отзыв. Прочитанные мною 2-е книги, 1-я и 2-я «Тихий Дон», очень мне понравились. Писатель ярко художественными чертами описывает главных героев романа: Григория Мелехова, который живет не только для себя, но и продвигает дальше свой путь. Не заботится дальше о своем хозяйстве, плохо слушается своего отца, — Пантелея Прокофьевича, связывается, заводит дружбу с Аксиньей Астаховой, хотя отец ему воспрещал. Также из Григория получается хороший казак на войне, когда он становится командиром сотни. Григорий верит в победу пролетариата. Перешел на сторону красных. Солдаты всё побросали на фронте и ушли домой, но Григорий домой не ушел, а остался у красных.

Его же брат Петр, наоборот, стремится только для своего хозяйства.

Пантелей Прокофьевич мне очень не понравился. Он стремится только получше нажиться; когда он женит Григория на Наталье Коршуновой, хотя Григорий и не желает, но отец его гонится из-за того, что они живут хорошо. Также мне очень понравились герои романа, это красные командиры, как то: Бунчук, который сильно болел, но все же работал для революции, так же Подтелков и Кривошлыков, которые перед повешением произнесли революционные речи, призывали темных казаков понять сущность большевиков. И особенно я ненавижу в романе — это Попова, который приказал расстрелять красный отряд. И еще мне нравится в романе Шолохова девушка, которая пошла добровольно в красный отряд и погибла смертью героя[1]. Из прочитанных мною двух книг я узнал, что Григорий в I-ой книге перехо-

дит на сторону революции, а во 2-ой книге он обратно в отряде казаков — контрреволюции. Мне желательно узнать его действия дальше, в недалеком будущем достану 3-ю книгу, отзыв об ней сообщу, а четвертую книгу достать очень трудно, да ее и в библиотеке у нас нет пока <...>[2]

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 118–118 об.*)

[1] Речь идет о героине романа — Анне Погудко.

[2] Последний лист письма утрачен.

279. Г.И. АЛЕКСЕЕВ

19 ноября 1937 г., деревня Озёрки Свердловского района Орловской области

Дорогие товарищи!

Книга «Тихий Дон» мною прочитана: об этой книге я могу дать отзыв такого содержания.

Жизнь казаков, отображенная пером Шолохова, была невзрачна, но голос казачьего достоинства у каждого казака, в глубине его души, говорит: «Я свободен».

Сейчас начинаю читать вторую часть.

Дорогие товарищи! От имени меня передайте т. Шолохову товарищеский привет. И если можно пришлите его адрес, мне надо просить у него совет по одному вопросу. Жду.

Я надеюсь, что товарищи удовлетворят мою просьбу.

Мой возраст — 1919 года рождения, профессия — учащийся.

Жду просимое.

С товарищеским приветом Алексеев Григорий И.

Мой адрес: Орловская область, Свердловский район, Озеренский с/с, к-з «Красное Знамя».

19 /XI 37 год.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 119–119 об.*)

280. И. САМОЙЛОВ

До 28 ноября 1937 г., Ростов-на-Дону

Я читал все три книги в 1935 году, но в настоящее время опять читаю «Тихий Дон». И беспрерывно хочется читать, читать и читать произведения нашего родного писателя Мих. Шолохова.

Я донской казак, рожак станицы Цимлянской, а поэтому и нравится мне родной и ясный, донской язык Мих. Шолохова.

С нетерпением жду 4-й книги романа «Тихий Дон». Сам нахожусь в Ростове н/д. Работаю на заводе Ростсельмаш слесарем.

В 1935 году выехал из Цымлянской в Ростов, 1,5 года учился в ФЗУ РСМ. Сейчас кончаю Ростовский н/Д Аэроклуб. Этой осенью получаю звание пилота запаса.

Ровесник Октября.

По окончании Аэроклуба иду в Ворошиловградскую школу пилотов. Вот и радуюсь я: отец мой, Дмитрий Филиппович Самойлов, жил на Донщине, корябал жирную донскую землю. Был убит отступающими белогвардейцами за то, что он не пошел с ними, не бросил своего родного куреня. И мог ли подумать он, что его сын, Иван Самойлов, будет жить в такое счастливое время и, взрывая небесную синь, будет управлять стальным конем!

С приветом, И. Самойлов.

Ростов-на-Дону.«Ростсельмаш», поселок «Д. Бедного», Балкарский переулок, д. № 31[а].

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 703. Л. 24–24 об. Ред. помета о дате получения письма:* «28 XI. 37»)

281. А.М. ТЕРЕЩЕНКОВ

28 ноября 1937 г., Москва

Дорогие товарищи, Михаил Шолохов, начиная писать эту книгу, то он имел много аллегорических мыслей и знаний, которые он хотел описать в настоящей книге.

Он в начале своей книги, напомнил, т.е. охарактеризовал природу Мелеховых или, вернее сказать, он начал <с> Прокофия. Когда Прокофий вернулся с войны, и привез с собой жену турку, и когда он отделился от отца. После чего они ходили друг к другу и, когда от его жены остался ребенок сиротой без отца и матери и воспитывался у бабушки. Он носил имя Пантелей. И вот, Пантелей, женившись, нажил себе детей: Петра, Григория и дочь Дуняшу. После чего, уже смотря по книге, пошла история в жизнь. Вот, Михаил Шолохов дал первый намек, когда Пантелей с Григорием ловили рыбу, отец его предупредил об Аксинье. О чем уже читатель догадывается.

Григорий к Аксинье имел более теплое, несмотря на ее детство и замужество, сердце-приближение. Михаил Шолохов напомнил читателю, когда Степан уходил в лагеря, то Григорий к Аксинье приближался, но она, как видно, была не в догадках по этому поводу, и только уже Аксинья образумилась, особенно она вспомнила, когда они с Григорием грелись у копны... И дальше у них пошла неразлучная любовь.

Шолохов приводит одно; что когда по хутору пошла слава про Аксинью и Григория, отец задумал сына женить, но Григорию это было чудно, да и не нужно, и все же из книги видно, что через большие переживания ему приходится жениться...

После свадьбы он с женой, Натальей, жил не так как влюбленная настоящей любовью пара. Он даже не смог вытерпеть и промолвил: «Не люблю я тебя, Наталья»[1]. И когда он с Аксиньей решил уйти и пристроился у пана Листницкого кучером, стал жить как бы вольней, в этом отрывке Шолохов привел случай, что законную жену бросил, а с чужой живет. Этот отрывок говорит за то, что эта пара как рыба с водой, что они друг от друга не могут отлиться, так и Григорий с Аксиньей.

Но в конце это получилось наоборот... Когда у них родилась дочь, Григорий верил и не верил, но все же впал в веру «что дочь моя». И когда Григорий пошел служить, то он получал письма из хутора, в которых всегда было вспоминание об жене Наталье, об которой Григорий думал «как барин об холопе». Шолохов также вспомнил о том, что, когда Дарья осталась жалмеркой, то из одних дней она рассказала Наталье об своем желании принять, хотя бо «...» <sic!>[2], об чем Наталья ей ничего не ответила. И в конце Михаил Шолохов привел один из всех случаев. Это когда Григорий вернулся в отпуск и пришел к своей жене Аксинье. Но здесь его встретил конюх Сашка и рассказал, что Аксинья скрутилась с Евгением.

После чего Григорий, хотя, и не ожидая этого случая, и <с> горестью бросил Аксинью и вернулся к своей жене Наталье.

Я читал эту книгу вслух, меня слушали внимательно, особенно, женщины, и зачастую меня подсмеивали, что небось и ты жил так в деревне. Итак, я хочу выразить свое мнение, что Михаил Шолохов, написавши эту книгу, имеет большое популярное отношение ото всех читателей, а особенно от меня.

Я читал много книг, произведений, рассказов, но такой книги, как «Тихий Дон», я не нашел. Я с радостью уже взял 2-ю часть, а также думаю, и остальные 2 части прочитать в короткий срок. Дальше я даю слово т. Шолохову, что он самый лучший писатель, который может нас любого молодого парня, любую молодую девушку поставить на вид нашей молодой кипящей, но неточно верной любви Григория и Аксиньи. Михаилу Шолохову передайте мой пламенный привет от читателя его книги, передайте большую благодарность за труды над этой книгой. Я ему желаю, пусть он еще пишет такие книги, которые мы будем с радостью и любовью читать. Пусть он живет и крепит свои силы, и не бросает

свою работу. Если можно, дайте мне его адрес, а может пошлете ему мой отзыв. Напишите мне, как я изложил мое мнение, верно или есть неверное понятие некоторых содержаний. Конечно, можно написать больше по содержанию книги, но на первый раз можно кончить, да и, вообще, я не очень-то мог хорошо иллюстрировать свой отзыв. Но зато я из книги понял очень точно все переживания этих молодых людей, как и я.

Я родился в 1918 году в Западной области Ярцевского района Шамовского с/совета в деревне Неелово в семье батрака Терещенкова Михаила Дмитриевича. До настоящего времени жил в колхозе. Три года работал на предприятии там же, на родине. С июля месяца приехал в Кунцево, поступил работать на Завод № 95[3], получил специальность электросварщика. На будущий год пойду в ряды РККА защищать наши неприступные границы Советского народа.

Напишите мне ответ. Жду. Дайте адрес М. Шолохова.

Мой адрес:

ст. Кунцево, Завод № 95, барак 18, комната № 6.

Терещенков Александр Михайлович,

Жду ответа.

Ко всем вам с приветом.

28/XI 37 года.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 122–126*)

[1] Неточная цитата, см.: «Не люблю я тебя, Наташка, ты не гневайся» (*Шолохов М.А.* Тихий Дон. Кн. 1. М.: ГИХЛ, 1931. С. 150.)

[2] Видимо, речь идет о сцене разговора между Дарьей и Натальей («Тихий Дон». Кн. 1. Ч. III. Гл. XVIII): «Хочется, бабонька! — хохотала Дарья, розовея и дрожа крутыми дугами бровей. — Чего уж грех таить... Я б сейчас и старика какого-нибудь раскачала, ей-богу! Ты вздумай, ить два месяца как Петра нету».

[3] В 1930-е гг. в районном г. Кунцево Московской области были восстановлены дореволюционные заводы, строились новые, возводились новые корпуса фабрик и заводов; завод № 95 находился в ведении Наркомата обороны.

282. И.П. ИВАНОВ

12 декабря 1937 г., село Князе-Григоровка Великолепетихского района Херсонской области (*Украина*)

Уважаемые товарищи.

Сегодня я прочел 1-ю книгу Шолохова Михаила «Тихий Дон», которая мне очень понравилась. Мне 33 года, по профессии я шофер, по социальному положению — рабочий. Работаю я в с. х. артели имени Ленина. Я за свой век в 33 года прочел немало

художественной литературы: читал я как русских старых писателей, так и само <собой> и наших советских писателей. Мне во многом понравилась книга «Тихий Дон», так как в ней пишется нашим простым языком. Мне, и прочитавшим моим товарищам, немного не нравится то, что Мих. Шолохов в момент самого интересного момента, вдруг, обрывает свое описание и переходит к другому. Так сам писатель немножко грубоват, но зато чисто правдив, по-большевистски правдив, и за это его любят читатели.

От имени нас, читателей, желаем тов. Шолохову писать такие книги, как «Тихий Дон», без конца и желаем ему счастья и успеха в русской литературе.

С товарищеским приветом.

12/XII 1937 г.

Уважаемые товарищи, я прочел лишь только первую книгу «Тихий Дон» и то — случайно застал, а остальных нет. Где взять, прошу, если возможно, вышлите наложенным платежом все вышедшие произведения Мих. Шолохова или укажите, откуда можно выписать.

С уважением к вам читатель

Николаевская область, Горностаевский район, село Княз<е>-Григоровка, артель имени Ленина.

Шофер Иванов И.П.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 131–131 об.*)

283. М.И. КАБЛУКОВ

23 декабря 1937 г., поселок Ульяновка Тосненского района Ленинградской области

Товарищи!

Я прочитал книгу «Тихий Дон».

Вы просите написать отзыв о книге Шолохова «Тихий Дон». Охотно исполняю Вашу просьбу. Прежде всего в общем книга хороша: личности и характеры ярки; написана книга несколько вычурным языком, надо писать просто, чисто русскими выражениями.

Плохо то, что в некоторых местах автор позволяет себе выражения отдельных лиц (казаков при мобилизации), прямо нецензурные, или разговор о женщинах до того наглый, что в обществе некоторые места нельзя читать, в особенности, когда присутствуют девицы или женщины. Так писать нельзя, предосудительно, противно и антиполитично. Нужно доказать, что автор умеет писать культурно, уважая читателя. Особенно на это нужно обратить

внимание сейчас, именно сейчас, когда на нас соседние страны смотрят с предубежденным злорадством и всякое лыко гонят в строку, т.е. все погрешности масс вырастают в колоссальные нелепости. Ведь Ги де Мопассан посмотрите, какие пикантные писал истории, он никогда не называл действия или пикантность своими именами. Дайте такие истории написать нашим писателям (некоторым, понятно), так они такие выражения русские подберут, что волосы дыбом станут. Нет, надо писать выражения в разговоре КУЛЬТУРНО, надо читателя уважать, а писать площадным языком нельзя.

Рабочий. Стаж 38 лет. Механик телефонной станции Колпино.

Адрес: Саблино, Окт. ж.д., улица Елизарова, д. № 1а. Каблуков М.И.

Я бы написал Вам выдержки из книги «Тихий Дон», но за неимением времени и места исполнить этого не мог.

23 /XII-37 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 703. Л. 59–59 об.*)

284. А.А. МОСИН

27 декабря 1937 г., деревня Пестово Галицкого района Ярославской области

В своем отзыве я долго и картинно писать не буду, но все же я очень доволен этой книгой. Шолохов в начале книги описывает казаков с Дона, как еще суеверных, ввиду случаев падежа скота, из-за этого они сделали убийство жены Прокофия Мелехова. И он, вследствие мщения, изрубил станичного казака. Я, как читатель, со своей стороны думаю, что он, если это сделал, наверное, из своего вывода, потому что суд в этом деле поддержал бы станичников.

Во-вторых, что тов. Шолохов коротко в ясных чертах и понятливо обрисовал жизнь и порядки казаков, взяв в пример семью Мелеховых. Он обрисовал жизнь казаков как-то; отец глава всему хозяйству с своего приказа все, что ему вздумается, творил в семье, как, например, узнал, что сын его Григорий спутался с женой Петра[1] Астахова Аксиньей — решил его женить на нелюбимой Григорию девице Наталье. Впоследствии получилась плохая история; что жизнь у Григория не сложилась с Натальей, но еще она хуже получилась с Аксиньей — второй женой. У них дело дошло до семейной вражды; когда Григорий впервые стал иметь дело с Аксиньей, но еще хуже получилось, когда Григорий был на фронте, защищал власть буржуев, то евонный барин, сотник Листницкий, ради отдыха, стал похаживать к Аксинье и вторично

осквернил жизнь Григорию. И в конце Григорию пришлось опять пойти к первой жене, что очень обрадовало отца. Случай такой, как Григорий спас офицера и получил Георгия, это отца привело в большое приподнятое настроение. И, в общем, что описывает тов. Шолохов в этой книги жизни казаков, заставляет вдумываться в смысл и по его описанию находишь много сходного, почти и все, как <у> крестьянина-землепашца бывшей Костромской губернии, так и казаков Дона. Но, если приводить примеры, то найдется таких примеров много как то: женитьба Григория казака и женитьба крестьянского сына, или выдавание дочери вышеупомянутой губернии, все зависело от старшего, отца семьи. А ведь подчас отец был деспотом, он мог по своей дурности погубить сына или дочь, с этим он не считался, как и отец Григория, за неповиновение выгонял из дома. Книга дает ясную картину читателю, как надо жить в настоящее время: бросить старинушку-матушку, бросить жизнь, которую раньше вели казаки и крестьяне, а жить в Сталинскую эпоху каждому по своему желанию, культуре и вести независимо в годы совершенства свой образ жизни, как это получилось у Григория. Я, как читатель, интересуюсь дальнейшим описанием жизни казаков семьи Мелеховых, в особенности Григория, я думаю, он жалеет прошедших годов своей жизни, прошедших не за что в одном только горе, нужде, унижении. И прошедшие годы лежат темным пятном у него на сердце.

Теперь моя личная просьба читателя к Государственному издательству художественная литература: прошу выслать по нижеизложенному адресу все остальные книги «Тихого Дона», которые выпущены изданием, так как я очень интересуюсь литературой. Если можно, прошу не отказать.

Пишу свой адрес, возраст, профессию и где работаю.

Адрес мой: г. Кострома Ярославской области, Шунгинское п/о, д. Пестово.

Мосин Александр Александрович.

Возраст 22 лет, профессия зав. П.Л.М.Т.Ф.[2], работаю в колхозе «Смычка» Шунгинского с/с Костромского района Ярославской области.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 132–133 об.*)

[1] Правильно: Степан Астахов.

[2] Видимо, Производственная (техническая) лаборатория МТФ.

285. Н.Г. ДУДНО

28 декабря 1937 г., Волгоград

Очень хорошо, что можно дать отзыв об интересной книге. Должен сказать, что книга «Тихий Дон» М. Шолохова достойна того, чтобы ее прочитать, прочувствовать, в особенности 3-я книга. Должен сказать, чисто беспристрастно, то, что М. Шолохов, действуя в историческом прошлом, у него, как у Л.Н. Толстого в «Войне и мире», дворянин выглядит лощеным (с лоском), так у Шолохова казаки выглядят с положительной стороны.

Весь Дон восстал. Красные посылали лучшие части, матросов, пролетариев, но, как известно, Г. Мелехов, командуя I дивизией казаков, находился на передовых позициях. При боевых операциях, много примеров которых указаны в книге, красные несли громадные потери, а казаки нет, — как в прятки играли! Исключая один пример, когда красные перестреляли полсотни пьяных казаков. В книге указано, что красные больше перестреляли казаков при установлении власти, чем при боевых операциях: отчасти и это странно, мол, вояки с безоружными казаками.

Все эти сомнения не дают полной эффективности, потому что разум охлаждает сердце. Если думать, что Шолохов приберегал героев книги, казаков, для дальнейшей работы над романом, то надо сказать, что их много, как героев, так и безымянных (35 тысяч). Можно было бы много сказать, но сомневаюсь, будет ли то прочитано, что написал, и получу ли ответ на волнующие меня сомнения.

В целом, книга хороша во всех отношениях, действительно достойна нашего времени.

Видно, Шолохов — тип, подобный Л.Н. Толстому, тип Советского Толстого.

Дудно Ник. Гр.

гор. Сталинград. СталГРЭС, почта. Служащий 23 года.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 703. Л. 58*)

286. М.И. БЕРЕЗАН

1937 г., город Каменское Днепропетровской области (*Украина*)

ОТДЕЛУ КУЛЬТУРЫ И ПРОПАГАНДЫ ЦК ВКП(б)

От члена партии БЕРЕЗАНА
Максима Ивановича, работающего в
г. Днепродзержинске Днепропетровской
области.

Уважаемые товарищи! Я многих писателей прочитал художественной литературы, но после у меня оставалось очень хорошее впечатление. И когда читаешь, то все мыслишь: почему сам там не участвовал или же почему сам не смог написать. Это в каждой книге, т.е. <в> произведении великого поэта покойного Максима Горького, «Цусима»[1] и целый ряд других писателей чувствуется высокое художество и мастерство. Но когда я прочитал 3 книги «Тихий Дон» — Шолохова, то у меня осталось очень плохое впечатление, и поэтому я решил вам написать и просить вас пояснить мне, может быть, я совсем не так понял или же в действительности оно так и есть. Но, прежде всего, я должен сказать о художестве Шолохова: художество Шолохова, нужно сказать, не плохое, но он переборщил в своей простоте слова. В чем оно выражается? Вот он говорит, что казаки собрались на собрание, и там на собрании один старик старику говорит: «Засцебни шереньку, а то отмерзнеть, жена с дому выгонить...»[2] Второй эпизод: он указывает, что Мелехова Дарья осталась московской<sic!> и нашла себе 16-ти летнего юношу? который начал ее лапать за сиськи, а потом за ляшки выше колен и предложил этот юноша идти на ток в солому, я бы сказал, эти вульгарные эпизоды они просто в нашей современной литературе не вместны. Ибо мне кажется, что уже пора настала бросить сапожничество в нашей современной литературе и приняться по-настоящему выпускать культурную литературу, ибо наша литература она должна лечь в основу развития всего человечества, да иначе и не может быть, ибо мы являемся передовым отрядом всего угнетенного человечества в мировом масштабе. А отсюда Шолохова «Тихий Дон», он никак не может послужить примером для мирового человечества. Ибо я помню, когда во время империалистической войны было в газете в районной или в какой написано, что «март месяц на дворе, а коты на крыше». Книги Балакирева и современная литература националиста Астапа Вишня[3] и т.д. К этой литературе можно отнести и Шолохова «Тихий Дон». У меня лично после тщательного прочтения этих книг сложилось мнение, что Шолохов в своих произведениях показал себя, что он большой патриот донского казачества, он показал в своих произведениях свой местный национализм, антисемитизм и шовинизм. Чем это можно разнузданное художество Шолохова доказать. Мне кажется, что особых доказательств не требуется, ибо он сам показал, конечно, если внимательно прочесть вплоть до того, что даже отдельные моменты и разделы проработать, то можно понять <к> чему он клонит. Шолохов в своих произведениях описывает борьбу казачества против советской

власти на Дону. И если хорошо вдуматься в эту борьбу казачества, то для кого, собственно говоря, нужна эта борьба? Она нужна, на мой взгляд, для атамана Каледина, для бандита, озверелого идиота Краснова[4], Кудинова[5], но и, наверно, Шолохова. Ибо Шолохов в своем произведении исключительно показывает высокий героизм бандита Каледина, который предан защите казачества от советской заразы и большевизма, не выдушивает <sic!> и сам себя расстреливает. Шолохов показывает высокое мастерство бандита Краснова и Кудинова, а больше всего высокое геройство казачества, которое настроено реакционно против советской власти. Он описывает большую преданность всего казачества, которое борется за самостийность, за независимость казачества, которое как будто бы знает, что в масле <sic!> засели жиды и руководят советской властью. Он высоко поднимает озверелого подхалима бандитов семью Мелеховых, в особенности Григория. Он в своих произведениях все время твердит, что казачество не может переживать хохлов, кацапов и евреев. Наряду с тем, что он показывает геройства казачества и их озверелых руководителей бандитов, он показывает, вернее, высмеивает, отдельных красноармейцев и их руководителей, как например: партизанский отряд Подтелкова, он его вскользь показывает и с таким неудовольствием, что просто, когда читаешь, то делается противно. Лучшего сына нашей партии Подтелкова он показывает, как неспособного руководителя, который добровольно сдается, и весь его отряд расстреливают, а до этого, что делал Подтелков, он ни слова не говорит. Бунчука он рисует как невинную девушку, который после смерти Гали[6] никак не мог прийти в себя и который тоже занимался, только любезничал <с> Галей. Шолохов тоже показывает Штокмана и Ивана Алексеевича, которые почти ничего не делали, а только занимались расстрелом кулаков, тем самым реакционно настроили казачество, и казачество двинулось против советов, и они погибают ни за что, а до этого ничего не делали. Ведь Шолохов ни одним словом не сказал о том действительном положении, которое фактически было. Ведь часть казачества сражалась в Красной армии против озверелых бандитов. Он даже соизволил выпятить Мелехову Дарью, которая расстреливает Ивана Алексеевича. Он высмеивает Красную армию. Когда красноармейцы вошли в село Татарское <sic!>, то три красноармейца отправились ночевать в доме Мелеховых, и вот один из них расстреливает на цепи собаку Мелеховых, как будто в этом заключается геройство Красной армии, и только она способна собак расстреливать, и привязанных на цепи. Ибо Шолохов совершенно ничего не показал,

каким путем все же пришла Красная армия в это село Татарское, через какие трудности она прошла и т.д. Шолохов также выпячивает Красную армию, которая прекрасно способна пьянки организовывать, приглашая женщин, и уже на этой попойке показывает геройство Григория Мелехова. Даже он показал неспособность ездить в седле красноармейцев, т.е. «героиня» Доклейка[7] Мелехова увидав в окно красноармейца на лошади, она прибежала к Наталии в кухню и рассказывает, как безобразно сидел красноармеец в седле, несмотря на то что она была напугана красными. Шолохов совершенно не хочет показать геройства нашей доблестной Красной армии. Ему, очевидно, тошнит, когда он будет показывать успехи Красной армии. Ведь он указывает, что Красная притесняла казачество до Вешенского, но как она притесняла? Очевидно, по мнению Шолохова казачество смиловалось над Красной армией и начало отступать без боя. И здесь он показывает Михася[8] как Ваньку дурачка. Михась, который оставался живой от Штокмана, Ивана Алексеевича, когда подошли Красные войска в Вешенский <sic!>, с ними же и Михась, и вот здесь Шолохов показывает геройство Михася, т.е. Михась достал себе хорошую лошадь, седло, но не украшенная уздечка. Михась заезжает во двор какого-то богатого казака и увидел железную кровать, украшенную никелированными шишками. Он срывает шишки и цепляет на уздечку, которые даже от яркого света солнца даже мешают ему сидеть на лошади, ибо лучи отражают ему в глаза. После всего этого украшения Михась попросился у своего командира отпустить его в гости на родину, т.е. приехать через Дон и дома. Командир, отпуская в гости Михея, еще больше <*1 нрзб.*> его своими часами и хорошей цепочкой, т.е. Шолохов действительно здесь проявил максимум своей энергии и вдумчивости и сделал из Михася Ваньку дурачка, который на пользу прискакал в царский дворец с вороной в кармане и грязью, и вот когда Михась въехал в свое село Татарское, то он не обнаружил никого живых людей в селе, но все же придумал не ехать прямо к Мелеховой Доклейке, ибо с этой стороны дома могут его убить. Поэтому он решил поехать к кулаку, у которого он раньше служил и вдруг там обнаруживает столетнего деда Гришу, который уже не мог как следует собой, т.е. совершенно беззащитный старик. Михась его расспрашивает и подпаливает все хозяйство этого кулака. Этим самым Шолохов показывает, что Красная армия и ее руководители способны на цепи привязанных собак убивать беззащитных и т.д. Мне кажется, что Шолохов забыл, что он находится не на послугах у бандита Каледина, а находится в СССР, которая дает

возможность прекрасно развивать каждую свою мысль в рамках своего класса, а так как в СССР классов нет, то в своей семье. Но Шолохов патриот своего казачества, ему жутко тошнит, что его казачество находится в союзе СССР. Ему хочется доказать своим казакам, бандитам Краснова, что все же, мол, напрасно сдали Дон неспособной Красной армии, что, мол, вы герои казаки, перед какими-то собачниками и Ваньками не сумели отстоять самостийность Дона. Он этими произведениями хочет возбудить чувства в казачестве, что, мол, деретесь за независимость. Таких типов у нас было очень <много> на Украине, таких типов было у нас много на Закавказье, и мы сумели их изжить и, очевидно, сумеем с успехом изжить и Шолохова. Вот так у меня из прочитанного «Тихого Дона» Шолохова. К такому выводу я пришел. Конечно, я не хочу и не думаю разводить дискуссию. Я написал оставшееся у меня впечатление и сложившееся у меня мнение и понятие. Я не могу сейчас сказать и отстаивать, что оно правильное, но я считаю, что я свою рецензию могу писать. Может быть, груб? Но это меня вынудил сам Шолохов. Я убедительно прошу тщательно проверить и дать свое заключение, и не посчитайте за труд, напишите мне о своем заключении. Произведение Шолохова я читал на украинском языке и русском.

С ком. приветом, Березан.

(*Машинописная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 7. Ед. хр. 431. Л. 82–87*)

Машинописная копия письма была направлена в Гослитиздат. Ниже публикуется направленный М.И. Березану ответ за подписью зав. сектором современной литературы М.А. Серебрянского и редактора Ю.Б. Лукина.

9 апреля 1937 г.

Тов. Березану М.И.

г. Днепродзержинск,
Днепродзержинский Райком
Партии КП(б)У
Днепропетровской области.

Уважаемый товарищ Березан!

В Вашем письме о романе Мих. Шолохова «Тихий Дон» Вы упрекаете автора в «местном национализме, антисемитизме и шовинизме», в том что он является единомышленником «Каледина, бандита, озверелого идиота Краснова, Кудинова»... и т.д. Свои обвинения Вы основываете на том, что Шолохов «показывает высокий героизм бандита Каледина», «высокое мастерство бандита Краснова и Кудинова, а больше всего высокое геройство казачества, которое настроено реакционно против советской власти... высоко поднимает бандитов семьи Мелеховых в особенности Григория»... и наряду с этим «высмеивает отдельных красноармейцев и их руководителей».

Прежде всего, необходимо сказать об общей установке, которую взял Шолохов в романе «Тихий Дон». Писатель-коммунист, один из крупнейших наших мастеров художественного слова, Шолохов поставил перед собой труднейшую задачу: показать белый лагерь изнутри, заставить читателя перенестись по ту сторону фронта Гражданской войны и присмотреться к людям, которые дрались против советской власти. Он поставил перед собой задачу показать, с одной стороны — отъявленных врагов социалистической революции: помещиков, кулаков, атаманско-офицерскую верхушку казачества — Листницких, Коршуновых, Кудиновых, Калединых, Красновых и пр. — врагов кровных и непримиримых, и с другой стороны — те слои казаков, которые враги революции толкнули на борьбу с советской властью, использовав предрассудки, пережитки сословной розни — дурмана, которым на протяжении веков отравлял казачество царизм, стремившийся воспитать из него кадры своих опричников. Царизм всячески пытался смазать значение классовой борьбы в среде казачества, переключить ее в сословную вражду: между казаками и иногородними, между казаками и «мужиками», или во вражду национальную, разжигая ненависть к угнетенным народностям, национальным меньшинствам. Казаки на Дону, на Кубани, на Урале являлись своего рода военным поселением со своими вековыми традициями. Ломка этого окостеневшего уклада революцией совершалась весьма сложными путями. И во время Гражданской войны на стороне белых сражалось много казаков, которые пошли за своими атаманами, за своими офицерами, как их учила строжайшая дисциплина, которые не смогли разобраться в том, где их враг и кто несет им освобождение, которых предательски обманула свора белобандитов, восстановив их против советской власти, — но которые по своей классовой природе могли бы быть и должны бы были быть нашими людьми. Здесь очень резко сказалась вековая обработка казачества царизмом, царизм в свое время все сделал для того, чтобы затемнить сознание этих людей, далеко не только по своей злой воле пошедших против советской власти. Вы рассматриваете Григория Мелехова только как «озверелого бандита», а ЦО нашей партии «Правда» совершенно по-другому подходит к этому образу. Вот что «Правда» писала в своей передовой от 24 апреля 1936 года «Колхозное казачество»: «Новой яркой жизнью живет советское казачество и казачья молодежь. Как не похожа эта жизнь на то, что было раньше. Вспомните, например, молодость Григория Мелехова, героя “Тихого Дона” Шолохова. Жизнь молодого казака устремлялась по одному, заранее определенному руслу: он начинал свою жизнь так, как начинали ее его отцы, деды и прадеды. Никаких перспектив, никаких возможностей, ничего того, что могло скрасить жизнь и сделать ее интересной и полнокровной. Григорий Мелехов наших дней рука об руку с товарищами работает в колхозе, ездит на тракторе, автомобиле, управляет комбайном, прыгает с парашютом, участвует в управлении колхозом, обсуждает государственные дела, ездит в Москву к Сталину, он — частица великого социалистического государства, он — творец новой счастливой жизни» («Правда» от 24/IV-1936 г., № 114 (6720)).

Желание автора наиболее объективно и правдиво показать обстановку и процессы классовой борьбы на Дону Вы принимаете за пособничество классовому врагу.

При этом Вы произвольно отбираете отдельные эпизоды и неверно квалифицируете их.

Например:

1) Никакого «высокого героизма» Каледину т. Шолохов, конечно, не приписывает. То, что Каледин кончает самоубийством, — отнюдь не является героическим действием.

2) О каком «высоком мастерстве» Краснова и Кудинова может идти речь по тексту «Тихого Дона» просто непонятно.

3) Никак нельзя согласиться с Вашей оценкой того, как выведены в романе Подтелков и Бунчук. Где же Вы усмотрели, что т. Шолохов высмеивает Подтелкова, откуда же видно, что Бунчук только тем и занимался, что «любезничал» с Анной? Бунчук — боевой агитатор на фронте, во время Гражданской войны — организатор, инструктор и командир пулеметного отряда, работник трибунала. Умирает подлинно героической смертью.

4) Откуда же видно, что Штокман ничего не делает кроме расстрела кулаков. Ведь некто другой, как Штокман, еще до революции собирал и сплачивал силы казачьей и иногородней бедноты по Дону, организовал подпольные ячейки, руководил будущими большевиками — борцами за установление на Дону советской власти.

5) Никак не выходит также, что казачество отступило, «смиловавшись» над Красной армией. В романе показана жесточайшая и упорная война на Дону. Когда Вы пишете об изображении Красной армии и красноармейцев, Вы упоминаете о том, что Дуняшка передразнивает красноармейцев. Их посадку в седле, сравнивая их с казаками, — и забываете совершенно о других эпизодах: о героической смерти т. Лихачева, об атаке матросов и мн. др.

6) По действиям Мишки Кошевого никак нельзя судить о действиях всей Красной армии и, тем более, ее руководителей.

Очень хорошо, что Вы сочли необходимым сообщить о своих опасениях и подробно изложить их, но Ваша оценка романа неправильна.

Зав. сектором современной литературы: Серебрянский[9]

Редактор: Лукин[10]

На первой странице вверху карандашом написано: «Копия: В Культ.-просвет. отд. ЦК тов. Капустину[11]».

(*Машинопись. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 431. Л. 88–89*)

[1] «Цусима» (1920–1940) — роман русского писателя Алексея Силовича Новикова-Прибоя (1877–1944).

[2] Вероятно, имеется в виду фраза одного из персонажей «Тихого Дона»: «Захар, мотню застегни... Отморозишь — баба с база сгонит» (Цит. по: *Шолохов М.А.* Тихий Дон. Научное издание: в 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 1. С. 133).

[3] Вишня Остап (наст. имя Павел Михайлович Губенко; 1889–1956) — украинский писатель, юморист и сатирик; начальник медико-санитарного управления Министерства железных дорог Украинской народной республики (1917–1918); в 1933 г. был незаконно репрессирован по ложному обвинению и приговорен к расстрелу, который был заменен на десять лет заключения.

[4] О Краснове см. примечание 2 к письму 77.

[5] Кудинов Павел Назарьевич (1891–1967), участник Первой мировой и Гражданской войн, в качестве командующего армией повстанцев возглавил Верхне-Донское (Вёшенское) восстание, в эмиграции деятель Вольно-казачьего движения; герой «Тихого Дона».

[6] Правильно: «Анны».

[7] Правильно: «Дуняшка».

[8] Речь идет о Михаиле Кошевом.

[9] Серебрянский Марк Исаакович (1900–1941) — литературный критик и поэт; в 1932 г. закончил литературное отделение Института красной профессуры, после чего заведовал сектором советской литературы Гослитиздата; с 1939 г. —

заведующий сектором советской литературы Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР.

[10] Лукин Юрий Борисович (1907–1998) — литературный критик и кинодраматург, многолетний редактор произведений Шолохова, автор книг и статей о творчестве писателя, киносценариев по его романам и рассказам; работал в Гослитиздате, газетах «Комсомольская правда» и «Правда». Знакомство Лукина с Шолоховым относится к 1932 г.

[11] Капустин Петр Павлович (1898–1938; репрессирован) — партийный деятель, возглавлял издательский сектор Отдела печати и издательств ЦК ВКП(б).

287. НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО

<1937 г.>, б.м.

Сообщаю вам на ваш запрос по поводу книги «Поднятая целина».

Я считаю, что книга «Поднятая целина» в основном по своему содержанию правильно указывает ход коллективизации в 1930 году. Но в данной книге необходимо указать на некоторые недостатки книги, а именно:

1) Откуда известно Автору, что говорил Хопров в ночь его убийства своей жене после собрания кулаков, на котором он отказался от группы Половцева и ушел с собранья и в ту же ночь был убит и т.д.

2) На стр. 286, глава 34-я до окончания стиха вписан «курган», на котором сидит ястреб и т.д. К данному произведению не выносит никакой критики[1].

3) Считаю, что завхоза Островнова Я.Л. и Фролова Тимофея Рваного нужно было бы разоблачить в данной книге, а не давать дальше действовать по имеющимся данным.

Вот эти данные дают читателю думать, что в книге мало действительности. Кроме того, поступок Давыдова с женой Нагульнова не этично описан и мало соответствует действительности, так как он сам ему советовал разойтись с ней.

С приветом <Подпись>.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 710. Л. 132–133 об.*)

[1] Не точная ссылка. Раздражение сознательного читателя вызвало большое и эстетически значимое в поэтике шолоховского текста описание «первой природы» как полновластного участника истории. Главу открывает образ неподвластного времени «могильного кургана», на вершину которого «слетает из подоблачья степной беркут», сам же «курган все также нерушимо властвует над степью, как и много сотен лет назад...»

288. НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО

<1937 г.>, Республика Карелия

Насколько уж это присуще деревне, я по-деревенски и расскажу о достоинствах произведения романа «Тихий Дон».

Нет слов, что все 3 части этого романа населением, и в том числе мной, читаются с удивительной жадностью. Простота в литературном стиле, мягкость чтения, провинциальные приспособления с присутствием юмора и ряд других положительных качеств романа окончательно забирают в себя читателя. Еще забыл сказать, что и содержанием он весьма хорош, но... Прежде всего автором слишком мало посвящено <внимания> работе и действиям красных (работа большевиков, пропаганда).

Надо сказать, если сравнивать это произведение ну хотя бы с «Чапаевым» автора Фурманова или произведением «Девятьсот семнадцатый» — автора, что-то не помню, кажется Алексеев[1], — то сразу заметно резкое отличие в политико-революционной направленности, в произведении это, пожалуй, самый главный недостаток этого романа. Между прочим, не настаиваю на внесенной мною критике, возможно, я по своим знаниям 99/100 недопонимаю сути своего дела.

Далее о действующих лицах и героях романа.

Мелехов Григорий, как главное действующее лицо, правда, подходящий тип того времени, но для меня он все время чтения 3-х книг представляет самого настоящего подлеца или не знаю, как его назвать, так, чтобы он казался для меня противным, нехорошим, и что по ходу самого дела вероятен переход Григория на сторону красных, но и там я ему не стал бы сочувствовать, так это дело должно быть во время упадка сил войск казачества и часть за счет ранее уже имеющихся мыслей в уме Григория.

Можно бы еще написать кое-что, да уж, я думаю, Вы и этого читать не будете — филькину грамоту.

Карельская Область КАССР.

(*Машинопись. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 151–151 об.*)

[1] Роман М.А. Алексеева «Девятьсот семнадцатый год» (1931).

289. Е.Э. ВАРТАНОВА

14 августа 1938 г., Москва

К IV-й книге «Тихий Дон». 7 часть.

Уважаемый т. М. Шолохов!

О тематике романа говорить не приходится, она прекрасна, и по рассказам товарищей, свидетелей этих времен, описание всех

событий дано правильно. Герои книги убедительны, но я лично о некоторых героях думаю так.

Мне кажется, что Дарью Вы убили напрасно, могла еще она дойти до наших дней. При хорошей работе над ней из нее вышла бы неплохая работница для нашего времени, она довольно энергична.

Аксинью, думаю, что нужно оставить спокойно умереть от тифа, из нее ничего не выйдет, она слишком развращена, любя Мелехова, она не прочь любить и другого. В ней нет никакого духа коллективизма, она сугубо индивидуальна как в своих побуждениях, так и в действиях своих. Дальше своей личной жизни она ничего не видит, и даже на фронт идет не для борьбы, а только опять-таки «любя» Мелехова. Такой тип героя, думаю, что до нашего времени доводить не стоит.

Мелехов — я не могу понять, верит ли он в то дело за что он борется, мне кажется, что нет, он профессионал рубака, он любит бой вне зависимости от того, за кого бороться. С большой легкостью перешел он от красных к белым и очень легко, небрежно бросает, «что охоты нету» — на вопрос Прохора, не перейти ли к зеленым и им.

Если Вы убьете Мелехова, ведь не сможете продолжить романа, а оставить его, ведь он в лучшем случае может быть в наше время только недовольным обывателем. Мелехов — тип шатающийся. Честность, правда, относительная у него есть (обрез и пулемет у отца, взгляды на мародерство), кого Вы сможете из него сделать. Председателем с/с он не выйдет, рядовым крестьянином его не сможете вывести, по-моему, это будет нереально и даже, если и сделаете, из него выйдет крестьянин типа Якова Лукича из «Поднятой целины». Он неплохой, а даже хороший вояка, но командиром нашей армии быть, конечно, не может.

Кем же он может быть, не оставите же его на перепутье?

Дуняшу, конечно, по моему мнению, надо довести до наших дней, в ней уже чувствуется зародыш девушки наших времен.

Т. Шолохов, убедительно прошу Вас ответить мне на 2 вопроса:

1. Кто сильнее, Аксинья или Наташа? Зачем Вы убили Наташу, ведь она могла бросить Мелехова, а результат был бы один и тот же, а из Наташи можно было сделать нужного человека.

2. Любил ли Мелехов Наташу, как мать своих детей, или как жену, а если любил как жену, чем объяснить его страдания, неужели только угрызением совести, ибо, как мать детей, он не мог не жалеть, дети не были оставлены на произвол судьбы.

Ув. т. Шолохов, извините, но еще раз прошу Вас ответить мне на эти вопросы[1]. Среди группы товарищей, у нас по этому вопросу разгорелся большой спор.

Вартанова Елена Эдуардовна, чл. ВЛКСМ, экономист, одновременно студентка.

Мой адрес: Москва, М. Лубянка, 16, кв. 63.

14/ VIII-38 г.

Вартанова.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 703. Л. 62–63 об.*)

[1] На редакционной копии письма помета: «1 экз. передан тов. Шолохову, др. редактору. 13. 9. 38» (Там же. Л. 66).

290. В. ЗАКАМЕННЫЙ

12 сентября 1938 г., Брянск

12 сентября 1938 года.

Прочитав колхозникам и колхозницам роман Мих Шолохова «Тихий Дон» с 1 по 4 книгу, кончая последней книгой (ч. VII-я), помещенной в журнале «Роман-газета»[1], я считаю нужным сказать о романе Мих. Шолохова следующее мнение колхозников, колхозниц и мое.

Роман Мих. Шолохова «Тихий Дон» очень живо написан: картины произведения при чтении встают как живые, переживаешь события, как будто сам в них действуешь и живешь. Язык легкий и вполне понятен слушателям. Роман читается и слушается с захватывающим интересом. События описаны правильно. Некоторые из колхозников, принимавшие участие в Гражданской войне в описываемых в романе местах на Дону, говорят, что так написано, как будто это сейчас совершается и они подтверждают правильность событий. Герои книги убедительны. Один из колхозников сказал, что Григорий — это он (Андрианов — фамилия колхозника), а Прохор, его брат, колхозник подтверждает правильность изложения. Все написанное в романе «Тихий Дон» легко запоминается. Колхозники и колхозницы вынесли пожелание, чтобы почаще печатались такие романы, как Мих. Шолохова «Тихий Дон».

Недостатки романа: сцены, описываемые события вне военных действий написаны в нескольких словах, как бы мельком, часто прерываются (слушатели ждут не дождутся конца судьбы героинь романа Аксиньи, матери Григория и других). Лишние описания пьянства казаков, где описывается о разных напитках (слушатель высказывают неудовольствие, говоря: «Неужели писатель не может обойтись без описания пьянства казаков, особенно английского лейтенанта. Разве нельзя было вместо сцен пьянства напи-

сать о жизни героинь романа, об интимных сторонах их жизни?»). Напрасно описаны сцены, выставляющие казаков какими-то дурочками, лунатиками, например, воровство банок против вшей, принятых за лучшие вина. После них сильные рвоты у казаков. Это вызвало у слушателей негодование и неудовольствие.

Роман как-то обрывается, слушатель в недоумении, какова судьба Григория и его семьи, что случилось впоследствии с Дуняшей, сестрой Григория, с детьми его, с Аксиньей и другими действующими лицами романа.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ слушателей: 1) поменьше сцен пьянства, а побольше развертывания военных действий и сцен вне войны; 2) давать законченные произведения. Выпустить ряд военных, гражданских, а равно и антирелигиозных пьес, с малым количеством действующих лиц и простой декорацией, а также сборник для начинающих по самодеятельному искусству.

ПОЖЕЛАНИЯ слушателей: выпускать побольше таких произведений как роман Мих. Шолохова «Тихий Дон».

Учитель В. Закаменный.

Адрес: Брянск Орловской обл., ул. Ленина, 18, дом Горсовета, 2-й корпус, кв. 72. Учителю Вячеславу Николаевичу Закаменному.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 703. Л. 67–68 об.*)

[1] Начиная с 1933 г. «Тихий Дон» выходил в Гослитиздате в 3-х книгах в 1935, 1936 и 1937 гг. Первые главы «Части седьмой» 4-й книги романа «Тихий Дон» начинают печататься в газете «Известия» в 1935 г.; впервые полностью эта часть печатается в 1937 — 1938 гг. в журнале «Новый мир»; отдельным изданием выходит в Гослитиздате в 1938 г. (Роман–газета. № 5–6). Речь в письме идет об издании: Тихий Дон. Кн. 4. Часть седьмая. М.: Гослитиздат, 1938 (Роман-газета). Подробно об издании см. «Текстологическое послесловие» Г.Н. Воронцовой: *Шолохов М.* Тихий Дон. Научное издание. Т. 2. М.: Наука, 2018. С. 823 — 830).

291. Л.Н. ПЕВЕЦКАЯ

15 сентября 1938 г., Курская область

Товарищи!

Сейчас прочла книгу «Тихий Дон» — 7 ч.[1] Под свежим впечатлением сообщаю свое мнение о прочитанной книге.

Книга «Тихий Дон» произвела на меня сильное впечатление. Во-первых, это замечательное произведение, которое заставило меня проливать слезы. В начале этой книги есть такие сильные места, что от волнения и слез нельзя было читать. Например, смерть Натальи. Какую грустную и правдивую картину нарисовал

нам т. Шолохов! Сколько здесь прекрасного и волнующего, правдивого и скорбного, что женщина не может не плакать. Если бы т. Шолохов собрал все слезы, то он понял бы, какой художественной силы он достиг в этом месте. Я спрашивала у других женщин, которые читали этот роман, и те признавались, что плакали. Да, тов. Шолохов — большой художник! Второй запоминающийся эпизод: смерть отца Григория — Пантелея Прокофьевича. Я работала в госпиталях в империалистическую и гражданскую войну и прошлое встало передо мной... Да, тифозные, действительно, были покрыты вшами, особенно, лица.

О, как это верно!..

Я — участница двух войн — империалистической и гражданской. И вот эти военные эпизоды: например, с Прохором, который заразился венерической болезнью для того, чтобы избежать войны, как это правдиво, это сама жизнь, а не выдумка.

Мне 41 год, в молодые годы я была свидетелем тяжелых переживаний солдат, которые не хотели войны. Они способны были стать сумасшедшими, венериками (даже сифилитиками!), лишались рук и ног — лишь бы не идти на войну. Например, мне вспомнился один латыш, который сделал себе вливание керосина в область ноги и лишился обеих ног до живота!

Сцена эвакуации белогвардейцев — безупречна.

А отъезд отца Григория!

Все у писателя Шолохова правдиво, нет у него фальши ни на йоту!

Во-вторых, язык персонажей романа безупречен. Я далеко живу от станицы Вешенской, разговорного языка казаков не слышала, но, когда я читаю, они встают передо мной, как живые, потому что у каждого из персонажей свой особенный язык. Например, язык Григория, попавшего в офицеры из простых казаков, или его отца, или Прохора! Ах, этот Прохор! Он просто замечателен (сцена с мылом!).

Есть у писателя грубые сцены, грубые слова, описание жизненной грязи, грязных и пошлых страстей, но не смакует он их, как Панферов, у которого слюни текут, а Шолохов так описывает, что через эту грязь видна кристальная чистота поэтов, невольно заражаешься его взглядами, его переживаниями и чувствуешь, что книга, написанная этим замечательным художником, нужна, необходима, она имеет большое воспитательное значение для юношества, для подрастающего поколения. Участники империалистической и гражданской войны, пережившие сами много незабываемых моментов, очень требовательны к таким сценам, опи-

саниям, картинам и маленькая фальшь сразу отталкивают, сразу чувствуешь выдумку, натянутость, пустоту, какие-то потуги... и не хочется ничего читать такого...

Совсем не то у писателя Шолохова!

Я читаю вдумчиво, иные сцены перечитываю по два раза и... придраться не к чему!

И странно мне, тов. Шолохов молод, участником войн не был, а как правдиво у него описано! Каким нужно обладать талантом, чтобы написать такую книгу!

Это только цветочки, а ягодки будут впереди!

Шолохов — новая восходящая звезда. Он пришел на смену М. Горькому. Я считаю его самым лучшим писателем нашей великой эпохи.

Для развития таланта у писателя есть все возможности. Пусть же он творит произведения, достойные нашей социалистической Родины! Какой богатый материал у него, где все творят одно великое дело — строят Страну Социализма! Раньше писатели искали героев, но их не было, надо было выдумывать. А теперь? Куда не посмотри, везде герои: от шахтера до тов. Сталина. Какая эпоха! Какие люди!

Как жаль, что я живу в глухом уголке и не видела опер «Поднятая целина» и «Тихий Дон»![2] Как бы хотелось пожить в Москве хоть недельку и походить по театрам! Но скорей новый герой перелетит через южный полюс, чем я вырвусь отсюда.

Да, это так. Спасибо тов. Шолохову за прекрасную книгу, заставившую меня плакать и восторгаться. Еще раз его благодарю и жму заочно его талантливую руку.

Людмила Николаевна Певецкая, беспартийная, в прошлом — сестра милосердия. Курская область.

15 сентября 1938 года

Пошлите мое письмо из далекого захолустного села Курской области тов. Шолохову, пусть он услышит мой восторженный отзыв и горячий привет, пусть знает, что его, как писателя, любят и читают с наслаждением.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 703. Л. 69–72 об.*)

[1] См. примеч. к п. 290.

[2] Премьера оперы «Тихий Дон» состоялась 9 января 1936 г. в Малом театре оперы и балета (ныне: Михайловский театр) в Ленинграде (ныне: Санкт-Петербург) (*Летопись.* С. 137–138). В феврале этого же года — в Большом театре СССР (Опера «Тихий Дон». Беседа с писателем тов. Шолоховым // Рабочая Москва. 1935. 2 дек. С. 4. Б.п.), в конце мая в Московском музыкальном театре им. В.И. Немировича-Данченко (*Летопись.* С. 139). Либретто оперы было написано музыкальным драматургом Леонидом Ивановичем Дзержинским (1891–1974), музыка, его бра-

том, композитором, народным артистом РСФСР Иваном Ивановичем Дзержинским (1909–1978). М.А. Шолохов принимал активное участие в постановке оперы в Большом театре. После ознакомления с содержанием либретто Шолохов остался крайне недоволен, отметив, что либретто должно быть переделано, особенно его конец (Михаил Шолохов о постановке «Тихого Дона» // Советское искусство. 1935. 5 дек. С. 4. Б.п.). В либретто опера заканчивалось тем, что Григорий Мелехов становился активным борцом за советскую власть (*Шолоховская энциклопедия.* С. 176). Для обсуждения и уточнения деталей Шолохов лично встречался с дирекцией и художественным руководителем ГАБТ и специально с композитором И.И. Дзержинским (Михаил Шолохов о постановке «Тихого Дона» // Советское искусство. 1935. 5 дек. С. 4. Б.п.). По предложению М.А. Шолохова дирекция ГАБТ пригласила в Москву «36 колхозников из различных станиц Азово-Черноморского края и, в частности, Вешенского района для ознакомления коллектива театра с народными казачьими песнями» (Опера «Тихий Дон». Беседа с писателем тов. Шолоховым // Рабочая Москва. 1935. 2 дек. С. 4. Б.п.). После премьеры оперы в театре им. Немировича-Данченко, оценивая постановку в целом положительно, Шолохов все же заметил, что «сцена свадьбы (первый акт) буквально меня огорчила. Артистки совсем не умеют носить одежды донских казачек. Совершенно некстати и без всякого чувства меры они трясут во время плясок подолами юбок, очевидно, в погоне за мнимым этнографическим эффектом. Подлинные казачки к этому жесту во время пляски прибегают очень редко и чрезвычайно умеренно. Впрочем, в этом грехе — совершенного неумения передать характер и подлинный колорит казачьих плясок и песен — повинны также и актеры, и актрисы Большого театра. И, вообще, все мелодии и пляски в спектаклях ничего общего не имеют с плясками и песнями донских казаков» (Шолохов об опере «Тихий Дон» // Советское искусство. 1936. 5 июня. С. 3. Б.п.). Премьера оперы «Поднятая целина» состоялась в 1937 г., постановкой писатель остался доволен (*Шолоховская энциклопедия.* С. 176).

292. И.П. СОРОКИН

24 сентября 1938 г., деревня Буравцовка Эртильского района Воронежской области

До сего времени я только слышал от читателей, что эта книга хорошая, а сам не читал; так или времени не было или читал книги других писателей и поэтов.

С первых же страниц книга меня захватила. Я читал ее, не отрываясь, подчас забывал, что стоит основная работа. Приходя с занятия, я снова брался за чтение, и чем больше читал, тем больше ею увлекался.

Читая книгу, я как будто находился там, что описывает автор. Мне снились образы действующих лиц этой книги. Эта книга показывает настоящих людей, невыдуманных со всеми их привычками, манерами и обычаями.

Почему такое, как вспомнишь, что будешь читать эту книгу, то получается очень приятное ощущение?

Словами сказать, какое на меня произвела эта книга трудно, но только скажу то, что, читая эту книгу, я переживаю то, что переживал, когда впервые был влюблен.

Мой возраст 19 лет, работаю учителем в НСШ по следующим предметам: химия и естествознание.

Мой адрес: п/о Буравцовка Токайского района Воронежской области.

НСШ. Сорокину Ивану Петровичу.

24/IX-38 г.

Сорокин И.П.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 703. Л. 75–75 об.*)

293. В.З. ВОРОБЬЕВ

18 октября 1938 г., деревня Мезга Устюженского района Вологодской области

18-X-38 г.

Многоуважаемый т. Шолохов!

Ваше произведение «Тихий Дон» (4 книги) произвело на меня и моих воспитанников потрясающее впечатление в том смысле, что это все происходило совсем недавно на священной нашей советской земле.

Эта книга написана понятным общедоступным народным языком и имеет не только познавательное значение, но и воспитательное.

Сколько в ней народной откровенности!

Правда, в описании бытовых картин часто проскакивают вульгаризмы, но они ничуть не снижают авторского достоинства, а, наоборот, раскрывают до конца отдельные типы и образы.

Очевидно, по вашему замыслу, Гришка Мелехов является главным действующим лицом произведения «Тихий Дон», но при чтении создается какая-то неуверенность в Гришке; то ли он отъявленный враг советской власти, то ли он националист, то ли он, если он не большевик, то около; или это лицо, которое мечется в военном угаре, как угорелый кот, жаждущий гордости и славы.

В последний момент IV-ой книги[1] как будто образ Гришки оформляется, когда он разочаровывается в белых «хозяевах», которым он теперь не нужен. Можно предположить, что в конце романа Григорий Мелехов будет хорошим красным бойцом, а Аксинья Астахова будет его боевым товарищем. Если это действительно будет так, то почему Вы даете его распутным и развратным, который выглядит «шаловливым» молодым казаком. Конечно, я

не знаю бытовой жизни донского казачества, может это обычная их бытовая жизнь. Эту книгу я читал среди колхозников: она им очень и даже очень понравилась. Они плавают в догадках, что же станется с Гришкой Мелеховым и какая дальнейшая судьба Аксиньи.

Более понятна личность Мишки Кошевого: он поставлен как бы в противовес Гришке, идеология Мишки — идеология красного бойца. Я прошу Вас в письменной форме дать мне основные наметки дальнейшего развития действий в произведении «Тихий Дон»: мне кажется, что для Вас будет не так тяжело написать маленькое письмо, которое раскрывало бы для меня все замыслы дальнейшей авторской работы над данным произведением. Надеюсь на вопросы читателя Вы всегда постараетесь дать авторский ответ.

Жду ответа с нетерпением.

Не зная точно вашего адреса, посылаю на Госиздат.

С читательским приветом

В. З. Воробьев.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 703. Л. 80–81 об.*)

[1] Речь идет не о всей 4 книге, а только о «Седьмой части», опубликованной в 1938 г. (см. примеч. к п. 290).

294. К.В. АНДРЕЕВ

<Не ранее 1933 г.>, город Дебальцево Донецкой области (*Украина*)

Уважаемые товарищи!

Уже давно слыхал о книге «Тихий Дон» Мих. Шолохова и все время собирался прочитать, но беда в том была, что не мог достать таковую.

Неделю тому назад я нашел I и II часть у своего знакомого.

Должен со всей откровенностью коммуниста сказать, что еще не имел никогда такого удовольствия, какое я ощущал, когда читал первую книгу «Тихий Дон». Настолько написана простым языком попутным. Когда читаешь, то просто видишь всю картину описываемого Шолоховым момента.

И вообще, когда читаешь, то просто ощущаешь отдых, ибо ее так легко читать, что после тяжелой умственной работы голова освежается и т.д.

В общем, я даю самый хороший отзыв о «Тихом Доне», какого лучше не могу дать. Я очень высоко ценю такого писателя в лице Мих. А. Шолохова.

Просьба сообщить через газету, когда выйдет III-я книга.

Мой адрес: ст. Дебальцево, пос. Донецк<ой> ж. д., улица Сталина, № 111.

К.В. Андреев.

Должность — диспетчер (участковый распорядитель движения поездов).

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 139–139 об.*)

295. Д.С. АРТЮХОВ

<Не ранее 1933 г.>, село Прасковея Будённовского района Ставропольского края

Я колхозник, работаю в конторе учетчиком по учету труда в с. Прасковея Прикумского района С.К.К. Рождения 1893 года.

Заканчиваю читать третью книгу «Тихого Дона». Есть сведения, что есть и четвертая, которую обязательно прочитаю, если достану. Оценку даю по трем направлениям: 1) Книги написаны просто и очень ярко и красочно, отражен быт и психология казачества и 2) Очень ясно отражены последствия губительных проклятых войн, после чего возбуждается ненависть к их возрождению и последствиям, так как все факты описаны в довольно яркой форме, а потому и передаю автору т. Шолохову свою благодарность.

Село Прасковея Прикумского района С.К.К. Колхоз «Путь к коммунизму».

Д.С. Артюхов.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 115*)

296. К.Ф. АРХАРОВ

<Не ранее 1933 г.>, город Кольчугино Владимирской области

Читая роман «Тихий Дон», я был до крайности поражен его тонкостью художественного изображения. Автор, когда писал его, он, по-видимому, приложил все усилие изобразить в нем картину донского казака, в его до полноты дикой и темной обстановке. Отмечая его не эксплуататорскую и не эксплуатируемую жизнь, но наполненную боевой готовностью, показал, что <это> люди еще с тонким и не зрелым умом к правильной и общественной жизни, над ними висит оболочка незнанья, и мало понятия о своем времени. И то, к чему они были склонны, они в этом мало видели для себя пользы, не находили даже ответа, к чему они стремятся. Весь их порыв клонится стать заслужением всяких похвал и вдо-

бавок носить георгиевский крестик, но и маленькую подачечку, не жалеющуюся за благодарность, бросит со стола крохи какой-нибудь торгашишко и подобные ему люди. Мало, но даже, может быть, и не стоит сказать о революционном настроении этих людей, почему? Да, нам ярко видно, что они были не эксплуатируемые и никем не притесняемые в своих чуть повыше земли халупах и станицах, где ютились. Жили они полной степенью зажиточных крестьян, даже слишком. Можно ли сказать, что отсюда зажегся бы революционный огонек, нет никак нельзя. Даже то, вступить на пролетарский мостик жизни, и то им стоит большого труда в случае надобности. Как видно из романа, когда Григорию Аксинья говорила, давай уйдем в город, я и ты будем работать, но Григорий четко заявил, как я могу пойти от хозяйства и остаться без ничего. Да, Григорий дрогнул от одного замысла сделаться пролетарием. Но даже и тогда, когда он оторвался от хозяйства, он всегда таил в душе, что за спиной еще имеется родной дом, и в каждый нужный момент он не останется без ничего. Так его мнения пророчески сбылись и оправдались. Когда наступило время ехать на службу, то отец сам приехал и привез ему все военное снаряжение. Сблизившись с пролетарской жизнью лично своей, и к этому еще Григорий был эксплоатируемый на войне, он целиком и полностью наступил на жилку революционного зарождения. И только всего достаточно маленькой искры, как возгорелось бы пламя. На Григория это и дыхнуло, западало прямо внутрь груди. Знакомство с украинцем в госпитале дало ему толчок к политической стороне, вплеснуло капли солнечных процветаний. Столкновение здесь же с царской прислугой ярко говорит, <ч>то его отшатнуло от бывших его стремлений защищать тех, кто бросает их жизнь для сжирания воронам под жаркими лучами палящего солнца, в безлюдной жизни, чему он до этого чуть не был этой жертвой.

Я прочитал роман, первую книгу Шолохова, где и делаю такое замечание. Правильно рисуются в нем все интонации и речи каждого действующего лица. Шолохов говорит словами мужика, т.е. с его неправильным выражением в словах, в коверканье языка и т.д. Грубость ярко оттушована и подкрашена. За это ему большое предпочтение. Но есть и маленькие недостатки. Я все же не нашел нужным и полезным вставлять такие предположения, как усиленная прихоть полового органа Дарьи и изъяснение об этом с Натальей, изнасилованье прислуги в доме, где находились солдаты, шедшие на фронт, и вот такие подобные вещи, очень часто встречающиеся, ярко выражены, оттеняют роман от общественной читки и культурной его стороны и общественно студенческих

всяких звеньев учебного заведения. В последнем придется сторониться такой речи, но это до крайностей не красиво в комканье романа. Но в последнем роман из сцен мне послужил, я работаю над изданием романа, незадолго до прочитания его начатого.

Скопившийся мной материал о зачатках нашей великой революции и завершении ее я отрабатываю, сырой материал, картинным изображением романа Шолохова, который говорил, где и как нужно сказать, чтоб было достаточно ярко и понятно.

Заканчивая отзыв об этом романе, я спешу найти второй его экземпляр, чтоб упитать себя тем знанием, которое Шолохов в нем выработал.

А поэтому я думаю, вы не останетесь в долгу заметить, какие я в своем отзыве сделал ошибки, и написать мне. Они также послужат мне материалом для практического занятия в издании моего романа.

Жду ответ.

Адрес: г. Кольчугино И.П.О. Коллективная улица, д. 20.

Архарову Константину Федоровичу.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 700. Л. 71–72*)

297. БАЛАЛЫКИН

<Не ранее 1933 г.>, б.м.

Книга равная, если не выше, книги «Война и мир». Книга Шолохова более ценна тем, что события в истории «Тихого Дона» описаны живыми свидетелями, самим Шолоховым, а Л.Н. Толстой войны 12 г. не видел. Для потомства это произведение будет лучшим историческим и художественным материалом по революции и контрреволюции на Дону. В книге Шолохова отзвучали последние аккорды казачества. Всему свой век! Отгремела казачья слава... Обычаи и традиции казачества зарыты в донских степях. Приближается бесклассовое общество.

Балалыкин.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 699. Л. 62*)

298. А. БАЛОХИН

<Не ранее 1933 г.>, б.м.

Давно искал 3 книгу «Тихий Дон» М. Шолохова, сегодня прочел и вот хочу высказать Вам свое впечатление от прочтенного. Книга очень ценная, много в ней хорошего. Но вот, как читать

такие книги детям, которые не слышали еще таких матерных слов где-нибудь на стороне, а впервые их прочли в художественной литературе. Ведь вышеупомянутые выражения употребил красный командир, и напутствовать кр-ца идущего в отпуск такими пожеланиями не много чести.

Я семейный человек, люблю хорошие книги читать в семье. Но так как дома матом не ругаюсь, то откровенно говоря, стеснялся читать эту книгу в семье, дабы не краснеть в некоторых случаях за т. Шолохова, ведь дети, услышав ругань, все как-то будут употреблять ее и в обыденной жизни, а потом доказывай им, что этого говорить нельзя, он скажет, я не ругаюсь, а говорю, как написано в книге, т.е. выражаюсь литературно.

В остальном, конечно, книга прекрасная. Написана простым и понятным языком, а, главное, правда.

А. Балохин.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. ОП. 1. Ед. хр. 699. Л. 61*)

299. М.И. БАНИТОВ

<Не ранее 1933 г.>, Омск

Коллективное письмо слепых.

Дорогие товарищи!

Мы, слепые, пишем Вам свое мнение о книге Шолохова «Тихий Дон». Нам читала ее Елизавета Михайловна Анпелова, слушали возрастом 18 лет.

Нам она очень понравилась. Мы шлем горячий привет товарищу Шолохову, если можете, передайте ему от Омской организации слепых: Банитов, Денисов, Игнатьев и прочие. Эта книга открыла перед нами многое прошедшего, и мы еще более узнали, как большевикам трудно было драться за СССР, и, по-моему, если перед кем-нибудь встретятся трудности, то они, если читали «Тихий Дон», вспомнят Штокмана, то крепко и устойчиво будут перешагивать эти трудности.

Привет героям Советского Союза, погибшим в донских землях.

Напишите нам, пожалуйста, адрес Шолохова и скажите мне, куда я могу девать свои стихотворения, чтобы их напечатали, у меня их уже много, и лежат зря.

Банитов Михаил.

Адрес: г. Омск, ул. Церабкоповская, д. № 77.

Получить БанитовуМих. Иван.

До свидания[1].

(*Машинопись. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 173*)

[1] После письма от Омской организации слепых следует отзыв читателей о романах «Тихий Дон» и «Поднятая целина»: «Писатель Шолохов начал писать эту книгу в 1926 г., кончил в 1931 г. Он описывает, как казаки не хотели советскую власть. Эта борьба происходила в черноземных степях, где протекает река Дон. Главные лица: Григорий Мелехов, Аксинья, Степан — все это происходило в 1916–1918 гг. Если что неправильно, пишите нам вопросы, мы начинаем читать "Поднятую целину". Пишите нам по ней вопросы. Пуще всех мы очень любим книги, но нам их мало читают, да и негде взять, и мы все б отдали, лишь бы достать по-зрячему книги. Вот, например, когда мы достали книгу "Тихий Дон", то все ребята очень, очень, очень с большим удовольствием, интересом слушали ее. Мы бы ответили лучше, но мы не знаем, на какие вопросы нужно отвечать, и мы не очень грамотные, да и ошибаемся». (Там же. Л. 173–173 об.).

300. К.С. БАРАНОВ

<Не ранее 1933 г.>, село Зоргол Приаргунского района Забайкальского края

Ясным, простым языком, с неослабевающим интересом на всех 325 страницах изложено содержание книги М. Шолохова. Явное удовольствие чувствуешь, когда читаешь эту книгу — правдивую историю, и вместе с тем книга Шолохова при ее чтении становится жизнью читателя. Читатель живет в книге, ходит и ездит с ее героями, и оттого читатель огорчается концом книги, что ему еще хочется жить с героями в книге. Книга Шолохова — яркий документ истории строительства крупного с/хозяйства, документ — раскрывающий классовую борьбу в деревне. Книга верна указаниям вождя нашей партии тов. Сталина, что враги действуют тихой сапой[1]. Этим она ценна.

Учитель Баранов К.С.

Восточная Сибирь. Быркинский район.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 708. Л. 119*)

Автору «Поднятой целины» М. Шолохову.

С большим удовольствием прочитал попавшую к нам в глушь вашу книгу «Поднятая целина». Без сомнения, что есть хорошие книги и наших писателей, но такой, как ваша, я еще не встречал. По крайней мере я уверяю вас, что, читая «Поднятую целину» я ни разу не позевнул, ну а это как раз противовес моим всегдашним чтениям, сопровождавшимся обычно, потягиванием и позевотой. Ловко и с достаточным юмором изображен Щукарь, с его прошлой историей жизни и действиями в настоящем.

Теперь разрешите задать мне вам один вопрос и, возможно, с надеждой получения на него ответа.

Было ли в действительности то, что вы изобразили, отбрасывая вообще момент «головокружения от успехов»?

Вот вопрос, на который я хотел бы получить ответ.

Если для вас не является стеснительным, то жду вашего ответа.

Все.

С приветом, учитель Баранов.

Возраст мой 20 лет, образование 7-летка и педкурсы, 2 года учительской работы.

Мой адрес: Вост. Сибирь, Быркинский район, с. Зоргол. Учителю Баранову К.С.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 708. Л. 121*)

[1] Читатель в своем высказывании опирается на статью И. Сталина «О работе в деревне» (см. о ней примеч. 6 к п. 16). Отсылка к следующему фрагменту статьи: «Враг понял изменившуюся обстановку, понял силу и могущество нового строя в деревне и, поняв это, перешел от прямой атаки против колхозов к работе тихой сапой» (*Сталин И.* Сочинения. Т. 13. М., 1952. С. 229).

301. Е.С. БАРДАС

<Не ранее 1933 г.>, поселок Будогощь Киришского района Ленинградской области

Очень жаль, что в этом историческом и мастерски построенном произведении «Поднятая целина» есть недостатки.

Автор плохо прорисовал героев, он щедро, нет слов, снабдил их социальными элементами, социальные голоса их слышны отчетливо, но над индивидуальными характерами т. Шолохов, очевидно, мало работал. Давыдов, Макар, Андрей, Яков Лукич и др. быстро забудутся, от них останется в памяти: середняк, коммунист, партизан и т.д. Но лица, их имена не смогут остаться незабываемые, как герои Чехова — Гаев и др., Горького — Булычев, Фома Гордеев, Челкаш[1] и др., герои Толстого, Гоголя и других классиков.

Т. Шолохов не познакомил нас со своими героями и очень жаль.

Он делал попытки дать лицо героям, они похожи на себя, но не выпуклы, не проработаны, не построены. Это так же, как в рисунке: нарисованный портрет талантливой рукой, имеющий сходство с натурой, но художник мало работал, не дал костяка, не чувствуется скул, затылка формы, и портрет похожий на плоский.

Слово, данное Давыдову «факт», мало характеризует его, а, пожалуй, подчеркивает неуверенность автора в знании своего героя; маленькая попытка подчеркнуть индивидуальность Давыдова — это узелок белья, который он придавил локтем, естественно дана ему скрытость (неловкость) перед Андреем, допытываю-

щимся об узелке. Немного <более> удачно набросал т. Шолохов Титка, хотя о нем говорил мало; товарища Половцева и, пожалуй, Маринку.

Хорош дед Щукарь, он осязаем, его забыть трудней, пожалуй, в жизни встретишь человека, ему аналогично<го>, и в недобрый час позовешь его «Дедом Щукарем». Эта его живость нерасторопная, слабохарактерность, навязчивое самолюбие никем не уважаемого человека, незаметного в строительстве, но видного в обществе как всякого «урода», незабываемы, веришь даже тем неправдоподобным его действиям, как-то: при его солидности лет, ребяческая ловля кур для бригады и многое другое, веришь, что такие поступки сделает только дед Щукарь.

Якова Лукича нет, есть зажиточный середняк, хорошо нарисованы его колебания, противоречивость, но плохо то, что автор, видимо, сам не знает, куда он его денет, раскулачит ли или сделает колхозником. В общем, нет индивидуальностей, нет нестираемых героев, выработанных 16-летней сов. властью, есть социальные обобществленные лица.

Большой недостаток в языке тов. Шолохова.

Непонятно, почему он всю книгу написал на народном казацком языке за исключением своих слов, которые и те по инерции начинаешь произносить по-казацки. Если этим он хотел ярче и художественней сделать произведение, то сделал большой промах, можно сказать, испортил свое произведение. То, что дело происходит на Сев. Кавказе в станице, можно сказать или показать более культурными, более художественными формами, а этот метод приторный и не культурный.

Можно предположить, что т. Шолохов писал для Северо-Кавказских казаков, упрощая, делая доступней книгу и роднее для них. Но этот народный язык до такой степени разнородный, и в каждой станице и деревне имел свои оттенки, что зачастую бывает непонятен разным станицам. Этот некультурный, исковерканный русский, смешанный с украинским язык, нужно искоренять, окультуривать, а не поощрять, таким языкам у нас нет счету.

Мастерски сделана композиция произведения, читая, даже прощаешь ошибки, необработку героев. Фантазия автора сочная, богатая до такой степени, что он заставляет жить и болеть вместе с его героями, злиться, любить, ненавидеть. Несмотря на такую давно известную и надоевшую тему по газетам и разговорам, заинтересовываешься каждым действием и ходом событий в колхозе. Этак, пожалуй, и любую мещаночку заставишь читать до конца и быть заинтересованной этой темой.

Автор любит и ненавидит своих героев и заставляет читателя напряженно следить за каждым движением героев, порой злишься на Давыдова, что он, «окаянный», не замечает того, что читателю давно понятно.

Определенно знаешь, что т. Шолохов оставит жить Давыдова, но все же болеешь за него, с появлением Тимофея кулацкого сына невольно думаешь: «Как бы он Давыдова не убил».

Композиция, нет слов, дивная. Шолохов удачней рисует коллектив, он неплохо знает станицу. Настроение собраний, колхоза художественно хорошо построено. Он не говорит, как и где разместились казаки на собрании, какой вид имеет школа, но это чувствуется само собой, благодаря ловкому обороту мазков, лучше сказать, благодаря его собственному стилю.

На поле видишь дождь, черную мокрую землю, быков.

Хорошо характеризует Давыдова как рабочего, когда он спрашивает: «Можно ли пахать в дождь». Вложены слова незаметно, но крепко.

Бардас Евг. Ст.,
преподавательница черчения Будогощской ФЗД.
Ленингр. область, Киришского р-на.
Год рожд. 1908.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 709. Л. 94–98*)

[1] Имеются в виду герои пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад» (1903), пьесы М. Горького «Егор Булычев и другие» (1932), романа «Фома Гордеев» (1899) и рассказа «Челкаш» (1894).

302. А.Ф. ВЛАСОВА

<Не ранее 1933 г.>, деревня Гренадеры Петуховского района Курганской области

Прочитав три книги Шолохова «Тихий Дон», о котором могу сказать, что книга может заинтересовать многих читателей. Большую роль играет в романе Григорий Мелехов, впослед. дивизионный командир повстанческого войска. Читая третью книгу, я все время ждала, что Григорий перейдет на сторону красных или же его убьют, а в конце герой романа оказался, остался без внимания писателя. Роман окончился «куцо». Неизвестно, что сталось с Григорием: или его убили, или еще куда он делся. С моей стороны, можно было о Кошевом сказать меньше, впоследствии было бы понятно, но о Григории нужно было закончить. Пускай был он бандит, но героем романа я считаю его.

Если будет возможно, то можете что написать по адресу:
Челябинская область,
Петуховский район,
деревня Гренадеры.
Власовой Антонине Ф.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Ед. хр. 701. Л. 94–94 об.*)

303. Н. ГАЛКОВСКИЙ

<Не ранее 1933 г.>, город Моздок Республики Северная Осетия — Алания

Последнюю книгу «Тихого Дона»[1] я прочел уже довольно давно, но «отзыв» выбрал время написать только сейчас. У меня нет под рукой «Тихого Дона», пишу по памяти, не под влиянием свежего впечатления.

Я не критик, я только читатель и притом анонимный. Поэтому буду писать с полнейшей откровенностью.

«Тихий Дон» прежде всего — высокохудожественное произведение. Там все «герои» не только имена или формулы — это живые люди, почти портреты, я вижу их сейчас, как живых. Автор всегда видит их, никогда не забывает их отличительных черт, поэтому их видит и читатель.

Заставить видеть своих героев могут только немногие художники. Я припоминаю только Толстого и Достоевского. Уже у Тургенева фигуры героев туманны. И Григорий, Петро, Пантелей Прокофьевич, и Мишка Кошевой, Астаховы, Христоня, Алешка Шамиль, старый пан и все другие — все это живые люди, они не выдуманы, они были в действительности, должны были быть — автор написал их портреты — когда читаешь, ну, например, «Цемент» Гладкова[2], — иногда думаешь: «А ведь здесь автор врет, он меня уверяет, а я не верю». Но Шолохову веришь. Вот он описывает уженье сазанов в Дону, свист тугой лесы, режущей воду, струйку воды, бегущую за ней (Григорий вываживает сазана), — и я думаю: «Да, да, так именно и бывает». Или пирушку казаков, или свадьбу Григория, переправу через Дон на пароме, блестящие шары от кровати на уздечке коня Кошевого — и я верю автору, что все было именно так. Какой-нибудь мелочью автор убеждает (больше, чем длинными описаниями), что он пишет о хорошо ему известном, о том, что он испытал и видел сам. Да, самые незначительные мелочи — все они замечаются не одним, так другим читателем — ничего не пропадет. Все читатели, вместе взятые, понимают, видят и чувствуют автора куда больше любого критика

или даже всех критиков вместе взятых. И вот, поверив Шолохову, когда он описывает то, что я знаю, я уже верю ему и тогда, когда он говорит о том, что я не видел (германский фронт, война и пр.). Я живу вместе с его героями, волнуюсь их радостями и горем, хотя все как будто просто, никаких особо сложных, утонченных психологических переживаний и положений вроде нет, герои его ходят по земле, и у них крепкие нервы. Говорят, Шолохов идеализирует казачество. Думаю, что это неверно. Художник или любит или ненавидит своих героев. Равнодушный писатель — не художник. Шолохов, конечно, не может ненавидеть казачество — он плоть от плоти его. Но это не значит, что он идеализирует его. Григорий груб («Если сучка не схочет, то и кобель не вскочит» — говорит он Аксинье). Пантелей Прокофьевич хозяйственно и бессердечно грабит семью казака, ушедшего с красными. Такие они и есть, донские казаки. Есть у него и казаки-звери — одного из них (забыл фамилию, кажется, на букву «Ч»[3], лысый, на германском фронте) даже лошади боятся (тоже черта!). Автор не идеализирует, а развенчивает «героя» Крючкова[4] и т.д.

Григорий в Гражданскую войну, Григорий — повстанец уже не тот, что в империалистическую войну. Теперь он фигура исторически обреченная. Он сам в глубине души не верит в правоту своего дела. Его удаль и риск — это риск отчаянного и отчаявшегося игрока. Он испытал и женскую любовь, и военную славу, в будущем ничего нет, ничего не видно, а потому и ничего не жаль.

Слог Шолохова краток, прост, выразителен. Это не изысканная стилизованность византийской вязи слога Пильняка[5]. Это образный и сочный народный — нет, не народный, а именно донской язык, язык донских казаков. Шолохова понимают все грамотные люди. У него огромный круг читателей.

После окончания «Тихого Дона» и «Поднятой целины» хорошо бы ему написать этакую эпопею «Стенька Разин» (тираж 100 000).

Н. Галковский.

г. Моздок, хлопковый техникум, преподаватель хлопководства и ботаники, агроном, 37 лет.

Анонимный читатель нечаянно подписался, ну да все равно.

<На полях: «Когда читал последнюю книгу “Тихого Дона”, не мог оторваться, пока не кончил под утро.»>

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 699. Л. 72–73 об.*)

[1] Речь в данном случае идет о третьей книге «Тихого Дона», которая на тот момент была «последней».

[2] О Гладкове см. примеч. 4 к п. 36.

[3] Речь идет о сослуживце Григория Мелехова по Первой мировой войне, казаке по прозвищу Чубатый.

[4] О Крючкове см. примеч. 2 к п. 118.

[5] Пильняк (наст. фамилия Вогау) Борис Андреевич (1894–1938; репрессирован) — прозаик, один из представителей орнаментализма в советской литературе 1920–1930-х гг. К началу 1930-х гг. он был автором романов «Голый год» (1922), «Машины и волки» (1925), «Волга впадает в Каспийское море» (1930), а также «Повести непогашенной луны» (1926) и повести «Красное дерево» (1929). Два последних произведения вызвали жесточайшую критику в адрес писателя.

304. В.П. ГОНЧАРОВ

<Не ранее 1933 г.>, село Бреусовка Козельщинского района Полтавской области (*Украина*)

Уважаемый т. Шолохов!

Перечитавши несколько раз Ваше произведение «Тихий Дон», перед моими глазами воскресла героическая эпопея борьбы с повстанцами. Вы добились колоссальных результатов, соединивши великое художество с правдоподобностью. Читая третий раз «Тихий Дон», я невольно уношусь в далекое прошлое: я еще раз начинаю переживать свою молодость, отданную на борьбу с контрреволюцией. Перед глазами обратно проходят картины боев, картины героической смерти бойцов, картины жестокого террора казаков. В руках невольно ощущаешь клинок, невольно рука делает взмахи, — но все это далекое прошлое. Для полноценности Вашего произведения хотелось бы видеть в нем страницу, отведенную воспоминаниям отряда школы ВЦИКа. А этот отряд (он назывался отрядом школы I Московских командных курсов)[1] записал в историю гражданской борьбы не одну славную страницу. Пройденный путь, от Черткова до казацкой станицы, увенчал славою участников этого отряда. Недаром наши курсанты в своих фронтовых песнях воспевали этот путь. Я сейчас слышу песню: «Из Черткова в Сетраково на простор Донских степей выезжает батареец первых курсов Москвичей». И в этой песне звонкой трелью разливается голос нашей славной курсантки Риммы Золкиной, единственной девушки-еврейки, ставшей первым красным командиром-женщиною славной Красной армии. Я вижу нашего любимца-самородка поэта Володьку Гарпуа, который ухитрялся: «товарищ Арин — волонтер, пришлец с первой батареи, всем кралям спины понатер, скача как бык на архирее», скача как бык на архирее писать свои острые стихи на злобу дня. Я вижу высокого, как украинский тополь, т. Зарзара, погибшего смертью славных сынов отечества во время аварии аэроплана в 1932 году. Перед

глазами проходят незаметные герои: начальник отряда Маслов, командир батареи Рыбин и много-много других.

Есть чем вспомянуть погибших сынов родины, отдавших жизнь за партию Ленина-Сталина, за рабочий класс. Я думаю, что участники этого отряда, оставшиеся в живых, с большой радостью встретят это добавление в Вашем произведении и охотно помогут Вам в сборе материалов. У меня сохранились отдельные эпизоды борьбы нашего отряда с фронтового дневника, а также сохранились отдельные стихотворения нашего волонтера, которые могу передать в Ваше распоряжение. Я уверен в том, что Вы сумеете внести добавление в следующие издания, чем сделаете Ваше произведение нашей настольной книгой, нашей второй молодостью, памятником нашему славному отряду первых курсантов Москвичей.

Участник подавления казацкого восстания, бывший курсант I Московских артиллерийских командных курсов.

Адрес: УССР, ст. Козельщина, село Бреусовка, Харьковской обл., директор средней школы.

Гончаров Всеволод Петрович.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 140–141 об.*)

[1] Речь идет о 1-ой Московской революционной пулеметной школе, которая была открыта в декабре 1917 г. Курсанты и выпускники военной школы во время Гражданской войны участвовали в боях против П.Н. Краснова, Н.Н. Юденича и А.В. Колчака.

305. М.П. ДЕРГАЧЕВА

<Не ранее 1933 г.>, Луганск (*Украина*)

г. Луганск.

Полностью ценить роман не берусь, считаю очень молодой себя в искусстве, в данном случае роман Шолохова «Тихий Дон», скажу, что первая книга, по моему мнению, восхитительна, полна остроумия, от души веселит читателя, хотя не исключая 2-й и 3-й, но, правда, в гораздо меньшей мере.

Первые две части читаются с громадным интересом, в отличие от 3-й книги — совершенно спокойно, но когда начинаешь читать третью книгу, тут совершенно другая картина: во-первых, очень действует на нервы, в особенности у кого они слабы, но это большей частью оттого, что Красная армия терпит ряд крупных поражений, потеря ценных людей, как Штокман, Алек-

сей Ив[1]. и т.д. Во-вторых, 3-я часть читается гораздо тяжелее, а здесь и пропадает, рассеивается ее полный интерес. Первую часть с удовольствием прочтешь второй раз, а уж третью второй раз не прочтешь. А главное, 3-я часть поднимает целую бурю возмущений и неясных вопросов в отношении самого автора к Григорию. По-моему, автор стушевывает поведение Григория, смазывает его самого как «типа»; якобы Григорий переживает о своей вине перед Советской властью, что он-де не понял и нечаянно забрел в лагерь белогвардейщины, хуже того — сам организовал его и очень якобы морально страдает после уничтожения пулеметчиков. По-моему, здесь этот эпизод очень неудачен, и Григория можно смело квалифицировать как «бандита», так как он явился ярким выразителем кулацко-зажиточного настроения и к тому же злостного бандита, классического бандита, которого не переделывать, а расстреливать!

Григорий прошел все несправедливости царского деспотизма на войне империалистической и в конце концов не мог понять, за что борются большевики. По-моему, возмутительно, что автор по ходу всего романа третьей части сочувствует Григорию, выгораживает его за безвинность.

Юмора в третьей части меньше, отчего и роман скучнее.

Автор Шолохов большой художник, но в третьей части, это мало сказано, хотя в последней части очень ценны факты, очень ценна история гражданской войны, революционных завоеваний, трудностей, критических условий, в которых оказались борцы за революцию, за освобождение угнетенного народа.

Дергачева М.П.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1.Ед. хр. 704. Л. 207–208*)

[1] Правильно: Иван Алексеевич.

306. М.Н. ЕРМИЛОВ

<Не ранее 1933 г.>, город Чусовой Пермского края

Прочитав «Тихий Дон» Шолохова I, II и III, нашел роман очень интересным и выдержанным. Я лично, перебрав и прочитав изрядное количество литературы, считаю, что «Тихий Дон» очень вошел в головы нашей молодежи и нашел в ней то отражение, которое старался дать автор. Книг вышло недостаточно: главным образом — III часть; у меня за три месяца брали III часть уже 12 чел. Или они мало проходят в мелкие населенные пункты.

Вот, что лично мог я выразить по адресу «Тихого Дона».

И очень прошу редакцию в том, что у меня в III части не хватает 65 страниц: и достать полную не могу, страниц нет: с 320 по 385. Прошу Вас устроить это положение, конечно, страницы послать Вам, наверное, невозможно. Тогда прошу Вас, сообщить, как у Вас достать III-ю часть полностью. Если можно, то я с удовольствием у Вас выписываю: I, II и III часть — все сразу. Если высылаете без внесения читателем денежного аванса, то прошу выслать, а если нужны деньги сразу, то ответьте, я согласен на все условия.

Помимо того, сообщите, будет ли выпущена IV часть, когда и каким путем ее побыстрее достать.

Адрес: Свердловская область, Чусовский район, завод, Лесной отдел. Ермилову М.Н.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 702. Л. 137*)

307. В.П. ЕРОШЕНКОВ

<Не ранее 1933 г.>, Мурманск

Отзыв о книге Шолохова «Тихий Дон».

В этой книге Шолохов, да и вообще не только в этой, а и в других, у него не так трудный язык, как, например, у Панферова «Бруски»[1], где тема хотя и интересная, а язык уж слишком того. Эта книга Шолохова является настоящим художественным произведением, и можно сказать прямо, что Шолохов писатель с большим талантом. На «Тихий Дон» постоянно большие очереди в библиотеке. Поэтому я думаю, что ее нужно переиздать снова.

Прошу издательство выслать мне адрес Шолохова, я желал бы с ним постоянно переписываться, т.к. я задумал писать книгу, уже начал.

По адресу: г. Мурманск. Ул. Розы Люксембург, дом № 1[а], кв. 1. Ерошенкову Владимиру Павловичу. Ученик.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 104–104 об.*)

[1] См. примеч. 3 к п. 178.

308. Г.И. ЖДАНОВ

<Не ранее 1933 г.>, село Несмияновка Алексеевского района Самарской области

Дорогому молодому писателю Шолохову.

От секретаря Несмеяновского с/совета
Борского района Средневолжского края
Жданова Григория Ивановича, возраст 33 года.

Прочитав твои произведения «Тихого Дона», все три книги, от первого и до последнего листа, которые я читал с большой жадностью, поглощая один лист за другим. И не в силах иногда оторваться, чтобы не читать дальше. Каждый лист, каждая строчка увеличивает жажду, чтобы узнать дальше, а что же происходит дальше. При чтении каждого раздела приходишь минутами в большое волнение, когда Вами описаны те или другие промахи наших красных отрядов. И выливались страшными расправами со стороны бунтовавших казаков. А особенно это отразилось на отряде Подтелкова, который пережил ужасную картину.

Вместе с тем при умелом твоем отвлечении читателя от больших волнений Вами замечательно делаются разделы любовного характера, чем самым при читке быстро успокаиваешься, и уже нервы приходят в спокойный вид. Но, прочитав все три книги, остался одним недоволен, что во всех трех книгах является умелым бойцом со стороны повстанцев Мелехов Григорий и до последней строчки. Он еще остается в живых, продолжая наносить поражения для красных.

Но я, со своей стороны, считаю, что т. Шолохов не остановится на 3-й книге, а, приложив еще энергии, сделает продолжение «Тихого Дона» в описании 4 книги с последними результатами.

Ну и просил бы т. Шолохова сочинить какую-нибудь книгу советского характера, так как Вы имеете большую способность, и прошу с выпуском 4 книги «Тихого Дона» выслать перевод стоимости выпущенной книги для высылки мне по адресу, указанному в заглавии.

С приветом к Вам Жданов.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 205 об.*)

309. КЛЕЙМАН

<Не ранее 1933 г.>, б.м.

Многоуважаемые товарищи!

Я прочел все три тома книги «Тихий Дон» и, согласно вашей просьбе, пишу Вам свой отзыв.

Из тех книг, которые я прочел, почти наилучше понравился мне «Тихий Дон», и нужно сказать, что эта книга много дала моему развитию. Я с нетерпением ожидаю выпуска 4-й книги, которая, вероятно, должна в скором будущем выйти.

Только одно не понравилось мне в этой книге. Не понравилась сцена, когда Мишка Кошевой расстреливал деда Гришаку. Во мне лично это вызвало сильное отвращение к Мишке Кошевому, и в моем представлении он теперь <в>стает как трус, который смелый только тогда, когда красные побеждают. Когда же дело идет к худшему, тогда Мишка плачет, как дитя.

Не знаю, может, автор с какой-либо целью так его выдвигает, но я пишу лично свое мнение.

Я имею 20 лет, работаю библиотекарем при политотделе.

С тов. приветом, Клейман.

(*Машинопись. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 203–203 об.*)

310. Ф.А. КЛЕЩ

<Не ранее 1933 г.>, деревня Семеновка Свободненского района Амурской области

Я председатель колхоза «Красный Белорус», дер. Семеновка Свободненского района ДВК Клещ Ф.А.

Прочитал книгу «Поднятая целина», в которой отражена классовая борьба в деревне, все написанное отражает действительность. Мне тоже пришлось перенести все написанное в книге. Коллективизация на ДВК проходила в таких же условиях. Я как читатель, мне интересно знать, что будет дальше с кулаком Островновым Яковом Лукичом, Половцевым и Лятьевским и как Давыдов будет дальше работать, и как получится с Лушкой и Тимофеем.

Ожидаем второй книги и желаем успеха в Вашей работе.

Привет советскому писателю тов. М. Шолохову.

Адрес:
Дальневосточный край,
Свободненский район,
дер. Семеновка.
Пред. к/за «Кр. Белорус» Клещ Ф.А.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 699. Л. 23–23 об.*)

311. Г.Г. КОЛОДКИН

<Не ранее 1933 г.>, Киев (*Украина*)

Михаил Шолохов один из самых лучших, любимых мною писателей. Его произведения я прочитал все и некоторые по два раза. Он показывает настоящих живых людей, у каждого из них есть свои особые думы, переживания — его люди не походят друг на друга, каждый имеет свое я.

Язык его простой, живой, понятный всем и каждому, а особенно понятен мне, ибо я земляк т. Шолохова.

Он пишет настоящую, истинную правду, которую видел сам, а частично слышал от участников и, очевидно, порядочную часть из архивов Гражданской войны. Поэтому так по-настоящему живут его люди, герои, от них нельзя оторваться, и я читал Шолохова всегда запоем. Но беда в том, что в Киеве нет «Поднятой целины» на русском языке, и я прочел вначале по-русски, а потом через полгода по-украински, то в последнем случае пропадает вся прелесть родного языка (разговора).

Классовая борьба так и брызжет со строк Шолоховых произведений. Хотя он сам о ней не говорит. Автор любит своих героев, вкладывает в них свою душу, и, читая книгу, не знаешь, как может простой смертный человек писать так понятно (прямо в рот кладет). Особенно сильной была борьба классовая среди казачества во время империалистической войны, когда кулаки-казаки, не пошедшие на войну, обдирали, как липку, середняков, не говоря о бедняках. Для абсолютного большинства казаков была только слава казачья, а жизнь собачья. Казаки народ прямой, открытый, у него на уме, что на языке. Веками длилась борьба между казаками и иногородними. Эту борьбу разжигали атаманы всех рангов и особенно правительство, что казаки были опричниками — это все знают. Громадную роль играло духовенство, ибо это была страшная сила, оно знало, чем дышит казак со дня рождения и до смерти. Неграмотность, некультурность играли тоже свою роль, в 1912 г. в нашем хуторе

на 1200 ч<еловек> населения кончили школу церковно-приходскую 3-х летку 2 человека.

Одно время считали часть читателей, а особенно на Дону, где я был в 1933 г. в отпуску, что Шолохов где-то достал дневник убитого офицера и выдал за свое произведение[1]. (Но «Поднятая целина»!) Казаки говорили, что Шолохов изменил Тихому Дону, казачеству и т.д. И я подтверждаю, что он изменил Тихому Дону, что находится за границей.

Как недочеты нужно было бы, по-моему, указать:

1. Не указана роль духовенства контрреволюционного в подготовке восстания.

2. Тоже не указано по отношению к духовенству староверов-раскольников.

3. Не указана контрреволюционная роль казачьей интеллигенции.

4. Что сталось в дальнейшем с героями «Тихого Дона»: Мелеховыми, Кудиновым, Кошевым и др.

5. Почему их автор не мог поместить в «Поднятой целине», одних на одной, других на другой стороне баррикад.

6. Был ли Мелехов действительно, или выбран только как тип.

7. Я просил бы редакцию, чтобы мое письмо по возможности переслали т. Шолохову и чтобы он дал мне ответ хотя бы открыткой.

Сам я служу в Красной армии с 1919 г., в партии с 1921 г.

Адрес: г. Киев-Печерск, 25–69, политрук Колодкин.

С ком. приветом, Колодкин.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 699. Л. 56*)

[1] Отголоски слухов, положивших начало направленной против Шолохова клеветнической кампании по обвинению писателя в плагиате. См. об этом примеч. 2 к п. 37.

312. Ю. КОНОВАЛОВА

<Не ранее 1933 г.>, Вытегорский район Вологодской области

О книге «Тихий Дон», часть 1.

Я эту книгу читала в 1933 г. в марте м-це и по окончании чтения решила написать отзыв об этой книге и обратиться к вам с просьбой, но не знаю, будет или нет она выполнима и для вас незатруднительна. Я этой книгой очень интересовалась, прочитала ее два раза, но жаль, что нет у меня второй части, несмотря на то, что во всех библиотеках и магазинах Андомского р-на искала, но найти

не смогла, а поэтому решилась обратиться в ваше издательство, и, быть может, вы мне вышлете II часть «Тихого Дона», сколько стоит, то я уплачу.

Но теперь задается вопрос, почему я вас так убедительно прошу прислать мне книгу, часть II. Еще раз повторяю, что мне эта книга очень понравилась: 1) потому что описывается довольно интересная жизнь Аксиньи; 2) писатель очень понятно выражается, благодаря чему очень усваивается прочитанный материал; 3) очень понятно обрисовывается внешний вид, как Аксиньи, Григория, Степана, Натальи, <так> и других, читая, я их наглядно представляю и их личности; 4) очень хорошо писал ту местность, где происходит действие (Дон); 5) писатель Шолохов понятно и просто выражается, а, самое главное, хорошо делает переходы от части к части. В одной описывается, как жили Григорий и Аксинья после Степана отъезда, а в другой — описываются переживания Степана, и еще хорошо и понятно изложено о том, как Григорий и Степан повстречались в поле, какой они вели разговор и как они расстались, я читая эти строки, пришлось невольно бросить книгу в сторону на пять минут, для того, чтобы дальше смогла читать. Ну и вообще-то все действия Шолохов описывает очень трогательно. В своем описании он очень хорошо описывает старый строй, а, главное, описывает угнетение женщины, насмешки над ней же, тут же эксплоататоров описывает, как, например, Листницкий и др. Тут же и задевает о суеверии, где выводит то, что все это не помогает (Аксинья осталась при старых же чувствах с Григорием). Ну и вот пока что на этом и кончаю.

Быть может, я написала довольно сжато и не литературно выражалась, то прошу вас особо строго меня не критикуйте, так как я ни разу еще не писала отзывов, а потому не знаю, как писать, или очень сжато, или подробно.

На этом писать заканчиваю. С просьбой и комс. приветом Ваш читатель Ю. Коновалова, жду от вас посылки.

Ю. Коновалова.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 700. Л. 70*)

313. С.Г. КОПОЛОВ

<Не ранее 1933 г.>, город Алапаевск Свердловской области

Прочитав произведение писателя ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН», я заключил, что писатель Шолохов есть выдающийся писатель, т.е. второй советский Максим Горький. И делаю свое предположение о том, чтобы о писателе Шолохове, а также и об

его написанном произведении «Тихий Дон» нагреметь в печати, так как это произведение написано исключительно рабочим языком, с хорошо отредактированными мыслями. А поэтому я остаюсь очень доволен его идейным произведением и сочувствую в его большом писательском таланте.

Я рабочий, возраст — 1909 г., школа ФЗУ, Уральская область, гор. Алапаевск, ул. Защитников № 57

Кополов Степан Григорьевич.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 188*)

314. Н.А. КОРЖОВА

<Не ранее 1933 г.>, Краснодар

Добрый день, дорогие товарищи!!!

Я прочитала I-ю книгу «Тихий Дон» и там прочла много коечего очень интересного, и в конце книги вы написали, чтобы читатель сообщил вам свой отзыв об этой книге и написали свой адрес. Так вот, я прочла эту книгу и решила вам написать, какое она произвела на меня впечатление. Дорогие товарищи, эта книга очень и очень хорошая, она так сильно заняла мое воображение, что я просто не могла оторваться, читая ее; немного было даже страшно в те моменты, когда описываются ужасы войны; особенно было страшно, когда одному казаку оторвало ноги и когда он просил, чтобы его товарищи убили. Потом мне понравился герой романа Григорий. В нем мне понравилась его смелость, — как он ухаживал за Аксиньей и не боялся ее мужа, но она мне не понравилась за то, что она ему изменила, когда он пошел на войну, и жаль было Наталью, которая так была верна ему и жила все время у его родителей и ожидала его. В общем — книга на 100%. А теперь, товарищи, не осуждайте, что плохо и нескладно написала, ведь я окончила всего 3 группы и поэтому у меня нет красивых выражений; может быть, я совсем неправильно пишу, то уж простите; такое у меня образование.

Я задам вам один вопрос. Скажите, кто это, напечатанный на переплете, Григорий — герой романа или писатель этого романа. Мне кажется, что Григорий, но, возможно, я и ошибаюсь. Если можно, то пришлите ответ.

Мой адрес: г. Краснодар, Куб. обл., ул. Длинная, 99/101. Получить Ниле А. КОРЖОВОЙ.

Моя профессия — рабочая. Возраст — 1913 г. рождения, 19 апреля. Сейчас начинаю читать 2-ую книгу «ТИХИЙ ДОН».

(*Машинопись. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 700. Л. 69*)

315. Н.Е. КОРЧАГИН

<Не ранее 1933 г.>, село Верхний Мамон Воронежской области

О книге «Тихий Дон» М. Шолохова.

Читая эту книгу, которая помимо своего захватывающего содержания в целом, в частности, вводит читателя в круговорот жизни и быта казачества, и как бы не читаешь о них, а сливаясь — живешь вместе с ними, всей полнотой их жизни.

Порою кажется, что так умело нарисованные автором действующие лица, в отдельных эпизодах как живые встают перед тобою в своих действиях, и вся их жизнь с неподдельной правдоподобностью, вливаясь, волнует душу — всем комплексом поистине этого замечательного произведения, о котором нет других слов, как только — ХОРОШО и ОЧЕНЬ ХОРОШО!

Но вместе с этим в книге, начиная со стр. 306 гл. XI неясно, отчего именно писался «дневник»? Как будто писал студент — Тимофей; но если это было написано в книжонке, вынутой Григорьем из кармана убитого казака и передавшего ее в штаб писарям (стр. 321), то, по-моему, следовало бы яснее отобразить эту деталь.

Точно так же, как и Григорий в бою упал с седла и после о нем ни слуху, кроме запоздалого сообщения, что его убили, что, правда, как-то больше волнует; но вот уже брат Петр сообщает домой, что он жив и только ранен, да, кроме того, произведен в чин и представлен к награде, и уже после всего этого начинается описание, как спасался Григорий, что, по-моему, следовало бы поместить раньше письма Петра.

Что же касается стиля изображения некоторых моментов половой жизни в бытовой жизни казачества, то они правдивы и красочны и также дополняют красоту произведения — как кудри чуба красоту казака, но о них я судить не берусь, это дело Наркомпроса[1].

Н. Корчагин.

Адрес мой: с. В. Мамон Воронежской области, 2-й с/совет, Корчагин Николай Ефремович, рождения 1905 года, по профессии бухгалтер-колхозник, образование с/школа.

Прошу сообщить точный адрес автора, т.е. М. Шолохова.

(*Редакторская копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 700. Л. 79–79 об.*)

[1] Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения — государственный орган СССР, контролировавший в 1920–1930-е гг. все культурно-гуманитарные сферы: образование, книгоиздательство, театры, кино, библиотечное дело и т.п.

316. А.И. КОРКУС

<Не ранее 1933 г.>, город Прилуки Черниговской области (*Украина*)

Многоуважаемое издательство!

Я сам украинец, г. Прилуки Черниговской обл., Андрей Иванов. Коркус, 28 лет, колхозник, читал вашего издания книжку М. Шолохова «Тихий Дон».

1-ю и 2-ю книжку я имел счастье даже купить себе, а третью книжку мне пришлось с трудом найти и прочитать. По-видимому, роман «Тихий Дон» в третьей книге еще не окончен.

Книжка-роман «Тихий Дон» заслуживает очень большого внимания, особенно у нас на Украине, где в книжке описывает автор всю правду, которую не так давно переживали наши отцы, старшие братья, да и мы сами.

Я, когда читал Вашу книгу, то по целым ночам я не мог оторваться и лечь отдохнуть.

Очень хорошо во второй книге сделаны сноски в виде маленького словаря, напр.: стр. 12 — сентиментальный — чувствительный; стр. 14 — расшифровать — объяснить, разгадать; стр. 28 — пластуны; стр. 86 — династия; стр. 87 — мародерство; стр. 215 — Рада украинская; стр. 319 — Голгофа; стр. 379 — пароксизм — острый приступ[1] и т.д.

Это очень облегчает читать и понимать книгу, я бы просил изд-во во всех книгах делать такие сноски.

Многоуважаемые товарищи!

Если роман «Тихий Дон» в третьей книге не окончен, то будьте добры сообщите мне, а я передам своим колхозникам.

(*Машинопись. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 175*)

[1] Речь идет об издании: *Шолохов М.А.* Тихий Дон. Роман: в 3 кн.: Кн. 1–2. М.: ГИХЛ, 1933. Серия «Книгу — социалистической деревне. Дешевая библиотека ОГИЗа». См. примечания во 2-й кн.: «Сентиментальный — чувствительный» (С. 12); «Расшифровать — объяснить, разгадать» (С. 14); «Пластуны — в царской армии так назывались пешие части казачьего войска» (С. 28); «Династия — ряд государей из одного дома, царская фамилия» (С. 86); «Мародерство — похищение на поле сражения вещей, находящихся при убитых и раненых» (С. 87); «Рада — Украинская (Центральная) рада — исполнительный орган националистической контрреволюционной буржуазии Украины, избранный в 1917 г. Всеукраинским конгрессом в Киеве. Раду поддержали австро-германские империалисты до 1918, когда она была разогнана германцами, перед избранием на съезде помещиков и кулаков гетманом Скоропадского» (С. 215); «Голгофа — по евангельскому рассказу место казни преступников и Иисуса, гора в окрестностях Иерусалима. В переносном смысле — место казни, пыток» (С. 319); «Пароксизм — острый приступ» (С. 379).

317. И.Ф. КУКОЛЕВСКИЙ

<Не ранее 1933 г.>, село Минское Костромской области

В конце Вашей книги «Тихий Дон» говорится о том, чтобы читатели сообщили, какое впечатление произвела эта книга на читателя[1]. Я, как читатель, сообщаю: книга по содержанию великолепна, просто и ясно написана.

Всех читающих эту книгу интересует вопрос:

1) Живы ли действующие лица?

2) Если живы, то знают ли об этой книге?

3) Какое положение на их территории в смысле колхозного строительства?

Огромное желание получить ответ на заданные вопросы. Это не только мое личное мнение, но желание вообще читающих эту книгу. Жив ли Григорий Мелехов?

Ответ можно направлять по адресу:

Ивановская область, г. Кострома, Минский сельский совет, колхоз «Волгари».

Куколевскому Ивану Фроловичу.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 200*)

[1] Речь идет об издании: *Шолохов М.А.* «Тихий Дон»: в 3 кн. Кн. 3. М.: ГИХЛ, 1933. Серия «Книгу — социалистической деревне. Дешевая библиотека ОГИЗа».

318. КУРСИСИКО

<Не ранее 1933 г.>, город Люберцы Московской области

Тов. Шолохов!

Прочитавши вашу книгу «Поднятая целина», невольно вспоминаешь тот героический период нашей руководительницы, коммунистической партии большевиков, период перехода от мелкого, гнилого хозяйства к великому коллективному хозяйству, период перехода от сохи к машинному плугу. Этот героический период вы в своем вышеуказанном романе дали, дали ясную картину проведения коллективизации хутора «Гремячего Лога» на Дону.

Этот роман мне как рабочему-комсомольцу понравился не как «роман» развлекающий вроде Александра Дюма и прочих, а оцениваю я его, что нам, молодому рабочему поколению, надо побольше таких книг.

Вы, тов. Шолохов, дали ясный портрет стойкого бойца за выполнение директив партии, это портрет рабочего Путиловского завода тов. Давыдова. Как только его мощная нога вступила в

хутор, он сразу бодро и стойко стал бороться за 100 % коллективизацию хутора, но тем лицам, которые искривляли линию партии, он пощады не давал. Несмотря на то, что ему вставляли палки в колеса со стороны всяких бывших белобандитов и кулаков, он эти палки разламывал на мелкие щепки и забрасывал дальше от дороги, чтобы новопостроенный колхоз не заскилил ногу.

Тов. Шолохов. После того как взялся я читать 1-ю книгу, то как удав впился в ваши столь для молодежи дорогие слова и до сих пор, пока не прочитал два слова, которые я не хотел понять, «окончание в следующем №», я не мог оторваться.

Но после окончания 1-й книги я желаю, чтобы вы вложили ваши труды и поскорее увидать окончание романа.

Этот роман дает много пользы молодежи и в особенности нам, комсомольцам, надо поучиться у героя романа тов. Давыдова.

С комсомольским отзывом

Курсисико (рабочий завода, Люберзавод).

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 709. Л. 116*)

319. ЛОБКО

<Не ранее 1933 г.>, город Макеевка (*Украина*)

Уважаемые товарищи!

Не так давно просто случайно мне удалось <взять> в нашей школьной библиотеке книгу М. Шолохова «Тихий Дон», часть III. Прочитав ее с большим захватывающим удовольствием, сообщаю Вам свой отзыв.

Роман «Тихий Дон» действительно большой художественный и самый настоящий глубоко обдуманный и написанный именно потому, что он не преувеличивает и не скрывает того, что было в те времена на Донщине. Автор, видно, четко и ясно с высоким классом художества описывает природу, наречие, законы и обычаи донского казачества.

По-моему, с таким высоким мастерством описывать может только тот, кто сам был в этих местностях и, возможно, что даже участвовал на фронте по завоеванию Дона. Мне хотелось знать, был ли там тов. Шолохов? По-моему, был, а если нет, то убедите и поправьте меня. Для того, чтобы вам было яснее, я вас познакомлю более подробно, почему именно мне так понравилось описание М. Шолохова.

Я лично вырос на Дону и именно в той местности, где происходило то, что описывает автор. Я жил в хуторе Астаховом у

одного богатого казака, пас скотину летом, а зимой за ней ухаживал. В 1920 году мне было 12 лет, помню, не раз я гонял чужую скотину с чабанами и пастухами по всему Дону по ярмаркам, в Каргинскую, Боковскую и Пономаревскую, знаю все эти места и степи особенно потому, что все лето был в степи. Знаю Топкую балку и буду ее помнить всю жизнь, потому что хозяин Пономарев чуть было не засек меня моим чабанским арапником за то, что я пустил своего стада бугая в чужое стадо, и тот начал лазить по чужим коровам. Знаю Жирнов и Осиновские пруды и даже помню каждый кустик, а читая роман, я чувствовал себя якобы участником этого романа. Несмотря на то, что я с 1927 года уехал в город на производство, забыть прошлое мне не пришлось. В 1927 году, когда мне сравнялось 17 лет, я стал кое в чем разбираться и решил ехать в город на завод, что и сделал, рассчитавшись с хозяином. 19 сентября уехал в город Макеевку (Донбасс), где и работал до 1933 года. Будучи рабочим шахты «Италия», я не отставал от жизни, учился на вечерних курсах и повышал свою квалификацию забойщика, стал активным комсомольцем. Учтя это, меня горком комсомола послал учиться в Авиашколу на летчика, где я нахожусь и до сего времени, успехи хорошие.

Правда, вас моя биография не интересует, но для того, чтобы вы имели представление, от кого вы получаете отзыв о книге и кто ее расценивает, я немного об этом написал.

Дело вот в чем, товарищи, я хотел просить вас сообщить мне, как можно выписать у вас данные книги, а то вот уже целую неделю я не могу достать IV книгу «Тихий Дон», а достать даже необходимо.

Простите, что так плохо сформулировал свое письмо, но к великому несчастью я не философ, что знаю мыслью, то и вылаживаю на бумагу.

А когда кончу школу, тогда и научусь лучше складывать свои мысли.

А теперь до свиданья.

К сему Лобко.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 699. Л. 59*)

320. Б.В. МЫЛЬЦЕВ

<Не ранее 1933 г.>, станица Глазуновская Кумылженского района Волгоградской области

Тов. Шолохов, прочитав Ваши три книги, я очень остался доволен.

Вы хорошо изобразили Григория, Петра, Пантелея, Дуняшу, Дарью Мелеховых. Также остался доволен Кошевым, Иваном Котляровым, Штокманом.

Прочитаешь Вашу книгу и чувствуешь себя бодрей в деле построения бесклассового коммунистического общества.

У Вас имеется один недостаток: мало описываете природу, ну, а в общем книги «Тихий Дон» и 1-я «Поднятая целина» написаны хорошо.

Мне 15 лет, учащийся Глазуновской ШКМ по соц. положению — ремесленник, отец имеет за боевые заслуги почетную грамоту. Он сам участвовал и воевал вместе с Мироновым[1].

Сталинградский край, Кумылженский район, Глазуновское п/о, ШКМ, 7-ая группа.

Мыльцеву Борису Васильевичу.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 216*)

[1] Речь идет о Ф. К. Миронове (см. примеч. к п. 126). В 1918 г. участвовал в боях против Донской армии П.Н. Краснова. В 1919 г. вопреки запрету РВСР выступил с частями недоукомлектованного Особого экспедиционного корпуса против Деникина, за что был арестован, приговорен к расстрелу и тут же помилован ВЦИК. С сентября по декабрь 1920 г. командовал 2-ой Конной армией, сыгравшей важную роль в разгроме войск П.Н. Врангеля. В 1921 г. был арестован по клеветническим материалам, обвинен в контрреволюционной деятельности и убит (см.: Филипп Миронов. (Тихий Дон в 1917–1921 гг.) Документы и материалы. М., 1997).

321. П. НЕГРАМОТНЫЙ

<Не ранее 1933 г.>, б.м.

Книга М. Шолохова «Тихий Дон» читается с большим интересом и нарасхват. Она анализирует наши достижения и наши не достижения. Без сомнения, она принесет пользу подрастающему поколению, у кого будет разум.

Мой возраст — перевалило за 50 лет. Моя биография — крестьянин, с 17 лет пошел в рабочие, сейчас квалифицированный строитель.

Неграмотный П.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 213*)

322. НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО

<Не ранее 1933 г.>, Новосибирск

Товарищу Михаилу Шолохову!

Дорогой Михаил Шолохов, шлю я вам пролетарский свой привет и желаю успеха в Вашей жизни и работе. Вы меня извините, что я Вам пишу письмо, но я вынуждена написать Вам свое мнение о прочитанной книге. Я Вам сообщаю, что я прочитала Ваше произведение — роман «Тихий Дон», и у меня запечатлелась мысль переписаться с Вами.

Прочитавши книгу, т.е. все три книги «Тихий Дон», я не могу выразить того чувства, которое я имею по поводу этого романа.

Я имею симпатии к таким героям, как Григорий Мелехов и Аксинья Астахова. Вы меня исправите, если я неверно подойду к этому, я Ксению ценю как геройскую женщину, и вообще к ней чувство хорошее у меня. Григория я ценю в том, что он как честный и твердый человек, служа в армии, он не позволял брать чужого и грабить, с особым чувством относился к женщинам, как к человеку, а не как только к женщине. Но переход на сторону белых, я думаю, что из-за неправильного поступка Подтелкова, который разрешил, т.е. приказал днем на глазах у всех расстрелять офицеров, недооценивая еще сырой материал красноармейцев, которые могли попасть под неприятное настроение. Несмотря на то, что он командовал восставшими казаками, он же по своей неграмотности и под влиянием всей обстановки, он по неопытности и не закончил революционной борьбы. Я думаю, что при победе Красной армии над восставшим казачеством Григорий сам сдастся к красным, перейдет на их сторону и останется жив, не в том смысле, что его как командира, т.е. офицера, не убьют. И я предполагаю, что он, когда поймет, за что борется народ, и он еще будет хорошим работником, приносящим пользу советской стройке. Вот с такими мыслями я закончила третью книгу по отношению <к> Григорию.

Я также думаю, что он останется на всю жизнь не с Натальей, которая для меня очень противна, может, на меня классовость ее повлияла, а может, вообще что-то свойственное женщине, а Григорий останется жить с Аксиньей, к которой у меня с первого слова о ней чувство жалости. Ценю также я и Михаила Кошевого, боец, парень-герой, но надо отдать долг и тем товарищам, которые погибли во время предательства полка командиров. Штокман и Иван Алексеевич геройски погибли на своем боевом посту, как преданные делу пролетарской революции, а также Бунчук, который также геройски умер на своем посту. Т. Шолохов, я очень

извиняюсь за небрежное письмо, но все же я, думая, что высказать свое мнение должна, я еще раз сообщаю, что мое очень хорошее впечатление, и жду с нетерпением эту четвертую книгу, а потом также сообщу Вам свое мнение по четвертой книге.

А теперь о себе. Я студентка Урало-сибирского планового института[1] 1 курса Нархозучета, комсомолка, кандидат в ВКП(б).

Что если Вас интересует, можете мне написать.

(*Машинопись. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 141–143*)

[1] Урало-Сибирский плановый институт (УСПИ) был создан в 1932 году в результате реорганизации Сибирского института народного хозяйства в Новосибирске. В 1937 году был расформирован.

323. НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО

<Не ранее 1933 г.>, б.м.

Прочитав роман Шолохова «Тихий Дон» — 1^{ую}, 2^{ую} и 3^{ю} книги, можно сказать следующее:

Шолохов, выбрав для своего романа одну из интереснейших тем, отлично справился с нею. Роман ценен исторически, он дает многое в смысле ознакомления с Гражданской войной на Дону. Роман хорошо художественно оформлен, выведенные в романе типы будут долго помниться читателю, причем необходимо отметить отсутствие шаблонных типов, резко положительных и резко отрицательных, что надо считать большой заслугой автора. Шолохов не старается выслужиться перед существующим строем, а поэтому в его романе нет той направленности (которой часто придерживается целый ряд пролетарских писателей), которая старается прикрасить отрицательные стороны соввласти, и в этом величайшая заслуга автора, ставящая роман «Тихий Дон» на особо выдающееся место.

Больше книг подобных «Тихому Дону»!

Моя профессия — мастер депо, возраст 32 года.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 113–113 об.*)

324. НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО

<Не ранее 1933 г.>, б.м.

По поводу 3-й части Шолохова «Тихий Дон». Это не литературное произведение, а военная сводка, но усовершенствованная против 2-й части, которая производит впечатление собрания просто исторических документов.

В массе, в частности передвижений войск, теряется общая картина; описания природы — очень ярки и красочны, но их чересчур много — они утомляют. Кроме того, очень ярка психология повстанцев и совершенно не чувствуется красных. Если читать эту книгу, не имея определенного мнения ни о красных, ни о повстанцах, то симпатия может склониться и к повстанцам.

Ниоткуда не видно, что повстание создано искусственно, <без> какой-либо агитации, об этом упоминается только в приказе по войскам тех же красных, так что читатель может этому и не поверить.

Приходит мысль, что между повстанцами и красными сплошные недоразумения: казаки восстали оттого, что совершенно не понимали, что есть коммунизм, так что является ощущение, что «никто не виноват», и тем тяжелее читать эту вещь. Образ Григория совершенно неясен. Почему ему стало вдруг так тяжело после того, как он зарубил матросов? Почему он не обернулся на сторону красных вначале, как того ожидал Петр? Слишком много крови и слишком много реализма в описании убийств — это хорошо сделать раз или два, тогда впечатление остается, но когда это повторяется во всю книгу — впечатление моральное ослабевает, и остается чисто физическое тошнотное ощущение.

В книге масса силы и жизни, жаль, что такой могучий талант не может себя собрать для того, чтобы дать истинное великое произведение на ту же тему. Увлечение частностями и подробностями даже не нужными, только для этих подробностей, много однообразия в них, портит всю книгу.

Возраст — 59 лет, жена профессора, бывшая учительница, теперь — домохозяйка.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 192*)

325. НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО

<Не ранее 1933 г.>, б.м.

Дорогой товарищ Шолохов!

Когда я прочел вашу книгу III «Тихий Дон», хотя я читал и книгу I-ю и II-ю, но на меня большее впечатление произвела книга третья, а именно: мне кажется, что в книге более ярко изображаются те, которые шли с оружием в руках против советской власти, и действия их как будто были более правильными, чем красноармейских частей, боровшихся с кадетами и восставшим казачеством. Мне кажется, что в книге не ярко изображено то, что, когда

Красная армия стала оттеснять восстание на левую сторону Дона и при этом как будто казаки отступали сами по себе без малого напора красноармейских частей. Не показан тот героизм Красной армии, при помощи которого она сумела оттеснить 30-тысячную армию восставших казаков. Здесь, именно в этом месте книги, я ожидал сильных боев, чего не получил.

Тов. Шолохов, я очень с жадностью читал эту книгу и желал бы, чтобы вы довели эти книги до конца, а именно, как на Тихом Дону сов. власть пришла к победе и как славное казачество Дона теперь борется с остатками белогвардейской своры, особенно на данном этапе.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 699. Л. 76*)

326. НЕУСТАНОВЛЕННЫЕ ЛИЦА

<Не ранее 1933 г.>, Хабаровск

г. Хабаровск. В/ч 2186.

Многоуважаемый т. Шолохов.

У нас в части было плохо с чтением художественной литературы, но после того как было указание ПУР РККА, мы развернули читку по рекомендуемой литературе, в центре которой стоят Ваши произведения «Тихий Дон», «Поднятая целина», которые прочитываются с большим интересом и после прочтения обсуждаются. Когда читаешь ваши произведения, то просто переживаешь всю тяжесть работы в организации колхозов — «П. Ц.». Но основным недостатком после чтения является то, что, когда дочитываешь ваши произведения, которые обрываются незаконченными, теряется всякое настроение. Получается то, что будто бы что-то не хватает, и не охота начинать читать следующее.

Мы просим объяснить нам, чем объясняется малый тираж IIIей книги «Т. Д.» и есть ли IIая книга «П. Ц.», а также существует ли сейчас колхоз им. Сталина в Гремячем Логу.

С товарищеским приветом <5 подписей>.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 699. Л. 25–25 об.*)

327. И.В. НИКОЛАЕВ

<Не ранее 1933 г.>, город Златоуст Челябинской области

28 мая.

Посылаю Вам большую благодарность за прочитанную мной книгу «Поднятая целина» Шолохова, которая мне сильно понра-

вилась тем, как люди боролись на фронте коллективизации с/х. Я прошу ответить мне письменно на ряд вопросов: 1) Что из себя представлял до колхоза Яков Лукич и почему общественность приняла его в колхоз и доверила ему должность завхоза при колхозе, 2) Для чего писатель Шолохов вставляет личность Половцева, 3) Правильно ли сделал Нагульнов, избив кулака в правлении колхоза за несдачу хлеба для семфонда и за контрревол. слова против Сов. власти? 4) Почему Нагульнов относится к женщине по-партизански, ведь он коммунист? 5) Почему правление колхоза не поставило поста с оружием у амбаров с хлебом, зная о том, что классовый враг не дремлет? 6) Почему кулака, которого избил Нагульнов, не убрали из колхоза и не привлекли к судебной ответственности за вылазку против Сов. власти. Ведь он в дальнейшем сильно вредил колхозу? 7) Почему пред. колхоза ставят Давыдова?

Мой адрес: г. Златоуст, Златоустовская ул., № 6 (верх). Николаеву И.В.

Жду от Вас ответа.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 707. Л. 162*)

328. П.А. ПАВЛОВ

<Не ранее 1933 г.>, поселок Октябрьский Ефремовского района Тульской области

Я, колхозник колхоза «Ответ интервентам» Октябрьского с/совета Ефремовского р-на Московской обл., Павлов Петр Афанасьевич, сейчас состою рядовым колхозником, с начала организации колхоза <в> 1930 г. работал бригадиром-кладовщиком, до революции жил в Москве. После революции, до организации колхоза, занимался сельским хозяйством. Мне сейчас 60 лет.

В ноябре месяце т.г. я прочел книгу автора Шолохова «Тихий Дон» — книга 1-я.

Читать очень люблю — это моя болезнь.

Много прочитано мною книг. Читал сочинения Л. Толстого, А. Чехова, Мамина-Сибиряка, Гоголя, Арцыбашева, Куприна. Поэтов: Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Книга «Тихий Дон» очень понравилась — интересная. Замечательная жизнь казаков на Дону, описана ярко, как до революции жили казаки.

Когда читаешь эту книгу, то никак от нее нельзя оторваться.

Но есть места очень сальные — это когда казаки затащили на конюшню полячку и произвели над ней свои действия. Какие цели были здесь у автора так описывать...

Прошу издательство не отказать прислать мне пояснение, чтобы было мне понятно...

Нахожу я со своей стороны неправильно, что Гришка, при его возрасте[1] со службы, избил сотника Листницкого за измену ему жены Аксиньи, ведь не бил же Степан Астахов Гришку, когда тот отбил у него законную жену, должен бы тронуть.

Гришке надо было ожидать, что раз Аксинья ушла от Степана, то должна изменить и ему.

Ведь упомянуто тов. Шолоховым, что женщина как кошка, кто ее погладит, к тому и ластится. Так сказал Гришка при уходе от него Аксиньи.

Павлов П.А.

Адрес мой указан при начале этого отзыва.

С нетерпением жду ответа от Издательства художественной литературы.

В дальнейшем буду читать вторую и третью части романа «Тихий Дон» М. Шолохова.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 130–131*)

[1] Вероятно, опечатка при наборе редакционной копии: должно быть «при его возвращении со службы».

329. ПЛЯСОВ

<Не ранее 1933 г.>, село Долбино Белгородской области

Я прочитал 3 книги «Тихий Дон» Шолохова и нахожу, что это одно из лучших современных произведений и со стороны художественного стиля, образности и красочности, и со стороны последовательности событий, их действительности и неотразимости захватывающего интереса. Я не мог оторваться от книги до тех пор, пока ее всю кончил. Григорий оригинал каких мало, он действует в противоречие своим истинным стремлениям и мне кажется, что он подстать красным. Я думаю, будет четвертая книга. Не описано о Мишке Кошевом, как он доставил пакет Штокману и результаты; не сказано в романе, что происходило среди кубанских казаков и где девались немцы с Дона. Ну, еще кое-каких мелочей. Напр., о Листницком и т.д.

К недостатку романа я отношу переполнение его словами нецензурными, матерщиной, цинизмом, которыми богата жизнь малокультурных. Нет нужды выставлять на <*1 сл. пропущено*> художества и изящества, то, что пошло; показывать наружу голую правду, интимность и животную жизнь человека, хотя это и дей-

ствительно есть и было. Не воспитывает это молодежь, а разнуздывает. Мы учили детей не выслушивать всякую похабность, отворачиваться от матерщины, а тут, видите ли, на вопрос ученика «а что такое бардак?» приходится давать объяснение противоречащее воспитанию. Излишество брани делает произведение тяжелым в семейном и школьном быту. Ответьте мне, так ли я понимаю этот роман.

Адрес: Курск<ая> область, ст. Долбино, Болуберевка, РКШ.

С приветом.

[Плясов]

Сообщите адрес Шолохова.

(*Редакционная копия. РГАЛИ, Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 700. Л. 80 об.*)

330. ПОДАВЛЮК

<Не ранее 1933 г.>, б. м.

Мих. Шолохов «Поднятая целина».

1. Книга «Поднятая целина», автором показана суть классовой борьбы на хозяйственном фронте как продолжение классовой борьбы белого казачества в период гражданской войны, и роль в ней рабочего класса, — в лице тов. Давыдова, с одной стороны, с другой — деревенской бедноты в лице Нагульнова.

2. Книга сама по себе очень доступна для меня как ликбезника, по техническому образованию.

3. Главное, что язык книги очень понятлив, слова и оборот речи прост, но очень много загромождено местными наречиями и шутками, в особенности деда Щукаря.

4. Общую оценку я дал вкратце в первом разделе, но я считаю своим долгом сказать несколько слов моего понятия о недооценке писателем роли рабочего класса в части борьбы на хозяйственном уровне, именно пред. колхоза ДАВЫДОВ, как рабочий, показан так, что его роль как личности, а отсюда и раб. класса сведена к тому, что он не как гегемон фигурирует, а наоборот, как политический слепец, защищающий проводимое вредительство кулака Островнова Я.Л. и его руководителей, белобандита — Половцева-Лятьевского, несмотря на то, что Давыдов все время ведет правильную, сдержанную линию политики партии, — а выставляет как главного героя загибщика в колхозном движении, секретаря п/ячейки — Нагульнова, и несмотря на то, что Давыдов и п/ячейка добились исключения за побои колхозников Нагульнова, писатель опять-таки свел Давыдова как рабочего на нет, тем, что

Нагульнов был восстановлен в партии. Оказывается, по писателю, что линия партии-Давыдова неверна, а прав тот, кто ее искривляет.

5. Далее, как Шолохов неверно выставляет героем Ванюшку Найденова в лице комсомола, этим он, по-моему, недооценивает роли партии в борьбе за колхозное строительство.

6. Писателем показано, что рабочий класс, в лице Давыдова, настолько низок своим достоинством, выразившимся в том, что пред. с/совета РАЗМЕТНОВ Андрей выгнал свою бывш. жену Маринку — а Давыдов ее подобрал[1], по-моему, это сводится к тому, что рабочий класс ниже стоит на культурном и моральном состоянии, как крестьянин «козак», — рад подбирать казачьи отброски, когда это наоборот надо было показать.

7. Книга интересна, герои ее, по-моему, правдоподобны, но их роль не так расставлена, как бы это было нужно, т.е. надо было б, чтобы главную роль играл Давыдов в борьбе с кулачеством и проводимой контрреволюцией, Островновым, его руководителями — белыми офицерами, а не загибщик и искривитель партии Нагульнов.

8. Относительно внешности книги и шрифта — по-моему, хорошо.

9. Я много читаю художествен. литературы, мне нравится писатель М. Горький, М. Шолохов (с поправками), Гю де Мопассан, А. Толстой, — я хочу еще прочитать «Тихий Дон» Шолохова и «Мертвые души» Гоголя.

Инструктор РИК — Подавлюк.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 708. Л. 129–129 об.*)

[1] Ошибка автора письма, имеются в виду Нагульнов и его жена Лушка.

331. ПОДЛЕССКИХ

<Не ранее 1933 г.>, город Сарапул Приморского края

Мною прочитано три книги «Тихого Дона». Несмотря на то, что данный автор мастерски и хронологически последовательно описывает разыгравшиеся события Гражданской войны на Дону, все же и немало имеется несоответствий, которые ставят читателя в прямой тупик. Общий недостаток — это роман слишком громоздкий, и еще главное то, что получается такое впечатление, что автор настолько увлекся, что около 18 г. крутится несколько лет, примерно лет 10. У него несколько раз несчетно приходит весна, а также и другие части года, тогда как в результате все еще 19 г.

Фактом доказательства к этому служит, например, такое несоответствие: Григорий Мелехов, приехав с фронта однажды домой (см. кн. 3, стр. 282)[1], утром он посадил на коня своего подросшего Мишутку, приказал съехать с Дону напоить. Ну, товарищи, Мишутке в это время могло быть не более 2-х лет отроду, а посему доселе не слыхано, чтобы грудные младенцы джигитанили[2].

Дальше, все время чувствуется неприятный осадок на душе. Это то, что во всех боях, во всех схватках верх одерживают казаки, повстанцы, тогда когда у них нет даже оружия и патронов и снарядов против хорошо вооруженных регулярных уже в то время частей Красной армии. Это явление я считаю идеологически невыдержанным. Есть такой случай: в одной схватке явное несоответствие в потерях 147 порубленных красноармейцев, а казаков убито всего 4 человека. Очень легендарный случай с Григорием, где он в одном бою под Климовкой один ворвался на коне к красным и порубил несколько матросов, тогда как те его встретили ураганной пулеметкой и оружейной стрельбой в упор. Что уж за чудо герой богатырь такой Мелехов Григорий неуязвимый? Бунчук в конце 18 года приезжает в Новочеркасск и на вокзале встречает в полном величии жандарма. Это при советской-то власти? В конце 18 года, и вдруг жандарм? И если там были белые, то тогда не мог туда открыто приехать Бунчук. Да все равно, и у белых жандармов не было. Много и еще отдельных несоответствий. Я сам участник всей гражданской войны, поэтому к описываемым событиям гражданской войны отношусь критически. Когда написано более или менее правдиво, то читаешь и про себя с чувством гордости повторяешь: «Да, это так было».

Вот еще на 203 стр. кн. 3, тут уж автор формально заврался. Где в одном бою из хутора на позицию толпой высыпали старики, бабы и даже чуть ли не дети и рассыпались в цепи. С чем? Зачем? В это время из резерва, составленного из баб, стариков и подростков, в боевую цепь проникло несколько баб поотчаяннее и гурт ребятишек. С бабами заявилась и Дарья Мелехова.

Такой гражданской войны не было. Война, она все-таки хоть и гражданская, и полная отдельных диковинных эпизодов, но война, а не какой-нибудь праздник, праздничное игрище на поляне.

Мне желательно было бы получить ответ на свое письмо, прав я в своих замечаниях или нет.

Бывший красный партизан Подлесских.

Адрес: г. Сарапул, Кировского края, ул. Советская, д. 28, кв. 4.

(*Машинопись. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 137*)

[1] Здесь и далее читатель ссылается на издание: *Шолохов М.А.* Тихий Дон: в 3 кн. Кн. 3. М.: ГИХЛ, 1933. Серия «Книгу — социалистической деревне. Дешевая библиотека ОГИЗа».

[2] Джигитить от слова джигитовка — вид конного искусства.

332. Т.И. САМОРЯДОВ

<Не ранее 1933 г.>, село Константиновка Константиновского района Амурской области

Отзыв на книгу изд. 1933 год «Тихий Дон» М. Шолохова

Находясь на службе в рабоче-крестьянской Красной армии в качестве пом. ком. взвода, год рождения — 1910 года, я прочитал книги I-ю, II-ю и III «Тихий Дон». Чтение этих книг меня очень заинтересовало. Я от них оторвался даже на занятия и то с опозданием, уж не говоря за свободное время, которое использовал полностью для чтения и с жадностью прочитывал от главы до главы, и с такой скоростью:не замечая сам, как сжимал в руках эту книгу с такой силою, что она скрипела, как от пера. Книги эти во время, когда был занят другим делом, прятал под замок, боясь, чтобы никто не помешал в моем чтении, а я чтобы не пропустил ни одного слова. Но меня интересует ряд вопросов, если можно, то сообщите, пожалуйста, на них ответ:

1) Что стало с Григорием, Аксиньей и Натальей?

2) Что стало с Дарьей, когда ее ударил каблуком Григорий за Ив. Алексеевича. Что она жива?

3) Как в этом хуторе Татарском проходила коллективизация?

4) Какую роль в революции играл М. Шолохов, где он сейчас, год рожд. его и, если жив он, то почему не пишет об этом до конца.

Мой адрес

Д.В.К. Константиновск-на-Амуре, п/я № 1. Саморядову Тимофею Иван.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 109–110*)

333. М. СКАЧКОВ

<Не ранее 1933 г.>, б.м.

Как видите, Шолохова все хвалят. Почему же все-таки он всем нравится? В чем тут секрет? Мне кажется, вот в чем: если вы его читали — вы, очевидно, заметили особенности его языка; язык его необычен для общего уровня нашей литературы, в нем очень много донского говора. И этот донской говор в сравнении с

литературным языком, конечно, кажется свежим и новым. Когда думаешь о шолоховском языке — невольно думаешь о появлении в русской литературе Гоголя.

Теперь о другом: о том, что описывает Шолохов. Он пишет о совершенно незнакомом нашему читателю быте, описывает жизнь Дона в необычных коллизиях, которые сами по себе захватывают. Я боюсь субъективности в своем суждении, потому что я сам — донец; но когда я читал Шолохова — я думал, что это настоящий эпос, эпос по охвату событий и времени, необычности и свежести, по своей монолитности.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 99*)

334. Г.М. СИДОРЕНКО

<Не ранее 1933 г.>, Краснодар

Товарищи, по просьбе вашего <издательства>, прочитав книгу «Тихий Дон», даю отзыв о написанном.

Товарищи, мы не артисты и не ораторы, <чтобы> красиво говорить, но скажу от имени читающих товарищей п/х «Коминтерн», что книга написана очень удачно, книга ценная по своему содержанию. Это не английский или французский роман. А описание нашей русской действительности, перенесенной нашими плечами. Книга 3-я отмечает героев-коммунаров, которые стойко умирали на своем посту, и отмечает коммунистов тлен в лице комиссара полка, который не принимал мер вовремя. И отмечает всех тех, которые пролазят и вредят изо всех сил. Скажу короче, что книга «Тихий Дон» — это есть учебник для молодого поколения. Она учит, как нужно стоять стойко на своем посту, особенно молодым, и как нужно умирать, как умирали Штокман и Иван Алексеевич. Книга написана удачно, приносим благодарность автору, который воскресил и поставил перед лицом общественности всех героев и белогвардейских тунеядцев и кулаков, которые скоплялись на Дону и Кубани, дабы задавить молодую республику.

По поручению п/х «Коминтерн» — Сидоренко Григорий Макарович, кочегар, 41 год, участник в гражданской войне на Кубани против Керенского и Деникина.

Краснодар. Государственное Речное Пароходство, п/х «Коминтерн».

Сидоренко Г.М.

Предсудкома просит сообщить, когда будет выпущена четвертая книга.

(*Машинопись. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 194*)

335. НЕУСТАНОВЛЕННЫЕ ЛИЦА

<Не ранее 1933 г.>, б.м.

Г.И.Х.Л. Или не все ли равно, кто вы такие там, товарищи, будете.

Я прочел на днях роман Шолохова «Поднятая целина» и сообщаю свой отзыв об этой книге. В этой книге в общей сложности (язык, форма повествования, метафоры, сравнения) изложены удачно, но в лице Разметнова недостаточно, не беспристрастно описал Шолохов перекручивания, загибы, которыми такие «герои», как Разметнов и многие другие в СССР, довели юж. края (Украина, Север. Кавказ) до таких головокружительных успехов, что и сейчас не оправятся после смертельно ужасного голода в 31-м[1].

Еще одно замечание дорогим совет. писателям. Почему мало интересуются литературой советских писателей? Да потому, что они недостаточно правдиво излагают свои повести и т.д. Подчас такие сравнения делают, что читать даже стыдно, точно лучше нельзя подобрать. Например, одно из сравнений Панферова «Бруски»:

«Он хорошо знал этот предостерегающий скрежет и какую опасность таит в себе Волга, когда она, точно роженица, начинает стонать, сбрасывая ледяную кору»[2].

Пока все, дорогие друзья.

Прошу вас, любезные, сообщите о моем и моих товарищей замечании мастеру худ. слова Шолохову и другим, чтобы впредь писали всю правду без ложных прикрас.

«Ужас да ужас! Да мы! Мы растем, а того и не видят, что наряду с ростом сколько неполадок, ск. всяких “издержек”, возникающих на этой почве»[3].

Ваши искренние друзья, студенты <Три подписи>.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 708. Л. 176–177 об.*)

[1] См. об этом примеч. 1, 3 к п. 134, примеч. 1 к п. 147.

[2] Неточное цитирование романа Ф. Панферова «Бруски»; см.: «Он хорошо знал этот предостерегающий скрежет и то, какую опасность таит в себе Волга, когда она, как роженица, начинает стонать, сбрасывая с себя ледяную кору» (*Панферов Ф.И.* Бруски. Кн. 1. М.; Л., 1929. С. 7).

[3] Источник цитаты не установлен.

336. И.Д. СУРКИН и др.

<Не ранее1933 г.>, Павловский район Алтайского края

Письма от колхозников Западно-Сибирского края Павловского района, Баравикевского с/совета колхоз «Партизан Сибири» и «Новый путь» от следующих товарищей: 1. Суркин Иван Д. 2. Нючев Николай Ст. 3. Переполова Анна М. 4. Орлова Екатерина 5. Королева Пелагея. 6. Белотиков Еф. и ряд других колхозников.

Шлем свой дружеский пламенный колхозный привет работникам московской редакции и приветствуем за хорошую работу, и за хорошую отпечатку новых книг, и приветствуем автора и хорошего советского писателя за хорошее сочинение литературы.

Тов. М. Шолохов, мы, колхозники, прочитав Ваше сочинение книгу первую и вторую «Тихий Дон» и книгу «Поднятая целина», из которых получили большую зарядку, как в области революции и сплошной коллективизации, <ликвидации> кулачества как класса.

Провели массовую читосудку книг с колхозниками, и Ваши книги нам очень понравились. И просим работников редакции сообщить наши имена, фамилии и передать наше колхозное письмо М. Шолохову. Мы, колхозники, обращаемся к Вам с просьбой дослать нам книги продолжения «Тихого Дона» и «Поднятая целина» и еще какие у Вас есть самые хорошие сочинения т. Шолохова, так как у нас достать таких книг нельзя.

Направлять книги наложенным платежом или как сумеете по адресу: Западно-Сибирский край, Павловский район, Баравикевский с/совет на фамилию Суркина И.Д.

Еще мы Вам сообщаем, что мы Вам поможем <в> Вашей работе. <У> нас есть хорошие материалы, из которых выйдет самый интересный роман. И этот материал возьмется из нашей жизни. Как до гражданской войны проживали ряд наших колхозников, так живут в настоящее время.

А поэтому еще раз Вас, товарищи, просим удовлетворить нашу просьбу и передать наши письма тов. Шолохову.

Пока до свидания, с приветом Вас. Пишите нам ответ поскорее. К сему: Суркин, Переполова, Нючев, Орлова, Королева.

Извиняемся, что плохо написали, мы все неграмотные.

(*Машинопись. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 704. Л. 63*)

337. СУХОНОСОВ

<Не ранее 1933 г.>, б.м.

Т. Шолохов в своем романе «Поднятая целина» с такой точностью описал период коллективизации 1930 г. Он не упустил из вида ни одной мелочи в быту донского казака, написал роман родным языком донского крестьянина. Эта книга указывает трудящимся, как трудно организовать крестьян в колхозы (для их же пользы), изображено подлинное лицо кулака, как жестоко он расправлялся с крестьянами, отстаивая свои права, но не только кулак, а и окулачившийся крестьянин, состоящий в Красной Армии во время гражданской войны. Здесь показано, как хитро лавировал кулак, пролезший в колхоз, как он вредил и умел изворачиваться так, что его нельзя было уличить во вредительстве, состоя членом правления колхоза, в то же время принимая у себя белогвардейцев и организовывая заговор контрреволюции.

Эта книга учит, как нужно осторожно подходить к каждому колхознику в отдельности и изучать его психологию. Тогда только сможешь колхоз укрепить и поднять свой авторитет. Человек, имеющий много революционных заслуг, но не умеющий руководить колхозом и терпеливо разъяснять крестьянину и в силу этого перегибающий, такой человек делает вред коллективизации и самому себе. В этой книге проходит весь этот бурный период во время «головокружения от успехов»: начало сплошной коллективизации, обобществление крупного и мелкого скота, птицы, сбор семян, выход из колхоза и первоначальная работа в колхозе.

Шолохов описывает этот период, перемешивая свое описание с мелочами быта. Описывает со всем тем юмором, на который способен только крестьянин, и оттого так охотно читается эта книга.

Сухоносов. Курсант СПШ.

Член ВЛКСМ, колхозник, 33 года.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 707. Л. 184*)

338. И.Е. ТЕРЕНТЬЕВ

<Не ранее 1933 г.>, поселок Мулино Володарского района Нижегородской области

Красноармейский привет издательству
художественной литературы и
издателю «Тихого Дона» тов. Шолохову.

Сообщаю, что, прочитав три книги «Тихого Дона», у меня тогда явилось очень большое желание к этому блестящему изда-

нию автора Шолохова. И когда я читал последнюю 3ю часть, то я очень внимательно смотрел за каждой буквой и за каждым словом. И я уже начал экономить каждый листок, только для того, чтобы дальше не кончилась книга. Но вдруг конец, который закончен на герое Мишке Кошевом, храбром и стойком бойце РККА. Вот я и <не> мог не писать о «Тихом Доне» <из> трех частей.

Конечно, плохих выводов я дать никак не могу, за исключением как хороших. Прошу сообщить, есть ли книга 4 «Тихого Дона», которую я измучился искавши.

Мой возраст 23 года, красноармеец. До службы служил в Киржачском райуправлении милиции уч. инспектором Р.У.М.

Мой адрес:

Ст. Ильино М.Н.Ж.Д.

п/о Мулино, 10 П.С. М.В.О.

Полигонная рота.

Терентьев Ив. Евсеевич.

Марки и конверта не высылаю только потому, что красноармейское письмо штампуется и идет без марки, как от вас, так и от меня.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 91–92 об.*)

339. П. УСТРАЛЫКИН, Я. РОЗСЫПАЛО

<Не ранее1933 г.>, б.м.

Мы, рабочие совхоза, трактористы, прочли книги I, II и III «Тихий Дон», которые нам очень понравились. Главный герой романа, Мелехов Григорий, нравится нам с романтической точки зрения, как твердо относящийся к женщинам. Наверное, должна быть IV книга, которая переродит его в политическом отношении. Бунчук — ярко выраженный боец революции, только жаль, что он погиб, таким глупейшим образом, по вине Подтелкова, который, рассчитывая на милость победителя, сдался, забывая, что делал сам с ними.

Подтелков хорош, но за последнее время, он потерял авторитет среди своих, и, вместо того чтобы агитировать за сопротивление, сам первый сдал оружие.

Можно бы много описать впечатлений, но мы не настолько грамотны, чтобы изложить Вам более логически.

Просим Вас ответить, когда выйдет в массовый тираж IV книга и еще просьба, есть ли II книга «Поднятая Целина» М. Шолохова.

К сему курсанты тракторных курсов:

П. Устралыкин, Я. Розсыпало.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 703. Л. 90–90 об.*)

340. П.Г. ХОРОХОРДИН

<Не ранее 1933 г.>, село Усть-Журавлиха Усть-Пристанского района Алтайского края

Отзыв о книге «Тихий Дон» (3я часть).

Шлю пламенный комсомольский привет сочинителям этой книги, в особенности т. Шолохову. Для меня эта книга интересна, так как в ней описывается классовая борьба, которая продолжается в настоящее время. Я окончил 6 группу. За свою учебу столь книг читал, но такой еще не находил. Я прошу прописать мне автобиографию т. Шолохова, как он сочинял эту книгу во время такой войны на Дону и остался живым. Еще прошу прописать, есть ли 4я часть данного события, продолжение, так как оно не докончено. Я работаю в совхозе трактористом, возраст 18 лет, работаю комсомольским комсоргом бригады.

Мой адрес:

Зап.-Сиб. край, Пристанский р-он, село Усть-Журавлиха.

Получить Хорохордину Павлу Григорьевичу.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 137*)

341. И.Я. ЧУРАКОВ

<Не ранее 1933 г.>, станица Ереминская Лабинского района Краснодарского края

Прочитав все три книги Шолохова, романа под названием «Тихий Дон», эти книги мне очень понравились. Кое-что есть непонятно. На чем окончилось неизвестно.

1) Мне кажется, что на Дону и Кубани банды добивал тов. Буденный[1].

2) Во время восстания, куда девался Фомин.

3) Что будет дальше с Григорием Мелех.

4) Что получилось с Дашкой Мелеховой.

5) Где девался Листницкий Евгений.

Будет ли еще продолжение романа, сколько книг.

Возраст я имею 28 л<ет>, профессия киномеханик.

Ответ пишите по адресу

Азов<о->Чер. Край, п/о Ереминская, Армавирский район Чуракову Иван<у> Як.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 112*)

[1] Буденный Семен Михайлович (1883–1973) – российский военачальник, один из первых маршалов Советского Союза, трижды Герой Советского Союза,

кавалер Георгиевского креста всех степеней; в годы Гражданской войны командующий Первой конной армией РККА. В августе 1919 г. тогда еще Конный корпус под командованием Буденного принимал участие в боях с Кавказской армией П.Н. Врангеля в верховьях Дона, дошел до Царицына, после чего был переброшен к Воронежу, где в ходе Воронежско-Касторненской операции вместе с 8 красной армией одержал победу над казачьими корпусами К.К. Мамонтова и А.Г. Шкуро, что ускорило разгром противника на Дону. Однако в 1920 г. Первая конная армия Буденного дважды потерпела поражение от белых в ходе Северо-Кавказской операции: 19 января под Ростовом от генерала С.М. Топоркова, через 10 дней — от генерала А.А. Павлова в боях на реке Маныч. Тем не менее, итогом Северо-Кавказской операции было восстановление советской власти на большей части территории Северного Кавказа и почти полный разгром Донской и Кубанской армий белых (см.: Революция и Гражданская война в России. 1917–1923. Энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М.: Терра, 2008. С 215–216; *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: в 3 кн. Кн. 3. М.: Айрис–пресс, 2006. С. 753–754).

342. ШЕЛЕСТ

<Не ранее 1933 г.>, б.м.

Эта книга меня удивила тем, что Шолохов описывает казачество и наделяет их большими достоинствами, тогда как у красных плохая организация, несут поражения, жестокости. Почему же, если так плохо было у красных, а они все-таки победили. Мое мнение такое, что Шолохов неправильно так хорошо написал про казачество. Хотел бы получить ответ.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 699. Л. 54*)

343. Н.И. ШЕСТЕРОВ

<Не ранее 1933 г.>, деревня Уварово Очерского района Пермского края

Да, признаюсь — книга увлекательная, и вообще все три книги, которые своими развертывающимися событиями мира (если это можно так сказать), захватывают врасплох.

Здесь достаточно ярко обрисованы «герои» казачества донского в лицах Гришки Мелехова, Петра Мелехова и ихней семьи. Наряду с героями донского казачества — есть герои (и они тоже герои) революции: Бунчук, Мишка Кошевой, Иван Алексеевич, Штокман и горсть коммунистов, борющихся с контрой.

Наряду с этим есть и недостатки:

1. Неясность положения.

2. Малое описание героев Красной армии и недостаточное их показание, т.е. малое их показание.

Вот каков мой отзыв о всех трех книгах Шолохова «Тихий Дон».

Интересно знать, в скольких книгах этот роман.

Моя профессия — школьник — сын колхозника.

Мой адрес:

Свердловская область,

Очерский р-н,

Спешковский с/совет,

Уварово.

Шестеров Николай Ильич.

(*Редакционная копия. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 700. Л. 73*)

344. В.Е. РЫБИНЦЕВ

<Не ранее 1934 г.>, хутор Клетско-Почтовский Серафимовического района Волгоградской области

Отзыв!

Мною прочитаны книги сочинения Шолохова. Я был заинтересован этими книгами. В первый раз я стал читать книгу «Поднятая целина». После этой книги я прочел «Тихий Дон», все 3 книги, в которых я увидел много интересного. И все я эти книги одобряю. С великой радостью я прочел и даю спасибо от себя этому всему издательству, что выпустили книги, и они попали к нам в Донскую область, Усть-Медведицкую станицу, сейчас именуемую Серафимовический р-н. Но более меня убила книга часть 2я. Когда я прочел список отряда Подтелкова и когда читали приговор, я не мог ее прочесть, меня забивала слеза за великих бойцов нашего Советского Союза. Кончаю весь отзыв и вторично одобряю эти книги и даю всему издательству пламенный привет. Работаю я в хуторе Клетско-Почтовском Серафимовического р-на Сталинградского края на должности счетовода колхоза третий год.

Уроженец хутора Подольховского Рыбинцев Василий Ефимович, рождения 1897 года.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 89*)

345. Н.В. ПАРАКИН

<Не ранее 1934 г.>, Москва

Изд-во «Советская литература», 1934 г. — 191–290 тысяча[1].

По просьбе издательства и автора, пишу свое впечатление о прочитанной мною книге.

Я считаю, что эта книга нужна не только занимающимся сельским хозяйством, как некоторые склонны думать, а всем трудящимся. При чтении интерес не ослабевает от начала до самого конца. Читается легко и понятно. Но главная заслуга этой книги, я считаю, в том, что на ярких жизненных примерах показана политика партии в коллективизации сельского хозяйства, вскрыты ошибки, перегибы, которые нередко играли на руку кулачеству и «контре». — В этом, считаю, книга имеет главную заслугу.

В некоторых местах я с Шолоховым не согласен. Например, момент исключения из партии Нагульнова.

Выведенный тип партизана, по капле готового отдать кровь за революцию, убежденного в том, что все сделанное им приносит лишь пользу, никак не мог спокойно, хотя бы внешне, перенести исключение из партии. Гораздо естественнее было бы, если бы он начал сперва ругаться, а потом и стрелять. А в книге он даже слова в свою защиту не может сказать; тогда как издевка Хомутова кого угодно вывела бы из оцепенения. В общем, в этот момент Нагульнова подменили.

Ну, еще на один момент можно указать, но другого характера. — На странице 277-й дед Щукарь произносит целую речь совсем в неподходящий момент. Давыдову не до шуток. Он идет к амбару, где посбивали замки, а дед со своими подвигами! И как он успел рассказать все? Ведь Давыдов, поднявшись, пошел, а дед, подумав, что уговорил его спрятаться в сене, начал свою речь. Чтобы произнести ее, нужно по меньшей мере 15 минут, а Давыдов не мог терять время.

Теперь о техническом оформлении книги.

В этой части книга более чем подкачала. — Очень много ошибок, опечаток.

Сама по себе книга невзрачна. Я не жду от Издательства роскошного переплета и слоновой бумаги[2], но не обязательно преподносить хороший обед в грязной посуде.

Нам нужен: хороший, ясный шрифт. Простая, но не «серая» и прочная книга. Не надо забывать, что ее прочтут миллионы трудящихся.

Н.В. Паракин.

Адрес: Москва 9 — <до>Востребования.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 708. Л. 160–160 об.*)

[1] Автор воспроизводит характерную для этой серии издательскую помету; см.: *Шолохов Мих.* Поднятая целина. Книга 1. М.: Советская литература, 1934: «291–300 тысяча» (С. 3).

[2] Слоновая бумага — книжная и рисовальная бумага высшего качества, гладкая, плотная, желтовато-бежевого цвета — цвета слоновой кости, — откуда и получила свое название. В России стала употребляться на рубеже XVIII–XIX вв. Применялась в дорогих и художественно оформленных изданиях.

346.Н.А. МОСКОВИЧ

<Не ранее 1935 г.>, Москва

Уважаемые товарищи!

Чем объяснить столь снисходительное, порой унизительное объяснение слов, смысл которых в наше время, когда культурный уровень всех советских читателей поднялся на безусловно высшую ступень, даже по сравнению с годами недавно прошедшими (а ведь книга 1935 года издания!), знает каждый рядовой рабочий, колхозник![1]

За кого вы нас принимаете, читателей? И вообще, на кого рассчитана эта книга?

Ведь такую прекрасную книгу, как «Тихий Дон» Шолохова, читают все, и пионер, и солидный профессор, и колхозник, и каждый трудящийся вообще, и все восхищаются этой книгой, но неужели вы полагаете, что им нужно пояснять, кто был Тургенев. А неужели вы думаете, что для нас является величайшей загадкой слова: «ритмично», «инцидент», «фамильярность», «патриотизм», «пейзаж», «цинизм», «артерии» и десятки других слов, не говоря уже о словах военного значения — как-то «стратегия», «контратака», «дивизия»[2] и т.д. и т.д.

Читатели правы, негодуя на чрезмерно любезные услуги тт. редакторов.

Хотелось бы убедиться в обещанном внимании к отзывам и предложениям читателей.

Прилагаю адрес, по которому я могу получить ответ.

Москва, гл. почтамт (Кировская), до востребования. Н.А. Московичч.

Профессия: Хим<ик->лаборант, возраст — 27 лет.

(*Редакционная копия. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 701. Л. 129*)

[1] Об этой практике массовых изданий 1930-х гг. см. примеч. к п. 316. Речь идет об издании: *Шолохов М.А.* Тихий Дон: В 2 т. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1935; серия «Книгу — социалистической деревне!»; редактор — Ю.Б. Лукин. В конце первого тома на с. 400 напечатано обращение к читателям: «Читатель! Сообщите свой отзыв об этой книге, указав ваш возраст и вашу профессию, по адресу: Москва, центр, ул. 25 Октября, 10/2 Государственное издательство “Художественная литература”. Массовый сектор».

[2] Речь идет о примечаниях, помещенных в первом томе: «Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) — один из крупнейших дворянских писателей» (с. 310); «Ритмично — мерно» (с. 336); «Инцидент — происшествие, случай» (с. 334); «Фамильярность — панибратство» (с. 327); «Патриотизм — любовь к отечеству» (с. 314); «Пейзаж — картина природы» (с. 307); «Артерии — кровеносные сосуды, проводящие во все части тела кровь от сердца» (с. 285); «Стратегия — здесь: учение о войне — важнейшая из военных наук, изучающая способы подготовки и ведения войны» (с. 321); «Контратака — встречная атака» (с. 342); «Дивизия — крупное войсковое соединение» (с. 259).

347. ВЕТРОВА

<1930-е гг.>, б.м.

Роман «Тихий Дон» Шолоховым выполнен хорошо. Тема интересная и полезная. Хорошее художественное оформление Вполне реально передана деревня с переживаниями отдельных героев.

Но при всех этих достижениях в первой книге я заметила следующие шероховатости:

1) Непонятно, для чего автор ввел ворожей и что этим хотел сказать. А выходит так, когда Аксинья поворожила, то результат оказался положительным, и Аксинья якобы приворожила Григория Мелехова. Факт тот, что после этого ворожейства он ушел от жены и его стало больше и больше тянуть к Аксинье.

2) Кроме того, очень странно изображена женщина-крестьянка. Шолохов пишет: «запахло бабой», «обдало бабьей юбкой». Это изображение не придает никакой реальности, а напротив, изображает что-то сверхъестественное.

У меня по его изображению крестьянки представляются дойными коровами, а это мнение, оказывается, есть и у других читателей.

Хотелось бы узнать, чем объясняются эти странности.

Ветрова.

(*Редакционная копия. Ф. 616. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 152*)

348. КОВАЛЕВ

<1930-е гг.>, б.м.

Прочитав внимательно первую и вторую книги «Тихого Дона», я о романе с хорошей стороны нашел:

а) автор удачно описал всю природу Дона — станиц (так как я сам 12 августа был в станицах Вешенской, Казанской и Мигулинской, то сходство с описанием есть);

б) хорошо, живо приведены разговоры участвующих лиц.

С плохой стороны, если посмотреть с марксистской точки зрения, то нужно откровенно сказать, что все симпатии автора, как видно, были на стороне белых казаков, даже в конце второй книги мы видим, что победа остается за казаками, хотя у читателя и зарождается негодование, а также ничуть художественно не выделены красные герои. Ну и последнее, хотя бы взять героя романа Григория Мелехова, выслуженного перед царем — казака, сына урядника. Это тип, который шатается из стороны в сторону, то до белых, то до красных. Вообще, нужно сказать, что автору нужно скорее переломить себя и стать на путь пролетарского писателя.

Ковалев.

(*Редакционная копия. Ф. 616. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 148*)

349. НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО

<1930-е гг.>, б.м.

Редкая книга из новой литературы по художественному изложению, живости, яркости, правдивости и по тому чувству, с которым художник описывает картины и быт, напоминает Л. Толстого. Книга имеет патриотическое значение. Того быта скоро не будет. Знание быта, языка, духа казачества, меткость выражения — исключительные. Приятно, что не так выпирает тенденциозность, предвзятость, хотя и сквозит местами, даже и в 1 томе, лучшем по объективности. Метафоры местами надоедают, мешают; иногда неудачные, пересаливающие, также и вообще увлечения необычными сравнениями, имеющими слишком мало общего. Есть странные промахи, видимо в угоду времени, напр. стр. 44, гл. V (3 изд.)[1]: «дурковатый, как все атаманцы»[2], а атаманцы — это отборный полк, где были выборные от станиц!! Казак держит фуражку левой рукой[3] (а в левой у него повод!), заносит на седло левую ногу (вместо правой)[4] и т.д.

(*Редакционная копия. Ф. 616. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 151*)

[1] Речь идет об издании: *Шолохов М.А.* Тихий Дон: В 2 кн. Изд. 3-е. М.; Л.: Государственное издательство, 1931. Серия «Дешевая библиотека ОГИЗа».

[2] Речь идет о начале главы V первой части первой книги романа: «До хутора Сетракова — места лагерного сбора — шестьдесят верст. Петро Мелехов и Астахов Степан ехали на одной бричке. С ними еще трое казаков-хуторян: Федот Бодовсков — молодой калмыковатый и рябой казак, второочередник лейб-гвардии Атаманского полка Хрисанф Токин, по прозвищу Христоня, и батареец Томилин Иван, направлявшийся в Персиановку. В бричку после первой же кормежки запрягли двухвершкового Христониного коня и вороного — Степана Астахова.

Остальные три лошади, оседланные, шли сзади. Правил здоровенный и дурковатый, как все атаманцы, Христоня» (Указ. изд. С. 22).

[3] Вероятно, автор письма имеет в виду следующие примеры: «Наутро станичный атаман Вешенской станицы Дударев привел вешенцев на врачебную комиссию. Григорий увидел хуторных ребят-одногодков; Митька Коршунов на высоком светлогнедом коне, подседланном новехоньким щегольским седлом, с богатым нагрудником и наборной уздечкой, еще утром проскакал к колодцу и, завидев Григория, стоявшего у ворот своей квартиры, прожег мимо, не здороваясь, придерживая левой рукой надетую набекрень фуражку» (Там же. С. 209); «Сквозь пыль просвечивала фигура верхового. Минут через пять стало видно отчетливей. Петро всматривался, положив на поля соломенной рабочей шляпы грязную ладонь. – Так недолго и лошадь запалить, намётом идет. — Он, нахмурившись, снял с полей шляпы руку, некое смятение коснулось его лица и застыло на развилке приподнятых бровей. Теперь уже ясно виден был верховой. Он шел броским намётом, левой рукой придерживал фуражку, в правой вяло вился запыленный красный флажок» (Там же. С. 235). См. также: «Перед шестой сотней — на подбористом коне есаул Попов. Левой рукой в белой перчатке натягивает поводья» (Там же. С. 261).

[4] См. в тексте романа: «Григорий вздохнул. – Скучаю по хутору, Петро. По Дону скучился, тут воды текучей не увидишь. Тошное место! – Приезжай проведать, — кряхтел Петро, наваливаясь животом на острую хребтину лошади и занося правую ногу» (Там же. С. 199). Обратных примеров не обнаружено.

350. НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО

<1930-е гг.>, б.м.

Тов. Шолохову.

С большим интересом прочел вашу книгу «Поднятая целина». Читал я ее всего 5 дней, так как времени свободного у меня много (сейчас на каникулах), это для меня был лучший отдых, проходивший в воспоминаниях о недалеком прошлом, все эти картины, без малого, в 30 — 31 г. в действительности прошли перед моими глазами, все это я видел с натуры, а потому и не мог остаться, чтобы не написать вам отзыва.

В литературе, до сих пор, я еще не встречал изображения той жизни, в которой я жил в действительности. «Поднятая целина» это самая близкая к моей действительности, но все-таки самого себя и в этой книге я не вижу. Кто же такой я? Постараюсь охарактеризовать, думаю для писателя это будет ценно. Во время коллективизации и ликвидации кулачества, был секретарь комсомольской ячейки, был активный комсомолец, так как жил в батраках немного. И имел большую ненависть к кулакам, а потом разочаровавшийся в беспорядках во время коллективизации, вызвавшими падение жизненного уровня деревни вплоть до голодовки[1]. Стал такого мнения, что в с/х нельзя поставить строгий учет труда и вывести сдельщину, а отсюда не будет заинтересован-

ности, и колхозы никогда не будут рентабельны и естественно распадутся. А для того чтобы избавиться от эксплуатации, вернуться к политике ограничения кулака и продолжать ее до тех пор, пока сознание крестьянских масс и культурный уровень не поднимется до того уровня, когда каждый убедится в необходимости объединения и без всякого сопротивления сразу в коммуну.

И решил оставить деревню и уйти на производство «ближе к коммунизму», а работать в деревне это значит «толочь воду в ступе», так как коллективизации еще не время[2].

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 710. Л. 82*)

[1] О голоде начала 1930-х гг. см. примеч. к п. 134, 147.
[2] Окончание письма утрачено.

351. И.С. СТАВИЦКИЙ

<1930-е гг.>, б.м.

Прочитанная мною Ваша книга под заглавием «Тихий Дон» Мих. Шолохова очень мне понравилась, даже больше всех тех, которые я читал в последнее время. В ней очень удачно отмечается нрав, обычай донских казаков, тот шовинистический дурман, какой насаждали царские чиновники. Сочувствие мое больше всех затронул центральный деятель этого романа, как я понимаю, Григорий Мелехов, человек с твердой настойчивостью, живой душой, как я определил, с чистым сердцем, какому он всегда давал волю, что приводило его к некоторым лишениям, невзгодам. Самое характерное мне врезалось в память то, когда он зарубил саблей австрийского солдата, стал над ним раскаиваться, но едучий мимо офицер не дал ему сложить свою мысль, подумать: за что он убил этого солдата, кому полезна-то вообще империалистическая война, война вообще.

Мелехову Григорию я сочувствую, бо я тоже хоть не все, но часть пережил того, что Григорий Мелехов. Одним словом, автор так удачно сочинил этот роман, что именно своими мыслями, тем, чего он хотел достигнуть этой книгой, он вполне достиг. Моя фамилия читателя Ставицкий Иван Семенович, 24 года возраст. Профессия: недавно был хлебопашец, сейчас конторский работник. Очень желал бы, если бы где найти вторую книгу этого романа, если можно, то прошу выслать наложенным платежом по той цене, что указана на обложке.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 616. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 170–170 об.*)

352. И.К. АНДРЕЕВ

7 мая 1943 г., действующая армия

7 мая 1943 года

Здравствуйте, уважаемый т. Шолохов!

Примите от меня привет и массу наилучших пожеланий в Вашей жизни и столь благородном труде!

Читаем Ваш роман — «Они сражались за Родину»[1]. Насколько вы правдиво и ярко описываете жизнь нашего брата, можно судить по восхищениям и отзывам, вызванным вашим художественным произведением. Ваш герой — «ЛОПАХИН» вызвал общее одобрение. Только таким и нужно быть, чтобы успешно бить фашистскую гадину. А тот, кто нос вешает, пропадет как муха. В описании женщин Вы точно сказали. Отдельные еще валяют дурочку, не понимая, что в настоящий момент от каждого требуется максимальное напряжение сил для победы над врагом. Недавно я побывал дома и увидел, что отдельные работники милиции и вообще тыловые работники плохо выполняют свои обязанности, тогда как мы здесь отдаем для победы самое дорогое — жизнь. Прошу показать их, со всей жестокостью обрушиться на них.

Если Вам потребуется материал, могу услужить. Мне пришлось испытать немецкую оккупацию — 6 месяцев и вот уже 2-ой год как я нахожусь на передовой линии фронта. За это время я убил 119 немцев — по профессии я — снайпер, а в гражданке работал учителем. Сам из Калининской обл., молодой еще, с 1924 г.

Простите, что я оторвал у Вас пять минут драгоценного для Вас времени.

Привет от моих боевых товарищей.

Желаем Вам здоровья и еще больших успехов в вашей работе.

Пишите — будем ждать.

Поскольку адреса т. Шолохова не знаю, то письмо посылаю на редакцию, а поэтому просьба — переслать его адресату.

Наш адрес:

Полевая почта — 62902 Ж.

Андрееву Ивану Кирилловичу. Фронт.

(*Автограф. ГМЗШ. КП-19816. Л. 1–2*)

Письмо отправлено в Москву — в редакцию газеты «Правда» (ул. Правды, 24).

[1] Речь идет о первых главах романа «Они сражались за Родину», которые были опубликованы в газетах «Правда» (1943. 5–8 мая) и «Красная звезда» (1943. 6–8 мая).

353. А.В. ШПАК

15 мая 1943 г., действующая армия

Дорогая «Правда»,

Известно ли Вам, каким огромным успехом пользуются напечатанные главы романа «Они сражались за родину». Во многих блиндажах передовой линии фронта я видел вырезки шолоховского произведения (рота получает только одну центральную газету), и их читают, перечитывают одинаково и командиры, и красноармейцы. Столько восхищения, столько споров, а с ними и укрепления веры в победу нашего дела, мне думается, что не принесло ни одно художественное произведение, написанное за время войны.

На фронте я со второго месяца начала войны. Я знаю, какую огромную роль сыграла статья Ильи Эренбурга[1]. Мне кажется, что, если Константин Симонов[2] больше ничего путьнего <sic!> и не напишет, то за автором «Жди меня», «Убей его» останется почетное место в истории литературы.

Большая заслуга Твардовского[3]. Василия Теркина полюбили красноармейцы. Афоризмы Теркина вошли в быт фронта. Но Шолохов не сравним ни с кем. Успех романа Шолохова «Они сражались за Родину» напоминает успех романа «Что делать» Николая Гавриловича Чернышевского[4].

Одно сознание, что с нами живет Шолохов — художник такого огромного таланта радует, поднимает чувство национальной гордости.

А. Шпак.

Полевая почта 45964 Б. 1943 г.

Шпак Алексей Викторович, капитан.

(*Автограф. ГМЗШ. КП-19817. Л. 1–2*)

Письмо отправлено в Москву — в редакцию газеты «Правда».

[1] И.Г. Эренбург был ведущим публицистом в годы Великой Отечественной войны; его публицистические статьи опирались на подлинные факты, реальные свидетельства, встречи с рядовыми бойцами и командирами; печатались почти каждый день в центральных газетах, перепечатывались во фронтовых (подробно см.: *Эренбург И.* Летопись мужества. Публицистические статьи военных лет. М., 1974). Скорее всего, речь идет о его статье «Убей!», опубликованной в тяжелые дни отступления Красной армии летом 1942 г.: «Мы знаем все. Мы помним все. Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово “немец” для нас самое страшное проклятье. Отныне слово “немец” разряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать» (Красная звезда. 1942. 24 июля).

[2] Названы два стихотворения К.М. Симонова — лирическое «Жди меня» (Правда. 1942. 14 янв.)– это стихотворение обрело невероятную популярность и

исполненное патриотического пафоса стихотворение «Убей его!» (Красная звезда. 1942. 18 июля) с темой защиты родного дома («Если дорог тебе твой дом, / Где ты русским выкормлен был...»).

[3] Поэма А.Т. Твардовского «Василий Теркин. Книга про бойца» печаталась в центральных и фронтовых газетах с 1942 г. по 1945 г. О колоссальной популярности этой книги среди солдат и офицеров свидетельствует огромная читательская почта (см. об этом: Стихи читателей о «Василии Теркине» / предисловие и публикация Ю. Буртина // Литературное наследство. Т. 78. Кн. 1. М., 1965).

[4] Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (1862–1863), написанный во время заключения автора в одиночной камере Петропавловской крепости, имел огромный отклик; для молодежи книга «была своего рода откровением и превратилась в программу, сделалась своего рода знаменем» (П. Кропоткин); роман входил в круг любимых книг русских революционеров.

354. К.К. РУЗАЕВА

18 мая 1943 г., село Звериноголовское Курганской области

Тов. Шолохов!

Читая Вашу статью «Они сражались за Родину» в газете «Правда» от 6 мая 1943 г.[1], в которой при чтении я вычитала:

«Вспомнились мне, Коля, слова покойного политрука Рузаева»[2].

У меня муж Рузаев Николай Семенович находился на фронте, имел звание политрука, но вот уже 10 месяцев я не получала от его писем. Имея 2-х детей, участь отца и мужа нас очень беспокоит. Один его товарищ мне сообщал, что он был ранен и отправился в госпиталь. Писала в Москву в НКО, ответа не получила. Очень прошу Вас, не посчитайте за труд, сообщите мне, из какого источника взято, что политрук Рузаев покойный.

Муж член ВКП(б)1913 года рождения.

Адрес его был: П.П.С. 1440/1225 оп. 1 батальон, пульрота. Рузаев Н.С.

Мой адрес: Курганская обл., Звериноголовский р-н, Берцевский овцесовхоз. Рузаевой К.К.

Очень перед Вами извиняюсь, что затрудняю Вас и отрываю Ваше время.

18.5.43.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 641. Л. 99–100*)

[1] См. примеч. к п. 352.

[2] Речь идет об эпизоде спора Петра Лопахина и Николая Стрельцова о причинах отступления Красной армии: «Вспомнились мне, Коля, слова покойного политрука Рузаева; эти слова будто бы один известный генерал сказал: “Если бы каждый красноармеец убил одного немца, — война давно бы кончилась”. Значит, мало мы их, гадов бьем, так, что ли?» (цит. по: *Шолохов М.А.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. М.,

2001. С. 65. Далее в примечаниях роман «Они сражались за Родину» цитируется, кроме отдельных случаев, по данному изданию с указанием страницы).

355. С.Е. БОБИНОВ и др.

19 мая 1943 г., действующая армия

Дорогой наш друг и учитель Михаил Шолохов!

Посылаем Вам наш боевой привет!

Мы фронтовики, бойцы и командиры, прочитав главы из Вашего романа «Они сражались за Родину», помещенные в «Правде», восхищены Вашим великим мастерством!

От всей огромной солдатской души благодарим Вас за труд, в котором Вы отражаете всю доподлинно — солдатскую жизнь.

Нас интересует:

Как Вы можете с такой точностью знать все обычаи фронтовиков; их разговоры между собой, поговорки и взгляды на медсанбаты (это когда драил медаль). Сравнение докторши с восклицательным знаком, повара, по упитанности, с интендантом второго ранга[1] и пр.

Если не затруднит, ответьте, пожалуйста.

Желаем Вам плодотворно трудиться и поскорее выпустить в свет весь роман.

С приветом фронтовики

С. Бобинов,

Г. Ляхов,

М. Ситдиков,

<4 подписи *нрзб*>.

19 мая 1943 г.

(*Автограф. ГМЗШ. КП-19818. Л. 1*)

Письмо отправлено в Москву — в редакцию газеты «Правда».

[1] Читатели отмечают полюбившиеся им страницы, связанные с балагуром Лопахиным, представляющим смеховой мир фронтовой солдатской жизни: «Насмешливый, злой на язык, бабник и весельчак, Лопахин словно бы дополнял всегда сдержанного, молчаливого Николая» (С. 62). Отмечены его характеристика повара Лисиченко («Из тебя бы отбивную сделать! Больно уж материал подходящий, разъелся, как интендант второго ранга!», с. 59), описание докторши в медсанбате, на встречу с которой Лопахин, по язвительному замечанию Лисиченко, «медаль свою тряпочкой надраивал» надраивал» (С. 60): «Там, Коля, есть одна такая докторша третьего ранга, что посмотришь на нее — и хоть сразу в бой, чтобы немедленно тебя ранило. Не докторша, а восклицательный знак, ей-богу» (С. 63) и др.

356. Г.Б. СТЕПАНОВ и др.

21 мая 1943 г., действующая армия

Привет от бойцов и командиров н-ского подразделения Вам, Михаил Шолохов, и примите от нас заочное рукопожатие.

Прочитав Вашу статью, помещенную в газете «Правда» за 5 мая с/г, «Они сражались за Родину». Но знаете, после упорных боев на фронте с немецкими захватчиками, бойцы и командиры слушали Вашу статью с большим интересом. Правда, статья эта еще не докончена, о которой продолжение будет следовать в след. №. В этой статье Вы описываете о бойцах Николе[1] и Звягенцове[2]. Где тов. Звягинцев, видя упадническое настроение Николы, который мечтал о домашней жизни и особенно мечтал о жене, стал ему приводить пример своей жизни до войны и во время войны с своей женой Анастасией Филипповной, которая целиком и полностью вошла в жизнь художественной литературы, тем самым бросила свое основное дело изучение трактора Ч.Т.З[3].

Товарищ Шолохов, эта статья она многое дала и изменила в отдельных бойцах настроение тех, которые были в таком же настроении, как Никола. И только можно было слышать это возгласы бойцов, которые говорили: «Ай да Миша Шолохов, как он может подымать настроение у бойцов-фронтовиков, сражающихся против фашистских извергов».

Тов. Шолохов, Ваша статья подняла наш дух и вместе с этим просим Вас <принять> активное участие в газетах с подобно такими рассказами. Если в дальнейшем мы будем иметь связь, то мы можем Вам дать материалы подобные этому, чтоб быть корреспондентами, а это у нас есть. А пока, до свидания. Желаем Вам, Миша Шолохов, больших успехов в вашей худож.-литературной работе.

По поручению бойцов и командиров
подписали
1) Степанов Г.Б.
2. Леонов А.Н.
3. Сундуков П.К.
21.05.43. г.

(*Автограф. ГМЗШ. КП-19819. Л. 1*)

Письмо отправлено в Москву — в редакцию газеты «Правда».

[1] Речь идет о Николае Стрельцове.

[2] Описка. Правильно: Звягинцев.

[3] См. примеч. к п. 355. Речь идет о горько-смешном рассказе Звягинцева о странных письмах его жены Настасьи Филипповны, о том, как испортилась —

после восьми лет совместной жизни — его любимая жена, работавшая прицепщицей на тракторе «ЧТЗ» (трактор, выпускаемый Челябинским тракторным заводом имени Сталина): «А испортилась она, прямо скажу, через художественную литературу» (С. 58–60).

357. А.Э. МОСКВИЧЕВ

30 мая 1943 г., село Осакаровка Карагандинской области (*Казахстан*)

Дорогой товарищ Шолохов.

Недавно слушал по радио главы Вашего нового романа «Они сражались за Родину»[1]. Понравилось очень. Как и в «Тихом Доне», особенно в последней его книге, так и в Вашем новом романе поражает и привлекает свойственная Вам одному смелость в раскрытии противоречий человеческих характеров. Мое мнение есть мнение многих людей.

Осмеливаюсь послать Вам свою слабую литературную работу и просить Вас дать отзыв о ней.

Я принадлежу к числу так наз. «начинающих писателей», пишу лет пять, еще со школьной скамьи. Нигде не печатался по причине того, что пишу еще плохо.

Буду очень признателен Вам, если вы черкнете несколько строк о моем рассказе[2].

Искренне уважающий Вас Анатолий Москвичев.

Мой адрес: ст. Осокаровка, Карагандинской обл., поселок 5, ул. 3, д. 35.

А.Э. Москвичеву.

30 мая 43 г.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 641. Л. 132*)

[1] Главы романа «Они сражались за Родину» в 1943 г. неоднократно передавали по радио, о какой именно радиопередаче идет речь, не установлено.

[2] К письму приложена рукопись рассказа А. Москвичева «Сердце матери».

358. С.П. САМУЙЛЕНКОВ

10 июня 1943 г., город Дегтярск Свердловской области

Великая Правда.

Как и следовало ожидать, появились в «Правде» и «Красной Звезде» отрывки из Великой Эпопеи русского народа и русского воинства о Второй Отечественной войне, отрывки из эпопеи «Они сражались за Родину»[1].

Великий труд затеян Величайшим классиком русской литературы XX века Мих. Ал-ровичем Шолоховым, и Этот труд посилен ему и еще немногим.

Шолохов дал нам незабываемые образы донского казачества в своём «Тихом Доне». Он даст нам еще более значимые образы в своей эпопее, над которой он работает.

С нетерпением и надеждой ждал русский народ слова своего любимого непревзойденного художника М. Шолохова. И вот он поднял свой голос.

Николай Стрельцов и Лопахин — это одни из главных, выдающихся, центральных и ведущих действующих лиц в романе «Они сражались за Родину». Шолохов избрал для изображения нарочито рядовых бойцов, представителей огромной красноармейской массы, так как в них отобразится всё многообразие нашей могучей Красной Армии. С ними Шолохов пройдет от Бреста до Сталинграда по горькому пути отступления, глотая едкий дым горящей кубанской пшеницы, дым пожарищ русских деревень и станиц, слушая вопль и слезы душимых, расстреливаемых, истязаемых русских жен и матерей, детей и стариков.

Шолохов пройдет с ними от Сталинграда до Берлина.

Многие скромные и незаметные герои и рядовые, генералы, командиры и бойцы, санитарки и интенданты — погибнут, но многие, в частности некоторые, победят и будут сражаться за Родину после войны.

Надо надеяться, что Шолохов в своей эпопее покажет не только Войну — он покажет и Мир — тем больше правды будет в его романе, тем величественнее и полнее будет его детище.

Надо полагать, он пытался раскрыть целый ряд закономерностей и причин. Его эпопея раскроет и покажет суровую правду для наших детей, она станет настольной книгой наших грядущих поколений, которые будут изучать горькие и радостные страницы Истории Русского народа, будут лелеять в своем сердце ненависть ко всем врагам Русского народа, ко всем врагам человечества, ко всем врагам прогресса.

Курсант Орловского Краснознаменного танкового училища, преподаватель русского языка и литературы ср. шк. С. Самуйленков.

Прошу письмо передать писателю Мих. Шолохову[2].

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] См. примеч. к п. 352.

[2] Письмо отправлено в Москву — в редакцию газеты «Правда» с пометой: «Отдел писем, для писателя Мих. Ал-ровича Шолохова».

359. А.И. ФРИДКИН

30 сентября 1943 г., действующая армия

30.9.43 г.

Здравствуйте, дорогие товарищи.

Только-только прочитал книжку Михаила Шолохова «Они сражались за Родину»[1]. Знаете, она меня взволновала до глубины души. Она мне вспомнила тяжелые времена отхода лета 1941 и 1942 годов. Я на фронте с начала войны. Воевал в Белоруссии, на Украине, на Дону, на Кавказе. Я прошел все этапы войны и пришел к самому ее радостному этапу — этапу наступления. Я вместе с моими друзьями освобождал Кубань, за что имею медаль «За отвагу», и сейчас я у Днепра, у широкой украинской реки, родной мне так же, как моя жизнь, ибо это символ того, что победа близка. Украина мне принесла вторую награду — орден «Красной Звезды». Меня родина отметила, и я не пожалею своей жизни за нее. Я прошу редакцию передать тов. Шолохову мою благодарность за эту простую правдивую книжицу.

Меня особенно потрясло описание боя за высоту. С 30 августа по 2-е сентября мне пришлось быть на такой же высоте, оборонять ее. Немцы бросались по шесть раз в атаку с танками, но наши бойцы и офицеры отбивали их. Они знали, что враг бросается в последней агонии перед смертью поганой своей. Немцы на высотку за 40 минут выпускали до 600-сот штук снарядов и мин, обстреливая высоту с шестиствольных минометов, думая противным воем запугать нас, но у них ничего не вышло, ибо, когда они пошли в атаку, наши бойцы дружным залпом отбросили их назад.

Сейчас мы от тех мест далеко-далеко. Но нас не устрашат и в десять раз сильнее переделки, ибо мы идем вперед, и час победы близок.

Еще раз спасибо тов. Шолохову и вам, товарищи, за книгу. Побольше их нам. Они помогают в бою еще сильнее.

С приветом

Старший техник — лейтенант А. Фридкин.

(*Автограф. ГМЗШ. КП-19820. Л. 1–2*)

Письмо отправлено в Москву — в Воениздат (Военное издательство Народного Комиссариата Обороны).

[1] В 1943 г. опубликованные в газетах «Правда» и «Красная звезда» главы романа были изданы отдельной книжкой в изд-ве «Правда» и Воениздате в серии «Библиотека красноармейца. Из фронтовой жизни».

360. ВОЛОДАРСКИЙ и др.

5 октября 1943 г., действующая армия

Привет с фронта!
В Воениздат!

Прочитав Вашу брошюру: «Они сражались за Родину»[1], мы были восхищены правдивостью изложения событий. Таких среди нас много. Нас очень интересует судьба этих героев.

Если у Вас есть какие-нибудь сведения о них, то просим Вас сообщить нам по адресу: полевая почта 32485 «А».

05.10.43 г.

техник л-т Володарский
л-т Ульянов
л-т Катрш
мл. л-т Сойкин
мл. л-т Шевыряев
ст. с-нт Никитин
ст. с-нт Поликарпов
старшина Таранущенко
ст. с-нт Бушуев
ст. с-нт Емельянов
старшина Плотников

(*Автограф. ГМЗШ. КП-19821. Л. 1*)

Письмо отправлено в Москву — в Воениздат.
[1] См. примеч. к п. 359.

361. И.А. ДОБКИН

12 ноября 1943 г., действующая армия

12.11.43 г.

Дорогой Михаил Александрович!

Ну вот... Собрался писать письмо Вам, а с чего начать и что писать, не знаю... Но чувствую, что-то нужно написать...

В последнем номере «Правды» (от 04.11.43)[1], я прочел Вашу новую главу из романа о Звягинцеве и Лопахине.

Слов у меня нет, чтобы передать Вам, какое впечатление производят на меня Ваши строки. Сколько радости приносит мне каждая новая глава Вашего произведения.

Большое Вам спасибо за это.

Разве можно выразить свои чувства и признательность.

Ваши герои — живые люди. Правда, в жизни не все так прекрасно и понятно, как у них.

Действительность грубее, а люди хуже и бледнее в жизни, нежели у Вас.

Впрочем, о людях не берусь судить.

Возможно, я смотрю на них не через те очки, что и Вы.

Например, такого, как Звягинцев, я встречал не раз. Вот Лопахина мне не приходилось видеть. Как хотелось бы познакомиться с таким парнем!

Ну, не в этом суть.

Примите мои пожелания еще больших успехов в Вашей плодотворной работе.

Я буду стараться, чтобы не отстать от Вас в своей области, на своем участке. Хотя, по совести говоря, мне далеко до Вас тянуться... Прямо стыдно за себя...

Будьте живы и здоровы.

С приветом Добкин.

P.S. Прошу извинить за грязь. Но чернила неважные, и бумага пропускает.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] В ноябре продолжилась публикация глав романа «Они сражались за Родину» в газете «Правда» (1943. 4, 14, 15, 17 нояб.).

362. А.В. ЯРОШЕНКО, П. ЮРЬЕВ

19 ноября 1943 г., действующая армия

Михаилу Шолохову.

Примите, дорогой писатель, фронтовой привет!

В минуты маленького затишья (так мы называем то время, когда на некоторое время стихает арт. канонада), мы офицеры, собравшись в землянке, и прочитали Вашу статью, помещенную в «Комсомольской правде»[1] под заголовком «Они сражались за Родину». Нам очень понравилась эта статья, мы с удовольствием и с большим интересом согласились бы прочитать ни то эту статью, а весь Ваш роман, который Вы пишете под этим названием.

Жаль, что нам не удалось прочитать с самого начала все статьи, которые помещены об этой истории, поэтому нас интересует, кто такой Лопахин[2], видитесь ли Вы с ним, так как Вами описаны все его движения, все те случаи, которые с ним случаются в его повседневной фронтовой жизни. Просим, если есть Вам возможность, ответить нам по адресу: полевая почта 43055. Ярошенко Алексею Васильевичу.

Разрешите пожелать Вам, тов. Шолохов, начатый писать Вами этот роман сделать таким, чтобы он жил веками и нес в массы истинную быль русского солдата в наши дни.

19.11.43. С прив. Алексей, Петр.

(*Автограф. ГМЗШ. КП-19823. Л. 1*)

Письмо отправлено в Москву — в редакцию газеты «Красная звезда».

[1] Описка. Речь идет о публикации в газетах «Правда» (см. примеч. к п. 361) и «Красная звезда» (1943. 12, 16, 17 нояб.)

363. Е.Д. БОЧКАРЕВ и др.

21 ноября 1943 г., действующая армия

Товарищ Шолохов!

Примите боевой привет и наилучшие пожелания в вашей творческой работе. Прочитали ваш роман «Они сражались за Родину», который нам очень понравился.

Под огнем противника, рискуя жизнью, нам доставили эту маленькую книжечку[1].

И вот в свободную минуту от боя, в дзоте, или же в окопе мы собирались и читали вслух. В тот момент у всех воинов было приподнятое настроение, они были веселы, смеясь, читая, над неуязвимым Лопахиным и Лисиченко.

В эти минуты каждый себя чувствовал свободно и весело, усталость смывало как весенним ливнем.

Мы разбирали каждую вашу фразу, и каждый чувствовал себя на месте этих героев, так правдиво написан Ваш роман.

У нас есть такие, как Лисиченко, Лопахин и мы их называем этими именами, несмотря на то, что их зовут по-иному. Когда кончили читать книжку и продолжение следовало в газете, мы не давали покоя нашему почтальону в ожидании следующего номера «Правды», в которой следовало продолжение романа. Сегодняшний № «Правды», которого мы так с нетерпением ожидали, оказался без продолжения ваших трудов[2].

Это явилось для нас неожиданностью.

Мы надеялись, что Лопахин все же встретится с дояркой Глашей, а раньше еще, что Стрельцов отнесет ведро пожилой хозяйке — у которой брал его Лопахин.

Одним словом нам очень было желательно для Лопахина, чего не удавалось ему ввиду непосидчивой солдатской жизни.

Нам очень желательно, чтобы Ваш роман продолжился еще, и узнать, как себя ведет Лопахин в наступательных боях Красной армии.

Будьте здоровы, продолжайте свой труд во славу нашей победы.

С приветом к Вам:

Капитан Бочкарев Е.Д.

Лейтенант Китаев Ф.П.

Красноармеец Белозеров А.П.

Старшина Цветков Н.Е.

Наш адрес:

Полевая почта 57811-х

21 ноября 1943 года.

(*Автограф. ГМЗШ. КП-8280/20. Л. 1*)

Письмо отправлено в Москву — Автору романа «Они сражались за Родину».

[1] См. примеч. к п. 359.

[2] О публикации глав романа в 1943 г. в газете «Правда» см. примеч. к п. 352, 361.

364. В.Е. ШИШОВ

22 ноября 1943 г., действующая армия

Здравствуйте, Михаил Шолохов!

С боевым гвардейским приветом к Вам Василий Ермолаевич Шишов.

Прежде чем начать о главном, я хочу Вам сообщить коротенько о себе. Рождение с 1920 г. До призыва в армию 1940 г. я работал учителем в Алтайском крае Красноозерского р-на. С самого начала войны нахожусь на защите Советского Заполярья.

Читая книги, автором которых являетесь Вы, мне невольно хочется дать свой отзыв о Вашей плодотворной работе. Ибо книга для нас воинов Красной Армии, является нечто поучительным документом, из которого мы уже пережили и переживаем в настоящее время. Ваши книги «Тихий Дон» дает яркую характеристику борьбы нашего народа за восстановление советского строя и его борьбе с внешними и внутренними врагами. Книга «Поднятая целина» дает яркую картину восстановления колхозного строя. Все в этих книгах описано просто, доступно для понимания даже малограмотных, ярко, красочно и правдиво. Я когда читаю эти книги сам, внутренне переживаю описываемый Вами какой либо эпизод. Будто все это перед тобой наяву.

Пару слов о «Они сражались за Родину». Правда, я не имел возможности прочесть полностью, а прочел немного отрывками, но и потому могу сказать, что эта повесть мне очень понравилась.

Она пользуется большим авторитетом и популярностью среди бойцов нашего подразделения.

В свободное время мы собираемся в землянке и читаем ее по отрывкам. Здесь и шутки, и смех. Все остаются очень и очень довольные и расходятся по своим землянкам в приподнятом веселом настроении. Везде слышишь отзыв: «Вот это действительно пишут справедливо!» Да оно и точно. Ведь читая его, встречаешь то, как воюют наши люди на фронтах Отечественной войны, как они веселятся в перерывах между боями. С какой простотой, справедливостью Вы описали в своей повести о боевых делах на фронте, делая все это интересным, в то же время красочным и простым.

Бойцы нашего подразделения, в т.ч. и я, очень благодарны Вам за Вашу повесть.

Мы надеемся, что общими усилиями, Вы пером, мы штыком в бою, добьемся окончательной победы над врагом, нарушившим нашу мирную, радостную жизнь.

Желаем Вам успехов в Вашей дальнейшей плодотворной работе.

Прошу Вас, дорогой Михаил Шолохов, пишите мне письма, так как письменная связь с Вами составит для меня очень большую радость. Спрашивайте меня, чем Вы интересуетесь, я Вам опишу подробно.

А пока до свидания! Желаю Вам хороших успехов в работе и хорошего здоровья!

Мой адрес: Полевая почта 12471-«А».

С приветом Василий Ермолаевич Шишов.

22 ноября 1943 г.

(*Автограф. ГМЗШ. КП-19824. Л. 1*)

Письмо отправлено в Москву — в Государственное издательство «Художественная литература».

365. ВЕРСОНОВ

<1943 г.>, действующая армия

Здравствуйте, тов. Шолохов!

Извините, что беспокою Вас своим письмом. Но хочется сказать свое красноармейское спасибо за Ваше замечательное произведение, часть которого печаталась в «Красной звезде», «Они сражались за Родину»[1]. Мне особенно понравилось то, что герои Вашего романа говорят на настоящем человеческом языке. Нет

вычурности, выдуманности в состоянии бойцов. Они правдивы и в своих мыслях и действиях. Вы оттенили не только их героизм, свойственный советским воинам, но и их слабости человеческие. Я не критик и еще ни разу не писал отзывов о книгах, прочитанных мной. Но все же, прочтя Вашу вещь, меня потянуло написать Вам. Пишите так именно, как Вы пишете, оно лучше и ближе доходит до нас, до бойцов Красной Армии... Правдиво пишите. Так как, когда мы читаем, то сравниваем себя с героями, о которых читаем. О том, что возможно. И если написанное неправдиво, если люди там автоматические герои без чувств, без дум, без страданий, то мы мало верим в это. И труд, и работа, и бумага утрачены зря. А ведь Ваша задача такая же, как и наша, делать все, чтобы победить и уничтожить врага. Простите, я скатился на агитацию. Заканчиваю. Хочу еще читать Ваши вещи. Пишите. Они нам необходимы для воспитания нашего солдатского духа, ненависти к врагу.

Желаю плодотворной работы.

С красноармейским приветом ст. сержант <Подпись.>. Хочу добавить, что газеты с продолжением Вашего романа или нового ждали многие с большим нетерпением, читали вслух и говорили о героях и о Вас, о Ваших «старых» романах, статьях.

Версонов.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 641. Л. 108*)

[1] См. примеч. к п. 352, 362.

366. С.М. МУЛДАШЕВ

<1943 г.>, действующая армия

Дорогой товарищ Шолохов!

Недавно в газетах «Правда» и «Красная звезда» мы прочитали отрывки из Вашего романа под названием «Они сражались за родину»[1]. Отрывки эти нам очень понравились. Главное, Вы правдиво описываете то, что многие из нас уже пережили — период нашего горького отступления. Когда читаешь это произведение, каждый невольно вспоминает горькие дни нашего отхода летом 1941–1942 г.[2] Герои Вашего произведения Лопахин, Николай действительно взяты из жизни нашей армии, таких, как они, в то время было очень много. Но Ваше произведение не только нас заставляет краснеть, признавать свои проступки перед родиной, допущенные В ТО время, но оно еще больше помогает нам крепко бить врага, ненавидеть его всеми силами души, как этого требует т. Сталин[3]. Ваши знаменитые книги «Поднятая целина», «Тихий

Дон» и ряд других уже в период отечественной войны прочитаны почти всеми бойцами и командирами нашего подразделения. Они с восхищением и любовью отзываются об этих книгах. Многие бойцы и мл. командиры уже год носят в карманах, в сумках и вещевых мешках Вашу статью «Наука ненависти»[4]. Но дело в том, что роман «Они сражались за Родину» в газетах напечатан не весь, нам бы хотелось его прочесть полностью, тем более среди нас и немало донских казаков. Они вот просили меня обратиться к Вам с просьбой выслать один экземпляр этой книги.

Прошу выслать нам одну книгу (если это для <Вас> не представляет большой трудности) для нашего подразделения.

С боевым приветом, капитан Мулдашев С.М.

Полевая почта 08699р.

(*Автограф. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 641. Л. 128–128об.*)

[1] См. примеч. к п. 352, 361, 362.

[2] Речь идет об отступлении Красной Армии летом 1942 г.; см. знаменитый Приказ № 227 Народного комиссара обороны СССР от 28 июля 1942 г.: «Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама бежит на восток» (цит. по: *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 15. Ч. 1. М., 2010. С. 527). Приказ содержал гриф «без публикации», но не был секретным и завершался словами: «Приказ прочесть во всех ротах, эскадрильях, батальонах, командах, штабах» (Там же. С. 531).

[3] Цитируется Приказ Верховного Главнокомандующего № 195: «В ответ на доверие и заботу своего народа Красная Армия должна крепче бить врага, беспощадно истреблять немецких захватчиков, непрестанно гнать их с нашей земли» (Правда. 1943. 1 мая. С. 1). Источник других цитируемых в письме слов Сталина не установлен.

[4] Рассказ «Наука ненависти» впервые был напечатан в газетах «Правда» (1942. 22 июня. С. 3) и «Красная звезда» (1942. 23 июня. С. 3); в 1942 г. вышло 13 отдельных изданий рассказа: Воениздат («Библиотека красноармейца: Из фронтовой жизни»), Военмориздат («Фронтовая библиотека краснофлотца»), изд-во «Правда» («Из фронтовой жизни») и др. (см.: *Биобиблиографический указатель.* С. 31–32).

367. Д.К. МАКЕЕНКО

2 марта 1944 г., действующая армия

Уважаемый тов. ШОЛОХОВ!

Это пишет Вам один из восторженных Ваших читателей — лейтенант Красной армии. Когда я прочел первые Ваши отрывки из романа «Они сражались за Родину», у меня даже дух захватило — до чего здорово!

Вот это жизнь! Вот это реализм! Я прочел эти отрывки своим бойцам. Я часто провожу громкие читки, но никогда не встречал такой внимательной аудитории и такой восторженной тишины. С той поры «Они сражались за Родину» стала нашей любимой вещью, которую читали и перечитывали несчетное количество раз. Эти вырезки из газет[1] мы подклеили в тетрадь, которую я всегда ношу в своей полевой сумке. Недавно мы добавили последние напечатанные главы[2]. Но, как я ни берегу эту тетрадь, газетные вырезки от времени поизносились и вытерлись. Да вдобавок у нас одной главы, последней из опубликованных осенью, нет, и нигде не можем достать.

Нам сказали, что вышла отдельная книжка с этими отрывками[3], но опять же, достать ее в наших условиях негде.

Дорогой т. Шолохов! Выполняю просьбу своих бойцов и обращаюсь к Вам: не сможете ли Вы прислать нам хоть одну эту книжечку? Очень Вас просим. И еще есть у нас одна просьба. Хочется, чтобы любимый наш герой Петька Лопахин прошел всю войну и остался жив. Чтобы его видел Берлин и удивлялся весь мир простому и великому русскому солдату Петру Лопахину. Ждем с нетерпением выхода в свет романа «Они сражались за Родину». Может это нескромность, но мои ребята заранее поздравляют Вас по поводу присуждения Вам первой Сталинской премии за 1944 год за эту книгу.

Очень просим прощения за беспокойство, но если по своей занятости не сможете ответить нам и удовлетворить нашу просьбу, то попросите кого-нибудь, кто это может.

Горячий привет!

Лейтенант Макеенко Д.

Адрес наш:

Полевая почта 03425.

Макеенко Донату Казимировичу.

2 марта 1944 г.

(*Авторизованная машинопись. ГМЗШ. КП-19667. Л. 1*)

Письмо поступило на хранение в фонды ГМЗШ в дар от В.И. Шолоховой в июле 2012 г.

[1] О публикациях романа в газетах 1943 г. см. примеч. к п. 352, 361, 362.

[2] В 1944 г. роман печатался в газете «Правда» 12, 13, 14 февр. (С. 3, 4).

[3] В 1944 г. вышло 5 отдельных изданий опубликованных глав романа (см.: *Биобиблиографический указатель*. С. 33).

368. УТКИН

9 марта 1944 г., действующая армия

Тов. Шолохов

Посылаю Вам вырезку из газеты (фронтовой) «Суворовец»[1] с отзывом на Вашу повесть «Они сражались за Родину». Из этой газетной заметки командира взвода Вы узнаете, может быть и не впервые, как воспринято произведение Ваше нашими командирами и рядовыми бойцами. С Лопахина, ставшего символом солдатского мужества, смекалки, наши бойцы берут пример, а командиры на его образе воспитывают своих подчиненных.

Полковник Уткин.

9 марта 1944 г.

(*Автограф. ГМЗШ. КП-19827. Л. 1*)

Письмо отправлено в Москву — «Писателю Михаилу Шолохову».

[1] Газета «Суворовец» — орган 2-го Прибалтийского фронта, издавалась в 1943 — 1945 гг. Вырезка из газеты с отзывом о романе в фондах ГМЗШ не выявлена.

369. А. КОНСТАНТИНОВ

30 апреля 1944 г., действующая армия

Действующая армия.

30 апреля 1944.

Уважаемый товарищ Шолохов.

Высылаю Вам экземпляр книги «Они сражались за Родину», пробитую осколком мины[1]. Книга принадлежала отважному воину нашей части Михаилу Харламову. Харламов сам и все бойцы нашей части несколько раз перечитывал Вашу книгу, восхищаясь подвигами Лопахина, Звягинцева, Стрельцова, Поприщенко, Кочетыгова и других героев. У них мы учимся воевать и побеждать врагов[2].

Михаил Харламов часто в беседах говорил, что он хочет быть похожим на Лопахина и Кочетыгова.

Он подражал своим любимым героям во всем. В бою он вел себя бесстрашно и погиб смертью героя, истребив более десяти гитлеровцев.

В его сумке мы нашли эту пробитую осколком книгу.

Я думаю, Вам интересно будет иметь такой экземпляр, поэтому и высылаю.

С фронтовым приветом

Уважающий Вас, читатель Ваш.

Лейтенант Анатолий Константинов.

P.S. Поздравляю Вас с наступающим 1-м мая. Извините, что отнял у Вас этим письмом время.

(*Автограф. ГМЗШ. КП-232. Л. 1*)

[1] Письмо лейтенанта А. Константинова поступило на хранение в фонды ГМЗШ в дар от М.М. Шолохова в мае 1985 г. вместе с книгой «Они сражались за Родину», пробитой осколком мины (хранится в фонде музея, см. иллюстрации в наст. изд.).

[2] Речь идет о страницах романа, посвященных сражению роты лейтенанта Голощекова с танковой атакой противника, во время которой геройски погибают ефрейтор Кочетыгин и командир роты. Слова Лопахина о Кочетыгине («Танк его уже задавил, засыпал землей до половины, грудь ему всю измял... У него кровь изо рта хлестала, я сам видел, а он приподнялся в окопе — мертвый приподнялся на последнем вздохе! — и кинул бутылку... и зажег!», с. 124) продолжает речь старого солдата, старшины Поприщенко у могилы лейтенанта Голощекова — исполненный высокой патетики и скорби реквием: «Глядите, сыны, какой великий туман кругом! Видите? Вот таким же туманом черное горе висит над народом, какой там, на Украине нашей, и в других местах под немцем остался! Это горе люди и ночью спят — не заспят, и днем через это горе белого света не видят... А мы об этом должны помнить всегда: и сейчас, когда товарища похороняем, и потом, когда, может быть, гармошка где-нибудь на привале будет возле нас играть. И мы всегда помним. Мы на восток шли, а глаза наши глядели на запад. Давайте туда и будем глядеть до тех пор, пока последний немец от наших рук не ляжет на нашей земле...Мы, сынки, отступали, но бились как полагается, вон сколько нас осталось –раз, два и обчелся... Нам не стыдно добрым людям в глаза глядеть...» (С. 131–132).

370. П.П. КАМАЧАЕВ

18 июля 1944 г., действующая армия

Дорогой писатель!

Читаю Ваши главы из романа «Они сражались за Родину». Я — фронтовик, по-моему, этого для Вас достаточно обо мне.

Сегодня утром наши войска перешли в наступление западнее и юго-западнее Ковеля[1].

На сердце радость! Но мне по несчастью — пришлось быть в медсанбате. Сердце рвется туда, но строгий врач говорит: «Нельзя!» Вспомнил Вашу последнюю, прочитанную мною, главу[2]. Ваш медсанбат лучше не может быть. Неутомимая, благородная работа нашей медицины сквозит у Вас через всю главу. А Ваш санитар — старый дядя в очках, типичность несомненная[3]. Говоря о наших запросах и о том, каким бы мы хотели видеть писателя, я сказал

бы следующее: по-моему, писатель «должен быть нищим» в материальном отношении (вспоминаю о Горьком). Почему у нас до сих пор нет более или менее выдающей<ся> личности и более или менее порядочного произведения?

Одни говорят, что наша эпоха шагает семимильными шагами, и за ней не успеешь, можно де успеть только публицистическими статьями.

Посмотреть близко они правы, но не совсем...

Нам надо больше, сделанное не наспех: тяп-ляп и готово. Надо досконально. А если время нет — утрой силы. А тем-то, тем. Батюшки, вы мои! Живем-то мы в эпоху, когда искусство и сами его делатели растут на хорошо орошаемой почве.

По-моему, есть еще и другая причина, это когда наш писатель немного прославился — ему создают ореол, а он-то и распускается, блаженствует, а большие щедрости нашим делателям искусства, действует на них благами Диониса!

Его отвлекают на общественную работу (гордиться надо!), но работай не в ущерб своему творению. Не быть в народе, дать маску. Писатель погиб!

Именно отсутствие этого я Вам хочу подчеркнуть в достоинство.

Только можно быть в самом пекле войны, чтобы так чувствовать ее, а главное передать; только надо быть Лопахиным и Звягинцевым, чтобы передать фронтовика. Ржавчина на поле боя, смердячий трупный запах, воздух, раскаленный до красна, свежие комья земли, выброшенные из воронки, разбитый домик, разрывы мин и снарядов — атмосфера боя, которая въелась в печенки — передана переваренной в соках Вашего организма! Я всегда хожу под впечатлением Вашего романа, я редко смеюсь, но Вы заставляете смеяться!

Жаль, что нет Вас близко, поклонился в ноги бы.

До свидания.

Прошу два Ваших ответных слова: «Михаил Шолохов» и я буду рад.

Весь Ваш и под впечатлением Вашего романа гв. капитан Камачаев Павел Павл.

Мой адрес:

Полевая почта 18803.

(*Автограф. ГМЗШ. КП-8249/71. Л. 1*)

Письмо послано в Москву — в Союз советских писателей.

[1] 18 июля 1944 г. началась Люблин-Брестская наступательная операция войск 1-го Белорусского фронта, продолжавшаяся до 2 августа 1944 г. Войска левого крыла фронта с утра 18 июля перешли в наступление западнее Ковеля и продвинулись вперед до 13 км.

[2] Последняя публикация глав романа в 1944 г. состоялась в газете «Правда» (1944. 3 июля. С. 2–3).

[3] Речь идет об эпизоде Звягинцева в госпитале, истории с его сапогами, уничтожаемыми на глазах раненого «лысым санитаром в очках», на которого обрушил Звягинцев свое возмущение и «несусветную брань» (С. 141–143).

371. А.Е. ДОРОГОКУПЛЯ

25 августа 1944 г., действующая армия

Глубокоуважаемый тов. Шолохов!

Здесь, на переднем крае, Вашу книгу «Они сражались за Родину» с глубоким волнением читают, разбирают и обсуждают бойцы и командиры Красной Армии. У всех одно мнение: ни один писатель так глубоко, правдиво и трогательно не описывал этой Великой Отечественной войны, как это делаете Вы своим гениальным мастерством.

Недавно в нашем подразделении состоялся разбор отдельных глав, напечатанных в газете «Правда», Вашего романа «Они сражались за Родину». Выступавшие красноармейцы Корнюшкин, Ермаков, Климантов, сержант Кузьменков и др. говорили, что герои романа Лопахин, Звягинцев и другие вполне естественны, в боевой обстановке живут, действуют, чувствуют и переживают именно так, как миллионы воинов нашей доблестной Красной Армии, сражающихся за честь, свободу и независимость нашей Отчизны.

Бойцы убедительно просят Вас, т. Шолохов, обязательно отразить в своей книге титаническую работу гениального стратега и тактика, вождя и Верховного главнокомандующего Красной Армии т. Сталина, его славных боевых помощников, маршалов и генералов.

Также не мешало бы показать предвоенную обстановку, хотя бы в европейском масштабе, охарактеризовать мерзкого Гитлера и его разбойную армию.

Мы надеемся, что Ваш труд будет превосходить масштабы «Войны и мира» Л.Н. Толстого и Вашего «Тихого Дона».

С нетерпением ждем новых глав «Они сражались за Родину».

Желаю Вам новых сил и энергии в Вашей трудной, но благородной работе.

С фронтовым приветом

партορг подразделения сержант А. Дорогокупля.

P.S. Если у Вас будет время, то напишите по адресу: полевая почта 24987-ч. А.Е. Дорогокупля.

25/VIII-44 г.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

372. Н.Ф. СМИРНОВ

13 февраля 1945 г., действующая армия

<u>УВАЖАЕМЫЙ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ!</u>

Сегодня, как и всегда, я на своем пикирующем бомбардировщике «Петляков-2»[1] летал над Германией, производил разведку, штурмовал немецкую автоколонну. И хотя местами остервенело били зенитки врага, порой самолет подбрасывало взрывной волной, мое сердце было переполнено радостью, мне хотелось петь, и я пел. Великие и исторические дни переживаем мы, воины. Под нами земля врага, которая породила убийц, организаторов войн, кровопийц в облике человека. Теперь мы пашем эту землю, чтобы на ней больше не росли люди-звери, чтобы она взрыхленная нашими бомбами и снарядами и удобренная трупами немцев, рождала умеренных и не пылких до чужих земель людей.

А пашем мы глубоко и быстро. Скоро последний кусок перепашем, правда, он кочковатый и пнистый, но мы их сравняем, выкорчуем. И вот, чем ближе день нашей окончательной победы, тем больше думаешь о том, как эта победа завоевывалась. Я вспоминаю июнь 1941 г. ...Тогда наш полк стоял на Днестре, в Молдавии. Небольшими группами бомбардировщиков мы летали в глубокий тыл врага, бомбили его танковые колонны, поджигали нефть в <*1 нрзб*>, взрывали переправы на Дунае, топили суда в Черном море. Вначале боялись смерти, а потом стало все нипочем. На бомбардировщиках нападали на истребителей, бомбили с низких высот, в зонах опасного зенитного огня, шли к цели, обливаясь кровью, на изрешеченных машинах.

С горечью, с тяжелыми переживаниями мы отступали вглубь страны. За родную священную землю отдавали жизни наши воины. Передо мной встает боевой товарищ Герой Советского Союза Анисимов[2]. Он погиб в первой схватке с врагом. Такие, как Миша Афанасьев[3], бились с немцами до последней капли крови, до последнего дыхания.

До осени 1942 года мы вынуждены были отступать. В этих оборонительных боях исключительные образцы мужества и храбрости показывали летчики. Такие, как Герой Советского Союза Боронин[4], летали бомбить врага без прикрытия истреби-

телей. Это он — Боронин, взорвал бомбами здание в Пятигорске, в котором был офицерский вечер, и уничтожил до 150 гитлеровцев. С еще большей радостью мы били врага в наступлении. Уничтожали его колонны в горах, на Тереке, на дорогах Ставропольщины, Кубани. Особенно памятно воздушное сражение на Тамани 1943 года. В ожесточенных битвах этого года наши летчики завоевали господство в воздухе и с тех пор удерживают это господство.

Можно было многое рассказать о боях над Крымом, над лесами Белоруссии и Польши, Восточной Пруссии и Померании. Путь нашего Гвардейского полка большой и богат боевыми подвигами. Такой путь прошли и другие авиационные полки. «В воздушных битвах с врагом наши летчики показали беспримерную доблесть, героизм и мужество»[5] — такую оценку дал авиаторам Великий Сталин. Всех этих героических дел я очевидец и участник. Но, к сожалению, за все время Отечественной войны я не прочитал ни одной хорошей книги о наших летчиках. Правда, читал много брошюр, очерков, рассказов, но все это не то, что хотели бы читать мы, летчики.

Может быть, до нас не доходят эти книги. Или у нас нет таких писателей, которые бы сумели раскрыть душу летчика! Однако я сам возражаю против этого. Ведь Вы то, Михаил Александрович, написали ряд хороших книг — такие, как «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за Родину». Да и другие писатели нередко создают очень хорошие книги. К сожалению, повторюсь, об авиации таких книг нет.

Я прошу Вас, Михаил Александрович, сообщить нам, летчикам, о том, будет ли что-либо написано о летчиках в книге «Они сражались за Родину», можно ли надеяться, что дела таких воинов-героев, как Анисимова, Зуба, Боронина, Шамшурина, Эмирова[6] и других, будут увековечены в художественной литературе.

Жду Вашего письма!

С боевым приветом!

13.II. 1945 г.

Герой Советского Союза Николай Смирнов.

Обратный адрес: полевая почта 21206х Николаю Федоровичу Смирнову.

(*Авторизованная машинопись. ГМЗШ. КП-19829. Л. 1–2*)

Письмо послано в Москву — в Союз советских писателей.

Автор письма Николай Федорович Смирнов (1915–2000) — летчик, старший лейтенант, Герой Советского Союза (1943), командир звена 366-го бомбардиро-

вочного авиационного полка (219-я бомбардировочная дивизия, 4-я воздушная армия, Закавказский фронт); награжден 3 орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, 2 орденами Отечественной войны I степени, медалями (см. сайт «Герои страны»).

[1] В ВВС СССР — прозвище «небесный танк» и «пешка» носил советский пикирующий бомбардировщик времен Второй мировой войны. Разработчик и главный конструктор — В.М. Петляков. Разработка началась в 1938 г., начало эксплуатации — 1941 г. Самый массовый бомбардировщик советского производства.

[2] Анисимов Виктор Васильевич (1912–30 июля 1941) — летчик, капитан, Герой Советского Союза (посмертно, 1942).

[3] Возможно, Афанасьев Михаил Андреевич (1914–1960) — летчик; 5 июля 1943 г. был сбит над территорией противника, покинул самолет, перешел линию фронта; Герой Советского Союза (1945).

[4] Боронин Иван Константинович (1909–1944)– командир эскадрильи 366-го бомбардировочного авиационного полка, Герой Советского Союза (1942). 4 октября 1942 г. два бомбардировщика, один из которых пилотировал Боронин, подвергли бомбардировке театр и гостиницу «Бристоль» в Пятигорске, где в тот момент происходило награждение большой группы немецких офицеров. В результате операции погибли более 150 солдат и офицеров противника, в том числе 6 генералов (см. об этом сайт «Герои страны»).

[5] Строки из Приказа Верховного главнокомандующего от 20 августа 1944 г. № 152.

[6] Летчики 366-го бомбардировочного авиационного полка, погибшие в боях за Родину, Герои Советского Союза (посмертно): Зуб Николай Антонович (1911–1943), Шамшурин Василий Григорьевич (1920–1942), Эмиров Валентин Аллахиярович (1914–1942).

373. Н. БЫКОВ и др.

6 мая 1945 г., Берлин (Германия), действующая армия

6 мая,
Берлин.

Тов. Шолохову.

От группы бойцов подразделения — полевая почта 11346-ч — на Быкова Н.

Здравствуйте тов. Шолохов!

Уже прошли дни, когда историческая новость облетела весь мир — мы в Берлине. Сегодня он не представляет для нас бойцов ничего особенного, серый, грязный и до крайности общипанный, как и сами немцы. Наши думы, наши мечтания — о России. И теперь, имея больше свободного времени, мы решили попросить Вас, вышлите нам что-либо из Ваших последних произведений — ведь мы очень мало имеем у себя русской литературы, а проще признаться, ничего нет, что было, растеряли в боях.

Итак, с надеждой, с фронтовым приветом:
Николай Быков,
Михаил Бузанов,
Хурмет Тубаев.

(*Автограф. ГМЗШ. КП-19830. Л. 1*)

Письмо послано в Москву — в Союз советских писателей.

374. И.П. ОРЕХОВ

30 мая 1945 г., действующая армия

Советскому писателю-академику[1]
Шолохову Михаилу Александровичу.

Поздравляю Вас с 40-летним днем рождения![2]И шлю Вам от всего своего сердца лучших пожеланий в творческой деятельности, дальнейших успехов создания таких же сильных и красивых произведений как: «Тихий Дон» и «Поднятая целина» — любимых книг советской молодежи и всех читателей нашей страны. Надеюсь и жду большого успеха Вашему новому роману «Они сражались за Родину», отрывки которого я имел счастье читать. Дорогой и любимый тов. Шолохов! С Вашими книгами веселей и радостней жить на свете, охотней и дружней строить коммунизм, крепче и отважней бить врагов нашей Отчизны!

Еще пожелаю Вам доброго здоровья и много лет на благо расцвета нашей Советской молодой литературы! С большим уважением и глубоким почтением к Вам — Орехов Иван.

30/V-45 г.

п/п 41091-«Б» — рядовой.

(*Автограф. ГМЗШ. КП-19832. Л. 1*)

Письмо поступило в Москву — в Союз советских писателей.

[1] М.А. Шолохов был избран действительным членом (академиком) АН СССР 28 января 1939 г. (Отделение языка и литературы).

[2] Информацию ТАСС о юбилее писателя опубликовала газета «Известия»: «Сегодня [24 мая] жители донской станицы Вешенской торжественно отметили 40-летие со дня рождения своего земляка, писателя-академика, депутата Верховного Совета СССР М.А. Шолохова. Здесь, в Вешенской, Михаил Шолохов провел свои детские и юношеские годы, здесь он написал замечательные романы “Тихий Дон”, “Поднятая целина”. День своего юбилея М.А. Шолохов встретил в родной станице. <...> В районном доме культуры состоялось многолюдное собрание трудящихся Вешенского района. С докладом о жизни и творчестве М.А. Шолохова выступила преподаватель Вешенского педагогического училища тов. Луговая. Затем было представлено слово юбиляру. Он сердечно поблагодарил за приветствия и рассказал о своей творческой работе. В заключение состоялся концерт

казачьей художественной самодеятельности. На имя тов. Шолохова поступило много приветственных телеграмм со всех концов страны» (На родине писателя Михаила Шолохова // Известия. 1945. 25 мая. С. 2. Неточная информация: Шолохов родился в хуторе Кружилин станицы Вешенской, где прошли годы раннего детства, в 1910 г. семья переезжает в хутор Каргин; в Вешенской живет с 1922 г.; см.: *Летопись*. С. 5–15). Из огромной поздравительной почты в наше издание включено только два письма.

375. Н. КОНДРАШОВ

30 мая 1945 г., действующая армия

Дорогой Михаил Александрович!

Разрешите приветствовать Вас в день Вашего сорокалетия и пожелать Вам еще больших творческих успехов.

Ваши книги — правдивое и глубокое раскрытие жизни во всем ее многообразии, красочности и во всех ее противоречиях.

Главы из книги «Они сражались за Родину» также отмечены <знанием> быта и условий жизни солдата на фронте, знанием человеческой души.

Смешное, которое неизменно присутствует в жизни в любое время, также ярко подмечено Вами и отображено.

Дорогой Михаил Александрович! Это поздравление придет поздно, так как телеграмм полевая почта не принимает. Находясь сейчас далеко за рубежами родной страны, мы всем сердцем с Родиной и от Вас, лучшего писателя нашей страны, ждём хороших книг, простых, правдивых, а потому сильных.

Примите еще раз наши поздравления и пожелания больших литературных удач.

От группы бойцов и офицеров
гвардии лейтенант Н. Кондрашов.
П.П. 55518-Р.
Май, 1945 год.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

376. В.А. НАРИЖНЫЙ

31 января 1946 г., Москва

Дорогой Михаил Александрович!

19 марта 1929 года Алексей Максимович из Сорренто писал мне: «Писать не торопитесь, рано Вам, побольше читайте.

Вот прочли бы “Тихий Дон” Шолохова...»[1].

С тех пор прошло 17 лет. Я, конечно, прочитал и «Тихий Дон», и «Поднятую целину», и всех русских классиков. За все это время я неоднократно порывался написать что-либо значительное, полезное, но постоянная работа на заводе не давала мне этой возможности. Мне удалось лишь написать рассказ о коллективизации, который напечатан в февральском номере журнала «Пламя» за 1930 г. [2]

В том же году я напечатал очерк в «Вечерней Москве»[3] о советских компрессорах. В 1931 г. мною написана брошюра «Бригада на хозрасчете»[4] — вот и все мое творчество.

Сейчас я — инвалид Отечественной войны 1-й группы, потерявший зрение и вот, когда я остался наедине с собой и погрузился во внутреннее самосозерцание, меня охватывает обида и сознание бескрайнего одиночества.

Я командовал отделением автоматчиков десантной роты Краснознамённой Днепровской флотилии, участвовавшей в форсировании Западного Буга, Вислы, Одера, Шпрее и во взятии Берлина. Убитые и оставшиеся в живых мои товарищи-краснофлотцы ярко встают передо мной с их замечательными характерами, трогательной дружбой и готовностью умереть за товарища. Эта рота была скомплектована с экипажей разных флотов и флотилий: в ней были зоркие тихоокеанцы, суровые североморцы, отважные балтийцы и храбрые черноморцы. Каждый из них принёс в роту частицу традиции своего флота, и в сумме этот коллектив снискал к себе глубокое уважение пехотинцев и танкистов, сражавшихся с нами вместе.

Михаил Александрович! Вот об этих людях я хочу написать...

Михаил Александрович, обыкновенно, перед тем, как написать произведение, заключают договор с издательством. Но какой договор и с какими оговорками могу заключить я, имеющий одно лишь желание, большое желание, как жажда родниковой воды в знойный день.

Что Вы можете мне посоветовать?

С коммунистическим приветом

В. Нарижный.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

Об авторе письма — В.А. Нарижном (1910 — ?) известно из комментариев писем А.М. Горького 1929 г.; в Архиве Горького (ИМЛИ) хранятся 3 письма Горького Нарижному и 5 писем Нарижного Горькому. На момент переписки с Горьким Нарижному было 19 лет, он работал электросварщиком в вагонных мастерских в Москве; «комсомолец, ну, а теперь член партии», сообщал он в письме Горькому; представитель большого отряда начинающих писателей, написал дерзкие письма Горькому (здесь и далее информация дается по: *Горький А.М.* Полн. собр. соч. и

писем. Письма в 24 т. Т. 18. М.: Наука, 2017. С. 276–277, 734–746; Т. 19. С. 31–32, 428–429; С. 57, 459–461. Комментарии М.А. Семашкиной).

[1] В письме от 19 марта Горький советовал начинающему юному автору не дерзить, а учиться писать: «Плохо читаете, товарищ. А еще собираетесь писать, да так, чтоб “концы были эффектнее”, чем у меня. И это — плохо. Думать надобно не об “эффектных” концах, а о жизненной правде, о путях преодоления данной действительности, о работе создания иной действительности. 19 лет несколько путают Ваши мысли и внушают Вам излишний, неуместный задор. А Вы попробуйте думать логичнее, серьезней. Писать — не торопитесь, рано Вам. Лучше побольше читайте. Вот прочитали бы “Тихий Дон” Шолохова да “Мед и кровь” Колоколова, Фадеева почитайте, Нину Смирнову — отличные литераторы!» (Указ. изд. Т. 18. С. 277). На эти советы Нарижный ответил дерзко: «Вы пишете, что мне писать рано — рекомендуете читать. Теперь разрешите задать вопрос. Какое растение лучше пойдет вверх: то, что вы поливаете водой — или то, что Вы еще питаете суперфосфатами? По-моему, последнее. И Вы так, не подумав, предлагаете для моего возрастания какую-то Нину Смирнову, Фаддеева и других. Неужели, Алексей Максимович, Вы думаете, что если я прочту этих “прекрасных литераторов”, то смогу выплыть на поверхность реки русской, вернее, советской литературы? Неверно, Алексей Максимович, и еще не верно. Скажите, какой автор повлиял на Вашу установку в рассказе “Макар Чудра”? И наконец, под каким впечатлением Вы написали “Клима Самгина”? По-моему Вы, подобно токарю у станка, отдавались регулярно писанию, не считаясь, есть ли у Вас в этот момент настроение» (Указ. изд. Т. 18. С. 277).О встрече с Горьким и его уроках Нарижный оставил воспоминания, которые фрагментарно цитируются в комментариях писем: «Для того, что писать литературно грамотно, — советовал он, — Вы возьмите какое-либо произведение русского классика и перепишите его. Полностью перепишите, — повторил эту свою мысль Алексей Максимович, видимо, увидев удивление на моем лице, и продолжал: — этим Вы приручите свою руку правильно писать. После этого Вы никогда не ошибетесь. Помимо мысли, Ваша рука никогда Вас не подведет, и Вы будете литературно правильно излагать свои мысли» (Указ. изд. Т. 19. С. 429).

[2] Журнал «Пламя» выходил в Царицыно с 1923 г. как орган Царицынского (с 1925 г. –Сталинградского) отделения ВАПП. Речь идет о рассказе Нарижного «О Демьяне» (Пламя. 1930. № 3. С. 156–157).

[3] Публикацией в газете «Вечерняя Москва» не располагаем.

[4] См.: *Нарижный В.* Бригада на хозрасчете: Опыт работы Бригады штамповщиков на заводе АМО. Предисловие: В. Лебедь. М.: изд-во Мособлисполкома, 1931.

377. М.Б. ЧИКИРЯКА

4 февраля1946 г., поселок Гремучий Саратовской области

Уважаемый Михаил Александрович!

Не имея счастья знать Вас лично, я хорошо знаком и, признаюсь без лести, люблю Ваши произведения, которые по силе выразительности, по самобытности главных героев, по их идейно-политическим убеждениям и характерам, каковы бы они ни были с классовой точки зрения, я сравниваю с творчеством великих классиков русской и западноевропейской литературы, несмотря на разницу во времени

и литературном направлении того или иного писателя. Давая такую высокую оценку Вашим литературным произведениям, я выражаю только свое личное мнение, а известно, что такая индивидуальная оценка — не есть выражение точки зрения широких читательских масс, так как тот или иной читатель увлечен бывает произведением того или иного писателя. Я считаю — не надо увлекаться, а по-деловому подходить ко всякому произведению и давать ему оценку по характеру, тематике, художественным качествам, идейному направлению творчества писателя. Однако, отзываясь о Ваших произведениях лично, никто не может отрицать тот факт, что их любят и ценят именно широкие массы наших советских читателей.

На фронтах Великой Отечественной войны мне пришлось наблюдать, что из общего количества читателей большой коэффициент читает именно Ваши произведения. В мирной жизни, до и после войны — интерес читателя к Вашим произведениям нисколько не ослабевает, и я осмелюсь выразить мысль, что Вы заслужили полное право гордиться тем, что наш народ любит Вашу литературу и признает Вас одним из талантливейших писателей нашей эпохи.

Михаил Александрович! Извините за мою нескромность, но у меня к Вам есть большая просьба, если это только возможно — будьте любезны, вышлите мне полностью Ваши книги «Тихий Дон», «Поднятая целина» и «Они сражались за Родину» и обязательно с Вашим автографом. В моей просьбе есть две главных причины: во-первых, я живу в настоящее время в очень глухом поселке, где вообще трудно достать литературу, Вашу — в особенности. Во-вторых, мне хотелось бы иметь Ваши произведения и обязательно с автографом. Не подумайте, что я этого желаю просто из честолюбия, чтобы хвалиться тем, что вот, мол, я имею переписку с таким знаменитым писателем и что он мне дарит книги со своими надписями. Поверьте честному слову простого советского человека, что для меня будет очень ценно Ваше внимание и хорошая память о Вас, талантливом советском писателе и отзывчивом человеке. Разумеется, все расходы, связанные с пересылкой за мой счет. Еще раз прошу извинить меня за то, что я своим письмом отнимаю у Вас время и внимание как у писателя и депутата Верховного Совета. Смею надеяться, что Вы исполните мою просьбу. Я буду Вам очень признателен за труд и внимание.

Простите за фамильярность, что, не зная Вас лично, я называю Вас по имени и отчеству.

Разрешите от души пожелать Вам всего наилучшего в жизни Вашей и успехов в дальнейшей работе для своего народа и для нашей Великой матери Родины.

Рекомендуюсь кратко: Чикиряка Михаил Борисович. 1919 г. рождения, образование — среднее, инвалид, в настоящем — колхозник.

Остаюсь с величайшим уважением: М. Чикиряка.

Мой адрес: Саратовская область, Озинский район, поселок Гремучий. Чикиряка М.Б.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

378. А.Ф. ЧЕРНЫШЕВ

25 марта 1946 г., село Чутово Полтавской области (*Украина*)

25 марта 1946 г.

с. Чутово Полтавской области.

Дорогой Михаил Александрович!

Учащиеся и учительский коллектив нашей средней школы весьма интересуются тем, когда будет закончен Ваш новый роман «Они сражались за Родину».

Отдельные главы Вашего замечательного произведения, изданные книжкой, прочитаны с громаднейшим интересом и восхищением. Мы были бы безгранично рады, если бы Вы написали об этом хотя бы пару слов.

Кроме этого, для меня лично представляет большой интерес то, каких современных украинских писателей Вы любите. Как Вы цените творчество Ивана Ле, Юрия Смолича, Костя Гордиенко, Петра Панча, Андрея Головко[1] и др.

Хотелось бы знать и Ваше мнение об украинской классической прозе. Вряд ли удовлетворителен тот факт, что произведения самых выдающихся укр. классиков-романистов, таких как Панас Мирный и Нечуй-Левицкий[2], никогда не выходили на русском языке, и русский читатель, таким образом, совсем не знаком с укр. классической прозой (за исключением Коцюбинского).

Зная Вашу исключительную загруженность литературной и государственной работой, не пишу больше.

Пишите, дорогой Михаил Александрович.

Примите искренний привет от учащихся и учителей нашей школы, в частности, от литкружковцев. Примите уйму наших наилучших пожеланий.

Чернышев Андрей Федорович, учит., руков. литературного кружка школы.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Названы признанные классики украинской советской литературы: Ле Иван Леонтьевич (1900–1976), Смолич Юрий Корнеевич (1900–1976), Гордиенко Константин Алексеевич (1899–1993), Панч Петр Иосифович (1891–1978), Головко Андрей Васильевич(1897–1972). О дружеских отношениях с писателями Украины Шолохов будет говорить в 1954 г. на съезде писателей Украины (см. статью «Читатели Михаила Шолохова: контексты эпохи», с. 791–792 наст. изд.); в фондах ГМЗШ и архива семьи Шолоховым находят письма украинских писателей Шолохову 1950–1970 гг.

[2] Панас Мирный (наст. — Афанасий Яковлевич Рудченко, 1849–1920), Нечуй-Левицкий Иван Семенович (1838 — 1918) — украинские писатели и общественные деятели, убежденные украинофилы. На русский язык действительно не переводились.

379. М.Н. КОРНИШИНА

31 марта 1946 г., Ульяновск

31/III–46 г.

Здравствуйте!

Дорогой Михаил Александрович. Пишет Вам незнакомая девушка. Я учусь в 10 классе. Недавно мы проходили Ваш роман «Поднятая целина». Я и раньше читала и «Тихий Дон», и «Поднятую целину», но только сейчас я поняла, почему образы из Ваших книг незабываемо остаются в душе.

Да разве можно забыть волнующие слова Давыдова: «...я за партию, ...за дело рабочих всю кровь отдам! Всю до последней капли!»[1] Нет, такие слова не забываются, они прочно ложатся на душу, и когда-нибудь, в трудный момент, говорят тебе: «Люди не то переживали и все же шли и достигали намеченных целей». И от этого становится легче на сердце.

А как симпатичен Ваш Нагульнов! И когда нам педагог читал сцену его исключения из партии, у многих девчат слёзы стояли на глазах. Наша молодёжь любит Ваших героев за их неподкупную бесконечную преданность делу социализма, а это наиболее близко и дорого нам, молодежи.

Мих. Алекс., а почему Вы долго не пишете продолжения «Поднятой целины». Мы ждем его. Нас очень интересует дальнейший путь созданного колхоза и его организаторов: Давыдова, Нагульнова, Разметнова, Майданникова.

А как будет здравствовать знаменитый дед Щукарь. Ох, сколько смеху было с ним. Я однажды на школьном спектакле читала о том, как он коня покупал, и вот теперь, как только начну что-нибудь читать на сцене,

«Прочитай про деда Щукаря», — кричат девчата.

Дед Щукарь поистине популярен.

Мих. Алек., а кто является прототипом Ваших героев, существуют ли они. Напишите о них и о себе. Простите меня, может, я написала глупость, но поверьте — это все от чистого сердца.

Я знаю, Вы очень заняты, но, если у Вас найдется хоть минута — напишите. Прошу Вас. И этот будущий ответ будет для меня радостью. Еще раз простите. Жду ответа.

С приветом горячим, Маргарита.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Неточная цитата, в источнике: «Но, если понадобится, я за партию... я за свою партию, за дело рабочих всю кровь отдам! Слышишь ты, кулацкая гадина? Всю, до последней капли!» (*Шолохов М.А.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 5. М., 2001. С. 62).

380. Л.Б. БЕРСОН

25 июля 1946 г., Москва

Москва 25 VII 46.

Уважаемый Михаил Александрович!

Прошу извинить за причиненное беспокойство этим «посланием», то о чем я вам пишу, вряд ли для вас явится новостью. Однако сочту за великое дело, если моя мысль, хоть в малейшей мере, сможет быть использована вами.

При обстоятельном чтении и анализе вашего романа «Тихий Дон» я пришел к выводу, что роман следовало бы продолжить и создать на базе его «Трилогию Мелеховых», в центре которой основной фигурой должен стать сын Григория — Михаил.

Михаил Мелехов — в противовес старому донскому казачеству представляет собой советское казачество Дона (ведь он рос и воспитывался при Советской власти, он прошел советскую действительность), он ушел в Отечественную войну. Воевал по тем же местам и дорогам, что и отец.

Я затронул этот вопрос потому, что тема казачества мне до некоторой степени близка. В 1930 году я был на Кубани в счет «25000», где познакомился с покойным Влад. Петров. Ставским[1].

Буду очень признателен, если получу от вас ответ.

С коммунист. приветом Л. Берсон.

P.S.

О пребывании на Кубани в 30–31 гг. мною написан очерк «Весна 1930 года» в издат. «Мол. Гвард.»[2].

(*Автограф. ГМЗШ. КП-8280/41. Л. 1*)

[1] Ставский В.П. — см. примеч. 1 к п. 101.

[2] См.: *Берсон Л.* Весна 1930 года: Записки двадцатипятитысячника. С предисловием зампредколхозцентра СССР и РСФСР Н. Татаева. М.: ОГИЗ — Молодая гвардия, 1931 (серия «Новинки литературы ударников»).

381. Р. СОКОЛОВ

17 сентября 1946 г., станица Староминская Краснодарского края

17.9.46.

ст. Старо-Минская Краснодарск<ого> края.

Уважаемый т. Шолохов!

Об Отечественной войне написано много литературы. Но настоящих, реальных произведений очень мало. Вы пишете об Отечественной войне. Думаю, что Ваша работа, так же как и «Тихий Дон», будет хороша, а главное реальна и правдива. В связи с этим считаю возможным написать Вам несколько выражений и эпизодов, которые я помню по 4-му Украинскому фронту и по Литве. Если нужно, то воспользуетесь ими.

Ходкие выражения среди красноармейцев (иногда грубоватые и не особенно остроумные): «Люблю повеселиться, а особенно пожрать» (или поспать), «Что такое невезёт и как с ним бороться», «Не родись счастливым, а родись начхимом» (про нашего полкового начальника химслужбы, который всю войну ничего не делал, которому нечего было делать), «Кому война, а кому мать родная», «Мы с тобой соседи: два перегона по 500 килом<етров> каждый», «Страшный (старший) сержант». Старшин называли тряпичниками. «Ты человек или милиционер?» Вызов по рации: «Судьба, судьба! Я несчастье! Как слышишь?» Больной: «2-х порций не хватает». «Вольно, сам рядовой». «Надо пос...», как говорил Суворов. Это было давно и неправда.

Прозвища солдат: «Вятский наумен», «бух» (про бухгалтера), «союзничек», «Гомель», «Хан Булат», «Розочка», «Болтун» (Прозвища давались по личным качествам или происхождению. Одного солдата прозвали «Гомель» за то, что он однажды влетел в блиндаж и с радостью сообщил: «Гомель взят!» — когда еще наши войска были далеко от Гомеля).

При виде женщин солдаты 4-го Укр. фронта обычно кричали: «Рама! Воздух!» Это было оскорбительно. Связистки, санитарки или конфузились, или молчали, или отругивались, иногда очень энергично. На других фронтах этого выкрика по адресу проходящих женщин не употребляли.

Боевых эпизодов описывать не буду. Их много, Вы сами знаете. Но об одном упомяну. В Литве рядом с нами наступала штрафная

рота. Мы не могли выбить немца из местечка. Ротный командир вызвал своих штрафников и сказал им: «Возьмете местечко, всем сниму судимость». Штрафники дождались в лесу вечера, а потом стали во весь рост и с криком «А, ё... в рот!» несмотря на сильнейший огонь немцев, выбили их из местечка. Полегло их много.

Т. Шолохов! Как читатель, прошу Вас описать боевые события правдиво, без прикрас и сюсюканья. Я считаю Вас единственным человеком, способным описать Великую отечественную войну реально, как оно было, и в то же время — красиво и интересно.

Р. Соколов.

Ст. Старо-Минская Краснодарского края, средняя школа.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

382. И.В. ПИСАРЧИК

25 октября 1946 г., город Мозырь (*Беларусь*)

БССР
г. Мозырь
25. 10. 46.

Глубокоуважаемый Михаил Александрович!

Вам, видимо, покажется странным мое обращение к Вам: я прошу Вас прислать мне «Тихий Дон» с Вашей подписью, а Вы меня не знаете.

Почему я позволил себе обратиться к Вам с такою просьбой? Михаил Александрович! Мы жили с Вами в 1943 году в Дарьинске[1]. Я был завучем Дарьинской средней школы. У меня учились Ваши дети. Мне так хотелось зайти к Вам и поговорить. И тема для беседы была большая и интересная. Но что-то меня удержало. Не то застенчивость, не то какое-то другое чувство, которое как бы говорило — как ты пойдёшь, будучи незнакомым.

А так хотелось! Иль, может быть, меня связало какое-то приятное состояние после демобилизации с Ленинградского фронта в связи с потерянной семьей, вдали от родных мест, занятых врагом...

А теперь я на родине, в Белоруссии, нашел семью, работаю в Мозырьском Учительском институте преподавателем математики.

Звать меня Писарчик Иван Васильевич. Ваши дети должны меня помнить. Кстати, где они и как они учатся?

Писарчик.

P.S. Извините. Написал, а чувство какой-то неловкости не покидает меня. Борются два мотива: послать-не послать. Как видите, одолел первый.

Профессор Карофан Александр Георгиевич, директор нашего института, просил передать Вам привет. Он говорит, что с Вами был где-то вместе.

Искренне уважающий Вас Писарчик.

Мой адрес:

БССР, г. Мозырь.

Учит. ин-т.

Писарчику Ив. Вас.

P.P.S. Еще одно дело к Вам, Михаил Александрович. В знак большого уважения к Вам посылаю Вам свой очерк «Горад на Прыпяці»[2] (на белорусском языке). Хоть я и математик, но меня тянет и к этому жанру: очерки так нужны в наших газетах. Уже после напечатания я увидел в своем очерке много недостатков, а еще больше, вероятно, не увидел.

Если Вы поделитесь со мною своими критическими замечаниями и если дадите совет — стоит мне работать и в этой области — буду Вам бесконечно благодарен.

Писарчик.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] С июля 1942 по октябрь 1943 гг. семья Шолоховых жила в эвакуации в с. Дарьинское Северо-Казахстанской области; сам писатель в качестве военного корреспондента Совинформбюро, газет «Правда» и «Красная звезда», находился на фронтах действующей армии, изредка навещая семью.

[2] В фондах ГМЗШ данный очерк не выявлен.

383. И.Т. ЛИХОЛАТ

25 октября 1946 г., город Элва (*Эстония*)

Многоуважаемый тов. Шолохов!

С первых дней выхода в свет Ваших книг «Поднятая целина» и «Тихий Дон» я сильно увлекся ими. Да и вряд ли есть человек, который, прочтя Ваши книги, не оценил бы их по достоинству. С большим удовольствием я читал, будучи на фронте, и Вашу книгу «Они сражались за Родину»!

Я был на фронте с октября 1941 года и до последнего дня войны, и во всех боях и походах я никогда не расставался с Вашей книгой «Поднятая целина». Все время, которое я был на фронте, она всегда была у меня в полевой сумке. А как только случалась передышка, я читал ее своим солдатам. У меня в подразделении вошло в привычку, как только есть возможность, то солдаты приходят ко мне и просят почитать им вслух «Поднятую целину». И я никогда им не отказывал. За три года пребывания на фронте, я прочел сол-

датам восемь раз «Поднятую целину» и шесть раз «Они сражались за Родину», и каждый раз я читал их с огромным наслаждением.

Я был бы Вам очень и очень благодарен, если бы Вы прислали мне одну из своих книг с собственноручной дарственной надписью. Для меня это будет великой гордостью и радостью.

Надеюсь, что Вы исполните мою скромную просьбу.

Желаю Вам наилучших успехов в Вашей плодотворной работе на благо нашей любимой Родины.

С коммунистическим приветом

Гвардии капитан Лихолат.

Мой адрес: Эстонская ССР, г. Эльва, ул. Палу. № 1.

Лихолат Ивану Терентьевичу.

25.10.1946.

Жду ответа с нетерпением.

(*Автограф. ГМЗШ. КП-8249/15. Л. 1*)

384. И.Л. ПЕРПЕР

15 ноября 1946 г., село Распопены Шолданештского района (*Молдова*)

М.С.С.Р., с. Распопены.

15.XI.946 г.

Дорогой тов. Шолохов!

Пишу Вам это письмо из далекой Молдавии. Мне хочется быть кратким и, в немногих словах выразить чувства, которые питаю к Вам.

Вы — для меня, уже очень давно, еще со времен появления в печати Ваших «Донских рассказов» любимейший писатель.

«Тихий Дон» — моя Библия. В течение многих лет собирал я его по частям (в румынское еще время)[1]. Многих трудностей стоило мне это, ведь русские книги вообще, а особенно советские были под запретом. Первая часть произвела на меня прямо потрясающее действие, я ходил, как в тумане, много, очень много понял и перечувствовал, чего раньше и не понимал, чего пожалуй раньше и не чувствовал. Многие страницы вызывали во мне приливы буйной радости жизни, жажду борьбы за лучшую человеческую жизнь...

И... не сочтите это за малодушие — слезы обильные, искренние слезы, как будто идущие со дна души.

Вы — один из крупнейших мастеров пера нашей современности. Вы — мой — Учитель! А «Тихий Дон» — «Донуле лимиеде» (по-молдавски) крупнейшее и значительнейшее эпическое создание последних десятилетий.

Теперь, цели моего письма.

Велика и безмерна была моя радость, когда в 1941 году вышла новым изданием с иллюстрациями Ваша книга полностью[2].

Помню, у меня в карманах оставалась до конца месяца всего 15 руб., а книга стоила — 14. Я прижал эту, такую родную, мне книгу бережно к груди, нисколько не думая о том, что у меня на жизнь до новой зарплаты остался только один рубль. —

Куда там! Все во мне ликовало, радовалось и пело. Шутка ли?.. у меня есть наконец, полный, прекрасный «Тихий Дон».

Кто был мне равен в этот час?

Потом война и эвакуация. И вот под вой авиабомб, пешком, ночью бегу я с узлом за плечами из горящего Кишинева. Но в моем узле из всей моей ценной и большой сравнительно библиотеки (незадолго до войны, мне предлагали за нее — 25 000 руб.) лежит — моя любимейшая, мой «Тихий Дон».

По дороге вещи пропали, пропали и моя радость.

И уже не мог я, как тот философ из А. Франса, наслаждаться и черпать мужество у своего Лукреция[3].

Только в библиотеках, если это удавалось, да и то урывками.

Прошло с той ужасной ночи больше пяти лет. Я уже дома — но книги со мной нет. Нет и возможности ее приобрести где-нибудь. Я знаю, что есть еще издание, кажется 1945 г., но я живу в деревне, где нет Когиза. Я — в отчаянии.

Дорогой тов. Шолохов, не знаю обращались ли когда-нибудь к Вам с подобной просьбой — Но я обращусь!.. Пришлите мне экземпляр «Тихого Дона» — дайте снова и снова пережить радость обладания любимой Книгой.

Вы дадите мне ее!.. Я — знаю!

Крепко жму Вашу руку.

Ваш всей душой

Перпер.

P.S. Как думаете Вы насчет перевода книги на молдавский и румынский языки. Разрешите ли?

Мой адрес: М.С.С.Р., село Распопены Оргеевск<ого> уезда.

Зав. РайС.Э.С. Перперу И.Л.

(*Машинопись. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Молдавия вошла в состав СССР 2 августа 1940 г.

[2] Речь идет об издании: *Шолохов М.* Тихий Дон: в 4 кн. / Вступ. статья Ю. Лукина, грав. С. Королькова. М.: Гослитиздат, 1941. 708 с.

[3] Речь идет о герое романа А. Франса «Боги жаждут», аристократе Бротто, который был поклонником Лукреция, и даже по дороге на гильотину не расставался с его книгой «О природе вещей».

385. А. ГАЛИН

3 декабря 1946 г., город Кызыл-Кия Баткенской области (Киргизия)

т. Шолохов.

Ваш «Тихий Дон» — замечательное произведение. Из всего написанного после Октября его не с чем даже сравнить. Прочитав «Т. Д.» третий раз, знаю, что буду читать и четвертый, и так же буду им восхищаться.

Адвокат А. Галин.

г. Кызыл-Кия, Ошской обл.

3/XII-1946 г.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

386. НЕУСТАНОВЛЕННЫЕ ЛИЦА

9 февраля 1947 г., поселок Первомайский Красносулинского района Ростовской области

Дорогой Михаил Александрович!

Пионеры и учащиеся отряда имени Олега Кошевого Первомайской нач. школы при совхозе «Ударник» Красногвардейского района Ростовской области[1] решили обратиться к Вам с просьбой.

До Отечественной войны наша школа имела прекрасную библиотеку, немецкие варвары сожгли нашу библиотеку и разграбили всю школу. Лучшими книгами в нашей библиотеке были произведения Мих. Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина» и Островского «Как закалялась сталь». Сейчас мы приобрели Вашу книгу «Тихий Дон» 3 и 4 книгу, а первой и второй нет. Нет у нас и «Поднятой целины», а также «Они сражались за Родину». Михаил Александрович! Мы, пионеры, просим Вас, любимого писателя, прислать нам, если это возможно, книги, перечисленные в письме.

Пионеры отряда имени Олега Кошевого шлют Вам пионерский привет и дальнейшего расцвета творческих сил Ваших желаем мы.

Напишите произведение о детях, которые в тылу немецких захватчиков помогали бить немцев.

С приветом пионеры отряда им. Олега Кошевого.

9/II. 47 г.

Шлите по адресу: Ростовская область, Красногвардейский р-н, совхоз «Ударник», Первомайская нач. школа, отряд имени Олега Кошевого[1].

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Красногвардейский район — административно-территориальная единица в составе Ростовской области, существовавшая в 1940 — 1956 гг., была упразднена и включена в состав Красносулинского района в 1956 г.

387. А.В. БАРАННИКОВА

6 марта 1947 г., станица Марьянская Краснодарского края

Дорогой Михаил Александрович!

Ваши замечательные творения оставят в нашей памяти неизгладимый след. Из Ваших произведений мы узнаем быт донских казаков, их нравы и обычаи, у Вас мы учимся смотреть смело в лицо суровой жизненной правде.

Горячо любимыми произведениями у нас являются «Тихий Дон», «Поднятая целина» и «Они сражались за Родину». Особенно нас заинтересовал «Тихий Дон». У каждого из нас свое мнение по отношению к его героям, а особенно к женщинам. Нам больно за Наталью, за её несчастную жизнь, больно и обидно, что она жила в такое время, когда женщина была бесправна. В наше время Наталья должна быть сильной, волевой, и обязательно должна победить свою слабость. В общественной жизни она бы переборола себя. Конечно, и сейчас ещё много есть слабых людей, живущих только чувствами.

Михаил Александрович, в Ваших произведениях мы остановились на изображении Вами женских образов, на их своеобразии. Конечно, ни Наталья, ни Аксинья, ни Луша не могли быть в то время ни стахановками, ни общественницами. Но женщины нашей эпохи, женщины периода Отечественной войны заслужили особое место в литературе своими подвигами и самоотверженным трудом.

Когда мы читали «Они сражались за Родину», то обязательно надеялись встретить там современную женщину, но наши предположения не оправдались. И вот тогда-то у нас и загорелся спор. Одни говорят, что Шолохов — реалист и пишет только правду. Но разве образ Вареньки Звонаревой из «Семьи Звонаревых» Степанова не правдив[1]? Ведь очень много в жизни таких живых, подвижных, жизнедеятельных женщин, как Звонарева.

Дорогой Михаил Александрович, наш спорный вопрос можете разрешить только Вы. Ждем от Вас ответа.

С глубоким уважением,

ученики 10 класса Марьянской средней школы №1.

Наш адрес: Краснодарский край, станица Марьянская, средняя школа №1, 10 класс.

Анне Васильевне Баранниковой.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Речь идет о героине романа «Семья Звонаревых», который является продолжением самого известного исторического романа А.Н. Степанова «Порт-Артур» (Сталинская премия 1946 г.) и посвящен событиям 1905–1916 гг. В центре романа — супруги Звонаревы.

388. И.Г. ПОДОЛЬСКИЙ

12 апреля 1947г., Харьков (Украина)

Дорогой Михаил Александрович!

Я высоко ценю Ваши произведения. «Тихий Дон» и «Поднятая целина» — для меня не превзойдены. Читая их, я перестаю видеть строчки, забываю, что я, именно, читаю, и мне кажется, что я вижу наяву эти опаленные солнцем далекие степи, мертвые солончаки, «трепетные» марева над дальними курганами, слышу знойное степное безмолвие и нудно стонущий, мрущий звон жары; даже запах накаленной земли чудится мне во всей тонкости и чистоте.

Трудно сказать, что Вам более удается: пейзаж ли, диалог ли, повествование ли, или сами образы, которые запоминаются, как живые, и уже не забываются никогда.

Напечатанный отрывок из «Они ср. за Родину» я знаю почти наизусть. То, что у других получается схематично, ходульно, ненатурально, Вами удается удивительно хорошо. Язык здесь еще более отточен и правдив, и я целиком извиняю Вам некоторые фальшивые нотки, как подачки зажиму, без которых — увы! — вашему брату, писателю, нету проходу. Но у Вас получается несравненно правдивее, жизненнее, чем у других — даже эти сомнительные относительно писательской совести места. И я считаю, что новую «Войну и Мир» напишете именно Вы.

Меня только недоумевает, почему наша громоздкая печать почти сплошь завалена халтурой, а Ваши очень и очень многими ценимые произведения нигде не печатаются. Неужели Вы не пишете совсем?

Если Вас это не затруднит — ответьте, пожалуйста.

Мой адрес: г. Харьков, ул. Артема, 30.

Подольский И.

P.S. Я буду очень огорчен, если Вы откажетесь от лит. деятельности. Поверьте, нигде Вы не сможете сделать столько великого и бессмертного, как в литературе.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

389. Н.В. ВОЛКОВ

26 июня 1947 г., Грозный

Уважаемый тов. Шолохов!

Несколько раз я прочитал Ваши произведения «Тихий Дон» и «Поднятая целина» и от них приходил в восхищение правдивостью написанного, простого языка, глубокого анализа переживания описанных Вами героев и т.д. Особенно меня интересуют их дальнейшая судьба, из «Поднятой целины» Давыдова, Нагульнова, Разметного, Майданникова, притаившегося в колхозе вредителя Островного и других лиц вашего романа.

Читая Вашу «Поднятую Целину», события, Вами описанные, они мне напоминают ту борьбу за организацию колхозов и укрепление их, так как я сам практически принимал участие в работе по коллективизации в Татарской А.С.С.Р., будучи мобилизован в начале 1930 года в счет 25000. Мне также вспоминается попытка населения весной 1930 года поделить хлеб в колхозе «Новый путь» села Полянка Елабутского[1] района, когда там подстрекаемые классовым врагом женщины-колхозницы и единомышленницы окружили семенной амбар и в течение нескольких суток никого к нему не подпускали. Причиною такого поведения женщин было то, что часть семян по разнарядке волостной организации должны были переданы соседнему колхозу. Также часто вспоминается и то обстоятельство, что я работал председателем колхоза «Прогресс» Елабутского[1] района с осени 1930 года, где мне пришлось работать в сложной обстановке, когда часть спрятавшегося кулачества от раскулачивания в колхоз вела там подрывную работу по развалу колхоза изнутри.

Прошу Вас, тов. Шолохов, если у Вас есть продолжение «Поднятой Целины», прислать по адресу: г. Грозный, Августовская улица, дом № 32, кв. № 32. Волкову Николаю Васильевичу.

Прошу извинить, тов. Шолохов, за мою просьбу и мое письмо.

Сам я член партии с 1929 года, по социальному происхождению рабочий. 25000.

26/VI-1947 г.

(*Автограф. ГМЗШ-8280/95. Л. 1–2*)

[1] Правильно: Елабужский район.

390. С.И. СОЛОВЬЕВ

26 августа 1947 г., воинская часть

Здравствуйте, уважаемый Михаил Шолохов!

Прошу извинить меня, что я этим письмом отрываю Вас от работы. В нашей части был коллективно прочитан Ваш роман «Тихий Дон». После прочитанного возникло много спорных вопросов в отношении героев Вашего романа. Бойцы и офицеры в/ч (п.п. 19988-Ф) просят Вас ответить на несколько вопросов:

1. Имена героев романа являются ли подлинными или вымышленными именами Вашего романа?

2. Какова дальнейшая судьба Григория Мелехова, и если он в настоящее время жив, то где он находится?

3. Какова судьба детей, т.е. сына Григория Мелехова?

4. Какова судьба Михаила Кошевого и его жены Дуняшки?

Уважаемый тов. Шолохов, за роман «Тихий Дон» большое армейское спасибо от всего сердца. Даже не нахожу слов описать Ваш труд, одним словом, написан он с высоким мастерством.

Ответ прошу прислать по адресу: Полевая почта 19988-Ф, Соловьеву Семену Ивановичу.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

391. А.Н. САВВАТЬЕВ

27 октября 1947 г., хутор Подковский Кумылженского района Волгоградской области

27 октября 1947г.

Здравствуйте, Михаил Александрович!

Прошу заранее извинения за причинённое Вам беспокойство моим письмом. Я, Савватьев Андрей Н., работаю зав. избой-читальней в Подковском с/с Подтелковского р-на Сталинградской области. И вчера, т.е. 26 октября, в избе-читальне я дочитал слушателям Вашу книгу 1 «Тихий Дон». Книга всем очень понравилась и заинтересовала всех, но остальных книг 2–3–4, к сожалению, не оказалось.

Читатели просили меня достать 2–3–4 книги «Тихого Дона», но наш хутор далеко от станции, а так достать негде. Поэтому решили, чтобы я написал Вам письмо и попросил Вас выслать книгу «Тихий Дон» 2–3–4 за наш счет. Прошу моей просьбе и просьбе моих читателей не отказать.

Желаю Вам хорошего здоровья и долголетней жизни и побольше написать хороших книг. Еще раз прошу извинить за беспокойство.

Савватьев.

Мой адрес: Сталинградская область, Подтелковский р-н, Подковский с/с, изба/ч, Савватьеву.

27. X–47 г.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

392. Ю.А. ХРУПЕНКО

1 ноября 1947 г., город Балтийск Калининградской области

Здравствуйте, уважаемый товарищ Шолохов!

Я, матрос[1] Хрупенко Юрий А., прочитав написанную Вами книгу «Тихий Дон», решил написать Вам скромный маленький отзыв.

Это — лучшая из книг, которые я читал. В ней показан образ человека, который всей душой был за дело революции, но затуманенными глазами не мог найти правильного пути.

Немного по отношению к Григорию Мелехову были строги местные большевики, в особенности Михаил Кошевой.

Почти идя по правильному пути, Григорий был ими вспугнут. Я хочу знать, был ли этот образ взят из жизни одного казака или нет.

Эта книга является историей, в книге «Тихий Дон» дается полная характеристика, причём справедливая, обеим воюющим сторонам.

В ней и понятливо показана жизнь донского казачества в период гражданской войны.

Я очень хотел бы приобрести такую книгу. Но у нас, в недавно присоединенной к нашей Родине земле[2], негде купить.

Тов. Шолохов, я Вас очень прошу ответить на мое письмо и написать в двух словах дальнейшую жизнь Григория, после IV книги, и его сына Мишутки. Я буду надеяться.

Юрий Хрупенко.

Мой адрес:

Калининградская обл.,

г. Пиллау.

До востребования.

Хрупенко Ю.А.

01.11.47.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] В Балтийске (до 1946 г. — Пиллау) находится крупная военно-морская база Балтийского флота.

[2] После Второй мировой войны в соответствии с Потсдамскими соглашениями Кенигсберг с прилегающими территориями вошел в состав СССР. В 1946 г. Кенигсбергская область была переименована в Калининградскую.

393. А.С. ШИЛЯЕВ

24 декабря 1947 г., город Степанаван (*Армения*), *воинская часть*

Привет с Кавказа!

Здравствуйте, всеми нами уважаемый Михаил Александрович. Это пишут Вам солдаты, которые коллективно читали Вашу знаменитую книгу — роман «Тихий Дон» и шлют Вам отзывы об этой замечательной книге. Я от себя не знаю, как и чем Вас отблагодарить за столь замечательную книгу. Прочитав ее, мы решили послать Вам хотя бы эту записку. Правда, мы не очень грамотные люди, так что просим Вас не обижаться на нас, что не совсем грамотно и хорошо написали, как могли. Ну все же когда мы читали Вашу книгу «Тихий Дон» (4-ю книгу), то, дочитав ее до конца, ребята долго еще не хотели расходиться. А по утру все спрашивают: «Ну как книга, что снилось?» Ну а я не мог спать всю ночь после того, как дочитал ее до конца, и так сделалось грустно о герое романа Григории Мелеховом, что ребята чуть ли не плакали, когда он, Григорий пришёл домой. Когда он держал на руках своего сына и думал: вот и все, что у меня осталось, что еще могло роднить с миром[1]. Ну все же, Михаил Александрович, хочется знать, где же тот Григорий, который был героем этого замечательного романа, где же он, или, может, его совсем не было под таким именем? Или настоящий герой был, но имя у него было другое? Вот мы и просим Вас разрешить этот сложный вопрос, который нас интересует все время.

Михаил Александрович, неужто это конец такой замечательной книги? Мне до сих пор не верится, как вечер, то я иду и беру книгу 4-ю и прочитываю по нескольку раз последнюю страницу и вспоминаю слова: «Вот и все, что у него осталось», вот мы и хотим знать, где же сейчас есть Григорий, или кто этот под его именем? Просим Вас Михаил Александрович, сообщить нам хоть кратко о нём, если есть такой герой. Или, может, остались после него дети. Хотя бы узнать, то был такой Григорий или кто под его именем жил в те суровые годы Гражданской войны за освобождение Власти Советов.

На этом разрешите нам свое письмо окончить. До свидания. Извините за беспокойство. С горячим к Вам и дружеским приветом от имени читателей нашей части Александр Шиляев.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Пересказываются финальные строки романа: «Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром» (*Шолохов М.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 4. М., 1980. С. 364).

394. АРШИНОВА и др.

1947 г., город Шахты Ростовской области

Дорогой Михаил Александрович!

По старому русскому обычаю желаем Вам долгих лет, здоровья и сил, чтобы Вы по-прежнему могли работать на благо нашей родины.

Дорогой Михаил Александрович! Мы, студенты 2-го курса маркшейдерского отделения 1-й группы Шахтинского горного техникума, очень любим читать Ваши произведения. Они заставляют нас и смеяться, и еле сдерживать негодование, а иногда ненависть и боль.

Недавно на уроке мы обсуждали вопрос, будете ли Вы заканчивать роман «Поднятая целина». И решили, что, вероятно, нет. Великая Отечественная война против фашизма показала настоящее лицо русского человека, и мы не сомневаемся, что Давыдов, Нагульнов, Кондрат Майданников и другие герои романа «Поднятая целина» сражались с врагом за свою землю и за свой колхоз наряду со всеми честными людьми нашей страны.

Михаил Александрович!

Мы просим Вас скорее закончить роман «Они сражались за Родину».

Мы считаем, что этот роман будет достойным и великим «нерукотворным» памятником всем советским, и, в первую очередь, русским людям, павшим в боях против фашизма.

Велики были их страдания, безмерна жертва, которую они принесли своей родине — жизнь.

Слово, правдивое слово о них — им лучший памятник. Сделайте его Вы...

Нам очень хочется, чтобы все любимые наши герои: и Звягинцев, и Лопахин, и Стрельцов — остались живыми. Каждый из них по-своему нам нравится, у каждого из них нам есть чему поучиться, каждый из них нужен своей стране, своему народу. Может, и редки такие случаи, что три друга оставались живыми в этой войне, но пусть это будет так...

Михаил Александрович!

Приезжайте к нам в Шахты, посмотрите родину Лопахина, посмотрите и наш техникум, который мы понемногу помогаем восстанавливать.

Даем Вам слово хорошо учиться, а в будущем — работать творчески на своей работе.

Шлем Вам привет.

Любящие Вас Ваши читатели, студенты 2-го к. МО 1 гр. ШГТ:

Аршинова, Лушков, Моргунов, Журавлев, Губченко, М. Белоусов, В. Верешеенко, Попова, В. Батырева, З. Ковалёв, Калмыкова, К. Фёдорова, Лихобабина, Панькина, Васильев.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

395. НЕУСТАНОВЛЕННЫЕ ЛИЦА

7 января 1948 г., Алма-Ата (*Казахстан*)

Глубокоуважаемый Михаил Александрович!

Мы, десятиклассники школы № 31 г. Алма-Ата, приступая к детальному изучению Ваших крупнейших, замечательных произведений: «Тихого Дона» и «Поднятой целины», решили написать Вам письмо, в котором нам хочется выразить большую благодарность за эти чудесные произведения.

При изучении «Поднятой целины» у нас возник вопрос о том, будете ли Вы работать над окончанием этого романа. Считая Вас крупнейшим советским писателем нашей социалистической эпохи, мы, естественно, интересуемся Вашими будущими работами и просим Вас написать о Ваших творческих планах на ближайшее время.

Желаем Вам успеха в Вашей дальнейшей творческой работе и шлем Вам горячий ученический привет. Ждем с нетерпением Вашего ответа.

Ученики 10 класса 31 школы имени Ворошилова г. Алма-Ата.

Наш адрес: г. Алма-Ата Фрунзенский район, ул. Заводская, дом №100, школа № 30/31. Ученикам 10 класса.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

396. М.С. МАРКМАН

20 января 1948 г., Москва

Уважаемый товарищ Шолохов!

Ваша проникновенная статья «Слово о Родине» («Правда» за 23 и 24 января) очень взволновала меня, как, вероятно, и миллионы других читателей. Ваши горячие слова искреннего сочувствия к вдовам и осиротевшим детям наших самоотверженных воинов дошли до миллионов сердец и вызвали благородные возвышен-

ные чувства[1]. Живым эти слова напомнили о святом, неоплатном долге перед погибшими, перед их семьями.

Вероятно, не только у меня, но и у многих участников Великой Отечественной войны есть потребность писать: мне кажется, что я знаю что-то важное, что нужно и интересно знать другим. У меня такое чувство, что это мой долг и перед погибшими товарищами.

И вот на днях я отправил это письмо секретарю Ивановского обкома ВКП(б)[2], после Вашей статьи я решил послать Вам это письмо.

Если Вы найдёте время написать мне Ваше мнение — буду очень признателен.

М. Маркман.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Опубликованное в «Правде» 23 и 24 января «Слово о Родине» менее всего относится к жанру статьи; текст выполнен как диалог с сокровенным собеседником — «моим другом», «дорогим другом и собеседником»; воспоминание и реквием по погибшим; см.: «Вспоминая прошлое, ты невольно подумаешь, ты не можешь не подумать и о том, как много осиротевших людей стало на твоей Родине после войны. В эту долгую и просторную для горестных воспоминаний зимнюю ночь не одна вдова, потерявшая в войну мужа, оставшись наедине с собой, прижмет к постаревшему лицу ладони, и в ночной темноте обожгут ей пальцы горячие и горькие, как полынь, слезы; не одно детское сердце, на всю жизнь раненное смертью того, кто верный воинскому сердцу и присяге, погиб в бою за социалистическую Родину, сожмется перед сном от случайного воспоминания с недетской тоской» (*Шолохов М.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 8. М., 2002. С. 261).

[2] Во вложении — письмо на имя секретаря Ивановского обкома ВКП(б) Лукьянова о необходимости издать книгу «Ивановцы в боях за Родину» с воспоминанием о войне:

«В числе нескольких командиров-москвичей я был направлен в дивизию в августе 1941 г., командовал 3-й батареей 891 артполка дивизии, прошел с боями вместе с дивизией до Демидова и Вележа, был награжден и выбыл после второго тяжелого ранения.

Теперь я работаю ст. инженером в 5-ом Управлении Министерства сельхозмашиностроения и являюсь секретарем парторганизации. Мысль о необходимости увековечить в памяти наших людей самоотверженный труд верных сынов родины — ивановцев, все время у меня, и я решил написать Вам. Издание такой книги — патриотическое, нужное дело и наш долг. М. Маркман».

397. Ф. БЫКОВ

26 января 1948 г., село Мокроусово Курганской области

Уважаемый Михаил Александрович,

Ваш постоянный читатель и поклонник Вашему уму и таланту, прошу Вас, не почтите за труд написать, что Вы пишете сейчас? Многие говорят, что Шолохов пишет «Войну и мир». Другие гово-

рят, что он заканчивает «Поднятую целину». Ну так вот, я решил спросить Вас, что же Вы пишете на самом деле. Если правда, что «Войну и мир», то когда она выйдет в свет. Напечатали бы хотя бы первые главы, причем, считаю необходимым заметить, что узнать, что Вы пишете, желание не только меня одного. Этим интересуется вся общественность. По крайней мере, многие читатели, с которыми мне приходилось говорить по этому вопросу.

С приветом Быков.

Председатель Мокроусовского райпотребсоюза

Курганской области.

(Авторизованная *машинопись. Архив семьи Шолоховых*)

398. С.М. ЕФРЕМОВ

8 февраля 1948 г., город Поти (*Грузия*), *воинская часть*

Уважаемый Михаил Александрович!

Солдаты и сержанты войсковой части 35730, а также и офицерский состав, прочитав все Ваши книги, которые так ярко и красочно написали Вы за все время Вашей литературной деятельности, как-то: «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Донские рассказы» и «Они сражались за Родину», хорошо отзываются о них.

Но за последнее время, после Великой Отечественной войны, мы о Вас очень мало слышим. Много идет различных толкований о Вашей в настоящий момент деятельности. Одни говорят, что как будто Вы сейчас пишете большой роман «Мир и война», другие говорят, что Вы пишете продолжение романа «Они сражались за Родину», но определенно и точно никто не знает, над чем Вы сейчас работаете.

Все с нетерпением ждут от Вас книг, особенно книг о Великой Отечественной войне, потому что лучше и ярче Вас, я думаю, никто так не раскроет душу солдата-фронтовика, как Вы нарисовали образ Вашего Звягинцева.

Прошу Вас, не посчитайте за труд и дайте краткие ответы на интересующие нас вопросы.

Желаю Вам всего наилучшего в Вашей работе на благо нашего народа и долгих лет жизни.

С приветом к Вам

Гвардии старший Сержант Ефремов.

Грузинская ССР, город Поти, войсковая часть 35730.

(*Авторизованная машинопись. Архив семьи Шолоховых*)

399. В.Г. БИРКОВСКИЙ

17 мая 1948 г., город Черняховск Калининградской области

«17» мая 1948 г.
г. Черняховск

Дорогая Редакция!

По решению комсомольского собрания нашей первичной комсомольской орг. воины-комсомольцы нашего подразделения провели громкие читки книги Мих. Шолохова «Поднятая Целина».

По окончании читки были проведены беседы по этой книге, обмен мнениями. Книга всему личному составу очень понравилась. С этой книги наши воины-артиллеристы еще раз убедились в том, как трудно было молодой Советской Республике восстанавливать свое хозяйство, строить коллективное хоз-во в деревне по новому социалистическому пути. Но, несмотря на все трудности создания колхозов, ярыми врагами которых были кулаки и зажиточные середняки, беднейшие массы крестьянства под руководством коммунистической партии сумели преодолеть эти трудности и построили колхозы.

Глубокоуважаемая Редакция!

Личный состав нашего подразделения очень тепло отзывается о писателе Мих. Шолохове за то, что он так понятно, простым языком и правдиво описует все то, что было. Все наши воины желают Мих. Шолохову долгих лет жизни на благо нашего народа, нашей социалистической Родины. Все наши воины спрашивают: «Пишет ли Мих. Шолохов II-ю книгу «Поднятая целина»?»[1].

Дорогая редакция! Просим Вас ответить на этот вопрос.

По поручению комс. орг. секретарь комс. бюро, гв. сержант Бирковский.

(*Автограф. ГМЗШ. КП-8280/54. Л. 1*)

[1] Первые послевоенные сведения о возобновлении работы над продолжением романа относятся к сентябрю 1949 г. Во время приезда в Вешенскую критика И.Г. Лежнева Шолохов рассказывал о работе над романом «Поднятая целина», см.: «Вторую книгу “Поднятой целины” я начал писать еще до войны, написал почти половину. Это будет книга такого же размера, как и первая, то есть около 20 печатных листов. Там будет описано укрепление колхоза, развязка всех сложных узлов первой книги. С 1941 года я к этому роману больше не возвращался, но дописать-то ведь придется когда-нибудь» (см. об этом: *Лежнев И.Г.* Путь Шолохова. Творческая биография. М., 1958. С. 407). По информации «Комсомольской правды» (1951. 17 марта), на встрече со слушателями Военно-политической академии Шолохов «рассказывал» о своих планах: закончить первую книгу романа «Они сражались за Родину» и после этого «вернуться к неоконченной “Поднятой целине”, работу над которой прервала война».

400. В. КУЦЕНКОВ

8 июля 1948 г., город Гродно (Беларусь)

Дорогой товарищ Шолохов!

Я очень извиняюсь за беспокойство. Мое письмо к Вам вызвано следующими причинами. Редакция газеты «Красное знамя» получает от многих военнослужащих письма, в которых они спрашивают, над чем сейчас работает писатель Михаил Шолохов, скоро ли выйдет в свет роман «Они сражались за Родину».

Эти вопросы сейчас очень волнуют советских воинов — Ваших самых активных читателей. Вы — их любимейший писатель. Ваши книги стали настольными книгами солдат, сержантов, офицеров.

Учитывая просьбу советских воинов, редакция просит Вас обратиться к ним через нашу газету с письмом и рассказать о своей работе и дальнейших планах. Оно воодушевит их на отличную боевую и политическую учебу.

Надеемся, что Вы, хотя бы коротко, ответите на наше письмо.

Желаем Вам здоровья и новых успехов в работе.

Ответственный редактор газеты «Красное знамя»

подполковник В. Куценков.

Наш адрес: г. Гродно, Советская, 12, редакция газеты «Красное знамя».

(*Машинопись. Архив семьи Шолоховых*)

401. В.Т. ОРЛОВ

28 июля 1948 г., Ленинград

Дорогой Михаил Александрович!

В 1933 году студенты Константиновского на Дону Педагогического техникума[1] (в том числе и я) писали Вам письмо, в котором рассказывали о своей учебе, о том, как мы полюбили героев Ваших книг, и поделились мечтами на будущее[2].

Вы тогда похвалили нас за любовь к науке, к книгам и пожелали нам еще лучше учиться и в будущем дружить с наукой[3].

С тех пор прошло много лет. Авторы того студенческого письма давно рассеялись по свету. Судьба некоторых (известных мне) очень интересна и примечательна. Следовало бы о них рассказать Вам.

Сам я, сын казака хутора Нижне-Яблоновского станицы Верхне-Курмоярской, как будто тоже «выхожу в люди» — кончаю в августе этого года Ленинградскую Военно-Медицинскую Академию им. С.М. Кирова.

Считаю, что для меня Ваше, Михаил Александрович, пожелание «дружить с наукой» не пропало даром.

Все это как будто не плохо. Но в моей жизни сейчас наступил «переломный» момент. Через месяц — я буду врач. И передо мной встают две дороги — научная работа и практическая работа. Нам всем уже сейчас предоставлена возможность (по желанию) — оставаться в адъюнктуре или ехать работать в части. Что лучше — быть узким специалистом или хорошим практическим врачом. И в первом варианте много хорошего, и во втором не меньше.

Вы скажете — куда больше влечет, туда и идите, но в том-то и дело, что влечет в обе стороны.

Поверите ли, что вот это «раздумье» стало для меня проклятым наваждением. Со стороны посмотреть, быть может, это немного и смешновато, но я хожу и мучаюсь. И так, и так прикину — и там, и там много доводов хороших. Где больше пользы дашь, где тебе лучше будет — а ведь это и мучает.

В общем-то, вопрос не столь сложный, а в частности — к чему душу приклеить, лично (для меня) очень важный. Лучше бы нам не предоставляли всех этих вариантов, а приказали бы — будь добр — и на душе легче было бы, ей право.

Думал, думал я над этим — и решил написать Вам. Вам много видней, дайте добрый совет, по какому большаку свернуть. По прошлому, по учебе и работе — я чувствую, что я вполне гожусь и на первое дело, и на второе.

Беда вся в том, что сам я себя не знаю, а услышать пристрастный совет не хочу и хотел бы услышать от Вас беспристрастный совет по этому для меня «проклятому» вопросу.

Михаил Александрович, прошу Вас ответить мне в скором времени, если только Вы имеете возможность и время на это.

Искренне уваж. Вас Владимир Орлов.

Мой адрес (теперь):
г. Ленинград,
ул. Чайковского, 65, кв. 4.
Орлову В.Т.
Или: Ростовская обл.,
Тацинский р-н,
М<олмясо>совхоз № 36.

P.S. Сейчас в Ленинграде по трансляционной сети читают отрывки из III кн. «Тихого Дона». В книжных магазинах (и в букинистических) книг Ваших нет, потому что спрос на них большой.

В.О.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Педагогический техникум в станице Константиновской был открыт в 1931 г. по решению Наркомпроса СССР и Азово-Черноморскоого райкома партии (от 27 сентября 1930 г.), первый набор студентов сделан в 1932 г. (см.: Дом, в котором мы живем: к 80-летию Константиновского педколледжа. Ростов н/Д, 2010. С. 6).

[2] Письмо 1933 г. не выявлено, возможно, оно было отправлено не в Москву, а сразу в Вешенскую.

[3] Текстом ответного письма М.А. Шолохова не располагаем.

402. Б.К. ГУБАРЕВ

6 сентября 1948 г., поселок Панютино Харьковской области (*Украина*)

Дорогой Михаил Александрович!

Являясь секретарем партбюро и внештатным работником райкома КП(б)У, я очень часто встречаюсь с тысячами читателей всего района, и они меня всегда засыпают вопросами о Вашей жизни и творчестве. И мне очень трудно сознавать, что я иногда не имею возможности ответить на все вопросы, касающиеся любимого писателя. И все из-за того, что сюда не доходят все то, что издается тиражами менее 500 тысяч или даже миллиона. Но зато как любят Вас здесь! Трудно назвать другого писателя, которого бы так любили здесь как Вас. Вы — народный писатель в самом глубоком смысле этого слова. Но я Вам об этом уже писал, не стану отнимать много времени.

Несколько дней назад партбюро приняло решение провести в местном рабочем клубе Ваш литературный вечер. Вечер назначен на 27 сентября. Готовится много кружков, молодые художники пишут Ваши портреты. Не знаю, достану ли я Вашу биографию или автобиографию. О «Тихом Доне» у меня только одна работа — статья И. Лежнева «Из темы о Шолохове» в № 10 «Звезды» за 1947 г. Но внутренне согласиться с т. Лежневым я не могу, как ни старался[1].

Для меня Мелехов — мировой образ, классический тип, равный образам Пушкина, Толстого, Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Шекспира и т.д. Оставаясь глубоко русским, характер Григория имеет общечеловеческое значение. А для Лежнева самое главное в Мелехове — «дурман сословности»[1]. Истолковать роман по Лежневу у меня нет стремления. Прав ли Лежнев? Как мне быть?

Я Вас очень прошу, Михаил Александрович, откликнуться на это письмо. Это будет для меня очень много, на всю жизнь.

Училище, которое так хорошо отмечает юбилей любимого писателя, имеет славные традиции. Недавно оно праздновало 30-летие своего существования и в течение всей своей истории

занимает первое место по области и по Украине, а по СССР — второе...

Еще раз горячо желаю Вам самого наилучшего, много радости и счастья!

Губарев Борис Кириллович. Железнодорожное училище №1.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Читатель точно резюмирует концепцию названной работы критика И. Лежнева, центром которой является тезис, что в Григории Мелехове воплощены традиции «исключительности казачьего сословия», «преданности реакционной казачьей традиции»: «Эпопея Шолохова показывает, какую власть над душами людей имела на Дону эта традиция, какие губительные соблазны таила в себе»; «Вся борьба Григория в годы гражданской войны проникнута пафосом сословности»; «Гибель Мелехова и мелеховщины, т.е. освобождение от дурмана сословности, была необходимым условием перехода казачества на путь остального советского крестьянства. Это условие было выполнено историей, — оно соблюдено и Шолоховым в историческом романе “Тихий Дон”» (*Лежнев И.* Из темы о Шолохове (К тридцатилетию советской литературы) // Звезда. 1947. № 10. С. 191–192, 194, 198). О диалоге читателей с критикой см. далее п. 409 и 438.

403. И.Д. ПОЛОНСКИЙ, У. КОЧЕТОВА

29 октября 1948 г., город Донецк Ростовской области

Михаил Александрович!

Первый раз я читал Ваш роман «Тихий Дон» в 1934 году. С того времени много было пережито, но «Тихий Дон» я не разлюбил и не забыл. Я рекомендовал его читать многим землякам на далеком Урале. Ваше произведение они читали и давали высокий отзыв о нем. В литературном кружке в селе Каргинском Свердловской области я снова читал «Тихий Дон». Это было еще до Отечественной войны. Проблема, поставленная Вами в героической эпопее, волновала многих моих товарищей. Ведь они, читая роман, еще больше любили нашу родину. Теперь некоторых из них нет в живых: когда было нужно, то уральцы в боях за родину показали себя героями и настоящими патриотами, как Бунчук, Мишка Кошевой, Подтелков и другие. Мне лично выпало счастье после победы на Дону дойти до Берлина и Эльбы, потом вернуться в Советский Союз и, демобилизовавшись из армии, поработать несколько месяцев в Вешенском райисполкоме. Из Вешенской на шахты я увез жену — казачку с хутора Токин. Мы часто вспоминаем Дон, степи, с такой любовью описанные, свежий воздух в Черной Луке, около Белогорки[1], сады Гороховки[2], вешенский песок, который никогда не превратится в грязь, величавое течение Дона.

Я уже посылал заказы на Ваш роман, но выслать его КОГИЗ не может. Убедительно прошу Вас выслать мне наложенным платежом «Тихий Дон» (все четыре книги). Это будет для меня самым лучшим, самым дорогим подарком в жизни.

С приветом И. Полонский, У. Кочетова.

Наш адрес: Ростовская обл., Каменский район, Гундоровский поссовет, шахта «Юго-Западная №1», бухгалтерия. Полонскому И.Д.

29/X–48 г.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] До 1955 г.: Гундоровка.

[1] Речь идет о х. Белогорском Шолоховского района Ростовской области.

[2] Речь идет о х. Гороховском Шолоховского района Ростовской области.

404. Г.Н. ЧЕРЕПАНОВ

21 января 1949 г., город Зайсан (*Казахстан*)*, воинская часть*

Дорогой тов. Шолохов!

Обсуждая Вашу большую работу «Тихий Дон», к концу беседы у нас в организации возник спор из-за Григория Мелехова и его сына Михаила.

Одни объясняют, что они участвовали в Отечественной войне, другие толкуют, что Григория нет, что этот герой романа, фамилия которому дана вымышленная.

Мы живем в одном из уголков, отдаленных от центра, поэтому, зачастую, у нас нет новинок литературы. Может быть, Вы уже давали объяснения по этому поводу, но у нас никто толком ничего не знает.

Разрешите наш спор, объясните, хотя в нескольких строках, кто и где? Григорий Мелехов и его сын после романа?

Будет ли продолжение этого романа?

Желаем Вам долгих лет здоровья.

По поручению ком.организации

Секретарь ком.организации

Черепанов.

Мой адрес:

ВКС, г. Зайсан, в/ч 2017.

Черепанову Григорию Николаевичу.

Полностью писать о своей принадлежности нельзя, так как мы находимся за пределами нашей Родины.

Ждем с нетерпением ответа, а вместе с тем — разрешения спора.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*).

405. И.И. ЖИЛИН

3 марта 1949 г., деревня Макарово Жирятинского района Брянской области

3.3.1949 г.

От колхозников колхоза «Ответ интервентам» Савлуковского с/с Жирятинского р-на, Брянской обл.

Многоуважаемый Михаил Алексеевич<sic!>, прочитав Ваш роман «Тихий Дон», мы очень Вам благодарны и желаем Вам написать еще больше. Обогатить нашу советскую литературу наилучшими книгами.

Просим Вас ответить нам о судьбе Вашего героя Григория Мелехова. Был ли такой казак? И если был, то живой ли он и где проживает, чем занимается. Живой ли сын его Мишатка? Михаил Кошевой.

Эти герои романа остались в живых, и мы просим сообщить нам о их дальнейшей судьбе и их деятельности в настоящее время.

Просьбу нашу просим удовлетворить.

Желаем Вам много силы и здоровья на пользу нашей Великой Родины.

Наш адрес: Брянская обл.,
Жирятинский р-он,
д. Макарово. Жилину И.И.
По поручению колхозников
Жилин.

(*Автограф. ГМЗШ. КП-19834. Л. 1–2*)

406. М.А. ТИТАРЕВ

12 марта 1949 г., город Гурджаани (*Грузия*), *воинская часть*

Уважаемый Михаил Александрович!

Я никогда писателям не писал, и, если Вы что-нибудь найдет<е> смешного в моем письме, не смущайтесь. Написать Вам стало моей давнишней мечтой.

Я просто от души хотел отблагодарить Вас за Ваши труды. В третий раз я читаю сейчас «Тихий Дон» и кажется мне, что много еще пройдет лет, а «... Дон» по-прежнему для каждого будет новинкой. Не потому что я казак, а так думают многие воины нашей части.

Часто идут споры о «Щукарях», о Мелеховых и некоторые донцы-вешенцы (а они здесь есть) как будто их видели.

А Ваши главы и<з> романа «Они сражались за Родину» воинами читаются с наслаждением и успехом. Многие интересуются

самим романом, о чем идут частые споры. Некоторые говорят, что это все, другие уверяют, что вы еще над ним работаете, что подтверждаю и я. (Будучи в 1948 году в отпуске в сентябре, я вычитал это из «Молота», тогда страницы его отмечали, кажется, 25-летие Вашей писательской деятельности.[1])

Если Вы сможете уделить несколько минут напишите, скоро ли можно узнать о судьбе Лопахина, Звягинцева. Мы так о них соскучились.

Желаю Вам счастья и успехов в Вашей плодотворной работе.

В просьбе не откажите.

С приветом, ваш земляк

ст. серж.Титарев.

Мой адрес: Грузия, гор. Гурдж<а>ани, в/ч 97779.

Титареву Михаилу Ананьевичу.

12 марта 1949 г.

(*Машинопись. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Чествование М.А. Шолохова в связи с 25-летием его литературной деятельности прошло в сентябре 1948 г. в актовом зале Вешенского педагогического училища; Шолохов выступал на собрании, в частности, сказал о работе над романом «Они сражались за Родину»: «В Великую Отечественную войну мы все очень быстро откликались на волнующие темы. Этого требовала жизнь. Я тоже тогда писал быстро. Однако я отстаиваю право на работу более медленную, чем хотелось бы читателям, но чтобы эта медленность была оправдана качеством» (см. об этом: Молот. Ростов н/Д, 1948. 3 окт.; *ЛГ*. 1948. 9 окт. С. 1; *Летопись*. С. 220; *Шолохов М.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 8. С. 282).

407. П.И. ДЕМЬЯНЕНКО

20 марта 1949 г., воинская часть

20.03.1949 г.

Письмо от воинов-гвардейцев нашему любимому советскому писателю товарищу Шолохову Михаилу Александровичу.

Здравствуйте, уважаемый наш писатель, неутомимый член большевистской партии товарищ Шолохов Михаил Александрович! Мы, воины-гвардейцы нашего подразделения, шлем Вам наш красноармейский привет и желаем Вам всего наилучшего в Вашей большевистской деятельности. Находясь за рубежом Родной земли, охраняя счастливую жизнь нашего народа, мы также следим за Вашей неутомимой работой.

Прочитав Ваши книги, в которых Вы так ясно, разборчиво описываете действующие лица, мы Вам очень и очень благодарны за Ваши прекрасные книги.

Благодаря большевистской партии Ленина-Сталина и советскому героическому народу, мы сумели иметь такого хорошего писателя как Вы.

Ни в одной другой стране, как в нашей любимой социалистической Родине, нет таких условий и возможностей для работы писателей.

Я, младший сержант Демьяненко Петр Иванович, уже все прочитал Ваши книги, из которых кое-чего много хорошего осталось в моей голове.

Узнав Ваш домашний адрес, я Вам, Шолохов М.А., из Вашего романа «Тихий Дон» задаю Вам вопрос. Я не надеюсь, что Вы мне должны дать ответ, так как этот вопрос не только у меня одного возник, а у многих воинов, прочитавших этот роман.

Вопрос будет к Вам следующий: «Что произошло с Григорием Мелеховым, когда он пришел до дому, после того, как он похоронил Аксинью, жив ли он сейчас, живы ли его сын Мишатка, сестра Дуняшка и зять ихний Мишка Кошевой?»

Просим Вас, тов. Шолохов, чтоб Вы дали ответ.

Желаем Вам наилучших успехов в Вашей жизни, хорошего здоровья и много лет еще прожить. Желаем Вам как побыстрей и наилучше окончить свой роман «Они сражались за Родину» и II книгу «Поднятой целины».

Пока до свидания!

Жму руку Вам, тов. Шолохов, и жду ответа от Вас.

Демьяненко Петр Ив.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

408. В.Ф. КОВАЛЬ

27 марта 1949 г., село Воздвиженка Уссурийского городского округа Приморского края

27.3.49.

Здравствуйте, уважаемый писатель!

Примите горячий привет и массу наилучших пожеланий в Вашей жизни, здоровья и работе от воина Советской Армии Валентина Коваля.

Я очень извиняюсь, что решил побеспокоить Вас этим письмом. Дело в том, что вчера я второй раз прочел Вашу книгу «Тихий Дон».

Первый раз я ее читал, еще будучи на школьной скамье, и вот сейчас, находясь в Армии, я решил еще раз прочитать ее.

Во-первых, книга Ваша мне очень понравилась, но не это заставило меня обратиться с письмом к Вам. Я знаю и, надеюсь, не ошибусь в своих догадках, что вас не один читатель уже отблагодарил от души за эту книгу, и моя благодарность будет не новостью для Вас.

Но я хочу задать Вам вопрос следующего характера.

Я очень извиняюсь и убедительно прошу не отказать моей просьбе.

Меня очень интересует все, но главное: на самом ли деле была такая семья Мелехова и если да, то сообщите мне, что же дальше было с Григорием, Дуняшей, сыном Григория — Мишаткой, Михаилом Кошевым.

Я даже не знаю, удобно ли загружать такими вопросами Вас, но дело в том, что по этой книге в нашей части среди личного состава очень много разговору, и вот я решил написать Вам в надежде узнать подробности. Я знаю, что вы еще одну книгу писать начали тоже о тихом Доне. Но когда она будет выпущена в печать? Не знаю. Я думаю, что там что-нибудь будет сказано о тех лицах, за которых я Вас спрашиваю, но мне хочется поскорее узнать. Если Вас это не затруднит, прошу ответить.

На этом кончаю.

Еще раз извиняюсь за беспокойство.

Желаю удачи в написании как можно больше хороших книг.

Желаю хорошего здоровья.

А главное, многолетней жизни и труда на благо нашей Родины.

Остаюсь уважаемый Вас читатель Валентин Коваль.

Жду ответ. Убедительно прошу не отказать.

(*Автограф. ГМЗШ. КП-8692/26. Л. 1–2*)

409. Ж. СОЛОВЬЕВА и др.

8 апреля 1949 г., Херсон (*Украина*)

Уважаемый Михаил Александрович!

У нас, студентов Херсонского педагогического института, литературного факультета (рус. отдел.), при изучении Вашего романа «Тихий Дон» возник ряд неясных для нас вопросов. Не найдя, к сожалению, ответа на эти вопросы в критике, мы решили обратиться к Вам.

Большие разногласия вызвал у нас противоречивый образ Григория Мелехова. На протяжении чтения всего романа читатель симпатизирует Григорию Мелехову. Г. Мелехов привлекает нас своей честностью, искренностью, стремлением понять правду

жизни. В поисках этой правды Григорий проходит сложный, противоречивый путь. Его колебания закономерны, социально обусловлены. Григорий не смог освободиться от этих колебаний, потому что он оторвался от народа, и поэтому ясна его душевная опустошенность в конце романа.

Но можно ли согласиться с мнением критики о том, что Григорий Мелехов — морально погибший человек, человек, безвозвратно погибший для новой жизни[1]?

Естественно возникает вопрос, типичен ли образ Григория Мелехова для среднего казачества времен революции и гражданской войны. Мы думаем, что образ Григория типичен, а следовательно, он не может окончательно морально погибнуть. Об этом свидетельствует созданный Вами образ Кондрата Майданникова из «Поднятой целины», об этом свидетельствует победа социалистического строя на Дону.

А если мы ошибаемся и Григорий действительно погиб, а следовательно, не типичен, то как же нужно понимать образ Кондрата Майданникова?

Мы не можем согласиться с тем, чтобы люди типа Григория Мелехова, люди колеблющиеся, но страстно стремящиеся найти правду жизни, не пришли в конце концов к пониманию этой правды — правды социалистической действительности! (находясь в её пределах).

Мы просим Вас, Михаил Александрович, разрешить наши сомнения в оценке образа Григория Мелехова, ибо, не поняв этот образ, нельзя понять идею романа.

Дорогой Михаил Александрович!

Убедительно просим Вас ответить на наше письмо или через «Литературную газету» (этот вопрос интересует не только нас, а многих читателей Вашего романа), или на адрес института:

г. Херсон, Пединститут.

Проезд Пестеля, 3.

Студентам 4-го курса литфака.

Желательно было бы получить Ваш ответ в ближайшее время, чтобы мы подошли к государственным экзаменам с правильным пониманием Вашего романа.

С уважением к Вам,

студентки 4-го курса:

Соловьева Жанна,

Брегер Ева,

Хорец Ася,

Лисеенкова Лидия,

Носко Антонина.
8 апреля 1949 года.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Об официальных концепциях пути Григория Мелехова, закрепленных в школьных и вузовских учебниках, см. примеч. к п. 438 и статью «Читатели Михаила Шолохова: контексты эпохи», с. 757–761 наст. изд.

410. Г.О. МИНХ

25 мая 1949 г., село Астраханка Акмолинской области (Казахстан)

Здравствуйте, уважаемая Евдокия Пантелеевна!

Я не знаю, живы Вы или нет, но хочу, чтобы именно Вы получили это письмо, я надеюсь, что Вы живы или Ваши дети!

Дуняша, если Вы получите это письмо, то я Вас очень прошу написать мне несколько слов, я хочу знать о Вас все. И поэтому я Вас попрошу ответить мне, а причину этого письма я Вам опишу после, когда узнаю о Вас. Может быть, это письмо получит муж Дуняшки Михаил Кошевой, всё равно прошу ответить или хотя кто-нибудь из старых жителей вашего хутора Татарского (бывшего). Я пишу на старый адрес, взятый из книги «Тихий Дон», потому что нового не знаю, но оно должно дойти и по старому адресу.

Товарищи жители, кто будет читать это письмо, прошу его доставить или хоть ответить несколько слов

Минх Гертруде Оттовне.

25/V-1949 г.

(*Автограф. Архив семьи Шолохова*)

[1] Письмо героине романа «Тихий Дон» Дуняше Мелеховой.

411. Я.Г. БУХАРИНОВ

3 июня 1949 г., город Краснокамск Пермского края

Михаилу Шолохову — советскому писателю, лауреату Сталинской премии

Пишет Вам это письмо читатель Вашей книги «Поднятая целина» и, наверное, как и многие советские читатели, обращаюсь с вопросом. Почему нет продолжения этой книги?

Все-таки хочется знать. 1) Изменил ли свое отношение к колхозу Яков Лукич Островнов, или он так и остался под впечатлением идей бандита Половцева. 2) Вторичная цель приезда Полов-

цева в Гремячий Лог и ускользнул ли он от наказания. 3) Бегство из ссылки сына кулака Тимофея Рваного и удаются ли ему свои цели бандитизма, и особенно убийство героя романа Давыдова и т.д. и т.д.

Прошу Вас сообщить мне, если Вас не затруднит письмом, будет ли продолжение этого романа, а если нет, то по какой причине.

А сейчас прошу Вас извинить меня за мои вопросы, т.к. я точного ответа ни от кого не получил при моем обращении.

Я прочитал все Ваши четыре книги «Тихий Дон», и вот Вы как бы продолжаете свой рассказ «Тихого Дона» в книге «Поднятая целина». Разгром интервенции и белогвардейцев и все обрывается.

Все-таки хочется знать, что же дальше?

Пока до свиданья, с приветом к Вам советский читатель Бухаринов.

Мой адрес:

г. Краснокамск Молотовской области.

Спецсвязь.

Бухаринову Якову Григорьевичу.

3 июня 1949 года.

(*Автограф. ГМЗШ КП-9517/6. Л. 1*)

412. М.Л. ЗЕЛЕНЬКОВ

15 июня 1949 г., поселок Звездный Пермского края, воинская часть

15 июня 1949 года.

Станица Вешенская
Ростовской области.
Михаилу Александровичу Шолохову.

Уважаемый и горячо любимый Михаил Александрович, я к Вам обращаюсь с большой просьбой.

Партийная и комсомольская организации и личный состав части просят меня, как Вашего земляка, сделать им доклад на тему: «Жизнь и деятельность донского писателя М.А. Шолохова».

Я родился и жил большинство времени в станице Вешенской в семье крестьян и очень люблю свой родной Тихий Дон. Ваш роман «Тихий Дон» — «энциклопедию» донского казачества, я прочитал все четыре книги уже три раза.

Сколько я ни читаю, я все время нахожу в нем что-то новое, волнующее и родное, и без слез на глазах я не могу вспоминать свою родину, донские степи и луга, и излучину Дона против Базков[1].

Читал также Ваше произведение «Поднятая целина» и смотрел кинокартину, и Вашу брошюру «Они сражались за Родину» — все это мне кажется родное и близкое к сердцу.

Но, к сожалению, так как я молод, я не знаю Вашу биографию, только по рассказам моего отца Зеленькова Льва Дмитриевича, который Вас знал с детства и бывал у Вас лично несколько раз, я кое-что знаю.

В этом году, т.е. 18–20 апреля 1949 года, я был в отпуске в Вешенской и заходил к Вам, но Вас не было, Вы были на охоте, поэтому мне не удалось ничего узнать и увидеть Вас лично. Я только увидел Давыда Бабичева — «Давыдку-вальцовщика»[2] — и был очень рад.

Когда служил в оккупационных войсках Зап.-Сиб. ВО, Урал<ьского>ВО — везде и всюду меня просили рассказать про Вашу жизнь в прошлом и в настоящее время. Поэтому, если Вас не затруднит, я прошу от имени офицеров и солдат нашей части, чтобы Вы описали и как можно быстрее выслали мне Вашу автобиографию, как Вы писали роман «Тихий Дон», что Вы пишете сейчас и как добились такой славы и заслуги перед Родиной, Партией и Советским Правительством. Какие имеете награды[3] и т.д. и почему Вы живете в Вешенской, а не в Москве — всех интересует ... этот вопрос!

Желаю Вам наилучших успехов в Вашей работе и здоровья на долгие годы, на благо служения Любимой Родине и Советскому Правительству, которые воспитали такого верного большевика, писателя-лауреата, как Вы!

Офицер Зеленьков Михаил Львович.

Молотовская обл., лагерь Бершет[4].

Войсковая часть № 69706.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Речь идет о станице Базковской.

[2] «Давыдка-вальцовщик» — Давид Михайлович Бабичев, герой «Тихого Дона», рабочий в хуторе Татарском на мельнице у Мохова. Изображен в романе под своим именем. Житель станицы Каргинской. Работал на паровой мельнице в хуторе Плешакове.

[3] Награды М.А. Шолохова этого времени: Орден Ленина (указ президиума Верховного Совета СССР от 31 янв. 1939 г.), Сталинская премия первой степени за роман «Тихий Дон» (постановление СНК от 15 марта 1941 г.), орден Отечественной войны первой степени (постановление президиума Верховного Совета СССР от 23 сен. 1945 г.).

[4] Бершетский военный лагерь в Пермской области (в 1940–1957 гг. — Молотовской); здесь проходили общевойсковую подготовку солдаты Пермского гарнизона и других частей военного округа.

413. Н.А. ДУБЕНЦОВ и др.

15 июня 1949 г., Приморский край, воинская часть

Уважаемый Михаил Александрович!

Мы, воины-дальневосточники с увлечением прочитали Ваши произведения «Тихий Дон», «Поднятую целину» и отрывок из романа «Они сражались за Родину».

Ваши произведения очень понравились воинам нашего подразделения. Мы не можем выразить на бумаге этой благодарности, которую передаём Вам за Ваши правдивые произведения.

Вчера после упорного учебного дня в нашем подразделении состоялась беседа на тему «Советские писатели», где был зачитан отрывок из Вашего романа «Они сражались за Родину».

После беседы воины нашего подразделения поделились между собой мнениями о Вашем отрывке из романа.

В отрывке мы видим, как наши воины сражались с немецко-фашистскими захватчиками. Мы также видим в отрывке правдивую солдатскую жизнь и находчивость на фронте Великой Отечественной войны. В этом отрывке мы видим дух Сталинской эпохи. После этого у нас зародилась мысль прочитать весь роман «Они сражались за Родину».

И сегодня наша комсомольская организация решила написать Вам небольшое письмо и попросить Вас выслать нам Ваш новый роман «Они сражались за Родину».

Желаем Вам, Михаил Александрович, самых наилучших успехов в Вашей творческой работе и успешного окончания 2-й книги «Поднятой целины», которую мы тоже с нетерпением ожидаем.

С приветом к вам воины-дальневосточники.

Мы очень гордимся Вами, Михаил Александрович, и еще гордимся тем, что Вы являетесь нашим земляком.

Мы, воины Вооруженных Сил, находясь на рубежах нашей любимой Советской Родины, обязуемся совершенствовать свое боевое мастерство из опытов Великой Отечественной войны. Множить ряды отличников боевой и политической подготовки. Зорко охранять созидательный труд нашего советского народа и рубежи нашей родины, чтобы не посмели поджигатели новой войны протягивать свои звериные лапы.

От коллектива комсомольской организации
Дубенцов Н.А.
Семенов А.И.
Рощин Н.Ф.
Андреев Н.П.
Боровик И.Ф.

Чикуров П.И.
15.06.49г.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

414. В.М. НЕМЕРЕНКО

21 июля 1949 г., Владивосток, воинская часть

Михаил Александрович, здравствуйте!

С горячим матросским приветом 2-й статьи[1]– Немеренко. Простите за беспокойство, но мне очень хочется выяснить у Вас один вопрос, весьма меня интересующий. Я прочитал 4 книги «Тихого Дона», содержанием книг я очень доволен. Все время я следил за героем книг, Григорием Мелеховым, своими действиями он то приводил меня в восторг, то вызывал негодование. В конце концов я думал, что он поймет свою ошибку и станет настоящим борцом за дело революции или же, в противном случае, должен оказаться отъявленным белогвардейцем. Но, к моему великому сожалению, в книге не показана дальнейшая его участь. Я много прочитал книг, надеясь внезапно напасть на след героя, но и здесь я потерпел неудачу. У него не осталось никого, кроме сына. В конце концов должен же он подумать о своей судьбе и судьбе своего ребенка. Он был не из отсталых, а поэтому должен был найти путь себе в будущее. В конце концов, им могли бы заинтересоваться Органы госбезопасности. Будучи на фронте, нам комиссар говорил, что в лице Григория вы изобразили сами себя, но мне кажется, что это невозможно. Пусть фамилия была другая, но почему же называется ст. Мелеховская? Я вошел в заблуждение, очень прошу Вас сообщить дальнейшую судьбу Григория.

Вот вся моя просьба.

С приветом к Вам <матрос>II ст.

Василий Максимович Немеренко.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Матрос 2-й статьи — разряд низшего класса рядового состава ВМФ; адрес на конверте: «Владивосток — 5, воинская часть 69229».

415. ДАРЕНКО

23 июля 1949 г., Волгоград

Уважаемый тов. Шолохов!

Вам пишет одна из поклонниц Вашего Слова.

Но я к Вам с претензией. Где же вторая книга Вашей «Поднятой целины»? И будет ли она Вами создана?

Ведь Вы остановились на самом интересном месте, на самом распутье и дальше молчите, да столько молчите, что даже не стало больше терпенья ждать. Если мы больше ничего не дождёмся, то лучше бы Вы ее не начинали. Вы не представляете, какое разочарование, какое огорчение причинили читателям Вы этим!

Прошу Вас, не сочтите за труд и сообщите по этому наболевшему вопросу.

С приветом

Даренко.

г. Сталинград, Клинская, 64, кв. 2.

(*Авторизованная машинопись. Архив семьи Шолоховых*)

416. П.И. НЕМЧИНОВ

23 июля 1949 г., поселок Красный Лес Краснодарского края

Писателю Михаилу Шолохову.

Уважаемый товарищ Шолохов!

Люблю я Ваши произведения, и любит весь наш советский народ. С большим интересом их читают и за границей. Я думаю, что Ваши произведения прочитаны все, за исключением последних.

Понравились мне «Тихий Дон», «Поднятая целина», но в своем письме Вам я хочу узнать от Вас, но и не только я, да и много читателей. Это относительно продолжения книги «Поднятая целина». На взгляд читателя она не закончена, да и написано там «Конец первой книги». Вот и хочется мне узнать, будет ли вторая такая книга, которую мы, читатели, ждем с большим нетерпением.

Будьте настолько добры и напишите мне хоть пару слов в письме. Вот что я хотел от Вас. Извините меня за беспокойство или, может быть, за неуместную нескромность писать Вам подобные вещи. Много нас, а Вы один. Но все-таки от Вас буду ждать хоть пару слов письмо.

С товарищеским приветом,

Вас уважающий читатель Немчинов.

23.7.49 г.

Мой адрес: Краснодарский край,
Ивановский район,
Красный Лес.
Немчинову Павлу Ильичу.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

417. Н.Н. ЩЕКИНА

3 августа 1949 — 6 февраля 1950 г., Москва

Москва.
3-го августа 49 г.

Дорогой Михаил Александрович, прочитала сейчас выдержки из Вашего романа «Они сражались за Родину» («Правда» за 28, 29, 30 июля)[1] и должна Вам сказать: только Вы — истинный талант из современных писателей. Если бы Вы видели, как хохотала я, сидя одна, над Вашим Стрельцовым, залезшим к старухе на печку... правда, это был видимый смех сквозь невидимые слезы... Ваши персонажи — настоящие живые люди как и Толстого и Чехова, а не умело и не интересно сфотографированные. Читала «Березу», «Повесть о настоящем человеке», «Молодую гвардию», «Лето» — Федина[2]. Но это все не то. Множество действующих лиц, засоряющих наш прелестный русский язык, неслыханных словечек, которыми, по видимому хотят козырнуть. Это не фоль-клер Вашего «Тихого Дона», которым говорит казачество — близкое моему сердцу.

Я — донская казачка — пенсионерка. Мне 76 лет. В Вашей Вешенской станице был священником — муж моей тетки — Михаил Мартынов, а потом, я думаю, мой двоюродный брат Виссарион. Бабушка моя — Юганова — одевалась в кубелек и колпак[3] — национальный костюм казачки. Недавно прочитала я «Порт Артур» Степанова[4]. Его Варя — живая, настоящая. В ней я узнала себя. Я тоже создала, воспитала своего мужа и прожила с ним 50 лет. Напишите, дорогой Михаил Александрович, целый роман о такой женщине, как Варя, вообще о русской женщине и особливо о казачке. Я очень высоко ставлю русскую женщину. Умудренная опытом жизни, много наблюдавшая, бывавшая за границей, я пришла к выводу: нет сильней, нет содержательнее русской женщины. Я пишу сейчас записки о русской женщине, о своей жизни, руководясь единственно мыслью: и в капле воды отражается солнце. Сохранилась также у меня переписка с моим будущим мужем. Переписка — искренняя, правдивая. С ея страниц смотрит сильная любящая девушка которой пришлось завое-

вывать жизнь, много страдать, чтобы получить свою долю на жизненном пиру.

Записки я, конечно, не закончу. 15-го февраля мне должно исполниться 77 лет. Как видите, времени осталось мало, от смерти не уйдешь, а я все еще мечтаю побывать на своем, дорогом моему сердцу Дону. Интереса к жизни у меня еще непочатый угол — читаю, слушаю радио, играю в винт и преферанс, не считая, конечно, уборки комнаты, стирки белья, приготовления пищи.

Живу я в Москве в отдельной маленькой квартирке, оставленной мне моим умершим мужем, с дочерью-вдовой и внуком-студентом.

Письмо это я начала писать еще летом, но не решалась переслать.

Боюсь, что Вы пройдете мимо и <не> окажете ему внимание, а это будет очень, очень больно моему старому сердцу, тем более, что я Вас люблю и как писателя и как человека, кот. не знаю, и о котором только догадываюсь, следя, по возможности, за всем, что касается Вас.

У меня висит Ваш портрет, кот. мне подарил внук, но на нем Вы молодой, а теперь, по-моему расчету, Вам 45 лет. Конечно, это не старость, а расцвет, лучший возраст в жизни. Пришлите мне Ваш теперешний портрет с надписью и напишите хоть несколько строчек.

Если хотите, я оставлю Вам свои записки и переписку. Может, Вам пригодятся, как психология женской души!

Когда будете в Москве, позвоните по телефону Д-3-26-75. Это личный телефон моего покойного мужа — Вас. Вас. Щекина, а я Надежда Ник. Щекина.

Да хранит вас Христос!

Живите и работайте на благо русского народа.

30 января 1950 г.

Ваша Н. Щекина.

Ради Бога, не сочтите меня навязчивой авантюристкой, как много мне хочется сказать о Вашем «Тихом Доне», кот. я ставлю неизменно высоко.

6 февраля.

Письмо все еще не послала.

Хоть и называет меня внук: «редкое ископаемое», а внучка: «герой», но...

Герой трусит...

Не хочется получить о-фронт[5] от человека, которого ставлю высоко, в которого верю и который может подумать: «ну что мне писать этой старушенции, когда нет времени».

Ну да ладно (хорошее слово) никому ничего не скажу а письмо все-таки пошлю.

Мой адрес: Москва, 55, Тихвинский переул., д. № 11, кв. № 8.

Н. Щекина.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Новые главы романа «Они сражались за Родину» — «Главы из готовящейся к печати первой книги романа» — печатаются в 1949 г. в газетах «Правда» (28–30 июля; 1 авг.) и «Сталинградская правда» (29–31 июля.; 2 авг.; см.: *Биобиблиографический указатель*. С. 82).

[2] Называются современные романы: «Белая Береза» (1947) М. Бубеннова, «Повесть о настоящем человеке» (1946) Б. Полевого, «Молодая гвардия» (1945) А. Фадеева, «Необыкновенное лето» (1948) К. Федина.

[3] Элементы одежды донской казачки. *Колпак* — «длинный тканый узорчатый мешочек с кисточкой на конце. Колпак натягивали на собранные в косу или куль волосы и часть головы. Постепенно колпак вышел из моды, и его заменила шлычка — небольшая шапочка с круглым верхом, которую надевали на узел волос. Однако по привычке в хуторах Вёшенского юрта шлычку зачастую называли колпаком...» Колпак был популярен у донских казачек в XIX — начале XX в. (Одежда казаков Верхнего Дона конца XIX — начала XX веков. Каталог. Ростов-н/Д., 2010. С. 43). *Кубилёк* (Кубелёк) — «женская горничная одежда. Представляет собой платье в талию с узким лифом, застегивавшимся на множество мелких серебряных с жемчугом пуговиц, и широкой юбкой, два передних полотнища которой не сшивали. Ворот был круглым или овальным, рукава — длинными прямыми, с мелкими складочками у плеча. Кубилек подпоясывали серебряным или шитым жемчугом поясом с пряжкой и носили с длинной белой рубахой из тонкой ткани, рукава которой выпускали из-под рукавов платья. Кубилек — одежда, получившая распространение только среди казачек нижнего и среднего Дона. Она мало напоминает традиционный русский костюм и по крою, и по манере ношения более похожа на одежду женщин Северного Кавказа» (Русский традиционный быт. Энциклопедический словарь. СПб., 2003. С. 546.)

[4] См. примеч. к п. 387.

[5] Правильно: афронт (от нем. «afront»), обида, бесчестье.

418. Ф. МЕРНОВ

10 августа 1949 г., Баку (Азербайджан), воинская часть

10 августа 1949 г.

Прошу извинить за беспокойство!

Сегодня безоблачный день: ярко светит солнце, укрывшись в тени, я читаю отрывки из Вашего романа «Они сражались за Родину», восхищаясь его простотой и ясностью, болею за каждую нотку, за каждое похождение ваших героев. Да, как красочно, с какой реальностью и прозорливостью Вы смогли отобразить их в своем романе. Вы смогли, как на ладони, показать длительность и действие человека там, на поле боя, где человек вследствие раз-

нообразия видений, будучи юношей, буквально через короткое время становится мужем. Вы смогли сопоставить жизненные потребности человека с той его обязанностью, которая возлагалась на него в то время. Вы смогли вместе с опасностью, угрожающей жизни, отобразить человеческое стремление — жить! Жить — бороться.

О! Да! Ведь в доходчивой форме передать это читателю составляет большую трудность, может быть оно Вам незаметно — это за Вашим умственным стремлением, за Вашим острым чувством к каждому движению, окружающих Вас видений.

И вот я вижу над обрывом, вдали виднеется большая земля, а перед глазами раскинулось море. И думаю, где-то там, в Вешенской, живет мой земляк, среднего роста, с веселым пронзительным взглядом, такой же простой, как и все, но невольно хочется сказать, читая роман, не простой, а загадочный.

Ваш земляк, но годами Ваш сын, 1926 года рождения.

Федор Мернов.

Адрес: Баку-4 в/с 74909 «е».

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

419. И.А. МЫШАЧКОВ

25 октября 1949 г., город Новоаннинский Волгоградской области

Михаилу Шолохову.

Я в своем письме хочу сердечно отблагодарить и от всего сердца Вас: за Ваши идеи, за Ваш кропотливый труд, который Вы посвятили всю цель для человечества <sic!>. Ваши произведения подымают дух человека, заставляют подумать о прошлой его деятельности, подумать о будущем и предупредить себя на дальнейшее. Ваши произведения, которые в библиотеках никогда не лежат, а переходят из рук в руки. Когда я стал читать Ваши произведения, я забывал кушать и спать, перечитывая Ваши произведения, я совсем переродился, мне казалось, что жизнь на земле опоясана какой-то неизъяснимостью. Я стал приглядываться вкруг различных людей, и мне казалось неприятно и обидно, потому что одни хотят хорошо жить за счет других, отбирая у последних то, чем они живут и дышат. На почве чего и можно различить человека на высших и низших <sic!>. Человека, властвующего над человеком, может быть. Я еще недопонимаю справедливой сущности, что является насущным в нашей жизни.

Я перечитываю Ваши произведения <и> уже в третий раз «Тихий Дон», «Поднятую целину» и другие. Читаю Ваши статьи в газетах, в книгах. Я нахожу все новое и новое.

Мне хотелось бы собрать библиотеку Ваших произведений, но все не могу собрать, но все равно я их нахожу и прочитываю с жадностью. Читая их, я забываю все то, что угрызняет <sic!> меня. Прислушиваясь и приглядываясь к жизни окружающих, внушая себе то, что я не один такой, — нас большинство. Я открываю свою душу Вам потому, что только Вы сможете понять человеческое стремление, его горе и радость, его притязание к жизни. Если умножить и перемножить все человеческое достоинство, то много можно найти непонятного и неясного. Только Ваш светлый ум может правильно уяснить все жизненное человека, в нем и на нем и предугадать будущее.

Я работаю в качестве электромонтера на маленькой ж.-д. станции, заработок мой исчисляется тем, что зарабатываю на пять человек семьи, на хлеб, и рад этому, что мои дети воспитываются на ржаном хлебе, но живут в такой век, что все дороги ведут к счастливой радостной жизни.

Спасибо Вам за то, что Вы избрали себе возвышенный долг и Ваш труд воплощен жизненными идеями человечества, дает нам здравый смысл и направляет на справедливый жизненный путь.

Спасибо Вам, наш учитель и друг, за Вашу откровенность в Ваших трудах.

Я хотел Вам описать краткую свою биографию, но не считаю нужным, потому что нас, Ваших читателей, очень много, и если напишем все по письму, то придется Вам только отрывать себя к нашим письмам. И решил отблагодарить Вас и пожелать Вам успехов в Вашем дальнейшем будущем.

Станция «Филоново» Сталинградской ж. д., ул. Советская, 28.

Мышачков Иван Алексеевич.

25 октября 1949 г.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

420. А.А. САМОХИН

20 января 1950 г., б. м., воинская часть

Здравствуйте, товарищ Шолохов.

Вы извините меня, что я оторву Ваше внимание на мое коротенькое письмецо. Вам, очевидно, как автору книги «Тихий Дон», не впервые приходится получать письмо от читателей с запросом о судьбе дальнейшей героя романа Григория Мелехова. Еще

в школе, в городе Морозовске, я прочел Вашу книгу. В то время я мало был заинтересован книгами, а потому я не удосужился узнать судьбу Григория Мелехова. Но, вот, находясь на чужбине, вдали от любимой Родины, я все свое свободное время <посвятил> чтению художественной литературы. Прочитав немало книг, меня заинтересовало вторично прочесть «Тихий Дон», и вот я ее сегодня прочел. Книга произвела на меня хорошее впечатление. Из всех прочитанных мною книг скажу Вам, товарищ Шолохов, что книга «Тихий Дон» — самая интересная из всех прочитанных мною книг. Только закончилась она не так, как мне хотелось. Ведь судьба героя романа Григория обрывается на самом интересном месте. В беседе с товарищами по вашей книге мне было подсказано, что сын Григория, Мишатка, в годы Отечественной войны воевал с немцами, за что награжден несколькими орденами. Даже товарищи мне говорили, что он был в «Огоньке» после войны сфотографирован. Что можете про сына написать, прошу подробно описать о нем. А больше всего меня интересует Григорий, жив ли он или нет. На этом я заканчиваю. Прошу извинение за беспокойство. Примите от меня, а также от моих сослуживцев-гвардейцев наилучшие пожелания. В ожидании скорейшего выпуска вашей книги «Они сражались за Родину».

С приветом, Самохин.

Адрес: Полевая почта 04191-х. Самохину Анатолию Алексеевичу.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

421. А. ШЕВЛЯКОВ и др.

24 января 1950 г., село Верхний Мамон Воронежской области

Дорогая редакция![1]

Просим направить наше письмо писателю Шолохову М.А. Просим также посодействовать нам в получении ответа на него.

Ученики 10 класса В-Мамонской СШ №1.

Дорогой и многоуважаемый Михаил Александрович!

Во-первых, просим простить нас, что мы побеспокоим Вас своей просьбой и отнимем у Вас немного драгоценного времени, которое Вы бы могли использовать на Вашу работу.

Мы, учащиеся 10 класса В-Мамонской СШ №1, просим Вас ответить на наше письмо. Мы очень любим Ваши произведения, так как они воспитывают нас в духе преданности нашей социалистической Родине и зовут нас на трудовые подвиги. Разбирая

Ваш роман «Поднятая целина», мы заинтересовались продолжением этого романа и дальнейшей судьбой его главных героев. Мы просим Вас, Михаил Александрович, если можно, напишите, хотя бы очень коротко, о дальнейшей судьбе героев романа «Поднятая целина», т.е. о замыслах ненаписанной Вами второй книги романа. Еще раз просим простить нас за то, что мы Вас беспокоим, но мы так сжились с героями первой книги, и нам очень хотелось бы увидеть продолжение романа.

24 января 1950 года.

По поручению класса:

А. Шевляков,

И. Трубников,

К. Купоносова,

М. Шевлякова.

(*Авторизованная машинопись. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Письмо отправлено в Москву — в редакцию «Литературной газеты». В конверте находится письмо сотрудника отдела писем редакции «Литературной газеты» М. Белько от 11 февраля 1950 г.: «Многоуважаемый Михаил Александрович! По просьбе учащихся 10 класса В. Мамонской средней школы посылаем Вам их письмо и просим ответить им».

422. В. АЛЕКСАНДРОВ

16 февраля 1950 г., город Кропивницкий (*Украина*)

Дорогой Михаил Александрович!

От имени воинов я, как редактор военной газеты соединения[1], обращаюсь к Вам с большой просьбой: черкните нам несколько строк о своей работе над романом[2], пожелайте нашим воинам быть такими же мужественными, как Лопахин и др. Этим письмом, которое мы напечатаем в своей газете, Вы окажете большую услугу нашим политработникам в деле воспитания личного состава в духе преданности социалистической Родине.

Желаем Вам всего доброго в Вашей работе.

В. Александров.

P.S. Если Вы не забыли, я тот самый Александров, который в 1934 г. на торжественном собрании в г. Ростове-на-Дону от имени рабочих Лензавода[3], читал Вам приветственные стихи.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Письмо написано на бланке редакции ежедневной красноармейской газеты «Советский воин».

[2] Имеется в виду роман «Они сражались за Родину», работа над которым шла в несколько этапов: в 1942–1944 гг., 1949 и 1969 гг.

[3] Встреча М.А. Шолохова с рабочими-ударниками Лензавода и железнодорожного узла Ростова-на-Дону состоялась 6 октября 1934 г.; она проходила после окончания работы Первого съезда писателей. Из корреспонденции в ростовской газете «Большевистская смена»: «Вечером Лендворец был украшен огромнейшим транспарантом, протянутым через весь фронтон здания. Ярко горели слова: “Привет тов. Шолохову — ударнику советской литературы, инженеру человеческих душ”. Давно уже Лендворец не видел такого количества гостей. Один из крупнейших зрительных залов Ростова был переполнен» (см.: *Летопись*. С. 118–119).

423. С.И. ДУДЧЕНКО

5 марта 1950 г., деревня Вязовка Пронского района Рязанской области

5 марта 50 г.

с. Вязово

Уважаемый Михаил Александрович!

Недавно после многолетнего перерыва перечел Ваш роман «Тихий Дон». Он производит потрясающее впечатление, особенно первые три книги. Есть места, которые по силе своей изобразительности и художественному реализму стоят, по моему мнению, выше «Войны и мира» Л. Толстого.

Описание переправы через Дон казачьего населения и повстанческих сотен, одно это, может быть сюжетом для кисти художника подобного Репину или Верещагину.

Очень жаль, что в 4-й книге Вы скомкали конец романа и дали его в несоответствии со всем предыдущим сюжетом. Григорий Мелехов при всех своих недостатках все же заслуживает лучшего конца.

Одно есть, правда, объяснение, что Вы сделали это по не своей воле, по обстоятельствам от Вас, так сказать, не зависящим.

Вы сейчас работаете над большим полотном «Они сражались за Родину». Отрывки, отдельные главы от этого произведения я читал в «Правде».

Мне хотелось бы знать, будет ли освещена в этом произведении борьба донского казачества, которое, по-моему, тоже отлично и стойко сражались за Родину. Вам, как донскому казаку, непростительно будет упустить это.

В Вашей биографии мне непонятно одно место: там указано, что Вы родились в 1905 г. и принимали активное участие в Гражданской войне. Период Гражданской войны охватывает годы 1918–20 включительно, следовательно, Вы воевали уже в возрасте 13–15 лет. Это мне не совсем ясно. Или может быть год рождения Ваш указан неверно?

На все эти вопросы я хотел бы получить ответ.

С приветом Сергей Дудченко.

Мой адрес: п/отд. Вязово Лебедянского р-на Рязанской обл. Сергею Ивановичу Дудченко.

P.S. Если это письмо будет получено не лично тов. Шолоховым, прошу передать ему это письмо.

С. Дудченко.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

424. Н.Г. ПАВЛОВ

3 апреля 1950 г., Севастополь, воинская часть

Здравствуйте, Михаил Александрович!!!

Прочитав Вашу книгу «Тихий Дон», которая мне понравилась по содержанию, меня заинтересовал ряд вопросов, на которые я хочу получить от Вас ответ.

1). Что было впоследствии с Григорием Мелеховым?

2). Жив ли он в настоящий момент и под этим ли именем?

3). Жив ли его сын?

4). По каким источникам Вы писали эту книгу?

Вот на эти вопросы я прошу Вас дать мне ответ.

Еще меня интересует, будет ли 2 книга «Поднятая целина», и если будет, то когда?

Прошу ответить по адресу:

гор. Севастополь, в/ч 53187.

Павлову Николаю Г.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

425. С.Г. СЕРКОВ

18 апреля 1950 г., Волгоград

СТАНИЦА ВЕШЕНСКАЯ
ХУТОР ТАТАРСКИЙ
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ С/СОВЕТА

Мы, группа сотрудников одного подразделения гор. Сталинграда, коллективно прочитали роман Михаила Шолохова «Тихий Дон», нас всех интересует знать, кто-то остался в живых в данное время из племени МЕЛЕХОВЫХ, а главное — жив ли сын Григория — Михаил Григорьевич Мелехов (Мишатка). Если жив, то сообщите нам его прошлое и настоящее, участвовал ли он в войне 41–45 гг. Если Вам известно и не затруднит Вас, то сообщите о дальнейшей судьбе самого Григория Пантелеевича.

Просим Вас сообщите по адресу: Сталинград 20, Ореховая, 5. Серкову Ст. Г.

К сему: Серков.

(*Авторизованная машинопись. Архив семьи Шолоховых*)

426. Ю.К. ГОРНОСТАЕВ

23 мая 1950 г., Ленинград

23 мая 1950 г.

г. Ленинград.

Дорогой Михаил Александрович!

Разрешите приветствовать Вас в день Вашего сорокапятилетия и пожелать Вам творческих успехов и здоровья на многие, многие годы.

Мысль написать Вам письмо пришла давно (после прочтения «Тихого Дона» в году 1939–40), но я долго откладывал, так как чувствую, что вряд ли мне удастся выразить полностью те чувства, которые волнуют мою душу. Все-таки попытаюсь рассказать Вам об этом.

Я студент Ленинградского электротехнического института им. Ульянова (Ленина). Учусь на пятом курсе. Родился в Сталинградской области (ст. Себряково). Отец мой — донской казак, мать русская. С детства я воспитывался матерью (отца не было), в ее семье. Отношение к казачеству в этой семье было отрицательное, от непосредственного общения со своим родным народом я, будучи мальчиком, был изолирован. Но я с детства любил казаков, Дон, чувствовал себя казаком и в душе этим гордился.

Потом я читал Ваш «Тихий Дон», мне было лет пятнадцать тогда. Вы не представляете, какое сильное впечатление он оказал на меня. Судьбу героев Вашего романа я отождествлял с судьбой родных мне людей, и, наоборот, герои романа стали мне родными. Помню, раза два я плакал над страницами романа. Нет сомнения, что настоящая, осознанная любовь к Дону, казачеству, появилась во мне после прочтения Вашей книги.

Книга оказала, с другой стороны, может быть, отрицательное действие: я не мог после Вас читать других современных писателей, не мог читать приключенческие романы иностранных писателей-классиков.

Помню, после «Дона» я стал подбирать близкие по теме к нему книги «Девушка с хутора» (автора не помню), еще прочел, «Над Кубанью», не смог дочитать[1]. События в книге, безусловно, интересные, но писать не может.

Только Толстого, Куприна, Пушкина, Лермонтова и, конечно, «Поднятую целину» я мог читать после «Тихого Дона».

«Тихий Дон» подкупил меня еще своей правдивостью. Жизнью веяло от каждой его страницы.

В войну я слышал по радио Вашу «Науку ненависти». Это было грозное время, враг занял Россошь, Кантемировку и устремился в наши родные степи. В моей душе поднялась тогда уверенность, что в них-то враг и найдет могилу. Ваша «Наука ненависти» зажгла в моем сердце жгучую ненависть к врагу, которая не улеглась и поныне. На фронте я по обычаю носил с собой щепоть родной земли. Правда, не обошлось без курьеза.

После госпиталя (я был ранен под г. Славянском в Донбассе) я получил направление в запасную кавбригаду в г. Камышине. В Балашове был пересыльный пункт, где мы остановились на ночлег. Ночью всю команду обворовали: у кого деньги, у кого еще что-то, а у меня вырезали мешочек с землей. Представляю разочарование вора.

В конце войны был послан в Новочеркасское кавучилище, окончил его по 1-му разряду (оно находилось в г. Подольске Московской обл.)

Потом демобилизовался и поступил в институт. Очень жалею, что на Дону нет электровакуумных заводов. Мне бы хотелось вернуться и работать среди своего народа. Вот я мечтаю с Вами увидеться и поговорить. Дорогой Михаил Александрович, Вы нашли выход своей любви к народу — Вы воспели его в своих произведениях, Вы защитили его от необоснованных упреков, и народ любит Вас.

Я только хочу найти выход своей любви. Чтобы это было не просто плод размышлений и слов, а действительно быть полезным народу, которого так сильно люблю.

Жду с нетерпением выхода 1-ой книги «Они сражались за Родину».

С нетерпением ожидаю также лета, когда я вернусь на родину. Хочу попутешествовать по родным местам.

Вчера был на лекции в доме культуры. Лекция о Вашем творчестве. Лектор, какой-то Рабинович, по-моему, принадлежит к числу халтурщиков. Он Штокмана и Мохова причислил к казакам, и долго об этом рассказывал, тишина у него не донская, а донецкая. (Вместо «Дона» часто говорил «Кубань», вместо казаки́ каза́ки.) Я после лекции об этом ему сказал, он говорит:

— Вы, наверное, сами оттуда?

— Да, — говорю, — с Дона.

— Хорошо, спасибо, нужно по роману проверить, я учту Ваши замечания.

Извините, что я, может, слишком долго отнимаю Ваше время.

Еще раз желаю Вам успеха в работе и жизни.

С уважением к Вам

Ю. Горностаев.

г. Ленинград, Киреевский пр., № 67, общежитие Л.Э.Т.И., комн. № 25.

Горностаев Ю.К.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Названы «близкие по теме» — казачество в годы Гражданской войны (на Кубани) — произведения: повесть «Девушка с хутора» (1939) ростовского писателя П. Н. Яковлева (1883–1942) и роман в трех книгах «Над Кубанью» (1940) А.А. Первенцева (1905–1981).

427. Р. ОСТАПОВИЧ

1 июня 1950 г., город Либава (*Латвия*), *воинская часть*

01.06.50 г.

Здравствуйте, глубокоуважаемый т. Шолохов!!!

Примите мой чистосердечный матросский привет и массу наилучших пожеланий в Вашей жизни и благородном труде на благо Нашей Родины. Говорить о Вашей работе мне право не придется. Скажу одно, Ваши книги мне очень нравятся. «Тихий Дон» я прочел два раза. Меня заинтересовала судьба героя этого романа Григория Мелехова. С ребятами я не однажды разговаривал о дальнейшей судьбе его. Мои предположения таковы: Григория по его возвращению в хутор Татарский арестовывают и... Или ссылают, или расстреливают. Таков его конец, по-моему мнению, как предателя. У одних я встречаю поддержку, а у других наоборот. Их мнения таковы: Григорий остается жив, и продолжает жить в хуторе Татарском.

Т. Шолохов, извините меня, я знаю, что у Вас очень много работы, все же постарайтесь ответить на мой вопрос, буду Вам искренне благодарен.

К сему матрос <Подпись>.

Мой адрес:

ЛССР, г. Либава,

в/ч 62735.

Остапович Роман.

P.S. Разрешите еще раз пожелать Вам всего наилучшего в Вашей плодотворной работе, и многих лет жизни на благо Нашей Родины.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

428. М.В. МИХАЙЛОВ

8 июня 1950 г., село Никольское Оренбургской области

Дорогой тов. Шолохов!

Привет Вам от Михайлова с южного Урала, читателя Вашей замечательной книги «Тихий Дон». Я, читатель, горжусь, что в Советском Союзе есть такие талантливые писатели, как Вы, которые могут изложить на простом, понятном языке те черты и характеры героя повести, в частности, Вашей «Тихий Дон», Григория Мелехова, образ которого говорит за все казачество Дона в период Октябрьской революции и гражданской войны. Прочитав Вашу книгу, уже несколько раз, я очень разочарован и решил написать Вам, автору книги «Тихий Дон», это письмо, в котором хочу попросить Вас дать пояснение о дальнейшей жизни Героя Вашего Романа Мелехова, который потерял все, кроме своего сына, что роднило его еще с Землей[1]. Меня это очень интересует, что с ним стало в дальнейшем и чем окончилась его жизнь. Мне кажется, что Вы не откажете мне в моей просьбе и будете в дальнейшем поддерживать со мною связь по адресу:

Чкаловская область,

Екатериновский р-н, с. Никольское,

РО МГБ.

Михайлов Михаил Васильевич.

В этом я Вас попрошу, сообщите мне обязательно мою просьбу.

В последующем буду писать больше о своей жизни и т. д.

А пока до свидания.

С сердечным рукопожатием к Вам Михайлов.

Пишите, я жду по Выше Указанному адресу, и сообщите Ваш адрес.

8.VI.50 г.

(*Автограф. ГМЗШ КП-7968/51. Л. 1*)

[1] Переложение финальных строк романа «Тихий Дон»: «Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром».

429. В.М. КИРИЧЕНКО

18 июля 1950 г., Воронеж

Дорогой Михаил Александрович!

На курсах подготовки в вуз при разборе Вашего творчества среди демобилизованных воинов возник вопрос: «Над чем работает сейчас Шолохов?» Многие писатели, отвечая на письма своих читателей, делятся с ними своими творческими планами. Это дало мне право обратиться к Вам с этим письмом, просить Вас удовлетворить наше читательское любопытство.

Вы первый в нашей советской литературе «подняли целину» жизни казачества и показали нам неведомые до этого прекрасные картины и запоминающиеся образы из нее. Вас я сравниваю с Гоголем, но Вы стоите веком выше него. По смеху Вы Гоголь, по самобытности — Лев Толстой, но на самом деле Вы — Михаил Шолохов, талантливейший советский писатель, лучший продолжатель Горького в области прозы.

Желаю Вам новых творческих удач! Вместе с Вами и нашими дорогими соотечественниками порадуюсь я им.

С искренним приветом

Ваш читатель-почитатель

Кириченко.

18 июля 1950 г.

г. Воронеж, ул. Гродненская, 2 «а».

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

430. П.И. ГЛАГОЛЕВ

20 июля 1950 г., Волгоград

Уважаемый Михаил Александрович!

Извините нас за то, что мы осмелились оторвать у Вас несколько минут на наше письмо.

Михаил Александрович, может быть, Вы сочтете то, о чем мы пишем ниже, старым в наше время, но мы люди отнюдь не религиозные и нисколько не придаем этому вопросу религиозного значения, а пишем Вам об этом ради своей симпатии к Вам.

Нам доставит большую радость, если Вы не станете возражать против того, чтобы мы считали Вас крестным отцом нашей маленькой дочки Людмилы. Это наш первый ребенок. Ей недавно исполнилось три месяца. Она сфотографирована «матрешкой», и мы осмелились прислать Вам ее фотокарточку[1].

Ваша карточка есть у нас в серии открыток «Советские писатели».

Если среди Ваших важных дел Вы найдете свободную минутку, то напишите нам два слова по адресу: Сталинград, 2 п/о, Глаголеву Павлу Ивановичу.

Еще раз просим Вас, извините за беспокойство.

С приветом к Вам

Глаголевы Павел и Раиса.

20 июля 1950 г.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] К письму прилагается фотография с дарственной надписью: «Михаилу Александровичу! Наша “матрёшка” — Людмила. Сталинград. 20.VII. 50 г. Глаголевы».

431. В.П. КРАВЧЕНКО

25 сентября 1950 г., Москва

25 сентября 1950 года.
г. Москва.

Уважаемый Михаил Александрович, здравствуйте!

Вам пишет неизвестный студент, который с большим вниманием читает, перечитывает и изучает Ваши произведения. Я слежу за каждым движением Вашей творческой работы.

Сегодня читал в газете «Правда» Вашу статью «Не уйти палачам от суда народа»[1].

Она на меня оказала неизмеримое впечатление, и я отказываюсь держать себя, чтобы не написать Вам письмо и спросить у Вас: «Как Вам удалось достичь высоких результатов в своей творческой работе, как Вы писали первые рассказы из донской жизни, а особенно гениальное свое произведение “Тихий Дон”. Я преклоняюсь перед ним больше, чем перед произведением Толстого “Война и мир”».

Если можно, то напишите, какие у Вас творческие замыслы на сегодня.

Простите за беспокойство и, пожалуйста, не оставьте меня без ответа.

Желаю Вам от всего сердца, Михаил Александрович, доброго здоровья и дальнейших успехов в творческой работе.

Уважающий Вас Кравченко.

г. Москва, 55.

Кравченко Вас. Павл.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] 24 сентября 1950 г. в газете «Правда» печатается статья М.А. Шолохова «Не уйти палачам от суда народов!». Написание антивоенной статьи связано с началом Корейской войны (25 июня 1950 — 27 июля 1953). См. далее примеч. к п. 432.

432. Г. КРУГЛОВ

25 сентября 1950 г., Севастополь, воинская часть

Здравствуйте, тов. Шолохов!

Пишу Вам как старому знакомому. Я знаю Вас очень хорошо, да кто не знает Вас? Кто из нас не читал «Тихого Дона»! Еще будучи мальчиком, в тридцатых годах, я смотрел кинофильм «Тихий Дон»[1], кадры из которого до сих пор живы в моей памяти. Ну а позднее я прочел Ваши романы, первые рассказы. С тех пор я люблю Ваши произведения, люблю Вас, верю Вам, с нетерпением жду от Вас все новых и новых книг. Это письмо пишу под впечатлением Вашей статьи в «Правде» за 24 сентября сего года под заголовком «Не уйти палачам от суда»[2].

Статья Ваша меня взволновала. Как просто, но в то же время убедительно и сильно Вы умеете передавать то, что волнует всех нас! Ваш язык так доступен и мысль так ясна, что кажется, что я написал бы точно так, но в то же время я знаю, что никогда так не напишу. Я моряк, служу действительную по седьмому году, служу в Севастополе, который является и моим родным городом. В Севастополе живет и работает педагогом моя мать-старушка, 30 лет своей жизни отдавшая делу обучения и воспитания детей. Отец мой погиб у стен Севастополя, находясь в рядах его героических защитников. Брат мой прошел во время войны от Владикавказа до Вены, был трижды ранен, 5 раз награжден. Сестра моя осталась без мужа, который, будучи моряком, погиб в морской пучине. Сын ее, мой родной и любимый племянник, умный и смышлёный, бойкий и озорной, как все дети, находится сейчас на воспитании у бабушки, т.к. сестра заканчивает образование в Ленинградском институте. Брат тоже студент 4 курса Ленинградского университета, филологического факультета, отделения журналистики.

И даже я, находясь на службе, закончил с отличием Университет Марксизма-Ленинизма, получив благодарность командующего флотом, и являюсь студентом-заочником 4 курса юридического факультета Ленинградского государственного университета.

Я умышленно так подробно остановился на всех членах семьи и их делах потому, чтобы, во-первых, показать, чем занимаются сейчас мирные люди нашего народа и, во-вторых, сравнить пусть

даже краткую биографию (не говоря уже о подробном описании жизни-подвига любого простого советского человека) честного труженика с биографией, с позволения сказать, Гарри Трумэна[3]. Биография — это значит описание жизни. Можно ли назвать жизнь Трумэна жизнью в том смысле, какой мы, советские люди, придаем этому слову. Конечно, нет.

А значит, нечего и говорить о биографии Трумэна как о биографии. Мне бы стоило и не упоминать об этом слове, когда речь зашла о Трумэне.

И вот такая бездарная, больше того, подлая и гнусная личность может иметь значение для судьбы человечества в некоторой степени.

Судьба всего прекрасного человечества зависит от одного негодяя, вернее от такого негодяя, т.к. кроме него есть еще немало подлецов.

Человечеству угрожают «трумэны» и подобные ему!

Да может ли человечество это терпеть?!

С нами Сталин, с нами все трудящиеся[4], Трумэны будут сидеть на скамье подсудимых!

И судить их будем не только мы, юристы, но и все мы — все народы, в том числе, конечно, и американский. Моя тетя, сестра матери, живет в США, туда она уехала в 1924 году.

Она жила все время в русской деревне <*1 нрзб*>, в двух милях от Сакраменто. Там она была учительницей в русской школе. Я не знаю, жива ли она сейчас, но если жива, то непременно так же ненавидит войну, как и мы, как все простые люди, которым несет война горе. Я знаком с замечательным американским народом по книгам, через историю, по рассказам наших моряков, побывавших в Америке. Но олицетворением его для меня является тетка. Живя в США, она никогда не теряла связи с Родиной, Россией, пыталась вернуться в СССР, изучила СССР, пропагандировала в США наши достижения, верила в правоту нашего дела. Мне думается, что и весь американский народ так же относится к нам, как бы его ни обманывали, ни натравливали на нас. И Трумэну никогда не удастся сделать из американцев послушных и боеспособных солдат и погнать их на войну против других народов, особенно против советского народа. Событие в Корее — яркое тому свидетельство.

Я помню, как восторженно отзывалась тетка в своих письмах к матери (обе они преподают русский язык и литературу) о Вашем знаменитом «Тихом Доне», прогремевшем в свое время в Америке.

И я подумал, что если бы Ваш голос был услышан за океаном сейчас.

Это был бы огромный вклад в дело мира.

Миллионы людей, обманутых и ложно информированных, были бы благодарны Вам за правду и ясность.

А сейчас благодарны Вам мы — все, кто может Вас беспрепятственно читать за то правдивое и простое слово, которое Вы несёте нам.

Ваше слово — это грозное оружие в благородной борьбе народов за мир, и народы оценят это оружие. Народы благодарны тем, кто борется за мир, потому что они хотят мира, потому что они голосуют за мир.

Мать моя голосует за мир рукой, в которой она держит детские тетрадки и ласкает внука. Сестра — рукой, в которой она держит учебники, книги Ленина и Сталина, Пушкина и Толстого, Горького и Шолохова. Брат — рукой, в которой он держит перо, всегда готовое служить правде, справедливости, достижению счастья народного. Я голосую за мир рукой, которая лежит на орудии, готовом в любую секунду залить раскалённым металлом алчные пасти империалистов, стремящихся проглотить всё, что есть в жизни прекрасного, переварить это прекрасное в доллары. Их не остановят в стремлении развязать войну ни седины и горе наших матерей, ни слёзы и плач наших сестер, ни кровь наших детей.

Их могут остановить лишь наши орудия, наша решимость, наша смелость в борьбе за мир. Вот почему наши пушки всегда готовы к бою.

Заверяю Вас, товарищ Шолохов, что мы, моряки-черноморцы, будем и впредь бдительно защищать дело мира, а если потребуется вступить в бой, то не посрамим памяти наших отцов и славных традиций русских и советских моряков. Можете на нас положиться.

Будьте здоровы. Желаю успехов в работе. Желаю доброго здоровья вашей жене и детям.

С флотским приветом старшина 2-ой статьи Геннадий Круглов.

25.09.1950 г.

г. Севастополь, в/ч 95139.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] См. примеч. 2 к п. 108.

[2] Описка, правильно: «Не уйти палачам от суда народов!»

[3] Гарри Трумэн — 33-й президент США (1945 — 1953), с именем которого связаны начало холодной войны, бомбежка японских городов Хиросима и Нагасаки, корейская война и др. события. Шолохов упоминает Америку Трумэна в антивоенной статье «Свет и мрак» (Правда. 1949. 24, 31 мая), противопоставив миру и свету жизни народа, «на теле» которого «еще кровоточат раны, нанесенные вой-

ной», мрак, который несет военная «американская реакция» с «черными разбойничьими знаменами Уолл-стрита» (*Шолохов М.А.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 8. С. 292, 293). Центральной темой статьи «Не уйти палачам от суда народов!» является биография Трумэна как «поджигателя новой мировой войны», которой противопоставлена не только «миролюбивая внешняя политика Советского правительства», но и главным образом биография человека труда как советского, так и американского народа. К этой антитезе шолоховской статьи и обращается читатель в рассказе об истории своей семьи.

[4] См.: «К Сталину с любовью и верой протянуты отовсюду сотни миллионов трудовых рук, и сотни миллионов уст произносят:

— Родной вождь и учитель! Веди нас к светлой надежде мира, к коммунизму. Веди нас к новой исторической эре, в которой всюду не будет места гнусной эксплуатации человека человеком, ни разрушительных, обескровливающих исстрадавшееся человечество войн!» (*Шолохов М.* Не уйти палачам от суда народов! // Правда. 1950. 24 сент. С. 2–3. Этот фрагмент статьи, как и ряд других, в изданиях после 1956 г. опущен; см. об этом в коммент. В. Васильева // *Шолохов М.А.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 8. С. 364–365).

433. Н.В. ВЯЛИКОВ

30 октября 1950 г., Краснодар, воинская часть

Письмо 30 <октября> пущено лично Михаилу Александровичу Шолохову от Вашего донского земляка.

Я сейчашешнее (sic!) время нахожусь в рядах Красной Армии. Недавно забран, и дал клятву советской Родине отдать свой долг с честью и славой и возвратиться на свою родину.

Я забран Базковским райвоенкоматом[1] в кавалерийский полк. Там я повстречал Ваше сочинение — книгу «Они сражались за Родину». И как она составлена! Это надо подумать, как она сочинена, Михаил Александрович! Это я Вам посылаю письмо поэтому.

Михаил Александрович, у нашего командира полка есть все данные, что можно сочинить об нем. Он участвовал в боях, награжден очень большими наградами. Но он сам интересуется Вашим сложным сочинением книг. Михаил Александрович, и я ему, своему командиру полка, сказал, что да, это наш земляк, который живет на Тихом Дону. Ну, я и решил от имени солдата, Вашего земляка, и от своего командира полка написать Вам письмо. Он мне сказал, что пиши ему, то есть Вам, Михаил Александрович, хорошего здоровья, и еще пожить Вам 100 лет и составлять такие книги. А мы будем стоять своею грудью за свою Родину и за своего отца, который нас учит и дает нам в руки овладевать могучей техникой. Это товарищ Сталин — наш отец советского народа. Желаем ему пожить около 100 лет. А нам охранять советские

рубежи и стоять за Родину и за Сталина. От имени меня как от советского солдата я клянусь поддерживать слова товарища Сталина и Владимира Ильича Ленина.

Михаил Александрович, я остался без отца с 10 лет. Он ушел защищать свою Родину и отдал свою жизнь за Родину и за Сталина. Из нашей семьи погибло трое. Мой старший брат был забран в 1944 году. И пришел (он с 1926 года). А я пошел на смену и на защиту товарища Сталина.

Но писать я кончил. Желаю Вам хорошего здоровья от Вашего земляка, и извините, что я Вас беспокою своим солдатским письмом. Я прослужил в рядах Советской Армии 7 месяцев, но я имею от своего командования 6 благодарностей.

Прошу, дайте мне ответ на мое письмо.

[Подписи]

Личная моя роспись: Н. Вяликов. Николай Васильевич. А это другого моего земляка личная роспись: рядовой Авраменко.

Желаем Вам успехов, Михаил Александрович.

Мой адрес: город Краснодар, в/ч №53790-82упк.

Вяликову Николаю Васильевичу.

30–10–50 г.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Военкомат находился в станице Базковской, расположенной на правом берегу Дона, напротив станицы Вешенской.

434. Т.М. ТРЕСКИНА

10 ноября 1950 г., село Никольское Енотаевского района Астраханской области

Здравствуйте, Михаил Александрович!

Пишет Вам девушка из Астраханской области. Работаю я инспектором ЦСУ в Никольском райисполкоме. Окончила я статистический техникум в г. Ростове-на-Дону.

С самого начала своей учебы я очень любила русский язык, а потом литературу. Я всегда имела по сочинениям «4» и «5».

Когда немцы подходили к нам во время войны, я из библиотеки принесла на хранение очень много книг, в том числе и «Тихий Дон». Но прочесть я могла только через два года, так как мама сама прочла, а мне не дала, потому что я была тогда маленькая. Мне шел тогда одиннадцатый год. Когда я прочла, то мне она очень понравилась. Потом вышла книга «Они сражались за Родину». С Вашими книгами я не расстаюсь. Вы так красиво, правдиво и

замечательно пишете, что читать можно несколько раз одну и ту же книгу — не надоест.

Я сама из кубанской станицы Екатериновской[1]. О ней я хочу написать книгу. Я очень люблю кубанские степи, со станицами и хуторами. Где бы я ни была, всегда стремлюсь на Кубань. Будучи в Москве, я с еще большим желанием спешила домой. Мне хотелось приехать домой из Москвы, идти по полям и говорить им: «Родные поля, какая у нас столица! В столице той живет дорогой тов. Сталин, который думает о том, чтобы оградить Вас от засух и суховеев!».

Михаил Александрович, прошу Вас очень ответить на мое письмо, посоветовать мне, как быть.

с. Никольское.

10.XI.50 г.

Трескина.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] В 1961 г. станица Екатериновская была переименована в станицу Крыловскую.

435. Г. А. АНТИПИН

7 декабря 1950 г., Москва, воинская часть

Депутату Верховного Совета СССР[1]
М.А. Шолохову

Уважаемый Михаил Александрович!

Редакция газеты «Гвардейское знамя»[2] посвящает страницу новогоднего номера поздравлениям с наступающим новым годом воинам-гвардейцам от знатных людей страны. Работники редакции обратились к солдатам, сержантам и офицерам с вопросом, от кого из знатных людей страны они пожелали бы получить новогодние поздравления. Среди наиболее популярных имен в нашей стране было названо также Ваше имя.

Сообщаем Вам об этом и надеемся, что Вы удовлетворите пожелание воинов-гвардейцев столичной части, пришлете новогоднее поздравление и, хотя бы вкратце, расскажите о своих планах на новый, 1951 год.

Желаем Вам, дорогой Михаил Александрович, доброго здоровья и успехов в Вашей работе.

Ответственный редактор газеты
гвардии майор Г. Антипин.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] М.А. Шолохов был депутатом Верховного Совета СССР всех созывов, начиная с 1937 г.

[2] Ежедневная армейская газета; на штампе редакции газеты указаны дата письма и номер в/ч № 23626 Н.

436. Я. ПАЦКО

<1950 г.>, город Винница (*Украина*)

Уважаемый Михаил Александрович!

Сегодня я кончил читать Ваш роман «Тихий Дон».

Когда я читал Вашу книгу, меня наполняло чувство гордости за нашу социалистическую Родину.

«Тихий Дон» — замечательнейшая история борьбы и жизни донских казаков.

Я хотел бы увидеть сына Григория Мелехова, а также казаков с хутора Татарского на страницах романа, повествующего о строительстве Волго-Донского судоходного канала.

Жду с нетерпением выхода из печати Вашего романа «Они сражались за Родину». Очень прошу Вас написать мне о сроках выпуска романа. Желаю Вам творческой удачи в этой книги.

Ученик 13-ой железнодорожной школы ст. Винница, Винницкой ж.д.

Пацко Ярослав.

УССР, Винница, 9-го января, № 22.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

437. ГАВАЗОВА и др.

26 марта 1951 г., Ташкент (*Узбекистан*)

Дорогой Михаил Александрович!

Пишут Вам это письмо студентки III курса Ташкентского техникума советской торговли группы №15.

Дорогой т. Шолохов! С большим интересом мы изучали на уроке русской литературы Ваши произведения. Особенно долго мы останавливались на романе «Поднятая целина». Обсуждение романа вызвало много вопросов и большое желание написать Вам письмо.

Т. Шолохов, в одном из своих высказываний Вы сказали, что, когда Вами была окончена I часть «Поднятой целины», Вам показалось, что жизнь настолько ушла вперед, что роман уже не представляет большого интереса. Мы, Ваши читатели, от всего сердца

заверяем Вас, что Ваша книга и сейчас глубоко волнует нас, заставляет искренне уважать, а временами и восхищаться Давыдовым, сочувствовать и с глубокой симпатией относиться к Нагульнову, любить деда Щукаря, стремиться быть похожими на Ванюшку Найденова и ненавидеть Половцева и Якова Лукича Островнова.

Т. Шолохов, мы с нетерпением ждем II части романа и вообще очень жалеем, что Вы так медленно пишете свои произведения. Мы, конечно, понимаем, что это очень серьезный и большой труд, но ведь у нас все сейчас стремятся досрочно выполнить свои задания, и, может быть, наши замечания, не совсем тактичны, но они вызваны большой любовью к Вашим книгам и желанием поскорее встретиться с заинтересовавшими нас героями.

Одна наша студентка, Рындина Надежда, возмущается, почему так долго оставался неразоблаченным Яков Лукич. И, несмотря на то, что все ей объясняют, что в жизни часто так бывает, она по-прежнему просит передать Вам, что ждет с нетерпением скорейшего разоблачения Островнова.

Уважаемый Михаил Александрович, уделите нам немного времени и напишите письмо. Мы будем ждать его с нетерпением. В июле месяце мы заканчиваем техникум. Хотели бы Вам написать очень много о себе и Узбекистане, но не знаем, интересует ли это Вас. Просим Вас ответить, над чем Вы работаете сейчас? Когда можно надеяться прочитать Вашу книгу о Великой Отечественной войне, думаете ли Вы писать II часть «Поднятой целины»[2] (по-нашему, это очень нужно), что будет делать Давыдов, когда окончательно победит колхозный строй, жив ли сейчас дед Щукарь, вышел ли из Луши настоящий человек, при каких обстоятельствах был разоблачен Островнов и как он себя вел при этом, по-прежнему ли нетерпеливо дожидается Нагульнов Мировой революции и делает ошибки? Убедительно просим Вас ответить нам. Это будет для нас большой радостью.

Дорогой Михаил Александрович! Желаем Вам долгих лет плодотворной деятельности «на радость всем трудящимся, на страх врагам рабочего класса».

Наш адрес: Узбекская ССР, г. Ташкент, ул. Шота Руставели, 49. Техникум советской торговли, группа №15.

Гавазова, Арифджанова, Аганесова, Ушакова, Пешкова, Денисова, Подсевалова, Косеряева, Рындина, Хаимова <остальные 10 подписей *нрзб*>.

26 марта 1951 г.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Читатели своими словами пересказывают признание М. Шолохова 1934 г.,

которое часто цитировалось критиками: «Я писал “Поднятую целину” по горячим следам в 1930 году, когда еще были свежи воспоминания о событиях. И когда по свежим впечатлениям я стал писать “Поднятую целину” и написал до конца эту книгу, то я встал перед дилеммой, что в настоящий момент не это является основным, не это волнует читателя. Ты пишешь, как создавались колхозы, а встает вопрос о трудоднях, а после трудодней встает вопрос уже о фактах саботажа в 1932 году. События перерастают, перехлестывают людей» (Правда. 1934. 16 окт. С. 3).

[2] Первая публикация 1-й части 2-й книги романа «Поднятая целина» состоялась в журнале «Нева» (1950. № 1).

438. Ю.Г. БУРТИН

4 апреля 1951 г., Ленинград

Уважаемый Михаил Александрович!

Пишет Вам один из Ваших читателей. Моя фамилия Буртин, я студент Филологического факультета Ленинградского университета. Решиться написать Вам меня побудила такая причина.

Меня уже давно волнуют некоторые вопросы, возникшие в связи с Вашим романом «Тихий Дон». Это самое любимое мое произведение из всей советской литературы. Еще в школе я прочел его два раза, и у меня составилось о его идее, его героях и их действиях и т.д. определенное мнение, которое мне, как всегда бывает, казалось единственно правильным. Однако в 1948 году, учась в 10 классе, я столкнулся в учебнике по литературе[1] с трактовкой идеи романа и образа Григория Мелехова, которая была прямо противоположна моему представлению. Чтобы добиться истины, я стал читать критическую литературу, прочел монографии Лежнева и Гоффеншефера[2], а также несколько критических статей, но чем больше читал, чем больше думал, тем дальше расходился в мнениях с авторами этих монографий, статей, рецензий. Я много раз старался пересмотреть свою точку зрения, взглянуть на дело с другой стороны, чтобы преодолеть шаблонное направление мыслей и понять свою ошибку: очень уж единодушным, за немногими исключениями, было мнение критиков, а эти исключения, например, точка зрения Гоффеншефера, казались мне не менее абсурдными, чем общепринятое в критике решение вопроса. Поступив в университет, я услышал здесь, в лекциях по советской литературе, ту же в основном трактовку романа «Тихий Дон», трактовку Лежнева, Лукина, Кирпотина, Н. Жданова[3] и др. Тогда я решил серьезно заняться этим вопросом, чтобы или осознать свою ошибку, или доказать свою правоту. Прочел десятка полтора критических статей и довольно много всякой другой литературы, главным образом о казачестве и его специфике в быту,

экономике, морали, о политике царизма в отношении казачества, о пути его в революции и Гражданской войне и послереволюционной политике партии в отношении казачества, нашел, что писали по этим вопросам Ленин, Сталин, Калинин и Микоян, но чтение всех этих материалов не только не опровергло моих мыслей, но лишь укрепило во мне уверенность в моей правоте. Тем не менее, я решил обратиться к Вам, чтобы узнать Ваше мнение по тем вопросам, по которым я не могу согласиться с критикой. В самом деле, очень трудно ведь предположить, чтобы прав был я, всего-навсего восемнадцатилетний мальчишка, еще очень мало знающий, и неправы столько широко эрудированных людей, специалистов, мужей науки. Ведь очень возможно, что я, как человек неопытный в жизни и научной работе, неправильно обобщил собранные мною факты, сделал неверные выводы из высказываний классиков марксизма и партийных документов, в конце концов, просто плохо разобрался в содержании романа. Помочь мне можете только Вы. Поэтому я очень прошу Вас ответить на мои вопросы, если время Вам позволит.

Вопросов три.

1. Согласны ли Вы с такой трактовкой образа Григория Мелехова, принятой, насколько я знаю, в критике: Григорий Мелехов — индивидуалист, человек, оторвавшийся от народа вообще, и трудового казачества в частности, и гибнущий в результате этого отрыва?

2. Какого Вы мнения о конфликте Григория Мелехова и Мишки Кошевого в последней части романа? Согласны ли Вы с трактовкой этого конфликта и вообще конца романа критикой (Григорий Мелехов, участвовавший в контрреволюционном казачьем мятеже, должен нести за это строгую ответственность; Мишка Кошевой поступил правильно, вел себя в отношении Григория так, как и должен был вести себя коммунист, ленинец, строгий и в то же время осмотрительный и умный проводник партийной политики; уход Григория в банду Фомина — лучшее свидетельство его отрыва от народа и своего класса)?

3. Согласны ли Вы с вытекающим отсюда определением идеи романа в виде формулы: кто в обстановке жестокой классовой борьбы колеблется между двумя враждующими лагерями, кто противопоставляет себя народу и выдвигает на первый план свои маленькие эгоистические интересы, тот неминуемо бывает бит историей, неминуемо разлагается как личность и гибнет[4]?

Таковы основные вопросы, по которым мне крайне необходимо знать Ваше мнение. Что касается сложившейся у меня

точки зрения на решение всех этих вопросов, то излагать ее в этом письме, мне кажется, не имеет смысла. Вы, я думаю, и без этого досыта начитались плохих критических статей о своем романе. Однако, если Вы захотите ответить и если, паче чаяния, Ваши ответы подтвердят мои соображения, я с большим удовольствием изложу ее Вам в следующем письме вместе со своей аргументацией.

С комсомольским приветом
Юрий Буртин.
4. 4. 51 г.

(*Автограф. ГМЗШ КП-8280/72. Л. 1–4*)

Буртин Юрий Григорьевич (1932–2000) — литературный критик, публицист, историк, автор и сотрудник «Нового мира» с 1959 г., когда главным редактором журнала вновь был назначен А.Т. Твардовский. Участвовал в подготовке тома «Литературного наследства», посвященного поэме А. Твардовского «Василий Теркин» (см.: Стихи читателей о «Василии Теркине» / предисловие и публикация Ю. Буртина // Литературное наследство. Т. 78. Кн. 1. М., 1965). Твардовский ценил эту публикацию Буртина (см.: *Твардовский А*. Новомирский дневник: в 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 483).

Выпускник Ленинградского университета им. А.А Жданова. Научным руководителем курсовой, а затем дипломной работы (о поэме Твардовского «Страна Муравия») Буртина был известный критик А. Дементьев, а одним из защитников студента 2 курса Ю. Буртина, подготовившего крамольный научный доклад о «Тихом Доне», — будущий прозаик Ф. Абрамов (в 1951 г. защитил кандидатскую диссертацию по «Поднятой целине» М. Шолохова).

Буртин встречался в те годы с Шолоховым. В своих воспоминаниях он рассказал о той поре, когда он занимался научной работой в университете и писал дипломное сочинение:

«Собственно альтернативой для меня тогда была только такая: Шолохов (“Тихий Дон”) или Твардовский. Оба эти имени были в моем читательском сознании примерно равнозначными и как бы родственными. Если можно так выразиться, автор “Тихого Дона” был для меня Твардовским в прозе, автор “Василия Теркина” — Шолоховым в поэзии. Да и в литературной жизни их пути в тот момент сошлись: Твардовский с 1950 года являлся главным редактором “Нового мира”, Шолохов же был членом редколлегии журнала и в тот период, видимо принимал некоторое участие в его работе. В разговоре со мной, коснувшись (не помню уже, в какой связи) сложности человеческой натуры и сюрпризов, которые она подчас преподносит, он подробно и весьма ярко пересказал мне эпизод из печатавшихся тогда в “Новом мире” записок народного судьи В. Шалагинова. Помню также, в передаче А.Г. Дементьева, ответ Шолохова на запрос Твардовского относительно романа К. Симонова “Товарищи по оружию”, недвусмысленно указывающий на легковесность симоновской прозы: “Печатай, Саша. Легко писалось, легко и читаться будет”. <...> То, что в дальнейшем мои учителя пошли не только неодинаковыми дорогами, но и в различных, чуть ли не в противоположных направлениях, вследствие чего в 60-е годы оказались по разным сторонам политической баррикады, не отменяло того факта, что в начале 50-х они (как, собственно, и вся окружающая жизнь), сами того не подозревая, сыграли важную роль в отпадении одного молодого человека от господствующей системы понятий и ценностей, кото-

рую и сами тогда еще во многом разделяли» (*Буртин Ю.* Исповедь шестидесятника. В школе Твардовского // Дружба народов. 2001. № 2. С. 138–139).

[1] В 1947 по 1957 г. школьники 10 класса учились по учебнику Л.И. Тимофеева «Современная литература. Учебное пособие для 10 класса средней школы» (М.: Учпедгиз, 1947, 1948); с 1949 г. этот же учебник издавался под другим заглавием — «Русская советская литература: учебное пособие для 10 класса средней школы». Центральное место в главе, посвященной творчеству М. Шолохова («Творчество М.А. Шолохова», с. 272–284), занимал роман «Поднятая целина». В главе о «Тихом Доне», популярно излагались основные идеи современной критики (см. ниже), но главный акцент сделан на заключенном в образе Григория Мелехова воспитательном значении пути героя и его судьбы: «Судьба его глубоко поучительна. В нем Шолохов показал трагический путь человека, оторвавшегося от народа и поэтому загубившего свою жизнь, не проявившего способностей, которыми он был одарен. <...>Но ошибки его, действительно, тягчайшие. Он, человек, вышедший из народа, испытавший на себе всю тяжесть угнетения, знающий радость созидающего, оплодотворяющего труда, в течение всей революции самыми глубинными своими мыслями родной и близкий большевикам, воплощающим волю народа, — он оказывается в рядах врагов народа. На его руках — кровь народных бойцов. <...> Вот эта оторванность от родного народа и погубила Григория. <...> Ни на минуту не веря в успех, он вступает в одну из последних банд, бродящих по степи, потом бросает оружие и приходит в родную станицу. Но это не возвращение к новой жизни, это приход обессилившего человека, который должен получить суровую кару за свои грехи — за свою борьбу против народа, против родины. Так бесславно заканчивается жизнь Григория. <...> Судьба Григория заставляет понять, что человек, оторвавшийся от народа, обречен на гибель, на полное духовное опустошение» (*Тимофеев Л.И.* Русская советская литература. Учебное пособие для 10 класса средней школы. М., 1949. С. 273–275).

[2] Названы монографии двух критиков, вышедшие к 1950 г.: *Гоффеншефер В.Ц.* Михаил Шолохов: Критический очерк. М.: Гослитиздат, 1940. 200 с.; *Лежнев И.Г.* Михаил Шолохов: Критико-биографический очерк. М.: Гослитиздат, 1941. 80 с.; Михаил Шолохов. М.: Советский писатель, 1948. 519 с.

[3] К 1950 г. опубликован сборник литературно-критических статей о творчестве Шолохова «Михаил Шолохов» (Ростов н/д, 1940); в журналах ежегодно с 1930 г. печатались статьи критиков и литературоведов о «Тихом Доне», см. среди названных авторов, кроме авторов монографий: *Лукин Ю.* О творческом пути Михаила Шолохова // Знамя. 1948. № 9. С. 68–82; *Кирпотин В.* «Тихий Дон» М. Шолохова // Красная новь. 1941. № 1. С. 173–200, № 3. С. 182–198; *Жданов Н.* Последняя книга «Тихого Дона» // Литературный современник, 1940. № 7. С. 159–163; *Щербина В.* «Тихий Дон» М. Шолохова // Новый мир. 1941. № 4. С. 197–214; *Левин Л.* Из темы о «Тихом Доне» // Литературный современник. 1941. № 5. С. 114–144 и др.

[4] Буртин резюмирует две основные концепции пути Григория Мелехова и причины трагедии героя, сложившиеся в критике уже в год публикации последней книги «Тихого Дона»: исторического заблуждения и отщепенства героя (о дискуссии 1940 г. см. в статье «Читатель М.А. Шолохова: контексты темы» наст. изд., с. 757–761). Роман «Тихий Дон» упоминается в статьях 1947 г., посвященных 30-летию Октября и осмыслению проблематики творческой истории советской литературы (см.: *Дроздов А.* Правда истории. М. Шолохов. «Тихий Дон» // *ЛГ.* 1947. 26 июля. С. 3; *Асеев Н.* Неповторимые черты советской литературы // Там же. 8 окт. С. 2 и др.). В статье Дроздова, подчеркнувшего, что «Тихий Дон»

возвышается над всеми книгами советской литературы о Гражданской войне «бесстрашием шолоховского реализма» и является «творческим подвигом» Шолохова, отмечалось, что «более сложного, чем Григорий Мелехов, более сильного и верного во всех своих противоречиях образа советская литература не знает», что «как герой противоречий, Мелехов типичен для своего времени, для своих условий, для своей среды», поэтому «падение Григория, будучи жизненно обусловлено, говорит о торжестве человеческого величия, к которому он стремился и которое прошло стороной, потому что Григорий стал враждебен народу». Суть исторического заблуждения Мелехова состоит в том, что герою, наделенному «талантом жизни», «не хватило понимания движения истории». Юбилею революции посвящена большая статья И. Лежнева «Из темы о Шолохове (К тридцатилетию советской литературы)», в которой прослеживается путь Мелехова в свете ленинского понимания сущности «реакционной традиции сословности» и принятого в исторической науке объяснения Вёшенского восстания «демагогическими», ложными «кронштадтскими лозунгами»; историческим заблуждением — «классовым двоедушием» героя» определяется формула пути героя, природа его «блужданий»: «Если б надо было коротко определить идейную суть и судьбу мелеховского “правдоискательства”, я бы сказал так: это — повесть о слуге контрреволюционной буржуазии, искренне считавшем себя слугою народа (казачье сословие чудилось ему целым народом, особым и избранным); это– повесть о классовом двоедушии пленника реакционной традиции, об его иллюзиях и крахе этих иллюзий в гражданской войне. Трагедия Мелехова — именно крушение иллюзий»; «Конец эпопеи — одновременное завершение и исторического, и художественного цикла. Тут — рубеж. Дальше начинается уже советское казачество, ходом революции приведенное к колхозному строю. На смену Григорию Мелехову идет Кондрат Майданников, на смену “Тихому Дону”– “Поднятая целина”» (Звезда. 1947. № 10. С. 190–191, 194, 196).

Концепция «отщепенства» Мелехова была подтверждена на обсуждении книги Лежнева 1948 г., которое состоялось на заседании секретариата Союза писателей. Взгляд Лежнева на героя романа был признан ошибочным, говорилось, что критик концепцией «двоедушия» Мелехова совершил политическую ошибку, «абстрагировал образ Мелехова от конкретного социального содержания»: «Известно, что в образе Григория Мелехова отражены колебания середняка, усложненные сословными предрассудками казачества того времени. Суровый и справедливый приговор Григорию Мелехову Шолохов выносит за то, что он не сумел найти правильного выхода из этих противоречий и в конечном итоге оказался в лагере контрреволюции, стал отщепенцем народа» (Обсуждение книги И. Лежнева «Михаил Шолохов» // *ЛГ*. 1949. 25 июня. С. 4).

439. Ю. НИСКОВСКИХ

23 декабря 1951 г., Екатеринбург

Дорогой Михаил Александрович!

У меня к Вам горячая просьба. Недавно в Ростове вышла Ваша книга публицистики[1], но у нас в Свердловске ее нет совсем ни в продаже, ни в библиотеках. А мне так необходимо слышать Ваше слово! Я не пытаюсь изливать перед Вами свою любовь: она слишком мала по сравнению с народной любовью. Знаю, что народ дышит Вашими книгами. В нашей студенческой среде, у

себя дома в деревне, в своих походах за фольклором по родному Уралу, читая лекции о Вашем творчестве на заводах, колхозах, где только заходит разговор о литературе, я слышу вечно один и тот же вопрос: «Когда же появятся “Они сражались за Родину” и второй том “Поднятой целины”»[2]?

Я не хочу утруждать Вас длинным письмом. Ведь у Вас гораздо меньше свободного времени, чем у нас, у студентов. А мне так хочется поделиться с Вами своими мыслями о литературе, о фольклоре, да и вообще о жизни. Я уже не говорю о том, что увидеть Вас, слышать Ваш голос — моя мечта.

Дорогой Михаил Александрович, если Вам не трудно, может быть, пришлете мне сборник «Слово о Родине».

Я буду страшно этому рад.

С горячим студенческим приветом

Нисковских Юрий.

23/XII-51 г.

P.S. Поздравляю Вас с Новым годом! Мы все надеемся, что наступающий год явит новые Ваши книги.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Речь идет об издании: *Шолохов М.* Слово о Родине. Ростов-н/Д., 1951.

[2] 16 марта 1951 г. на встрече с читателями Военно-политической академии им. В.И. Ленина Шолохов «рассказал о том, что сейчас заканчивает первую книгу большого романа о Великой Отечественной войне “Они сражались за Родину”. После этого он думает вернуться к неоконченной “Поднятой целине”, работу над которой прервала война» (Комсомольская правда.1951. 17 марта; *Летопись*. С. 231).

440. Н. ИВАЩЕНКО

23 января 1952 г., станица Староминская Краснодарского края

Здравствуйте, уважаемый Михаил Алексеевич<sic!>.

Обращается к вам от имени десятого класса ученик с интересующим нас вопросом.

Как Вам известно, мы изучаем Ваше творчество в 10 классе.

Программная вещь — роман «Поднятая целина». Мы интересуемся, работаете ли вы над второй частью романа. Очень интересно бы узнать, как жили в годы (1936–1940) счастливой колхозной жизни, дальнейшую судьбу героев романа и т.д.

Если сможете, ответьте, пожалуйста.

Не обижайтесь, что так небрежно написано: пишем на почте, спешим.

До свидания.

Краснодарский край, ст. Старо-Минская, ул. Ново-Щербиновская, 33.

Иващенко Николаю.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

441. БАКАЛО, ХАРЬКОВСКИЙ

27 января 1952 г., Одесса (*Украина*)

Здравствуйте, дорогой товарищ Шолохов!

Мы, ученики 10-го класса 107 школы города Одессы, в течение зимних каникул готовили материал для сочинений по образу Ленина в советской литературе. Перечитывая книги на эту тему, мы увидели, что, несмотря на то, что о жизни Ленина написаны такие прекрасные произведения, как «В.И. Ленин» Маяковского[1], очерк «О Ленине» Горького[2], пьесы Погодина[3] и стихи Твардовского, Исаковского, Суркова, Щипачева[4] и др., все же они рисуют образ Ленина на одном каком-либо этапе его жизни, и никто не освещает всю жизнь Ленина. Нам кажется, что советской литературе, советскому народу нужно произведение, которое отразило бы всю жизнь вождя, всю эпоху, в которую он жил, показало бы боевой путь коммунистической партии России от времени ее создания Лениным до 1924 г. Произведение, которое осветило бы со всей полнотой все эти идеи, должно быть, безусловно, громадным по объему (не менее «Тихого Дона»), с очень глубоким психологическим анализом действующих лиц, идейно насыщенное. Мы себе представляем это произведение художественно-биографическим (подобно «Как закалялась сталь»[5]). Излишне говорить, что это произведение должен создать художник с большим талантом.

Нас интересует, работают ли писатели над этой темой?! Как Вы относитесь к этой теме.

Ждем ответа. Извините за беспокойство.

Уч. 10 класса Бакало и Харьковский.

Наш адрес:

г. Одесса, школа № 107,
ученикам 10-го класса
Харьковскому и Бакало.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Правильно: поэма В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1924).

[2] Правильно: очерк М. Горького «В.И. Ленин» (1924).

[3] Авторы письма имеют в виду пьесы Н.Ф. Погодина, посвященные В.И. Ленину: «Человек с ружьем» (1937), «Кремлевские куранты» (1940) и «Третья патетическая» (1958).

[4] Стихи о Ленине были практически в творчестве всех советских поэтов: «Ленин и печник» (1938) А. Твардовского, «Дума о Ленине» (1940) М. Исаковского, «Песня о Ленине» (1932), «Ленин» (1948), «Звездочка» (1950) А. Суркова, поэма «Домик в Шушенском» (1945) С. Щипачева и др.

[5] Роман Н. Островского «Как закалялась сталь» (1932) входил в программу изучения литературы в школе; считался образцовым произведением литературы социалистического реализма.

442. А. ГОРБОВА и др.

12 февраля 1952 г., поселок Павловка Белокуракинского района Луганской области (Украина)

Дорогой Михаил Александрович!

Мы, учащиеся 10-го класса Павловской школы рабочей молодежи, решили обратиться к Вам с рядом вопросов.

Ваш роман «Поднятая целина» — замечательное произведение социалистического реализма. Справедливо его называют памятником «года великого перелома». Герой романа — это настоящие советские люди. Мы горячо полюбили Давыдова, Нагульнова, Разметнова, Майданникова, Ванюшу Найденова и дедушку Щукаря.

Имеют ли они своих прототипов?

Будьте добры, расскажите о них.

Роман «Поднятая целина» не закончен.

Вышла только первая книга. Убедительно просим Вас сообщить нам о дальнейшей работе над романом. Какова судьба Луши, врагов советского народа Островнова и Половцева, дальнейшая жизнь и деятельность коммунистов романа? Не будет ли связана дальнейшая жизнь образов романа с событиями Великой Отечественной войны?

Мы хотели бы видеть их в предвоенные годы и в годы войны.

Еще один вопрос.

Часть советских критиков указывает на непосредственную связь Вашего нового романа «Они сражались за Родину» с эпопеей Льва Николаевича Толстого «Война и мир»[1].

Нам, к сожалению, не ясна эта связь.

В чем выражено влияние великого русского писателя на Ваш роман?

Михаил Александрович!

Желаем Вам здоровья и новых творческих успехов!

Наш адрес: Ворошиловградская область, Свердловский район, посёлок Павловка, ул. Ленина. Павловская СШ.

А. Горбова, Ф. Чищенко, Бокова, Могилева, Душенко <7 подписей *нрзб*>.

12/II-52 года.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] О традициях Л. Толстого в романах Шолохова, в том числе, в романе «Они сражались за Родину» см.: *Громов П.* О литературе военных лет // Звезда. 1945, № 3. С. 132–133; *Лежнев И.* Шолохов и традиции // Новый мир. 1946. № 7–8. С. 191–210. 118.

443. Н.П. КУПИН

20 февраля 1952 г., поселок Харанор Забайкальского края, воинская часть

Читинская обл., ст. Харанор, в/ч 06133А.

Купин.

Я, читатель библиотеки 06133, прочитал книги, все четыре ваших романа «Тихий Дон», а также «Поднятую целину». За что от всего сердца Вас благодарю за эти книги, так как они открыли передо мной картину жизни в период гражданской войны. А особенно я полюбил эти книги за то, что в них открыта вся правда, не кривя душой ни в какую сторону, истинная правда. Но, однако, меня интересует (так как я прочитал роман «Даурия»[1], дал отзыв на этот роман и вопросы насчет героев, то герои вымышленные в романе «Даурия», их на свете не существовало) этот вопрос по роману «Тихий Дон», где герой книги Григорий Мелехов. Очень трудно жизнь проходила у этого героя.

Я понимаю так, если действительно этот герой существовал, то действительно был человек развитый и очень умный, только был неграмотный и не знал целей и задач, и некому было разъяснить ему тогда, как он сражался в красногвардейских отрядах и командовал, но по возвращении опять повстанцами командовал, дивизией. Он имел жалость насчет того, чтобы не расстреливали людей, впоследствии он не схотел уехать за границу и стал командовать опять красногвардейцами, откуда был демобилизован.

Я понимаю, что он не был враждебным элементом Советской власти, так как он не знал целей жизни, не знал, куда деваться.

Меня интересует, жив он в настоящее время и его сын Мишатка, и где они в настоящее время, и жив Михаил Кошевой или нет, меня также интересует.

Также горячо благодарю за роман «Поднятая целина». Только, кажется, он не кончен. Будет вторая книга или нет, так как шпионаж не раскрыт?

Я слыхал, что Вы работаете над книгой «Они сражались за Родину». Жду с нетерпением. Лучших книг не нахожу, как Ваши для меня, и за их я Вас горячо благодарю и желаю успеху в следующей книге.

Прошу разъяснить мне на эти вопросы.

20.2.52.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Роман «Даурия» (1948) К.Ф. Седых (1908–1979) рассказывает о жизни сибирского казачества. В 1950 г. роман был удостоен Сталинской премии (второй степени).

444. Н.И. ШИБИТОВ

15 мая 1952 г., Петрозаводск

Дорогому писателю.

Здравствуйте, Михаил Александрович. Во-первых, разрешите поздравить Вас с днем рождения, с днем сорокасемилетия служения на благо нашей Родины, на благо нашей литературы. Я — простой рабочий и страстный Ваш читатель. С большим интересом перечитываю Ваши произведения. За свою 25-летнюю жизнь я прочел три раза «Тихий Дон», два раза «Поднятую целину», о которых мне часто когда-то рассказывал отец, и стараюсь найти другие Ваши произведения, так близкие и дорогие моему сердцу и всем читателям. Когда я читаю Ваши книги, передо мной встают образы и традиция жизни Донского казачества — так точно и так правдиво до мелочей описано в Ваших книгах. Часто слушаю и с большим интересом оперу Державина[1] «Тихий Дон», очень хорошо оформленной в музыкально-художественном искусстве.

Большое спасибо Вам от всего сердца, Михаил Александрович, за всю красоту и точность описания нашей (так как я уроженец со станции Себряково, г. Михайловка) донской природы, донской степи, вольной, бескрайней. Читаю здесь, в Карелии, четвертую книгу «Тихого Дона», и передо мной проплывают в воспоминании степь в утренней лазури, а в ясном небе звенит уже жаворонок, слышный сквозь мерный однообразный стрекот травокосок. И такое чувствуешь настроение, как будто лежишь где-то в степи на старом сторожевом кургане (вроде Михаила Кошевого в степи у лошадей) и смотришь в бескрайнюю, чуть колышущуюся под

легким ветерком степь. И так хочется жить и жить в таком необозримом просторе.

Михаил Александрович, я жил до 1943 года в колхозе, работал в степи трактористом два года и не замечал всей красоты нашей степи и нашей природы. Только когда прочитал Ваши книги, я полюбил красоту нашей природы, всю невидимую раньше и необозримую жизнь нашей привольной донской степи с ее героями в революционные годы и Отечественную войну. При воспоминании во время чтения Ваших книг даже нападает сладкая грусть здесь в Карелии. Читал бы и читал Ваши произведения, так хорошо изложенные Вами, Михаил Александрович, за что душевное спасибо и желаю долгой и здоровой жизни, и скорого окончания романа «Они сражались за Родину», который жду я и тысячи других.

Михаил Александрович, я извиняюсь за свою малограмотность и почерк. Пишу левой — в том виновата война.

15/V-52.

Шибитов.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Описка. Речь идет об опере композитора И.И. Дзержинского (1909–1978) «Тихий Дон». См. примеч. к п. 291.

445. П.Н. БРЯНЦЕВ

28 мая 1952 г., город Шахты Ростовской области

Здравствуйте, уважаемый Михаил Александрович!

Пишет Вам учащийся Шахтинского горного техникума Петр Николаевич Брянцев. Я учусь на 1 курсе отделения «Разработка угольных месторождений».

Родился в 1936 году в Брянской области, Навлинском районе, с. Лески. Отец был с 1935 г. по 1941 г. председателем сельского совета, мама занималась сельским хозяйством. Во время оккупации отец ушел в партизанский отряд, и однажды при приходе к местному учителю (зачем не знаю), был выдан двоюродным братом моей матери немцам. Отца и учителя повесили, а мать взяли, и я не знаю куда дели, я ее больше не видел. Я остался с младшим братом и сестрой у дедушки и жил у него по 1951 год.

В 1951 году я окончил 7-ой класс и поступил учиться в Шахтинский горный техникум им. акад. П.И. Степанова, где скоро оканчиваю 1-ый курс. Экзамены за 1-й семестр сдал хорошо, также думаю, что сдам и за второй. Но я в первый месяц занятий приехал в Шахты без копейки денег в кармане и до получения стипендии я

занял в долг ровно столько, что должен был получить. И вот с того дня я как только получаю стипендию, так сразу же рассчитываюсь и вновь занимаю.

В марте умер дедушка, и брата с сестрой отдали в Навлинский детдом. Каждый месяц я посылаю им 40 рублей. В результате всего этого к июньской стипендии я должен 350 рублей. Вместе с тем, кроме форменного костюма у меня ничего нет из одежды, даже белья. Куда ехать на каникулы не знаю, тем более у меня не останется денег. Работать меня на шахту не принимают — несовершеннолетний.

Уважаемый Михаил Александрович, посоветуйте, что делать. Пожалуйста, не откажите мне в совете. Я обращался к Н.М. Грибачеву[1], но мое письмо осталось без ответа.

Прошу Вас ответить на мое письмо.

С приветом П. Брянцев.

(*Автограф. ГМЗШ КП 5959. Л. 1–2*)

Письмо отправлено в Москву — в Союз советских писателей.

К письму приложено фото П.Н. Брянцева, на обороте которого следующая подпись:

«М.А. Шолохову от читателя "Тихого Дона", "Поднятой целины", "Они сражались за Родину".

П. Брянцев.

28/V–52 г.».

[1] Грибачев Николай Матвеевич (1910–1992) — писатель, публицист, государственный деятель, депутат Верховного Совета СССР; с 1950 г. — главный редактор журнала «Советский Союз».

446. И. ФЕДОТОВ

16 июля 1952 г., воинская часть

16. 07. 52 г.

Уважаемая редакция![1]

Разреши обратиться к тебе с таким вопросом: меня лично и многих моих товарищей-сослуживцев очень беспокоит молчание автора «Тихого Дона».

Замечательного советского писателя М.А. Шолохова мы любим не только как создателя прекрасного «Тихого Дона» и незабываемой «Поднятой целины», но и как блестящего публициста-автора «Школы ненависти»[2] и др. статей эпохи Великой Отечественной войны.

И вот, когда «Тихий Дон» превращен волей Советского Народа в могучий водный путь[3], на русле которого завершено строительство одного из первых коммунистических зданий, когда «Тихий

Дон» стал источником мощного плодородия, подлинного счастья и радостей человеческих — автор великого произведения «Тихий Дон» молчит. По крайней мере, мы, читатели, так думаем, что молчит.

Может быть, товарищ Шолохов болеет (а это нас больше всего беспокоит) или очень занят над продолжением «Они сражались за Родину».

Одним словом, мы очень обеспокоены.

Если тебя не затруднит, уважаемая редакция, то убедительно просим ответить на наше письмо.

Просим также передать М.А. Шолохову наши горячие пожелания доброго здоровья и успехов в работе.

С уважением от имени группы читателей журнала «Новый Мир» военнослужащий

И. Федотов.

Пол. почта 24083.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Письмо отправлено в Москву — в редакцию журнала «Новый мир», откуда оно было передано в Вешенскую М. Шолохову.

[2] Правильно: рассказ «Наука ненависти» (1942).

[3] Имеется в виду Волго-Дон канал им. В.И. Ленина, входивший в план ГОЭЛРО; строительство канала началось после Великой Отечественной войны в 1948 г., завершено в 1952 г.

447. Г.Ш. ФАРАХУТДИНОВ

28 августа 1952 г., город Слоним (Беларусь), воинская часть

Дорогой советский писатель тов. М. Шолохов.

Я прочитал Вашу книгу «Тихий Дон». Мне очень нравится эта книга. Вы хорошо работали над этой книгой, такой полной понятий о несамостоятельности Григория Мелехова. Что именно заставило его увольняться в запас из рядов Красной Армии с эскадрона Буденного?

За свои преступления, за измену донского казачества перед народом Советского Союза Григорий Мелехов был наказан или нет[1]?

Дорогой писатель, я прошу от Вас — объясните эти вопросы.

С приветом Гриша.

Мой адрес:

БССР, город Слоним, в/часть 32037.

Фарахутдинову Григорию Шафиковичу.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Тема наказания Мелехова оставалась важной не только в письмах читателей, но и размышлениях советских критиков; см., запись в дневнике В. Кирпотина от 19 мая 1940 г.: «По линии психологической, художественной — сочувствие Григорию. По линии ЧК — Григорий должен быть осужден и казнен» (*Кирпотин В.Я.* Ровесник железного века. С. 435); «Григорий не просто освобождается от оружия перед тем, как явиться на хутор и отдать себя в руки советского правосудия. Нет, он разоружается. Он капитулирует перед народом» (*Лежнев И.* Из темы о Шолохове // Указ. изд. С. 196).

448. И.В. ВАВИЛИН

15 ноября 1952 г., город Чебаркуль Челябинской области

Уважаемый т. Шолохов!

Я прочитал Вашу книгу «Тихий Дон», в которой меня заинтересовал вот какой вопрос. Прошу, сообщите мне, если это возможно, куда девался Григорий Мелехов, потому что Аксинию у него убили, а он, как видите, уже был колеблющий<ся> человек. То за советскую власть, то против нее. Вот меня и интересно узнать, впоследствии куда он девался. В крайнем случае хоть дайте совет, где это узнать.

Если Вы дадите, мой адрес:
г. Чебаркуль
Челябинской обл., ул. Пушкина, №14.
Вавилин И.В.

Я очень благодарен за Вашу книгу «Тихий Дон». Я прочитал все четыре книги. От роду мне 60 лет.

С приветом к Вам
И. Вавилин.
15/XI-52 года.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

Письмо отправлено в Москву — в Союз советских писателей.

449. Ф.С. ДЕРНОВОЙ

23 ноября 1952 г., хутор Лихой Красносулинского района Ростовской области

Уважаемый Михаил Александрович!

Я — рабочий паровозного депо ст. Лихая, прошу Вас, извините меня за мое к Вам обращение, и тут же прошу Вашего разрешения обратиться к Вам за огромной для меня помощью.

Многоуважаемый Михаил Александрович, я очень много читал книг и многих писателей, из которых прочел и Ваши работы, как, например, большая и имеет мировое значение Ваша работа «Тихий Дон», не менее знаменита Ваша же работа «Поднятая целина» — книга, а в настоящее время и картина[1]. Уважаемый Михаил Александрович, изо всех работ и книг больше всего и всех весь рядовой и простой народ, а в том числе и я, ценим и любим Вашу работу за то, что Вы, Михаил Александрович, вложили в свои книги очень много напряженного труда и изложили их очень простым, прямым, ясным и ничем не разукрашенным русским языком.

Уважаемый Михаил Александрович, я, как слесарь паровозного депо <станции>Лихая и участник Отечественной войны, прошел путь не большой, но и не малый, примерно Кишинев — Харьков, Харьков — Сталинград, Сталинград — Берлин, где и закончил свой солдатский путь. И вот после всех походов и после всех больших и малых сражений и боев у меня явилось пламенное желание изложить свои походы с победоносными войсками, шедшими с боями и громившими хваленые немецкие дивизии в 1943 и по 1945 год, а также временные неудачи наших войск, в 1941–1942 гг. отступавших до город<а>-героя Сталинграда[2].

Уважаемый Михаил Александрович, короче говоря, я хотел и очень желаю сделать книгу, которую я решил назвать «Путь на Берлин», за которой я уже сижу три года, исключая время на работу, то есть я ее пишу только вечерами и зимой, то есть тогда, когда у меня остается время от работы и хозяйственных дел.

Уважаемый Михаил Александрович, я, как простой человек, понимаю эту трудную, упорливую и к тому же сурьёзную работу, требующую грамотность, культурность, любовь и уважение к этой работе, и к тому <же> надо иметь большое терпение и силу воли, тогда можно будет иметь перспективы на выполнение такой важной работы. Уважаемый Михаил Александрович, исполняя свою работу над «Путь на Берлин», я уже два раза жег свои работы и в настоящее время не пойму, а что изо всех этих требований к этой работе у меня не хватает.

Уважаемый Михаил Александрович, после всего этого я решил обратиться лично к Вам и думаю, что в своей помощи мне Вы не откажете, то есть мне хотя бы какой-либо проект сюжетов, который я еще и в глаза не видал, или даже хотя наводящие вопросы сюжета, и то, мне кажется, что я мог бы сделать начало, а там хотя бы и с трудом, а все же я сидел бы над этой работой. А поэтому, уважаемый

Михаил Александрович, убедительно Вас прошу помочь мне в этом отношении. А пока до свиданья. Крепко жму Вашу руку.

23-XI-52.

Дерновой.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Имеется в виду фильм «Поднятая целина» (1939 г.), вышедший на экраны в 1940 г. Сценарий С. Ермолинского (написан в соавторстве с Шолоховым). Режиссер: Юлий Райзман. В главных ролях заняты артисты: Борис Добронравов — Давыдов, Михаил Болдуман — Нагульнов, Владимир Дорофеев — дед Щукарь, Александр Хованский — Майданников (см.: *Шолоховская энциклопедия*. С. 640–641).

[2] Сталинград был одним из первых из четырех городов СССР (Ленинград, Сталинград, Севастополь и Одесса) назван городом-героем. Это почетное звание впервые прозвучало в приказе Верховного главнокомандующего от 1 мая 1945 г.

450. М. СЮНДЮКОВ

23 января 1953 г., Москва

Уважаемый Михаил Александрович!

Мною только что прочитан Ваш роман «Тихий Дон». Замечательно доходчивое, жизненное произведение, спасибо Вам за него. Следует многим из молодых писателей кое-чему поучиться у Вас. Очень интересует дальнейшая судьба Григория и его сына Мишатки, а также других героев. Не является ли Михаил Кошевой будущим писателем?.. Если Вас не затруднит, ответьте, пожалуйста.

Уважающий Вас

Сюндюков Михаил.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

451. В.И. ПЕРСАНОВ

20 февраля 1953 г., Таллин (*Эстония*)*, воинская часть*

Уважаемый Мих. Шолохов!

Как же это так получается? Показались Вы, как молодой месяц, на литературной арене с отрывками из романа «Они сражались за Родину» и на том точка.

Если не ошибаюсь, в 1947 году, не помню, в каком журнале я прочел о том, что Вы и И. Эренбург одновременно пишете романы, — первый — «Они сражались за Родину», второй — «Буря» и, между прочим, если мне не изменяет память, журнал сообщал[1], что Вы уже написали четыре части романа.

И, как Вам известно, «Буря» давным-давно читается советскими читателями[2], а вот роман «Они сражались за Родину»[3] почему-то я еще нигде не встречал, несмотря на то, что упорно ищу его.

Михаил Александрович, прошу Вас, не посчитайте за трудность, сообщите, куда запропастился Ваш многообещающий роман и дадут ли мои поиски Вашего романа положительный результат?

Глубоко уважающий Вас и Ваш читатель

Василий Иванович Персанов.

Мой адрес:

город Таллин, п/я №5/95.

20 февраля 1953 года.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Источник информации не выявлен.

[2] Роман «Буря» И. Эренбурга посвящен Второй мировой войне; впервые опубликован в 1947 г. в журнале «Новый мир» (№ 4–8), фрагменты романа печатались с 1946 г. в газетах и журналах; отдельные издания — с 1948 г. в разных издательствах.

[3] О публикации «Они сражались за Родину» см. примеч. к п. 352, 359, 367, 417; в 1945–1949 гг. опубликованные в газетах и журналах главы выходили отдельным изданием (с пометой «Главы из романа»).

452. В.М. ПОТЕХИН

24 февраля 1953 г., станция Исакогорка Архангельской области, воинская часть

Уважаемый Михаил Александрович!

По плану работы библиотеки в нашей гвардейской части готовится литературный вечер на тему: «Мои любимые книги».

На этом вечере воины-читатели поделятся своими впечатлениями о прочитанных книгах.

Выступить записались уже многие. На этом вечере солдаты будут говорить и о Вашем «Тихом Доне» и о «Поднятой целине».

На прошлом вечере читатели задали мне такой вопрос:

— Почему Шолохов ничего не пишет?

Я ответил очень сбивчиво, потому что и сам не знаю. Сказал, что, дескать, Шолохов занят большими общественными нагрузками, заботами, живет и работает в станице, что он депутат и т.д. и т.п. Но читатели не согласились с моими доводами.

— Вот В. Лацис[1] тоже ведет большую общественную работу, однако он пишет.

Второй вопрос: когда будет закончена «Поднятая целина»?

Я пообещал ответить на следующей встрече. «Порылся» в журнальных статьях, но ничего по этому поводу не нашел. Поэтому прошу Вас, Михаил Александрович, хотя бы коротеньким письмецом «растолковать» существо этого вопроса, которое я и зачитаю солдатам. Иначе Вам — автору «Тихого Дона», всё равно не дадут покою.

Мл. лейтенант Потехин Владимир Михайлович,
начальник библиотеки в/ч 61987.
Мой адрес:
ст. Исакогорка С<еверной> ж. д.
Архангельской области, в/ч 61987.
Потехину В.М.
24.02.53 г.
С приветом Потехин.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Лацис Виллис Тенисович (1904–1966) — латышский писатель, общественный деятель; автор романов «Буря» (1948), «К новому берегу» (1951). С 1946 г. председатель Совета министров Латвийской ССР.

453. К. СМИРНОВА

29 марта 1953 г., поселок Зубчаниновка города Самары

Дорогой Михаил Александрович!

Три года тому назад, когда вся страна праздновала 70-летний юбилей Иосифа Виссарионовича Сталина[1], в речах, посланиях, телеграммах, выражая ему бесконечную любовь, Вы только один вспомнили о «маленькой» женщине, чей прах покоится на Тбилисской площади св. Давида, женщине, подарившей человечеству такого гения[2]. Мне хотелось тогда от всего сердца выразить Вам благодарность. Благодарю Вас теперь, когда уже нет в живых и гениального сына этой маленькой женщины.

Летом 1951 г. я была в г. Ульяновске, в домике Ульяновых. В одной маленькой прохладной комнатке на стене вывешены семейные фотографии Ульяновых. Меня поразила фотография матери Вл. Ил. Ленина, уже старушки. Поразили ее лучистые, полные света и любви глаза. Я тогда поняла, откуда у ее сына взялось такое большое человеческое сердце, из какого источника Владимир Ильич почерпнул силу человеческой любви к народу и посвятил свою всю жизнь борьбе за его счастье.

О матери Владимира Ильича Ленина мы знаем недостаточно, о матери же Иосифа Виссарионовича Сталина и того меньше. Нам,

советским гражданам, особенно теперь, когда и сам он ушел от нас[3], дорого все, что связано с ним и его жизнью. Тем более нам дорога память его матери.

Михаил Александрович! Судя по Вашим произведениям, Вы до дна знаете душу женщины, матери. Как бы хорошо Вам осветить этот замечательный уголок!..

Будьте здоровы, дорогой Михаил Александрович!

Извините меня-старуху.

К. Смирнова.

Куйбышевская обл., пос. Зубчаниновка.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Широкомасштабное празднование 70-летнего юбилея И.В. Сталина (день рождения — 21 декабря) освещалось во всех центральных и областных газетах; юбилею вождя посвящены заседания собраний республик, областных городов, научные сессии академий всех республик и АН СССР, собрания на предприятиях, в институтах и колхозах; газеты печатают подборки стихов, поэм, рассказов о Сталине, выступления деятелей культуры и т.п.

[2] Речь идет о статье Шолохова «Отец трудящихся мира», той ее части, которая посвящена матери Сталина: «И озаренные его жизнетворческими лучами, 21 декабря мы обратим наши взоры к Кремлю, но в этот день не забудем и про другое: мысленно перенесемся в окрестности Тбилиси, подымемся на гору Давида и с благоговейной скорбью и горячей благодарностью в сердцах склоним в молчании головы над святым для нас прахом маленькой, скорбной грузинской женщины, семьдесят лет назад подарившей миру того, кто стал величайшим мужем человечества, нашим вождем и отцом» (Правда. 1949. 20 дек. С. 2).

[3] И.В. Сталин умер 5 марта 1953 г.

454. А.С. ДЕМЬЯНОВ

2 апреля 1953 г., Москва

т. Шолохов!

Недавно мне попалась выдержка из Вашей книги «Они сражались за Родину». В ней описано отступление остатков полка, в котором служил Николай Стрельцов, после жестокого боя с немецко-фашистскими захватчиками. Чувствуется, что полк сражался хорошо и что их отступление — это не поражение. Есть там такая фраза: «Народ остался в полку бывалый, большинство — коммунисты, и капитан хорош, — продержимся!» Получается, что простые советские люди, беспартийные, честно выполнили свой долг и погибли в бою.

Возникает вопрос: А где же были коммунисты?.. Маскировались?.. Почему среди оставшихся «большинство — коммунисты?»

Коммунисты не могли прятаться в бою за спины товарищей!

Может быть, Вы скажете, что это случайность, но тогда, по-моему, это будет слишком большой натяжкой, сделанной, очевидно, с целью, в описании последующих боев, показать геройство и отвагу коммунистов.

Мне кажется, что цель не оправдывает средство, в данном случае.

Если я не прав и если у Вас есть свободное время, напишите, пожалуйста, в чем моя ошибка.

Инвалид Отечественной войны Демьянов.

г. Москва, ул. Русаковская, д. № 18/20, кв. 62.

(*Автограф. ГМЗШ КП 7968/39. Л. 1–2*)

455. А.Ф. ЛУНЕВ

4 апреля 1953 г., село Пархомовка Краснокутского района Харьковской области (*Украина*)

Дорогой Михаил Александрович!

Прежде чем написать Вам письмо и этим обеспокоить Вас, я долго не мог решиться, боясь, что Вы можете это расценить как неделикатность, граничащую с дерзостью. Но мое глубочайшее уважение к Вам как человеку большой души, мое непередаваемое преклонение и почитание Вас, как величайшего писателя-художника заставило меня решиться написать Вам и более обратиться к Вам с убедительной просьбой, принося искреннее извинение, если Вы сочтете неуместным и письмо, и просьбу.

Я являюсь учителем истории средней школы. Живу в селе и редко выезжаю в город, и работа и отдаленность от железной дороги. Работая в условиях села, надеешься в основном на свои книги, и на свою личною библиотеку. А вот вопрос с приобретением книг, особенно на которые большой спрос, вопрос по сути дела в моих условиях почти неразрешимый. К таким книгам относится прежде всего Ваш «Тихий Дон». Достать, купить этот роман почти, а, пожалуй, вообще невозможно. Я однажды купил в Харькове на базаре за двойную цену (45 руб.) «Тихий Дон», но... его «зачитали»... Для меня (как и для всех, думаю) «Тихий Дон» это не просто книга, вообще книга. Нет. Я не нахожу в мировой и русской литературе с каким произведением художественной литературы сравнить «Тихий Дон», разве только с «Войной и миром» Л.Н. Толстого? Да, только там и в Вашем «Тихом Дону» с непревзойденной художественной силой изображена великая правда, красота, противоречивость, простота, простота и сложность человеческой души, человеческой жизни, стремление человека к правде, к добру, ко всему прекрасному. Я не один раз читал и перечитывал

«Тихий Дон» и меня всегда глубоко волнует и трогает до слез великая правда жизни, изображенная с таким непревзойденным художественным мастерством пером гениального художника. Да разве выразишь в словах, что переживаешь, когда читаешь «Тихий Дон» (да и другие Ваши произведения)? Это просто невозможно!

Мне бы очень, очень хотелось иметь все Ваши произведения, но особенно «Тихий Дон» — не просто хочется его иметь, а страстно желаю приобрести его для своей скромной библиотеки. Из Ваших произведений у меня имеется «Поднятая целина» кн. 1., «Слово о Родине», все статьи, которые помещались в «Правде» и «Литературной газете». Ваших ранних произведений (сборник «Лазоревая степь»[1]), к моему большому огорчению, вообще не читал (где их взять?...).

После долгих колебаний, когда, несмотря на все старания (писал в книжные магазины Москвы, Киева, Харькова, поиски в магазинах, если бывал в Харькове, на базаре), я решился обратиться непосредственно к Вам с убедительной просьбой: не сможете ли Вы помочь мне приобрести «Тихий Дон» и если возможно и другие Ваши произведения? Не знаю, наверное, я не хорошо делаю, что посмел обратиться к Вам с этой просьбой. Но если Вы и так расцените мое обращение, то я верю, что Вы поймете меня, поймете, что моя «дерзость» (возможно) вызвана самыми чистыми, глубокими чувствами любви и уважения к Вам и Вашим произведениям. А поэтому простите меня.

Желаю Вам, дорогой Михаил Александрович, доброго здоровья, творческих успехов, долгих лет жизни, плодотворной работы над новыми произведениями (которые мы ждем с величайшим нетерпением), которые вместе с написанными уже произведениями являются и явятся гордостью советской литературы, нашего народа великим сыном, которого являетесь Вы — желаю от всего сердца, от всей души.

Еще и еще раз прошу простить меня возможно за неуместную просьбу.

С глубоким уважением А. Лунев.

Мой адрес:

Харьковская область, Краснокутский район, с. Пархомовка, ср. школа.

Лунев А.Ф.

4.IV.1953 г.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Сборники рассказов Шолохова 1920-х гг. не издавались с 1931 г.; последние издания относятся к началу 1930-х гг.: *Шолохов М.* Донские рассказы. М.; Л.: Земля

и фабрика, 1930 (Массовая библиотека ЗИФА); *Шолохов М.* Лазоревая степь. Донские рассказы. Шолохова. 1923–1925 / предисл. А. Селивановского (М.: Московское т-во писателей, 1931).

456. С.А. ВЕРШИНИН

3 мая 1953 г., город Бобров Воронежской области

Добрый день, т. Шолохов.

Три раза прочитал я Вашу книгу «Тихий Дон», и мне, как старому рабочему, многое известно то, о чем Вы написали. Многие люди мне известны, и я со многими в то бурное время встречался. Книга занимательная, язык образен, события исторически правдивы, но, извините, ребенку, юноше и вообще старшему поколению едва ли можно читать, ну, это дело писателя. Концовка отдельных глав всегда наводит на раздумье, а что же дальше?

Многих Вы пристроили: кто умер от тифа, кто порешил сам себя, кто попал под пулю, но куда же нам девать Григория Мелехова, как же так? Передо мной Ваша книга в 700 стр.[1], большого формата, зачитанная до лоскутков, и на последней странице Вы пишете: «Мишатка угадал в этом страшном бородатом человеке отца», ну, а дальше что же с этим не нашедшим прямой дороги человеком, человеком, который не трусил перед генералами и мог разрубать надвое. Не может же он вечно, как соляной столб, стоять на берегу Дона, что же это? Или Вы не справились с задуманным планом книги, или поручили нам, читателям, дописывать Вашу книгу? Но такой сложный характер как у Мелехова, дописывать трудно. Нам одна писательница читала лекцию о «Тихом Доне» и говорила, что некоторые писатели просили Вас сделать Григория коммунистом, а <Вы> будто ответили: «Рано еще». А когда Вас выбирали депутатом Верховного Совета, то в «Известиях» было, будто Григорий по воле Вашего пера, так и остался чужаком[2].

Я читал и читаю много, и разбираюсь в литературе и не прошу заканчивать Вашу интересную историческую книгу по образцу романов. Но все же, если найдете 10 минут времени и чувства вежливости писателя к читателю, прошу коротенько ответить, что стало с Григорием.

Адрес:
Воронежская обл., г. Бобров, ул. Набережная, 60.
Вершинину Семену Андреевичу.
3/V 53 г.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Читатель ссылается на издание: *Шолохов М.* Тихий Дон: в 4 кн. М.; Л.: Гослитиздат, 1947. 704 с.

[2] С октября 1937 г., когда Шолохов был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, он не раз выступал перед избирателями (см.: *Летопись*: С. 149–153), однако в опубликованных материалах, включая статью И. Экслера «В гостях у Шолохова» (Известия. 1937. 31 дек.), нет данной информации. О судьбе Григория Мелехова речь идет в интервью Шолохова, опубликованном в «Известиях» в 1935 г.:

«– В конце третьей книги Мелехов командует повстанческой дивизией под станицей Вешенской. Отсюда он будет наступать на север, примерно на Балашов, а потом ему суждено вместе с белыми армиями откатиться до Новороссийска.

— И возвратиться на хутор Татарский?

— Нет! После разгрома белого движения на юге и конца вооруженной борьбы на Дону казак Мелехов попадет в Красную армию и в рядах Первой конной совершит поход на польский фронт.

— А возвратившись осядет на землю?

— Тоже нет! Он еще побывает в банде. У Мелехова очень индивидуальная судьба, и в нем я никак не пытаюсь олицетворить середняцкое казачество. От белых я его, конечно, оторву, но в большевика превращать не буду. Не большевик он! (*Дир* [Хирьяков А.М.]. Разговор с Шолоховым // Известия. 1935. 10 марта. С. 3).

457. ПОПОВ и др.

1 августа 1953 г., б.м., воинская часть

Товарищ Шолохов!

Читатели Ваших книг «Тихий Дон» и «Поднятая целина» обращаются к Вам от всего личного состава войсковой части 09863 и просят Вас, одного из лучших и талантливейших писателей Советского Союза, поделиться с воинами планами Вашего творчества в настоящее время.

Года два назад в наших газетах сообщалось о Вашем намерении выпустить в скором времени в печать роман «Они сражались за Родину» и вторую часть «Поднятой целины»[1].

Как мы ждем Вашей книги, дорогой товарищ Шолохов, и как много, много за последнее время перечитываем Ваши бессмертные создания.

Мы гордимся Вами, дорогой товарищ Шолохов, и нашей Родиной, давшей столь великих сынов своему народу, творчество которых эпохой недалекого прошлого показало наш народ духовным богатырем — воином и мирным героем-тружеником. Трудно оценить влияние Вашего творчества на формирование характера человека, тем более, труднее еще узнать степень распространения Ваших книг среди народа. Их читатели и школьник в сельской семилетке, и студент ВУЗа, и колхозник, и рабочий. О них можно

слышать разговор и на далеком Сахалине, и на Севере, всюду и везде, где речь заводят о литературе или же просто о книжных новинках последнего выпуска.

Для нас, право-таки, и неудобно говорить о громадности Вашего таланта, ибо это еще мало для Вас: слава мировая, которая вот уже два десятка лет, и имя, которое произносят на всех языках мира, — вот вечный памятник Вам, дорогой писатель, поднятый в уровень с великими людьми художественного слова и мировой литературы.

У нас в скором времени намечается вечер, посвященный Вашему творчеству. Очень хотелось бы знать о Ваших планах — намерениях на ближайшее время. Недавно мы получили письмо от Виллиса Лаунса[2] . Все мы были порадованы письмом, в котором писатель извещал своих читателей о скором выходе в свет продолжения «Сына рыбака» о жизни рыбаков при советской власти.

Дорогой товарищ Шолохов, очень что-то волнуемся за Ваше здоровье.

Будьте добры в своем уведомлении нас ответом, написать и о Вашем здоровье.

Желаем Вам, дорогой наш друг, долгих и долгих лет жизни на благо советской литературы и всего советского народа.

С уважением к Вам и по поручению личного состава войсковой части 09863

Майор Попов,
Секретарь партбюро Мошкин,
Комсомольцы: Демаков,
Нюхачев,
и многие другие.
1 августа 1953 года.

(*Автограф. ГМЗШ КП-8680/42. Л. 1*)

Письмо отправлено в Ростов н/Д, в Областное отделение Союза писателей — «передать или переслать писателю Михаилу Шолохову».

[1] Речь идет о публикации в «Комсомольской правде» (1951. 17 марта) сообщения о встрече М. Шолохова со слушателями Военно-политической академии 16 марта 1951 г. (см. примеч. 2 к п. 439).

[2] Правильно: Лацис Виллис Тенисович, латышский писатель и государственный деятель (см. примеч. к п. 452). Речь идет о романе «Сын рыбака» (1933–1934), самом популярном романе Лациса, созданном еще до вхождения Латвии в состав СССР.

458. Л.И. БАБИЛУРОВ

17 сентября 1953 г., город Махачкала республики Дагестан

Депутату Верховного Совета
Академику
Любимому Нашему
писателю
Михаилу Александровичу
т. Шолохову

Я прочитал Ваш знаменитый «Тихий Дон» и задумался над этой книгой и стал свою жизнь я сравнивать с Гр. Мелеховым.

Много-много раз думал я описать о своей жизни, о происшествии, инцидентах интересных случаях в мирной и за 16 лет боевой моей жизни и оповестить Вас об этом.

Я вижу Вы, уважаемый Мих. Ал., во многом подражаете великому писателю, предшеств<еннику> Вашему Льву Ник. Толстому. Он тоже описал в повести «Казаки» ясно казачию жизнь на Тереке 100 лет тому назад.

Теперь я решил обратиться к Вам <со>своей давно задуманной мыслею и думой и решил послать Вам краткое описание о моей прошлой интересной жизни. Я много советовался со многими умными людьми, и все пришли к одному выводу — обратиться к Вам как великому писателю нашего казачества. Вы, Мих. Алек., Дон, старшие Братья по казачеству и я чистосердечно с чистой, с честной казачьей совестью обращаюсь к Вам.

Я очень прошу Вас, М.А., чтобы вся пройденная мною мирная и боевая за родину жизнь не прошла даром и без пользы, не ушла бы в сырую землю, а об том очен<ь> и очень будет жаль.

Я от души желал бы лично связать с вами и рассказать Вам весь пройденный интересный этап моей долгой жизни.

Я знаю, что нет ни одной пяди земли на Святой Руси, где бы не было полито чистой казачьей крови. От Мыса Дежнева до Сент Готард Суворова, от севера до турец<кого> Эрзерума, от Дона, Кубани, Терека до Маньчжурс<кого> Мукдена[1] — всюду гремела громкая казачья слава.

Я читал станичникам своим «Тихий Дон», радости и восторга не было конца, и говорили мне: Леонтий Иванович, дунь этому казачьему родному казаку-писателю о своей жизни, у тебя не меньше будет книга, а наверное, еще больше в два раза, и пили, Мих. Ал., на Тереке пили чихирь с чапурки[2] за ваше здравие с семьей.

На Терке и Сунже были выселены ряд казачьих станиц[3] и населены в них чеченцы и ингуши, якобы как обиженные при

царизме, в станичных церквах сняты с куполов кресты, и вместо их на куполе поставили мусульманский полумесяц Чеч<ни> и Ингуш<етии>, смеялись на<д> казаками, и Чечен<ским>, Ингуш<ским> и другими народам дали автономии[4], а казачество почти замерло, опустили буйные головы.

Но когда над нашей дорогой и милой родиной надвинулась черная хмара и темные туча с Запада 1941 г.

Когда проклятый немец-фашист стал топтать поганым своим сапогом нашу святую Русь, что сделали чеченцы, ингуши, калмыки и другие, потеряли доверие Сов. Власти, без совести стали предателями нашей дорогой Родины[5].

Мы, казачество, забыли все свои обиды, как один пошли на защиту своей любимой родины и били фашиста, как и били и раньше по-казачьи. Много казаков пришли по окончании Велик<ой> Отечест. войны Героями Сов. Союза и кавалерами Красной Звезды, о которых теперь пишут книги.

Высланы по заслугам чеченцы и ингуши *<4–5 нрзб>*. Сов. власть вселила казаков в свои родные станицы обратно, опять на церквах засияли право<славные> кресты, а полумесяц слетел.

Мы хорошо знаем, что 1 и 2 конные Крас. Армии Буденного С.М. и Ворошилова К.Е. состояли большею частью из казаков, которые победили всех врагов Совет. Власти.

Покойный Сталин приказал на шлюзах великого канала Волго-Дон воздвигнуть казачьи монументы «Старо-Русское предание Слова Русской Старины»[6].

Я знал лично члена Госуд. Думы от Терской облас<ти> Михаила Александровича Есаула Караулова[7]. Ярый враг царя.

Об Караулове я знаю очень многое и очень интересное.

Михаил Александрович, Вы не ошибетесь, не будете жалковать[8] и не будете каяться за то, что примете горячее участие в моей просьбе, у меня большая и хорошая память и интересный матерьял, я знаю, вы даже удивитесь всему тому, что узнаете от меня. Вы обогатитесь событиями, интересными знаниями.

Я очень хорошо помню и знаю города, местечки и села, где происходили атаки и бои с 1914 по конец 1917 г.

Помню всех начальствующих лиц, от младших офицеров и до ком-ров корпуса.

Я имею все 4 степени Георгиевских крестов, 1 степени с бантом на английской булавке лично навесил мне генерал Брусилов во время его славного легендарного прорыва 1916 <года> 6 июня. А также имею Французский золотой жетон с грамотой за бой Плоешти (Румыния).

Полк в начале 1917 г. пошел на отдых в глубокий резерв.

1917. После был на 1 майских торжествах в Одессе, видел, где гроб Шмидта и Матюшенко с броненосца «Потемкин»[9].

В 1917 г. на съезде фронтовиков в Одессе Юго-Западного фронта я был от своего полка делегирован на этот съезд, в театре, куда приезжал аферист Керенский и в театре танцевал. Я на Русско-германской войне участвовал во всех боях в пешем строю и в конных атаках, где только участвовал наш полк.

Многоуважаемый Михаил Александрович.

Посылаю Вам свой маленький краткий дневник, прошу Вас прочтите его, конечно, очень много будет ошибок, но вы меня простите, когда я пишу о своих воспоминаниях. Сердце трепещет, мысль торопится, а все не успевают, дорогой Михаил Александрович. Сделайте и устройте так, чтобы я лично увидел Вас <с> глаз<у> на глаз, и я больше ничего не хочу, — вы во мне не ошибетесь.

Я работаю в Охране при бане Упр<авления> Нефтяников, № 2,

зарплата моя 350 руб. в месяц.

Адрес: ДАССР, гор. Махачкала, улица Гоголя, № 50.

Бабилуров Леонтий Иванович.

Многоуважаемый Михаил Александрович

Всего на бумаге не опишу, и мысли очень торопятся друг перед другом, единственное спасение быть мне лично перед Вами и видеть Ваше лицо и Ваше настроение в мою пользу.

Не оставьте еще прошу Вас мою дорогую просьбу, век буду благодарить Вас за Ваше внимание ко мне, вы очень будете заинтересованы и не будете жалковать.

С приветом к вам Леонтий Иванович Бабилуров.

Дорогой старший брат Дон.

Михаил Александрович, если вас я обременяю или пишу Вам это ненужное мое послание, и вы не будете читать его, и <не> будете интересоваться им.

По вашему усмотрению, делайте, как вам будет видно.

Я уж, Мих. Ал., не знаю, как Вас и просить.

Не оставьте мою просьбу.

Махачкала, Д.А.С.С.<Р>, улица Гоголя, № 50.

17 сентября 1953 г.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

Бабилуров Леонтий Иванович (1884–?) — участник Первой мировой войны (Казачьи войска), полный Георгиевский кавалер. Подробно см.: http://combcossack.0pk.ru, страница «Род Бабилуровых. Форум». Внучка Леонтия Ива-

новича, Людмила, сообщает участникам форума: «Дневники деда и переписка с писателем Шолоховым пропали, кресты Георгиевские и шашка — украдены» (см.: *Кочетов А.М.* Жизнь описать, так будет второй «Тихий Дон» // Релга — электронный научно-культурологический журнал. № 7 от 26.06.2017. URL: http://www.relga.ru.)

[1] Названы открытия, военные походы и операции, в которых принимали участие казаки: сибирские экспедиции русского казака-землепроходца С.И. Дежнева; переход возглавляемой А.В. Суворовым русской армии через горный перевал Сент-Готард в Швейцарии; русско-турецкая и русско-японская войны.

[2] *Чапурка* — сосуд, по форме напоминающий чапуру (цаплю), из которого пили *чихирь* (домашнее красное вино).

[3] Речь идет о политике расказачивания, проводимой советской властью в годы Гражданской войны и направленной на ликвидацию казачества как сословия, социальной и культурной общности; сопровождалась массовым террором и репрессиями, в частности, выселением целых хуторов и станиц. См. об этом.: *Венков А.В.* Печать сурового исхода. К истории событий 1919 года на Дону. Ростов н/Д, 1988. См. также примеч. 1 к п. 32, 112. На основе Закона РСФСР от 1 июля 1993 г. «О реабилитации репрессированных народов» были отменены все незаконные акты, принятые в отношении казачества, начиная с 1918 г. (см.: Российское казачество. Научно-справочное издание. М., 2003. С. 765–766).

[4] Чеченцы и ингуши получили автономию в 1921 г. — Чеченский и Ингушский национальные округи Горской автономной социалистической советской республики (в составе РСФСР); в ходе административно-территориальной реформы 1920-х гг. национальные округа в 1922 г. были преобразованы в Чеченскую и Ингушскую автономные области в составе Северо-Кавказского края; с принятием конституции 1936 г. образована Чечено-Ингушская автономная социалистическая советская республика.

[5] В период с 23 февраля по 9 марта 1944 г. была проведена массовая депортация чеченцев и ингушей с территории Чечено-Ингушской АССР в Казахстан и Киргизию. В качестве причин официально назывались массовое сотрудничество с оккупантами, антисоветская деятельность, бандитизм (Указ Президиума Верховного совета СССР от 7 марта 1944 г. о ликвидации Чечено-Ингушской АССР). В 1977 г. Чечено-Ингушская АССР была восстановлена; 26 апреля 1991 г. принят Закон РСФСР о реабилитации репрессированных народов, который признал депортацию народов «политикой клеветы и геноцида» (см.: Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши: Документы, факты, комментарии / сост., предисл., коммент. Н.Ф. Бугай. Капь, 1994; *Козлов В.А.* Вайнахи и имперская власть: проблемы Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР. М., 2011).

[6] Речь идет о скульптурной группе «Казаки» на шлюзе № 11 Волго-Донского канала (канал открыт в 1951 г., монумент возведен в 1953 г.), символизирующей подвиг гвардейцев Кубанского казачьего кавалерийского корпуса в годы Великой Отечественной войны и военную славу Донского казачества.

[7] Караулов Михаил Александрович (1878–1917) — атаман Терского казачьего войска, член Государственной Думы II и IV созывов; в декабре 1917 г. возглавил Терско-Дагестанское правительство; убит озверелыми солдатами.

[8] Жалковать (*рег.*) — сожалеть, печалиться о чем-либо.

[9] Надо понимать, видел «надгробие» могилы расстрелянных в 1906 г. бунтарей. Речь идет о событиях, связанных с восстаниями 1905 г., и возглавивших восстание Н. Матюшенко (на броненосце «Потемкин») и лейтенанте П. Шмидте (на крей-

сере «Очаков»). Именно в Одессу прибыли бунтующий броненосец «Потемкин» и поддержавший его крейсер «Очаков».

459. П.И. ПИРОГОВ и др.

3 декабря 1953 г., село Ганюшкино Курмангазинского района Атырауской области (*Казахстан*)

Генеральному секретарю Союза
Советских писателей
тов. Фадееву А.А.

Уважаемый генеральный секретарь[1]!

К Вам обращается группа рабочих и служащих Денгизского Рыбоколхоза с вопросом, до глубины души волнующим не только нас, но и как нам кажется, всех трудящихся нашей необъятной Родины.

Один из лучших писателей Советского Союза М.А. Шолохов своими произведениями «Тихий Дон», «Поднятая целина» и другими, снискавший заслуженную славу, любовь и уважение многочисленной массы как в нашей стране, так и за рубежом.

Во время Великой Отечественной войны на всех фронтах из рук в руки передавалась для чтения книжка, в которой были напечатаны главы из повести «Они сражались за Родину». Еще тогда вся Советская Армия благодарила тов. Шолохова за реалистическое изображение фронтовой жизни солдат и офицеров, а также жизни тыла.

Но, прошло вот уже 10 лет, а самой повести до сих пор в печати нет, мы не знаем ее судьбы. Нет и других книг этого автора.

Поэтому, обращаясь к Вам, тов. Фадеев, мы убедительно просим Вас ответить, будет ли вообще печататься выше указанная повесть или нет. Над чем в настоящее время работает автор, почему так долго не появляются в свет произведения такого талантливого писателя, как тов. Шолохов?

Подписали:
Пирогов П.И.
Кулагин В.И.
Кабдешев К.
Ухов С.Ф.
Кадыров М.
Горшков П.А.
Ефремова М.А. и другие
3 декабря 1953 года.

Наш адрес: с. Ганюшкино, Денгизский район Гурьевской области, Казахской ССР, Денгизский Рыбоколхозсоюз.

(*Авторизованная машинопись. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Письмо на имя генерального секретаря СП А.А. Фадеева, очевидно, было отправлено на адрес «Литературной газеты», о чем свидетельствует приложенная к письму записка от зав. отделом критики С. Гайсарян от 26 февраля 1954 г: «Уважаемый Михаил Александрович! Направляем Вам письмо группы читателей нашей газеты. Просим ответить авторам».

460. П.П. МИХАЙЛОВ

1 января 1954 г., Тверь

1. I. 54 г.

Глубокоуважаемый Михаил Александрович!

Многие годы назад я все хотел написать Вам такое искреннее письмо, но все как-то считал это невозможным. Теперь мне хочется написать Вам такое письмо.

Михаил Александрович, Ваш «Тихий Дон» я начал читать в 14 лет, еще в 1929 году, когда вышла I книга. Окончил читать Ваше произведение в 1940 году — последнюю IV книгу (она была опубликована в «Роман-газете»)[1].

Окончив чтение Вашего романа, я плакал, хотя этого со мной никогда не было.

Должен Вам сказать — я считаю, что лучшей книги не было и нет ни в нашей, ни в мировой литературе. Я прочитал много книг.

Ни «Война и мир» Толстого, ни Горький и другие писатели мира не оставляли такого глубокого впечатления силою художественных образов, правдивостью, красочностью описаний, как Ваш «Тихий Дон».

Каждую Вашу строку, появившуюся в печати, я с радостью прочитываю.

В 1941, 22 июня, я добровольцем-политбойцом ушел на фронт, был ранен, 9 мая окончил войну командиром роты.

Читал все отрывки Вашей книги «Они сражались за Родину», которые появлялись в печати, и все остальные Ваши произведения.

Четвертый раз перечитал Ваш «Тихий Дон». Сочинил десятки стихов по отдельным сравнениям, чу́дно написанным Вами в «Тихом Доне».

Этим письмом искренне выражаю мое восхищение Вашим великим творением — «Тихий Дон».

Очень хотелось бы знать о книге «Они сражались за Родину».

Искренне любящий Вас, Ваш читатель —

майор Михайлов П.П.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Речь, скорее всего, идет об издании: *Шолохов М. А.* Тихий Дон. Кн. 4. Часть 8. М.: Гослитиздат, 1940 (Роман-газета. № 4–5). Точнее об истории издания 4-й книги романа см.: *Воронцова Г.* Текстологическое послесловие // *Шолохов М.А.* Тихий Дон. Научное издание: В 2-х т. Т. 2. С. 825).

461. И.А. СОЛОДОВИКОВ, И. ПИВКИН

31 января 1954 г., село Пянгелей Чамзинского района Республики Мордовия

31. I–54.

Здравствуй дорогой Михаил Александрович!

Мы, т.е. Солодовиков Илья и Пивкин Иван, прочитали Ваш роман «Тихий Дон». За который Вас благодарим. В книге «Тихий Дон» нам очень понравился образ Григория Мелехова. Поэтому мы просим Вас сообщить нам, жив ли Григорий Мелехов или его сын Михаил Мелехов и сестра Григория Дуняша. Если живы, то напишите, где они живут.

Просим удовлетворить нашу просьбу.

До свидания.

Ждем ответа.

(*Автограф. Архив семьи Шолохова*)

462. Н.С. ДЬЯЧКОВ

16 февраля 1954 г., б.м., воинская часть

В Союз писателей.

Шолохову Михаилу Александровичу.

Михаил Александрович, мы, служащие Советской армии организовали коллективную читку художественной литературы. И вот, когда мы прочитали Вашу книгу «Тихий Дон», многих моих товарищей, в том числе и меня, заинтересовало то, куда делся Григорий Мелехов после того, когда он возвратился из банды Фомина? И кого Вы подозреваете под этим именем или действительно был это Григорий Мелехов? И чем занимается в настоящее время этот человек, если он сейчас жив?

Дорогой Михаил Александрович, если можно, то просим Вас объяснить нам эти вопросы[1].

С солдатским приветом к Вам

Н. Дьячков.

(*Автограф. Личный архив М.А. Шолохова*)

[1] Письмо отослано в Москву — в Союз советских писателей, в качестве обратного адреса на конверте указан номер полевой почты (№ 16501).

463. А.Ф. САПЕЛЬЧЕНКО

17 февраля 1954 г., хутор Надежевка Тацинского района Ростовской области

Привет от гражданина, проживающего в хуторе Надежевке Скосырского сельсовета Скосырского района Каменской области, Сапельченко Александра Федоровича.

Многоуважаемому товарищу Михаилу Александровичу Шолохову.

Первым долгом своего письма прошу Вашего разрешения сообщить Вам свои личные поздравления в Вашей жизни, в быту и труде[1] и передать наилучшие пожелания прожить многие годы и послужить для блага нашей Великой Советской Родины!

Михаил Александрович! У меня лично издавна явилось стремление написать Вам письмо о своих соображениях, о Вашем глубоком влиянии в моей жизни, а также и ряда моих земляков.

Ни много ни мало проживаю в хуторе Надежевка. С декабря 1926 г. работал воловником[2] в откормсовхозе, при Мариинском спиртовом заводе с сентября 1932 г, исключая время войны 1941–1945 гг.

На Мариинском спиртзаводе работал с 1938 года в должности старшего приемщика зерна, а после и до настоящего времени — начальником сырьевого отдела завода.

В 1936 году от завода с группой казачьего хора (14 человек-любителей) ездил в Ленинград, где за художественный показ участников художественной самодеятельности получили премию 2000 рублей[3].

В 1939 году снова организовал и выехал в Москву (на сельхозвыставку). Прожили с исполнением 10 суток. За свое мастерство получили 12000. И еще, главное — пришлось принять участие в кинофабрике «Москва»[4]. Исполняли песни 1926–1927 годов для кинокартины «Поднятая целина», где лично запевал «Вейся, знамя коммунизма, над землей трудящих масс»[5] и т.д. Всего мы хором исполнили 4 песни и получили вознаграждение на руки — 2000 рублей. А после сфотографировались. Все это сейчас — только воспоминания. А больше ни слова нет.

Нервность одолела, что нет сейчас у меня той силы и никто не содействует в организации художественной самодеятельности, а только требования предъявляют.

В данное время (с 1951 года и по сегодня) — бессменно секретарь первичной партийной организации спиртзавода, к тому же — инвалид Великой Отечественной войны 3 группы. Работы общественной очень много. Мне приходится не только выполнять, а и организовывать.

Наш с/завод план за 1953 выполнил на 114%. Январский тоже перевыполнили. В феврале немного задержали. Топлива недостает, а работа идет, и план обязаны выполнить.

День 14 марта должен быть ознаменован достижениями — дать стране спирта сверх плана.

Михаил Александрович! Вы не так далеко от нас находитесь. Выберете время в апреле-мае и приезжайте к нам в гости, как по обычаю выражаются.

Тогда можно нараспев сказать: «У нас нонича, да ни лето, ли зима, разливалась ноне полая вода, заливала все зеленые луга...»[6]. Ну, а остальное можно сказать в дополнение, чтобы не дожить до периода, когда происходит умственное лишение.

Ещё много можно примеров сообщить. А лучше было бы, когда мы бы имели возможность вместе за столом, или на траве зелёной, хотя бы один-два часа побыть.

Прошу, Михаил Александрович, извините за мою безвременную и бесплановую писанину. Чем самым, может, на десяток минут задержу. Однако хочу выразить свое искреннее желание, о чем и пишу свои соображения.

С приветом к Вам Ваш земляк.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Поздравление с праздником — Днем Советской Армии и Военно-морского флота (совр. — День защитника Отечества); отмечается 23 февраля.

[2] Воловник — тот, кто разводит и ухаживает за волами, погонщик волов.

[3] По инициативе Шолохова и при его мощной поддержке во второй половине 1930-х гг. в Москве и Ленинграде состоялись выступления песенников из колхозов Вешенского и других районов области; были организованы радиопередачи, на одной из них в 1936 г. выступление казачьего ансамбля открывало вступительное слово писателя (см. об этом: *Корниенко Н.* Государственный литературный проект «Творчество народов СССР» (По материалам фонда редакции) // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 878–881).

[4] Речь идет о кинофабрике «Мосфильм», где снимался кинофильм «Поднятая целина» (1939). См. об этом примеч. к п. 449.

[5] Песня относится к так называемым «народным» песням, созданным в эти годы в рамках большой государственной программы подготовки труда «Творчество народов СССР», включавшего советский фольклор, посвященный 20-летию Октябрьской революции.

[6] Слова из старинной казачьей песни.

464. А.И. БАЗАРНЫЙ

7 марта 1954 г., Нижний Новгород, воинская часть

Здравствуйте, дорогой Михаил Александрович с большим армейским приветом, а главное здоровья в Вашей творческой жизни к вам мл. с-т Базарный.

Михаил Александрович, недавно прочитал Вашу книгу под названием «Поднятая целина», читая ее, я как бы жил и творил вместе с ее героями и героинями и буквально не мог оторваться, читая ее даже по ночам.

Мне очень хотелось узнать о судьбе ее продолжения, и я очень Вас прошу ответить[1], когда мы советские читатели можем ее прочитать.

Прошу меня простить за то, что отнимаю у Вас творческое время.

Будьте здоровы.

мл. с-т. Базарный.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] В качестве обратного адреса на конверте указан номер воинской части, расположенной в г. Горьком (*в/ч № 61772 Н*).

465. МАРИНИНА, МИРОВА

11 марта 1954г., Одесса (*Украина*)

Здравствуйте, уважаемый Михаил Александрович!

Вам пишут учащиеся 10 «Б» класса 26 школы города Одессы. Недавно мы изучали Ваш роман «Поднятая целина». Изучение этого произведения явилось для нас новым этапом в нашем культурном развитии, познакомило нас с жестокой борьбой, которая велась за создание колхозов, познакомило с замечательными людьми, которые, не жалея сил, боролись за дело, начатое партией. Мы глубоко возмущены подлыми делами врага советского народа Островнова. И нам очень и очень хочется знать, что будет дальше с героями Вашей книги: как наладится жизнь колхоза им. Сталина, будет ли теперь разоблачен Островнов или ему удастся скрыться до Великой Отечественной войны, и уже тогда вскроется его подлинное лицо, что дальше станет с Давыдовым, Нагульновым, Разметновым, Майданниковым, дедом Щукарем, как наладится жизнь Луши? Нам хотелось бы узнать о молодежи Гремячего Лога. В I^{ой} книге о ней сказано очень мало. Нам интересно было бы встретиться с героями Вашей книги в послевоенные годы, узнать, как развернется жизнь в Гремячем после ука-

заний ЦК КПСС[1]. Мы с нетерпением ждем продолжения Вашей замечательной, нужной и полезной книги.

С комсомольским приветом, учащиеся 10 «Б» класса.

Староста класса Маринина.

Комсорг группы Мирова.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Речь идет о Постановлении ЦК ВКП(б) «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» (30 мая 1950 г.) и Постановлении Совета Министров СССР «О мероприятиях в связи с укрупнением мелких колхозов» (17 июля 1951 г.), а также о мерах укрепления и развития сельского хозяйства, обсуждавшихся на Пленуме ЦК КПСС в сентябре 1953 г.

466. Е.Г. ЛЕВИЦКАЯ

12 апреля 1954 г., Москва

Москва.
12.IV-54.

Дорогой Михаил Александрович!

Я очень плохо вижу — читать совсем не могу, а пишу — по привычке. Вчера Игорь[1] прочел мне с большим волнением отрывок из «Поднятой целины» напечатанный в «Огоньке»[2]. Мне захотелось сказать Вам, что я была потрясена этой страшной, звериной правдой о сыне, спокойно убившем мать... Это так страшно, что не только забыть это, но даже отогнать от себя мысль — невозможно... Начало этого отрывка так хорошо, по-«шолоховски», дает картину степи. Я вспомнила донскую степь, которую мы с Игорем видели в 30 году[3]. И многое, давно прошедшее, вспомнилось невольно. А со снимка смотрел совсем не похожий на прежнего Михаила Александровича человек... Почти четверть века прошло.

Мой сердечный привет Марии Петровне[4].

Крепко жму Вашу руку и — спасибо!

С приветом

Ев. Левицкая.

(*Автограф. ГМЗШ КП-8248/5. Л. 1*)

Левицкая Евгения Григорьевна (1880–1961) — один из первых редакторов «Тихого Дона», на протяжении всей жизни близкий друг Шолохова и его семьи. В 1926–1927 г. она была заведующей отделом издательства МК ВКП(б) «Московский рабочий», с 1929 по 1939 — заведующей библиотекой МК партии. С Шолоховым познакомилась в издательстве «Московский рабочий» (см.: *Шолоховская энциклопедия*. С. 392–393).

[1] Левицкий Игорь Константинович (1908–1961) — младший сын Евгении Григорьевны Левицкой, инженер-текстильщик, хорошо знал музыку, живо-

пись, литературу, был «влюблен» в «Тихий Дон». Знаком с Шолоховым с 1927 г. Михаил Александрович доверял ему чтение рукописей «Тихого Дона» и «Поднятой целины», ценил его мнение о своих книгах, посвящал в творческие планы. 10 апреля 1929 г. в Москве Шолохов подарил 1-ю книгу «Тихий Дон» (М.; Л.: Московский рабочий, 1929) с автографом: «Игорю Левицкому — одному из самых дорогих и родных читателей, с радостью и благодарностью за то, что тонко, как никто, чувствует душу "Тихого Дона". М. Шолохов. 10/IV-29 г.» (*Летопись.* С. 51–52). Глубокая дружба связывала их до самой смерти Левицкого (см.: *Шолоховская энциклопедия.* С. 393–394).

[2] Речь идет о главах из 2-й книги романа «Поднятая целина», опубликованных в журнале «Огонек» (1954. № 15 (11 апр.). С. 2–5). Имеется в фондах ГМЗШ (НВ-1302/5).

[3] Летом 1930 г. Е.Г. Левицкая со своим сыном Игорем гостили у Шолоховых в Вешенской. Впоследствии ею был написан очерк «На родине "Тихого Дона"», основой которого были впечатления об этой поездке (*Левицкая Е.Г.* На родине «Тихого Дона». Записки. Станица Вешенская 29.07–6.08.1930 // М. Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. Кн. 1. М., 2005. С. 278).

[4] Шолохова Мария Петровна (1902–1992) — жена писателя.

467. И.Н. КОЗЛОВ

18 апреля 1954 г., Рига (Латвия), воинская часть

г. Рига 7, в.ч. 30135.

Здравствуйте, дорогой Михаил Александрович!

На днях я получил письмо от отца и мамаши, в котором они с радостью сообщили мне, что Вы очень помогли моему тяжело больному отцу добраться до родной станицы. Мой отец — Козлов Николай Григорьевич, может быть, помните.

Большое Вам спасибо, дорогой Михаил Александрович, ведь в наших донских степях да еще в распутицу, не так-то просто переезжать из станицы в станицу, поэтому мы очень благодарны Вам!

Отцу не первый раз было ехать по Вашим местам. Он хотя и считался «иногородним», но исходил Дон вдоль и поперек — в гражданскую войну с юга на север и с севера на юг, а в Отечественную — с запада на восток и обратно, до Одера. И все в пехоте...

Пользуюсь случаем еще поблагодарить Вас за Ваши книги. Ваш «Тихий Дон» я начал читать еще пацаном (когда у родной тетки Татьяны втихую каймак с казанца[1] сдирал и на кошку сваливал).

Эта книга целая донская эпопея!

А события «Поднятой целины» по сути дела прошли у меня на глазах — я и сейчас хорошо помню первые колхозные собрания, полные махорочного дыма и страшенного мата!

В нашем полку многие выражения из этой книги стали поговорками.

«Они сражались за Родину» я читал где-то в Польше между двумя боевыми вылетами — хорошая книга.

Хочется знать, какие у Вас замыслы. Хочется видеть колхозный Дон этих лет, и без всякого меда и патоки!

Еще раз благодарю Вас за помощь!

Желаю Вам всего хорошего!

Ваш <Подпись>.

18.4.54 г.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Каймак (*дон., каз.*) — сливки с топленого молока, пенка (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1989. С. 74). Казанец, казан — котел (Там же).

468. Э.Р. КУЧЕРОВА

25 мая 1954 г., Москва

Москва, 25 мая 1954 г.

Дорогой тов. Шолохов,

Умоляю Вас прислать мне «Тихий Дон» изд. 53 г.[1] — в Москве его нет в продаже!

Нельзя добыть лучший роман в советской литературе, и человек должен пропадать! Я хочу всегда иметь эту книгу у себя, чтобы перечитывать. Потому и решаюсь обратиться к Вам. Посылайте наложенным платежом, чтобы Вам не было ущерба. Но, если можно, с автографом. (Ведь я Вам ничего нового не могу сообщить — Вы, который все это написали, — уже Вы-то знаете, что лучше об этом не напишешь.)

Какая это будет радость — если откликнетесь!

Преданная Вам — Эф. Кучерова.

Мой адрес: Москва — Б — 64, Фурманный пер., 16, кв. 22.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Речь идет об издании: *Шолохов М.* Тихий Дон: в 4 кн. Издание исправленное. М.: Гослитиздат, 1953. В большом послесловии к роману его редактор К. Потапов лишь в двух строчках упомянул, что в Шолохов «при подготовке последних изданий» своих романов «основательно “прошелся” по книгам и устранил языковые погрешности» (*Потапов К.* «Тихий Дон» Михаила Шолохова // *Шолохов Мих.* Тихий Дон. Кн. 4. М.: Гослитиздат, 1953. С. 491). На самом деле, это оказался самый исправленный редактором романа К.В. Потаповым (сотрудник отдела литературы и искусства газеты «Правда») текст «Тихого Дона». См. об этом: *Дворяшин Ю.А.* Текстологическое послесловие // Шолохов М.А. Тихий Дон. Научное изда-

ние: В 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 1. С. 774–780; *Воронцова Г.Н.* Текстологическое послесловие // Указ. соч. Т. 2. С. 808–812, 851–852.

469. Е.Г. ЛЕВИЦКАЯ

20 июня 1954 г., Москва

Москва

20.VI — 54 г.

Дорогой Михаил Александрович!

Четыре синеньких томика[1] заняли свое место рядом с «пухлыми» томами первого издания «Тихого Дона» («Моск<овский>Раб<очий>» 1928 г.). Спасибо, дружок, за память и ласку... Говорят, что Вы много работали над этим изданием (я сейчас не могу еще читать). Но это первое издание так дорого моему сердцу — со всеми своими «неудачными» сравнениями и шероховатостями в языке. Вспоминаю, как я всю ночь просидела над первой частью, какую мне дали «просмотреть» в порядке дружеской нагрузки... А потом Горя[2] отнял у меня и читал, пока я не ушла на работу в свою «книжную консультацию».

У меня сохранилось много отзывов и о «Т.Д.» и о «Поднятой целине». Помнится, что в первые годы я Вам аккуратно посылала все, что могло Вас интересовать[3]. Не думаю, что сохранилось это у Вас... Так вот, если Вам понадобится когда-нибудь — располагайте моим «архивом» — конечно, «на месте» — отдать его Вам «на совсем» — жалко. Я распорядилась, чтобы Горя отдал Вам все мною так внимательно собранное — потом...

С удовольствием узнала, что готовится «Собр. соч. М. Шолохова в 7 томах»[4]. По-видимому, седьмой том включит первые рассказы? А есть ли они у Вас? Ага, придется обратиться к моему «архиву»!

Конечно, подпишусь на «пол. собр.», чтобы не пришлось снова затруднять автора присылкой «авторского экземпляра»... Вы знаете, что эти первые рассказы я очень люблю. Помните, как я самовольно сняла один рассказ из журнала[5]? Рассказ этот, правда, из неудачных...

Скоро уезжаю на отдых к брату в Ленинград... правильнее, в Пушкин. У них там чудесно. Брату 85 лет — на 10 лет больше чем мне. Но он бодр и сохранил ясность ума и горячее сердце...

Крепко обнимаю вас обоих.

Сердечный привет от всех моих соколхозников.

Будьте здоровы и не забывайте Вашей Евг. Левицкой.

P.S. Люся на выпускном экзамене писала сочинение на тему «Типы коммунистов по “Поднятой целине”»... Все хорошо, но где-то не поставила запятую!

За небрежность письма — прошу не гневаться... старость не радость!

(*Автограф. ГМЗШ КП 8248/23. Л. 1–2*)

[1] Имеется в виду новое издание романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» 1953 г. (см. об этом примеч. к п. 468); Левицкая получила в подарок от Шолохова четырехтомник «Тихого Дона», о чем она его и благодарит в письме.

[2] Игорь, сын Е.Г. Левицкой, см. о нем примеч. 1 к п. 466.

[3] См. об этом письмо Шолохова Левицкой от 28 авг. 1928 г.: «Черкните, когда будете в Москве? С какого времени уедете? На это время, значит, останусь сиротинушкой? Кто же мне будет присылать отзывы с заботливо подчеркнутыми строками?» (*Письма*. С. 25).

[4] Речь идет о готовящемся собрании сочинений Шолохова, см. его издание: *Шолохов М.А.* Собр. соч.: в 7 т. (8 т. дополн.) / вступ. ст. Ю. Лукина. М.: Молодая гвардия, 1956–1960 (редактор Ю. Лукин). В дополнительный том вошли рассказы, очерки, фельетоны, статьи, выступления.

[5] Видимо, имеется в виду издание «Донских рассказов», из которых, как редактор, Е.Г. Левицкая исключила рассказ «Батраки» (см. об этом: *Летопись*. С. 246).

470. А.В. ТРЕГУБОВ

24 июля 1954 г., Йошкар-Ола, воинская часть

24.07.1954.

Здравствуйте, многоуважаемый Михаил Александрович!!

Прежде всего, извините меня за беспокойство вас. Я, молодой читатель ваших произведений, обращаюсь к вам с такой просьбой о романе «Тихий Дон», который произвел на меня большое впечатление, о героях этого романа, Григории Мелехове, и много других.

После этого я попросил типографию издательства описать. Но у них, кроме ваших, данных нет. Меня интересует жизнь сына Григория. И его самого, где они сейчас находятся и что с ними.

Редакция мне посоветовала обратиться к вам лично. Вот я и пишу вам такое письмо.

Потому что в Вашем романе описана и моя родина, станица <*2 нрзб*>, в которой я сейчас живу. Мне это интересно читать.

Михаил Александрович!

Я прошу вас написать мне, живет ли кто из родственников Мелеховых и что сейчас с Мишаткой, где он.

Прошу написать по адресу: г. Йошкар-Ола, в-ч. 31474. Трегубову Ан. Вас.

Я буду вам очень благодарен.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

471. П.Ф. ОХРИМЕНКО

3 августа 1954 г., село Заборовка Корюковского района Черниговской области (Украина)

Михаилу Александровичу Шолохову.

село Заборовка, на Черниговщине.

3 авг. 1954 г.

от

Петра Федоровича

Охрименко.

Дорогой Михаил Александрович!

Я только что закончил чтение «Тихого Дона» (последнее издание)[1], и мне захотелось написать Вам. Как и при первом чтении романа (много лет тому назад), я испытал большое эстетическое наслаждение и пережил много волнующих минут на протяжении трех с лишним недель. И меня захватило страстное желание посетить те места, где живет творец этого великого романа, который уже при жизни автора стал классическим. Короче и прямо говоря, мне страшно хочется повидаться с Вами, дорогой Михаил Александрович, побеседовать с Вами, совершить прогулку по донским степям, увидеть прекрасный Дон. Я жил в Донской области (1915–16–17 и 18 гг.), невдалеке от Каменской и Зверево, и воспоминание о донской степи с ее богатством полевых ароматных цветов до сих пор живо в моей памяти. А ведь память моя стала слабой, подчас наблюдаются настоящие провалы ее.

Мне 66 лет, прожита большая, полная событиями жизнь, и ее конец не за горами. И мне хотелось бы поделиться многими фактами из моей жизни, рассказать о моем трехлетнем пребывании в Америке, где мне пришлось вытерпеть и голод и холод, от которых меня спас Л.Н. Толстой своим письмом к Томасу Эдисону, на фабрике которого, в West Orange, New Jersey, мне пришлось работать по ходатайству великого русского писателя; рассказать о моей встрече с В.И. Лениным и Н.К. Крупской и о том, как Владимир Ильич и Марья Ильинична дали мне «путевку» в литературу[2], которой я и служу, по мере своих скромных сил, с 7 ноября 1919 года, как переводчик с английского[3].

Быть может, дорогой Михаил Александрович, мои рассказы дали бы Вам материал для изображения в будущем Вашем романе жизненного пути человека, вышедшего из самых низов народной (крестьянской, бедняцкой) жизни и пробившего себе путь в литературу и к высотам культуры. Конечно, этого со мной никогда бы не было, если бы не наша народная, советская власть и не встреча моя с В.И. Лениным и не переписка с Л.Н. Толстым. Тысячи и

тысячи таких, как я, людей из народа, сейчас поднялись и поднимаются до вершин знания и культуры, благодаря народной власти, и мне кажется, что я мог бы служить типом для изображения такого человека в литературе.

Сам я не обладаю талантом писателя, да и поздно мне уже думать об этом. Скромный труд переводчика — вот мой удел, и за то слава (несуществующему) богу!

Много переведено мною за 35 лет, но, к сожалению, мои труды почти никогда не переиздавались, гонорар всегда был незначительным, и к старости я пришел лишь с пенсией в 300 руб. Поэтому совершить к Вам путешествие мне не по средствам, и если Вы найдете интересной и желательной для Вас (я-то не знаю, как хотел бы!), встречу со мной, то прошу Вас прийти мне на помощь материально. Помощь эта не должна носить формы дара. Я хочу предложить Вам одну вещь.

В моей личной библиотеке на английском языке имеется 25 томов антологий лучших америк<анских> и англ<ийских> рассказов («The Best Short Stories») за года с 1915 по 1930[4]. Такой полной коллекции нет даже в Библиотеке Иностранной Литературы в Москве. Так как моя жизнь близится к концу, а наследников у меня нет, то мне доставило бы большое удовольствие привезти Вам эти книги для Вашей библиотеки. Когда я имел с Вами встречу в 1938 году[5], у меня создалось впечатление, что Вы собираетесь изучать англ<ийский> язык, и я полагаю, что это было осуществлено. Или, быть может, Ваша дочь Светлана или маленькая (в то время) Маруся изучили англ<ийский> язык, и эти книги доставили бы им истинное удовольствие[6]. Книги все в хорошем состоянии, в прекрасных переплетах, и тысячи рублей за них вполне достаточно, а этой суммы было бы также вполне достаточно мне для поездки к Вам.

Дорогой Михаил Александрович! Порадуйте человека в конце его жизненного пути, дайте ему возможность повидать Вас и Ваши родные края.

От всего сердца желаю Вам доброго здоровья и творческих сил на многие и многие года.

С любовью к Вам П. Охрименко.

P.S. Буду ждать от Вас вестей в ближайшее время. Если мое страстное желание найдет отклик в Вашем сердце, прошу указать в письме, как к Вам ехать из Москвы. (Я должен раньше съездить в Москву за книгами). А сейчас прошу писать мне по такому адресу:

Почт. отд. Низковка, Черниговской обл., село Заборовка, Петру Федоровичу Охрименко.

П.О.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

Петр Федорович Охрименко (1888–1975) происходил из крестьянской семьи, в юности работал слесарем, в 1908 г. бежал в Америку от суда за участие в железнодорожной забастовке в Екатеринославе. Оказавшись в Нью-Йорке без денег и без работы, Охрименко 19 декабря 1908 г. отправил письмо Л.Н. Толстому: «Великий человек! Лев Николаевич! <...> Впереди передо мной ужас голодной смерти в чужом, противном мне городе <...> Сегодня, читая "Воскресение", я начал думать о Вас и результаты моих дум — это письмо. Не оставьте меня в такой тяжелый для меня момент...» Охрименко просит Толстого устроить его в мастерские известного американского ученого-электротехника, изобретателя и предпринимателя Томаса Альва Эдисона (1847–1931), с которым в 1908–1910 гг. у русского писателя завязывается переписка. По просьбе Толстого В. Чертков пишет Эдисону и передает ему просьбу молодого рабочего Охрименко. Секретарь Эдисона отвечает, что «г. Эдисон будет рад сделать все возможное для Л.Н. Толстого». Таким образом Петр Охрименко получает место на граммофонной фабрике Эдисона. Впоследствии Охрименко вспоминал: «Это счастье дал мне дорогой Лев Николаевич. <...> Я писал Льву Николаевичу, благодарил за оказанную помощь и выражал надежду, что когда-нибудь лично увижу его и поблагодарю» (Переписка Толстого с Эдисоном // Литературное наследство. Т. 37–38. Л.Н. Толстой. II. М., 1939. С. 335–338).

[1] Речь идет об издании 1953 г., см. примеч. к п. 468.

[2] В 1917 г., будучи председателем Совета рабочих депутатов Должанского горного района, Охрименко был делегирован в Петроград на Первый Всероссийский съезд Советов, где познакомился с В.И. Лениным и Н.К. Крупской. Через два года, в октябре 1919 г., он приехал с Украины в Москву. «Дальний родственник приютил меня у себя, снабдил старыми, со своей ноги сапогами и делил со мной свой скудный паек, — вспоминал Охрименко. — По вечерам в его квартире я занимался переводами с английского: переводил Джека Лондона и Эдуарда Карпентера — английского писателя и поэта, друга Уолта Уитмена. Я перевел революционное стихотворение Эд. Карпентера и 6 ноября 1919 г. принес его в "Правду"». При поддержке секретаря редакции Марии Ильиничны Ульяновой (1878–1937), младшей сестры В.И. Ленина, стихотворение в переводе Охрименко 7 ноября было напечатано в газете. Заинтересовавшийся молодым переводчиком В.И. Ленин через М.И. Ульянову передал Охрименко записку во ВЦИК, адресованную Енукидзе, Каменеву и Стасовой: «Очень прошу устроить помощь, одежду, квартиру, продовольствие, подателю тов. Охрименко. <...> 12. XI. 1919 г.» Помощь была оказана (см.: Охрименко П. Воспоминания о В.И. Ленине // Живой Ленин. Воспоминания писателей о В.И. Ленине. М., 1965. С. 223–226).

[3] В переводе П.Ф. Охрименко выходили следующие издания: Джон Рид. «Революционная Мексика» (1925), Чарли Чаплин. «Мое путешествие в Европу» (1926), Берковичи Конрад. «Дочь укротителя. Цыганские рассказы» (1928), «Рассказы современных писателей Америки» (1930), А. Смедли «Дочь земли» (1931), «Рассказы о китайской Красной Армии» (1935), Дж. Олдридж «Дело чести» (1947), Норрис Ф. Спрут (1950), «Индийские рассказы и сказки» (1954) и др.

[4] Имеется в виду серия книг ежегодной антологии BASS, которая издается с 1915 г. в Бостоне издательством «Houghton Mifflin» и включает лучшие произведения малых жанров американских писателей. В книги антологии включались произведения Дж. Лондона, Джерома К. Джерома, О'Генри, Марка Твена и др.

[5] Судя по письмам Шолохова П. Охрименко от 9 марта и 23 ноября 1938 г.(см.: *Письма*. С. 208, 213), встреча была связана с переводом произведений писателя на английский язык (см.: РГАЛИ. Ф. 1673. Оп. 1. Ед. хр. 39).

[6] Шолохова Светлана Михайловна (род. в 1926 г.) — литературовед, текстолог. Мария Михайловна Шолохова (род. в 1938 г.) — филолог. По свидетельству С.М. Шолоховой, названных в письме книг в семейной библиотеке не было.

472. Д.И. ОРНАТСКИЙ

15 августа 1954 г., город Чапаевск Самарской области

Писателю Михаилу Шолохову

У меня к Вам, тов. Шолохов, сердечная просьба.

Я — учитель средней школы, член партии. Люблю литературу, люблю книгу.

Во время моей тяжелой болезни, когда я был в больнице, в магазинах книготорга продавалось 4-х томное издание (исправл.) «Тихого Дона»[1]. Одновременно продавалось и иллюстрированное издание для детей (Детгиз)[2] — эта долгожданная читателем книга, книга, очень нужная учителю.

По выходе из больницы я пытался приобрести «Тихий Дон», но было уж поздно: книги разошлись.

Вот я и решился обратиться к Вам с большой просьбой: помогите мне купить «Тихий Дон», очень бы хотелось — с иллюстрациями.

Знаю, что Вы заняты, что у Вас много работы, может быть, Вы будете и недовольны моим письмом (вероятно, многие обращаются к Вам с подобными просьбами), но все же прошу о помощи.

С глубоким уважением к Вам

учит. Д. Орнатский.

Мой адрес: г. Чапаевск Куйбышевской области,

улица Гражданская, 17.

Орнатскому Дмитрию Ивановичу.

15/VIII-1954.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Речь идет об издании 1953 г., см. примеч. к п. 468.

[2] Речь идет об издании романа «Тихий Дон» (М.: Детгиз, 1954. Серия: «Школьная библиотека»). Иллюстрации О. Верейского.

473. А.Ф. ЛЯСИНА

2 сентября 1954 г., Ленинград

Дорогой, Михаил Александрович!

К Вам я обращаюсь с большой просьбой. Хочу, чтоб Вы мне ответили на один вопрос, волнующий меня. Прежде чем присту-

пить к разрешению вопроса, я немножко коснусь того, что заставило меня обратиться к Вам.

Родилась я и выросла в деревне, таком глухом месте, что и в мысли не держала читать книги. Уже второй год, как я живу в Ленинграде. Работаю на одном заводе эл<ектро>монтером. Живу в общежитии, и мне это доставляет возможность учиться. Итак, я кончила здесь 7 кл., сейчас поступила на вечернее отделение Лен. энерго-техникума[1] повышать свою профессию. Вот теперь-то я с жадностью читаю книги, наверстываю упущенное.

Так вот: читая книги разных писателей, я все мечтала прочитать Ваши «Поднятая целина» и «Тихий Дон», но не было возможности их достать, ибо на них большой спрос.

Наконец мне удалось взять книгу «Поднятая целина». Очень хорошая книга, с нетерпением жду издания второй книги. Потом все-таки добилась взять и «Тихий Дон». Прочитала я его буквально за неделю. Представьте себе, я не читала, а просто глотала: до чего понравилась мне эта книга. Можете не поверить, но я все же скажу, что мне неоднократно снилось содержимое книги, а именно Григорий Мелехов, насколько запечатлелся его образ. До сих пор болею за героев этого романа. Не просто, что слово «болею», а именно душой болею, не нахожу места и перечитываю все снова.

Особенно меня мучит судьба Григория Мелехова. Поэтому я Вас очень и очень прошу: успокойте меня, скажите, пожалуйста, что с ним стало с тех пор, когда он, потерявший все, вернулся к единственному сыну — все то, что его пока еще роднило с землей и с огромным сияющим под холодным солнцем миром[2]. Меня волнует вот что: не сделал ли он что-либо с собой, и если ничего, то как с ним поступила партия? Простили ли его? Успокоил ли он хоть чем-нибудь себя, ведь он многого хотел в жизни? Представилась ли возможность ему <пройти>свой жизненный путь, хотя не так, как хотел он? Если остался жив, то где и с кем стал жить? Жив ли в настоящее время? Вот все то, что я хотела у Вас спросить. Так уж, пожалуйста, ответьте. Я уже пыталась у многих спрашивать, но никто этого не знает, и тогда я решила обратиться к Вам, Михаил Александрович. В нашей комнате все девушки желают узнать, так это общая просьба. Одна из них писала уже, но ответа не последовало, а я решила снова послать и остаюсь с надеждой, что Вы сделаете это.

Извините, конечно, меня, что я отрываю у Вас немного времени, но ведь Вы же видите, насколько я мучаюсь. Неужели я зря написала!

Ответ шлите по адресу:

г. Ленинград 12. ул. Чернова, дом № 1. ком. № 70. Лясиной Анне Ф.

Жду ответ.

(*Автограф. ГМЗШ КП-8249/26.Л. 1–2*)

[1] Ленинградский энергетический техникум (основан в 1921 г.).

[2] Цитируются финальные строки романа.

474. М. НИЕМЧЕНКО

30 сентября 1954 г., город Красный Сулин Ростовской области

Дорогой Михаил Александрович!

В феврале текущего года я от имени молодежи и физкультурников Сулинского Металлургического завода обратился к Вам, как к депутату Верховного Совета СССР с просьбой оказать содействие в отпуске средств на строительство стадиона[1].

Благодаря Вашему чуткому отношению к нашей просьбе — ходатайству перед Министром Черной Металлургии, нам выделены на 1955 год средства в сумме 1444 тыс. руб.

Многолетняя мечта молодежи завода — иметь летнюю спортивную базу осуществилась. Молодые металлурги будут иметь возможность заниматься всеми видами спорта, повышать свое спортивное мастерство, готовить себя к труду и обороне нашей прекрасной Родины.

От имени молодежи и физкультурников нашего завода приношу Вам искреннюю, сердечную благодарность за ту помощь, которую Вы нам оказали.

Желаю Вам, дорогой Михаил Александрович, многих лет жизни и здоровья на благо нашей отчизны.

Зам. председателя совета ДСО «Металлург» Сулинского металлургического завода М. Ниемченко.

Сентябрь 1954 г.

г. Красный Сулин.

(*Машинопись. Архив семьи Шолоховых*)

[1]Данное письмо относится к огромному корпусу депутатской переписки М.А. Шолохова, которая в настоящем издании представлена несколькими письмами.

475. П.П. ЛАПТИЕВ

21 ноября 1954 г., село Архиповка Россошанского района Воронежской области

Здравствуйте, Глубокоуважаемый Михаил Александрович!

Как Вы там поживаете? Здоровы ли, бодры ли?

Недавно я с огорчением читал в «Литературной газете» выпады, которые позволил себе писатель В. Ажаев[1]. Где же Вы ему перешли дорогу, что он так ополчился на Вас? И как же разгадать: не кроется ли под этой якобы деловой и товарищеской критикой преднамеренно задуманная травля? Но ничего у него из этой затеи не выйдет. Жаль, конечно, что ростовские товарищи слишком сдержанно и дипломатично выступили с отповедью.

Кто не знает, что Вы, живя в станице Вешенской, живете в гуще сельского народа. Что Вы не берете творческих командировок для поездки в народ, а здесь же на «живом материале» живете, общаетесь с этим народом, знаете всю подноготную своего народа и, само собой понятно, черпаете «руду» для своих произведений — произведений любимых и сугубо жизненно правдивых.

Так чего же хочет Ажаев? Чтобы Вы оставили эту золотую жилу для неисчерпаемого творчества и уехали в Москву и лишены были создавать те произведения, которые входят в золотой фонд советской литературы? Союз — Союзом, а дело — делом. С начинающими можно с успехом заниматься и в Вешенской.

А спросить бы Ажаева, разве плохо, что, когда он был на таком же «живом материале» и создал свое «Далеко от Москвы»[2]? Плохо? Нет, конечно. А вот когда он стал жить в Москве, то, видимо, с большого пальца еле высосал рассказ «Бесконечное свидание»[3], и хотя оно создано в Москве, но очень далекое от Москвы.

Так чего же он, говоря Вашим языком, присучился к Вам?

И впрямь и обидно, и смешно: бросай живое и езжай искать мертвого, сидели б в ажаевском кабинете и стенгазетку выпускали, по комиссиям да подкомиссиям с зевотой восседали. А, нехитро, поручили бы Вам хозяйственную часть, то за дровишками бы шастали...

Ну, полно об этом. Теперь о деле.

Посылаю Вам копию своего рассказа (извиняйте только, что, может быть, не везде четко видно отпечатанное, т.к. Вы сами знаете, что как трудно купить в наших краях копировальной бумаги) и прошу Вас, выкройте и уделите ему несколько минут внимания. Прочтите и скажите о нем свое веское слово.

И если да, то помогите мне куда-нибудь его протолкнуть, ну хотя бы в «мусорный ящик».

Последнее, конечно, шутка. Но Вы сами понимаете, как трудно протиснуться начинающему в толпе именитых.

Простите за беспокойство.

С глубоким чистосердечным приветом к Вам

Петр Лаптиев.

21.11.54 г.

Россошь Воронежской области, с. Архиповка.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

Не исключено, что автором письма является Лаптиев Петр Прокофьевич (1918, г. Россошь Воронежской губ. — 2002) — организатор гидрометеослужбы, заслуженный метеоролог РФ, почетный работник гидрометеослужбы России, выпускник Воронежского университета (источник: Энциклопедия Забайкалья // http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=6486).

[1] Речь идет о выступлении прозаика Василия Николаевича Ажаева (1915–1968) в рамках предсъездовской дискуссии, которая нашла освещение на страницах «Литературной газеты» (см. об этом в статье «Читатели Михаила Шолохова: контексты эпохи», с. 790–792 наст. изд.).

[2] Роман В. Ажаева «Далеко от Москвы» (сталинская премия 1949 г.) рассказывает о строительстве в годы войны нефтепровода на Дальнем Востоке; писатель хорошо знал жизненный материал, легший в основу романа: в 1930-е гг. после лагеря работал вольнонаемным на Дальнем Востоке.

[3] Лирический рассказ «Бесконечное свидание» впервые опубликован в «Литературной газете» (1954. 10 июля. С. 2).

[4] Рассказ читателя в фондах ГМЗШ не выявлен.

476. З.М. ПОТАПОВА

26 декабря 1954 г., Москва

Дорогой Михаил Александрович!

Я только что прочла Вашу речь на съезде писателей[1] и первым душевным движением было — сказать Вам огромное спасибо за Ваши мужественные и умные слова. Верьте, что каждый честный русский человек, который любит книгу и чтит писательский дар, благодарен Вам так же, как и я. Не обращайте внимания на все те злобные глупости, которые уже сказали[2] и еще могут быть сказаны по Вашему адресу «обиженными» и ими подученными простаками. Знайте твердо, без сомнений: Вы говорите за весь народ, которому поперек горла встали нудные лживые книги, который возмущен швыряньем денег по премии, которому претит окололитературное подхалимство. Если б хоть кто-нибудь из этой публики был настоящим писателем и человеком, он сказал бы: «Правильно ты, брат Шолохов, так мне, дураку, и надо, впредь буду умнее, спасибо за порку». А если ни у кого из них не хватило на это духу — значит, немного они и стоят!

Пусть ни на одну минуту не закрадется к Вам мысль, что все инсинуации по поводу Ваших слов, доходящие до прямой клеветы, могут хоть малейшей каплей замарать в глазах людей Ваше имя, авторитет, дарование.

Для нас всех Шолохов — это наша гордость, и мы еще больше гордимся Вами после Вашего выступления на съезде, где Вы единственный встали на защиту большой русской советской литературы.

Конечно, в письме всего не выскажешь, да ведь Вы «дамской писанины» не любите — и правильно!

Я только хочу еще раз сказать Вам спасибо от всего сердца.

Желаю Вам счастливого Нового года, здоровья, веселья, душевной бодрости и сил для создания прекрасных книг.

З.М. Потапова, сотрудник Института Мировой Литературы АН.

Москва.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

Потапова Злата Михайловна (1918–1994) — литературовед, литературный критик, переводчик; в 1952 — 1984 гг. работала в Институте мировой литературы им. А.М. Горького; автор фундаментальных работ по истории итальянской литературы XIX — XX вв., переводчик итальянской прозы (в 1955 г. вышел ее первый перевод — «Приключения Чиполлино» Дж. Родари).

[1] Второй Всесоюзный съезд советских писателей проходил в Москве с 15 по 26 декабря 1954 г. Шолохов выступал 24 декабря, это был седьмой день съезда (вечернее заседание; опубл.: *ЛГ*. 26 дек. С. 2). О выступлении писателя см. далее примеч. к п. 480, 483, 485, 486; см. также статью «Читатели Михаила Шолохова: контексты эпохи», с. 784–796 наст. изд.

[2] Имеются в виду выступления Ф. Гладкова и К. Федина, опубликованные в этом же номере газеты (*ЛГ*. 26 дек. С. 4, 6). См. о них далее примеч. к п. 480, 486.

477. ЕРЕМЕЕВЫ

Конец 1954 г., Ульяновск

Дорогой и любимый Михаил Александрович!

Мы, простая русская семья из славного города Ульяновска — родины В.И. Ленина, шлем Вам свой сердечный привет, горячие поздравления и самые наилучшие пожелания в Вашей жизни и работе. Мы всем сердцем желаем Вам — наш родной Михаил Александрович — хорошо встретить и провести Новый 1955 год. Знайте, дорогой Михаил Александрович, что мы не только любим Вас, но и гордимся Вами, потому что Вы лучше других современных писателей отстаиваете ум, честь, совесть русского народа.

Семья Еремеевых.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

478. Н.Ф. ЕСИН

1 января 1955 г., Екатеринбург

Дорогой Михаил Александрович!

Примите наш горячий солдатский привет и массу наилучших пожеланий в Вашей жизни.

Поздравляем Вас с Новым 1955 годом и желаем Вам отличного здоровья и успехов в Вашей работе над романами: «Поднятая целина» и «Они сражались за Родину».

Михаил Александрович, я хотел написать в Союз советских писателей по интересующим меня вопросам, но так как отвечать на них все равно пришлось бы Вам, то я передумал, и пишу прямо к Вам.

За огромной писательской работой, которую Вы проводите, у Вас может быть, не будет свободного времени, чтобы отвечать на все письма Ваших читателей, но так как я давно читаю Ваши книги, которые мне очень дороги, как и миллионам других читателей, то я прошу Вас ответить мне на интересующие меня вопросы. Я несколько раз прочитал «Тихий Дон» и «Поднятую целину», первую часть. Знаю, что прочитаю их и еще много раз. Жду с нетерпением второй части «Поднятой целины» и окончание «Они сражались за Родину».

В романе «Тихий Дон» для меня осталась непонятной дальнейшая судьба Григория Мелехова. Я человек не достаточно грамотный, чтобы самому понять дальнейшую судьбу Григория Мелехова, и лица, к которым я обращался за разъяснениями, не могли удовлетворить меня своим ответом. Я знаю, что многие советовали Вам, чтобы Григорий стал большевиком, другие желали, чтобы он погиб на поле боя, ведя в атаку эскадрон буденновской армии.

У меня есть два мнения: Григорий Мелехов командир дивизии, офицер и сподвижник Фомина, на его совести много крови и, по-моему, он должен быть расстрелян. Другое мнение: Григорий — заблудившийся человек. По-моему, Советская власть, учитывая тот период, когда среди атаманов, генералов и всякой другой сволочи было очень трудно выбрать правильную дорогу человеку малограмотному, к тому же казаки по сравнению с крестьянами пользовались привилегией царя. Мне кажется, что Советская власть ему, как заблудившемуся, дает право честным трудом искупить свою вину перед Родиной, и Григорий, в конце концов, становится человеком, достойным нашего общества. Ведь многим офицерам и генералам Советская власть давала это право и верила даже на слово, а между тем вина перед Родиной у них

была не меньше, чем у Григория. Мне и многим нам очень бы хотелось, чтобы Григорию простили, и он стал бы советским человеком.

Многие мои товарищи спрашивают: а почему бы и правда, не сделать Григория хорошим командиром Красной Армии? Ведь судя по его военным подвигам на стороне врага, у него даже были превосходства по сравнению с командирами, воевавшими на нашей стороне, — стороне Советской власти? Михаил Александрович, может быть, Вам многие задают такие же вопросы, и может быть ответы на них уже опубликованы в печати, но я прошу извинить меня, у меня нет возможности прочитать их. В библиотеке я ничего не нашел. Вашим ответом я бы очень гордился и думаю, что Вы мне ответите, и я буду знать все то, что моё образование не позволило самому понять вопросы, которые я Вам задал.

Очень прошу Вас ответить мне по адресу: г. Свердловск, 44, в/ч 01042 «АК». Есину Николаю Федоровичу.

Что касается меня, я служу в армии. Имею воинское звание младший сержант. Образование 5 классов. Мое служебное положение и то не позволяет быть человеком, не умевшим разъяснить своим подчиненным то или иное положение в художественной литературе. Командир должен быть на голову выше своих подчиненных. Очень прошу Вас помочь мне разобраться в этом деле. Вашего ответа жду с горячим нетерпением.

1/I-55 г.

мл.с-т (Подпись).

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

479. Н. СЕРГЕЕВА и др.

2 января 1955 г., город Каменск-Шахтинский Ростовской области

Уважаемый товарищ Шолохов!

Извините, что мы беспокоим Вас, но мы решили обратиться к Вам с большой просьбой. Мы, ученицы средней школы г. Каменска, скоро будем прорабатывать Ваши произведения, но в нашем городе купить Ваши книги невозможно, а также не представляется возможность сделать подписку. Очень просим Вас помочь нам в приобретении каких-либо Ваших книг и думаем, Вы не откажите нам.

Ответ сообщите нам по адресу:

г. Каменск-Шахтинский — областной[1],

ул. Карла Маркса, 69, кв. 3.

Сергеева Нина,

Сергеева Валя,
Бурков Сергей.
Заранее благодарим Вас.
II. I. 1955 г.

(*Автограф. ГМЗШ КП — 8692/40*)

[1] В 1954 г. по решению Президиума Верховного Совета СССР за счет разукрупнения Ростовской и соседних с ней Воронежской и Сталинградской областей была образована Каменская область с центром в городе Каменске-Шахтинском. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в ноябре 1957 г. Каменская область была упразднена.

480. Н.В. БЕЛИНСКИЙ

3 января 1955 г., Николаевская область (*Украина*)

Уважаемый Михаил Алексан.

Большое товарищеское спасибо Вам от рядового советского читателя за все Ваши литературные труды и за Ваше искреннее выступление на Съезде писателей. К. Федин послал Вам воздушный «поцелуй» по поводу единомыслия со ст<атьей> Овечкина[1], но всякий мало-мальски мыслящий читатель поймет Вас и его. Вы немного поцарапали лак на изящных, маститых своим твердоватым донским песочком, помяли им фасон казацкой речью прямоватой, а «изящные» не любят мужицкой щетки грубоватой. Вот он и постарался навести лак на испорченную фигуру манекенов. Они красивы в книжных магазинах, но какая польза от них народу нашему рабоче-мужицкому? Нет, для нас, мужиков, не подходит эта салонная изящность, эта холеная «дама <сердца>», именуемая литературой для изб<ранных> <утрачено> высоким вниманием.

Нам нужны искренние, горячие, простые «дамы сердца», из народа: понятные и верные нам до гробовой доски. Довольно с нас их грубоватой, но честной и правдивой ласки. Пусть эстетки поклоняются фединским куклам, пусть ищут у них благосклонной ласки богинь с Олимпа, а мы уж как-нибудь обойдемся без этих сладостей.

Правда-матушка горька, да плоды ее сладки. Пусть кричат нам: «Горько!», но мы-то знаем, что слаще. Не верю, что Вы размахивали на съезде «дубиной»[2]. Неправда это! Вернее, было бы сказать, казацкой шашкой горячей.

А вот они-то все, любители лака, действительно по-медвежьи услуживают русскому литературному искусству: отгоняют, отгоняют <утрачено> и прихлопнут друг друга таким изящным манером, что богу приятно и черту радость великая. Вот Григо-

рий Мелехов, как живой, стоит в памяти читателя. У симоновых[3] и у фединых[4] я не вижу такого упрямого образа, который бы гвоздями сидел в простой мужицкой голове. Все у них какое-то туманно-расплывчатое, как «некто в сером»[5]. Ну точно, как говорит т. Сталин: «Ни богу свечка, ни черту кочерга»[6].

Таких образов «некто в сером» развелось у нас великое множество. Они, как туман, заслоняют в нашей художественной литературе настоящих, хороших и ярких героев. И хочется, чтобы подул этакий свежий ветерок и «подобрал туман выше темя гор»[7]. Пусть бы выглянуло красное солнышко и осветило прекрасных народных героев, в<ы>веденных добрыми феями из глу<бины> лесов русских, да степей шир<оких>.

<В> детстве я рос среди казаков станицы Секачи Усть-Медвецкого округа и (в душе «хохол») полюбил казацкую душу, казацкую прямоту и удаль беззаветную. И меня почему-то любили молодые казаки. Лучший друг моей юности был казак М. Марнин. Вот уже 37 лет, как я не видел его и не знаю, жив ли он, а помню, как живого. Таким веселым и жизнерадостным представляю себе и Вас, Михаил Александрович.

Старик я (58 лет), а люблю молодых людей счастливых и жизнерадостных. Хотелось бы в конце жизни увидеть еще раз донские родные сердцу места, да не знаю, удастся ли.

Дороги сердцу моему воспоминания о далеком детстве среди казаков, потому я так радостно и глубоко воспринял Ваши образы казаков.

Простите за отнятое у Вас время.

Ваш читатель, Н. Белинский.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Речь идет о реакции писателя Константина Александровича Федина (1892–1977) на статью Валентина Владимировича Овечкина (1905–1968) «Поговорим о насущных нуждах литературы», в которой тот критиковал Союз писателей за проявление беспринципности при выдвижении кандидатов на соискание премии и спешку, которая приводила к поверхностному рассмотрению и обсуждению (*ЛГ*. 1954. 31 июля. С. 3). Эту мысль Овечкин повторил в своем выступлении на Втором Всесоюзном съезде советских писателей 15–26 декабря 1954 г. (*Стенографический отчет*–1954. С. 249). Апеллируя к речи Овечкина на съезде, Шолохов критиковал систему присуждения литературных премий, видя в этом «одну из причин снижения ценности художественного произведения» (*Стенографический отчет*–1954. С. 376).

[2] Федин сравнил выступление Шолохова на съезде с со знаменитой «напостовской дубиной»: «...у многих создалось впечатление, что мешающая работе Союза писателей групповщина превращена теперь в дубину, которой устрашающе размахивает даже выдающийся и общепризнанный русский советский писатель» (*Стенографический отчет* – 1954. С. 503). Вслед за ним, отвечая на критику Шолохова, этот же образ использовал Б.С. Рюриков (*Там же*. С. 569). См. примеч. 1 к п. 481.

[3] Симонов Константин Михайлович (1915–1979) — писатель, общественный деятель, журналист. См. примеч. 2, 3, 4, 5 к п. 481.

[4] По контексту письма видно, что читатель дает оценку произведениям Симонова и Федина, но о каких именно произведениях идет речь неясно.

[5] Персонаж пьесы Л.Н. Андреева «Жизнь человека» (1907).

[6] Цитата из «Речи товарища И.В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы от 11 декабря 1937 г. в Большом театре» (Правда. 1937. 12 декабря. С. 1).

[7] Цитата из стихотворения А.В. Кольцова «Урожай» (1835).

481. А. ЗОЛОТОТРУБОВ

4 января 1955 г., Киев (Украина)

Дорогой Михаил Александрович!

Здравствуйте!

Пишет Вам письмо не писатель или поэт, не критик вроде т. Рюрикова[1] и не т. Симонов[2], многоуважаемый прозаик, мало (совсем мало!) и бедно написавший о советских людях, и страшно боящийся критики, а рядовой читатель Ваш — курсант Киевского Военно-морского Политического училища.

Мне хочется сказать несколько слов о Вашем выступлении. Хорошее, острое, критическое выступление. Вы очень верно и метко сказали о творчестве т. Симонова и т. Эренбурга[3].

И, если хотите, больше — Ваше слово на съезде — это горячее стремление, чтобы наша литература действительно была такой, какой хотел ее видеть наш Горький. Верно то, что талантливый К. Симонов разменивает свои способности по мелочам, пишет обо всем и почти во всех жанрах и формах, а такое, которое врезалось бы в память читателя, еще не создал[4]. Разве только «Дни и ночи» мало-мальски запоминаются и то витиевато. А последняя его вещь «Товарищ по оружию» — объемистая, но весьма бесстрастная книга. Герои ее не запоминаются, хоть третий раз читать этот роман[5].

Не буду Вас отвлекать от работы, у Вас ее непочатый край. Хочу лишь заметить, что все или почти все курсанты и преподаватели ценят Ваше выступление. Разрешите мне спросить о следующем.

Выступавший после Вас, кажется т. Фадеев, говорил, что т. Рюрикова Вы зря критиковали[6], что-де он не виновен. Правда ли это?

И второе, очень хотелось бы знать, что Вы сейчас сдали в издательство и над чем работаете?

Чем думаете порадовать нас, читателей?

Вот, товарищ Шолохов, уже почти кончил писать и все-таки чувствую обиду, как и сотни моих товарищей. Почему т. Гладков[7] назвал Ваше выступление непартийным, какое он имел к этому основание? Мы все здесь коммунисты, члены или кандидаты партии и, однако, с т. Гладковым ни йоту не согласны. Может быть потому, что Вы не оценили некоторые произведения последних лет, скажем А. Твардовского «Василий Теркин»[8]. Вы, как мы думаем, не ставили перед собой эту задачу. Если можно, сообщите нам свое мнение по этому вопросу.

Будьте, уважаемый Михаил Александрович, счастливы! Живите, трудитесь, пишите нам. Как создали «Тихий Дон», «Поднятую целину». Эти вещи — настоящая гордость не только нашей советской литературы, но и всей прогрессивной литературы мира. Жмем Вашу руку.

С матросским приветом

курсант Александр Золототрубов.

Прошу Вас ответить на это письмо хотя двумя-тремя строчками.

Мой адрес: г. Киев, 70, ВМПУ.

Золототрубову А.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Борис Сергеевич Рюриков (1909–1969) — журналист, главный редактор «Литературной газеты» (1953–1955); на съезде Рюриков выступал с основным докладом о критике «Об основных проблемах советской критики» (*Стенографический отчет — 1954.* С. 297–326). Читатель откликнулся не на этот доклад, а на «заключительное слово» Рюрикова, в основном посвященное не анализу поставленных на съезде вопросов литературной критики, а выступлению Шолохова, в котором в целом уничижительная характеристика современных «неистовых виссарионов» вылилась в резкие оценки «Литературной газеты» и позиции ее редактора: «”Литературная газета” формирует общественное мнение. “Литературная газета”– это ключевые позиции к нашей литературе, к беспристрастному познанию ее. Но о каком же беспристрастии может идти речь, если во главе этой газеты стоит человек, немало обязанный т. Симонову своим продвижением на литературно-критическом поприще (*аплодисменты*), человек, который смотрит на своего принципала как на яркое солнце <....>“Литературной газете” нужен руководитель, стоящий вне всяких группировок и группировочек, человек, для которого должна существовать только одна дама сердца — большая советская литература в целом, а не отдельные ее служители, будь то Симонов или Фадеев, Эренбург или Шолохов» (Там же. С. 375). Рюриков назвал обвинения Шолохова в свой адрес «безответственными» как в отношении его карьеры, так и оценок позиции «Литературной газеты»: «Товарищи! Я работаю не ради личных интересов, и не стоит Шолохову швыряться такими словами. Я работаю там, где мне поручают, и работаю честно. Неужели Шолохов думает, что работа в газете — это сладкий хлеб. <...> Нет, я не цепляюсь за место, но если бы на моем месте оказался человек, не уважающий литературу и размахивающей оглоблей, я думал бы, что последнее время работал зря». Далее Рюриков развил образную характеристику речи Шолохова, предло-

женную К. Фединым (см. примеч. к п. 479) и дал оценку «смелому» выступлению Шолохова: «Я называю такую смелость ослеплением. Когда человек вооружается дубиной и говорит при этом, что нам такие редакторы, как Рюриков, не нужны, — отвечаю: я очень рад, что не нужен людям, утратившим чувство ответственности за свои слова (*Аплодисменты*)» (С. 569–570).

[2] См. примеч. к п. 480. В данном высказывании читателя речь идет о «заключительном слове» К.М. Симонова, в котором анализ обсуждения на съезде вопросов «советской художественной прозы» в основном давался через полемику с Шолоховым, который в своем выступлении остановился на деятельности Симонова как одного из руководителей СП и на его прозе (см. далее примеч. 3). Себя Симонов отнес «не столько к числу обижающихся или обороняющихся, сколько к числу людей, которых здесь на съезде большинство, — к числу людей, огорчающихся его [Шолохова] выступлением» (*Аплодисменты*)» (С. 570). Он подчеркнул, что понимает и разделяет «особую тревогу» Шолохова о качестве современной литературы, принимает для себя «дельный совет» Шолохова «работать лучше», но предлагает «не опускаться до уровня Шолохова-критика» в оценках работы и творчества его современников. Несправедливым он назвал выпад Шолохова против Рюрикова, отметив, что «Предсъездовская трибуна» в «Литературной газете» представила все «многообразие» мнений и выступлений писателей разных художественных направлений, и призвал к товарищеским отношениям в литературной среде, единству в общем деле строительства советской литературы: «Я думаю, что мы, вместе с т. Шолоховым, и т. Эренбургом, и с другими нашими товарищами по общему делу, коллективно убережем нашу литературу от тех диких ветхозаветных обычаев, вроде вражды между казаками и иногородними, которая так хорошо и с такой силой описана в “Тихом Доне”. (*Смех, бурные аплодисменты.*) Тот из нас, кого литературные несогласия и споры заставят необъективно оценивать работу товарища, — тот не настоящий деятель советской литературы. (*Аплодисменты*)» (С. 570–571). Симонов в заключительном слове, не упоминая источник, пересказывает отзыв Шолохова на его роман «Товарищи по оружию» в письме от 22 марта 1952: «<...> Посылаю рукопись Симонова. Хорошо, но постругать ее надо самому Симонову, а не редактору <...>» (РГАЛИ. Ф. 1814. Оп. 9. Ед. хр. 2696. Л. 1. Разыскание О.Я. Алексеевой).

[3] В выступлении на съезде Шолохов критически высказался только о творчестве двух прозаиков — К. Симонова и И. Эренбурга, упомянув и об их столкновении на съезде (Эренбург в своем выступлении остро отреагировал на некоторые критические высказывания в адрес его повести «Оттепель», прозвучавшие в выступлениях Симонова — в предсъездовские дни в его статье, а на съезде в главном докладе о прозе): «По старой дружбе не могу не помянуть здесь И.Г. Эренбурга. Не подумайте, что я снова собираюсь спорить по творческим вопросам, упаси бог! Хорошо спорить с тем, кто яростно обороняется, а он на малейшее критическое замечание обижается и заявляет, что ему после критики не хочется писать. (*Аплодисменты.*) Что же это за спор, когда чуть тронешь противника, а он уже ссылается на возраст и будит к себе жалость? Нет, у нас лежачего не бьют. Пусть лучше Эренбург пишет... Он делает большое и нужное дело, активно участвуя в нашей общей борьбе за мир. Но ведь критикуем мы его не как борца за мир, а как писателя, а это — наше право. Вот, в частности, он обиделся на Симонова за его статью об “Оттепели”. Зря обиделся, потому что не вырвись Симонов вперед со своей статьей, другой критик по-иному сказал бы об “Оттепели”. Симонов, по сути, спас Эренбурга от резкой критики. И все-таки Эренбург обижается» (С. 377) и т.д.

[4] Это высказывание читателя вдохновлено следующим фрагментом выступления Шолохова: «К. Симонов отнюдь не новобранец в литературе, а достаточно

пожилой и опытный боец. Написал он тоже достаточно много и во всех жанрах, которые свойственны литературе. Но когда я перечитываю его произведения, меня не покидает ощущение того, что писал он, стремясь к одному — лишь бы вытянуть на четверку, а то и на тройку с плюсом. А ведь он, бесспорно, талантливый писатель, и его нежелание (о неумении тут не может быть и речи) отдать произведению всего себя, целиком, заставляет тревожно задумываться. Чему могут научиться у Симонова молодые писатели? Разве только скорописи да совершенно не обязательному для писателя умению дипломатического маневрирования. Для большого писателя этих способностей, прямо скажу, маловато. Особую тревогу вызывает его последняя книга: с виду все гладко, все на месте, а дочитаешь до конца — создается такое впечатление, как будто тебя, голодного, пригласили на званый обед и угостили тюрей, и то не досыта. И досадно тебе, и голодно, и в душе проклинаешь скрягу хозяина» (С. 377).

[5] Повесть *«Дни и ночи»* (1943–1944) посвящена Сталинградской битве; в 1944 г. по ней был снят художественный фильм. В романе *«Товарищи по оружию»* (1952) — это та «последняя книга» писателя, о которой говорил Шолохов, рассказывается о событиях 1939 г., военном столкновении с Японией на Халкин-Голе (Симонов был на Халкин-Голе как военный корреспондент).Читатель явно читал и речь В. Овечкина, который выступал на съезде раньше Шолохова, но критический пафос его речи по отношению к фигуре Симонова не уступал автору «Тихого Дона»; см.: «В самом деле, давайте обратимся к проверке временем и к главным героям романов. Это хорошая проверка. Это один из первых признаков большой литературы — запоминаемость до смерти главных и даже не главных героев. Ведь невозможно представить себе читателей книги “Как закалялась сталь”, которые через год или даже через десять — двадцать забыли бы имена героев этой книги. Невозможно забыть героев “Молодой гвардии”. <...> В “Тихом Доне” множество персонажей, но помнишь их не только по фамилиям, а и по имени-отчеству, и все они как живые, стоят у тебя перед глазами. А вот персонажи ваших романов и некоторых пьес, даже главные герои, что-то быстро забываются. Самая последняя ваша вещь — “Товарищи по оружию”, — еще типографская краска не высохла, а уж что-то тускнеют в нашей памяти» (С. 252).

[6] Фадеев в своем выступлении не защищал Рюрикова, это сделал Симонов (см. выше примеч. 2), но критический пафос Шолохова в отношении литературы последних лет не разделял (см.: С. 505, 508–509). Осуждение выступления Шолохова в этот день (шел 9-й день съезда) прозвучали от К. Федина (см. примеч. к п. 480), С. Антонова (С. 483) и известного критика В. Ермилова (С. 471). Осудил «полемический ход в выступлении» Шолохова А. Сурков «в заключительном слове» (он выступал на съезде с главным докладом «О состоянии и задачах советской литературы» и закрывал съезд): «Разве можно было говорить о своих товарищах по оружию, как говорили некоторые с этой трибуны о Симонове, Эренбурге, Рюрикове? <...> Это было в выступлении т. Шолохова» (С. 575).

[7] Подробно о выступлении Ф. Гладкова на съезде см. далее, примеч. к п. 486.

[8] Имя А.Т. Твардовского Шолохов называет среди авторов «подлинно талантливых произведений, появившихся в последний период» (С. 375). Шолохов высоко ценил поэму «Василий Теркин», что нашло отражение в первых главах романа «Они сражались за Родину», опубликованных в 1943 г. (об отношениях писателей см.: *Шолоховская энциклопедия*. С. 818–822). Твардовский в июне 1954 г. был освобожден от должности главного редактора «Нового мира», его на этом посту заменил К. Симонов. Как отметил М.Н. Липовецкий, в антисимоновском выпаде Овечкина и Шолохова можно увидеть реакцию на разгром «Нового мира» Твардовского (Овечкин — автор «Нового мира» и один из героев статьи В.М. Померан-

цева «Об искренности в литературе», Шолохов в эти годы был членом редколлегии «Нового мира», а его выступлению не чужд пафос борьбы за «искренность» в литературе) (см. об этом: *Липовецкий М.Н.* Поэтика скандала: речь Шолохова на Втором съезде писателей // Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Идеология исторического перехода и трансформации советской литературы. СПб., 2018. С. 234–236).

482. А.Н. СВИРИДОВ

8 января 1955 г., с. Никольское Аннинского района Воронежской области

Дорогой М.А. Шолохов!

Во-первых, извините, может быть, оторву Вас от работы. (Вы, возможно, пишете предисловие к пословицам и поговоркам русского народа, собранные В. Далем[1]).

Во-вторых, пожалуйста, выполни мою просьбу, которая состоит в следующем.

Михаил Александрович!!! Я (Анатолий Свиридов) до страсти люблю Ваши книги. За что? За правду!! (Да, именно за правду, ибо вы лучше всех (я имею в виду писателей) «усвоили» завет тов. Сталина: «пишите правду»).

Я прочел Ваши книги: «Поднятая целина» (I-я книга); «Рассказы» (к сожалению, не все); «Они сражались за Родину». Но самое большое Ваше детище 4-х томную эпопею «Тихий Дон» не читал.

Для себя я не стал бы, конечно, просить «Тихий Дон», а осмеливаюсь попросить для колхозников: я им читаю Ваши книги.

Когда я прочел им (колхозникам) Вашу «Поднятую целину», они в один голос сказали: «Молодец, любим за правду, вот это написал правильно! Здорово!» (Я только передал слова колхозников).

Я им сказал, что у Вас еще лучше есть книга «Тихий Дон». Так они с тех пор мне проходу не дают: «Когда будешь читать книгу».

Я (при всем моем желании) не могу найти «Тихий Дон»: ни в библиотеке, ни в книжном магазине.

И вот я то Вас попрошу: может быть у Вас есть книга «Тихий Дон» (хотя бы любого издания), то вышли, пожалуйста, бандеролью. Прошу убедительно от имени колхозников.

Будешь в Гослитиздате, то скажи, чтоб Вашу книгу «Тихий Дон» выпустили большим, большим тиражом!!

Вы, безусловно, найдете «Тихий Дон» и, я уверен, пришлете. Высылай на мое имя (адрес на конверте).

Благодарен буду вечно.

И, пожалуйста, пожалуйста, простите за беспокойство, как ни говорите, а я у Вас отниму часа два (точно не знаю), а Вам время дорого.

Остаюсь в долгу.

Жду ответ и «Дон»! Доброго здоровья, здоровья!! Пишите!

С комприветом Анатолий Свиридов (17 лет).

8.1.55 г. суббота.

Простите за все погрешности, какие (несомненно) есть в письме.

Воронежская область, Аннинский район, Никольский с/совет, колхоз им. Кагановича.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Как академик АН СССР М.А. Шолохов много сделал для издания произведений русского народного творчества; тесно общался с фольклористами АН СССР и СП; выступил редактором книг русских народных сказок «Волшебное кольцо» (в пересказе А. Платонова; издание 1950 г.), «Иван Меньшой» (в пересказе фольклориста А. Нечаева, издание 1951 г.). В СССР наследие В. Даля начинает возвращаться в культуру только в послевоенные годы. Первое издание «Пословицы русского народа» В. Даля готовилось к изданию фольклористом В.И. Чичеровым, им же была написана вступительная статья; Шолохов написал предисловие к книге «Сокровищница русского народа» (см.: *Даль В*. Пословицы русского народа. М.: Гослитиздат, 1957).

483. А.С. КОНСТАНТИНОВ

12 января 1955 г., Ростов-на-Дону

Уважаемый Михаил Александрович!

Хочу выразить Вам свою признательность за Ваше выступление на 2-м Всесоюзном съезде писателей.

В нем Вы очень хорошо и точно выразили мнение мое и, я знаю, очень многих других рядовых советских читателей.

Лично у меня очень мало времени. Я учусь в заочном институте. И я своим временем дорожу.

Очень досадно бывает, когда возьмешь книгу, удостоенную премии, и, прочтя, видишь, что твое время украли. В обман ввела вывеска лауреата.

Полностью согласен с Вашей оценкой работ Эренбурга.

Верно, мы его очень ценим, как борца за мир[1]. Но, я думаю, что было бы лучше, если бы он ограничился бы публицистикой.

В заключении выражаю удивление, как могло заявление Гладкова по поводу Вашего выступления, полное всякой демагогии и страха перед критикой, заслужить «продолжительные аплодисменты»[2], как сказано в печати.

Желаю Вам успехов в работе и скорейшего выхода из рядов «стоячих» писателей.

Константинов А.С.

Ростов-Дон.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] См. выше примеч. 3 к п. 481.

[2] Речь идет о «Заявлении Ф. Гладкова», прозвучавшем на утреннем заседании 9-го дня съезда (*ЛГ.* 26 дек. С. 4; *Стенографический отчет — 1954.* С. 504); подробно см. примеч. 2 к п. 486.

484. ГОНЧАРОВ

22 января 1955, город Миллерово Ростовской области

Дорогой Михаил Александрович!

Большое спасибо шлет наш коллектив[1] Вам, а также моя семья. Я уже вторую ночь нахожусь в своей квартире.

Это не квартира — а мечта.

Удобная, уютная, теплая.

2 комнаты, кухня, центральное отопление.

Еще раз большое русское спасибо за Вашу заботу о советском человеке. Большой привет передает Вам Владимир Иванович Добриков[2].

Будьте здоровы долгие годы, наш дорогой.

22. 1. 1955 г.

Пилот Гончаров.

(*Автограф. ГМЗШ КП — 8280/18. Л. 1*)

[1] На конверте надпись: «г. Миллерово, аэропорт».

[2] Добриков Владимир Иванович — летчик. Работал в аэропорту г. Миллерово. Был знаком с М.А. Шолоховым; прилетал в ст. Вешенскую.

485. А. ИЛЬИН

21 марта 1955 г., Ростов-на-Дону

Читатели своих писателей читают, но не всегда почитают. И это понятно: идейный и художественный уровень нашей родной советской литературы отстал от возросшей культурности народа, не удовлетворяет его возросших требований. Авторитет писателей в народе пал: многие из них своим поведением подорвали к себе уважение.

Своим выступлением на Втором съезде ССП Вы сказали то, что народ думает с тревогой о своей литературе, о ее недостатках и

болезнях литераторов[1]. Вот почему Ваше гневное выступление на съезде было встречено широкими массами читателей с надеждой на выздоровление литературы и писателей. Все Ваше выступление было направлено на то, чтобы отсеять из литературы сорняк, повысить качество литературы и тем самым поднять в народе авторитет писателей.

Сердечное спасибо Вам, Михаил Александрович, за заботу о нашей советской литературе.

Федора Гладкова я перестал уважать: он показал себя защитником отсталости и симоновской групповщины. Он несет моральную ответственность за такие послесъездовские «выкидыши», как пошленькая пьеса А. Софронова «Сердце не прощает»[2].

Поздравляю Вас с грустным пятидесятилетием, желаю Вам, Михаил Александрович, здоровья, духовной бодрости, творческих успехов и радостей. Вы много принесли пользы в первом пятидесятилетии в идейном и художественном воспитании народа. Вы еще больше принесете пользы своим творчеством во втором пятидесятилетии.

Читатель, старый большевик, А. Ильин.

Ростов-Дон, ул. Энгельса, № 39, кв. 17.

(*Машинопись. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Выступая на Втором Всесоюзном съезде советских писателей, М.А. Шолохов упрекал собратьев по перу и руководство Союза писателей за отсутствие требовательности к себе и, как следствие, за снижение качества советской литературы. См. примеч. 1–4 к п. 481.

[2] Пьеса А. Софронова «Сердце не прощает» впервые опубликована в журн. «Театр» (1954. 1954. № 6), позже (1961) по ней был снят фильм. Гладков в своем выступлении о пьесе А. Сафронова не говорил, высокая оценка пьесы была дана в докладе А. Корнейчука «О советской драматургии»: «Новая драма Анатолия Софронова “Сердце не прощает” <...> отмечена активным вторжением в жизнь, умением подмечать типическое. Личное не отделимо в нашем обществе от общественного. Драматург сумел раскрыть сущность этих слов и показать, как неотделимы эти понятия, не потому, что муж хочет сеять одно, а жена — другое, почему они не могут быть вместе, как это нередко бывало в наших пьесах, а потому, что без общности больших интересов нет и не может быть взаимного уважения, крепкой семьи, настоящей любви. Конфликт пьесы Софронова порожден жизнью. Создав образ сильной русской жизни Екатерины Топилиной, для которой нет и не может быть никаких компромиссов, драматург продолжил традицию русской литературы, с такой любовью и пониманием нарисовавшей целую галерею замечательных русских женщин» (*Стенографический отчет*–1954. С. 188).

486. В.А. ИВАНОВ

24 марта 1955 г., Люберцы Московской области

Товарищу Шолохову Михаилу Александровичу.

Михаил Александрович!

В «Литературной газете» я прочитал Вашу речь, произнесенную на Съезде писателей. Прочитал я также заявление Ф. Гладкова, речь К. Федина, Симонова, Рюрикова и др.[1]

Ф. Гладков, будучи недоволен Вашим выступлением, хотел что-либо сказать, но ограничился какими-то непонятными намеками.

Ваша речь основательно всколыхнула писательское «болото», употребил это слово потому, что в свое время «болото» и в нашей партии, в борьбе с которым В.И. Ленину и И.В. Сталину пришлось потратить немало сил и времени, чтобы вычистить из партии его «гнилой запах». Есть это «болото» и в вашей писательской корпорации — Союзе писателей.

Судя по речам, Гладков, и Федин, и другие основательно испугались Вашего критического выступления. Озираясь на «запад», они заговорили даже о групповщине, к которой, как видно, пытались отнести Ваше выступление.

Чем, как не оглядкой на «запад», можно назвать такое выступление Гладкова?

«Надо быть немножко мудрым и в эти исторические дни твердо стоять на принципиальных позициях, помятуя, что каждое неосторожное, непродуманное выражение и формулировка подхватывается всякими злопыхателями и недругами используется <...> не в наших интересах, не в интересах нашего общества»[2], как видно, Ф. Гладков за критику, но с оговорками: пожалуйста, полегче, товарищ Шолохов, как бы на западе не подумали о нас дурно... упаси господи, засмеют, а это опасно для нашего общества... Злопыхатели и недруги используют нашу критику.

Ф. Гладков и К. Федин пришли в ужас от Вашего смелого выступления, в котором Вы выразили мысль очень многих читателей, лишенных возможности высказать свое мнение по поводу той действительной групповщины (вернее кастовости), которую создали некоторые из писателей для того, чтобы не пропускать в газету, журнал ни единого слова читателей, желающих высказать свое возмущение по поводу того или иного выпущенного в свет, а иногда и премированного с их же благословения произведения, которое и печатать не следовало бы.

Вы, Михаил Александрович, совершенно правильно подметили, что в послевоенное время писатели стали писать наспех,

неряшливо, небрежно... Это снизило художественную ценность произведений: низкая требовательность при представлении произведений на Сталинскую премию тоже не замедлило сказаться на том, что плохие произведения посылались, как из рога изобилия.

Ведь не успевает еще выветриться запах типографской краски из выпущенной в свет книги, как этот же писатель «выбрасывает» новую книгу в 800 или 1000 страниц... А как пишут? Нудно, непродуманно, эзоповым языком, а обороты речи и длинноты такие, что каждое предложение надо прочитывать 2–3 раза, чтобы понять его смысл. У Федина, например, в его «Необыкновенном лете»[3] часто можно встретить предложение, состоящее из семидесяти двух слов!

Или, например, у него же, Кирилл Извеков[4] говорит своему красноармейцу, что за пойманного этим бойцом не то прокурора, не то жандармского полковника наградил бы этого бойца орденом, если в советской республике были ордена... Судя по описанию события — эта поимка жандарма произошла в сентябре или октябре 1919 г., во время кулацкого восстания, именуемого в истории «мироновщиной»[5]. Федин не соизволил даже поинтересоваться перед написанием такой фразы в своем произведении тем, что в апреле 1919 г., т.е. за 5–6 месяцев до описываемого события был издан Декрет о введении у нас первого ордена — Ордена Красного Знамени[6].

Разве это не спешка в литературном труде? Федин так спешил, чтобы не опоздать быть представленным к премированию, что ему некогда было узнать — когда Советское Правительство ввело первый орден. Ну, и выдал свое невежество перед грамотным читателем...

Читатель не мирится с такими «промахами» писателя, не делает ему скидку на его «пролетарское происхождение» и прочие смягчающие обстоятельства, и он немедленно реагирует обращением в «Литературную газету», чтобы помочь писателю исправить допущенный ляпсус. И Вы думаете, что «Литературная газета» поместит такое письмо? Нет! Она едко высмеет какого-нибудь новичка, но не скажет ни слова о грубой небрежности «маститого» писателя, который не имеет права допускать таких небрежностей в своей работе.

Во время предсъездовской дискуссии, прошедшей очень бледно, во время которой авторы длиннущих статей, как Диоген с фонарем, разыскивали среди людей — человека — литературного героя, читатели тоже хотели принять участие и сказать свое слово. Но куда там! Рюриковы и Симоновы не любят предоставлять

страницы «Литературной газеты» новым, неизвестным им людям. Им важно, чтобы писали только те, у кого к фамилии имеет<ся> приставка лауреат, заслуженный, народный и прочие звания, которые едва ли дают право на монополию быть единственными ценителями в жизни явлений прекрасных и возвышенных.

Не лауреаты, не заслуженные, не народные и прочие люди с почетными званиями должны давать оценку мастерству писателя, художника, артиста, музыканта, а тот народ, который вознес их на эти высоты. Народ, наш советский читатель, зритель, слушатель имеют большее право давать оценку тому, что — хорошо, а что — плохо.

Когда прозвучала смелая мысль Валентина Овечкина, в его статье по поводу необходимости изменения системы присуждения Сталинских премий, читатели заинтересовались и этим вопросом.

Я тоже, как читатель, высказал свое мнение по этому вопросу, частично солидаризируясь с мнением В. Овечкина, причем в статье, посланной в «Литературную газету», предложил изменить порядок представления на соискание премии не только по отношению литературных произведений, но вообще всей системы премирования.

И Вы думаете, что «Литературная газета» напечатала или использовала материал моей заметки? Может быть, она передала куда-либо рукопись, как мнение живого, мыслящего человека? Нет! Даже ответа на мое письмо не последовало... Редакции некогда отвечать на письма читателей... Разве это не пример кастовой отчужденности? Где-где, а уж у нас — в Советском Союзе не только принято, но вменено в обязанность ответить на всякое письмо. В этом отличие работы нашей системы советского государственного и общественного аппарата от работы свергнутого Великим Октябрем государственного аппарата царско-помещичьей плутократии. А этого, к сожалению, до сего времени не смогли усвоить руководители печатного органа Союза советских писателей.

За Ваше выступление Вас обвинили в том, что Вы потеряли свое достоинство, что выступление по духу непартийное, обвинили в мелкотравчатости и т.д.

Но все это говорит о том, что Ваша критика попала прямо в цель и те, кто не принимает критики, чрезмерно обидевшись на Вас, выступили после Вас в защиту того, что давно следовало не только раскритиковать, но и вымести из литературных нравов.

Я знаю, что Вы не нуждаетесь в чьей-либо защите Вашей линии или в одобрении Ваших выступлений, но я все-таки, после

долгих раздумий, решил написать Вам это письмо. И сказать, что Ваше выступление на Съезде писателей было принципиально правильным и партийным. Мы, члены партии, не можем молчать о тех ненормальностях, которые встречаем на пути. Наоборот, мы обязаны бороться с ними всеми доступными нам средствами, не обращая внимания на то, что кому-то критика будет не по нраву. Тем более мы не имеем права нашу критику как-то причесывать или подгонять под чьи-то вкусы.

Приходить в ужас от мысли о том, «что скажет княгиня Марья Алексеевна»[7], нам, коммунистам, не должно и в голову приходить, поэтому смешно и неприятно читать заявление, сделанное Ф. Гладковым, когда он, говоря, оглядывается через плечо на заграничных княгинь...

Ваше выступление, несомненно, нашло горячий отклик среди тех читателей, которые давно чувствуют, что в писательской среде есть что-то неладное и что это «неладное» давно следовало подвергнуть суровой критике.

За беспощадную, но, с моей точки зрения, здоровую критику, высказанную Вами смело писателям в глаза, спасибо Вам, Михаил Александрович, спасибо!

Критика поможет делу улучшения нашей литературы, она заставит писателей работать лучше и тем выше поднять авторитет нашей советской литературы в глазах трудящихся всех стран мира.

Примите мое искреннее уважение к Вам!

В. Иванов

Мой адрес: г. Люберцы, Московской области, ул. Красноармейская, дом 2, кв. 24.

24/III-55 г.

(*Машинопись. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Речь М.А. Шолохова на Втором Всесоюзном съезде писателей была опубликована в «Литературной газете» 26 декабря 1954 г. (С. 2). См. примеч. к п. 481.

[2] Цитата из «Заявления» Ф.В. Гладкова (*ЛГ*. 1954. 26 дек. С. 4), которое было сделано им после выступления Шолохова. Гладков обвинял Шолохова в непартийности, в «мелкотравчатости», в «плоском остроумии», в «сведении личных счетов» и пр. После выступления на съезде он сделает запись в своем дневнике: «Идет съезд. Выступил с речью. Потом (вчера) выступил с протестом против обывательской и балаганной речи Шолохова. Встретили его стоя, как вождя. Противная мелкотравчатость публики. Привыкли рабски вставать перед начальством и перед иконами» (РГАЛИ. Ф. 1052. Оп. 8. Ед. хр. 14. Л. 68). В дневнике К.И. Чуковского записан рассказ Гладкова об этом выступлении, к которому он не готовился: «Позвонил Суслов: “вы должны дать Шолохову отпор”. Он выступил, страшно волнуясь. На следующее утро ему позвонили: “вашим выступлением вполне удовлетворены...”» (*Чуковский К.* Дневник. 1930 — 1969. М., 1995. С. 271. Шоло-

хов выступал 21 декабря на вечернем заседании; Гладков — 22 декабря на утреннем заседании. Опубликованы в одном номере газеты. М.А. Суслов — известный советский партийный деятель, отвечал за идеологические вопросы; после войны занимал высокопоставленные должности: начальник Управления пропаганды и агитации ЦК КПСС, редактор газеты «Правда», руководитель отдела внешних сношений ЦК КПСС и др.). Об отношении Гладкова к Шолохову и его выступлении на съезде см. подробно: *Алексеева О.* М.А. Шолохов в дневниках Ф.В. Гладкова // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века. М., 2018. С. 429–434.

[3] Вторая книга незаконченной трилогии К.А. Федина: «Первые радости», «Необыкновенное лето» и «Костер».

[4] Герой незаконченной трилогии К.А. Федина.

[5] Читатель ошибся: термин «мироновщина» был введен Л.Д. Троцким в статье «Урок мироновщины» (Правда. 1919. 21 сент. С. 1) для обозначения и характеристики мироновского восстания. Мироновское восстание (август–сентябрь 1919 г.) — выступление частей формирующегося Донского казачьего кавказского корпуса под командованием (с июля по сентябрь 1919 г.) Ф.К. Миронова, который, нарушив запрет РВСР, выступил на фронт для борьбы с войсками Деникина. В октябре 1919 г. Ф.К. Миронов был арестован, приговорен к расстрелу и помилован. Под «кулацким восстанием» скорее всего имеется в виду «антоновщина» — Тамбовское восстание (Антоновский мятеж; 1920–1921 гг.), одно из крупных крестьянских восстаний против Советской власти.

[6] Орден РСФСР «Красное Знамя» был учрежден Декретом ВЦИК от 16 сентября 1918 г.

[7] Неточная цитата из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1822–1824).

487. Ф. ЛЯУТМАН

26 марта 1955 г., город Вроцлав (Польша)

Ув. Михаил Александрович!

Извините за беспокойство, но решилась обратиться к Вам, будучи уверена, что не откажете мне в ответе.

Я преподаю русский язык и литературу в польской средней школе для взрослых. В 11 классе (здесь одиннадцатилетка) изучаются произведения советских писателей, в том числе и Ваше произведение «Поднятая целина». Должна Вам сказать, что мои ученики очень интересуются Вашим творчеством, а сюжет Вашего романа близок им и знаком, т.к. в польской деревне в настоящее время происходят описанные Вами в «Поднятой целине» преображения.

Во время изучения Вашего романа мои ученики были очень опечалены тем, что роман не окончен, и мне были заданы такие вопросы: «Почему роман не закончен? Выйдет ли вторая часть?»

Не будучи в состоянии ответить на эти вопросы, решила обратиться лично к Вам и, надеюсь, что не посчитаете за труд ответить на моё письмо, за что буду Вам очень признательна.

С дружеским приветом уважающая Вас

Ф. Ляутман.

Вроцлав.

26 марта 1955 г.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

488. Н.Н. НАКОРЯКОВ

3 апреля 1955 г., Москва

Москва.

3 апр. 1955 г.

Дорогой Михаил Александрович!

Случайно узнал, что Вы собираетесь убить Давыдова...

Серьезно, горячо убеждаю Вас не делать этого!

Во-первых, это будет не оригинально: во всех книгах, посвященных описываемому Вами периоду, таких людей убивали.

Во-вторых, без убийства, ограничиваясь серьезным ранением при ожесточенно-смелой защите Давыдова, Вы можете достичь более ярких результатов в выявившемся уже замысле: глубже показать классовую борьбу оставшихся вокруг находящегося между жизнью и смертью Давыдова.

Но Давыдов потом, выживший, может объединить силы и чувства оставшихся и довести их до «белого накала»!..

Глубоко убежден в этом, поэтому убедительно прошу не убивать!

Я это делаю не от старости (хотя мне уже 74!), не от пенсионного безделья, т.к. по-прежнему тружусь на поприще старшего редактора Главиздата.

По-прежнему немного влюблен в Вас, слежу за казачьим словом, выходящим из-под Вашего пера, поэтому просьба моя вытекает из самых лучших чувств к Вам.

Готов затвердить это таким же хорошим объятием, каким Вы ободрили меня в 1938 году, когда меня больно и незаслуженно колотили.

Уважающий Вас, Ник. Накоряков.

P.S. Если Вы хотели бы иметь вышедшие когда-то три тома «Тихого Дона» с известными Вам первыми иллюстрациями, черкните. У меня, как у издателя, они сохранились в хорошем виде,

подарю с самым радостным чувством. А так для ответа на это письмо можете и не тратить времени.

НН.

(*Автограф. ГМЗШ КП-8921/12.Л. 1–2*)

[1] Накоряков Николай Никандрович (1881–1970) — советский издатель. С 1922 г. работал в Госиздате. Участвовал в основании издательства «Советская энциклопедия». В 1932–1937 — директор Государственного издательства художественной литературы (ГИХЛ), где печатались романы Шолохова. Писатель неоднократно встречался и переписывался с Накоряковым (см.: *Письма*. С. 164–165; *Шолоховская энциклопедия*. С. 481).

489. И.И. ДЗЕРЖИНСКИЙ

6 апреля 1955 г., Ленинград

Дорогой Михаил Александрович! Спасибо за «Целину»! Только что дочитал газету[1] и не удержался — захотелось написать.

Особенно рад за Макара Нагульнова! В главе («Огонек»)[2] с петухами, я обеспокоился о его дальнейшей судьбе... Уж очень в глупое положение его ты поставил.

При печатании всей книги, эту главу надо бы сделать эпизодом, не больше. А то обидно за Макара. Ведь его народ полюбил не за ошибки и загибы, а за масштабность его порывов. Он своеобразный деревенский рыцарь революции. А рыцарь есть рыцарь! А петухи... блажь от безделия и только...

Мне К.В. Потапов[3] говорил, что в апреле ты будешь в Москве — мне позарез нужно повидаться. Если бы мне знать, в какое время имеет смысл приехать в Москву, — я бы приехал специально.

Мой адрес — Ленинград, Озерный пер. 2, кв. 14.

Очень хочу повидаться. И есть о чем поговорить.

Желаю здоровья и всего прочего.

Ив. Дзержинский.

6/Апр. 1955 г.

Дай знать как-либо, когда и сколько будешь в Москве.

И.Д.

(*Автограф. ГМЗШ КП-8353/84. Л. 1–2*)

Дзержинский Иван Иванович (1909–1978) — композитор, автор опер «Тихий Дон» (1934) и «Поднятая целина» (1937) (см. примеч. 2 к п. 291). Шолохов был знаком с Дзержинским с 1934 г.; консультировал его работу; в 1936 г. Дзержинский приезжал в Вешенскую (см.: *Шолоховская энциклопедия*. С. 176).

[1] Речь идет о главе из 2-й книги «Поднятой целины», опубликованной в только что вышедших номерах газеты «Правда» (1955. 1, 3, 5 апр.).

[2] Речь идет о главе, опубликованной в журнале «Огонек» (1954. № 15, 16, 17, 21, 23).

[3] Потапов Кирилл Васильевич (1910–1975) — редактор издания «Тихого Дона» 1953 г., секретарь Шолохова.

490. Е.Г. ЛЕВИЦКАЯ

14 апреля 1955 г., Москва

Москва.
14.IV-55.

Дорогой Михаил Александрович!

Рита[1] Вам подробно расскажет о своих «хождениях по мукам». Ваше письмо произвело большое впечатление и двинуло вперед все дело[2]. От всех нас — боль<шое> спасибо. Вы — настоящий друг...

С неослабевающим интересом слушаю кусочки, напечатанные в «Правде»[3]. Особенно — в последнем номере. В этой сцене — все сложно — и психологически оправданно... Враг — и его надо уничтожить... А Лушу он, Нагульнов, не перестал любить. Эх, много бы хотелось сказать, да беда — пишу — а видеть — не вижу. Хочется верить, что все же удастся еще побеседовать с Вами. Жду «Поднятой целины» — полностью — только боюсь, что поймать ее будет невозможно — без Вашей помощи...

Когда думаете быть в Москве? Я обычно уезжаю на июль и половину августа — как я говорила — надо мне кое в чем покаяться, кое-что решить.

Словом — разговор матери с одним из лучших своих сыновей...[4]

Трудно мне живется, дорогой... Но креплюсь и стараюсь бодриться.

Вот хочу дожить до перемены в жизни Риты и ее дочерей... Может быть, и мне на душе станет светлее...

Живу радио — и редким чтением вслух. Все живут своей жизнью — а я уже — в стороне...

Ну, хватит на Вас скуку нагонять. Авось еще свидимся...

Простите за каракули... Стараюсь писать по памяти крупно — чтобы можно было разобрать...

Будьте здоровы — ходите хоть с палочкой — но твердо — «хромой козак» — не годится!

Крепко жму руку — и обнимаю Марию Петровну и Вас

Искренне Ваша Евг. Левицкая.

P.S.

Недавно здесь появлялся Щавелев[5]. Звонил Игорю и уверял, что ничего плохого Вам не сделал. От свидания Игорь уклонился. Все эти годы он прожил в Магадане...

Иногда — черкните пару слов... Сердечный привет от всей моей братии.

(*Автограф. ГМЗШ КП-8249/1. Л. 1–2*)

[1] Левицкая Маргарита Константиновна (1900–2000) — дочь Евгении Григорьевны Левицкой, одного из наиболее близких друзей Шолохова. В 1918 г. вышла замуж за И.Т. Клейменова. Работала в библиотечном отделе ЦК РКП(б). В 1929 г. уехала в Берлин к мужу и работала секретарем отдела кадров торгпредства СССР. 3 ноября 1937 г. арестована (вслед за мужем — Клейменовым И.Т., арестованным накануне). Особое совещание при НКВД осудило ее на 8 лет лагерей. Шолохов хлопотал за нее. В 1941 г. она была досрочно освобождена. С началом войны работала санитаркой в госпитале. В 1946 г. переехала в Подмосковье, где жила до 1955 г. В 1955 г. по ходатайству Шолохова Левицкая была реабилитирована (после реабилитации мужа). Долгое время жила в коммуналке, затем, благодаря Шолохову, получила квартиру (см.: *Шолоховская энциклопедия*. С. 393).

[2] В феврале и марте Шолохов обращался в КПК при ЦК КПСС с просьбой о реабилитации И.Т. Клейменова (*Письма*. С. 302–306).

[3] Речь идет о публикациях глав 2-й книги романа «Поднятая целина» в газете «Правда» (1955. 28, 30 марта, 1, 3, 5 апр.).

[4] М.А. Шолохов называл Евгению Григорьевну второй мамой.

[5] Щавелев Павел Григорьевич (1908– ?) — знакомый Игоря Клейменова по учебе в техникуме; служил в НКВД.

491. М.М. РУКАВИЦИН

25 апреля 1955 г., село Богословка Губкинского района Белгородской области

Уважаемый Михаил Александрович!

Хочется несколько слов сказать о главах из 2-й книги «Поднятой целины», печатавшихся в «Правде»[1].

Работая преподавателем литературы в 10-х кл. ср. школы, я являюсь свидетелем того, как живо говорят о Вашей книге учащиеся, учителя, все грамотные на селе. «Как все правдиво передано, как прекрасно изображена природа», — говорят они. Это не преувеличение, это — истина.

Вы внесли живую и свежую струну в нашу теперешнюю литературу. Другого ничего нет. Кажется, что всё так мелко и нет большого движения.

Ваши герои — хорошие люди. Образы их вычерчены прекрасно. У всех у них хорошего, человеческого всегда больше, чем дурного, низкого.

Хотя Лушка и «сука», но она понравилась мне как героиня произведения. Так именно бывает. У нее много такого, что питает большую человеческую душу. Сама по себе она прекрасна, у нее есть пути обновления, она может стать другим человеком, которому будут завидовать, с которого будут брать пример. Это видно из последних слов заключ. главы.

Я посылаю Вам песню — девичью грустную. Она гармонирует настроению Вашей героини в данный момент. Может быть, придется воплотить Вам 2-ю часть в кино, так пусть это будет песня Лушки. Она должна петь, у нее должен быть хор. лирический голос.

Как все это близко, как любимо!

Большого художника нельзя представить без его героев. Они стоят за ним, за его спиной и выглядывают. А он только улыбается, как это у Гоголя. Но Вы, Мих. Александр., наш совр. Гоголь с оттенком грусти и лиризма Тургенева. Слава Ваша бессмертна, любовь нашего народа к Вам безгранична.

Если есть свободная минута, напишите пару строк. Что у Вас будет с произвед-м о войне, понравилась ли Вам моя песня?

25/IV–1955.
С горячим приветом
М. Рукавицин.

Сторона моя родная,
В тишину твоих ночей
Пойду я песней в степь без края,
Запою, как соловей.

Запою, платок раскрою,
Клен обмерзший обниму.
Сердце томится тоскою,
Сердцу больно моему.

Песня звонко разольется
Над студеною зимой,
Но никто не отзовется,
Не придет на голос мой.

Я не знаю, что такое,
Не отвечу — почему
В моем сердце нет покоя,
Сердцу больно моему.

Зима 1955.

Мой адрес:
Богословская сред. школа
Боброво-Дворского района
Белгородской области.
Рукавицыну Михаилу Максимовичу.

(*Автограф. Личный архив М.А. Шолохова*)

[1] См. примеч. 3 к п. 490.

492. Д. ЗАХАРОВ

10 мая 1955 г., Челябинск

Михаилу Александровичу Шолохову в день его пятидесятилетия.

В могучий поток приветствий и пожеланий, устремленных в Вешенскую, большому Мастеру огромного и дружного цеха прекрасной Советской Литературы, вливается моя малая капля.

10 мая, 55.

Дмитрий Захаров.

* * *

В литературу
        новоселом,
С лихого спешившись коня,
Литрутинерам не родня,
Вошел он —
        юным и веселым.
Его нескудны закрома —
Тома,
        тома,
        тома,
        тома —
богата ими вся страна.
Назад лет двадцать — на Дону —
Он первым —
        поднял Целину.
И юбиляра мы желаем
Поздравить —
        с новым урожаем.
Дм. Захаров.
Челябинск, Соцгород, ул. Электростальская, 37, кв. 15.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

493. В. СТАРОДУМОВ[1]

17 мая 1955 г., Иркутск

Дорогой Михаил Александрович!

Разрешите присоединить свой голос к голосу миллионов чествующих Вас почитателей и читателей «Тихого Дона» и «Поднятой целины» — произведений-шедевров, которыми Ваше блистательное художественное дарование осчастливило человечество.

Сердечно, от всей души, по-сибирски — широко, всеохватно, при сознании неизмеримой глубины Вашего могучего и благородного таланта — великой и законной гордости нашей Родины, поздравляю Вас с днем Вашего пятидесятилетия; искренне желаю Вам долгой, полной творческого горения, вдохновенной жизни и дальнейших успехов на литературном поприще.

Неувядаемыми и яркими цветками жизнеутверждающей правды расцвели в оранжерее мировой литературы Ваши чудесные «Тихий Дон» и «Поднятая целина» с тем, чтобы, пройдя испытание временем, стать устойчивыми навеки; ждем от Вас следующих таких же неувядаемых и немеркнущих произведений-цветков.

Доброго Вам здоровья, сил, ясной мысли и постоянной творческой молодости, дорогой Михаил Александрович!

С глубоким уважением и товарищеским приветом,

В. Стародумов.

г. Иркутск,

17 мая 1955 г.

(*Автограф. ГМЗШ КП — 8692/36. Л. 1*)

[1] Стародумов Василий Пантелеймонович (1908–1996) — иркутский журналист и писатель. Автор книг байкальских сказок. Стародумов переписывался с Шолоховым с 1952 г. (см.: *Письма*. С. 290–291, 301–302).

494. ВАСИЛЬЕВ

19 мая 1955 г., Ленинград

Поздравляю автора «Тихого Дона» с днем рождения.

Крепко жму руку, желаю новых успехов.

Вашу книгу знает и любит вся Россия.

Ваша книга — великое произведение великой эпохи.

19 мая 1955 года.

Васильев.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых-ГМЗШ. Л. 1*)

495. А.Я. БОГОДЮК

20 мая 1955 г., Тула

Дорогой наш писатель
Михаил Александрович!

В день Вашего пятидесятилетия я обращаюсь к Вам и от всей души поздравляю Вас с такой знаменательной датой.

Я поздравляю Вас не только потому, что Вы прожили пятьдесят лет, а еще и потому, что за свою жизнь Вы создали такие большие и сильные произведения художественной литературы, как «Тихий Дон», «Поднятая целина» и др. Они будут жить вечно и также на протяжении многих-многих лет послужат человечеству в деле познавания любви к жизни, к тому самому прекраснейшему и светлому, что можно от нее взять.

Я участник Великой Отечественной войны. Мне приходилось самому лично и слушать, как мои друзья — однополчане в промежутках между боями и походами читали Вашу «Науку ненависти»[1]. Произведение — небольшое, но какая в нем воздействующая сила!

Мы, читатели, знаем, сколько сил и энергии отдаете Вы благороднейшему делу в борьбе за мир. И это потому, что в нашей стране мир одинаково дорог и нужен всем: ученым и колхозникам, писателям и рабочим.

В день Вашего юбилея желаю Вам, дорогой Михаил Александрович, долгих лет жизни, счастья и вдохновенной работы на создание книг о простых и скромных строителях коммунизма.

Пусть процветает наша мать — Родина!

Анатолий Богодюк, рабочий.

20/V-55 г.

г. Тула,

ул. Братьев Жабровых, д. 12.

(*Автограф. ГМЗШ КП –8280/60. Л. 1–2*)

[1] См. об этом п. 366, 426.

496. Н.А. ЗАЙЦЕВ

20 мая 1955 г., поселок Пирамида (*Норвегия*)

Дорогой Михаил Александрович!

Мы — советские полярники, находясь далеко за пределами любимой Родины, шлем Вам, крупнейшему писателю современности, наш пламенный привет.

Мы сердечно поздравляем Вас с новыми творческими успехами и желаем Вам долгих лет бодрости и здоровья.

Вдали от Родины, на советских угольных рудниках острова Шпицберген, мы обеспечены всем необходимым и плодотворно трудимся на благо своей Отчизны.

Вместе с клубами, спортивными залами, мы имеем библиотеки. В последний завоз наши библиотеки пополнились новыми изданиями Ваших прекрасных произведений: «Тихим Доном», «Поднятой целиной».

Полярники живо интересуются всеми Вашими строками, поэтому тяга к Вашим исправленным и дополненным трудам была очевидна. Ваши книги читают и перечитывают полярники.

Некоторые главы из второй книги «Поднятой целины» раньше были опубликованы в журнале «Огонек»[1] и с захватывающим вниманием читались полярниками. Мы с нетерпением ждали, когда Вы — любимый писатель советских и зарубежных читателей, подарите нам полностью второй том этой книги.

Наконец, центральное радиовещание в своих литературных передачах передаёт главы из законченной Вами второй книги.

Как желательно прочесть этот Ваш новый труд!

Жаль, что мы пока лишены на время этой возможности.

Мы обращаемся с просьбой к Вам, автору «Тихого Дона» и «Поднятой целины»: если есть возможность, вышлите нам хотя бы один экземпляр второй книги «Поднятой целины». И, если будет время, (мы знаем Вашу занятость) просим сообщить, как продвигается Ваша работа над новым романом «Они сражались за Родину».

По поручению полярников советских угольных рудников о. Шпицберген сотрудник редакции «Полярная кочегарка» Николай Зайцев.

Мурманск. О. Шпицберген.

Рудник Пирамида[2].

Зайцев Николай Андреевич.

20 мая 1955.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] В журнале «Огонек» главы из 2-й книги «Поднятой целины» печатались в 1954 г. (№ 15–17, 21, 23).

[2] Рудник «Пирамида» начал строиться в 1946 г.; в 1947–1950 гг. был выполнен большой объем геологоразведочных работ, проводились горно-разведочные выработки, из которых осуществлялась добыча угля. Население шахтерского поселка в 1960–1980-х гг. составляло более 1000 человек. В 1997 г. шахта была закрыта.

497. В.А. ИВАНЧЕНКО

21 мая 1955 г., Ташкент (Узбекистан)

Гор. Ташкент,

21 мая 1955 г.

Дорогой Михаил Александрович!

Горячо, от души поздравляю Вас с 50-летием со дня Вашего рождения и желаю Вам долгих лет доброго здоровья на благо нашей Родины, на счастье советской литературы.

Хотел послать Вам телеграмму, но в ней же скажешь мало. Я хочу выразить свое восхищение как перед большим мастером. Лично видел Вас 4 раза (Новочеркасск, Вёшки, Москва), а Ваши произведения для меня — настольные книги.

Я донской казак, рожак ст. Милютинской, учился в Новочеркасске, Ростове. Работал сначала учителем в наших местах — хутор Россошь (до Миллерово через Кашары ехали на быках — так было), мне 43 года, коммунист, сейчас преподаю советскую литературу в ВУЗах Ташкента, читаю публичные лекции.

Михаил Александрович! Я страстный пропагандист Вашего творчества, много лекций читал и читаю (особенно в эти дни). И вот я убедился, что слушатели — начиная от ученых и студентов и кончая хлопкоробами, рабочими, воинами — очень любят Вас.

Очень хорошо зная Ваши произведения, я каждый раз перечитываю их по-новому, с волнением, скрупулёзно, как лектор и... просто развожу руками, удивляясь Вашему таланту.

Страдал по поводу болтовни, связанной с Вашим выступлением на Съезде СП, но я был и в настоящее время согласен с Вами целиком.

Ну, ей богу же, не надо нашим современным писателям второпях давать «на-гора» плохие, пресные произведения. Принимая экзамены по советской литературе от студентов, убеждаешься, что почти ни одно из последних произведений не удерживается в голове, а ведь читали!

Работайте так, как Вы работали раньше и еще лучше (а это ясно из глав 2 кн. «Поднятой целины»), не спешите — это не только мое мнение, но и тысяч читателей, с которыми мне приходилось беседовать по поводу Вашего творчества.

Живите долгие годы, берегите свое здоровье.

Дорогой Михаил Александрович! Если Вас не затруднит, пришлите нам с матерью (она — старая казачка, любит сильно Вас) какую-нибудь Вашу книгу с короткой подписью. Этим Вы несказанно осчастливите нас.

Еще раз желаю доброго здоровья, долгой жизни и больших творческих успехов. Поклон семье, пусть все будут здоровы и счастливы.

Глубоко уважающий Вас

Вл. Иванченко.

21/V-55 г.

Иванченко Владимир Александрович

г. Ташкент, ул. Энгельса, № 3, кв. 19.

Мать желает Вам приписать. (На обороте.)

Дорогой наш Михаил Александрович!

Узнав о смерти Вашей матери[1], я очень горевала вместе с Володей. С наслаждением читаем и перечитываем Ваши книги. Желаю, родной, тебе и твоей семье счастья и здоровья, долгих лет жизни.

До свидания, дорогой мой.

Старуха-казачка

Матрена Наумовна Иванченкова.

Дорогой Михаил Александрович!

«Приглашаю» Вас на мою лекцию о Вашем творчестве. Посылаю пригласительный билет[2].

Вл. Иванченков.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Мать писателя Анастасия Даниловна Шолохова (1871–1942) погибла при бомбежке Вешенской в 1942 г.

[2] Пригласительный билет в конверте отсутствует.

498. В. КАТЛОВА

22 мая 1955 г., Москва

Москва.

22.V.55 г.

Глубокоуважаемый и любимый Михаил Александрович!

Сердечно поздравляю Вас с днем Вашего рождения, от всего сердца желаю Вам плодотворной работы и долгих лет жизни на радость дорогой и любимой Родины!

Мне, бывшему работнику библиотеки на периферии, хорошо известно, как Вы любимы читателями. Ваши книги никогда не лежали на полках. Сколько приходилось выслушивать нареканий: «Почему мало книг Шолохова». А их было вовсе не мало. Но масса тянулась к ним безудержно. Помню длинные списки на очередь за «Тихим Доном», «Поднятой целиной».

По возрасту я старше Вас, и первые триумфы «Тихого Дона» и «Поднятой целины» всё ещё ярки в моей памяти. Зачитывались ими и молодые, и старые...

Спасибо Вам и от меня, и от моих бывших читателей (да простят они мне эту вольность...) за ту полноту раскрытых на страницах Ваших книг человеческих чувств, за их доходчивость.

Герои Ваших произведений близки и любимы нами. Когда читаешь Ваши книги, то персонажи их встают перед глазами живыми людьми, и вместе с ними радуешься и страдаешь, негодуешь и возмущаешься...

Еще раз желаю Вам большого здоровья и успеха в дальнейшей работе.

Вторую книгу «Поднятой целины» ждем с нетерпением. Публикуемые отдельные главы из неё, конечно, прочитаны — хороши! Ваши книги, среди любимых моих, имеются и в моей скромной домашней библиотечке.

С приветом и уважением

В. Катлова.

Москва.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

499. И.Г. ГАНИЧЕВ

23 мая 1955 г., Москва

23/V-55 г.

Дорогой писатель Шолохов!

Сердечно поздравляю Вас, выдающегося писателя, замечательного художника слова.

С первых дней Ваша слава и популярность растет неизменно. Читатель хорошо знает Ваши замечательные книги: «Тихий Дон», «Поднятую целину», «Они сражались за Родину» (в отрывках), «Науку ненависти» и др.

Ваши картины, образы после чтения остаются ясно зримыми в чувствах, памяти читателей. Желаем Вам полного здоровья и сил для дальнейшего замечательного творчества.

Ваша далекая станица Вешенская не отделяет Вас от Москвы, от народа. Мы менее знаем и любим некоторых литераторов, укрывшихся в Москве, да и не в Москве, а в некоторых домах. Вас знают не только во всем СССР, а и во всем мире, хотя Вы живете в далеком степном районе. Только простота и скромность способны высоко ставить человека, служащего народу, живущего просто среди простых людей. Жить в Москве человеку с тонким художе-

ственным чутьем бывает вредно: всякая пыль глаза застилает от истинного чистого света, здорового воздуха.

Вашу необычную резкую громовую речь на 2 съезде писателей[1] читатели не резко осуждают. Больше говорим: правильно, хотя по-казацки резко.

Но все Ваши помыслы направлены на процветании советской литературы.

У нас Московский Парнас
Далек от нас.
А станица Вешинская[2]
Наша близкая, здешнинская.
До нее народу расстояний нет.
Будьте здоровы еще 50 лет!
Гремячий лог и теперь неплох.

Напишите автобиографический очерк.
Желаем успеха в работе над романом «Они сражались за Родину».
Что уже написано в нем? Когда будет напечатан роман?
Как сейчас живет Давыдовский колхоз?
Как Ваше здоровье сейчас, дорогой т. Шолохов?
С приветом И. Ганичев.
Москва, Д — 40, 1-й строевой пер.,
дом № 14, кв 3.
Ганичеву Ив. Гр.

(*Автограф. ГМЗШ КП-8353/42. Л. 1–2*)

[1] См. об этом примеч. к п. 480, 482, 485, 486.
[2] Автор письма, чтобы выдержать рифму, намеренно в названии станицы вместо «е» пишет «и», подчеркивая эту букву двойной линией.

500. С.В. БЕССОНОВ и др.

24 мая 1955 г., Екатеринбург

Дорогой Михаил Александрович!

От глубины души я и моя семья поздравляем Вас с днем пятидесятилетия и Вашей успешной литературной деятельностью на благо Родины! Желаем Вам доброго здоровья, творческих удач и долгих, долгих лет жизни.

Любимый писатель!

Мы, простые люди, ждем Ваших новых книг и думаем, что «Война и мир», отражающая героические дни Великой Отечественной войны, — под силу Вам.

Крепко обнимаем:
С. Бессонов,
А. Бессонова,
Юра Бессонов,
Ира Бессонова,
24/V-1955 г. г. Свердловск.
г. Свердловск, ул. Р. Люксембург, № 32, кв. 8.
Бессонов Сергей Владимирович, бывший капитан 18-й Армии, 4-го Укр. фронта.

Гослитиздат

Дорогие товарищи!

В связи с 50-летием любимого писателя Родины М.А. Шолохова, Вы намерены издать его произведения в 7^{и} томах[1]. Очень просим Вас издайте велико <sic!> большим тиражом. Читая книги Шолохова и перечитывая их, находишь все новое и новое. К сожалению, я инженер, не имею возможности выписать книг любимых писателей, ибо издаются они не так уж большим тиражом. Только случайно в букинистическом магазине можно приобрести эти книги — учтите это при издании.

С искр. ув. к Вам С. Бессонов.
г. Свердловск, ул. Р. Люксембург,
№ 32, кв. 8.
Бессонов Сергей Владимирович.

(*Автограф. ГМЗШ КП-8280/42. Л. 1–2*)

[1] Известие о готовящемся Собрании сочинений Шолохова читатель мог получить из информации ТАСС, которая передавалась по радио и была напечатана в «Правде»: «В связи с 50-летием М.А. Шолохова Гослитиздат готовит семитомное собрание его сочинений» (Издание произведений М.А. Шолохова // Правда. 1955. 24 мая. С. 2). Первые тома Собрания сочинений М.А. Шолохова начали выходить в 1956 г. в Гослитиздате (в 8 т.) и издательстве «Молодая гвардия» (в 7 т., вышло 8 т.).

501. А.В. ГРЕБЕННИКОВ

24 мая 1955 г., Грозный

Дорогой Михаил Александрович!

В связи с пятидесятилетием со дня Вашего рождения и моего искреннего уважения к Вам, я написал своим простым языком стихотворение, посвященное Вам, дорогой мой земляк[1].

Из-за бедности своего языка, я долго не решался послать Вам его, а тем более еще и потому, что мое стихотворение, по сравнению с присланными Вам стихотворениями настоящими поэтами, будет выглядеть очень и очень бледным.

Но сила моего уважения к Вам — великому художнику слова и обогатителю нашей любимой родины, — осилила — и я решил послать.

Очень и очень прошу Вас, дорогой Михаил Александрович, принять и мое Вам поздравление с самыми наилучшими пожеланиями в плодотворной работе прожить Сто лет.

Если Вы найдете неточные, неграмотные выражения в моем стихотворении, я Вас очень прошу написать мне об этом, и я постараюсь ошибки эти исправить.

Я Вас знаю со времени Вашей читки «Тихого Дона» в Миллерово, где я жил в 1929 г. и работал в Севдонполеводсоюзе.

Будьте здоровы, дорогой, живите на благо нашей великой родины и на радость Ваших родных и близких друзей.

С искренним уважением, приветом и самыми наилучшими пожеланиями Гребенников Андрей Васильевич.

24/V 1955 г.
Грозный.
Береговой пер. № 7.

ШОЛОХОВУ М.А.

Жить тебе сто лет

Прошло полсотни лет
С тех пор, как ты рожден,
Как ты увидел свет
И свой родимый Дон.

А в Вешках, в старину
Вершил дела кулак.
Ты помнишь, как к нему,
С нуждой ходил казак.

Ты рос и наблюдал
В нужде, как жил народ,
Как Дон тогда стонал
И звал тебя вперед.

Как край твой полыхал,
Пожарищем войны.
А Ленин призывал
Встать против кабалы.

И ты услышал зов
Вождя тогда к борьбе,

К нему росла любовь
В твоем большом труде.

Ты, взвесив жизнь, себя,
Дал клятву честно жить.
Клич партии — Вождя
В душе своей хранить.

Так был ты окрылен,
И клятву ту сдержал.
Эпопею «Тихий Дон»
Пером нарисовал.

Ты поднял ц е л и н у,
Классической строкой,
Воспел свою Страну
Всем сердцем и душой.

Позволь же пожелать
Жить тебе сто лет,
Из Грозного послать
Свой пламенный привет.

Живи ж, твори на славу,
Рисуй картины нам,
Славь, п а р т и ю — Державу,
Душой с которой сам.[2]
А. Гребенников.

24 мая 1955 г.
(*Автограф. ГМЗШ КП-8353/59. Л. 1–2*)

[1] К письму приложен конверт, на котором имеется запись Шолохова: «Поздрав. со стихотвор. прочитал».

[2] Последняя строфа является стихотворным переложением заключительного фрагмента выступления Шолохова на съезде писателей; ср.: «... каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством» (*Стенографический отчет — 1954.* С. 378).

502. С.И. ДУДНИКОВ

24 мая 1955 г., Ростов-на-Дону

Дорогой Михаил Александрович!

Не знаю, найдете ли Вы физически возможным прочитать мое письмо среди тысяч писем, присылаемых Вам. Да это и не так важно. Я уже несколько раз писал Вам, и все как-то казалось, что я поговорил с Вами. И только сегодня, слушая Ваше ответное слово на приветствия по случаю Вашего пятидесятилетия, когда вы сказали: «Благодарю и тех, кто не получил сегодня слова, но чью признательность я чувствую сердцем»[1], — я решил написать Вам.

Я прошу извинить за отсутствие системы изложения, за плохой стиль письма. Честное слово, Михаил Александрович, волнуюсь! Немало я видел в жизни такого, когда надо было бы волноваться, а вот волнуюсь сейчас!

Цель моего письма предельно проста, и, казалось бы, можно было обойтись двумя-тремя фразами, но мне хочется, чтобы Вы знали, почему я, не имеющий официальных титулов, считаю себя вправе писать Вам не «по поручению и от имени» организаций, а просто от своего имени, от имени человека. И не писателю-академику, а Михаилу Александровичу — человеку, так много сделавшему для меня. (И опять получается глупо: будто Вы сделали много только для меня... Ну, ладно!).

Я уроженец ст. Милютинской. В 1932 году нас осталось трое с постельно-больной матерью. Время было очень тяжелое, и я ушел из дому. Было, конечно, все — и «ночлежки», и попрошайничество, и «тайное похищение чужого имущества» в мелких масштабах... В конце концов я нашел свою тетю в ст. Чертково и с нею вернулся в х. Поляков Милютинского района, куда ее перевели учительствовать. Два года прошло нормально, а в 1932 году, закончив начальную школу, я поступил учиться в 5 класс Милютинской НСШ и, оказавшись снова без постоянного присмотра, встретился со своими старыми «друзьями». Дело доходило теперь уже до более серьезного, и мне пришлось узнать, что такое камера, допрос, прогулка и т.д. Очевидно, из-за отсутствия серьезных оснований и учитывая 12-летний возраст, меня через неделю-другую отпустили «на поруки» и вернули в школу. Большое участие в моей судьбе принял учитель литературы Дмитрий Иванович Люжиков — глубокий Ваш почитатель. Заметив во мне кое-какие литературные и драматические способности, он по-серьезному взялся за становление меня на путь истинный. Он очень много рассказывал мне о Вас и Вашей работе. Первой моей ролью была роль Вашего Щукаря по инсценирован-

ному отрывку из романа. Ваши рассказы, Ваша «Поднятая целина», а позже и «Тихий Дон» перевернули во мне все.

Я научился чувствовать.

Позже все пошло совершенно обычным порядком. Я вступил в комсомол, в год начала войны закончил 10-й класс и ушел на фронт. Во время войны я был разведчиком-минером — рядовым, командиром взвода, роты, и закончил войну зам. командира отдельного батальона. Попадал в разные переплеты, был 3 раза ранен, получил 4 ордена и 4 медали...

И всегда я помнил Вас, научившего меня понимать хорошее и плохое, всегда я носил с собой Ваш портрет, подаренный Дмитрием Ивановичем при расставании, пока не оборвало у меня на Висле планшет, вместе с которым погиб и подарок моего учителя.

А сколько добрых минут испытали мы на фронте от Ваших книг! Я стал неплохим командиром, но я хотел не только командовать, а и воспитывать. У меня был взвод разведчиков-минеров, в котором насчитывалось 12 разных национальностей. И какие это были ребята! (Вырезку из фронтовой газеты об этом я храню до сих пор).

Потом, после войны, я был направлен на работу в Военный трибунал гор. Будапешт, демобилизовавшись, работал в редакции районной газеты в Краснодарском крае, позже закончил Саратовский юридический институт и был рекомендован на научную работу. Сейчас я и работаю старшим преподавателем основ советского государства и права в Ростовском финансово-экономическом институте.

Я понимаю, что прожито мною сравнительно много, а сделано абсолютно мало. Но есть же кое-что и хорошее в моей жизни. Вот этим хорошим я и обязан Вам, Михаил Александрович! Вот поэтому мне и хотелось все время передать Вам свою глубокую благодарность. Да всё как-то казалось неуместным.

Мне ни разу не пришлось видеть Вас, хотя Вы были в Ростове и выступали перед избирателями, я и голос-то Ваш впервые услышал сегодня по радио.

И вот теперь, в день Вашего славного пятидесятилетия, я решил написать Вам не только как читатель, искренне преклоняющийся перед Вашим талантом, но и как человек, обязанный Вам значительно бóльшим.

Я не написал Вам, конечно, и десятой доли того, что чувствую и что хотелось бы написать, но довольно и этого. Главное я сказал... Сказал и то, что не хотелось бы вспоминать, о чём никому не рассказывал. Сказал — и душу облегчил.

Разрешите мне от всего сердца поздравить Вас, дорогой Михаил Александрович, с Вашим пятидесятилетием и пожелать доброго здоровья, долгих-долгих лет жизни и плодотворной работы на счастье и радость всем нам. Если бы Вы только знали, как все участники Отечественной войны ждут «Они сражались за Родину»!

С искренним уважением к Вам,

Станислав Дудников.

24.V.55.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Цитируются заключительные слова Шолохова на его юбилейном вечере, который прошел 24 мая в Концертном зале им. П.И. Чайковского (см.: 50-летие Михаила Шолохова // *ЛГ*. 1955. 26 мая. С. 1). Выступление Шолохова передавалось по радио.

503. В.А.КОЗАЧЕНКО

24 мая 1955 г., Киев (*Украина*)

Дорогой, любимый писатель Михаил Александрович!

От всей души поздравляю Вас с пятидесятилетием и награждением Вас самой высокой правительственной наградой — орденом Ленина![1] У меня нет слов, чтобы выразить восторг Вашим творчеством. Я трижды перечитывал романы «Тихий Дон» и «Поднятая целина» и каждый раз испытывал необыкновенное удовольствие и волнение.

Меня всегда интересовала жизнь и творчество замечательного советского писателя Мих. Шолохова. В 1939 году в Крыму я несколько раз слушал лекцию замечательного лектора проф. Палферова «Михаил Шолохов», я запомнил ее всю, и много раз приходилось пересказывать своим друзьям. Находясь на фронте, часто на досуге, в перерыве между боями в землянках и блиндажах я проводил «литературные вечера» по мере сил и дарования с бойцами и офицерами своей части с разбором «Тихого Дона» и иллюстрируя отрывки из этого романа.

Под Северным Донцом, в лесах Полесья, в землянках под Варшавой я рассказывал о Вас и Вашем творчестве, не будучи политработником, а потому не по долгу службы я увлекал своих слушателей этими беседами и чувствовал, что доставляю им большое удовольствие.

Дивизионная библиотека не могла удовлетворить всех желающих прочесть Ваши произведения, и поэтому приходилось много

раз повторять. Однажды под Варшавой меня пригласил к себе в блиндаж замполит комбата гв. майор Ильюхин В.Ф. (до войны он работал директором школы) и сказал: «До меня дошли слухи о проводимой Вами большой и полезной работе, расскажите мне о Мих. Шолохове, я очень мало знаю об этом замечательном писателе...» Наша беседа длилась до 4 часов утра, в конце он прослезился и расцеловал меня.

После войны на офицерских обедах и для солдат я читал произведения Лермонтова, Чехова и непременно Шолохова. Вспоминаю сейчас не ради бахвальства, а в доказательство того, что есть поклонники Вашего таланта, не имеющие ничего общего ни с литературой, ни с литературоведческими науками, так скромно пропагандировали и пропагандируют Ваше творчество.

Из современников Вы самый любимый мой писатель.

Я 30 лет участвую в художественной самодеятельности, и в обширном репертуаре самодеятельного чтеца Мих. Шолохов занимает самое почетное место. Много десятков раз я читал в концертах отрывки из «Тихого Дона» и всегда пользуются они неизменным успехом у слушателей. Сейчас учу отрывок из романа «Они сражались за Родину» (разговор Звягинцева с Лопахиным на марше).

Сегодня прочел в газете «Правда Украины» статью А. Михалевича[2] и в журнале «Огонек» статью Бабаевского[3], и мне стало очень приятно, что так тепло и сердечно отмечает советская общественность Ваш юбилей.

Со страшным волнением пишу эти строки талантливому и любимому всем нашим народом писателю.

Дорогой Михаил Александрович! Желаю в день Вашего пятидесятилетия много здоровья и сил для вашего благородного труда. Как говорят в таких случаях вьетнамцы: «10 тысяч лет жизни Михаилу Шолохову!»

Я стараюсь представить, сколько будет получено Вами поздравлений, не смею просить и рассчитывать на ответ, но я был бы счастлив получить из двух слов подтверждение в получении моего поздравления, написанные рукой, которая писала такие гениальные творения. В письмо вкладываю газету «Правда Украины» за 24.05.55 года[4]. Прошу прощения за длинное и утомительное послание.

С приветом и уважением к Вам

В. Козаченко.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении М.А. Шолохова орденом Ленина — «за выдающиеся заслуги в области художественной литературы, в связи с 50-летием со дня рождения» был опубликован в газете «Известия» 24 мая (с. 1).

[2] См.: *Михалевич А.* Читая Шолохова // Правда Украины. 1955. 24 мая. С. 2, 3.

[3] См.: *Бабаевский С.* Народный писатель // Огонек. 1955. № 21 (22 мая). С. 8. Журнал хранится в фондах ГМЗШ (НВ-1302/7). Статья носит юбилейный характер; подчеркивается народность и партийность писателя, особое место произведений Шолохова в жизни страны и истории русской литературы: «...книги Шолохова не знают равнодушного, скучающего читателя. В магазине они не залеживаются, на библиотечных полках не застаиваются. В них таится такая притягательная сила, что стоит лишь открыть страницу и прочитать первую фразу, как уже нельзя от нее оторваться...»; «По широте и глубине поднятых им пластов жизненной целины, по полноте раскрытых на страницах человеческих чувств, по доходчивости письма и по духу всего творчества Михаил Шолохов — писатель истинно народный» и т.п.

[4.] В фондах *ГЗМШ* газета «Правда Украины» от 24 мая 1955 г. не выявлена.

504. П.М. ЛАЗАРЕНКО

24 мая 1955 г., Сумы (*Украина*)

Уважаемый товарищ!

Разрешите мне, рядовому советскому человеку, читателю «Литературной газеты» и большому поклоннику Шолохова и его творчества высказать несколько замечаний в связи с пятидесятилетием писателя.

С творчеством Шолохова я познакомился впервые лет 20 тому назад. Шестнадцатилетним юношей (студентом II к. техникума), я случайно прочел первый том его непревзойденного романа «Тихий Дон». Нельзя сказать, что это была первая книга, прочитанная мною. До этого я читал Пушкина, Л. Толстого, Шевченко, Гоголя, читал Фурманова, Серафимовича и др. Но то, что я прочел тогда, как бы открыло мне глаза.

Я, конечно, не литератор, не искусствовед, и многие мои выводы, и впечатления, м. б., будут ошибочны, и все же мне хочется немного сказать о книгах Шолохова.

Сила Шолоховских книг в умении правдиво описать жизнь людей, их труд и быт. Главный герой романа «Тихий Дон» это живой человек, на стороне которого все симпатии читателя. Он правдив, честен, бескорыстный, благородный человек, он никогда не оставит товарища в беде и готов с риском для жизни спасти его (как, например, случай со Степаном Астаховым). Мелехов такой образ, равного по силе описания нет в нашей литературе. И все же он не находит правильного пути, чего мы читатели так хотели.

Писатель не пошел по легчайшему пути, который, к сожалению, присущ многим нашим писателям. Отрицательные персонажи (белые и вообще враги) изображаются или бесчеловечными, жестокими, подлыми, трусами, имеют внешние уродства и т.п. Положительные герои их все и красивые, и умные, и гуманные, и сознательные. А Шолохов не побоялся наделить Григория Мелехова самыми хорошими чертами.

М. Шолохов не пошел также и по другому легкому пути — взять и сделать, после долгих колебаний Мелехова, из него, например, советского человека, хотя бы сельского активиста или организатора колхозного строя. Не сделал, потому что это очевидно противоречило бы правде.

А образы Аксиньи, Натальи, матери Ильиничны, а Пантелей Прокофьевич и Мишатка, Кошевой, Прохор Зыков, Христоня — что ни персонаж — то и новый тип. В романе я не помню двух аналогичных фигур — как не встречал таких в жизни.

После прочтения «Тихого Дона» представляешь всех до одного его героев, как будто ты с ними жил там, на Дону, работал, разговаривал и будто бы ты уехал оттуда, а они остались там, и вот ты прочел об их жизни в книге.

Разве можно найти лучше описание природы, чем у Шолохова? Закроешь книгу, и перед твоим взором открывается донская степь со всеми ее запахами и бескрайними просторами.

А его книга «Поднятая целина»! Она, кажется, специально создана для наших тридцатипятитысячников[1], новых председателей колхозов. Вот, кажется, так бы и сказал им, откройте газету «Правда», прочтите «подвал» с отрывками из главы «Поднятой целины» — поучитесь у Давыдова слушать голос народа, голос правды (иногда горькой и нелицеприятной) — слушать правду, заложенную в словах кузнеца. Прочтите и не повторяйте ошибок Давыдова.

Роман «Они сражались за Родину» особенно близок мне, участнику Великой Отечественной войны. Кто лучше Шолохова поведал состояние солдата, отупевшего от бесконечных переходов, под палящим солнцем 1942 г., пыльного, с пересохшим горлом, уходящего на восток со щемящей болью в сердце за оставленную врагу землю, политую кровью наших товарищей.

Кто лучше Шолохова рассказал о неистребимой ненависти к врагу, как этот, кажется, предельно усталый человек вступал с остервенением в бой с лютым врагом и зачастую с одними винтовками отбрасывал немца. (Пишу как пехотинец, который сам пережил всю горечь отступления.)

Но писал Шолохов не только о том, как мы угрюмо уходили на восток, писал он и о той уверенности в победе, в которой никто из нас не сомневался с 22 июня 1941 г. до 9 мая 1945 г.

Я не знаю, как расценивает этот роман официальная критика. А мне вот представляется, что в романе «Они сражались за Родину» на защиту нашей страны поднялись сыновья и братья героев «Тихого Дона» (только с другими фамилиями). Это сопоставление мне кажется естественным и закономерным.

Мне кажется, что это как бы продолжение «Тихого Дона», и кажется, что на страницах его новой книги того и гляди появится или Михаил Кошевой, или Мишатка Мелехов.

Сейчас, в юбилей писателя, судя по мастерски написанной главе, которую мы прочли, хочется сказать, что у Михаила Александровича «есть еще порох в пороховнице, не ослабела еще казацкая сила...», и хочется пожелать ему еще больших творческих успехов и долгих лет плодотворной жизни.

Во вторую половину века мы ожидаем от Шолохова — нашего любимого писателя, боевых мобилизующих прекрасных книг о жизни, правде, труде и любви. Книг, которых у нас еще так мало и которые мы читатели ждем от наших писателей.

Ув. товарищ! Если эти заметки простого читателя, бывшего воина Советской армии нельзя напечатать[2], то перешлите это письмо Михаилу Александровичу Шолохову.

Гор. Сумы УССР, ул. Кузнечная, № 2.

Обллит.

Лазаренко Петр Михайлович.

24 мая 1955 г.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] По аналогии с одним из понятий коллективизации «двадцатипятитысячники»: рабочие крупных промышленных городов, направленные на хозяйственно-организационную работу в колхозы в начале 1930-х гг.

[2] Скорее всего, письмо было отправлено в одну из центральных газет — «Правду», «Известия» или «Литературную газету».

505. А. МАЛАХ

24 мая 1955 г., город Городня Черниговской области (*Украина*)

24. 5. 55 г.

Дорогой Михаил Александрович!

Примите от меня, глубокой поклонницы Вашего великого, многогранного таланта — поздравление с днем Вашего рожде-

ния — днем пятидесятилетия, а также поздравляю с Высокой Правительственной наградой — Орденом Ленина, о чем я с радостью узнала вчера по радио[1]. И вместе со всей необъятной нашей Родиной, которая, к великому моему счастью, так же, как и я, ценит и любит Ваш великий талант писателя-художника, шлю Вам, дорогой Михаил Александрович, с родины Вашей матери, земли Черниговской[2], — горячий привет и самые сердечные пожелания Вам доброго здоровья и многих лет плодотворной работы на радость всему читающему миру!

В пору моей юности мне лично пришлось близко узнать сынов Тихого Дона — казаков 12-го полка имени Потемкина[3]. Видела их беззаветную удаль, лихие пляски, скачки и джигитовку на донских скакунах, заслушивалась их песнями, полюбила их характерный донской выговор. Были среди них и казаки из родной Вашей станицы Вешенской, хутора Зубкова урядник Николай Конаев, были и из станиц Казанской, Мигулинской и других — словом, все из тех мест, где так ярко описаны события в Вашем «Тихом Доне», — все вставали передо мной, когда я читала и перечитывала Вашу прекрасную трилогию «Тихий Дон», и я счастлива тем, что в личной нашей семейной библиотеке имеем «Тихий Дон» — не переделанный, во всей красоте сохранивший дорогую сердцу моему донскую речь!

Жизнь моя уже близка к закату — кончаю седьмой десяток, но так не хочется умирать, не прочитав Ваших драгоценных книг: «Они сражались за Родину» и вторую книгу «Поднятая целина», они хотя и скоро выйдут из печати, но, наверное, не скоро дойдут до нашего уголка.

Земной поклон шлю Вам на прощание, дорогой Михаил Александрович, и еще раз искренно желаю здоровья и многих, многих лет счастливой жизни.

Анна Малах.
Городня,
Чернигов<ская> об.
Ул. Черноуса, дом № 42.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] См. примеч. к п. 503.

[2] О родине своей матери Шолохов говорил в 1954 г. на 3-м съезде писателей Украины (см. об этом в статье «Читатели Михаила Шолохова: Контексты эпохи», с. 791 наст. изд.). Писатель вспоминал: «На Дон был вывезен ее [Анастасии Даниловны] дед с молодой женой, и теперь после смерти всех стариков установить ничего невозможно. Вместе с моим прадедом, купленным помещиком Поповым, было вывезено с Черниговщины, насколько я помню из рассказов матери, еще 14–16 семей» (*Летопись*. С. 5).

[3] 12-й Донской казачий генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полк был сформирован в 1835 г., принимал участие в Первой мировой войне. Упоминается в «Тихом Доне»; в составе 12 Донского казачьего полк 11 кавалерийской дивизии служил Григорий Мелехов.

506. НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО

24 мая 1955 г., Москва

Уважаемый Михаил Александрович!

Ни по профессии, ни по роду занятий я не являюсь литератором, но как многие из моих друзей — людей науки и техники — очень люблю художественную литературу. Когда-то (давно это было) я в отчаянии поклялась не читать ничего после Чехова: все, что я прочла и что хвалилось критикой и «понимающими» людьми, — всё казалось мне ничтожным, неправдивым и даже неправдоподобным. Жизнь коротка и, думала я, надо отдавать свое время только стоящим делам и только произведениям подлинного искусства, и, следовательно, и правды. «А ты читала Шолохова?» — спросили меня. «Не читала и читать не буду», — прекрасно помню я свой ответ. Все же мне сунули в портфель «Поднятую целину» в издании «Роман-газеты». Уже поздно вечером, буквально на сон грядущий, я взяла в руки этот неудобный большой формат, с величайшим подозрением и даже неохотой принялась за чтение. И дальше случилось чудо. Книга, казалось, вовсе не была написана. Всё можно было видеть, слышать, ощущать. И веяние весеннего ветра, и запах воздуха, и зеленая, в красках, земля, и люди, люди самые настоящие, живые — боже мой! Вот он — наш народ, и где-то в нем мои мысли, мои чувства, мои радости и печали. И я смеялась и радовалась, сердце мое сжималось от ужаса, слезы текли по моему лицу... Я очнулась, когда книга была прочитана, и свет электрической лампы на столе стал бледным и ненужным: было утро.

С жадностью я стала разыскивать произведения «того же автора», и «Тихий Дон» стал моей любимой книгой.

В дни Вашего юбилея каждый из нас вспомнил свое первое знакомство с Вами, и о героях ваших произведений и их судьбе говорили как о живых людях. Мы хотели послать Вам поздравление-телеграмму, но потом решили, что это будет выглядеть как-то уж очень официально, да и наши имена Вам ничего не скажут. Но я все же решилась написать Вам это письмо, чтобы Вы знали, как мы счастливы от сознания, что живёт и творит великий писатель,

своим гением впервые показавший миру подлинный облик русского народа, чтобы Вы знали, как мы гордимся Вами.

24 мая 1955 г.

<Подпись>

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

507. И.С. ЧУМАКОВ

24 мая 1955 г., Москва

Дорогой Михаил Александрович!

От всей души поздравляю Вас с днем шестидесятилетия и желаю Вам многих-многих лет жизни и успешной творческой работы на радость всем советским людям!

Михаил Александрович, хочу поделиться с Вами некоторыми подробностями из жизни своей семьи. Я внук Егора Ивановича Орлова — брата того самого Орлова, которому Вы посвятили несколько строк при описании расстрела отряда Подтелкова[1].

Когда я был еще мальчишкой, мой дед — академик Орлов[2], однажды, после выхода в свет «Тихого Дона», со слезами читал мне этот момент из книги, а потом лично рассказывал о своем брате. Дело в том, что они были большими друзьями, и мой дед много помогал брату, хотя и был беспартийным научным работником. Дед мне рассказывал, что задолго до революции А.И. Орлов познакомил его со старым большевиком — Кедровым[3], и в тяжелое время Кедров скрывался в кабинете у деда по несколько недель. Это был тот самый Кедров, которого впоследствии замучили в МГБ прихвостни Берия[4]. По словам деда, А.И. Орлов, которого расстреляли белоказаки, был большим другом Кедрова — замечательного и несгибаемого человека, который поражал всех окружающих своей простотой, высокой культурой (он окончил несколько факультетов) и эрудицией.

Когда я впервые прочитал «Тихий Дон», я захотел послать Вам фотографию расстрелянного А.И. Орлова, но дед мне ее долго не давал, т.к. у него был только один экземпляр. Затем, в 1939 г., незадолго до моего ухода в армию, он дал мне на пересъемку портрет брата, но, к сожалению, этот портрет затерялся у одного фотографа. Так мне и не удалось сделать то, что я так хотел. Вернулся я из армии, пройдя всю войну, в 1946 году, когда деда не было в живых. Как память о его замечательном брате, работавшем до отряда Подтелкова в Ростовском ревтрибунале, остался только том «Тихого Дона» со строками, подчеркнутыми дедом в том месте, где описывался расстрел «седого большевика» да место

в списке расстрелянных — под фамилией Орлова — крестьянина Нижегородской губернии. Память об А.И. Орлове свято хранится в нашей семье и по сей день.

Еще раз сердечно поздравляю Вас с замечательной датой Вашей жизни.

С приветом
И. Чумаков,
инженер-геолог.
Москва. Б. Харитоньевский, д. 2, кв. 28.
24/V-55 г.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Орлов Алексей Иванович (?–1918) — герой «Тихого Дона», «звездочет», «седой большевик»; упоминается в «Списке чинов отряда Подтелкова, приговоренных 27 апреля ст. ст. 1918 г. военно-полевым судом к смертной казни» (*Шолохов М. А.* Тихий Дон. Научное издание: В 2-х т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 677).

[2] Орлов Александр Сергеевич (1871–1947) — литературовед, специалист по древнерусской литературе, академик АН ССР.

[3] Возможно, Кедров Михаил Сергеевич (1878 — 1941, репрессирован) — старый большевик, в 1916 г. вернулся из эмиграции в Россию; под видом врача работал на Кавказском фронте, в годы Гражданской войны — начальник Военного отдела ВЧК.

[4] Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) — советский партийный деятель, министр внутренних дел СССР; в 1953 г. был арестован по обвинению в измене Родине и заговоре с целью захвата власти, расстрелян по приговору Верховного суда СССР; советская пропаганда превратила Берию в символ зла и тирании, обвинив его во всех грехах предшествующей эпохи.

508. В. РОЗАНОВ

25 мая 1955 г., Ленинград

Станица Вешенская,
Михаилу Шолохову.

Пусть целый мир Вас в классики зачислит,
Вы от того не станете глупей:
Народность языка и мысли –
Бессмертных Ваших эпопей.

Поздравляю Вас. Полувековая жизнь Ваша — яркий пример для всех нас, как надо жить и бороться за счастье своего народа. Уверен, что Вы сделаете еще очень много во славу нашего великого, удивительно талантливого народа.

Крепко жму Вашу руку,
В. Розанов, начинающий поэт.
г. Ленинград, 154,
Большой проспект, 10, кв. 48.
25.05.55 г.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

509. Р.П. ГРУЗДЕВ

26 мая 1955 г., Кострома

Дорогой Михаил Александрович!

Пишет письмо Вам незнакомый Вам ваш читатель Груздев Руф Павлович.

Во-первых, Михаил Александрович, разрешите Вас поздравить с высокой наградой — орденом Ленина и желаю Вам, дорогой Михаил Александрович, доброго здоровья и успехов в Вашей работе на благо нашей любимой Родины.

Во-вторых, Михаил Александрович, такое дело. Когда я еще служил в рядах Советской армии, у нас была читательская конференция по поводу Вашего романа «Тихий Дон». Ну, конечно, разобрали его, кому какие герои романа понравились и т.д. и т.п.

В заключение конференции нам сказал нач. клуба: что где-то за рубежом возник вопрос, кто напишет такую же подробную книгу, как «Война и мир» Л. Толстого, только про Отечественную войну 1941 г. — 1945 г. И вот зарубежные писатели пришли к выводу, что такую книгу могут или можно написать в Советском Союзе. Тогда возник вопрос в Союзе Советских писателей и тогда якобы жребий выпал на Вас, Михаил Александрович. Когда это я объяснил ребятам на заводе, у нас возникло много споров, о том, что правда ли все это было. Дак вот, дорогой Михаил Александрович, если Вас не затруднит дать нам ответ, прошу Вас не отказать в нашей просьбе.

Мой адрес: город Кострома.
Улица Симановского, дом № 26,
4-й корпус, кв. № 59.
Груздеву Руфу Пав.

Ну и так, Михаил Александрович, до свидания. С крепким рукопожатием, уважающий Вас ваш читатель.

26/V-55 г.

(*Автограф. ГМЗШ КП-8353/64. Л. 1–2*)

510. Е.В. КОРОЛЕВА

26 мая 1955 г., город Лиепая (Латвия)

26/V-55 г.

Дорогой и любимый наш писатель тов. Михаил Александрович Шолохов!

Я домашняя хозяйка, жена рабочего судостроителя г. Лиепая, прочитав в газете о награждении Вас орденом Ленина за Ваши творческие заслуги, в день Вашего пятидесятилетия, от глубины всего сердца поздравляю Вас, и желаю Вам долгой жизни и доброго здоровья. Мне 53 года, я прочла много всякой литературы за свою жизнь, но Ваши произведения «Тихий Дон» и Поднятая целина оставили в моей душе неизгладимый след. Ваш роман «Тихий Дон» я прочитала 5 р. Я знаю его наизусть. И каждый раз я находила в нем все новое и новое! Нет слов высказать, как взволновала и потрясла меня трагедия Мелеховых, когда Григорий копал клинком землю, хороня свою любимую Аксинью и надежду на иную лучшую жизнь. Это можно только пережить и перечувствовать вместе с Григорием! Мне просто не верится, что они не существовали, это невозможно. Нет, они все живут и будут жить вместе с нами! Хочется прочесть окончание «Поднятой целины», о всех этих замечательных людях, которые живые стоят перед глазами.

Простите за это письмо, может я не так сумела высказать, как хотелось!

Желаю Вам от всей души здоровья и счастья в Вашей прекрасной жизни. Ибо, кто творит, тот прекрасен!

Елена Владимировна Королева.

Латвийск<ая> С.С.Р., г. Лиепая, Центральная, 4–1.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

511. А. СЕРДЮКОВ

27 мая 1955 г., Житомир (Украина), воинская часть

Житомир. 27.05.55 г.

Здравствуйте, многоуважаемый наш писатель

Михаил Александрович!

Извините за беспокойство, которое приношу я Вам своим письмом, отрывая Вас от работы, у Вас и без этого дел хватает, однако я считаю, что написать вам как бы обязан.

Примите мой искренний армейский привет и сердечные пожелания в вашей жизни.

Разрешите от всей солдатской души поздравить Вас в связи с 50-тилетием вашей жизни, и еще раз одновременно поздравить с награждением Вас высшей наградой — Орденом Ленина за вашу выдающуюся писательскую работу[1].

Пишет Вам солдат Советской Армии, в прошлом рабочий, рождения 1929 г., беспартийный, уроженец Белгородской области, хутор Малый Лог, до Армии работал на ХТЗ.

Михаил Александрович! Мне было 14 лет, когда я впервые прочитал ваш замечательный роман «Тихий Дон», с большим трудом добыв эту книгу у сельской библиотекарши. Образование у меня 5 классов, поэтому я не могу так широко выразить все те чувства, которые были у меня во время чтения той книги и сохранились до сих пор. Чтобы вы ни писали, ваши книги читаются свободно, понятно и общедоступно.

Характерно в ваших книгах то, что Вы умеете писать как бы живую действительность, порою даже и жестоко, но не слащаво, как это есть у некоторых наших писателей.

Замечательно вы описываете природу и обстановку, в которой протекает то или иное событие, в 2-х — 3-х цитатах вы как-то можете описать именно то состояние природы и действующих, лиц как будто читатель видит все это перед своими глазами.

Григорий Мелехов — это мой любимейший герой из всех тех книг, которые я прочитал в своей жизни. В нем я вижу типичного представителя донского казачества, сына этого героического народа в прошлом и настоящем. Мой отец, участник войны 1914–1918 гг., был очевидцем конных атак донских казаков с австрийской кавалерией, он часто рассказывал нам о храбрости, стойкости и отваге донского войска в империалистическую войну. «Я не видел, — говорил отец, — чтобы когда-либо донские казаки поворачивали обратно, они всегда побеждали в жестоких схватках с неприятелем».

Я не был ни разу в станице Вешенской, где вы сейчас живете и работаете, но то, как вы описали свой край в «Тихом Доне», заставляет меня любить все: этот Татарский хутор, эти мелеховские подсолнухи с Гришкой и Аксиньей, тихие ночи и рассвет у Дона, где Григорий «ловил рыбу» с Лизой Моховой, всю ту природу, которую вы так искренно изобразили в этом романе. Из этого всего видно, что вы, Михаил Александрович, горячо любите свою Родину, ибо нельзя так ее описать без любви к ней.

Аксинья. Описанная вами красота казачки пленит читателя, просто нельзя оторваться от тех глав книги, где так Вами прекрасно воспета озорность <sic!> и покорность, любовь и нена-

висть этой женщины ко всему тому, что встречает она на пути своей жизни. У меня сложилось такое именно мнение о казачках, что они все делают с огоньком, я бы сказал, с казацким огоньком, если работать, так работать, если любить, так любить, если веселиться, то так, чтобы все вокруг ходуном ходило.

Большую роль играет тот факт, что книга написана на простом нашем языке с донским наречием, простота слов придает книге особенный интерес, просто читаешь книгу и как будто слышишь разговор станичников, свободно говорящих между собой. Хорошо описаны взаимоотношения между казаками, их шутки, перебранки, смешные острые словечки делают книгу увлекательной, понятной и весьма интересной, так как наш народ без шутки жить не может.

Что касается отношений между Григорием и Аксиньей, то Вы так смогли детально и всесторонне описать их большую безграничную любовь, такую любовь, которая везде и всюду показывает свою могучую силу, противостоящую всем невзгодам и лишениям, стоящим на их пути, их ничто и никто не мог разлучить, где бы они друг от друга ни находились. Мне нравится то, что они полюбили друг друга не так, как это пишут в своих книгах наши некоторые писаки, поэты, драматурги. Часто в книгах, кино, на сцене театров я встречал такую избитую сцену: встретились, полюбили друг друга, но она не может довериться ему лишь потому, что он плохо работает, его портрет не висит на Доске Почета. Он, как правило, начинает хорошо работать, выходит в число передовиков, теперь она ему верна, доверилась и т.д.

Получается так, как будто она полюбила его не за его душу, а за успехи в труде, за первое место в соревновании, а чувства, сердца здесь как будто не существует, будто ей нужны его успехи в труде больше, чем его внутренние качества, что не будь он стахановцем, она и не полюбила бы его.

В вашей же книге я вижу настоящее душевное, сердечное, неугасимое чувство любви, которое не угасает ни при каких обстоятельствах, в какой переделке бы они ни находились.

Мелеховский курень, описанный вами как крепкая, зажиточная семья, на мой взгляд, сыграл важную роль в развитии характера Григория, он как бы по традиции именно таким и должен быть, судя по отцу и всей его родословной. Я почему-то считаю, что у людей, воспитанных без семьи, без семейных традиций, такой силы воли быть не может, что такие люди не могут подчинить своей воле определенный круг людей, не могут решительно воздействовать и добиться своего, а чаще всего попадают под влияние. Поэтому семью Мелеховых я считаю здоровым очагом, как

бы живым источником в фабриковании <sic!> характера Григория, который высоко нес честь казака, показывал образцы храбрости и бесстрашия в боях, заслужил 4 Георгия, дошел до командира полка и т.д.

Заканчивая, я скажу, что книга ваша «Тихий Дон» в моем понятии является одной из лучших, это большое достижение вашего таланта получившее общенародное признание.

Желаю вам отличного здоровья, долгих лет жизни и неутомимой творческой деятельности на честь и благо нашего народа.

До свидания.

Искренне любящий вас солдат Алексей Сердюков.

Мой адрес: Житомир, в/ч 21306-«Б»/

(*Автограф. ГМЗШ КП-19842. Л. 1–2*)

[1] См. примеч. 1 к. 503.

512. А.Е. МАКАРОВ

27 мая 1955 г., село Волонтировка (*Молдова*)

Здравствуйте, дорогой Михаил Александрович!

Во-первых, хочу, хотя и поздновато, пожелать Вам в день Вашего пятидесятилетия самого хорошего, что можно только пожелать любимому писателю.

Я Вам по годам, как раз сын: мой отец — одногодок Вам. Родился и жил я в Сибири.

Первый раз я прочитал Ваш «Тихий Дон» в 1940 г., когда мне было 13 лет. С тех пор у меня нет больше лучшего впечатления от книг, которые я читал, чем от «Тихого Дона».

И вот сейчас 1955 год, и я уже прочитал эту отличную вещь 4 раза и каждый раз, перечитывая ее, я нахожу в ней новое, интересное, правдивое.

«Поднятую целину» я прочитал уже трижды и жду не дождусь, когда я дорвусь до второй книги: отрывки я читал в газете «Правда»[1].

Михаил Александрович!

Вас иногда упрекают, что Вы медленно пишете. Не верьте им. Ваши книги — лучшие. А те, кто выдает «на-гора» в день книгу, быстрые, но худшие. Прочтешь такую быструю книгу и через пару дней забудешь про нее. А Ваши «Тихий Дон» и «Поднятую целину» никогда не забудешь.

Простите, что побеспокоил Вас, дорогой товарищ Шолохов. Но верьте, пишу Вам от всего чистого сердца, люблю Вас как писателя настоящего, как замечательного коммуниста!

Будьте здоровы, дорогой М. А.!

С коммунистическим приветом.

с. Волонтировка Молдавской ССР, Центрсберкасса.

А.Е. Макаров.

27 мая 1955 г.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Весной 1955 г. в газете «Правда» были опубликованы отдельные главы второй книги «Поднятой целины».

513. Н. НЕРОВНЯ и др.

31 мая 1955 г., город Нежин (*Украина*)

Дорогой Михаил Александрович!

В день Вашего славного 50-летия шлем Вам наш студенческий привет и поздравляем Вас с высокой правительственной наградой — орденом Ленина.

Мы любим Ваши талантливые народные произведения, герои которых, как живые, стоят перед нами, помогая нам жить и учиться.

Своим метким словом Вы отзываетесь на каждое событие в нашей стране, на каждый шаг в ее героической истории, и этим Вы справедливо заслужили любовь и уважение народа.

В каждом отдельном образе своих произведений Вы воплощаете характерные черты людей, показывая, как чуткий психолог, всю многогранность человеческой души.

В нашем музее Н.В. Гоголя есть Ваш портрет — писателя, воплотившего в своем творчестве лучшие традиции творчества Гоголя и всей русской классической литературы.

Мы просим Вас прислать для нашего музея одно из Ваших произведений с Вашим автографом.

Мы желаем Вам долгих лет жизни, крепкого здоровья и обильных творческих успехов на поднятой Вами целине.

С глубоким уважением и любовью к Вам, студенты историко-филологического факультета Нежинского государственного педагогического института им. Н.В. Гоголя по поручению студентов:

Н. Неровня,

А. Щетка,

О. Бескровная,

6 мая Берлин

Тов. Шолохову

От группы бойцов N подразделения - полевая почта 11346-ч на Быкова Н.

Здраствуйте тов. Шолохов. Уже прошли дни - когда историческая новость облетела весь мир - мы в Берлине. Сегодня он не представляет для нас бойцов ничего особенного серой, грязный и до крайности общипанный, как и сами немцы. Наши думы, наши мечтания - о России и теперь имея больше свободного времени мы решили попросить Вас вышлите нам что-либо из Ваших последних произведений - ведь мы очень мало имеем у себя русской литературы, а проще признаться ничего нет, что было растеряли в боях.

И так с надеждой
с фронтовым приветом

Николай Быков
Михаил Бузанов
Хурмет Губаев.

8794/15

27.
Письмо группы фронтовиков М.А. Шолохову
от 6 мая 1945 г.
(ГМЗШ)

28.
Шолохов М.А. Тихий Дон. Роман.
Л.: ОГИЗ, 1945 (ГМЗШ)

29 мая. Привет из далекой Латвии!

Со Днем рождения, дорогой земляк!

Поздравляю Вас со днем Вашего рождения и, хотя поздно, с Великим праздником — Победы! И желаю долгих, долгих лет здоровья и жизни на благо нашей необъятной великой Родины!

Вам мое маленькое письмецо покажется странным и незнакомым, но я не могу не поздравить Вас, т.к. я люблю свою родину и ее народ, а тем более Вас за Вашу работу. С уважением и гордостью я читаю Ваши труды.

Вкратце о себе.

Я, Изварина Лидия, уроженка Ростовской области города Шахт. В 1943 г. пошла добровольно в ряды РККА. Овладела снайперским делом и участвовала в боях против немецких захватчиков. На 9 мая я имею на своем счету мести 25 убитых немцев. А мое отделение 190 (я командир его). Посылаю Вам свой портрет из нашей фронтовой красноармейской газеты.

Привет и поздравления шлют Вам все бойцы из моего отделения.

С гвардейским приветом к Вам

Лидия!

29 мая.

Простите что запоздала с поздравлением. Но лучше поздно, чем никогда!

29.
Письмо Л. Извариной М.А. Шолохову
от 29 мая 1945 г. (ГМЗШ)

Уважаемый товарищ Шолохов читая в журнале „Новый мир“ отзывы
сергея Иванова – „Михаил Шолохов – писатель – депутат“, я встретил в ней выдержки о том, как отзываются на ваши прекрасные, незабвенные произведения советские читатели.
Я решил добавить свои мнения о том, какое неотразимое впечатление производят на меня ваши произведения.
Когда я прочитал „Поднятая целина“, „Тихий Дон“ что я не мог оставить в себе впечатления произведенные ими, мне хотелось рассказать всем меня окружающим, всю правду, которая была общая с нашим колхозом в период коллективизации. Не могу обойти один случай или вернее отзыв со стороны деревенских жителей Воронежской обл.
Приехав как-то раз на летние каникулы отдохнуть в деревню, я заинтересовался тем, как проникает культура, агитация нового советского строя в среду безграмотного крестьянства, а особенно старых людей, которых основные мировоззрения вырабатывались помещичьим строем.
Оказалось, что еще мало проникает культура и агитация в их сознание, а ибо кто этим занимается говорит только нашим возвышенным для народа языком, а поэтому всякая несправедливость со стороны бюрократа, сказываясь народом не в пользу советской власти, они не знали,
что правительство не знает о проделках бюрократа, а неамоволия [illegible] боялись по старой привычке.
Выбрал подходящий момент когда у моей бабушки, где я в то время находился, собрались погутарить старики, старушки, женщины.
Я знал, что они любители погутарить о старинке, сравнить с настоящим и в частности поспорить. Самый шал разговор о коллективизации, о периоде обобществления хозяйств, о перегибе некоторых активистов, говоря что они действовали по указанию совет. власти в смысле перегиба.
Вот в этот момент ваша книга „Поднятая целина“ где отражен тот период помогла мне разъяснить им истинную правду. Прочитав несколько страниц я остановился, посмотреть, какое впечатление на них она оказала. Все сидели внимательно слушали и попросили меня читать дальше, а когда я читал к концу, то все дали оценку, начали обсуждать, засыпая меня вопросами; кто написал? как же он все видел, удивлялись вашим способностям и заметили, что ваш Кондрат Майданников – наш Андрюха Матвеев, дед Щукарь – дед Трусов, Нагульнов – Шмаров.

А еще задали такой вопрос: а скажи Максим не ругали этого самого Шолохова за его книгу, уже больно она режет „не в бровь, а в глаз“. Нет! бабушка у нас за правду не ругают, она помогает изменять и таких людей, которые тебе мешают жить.
Вот тогда-то я понял насколько сильна ваша книга и ваша правда.
До этого мне не приходилось, хотя как я и не старался объяснить кр-нам какую нибудь книгу чтобы они ее так хорошо поняли, а здесь и не нужно было объяснений: так прост ее народный язык, сравнить образов что они увидели и в их жизни таких людей как вами описанные, они узнали правду, откуда берется несправедливость, заключающаяся в лице одного бюрократа о котором совет. власть еще не узнала.

С почтением и пожеланием долгой и плодотворной жизни на благо нашего отечества гв.-мл.-сержант Х. Максим.

п/п 12381 „В“

Ханин. Максим.
Германия 18.06.46

5794/15

30.
Письмо М. Ханина М.А. Шолохову
от 18 июня 1946 г. (ГМЗШ)

31.
Шолохов М.А. Поднятая целина.
Молотов: Молотовгиз, 1948

32.
Шолохов М.А. Поднятая целина.
Омск: Омгиз, 1948 (ГМЗШ)

Я, Карачунская Мария Дмитриевна,
живу с матерью, отец погиб в годы
Великой Отечественной войны. Мать
работает свыше 20 лет чернорабочей.
Решив как можно раньше помочь
матери, я поступила в Донецкий
сельхозтехникум г. Миллерово на
гидромелиоративное отделение, где
проучилась 4 года. После оконча-
ния техникума была направлена
на работу Министерством с/х СССР
в Министерство водного хозяйства
Таджикистана. Я приехала в
г. Сталинабад, где мне ответили,
что мест нет и отправили обрат-
но в Москву в Министерство с/х.
Управление руководящих кадров
дало мне справку на самоопределе-
ние с этим я приехала домой.
Сама не могу определить себя по
специальности, потому что в
Каменской области нет свободных
мест. Так ответили мне из
отдела кадров г. Шахты, куда
я делала запрос. Тоже самое
и в Ростовской области.
И вот я уже месяц сижу дома,
не зная, что ещё предпринять,
чтобы найти работу по специаль-
ности. Партия и Правительство
уделяют огромное внимание
развитию сельского хозяйства.
Лучшие люди изъявляют желание
поехать в село, чтобы поднять
эту отрасль производства.
Кончая техникум, я была
уверена, что моя специальность
самая нужная для страны
и народа. А теперь у меня
создалось такое мнение, что
я напрасно училась эти
4 года, так как не имею
возможности применить
на практике те знания,
которые получила в техни-
куме. Я обращаюсь к Вам
с просьбой разобраться и
помочь мне, или дать совет.

26/X-55 г.
М. Карачунская.

Мой адрес:
Каменская область,
Ст. Мальчевская,
ул. Максима-Горького,
дом № 14.
Карачунской. М.Д.

33.
Письмо М.Д. Карачунской М.А. Шолохову
от 26 октября 1955 г. (ГМЗШ)

Крым, Мисхор 10.XI.55.

Дорогой Михаил Александрович!

В ворохе писем и телеграмм, полученных Вами в день Вашего 50-летия, на мое письмо можно было бы и не обращать внимания, поэтому я и подождал писать, хотя я уже давно собирался.

К Вам наверно многие обращаются со всякого рода просьбами, но у меня не просьба, а возмущение, которое Вы должны понять:

Я четвертый год не могу купить ни в Ялте, ни в Симферополе все 4 книги „Тихого Дона". Подписки тоже нет, хотя и было объявлено. В очереди приходится доставать в библиотеках и, с трудом пришлось недавно прочесть 4-й раз.
Но я хочу иметь эти книги всегда на столе.

Скажите, пожалуйста, Михаил Александрович, там, кому следует, пусть пришлют мне наложенным платежом по адресу:

Крым, Мисхор, Южная 7а
Корсуновскому Александру Павловичу.

„Поднятую целину" буду ждать выхода 2-й книги, а потом начинать чтение сначала.

Было бы счастьем получить от Вас пару строчек.

Будьте здоровы!

Глубоко уважающий Вас А. Корсунов

34.
Письмо А.П. Корсуновского М.А. Шолохову
от 10 ноября 1955 г. (ГМЗШ)

Дорогой Михаил Александрович!

Поздравляем Вас с наступающим Новым 1956-м годом, желаем Вам здоровья для плодотворной Вашей работы.

Мы считаем дни, когда появится Ваша книга „Поднятая целина", а также надеемся скоро увидеть на страницах печати эпопею Великой Отечественной войны" Они сражались за Родину".

Мы выражаем не только свои личные пожелания, но и пожелания семи тысяч наших читателей библиотеки.

Наш адрес: Москва Д 56 Б/Грузинская д. 37 Библиотека №68 Советского р-на г. Москвы

Коллектив библиотеки:

Зав. библиотекой [signature]

Библиотекари: С.В. Крыштал

Н.Н. Богданова

Л.Я. Мезревская

Т.И. Елисеева.

Р.П. Молоканова

М.Я. Блох.

29 декабря 1955 г.

г. Москва

35.

Письмо библиотекарей Москвы М.А. Шолохову от 29 декабря 1955 г. (ГМЗШ)

36.
Плакат «К десятой годовщине пролетарской революции рабочий и крестьянин должны владеть книгой и газетой как серпом и молотом». 1923 г.

37.
Плакат «Береги книгу, она верный товарищ в походе и в мирном труде».
1918–1923 гг.

38.
Плакат «Верни книгу — ее ждут другие».
1926 г.

39.
Плакат «Проработка книги читателем».
1924–1927 гг.

40.
Плакат «Книгу, взятую вами, верните в срок, ее ждут другие читатели». 1929 г.

41.
Плакат «Все в библиотеку».
1929 г.

42.
Плакат «За книжную полку».
Вторая половина 1920-х гг

43.
Плакат «Книги в культурной стране с хлебом идут наравне».
Вторая половина 1920-х гг.

К. Овсиенко,
М. Тимошенко,
Н. Зарько,
Ю. Савченко.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

514. П.И. ЖИВАГО

17 июня 1955 г., Харьков (*Украина*)

Многоуважаемый Михаил Александрович!

Вашу книгу «Тихий Дон» я читал 4 раза. До войны прочитал три книги, последнюю, четвертую никак не смог достать. Будучи в оккупации в 1944 году в г. Николаеве, на Черноморской улице в тихой малоизвестной библиотеке достал, наконец, 4ю и прочитал с упоением. После этого еще три раза вновь перечитал и всякий раз с большим наслаждением. Я читал и читаю много. Читал Толстых обоих, Гоголя, Чехова, Гончарова, Тургенева и многих других русских и иностранных классиков. Должен сказать, ни одно из прочитанных мною произведений не произвело на меня такого действия, как «Тихий Дон». Все в этом романе есть: и правда и мастерство. Я Вас не видал и, может, никогда не увижу (а хотелось бы) и не боюсь казаться льстецом. Ваш «Тихий Дон» ставлю в художественном мастерстве выше любого произведения Л. Толстого. Сейчас читаю И. Лежнева «Михаил Шолохов»[1]: все, что связано с Вашим именем, меня интересует. Особенно мне понравилось в «Тихом Доне» описание осени, и в 4й книге место, где описывается, как Аксинья в лесу села отдохнуть и нашла ландыш. Чудесное место, достойное Вас. В книге много исторически верных мест, как, например, казнь красных казаков во главе с Подтелковым. Я вот что хочу знать: существовал ли Г. Мелехов и его семья или, если нет, с кого Вы писали этот персонаж. Может, этот вопрос покажется Вам глупым? Мне думается, нельзя так правдиво и верно (даже в мелочах) воспроизвести в книге человека, не имея перед собой объекта, с которого пишешь. Много, много лет «Тихий Дон» будет лучшим произведением не только у нас, но и в мировой литературе. Если бы Вы могли уделить немного времени, и дать ответ на мой вопрос, я был бы очень рад.

Желаю Вам здоровья и много, много лет жизни.

Остаюсь глубоко и искренне уважающим Вас, как человека и великого писателя нашего времени.

П.И. Живаго.

Рабочий завода ХЭТЗ. Харьков.

Мой адрес: Харьков 7, Биробиджанская улица, № 63, кв. 18.

Живаго Петр Ильич.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] См.: *Лежнев И.Г.* Михаил Шолохов. М.: Советский писатель, 1948. — 519 с.

515. В. ТЯГУШЕВ

18 июня 1955 г., поселок Лазарев Николаевского района Хабаровского края

18 июня 1955 год

поселок мыс Лазарев

Здравствуйте, товарищ М.А. Шолохов!

Как и вся наша страна, я хочу пожелать Вам в связи с Вашим пятидесятилетием долгих лет жизни и дальнейших успехов в Вашей плодотворной работе, а также поздравляю Вас с высокой правительственной наградой — орденом Ленина. Пока дойдет мое письмо, пройдет немалое время, так как живу я на Крайнем Севере, а здесь почта зависит от климатических предрассудков природы.

Почему я решился Вам написать? Еще учась в 5-ом классе, я прочитал Вашу книгу «Поднятая целина», которая сразу завоевала мое сердце своей простотой, своим ярким, самобытным языком, своим юмором, который так и брызжет из каждой строки, своей задушевной любовью к родной стране, своей точностью, правдивостью показания фактов колхозного строительства первого в мире социалистического государства. Вы мне представлялись бородатым казаком с широким, открытым русским лицом, с какой-то особой осанкой, которая так выделяет русского человека-крестьянина. И как я был приятно удивлен, увидевши Ваш портрет, в котором я нашел черты, знакомые уже по моим детским фантазиям. Учась в 6-ом классе, я прочитал «Тихий Дон», который тоже оставил неизгладимое впечатление опять-таки своей простотой и непосредственностью. Читая эти книги, видишь широкие русские поля, необъятный простор родины, простой народ, их жизнь, их чаяния, их отношение к мероприятиям грандиозного преобразования сельского хозяйства, их желание найти верную колею из пещеры, в которую они были загнаны столетия,

из беспросветной тьмы, из ужасов классовых раздоров, совершавшихся по принципу «человек-человеку волк». Такой образ, как образ деда Щукаря, шутника и балагура, который всю жизнь прожил нищенски, который сразу определил, что советская власть — это счастливая жизнь; вспомним хотя бы его слова: «Эта жизнь начинает мне дюже нравиться!» — разве этот образ можно забыть? И другие образы, я не буду на них останавливаться, все они говорят об огромном мастерстве их создателя, об истинном народном писателе.

Я стараюсь подражать Вам, учиться у Вас писать, но, к сожалению, у меня ничего не выходит. А как бы мне хотелось быть настоящим писателем! Правда, мне всего 18 лет, я еще молод, но, как говорится: «Любви — я добавлю: к какому-либо делу — все возрасты покорны», и я бы очень хотел быть полезным родине и народу.

В заключении я попросил бы Вас об одном одолжении: напишите мне письмо своей рукой — это будет драгоценнейшей памятью от мастера русского слова, великого познателя народной души.

Желаю Вам, Михаил Александрович, долгих, долгих лет жизни, ибо Ваша жизнь нужна народу!

Обр. адрес: Нижне-Амурская область, пос. мыс Лазарева, ул. Набережная, № 9. Тягушеву Владимиру.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

516. В.И. ВОРОНКОВ

14 июля 1955 г., город Камышин Волгоградской области

Дорогой Михаил Александрович!

Разрешите мне (хотя с некоторым опозданием) поприветствовать Вас, поздравить с наступившим и уже прошедшим пятидесятилетием и пожелать Вам от всего сердца больших успехов в творческой работе, которую так ценит наш народ.

Чтобы Вы знали, кто обращается к Вам с этим письмом, разрешите мне отвлечь Ваше внимание и отрекомендоваться.

Я Ваш земляк, родился в июне 1905 года в известной Вам станице Краснокутской. Отец мой в течение 30 лет был заведующим школой в этой станице. Затем он ушел на пенсию и последние годы своей жизни вместе с матерью жил на хуторе Свиридове, в двух верстах от станицы Краснокутской в небольшом двухкомнатном домике на краю хутора. Фамилия моя Воронков Владимир Иванович. Я в 1920 году вступил в комсомол, до 1925 года

жил и работал на родине, затем работал на станции Морозовской. В 1925 году поступил в военно-политическую школу и переехал в г. Ростов н/Дону. После окончания школы я лет семь работал в Ростове. Водились в то время за мной грехи, и я писал стихи. Очевидно, некоторые из них Вы читали в издававшемся в то время журнале «На подъеме»[1]. Одно из стихотворений «О родине» начиналось так:

Там, где степь ковылем серебрится,
Где река затерялась в лугах,
Потонула глухая станица
В огородах, чубатых садах.
Нахлобучили низкие хаты
Капелюхи соломенных крыш,
Над рекой, как старик бородатый
Наклонился в раздумье камыш...
и т.д.

В 1928 году вступил в члены партии, а в 1931 году с партийной работой в г. Ростове н/Дону был мобилизован в органы ОГПУ. С того времени и нахожусь на этой работе, до 1933 года в Ростове, с 1933 по 1950 год — в Ленинграде, а с 1950 года — в г. Калинине. Пытался в этом году перевестись в Ленинград, но там не принимают, потому что нет у меня высшего образования. Теперь у некоторых руководителей вошло в моду судить о работнике по диплому. А отдельные дураки с дипломом этим пользуются и всеми правдами, неправдами стараются его приобрести. Ну, о них не стоит долго распространяться, им, к сожалению, иногда везет.

Мать моя перед войной приехала ко мне в гости, в Ленинград. Там ее застала война в 1941 году. Во время бомбежки она побежала ночью вниз по неосвещенной лестнице и сломала себе ногу. Началась блокада города и, несмотря на принимаемые мною меры, она в феврале 1942 года с больной ногой умерла в больнице.

Старик был один на хуторе Свиридове, испытав все «прелести» немецкой оккупации. В 1944 году я взял его к себе в Ленинград. Он прожил в Ленинграде всего один год, тосковал год по своей старухе, с которой прожил 40 лет и в ноябре 1945 года внезапно умер. Такова история моей жизни, история человека, который пишет Вам это письмо, зачитывается Вашими произведениями, наслаждается их сильным слогом.

Отрадно было читать новые главы «Поднятой целины», печатавшиеся в «Правде». И до чего все это правдиво написано. Читаешь и думаешь: ведь это же живые люди, казаки, именно такие, с какими когда-то мне приходилось жить.

С удовлетворением я читал Ваше выступление на II съезде писателей. Все было верно сказано. И поэтому с недоумением пришлось читать выступления тех товарищей, которые обвинили Вас в «зубоскальстве». А ведь выступать на этом съезде, мне кажется, нужно было еще резче, еще тревожнее, потому что литература наша еще бедна настоящими, хорошими писателями. По моему мнению, (возможно, я и ошибаюсь) кроме произведений Горького, Маяковского, Шолохова, Фурманова (имею в виду «Чапаева»), Островского и Фадеева, пожалуй, ничего такого нет, чтобы можно несколько раз перечитывать и каждый раз восхищаться прочитанным. Мне думается, что (если не считать произведений указанных выше писателей) большинство произведений наших писателей «потонет в Лете» раньше смерти самих авторов.

Пишут много, книг писателей издается много. Но что пишут, что издается — это слабая характеристика роста литературы! Требования к писателям предъявляются слабые. Драгоценное звание писателя порой присваивают совсем незаслуженно. Достаточно написать одну книжицу, дальше ничего не писать, и тебя обеспечат званием писателя чуть ли не на всю жизнь. А ведь больше 37 лет Советской власти! Пора уже, пора писателям давать произведения, достойные имён дореволюционных писателей. Пора уже, пора пробить тревогу о нашей литературе, которая, на мой взгляд, растет количественно, но не качественно.

Вот что, дорогой Михаил Александрович, я хотел попутно высказать, приветствуя Вас и желая Вам хорошего, хорошего здоровья и успехов в работе. Если что я неправильно написал о нашей литературе, прошу извинить. Я ведь не писатель, а читатель и написал Вам так, как думал.

Живите, Михаил Александрович, долгие, долгие годы и давайте нам побольше таких книг, как «Тихий Дон» и «Поднятая целина».

С приветом, уважающий Вас Ваш земляк

Воронков.

14/VII-55

Мой адрес:

г. Камышин, ул. Урицкого, 25, кв. 3.

P.S. Все то, что Вы описали в «Тихом Доне», я пережил на своих глазах. Мальчишкой бегал в хутор Пономарев — смотреть, как расстреливали Подтелкова. В хут. Кутейникове видел Чумакова (бандита). Видел орды Махно и его самого, проходивших через Краснокутскую станицу.

Воронков.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Журнал «На подъеме» выходил с 1927 по 1935 г. в Ростове н/Д; краевой литературный журнал, орган Северо-Кавказского объединения Ассоциаций пролетарских писателей (СКАПП). Информацией о публикации стихотворений В. Воронкова не располагаем.

517. А.И. КРАСНИКОВ

20 июля 1955 г., Якутск, воинская часть

Дорогой Михаил Александрович!

Наконец-то мы дождались выхода на свет божий второй книги замечательного Вашего произведения — «Поднятой целины». Сперва в «Огоньке», а теперь в «Октябре»[1] мы имеем возможность читать этот роман. Я не критик, не литератор. Я — читатель. На первой полке моей скромной библиотеки лежит Пушкин А.С., Л.Н. Толстой, Лермонтов М.Ю., Чехов А.П., Гоголь Н.В., Достоевский Ф., Герцен А.И. и еще кое-кто из русских писателей времен Пушкина. На второй полке — М. Шолохов и В. Маяковский. Остальная площадь этой полки свободная. На третьей и четвертой — все остальные в порядке алфавита. Надеюсь, что через некоторое время придется потеснить нашего родоначальника А.С. Пушкина с графом Л.Н. Толстым и поселить туда казака с Тихого Дона и Горлана-главаря, сделав им прописку в их серпасто-молоткастых паспортах о проживании вечно на этой площади. Из сказанного выше Вам ясно, каков я Ваш читатель.

Михаил Александрович!

Вторая книга «Поднятой целины» — замечательная вещь! Пока прочел то, что есть в № 5 и № 6 «Октября» за 1955 г. Но вот в 5-ой главе есть кое-какие сорняки, которые надо немедленно выполоть.

1) Мне думается, сравнивать станичных петухов с архиереями и генералами не следует. Как-то режет ухо такое сравнение. По-моему, это неуместное дело. При встрече с Вами всякий генерал, архиерей может подумать: «Как бы не усмотрел во мне этот писатель какого-нибудь кочета, или козла, не доведи Господь»...

2) В главе 5-ой стр. 41 «Октябрь» № 5, май 1955 г. сказано так: «На закате солнца Давыдов выпряг в конце гона быков и разналыгал их» и т.д. Надо понимать, что быки свободны и могут пойти на пастбище. Так?

На стр.42 Давыдов спрашивает у Вари: «Найдем мы с тобой на заре быков?» «Найдем, они далеко не уходят ночью», — ответила Варя. Значит, надо полагать, что быки были отпущены и ушли на пастбище. Поговорив с Варей, Давыдов решил пойти на стан и одеть пиджак, т.к. во время работы изорвал свою уже ветхую тель-

няшку. И на стр. 43 Давыдов говорит Варе: «Ты выпряги быков и пусти их на попас, а я пошёл, — сказал он со вздохом».

Позвольте, ведь быки уже выпряжены, каких еще быков он заставляет Варю выпрягать?.. Далее. Надо понимать, что Варя не хотела, чтобы усталый Давыдов шел через вспаханное поле на стан за пиджаком. Поэтому она решила сходить сама, Давыдов пусть отдохнет. «Я быстро сбегаю...» — сказала Варя. «Давыдов не успел слова вымолвить, а она уже птицей летела к стану. Давыдов долго провожал её глазами, потом выпряг быков, вышел с пахоты...»

Опять, в третий раз, Давыдов выпрягает этих злополучных быков. Это нагромождение с выпряганием быков надо исправить[2].

Немножко досадно, что на этом хорошем пшеничном поле есть такие сорнячки. Надо послать Варю и их немедленно выполоть.

Не знаю, что будет дальше, но книга захватывающая, и с нетерпением жду следующих номеров журнала «Октябрь», а потом целой книги.

Как читатель решил черкнуть Вам пару слов. Не примите их в обиду. Желаю Вам, дорогой Михаил Александрович, сил и здоровья на долгие, долгие годы.

20/VII-55 г., г. Якутск, п/я ЯД40/2.

Красников Александр Иванович.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] В «Огоньке» главы 2-й книги романа «Поднятая целина» печатались в 1954 г. (№ 15–17, 21, 23), в «Октябре» — в 1955 г. (№ 5 — гл. I–V; № 6 — гл. VI–VIII).

[2] Речь идет главе VII (с. 42 — 43), опубликованной в журнале «Октябрь». Отмеченные читателем противоречия Шолохов не стал устранять; глава печаталась без изменений как в первом отдельном издании романа, так и во всех собраниях сочинений писателя.

518. М.П. МАЗУРЕНКО

25 июля 1955 г., Караганда (Казахстан)

25/VII 55 г.

Уважаемый тов. Шолохов!

Прошу Вас уделить несколько минут для просмотра этого письма.

Перед чтением второй книги «Поднятая целина» я перечитал первую. Одно место из второй книги, — ответ Ивана Аржанова Давыдову насчет чудинки: «...а вот лиши ты человека любой чудинки, и будет он голый и скучный, как вот это кнутовище», — заставило меня задуматься.

Если произведение читается с интересом, а многие места заставляют улыбаться, смеяться, удивляться или восхищаться, задумываться и размышлять, то о нём говорят:

«Вот это вещь!»

Такого и я мнения о Вашем романе, но так как я человек с чудинкой, то обязан сказать немного больше.

Герои произведений Сервантеса, Шекспира, Стерна, Байрона, Бальзака, Стендаля, Толстого, Достоевского, Гете, Шиллера и многих других, как и сами творцы их, приобрели жизнеспособность на столетия из-за наличия у них чудинки.

Большинство наших писателей, поэтов, драматургов, как и герои их произведений, в силу целого ряда причин, лишены чудинки. (Она-то в эмбрионе есть, но развиться ей не дают).

Состоянием нашего искусства и нашей литературы я не доволен. Не доволен также работой 2-го съезда ССП, который фактически санкционировал необходимость и впредь замораживать лучшее, что пробивает себе дорогу в литературе, и поощрять худшее.

Статьи Померанцева, Лифшица и Абрамова, напечатанные в журнале «Новый мир»[1], чуть ли не за год до съезда ССП, более объективно показали состояние нашей литературы, особенно в последнее время, чем это было показано на съезде. Подавляющее большинство художественных произведений у нас гибнет в первые же дни, месяцы, годы, после выхода их в свет, и, тем не менее, такие же почти, о том же, и так же плохо написанные, всё вылупляются и вылупляются, и так же беспощадно временем убиваются. Почему съезд прошел мимо этого? Скрыть, замолчать — значит, поощрить.

Есть реализм в духе Бальзака, в духе Флобера, в духе Толстого; теперь я познакомился с реализмом в духе Шолохова, — но что такое социалистический реализм — не понимаю. Если это своеобразный метод серийно фабриковать произведения на заданную тему, то дело другое, но тогда об этом надо прямо сказать, и не превращать разговоры о нём в схоластические упражнения, крестить порося в карася.

Я не писатель, не ученый, не журналист. Я своеобразный Агасфер. Люблю читать, наблюдать, сравнивать и размышлять. Это самое непроизводительное занятие в смысле приобретения куска хлеба, но всё же, бóльшего наслаждения в жизни я не нахожу. (Жалею, что заниматься этим я могу только в свободное от работы на производстве время).

Я рад, бесконечно рад наличием в Ваших произведениях чувства меры и творческой смелости. Я доволен: 1) что Вы не попали во власть догматического фанатизма, 2) что Ваш роман не загряз-

нен пятнами из разных «священных писаний» и является фактически враждебным литературной моде, 3) что Вам удалось избежать проторенных посредственностью дорог, 4) что Ваш роман не является импровизацией желаемого, а воспроизводит в образах действительность, поэтому он хорошо иллюстрирует основной закон искусства, открытый Белинским: «Показывать, а не доказывать», 5) что Вы хорошо владеете выразительным, сочным, пахнущим землёй, языком.

Время и история не примут художественных произведений, в которых авторы, вопреки действительности и жизни, тужатся кричать «ура» там, где надо кричать «караул».

Приятно высказать мнение, особенно если оно не совпадает с официальным общепринятым мнением. Что я и сделал.

Примите мое искреннее уважение к Вашему таланту.

Если найдете нужным, чему я был бы рад, мне ответить, прошу писать по адресу:

г. Караганда,

Б. Михайловка, ул. Ипподромная, 7.

Мазуренко Макар Прокопьевич.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Называются авторы статей, опубликованных в журнале «Новый мир» и представивших развернутый аналитический анализ состояния современной литературы, см.: *Померанцев В.* Об искренности в литературе // Новый мир. 1953. № 12; *Лифшиц М.* «Дневник» Мариэтты Шагинян // Там же. 1954. № 2; *Абрамов Ф.* Люди колхозной деревни в послевоенной прозе. Литературные заметки // Там же. 1954. № 4). Выступление журнала вызвало масштабное осуждение — на страницах центральных газет; вопрос журнала обсуждался на специальном заседании Секретариата ЦК КПСС, после которого А. Твардовский был освобожден от должности главного редактора журнала. На Втором съезде писателей А. Твардовский присутствовал, но не выступал.

519. А.П. КОРСУНОВСКИЙ

10 ноября 1955 г., город Мисхор Республики Крым

Крым, Мисхор.

10. XII. 55.

Дорогой Михаил Александрович!

В ворохе писем и телеграмм, полученных Вами в день Вашего 50-летия, на мое письмо можно было бы и не обратить внимание, поэтому я и подождал писать, хотя я уже давно собираюсь.

К вам, наверно, многие обращаются со всякого рода просьбами, но у меня не просьба, а возмущение, которое Вы должны понять:

Я четвертый год не могу купить ни в Ялте, ни в Симферополе все 4 книги «Тихого Дона». Подписки тоже нет, хотя и было объявлено[1]. В очереди приходится доставать в библиотеках и с трудом пришлось недавно прочесть 4-й раз. Но я хочу иметь эти книги всегда на столе.

Скажите пожалуйста, Михаил Александрович, там, кому следует, пусть пришлют мне наложенным платежом по адресу:

Крым, Мисхор, Южная, 7а.

Корсуновскому Александру Павловичу.

«Поднятую целину» буду ждать выхода 2-й книги, а потом начинать искание сначала.

Было бы счастьем получить от Вас пару строчек.

Будьте здоровы!

Глубоко уважающ<ий> Вас А. Корсуновский.

(*Автограф. Архив семьи Шолоховых*)

[1] Речь идет о подписке на первое собрание сочинений Шолохова (см. примеч. к п. 500).

520. Н.Н. БОГДАНОВА и др.

29 декабря 1955 г., Москва

Дорогой Михаил Александрович!

Поздравляем Вас с наступающим Новым 1956-м годом, желаем Вам здоровья для плодотворной Вашей работы.

Мы считаем дни, когда появится Ваша книга «Поднятая целина», а также надеемся скоро увидеть на страницах печати эпопею Великой Отечественной войны «Они сражались за Родину».

Мы выражаем не только свои личные пожелания, но и пожелания семи тысяч наших читателей библиотеки.

Наш адрес: Москва Д 56, Б. Грузинская, д. 37. Библиотека № 68 Советского района г. Москвы.

Коллектив библиотеки: <Подпись: Тимофеева — ?>

Библиотекари: <Подпись: С.В. *нрзб*>
<Подпись> Н.Н. Богданова
<Подпись> Л.Я. Межевская
<Подпись> Т.И. Елисеева
<Подпись> Р.П. Молоканова
<Подпись> М.Я. Блох

29 декабря 1955 г.

г. Москва.

(*Автограф. ГМЗШ КП-8280-48. Л. 1*)

На дате письма проставлена печать библиотеки.

А. ТОПОРОВ

ЧАРОДЕЙ САМОЦВЕТНОГО СЛОВА
(Заметки книголюба)

К 70-летию М.А. Шолохова

В своем многолетнем опыте работы с художественной книгой в крестьянской аудитории[1] я выяснил, что мои слушатели в первую очередь ценили в художественных произведениях их язык, а потом уж — содержание.

Живописные и эмоциональные элементы сочинений имеют для читателя, разумеется, не самодовлеющее значение. Они дороги ему потому, что надолго закрепляют в его памяти прочитанное.

Изобразительный лексикон многих сишком мало самоцветов живой народной речи — шутоковременных писателей крайне беден и сер, так как в нем сл, прибауток, пословиц, поговорок, острот, каламбуров, песен, потешек, сказок, присказок, присловий, поверий, суеверий, примет, наговоров, заговоров, побасок, причитаний, народных этимологий слов и выражений, архаизмов, библеизмов, церковнославянизмов, диалектизмов и т.п., жемчужин, которые в значительной степени питают интерес читателя к книгам. А у М.А. Шолохова вся самоцветная россыпь сверкает на всех почти страницах его сочинений. Только в одной первой части «Поднятой целины» я нашел 843 самоцвета! А во всех произведениях Михаила Александровича их трудно счесть!

Жаль, что советские специальные научно-исследовательские учреждения не ведут работ по сравнительному анализу фольклора в классических и современных художественных сочинениях. Будь эти работы, они показали бы, откуда проистекает бледная немочь языка уймы книг нашего времени...

---

[1] Этот опыт подробно описан в книге «Крестьяне о писателях». *А.Т.*

Дискуссии о нормализаторстве языка художественной литературы периодически вспыхивали с начала 50-х годов. Пуристы норовят изгнать из Словаря В.И. Даля 135.000 якобы устаревших слов и тем самым обескровить великий русский язык. Их громы и молнии направлены преимущественно на архаизмы, старорусизмы, библеизмы, вульгаризмы, профессионализмы, диалектизмы и церковнославянизмы. По мнению чистоплюев, эти слова — литературный сор. А весь речестрой русского языка они хотят уложить в узенький футлярчик школьной грамматики.

Творения М.А. Шолохова — вопиющий протест против домогательств пуристов, которые дошли до того, что объявили нелитературными и такие слова, как *беремя*, *нету*, *давешь*, *пахая*... А эти слова М.А. Шолохов употребляет даже в собственной речи.

«Кондратий зашел на баз к быкам, положил им в ясли скудную охапку сена, вспомнив, что завтра вести их на общий баз, набрал огромное *беремя* сена...»;

«Майданников на навильнике нес *беремя* житной соломы» («Поднятая целина», ч. 1, гл. 10, 16).

Главные герои «Поднятой целины», донские крестьяне, всегда говорят *нету*. Это слово в первой части книги напечатано 43 раза!

В народе бытует пословица «Поди далее, где был *даве*». В 30-й главе той же книги изображена такая сцена: выходцы из колхоза требуют земли, идет спор.

«[ДАВЫДОВ.] Яков Лукич, отведи им завтра с утра земли за Рачьим прудом.

— Это целину? — орали выходцы.

— Залежь, какая ж это целина? Ее пахали, но *давешь*, лет пятнадцать назад, — объяснял Яков Лукич».

Чем же *давешь* новее и лучше *даве*? Это — однокоренные слова.

Ретивые нормализаторы категорически запрещают использование деепричастий типа *рвя*, *пекя*, *стригя*, *чеша*, *молоча*. А вот вам бесспорное опровержение этого запрета:

«Ростовы похвалили ее вкус и туалет, и, *бережа* прически и платья, в одиннадцать часов разместились по каретам и поехали»;

«— Хорош денек, а? И гоньба, и скачки? — сказал Николай, *чеша* за ушами Милку»;

«Данило скакал молча, держа вынутый кинжал в левой руке и, как цепом, *молоча* своим арапником по подтянутым бокам бурого» (Л.Н. Толстой. «Война и мир»).

И М.А. Шолохов пишет:

«Номера изготовились, и четырехсполовиннойдюймовая мортирка, как определили ее казаки, осадисто рявкнула, *пахая* вскопанную у хвоста землю» («Тихий Дон», кн. 3, ч. 6, гл. 41).

Глубочайший мыслитель — лингвист А.А. Потебня учит: «Есть чувства и мысли, которые не назвать на общелитературном языке известного народа никакому таланту, но которые сравнительно легко называются на областном наречии» («Записки по теории словесности»).

Как и всем другим классикам, диалектизмы служат и М.А. Шолохову сильнейшими выразительными средствами. В «Тихом Доне» мы читаем: «обедали на *скорях*», «гля, Гришка, ну, и юбка, как *скло*»; «*чижолое нады* подняла»; «об чью *морду* этот *нэгеть слэмал*?» и множество им подобных.

Такие диалектизмы, точно размашистые мазки, сразу делают зримыми образы людей, ощутимой их психологию и дают яркую речевую характеристику типов.

Классики, когда это им было нужно для рельефности изображения пошляков, похабников и грубиянов, прибегали и к так называемым непечатным вульгаризмам. Их вы прочтете, например, в описании «Вальпургиевой ночи» Гете, в сцене разговора Кожуха с красноармейцем, доставившим ему письмо от белогвардейского генерала Покровского («Восемнадцатый год» А.Н. Толстого), в рассказе «Свечка» и в пьеске «От нее все качества» Л.Н. Толстого, в «Похождениях бравого солдата Швейка» Я. Гашека и в других классических произведениях.

И М.А. Шолохов не брезговал по необходимости вульгаризмами в целях художественных. Читатели «Тихого Дона», конечно, хорошо помнят непристойную песню казаков-кавалеристов о красной девице, которая щуку поймала, уху варила и ею сваху кормила.

Вульгаризмы рассеяны и на многих страницах «Поднятой целины». Вот некоторые из них:

«Так чего же ты, тудыт твою, молчишь»;

«И улетит от нас к ядрене-фене»;

«Какого же тебе клёпа надо?»;

«Нашей Наталке-давалке лишь бы в штанах...»

М.А. Шолохов воскресил для литературы многие мыслеемкие слова, вошедшие в Словарь В.И. Даля, но давно и напрасно забытые нашими писателями. Это — *замстило*, *отлуп*, *вслынь*, *ненаед*а, *дюбнуть*, *неука*, *некось*, *заклёклая* (земля) и др.

Вокнижил М.А. Шолохов и новые слова, подслушанные им у крестьян: ехать в такую *ростороп*ь, *осумашедшевшие* глаза, нехай бежит *трюпком*, работает за *двадцатерых* и проч.

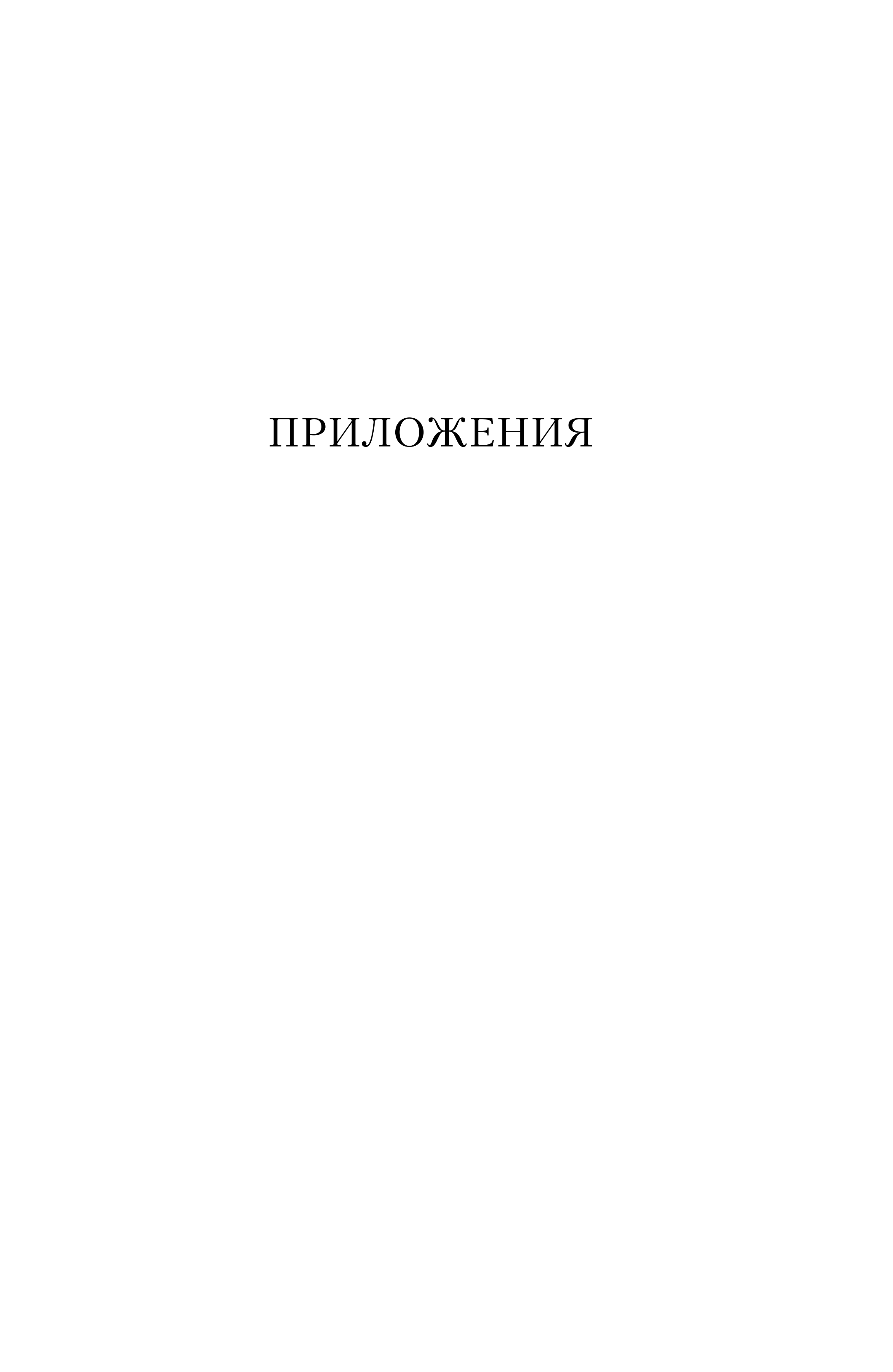
Словарь В.И. Даля не вобрал в себя, вероятно, и сотой доли всех сокровищ просторечья. Поэтому Институт русского языка АН СССР готовит новый, полный, Словарь живого русского языка. Сочинения М.А. Шолохова будут для этого Словаря богатейшим источником...

Печатается по машинописи с авторской правкой; хранится в фонде А.М. Топорова Николаевской областной библиотеки (Украина). Публикация статьи не выявлена.

На последней странице машинописи проставлена авторская подпись и дата: «25 января 1975 г.» и приводятся данные:

«ДЛЯ РЕДАКЦИИ: Топоров Адриан Митрофанович.
АДРЕС: 327001, УССР, город Николаев областной, улица ПЛЕХАНОВСКАЯ, дом 95, кв. 12».

Публикация И. Г. Топорова



ПРИЛОЖЕНИЯ

Наталья Корниенко

ЧИТАТЕЛИ МИХАИЛА ШОЛОХОВА: КОНТЕКСТЫ ЭПОХИ

> Изучение читателей из народа имеет не только огромный теоретический интерес, в смысле изучения народного мировоззрения, — оно имеет, кроме того, интерес практический. Авторы должны прислушиваться и дорожить указаниями своих читателей. <...> Авторы должны знать своих читателей. Это отнюдь не значит, что они должны подлаживаться под тон народа — наоборот: потому-то некоторые и подлаживаются, что не знают своих читателей, которым это подлаживание претит и внушает недоверие.
>
> *Н. Рубакин. «Этюды о русской читающей публике: Факты, цифры и наблюдения». СПб., 1895*

Диалог читателей с Михаилом Шолоховым охватывает более полувека и представляет уникальный писательско-читательский роман сложнейшей организации. У этого многотомного романа есть своя историческая фабула, свои лирические, драматические, комические сюжеты, многообразные хронотопы, обширная галерея и типология характеров, свои зоны напряженных отношений с автором. Это очень разноречивый и многоголосный роман. Как и во всяком романе, в шолоховском читательско-писательском романе есть герои-идеологи и «второстепенные» персонажи (сознательные и наивные неискушенные читатели), борьба точек зрения, мировоззрений и стилей, представлены все социальные группы — рабочие, крестьяне, партийные и беспартийные, воен-

ные, студенты, начинающие писатели и совсем малограмотные, исповедники и учителя, веселые плуты и мрачные пессимисты, старики и юнцы, «восхищенки» и «освобожденные» женщины — в общем, можно сказать, представлены все социальные языки эпохи. «Роман должен быть микрокосмом разноречия» (М. Бахтин) — и такой «микрокосмос разноречия» представляют письма читателей М. Шолохову 1930–1970-х гг. У этого единственного в своей уникальности «романа», естественно, были свои исторические и социологические предпосылки и своя традиция, а его представление на суд читателей уже XXI века ставит нас перед необходимостью очертить некоторые контуры и контексты самой проблематики читателя ушедшего века, который по праву в нашей культуре может быть назван веком читателя.

Пик интереса к фигуре народного (массового) читателя приходится на двадцатые годы XX в.: о читателе высказываются теоретики, психологи, историки, критики, писатели; ведутся социологические исследования разных групп читателей, проходят острые дискуссии; в 1928 г. издается еженедельник «Читатель и писатель», в 1929-м выходит книга М. Зощенко «Письма к писателю», в 1930-м — знаменитая книга А.М. Топорова «Крестьяне о писателях». С разгромом «топоровщины» (кампания критики книги «Крестьяне о писателях» 1930–1932 гг.) читательская проблематика уходит из публичной зоны литературного процесса. Но вниманием читатель не обделен, теперь им занимаются, как и прежде, библиотеки, но в большей степени — издательства, в которых формируются массовые секторы, организующие отзывы читателей на публикуемые произведения. В журналах и газетах публикуются сообщения о встречах писателей с читателями, обзоры читательской почты. Но это лишь бледный слепок с тех бурных диалогов писателей и читателей, которые идут в культуре. Правда, о сущностных вопросах этих диалогов не принято было открыто писать.

Во второй половине XX в. традиция изучения читателя во многом была утрачена. Об этом в 1960-е гг. писал А.М. Топоров:

> «Библиотечно-анкетная оценка художественной литературы — грубый суррогат настоящей массовой критики ее. Порой читатели заполняют анкеты о книгах только для того, чтобы отвязаться от библиотекарей. Во многих библиотеках до сих пор можно увидеть стенгазеты и красивые альбомы, в которых печатаются на машинке отзывы читателей о книгах — сухие, трафаретные отписки. Я не встречал ни одного задушевного слова! Недаром они никем и никогда не изучались. Из них не делали никаких выводов...

Не отражают мнения масс о книгах и проводимые иногда по-казенному читательские конференции, на которых выступающие “критики” читают заранее написанные изложения опубликованных в печати рецензий, проверенные, исправленные, сокращенные или дополненные библиотекарями. К тому же “чужие речи” охватывают ограниченный круг вопросов в критике произведений.

А на так называемых встречах читателей с писателями — последних чаще всего преувеличенно славословят. В ответ они, как люди благовоспитанные, рассыпаются благодарностями. Тут уж, конечно, не всяк отважится говорить авторам неприятную правду об их сочинениях»[1].

В эти же годы на читательскую тему высказался А. Твардовский, с горечью заметив, что школа «вместо того, чтобы готовить нам кадры будущих читателей, отлучает их от литературы, отлучает и отлучает»[2]. О глубинных народоведческих и сокровенных подтекстах читательско-писательской темы напомнил В. Шукшин в рассказ «Забуксовал» (1971), главный герой которого представляет забытого советской литературой неискушенного читателя, с его парадоксальным вопросом к классическому тексту — гоголевской «Руси-тройке» из «Мертвых душ». Не тот ли это «бедный читатель», о котором мечтал автор «Мертвых душ», посвятив ему пронзительные строки в «Выбранных местах из переписки с друзьями»:

«Я бы желал, однако ж, побольше критик не со стороны литераторов, но со стороны людей, занятых делом самой жизни, со стороны практических людей; на беду, кроме литераторов не отозвался никто. <...> И хоть бы одна душа подала голос!»[3].

Об этом гоголевском «голосе читателя» напомнил А. Блок в статье «Душа писателя» (1909):

«Последнее и единственно верное оправдание для писателя — голос публики, неподкупное мнение читателя. Что бы ни говорила “литературная среда”, как бы ни захваливала, как бы ни злобствовала, — всегда должна оставаться надежда, что в самый нужный

---

1 *Топоров А.* О первом опыте крестьянской критики художественных произведений [1967] // *Топоров А.М.* Крестьяне о писателях. М., 2016. С. 265–266.

2 *Твардовский А.* О самом главном. М., 1974. С. 25.

3 *Гоголь Н.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 6. М., 1994. С. 72.

момент раздастся голос читателя, ободряющий или осуждающий»[1].

Лишь отметим, что тема отношений в культуре XX в. писателя и читателя, книги и читателя занимает большое место в пореволюционной литературной публицистике. И она исполнена глубокого драматизма. Знаменитый «Апокалипсис нашего времени» (1918) В.В. Розанова заканчивается главой «Совет юношеству», а сам совет в разных вариациях звучит как заклятие: «...не лукаво отдай всю душу свою» кормильцу-читателю; «несчастному читателю, глупому российскому читателю» не подсовывай нож. Это — совет юноше-писателю, а вот — совет читателю, которому, в новом веке, как заметил тот же Розанов, все чаще книги закрывают небо:

«Но ты, читатель, будь крепок духом. Стой на своих ногах, а не

Что ему книжка последняя скажет.
То на душе его *сверху* и ляжет (Некр.).

И помни: жизнь есть *дом*. А дом должен быть тепел, удобен и кругл.

Работай над “круглым домом”, и Бог тебя не оставит на небесах»[2].

Для большой русской литературы «голос читателя» всегда оставался в зоне ее самоопределения, напряженных идейных и эстетических поисков, он был не абстрактной величиной, а исторической реальной фигурой. У читателей разных десятилетий советской эпохи был свой исторический облик, свои вопросы к писателю, свой политический и литературный контекст, определявший его вопросы к писателю и его творениям. Писатели также оставили нам драгоценное наследие — свои размышления о читателе нового века: «Читатель» (1917) Н. Гумилева, «О собеседнике» (1913) О. Мандельштама, «Без читателя» (1931) Г. Иванова, «Размышления читателя» (1938) А. Платонова, «О хороших писателях и хороших читателях» (1940-е) В. Набокова и др. Читатель занимает большое место в рефлексии Шолохова, не только в статьях, выступлениях, письмах, но и во всех его романах.

Кажется парадоксальным, но читатель века читателя, каким был в отечественной истории XX век, отсутствовал в исследованиях советской литературы. О нем, как и о народности, в совет-

---

[1] *Блок А.* Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 706.

[2] *Розанов В.В.* Мимолетное / Собрание сочинений. М., 1994. С. 469–470.

ском литературоведении писали «в общем и в целом» и не включали в картину литературной жизни, литературного процесса и анализа литературной личности писателя. В 1990-е гг., на излете советской эпохи, и вовсе начали утверждать, что именно массовый (неискушенный) читатель ответствен чуть ли не за все грехи советской литературы, а народность литературы является одним из советских мифов. Народ-читатель практически исчез из рефлексии отечественной литературы рубежа XX и XXI в., можно сказать, что литература освободилась от гнета вопросов и требований народного читателя. Правда, и читателю, неискушенному в литературных страстях и формальных поисках литературы этого времени, было неуютно в постмодернистском мире творчества его современников, может быть, и потому, что эти художественные миры оказались очень далекими от жизни, бед, тревог и волнений «маленького человека». Сложившуюся ситуацию филигранно точно описывает высказывание А. Платонова 1937 г.: «В народе своя политика, своя поэзия, свое утешение и свое большое горе...»[1].

В контексте смены парадигмы литературного процесса начала XXI в. особую значимость приобретает изучение картины отношений литературы и читателя в XX в., а письма читателей М. Шолохову 1930–1970-х гг. приоткрывают не только тайны литературной личности писателя, но и сознание народа-читателя — не как абстрактной фигуры, а в «образах говорящих людей, приносящих свое идеологическое своеобразное слово, свой язык»[2], создавших уникальный разноречивый текст, открытый, мы убеждены, в будущее русской литературы. Во второй половине XX в., когда читательская проблематика была вытеснена на периферию литературного процесса, читатели слали письма Шолохову прямо в Вешенскую — с исповедями, личными просьбами, проблемами личной и общей жизни, рассказами о пережитом, тетради с анализом его романов и опять же с вопросами к автору. Это были вопросы, которые не задавало себе тогдашнее шолоховедение.

Народное шолоховедение 1930–1970-х гг. создавалось вопреки официальному, в споре с ним, но главное — в погружении в тексты произведений Шолохова (от «Тихого Дона» до «Судьбы человека») — в архитектонику сюжетных линий, в формулы персонажей романов, в отношения рассказчика и героев, в авторские отступления и подтексты стиля. Читатели воспринимали текст

---

[1] *Платонов А.* Пушкин и Горький (1937) // *Платонов А.* Фабрика литературы. Литературная критика. М., 2011. С. 98.

[2] *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 145.

как адресованный им лично и, говоря языком современных теоретиков литературы, первыми представили произведение Шолохова как коммуникативное событие, общение автора, героя и читателя. Читатель как проблема поэтики Шолохова, коммуникативная организация шолоховского текста — темы отдельных будущих исследований, которым еще только предстоит ответить на целый свод непростых вопросов о заключенных в самом шолоховском тексте возможностях его восприятия, заложенных в тексте кодах, механизмах и направлении воздействия на *разные* социальные группы читателей. Читательские письма Шолохову представляют богатейший по своей уникальности материал для современного романиста — того «романа из жизни читателя грядущего», о котором писал Н. Гумилев в статье «Читатель» 1917 г.

Безусловную ценность для нашей темы имеет статья выдающегося русского филолога, будущего академика АН СССР А.И. Белецкого «Об одной из очередных задач историко-литературной науки (Изучение истории читателя)» (1922), в которой были сформулированы методологические, теоретические и историко-литературные положения, не потерявшие своей актуальности и в новом веке. Белецкий исходил из анализа темы читателя в рефлексии русских писателей, а также ссылался на первые западные и отечественные исследования читательской проблематики, фигуры и пристрастий читателя из народа, круга чтения читателей разных социальных групп (в России это работы Н.А. Рубакина, Н. Ан-ского и др.) и делал резонный вывод, что читатель как участник литературного процесса и сотрудник писателей в создании национальных литератур «относится к числу важнейших методологических вопросов». Методологические проблемы отлиты в блистательных формулировках ученого и в простых в своей сложности вопросах, адресованных исследователям истории литературы:

> «...история литературы не только история писателей, но и история читателей»;
>
> «Без истории русского читателя она (история литературы. — *Н.К.*) не имеет под ногами почвы: она однобока, она неизбежно будет давать выводы, высказанные наполовину...»;
>
> «...в каждом отдельном случае читательская масса не однородна по своему составу; историк литературы должен всех терпеливо выслушать и не смущаться тем, что вместо простого одноэтажного здания ему придется выстроить, созидая историко-литературную схему эпохи, здание в несколько этажей, иногда и с пристройками»;

«Но если история русской литературы есть история русского народа, а не только русского дворянства или той группы, которую мы условно обозначаем смутным термином "интеллигенция", то, конечно, она должна учитывать в своих построениях этот народ во всем его составе, во всех слоях: слой, исторически недвижный в какой-либо данный момент, может оказаться главной движущей силой в следующую историческую эпоху».

Белецкий предложил и направления изучения темы: взаимоотношения читателя и писателя, автора и читателя, героя и читателя; классификация произведений литературной эпохи по разным социальным читательским группам в их взаимоотношениях с писателем; фигуры читателей, формируемые текстом (реальный читатель, подразумеваемый собеседник, воображаемый идеальный читатель, читатель-потомок); структура читательской публики и поведение читателя: «слепое поклонение», «беспристрастные судьи», «читатель, навязывающий» тексту актуальные для него смыслы; писатели-читатели; читатели, взявшиеся за перо. Задолго до западной рецептивной критики второй половины XX в. Белецкий сформулировал задачу изучения «читателя воображаемого», «фиктивного читателя» как теоретическую проблему — внутреннего адресата произведения — и дал блистательные образцы анализа:

«В одних случаях он (воображаемый читатель. — *Н. К.*) покрывается реально существовавшим; это бывает редко; в других это читатель "тайный и дальний друг", "правнук просвещенный", "сын Феба молодой", "друг истины священной", в-третьих, наконец, это низкий невежда и глупец, представитель той толпы, от которой поэт бежит в уединение, чтобы беседовать с самим собой, с потомками, с музой».

О современной ситуации взаимоотношений читателя и писателя исследователь выскажется кратко, изящно и точно: «Читатель сегодняшнего дня — величина не только еще не изученная, но просто еще не оформленная жизнью»[1].

Это написано в 1922 г. Последующие десятилетия подтверждают методологическую значимость обозначенной историком

[1] *Белецкий А.* Об одной из очередных задач историко-литературной науки (Изучение истории читателя) // Наука на Украине. 1922. № 2. С. 7–98. Цит. по: *Белецкий А.* В мастерской художника слова. М., 1989. С. 112–126.

литературы проблематики. Исходя из историчности концепции читателя, адресата текста, наш разговор начнем с обращения к первому советскому десятилетию. Это было время писательского самоопределения Шолохова, поиска писателем своего эстетического языка в диалоге с читателем. Шолохов входил в литературу в десятилетие, когда тема массового читателя относилась к области актуальных государственных решений и постановлений, определяла литературную политику, была темой самых разнообразных дискуссий.

1. КАКИМ ДОЛЖНО БЫТЬ ИСКУССТВО ДЛЯ НАРОДНЫХ МАСС? (ТЕОРИЯ, ПРОГРАММЫ И ПРАКТИКА)

Теперь бы книжку Васятке
О Ленине и царе.
....
Начитаются всласть Васятки
Голубых задумчивых книг.

Н. Клюев. «Деревня», 1926

На вопрос, вынесенный в название главы, ответ с конца XIX в. искала русская общественность (известные статьи Л.Н. Толстого, Н. Михайловского), а развернувшийся на рубеже веков спор о народном читателе нашел освещение в прозе начала века (яркий пример — повесть «Деревня» И. Бунина). Сформулированный Толстым вопрос о народном читателе и «интеллигентской литературе» нашел отражение в специальных исследованиях, не потерявших своей актуальности и для века XXI-го. Ответ на вопрос предлагали отчеты просвещенных земств. Ответы этого авторитетного государственного института звучали вполне современно: массовое развитие грамотности определяется предпочтением светских книг духовной литературе, и именно народная школа, а не церковноприходская способна справиться с невежеством как темной силой, стоящей на пути прогрессивного «умственного» развития России, и стать базой «освобождения ребенка» от «цепей невидимого рабства» церковного воспитания[1]. Вот лишь некоторые положения и

[1] Концепция «свободной школы», «освобождения ребенка» принадлежит К.Н. Вентцелю (1857–1947), автору книг «Как создать свободную школу (Дом свободного ребенка)» (М., 1906), «Освобождение ребенка» (М., 1906), «Новые пути воспитания и образования детей» (М., 1910). Педаго-

оценки, взятые нами из материалов земских отчетов 1899 г.:

> «Обученная в земской школе молодежь, конечно, не признавала авторитета стариков, потому что хорошо знала цену разного рода предрассудкам и поверьям, которыми руководствовались старики»;
>
> «Молодое поколение читает духовные и светские книги с одинаковой охотой. <...> Только самоучки и старики выражают желание “прочитать про божественное”»;
>
> «Время полного господства часослова и псалтири, очевидно, прошло <...> требуется обучение по-граждански, на светский манер»[1].

О мировоззренческой эволюции читателей, для которых именно светская книга стала их «второй природой», определив «умственный интерес к жизни», рассказывают отчеты просветительских рабочих обществ 1910-х гг.: «уже бросил всяку веру», «живу мыслью»[2]. Однако тип данного «читателя-общественника» даже в рабочей среде не был преобладающим, что объяснялось крестьянским происхождением русского пролетария-читателя, который «мыслил по-крестьянски», «чувствовал по-крестьянски»[3].

«Нетребовательные читатели» — самое мягкое определение, звучавшее в адрес крестьянской читающей аудитории, в которой устойчивое сакральное отношение сохранялось лишь к одной книге — Библии, а «душеполезное чтение» — церковная литература, жития святых — продолжало занимать авторитетное место: по земской статистике 1899 г. — 70 процентов...[4]

После 1917 г. маховик секуляризации культуры был запущен на полную государственную мощность. 11 января 1918 г. в газете «Правда» публикуется стихотворение постоянного автора газеты, пролетарского поэта Ивана Логинова «В библиотеке» — этот текст часто приводят не только как образец агитационной партийной поэзии, но и как образное описание статуса книги в новой культуре, где книга выступает адекватным заместителем

гические идеи К. Вентцеля широко пропагандировались в 1910-е гг. Комиссией по нравственному воспитанию при Отделении Российского педагогического общества; после революции 1917 г. Вентцель выступит одним из идеологов реформы «старой школы».

[1] Материалы по народному образованию. Воронеж, 1899. С. 199, 65, 43–44.

[2] *Клейнборт Л.М.* Очерки рабочей интеллигенции. Т. 1. М., 1923. С. 38.

[3] Там же. С. 43.

[4] Материалы по народному образованию. С. 52.

Православной церкви, обеспечивает переход от религии, нравственно-религиозного жизнеустроения к материалистическому мировосприятию.

Мой храм — библиотека,
Шкафы — иконостас,
А разум человека
Нерукотворный Спас.
Не золото кивота
Для Разума наряд,
Но цифры переплета,
Что буквами горят...

В языке революционной эпохи происходит вытеснение прежних понятий «читатель из народа», «народный читатель», которые заменяются на понятие «массовый читатель». И это вполне в духе новой идеологии — диктатуры пролетариата, всеобщей интернационализации культуры, будущей мировой революции; в самом понятии «народ» (с его этимологией — память рода) заложено содержание, враждебное идеологии диктатуры пролетариата, где главным понятием становится «класс», а народ превращается в массу, в которой и не предполагается ни память рода, ни память культуры.

Вот как формулировалась и звучала идея классовости в применении к народу-читателю и библиотечному делу:

> «Теперь этот спор (речь идет о дореволюционных исследованиях проблематики народного читателя. — *Н. К.*) должен отойти в область далеких преданий. Сейчас мы подходим к вопросу о читателе и его запросах с точки зрения его классовой принадлежности, с точки зрения его социально-экономических интересов. Мы хотим проследить читательские интересы в зависимости от общественных группировок читателей, хотим изучить расслоение читательской массы в процессе революции, разделение граждан на два лагеря. <...> Освобожденное от пут старого правопорядка, библиотечное дело в настоящее время является свободной кафедрой, откуда льется свет знания и свободы»[1].

В духе идеи классовости предлагается всю литературу разделить на революционную и реакционную, а читателей на «две

---

[1] *Гуров П.* Новая библиотека и запросы ее читателя // Печать и революция. 1922. № 7. С. 190.

основных группы: 1) представителей старого мира, живущих, если не надеждами на реставрацию, то мечтами о далеком прошлом, когда им жилось сытно и привольно, и 2) и читателей-революционеров, читателей-борцов, живущих революцией, принявших и ждущих хорошего только от дальнейшего развития революции»[1].

В первые годы установления советской власти проводится ряд широкомасштабных мероприятий по обеспечению, с одной стороны, доступности книг трудящимся, с другой — по отбору и созданию для нового читателя *новых нужных* книг. Согласно декретам 1919 г. все библиотеки были национализированы и открыты для широкого пользования. Одновременно проводится тотальная чистка библиотек и открывается фронт по руководству чтением — приобщению читателя через книгу к новым ценностям и образу жизни.

Установка на формирование не просто читателя, а читателя, идеологически ориентированного, входила важнейшим базовым компонентом в идеологию новой страны. Через «формовку советского читателя», по точному определению Е. Добренко, вернувшего читательскую проблематику советской литературы в актуальный научный контекст, был запущен механизм «формовки советского человека»[2].

Над выработкой методологии и теории организации процесса создания нового человека-читателя работали прежде всего отдел печати ЦК РКП(б) и Главполитпросвет Наркомата просвещения, в чьих ведениях находились журналы «Печать и революция», «Красный библиотекарь», «Вестник книги», «Коммунистическое просвещение», «Читатель и писатель», еженедельная газета-бюллетень «Книгоноша». Руководство чтением началось с кампании взятия под контроль сельских, уездных, губернских библиотек. В организации этой масштабной программы одно из видных мест принадлежало заместителю наркома просвещения, историку М.Н. Покровскому, автору главного учебника по истории России («Русская история в сжатом очерке»), предложившему новый взгляд на историю России — с точки зрения целей «диктатуры пролетариата в мировой постановке»[3], и главному идеологу советского образования Н.К. Крупской, под чьей редакцией в 1923 г. в издательстве «Красная новь» выходит три выпуска «Сборника

---

[1] Там же. С. 192.

[2] *Добренко С.* Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997. С. 11.

[3] *Покровский М.* 7 лет пролетарской диктатуры. М., 1925. С. 4.

статей по библиотечной работе». «Научить читателя пользоваться книгой» и «научить читателя читать» — эти задачи формулировались Крупской как политические и воспитательные для всей библиотечной сети страны, а также прежде всего для воспитания молодежи[1]. К 1927 г., к 10-й годовщине Октября, безграмотность среди населения РСФСР в возрасте от 18 до 35 лет должна быть уничтожена — решение I Всероссийского съезда по ликвидации неграмотности (1922): «Новые миллионы читателей создадутся в процессе этой работы, многие миллионы мужчин и женщин, вооружившись знанием грамоты, жадно потянутся к книге»[2].

Вопрос, *что* будет читать новый миллионный массовый читатель, во многом именно в первое советское десятилетие затмил вопрос о реальной ликвидации неграмотности в стране. В 1923 г. нарком просвещения А. Луначарский признавался, что «в некоторых частях третьего фронта мы принуждены довольно поспешно отступать. Это вызывается тем, что первоначальная попытка наша содержать все школьное дело за счет государственной казны не могла не потерпеть крушение к тому времени, как мы убедились, что государству <...> не под силу содержать все дело народного образования в стране (этого ведь нет ни в одном государстве мира)»[3]. Среди достижений на фронте культурного просвещения Луначарский называет создание «системы коммунистической педагогики» (работы Н.К. Крупской, журнал «На путях к новой школе»), труды по эстетическому воспитанию и образованию, показательные школы, организацию Института ритмики по системе Далькроза и т.п. Приводимая же наркомом статистика рассказывала о *реальных* результатах первых пяти лет советского просвещения: «Сеть элементарных школ по РСФСР (речь идет о начальном образовании. — *Н.К.*) с 60 000 при царском режиме поднялась до 70 000 к началу 20 года и упала в настоящее время до 40 000 действительно функционирующих школ»[4]. Не случайно не будет подведения итогов в 1927 г., а в год десятилетия издания декрета о борьбе с неграмотностью (1929) обнаружится, что процент грамотных в России практически останется на уровне 1914 г. и составит 35%.

---

[1] См., напр., статью Н. Крупской «Как надо читать», открывающую раздел «Что читать и чему учиться» в первом номере журнала «Молодая гвардия» (1922. № 1–2. С. 200–201).

[2] *Крупская Н.К.* Наши задачи [1923] // *Крупская Н.К.* Педагогические сочинения: в 10 т. Т. 8. М., 1959. С. 68.

[3] *Луначарский А.* Революция и культура в России // *Луначарский А.* Идеализм и материализм. Культура буржуазная и пролетарская. Пг., 1923. С. 129.

[4] Там же. С. 131.

Программа чтения, чистки библиотек, отбор и романтизация новых и нужных для массового читателя книг, идеология руководства чтением массового читателя представляют широкомасштабную картину отлучения читателя от русской культуры. Вопрос русской классики оставался одним из базовых и наиболее острых в программах литературных групп и литературной борьбе первого десятилетия. Весьма колоритно тема массового читателя и русской классики представлена в высказывании А.В. Луначарского, сомневающегося в том, что классические тексты формируют массового читателя в нужном идеологическом направлении:

> «Чтение классиков русских и мировых малоподготовленными людьми иногда бывает неплодотворным, подчас даже вредным. Чужой быт, непривычные мысли встречаются здесь на каждом шагу, бывает так, что произведения вроде “Войны и мира” или “Анны Карениной” вызывают в сердцах пролетария только глухое раздражение против бар, не позволяющее ему дочитать книгу. Но бывает и так, что те и другие для нас совершенно неприемлемые идеи, выраженные в чарующей форме и с огромной силой, словом, художественно выявленная идеология чужого класса, — вносят естественный беспорядок в еще не устоявшееся миросозерцание молодого или неопытного читателя»[1].

Динамику руководства чтением представляют инструкции по пересмотру книжного состава библиотек, с 1920 г. выпускавшиеся политико-просветительным отделом Наркомпроса[2]. Однозначному изъятию из библиотек подлежала вся литература — от агитационных брошюр до художественной, направленная против советской власти, ее идеологии и политики. Изымались: 1) вся религиозная литература, 2) «издававшиеся при царской власти все издания правительственных, церковных, черносотенно-патриотических организаций»; 3) прежняя массовая литература — от лубочных книжек и песенников до бульварных и уголовных романов, 4) «книги о воспитании и истории в духе основ старого строя (религиозность, монархизм, националистический патриотизм, милитаризм, уважение к знатности и богатству»), 5) журналы и книги для детей (от «всех» сочинений Л. Чарской до сборников

---

[1] *Луначарский А.В.* Наши задачи в области художественной жизни // Красная новь. 1921. № 1; *Луначарский А.В.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. М., 1964. С. 249.

[2] Подробно о чистках библиотек и библиотечном деле 1920–1950 гг. см.: *Добренко С.* Формовка советского читателя. С.174–254.

русских сказок для детей и детских книг по русской истории)[1]. В формировании нового человека-читателя идеологии детской книжки отводилось одно из ведущих мест. Здесь разрыв с прошлым и устарелыми книгами утверждался в своей почти абсолютной форме.

Любопытные комментарии «от жизни» и от «русской литературы» к программе воспитания нового читателя содержатся в дневнике М. Пришвина. Так, рассказывая о встрече с руководителем Главлита, партийным критиком П. Лебедевым-Полянским по поводу издания книги сказок «Колобок», Пришвин записывает, что «сомнительным местом» создатель советской цензуры назвал слова «С Божьей помощью»:

> «Я прямо так и сказал Лебедеву-Полянскому, что книга моя — путешествие на север, совершенно невинная, но в одном месте сказано: "С Божьей милостью". Лебедев ответил: "Ничего, мы вычеркиваем о Боге, только если он бывает предметом агитации". В рукописи он обратил внимание на фразу: "Старуха похристосовалась с коровой", поморщился и сказал: "Суеверие"»[2].

Пришвин называет две книги, наиболее читаемые в деревне в годы Гражданской войны: Библия и сказки, книги, подлежащие изъятию из библиотек. Сказки читают потому, замечает Пришвин, что через этот жанр находится читателем восприятие смутного времени, ибо любая сказка «начинается смешением времен и пространств: в некотором царстве, при царе Горохе, она выводит нас из категории времени и пространства для того, чтобы представить нам вещь, как она существует без этого, или, как говорят философы, в себе»[3]. В дневнике от 13 марта 1921 г. появляется запись, предвосхищающая «промыслительные» опыты читателя старых книг Зилотова из романа Б. Пильняка «Голый год» и офицера-интеллигента Капарина, который предлагает Мелехову прочесть «наоборот» слова «Серп, молот» (4-я книга «Тихого Дона»):

> «Еловский старик рассказывал:
>
> — Чем все это кончится? вот Ленин, сказывают, ходил спрашивать ворожею: "чем, — говорит, — это кончится?" — Молот–

[1] Инструкция по пересмотру книжного состава библиотек. М.: Изд.-во «Красная новь», Политпросвет, 1924. С. 4–5.

[2] *Пришвин М.* Дневники. 1920–1922. М., 1995. С. 270.

[3] Там же. С. 268.

Серп, — сказала ворожея, — читай наоборот". Ленин прочитал, и вышло, что кончится царизмом.

— Престолом, — прочитали мы.

— Ну, престолом, все равно.

— Так, стало быть, царя хотят.

— Ну, не царя, а президента.

— А как же с престолом-то?

— Что же, а разве у президента не будет престола?»[1]

Не менее интересная картинка из революционного быта 1920 г., также отсылающая к тексту Шолохова — сюжету библиотеки в хуторе Гремячий Лог 1930 г., из книг которой особенно полюбилась Нагульнову и деду Щукарю лишь одна книга, — представлена в описании Пришвиным библиотекаря из Чрезвычкома, который среди книг старой библиотеки находит «самую нужную книжку» — «Карманный словарь иностранных слов для рабочего»[2]...

Первые опустошения народных библиотек, естественно, потребовали заполнения их новой литературой. Это были прежде всего газеты, а также агитационная, политическая и антицерковная литература. Госиздат начинает выпускать специальные серии «библиотечек» дешевых книг. Из новейшей политической литературы к изданиям работ руководителей партии, классиков марксизма добавляются как обязательные «Библия для верующих и неверующих» главного безбожника СССР Е. Ярославского и «Азбука коммунизма» Н. Бухарина и Е. Преображенского. Издание антирелигиозной литературы, доступной массовому читателю, оставалось приоритетным все двадцатые годы. «Коммунары имеют библиотеку в 1000 брошюр разной современной литературы», выписываются газеты[3], — центральные газеты регулярно печатали подобные рапорты с библиотечного фронта. Правда, в авторитетном исследовании Я. Шафира «Газета и деревня» этого же 1923 г. давалась не столь оптимистическая информация: «В деревне у нас в настоящее время нет ни подписчика, ни читателя»[4].

Библиотеки также заполнялись «новой» послереволюционной литературой — изданиями пролетарских и комсомольских поэтов,

---

[1] Там же. С. 148.

[2] Там же. С. 8.

[3] *Леонтьев П.* Коммуна «Карл Маркс» // Известия. 1923. 3 окт. С. 2.

[4] *Шафир Я.* Газета и деревня. М.: Красная новь, 1923. С. 3.

«новой прозой» о революции и Гражданской войне. Практически во всех газетах и тонких журналах, пик изданий которых приходится на первое советское десятилетие, открываются «Уголки безбожников», стотысячными тиражами печатается газета «Безбожник», пятидесятитысячным — с 1923 г. тонкий иллюстрированный журнал «Безбожник». Пролетарские и комсомольские поэты приступают к созданию поэтического образа новых книг, по которым должен сверять свою жизнь и идеалы массовый читатель. Десятки стихотворений посвящены описанию избы-читальни, новой библиотеки и ее читателей:

Помню, — я вырос, а мама рыдала:
Мальчик за книжкою ночи не спал...
Но перестала, узнав, что читал я
трезвую книгу
«Капитал»...
(*А. Безыменский. «Партбилет», 1923*)

Ну-ка
Поставить мир на дыбы
Без «Капитала»
Попробуй!..
Книга — оружие нашей борьбы,
На баррикадах учебы.
(*А. Жаров. «Книга», 1924*)

Раньше: с книгой — кричащий разлад.
Был неграмотным жиденьким парнем,
А теперь на столе шелестят
Ленин, Маркс, и Лафарг, и Бухарин.
(*Л. Архангельский. «Пролетарский поэт»,* 1926)

Все, что в людях мудрого хранится,
Строчками ложится на листы...
И сползает мудрость на страницы
На твои серьезные черты.

Ну, а ты старик!
        Без передышки
Ты с утра еще сидишь над ней,
И тебе становится ясней:

Самая молоденькая книжка
Самых старых стариков умней...
(*М. Светлов. «В читальне», 1926*[1])

Тонкие журналы, рассчитанные прежде всего на читателя деревни и нацеленные на его перевоспитание, обильно печатают стихи не только известных пролетарских и комсомольских поэтов, но и селькоров с восторженным описанием избы-читальни, неустанно противопоставляют клуб, избу-читальню и городской рабфак — церкви и старому быту:

Наступил 18-й год;
Перевернулись книжные полки.
Побежали вразброд —
От барыни томной —
Книги.
Книга стала девизом многих.
И в обложке революционной новой
Гордо стоит на пороге
Восстаний мира –
Новая книга[2].

Не родной он будто средь родни,
Как узлом с ячейкою связался,
Затвердили твердо старики,
Что беспутной книжкой зачитался.
....
Сенька книжку Ленина читает,
От страниц не отрывая глаз[3].

Дверь открыли — стар и млад кругом сидят
За столами, в книжку с жадностью глядят.
Эй, красотки! — парень тихо нас позвал, —
Вот, читайте! — с полки книжек нам достал.

---

[1] Публикация стихотворения Светлова в журнале «Прожектор» сопровождалась рисунками А. Дейнеки с портретами читателей библиотеки (см.: 1926. № 19. С. 28).

[2] *Велижанин А.* Книга // Красная нива. 1923. № 21. С. 5.

[3] *Попов Н.* Как Сенька зажег электричество// Журнал крестьянской молодежи. 1925. № 20. С. 4.

Тут мы сели, про себя начав читать,
Завлеклися и не хочется кончать,
С той поры уж мы к обедне ни ногой,
Как свободны — все в читаленку гурьбой[1].

Эй, ребята, в клуб валите
Старики, — и те идут.
Нынче в громкоговоритель
Нам по радио поют.

Вот теперь я не скучаю,
Коротаю вечерок,
Аккуратно посещаю
В клубе ленинский кружок.
....
В клубе я для стенгазеты
Стал писать с недавних пор,
Скоро буду я поэтом,
А теперь пока селькор[2].

Город встретил просто и дружно.
Город нынешний тоже простак.
В этом городе все, как нужно.
В этом городе есть — рабфак.

Заиграло сердце тальянкой,
Ведь дождались же лучших дней:
Есть рабфак для простой крестьянки,
Комсомолки с желтых полей[3].

Продвижение новых книг в избы-читальни и рабочие библиотеки сопровождалось организацией всероссийских «Дней книги», кампаниями «Книгу — в массы», «Недели книги». Вот как описывается одно из таких мероприятий в сибирской печати:

«Свыше сотни различных бутафорских книг, масса знамен и лозунгов. Тощая кляча, запряженная в соху — “так было без книг”

[1] Крестьянская читаленка // Крестьянский журнал. 1925. № 4. С. 4. Подпись: *Крестьянин Ф. Денисов.*

[2] Клуб // Жизнь крестьянской молодежи. 1925. № 20 (ноябрь). С. 8–9. Подпись: *С.П.*

[3] *Левитина Соня.* На рабфак // Крестьянка. 1926. № 19. С. 12.

и гордо идущий трактор — “так будет с книгой!” — замыкали шествие Карнавала. Такое массовое действо в Новониколаевске было в первый раз...»[1].

На первое десятилетие приходится массовое издание специальных рекомендаций и программ по проведению вечеров книги в рабочем и красноармейском клубе, сельской избе-читальне, выпуск плакатов с лозунгами о новой книге (больше всего лозунгов на эту тему сочинил Д. Бедный) и т.д. Вот один из примеров такой программы, в пунктах которой учтены недостатки крестьянского отношения к книге:

«1. Доклад на тему “Книга для крестьянина, что плуг и борона”.
2. Суд над нечитающим крестьянином.
3. Частушки об избе-читальне.
4. Громкое чтение небольшого художественного рассказа»[2].

О том, что кампании пропаганды новых книг не были простыми, свидетельствуют сами просветители, сетуя, что новая книга «недостаточно еще проникает в гущу крестьянства, где остаются неграмотность, суеверия, дедовские обычаи в быте и хозяйстве»[3]. К 10-летию Октября изба-читальня стала «бытовым явлением», однако признавалось, что она «еще не стала массовым учреждением, далека от глухих деревень и поселков. Еще хуже обстоит дело с сетью деревенских библиотек <...> таких по России только 2000»[4].

Кампании чисток библиотек все 1920-е гг. наталкивались на серьезное сопротивление (в «некоторых губерниях потребовалось вмешательство ГПУ, чтобы работа по изъятию началась», сообщалось в инструкции 1924 г.) и изобиловали курьезами. Так, в «Инструкции по пересмотру книг в библиотеках» 1926 г. отмечалось, что только формальным отношением к важному государственному делу можно объяснить изъятие из библиотек не только сочинений Белинского, Герцена, Добролюбова, Пушкина, Толстого, но трудов Маркса, Энгельса, Ленина.

---

[1] Цит. по: *Яранцев В.* Зазубрин. Человек, который написал «Щепку». Повесть-исследование из времен, не столь отдаленных. Новосибирск, 2018. С. 244.

[2] Вечер книги в деревне. М.: Изд-во «Долой неграмотность», 1925. С. 30.

[3] Там же. С. 11.

[4] *Кравченко А.* Политико-просветительская работа в деревне к десятилетию Октября // Народное просвещение. 1927. № 10. С. 33.

Инструкцией 1926 г. утверждалась новая структура каталогов библиотек. Изменению подлежали также аннотации к книгам. Каталоги и аннотации должны стать важным инструментом в руководстве чтением, были призваны ответить на вопрос, что может читать массовый читатель. Рекомендовалась структура системного каталога из двух частей: первая часть — «Каталог книг широко рекомендуемых», вторая — «Каталог книг, редко требуемых и не подходящих для широкого распространения»[1], более того, широкое распространение которых желательно пресечь. Причем, второй каталог рекомендовалось не выставлять вместе с первым, а давать лишь по спросу читателей-специалистов. С середины 1920-х гг. практически установилось специфическое нормирование состава книг, которые не подлежали изъятию из массовых библиотек, и книг для специального пользования. В уездных (районных) библиотеках в читательский фонд в 1926 г. был возвращен общий корпус книг русской классической литературы и литературы начала века. Естественно, что по второму каталогу проходили религиозные книги, «необходимые при изучении религии, как показательный материал при антирелигиозной пропаганде», а также русская и западная литература, которая необходима лишь для специалистов, изучающих историю литературы. В этот список вошли писатели начала века Арцыбашев, Ремизов, Сологуб, Чулков, Кузмин, массовая русская и западная беллетристика. В общее пользование всех библиотек в 1926 г. были возвращены — с оговорками — сочинения русской и мировой классики как «представляющие историко-литературный интерес» и познавательный:

> «Хотя большинство из них и проникнуто буржуазной идеологией, проповедуют мещанскую мораль и некоторые отражают в себе ярко упадочные и реакционные настроения той эпохи, когда были созданы, но зато по ним современный читатель в художественном отображении получит знакомство с жизнью разных слоев буржуазного общества дореволюционной эпохи и недавнего прошлого на Западе»[2].

Список возвращенной в библиотеки литературы, представленный в инструкции1926 г., отражает и масштаб изъятий первых революционных лет.

---

[1] Инструкция по пересмотру книг в библиотеках. М.; Л.: Изд-во «Долой неграмотность», 1926. С. 4.

[2] Там же. С. 19.

В статье 1926 г. «Подождем обвинять поэтов» В. Маяковский приводит список имен поэтов из первого каталога передвижной библиотеки Ростовского Губполитпросвета, где основные номера принадлежат отдельным книгам и «собранию сочинений Д. Бедного». Маяковский словно бы забывает как о соцзаказе, так и о жизнестроительных идеях, которые в наркомпросовском исполнении мало чем отличались от программных документов возглавляемого им ЛЕФа, и переводит современную библиотечно-книжную ситуацию в тему глобальную — об утрате читателя как традиционного собеседника поэта:

> «Интересно, если рабочему и крестьянину после этих книг попадется даже Пушкин, Лермонтов, не говоря уже об Асееве, Пастернаке, Каменском, будут ли они считать эти книги тоже за поэзию, или у них создастся на это дело свой взгляд, исключающий всякую возможность остаться вдвоем с “никчемными”, “туманными” и “непонятными” вещами?! Классиков ведь спрашивают хуже всего»[1].

Совсем по другому поводу, но о тех же по сути дела последствиях культурного просвещения масс первого советского десятилетия выскажется К. Федин на страницах ленинградской газеты, посвященных 90-летию смерти А.С. Пушкина:

> «Почему-то никто не пишет и не говорит о громадном бедствии наших дней: на книжном рынке нет классики. На книжном рынке нет Пушкина. <...> Мы должны дать Пушкина стране, положить конец громадному бедствию — отсутствию Пушкина»[2].

И, конечно, в формировании нового человека-читателя идеологии детской книжки и детского чтения отводилось одно из центральных мест. Здесь разрыв с прошлым и устарелыми книгами утверждался в своей почти абсолютной форме, что нашло отражение в программе «Новому ребенку — новую сказку» (1919) и масштабной кампании борьбы с дореволюционной детской литературой и русскими народными сказками. Инструкцией 1926 г. в библиотеки лишь частично были возвращены русские сказки, что во многом было заслугой писательского сообщества. При этом, общая стратегия организации детского чтения не изменилась.

---

[1] *Маяковский В.* Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 12. М., 1959. С. 71.

[2] О Пушкине // Ленинградская правда. 1927. 10 февр. С. 3.

Вот лишь некоторые положения из выступлений Н.К. Крупской: «От прошлого мы унаследовали большое количество литературы для детей. Однако огромная часть этого наследства для нас совершенно неприемлема, в корне противоречит нашим задачам воспитания», «Волшебные сказки мы считаем вредными» («К вопросу об оценке детской книжки», 1927); «Сказка вредна не как художественный прием. Вредно *содержание* большинства сказок» (рецензия 1929 г. на книгу К. Чуковского «Маленькие дети», 1927)[1] и т.д.

Среди огромного массива наркомпросовской литературы по руководству чтением начала 1920-х гг. особую значимость для нашей темы имеют результаты социологических исследований самых разных групп читателей. Так в красноармейской аудитории картина востребованности книг выглядела следующим образом: Толстой, Пушкин, Гоголь, Горький, Некрасов, Чехов, Тургенев, Лермонтов, Достоевский, Д. Бедный, Маркс, Крылов, Ленин, Кольцов, Куприн[2]. Не менее устойчивыми и консервативными оставались в послевоенное время и читательские интересы комсостава: 57% составляла классика и лишь 33% — книги «из числа научных» (общественная и прикладная литература). Особенно часто спрашивали классику XIX–XX вв.: «Война и мир» Толстого, «Преступление и наказание» Достоевского, Пушкин, Тургенев, Амфитеатров, Куприн, Горький, Блок. Из писателей начала XX в. предпочтение отдавалось Чехову. Вот данные на январь 1923 г. — по опросу, проведенному в библиотеке одного из московских красноармейских полков: книги Чехова востребованы 16 раз, тогда как политические басни Д. Бедного 1 раз, «Азбука коммунизма» Бухарина — 4 раза[3].

При всех необходимых поправках к данной статистике (опросы проводил Наркомпрос, обязательные курсы политграмоты в Красной Армии с обязательным изучением современной партийной литературы) перед нами все-таки предстает реальная читательская картина эпохи развязанного террора против русской классической литературы. Читатель, как мы видим, отдавал предпочтение родной литературе. При этом, красноармейская аудитория мало отличалась от пленных белогвардейцев, с которыми проводилась интенсивная воспитательная работа, обяза-

---

[1] Цит. по: *Крупская Н.К.* Педагогические сочинения: в 10 т. Т. 6. М., 1959. С. 75, 76, 122.

[2] Массовый читатель и книга. М., 1925. С. 76.

[3] *Хлебциевич Е.* Изучение читательских интересов широких масс (Из опыта библиотечной работы в Красной Армии). М.: Красная новь, 1923. С. 31–32.

тельные собеседования по политической литературе, однако и эти читатели, отвечая, что «чтение изменило взгляды политические», «чаще всего спрашивают классику»[1]. Более того, на все попытки опрашивающих смешать иерархию книг в культуре, красноармейский читатель отвечал восстановлением иерархии. Так, при ответе на вопрос «Какие писатели больше всего понравились», к которому прилагался список «писателей» (Толстой, Пушкин, Маркс, Троцкий, Достоевский, Бедный, Гоголь, Ленин и др.), читательские интересы (спрос на книги) всего Московского гарнизона распределились следующим образом: Толстой — 101, Пушкин — 40, Гоголь — 27, К. Маркс — 12, Горький — 11, Некрасов — 8, Ломоносов — 7, Бедный — 5, Ленин — 3, Стеклов — 2, Троцкий — 2 и т.п.[2].

На главный вопрос наркомпросовской стратегии о воспитании читателя через чтение новых книг — «Изменило ли чтение его взгляды?» — ответы были не менее замечательные своей устойчивой крестьянской наследственностью. Вот некоторые ответы, полученные в красноармейском клубе имени Розы Люксембург:

> «Изменило то, что читаю одно, а на факте делается другое, а потому все охлаждается», «политическое чтение меня не изменило»;
>
> «Меньше читаю на военной службе, потому что голова всегда разбитая и думаешь, да поесть бы, и тогда можно читать хорошо»; «политикой, ввиду нашего слабого развития, заниматься тяжело»[3].

Не изменилась и типология читателей, она оставалась той же, что и в дореволюционные 10-е годы: 1) «малосознательные читатели» из крестьян; 2) «сознательные читатели» из городского пролетариата, которые в книгах ищут ответа на все непонятное; 3) читатель-интеллигент, который в своих ответах оказался очень похож на первый тип: «... ни на какую "правду" не променяю ложь сказок Андерсена». Из беллетристики этот читатель отдавал предпочтение русской классике, «питал отвращение к популяризации», любил романы фантастические и романы о любви, а на вопрос — «какую пользу принесло чтение книг» отвечал: «Нахожу вопрос странным, но констатирую на себе наряду с пользой огром-

---

[1] Там же. С. 64.

[2] Там же. С. 51.

[3] Там же. С. 5, 56.

ный вред»[1]. Именно первый и третий тип, констатировал Е. Хлебциевич, «обработке поддаются плохо»[2].

Воистину имел основания сменовеховец Н.В. Устрялов писать в 1923 г. по поводу агрессивно вводимой новой пролетарской культуры: «Еще менее следует опасаться за “русскую культуру”, недостаточно культивируемую современным государством: русская культура все равно свое возьмет и уже берет»[3].

Мы лишь конспективно обозначили читательскую проблематику первой половины 1920-х гг., мимо которой Шолохов как начинающий писатель и участник литературного процесса пройти просто не мог.

Обратимся к «Донским рассказам», созданным в 1924–1925 гг. и впервые опубликованным, подчеркнем это, в тонких комсомольских и крестьянских журналах: «Молодой ленинец» (рассказы «Родинка», «Продкомиссар», «Илюха», «Путь-дороженька»), «Комсомолия» («Бахчевник»), «Журнал крестьянской молодежи» («Пастух», «Алешкино сердце»), «Крестьянский журнал» («О Колчаке, крапиве и прочем»), «Огонек» («Шибалково семя»). Это были издания молодой комсомольской и новой крестьянской литературы, в идеологии которых ключевое место отводилось борьбе за «новый быт», поэтизации Гражданской войны, культу «новых книг» и фигуре селькора. Рассказы начинающего прозаика Шолохова не только отразили актуальную для комсомольской литературы проблематику отцов и детей, но, уже начиная с первого (по хронологии создания) рассказа «Родинка», преодолевали сложившийся идеологический канон комсомольского и крестьянского рассказа. Наиболее насыщен актуальной читательско-книжной проблематикой рассказ «Пастух», опубликованный во втором номере «Журнала крестьянской молодежи» за 1925 г.

Рассказ написан, скорее всего, в декабре 1924 г. Основанием к предлагаемой датировке рассказа о жизни и смерти пастуха, «комсомолиста» и селькора Григория Фролова является масштабная идеологическая кампания осени-зимы 1924 г. вокруг убийства селькора Григория Малиновского. Григорий Иванович Малиновский — член партии, прошел Гражданскую войну, несколько раз был ранен, вернулся с фронта в родное село Дымовка (Украина, Николаевский округ), занимал пост председателя ревкома, член сельсовета, председатель артели инвалидов, участвовал в органи-

---

[1] Там же. С. 59.

[2] Там же. С. 16.

[3] *Устрялов Н.* У окна вагона // Новая Россия. 1923. № 2. С. 44.

зации и проведении антирелигиозных праздников, стал селькором и печатал в окружной газете «Красный Николаев» заметки, в которых разоблачал старый быт, беззаконие местных властей, пролезших во власть кулаков и т.п. Выступления Малиновского в печати встретили на селе неоднозначно, и, чувствуя откровенную вражду и опасность, Малиновский «предполагает оставить бандитское гнездо и переселиться в город», но не успевает уехать; «заговорщики» узнают об этом и убивают его[1]. Это был не единичный случай, Гражданская война в годы нэпа в деревне не утихала, а лишь приобретала новые формы, что связано не только с социальным расслоением деревни, но и с государственной (с 1923 г.) программой борьбы со старым бытом — церковью, народными обычаями и обрядами. В рамках этой программы развернулась настоящая гражданская война в семье, культивировались отречение детей-комсомольцев от «реакционных» родителей, новый тип семейных отношений. 20–21 сентября вопрос преследования рабкоров и селькоров рассматривался в Отделе печати ЦК РКП(б) на совещании редакторов центральных и местных газет; принимается решение: «Процесс Малиновского нужно будет сделать показательным процессом всесоюзного значения»[2]. Малиновский был убит 28 марта, а первые сообщения об убийстве появились в газетах только в конце июля. Суд над убийцами проходил в Николаеве 7–23 октября и действительно стал «показательным процессом всесоюзного значения» (информация о процессе печаталась не только в центральных, но и во всех губернских и уездных газетах). На суде присутствовал один из ведущих партийных критиков Л. Сосновский, чьи репортажи с суда печатались в «Правде» и в других газетах; в ноябре в издательстве газеты «Правда» выходит его брошюра «Дымовка (Дело об убийстве селькора Григ. Малиновского)» с подробным описанием убийства, хода процесса, портретами героя и подсудимых; полностью приведен приговор суда (высшая мера наказания — расстрел). В статье «Уроки Дымовского процесса» Сосновский констатировал: «Селькор занимает опаснейшее и ответственнейшее место в кипящей повсюду классовой борьбе в деревне. Дымовский процесс изумительно отчетливо выявил исключительно

[1] *Юнг Д.* На славном посту (Убийство селькора Малиновского) // Рабочий корреспондент. 1924. № 8. С. 70.

[2] Красная печать. М., 1924. № 34. 26 сент. С. 11. Цит. по коммент. к стих. В. Маяковского «Селькор» (написано в рамках кампании об убийстве Малиновского; опубл. в октябре 1924 г.): *Маяковский В.* Полн. собр. произвед.: в 20 т. Т. 2. М., 2014. С. 500.

важную роль селькора»[1]. В октябре–декабре Дымовский процесс вылился в масштабную идеологическую и пропагандистскую кампанию. На тему преступления в селе Дымовка выскажутся руководители партии (Н. Бухарин, Г. Зиновьев, И. Сталин), общественные и партийные деятели (М. Ульянова, Н. Крупская и др.). «Дело об убийстве тов. Малиновского имеет, несомненно, колоссальное значение для всей нашей общественности и для нашей партии в том числе, — подчеркивал Н. Бухарин, курирующий рабселькоровское движение. — Мы не раз и не два в подходящем месте дадим выход этому негодованию и поднимем его до массового негодования, которое обрушится на головы притаившегося жулья»[2]. В журналах «Журналист» и «Рабочий корреспондент» открываются специальные разделы «Хроники преследований», в которых целые страницы занимает краткая информация, напоминающая сводки потерь в ходе боевых действий:

> «В дер. Даниловичи, Гомельского у., 23 октября убит местными кулаками селькор **т. Лебедев**. Тов. Лебедев был членом сельсовета и секретарем сельской ячейки РЛКСМ. В селен. Стрельцы, Чернавской волости, Елецкого у., Орловской губ. убит селькор местной газеты **тов. Дерюгин**. В селении Никольском, Спасского у., Пензенской губ., убит селькор пензенской газеты **тов. Сергеев**. В селении Шереметьевка, Ульяновской губ., убит селькор сызранской газеты “Красный Октябрь” **тов. Свирин**. В Тамбове состоялся суд над убийцей селькора козловской газеты “Наша Правда” **тов. Карандеева»**[3] и т.д.

В редакции газет поступают заявления с просьбой принять в селькоры; проходят самые разные акции увековечения памяти Малиновского:

> «В харьковскую газ. “Пролетарий” стали поступать взносы на памятник т. Малиновскому. Группа крестьян предложила лучшей избе-читальне присвоить имя Малиновского. Также было сделано предложение о переименовании селения Дымовка в Малиновское. Тов. Сосновский в “Правде” поддержал два последних предложения и внес со своей стороны взнос на устройство избы-читальни

[1] *Сосновский Л.* Уроки Дымовского процесса // Рабочий корреспондент. 1924. № 12. С. 18.

[2] *Бухарин Н.* Об убийстве селькора Малиновского // Там же. 1924. № 8. С. 1.

[3] Хроника преследований // Там же. 1924. № 9–10. С. 135.

имени Малиновского. “Правда” открыла сбор пожертвований для этой цели»[1].

В кампании приняли участие пролетарские и комсомольские поэты, лефовцы; в тонких журналах и «Рабочем корреспонденте» печатаются рассказы с посвящением селькору Дымовки; написаны десятки стихотворений на тему гибели селькора и Дымовского процесса:

Когда ж конец и будет ли конец, —
Семенов, Спиридонов, Малиновский:
Любое сердце — в тысячу сердец,
И дух любого, мощный дух геройский[2].

5 декабря в Москве открылось 2-е всесоюзное совещание рабселькоров (первое, рабкоров, — в ноябре 1923), широко освещавшееся в центральной печати. С главным докладом «Партия и руководство рабселькорами» выступил Н. Бухарин. Вопросу о селькорах как одному из важнейших вопросов совещания было отведено едва ли не центральное место в выступлениях Г. Зиновьева, М.И. Ульяновой. Совещание заслушало подробный доклад о селькорах Л. Сосновского, под руководством которого работала особая селькоровская секция. О Дымовском процессе речь шла практически во всех выступлениях. Совещание приняло ряд резолюций, в том числе специальную резолюцию «О сельских корреспондентах» (по докладу Л. Сосновского), которой закреплялся общественно-политический статус селькора, были определены основные задачи селькоровской работы. Подчеркивалось, что «селькор так же, как и рабкор, должен воспитываться на газете и через газету», необходимо обеспечивать селькоровские кружки журналами и книгами, а «селькорам-одиночкам» работать в согласии с партийцами[3] и т.п.

С Всесоюзного совещания рабселькоровское движение обретает всесоюзный размах: с 1925 г. журнал «Рабочий корреспондент» выходит под новым названием «Рабоче-крестьянский корреспондент»; обильно печатается специальная литература по организации рабселькоровского движения («Селькорка. Полит-

---

[1] Памяти т. Г. Малиновского // Там же. 1924. № 10–11. С. 137. Раздел: «Наша хроника». *И. Ф.* На смерть тов. Малиновского // Там же. 1924. № 8. С. 77.

[2] *И. Ф.* На смерть тов. Малиновского // Там же. 1924. № 8. С. 77.

[3] Там же. 1924. № 12. С. 63–65.

суд», 1925; «Селькору», 1925; Г. Рыклин, Я. Миров. «10 бесед с селькорами», 1925 и др.). Во всех январских номерах тонких комсомольских и крестьянских журналов за 1925 г. появились заметки, стихи и рассказы на тему юнселькора. «Комсомолия» открывается фрагментом из повести Г. Шубина, герой которой, комсомолец и селькор Сенька, решает вопрос «Кому помогать: Ильичу или тятьке» (глава «Тятька и Ленин»), вступает в непримиримый конфликт с консервативными родителями и не слышит обращенных к нему вопросов отца: «Независимо от отца политику гнешь. Будешь книжки читать, к нежной жизни привыкнешь. В город сбежишь: в деревне-то скучно, развлеченьев нет...»[1]. В этом же номере селькоровской теме посвящены очерк В. Кудашева «Тю-тю», поэма В. Митропольского «Миша-комсомолец» об убийстве комсомольца Михаила Петрова. Большое место тема юнселькора занимает и в первом номере «Журнала крестьянской молодежи». В начале 1925 г. во всех областях и краях СССР проходят рабселькоровские совещания, кураторами которых выступают отделы печати крайкомов и обкомов и местные ассоциации пролетарских писателей.

В родной для Шолохова Ростовской области с марта 1925 г. выходит журнал «Путь рабкора», с марта 1926 — «Путь рабселькора». С 1 по 5 марта 1925 г. в Ростове проходит Первое совещание рабселькоров, на котором с докладом «Политико-воспитательная работа с рабселькорами» выступает А. Фадеев. Шолохов в это время находился в Вешенской, но на совещании, кажется, не присутствовал. Почему? Вспоминали ли на совещании рассказ Шолохова «Пастух», то нам не известно: с материалами местной печати мы пока не познакомились, сделать это необходимо не только для уточнения поставленного вопроса, но и для отдельной темы в изучении биографии Шолохова. Рабселькоровское движение имеет прямое отношение к советской литературе (в первой «Литературной энциклопедии» была специальная статья «Рабселькоровское движение»). О рабселькорах как резерве новой советской литературы в 1924 г. (за год до партийной резолюции «О политике партии в области литературы») говорил Г. Зиновьев:

> «Сейчас многие говорят о необходимости создавать своих пролетарских писателей, сейчас идут споры между различными направлениями писателей, спорят о 10–15 именах, о том, каков Пильняк, как поставлен журнал “На посту”. Хорошо или плохо и

---

[1] *Шубин Г.* Из повести о юнселькоре // Комсомолия. 1925. № 1. С. 5–12.

т.д. Я не против того, чтобы эта борьба продолжалась. Но, товарищи, когда мы говорим о пролетарском писателе, то мы должны под этим понимать не 10 или 20 имен, а мы должны понимать десятки тысяч людей, работающих в рабочей и крестьянской печати»[1].

«Селькор — это слиток деревни. И деревня имеет лучшего своего знатока — селькора», — из этих партийных установок-аксиом Ф. Панферов, постоянный автор, а с 1926 г. редактор «Крестьянского журнала», делает стратегический вывод: «...новый действительно крестьянский писатель появится исключительно из низов, из армии селькоров»[2]. В журнале разворачивается масштабная программа *«выращивания»* из селькоров «низового крестьянского писателя»[3].

Через рабселькоровское движение в литературу приходили новые писатели. В 1925 и 1926 гг. пройдет заметная дискуссия между ВАППом и Перевалом о месте рабселькоров в литературном процессе и т.п. Стихи и рассказы на тему гибели юного селькора продолжают печататься в тонких журналах, но донские рассказы Шолохова даже в двадцатые годы не относили к жанру «комсомольского рассказа» (под этим названием выходили книги избранных рассказов прозаиков-комсомольцев М. Колосова, Г. Шубина).

Написанный по горячим следам всесоюзного Дымовского процесса рассказ «Пастух» включает базовые компоненты текста о гибели селькора. Через весь рассказ лейтмотивом проходит противопоставление города и деревни. Город — это другая жизнь: культовые для комсомольского текста рабфак, книги Ленина и других вождей революции и, конечно, газеты, освещающие жизнь надеждой на светлое будущее. С городом связана главная мечта пастуха Григория; в городе он видит спасение для себя и для сестры Дуняши, а также и для бедняков хутора:

«Заработаем, Дунь, хлеба к осени, а там в город поедем. Я на рабфак поступлю и тебя куда-нибудь пристрою... Может, тоже на какое ученье... В городе, Дунятка, *книжек много и хлеб едят*

---

[1] О нашей печати. Речь тов. Зиновьева в День Печати в Москве // Рабочий корреспондент. 1924. № 6. С. 3.

[2] *Панферов Ф.* От селькора к писателю // Крестьянский журнал. 1926. № 10. С. 15.

[3] Письмо читателю, писателю и избачу [От редакции] // Там же. 1926. № 2. С. 1.

чистый, без травы, не так, как у нас (курсив здесь и далее наш. — *Н.К.*»[1]);

«— Терпи, Дунь... Осенью в город уедем. Будем учиться с тобой, а после, как выучимся, вернемся сюда. По-ученому землю начнем обрабатывать, а то ить темень у нас и народ спит... Неграмотные все... *книжек нету*...»;

«Я зимою, как ходил в станицу, у секретаря ячейки *читал книжку Ленина*. Там сказано, что вся власть пролетариям, и про ученье написано: что, мол, учиться должны, которые из бедных» (7, 246).

Средоточием городской «книжной» жизни на хуторе являются клуб, партийная и комсомольская ячейки. Секретарь партячейки Политов дает Григорию «свежую литературу», полученные из округа «газеты и книги», «давнишние номера “Правды” и две книжки», приглашает на доклад о международном положении и т.п. Как и в любом комсомольском тексте, у «комсомолиста» Григория на месте иконы, естественно, висит портрет Ленина. Время действия в рассказе приходится на лето 1924 г. и отмечено главным бедствием в южных регионах страны — засухой и последовавшим за ней голодом. О засухе и голоде 1924 и 1925 гг. идет речь и в рассказе «Алешкино сердце» (1925): «Два лета подряд засуха дочерна вылизывала мужицкие поля. <...> Следом шагал голод» (7, 265). В отличие от голода 1921 г., о засухе и масштабе голода 1924 г. не принято было писать (первая скупая информация в газетах появилась только летом 1925 г.). В «Пастухе» картина засухи дается через восприятие пастуха Григория и окрашена отнюдь не утопическими чертами светлого будущего, а скорее антиутопическим экзистенциальным видением, в котором во власти степи и природы в одном ряду оказываются и деревня, и город:

«Степь, иссохшая, с чахоточным румянцем зорь, в полдень задыхалась от зноя. Лежа на спине, смотрел Григорий на бугор, задернутый тающей просинью, и казалось ему, что степь живая и трудно ей под тяжестью неизмеримой поселков, станиц, городов. Казалось, что в прерывистом дыханье колышется почва, а где-то внизу, под толстыми пластами пород, бьется и мечется иная, неведомая жизнь.

И среди белого дня становилось жутко» (7, 245).

---

[1] *Шолохов М.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. М., 2001. С. 244. Далее тексты Шолохова цитируются по данному изданию с указанием в скобках тома и страницы.

Григорий Малиновский был убит весной 1924 г. за заметки в окружной газете «Красный Николаев», шолоховский Григорий Фролов ранней осенью этого же года — за заметку в окружной газете «Красная правда» (выдуманное название). Из рассказа ничего нельзя узнать, состоялся ли суд над убийцами селькора Григория. Глава, в которой рассказывается, как осенней ночью убивали Григория, завершается графически выделенным фрагментом текста. Это своеобразное послесловие предлагает весьма двусмысленный ответ на вопрос о суде над убийцами Григория: «Широка степь и никем не измерена. Темней темного ночь осенняя, а дождь следы лошадиных копыт смоет...» (7, 251). Осенью 1924 г., когда разворачивалась масштабная кампания по увековечению памяти Григория Малиновского, Шолохов в последней главе дает описание сиротской могилы своего героя: Григорий похоронен не на общем погосте, а отдельно — «невдалеке от дороги», «могилка его осевшая» говорит прежде всего о забвении. Единственный человек, помнящий Григория, его сестра Дуняша: она оплакивает брата, как испокон веков оплакивали умершего его родные...

Мечта обоих Григориев о городе так и не сбылась, в рассказе эту мечту брата должна осуществить сестра Дуняша, покидающая родной хутор. Рассказ заканчивается лирико-драматической картиной ухода в город теперь уже круглой сироты Дуняши, в котомке которой «краюха хлеба ячменного, затрепанная “Азбука коммунизма” с страницами, пропахшими горькой степной пылью, да Григория-брата рубаха холщовая», «нестираная», с «запахом родного пота»[1].

Финальное авторское описание города, в который идет Дуняша, исполнено внешне в тех же, что и ранее, книжно-утопических характеристиках, погруженных, правда, в мрачный контекст реальности:

> «Из степных буераков вой волчий, на житье негодующий, а Дунятка обочь дороги шагает, в город идет, где Советская власть, где учатся пролетарии для того, чтобы в будущем уметь управлять республикой.
>
> Так сказано в книжке Ленина» (7, 252).

---

[1] Цит. по: *Шолохов М.* Донские рассказы. Массовая библиотека Зифа. М.; Л., 1930. С. 76. В Собраниях сочинений М. Шолохова, которые начинают издаваться с конца 1950-х гг., «Азбука коммунизма» была заменена на безымянную «книжку», что связано с именем Н. Бухарина (репрессирован в 1937 г.).

Введение Шолоховым в текст рассказа названия культовой в пропагандистской литературе 1920-х гг. книги «Азбука коммунизма» (в «Донских» рассказах — это единственный случай!) — это, конечно, повествовательный прием, работающий на усиление финала рассказа, его открытость, в том числе, для читателя. Книга «Азбука коммунизма» Н. Бухарина и Е. Преображенского, ежегодно издававшаяся с 1920 г., отнюдь не детская книга, а популярное изложение принятой в 1919 г. программы партии, «первоначальный учебник коммунистической грамоты»[1]. Эта книга была воспета в стихах комсомольских поэтов, само ее название выступает в рассказе Шолохова своеобразным идеологическим метатекстом новой идеологии, которую исповедуют юные герои. Программа низовой культурной политики, изложенная в «Азбуке коммунизма», базировалась на идее радикального разрыва с прошлым, освобождения от традиций семейного воспитания и всех «реакционных» традиций родства (название одного из параграфов — «Разрушительные задачи коммунизма»).

Для доверчивой Дуняши могила, рубаха брата, «Азбука коммунизма», «книжка Ленина» пока еще находятся в одном родственном поле смыслов, для автора рассказа и для читателя 1925 г., прекрасно знающих содержание «Азбуки коммунизма», идея кровного родства и коммунизм понятия онтологически несовместные. Читаем в «Азбуке коммунизма»:

> «...претензии родителей путем домашнего воспитания запечатлеть в психологии своих детей свою ограниченность необходимо не только отклонить, но и высмеивать самым беспощадным образом»[2];
>
> «Родители навязывают своим детям собственное тупоумие, невежество, выдают за истину всякую галиматью и страшно затрудняют работу единой трудовой школы. Освобождение детей от реакционных родителей составляет важную задачу пролетарского государства»[3].

Правда, написанная Шолоховым несколькими штрихами семнадцатилетняя Дуняша ничем не напоминает героинь комсомольской прозы, а скорее — Дуняшу, любимую сестру Григория Мелехова...

---

[1] *Бухарин Н., Преображенский Е.* Азбука коммунизма. М., 1920. С. 5.

[2] Там же. С. 182.

[3] Там же. С. 198.

Первые читатели «донских» рассказов остро ощущали неканоничность «комсомольских» биографий шолоховских героев. Так, к примеру, из письма Шолохова М. Колосову от 24 мая 1924 г. можно узнать, что рассказ «Зверь» (окончательное название — «Продкомиссар») не был в 1924 г. принят в молодогвардейский альманах из-за его невнятного идеологического содержания: «ни нашим, ни вашим»[1]. О том, что только «по первому взгляду» рассказы Шолохова включаются в комсомольскую прозу, вполне убедительно писал один из ведущих исследователей комсомольской литературы социолог А. Дивильковский, подчеркивавший, что в «комсомольских» биографиях героев у Шолохова «нет и следа той схемы отцов и детей», что доминирует у прозаиков-комсомольцев, что его герои написаны так, что, читая рассказы, забываешь о комсомольской теме[2]. Не потому ли и рассказ «Пастух» не стал каноническим в советской литературе 1920-х гг. о смерти селькора, ибо заряженная на агитационно-пропагандистское решение тема подвига селькора введена в рассказе Шолохова в широкие контексты бытия человека в мире и во вселенной, с которыми не под силу справиться не только «Азбуке коммунизма», но и другим книгам. В комсомольском тексте не было особых проблем с решением вопроса о «старом быте» и с вечными «проклятыми», философскими вопросами. Симптоматично, что комсомольцы с их культом новых книг оказались в ряду последовательных оппонентов не только «Донских рассказов», но и «Тихого Дона», а затем — первой книги «Поднятой целины». Как знать, не Дымовский ли процесс, еще раз подчеркнем — одно из широко освещаемых событий 1924 г., отозвался в «Поднятой целине» в прозвище одного из героев романа — Дымка, исключенного из комсомола за хулиганство... История Дымка занимает в романе не более двух страниц, но появляется она не случайно, а написанный жесткими мазками портрет этого персонажа хранит в своей памяти бурные дискуссии середины 1920-х гг. о «свободной любви» комсомольцев, показательные судебные процессы над хулиганами из комсомольской среды и т.п.

В 1925 г. Шолохов приступает к работе над «Тихим Доном». Уже в первой книге романа рельефно представлены читательско-книжные инстанции и сюжеты, хранящие в себе память о читателях нового века и развернувшейся в стране культурной

---

[1] См.: *Письма*. С. 8.

[2] *Дивильковский А.* Юнсектор литературы (Обзор творчества комсомольских писателей) // Печать и революция. 1927. № 5. С. 29–30.

революции: дом любителя книг купца Мохова, где собиралась «хуторская интеллигенция» (1, 104); штокманский просветительский кружок, где читаются особые и тщательно отобранные книги по истории казачества, автор одной из них «доступно и зло» «высмеивал скудную казачью жизнь, издевался над порядками и управлением, над царской властью и над самим казачеством» (1, 137); имение старого Листницкого, поклонника историософских взглядов «Петра и Алексея» Мережковского; дед Гришака Коршунов, читатель Евангелия (1, 108), толкующий по Св. Писанию разлом хуторской жизни...

2. ФЕНОМЕН ЧИТАТЕЛЬСКИХ СЪЕЗДОВ И КОНФЕРЕНЦИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-Х ГГ.

> Почему это все в массы швыряют, — прямо как кирпичи летят. Книгу, пишут, в массы, автомобиль — в массы, культуру — тоже туда, к одному месту, дьячка этого (— он на радио показал) — тоже к нам, критику — опять-таки давай сюда...
>
> *А. Платонов. «Областные организационно-философские очерки», 1928*

До середины 1920-х гг. современным читателем (формированием фондов народных библиотек и руководством чтением) занимались Отдел печати ЦК РКП(б) и Главполитпросвет Наркомата просвещения, в чьем ведении находились журналы и специальные издания литературы для сельских изб-читален и рабочих библиотек, литературная же критика в основном была сосредоточена на современном писателе и литературной борьбе, а тема современного читателя, если и возникала в литературных дискуссиях, то чаще всего как риторическая формула.

Разворот к теме современного читателя приходится на 1925 год, когда критики противоборствующих группировок заговорили фактически об общей ситуации — отсутствии диалога с современным читателем. Замечательно о сложившейся ситуации написал критик Н. Замошкин:

> «Читатель, массовый читатель, до сих пор еще обитает как бы на “неведомой земле” — его ищут, часто не находят, а если и находят, то становятся в тупик: он, оказывается, “Федот, да не тот”...

Авторы, в свою очередь, подобно неудачникам-путешественникам, тоже стараются найти дорогу к нему, и большинство из них до сих пор не знают, где он, кто он... Во всяком случае, читатель и теперь сохраняет свое инкогнито»[1].

В принятой 18 июня 1925 г. резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» было два пункта, направленные на разрешение возникшей читательско-писательской коллизии. В пункте 2 резолюции речь шла о новом типе писателя и новой литературе, рождающимися в ходе проходящей «культурной революции»; одной из «зародышевых форм» новой литературы и ее творцов названы рабкоры и селькоры. Заключительный (16-й) пункт резолюции сформулировал политический заказ на создание художественной литературы, «рассчитанной на действительно массового читателя, рабочего и крестьянского; нужно смелее и решительнее порвать с предрассудками барства в литературе и, используя все технические достижения старого мастерства, вырабатывать соответствующую форму, понятную миллионам»[2]. В 1926 г. журналы начинают печатать отклики читателей на произведения текущей литературы, проводятся встречи писателей с рабочими читателями, в ФОСПе (Федерации объединений советских писателей) создается кабинет рабочей критики, занимающийся обработкой отзывов читателей; в журналах открываются специальные разделы для их публикации, организуются и печатаются материалы обсуждений и судов читателей над современными произведениями (романом «Цемент» Ф. Гладкова, повестями С. Малашкина, рассказами П. Романова, «Конармией» И. Бабеля и др.), печатаются разработки судов над нечитателями и «порочными» книгами; ведущие критики разных направлений и группировок начинают обсуждать сложившиеся между современной литературой и читателями отношения. Парадокс ситуации состоял в том, что реальный «массовый читатель» почему-то понимал и принимал сложную по форме и во многом идеологически чуждую ему дореволюционную литературу и как раз весьма скептически относился к новой литературе — не только в части

---

[1] *Замошкин Н.* Пролетчитатели и пролетписатели // Печать и революция. 1925. № 5–6. С. 58. Ср.: «Российский читатель, и “серый”, и “полукультурный”, и наиболее интеллигентный, остается иксом. Он неизвестен не только в качественном, но даже и в количественном отношении» (*Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике. СПб., 1895. (Предисловие)).

[2] В тисках идеологии. Антология литературно-политических документов / сост. К. Аймермахера. М., 1992. С. 376, 380.

«сложных» и якобы недоступных ему форм. Об этом прямо свидетельствуют читательские отзывы, опубликованные в периодике 1926 г.

Оказалось, что реальный массовый читатель советской России современной литературой почти не интересуется, в ее оценках крайне нелицеприятен: старые рабочие ее вовсе не любят и отдают предпочтение русской классике; молодежь из поэтов читает Пушкина, Никитина, Лермонтова, Есенина («Читают их потому, что новая поэзия читателей не удовлетворяет»); «Читательницы, главным образом, девушки были бы не прочь почитать Вербицкую и вообще “романы про любовь”»[1]. Читают с особым увлечением Тургенева; этот читатель оказался равнодушен к литературно-критической борьбе: «Критических книг и статей читают мало. О существовании литературных групп, о литературных спорах, конечно, почти ничего не знают»[2] и т.п.

В целом неутешительными оказались и результаты работы специальной комиссии по изучению восприятия новой литературы в деревне (комиссия была создана в 1924 г.). Широкая программа проводимых в деревне мероприятий — анкеты, громкие читки, собирание отзывов и устных высказываний читателей о рекомендуемой ему литературе, учет спроса в библиотеках, учет спроса и сбыта книг — свидетельствовала о пестроте мнений и суждений. У «взрослого населения» деревни та же, что и у рабочих, тяга к «старым классикам — главным образом к Толстому: “Война и мир”, “Воскресенье”. Затем к Тургеневу (большие романы). Общественно-политическая литература продвигается слабо». У молодого поколения деревни есть спрос на литературу героического, приключенческого и юмористического характера; из современных писателей читается Горький («Дело Артамоновых»), Серафимович («Железный поток»), Фурманов («Чапаев»), Гладков («Цемент»). Список сопровождает примечательная оговорка: «Последние книги спрашивают главным образом активисты»[3].

Неутешительными оказались и первые итоги масштабной кампании продвижения в деревню антирелигиозной книги: «...антирелигиозная литература часто имеет самые отрицательные последствия, так как возмущает деревню». Представленные отзывы «самых отсталых в отношении антирелигиозной про-

---

[1] *Исбах А.* Что читает коломенский рабочий // На литературном посту. 1926. № 2. С. 36–37.

[2] Что читают в наших библиотеках // Там же. 1926. № 3. С. 57–58.

[3] Там же.

паганды читателей» рассказывают о причинах и мотивах такого отношения к государственно-политическому проекту по пропаганде безбожия:

> «Осмеивают, осмеивают нашу леригию, а все-таки нам (верующим) лучше, чем вам. Вот вы стреляете, топитесь, когда вам не везет, тошно становится, а мы эдак помолимся, и легко на душе станет... Ведь отрицает молодежь, она не знает, не испытала, ну, я им прощаю, а вот зрелым людям кощунствовать обидно... Не веришь, ну, ну, надо уважать не себя одного, а и других. Мы ведь выросли с лампадой у иконы (тихо, с чувством), сумрачно так, как хорошо детство вспоминается (Женщина 33 лет, середняцкой семьи)»;
>
> «Што ш, наши святые помешали, мы не трогаем их. Ленину ходите на поклон, и нашего Николу не трогайте... Он праведной был жисти... Посмотрите на икону, лик один вдохновенный показывает, что святой. Не давайте моему Пашке. Я ему говорю, запорю за бога, и скажу М. Ф., чтобы не давала таких... (Женщина 37 лет из бедняцкой семьи)»;
>
> «Ванька на голос мой, чего из ей почитать, велела бросить. Не людское дело святых судить. Последний страх сымают книжки такими, ране суда божия страшились, а ныне всего совесть потеряли...(Крестьянка 38 лет из бедняцкой семьи)»[1].

Необходимость заняться правильной ориентацией читателя в текущей литературе: «Надо читателя ориентировать — и ориентировать *немедленно* — в многообразной массе художественной продукции. Надо выяснить общественный смысл и ценность быстро выбрасываемых на рынок произведений»[2] — осознавалась не только как социальный заказ советской литературе и критике, но и важнейшая составляющая ее нового облика. Наиболее активными в разработке программ работы с массовым читателем оказались пролетарские группы ВАППа и ЛЕФа. Вапповцы уже в 1926 г. утверждают масштабную программу подготовки новых литературных кадров из рабочей среды, прежде всего из рабкоров и селькоров; в клубах, редакциях газет и тонких журналов открываются литературные кружки и готовится рабочая критика и т.п. ВАПП совместно с ВСКП (Всероссийский союз крестьянских

---

[1] *Шафир Я.* Методы изучения читателя // Журналист. 1927. № 4. С. 31–32.

[2] *Лежнев А.* О современной критике // Новый мир. 1926. № 2. С. 151; *Лежнев А.* О литературе. Статьи. М., 1987. С. 70.

писателей) начинают активно готовить из селькоров новые кадры крестьянских писателей.

Тема массового читателя получает новое направление в связи с государственными кампаниями борьбы с хулиганством молодежи и «есенинщиной», кульминацией которых стала публикация 12 января 1927 г. во всех центральных газетах директивной статьи Н. Бухарина «Злые заметки». Сформулировав реальные вопросы — «Чем захватывает молодежь Есенин?» и «Почему у комсомольца частенько под “Спутником коммуниста” (общественно-политический журнал, орган ВКП(б), издавался с 1921 г. — *Н. К.*) лежит книжечка стихов Есенина?», — Бухарин не дал на них ответа, а предложил развернуть фронт борьбы с культом Есенина и «русским стилем» в современной литературе: «С этим гнильем надо кончать. <...> Нам нужна литература бодрых людей...»[1].

В конце 1926 г. была найдена новая форма актуализации фигуры массового читателя в литературном, и шире — культурном процессе советской России (для театра и кино — это зритель). 11 января 1927 г. «Рабочая газета» сообщила о подготовке и проведении масштабного и уникального мероприятия:

> «В субботу, 15 января, в 6 час. вечера, в Голубом зале Дома Союзов состоится первое совещание рабочих-читателей. <...> Цель его — выявить запросы и интересы рабочего в отношении книги. Прибудут на это совещание рабочие-читатели из различных библиотек. <...> Совещание будет носить дискуссионный характер; оно должно выяснить: что привлекло рабочего в романе, рассказе, повести и т.п., описание ли быта и жизни рабочего класса, откровенное обсуждение острых вопросов быта, языка книги и т.д. Рабочие-читатели должны сказать свое веское слово о положительных и отрицательных моментах в творчестве наших современников и о формах творчества. Самое интересное, что на совещании будут присутствовать ряд современных писателей и представителей издательств. Ожидается крупный “бой” за книгу: “Какая книга нужна рабочему читателю”? Рабочий читатель скажет, кто лучший писатель теперь, кого из старых писателей нужно переиздавать. <...> Делегаты подбираются из числа любителей старой беллетристики, или любящих читать “про старое”, или вообще отрицательно относящихся к новой литературе, любящих книгу “без политики”, и наоборот, читающих новую социальную

---

[1] Цит. по: О писательской этике, литературном хулиганстве и богеме / сб. статей под редакцией А. Жарова. Л., 1927. С. 12–13.

литературу и т.д.» Обещалось, что, если результаты совещания окажутся положительными, то подобные съезды читателей будут созываться регулярно — два раза в год»[1].

Инициатором масштабной читательской конференции выступил Московский городской совет профессиональных союзов (МГСПС). 18 января «Рабочая газета» напечатала обстоятельный анализ этого «многолюдного собрания» — 500 человек, на котором «впервые за последние годы читатель-массовик выступил и сказал свое слово по злободневному вопросу — о старой и новой литературе». Развернутая Я. Шафиром, одним из авторитетных исследователей массового читателя, картина суждений читателя-массовика резюмирована им в нескольких подчеркнутых тезисах.

1) *«Читателю не нравится новая литература»*: «Почти все читатели высказались против новой литературы, подвергнув ее жестокой критике. Центральный пункт всех выступлений — новая литература неинтересна, не захватывает, не волнует. Много горьких истин пришлось выслушать маленькой группе новых писателей, присутствующих на совещании. Принято думать, что рабочему интересно читать про рабочую жизнь, крестьянину про деревню. Читатели рабочие усиленно подчеркивали, что им неинтересно читать только про себя. Тов. Приходько (кожевник) объяснил свое пристрастие к старой литературе тем, что он в книжке ищет отдыха, развлечения. Новая литература ему рассказывает про рабочую жизнь. Ему же не хочется и во время отдыха думать о том, чем голова занята весь день. Старая литература показывает ему неизвестное, жизнь людей, которые на него не похожи. В книге ищешь неизвестное, а новая дает то, что оскомину набило. Тов. Приходько указывает, что буржуазная идеология классиков для него неопасна. Наоборот. Искаженное карикатурное изображение жизни низов всегда у него вызывает мысль: вот как они размалевывают нашего брата. На эту же тему говорили и другие ораторы».

2) *«Книга не дает ответа на больные вопросы»*: «Убийственную характеристику ряда новых авторов дали тт. Молотов, Дынина (фабрика искусственного шелка), Гимельштейн (металлист) и друг. Наши книжные магазины переполнены, а читать нечего. Читаешь новых авторов (в виде примера приводили Либединского, Неверова, Андрея Соболя и др.) и устаешь от них. Классиков давно читали, а в голове остались. “Этих” (про новых) читали

[1] Рабочий о книге // Рабочая газета. 1927. 11 янв. С. 6.

недавно, а забыли». Присутствовавшие на конференции писатели (называются А. Серафимович, Н. Ляшко) выступали в прениях, признавали факт отрыва писателя от читателя и «защищались» (главка «Писатели защищаются»).

Подводя итоги читательской конференции, Я. Шафир отмечал, что не во всем нужно соглашаться с суждениями рабочего читателя, однако, при всех оговорках, необходимо признать:

«*Становится совершенно ясным, что между читателем и писателем зияющая пропасть,* что тут перед нами один из “проклятых” вопросов сегодняшнего дня»;

«Вопросы изучения читателя должны быть поставлены возможно скорее, не в порядке случайных совещаний случайных читателей, а организованно, обдуманно, планомерно»[1].

Сообщения о прошедшем читательском съезде появились также в других газетах и журналах, они были выдержаны не в столь категорических оценках, однако в целом вывод был общим — писатели не имеют права игнорировать мнение пролетарского читателя:

«Рабочий прямодушен: за хорошее похвалит, за плохое побьет. <...> Часто мы чересчур привередливо относимся к своей новой литературе. А ведь наша литература богаче и лучше заграничной. Если что-либо читателю не нравится, он должен прямо заявлять писателю, как это было на первом совещании»[2];

«Рабочий-читатель подошел к современному писателю и прямо без обиняков сказал ему: — Вот вы пишете, а мы читаем и все же мы... словно чужие друг другу. Словно два отдельных лагеря “вы” и “мы”. Но этого мало. Благодаря тому, что вы пишете обрывисто и выдумываете разные непонятные нам словечки, от ваших книг мы устаем, а прочитавши — быстро забываем. Поэтому, извините, — но большинство из нас предпочитают не новые, а старые книги. Не в обиду нашим писателям будет сказано, но так говорили почти без исключения все читатели, выступавшие на этом собрании. Да, их сочувствие оказалось на стороне старой

---

[1] *Шафир Я.* Суровый приговор рабочего читателя // Рабочая газета. 1927. 18 янв. С. 5. См. также: *Шафир Я.* Библиопсихология и вопросы изучения читателя // Печать и революция. 1927. № 2. С. 5–15.

[2] «Я здесь» (Совещание рабочих читателей) // Комсомольская правда. 1927. 18 янв. С. 4.

художественной литературы. <...> Таков голос, таков приговор массового рабочего читателя: он говорит прямо, без вывертов, не золотя пилюли»[1];

«Рабочий читатель современной литературой недоволен. Нет, конечно, единого рабочего читателя с единой установкой, даже на совещании выявились три типа читателя: а) ищущего забвения, б) требующего от литературы ответа на “проклятые вопросы” современности, в) добивающегося от художественной книги знаний. Все три типа осудили современную литературу. <...> Вопросы изучения читателя должны быть поставлены как можно скорее не в порядке случайных совещаний, а организованно, обдуманно, планомерно»[2].

Материалы читательского форума широко обсуждались в писательской среде и дали импульс к открытию ряда дискуссий (дискуссия «Писатель и читатель» в январе и феврале в ленинградской вечерней «Красной газете»), организационных инициатив, анкет для читателей, остроумных шаржей. 6 февраля «Рабочая газета» объявляет конкурс для читателей на написание последней главы повести К. Шильдкрета «Крылья холопа» и в последующих номерах печатает тексты читателей-писателей; также в газете печатаются коллективные письма из библиотек, материалы читательской конференции шоферов и других работников транспорта и т.п. «Вечерняя Москва» в еженедельной литературной странице («Наша литературная страница») выделяет специальный раздел «Голос читателя», который в марте-апреле заполняют ответы читателей, представляющих разные социальные группы — рабочих, служащих, молодежь — на вопрос «Какой вы хотели бы читать роман»[3]. 14 мая один из ведущих комсомольских прозаиков М. Колосов информировал о некоторых итогах работы пролетарских писателей по решению проблемы связи писателя с читателем: «*Массовая работа*. В массовой работе МАПП ставил себе задачу — приближение пролетарского писателя к современному читателю. За этот период было проведено 137 вечеров с аудиторией свыше 30 000 человек. 80% вечеров проходили в рабочих и

---

[1] *Черский П.* Читатель требует слова // Красная газета. 1927. Веч. вып. 24 янв. С. 4.

[2] *Шипов.* Рабочий читатель о новой литературе // Журналист. 1927. № 2. С. 49.

[3] См.: Вечерняя Москва. 1927. 26 февр. С. 3; 5 марта. С. 3; *Коган П.С.* Итоги (По поводу анкеты «Какой бы вы хотели читать роман») // Там же. 9 апр. С. 3.

рабкоровских аудиториях <...> С помощью МАПП были проведены 3 районные читательские конференции»[1].

К концу 1927 г. принимается государственное решение — о выпуске еженедельника «Читатель и писатель» (выходил в 1928 г.), призванного осуществить «смычку» современной литературы и читателя, «помочь массам разбираться в жизненных явлениях, отображаемых литературой»[2].

*

1928 год занимает особое место в нашей теме. Этот год можно назвать годом признания прав читателя. После жестокой дискуссии 1926 — 27 гг. об отношениях писателя и критики, в которой писатели разных группировок и организаций оказались единодушны в своей негативной оценке современной литературной критики[3], основное внимание переключилось на выяснение отношений между читателем и писателем. Разработкой проблематики этой темы занимается журнал «Читатель и писатель»; в самых разных изданиях активно печатаются высказывания писателей на тему их отношений с читателем. Журнал «Сибирские огни» продолжает публиковать сообщения А.М. Топорова о литературных чтениях и беседах в селькоммуне «Майское утро»[4], а газета «Известия» печатает восторженную статью одного из ведущих своих журналистов о коммуне «Майское утро» с рассказом о читателях-крестьянах и опыте коллективных чтений и обсуждений крестьянами произведений русской и мировой классической литературы и произведений современных писателей:

> «Живу, смотрю, вижу, но обнять все видимое и переживаемое не могу. Не вяжется это с тем, что я знал до сих пор о нашей деревне! <...>
>
> Белинские в лаптях!

---

[1] *Колосов М.* МАПП перед пятой губконференцией // Вечерняя Москва. 1927. 14 мая. С. 3.

[2] Читатель и писатель. Еженедельник литературы и искусства. 1927. 24 дек. С. 5.

[3] Материалы дискуссии о критике 1926–1927 см.: *Корниенко Н.* «Нэповская оттепель»: Становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 331–481.

[4] См.: *Топоров А. М.* Деревня в современной художественной литературе // Сибирские огни. 1927. № 6; 1928. № 1, 2.

Невероятно, но факт. В сибирской глуши есть хуторок, жители которого прочли огромную часть иностранной и русской классической литературы. Не только прочли, а имеют о каждой книге суждение, разбираются в литературных направлениях, зло ругают одних авторов, одни книги, отметая их, как ненужный вредный сор <...> словом, являются не только активными читателями, но и строгими критиками и ценителями»[1].

К отзывам крестьян коммуны «Майское утро» мы еще вернемся.

В нашей теме 1928 год имеет особый статус, ибо в этот год публикуются первые книги романа «Тихий Дон», с которым к Шолохову приходит всесоюзное признание. В № 1–4 журнала «Октябрь» печатается 1-я книга, в № 5–10 — 2-я книга романа. Отдельные издания романа выходят в издательстве «Московский рабочий» и в журнале «Роман-газета»; фрагменты романа печатаются в «Журнале крестьянской молодежи» (№ 5–7), «Огоньке» (№ 6), «Вечерней Москве» (28 февр., 16 окт.), «Комсомольской правде» (24 нояб.)[2].

О том, что с «Тихим Доном» в современную литературу ворвался «писатель особенный, ни на кого не похожий, — со своим собственным лицом», — скажет А. Серафимович в статье, опубликованной 19 апреля в газете «Правда». О «Тихом Доне» как романе, имеющем «ряд неоспоримых выдающихся достоинств», говорит Вяч. Полонский в статье во второй по статусу центральной газете «Известия»:

«Эпический размах, знание среды, талант живописца делаются явными с первых же страниц; все это <проявляет ?> в Шолохове художника большой силы, которому если чего недостает, так разве лишь умения прессовать свой материал, освобождая его от всего лишнего. Сейчас еще рано говорить о всей эпопее, — она не закончена. Но и то, что Шолоховым написано, является большой радостью советской литературы»[3].

«Комсомольская правда» среди семи лучших книг пролетарской литературы 1928 г. называет «Тихий Дон». Публикуемый в

---

[1] *Аграновский А.* Генрих Гейне и Глафира (Из тетради разъездного корреспондента) // Известия. 1928. 7 нояб. С. 3.

[2] См. об этом: *Летопись.* С. 36–38.

[3] *Полонский Вяч.* Октябрь и художественная литература // Известия. 1928. 7 нояб. С. 4.

газете фрагмент романа сопровождается кратким представлением его автора:

> «Имея дело с разнообразнейшим человеческим материалом, Шолохов идет по линии наибольшего сопротивления. Он дает своим героям право полного высказывания, полной свободы в поступках. Он может наделить Мелехова чисто звериными инстинктами, а генерала Листницкого вывести по-своему порядочным человеком, но сила первого и убожество второго будет всегда чувствоваться читателем. В этом — искусство настоящего художника. Вот отрывок из романа»[1].

Любопытный материал дает «Рабочая газета», на страницах которой в августе — октябре разворачивается непростой диалог А.М. Горького с читателями газеты вокруг проекта журнала «Наши достижения»: газета печатает критические высказывания рабочих московских заводов в адрес горьковской инициативы. Парадоксальность ситуации состояла в том, что идеи главного пролетарского писателя не разделяли не некие мещане, «механические граждане СССР», а тот живой пролетариат, идеологом которого Горький был назначен официально именно в 1928 г. 13 октября «Рабочая газета» печатает заметку «Отъезд Горького за границу», а 17 октября — подводит итоги дискуссии вокруг горьковского журнала, правда, уже без открытых выпадов в сторону Горького. Ответ Горькому газета даст в другом материале. В этом же номере газеты целая страница «Бейте книгой бескультурье» посвящена рабочим библиотекам, а среди пролетарских писателей, книги которых в библиотеках требуют особенно часто, нет Горького, а на первом месте оказался автор романа «Тихий Дон».

Все писавшие о романе в 1928 г. формулировали особо тревоживший их вопрос, *что* впереди в пути главного героя романа, по сути дела, не оставляя выбора его автору:

> «И все-таки его (автора романа) жадно подкарауливает гибель.
>
> С молоком матери он всосал родную синеющую степь, родной донской говор, навеки с детства запечатлел родные казачьи лица, тончайшие движения их ума и сердца, и чудесно все это зазвучало со страниц журнала.
>
> Ну, а дальше? Дон исчерпан. Исчерпано крестьянство в своеобразной казачьей общине. И если молодой писатель не пойдет в

[1] Комсомольская правда. 1928. 24 нояб. С. 4.

самую толщу пролетариата; если он не сумеет так же удивительно впитать в себя лицо рабочего класса, его движения, его волю, его борьбу, — если не сумеет этого сделать, погиб народившийся писатель. Если не сумеет всосать в себя великое учение коммунизма, проникнуться им, погиб писатель»[1];

«Шолохов — писатель одной и достаточно узкой темы. Эта тема — донское казачество, его труд и борьба, казацкие песни, степные просторы и кони. <...> Мы еще не знаем, чем кончит Григорий (роман еще не закончен), но, по всей видимости, автор ведет его к коммунизму»[2];

«Интересно, как дальше поведет свое повествование Шолохов. До сих пор перед нами, так сказать, только звериный Дон, со всеми яркими особенностями его быта, с необычайно богатой, богатырской, неуемной его кровью. Но Шолохов оставляет своего героя в момент внутреннего перерождения, в момент перехода к широким революционным мыслям и чувствам, зародившимся в нем в результате войны и соприкосновения с передовыми солдатами армии»[3].

К сожалению, оригиналами отзывов читателей о «Тихом Доне» 1928 г. и последующих четырех лет мы в настоящее время не располагаем. Возможно, они еще не выявлены. Правда, известно, что письма с отзывами первых читателей романа отсылались автору романа в Вешенскую. Свидетельство об этом оставила Е.Г. Левицкая:

«Вышла первая книга “Тихого Дона” в мае-июне 1928 г. Я тотчас же поставила ее на обсуждение в библиографической комиссии Главполитпросвета — она прошла с высшей нашей рекомендацией — две звездочки. Посылая очередные рецензии, я присоединила к ним коротенькую записочку по поводу обсуждения “Тихого Дона” в комиссии. Шолохов ответил очень дружеским письмом...»[4].

Общую картину откликов читателей 1928 г. на «Тихий Дон» мы частично можем реконструировать по печатным материалам.

---

[1] *Серафимович А.* Тихий Дон // Правда. 1928. 19 апр. С. 6.

[2] *Машбиц-Веров И.* Михаил Шолохов // Новый мир. 1928. № 10. С. 215, 229.

[3] *Луначарский А.* Литературный год // Красная панорама. 1929. № 1 (1 янв.). С. 5; *Летопись.* С. 43.

[4] Цит. по: *Летопись.* С. 39.

На страницах журнала «Читатель и писатель» широко представлены высказывания писателей на тему их отношений с читателями. Трудно сказать, почему не спросили автора самой читаемой в 1928 г. книги, а может быть, спросили, но Шолохов не захотел отвечать... Ценность представляет публикация письма-отзыва, пришедшего с Донщины, и контекст, в который этот крестьянский отклик на «Тихий Дон» помещается:

«*С. Гузь (с. Николаевка, Херсонщина)*. Много не читаю. Времени свободного мало. Но самое главное в литературе художественной, не пропускаю мимо. Читал “Вор”, “Цемент”, “Виринею”, “Наталью Тарпову”, “Луну с правой стороны” и многое другое. Не удовлетворяет меня все это. В сельбуде, в кружке библиотечном, читали и обсуждали многое, но тоже не удовлетворены. Читаешь, читаешь, а настоящей жизни нет. Многое непонятно, а многое просто противно, потому что писатели язык ломают (по-крестьянски так даже и не говорят, как они пишут) и быт наш выдумывают по-своему. Думаю, что и с городским рабочим бытом они точно так же плохо знакомы, а только хвастают. Хотел бы почитать что-нибудь настоящее, о настоящих людях с переживаниями и думами, а не о таких “агитационных”, как существующие в литературе. Побольше о жизни рабочих, только всамделашных, а не выдуманных. <...>

В. Павлов (с. Буденовка, Донщина). Недавно читала учительница в школе “Тихий Дон” Шолохова. Слушать пришли много казаков. И, действительно, правда. Все как настоящее. Люди, как живые. Как будто с нашей Буденовки списано и с крестьян наших. Вот такие книги — факт — хороши. <...> А то читаешь “Цемент” — или вроде него — скучища и не понять ничего»[1].

Самая большая читательская почта о «Тихом Доне» была в 1928 г. у журнала «Роман-газета», ставящего своей главной задачей «продвижение лучших художественных произведений к самым широким массам низового провинциального читателя» и поэтому имеющего самые большие тиражи. В 1928 г. журнал провел анкету среди читателей журнала; социальный состав отвечающих на анкету был весьма репрезентативным: 45% — служащие, 23% — рабочие, учащиеся — 11%, красноармейцы — 5%, крестьяне — 2%, прочие и неуказанные — 14%. Опубликованные данные по анкетам читателей журнала (здесь уже были напечатаны

---

[1] *Горхов В.* Литературные запросы деревни // Читатель и писатель. 1928. № 43. 28 окт. С. 4.

28 современных писателей, среди них прозаики Горький, Фадеев, Новиков-Прибой, Либединский, Эренбург) дали следующую картину. По всем читательским группам в ответе на вопрос анкеты «Какие произведения, напечатанные в “Роман-газете”, понравились?» — «на первом месте идет “Тихий Дон” Шолохова», роман в библиотеках «читается всеми группами». И еще скупая статистика: «Для некоторых произведений тираж (150 000) оказался недостаточным (напр., Шолохов “Тихий Дон”) и пришлось давать добавочный тираж в 30 000 экз.»[1]. В журнал приходила и почта читателей с отзывами на «Тихий Дон», о чем пишет Е. Левицкая в статье «Читатель в роли критика». Размышляя на тему статуса читательского отзыва-письма, подчеркивая, что надо весьма осторожно подходить к читательским отзывам, прежде всего необходимо четко и ясно определить, к какой читательской группе относится дающий отзывы читатель, Левицкая дает краткое резюме проведенного анализа отзывов читателей на современные книги: «Лучшее произведение нашей пролетарской литературы нынешнего года — “Тихий Дон” Шолохова — читатели всех читательских групп наравне с критикой дают хорошие отзывы»[2].

Левицкая пересылала в Вешенскую не только рецензии критиков, но и письма читателей. Об этом мы знаем из признательных писем автора «Тихого Дона»:

> 25 августа: «...радуюсь тому, что “Тихий Дон” находит столь звучный отклик и у Вас, и у Игоря, и у тех остальных моих читателей, с коими связан я невидимыми нитями, идущими из — или через — “Тихий Дон”. Вот это меня искренне радует!»[3];
>
> 31 октября: «Получаю рецензии с Вашими отметками, письма — и моя признательность растет. Право, я уже и так чувствую себя перед Вами должником»[4].

Осенью 1928 г. пролетарские писатели проводят многочисленные встречи с читателями, Шолохов принимает участие в двух из них, но «голос читателя» с этих диспутов до нас практически не дошел. Скудные читательские отклики на «Тихий Дон» мы находим в отчете о поездке (октябрь) группы пролетарских писателей

---

[1] *Левицкая Е.* Опыт изучения читательских интересов (По данным анкеты читателя «Роман-газеты») // На литературном посту. 1929. № 2. С. 46–49.

[2] *Левицкая Е.* Читатель в роли критика // Там же. 1929. № 6. С. 68.

[3] *Письма.* С. 25.

[4] Там же. С. 28.

и критиков по городам Урала; цель поездки: «...ознакомление и привлечение внимания широких читательских масс к пролетарской литературе путем докладов, бесед, чтения своих произведений, ответов на вопросы». Самое интересное в опубликованном отчете — это вопросы читателей рабочих, среди которых названы и вопросы о Шолохове:

> «Что хотел Гладков в “Цементе” выразить типом Даши?»;
>
> «Скажите подробно о Шолохове. Думает ли он окончить “Тихий Дон”?»;
>
> «Для чего пишутся футуристические стихи?»;
>
> «Зачем Горький в романе “Жизнь Клима Самгина” описывает жизнь каких-то скучных людей? И написан роман скучно»;
>
> «У Шолохова <в> “Казачестве на войне” есть места о половых отношениях, как-то: анекдот о тесте <sic!> и снохе, изнасилование кулаками женщины, откровенное признание Дарьи о половом влечении... Как читать такое произведение» [1].

Шолохов, как мы знаем, начал печататься с 1923 г., в 1926 г. вышла книга рассказов, однако особого внимания критики писатель не удостоился. Всесоюзная известность приходит к нему в 1928 г. с публикацией «Тихого Дона». Известность, можно сказать, обрушилась на писателя — рецензиями на роман из разных писательских лагерей, а также письмами читателей. В письме А.И. Серегину от 17 января 1929 г., Шолохов так резюмирует пришедшую к нему славу:

> «Читаю рецензии и с трудом дочитываю, потому что испытываю легкие приступы тошноты. А тут письма. Очень много писем, из числа которых есть и такие: грубо-бесцеремонные, наглые, самоуверенно-идиотские письма, в которых люди пытаются, сморкаясь и грязня ногами, влезть тебе в душу <...> и милостиво берутся обогащать тебя!» [2]

Говоря о 1928 годе, необходимо сказать и об общей политической и культурной ситуации. С масштабным празднованием

---

[1] *Тихонов В.* Опыт литературной поездки по рабочим районам // На литературном посту. 1929. № 6. С. 71–76. Под заглавием «Казачество на войне» (с предисловием А. Серафимовича) в «Роман-газете» (М.: Московский рабочий, 1928) печаталась 2-я книга (ч. 3) «Тихого Дона».

[2] «Дорогой Сашенька...» Письма М.А. Шолохова М.А. Сергину // Мир Шолохова. 2015. № 2 (4). С. 212.

10-летия Октябрьской революции осенью 1927 г. завершался восстановительный период (нэп), страна вступала во второе советское десятилетие и в новый — «реконструктивный период», в первый год пятилетки. XV съезд ВКП(б) (декабрь 1927 г.) принимает директивы по составлению первого пятилетнего плана, резолюции «О работе в деревне» и «Об оппозиции». В качестве «очередной практической задачи нашего строительства в деревне» ставился «перевод распыленных крестьянских хозяйств на рельсы объединенных, крупных хозяйств...», «преодоление капиталистических элементов в деревне»[1]. Без решения этих задач, констатировал съезд, невозможно ускорение темпов индустриализации. Отдельным пунктом в политическом отчете стоял вопрос «о культурном развитии страны» и «О ленинском лозунге насчет культурной революции»: «... усилить борьбу за культурный подъем рабочего класса и трудящихся слоев крестьянства»[2].

1 января 1928 г. газета «Известия» информировала страну, что выполнение «основного решения» партийного съезда по сельскому хозяйству — «переход от мелкого и мельчайшего индивидуального хозяйства к крупному» является «лучшим методом изживания капиталистических элементов деревни»[3]. Таким образом, сплошная коллективизация была призвана решить не только экономические, но и идеологические задачи советизации крестьянства.

С января 1928 г. едва ли не главным в государственном строительстве стал «вопрос о хлебозаготовках»: план хлебозаготовок 1927 г. не был выполнен; деревня, включая колхозы и индивидуальные хозяйства, как кулаков, так и середняков и даже бедняков, отказывалась сдавать хлеб государству по низким ценам, образовался дефицит в заготовках; в городах начались перебои с хлебом. Тема выполнения плана хлебозаготовок выходит на первые страницы центральных газет, а вместе с ней все чаще звучит лозунг обострения классовой борьбы в деревне. С января в газетах открываются постоянные рубрики «Как идут хлебозаготовки», сообщается о срыве хлебозаготовительной кампании в областях и губерниях страны, саботаже кулака и борьбе с кулаком как «злостным дезорганизатором заготовок»; с февраля в газетах появляется новая рубрика «Сто седьмая в действии» о массовом применении 107 статьи УК за спекуляцию хлебом, идущих судах над кулаками,

[1] Политический отчет Центрального Комитета // *Сталин И.* Сочинения. Т. 10. М., 1949. С. 309.

[2] Там же. С. 323.

[3] За крупное коллективное земледелие [Ред. статья] // Известия. 1928. 1 янв. С. 1.

приговорах о заключении в лагеря и конфискации имущества и т.п.[1] «Только путем применения этой статьи, после ряда агитационно-разъяснительных мероприятий со стороны советского и партийного аппарата на местах, нам удалось отколоть середняка и бедняка от кулака, изолировать последнего. Классовая борьба, которая происходила вокруг повышения цен на хлеб, по сути своей была борьбой диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты с кулачеством»[2], — отмечалось в выступлении наркома земледелия РСФСР Н.К. Кубяка на Всероссийском съезде колхозов. На выполнение главных решений XV съезда направлены проходящие весной 1928 г. Всероссийский и Всесоюзный съезды колхозов, принятие «Проекта закона об основных началах землепользования и землеустройства», которым объявлялись «национализация земли» и проведение землеустройства «в интересах коллективизации и кооперирования»[3].

После разгрома левой (троцкистской оппозиции — осень-зима 1927 г.) в 1928 г. обозначилась новая — «правая» — опасность. С «правой» опасностью связан первый крупный политический процесс «Об экономической контрреволюции в Донбассе», вошедший в историю как «Шахтинское дело», или «Шахтинский процесс»; он проходил в Москве в Колонном зале Дома Союзов с 18 мая по 6 июля 1928 г. и широко освещался в центральных и губернских газетах. На скамье подсудимых оказались руководство и инженеры треста «Донуголь», в основном «старая» («буржуазная») техническая интеллигенция, которая обвинялась в сознательном классовом характере вредительства, имеющем своей целью вызвать кризис в каменноугольной промышленности, а также в связях с белоэмигрантами. По приговору Верховного суда 11 обвиняемых были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу, 4 оправданы; остальные приговорены к лишению свободы на разные сроки[4].

«Шахтинское дело» стояло отдельным вопросом в повестке апрельского пленума ЦК ВКП(б). На этом же пленуме был выдвинут «лозунг критики и самокритики», объявленный центральным

---

[1] См., например: «Кулак ждет весны — вздувает цены. 107-я статья заставит везти хлеб» (Комсомольская правда. 1928. 25 февр. С. 2); «Сто седьмая в действии» (Известия. 25 февр. С. 3); «За спекуляцию хлебом — 107 статья» (Там же. 26 февр. С. 3) и др.

[2] Колхозное строительство. Третий Всероссийский съезд колхозов. 24–30 мая 1928 года. Стенографический отчет. М., 1929. С. 122–123.

[3] III сессия ЦК Союза ССР IV созыва // Известия. 1928. 25 апр. С. 2.

[4] Подробно см.: Шахтинский процесс 1928 г.: в 2 кн. М., 2010.

лозунгом дня, который призван послужить решительному вовлечению масс в дело социалистического строительства, «развить критику наших недостатков снизу», «сделать критику массовой», «поднять культуру рабочего класса, развить в нем чувство хозяина страны»[1] и т.п. В центральных и губернских газетах появляются специальные рубрики: «Развернем критику сверху донизу и снизу доверху», «Самокритику в массы» и т.п.

На фронте культурной революции выполнение решений XV съезда и задачи реконструктивного периода сформулировал Н. Бухарин. Он подчеркнул, что, следуя ленинской концепции культурной революции, «на первый план, с точки зрения культурной работы, рабочий класс и партия поставили массу»: «Масса стоит у нас в фокусе нашей культурной работы, и центр тяжести ее лежит именно здесь». На этом пути, утверждает Бухарин, «мы сделали очень значительные завоевания в работе среди масс» и «культурность масс поднялась», потому что все завоевания партии шли «по линии переделки масс», «по линии переделки и выработки кадров»; среди очевидных завоеваний ленинского плана культурной революции также названа и литература («...новая литература, очень близко к нам стоящая, у нас в значительной степени уже народилась») и «решительный перелом» в театре (названы «Мятеж», «Бронепоезд 14-69», «Любовь Яровая», «Разлом»). В докладе были сформулированы ближайшие задачи на фронте культурной революции, главным объектом которой оставалась все та же «масса»[2].

Безусловно, общий политический контекст 1928 г. проявил себя в усилении позиции ВАПП (с 1928 — РАПП) в общем литературном процессе, одновременно обострив размежевание в пролетарском движении и борьбу за массового читателя. Лозунг «критики снизу» придал особый статус фигуре читателя, который теперь приходилось учитывать как «критику снизу».

Размежевание в пролетарском лагере, если смотреть на него через политический контекст, особенно ярко проявит себя в 1929 г. отношении к «Тихому Дону». Сначала журнал «Октябрь» начинает изымать из текста новых глав романа большие фрагменты (№ 3), затем и вовсе отказывается печатать 3-ю книгу, главным событием которой является Верхнедонское (Вёшенское)

[1] *Сталин И.* Сочинения. Т. 11. М., 1952. С. 34, 36.

[2] *Бухарин Н.* Ленинизм и проблема культурной революции (Речь тов. Бухарина на траурном заседании памяти Ленина) // Известия. 1928. 27 янв. С. 3–4.

восстание 1919 г., а Мелехов так и не обрел правильного понимания коммунизма. С марта раскручивается тема плагиата; со стороны РАППа и страниц пролетарских изданий *весь* 1929 г. звучат политические в своей основе обвинения автора «Тихого Дона» в идеализации прошлого, кулачества и белогвардейщины, в игнорировании принципа классовости и т.п.

В 1929 г. несколько раз Шолохов встречается с читателями, но до нас дошли лишь простые протокольные сообщения или воспоминания[1]. Единственным полноценным документом о встрече автора «Тихого Дона» с его читателями является статья о конференции журнала «Роман-газета», на которой авторы журнала встречались с читателями московских заводов, красноармейцами, служащими, студентами. Объявление о конференции 30 марта дала «Комсомольская правда»[2]. Конференция продемонстрировала «органическую связь рабочего-писателя и читателя» (выступление А. Фадеева). Здесь встретились, сообщал автор отчета, «три стороны своеобразного треугольника: издатели, писатели и читатели. Тысяча четыреста сорок рабочих читателей пришли на конференцию. < ...> пришли поговорить “по душам” с пролетарскими писателями, сказать им, чего они от них требуют. До конференции было проведено сорок вечеров по цехам».

Судя по статье-отчету, самым обсуждаемым произведением, опубликованным «Романом-газетой», стал на конференции «Тихий Дон», и дискуссия развернулась именно о романе Шолохова:

> «Товарищ Тюряков с завода “АМО”, анализируя образ Григория Мелехова из шолоховского “Тихого Дона”, отвечая тем выступавшим, которые недоумевали, почему Мелехов не идет прямым путем к коммунизму, говорил: “Возьмите тип Григория Мелехова, это колеблющийся революционер, который еще не порвал со своей средой и не искоренил все свое воспитание. Кое-что он сознает, кое-что не понимает, и вполне понятно, что среди казачества в то время революционера быть не могло. Если бы Шолохов нарисовал такого всестороннего, все понимающего революционера, то он дал бы ложный тип. Те колебания, которые мы замечаем в нем, вполне понятны и рисуют людей из казачества, которые начинают понемножку сознавать свое человеческое достоинство”.
>
> Характерно, что сам Шолохов, отвечая на многочисленные вопросы, сказал о Григории почти то же, что и т. Тюряков: “Това-

---

[1] См.: *Летопись*. С. 52.

[2] Информация дается по: *Летопись*. С. 50.

рищи из предприятий задавали ряд вопросов, почему Григорий Мелехов, основной герой «Тихого Дона», этакий шаткий. Естественно, Григорий в моем мнении является своеобразным символом середняцкого донского казачества. Те, кто знает историю гражданской войны на Дону, кто знает ее ход, знают, что не один Григорий Мелехов и не десятки Григориев Мелеховых шатались до 1920 года, пока этим шатаниям не был положен предел. Я беру Григория таким, каким он есть, таким, каким он был на самом деле, поэтому он шаток у меня, но от исторической правды мне отходить не хочется".

Рабочий-читатель Тюриков и пролетарский писатель Шолохов вполне поняли друг друга»[1].

Летом 1929 г. можно отметить начало эпистолярного диалога Шолохова со Сталиным, темой которого становится не судьба все еще не опубликованной 3-й книги, а трагические события в донских станицах — шествующий по стране «великий перелом» (так коллективизация будет названа в статье И. Сталина, опубликованной 7 ноября 1929 г.):

«...вот уже полтора месяца, как творятся у нас нехорошие вещи. Я втянут в водоворот хлебозаготовок (литературу побоку!), и вот верчусь, помогаю тем, кого несправедливо обижают, езжу по районам и округам, наблюдаю и шибко "скорблю душой". <...>

Жмут кулака, а середняк уже *раздавлен*. Беднота голодает. Имущество, вплоть до самоваров и полостей, продают в Хоперском округе у самого истового середняка, зачастую даже маломощного. Народ звереет, настроение подавленное, на будущий год посевной клин катастрофически уменьшится. <...> Вновь возвращается 1921 г. <...>

У него продали *все*, вплоть до семенного хлеба и курей. Забрали тягло, одежду, самовар, оставили голые стены дома. Он приезжал ко мне еще с 2 б<ывшими> кр<асноармей>цами. В т-ме Калинина они прямо сказали: "Нас разорили хуже, чем нас разоряли в 1919 г. белые". А в разговоре со мной горько улыбался. "Те, — говорит, — хоть брали только хлеб да лошадей, а своя родимая власть забрала до нитки. Одеяло у детишек взяли. <...>"

А что творилось в апреле, в мае! Конфискованный скот гиб на станичных базах, кобылы жеребились, и жеребят пожирали сви-

---

[1] *Ис<бах> Ал.* Читатели говорят // На литературном посту. 1929. № 7. С. 43–44.

ньи (скот весь был на одних базах), и все это на глазах у тех, кто ночи не досыпал, ходил и глядел за кобылицами... После этого и давайте говорить о союзе с середняком. <...>

О себе что? Не работаю. Уезжаю завтра в Ростов. Подавлен»[1].

В письме Левицкой от 31 июля он уточнит:

«Если я писал, что “теперь литературу побоку”, то под этим не мыслил “уход” из литературы, дезертирство, а просто временное «оставление». Работал же я (это ведь Вас смущало?) в качестве ходатая, а не... бандита. И не от с/сов<ета>, а от себя. Приходит “дядя” –я ему пишу и даю совет»[2].

Но отвлечься от литературных дел Шолохову не позволяла и родная пролетарская критика, которая попытается, не без успеха, вписать Шолохова в громкую кампанию августа– сентября 1929 г., связанную с «делом» Пильняка и Замятина. В августе сибирский журнал «Настоящее» печатает статью А. Курса с говорящим заглавием «Почему “Тихий Дон” понравился белогвардейцам?», на заседании комфракции РАПП рассматривается «Дело Шолохова» и вновь в адрес «Тихого Дона» звучит: «идеализация кулачества», «воспоминание белогвардейца», а в адрес его автора: «писатель не пролетарский»; в сентябре — статья «Творцы чистой литературы» Н. Прокофьева в ростовской газете «Большевистская правда» с политическим обвинением — ходатай по делам кулаков; на дискуссии в РАППе вновь говорят об идеализации Шолоховым кулачества и белогвардейщины[3]. Шолохов требует расследования фактов, приведенных в статье Н. Прокофьева. Критик И. Макарьев, возглавивший комиссию СКАПП (Северо-Кавказская ассоциация пролетарских писателей), сообщает В. Ставскому (в это время секретарю СКАПП и главному редактору ростовского журнала «На подъеме»), что, по первому впечатлению от встречи с Шолоховым, «это наш советский человек. Но человек этот — отчаянно отсталый, политический неграмотный, много не понимает и ошибок действительно может натворить сколько угодно», что «большой нашей (и Москвы, и Ростова) ошибкой было то, что мы предоставили

---

[1] *Письма.* С. 34 — 36. Цит. фрагменты письма Шолохова Е. Левицкой от 18 июня — 2 июля 1929 г., которое она перешлет главе государства.

[2] Там же. С. 39.

[3] *Летопись.* С. 55.

его самому себе. Никакого нашего влияния <...> на него не было и нет. Как это влияние обеспечить?»[1].

Пройдет почти 10 лет, и уже ставший руководителем Союза писателей СССР В. Ставский в письме главе государства будет давать Шолохову те же характеристики — «его метания, его изолированность (по его вине), его сомнения вызывают серьезные опасения»[2] — и формулировать тот же, что в письме Макарьева, вопрос, как «обеспечить» влияние Москвы на Шолохова.

Год 1929-й заканчивался торжеством пролетарской литературы, точнее, РАПП. Пролетарские писатели и теоретики — после выступления Сталина со статьей «Год великого перелома» (7 ноября 1929 г.) начинают обсуждать принципиально новую ситуацию в литературе, которая, по их убеждению, должна быть закреплена в новом партийном постановлении. «Вечерняя Москва» запускает анкету «Какой должна быть новая резолюция ЦК о художественной литературе». Отвечающие на анкету критики и писатели пытались сформулировать основные положения партийного документа, который должен был сменить устаревающую резолюцию 1925 г. В условиях «обострения классовой борьбы и реконструкции экономики» новая резолюция «должна четко поставить вопрос о борьбе с правыми тенденциями в литературе», наконец-то разобраться с попутчиками, поставить в повестку дня вопрос о «постепенной пролетаризации литературы, об отмирании социально-чуждой литературы (новобуржуазной, правопопутнической), в подтягивании остальной литературы к пролетарской», а также навести идеологический порядок в самой пролетарской литературе. Один из ведущих теоретиков Комакадемии И.М. Беспалов предложил не путать в пролетарской литературе ее организационные (РАПП) и идеологические формы. Эта путаница, на его взгляд, проявила себя во многих ошибках, в том числе в причислении Шолохова к пролетарским писателям: «...он пролетарский не по своей идеологии, а лишь по своей принадлежности к пролетарской организации»[3]. Точнее не скажешь.

---

[1] Письмо И.С. Макарьева В.П. Ставскому. 13 октября 1929 г. // Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. Т. 1. 1925 — июнь 1941 г. М., 2010. С. 90–91.

[2] Письмо В.П. Ставского И. В. Сталину. 16 сентября 1937 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы. 1917–1953. М., 1999. С. 383.

[3] Советский писатель — в шеренгу бойцов за социализм. Анкета «Вечерней Москвы» // Вечерняя Москва. 1929. 16 нояб. С. 2.

3. «ГОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА» В ЛИТЕРАТУРЕ И РАЗГРОМ «ТОПОРОВЩИНЫ»

Эх ты, масса, масса! Трудно организовать из тебя кулеш коммунизма! И что тебе надо, стерве такой? Ты весь авангард, гадина, замучила!

А. Платонов, «Котлован» (1930)

«Год великого перелома» внес радикальные изменения в общественную и литературную жизнь 1930 г. Один за другим идут политические процессы; с классовым врагом борются прежде всего в деревне, где в строгом соответствии с принимаемыми постановлениями партии и правительства «О мерах по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» (от 30 января 1930г.), «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» (от 1 февраля), «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» (от 5 февраля), победно шествует вторая большевистская революция. Опубликованные в марте статья Сталина «Головокружение от успехов» (2 марта) и постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» (14 марта) не внесли радикального изменения в курс на сплошную коллективизацию. XVI съезд партии (июнь — июль) принимает курс на ускоренное выполнение пятилетки, выдвигает лозунги «Пятилетку в четыре года, «Наступление социализма по всему фронту», одобряет курс на ликвидацию кулачества и правой оппозиции. С июля один за другим следуют политические процессы по разоблачению классовых врагов и «правых» — среди экономистов-кооператоров (дело «Трудовой крестьянской партии», июль), в сфере снабжения (октябрь), инженеров (процесс «Промпартии», ноябрь-декабрь). На фронте культурного строительства 1930 год отмечен принятием двух «знаменательных резолюций» (от 25 июля 1930 г.): «Об очередных задачах культурного строительства в связи с итогами второго Всесоюзного партсовещания по народному образованию» и «О всеобщем начальном обучении». Ставятся задачи «приведения системы народного образования в соответствие с возросшими культурными запросами масс. <...> Всему делу культурного обслуживания масс должен быть придан новый размах, отвечающий темпам хозяйственного строительства»; задача «коммунистического воспитания

широких масс требует скорейшего проведения всеобщего обязательного начального обучения как важнейшей предпосылки культурной революции»; ЦК рассматривает «введение обязательного начального обучения» «как важнейшую политическую кампанию на весь ближайший период»[1]. Партийные постановления обсуждаются на секретариате РАПП — с участием представителей Наркомпроса, разрабатывается план мероприятий; писатели берут на себя «культшефство» над массовыми учебниками и журналами для школы, обязуются отразить в художественных произведениях культпоходы по борьбе с неграмотностью, «дать рифмованные лозунги»[2] и т.п. Стоит отметить, что пролетарские писатели и до партийного постановления обращались к проблемам школы, ведь там воспитывались будущие читатели: «Этого читателя должны завоевать пролетарские писатели, в противном случае его завоюют другие»[3]. На этом направлении зоркие рапповцы неустанно сигнализировали о неблагополучной ситуации. В школах страны, сообщала газета, сплошь старые учителя, а по классовому признаку это «букет лишенцев, проникших в школу»; так, в Саратове при обследовании школ выявилось, что в одной из школ «14 преподавателей из бывших дворян, колчаковских и деникинских офицеров, детей помещиков, попов и генералов», а дети читают старую детскую литературу, Чарскую[4] и т.д.

Говоря о планах культурной революции 1930 г., необходимо сказать и еще об одном грандиозном готовящемся событии, имеющем самое непосредственное отношение к русской литературе и ее языку. Речь идет о плане перевода русского языка на латиницу, над которым все двадцатые годы работала знаменитая Комакадемия, представляющая левый фронт во всех областях гуманитарного знания (в сентябре заявит свою программу объединение «Языкофронт», идеологически близкое «Лифронту», о котором речь пойдет далее). Эта программа готовилась давно и имела вполне резонное обоснование: славянская кириллица является «графической оболочкой той кастовой церковной письменности, которая возникла и развивалась в лоне и для надобностей православной церкви»; «Русский алфавит есть

---

[1] ЦК ВКП(б) о всеобщем обязательном начальном образовании [Ред. ст.] // *ЛГ*. 1930. 5 авг. С. 1.

[2] Писатели на передовые позиции всеобщего начального обучения // Там же. 1930. 15 авг. С. 3.

[3] *Коренев Г.* Дети — борцы за пятилетку. Мы боремся за читателя // Там же. 1930. 6 янв. С. 2.

[4] *Цейтлин Гр.* Об ученической литературе // Там же.

алфавит узконациональный, исторически связанный с русским империализмом, идеологически неприемлемый для других народов и тем самым не могущий иметь международного применения»[1]. Политический отчет XVI съезда давал новые аргументы для проведения в жизнь практически уже готовой реформы русского алфавита[2]. Предложенная в докладе И. Сталина «формула насчет национальных культур» определяла, с одной стороны, стратегическое направление — «расцвет национальных культур (и языков) в период диктатуры пролетариата в одной стране в целях подготовки условий для отмирания и слияния их в одну общую социалистическую культуру (и в один общий язык) в период победы социализма во всем мире», с другой — утверждала необходимость борьбы с правым и левым уклоном в этой области, прежде всего, с «великорусским шовинизмом», представляющим главную — «правую» опасность[3].

На литературном фронте 1930-й год обозначает себя таким массовым явлением как писательские бригады, которые отправляются — от всех писательских организаций! — в деревни и на стройки социализма[4]. Этим движением захвачены не только литературные объединения. «Рабис в деревню», «Пошлем в деревню агитбригады»[5] — под этими лозунгами формируются ударные бригады работников искусств, направляющиеся в деревню и на производство. Газеты и толстые литературные журналы заполняются очерками — «литературой факта»; одна другую сменяют разоблачительные дискуссии — о «Перевале», «социологической критике». Сражения разворачиваются и внутри пролетарского литературного лагеря: идущее с 1927 г. противостояние руководства ВАПП и «напостовского меньшинства» в 1930 г. переросло в открытую политическую борьбу вокруг дискуссии о творческом методе пролетарской литературы:

---

[1] *Сухотин А.* Латинизация нашей письменности. [Раздел «За международный алфавит»] // Там же. 1930. 13 янв. С. 2.

[2] См. об этом: Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология. М., 2001. С. 103–112, 561–562.

[3] *Сталин И.В.* Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б) // *Сталин И.* Сочинения. Т. 12. М., 1952. С. 370.

[4] *Третьяков С.* Построимся в бригады // *ЛГ.* 1930. 6 янв. С. 1.

[5] См.: Бригады в деревню // Рабис. 1930. № 2. С. 11; Рабис в деревне // Там же. № 4. С. 18; Искусство в деревню [Ред. статья] // Там же. № 5. С. 1; Социалистический город — деревне // Там же. № 6. С. 10; Эстрадники колхозам // Там же. № 7. С. 2; Боритесь за культпятилетку // Там же. № 17. С. 3; Рабисники на деревенском фронте // Там же. С. 15 и др.

«На литературном фронте происходят “большие” события. Отгремели дискуссии о переверзевщине, о “Перевале”. В жестокой “схватке” сцепились между собою представители “живого человека” и их противники. В принципиальные споры и групповые схватки вовлечен почти весь писательский мир. Кое-где (в особенности в Ленинграде) литературные организации в своих спорах апеллируют к рабочим массам в лице их литературных кружков»[1].

Базовые положения художественной платформы ВАПП (с 1928 г. — РАПП): «диалектико-материалистический метод в литературе», установка на реализм, «учеба у Л. Толстого», психологизм, концепция «живого человека», «теория непосредственных впечатлений» были атакованы в выступлениях оппозиционного «блока» на страницах центральных газет и журналов. Оппозицию руководству РАПП в 1930 г. составляли представители самых разных «левых» групп: писатели и критики ЛАПП (Г. Горбачев, Е. Мустангова, А. Горелов, А. Прокофьев, А. Камегулов, В. Саянов, Я. Ильин, Л. Грабарь), ленинградская «военная группа» во главе с Вс. Вишневским, критики и литературоведы подсекции коммунистической критики института ЛИЯ Комакадемии и Института красной профессуры И. Беспалов (в 1929 — 1930 гг. редактор журнала «Печать и революция»), И. Нусинов, М. Гельфанд, А. Зонин, В. Кин, Б. Ольховый (в 1929 г. — редактор журнала «Молодая гвардия», с марта 1930 — главный редактор «Литературной газеты»); бывший редактор «Комсомольской правды», в 1930-м — редактор журнала «Молодая гвардия» журналист Т. Костров; критики А. Бек, Л. Тоом, П. Кикодзе, а также бывшие напостовцы, ранее отстраненные от руководства ВАПП (С. Родов, Г. Лелевич). Ключевой фигурой и лидером оппозиции являлся самый влиятельный и политически авторитетный комсомольский поэт А. Безыменский; под его редакцией в 1929 г. вышел второй выпуск альманаха «Удар» (под названием «Удар за ударом» и с подзаголовком «Второй удар»), в статьях которого художественная платформа и позиция руководителей РАПП квалифицировалась на политически актуальном языке как «правый уклон». На эстетическом направлении «удар» наносился прежде всего по «идеалистическим» лозунгам «углубленного психологизма» и «реалистического показа личности», концепции «живого человека», «психологической школе

---

[1] *Баранчиков П.* Сигналы «Литературного цеха» // Известия. 1930. 25 мая. С. 4; см. также: В спорах о творческом методе. На диспуте в Ленинграде // *ЛГ.* 1930. 12 мая. С. 1.

Либединского и Фадеева», влекущим пролетарскую литературу «на дорожки мелкобуржуазного душеустройства»; руководство РАПП обвинялось в некритическом отношении к классике и учебе преимущественно у представителей буржуазно-дворянского, классического реализма, в недооценке ими революционного наследия русской литературы и т.п.

> «“Живой человек”, учеба у классиков, реализм — определяют пути формирования стиля пролетарской литературы. Нет, отвечаем мы. Эта формула повернута в прошлое. Это проповедь эпигонства и школярства, а не творческой работы»[1].

Естественно, что борцы с «живым человеком» в литературе не могли не включить в ряд своих политических и эстетических врагов — «Тихий Дон» и его автора:

> «Самый метод психологического реализма <...> необходимо отодвинуть на задний план, как метод, наименее пригодный для задач “обслуживать” настоятельные сегодняшние нужды классовой борьбы пролетариата. Творческая практика психологизма доказала это непререкаемо (“Тихий Дон”, “Последний из Удэге”, “Рождение героя”)»[2].

В апреле-мае 1930 г. дискуссия о творческом методе пролетарской литературы вышла на первый план литературной борьбы. Позиции руководителей РАПП и оппозиционного «блока» широко освещались в ленинградской и московской печати; оппозиционеры печатались в ленинградских газетах, московских «Правде», «Известиях», «Комсомольской правде», «Литературной газете», в журналах «Молодая гвардия», «Печать и революция», «Звезда», «Жизнь искусства»; выпускали свои выступления отдельными брошюрами и сборниками статей. Несмотря на резолюции, принятые в мае на ленинградской конференции, призывающие к консолидации пролетарского литературного движения, примирения не наступило. Развернувшееся на конференции столкновение обретало новое дыхание, едва ли не главными становятся чисто политические обвинения, актуальные для 1930 г.:

---

[1] *Костров Т.* О реализме, «живом человеке» и стиле пролетарской литературы. Бригада товарища Ермилова по пути в Рим // *ЛГ.* 1930. 31 марта. С. 1.

[2] *Безыменский А.* О творческой установке // Там же. 1930. 14 апр. С. 2.

«На литературном фронте во всю ширь развертываются ожесточенные бои. В основном сейчас мы имеем борьбу двух направлений, двух творческих методов. Одно с наибольшей выпуклостью представлено тов. Безыменский, другое — тов. Либединским. На путях овладения методом диалектического материализма и тот, и другой имеют ошибки. Либединский в своем творчестве скатывается к голому психологизму, у Безыменского — налет некоторого схематизма. Главную опасность представляет психологизм Либединского, объективно отражающий правую опасность внутри пролетарского лагеря, ибо он уводит от классовой борьбы в "мир" психоанализа, пассивности, созерцательности, "подсознательного". Творчество Безыменского, несмотря на большую политическую его ценность и актуальность, содержит в себе отдельные элементы, объективно отражающие "левую" опасность в пролетарской литературе. Признавая их обоих пролетарскими писателями, мы отмечаем ошибки и недостатки в их методах и мировоззрении. Мы за решительную, непримиримую борьбу на два фронта. Мы против правых тенденций как главной опасности в данное время, мы против "левых" тенденций»[1].

И все-таки «наибольшая опасность» — «справа», что вписывалось в политический контекст реконструктивного периода и звучало в полном согласии с главными лозунгами 1930 г.; ср.: «Крепче ударим на два фронта: против правого оппортунизма — главной опасности настоящего периода и "левых" полутроцкистских извращений линии партии»[2]; «Под знаком решительной борьбы на два фронта проходит подготовка к XVI съезду»[3].

В резолюции расширенного пленума ВОАПП, состоявшегося после конференции ЛАПП (она прошла в Ленинграде 26–29 мая), отмечалось, что «представителям так называемого "блока" (группа Беспалова — Горбачева — Безыменского)», выдвинувшим против руководства РАПП литературно-политические обвинения, «пленум напоминает о решении Всесоюзного съезда пролетарских писателей, запрещающем образование литературно-политических фракций внутри организаций ВОАПП, и предупреждает так называемый "блок" о грозящей ему опасности превратиться в группу,

[1] *Пир С., Черноооков Б.* Борьба на два фронта. К вопросу литературной политики // Комсомольская правда. 1930. 17 мая. С. 2, 5.

[2] Ленинградская правда. 1930. 12 апр. С. 5.

[3] Правда. 1930. 1 июня С. 3.

противостоящую литературно-политической линии ВОАПП»[1]. Оппоненты ответили руководству РАПП своей декларацией, усилив политический смысл прежних обвинений в адрес сторонников «метода психологизма», ведущего к игнорированию классового подхода к человеку, «к идеалистическим ошибкам, забвению важнейших практических задач реконструктивного периода»[2] и т.п. Позицию оппонентов руководства РАПП на ленинградской конференции поддержал журнал «Печать и революция», отметив в редакционной статье, что «целиком и полностью» поддерживает «меньшинство»[3] и, напечатав, в майско-июньском номере журнала цикл статей на тему грубейших политических ошибок, допущенных теоретиками и практиками «так называемого психологического реализма», который «может объективно привести не к созданию классово-действенной актуальной литературы борющегося класса, а в лучшем случае — к беспартийной литературе...»[4], но чаще приводит к «правому уклону», в «идеалистическое болото», выход из которого лишь один: «...болезнь надо душить в зародыше, мы сторонники радикальных методов лечения...»[5].

В этот ряд грубейших ошибок руководителей РАПП вписано и признание Шолохова пролетарским писателем: «...явно беспартийный “Тихий Дон” Шолохова, идеализирующий кулачество (сначала провозглашенный налитпостовским “большинством” чуть ли не образцом пролетарской литературы), — все это является сигналом серьезной опасности»[6].

Практически во всех статьях этого номера «Печати и революции» присутствовало обращение к рабочему читателю, отмечалось, что «в большинстве» ленинградские рабочие правильно ориентируются в современной исторической и литературной ситуации, что свидетельствует «о гигантском культурном росте рабочих масс, о росте, обеспеченном ленинской генеральной линией партии», что «тревогу бьют... кружковцы да рабочая мас-

---

[1] *ЛГ*. 1930. 26 мая. С. 1.

[2] О творческом методе пролетарской литературы. Декларация, оглашенная т. Вишневским на областной конференции РАПП от имени 16 литкружков // Там же. 1930. 2 июня. С. 2. На переломе (К итогам конференции ЛАПП) // Печать и революция. 1930. № 5–6. С. 13.

[3] На переломе (К итогам конференции ЛАПП) // Печать и революция. 1930. № 5–6. С. 13.

[4] *Камегулов А*. Письмо к товарищам // Там же. С. 38.

[5] *Гельфанд М*. К критике творческой платформы напостовства // Там же. С. 61, 68.

[6] *Камегулов А*. Указ. соч. С. 38.

са...»[1]. Отметим лишь, что развернувшуюся в пролетарском лагере борьбу сопровождали диспуты о главных произведениях, вокруг которых выстраивалась дискуссия о творческом методе пролетарской литературы: это роман «Рождение героя» Либединского и поэма «Выстрел» Безыменского. Основными участниками диспутов были рабочие и литкружковцы. После майской конференции оппозиция заявила о себе как о самостоятельной литературной группе в пролетарской литературе, а в августе определилась с названием — «Литературный фронт».

В этом литературно-политическом контексте читаются многие события весны 1930 г. вокруг Шолохова и «Тихого Дона». Руководство РАПП, лавирующее в это время между обвинениями «блока» и партийными указаниями на консолидацию пролетарского лагеря, не стремится взять под защиту «Тихий Дон», к которому у него и без выступлений критиков «блока» не малые претензии (письмо Фадеева в Вешенскую с критикой 3-й книги романа, которую Шолохов привез в Москву в начале года).

Развернувшаяся борьба внутри пролетарского движения нашла отражение в характере обсуждения «Тихого Дона» на литературном вечере в мае 1930 г. Встретились автор «Тихого Дона», критики СКАППа (И. Макарьев, А. Бусыгин) и читатели. К сожалению, это не стенограмма вечера, но и опубликованный материал отражает вписанность разговора о «Тихом Доне» в контекст идущей борьбы вокруг метода пролетарской литературы; здесь и критика, и обязательная для этих лет «большевистская самокритика»:

> «Михаил Шолохов работает над третьим томом “Тихого Дона”. Отрывки из шестой, еще неопубликованной, части романа М. Шолохов зачитал на литературном вечере, организованном СКАПП в конце мая в Рабочем Дворце им. Ленина (Ленинский район, Ростов н-Д).
>
> На вечере развернулся обмен мнений о “Тихом Доне”, вообще и о прочитанных отрывках, в частности.
>
> Выступавший первым **тов. Апресян** (мастерские комсовхоза) сказал:
>
> — “Тихий Дон” нравится людям всех классовых категорий. Это вызывает целый ряд мыслей. Значит, в романе имеется некоторое стирание классовых граней: нет в нем и “мордобоя” классового врага, нет и поддержки казацкой бедноте. В “Тихом Доне” очень много ценного, но единственный недостаток, который я указывал,

[1] *Гельфанд М.* Указ. соч. С. 68.

портит роман: нет в нем остроты классовой постановки вопроса, нет показа активной казацкой бедноты, нет показа таких большевиков, которые были бы коренными казаками.

Тов. Трушкин (экфак) не согласен с Апресяном:

— Нравится ли вам, спрашивает он, — Пушкин, Лермонтов и другие классики? А ведь они были помещичьими и буржуазными писателями. Все же я не скажу, что Шолохов дает классовый подход ко всем описываемым случаям. Огульно говорить об отсутствии классового подхода нельзя. Разве вокруг Штокмана не группируются передовые казаки? Разве не показаны противоречия между иногородними и казаками и т.д. Основные противоречия даны, но в описании отдельных поступков героев ошибки есть.

— Нам неизвестно, — говорит **тов. Соловьев**, — каков будет заключительный аккорд книги. Мы можем надеяться, что Шолохов даст правильную классовую установку, избежит имевшихся раньше ошибок. Я все же хочу сказать, что жизнь сейчас диктует писателю другое, другие темы. Каждому писателю нужно равняться по сегодняшней действительности, отражать сегодняшний день.

Тов. **Астахов** говорит, что не даром сравнивают “Тихий Дон” с “Войной и миром”. Шолохов придал роману тон исторической вещи, подобной “Войне и миру”, этим, по мнению тов. Астахова, оправдываются и некоторые недостатки романа.

Выступавшие затем т.т. **Макарьев** и **Бусыгин** подвергли критике отрывки, зачтенные Шолоховым на вечере, отметили, кроме того, отпечаток идеализации казачьего быта, лежащий на всем романе, своеобразный пацифизм, присущий Шолохову, и, как основной недостаток романа, подчеркнули то, что в нем дается показ борьбы белых с красными, а не борьбы красных с белыми.

Интересным было выступление **т. Берковской**.

— Я проводила испытания рабочих, поступающих во втузы, — говорит т. Берковская. — Спрашиваю рабочих: что вы больше всего знаете из художественной литературы? Отвечают: “Тихий Дон”. Именно этот роман, а не те произведения, которые были в программе испытаний, знали рабочие. Отзыв рабочих о “Тихом Доне” был почти единодушен.

— Хорошее произведение, но беспартийное!

Эта оценка совершенно правильная. Какими чувствами заражает “Тихий Дон”? Надо сказать, что не теми, которые были бы для нас желательны. Особенно это относится к прочтенному здесь отрывку о смерти белого офицера Петра Мелехова. После этого вечера меня спросят рабочие:

— Ну, как дальше, что пишет Шолохов?

Что ж ответить? Придется сказать, что Шолохову жаль убитого офицера...

Тов. **Сирота** (курсы колхозников): — Мне, как грузчику, литературу читать приходится мало. Но Шолохова читал, потому что мне — партизану — интересно было о тех событиях, в которых участвовал, прочитать. Между грузчиками был у нас разговор о “Тихом Доне” Шолохова. Ребята говорят: “парень не знает, откуда ветер дует”.

Тов. **Литинский** подчеркивает, что суровым предупреждением звучат слова читателей о том, что “Тихий Дон” не вооружает их для классовой борьбы. Казаков описывать так, как описывают пейзаж, нельзя. Надо показать свое отношение к описываемым событиям. Объективизм же — путь очень опасный.

В заключительном слове тов. **Шолохов** признал, что часть выступавших товарищей делала верные замечания, в частности тов. Апресян. Товарищи говорили, что “Тихий Дон” нравится разнообразным социальным группам. Я это знаю по письмам, — говорит тов. Шолохов, — задумывался над этим, стараюсь доискаться корней того, например, что за границей меня переводят всюду, и эс-эры дают положительные аннотации роману.

Основное объяснение этому тов. Шолохов находит в том, что в “Тихом Доне” “не лежит четко линия отрицания”. “Влияние мелкобуржуазной среды сказывается, — признается тов. Шолохов. — Я это понимаю и пытаюсь бороться со стихией пацифизма, которая у меня проскальзывает”.

“Я внимательно присматриваюсь к рецензиям на роман и должен сказать, что за границей меня не приемлют безоговорочно как, например, Пильняка. Белогвардейская печать дает преимущественно отрицательные отзывы”.

“Правильно говорил тов. Макарьев, что я описываю борьбу белых с красными, а не борьбу красных с белыми. В этом большая трудность. Трудность еще в том, что в третьей книге я даю показ Вешенского восстания, еще не освещенного нигде. Промахи здесь вполне возможны. С читателя будет достаточно того, — закончил тов. Шолохов, — что я своеобразно покаюсь и скажу, что сам недоволен последними частями романа и хочу основательно обработать их”.

Отвечая на вопросы читателей, т. Шолохов сказал, что третью книгу романа он закончит к осени этого года»[1].

---

[1] Беседа Мих. Шолохова с читателями // На подъеме. 1930. № 6. С. 171–172.

Политический характер борьбы в пролетарском литературном лагере нашел отражение и в состоявшемся в сентябре 1930 г. обсуждении «Тихого Дона» в Ростовской АПП. Особую остроту дискуссии придал XVI съезд партии (26 июня — 13 июля), на котором, кажется, впервые выступали писатели, естественно представители пролетарской литературы В. Киршон и Безыменский, от ФОСПа — А. Серафимович. Первым выступал В. Киршон — от руководства РАППа, в его речи были изложены основные идеологические направления пролетарской литературы в год великого перелома — борьба с буржуазными писателями, откровенно кулацкой литературой, активизировавшимся на «литературном участке» классовым врагом, «замаскированными врагами», троцкизмом, ложным «лозунгом гуманизма» и т.д. О развернувшейся в пролетарском лагере непримиримой борьбе Киршон даже не упоминал, а в большом списке достижений пролетарской литературы представил — по алфавиту! –произведения всех лагерей и групп пролетарской литературы; в этом списке назван и «Тихий Дон» Шолохова[1]. Речь Киршона прерывалась ироническими вопросами, смехом, реже — аплодисментами. Выступление Безыменского выгодно отличалось от Киршона. Свою позицию Безыменский задолго до съезда изложил в личном письме Сталину[2], он принял активное участие в предсъездовской кампании, опубликовав в «Правде» стихотворение «Мамаево побоище», посвященное разгрому всех представителей «правых», сомневающихся в выбранном партией темпе индустриализации[3]; в дни съезда в «Правде» (5 июля) печатается его стихотворное разоблачение «правого» М.П. Томского и т.п. В своей речи на съезде Безыменский призвал участников партийного собрания обратить внимание, что в речи Киршона совсем нет так необходимой «большевистской самокритики» — не сказано об «опасности, которые существуют не только вне, но и внутри пролетарской литературы»: это «опасность для пролетарских писателей скатиться к интеллигентскому психокопанию» и т.п. Прозаическая часть речи завершилась «поэтическим рапортом о положении в пролетарской литературе». Эмоциональный, прерываемый аплодисментами «поэтический рапорт» представлял текст, который соединял восхваление генеральной линии партии («Товарищ съезд! / Я работник РАППа, / Но я прежде всего большевик. /

---

[1] Речь тов. Киршона // *ЛГ*. 1930. 10 июля. С. 3–4.

[2] См. об этом ответное письмо И. Сталина Безыменскому от 19 марта 1930 г., впервые опубликованное только в 1952 г.; см.: *Сталин И.* Сочинения. Т. 12. С. 200–201.

[3] Правда. 15 июня. С. 2.

Большевик — / он вилять не привык!») с обличением ее врагов и перемежался прозаическими вставками из статей «отступника» и «троцкиста» А. Воронского, выступлений Ю. Либединского и других идеологов художественной платформы РАПП: «А писатель / родной без сомненья / Нам в “Рожденье героя” принес / расслюнявленные / размышленья / Над проблемою женских волос. / *Голоса*: Правильно! (*Аплодисменты всего съезда*). / А иные / честнейшие сознались, / Говоря о других и себе, / Что, мол, / действенный САМОАНАЛИЗ / Нам дороже, / Чем преданность борьбе. <...> Знай нас, Партия наша! Веди нас! / Наше слово тебе / и сердца! / Мы / за боевую партийность / Будем биться / до конца. <...> (*Бурные аплодисменты*)»[1].

А. Серафимович, выступавший с приветствием партийному съезду от ФОСПа, подчеркнул радикальное изменение в расстановке литературных сил — «попутчики» уступили первое место пролетарской литературе: «...теперь пролетарская литература начинает доминировать». Весьма резко Серафимович выскажется о речи Безыменского («это голая декларация»), отметив с сожалением, что Безыменский представил лишь одну сторону идущей в пролетарской литературе дискуссии и вынес на обсуждение партийного съезда неполадки в литературной среде («не на съезде дискутировать»)[2]. Статусное выступление Безыменского имело большой резонанс, о чем, в частности, свидетельствует опубликованное в дни съезда «Письмо т. А. Серафимовича», что его высказывание в адрес Безыменского это не позиция ФОСПа, а «его личное мнение»[3].

Выступления В. Киршона и А. Серафимовича не имели такого отклика, как речь Безыменского. После партийного съезда руководство РАПП принимает обращение «Ко всем членам РАПП»[4] с призывом к консолидации пролетарской литературы; начинается новый этап выяснения отношений, в газетах и журналах печатаются письма членов РАПП, областных писательских организаций[5].

---

[1] Выступление тов. Безыменского // Правда. 1930. 6 июля. С 4; *ЛГ*. 10 июля. С. 3; Комсомольская правда. 5 июля. С. 3. Под заглавием «Рапорт XIV съезду».

[2] Приветствие от Федерации объединений советских писателей. Речь т. А. Серафимовича // *ЛГ*. 15 июля. С. 2.

[3] Там же.

[4] Там же. 25 июля. С. 2.

[5] См.: *Пир С., Трифонов Н.* Два фронта борьбы в литературе. На новом этапе творческой дискуссии в РАПП // Комсомольская правда. 1930. 29 авг. С. 2–3; 30 авг. С. 2.

Весьма примечательно, что заглавный доклад на ростовской дискуссии о «Тихом Доне» в сентябре 1930 г. делал критик Н.Л. Янчевский, представивший в своем большом докладе («Реакционная романтика») взгляд именно «напостовского меньшинства» на «психологический реализм» Шолохова и его роман. В самом начале доклада Янчевский подчеркнул, что ничто (даже упоминание «Тихого Дона» на партийном съезде) не заставит его считать роман Шолохова произведением пролетарской литературы, а его автора причислять к писателям, «близким пролетариату». Все это критик считал грубой политической ошибкой и аргументировал выдвинутые им тезисы подробным анализом текста романа Шолохова: «...“Тихий Дон” произведение чуждое и враждебное пролетариату»[1], и крайне опасное для читателей, ибо идеализирует прошлое (старые песни, старинные обряды, природу): «Читатель беспомощно блуждает в романтическом тумане, смакует идеализированный быт, теряется среди художественных деталей и покорно идет за путеводной звездой — Григорием Мелеховым»[2].

Оппоненты Янчевского, защищая роман и его автора, не отрицали наличие грубейших идеологических ошибок в романе; отмечали, что художественные «попутнические достоинства» романа «не всегда перекрывают идейные и художественные срывы Шолохова»[3], что «каждому читателю бросается в глаза двойственность “Тихого Дона”, наличие в нем сложного переплета различных классовых влияний», непоследовательно проводится классовая идея, и потому «сладенькая водица поповски-лицемерного всепрощения, гнуснейшего гуманизма является выражением явного влияния на Шолохова классово-враждебных сил»[4], а пролетарским писателям «не стоит» грешить гуманизмом: «Представьте, сейчас классовая борьба в деревне, а мы с гуманизмом тут как тут, на первом плане. Кого читатель будет жалеть? Кулака. Он ликвидирован, он страдает. И будет ненавидеть строй, Коммунистическую партию. Ведь они обижают и надругаются»[5].

---

1 *Янчевский Н.Л.* Реакционная романтика // На подъеме. 1930. № 12. Здесь и далее цит. по републикации: Новое о Шолохове. Исследования и материалы. М., 2003. С. 396.

2 Там же. С. 398.

3 *Шемшелевич Л.* Чего не понял Янчевский? // Там же. С. 449.

4 *Мазнин Д.* Об идее «Тихого Дона» и левом загибе т. Янчевского // Там же. С. 452, 473.

5 *Никулин М.* М. Шолохов как гуманист // Там же. С. 476.

*

С 1930 г. практически во всех дискуссиях начинают принимать участие представители «рабочей критики», за привлечение которой в свой лагерь разворачивается борьба в пролетарской литературе, ставящей своей первоочередной задачей воспитание литературного молодняка (через литературные кружки на заводах и фабриках) и организацию мероприятий «по установлению связи с читателями и прежде всего с рабочими читателями»[1]:

> «Надо требовать от библиотек решительного сдвига в сторону пропаганды пролетлитературы и наиболее революционных попутчиков. Надо *организовать общественное мнение* читателей и через читательскую массу добиться продвижения нужной и ценной книги (курсив наш. — *Н.К.*)»[2];
>
> «...массовый читатель является участником общего дела — строительства и в наше время этого разлада [разлада между читателем и писателем] не должно быть»[3].

Даже по этим высказываниям можно понять, почему осторожный в предоставлении трибуны реальному читателю еженедельник «Читатель и писатель» просуществовал всего один год (1928) и с 1929 г. уже не выходил.

Быстро забывались и вышедшие на рубеже десятилетий «Письма к писателю» (1929) М. Зощенко. Идет «реконструктивный период» в литературе, и массового читателя, как и других участников литературного процесса, надо было или изгонять, «раскулачивать» как классовых врагов, или вновь образовывать и перевоспитывать, ибо портрет неискушенного читателя, да и сами читательские симпатии давали неутешительную — для критики разных направлений — картину. Не скрывал сложной пестроты коллективного портрета «неискушенных читателей» и автор «Писем к писателю» — как в иронических комментариях,

---

[1] См.: *Сутырин В.* За организованный разговор с читателем // *ЛГ.* 1930. 5 мая. С. 1

[2] *Шемшелевич Л.* Письма читателей. О художественной литературе второй ступени и рабочем читателе // На литературном посту. 1930. № 2. С. 74.

[3] *Коробкова Э. и Поляк Л.* Писатель о читателе // Там же. 1930. № 5–6 (март). С. 100; *ЛГ.* 1930. 13 янв. С. 1. В статье приводились результаты опроса 22 писателей об их отношении к читателю; высказывания были «условно» разбиты на три категории: «полное равнодушие, “прислушивание” и, наконец, влияние» (На литературном посту. С. 101).

так и в предисловии к книге: в подборке читательских писем — «можно видеть настоящую трагедию, незаурядный ум, наивное добродушие, жалкий лепет, глупость, энтузиазм, мещанство, жульничество и ужасающую неграмотность»[1]. Правда, зощенковское «можно» для самого автора, одного из любимых у городского читателя советской России и русской эмиграции, не исключало, а скорее предполагало и другой вариант — «нужно», в изощренной связи с «можно» во многом и определявшие творческий поиск писателя в новое десятилетие.

В многочисленных откликах на «Письма к писателю» прозвучали и два собственно прагматических суждения. Рецензент журнала «Печать и революция» Руд. Бершадский назвал книгу Зощенко «выдающимся событием», потому что по письмам читателя к писателю «мы, безусловно, сумели бы установить и лицо читателя, и вкусы его, и степень восприятия произведений, “доходчивости” их». Высказывание же автора «Писем к писателю» — «Я жалею, что я ее выпускаю. Я предпочел бы прочесть такую книгу, собранную другим писателем» — Бершадский предлагает принять как некий глобальный литературный проект: «Мы — добавим от себя — также хотели бы видеть подобные сборники, выпущенные и другими писателями. Ибо они — превосходная иллюстрация к творчеству последних, наглядное пособие при его разборе и выявлении резонанса, создаваемого произведениями писателя»[2]. Вполне определенно о книге Зощенко высказался рапповский журнал начинающих писателей «Рост» (1930, № 8–9): «Но кому нужна эта книга и зачем нужно было ее выпускать»[3].

В последнем умозаключении обозначен «великий перелом» в отношении к идущему с середины 1920-х гг. интересу к диалогу писателя и читателя, как важнейшему стратегическому направлению развития советской литературы. Особенно ярко этот перелом проявил себя в истории с опытом А.М. Топорова, представленным в серии публикаций 1927–1929 гг. в сибирских журналах «Настоящее» и «Сибирские огни», а затем в книге «Крестьяне о писателях», вышедшей в 1930 г.[4]

---

[1] Цит. по: *Зощенко М.* Уважаемые граждане. М., 1991. С. 345.

[2] Печать и революция. 1929. № 9. С. 117–118.

[3] Цит. по статье В. Прокофьева к публикации писем читателей 1930-х годов к Зощенко: *Михаил Зощенко.* Материалы к творческой биографии. Вып. 1. СПб., 1997. С. 194.

[4] *Топоров А.М.* Крестьяне о писателях: Опыт, методика и образцы крестьянской критики современной художественной литературы. М.; Л.: ГИЗ, 1930.

Особый резонанс имела публикация отзывов крестьян коммуны «Майское утро» на роман В. Зазубрина «Два мира» — она открывала первый номер журнала «Сибирские огни» за 1928 г. Даже выходивший в 1928 г. журнал «Читатель и писатель» не мог похвалиться подобным представлением читательской аудитории. Именно В. Зазубрин, редактор «Сибирских огней» и организатор Союза сибирских писателей, познакомившись в 1927 г. с первыми стенограммами обсуждения в «Майском утре», поддержал начинания алтайского учителя и открыл журнал для публикации крестьянских отзывов о современной литературе. «Оценки крестьян имеют настолько большое общественное значение, настолько они порой глубоки, метки и мудры, что никакая редакторская рука на них не поднимется, — писал он Топорову 8 ноября 1927 г., отсылая в коммуну свои произведения с просьбой обсудить их. — Это страшно освежает и взбадривает. Пусть меня разругают, но в такой ругани можно много почерпнуть и многому научиться»; он же предложил Топорову собрать отзывы крестьян о классиках и готовить их «отдельное издание»: «Это было бы чудесно. Ваша книга имела бы не меньшее значение, чем записи Софьи Федорченко — “Народ на войне”»[1].

Книга «Крестьяне о писателях» вышла летом 1930 г. с предисловиями журналиста А. Аграновского (опубликованная в 1928 г. в газете «Известия» статья «Генрих Гейне и Глафира») и известного литературного критика В. Гоффеншефера, а также с тремя обстоятельными статьями самого Топорова: «Задачи и цели крестьянской критики художественной литературы», «Наблюдения», «Методические заметки».

Как отмечал автор одной из самых глубоких статей, посвященных феномену «Майского утра» и опубликованной в журнале «Сибирские огни» еще в 1929 г.: «...новый читатель требует, чтобы писатель уважал его и не пытался воспитывать детскими примитивными способами. Он не боится смотреть правде в глаза, умеет делать из нее надлежащие выводы, потому что сам видел и перенес многое». А главное: «...для себя они хотят правды»[2]. Критик, вслед за Аграновским, настаивал: «...то, что сделано Топоровым, представляется большим шагом в будущее, светлым обещанием» и высказался вполне в духе читательских конференций 1927 г. на тему «писатель — критик — читатель»:

---

[1] Цит. по: *Топоров А.* Крестьяне о писателях. Барнаул, 1979. С. 317.

[2] *Трунев Н.* Новый читатель. По поводу литературных чтений в коммуне «Майское Утро» // Сибирские огни. 1929. № 5. С. 150.

«Вопрос, кто может оценить произведение с точки зрения правды жизни? Критик? Но критик — спец своего дела, лингвист, литературовед и т.д. Ему нужно принадлежать к направлению, воевать с другими критиками, — хлопот полон рот. Да и не для критиков творится художественная литература. Нужно обратиться к читателю. Как? Это сложный вопрос. Опыт, хоть и небольшой, уже есть. Но, во всяком случае, обращение это, как мне кажется, не должно ставить читателя в положение заправского критика, специальность которого — "критиковать"; во-вторых, такое обращение вряд ли стоит делать с целью воспитать читателя, организовать его мнение и т.д., и т.д. Опыт Топорова показывает, что это еще вопрос, — кому кого воспитывать. Если десятки критиков из самых авторитетных изданий будут приходить в восторг от романа о колхозе или от рассказа об аборте, а кучка колхозников скажет, что роман совсем не похож на правду, или врач заявит, что такой "поход" к аборту немыслим, — ясно, — не критики правы. <...> Нужно обратиться к читателю. Новый читатель — не обывательского типа — уже есть»[1].

Современной литературной критике пропагандист опыта Топорова отводил скромное место — выявлять, собирать и систематизировать отзывы читателей, т.е. воспользоваться опытом алтайского учителя: «Вместо того, чтобы высказываться за читателя, ей [критике], может быть, придется узнавать и систематизировать его мнение — роль гораздо более скромная»[2]. Не без восхищения крестьянами-читателями «Майского утра» и одновременно не без полемического выпада по отношению к заглавию статьи сибирского критика появилась на страницах парижских «Последних новостей» статья историка культуры Н. Кнорринга, автора многих статей-исследований проблематики читателя в русской эмиграции. Крестьянская критика внушает чувство исторического оптимизма, утверждал Кнорринг, но говорит не о новом, а скорее о традиционном для русской культуры отношении к литературе:

«Советские авторы, имеющие дело с читателем-мужиком, делают выводы, что народился "новый читатель", который предъявляет к писателю некоторые вполне определенные требования, которые в общем сводятся к тому, чтобы деревенского читателя не счи-

---

[1] *Трунев Н.* Новый читатель. По поводу литературных чтений в коммуне «Майское Утро» // Сибирские огни. 1929. № 5. С. 157–159.

[2] Там же. С. 159.

тали дураком, способным клюнуть на всякую удочку. Только будет некоторым преувеличением утверждать, как это делают советские публицисты, что этот читатель — “выросший в годы революции”, “читатель недалекого будущего, завтрашнего дня”. Такого читателя в деревне мы знали очень давно, знали и его чуткость к сокровенной жизненной правде и настороженность ко всякого рода официальной агитации. И ныне, после многих миллионов специальной литературы, брошенной в деревню, этот здоровый критицизм мужицкой натуры, по-видимому остался в массе не поколебленным, а может быть даже умудренным опытом последних лет»[1].

Статья в «Парижских новостях», опубликованная в конце 1929 г., не могла пройти незамеченной, особенно в контексте только что отгремевшей кампании изобличения Замятина и Пильняка. Правда, аргументы для более обстоятельного разговора о мнениях топоровских крестьян о современной литературе еще пока не кристаллизовались (слишком много событий на литературном фронте). Книга Топорова принята к печати, появляются анонсы о ее выходе. Напечатанную в «Литературной газете» статью Топорова можно прочитать и как презентацию скорого выхода книги. Ничего нового, в сравнении с опубликованными в сибирских журналах материалами, Топоров в этой статье не сказал. Это был анализ 10-летней работы — чтения и обсуждения с крестьянами «Майского утра» русской и зарубежной классики и произведений современных советских писателей. Установки, направления работы и общая характеристика крестьянских отзывов о литературе нашли отражения в характерных, говорящих сами за себя, главках статьи: «Лучше — простое», «Ниспровержение авторитетов». «А не сумасшедшие ли пишут?», «Не только о деревне», «Против назойливой тенденциозности», «Чужие, не советские», «О “речевых засадках”», «О сказке и макулатуре», «Тяготение к старой поэзии», «Коммунары “Майского утра” — не исключение», «Что мы читаем мужикам», «Баба в ум входит». Практически каждая из главок сопровождалась большим списком прочитанных с коммунарами книг. В списке «лучших и общепризнанных» и почитаемых крестьянами книг находятся повести эмигрантов И. Бунина и А. Куприна, произведения представителей «чистого искусства» А. Фета, А. Майкова и А.К. Толстого (роман «Князь Серебряный»), давно уже исключенные из списков

[1] *К-г Н.* «Новый читатель» // Последние новости. Париж, 1929, 26 дек. С. 3.

рекомендуемых для чтения текстов. По утверждению Топорова, в поэзии, как и в прозе, крестьяне ценят «грубые» «большие идеи, искренние чувства и благородно-простые словесные формы», в списке любимых коммунарами поэтических текстов — Некрасов, Есенин («Песня о собаке»), «Колыбельная» Майкова, Пушкин, Кольцов, Ал.К. Толстой... И — стихотворение А. Фета «Шопот. Робкое дыханье...», заворожившее «грубые» крестьянские сердца и т.п. Среди произведений, в адрес которых на обсуждении в «Майском утре» прозвучали критические замечания, мы найдем много имен современных писателей, но одно имя явно звучало на страницах «Литературной газеты» вызовом — это автор главного романа о коллективизации (Ф. Панферов, «Бруски»). Эта «прославленная» книга, утверждает Топоров, является «классическим представителем» современных, «набитых словесной мякиной» книг (к этому времени стенограмма обсуждения романа «Бруски» была уже опубликована во втором номере журнала «Настоящее» за 1929 г. и читалась в московских кругах).

Не менее дерзко в контексте идей «великого перелома» и советизации деревни звучал вывод Топорова о читательской позиции коммунаров: «Никакой авторитетный критик художественной литературы не заставит крестьян отказаться от собственного их взгляда на произведение». Выпад в сторону современной критики — и в позиции Топорова как организатора крестьянских чтений:

> «При выборе сочинений, подлежащих оценке крестьян, присяжная критика лично мне служит средством первоначальной ориентировки, оставаясь для моей аудитории неизвестной до читки и разбора. <...> Мой рабочий принцип: строжайшее беспристрастие»[1].

Стоит отметить, что в этой установке Топоров вполне традиционен и следовал за сложившимся в изучении читателя методом «громкого чтения» (работы Х.Д. Алчевской, Н.А. Рубакина конца XIX — начала XX вв.) и его базовым принципом в организации чтений и обсуждений — не навязывать слушателям ни своего мнения, ни мнения самых авторитетных современников, «избегать внушения со стороны» чтеца и «наиболее одаренных слушателей»: «Руководитель громкого чтения записывал все время реак-

[1] *Топоров А.* В поисках читательского мнения. Крестьяне о художественной литературе // *ЛГ*. 1929. 9 нояб. С. 4.

ции слушателей, указывая, в каких местах слушатели реагировали теми или иными восклицаниями, репликами, смехом, когда внимание настораживало или ослабевало»[1].

Однако на дворе не начало века, не 1927 и даже не 1928 годы, а 9 ноября 1929-го. Конечно, статья Топорова поступила в редакцию до 7 ноября, когда в «Правде» печаталась статья И. Сталина «Год великого перелома. К XII годовщине Октября», провозгласившая последовательный курс на радикальную модернизацию всех сфер национальной жизни:

> «Истекший год был годом великого перелома во всех фронтах социалистического строительства. Перелом этот шел и продолжает идти под знаком решительного наступления социализма на капиталистические элементы города и деревни. Характерная особенность этого наступления состоит в том, что оно уже дало нам ряд решающих успехов в основных областях социалистической перестройки (реконструкции) нашего народного хозяйства»[2].

Выступление главы государства закрепило ведущие позиции боевого отряда РАППа, который и повел наступление на организатора вольных слушателей коммуны «Майское утро». Еще до выхода книги «Крестьяне о писателях» атаку открыл известный представитель комсомольского отряда пролетарской критики М. Беккер статьей «Так ли нужно работать с читателями-колхозниками. Критика метода Топорова», с редакционным примечанием «В порядке обсуждения»[3]. Лишь на первый взгляд может показаться, что «Литературная газета» готовится открыть дискуссию. «Бесстрастное» выслушивание Топоровым своих слушателей аттестуется критиком как «порочная методология»: «Топоров, очевидно, исходил из ложного взгляда, что массовый читатель своим здравым классовым чутьем все поймет, все “раскусит”»; «Метод Топорова в наших условиях неприемлем»; «хвостистский метод»; «отсутствие перспективы» и т.п. Не скупится критик и в оценках читательских вкусов коммунаров: «примитивность» художественных вкусов крестьян Топорова; «необходимо

[1] См. об этой традиции: *Шафир Я.* Методы изучения читателя // Журналист. 1927. № 4. С. 31.

[2] Цит. по: *Сталин И.* Сочинения. Т. 12. С. 118.

[3] *Беккер Мих.* Так ли нужно работать с читателями-колхозниками. Критика метода Топорова / В порядке обсуждения // *ЛГ*. 1930. 28 апр. С. 4.

воспитывать *художественные* вкусы читателя». Негодует критик и на коммунарскую оценку «Брусков»...

Газета, следуя обещанию, развернет обсуждение статьи Топорова. В постоянном разделе газеты «Трибуна писателя» печатается небольшая статья В. Гоффеншефера. Критик уже написал о работе Топорова — его статья печатается в еще не вышедшей книге[1]; здесь же он, предложив развернуть дискуссию после выхода книги, осудил выступление Беккера: «Топоров заслуживает большего, чем легковесно-менторский наскок М. Беккера»[2].

Книга «Крестьяне о писателях» вышла в мае 1930 г., на нее откликнулись и в Сибири, и в Москве. Журнал, открывший и пропагандировавший Топорова, бросился поддерживать позицию Беккера, что отразится уже в эпиграфе к статье: «*“Пусть Панферов прочитает «Чертухинского балакиря» Клычкова”.* Слова коммунара М.К. Стекачева из книги А.М. Топорова “Крестьяне о писателях”»[3]. Эпиграф задавал интонацию, общее направление и политический контекст разговора о книге Топорова. Под обсуждением фигуры автора «Чертухинского балакиря» идеологи пролетарской литературы уже подвели черту, прописав его окончательно в кулацкой литературе[4], а газета «Правда» и вовсе весной 1930 г. поставила Клычкова во главе «кулацкой группы писателей»:

> «Клюев, Клычков возглавляют явно кулацкую группу писателей, которая, имея за спиной довольно большие художественные средства и притом оперируя понятными деревне образами, мобилизует их для такого воздействия на чувства и мысли крестьян-

---

[1] См.: *Гоффеншефер В.* О работе Топорова // *Топоров А.М.* Крестьяне о писателях: Опыт, методика и образцы крестьянской критики современной художественной литературы. М.; Л.: ГИЗ, 1930. С. 13–14.

[2] *Гоффеншефер В.* Невежественное менторство // *ЛГ.* 1930. 5 мая. № 18. С. 3.

[3] *Павлов Г.* Методика «строжайшего беспристрастия» // Сибирские огни. 1930. №6. С. 106. Критик допустил ошибку в цитировании, потому что это высказывание другого коммунара.

[4] См. опубликованные в одном номере газеты (21 апреля) в разделе «Трибуна писателя» статью С. Клычкова «Свирепый недуг» с характеристиками критика Бескина («литературное бешенство», «свирепый недуг социалбесия») и «Ответ т. С. Клычкову» Б. Ольховового (главный редактор) с однозначной оценкой: Клычков «выражает доподлинно кулацкие тенденции в своем творчестве, что он в полной мере может считаться кулацким писателем, это он еще раз доказывает своей статьей “Свирепый недуг”, доказывает совершенно неопровержимо».

ской аудитории, которое идет против социалистической переделки деревни, отражает кулацкое сопротивление этой переделке»[1].

Крестьяне-коммунары же не ведали о литературной борьбе и высказывались об одном из эпизодов романа вполне конкретно, опираясь, с одной стороны, на свой жизненный опыт, с другой, на собственные эстетические представления:

> «При сватовстве в “Брусках” — все дурашливо и унизительно. Хоть бы песню спели или прибаутку сказали! Разве их мало в старинной деревне? Пусть Панферов прочитает “Чертухинского балакиря” Клычкова. Там уж свадьба так свадьба!»[2].

Вслед за Беккером сибирский критик, сформулировав главную задачу работы с массовым читателем, — «*вооружить* рабоче-крестьянскую аудиторию всем необходимым для правильного *классового* усвоения и понимания художественной литературы»[3], доказывает ошибочность метода «строжайшего беспристрастия» Топорова, не скупится на отрицательные оценки, сопровождаемые в целом издевательской интонацией в отношении как метода Топорова, так и крестьянских отзывов: «принцип самотек»; «чутко прислушивается к своему нутру и “выкладывает”, как пифия, его содержимое, не смущаясь качеством последнего»; «беспринципность и примиренчество»; «скрытно-пассивное отношение к враждебным нам проявлениям в идеологической области»; «полная *беспринципность*, полная — и вашим, и нашим — *качка, примиренчество*, система самотека, что-де рабоче-крестьянские сами разберутся во всем, пойдут по верному пути без всякого вооружения»[4] и т.п.

Большое место в рецензии занимает цитирование крамольных высказываний Топорова о современной литературной критике, например, этих фрагментов, которые затем будут приводиться оппонентами Топорова:

> «Критика художественной литературы, идущая с пятых и шестых этажей, для трудящихся — пустой звук. Возьмите любой

---

[1] *Сольц И.* За пролетарское руководство крестьянской литературой // Правда. 1930. 2 апр. С. 2.

[2] *Топоров А.М.* Крестьяне о писателях. М., 2016. С. 147. Далее высказывания крестьян цитируются по данному изданию с указанием страницы в тексте статьи.

[3] *Павлов Г.* Методика «строжайшего беспристрастия». С. 106.

[4] Там же. С. 107–109.

номер “Красной нивы”, “Нового мира”, “Сибирских огней”, “Октября” и других толстых журналов и посмотрите, много ли в них таких рецензий о художественных произведениях, которые с пользой могут быть прочтены рядовым рабочим и крестьянином? Ничтожная толика! <...> Столичной критике опасно доверять»;

«Рабоче-крестьянская критика художественной литературы — непосредственна. Она идет из нутра и выражается просто, сердечно, образно и живо. Это и делает ее выше и полезнее критики профессиональной. Резкое отличие низовой критики от верховной состоит в том, что первая мудрые мысли и глубокие чувства высказывает коряво, коротко, нескладно, но сильно, а вторая — копеечные идейки и пресыщенные и притупленные чувства вывертывает высокопарно и непонятно»[1].

Приведенные высказывания Топорова, по своему пафосу близкие высказываниям писателей о современной критике, что прозвучали на дискуссии о критике 1926 г., венчает заключение, что Топоров «сбрасывает за борт» научную современную марксистскую критику, и исполненный возмущения риторический вопрос: «Во сколько же, спрашивается, расценивать теперь идейку А.М. Топорова о “копеечных идейках” нашей марксистской критики?»[2]. Обличительные ремарки сопровождают приводимые критиком высказывания не воспитанных Топоровым коммунаров: «Коммунар М.И. Стекачев посоветовал пролетарскому писателю Панферову прочесть явно реакционного “Чертухинского балакиря” С. Клычкова — писателя, выражающего кулацкую идеологию, поучиться у Клычкова, как надо писать»[3] и т.д.

Критик обрушил свой гнев на приведенное в статье Топорова мнение крестьян о классическом стихотворении Фета «Шопот. Робкое дыханье...»; приведем этот замечательный фрагмент из статьи Топорова «Наблюдения»:

---

[1] *Топоров А.М.* Задачи и цели крестьянской критики // *Топоров А.М.* Крестьяне о писателях: Опыт, методика и образцы крестьянской критики современной художественной литературы. М.; Л.: ГИЗ, 1930. С. 27–28. В изданиях книги «Крестьяне о писателях» второй половины XX — начала XXI в. эта статья не печаталась, она была переписана самим Топоровым в 1967 г., из новой статьи («О первом опыте крестьянской критики художественных произведений») исчезли резкие выпады в адрес литературной критики.

[2] *Павлов Г.* Методика «строжайшего беспристрастия». С. 110.

[3] Там же.

«Интересная история вышла у нас со знаменитым стихом Фета — “Шопот. Робкое дыханье”. Разбор его в коммунальной аудитории был для крестьян последним испытанием их способности ощущать самую утонченную, “эфирную” поэзию. Моя уверенность в провале “Шопота” была тверда. Но представьте: Фет заворожил “грубые” крестьянские сердца! И я раскаялся в неправильном предубеждении против его стихотворения. Картина, набросанная Фетом лаконичными, неотразимыми мазками, сильно ударила моих слушателей по нервам и воспламенила их воображение:

— Тут все человеческое, — таяли коммунары от стиха Фета.

— А природа-то как нежно описана!

— И луна, и соловей, ну, все при ночи. Ровно у нас в мае месяце, вон там, за баней, над рекой.

— Речка... Ишь серебрится... Живая картиночка!

— По себе понимаешь — все написанное в стихе.

— Мал золотник, да дорог.

— Ноне так уже не пишут стихов. Пошто это так?»[1]

К этому фрагменту из книги Топорова обращены исполненные классового гнева строки сибирского критика: «Разъяснил ли А.М. Топоров коммунарам “пошто это так” теперь не пишут? “Обтесал” ли он с этой стороны “толстозадую кондовую деревню”?..»[2]

В книге «Крестьяне о писателях» представлены не привычные для этих лет социологические характеристики читателей (возраст, социальное происхождение, профессия), а прекрасно написанные Топоровым портреты коммунаров-читателей, которые включают обязательные социологические характеристики, но ими не исчерпываются; вот, для примера, лишь 3 портрета из представленных в книге 56-ти:

«БЛИНОВА Т.П. 40 лет. Едва-едва прошла в коммуне ликпункт. Расписывается, но только карандашом. Рядовая коммунарка. Не раз бывала в должности экономки. Умна, хотя о себе самого низкого мнения. Чуткая сострадательная женщина» (255);

---

[1] *Топоров А.М.* Крестьяне о писателях: Опыт, методика и образцы крестьянской критики современной художественной литературы. М.; Л.: ГИЗ, 1930. С. 49–50.

[2] *Павлов Г.* Методика «строжайшего беспристрастия». С. 112.

«ЗУБКОВ П.С. 35 лет. Сын крестьянина-середняка. Окончил церковно-приходскую школу. В 1920 году один из организаторов "Майского утра". До 1929 года — ее бессменный руководитель. Член партии. Редкий самородок. Талантлив во многих отношениях. Незаурядный организатор» (256);

«ТИТОВА А.И. 40 лет. Из крестьян-бедняков. Окончила ликпункт в 1925 г. Изредка читает книги из библиотеки. Стремится стать активисткой. Рядовая коммунарка. Талантлива. Остроумна» (262).

Но и здесь критик увидел идеологические просчеты: «Нет ни одного комсомольца! Странно...»[1] Приведя несколько топоровских характеристик — «крепкий, самородный, независимый ум», «ум самобытный», «умна и даровита», критик делает вывод, что в представленных портретах коммунаров практически отсутствует «общественно-политическая», классовая оценка. И заключение о неприемлемости метода «строжайшего беспристрастия» с кратким резюме: «аполитичность, беспартийность, беспринципность, идеализм, поповщина»[2].

Появление этой статьи в «Сибирских огнях», безусловно, вписывается не только в контекст столичной литературной борьбы, но и имеет собственно сибирский контекст, где с 1928 г. ведется атака на главного редактора журнала со стороны леворадикального крыла пролетарских писателей. Прежде всего, это выступления А. Курса, который в 1928 г. опубликовал в газете «Советская Сибирь» разгромную статью о стенограмме обсуждения в коммуне «Майское утро» романа Зазубрина (опубликована в «Сибирских огнях», 1928, № 1), аттестовав позицию и Зазубрина, и Топорова как «бесклассовый пацифизм»[3]. В 1930 г. кампания критики Зазубрина закончится снятием его с должности редактора «Сибирских огней» — за то, что он представляет настроения и влияния чуждые рабочему классу, протаскивает в литературу «буржуазно-кулацкие идеи» и т.п.[4] Лишь отметим, что в 1929 г. яркий представитель «напостовского меньшинства» А. Курс отметится и в разоблачении автора «Тихого Дона», опубликовав в журнале «Настоящее»

[1] *Павлов Г.* Методика «строжайшего беспристрастия». С. 111.

[2] Там же. С. 114.

[3] *Курс А.* Кровяная колбаса // Советская Сибирь. 1928. 22 апр. Цит. по: *Яранцев В.* Зазубрин. Человек, который написал «Щепку». Повесть-исследование... С. 468.

[4] Там же. С. 486–487.

(№ 8/9) статью-донос «Почему Шолохов понравился белогвардейцам?»[1].

В московских толстых журналах в 1930 г. читали книгу Топорова с большим интересом, правда, одобрение инициативы алтайского учителя практически во всех откликах сопровождалось критическими замечаниями. Так, к примеру, построен безымянный отзыв журнала «Октябрь». Сначала идет вполне адекватное представление книги и ее создателя:

> «Работа, проделанная А. Топоровым, представляет собою большую и принципиальную ценность. Ценность эта двояка: и для писателя, и для читателя. В эпоху культурной революции такие сводки читательских высказываний останутся не только любопытными "сырыми" документами. Они концентрируют в себе основные устремления широких читательских масс, их эмоциональную зарядку, уровень их культурности. Кроме того, они показывают, в каком направлении нужно работать деревенскому культпросветактиву, чтобы продвигать нужную книгу в эти массы, как насыщать их наиболее злободневными темами современности.
>
> Методика работы А.М. Топорова известна уже давно. Но никто до него не умел проводить ее с такой систематичностью и широтой; никто не умел так полно и ярко записывать и публиковать читательские высказывания. В этом смысле опыт Топорова ждет своей дальнейшей систематизации и углубления».

А вторую часть рецензии, написанной, к слову, не без восхищения, составляют «некоторые, наиболее существенные недостатки», среди которых на первом месте стоит топоровская оценка современной критики, которой он противопоставляет «непосредственную» рабоче-крестьянскую, «идущую изнутра» и выражающуюся «просто, сердечно, образно и живо»:

> «Такое резкое выпячивание "нутра" в противовес "профессионализму" является по существу методологической нелепостью. <...> Сейчас марксистская критика проделала огромную работу на литературном фронте. Подавать ее в таком освещении, как это делает Топоров, — это значит совершенно незаслуженно подры-

[1] См. письмо к Е. Левицкой от 5 января 1930 г., в котором Шолохов просил прислать ему эту статью представителя «левых сибиряков» (*Письма*. С. 50).

вать к ней доверие широких читательских масс, рыть пропасть между читателем и критиком».

Также осуждается топоровский рабочий принцип «строжайшего беспристрастия», что, по убеждению рецензента, приводит к тому, что при выборе и оценке произведения отсутствует классовый принцип. И именно игнорирование «классового диапазона» произведения привело «к полному непониманию “Брусков” (1-й части) на художественной читке. Если бы “Бруски” были поданы иначе, если бы была разъяснена их функциональная роль в современной крестьянской литературе, они нашли бы другой отклик среди коммунаров “Майского утра”».

Вывод рецензента положительный: «В целом книга Топорова — ценное и нужное явление. Она — показатель тех громадных потенций, которые таятся в деревне. Нужны только умелые руководители, <...> чтобы разбудить и направить по нужному руслу эту еще не использованную читательскую энергию»[1].

Однако такая позиция уже никак не вписывалась в идеологический контекст 1930 г. Она будет осуждена как «правый уклон» в критике, а методика Топорова получит свой политический ярлык — «топоровщина», к борьбе с которой призовет неутомимый М. Беккер:

«Нам нужно не пассивное культурничество, а коммунистическое просвещение, <...> последовательное воспитание и *перевоспитание* масс в духе ленинизма. Эта установка должна главенствовать в работе с массовым читателем. Нужно принять все меры к тому, чтобы читатель художественной литературы не блуждал в потемках, чтобы он получил необходимую помощь и поддержку от общественности и литературных организаций. Нужно организовать массового читателя, воспитывать его, поднимать на высший уровень. Нужно готовить *кадры квалифицированных читателей*, которые помогли бы своей деловой критикой и товарищеским вниманием пролетарской литературе»;

«На таком важном участке, как работа с массовым читателем, имеет место беспринципность, пассивность, дешевое просвещенство»;

«Деятельность Топорова “*являет собой яркий образец крохоборничества на важнейшем участке культурной работы*”»;

[1] Октябрь. 1930. № 7. С. 217–218. Б.п.

«*Ползучий эмпиризм, помноженный на политическую беспринципность, вот что представляет собою “метод” Топорова.* В условиях обостряющейся классовой борьбы этот метод работы с читателем должен быть признан глубоко *вредным и реакционным.* Он не воспитывает читателя, не развивает, а развращает»;

«Топоровщину нужно разоблачать — решительно и беспощадно»;

«Топоровщина это яркое проявление правого оппортунизма на читательском фронте».

По Беккеру, «порочная методика Топорова» проявила себя в том, что крестьяне восхищаются Фетом, а учитель Топоров «не потрудился сказать крестьянам о классовой сущности Фета», что крестьяне Топорова «высказываются исключительно отрицательно о “Брусках” Панферова, произведении «большой социальной и художественной ценности, воспитывающем массового читателя» и т.п.[1]

После этого выступления «Литературной газеты» разговор о книге «Крестьяне о писателях» пойдет только по линии разоблачения «топоровщины» и ее апологетов среди западных рецензентов книги Топорова; из статьи в статью повторяются и варьируются основные тезисы Беккера[2]. Печатая очередное обличение книги Топорова на страницах массовой «Вечерней Москвы» — в разделе «На фронте литературы и искусства», неутомимый разоблачитель «топоровщины» призывает к организации массовой кампании перевоспитания колхозно-крестьянского читателя: «Пора взяться за воспитание и перевоспитание массового читателя», осудить «стихийничество и хвостизм» автора книги «Крестьяне о писателях», который «беспомощно плетется за своей аудиторией, нисколько не помогая ее развитию» и т.п.[3].

Критический пафос разгрома «топоровщины» нарастал, чему, безусловно, способствовала и общая политическая обстановка осени-зимы 1930 г., где главным событием становится открытый политический суд над технической интеллигенцией (процесс «Промпартии»), а газеты заполняются призывами и лозунгами: «Контрреволюционные агенты интервенции перед пролетарским судом», «Кровавым псам империализма — смерть», «Враг разо-

---

[1] *Беккер М.* Против топоровщины // *ЛГ.* 1930. 24 сент. С. 4.

[2] См.: «Топоровщина» как орудие наших классовых врагов // Там же. 1930. 24 сент. С. 2. Подпись: *Еп. Фип.*

[3] *Беккер М.* Одного «беспристрастия» маловато // Вечерняя Москва. 1930. 3 дек. С. 3.

блачен — враг будет уничтожен»; «Вредительская гидра контрреволюции должна быть уничтожена»[1] и т.п.

Осенью 1930 г. объявленный РАПП лозунг призыва рабочих-ударников в литературу дополняется и усиливается новой кампанией — организацией призыва в литературу передовиков-колхозников: «Укрепим крестьянскую литературу новыми кадрами: ударниками полей, совхозниками и колхозниками»[2].

Рапповская критика одержала уверенную победу на фронте борьбы не просто с «топоровщиной», а с крестьянскими суждениями о литературе, в которых возмущало все, начиная с убеждения крестьян, что литературные агитки, конечно, нужны для политического воспитания, только не для них, много повидавших на своем веку. Тогда для кого же они пишутся? — естественный вопрос. Многие крестьянские отзывы, даже из опубликованных к этому времени, вообще не включены в книгу «Крестьяне о писателях». Не прошел в книгу крестьянский Пушкин, еще ранее отвергнутый «Красной новью». Крестьяне непременно в отзывах о Пушкине весьма нелестно отзывались о современной литературе, а в прочтении классика демонстрировали склонность к «буржуазной теории» чистого искусства, в борьбе с которой на рубеже десятилетий неизменно поминался Афанасий Фет. Да и отзывы о современной литературе, первоначально публиковавшиеся на страницах сибирских журналов «Сибирские огни» и «Настоящее», не все вошли в книгу.

«Новый читатель», на идеологическое образование которого в 1920-е гг. были потрачены огромные средства, традиционно критиковал «новую прозу» за отсутствие прежде всего правды. Он не считал правдой искусства мат, натуралистические сцены и блатные «смехульки», хотя и признавал, что по жизни мужик груб, матершинник и любит крепкое словцо. Почти извиняясь, Топоров признается, что при чтении «плохих современных поэтов» ему часто приходится «искусственно обрывать» детские воспоминания коммунаров, связанные со стихотворными шедеврами Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Тютчева, Майкова. Ал. Толстого:

«— Э, нет, паря, не тот товар! Вон у Пушкина-то: “Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя, то как зверь она завоет, то запла-

[1] Даются заглавия статей газеты «Вечерняя Москва» (1930. 25 нояб. С. 1; 27 нояб. С. 1; 6 дек. С. 1).

[2] *ЛГ*. 1930. 5 нояб. С. 2; см. также: *Замойский П.* Воспитаем писателя-колхозника // Там же. 24 окт. С. 2.

чет как дитя...” Картина!! Скоблит тя по коже! И все как есть правдишное. А слова-то! Вот они! Ровно нашинские!

За кузнецом не утерпит еще кто-нибудь...»[1]

Когда же коммунары высказывались о связи советской литературы с жизнью, то литературная ситуация порой выглядела просто нелепой.

Лишь один пример, к которому обращались все разоблачители «топоровщины». А. Исбах, известный пролетарский критик, много писавший о «Брусках» и росте рабочего читателя, утверждал, что роман Ф. Панферова «Бруски» является исключительной и большой победой пролетарского фронта литературы:

«Панферов впервые показал нам жизнь нашей новой советской деревни и ее живых людей во всем многообразии. Книга Панферова проста и вместе с тем глубока. Его тема — борьба за артель, борьба за коллективное хозяйство. Панферов умело и тонко показывает расслоение деревни»[2].

Критику вторят читатели с диспутов по роману «Бруски: «Среди художественной литературы о современной деревне, колхозной стройке — “Бруски” являются исключительным произведением», герои реальны, роман читается легко, «учит понимать классовую борьбу в деревне» (Подпись: Агроном С.А. Ксенофонтов)[3].

Однако полюбившие чудесное у Пушкина «живые люди» из топоровской коммуны не оценили почему-то приемов художественной идеализации и чудесных «выдумок» в романе Панферова:

«Роман о колхозной жизни, но я, колхозник, ничему в нем не верю. Глядите: на другой год у “Брусков” (название артели в

---

[1] *Топоров А.* Наблюдения // *Топоров А.М.* Крестьяне о писателях: Опыт, методика и образцы крестьянской критики современной художественной литературы. М.; Л.: ГИЗ, 1930. С. 48.

[2] См.: *Исбах А.* О живом человеке нашей деревни // На литературном посту. 1928. № 9; *Исбах А.* Лицо классового врага в деревне по «Брускам» Ф. Панферова // Там же. 1928. № 18 и др.

[3] Голос читателя о «Брусках» учит понимать современную деревню // *ЛГ.* 1930. 5 авг. С. 2. См. также обсуждение романа на заседании кружка рабочей критики: «Бруски» перед судом читателя // Там же. 1930. 24 сент. С. 2.

романе. — *Н.К.*) приобретен трактор, и бабы начали жирнеть, полнеть!.. Конечно, врет! Факт: мы живем в коммуне — скоро девять лет, а ни одна еще баба не пополнела. А которые пришли к нам новенькие, у них в месяц по два-три кило зачало весу сбывать» (136);

«Никчемное утомление людей от романа будет» (138);

«Смех в книге есть, но он дурной. <...> Самого чувствительного колхозного дела автор не захватил, а брехал и выдумлял» (138);

«“Жизнь прошла, как ястреб на колу повернулся”. Найди-ка, попробуй, ястреба на колу. Может, и бывает, но редко. Не стоит так сравнивать жизнь. Без дела это!..» (141);

«Насмешку хотел над религиозными бабами. А сделал над собой» (141);

«Панферов, должно, инспектором был. Бывал он на мужицких сходах, слушал крестьянские речи. А потом все записал и начал обманывать советскую литературу. Положа руку на сердце, скажу: пусть хошь какой ученый возьмет “Бруски”, прочтет все звенья (т.е. главы — *Н.К.*), пусть приложит весь свой ум, весь марксизм-ленинизм, — ничего он в романе не откроет. Панферов дурочку порол, а не роман писал» (146).

В топоровском послесловии к стенограмме обсуждения романа «Бруски» написано: «Читано 6–18 ноября 1928 года» и представлено «общее мнение» коммунаров: «Книга деревне не нужна. Лжива. <...> Деревня изображена неполно, неярко фальшиво»; Топоров признается, что коммунары после первой читки отказывались слушать дальше: «В такой чтецкой каторге я еще никогда не бывал» (150–151).

В качестве нашего примечания к данному сюжету лишь отметим, что пролетарская критика советовала автору «Тихого Дона» в работе над 3-й книгой романа и в изображении дальнейшего пути Мелехова ориентироваться не на Толстого, а на «правильный метод» автора «Брусков»[1]. О «новаторской» замене в романе Панферова традиционных глав на «звенья» Шолохов выскажется в дискуссии о языке 1934 г. Здесь стоит отметить, что оценка «новаторства» Панферова как у коммунаров «Майского утра», так и у Шолохова вполне диалогична тому пониманию новаторства, которое являл не только сам роман «Бруски», но и эстетическая позиция его автора, на которой тот настаивал еще до дискуссии о

[1] См.: *Селивановский А.* «Тихий Дон» // На литературном посту. 1929. № 10. С. 56.

языке 1934 г. К русской классике Панферов относился ревниво, не уставая повторять, что «мы никогда не будем прививать писателям рабскую преданность классическому прошлому, ибо тот, кто хочет быть новатором, никогда не должен плестись в хвосте событий», что классика тормозит, не позволяет шествовать «в новый мир твердой поступью», а «лучшим новатором во всем мире является наша партия, сумевшая перетряхнуть страну», на которую и должны ориентироваться и читатель, и писатель: «С нее, с партии, нам — писателям — надо брать пример»[1].

Досталось от крестьян за «неправдоподобие» больших и малых деталей жизни не только Панферову, но и многим современным поэтам и прозаикам, причем, независимо от их групповой принадлежности — и пролетарским, и попутчикам всех мастей. Даже любимому ими автору романа «Два мира», этой «неспокойной книги» (84) коммунары укажут на неточности. На неточность детали в финальной сцене романа, построенной как столкновение голоса церковного колокола и «Интернационала»: «В “Молебне” на последе сказано: “А колокол все лгал”. Неправильно. На торжествах не звонят в один колокол, а во много колоколов» (91). С неточностью этой, лишь на первый взгляд формальной детали, корреспондирует и сомнение в верности пропорций «зверства», которым Зазубрин наделяет представителей двух миров: «...белого зверства много, а красного мало. А то все красные у Зазубрина какие-то очищенные, свеженькие».

Топоровым были подготовлены еще две книги отзывов крестьян. «Материал, собранный Топоровым, настолько велик, что полное опубликование его потребовало бы несколько томов», — писал В. Гоффеншефер в предисловии к книге «Крестьяне о писателе», подчеркивая, что уникальная книга Топорова «должна явиться объектом самого тщательного изучения для литературоведов и предметом самого серьезного раздумья для писателей»[2].

Крайне осторожно, с естественными оговорками, Топорова продолжал поддерживать журнал «Земля советская» (1929–январь 1933), орган Всероссийского общества крестьянских писателей (ВОКП)[3]. В 1932-м, с ликвидацией РАПП (постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г.), казалось, открывается возмож-

---

[1] *Панферов Ф.* О новаторстве, современной теме и читателе // Октябрь. 1933. № 10. С. 198.

[2] *Гоффеншефер В.* О работе Топорова // Указ. изд. С. 14–15.

[3] См. статьи о книге А.М. Топорова в журнале «Земля советская» 1930 г. (№ 10–11, 12).

ность вернуться к поставленным в книге Топорова многочисленным вопросам общекультурного значения. Эти вопросы — в центре большой статьи одного из ведущих критиков журнала Н. Острогорского «Проблемы массовой критики». Первая часть статьи посвящена значению работы «культурника-одиночника» Топорова, «который первый в широком плане положил начало совершенно новому движению массовой критики, которая (мы в этом убеждены) имеет большую будущность»; эту будущность критик связывал с открытием «подлинно массового критического журнала», опирающегося «на тысячи таких-то Топоровых, руководящего их работой»[1] и т.п. С замечанием, что Топоровым и топоровыми в условиях создания «пролетарско-колхозной литературы» нужно обязательно руководить, связан пафос второй части статьи критика. К прежним, уже указанным ранее «главным ошибкам» учителя коммуны «Майское утро»: «объективизм», «пассивное фиксирование» отзывов («Вместо роли культурно-политического воспитателя читателей-коммунаров, А. Топоров был просто "коллекционером"»), Острогорский добавляет новые серьезные ошибки, выражающие реакционную «кулацкую идеологию»: «Взгляды А. Топорова вытекают из "народнического", эсеровского отношения Топорова к крестьянству, как носителю "самобытного", "народного" ума»[2].

Журнал решил продолжить дискуссию о массовой низовой критике и в «дискуссионном порядке» напечатал статью самого Топорова с говорящим названием «Вопрос остается открытым». Развернувшееся в критике обсуждение книги «Крестьяне о писателях» Топоров называет не критикой, а брошенным ему «обвинительным актом»:

> «Я терпеливо выслушивал критику. Две причины побуждали меня к столь долгому молчанию: а) в первое время — намерение ответить всем критикам зараз в "последнем слове подсудимого"; б) после — сознание бесполезности попытки восстановить истину дела, так глубоко погребенную моими критиками под грудой извращений, вымыслов, передержек.
>
> На все обвинения критики в книге моей даны исчерпывающие ответы и объяснения, и я не стал бы писать этой статьи, если бы литературная травля под видом критики не перешла в адми-

---

[1] *Острогорский Н.* Проблемы массовой критики // Земля советская. 1932. № 4. С. 159.

[2] Там же. С. 161–163.

нистративную травлю, в результате чего мой опыт окончательно сорван, а я девять месяцев фактически безработный.

Я хочу перед литературной общественностью еще раз вскрыть свои ошибки, признать их, рассеять искренние заблуждения некоторых моих критиков и, наконец, принять посильное участие в разработке вопросов массовой критики художественных произведений»[1].

После ликвидации РАПП не только у Топорова были большие иллюзии, что наступило время, когда можно «восстановить истину дела», ответить оппонентам и реабилитировать то большое дело, с которым связана миссия учителя словесности. Его ответы всем оппонентам были весьма дерзкими: «чрезвычайно нечистоплотные приемы», «суесловие критики», создатели «нелепейшего мифа», «сумасшедшие утверждения», «комическая беспомощность человека, спросонья заблудившегося у себя на печи» и т.п. Полемически жестко он ответит на обвинения в народническом преклонении перед крестьянами: «При слове “народ” не испытываю головокружения. Пороки крестьян я знаю не хуже моих критиков. Сам я крестьянин-бедняк по происхождению и всю жизнь работаю в крестьянских массах», однако своих коммунаров и их право иметь свое суждение Топоров не сдает: «Отрицая ум мужика, мы можем договориться до нелепейшей теории о неспособности его понять советское строительство и переделаться на социалистический лад»[2].

Назвав двенадцать допущенных им ошибок, некоторые из которых звучали весьма двусмысленно — «Я не послал книгу перед напечатанием в организацию пролетарских писателей на предварительный просмотр в целях своевременного устранения ошибок», «Я не ввел в записи своих поправок к неправильным высказываниям коммунаров о литературе» (что бы осталось от этих суждений!), Топоров поддержал предложение критика Острогорского издавать журнал массовой критики, заключив свое выступление предложением толстым журналам на время «приютить» высказывания низового читателя о художественной литературе, потому что «большой вопрос об организации и методике ведения массовой работы над художественным произведением остается по-прежнему открытым и требует внимательного обсуждения»[3].

---

[1] *Топоров А.* Вопрос остается открытым (По поводу критики моей книги «Крестьяне о писателях») // Земля советская. 1932. № 9. С. 142.

[2] Там же. С. 145–146.

[3] Там же. С. 149.

Однако надежда Топорова на «посильное участие в разработке вопросов массовой критики художественных произведений» не оправдалась. Собранные им материалы безуспешно пытался продвинуть в Москве В. Зазубрин в пору его редакторства журнала «Колхозник»[1]. Были среди собранных стенограмм и обсуждение первых двух книг романа «Тихий Дон». Однако все эти уникальные документы, к сожалению, окажутся утраченными вместе с архивом А.М. Топорова. После возвращения из сталинских лагерей Топоров вернется к учительной работе, будет настойчиво призывать изучать читателя, напишет о Шолохове небольшое эссе — оно впервые печатается в настоящем издании. Все-таки, признаем, что от учителя многое зависело в отзывах его блистательных учеников, коммунаров-крестьян «Майского утра». Об этом по выходе книги «Крестьяне о писателях» напишет из Лозанны Н.А. Рубакин:

> «Ваша замечательная книга особенно ценна ее внутренней честностью. Потому она и особенно поучительна. <...>
>
> Изучив все три Ваши превосходные, вдумчивые статьи <...> я не могу не подписаться под каждым словом их. Вашими устами говорит там сама жизнь. <...>
>
> С каждой страницы Вашей книги так и прет, так и сияет Ваша любовь к человеку, к читателю, да и их любовь и доверие к Вам просто-таки очаровывает.
>
> От всей души желаю Вам дальнейших успехов в том прекрасном и важном деле, какое Вы так честно делаете»[2].

4. МАССОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА: ГОДЫ ТРИДЦАТЫЕ

Сегодня, кажется, уже стало аксиоматичным противопоставлять первое и второе советские десятилетия, романтизируя двадцатые и демонизируя тридцатые. В первом — якобы цветение литературы, издательский плюрализм, свобода критики и т.п. Во втором — огосударствление всего и вся, в общем, тоталитарная культура. Подобная примитивная периодизация, как ни пара-

---

[1] См. письма В. Зазубрина М. Горькому 1933 и 1934 гг. // *Топоров А.* Крестьяне о писателях. М., 2016. С. 299–300.

[2] Письмо Н.А. Рубакина А.М. Топорову от 26 июня 1930 г. // Там же. С. 304.

доксально это звучит, исходит из вульгарно-материалистического понимания свободы, полной зависимости и прямой детерминации условиями и обстоятельствами такой феноменологической категории как свобода. Неопубликованное и ненаписанное суть не одно и то же, когда речь идет о художественном уровне литературы и измерениях свободы: первое относится к обстоятельствам, литературному процессу, а второе — к собственно русской литературе и самой жизни. Но самым невероятным в принятом разделении первого и второго десятилетия представляются обвинения, выдвинутые массовому читателю, которого в годы перестройки сделали чуть ли не ответственным за все грехи собственно советской литературы. Фигура читателя, без преувеличения, относится к «высоким» понятиям в русской культуре. «Наш народ, — утверждал А. Платонов в статье о Лермонтове 1940 г. — это читатель по преимуществу; равно есть другие народы, для которых то же значение, что для русских чтение, представляют музыка, зрелища или живопись»[1]. Симптоматично, что большая неправда о народном (массовом) читателе 1930-х гг. постоянно идет в связке с дискредитацией понятия народности, базового для русской литературы как мирового феномена. Скажем об одной достоверной детали из культурного процесса 1920-х, многое определившей в тридцатые. Самые масштабные (и затратные!) государственные программы первого десятилетия по отлучению читателя от классики не принесут желаемых результатов, и этому участнику литературного процесса, сохранившему «крестьянскую наследственность» в отношениях к литературе, можно действительно поставить в «вину» процесс возвращения русской классики в школьные программы и массовые библиотеки во второй половине 1930-х гг. Казалось бы, ради справедливости параллельно с возвращением запрещенных произведений необходимо было реабилитировать народного читателя и вызволить из архивов писательско-читательские документы тридцатых. Но этого, к сожалению, не произошло. Смеем утверждать, что без реконструкции реальной картины читательских симпатий и антипатий наши суждения о тридцатых, в том числе о литературе и литературном процессе, неизбежно будут страдать односторонностью, которую Пушкин называл «пагубой мысли». Конечно, сбор и систематизация читательских писем, это весьма объемная и трудоемкая работа. Читательские письма-отзывы имеются в писательских архивах, архивных фондах газет и

---

[1] *Платонов А.* Фабрика литературы. Литературная критика. Публицистика. М., 2011. С. 539.

журналов, Союза советских писателей. Но, пожалуй, самый большой массив читательской почты находится в архивах издательств и прежде всего — в фондах головного литературного издательства страны, Государственного издательства художественной литературы (ГИХЛ).

Начало тридцатых годов отмечено принятием двух посвященных издательскому делу постановлений ЦК ВКП(б). Стратегию модернизации издательского дела в эпоху реконструкции определило постановление от 30 июля 1930 г. «О работе Госиздата РСФСР», сформулировавшее задачу «организационной перестройки на основе дальнейшей типизации издательств», т.е. их объединения. Теперь именно «на издательство возлагается вся массовая работа по изучению читательских интересов и вовлечению широкой советской общественности в дело создания советской книги». Летом прошли заседания и совещания в связи с решением задач, поставленных партийным постановлением[1]. Постановление от 15 августа 1931 г. по докладу ОГИЗ «Об издательской работе» сформулировало основные требования к работе издательств, в том числе ГИХЛа, вошедшего в ОГИЗ. Указывалось, что развертывание культурной революции повышает воспитательную роль художественной литературы, поэтому основное внимание издательств «должно быть сосредоточено на борьбе за качество книги и разработке всей совокупности вопросов, связанных с изданием литературы, отвечающей задачам развернутого социалистического строительства», а «художественная литература, играющая громадную воспитательную роль, должна глубоко и полно отобразить героизм социалистической стройки и классовой борьбы, переделку общественных отношений и рост новых людей — героев социалистической стройки»[2]. Отдельным разделом в постановлении стояли вопросы критики и библиографии, издательских кадров. Вопросы коренной реорганизация ГИХЛа под лозунгом борьбы за качество книжно-журнальной продукции рассматриваются на заседаниях секретариата РАПП, ВССП и ФОСП, на собрании актива издательских работников, писателей и рабочих-ударников. Предложений было немало:

— особое внимание сосредоточить на вопросах работы рабочих редсоветов издательств;

— отметить годовщину призыва ударников в литературу мас-

---

[1] Книги на службу культурной революции // *ЛГ*. 1930. 5 авг. С. 3.

[2] Постановление ЦК ВКП(б) от 15 августа 1931 г. по докладу ОГИЗ «Об издательской работе» // Там же. 1931. 15 сент. С. 1.

штабным изданием их книг и организацией при издательствах литконсультаций (при обсуждении этого предложения в московском ВССП прозвучал голос прозаика И. Евдокимова — «в литературе ничего не вышло с рабселькорами, ничего не выйдет и с ударниками»)[1];

— «Нужно обязать каждого редактора вести *читательский* кружок на предприятии. Указания ЦК об организации библиографии *ставит по-новому вопрос об учете массовых мнений*. Читательский кружок — это только наименее обязывающая форма связи редактора с жизнью завода»[2].

«Литературная газета» делилась и некоторыми результатами прошедших обсуждений. Проведенное активом пролетарской литературы обследование 7 московских библиотек с главным вопросом, «как продвигается в массы художественная литература», показало, что спрос на художественную литературу составляет 40%, что «рабочий-читатель интересуется в большой мере пролетарской литературой, в меньшей — попутнической», «смешанный читатель» «предпочитает попутническую литературу», а «квалифицированный читатель-интеллигент читает пролетарскую и попутническую литературу в равной мере», что «независимо от социальной категории повсюду самый большой спрос на М. Горького и М. Шолохова». При этом отмечалось, что «в большинстве библиотек никакой массовой работы не ведется»[3]. Газета печатает сообщения об обсуждении новых книг на заседаниях литературных кружков: так, сообщалось, что на заседании кружка при фабрике Москвошвея «Красная швея № 13» присутствовал автор романа «Разбег», читатели представили письменные отзывы, а в адрес автора прозвучали не только высокие слова, но и замечания, что «отрицательные типы даны более выпукло, нежели положительные, что в произведении отсутствует показ комсомола, что произведение перегружено персонажами»[4] и т.п.

---

[1] См. об этом: Издательское дело на новом этапе. Как издательства реализуют постановление ЦК ВКП(б) по докладу ОГИЗ // *ЛГ*. 1931. 15 сент. С. 1; В борьбе за нового автора. Беседа с заведующим ОГИЗ тов. Халатовым // Там же. 25 сент. С. 1; Издательства должны работать по-новому // Там же. 12 окт. С. 1 и др.

[2] *Перцов В*. О новой роли редактора и критика // Там же. 1931. 12 окт. С. 1.

[3] Штаб культурной революции или автоматы «выдачи книг» // Там же. 1931. 1931. 20 авг. С. 17. Подпись: *Бригада МАПП и «Литературной газеты»*.

[4] Обсуждаем «Разбег» Ставского // Там же. 22 нояб. С. 3. Подпись: *Е.П.*

Однако самые интересные материалы на тему выполнения решений партийных постановлений находятся не в открытой печати, а в стенограммах заседаний и других документах Массового сектора издательства (ГИХЛ), которому необходимо было *практически* решать *все* поставленные партией задачи. 28 декабря в издательстве прошла конференция-совещание библиотекарей, читателей и писателей. Конечно, в выступлениях руководителей издательства, естественно, с опорой на последние выступления И. Сталина, формулировались общие идеологические задачи, стоящие перед писателями и издателями:

> «Мы сейчас переживаем такое время, когда нужна особенно сильная борьба за чистоту ленинской идеологии, когда идеологический фронт особенно является предметом серьезного внимания. Поэтому в области художественной литературы перед нами встает большая задача борьбы за чистоту, ибо классовый враг <...> уже не может действовать открыто. <...> В области художественной литературы наиболее трудно уловить настоящего классового врага <...> и поэтому сугубая бдительность, которая в особенности диктуется после известного письма тов. Сталина относительно искажений в истории нашей партии. <...> мобилизовать критику на эту борьбу с классовым врагом в литературе»; «Разработать развернутый план наступления на агента классового врага в области литературы, разоблачив конкретных носителей классово-враждебных влияний» (выступление главного редактора издательства А.А. Копяткевича)[1].

Обсуждались два вопроса: «О роли и задачах художественной литературы в реконструктивный период и тематический план изданий на 1932 год — докладчик тов. Митрофанов» и «Смотр продукции ГИХЛа за 1931 год и доклад тов. Резника из Библиографического института». В докладах было немало общей информации: о многочисленных сериях ГИХЛа («История фабрик и заводов», «На фронтах пятилетки», «Страна должна знать своих героев», «В помощь читателю», «Современная русская литература», «Иностранная литература», «Творчество народов СССР», «Новинки пролетарской литературы», «Новинки пролетарско-колхозной литературы», «Дешевая библиотека», «Книги ударников»); говорилось о «создании Магнитогорскстроя в литературе» (лозунг «За Магнитогорск литературы», выдвинут в декабре 1931 г. на

---

[1] Конференция библиотекарей, читателей и писателей. 28 декабря 1931 г. Машинопись // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 1.

пленуме РАПП), об изображении героев пятилетки, «об опасностях в пролетарской литературе» и т.п.

В общей характеристике современной литературы А. Митрофанов остановился на острой теме — «вопросе о талантливости»: «Мобилизован ли этот талант на службу социалистической революции» — как у попутчиков (на примере лирики Б. Пастернака), так и в пролетарской литературе (на примере повести Платонова «Впрок»):

> «Я осмеливаюсь выразить свое несогласие с критиком РАППа Макарьевым, который в журнале “На литпосту” писал о книге Платонова “Впрок”, что, мол, это талантливая книга. На мой взгляд, это талантливая, но. Если вы имеете книгу вредную, контрреволюционную, то, чем она талантливее, тем более вредна, — так мы ставим вопрос».

Этот вопрос не был боковым, а напрямую связан с формированием тематического плана с учетом читательских оценок и спроса — «заявками читателя». Читатель же, как следует из того же доклада Митрофанова, вовсе не рвался читать идеологически верные, но художественно несостоятельные («бездарные») новинки пролетарско-колхозной литературы и книги рабочих-ударников. Поэтому среди «новинок пролетарской литературы» А. Митрофанов главным событием грядущего 1932 г. называет «продолжение “Тихого Дона” — третья книга» и публикацию «Поднятой целины». О последней он делится вот такой информацией:

> «...я могу сообщить, что в “Красной нови” вы можете прочитать новую повесть “Поднятая целина”. Товарищи говорят, что эта вещь совершенно исключительно потрясающей силы. Мне рассказывал один “слухарь”, что он плакал, растроганный силой мощности проникновенности этой книги»[1].

---

[1] Там же. Л. 3–9. «Литературная газета» сообщала об этой читке и обсуждении романа «Поднятая целина» на собрании творческой группы «Напостовская смена» в редакции журн. «Красная новь», на котором прозвучали и вопросы к автору: «Но у Шолохова многообразные типы кулаков значительно ярче, чем образ положительного героя — рабочего-двадцатипятитысячника» (*Кальм Д.* Новый вклад в пролетарскую литературу // *ЛГ*. 1932. 16 янв. С. 4). Роман «Поднятая целина» будет опубликован в 1932 г. не в курируемой РАППом «Красной нови», а в попутническом «Новом мире». О публикации первой книги нового романа см. в письмах М. Шолохова Вяч. Полонскому от 12 ноября и 6 декабря (см.: *Письма*. С. 71, 75; *Летопись*. С. 80–81).

Еще раз подчеркнем, смотр продукции ГИХЛа в отчетном 1931 г. дал неутешительные читательские оценки сериям новинок пролетарской и колхозной литературы[1]. В выступлениях библиотекарей оценки современной литературы чаще всего давались через сравнение с русской и зарубежной классикой, которой читатель продолжал отдавать свое предпочтение. В частности, собрание сочинений русских классиков библиотекари — вслед за читателями — поддерживали, чего нельзя сказать о широко издаваемых в 1920-е гг. собраниях сочинений современных писателей:

> «... работникам ГИХЛа прекрасно известно, что многие эти вещи, издаваемые отдельными книгами, не представляют собою большого интереса. Поэтому к чему спрашивается выпускать полные собрания сочинений, к чему это собрание на полках и канонизация современных писателей? Будет время, и они получат свою долю на библиотечных полках. Но сейчас не время и это нужно прекратить. Это мероприятие сэкономит колоссальное количество бумаги».

Из современной литературы — на первом месте в ожиданиях читателя стоял «Тихий Дон»:

> «Сейчас, напр., с нетерпением ждут третьей книги Шолохова, не могут поверить, что она еще не вышла, обвиняют нас в том, что мы эту книжку не покупаем. <...> обратить внимание писателей на незаконченность, которая встречается в их произведениях, она очень не удовлетворяет наших читателей. Вот Достоевский их удовлетворяет, там, говорят они, все есть от начала до конца. Они любят, чтобы была раскрыта вся жизнь и не любят незаконченности».

Выступавший на совещании представитель «рабочего революционного редсовета» (Нейман) советовал издательству учитывать мнение рабочей критики: «надо больше критики от рабочих, а то все — интеллигенты»[2].

Постановление 1931 г. о реорганизации издательской работы поставило перед издательствами задачу изучения спроса на литературу со стороны читателей отдельных групп с целью макси-

---

[1] Конференция библиотекарей, читателей и писателей. 28 декабря 1931 г. Л. 26.

[2] Там же. Л. 38.

мального соответствия выпускаемой книжной продукции этому спросу. Поступающие данные за 1932 г. из разных институтов и опорных постов издательства примерно те же, что и в 1931-м:

«Спрос на художественную литературу 60–70%»;

«Классика русская и мировая — на первом месте. Библиотекари: “Классики у нас становятся недосягаемой мечтой”»;

«Наш книжкор т. Карликовская (Маслозавод № 306) пишет, что ее слушатели хором просят почитать сказки Пушкина — и обижаются, когда я не дала их»;

«В библиотеке Люберецкого завода “Поднятой целины” всего 4–5 экземпляров»;.

«В зерносовхозе “Гигант” художественной литературы почти нет, если не считать двух-трех сотен старых, зачитанных книг. Как правило, острейший недостаток ощущается в классической литературе»;

«Читатель за классикой встает в очередь. Небольшое количество классических книг зачитан буквально до дыр»;

«Из современных — Шолохов на первом месте»[1].

Для выполнения стоящих перед издательством задач в 1932 г. был реорганизован Массовый сектор, которому теперь поручалось разработать *систему* работы с читателем и учета его мнений о выходящих в издательстве книгах. Сохранившиеся в архиве ГИХЛа планы работы массового сектора поражают своим масштабом. Так в плане на второе полугодие 1932 г. определены опорные точки (посты) работы сектора — 5 московских заводов, библиотеки Москвы и Московской области, крупнейшие стройки страны (Днепрострой, Раменская фабрика, Подольский механический завод и др.), на которые отправлялись книги издательства. Отдельным разделом в плане стоит «Работа с читателями и библиотеками», которая включает большой список мероприятий и направлений работы Массового сектора:

— «Провести в конце года 2-ю общемосковскую конференцию библиотекарей с активом читателей и участием писателей. Обсуждение продукции за 1932 год, тематического плана 1933 года»,

— «Организовать на предприятиях Москвы и Московской области при заводских библиотеках посты по качеству продукции ГИХЛ —

---

[1] «Заявка читателя». Машинопись // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 176. С. 1–2.

выделив ответственного постового из актива читателей и литкружковцев, которые совместно с библиотекой собирают материалы читателей <...> (инструкторской части разработать форму сведений постовых)»;

— «Подготовить конференцию рабочих читателей с заводов...»;

— «Вести с книжкорами систематическую работу», «проработать вопрос организации для них заочных курсов»;

— «Организовать показательный суд читателей над писателем и редактором, выпустившим халтурную или вредную идеологически книгу, привлекая в качестве ответчика писателя и редактора, библиоинститут, в качестве судей актив читателей»;

— «Организовать на одном из предприятий конкурс на лучшего читателя изданий ГИХЛ, применив как способ его выявления литвикторину с книжными премиями»;

— «Проработать вопрос изданий при массовом секторе трехмесячника в 1, 2–1, 5 печатных листа, в котором реализовать отзывы читателя о продукции ГИХЛ. Такого рода издание “Читатель о писателе” необходим не только редакции и писателю, но и библиотекам. Не реализация имеющихся “документов” читателей о писателе в печатном виде — “преступна” перед историей литературы, т.к. поступают интереснейшие материалы-отзывы читателей»;

— «Приступить к работе по изучению спроса читателей-рабочих на издания классиков в заводских библиотеках»;

— «Проработать среди читателей вопрос о предисловиях и примечаниях к изданиям классиков и их читательности»;

— «Разработать форму учета читательских отзывов на книги ГИХЛ, обеспечив своевременное и правильное использование писателем и Главной редакцией читательских отзывов»[1].

Массовый сектор занимается регулярной отправкой вышедших книг издательства в опорные пункты. Это были, как весьма точно отмечено в газете, именно «эшелоны книг»[2]. Особое внимание уделялось коллективизирующейся деревне и ее передовому отряду — политотделам МТС, что, безусловно, связано с решениями январского пленума ЦК ВКП(б) 1933 г.[3]. В планах и отчетах Массового сектора 1933–1937 гг. отдельными разделами стоят «Работа с читателями», «Работа с писателями» и «Литературные

[1] Планы работы Библиографически-информационной части ГИХЛа на июль-декабрь 1932 г. Машинопись // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 34–35.

[2] Книгу — деревне // *ЛГ*. 1932. 11 июля. С. 1.

[3] Подробно об этом см. в наших примеч. 10 к п. 16.

консультации». Кроме уже названных мероприятий, работа с читателями включала (далее информация дается по плану 1934 г.):

— Увеличение количества опорных пунктов литмассовой работы (это крупнейшие заводы, колхозы и совхозы, политотделы МТС): «В опорных пунктах систематически прорабатывать книги и рукописи Гослитиздата, к работе в опорных пунктах привлечь в первую очередь актив читателей при библиотеке, литкружка, многотиражки»; «в опорных пунктах провести обсуждение 10 книжных новинок издательства»;

— Выезды писателей и критиков в опорные пункты издательства для встречи с читателями, снабжение выездных бригад книгами, сбор читательских отзывов.

— Формирование и постоянное обновление состава книжкоров издательства (планировалось довести их количество до 100 человек);

— Обсуждение с писателями и критиками выпущенных книг и представленных рукописей; проведение совещания актива читателей и библиотекарей по обсуждению темплана на 1935 г.[1].

Для освещения масштаба работы Массового сектора приведем отчет одного из его сотрудников Е. Цинговатовой о работе с читателями за октябрь-ноябрь 1934 г.:

> «1) Приведены в порядок и разобраны читательские письма, полученные ГИХЛом и переданные из “Советской литературы”. Все вновь поступающие письма (в среднем 10 шт. в день) классифицируются по выработанной схеме. Наиболее интересные письма передаются соответствующим редакциям и писателям.
>
> 2) 26/XI проведено совещание московских библиотекарей по тематическому плану на 1935 г.
>
> 3) Организованы опорные пункты на следующих предприятиях <указаны 10 заводов>.
>
> 4) На опорных пунктах прорабатываются следующие книги: <...> И. Эренбург. “День второй” (Метрострой). Проведено совещание работников библиотеки с докладчиком т. Гоффеншефером, на котором выработан план проработки книги. Книга выдана читателям. Итоговый вечер будет проведен 15 /XII. <...> Г. Серебрякова. “Юность Маркса”. Готовится итоговый вечер. Докладчики т. Черняк, содокладчик т. Лукин»[2] и т.д.

---

[1] Планы массовой работы с писателями и читателями на 1934–1936 гг. // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 29 об.

[2] Там же. Ед. хр. 86. Л. 71–72.

Отдельным пунктом во всех планах Массового сектора стояла работа по обработке писем читателя; она включала: переписку с читателями (подготовку ответов на вопросы писем), перепечатку писем, связь с авторами, подготовку обзоров писем для газет и журналов.

В отчетах Массового сектора о проведенной с читателями работе неизменно дается информация о пристрастиях читателя, приводятся их отзывы. Постоянно идет информация, пожалуй, только об одном писателе — Шолохове:

«Читала Гладкова “Цемент”, очень трудно читать. У него и слова-то какие-то отрывистые, словно обрубленные. Не понятен Гладков, для нас тоже вот и Сейфуллина. Я читала Успенского. Очень хорошо. У него герои такие отвратительные, что отвращение ко всему царскому строю внушают» (Шеина, работница при столовой Новоусманской МТС, из отчета поездки бригады писателей и критиков, 1933 г.)[1];

«Прежде всего необходимо отметить, что книга “Энергия” читается не с “энтузиазмом” и не с захватывающим интересом, как этого, надо думать, хочет автор. <... > Стройка Днепрогэса поистине достойна лучшего описания!» (Н. Бондарь, рабочий)[2];

«Недостаток книг “Поднятая целина”. У нас на шахте имеется один экземпляр ее. Да и ту недавно получили. Я схватил ее первым, но десятки людей ежедневно меня спрашивают, скоро ли я ее кончу и передам им» (Донбасс, шахта № 23, горняк С. Рытиков);

«Читатели очень живо интересуются судьбами героев книги, просят сообщить, с кого списаны те или иные образы, спрашивают адреса героев, “Чапаева” и прямо вмешиваются в их дальнейшую судьбу, если книга еще не закончена. Вот отзыв о “Поднятой целине” Шолохова: “Скажу лишь, что буду глубоко оскорблен, если во второй книге (буду ждать ее с нетерпением) Давыдов будет убит Тимофеем Рваным, а Яков Лукич не будет разоблачен. Макару я отвожу во второй книге более высокую честь. Деду Щукарю — пусть будет таким же. В жизни такие люди очень нужны”» (Яндульский, инструктор-технолог, кандидат ВКП(б));

«Прошу издательство той книги — т. Шолохова выпустить еще добавочно 1–2 книги, или сколько для этого будет нужно, охарактеризовав дальнейшую борьбу с казачеством нашей доблестной

[1] Отчетный материал о поездках писателей. 1933–1936 // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 21.

[2] Обзор отзывов книжкоров // Там же. Ед. хр. 185. Л. 13.

Красной армии. Особенно отобразив такие факты, как повстанческие отряды донских казаков, которые присоединились к атаманским генералам, откуда взялся генерал Врангель, что с его армией сделали 1–2 конные Красные Армии под командованием т.т. Буденного, Миронова, дальше охарактеризовать Григория Мелехова, Аксинью, Степана Остахова <sic!>, семью Мелеховых. Особенно охарактеризовать, что сделано <с> участвующими в жестокой расправе над т. ... их товарищами в числе 80 чел. Ведь там же всех участвующих в зверской расправе известны фамилии и из какой станицы и т.д.» (рабочий Желто-Каменской МТС Апостоловского района Ткачев, 39 лет. Украина, поселок Желтое, Каменский с/совет, Днепропетровская обл.)[1].

Стоит сразу отметить, что для печати отбирались в основном письма и отзывы сознательных читателей: «Рабочий Люберецкого завода говорит о “Цементе” Гладкова, что он “поднимает желание работать, поднимает энергию, впечатление было сильное и я стал больше участвовать в общественной работе и теперь я много участвую”», а рабочий этого же завода Андреенко отмечает, что поэт Безыменский «мобилизует чувство и волю трудящихся» и после чтения его произведений «сразу поднимается энтузиазм и бодрость»[2].

Читатели слали в массовый сектор и рабочий редсовет издательства собственные размышления о современной литературе — в архиве немало писем на заданную издательством тему «Мои требования к писателю». Вот, к примеру, фрагменты из письма книжкора А. Кодоркина (крестьянин-колхозник, бедняк):

«Есть тенденция у многих писателей пролетариата, вытекающая от отсутствия детального изучения того, о чем пишут, что герои, либо гиганты или же “петрушки”, двигающиеся механизмом. Много трафаретности.

Желал бы: а) показать нового героя, героя социалистического строительства (как в деревне, так и в городе), живого, естествен-

---

[1] Краткий отчет о литмассовой работе с читателями и писателями в 1936 г. // Там же. Ед. хр. 90. Л. 207–210.

[2] Цит. по: Статья Оборина А.П. «О чем говорит и пишет читатель», опубликованная в «Литературной газете». Машинопись // Там же. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 175. С. 2, 5. См. также рассказ о том, как после чтения стихотворения А. Безыменского «Большевик» посевная бригада стала выполнять нормы выработки по пахоте: «В этом большая заслуга художественного слова Безыменского» (*Корлов А.* Помначальника политотдела Меркутлинского маслозавода // *ЛГ*. 1933. 23 сент. С. 1).

ного героя, который умеет и смеяться, и унывать, который чувствует. Не надо ударника, который превращается в механизм, в машину, дайте живого ударника, который перестраивает быт, отдых, который не только перевыполняет план “с седьмым потом в лице” (как многие в литературе), но который знает свое место в производстве и в обществе. <...>

Женщины, как строителя и члена общества, как героя нет. Есть только женщина, требуемая по ходу действия, или женщина как женщина»[1].

Как уже отмечалось, большое место в работе Массового сектора занимала обработка писем читателя, а их приходило немало.

Вот информация по 1935 г.:

«Ежедневно в Массовый сектор поступает от 10 до 30 читательских писем. За 1935 год поступило 1648 писем, из них использовано внутри издательства и передано авторам 1112. Наибольшее количество падает на книги Шолохова.

Шолохов — 292
Новиков-Прибой — 158
Ильенков — 113
Фурманов — 58
Левин — 48
Эренбург — 40
Панферов — 38
Фадеев — 35
Микитенко –33
Леонов — 28
Гладков — 28
Ясенский — 23
Зорич — 22
Авдеенко — 20»[2].

В планах сектора большое место занимает «проработка» с читателями книг современных писателей. Так в плане на 1936 г. стоит «проработать среди читателей путем организации вечеров» 38 книг современных писателей, среди которых значатся:

[1] Запросы читателей о книгах, об авторах и по другим вопросам // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 757. Л. 8–10.

[2] Планы и отчеты массового сектора по работе с писателями и читателями 1934–1935 гг. // Там же. Ед. хр. 90. Л. 73, 87, 94.

Ф. Гладков («Энергия»), К. Паустовский («Повесть о социализме»), Н. Островский («Как закалялась сталь»), «Тихий Дон» (4-я книга)[1].

Стоит сразу отметить, что 4-я книга «Тихого Дона» (она будет опубликована только в 1940 г.) включалась в планы работы Массового сектора с 1934 г.[2] На 1936 г. планировалось в январе организовать «общественный просмотр иллюстраций художника Королькова к «Тихому Дону» М. Шолохова»[3] (помета «Вып<олнено>») и «Командировать в подшефную воинскую часть докладчика на тему "Красная Армия в художественной литературе". В ту же часть командировать докладчика о "Тихом Доне" Шолохова»[4]. Отметим, что в отличие от позиции автора книги «Крестьяне о писателе», настаивавшего, что самое важное в низовой критике — «Перед чтением вещи не говорить об отношении к ней профессиональной критики», «заставить слушателя в разборе сочинений быть самим собою, ни у кого не занимать мыслей»[5], здесь была прямо противоположная установка: воспитать сознательного читателя, научить *правильно* понимать художественное произведение (правильным мнением естественно обладал критик).

В планах и отчетах Массового сектора так же масштабно, как и работа с читателями, представлена работа сектора с писателями. Здесь главным мероприятием являлись творческие вечера писателей, подготовка которых возлагалась на критика, который открывал вечер докладом о творчестве писателя, затем выступал писатель, а потом к обсуждению подключались читатели. Вечера проходили в опорных пунктах литмассовой работы Москвы — на заводах и фабриках, в научных институтах (Тимирязевская академия), в Метрострое, библиотеках, воинских частях, Группкоме писателей, в Центросоюзе, на одной из ж/д Московского узла, в Союзе писателей. Главным образом на творческих вечерах писателей читались и обсуждались новинки года; в планах — «День

---

[1] Планы мероприятий массового сектора на 1934 — 1936 гг.// Там же. Ед. хр. 87. Л. 10.

[2] Это связано с издательскими планами: 4-я книга «Тихого Дона» и 2-я книга «Поднятой целины» включались в первую очередь редакционного плана ГИХЛ с 1934 г. (см.: РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 6, 9, 143).

[3] Первое издание «Тихого Дона» с иллюстрациями художника С. Королькова выходило в ГИХЛе в 1935 г. (1-я кн.), 1936 (2-я кн.), 1937 (3-я кн.).

[4] План массовой работы на 1 квартал 1936 г. // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 93, 94.

[5] *Топоров А.М.* Методические заметки // *Топоров А.М.* Крестьяне о писателях: Опыт, методика и образцы крестьянской критики современной художественной литературы. М.; Л.: ГИЗ, 1930. С. 57, 63.

второй» и «Не переводя дыхания» И. Эренбурга (по количеству вечеров Эренбург занимает первое место), «Юность Маркса» Г. Серебряковой, «Скутаревский» Л. Леонова, «Глюкауф» В. Гроссмана, поэма «Оксман» Н. Асеева, пьеса «Поле и дорога» Вс. Иванова, «Большой конвейер» Я. Ильина, «Ведущая ось» В. Ильенкова, «Петр I» А. Толстого, «В краю непуганых птиц» М. Пришвина и др.[1].

В плане мероприятий по подготовке к Первому съезду писателей СССР (первоначально его планировали провести в 1933 г.) стоят 6 вечеров писателей:

«1. Бабель

2. Шолохов <вписано в машинопись карандашом — «июнь». — *Н.К.*>

3. Панферов <вписано карандашом — «выполнено». — *Н.К.*>

4. Фадеев

5. Ставский

6. Драматург (Катаев)»[2].

Предлагаемый издательством план творческих вечеров подвергла резкой критике «Литературная газета»: «Почему только 6?», где вечера Вс. Иванова, Л. Леонова, Г. Никифорова, А. Белого и др. крупнейших современных писателей[3]. Скорее всего, судя по пометам в плане, из запланированных состоялся только вечер Ф. Панферова. Информацией об июньском вечере Шолохова в настоящее время не располагаем. В «Летописи жизни и творчества» приводится информация о вечере Шолохова в ГИХЛе, который прошел в феврале 1933 г. На этой встрече Шолохов читал отрывки из 3-й книги «Тихого Дона»; дискуссия, в которой приняли участие писатели и критики (Г. Никифоров, П. Орешин, С. Буданцев, Г. Серебрякова, Е. Пермитин, Ю. Лукин), развернулась не только о «Тихом Доне», но и о первой книге «Поднятой целины». В заключение вечера директор издательства Н.Н. Накоряков выразил общую «товарищескую просьбу», включающую одно из пожеланий читателей дать «Тихий Дон» в «законченном

---

[1] См.: План массовой работы на 1 квартал 1936 г. // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 93, 94.

[2] План мероприятий по подготовке к съезду писателей. Машинопись // Там же. 1. Ед. хр. 87. Л. 1.

[3] В крупнейшем издательстве художественной литературы // *ЛГ*. 1933. 29 окт. С. 1.

виде»[1]. Читателям о развернувшейся на вечере острой дискуссии решили не рассказывать.

Творческий вечер Шолохова также стоял в планах издательства на 1934 г. — и опять в программе подготовки к писательскому съезду, за подготовкой к которому Шолохов следил из Вешенской по газетам. В феврале Шолохов на несколько дней приезжал в Москву, о чем сообщила «Литературная газета», опубликовав рассказ писателя о работе над двумя романами — четвертой книгой «Тихого Дона» и второй книгой «Поднятой целины». Шолохов обещал закончить обе книги в 1934 г. и ответил на вопросы, которые задавали критики, редакторы и издатели, но главным образом пытался объясниться даже не с ними, а прежде всего с читателем:

> «Окончанию второй книги “Поднятой целины”, — говорил он, — помешала работа над последней книгой “Тихого Дона”. В ней будет показан окончательный разгром белого движения на Дону.
>
> Возвращаясь по тому или иному поводу к первым книгам “Тихого Дона”, ощущаю чувство неудовлетворенности, как это вообще свойственно писателю. Недочеты первых книг я стараюсь исправить в четвертой, а это идет не за счет быстроты.
>
> Как только закончу “Тихий Дон”, вернусь к “Поднятой целине”. Главные трудности, тормозившие работу над первой частью, — обилие материала, стремление отобрать самое существенное — сейчас преодолены.
>
> Вторая книга, как и первая, покажет становление колхозной деревни. Она охватывает примерно тот же период (1930–31 годы), но более поздний его этап. Все основные персонажи первой книги переходят во вторую. Но помимо них читатель встретит и новых героев. Это главным образом партийные работники из района.
>
> Я принимаю упреки в том, что в первой книге “Целины” слабо отражена роль комсомола в коллективизации деревни, совсем не показана женщина-коллективистка. В плане работы над второй книгой надо исправить эти недостатки. Каким путем? Пока еще не знаю. Мне не хочется подробно сейчас говорить об этом — это векселя, по которым надо будет платить. У меня на памяти много примеров не только несовпадения изданной книги с первым ее вариантом, рассказанным в каком-нибудь декларативном высказывании, но и целиком невыполненных писательских обещаний. Отклонения в процессе работы от намеченного плана вполне зако-

---

[1] *Летопись*. С. 97. Стенограмма вечера впервые опубликована Ю.А. Дворяшиным (Молодая гвардия. 1993. № 5–6. С. 225–230).

номерны. Поэтому самое благоразумное — раньше времени не распространяться о деталях»[1].

На февраль 1935 г. планировался творческий вечер Бабеля или Шолохова: «Провести творческий вечер Бабеля. Писатель читает свои рассказы (или сообщение М. Шолохова о заграничных впечатлениях)»[2], однако информацией о нем не располагаем.

В пору подготовки к писательскому съезду тема читателя и в целом массового литературного движения не сходит со страниц «Литературной газеты», газета сообщает о встречах читателей и писателей, публикует материалы совещания актива московских читателей, библиотекарей и писателей, созванного правлением ГИХЛа[3].

В 1933 г. в газете открываются рубрики «Обойденные темы. Письма читателей в “Литгазету”», «О чем пишут читатели в “Литературную газету”», «Слово читателя», «Голоса жизни», «Счет читателя»; в 1934 — «Рабочий-читатель критикует», «Письма любимым писателям» и «Что вы читаете». На страницах газеты читатели обсуждают «обойденные» писателями темы и вопросы: о московском метрополитене, о шахтерах; о новостройках страны, об организации литературных кружков на заводах, об изображении «женщины-передовика» и создании «портрета советской женщины», об издании ОГИЗ ряда книг советской литературы на языке эсперанто, чтобы с ними могли познакомиться рабочие других стран[4]; о литературе для детей с большим списком требований детских библиотек[5]; о «показе в литературе работников железнодорожного транспорта — машиниста, сигнальщика, стрелочника, смазчика»[6], об изображении комсомоль-

---

[1] В работе «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Беседа с тов. М. Шолоховым // *ЛГ*. 1934. 6 февр. С. 4.

[2] Календарный план на 1 квартал 1935 г. // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 44. Помета редактора: «Болен», неизвестно, относится она к Бабелю или Шолохову. В ноябре-декабре 1934 г. по приглашению европейских издательств Шолохов находился в поездке по скандинавским странам, Англии и Франции. В феврале 1935 г. Шолохов делился впечатлениями от поездки на встрече с жителями Вешенской и в выступлении на пленуме Вешенского РК партии (см.: *Летопись*. С. 122–125, 127–128).

[3] *Дельман*. Счет читателя // *ЛГ*. 1933. 29 окт. С. 4.

[4] «Обойденные темы». Письма читателей в «Литгазету» // Там же. 1933. 11 авг. С. 4.

[5] *Евгеньева Гр*. Дети предъявляют счет писателям // Там же. 17 окт. С. 2.

[6] *Доненко В*., начальник политотдела МББ [Московско-Белорусско-Балтийской] железной дороги // Там же. 29 сент. С. 1.

цев в современной литературе[1] и т.п. Особый вес «обойденным темам» придают выступления Горького с его инициативой коллективных писательских проектов, а также его статья «О темах»[2] со списком самых невероятных тем, освоить которые он предлагает советским писателям.

А.Н. Толстой в статье «Литература 2-й пятилетки», написанной на заданную «Литературной газетой» тему литературы второй пятилетки, ее задач и будущего и опубликованной в праздничном номере, посвященном 17-й годовщине Октябрьской революции, говоря о «будущей линии поведения литературы», отмечает, что одним из основных факторов ее развития становится читатель:

> «...новая интеллигенция, тот пролетарский читатель, которого мы и посейчас еще очень мало знаем. Мы часто пишем не для него, а, может быть по привычке, по косности, для того, кто десять лет назад, — взъерошенный — только что вернулся с гражданской войны. Культуру, глубокое знание часто подменяем начальной политграмотой, примитивной пропагандой и высокомерием. <...>
>
> Отсюда — тревога, страшная тревога за отношение к тебе твоего читателя, пересмотр всего своего багажа и неминуемое принятие читателя в число элементов твоего творчества. Предстоящий всесоюзный съезд советских писателей будет горячим знакомством писателя со своим читателем, а, весьма возможно, и бурным столкновением между ними. Все усилия сейчас к тому, чтобы столкновение это было возможно более бурным и плодотворным»[3].

Высокую оценку работе Массового сектора ГИХЛа дали Пант. Романов и Н. Ляшко — правда, их отклики на актуальную тему читателя «Литературная газета» не печатает, возможно, из-за противопоставления читателя и критика. После разгрома «топоровщины» эта тема была снята с публичного обсуждения. Пант. Романов же говорит о «неприличном тоне» критика, который пытается заместить читателя:

«И многие писатели, загипнотизированы этим и относятся к писаниям критиков, как к приговору читателя. <...> Для писателя является неожиданная находка — друг и помощник в лице чита-

---

[1] *Оружейников Н.* Герои жизни и литературы // Там же. 29 окт. С. 1.

[2] *Горький М.* О темах // Там же. 1933. 17 окт. С. 1.

[3] *Толстой А.* Литература 2-ой пятилетки // Там же. 1933. 5 нояб. С. 3.

теля. <...> Не мешало бы и критикам познакомиться с результатами работы массового сектора»[1].

Не менее категоричен в своем высказывании и Н. Ляшко: «Голос читателей писателю не заменяет ни критика, ни литературоведение, ни изучение действительности»[2].

В конце 1933 г. на опорных предприятиях ГИХЛа — московских заводах «Серп и молот» и им. Сталина — проходят читательские конференции, в том числе, по романам «Поднятая целина» Шолохова и «Ведущая ось» Ильенкова. Газета сообщала, что на конференцию по «Поднятой целине» пришло «300 читателей, в прениях выступило 28 человек, дано 58 письменных отзывов»[3]. Один из 58 письменных отзывов был напечатан в рубрике «Письма любимым писателям»:

> «Справедливо сказали старейшие ударники красной Москвы, побывавшие на нашем заводе имени любимого Сталина: “Вот бы тебе, т. Михаил Шолохов, съездить сюда. Писатель ты хороший, умный, но ты все больше у нас по крестьянской части пишешь. Читали мы твою «Целину» и «Тихий Дон» с интересом. А вот теперь дай-ка своего донецкого или донского крестьянина, поставь-ка его за «шисс-де-фрезом»; да зачем тебе его ставить, он и так уже там стоит и ждет тебя, когда ты «Поднятую целину» начнешь писать”.
>
> Читал я твои произведения, т. Шолохов. Читал с большим интересом. Сейчас жду не дождусь, когда напечатаешь вторую часть “Поднятой целины”. И еще ожидаем с нетерпением твоего приезда к нам на завод.
>
> Надеюсь, что ты, как изотовец пера, освоишь накопленный нами материал, напишешь большое художественное полотно о людях и делах нашего завода-города-сада.
>
> Приезжай поскорее...
>
> Токарь механик цеха № 2 Нагайченко»[4].

---

[1] Отзывы писателей Романова П. и Ляшко Н. по поводу писем читателей // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 171. Л. 2–4.

[2] Там же. Л. 5.

[3] Рабочий-читатель критикует: «Серп и молот» и завод им. Сталина о книгах Шолохова и Ильенкова // *ЛГ*. 1934. 11 янв. С. 1. См. о творческом вечере по роману Ильенкова «Ведущая ось» (Слово читателя. Подпись: *Г.К.* // Там же. 1933. 5 нояб. С. 5).

[4] Письма любимым писателям // Там же. 1934. 26 окт. С. 1. В этой же рубрике печатались письма читателей М. Горькому и А. Фадееву.

В дни XVII съезда партии на страницах «Литературной газеты» по вопросам «обойденных» литературой тем высказываются делегаты московской партконференции, их суждения печатаются под общей шапкой с символическим заглавием «Мы хотим, чтобы каждая книга была бы нам так же дорога и нужна, как “Поднятая целина”»; любопытна статистика спроса книг у делегатов съезда победителей: на первом месте — коллективный труд писателей «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» (2500 экземпляров), на втором — роман Авдеенко «Я люблю» (1500 экз.), на третьем «Цусима» Новикова-Прибоя, «Поднятая целина» и «Время, вперед» В. Катаева (800 экз.). А далее, не менее существенное «НО»:

«Но *самый большой спрос* был на классиков. Однотомник Пушкина и Салтыкова-Щедрина, и томик Тургенева, изданный “Академией”, разошлись буквально в два дня. Делегаты съезда требовали Гоголя, Некрасова, Лермонтова, Чехова, Толстого... Но их требования не могли быть удовлетворены. *Книг классиков нельзя было достать* даже в киоске на съезде. <...> Делегаты приобрели *500 экземпляров* сборника “Поэты мира о Ленине” (курсив наш. — *Н.К.*»[1]

Первый съезд писателей подтвердил значимость фигуры массового *сознательного* читателя в строительстве советской литературы. Читатели выступали на всех заседаниях — 30 выступлений (!), докладчики-читатели представили практически все опорные пункты ГИХЛа и назвали «обойденные темы», освоить которые и создать о них «волнующие произведения» выступающие призвали «инженеров человеческих душ». От «ударников-колхозников», рапортующих съезду о радикальных изменениях жизни деревни — росте культурности деревни, передовых женщинах, «которые работают день и ночь на молотилке», «лучше мужчин справляются с мешками при отвозе хлеба», «имеют орден Красного знамени», «строительницах социализма», — прозвучали замечания к «Поднятой целине» и советы автору романа, написать наконец-то во второй книге новую женщину деревни:

«Я читал много книг, с особенным интересом прочел “Тихий Дон”, “Железный поток”, “Поднятую целину” и ряд других. “Поднятую целину” и “Железный поток” мы обсуждали в бригадах. “Поднятая целина” — книга, написанная очень хорошо, но все-

[1] Что читают делегаты? // Там же. 1934. 12 февр. С. 4. Б.п.

таки мы там находим один недостаток. Какой недостаток? А вот какой. Тов. Шолохов, эта самая Лукерья все время ласкается к мужу; это хорошо, т. Шолохов. Но мы просим, чтобы вторая книга “Поднятой целины” скорее вышла и чтобы там Лукерья, которая все время ласкается к мужу, стала ударницей колхозного производства (*аплодисменты*) (т. Чабан)»;

«Товарищи писатели, разрешите нам сказать, что вы много передаете нам своего опыта, много печатаете книг. Мы много их читаем. Читаем книги т. Шолохова, книги т. Панферова и еще много разных книг читаем. Многое мы из них вычитали. Вот передо мной товарищ рассказал, что там есть Лукерья, она ласкается. Эту Лукерью нужно превратить в колхозного строителя, колхозную ударницу (*аплодисменты*).

Товарищи писатели, не в обиду вам сказать, что у вас есть большая недоработка в ваших книгах (*аплодисменты*). В ваших книгах нигде не было сказано о колхознице-ударнице (аплодисменты), было только сказано об этой ласкающей Лукерье (*аплодисменты*). <...> Давайте, товарищи писатели, <...> соткем новую страницу книги и отметим на первой странице женщину. Опишем ее достижения. Лукерью превратим в хорошую колхозницу, ударницу, в значкистку (т. Смирнова)»[1].

Шолохов на съезде не выступал — это кажется странным для автора, без преувеличения, самых читаемых книг начала 1930-х гг. В 1933 г. 3-я книга «Тихого Дона» печатается в «Роман-газете» и ГИХЛе, где в серии «Книга — социалистической деревне» отдельными изданиями выходят все три книги главного романа. Стоит, правда, отметить, что по количеству изданий «Поднятая целина» превосходит «Тихий Дон». В 1933 г. в серии «Книга — социалистической деревне. Библиотека начинающего читателя» отдельным изданием под заглавием «В бригаде прорыва» печатается глава романа, два издания «Поднятой целины» выходит в издательстве «Советская литература» и также два — в ГИХЛе. В 1934-м — 6 изданий «Поднятой целины» и лишь одно «Тихого Дона» (1-й книги)[2]. Да и критика в 1933 и 1934 г. пишет в основном не о «Тихом Доне», а о «Поднятой целине» как «решающей победе» не только коллективизации, но и писателя.

Перенос внимания с «Тихого Дона» на «Поднятую целину» нашел отражение и в посвященном Шолохову сюжете высту-

---

[1] *Стенографический отчет — 1934*. С. 225–227.

[2] См.: *Биобиблиографический указатель*. С. 28–29.

плений читателей. Правда и в том, что адресованные Шолохову упреки сознательных читателей-колхозников относились к одной из центральных тем советской литературы — изображению новой женщины, в отношении к которой Шолохов и в «Тихом Доне, и в «Поднятой целине» оказался отнюдь не на передовых позициях советской литературы. Об этом писали критики и сознательные читатели в своих письмах. В подготовленном издательством обзоре писем читателей о Шолохове был выделен отдельный и большой раздел «Слабые стороны произведения»[1], в котором приводился перечень ошибок писателя (что в романах не показан новый быт, что без любви написаны коммунисты в «Тихом Доне», а в «Поднятой целине» неясно дан кулак Островнов и т.п), но среди фундаментальных ошибок указаны две –изображение комсомола и новой женщины (в обоснование ошибок цитировались фрагменты писем читателей):

— «Отсутствие в романе показа молодежи и в первую очередь показа комсомола на селе»: «Как это даже обидно, вроде молодежь не строила колхозы. Найденов — городской парень, Дымок не характерен. Непонятно, как Шолохов обошелся без молодежи. Уж не такие мы матерщинники, за 15 лет культурнее стал» (селькор Белов)[2];

— «Неверный показ женщины»: «Неужели не было такой женщины, которая бы правильно поняла поставленную партией задачу и наравне с Давыдовым, Нагульновым, Разметновым боролась бы за их выполнение. <...> То же самое и с молодежью. Молодежь в романе совершенно не показана. Мы знаем, что молодежь является застрельщиком и проводником всех новых идей. Мое пожелание тов. Шолохову во второй книге показать женщину и комсомол, активно борющихся за задачи, поставленные партией» (завод «Манометр», рабочий Чихалов)[3].

Итак, массовый читатель — полноправный участник литературного процесса, эта еще одна, утвержденная съездом отличительная черта советской литературы. Любимое дело критиков теперь — противопоставлять, с опорой на цитаты из классиков (Н. Гоголя, Н. Некрасова, Л. Толстого, А. Чехова, В. Розанова и др.)

---

[1] Обзор читательских отзывов на произведения Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина» (1931–1937) // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 97.

[2] Там же. Л. 116.

[3] Там же. Л. 286.

советскую литературу дореволюционной, где писатель, естественно, был несчастлив, ибо не имел читателя:

«Как должен быть счастлив наш советский писатель, у которого читатель многомиллионная масса рабочих и крестьян. И как этот читатель за последние годы вырос! <...> К сожалению, до сих пор критика не изучила читательских высказываний. А вместе с тем очень интересно выявить, какие требования предъявляет массовый читатель к литературе».

Так формулируется тема критиком Б. Брайниной в статье, опубликованной в 1935 г. в газете и журнале. В примечаниях к статье указывалось, что в ее основу легли беседы с колхозным активом Кораблинской МТС Московской области, материалы Московской областной библиотеки и журнала «Колхозник». Критик представила все тот же перечень «обойденных» литературой тем и требований этого нового, в данном случае, колхозного читателя, который «настойчиво требует от литературы, от писателей изображения знатных людей колхозной деревни, быта, молодежи, новых семейных отношений, показа образцового колхозного хозяйства», «художественно описать новую женщину». Этому читателю, утверждает критик, надоела литература, отражающая «идиотизм деревенской жизни» (для доказательства этого тезиса, цитируется колхозница Шляхтина из села Неретино, МТС: «В книжках очень много и подробно о нашей дурости и бедности пишут, а как мы на новую жизнь вышли — об этом скучно очень рассказывают»); этот читатель хочет читать о путешествиях в дальние страны, о прошлой жизни и жизни великих людей всего мира (опять отсылка к читателю: «Когда читаешь “Капитанскую дочку”, “Дубровского” — все просто и в то же время интересно. <...> О далекой прошлой жизни очень любопытно читать»; тракторист Клочков, МТС). Критик, можно сказать, отрабатывает новые, в сравнении с первым десятилетием, политические установки в отношении к истории России.

К «лучшим произведениям» Брайнина относит «День второй» Эренбурга (приводится суждение красноармейца Саенко: «Когда читаешь роман “День второй”, радуешься за людей нашей страны, за ее победы»...»). Слабые стороны современной литературы отрабатываются критиком на «Тихом Доне» и «Поднятой целине»:

> «Следует отметить желание найти книгу, которая бы показала новую женщину, борющуюся за социализм наравне с мужчиной, добивающуюся полной независимости от мужчины. “Я в эту зиму с особым удовольствием читала Шолохова «Тихий Дон» и «Под-

нятую целину», а также «Анну Каренину». Как начну читать, и одни, и другие петухи пропоют, а все книжку не бросаю. Шолохов умеет показать сильные чувства очень просто и ярко. На всю жизнь запомнится мне, как Марина завлекала к себе Разметнова — ведь в этой истории Разметнов скорей бабой выглядит, а Марина мужчиной. Только, конечно, не это главное. Почему у Шолохова получается, что мужчины — передовые, а женщины все отсталые, только одной любовью и живут? Это неверно. Вот Толстой так правильно показал чувства Анны Карениной, что каждому слову его веришь, страдаешь душой за Анну. А главное, Толстой намного внимательнее отнесся к женщине своего класса. У него Анна стоит гораздо выше мужчин, не только Каренина, но и Вронского, она смело рвет с предрассудками, даже в то дикое время не побоялась бросить мужа и уехать с любимым человеком. Мне кажется, что наши писатели для примера другим должны показать передовую женщину, чтобы помочь нам, женщинам, бороться за новую жизнь, чтобы меньше было отсталых среди нашего брата"» (колхозница Клавдия Харитонова, МТС);

«Настойчиво требуют читатели композиционной четкости, завершенности. Даже "Поднятой целине" — одной из самых любимых и читаемых книг предъявляют упрек, "что нет в ней действия от начала до конца"»[1].

Стоит отметить, что критик в своей статье использовала материалы Массового сектора, естественно, редуцировав их, и без ссылки. Критический выпад к данной публикации мы находим в планах Массового сектора на 1936 г., которые составлялись со ссылкой на декабрьское постановление по работе ОГИЗ:

«Исходя из постановления СНК РСФСР по отчету о работе Гослитиздательства в 1936 г. необходимо добиться увеличения притока читательских отзывов и улучшения их качества. Необходимо так поставить изучение советского читателя, чтобы полученные материалы использовались не только внутри издательства, но и в печати. Опубликованные в этом году подборки отзывов читателей-красноармейцев (Лит. Газета, от 5/V) и колхозников ("Новый мир", № 8) представляют из себя случайный материал, объединенный только по признаку одинакового социального положения

---

[1] *Брайнина Б.* Требования колхозников // *ЛГ.* 1935. 5 мая. С. 2. В другой редакции: *Брайнина Б.* Колхозный читатель о книге [«Поднятая целина»] // Новый мир. 1935. № 8.

читателей. Только широко, научно поставленная работа по изучению читателя дает возможность изучить функцию художественного произведения (воздействие на различные группы читателей воздействие в различные исторические эпохи т.д.). Необходимо привлечь к разработке этих материалов отдельных писателей и секцию критиков»[1].

Полученные Массовым сектором материалы в 1936 г. появляются в «Правде» на специальной странице «Читатели о советской художественной книге»[2]. Однако стоит признать, что в 1936–1938 гг. тема читателя уже не занимает такого большого, как ранее, места. С 1936 г. критике отводится решающая роль в борьбе с формализмом и натурализмом в современной литературе, а в самом этом ведомстве разворачивается смертельная борьба между секцией критики Союза писателей и критиками журнала «Литературный критик» (эта история завершится только в 1940 г. закрытием журнала). Чаще всего теперь печатаются отзывы знаменитых людей — летчиков, ученых, председателей колхозов, стахановцев, спортсменов, орденоносцев. Весьма характерная подборка читателей была представлена в номере «Литературного обозрения», посвященном 20-летию революции. В большом разделе «Читатель о советской литературе» были представлены высказывания орденоносцев, главной темой является тема положительного героя в советской литературе, а галерею положительных героев открывает Павел Корчагин Николая Островского: «Образ Павки Корчагина, мужественно переборовшего свою тяжелую болезнь, продолжавшего работать, несмотря на тяжкий недуг, человека, безгранично преданного партии и рабочему классу, — врезался в память. Прочтешь такую книгу и хочется работать еще лучше, чем ты работал»[3]. За Павкой Корчагиным следую герои-рабочие Горького (прежде всего романа «Мать»); среди «значительных» явлений советской литературы называются романы Ал. Толстого («Петр I»), А. Фадеева («Разгром»), А. Серафимовича («Железный поток»), Д. Фурманова («Чапаев») и в том числе, «любимейший роман» Шолохова — «Тихий Дон». Правда, в отношении только к нему высказываются замечания-пожелания:

---

[1] РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 81.

[2] См.: Правда. 1936. 18 мая. С. 4.

[3] *Одинцова Т.*, стахановка-орденоносец, студентка Промакадемии им. В.М. Молотова // Литературное обозрение. 1937. № 19–20. С. 64.

«Почему “Тихий Дон” пользуется огромным авторитетом среди читателей? Да потому, что он освещает события большой исторической важности. Ярко, не искажая исторической правды, Шолохов показывает в романе целую эпоху в развитии донского казачества.

Шолохов прекрасно знает то, что описывает. Он постоянно живет среди казачества и там, на месте, черпает материал для своих книг. Когда я открываю его роман, на меня так и веет родным теплом. Невольно вспоминается детство, юность, безбрежные, бескрайние степи, тихий, величественный Дон.

Хорошую книгу написал Шолохов, и большое спасибо ему за нее. Одно лишь мне досадно. Не показал Шолохов в “Тихом Доне” мою родную станицу Морозовскую, имеющую непосредственное отношение к описываемым в романе событиям. <...> Было бы неплохо, если бы Шолохов посетил станицу Морозовскую и поговорил с казаками-ворошиловцами. Они сообщили бы ему немало интересных и важных фактов о том, как товарищи Ворошилов и Буденный руководили борьбой красного казачества против белых банд»[1];

«Хочется только упрекнуть Шолохова: почему он так медленно пишет? Выпуск каждой новой части “Тихого Дона” заставляют меня заново перечитывать ранее вышедшие тома романа, ибо содержание этих томов за два-три года, прошедшие со дня их издания, отчасти забываешь. Приходится снова возобновлять в памяти некоторые подробности и частности. Впрочем, сержусь я на Шолохова не сильно: перечитываешь “Тихий Дон” всегда с большим удовольствием»[2].

Подношением к 20-летию революции журнала «Литературный критик» стали портреты положительных героев советской литературы, среди которых оказался единственный герой Шолохова, выдерживающий предъявляемые эпохой требования к положительному герою, председатель колхоза им. Сталина в хуторе Гремячий Лог Давыдов[3]. Отметим, что героев, с которых можно брать пример, оказалось в представлении журнала не так много: Павел Корчагин Островского, Левинсон Фадеева, Левин Платонова, Кожух Серафимовича.

---

[1] *Моисеев Я.*, заслуженный летчик СССР, награжденный орденом Ленина и четырьмя орденами Красного Знамени. Жизнь зовет! // Там же. С. 64.

[2] *Старостин А.*, орденоносец, заслуженный мастер спорта // Там же. С. 69.

[3] *Гоффеншефер В.* Давыдов // Литературный критик. 1937. № 10–11.

Итожа в начале 1939 г. обзор читательских откликов, поступивших в редакцию журнала «Литературное обозрение» и посвященных современной советской литературе, критик Я. Рощин отмечал, что «груду читательских писем» характеризует одно качество: «...в них нет *равнодушия*!»[1]. В статье приводятся различные суждения читателей о произведениях И. Эренбурга (книга испанских очерков «Что человеку надо»), В. Гроссмана (роман «Степан Кольчугин»), Ю. Крымова (роман «Танкер “Дербент”»), В. Катаева (роман «Я, сын трудового народа»), но главное место отводится письмам читателей о «Тихом Доне»:

> «Я так полюбил Шолохова, — пишет курсант военно-морского училища Колесников, — что поставил его наряду с Пушкиным, Гоголем, Горьким. Теперь он мой любимейший писатель.
>
> В такой же категорической форме определяют свое отношение к Шолохову решительно все читатели:
>
> “Кистью великого художника Шолохов рисует образы донского казачества” (Паенков);
>
> “Вот перед кем бы я снял шапку и низко поклонился! Будь здоров, дорогой товарищ Шолохов, надолго. Пиши такие книги, родина скажет тебе спасибо...” (зоотехник Мамаев);
>
> “Книга с головой захватывает. После прочтения находишься целиком во власти романа, сживаешься с героями (с Натальей, Ильиничной, Григорием, Дуняшей, Пантелеем Прокофьевичем) и забываешь, что это только художественные образы. Невольно болеешь их заботами, забывая свою жизнь, живешь их жизнью” (Эссен, гор. Киев);
>
> “Прошло уже полгода, как читал книгу, а образы героев у меня в сердце, и я вижу их перед своими глазами...”
>
> Такими признаниями переполнены все отзывы о “Тихом Доне”».

Критик нисколько не преувеличивал, когда отмечал особый статус Шолохова и ни с кем из советских писателей не сопоставимую интонацию читательских писем именно о «Тихом Доне»:

> «Кровная заинтересованность в судьбе героя, пламенное желание делить с ним эту судьбу — не многим книгам дано пробуждать подобные чувства. На первом месте среди этих немногих бесспорно “Тихий Дон”. <...> Шолохов, кажется, единственный писа-

---

[1] *Рощин Я.* Голос читателя // Литературное обозрение. 1939. № 11. С. 70.

тель, к которому читатель адресуется только со словами любви и восхищения»[1].

Этот выбор читателя подтверждают не только публикуемые в нашем издании письма читателей, но и собранные в 1937 г. Массовым сектором издательства анкеты библиотек СССР, где в графе о книгах современных прозаиков, необходимых для укомплектования библиотек, автор «Тихого Дона» неизменно занимает первое место: чаще всего вместо заглавия просто пишется имя (Шолохов) или «все произведения»[2]. Об этом говорят и письма, присланные в издательство: да, стояли в очередь в библиотеке, прочитали «Тихий Дон», но хотим иметь эту книгу дома, а потому пришлите наложенным платежом, за любые деньги. Отметим также, что очевидное предпочтение читатель этого десятилетия отдавал русской классике, а у Шолохова не «Поднятой целине», а именно «Тихому Дону»: «Больше всего ждем 4 книгу “Тихого Дона”»[3]. Для полноты и правдивости картины также отметим, что читатель этого десятилетия, романтизированный на советский лад в советские годы и демонизированный в конце XX в., демонстрировал, не ведая о том, чудеса свободы: он читал Достоевского и просил в 1937 г. издать полное его собрание сочинений[4], он «все время спрашивает Есенина»[5] и потому в графе об издании советских поэтов естественно знавшие о запрете Есенина библиотекари то вписывали, то, вписав, вычеркивали (не очень, правда, жирно) запрещенное с 1927 г. имя: «Есенин»[6]. Это особо симптоматично на фоне *постоянных* в анкетах 1937 г. прочерков и пустот в графе о книгах современных поэтов. Дань установке набор имен — Маяковский, Уткин, Светлов, Кирсанов, Жаров, Бедный, Багрицкий, Сельвинский, Голодный — очень часто оговаривается характерными пояснениями, что спрашивают учащиеся (школьная программа) и ремарками от жизни: «Стихи читаются очень немногие. Наибольшим спросом пользуется Маяковский у учащихся. <...> имеются в библиотеке в достаточном количестве»[7]; «Только издание избранных стихотворений в сборниках», лучше к датам[8] (очевидно, к праздникам

[1] Там же. С. 71–72.
[2] РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 768. Л. 15, 280.
[3] Там же. Л. 28.
[4] Там же. Л. 7 об., 115.
[5] Там же. Л. 32 об., 34 об., 52 об., 219 об.
[6] Там же. Л. 65 об.
[7] Там же. Л. 135 об.
[8] Там же. Л. 114 об.

7 ноября и 1 мая для исполнения на клубной сцене); «Спрос не так велик. Больше всего спрашивается Маяковский»[1] и т.д.

* * *

В это десятилетие выходящие в разных издательствах книги завершались обращением к читателю с предложением написать отзыв о прочитанной книге. В книгах крупнейшего издательства, каким является Государственное издательство художественной литературы (Гослитиздат, ГИХЛ), обращение к читателю печаталось на последней отдельной странице:

«Читатель!
Сообщите Ваш отзыв об этой
книге,
указав Ваш возраст, профессию и адрес,
Государственному издательству “Художественная литература”
Массовый сектор
Москва, Центр, ул. 25 Октября, д. 10/2».

Читатель был волен писать и не писать, согласовывать написанное с книжкором, библиотекарем и учителем или не согласовывать, указывать или утаивать свой адрес и другие данные. Он более, чем критик, был свободен в своих суждениях о колхозном и производственном романе, классическом и социалистическом реализме, когда «сообщал» отзыв о романах Горького и Панферова, А. Толстого и Леонова. Он не переставал задавать и формулировать крамольные для литпроцесса вопросы ко многим советским «энциклопедиям народной жизни» и никак не мог понять сути новаторства — после Толстого и Достоевского (!) — многих советских романов. На одном романе в это десятилетие читатель по-шукшински «забуксовал» — это «Тихий Дон» Шолохова. Такой разноголосицы, как в отзывах о Шолохове, нет более ни у кого из писателей. Даже отзывы о романе «Поднятая целина», который в это десятилетие критика не без усилий вписывала в определенный тематический ряд советской прозы о новой деревне и коллективизации, ряд, справедливо открываемый «Брусками» (1928–1937) Панферова, оказались не столь однозначными. Примеры же мотивированной читателями «выписки» «Подня-

[1] Там же. Л. 197 об.

той целины» из этого привычного ряда скорее могут быть сопоставлены не с официальной советской критикой, а с суждениями русской эмиграции, тогда же утверждавшей на страницах газеты «Возрождение» (Париж):

> «Тема “Поднятой целины”, будь она взята кем-нибудь иным <...> могла бы показаться скучной; у Шолохова она облекается такой плотной плотью, что с первых строк мы уже подкуплены. <...> Что-то человеческое смотрит со страниц этой книги, написанной живо и бесхитростно»[1];
>
> «...читателя подкупает живость, с какой схвачен и воспроизведен быт, а главное — перед ним раскрывается волнующая тайна; как бы живые, проходят образы тех рядовых, ничем не выделяющихся людей, которые то входят в машину, дробящую Россию, то подвергаются ее ударам. <...> даже для многих условных типов сумел он найти живое выражение. <...>
>
> Ни в одной книге так, как в романе Шолохова, не раскрыт роковой, подлинно трагедийный характер “социалистического переустройства деревни” <...>. И потому этот роман прочтет всякий не толь ко как занимательное чтение, но и как своего рода откровение, ответ на неразрешимые одним разумом вопросы, ставимые нам происходящим в России»[2].

На страницы же советской периодики попадали лишь мнения «сознательных» читателей о «Поднятой целине», да и то в сильно отфильтрованном виде, это были даже публикации не писем читателя, а статьи и сообщения о мнениях читателей.

Так о полюбивших «Поднятую целину» читателях сообщалось:

> «Читка проводилась на массовых собраниях колхозников. Результаты — прекрасные. Читка показала, что “Поднятая целина”, будучи доведенной до читателя, мобилизует колхозы на ударную подготовку к весеннему севу, поднимает классовую бдительность колхозников, содействует разоблачению кулаков, лодырей и разгильдяев. В результате читки “Поднятой целины” в ряде колхозов разоблачены и выброшены матерые кулаки типа

---

[1] Рецензия Вл. Ходасевича и Н. Берберовой, напечатана в газ. «Возрождение» 21 апреля 1932 г.; подпись: *Гулливер*. Цит. по: *Васильев В.* Огни во мраке: Шолохов в сознании интеллигенции «с того берега» // Шолохов и русское зарубежье / сост. В. Васильева. М., 2003. С. 22.

[2] *Тимашев Н.* Поднятая целина // Возрождение. 1932. 9 нояб. Цит. по: Шолохов и русское зарубежье. С. 69, 73.

Островнова, намечены практические мероприятия по сбору семян, по подготовке коня к весенним работам»[1];

«Мы ждем, заявили колхозники, — что в следующей книге “Поднятой целины” М. Шолохов покажет нашу борьбу за осуществление сталинских лозунгов на берегах Дона. Мы надеемся, что писатель покажет в книге обновленный Гремячий Лог»[2];

«“Поднятая целина” — это сильнейшее политическое партийное орудие в борьбе за переустройство деревни. <...> Ни одного шаблонного плакатного лица. Прочитав книгу, много уясняешь себе в той классовой борьбе, которая происходит в деревне. Книга — непрерывный призыв к классовой борьбе»[3];

«Поднятая целина» показывает «то время, когда освобожденная страна под гениальным сталинским руководством уже начала строить все хозяйство по-новому», роман «учит, как надо охранять великие завоевания Страны советов»[4],

Критика, опираясь в том числе на приведенную выше «волнующую заметку» в «Литературной газете», утверждала, что в «Поднятой целине» «снята колхозом “казачья проблема”, покончил сам Шолохов с казачьей “романтикой”»[5].

В читательских же письмах тридцатых и последующих десятилетий формулировали совсем другие вопросы, ибо все чаще читатели видели внутренние глубинные связи «Поднятой целины» с «Тихим Доном». По количеству материалов читательская почта 1930-х гг. о романах Шолохова одна из самых объемных. Этот материал имеет первостепенное значение в изучении творческой истории «Тихого Дона», в понимании литературной личности Шолохова и его общественной позиции в литературной жизни 1930-х и равно 1960-х.

---

1 «Поднятая целина» в колхозе // *ЛГ*. 1933. 23 марта. С. 1. Б/п.

2 М. Шолохов на конференции читателей «Поднятой целины» // Правда. 1936. 11 янв. С. 6. В заметке речь идет о встрече писателя с читателями, которая состоялась в Вешенской 8 января: «Шолохов рассказал о работе над романом. <...> Выступавшие в прениях читатели отмечали правдивость книг Шолохова. Они говорили, что его произведения волнуют читателя и дают заряд для борьбы за колхозное богатство, за изобилие и культуру» (Там же.).

3 Редактор «Крестьянской газеты» о «Поднятой целине». Из выступления т. С. Урицкого на совещании селькоров // *ЛГ*. 1933. 11 июля. С. 1.

4 *Яшин С.И.,* стахановец-орденоносец фабрики «Парижская коммуна». С нетерпением жду продолжения «Поднятой целины» // Книга и пролетарская революция. 1936. № 10. С. 150.

5 *Макарьев И.* К прошлому нет возврата // Год шестнадцатый. Альманах второй. М., 1933. С. 480, 488.

Ко многим папкам с письмами читателей о «Поднятой целине» и «Тихом Доне», судя по регистрационному листу, никогда в СССР не обращались — со времени их сдачи в РГАЛИ в конце 1940-х гг. Это кажется невероятным, ибо читательские письма тридцатых приоткрывают тайны народности Шолохова, тот сложный ее состав, что явлен *разнохарактерностью читателя-народа*, бескомпромиссностью в исканиях правды, любовью-ненавистью к Григорию Мелехову, жесткостью в формулировках, утопичностью и антиутопичностью, тоской о чистой красоте и жаждой социальной справедливости, переплетением трагического и комического. Дискуссия, развернувшаяся в год публикации последней книги романа (1940), наведет порядок в этом жизненном разноречивом потоке. Тогда же критика определит основные направления в интерпретации пути Григория Мелехова: «историческое заблуждение», «отщепенство», «художественный образ» (как будто иначе бывает). С эпохи «оттепели» изложение этих концепций неизменно входило в программы гуманитарных факультетов университетов и педагогических институтов, и тогда же «Тихий Дон» исчезнет из школьной программы...

Сегодня, благодаря разысканиям и публикациям исследователей Шолохова, мы много больше, чем раньше, знаем о тридцатых годах жизни и творчества писателя. Знаем, что не о литературе, а о голоде народа, который принес «великий перелом», писал Шолохов Сталину в начале 1930-х. Знаем отосланный Сталину скорбный рассказ 1938 г. о зверских пытках, что шли в январе 1937 г. в застенках Вешенского НКВД. Сегодня мы можем как-то объяснить очевидный пробел в публичной широкой дискуссии 1940-го о «Тихом Доне» — на страницах периодики на самое крупное литературное событие года, каким несомненно являлось завершение публикации «Тихого Дона», собратья-писатели практически не откликнулись. Материалы обсуждения «Тихого Дона» в Союзе писателей (май 1940 г.) и в Комитете по Сталинским премиям (ноябрь 1940 г.) стали известны в начале XXI века, и они о многом рассказывают, и много предвосхищают. Для 1940-го вопрос А. Толстого к финалу «Тихого Дона» — «Замысел или ошибка?» — звучал вполне риторически, с ударением на последнем: конечно, ошибка. До конца XX в. материалы этих обсуждений оставались неизвестными. Никогда не напоминали о своих высказываниях о «Тихом Доне» и участники тех дискуссий. В 1940-е — потому что знали мнение Сталина (об отношении Сталина к «Тихому Дону» не раз уже писали) и боялись перечить вождю, почему-то взявшему под защиту роман, разрушивший краеугольные основы

метода социалистического реализма. Кажется, можно было заговорить об этих материалах в эпоху оттепели. Однако для писателей, критиков культа личности Сталина, материалы обсуждения «Тихого Дона» обладали (да и обладают) колоссальной саморазоблачительной силой. Мог бы похвалиться своей смелостью Шолохов, когда в Союзе писателей бурно обсуждали вопрос этики писателя в сталинскую эпоху, но он никогда об этом публично не говорил...

Почти все выступавшие в 1940-м неизменно апеллировали к советскому читателю, который де ну никак и никогда не примет предложенное Шолоховым завершение судьбы Григория Мелехова и в целом такой финал романа «Тихий Дон». Получалось, что Шолохов не только обманул писателей и деятелей советской культуры, но и ожидания читателя. Современникам не любить Шолохова было за что. Были свои причины и для зависти. Действительно. Сидит себе в Вешенской в «контрреволюционном» окружении, и никакими организационными усилиями его не заставить перебраться в литературную Москву. Практически не появляется на писательских пленумах и совещаниях. Не участвует в бурной событиями литературной жизни 1930-х. Все десятилетие ведущие советские критики простраивали концептуальные модели «правильного» завершения «Тихого Дона» и вдруг такой то ли демарш, то ли своеволие писателя, а на самом деле — демонстрация желанной всегда творческой свободы...

Шел 1940-й год, 17 год существования советской литературы, с прагматической идеологией которой (искусство подчинено высокой цели воспитания народа) все было понятно. И вдруг чистый финал, с откровенной демонстрацией старого тезиса искусства для искусства. К этому добавим, что воспитываемый советской литературой читатель демонстрировал все десятилетие странную склонность к этой буржуазной теории: на первом месте — русская классическая литература, на втором из советской прозы — «Тихий Дон». Напомним, что Алексей Константинович Толстой, в XIX в. один из апологетов теории чистого искусства, настаивал, что в глубинных своих основах понятия гражданственности, народности и свободы базируется на развитом в народе чувстве прекрасного, а подавление и разрушение этого тонкого и нежного чувства, составляющего «потребность жизни», неизбежно оборачивается ущербом для жизни и нравственного здоровья человека-народа:

> «Не признавать в человеке чувства прекрасного, находить это чувство роскошью, хотеть убить его и работать только для мате-

риального благосостояния человека — значит отнимать у него его лучшую половину, значит низводить его на степень счастливого животного, которому хорошо, потому что его не бьют и сытно кормят. Художественность в народе не только не мешает его гражданственности, но служит ей лучшим союзником. Эти два чувства должны жить рука об руку и помогать одно другому»[1].

Венчание этих двух чувств — художественности и гражданственности — определяет пафос финальных глав другого Толстого, автора трилогии «Хождение по мукам», написанных в начале 1941 г. не без глубинной полемики с финалом «Тихого Дона». Весной 1922-го возвращается в хутор Татарский Григорий Мелехов, весной 1920-го собираются в Москве, на съезде Советов герои Толстого. У Шолохова финал в высшем смысле символический, у Толстого — аллегорический, начиная с даты съезда, утвердившего еще в годы Гражданской войны программу строительства новой России (доклад об электрификации), и завершая формулами героев, персонифицирующих базовые идеи толстовской концепции национальной истории и русской литературы (чувство прекрасного + гражданственность + народность + нравственность). Для европейски образованного Толстого финал «Тихого Дона» так и остался мучительной загадкой, об этом говорит, в частности, и известное его высказывание, прозвучавшее уже в годы Великой Отечественной войны в докладе «Четверть века советской литературы» (1942). Утверждением, что нельзя протянуть генетическую связь от Григория Мелехова к красноармейцу, бросающемуся с гранатой под вражеский танк, А. Толстой вновь возвращался к теме чистого искусства и воспитания читателя. Получалось, что читатель, для которого, без преувеличения, встреча с героями «Тихого Дона» стала сердечным событием и частью его жизни, не способен к подвигу — высшему выражению гражданственности и народности. Получалось, что художественный смысл пути Мелехова («очарование человека», о чем позже скажет сам Шолохов) бесполезен и органически чужд современности.

В нашу публикацию включены практически все письма читателей, в которых опасения А. Толстого были высказаны автору «Тихого Дона» в еще более жесткой форме ультиматума. В количественном плане (а это несколько тысяч) подобных читательских писем-отзывов не так много, но мы включили все полемические

---

[1] *Толстой А.К.* Письмо к издателю (1862) // *Толстой А.К.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1964. С. 450–451.

отклики читателей: письма участников событий гражданской войны, описанных в «Тихом Доне»; письма с откровенно политическими обвинениями в адрес автора романа, а также письма «сознательных читательниц», предъявлявших претензии к шолоховским женским образам (напомню, что подобное недовольство прозвучало на Первом съезде советских писателей). Для социологического анализа важно, что основной массив читательских писем о произведениях Шолохова имеет совсем иной характер и свидетельствует о небывалом по масштабу интересе народного читателя к роману «Тихий Дон», который, говоря его словами, при чтении романа «как будто переживал сверхъестественное» и «душою болел» за его героев. По читательским письмам к Шолохову можно представить внутреннее сознание народа этого десятилетия. Как сознание сложное, противоречивое и таинственное в своей сокровенности.

Богат и язык читательских писем. Здесь и зощенковские словечки: «ряд примеров, которыми вы ужасающе поражали моих слушателей»; «от имени меня», «пожирая каждое слово, словно от него зависит какая-либо судьба», «хитрое расположение» (о композиции романа), «складена она очень сложно и мужественно» (о композиции книги), «благотворен Вашим писанием», «красноречивое писанье», «умелая сочинительская работа», «изложен материал с умеренной художественностью» и др. Примеры платоновской тавтологии и перегрузки смыслами фразы: «много памятных слов осталось в памяти»; «квартира мирных условий», «пишу от искреннего пожелания», «знаю мыслью», «впечаталось во мне и глубоко зарылось в мою память», «я получил много самоудовольствия» и др. Встретим в письмах и созданные их авторами новые слова: «читосудка» (сложением слов «читка» и «суд»), «восстанцы» (от «восстание»), «повстание» (от «повстанцы») и редко употребляемые: «разнодорожье», «разнодумцы». Кстати, к народной орфографии восходят у Л. Добычина в «Городе Эн» (1935) модернистские, как принято считать, стилистические приемы, типа: «– Ты читал книгу “Чехов”? — краснея, наконец спросила она» («Город Эн»). А вот лишь некоторые по-модернистски экзотические примеры из писем читателей: «железный поток “Серафимовича”»; «учебник “Поляк и Тагер”», «роман тихого Дона», «две книги “Шолохова” тихий дон», «“Роман” тихого Дона» и др.

Не всегда человек формулирует, почему он любит воздух, так и читатели чаще не объясняли причины своей сердечной озабоченности судьбой героев романа и потому много таится в самих вопросах к писателю: «Что с Мелеховым Григорием?» Не поручил ли

он «нам, читателям, дописывать Вашу книгу»? Когда закончится кровопролитная Гражданская война? Красноармеец-гражданин понимал, что положительным героем он должен считать Штокмана и Кошевого, но пишет он письмо к тов. Шолохову совсем по другому поводу — просит ответить на вопрос о Мелехове, вопрос сокровенный, составляющий потребность его личной жизни. Кстати, помимо чистой любви к герою романа очень многие читатели уже в 1936–1937 гг. утверждали, что губить Мелехова не следует хотя бы и потому, что в будущей войне этот честный и храбрый воин очень даже будет нужен и полезен. И как бы в подтверждение этой правды героя «Тихого Дона» уже после Великой Отечественной войны именно фронтовики протянут генетические связи между героями «Тихого Дона» и «Они сражались за Родину». И если А.Н. Толстой не видел этой связи, то читатель, прошедший войну, как и герои «Они сражались за Родину», в пехоте, сообщал Шолохову, что этот роман «это как бы продолжение “Тихого Дона”»: «...мне представляется, что в романе “Они сражались за Родину” на защиту нашей страны поднялись сыновья и братья героев “Тихого Дона” (только с другими фамилиями). Это сопоставление мне кажется естественным и закономерным»[1].

По читательским письмам к Шолохову можно составить некий реестр характеристик текущей литературы и ответить, почему и за что читатели не любили классические «учительные» произведения советской литературы: художественная вторичность, отсутствие художества, дидактичность, неуважение читателя и недоверие к его жизненному и эстетическому опыту, полное незнание жизни человека и страны. Массовый читатель, мало осведомленный в хитросплетениях литературной борьбы, не ведал о разгроме социологической и формальной школ и потому явил себя в отзывах о текущей литературе как прирожденный социолог и одновременно формалист. В отличие от критики (да и позднего литературоведения) первыми семантическую нагрузку религиозных мотивов в романе «Тихий Дон» проанализировали читатели. Никогда не задавался в исследовательской литературе вопрос, что стоит за простым упоминанием в «Поднятой целине», что друг Тимофея Рваного гуляка Дымок был исключен из комсомола, — въедливая читательница-комсомолка проведет анализ этого формального сюжетного компонента со всей филологической тщательностью. И конечно, в потоке читательских писем причудливо переплетаются трагическое и комическое, как

[1] См. наст. изд., п. 504, с. 000.

они переплетаются в жизни, да и в художественном мире самого Шолохова.

Все заложено в тексте произведения, а потому так разнятся читательские письма этого десятилетия. Узнавая в рассказах Зощенко о собственной приватной жизни, городские читатели сообщали писателю все новые и новые эпизоды и детали из бытия массового человека, писали о своих тревогах и сомнениях[1]. Своими статьями начала 1930-х гг., публикуемыми во всех центральных газетах, Горький фактически определил, в каком направлении должны читатели *образовываться* при чтении его произведений. Отклики оказались запрограммированными, и в тайны «Жизни Клима Самгина» как авторской исповеди читатель особо не погружался и не требовал от автора окончания романа. Читая романы Гладкова, Панферова, Шагинян, одни читатели гневались, другие отписывали ожидаемые отзывы, что по прочтении романа будут жить по-другому и равняться на тот или иной созданный писателем положительный образ. Именно отписывали. Ни одному из бесчисленных в советской литературе положительных героев читатель особо не доверял — об этом, в частности, говорит феномен читательского успеха сначала не замеченного критикой романа Н. Островского «Как закалялась сталь»: подвиги и страдания героя были не выдуманными, а достоверными, биография не исключительной, а скорее массовой.

На «Тихом Доне» сошлись все вопросы. Поразительная достоверность описания из письма в письмо рождала вопросы. Выдуманное это или не выдуманное? Если не выдуманное, то, где хутор Татарский, сообщите адреса героев. В романе ведь зачем-то сказано, что Ягодное находится в 12 километрах от Татарского — что сегодня там, можно ли узнать? Как в Татарском прошла коллективизация? Шолоховская хроника Гражданской войны рождала желание у читателей, участников описанных в романе событий, уточнить эту самую хронику. Но не только уточнить, но и *понять* эпоху Гражданской войны — как со стороны красных, так и белых. Фантастической достоверностью текста только и можно как-то объяснить, почему в середине 1930-х (!) читатель, знающий, что Гражданская война окончилась в конце 1920 г., вновь и вновь задавал только Шолохову странный вопрос о *сроках* окончания «кровопролитной» Гражданской войны... Не этим ли читатель-

[1] См. публикацию писем читателей к М. Зощенко этого десятилетия: Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии писателя. Вып. 1. СПб., 1997. С. 193–225.

ским вопросом, главным вопросом русской жизни XX в., объясняется публикация в январе 1937 г., в дни проведения пушкинского юбилея 1937 г., на страницах самой массовой газеты «Известия» одной из глав 4-й книги романа (курсив наш. — *Н.К.*):

> «Семья распалась на глазах у Пантелея Прокофьевича. Он со старухой оставались вдвоем. Неожиданно и быстро *были нарушены родственные связи*, *утрачена теплота взаимоотношений*, в разговорах все чаще проскальзывали нотки *раздражительности и отчуждения*... За общий стол садились не так, как прежде, — единой и дружной семьей, а как случайно собравшиеся вместе люди.
>
> *Война была всему единственной причиной*...»[1].

Этот непростой шолоховский ответ читателю можно также прочитать как пушкинское слово автора «Тихого Дона» (Шолохов не принимал участия в пушкинских юбилейных торжествах 1937 г., его пригласительный билет — «Мандат № 47, с правом решающего голоса» — остался одиноко лежать в папке материалов подготовки и проведения пушкинского пленума Союза писателей СССР[2]) и комментарий к политическим процессам 1936–1937 гг.

Из немногочисленных выступлений Шолохова на страницах газет читатель вылавливал информацию о завершении работы над романом и сразу слал в издательство письма с просьбой выслать последнюю часть. Если учесть, что в это десятилетие отвечали на все читательские письма, то можно представить объем работы издательства, на который его обрекал «Тихий Дон». «Сами не знаем», — эта редакторская помета 1937 г. на одном из читательских писем о сроках появления последней части «Тихого Дона», высвечивает весьма интересные и непростые вопросы, напрямую связанные с творческой историей романа.

Мы не знаем, докладывались ли Сталину читательская картина «Тихого Дона», ее обширная география (письма со всех регионов страны, от зарубежных читателей, в том числе от русских эмигрантов), социальное представительство всех слоев (рядовые колхозники и сельская интеллигенция, рабочие, учителя, рядовые красноармейцы, комсостав и политработники, рядовые белогвардейцы, учителя, школьники, студенты, преподаватели техникумов). Докладывались ли странные для советского писателя

---

[1] *Шолохов М.* Тихий Дон. Глава из IV книги романа // Известия. 1937. 8 янв. С. 4.

[2] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 97–97 об.

отзывы читателей и картина общенародного ожидания финала «Тихого Дона»... Исключить этого нельзя. Как свидетельствуют материалы архива ГИХЛ, письма (выборочно) перепечатывались в нескольких экземплярах. Для кого — конечно, для автора «Тихого Дона». Шолохов ценил читательские письма. Напомню, что и у истоков дружбы Шолохова и Е. Левицкой стоят ее публикации о массовом читателе 1929 г., уже цитированные в нашей статье.

Но не только автору «Тихого Дона» адресовались машинописные копии читательских писем. Они передавались также готовившему роман к изданию редактору (замечания о противоречиях, описках, фактические данные, требования по чистке языка романа), использовались при подготовке обзоров писем. Подобные обзоры готовились по всем заметным изданиям 1930-х, и не вызывает сомнения, что они также передавались в высшие инстанции. Продолжение читательской истории «Тихого Дона», возможно, нужно искать в архивах Кремля и Лубянки. Историю ожидания финала «Тихого Дона» можно было прервать, к тому были весьма веские формулировки и в письмах «сознательных читателей» (планируемый в 1938-м Вешенским НКВД арест Шолохова не обошелся без санкции Москвы). Тем более, что в 1937-м классический соцреалистический пример завершения «народной эпопеи» был уже написан, его дал влиятельный Ф. Панферов, и «сознательные читатели» одобрили безбрежно-эпический финал «Брусков» с фигурой Сталина в финале и не раз при этом помянули незавершенный «Тихий Дон» (отзывы на роман «Бруски» находятся в архиве ГИХЛ). Правда, ситуация с финалом «Тихого Дона» оказалась сложнее, ибо она не исчерпывалась только «сознательными читателями». Это, без преувеличения, было всенародное ожидание весьма сложного состава. Даже «сознательные читатели» проговаривались, что «Тихий Дон» самая любимая их книга и не скрывали, что народ в лице малосознательных читателей совсем по-иному читает роман Шолохова.

Между публикацией 3-й (1932) и 4-й книги «Тихого Дона» образовался большой временной разрыв. Его нельзя было списать на критику и писательское мнение, как в случае с задержкой публикации 3-ей книги (1929 — начало, 1932 г. — завершение публикации). О скором завершении 4-й книги Шолохов говорит в публичных выступлениях и интервью, эта тема проходит сквозной в его письмах, и каждый год — клятвенное обещание:

1934 г.: «В этом году мне крайне необходимо разделаться с “Т<ихим> Д<оном>” и “Целиной”...» (письмо Е. Левицкой от 15 янв.»[1]);

«В этом году хочу непременно закончить “Тих<ий> Дон”» (письмо Е. Левицкой от 7 апр.; с. 157).

1935 г.: «Сижу, доканчиваю “Тихий Дон”» (письмо Е. Левицкой от 4 марта; с. 162);

«Кончу его в конце года, если добрые люди не будут мешать» (письмо в редакцию журнала «Новый мир» от 16 окт.; с. 167);

«4 книга будет готова не раньше конца этого года» (письмо читательнице Кадышевой от 17 янв.; с. 169);

«К весне сдам “Тихий Дон”. Осталось еще одно последнее сказанье — и все!» (письмо Е. Левицкой от 27 декабря; с. 170).

1936 г.: «В Сочи непременно приеду, как только разделаюсь с окаянной книгой» (письмо Н. Островскому от 14 авг.; с. 174);

«Яростно корплю над 4-й “Тих<ого> Дона” и уже зрю конец...» (письмо Ф. Князеву от 30 сент.; с. 175).

«Я еще не закончил последнюю книгу “Тихого Дона”...» (письмо Г. Борисову от 5 янв.; с. 178).

Отдельные главы 4-й книги с 1935 г. печатаются в центральных газетах («Известия», «Правда», «Литературная газета»), в «Новом мире» — в 1938-м, в 1939-м — в Вешенской газете «Большевистский Дон» и в «Правде».

В большом письме к Сталину от 16 февраля **1938 г**., полностью посвященном репрессиям 1936–1937 гг. в Вешенском районе, о «Тихом Доне» лишь в конце письма: «За пять лет я с трудом написал полкниги. В такой обстановке, какая была в Вешенской, не только невозможно было продуктивно работать, но и жить было безмерно тяжело. Туговато живется и сейчас» (С. 203). В письме от 16 октября — ни слова о романе: «Приехал к Вам с большой нуждой. Примите меня на несколько минут. Очень прошу» (С. 211). О том, что эта «большая нужда» заслонила литературные дела признается в письме к Е. Левицкой — «...не пишу “Тих<ий> Дон” вот уже 8 м-цев...» И здесь же: «*Пишут со всех концов страны* и, знаете, дорогая Евгения Григорьевна, *так много человеческого горя на меня взвалили*, что я уж начал гнуться. Слишком много для одного человека (курсив наш. — *Н.К.*)» (письмо от 23 нояб.; с. 214).

---

[1] *Письма.* С. 151. Далее письма цитируются по данному изданию с указанием страницы в тексте статьи.

1939 г.: «Полтора месяца не брался за перо и вот только сейчас сажусь отвечать на письма, а за “Т<ихий> Д<он>” что-то боюсь браться; хочу дать голове прийти в норму. <...> там уж возьмусь и докончу этот осточертевший мне и добрым людям “Т<ихий> Д<он>”» (письмо Е. Левицкой от 30 июля; с. 218);

«На днях, после тринадцатилетней работы, я кончаю “Тихий Дон”» (письмо И. Сталину от 11 дек.; с. 221).

1940 г.: публикация последних глав романа (февральский и мартовский номера «Нового мира»).

За такой долгой дорогой к финалу романа, как мы теперь знаем, стояли свои веские творческие и внелитературные причины. О последних рассказывают ставшие известными совсем недавно шолоховские письма Сталину 1930-х гг. (а сколько историй еще неизвестно!). По своему пафосу история ходатайств Шолохова по делам народным — пушкинская в высшем смысле понятия традиции. Здесь явлен тот пушкинский выход из литературы и ее прямое «отстранение» (вспомним лаконичный ответ Пушкина в письме П. Вяземскому от 3 августа 1831 г.: «Когда в глазах такие трагедии, некогда думать о собачьей комедии нашей литературы»[1]), которые скажутся в пафосе и тончайшей стилистической ткани 4-й книги романа.

Многие публикуемые в настоящем издании письма читателей хронологически относятся ко времени работы Шолохова над 4-й книгой романа и являются, как нам представляется, важнейшим компонентом ее творческой истории. В интервью 1937 г. Шолохов говорил о шкафах с письмами читателя. О том, что читательские письма заполнили не только щкафы, но и хранились в мешках на чердаке дома, рассказывал в письме Шолохову в 1979 г. Иван Алексеевич Бочарников: «Это письмо от бывшего фронтовика. Защитника станицы Вешенской. Мне очень хочется узнать теперешнюю судьбу Вашей станицы. Прошли годы, но я все вспоминаю Дон и все там прожитое время, 5 месяцев борьбы, которую мы вели с немцами. Я хоронил Вашу мать, которая погибла во время бомбежки. <...> В Вашем доме я часто забирался на чердак и читал письма, которые приходили к Вам из всех концов нашей Родины. Впервые из Вашей библиотеки я прочел книгу “Отверженные”»[2].

В годы Великой Отечественной войны дом в Вешенской был разрушен и потому точно описать шкафы и мешки с чита-

---

[1] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 10. М., 1951. С. 373.

[2] *ГМЗШ.* КП-8280/66.

тельскими письмами мы вряд ли когда сумеем. Поэтому архивные фонды ГИХЛа приобретают особое значение. Многие из публикуемых нами писем дошли до Шолохова. И в них тоже «много человеческого горя». Много и того горя человеческого познания жизни, в организацию которого советская литература внесла свой существенный вклад. Впереди была война, и многие из сокровенных читателей «Тихого Дона» ушли на фронт... Мучительные же вопросы Григория Мелехова откликнутся в тихих вопросах героя рассказа «Судьба человека» Андрея Соколова: «За что же ты, жизнь, меня так покалечила? За что исказнила?» (7, 208). Не знает на них ответа герой, не дает прямого ответа автор. Может быть, частично ответ на главные вопросы судьбы человека XX века прозвучат в финальной сцене второй книги «Поднятой целины», когда единственный из оставшихся в живых главных героев-идеологов романа Андрей Разметнов приходит «туда, куда ему надо было» (6, 335) — на могилу своей жены. Финал, который рифмуется с великим стихотворением М. Исаковского «Враги сожгли родную хату...»

В интервью 1937 г. Шолохов признавался, что он занят «перепроверкой материала», на которую его наталкивает читатель:

> «Всякая ошибка, даже самая мелкая, не проходит мимо внимания читателя. Я работаю тщательно, не торопясь, однако, и я получаю много замечаний от читателей. Когда писатель грешит против истины даже в малом — он вызывает у читателя недоверие. “Значит, думает читатель, — можно соврать и в большом”. <...> С нашим читателем беда! Где-нибудь попадешься, а тебя сразу наколят! Диву даешься, как это читатель замечает всякую мелочь. Словно *рассматривает каждую строчку в лупу*. И не прощает оплошностей (курсив наш. — *Н.К.*)»[1].

Это был также прямой ответ Шолохова не абстрактному читателю, а ответ в 1937 г. на конкретные письма, авторы которых представлены в нашем издании. Много позже Шолохов не раз возвращался к теме участия читателей в работе над 4-й книгой и благодарил участников Красной и Белой армий за устранение фактических ошибок в хроникальной части повествования[2].

---

[1] *Экслер И.* В гостях у Шолохова // Известия. 1937. 31 дек. С. 3.

[2] См. стенограмму беседы писателя в декабре 1965 г. после получения Нобелевской премии со студентами факультета славистики шведского университета (9, 44).

В XXI-м веке не только оппоненты, но и доброжелатели Шолохова пишут к «Тихому Дону» собственную хронику Гражданской войны на Дону, некий параллельный исследовательский роман, по тем или иным причинам не написанный Шолоховым. Юмористический характер этим исследовательским претензиям придают письма яростных читателей, совсем не по-книжному оппонировавших в 1930-е автору «Тихого Дона». Комментарием от жизни к сцене последней встречи Мелехова и Кошевого может послужить письмо командира погранотряда с требованием провести уже в 1936-м дознание по известным и неизвестным преступлениям Григория Мелехова. Богатейший материал для понимания одной из сложнейших сцен в финале романа — диалогу Мелехова и Капарина о «мыслящей интеллигенции» — представляет пришедший в те же годы из эмиграции пронзительный рассказ-исповедь рядового корниловца. Кажется также вероятным, что советы читателей по поводу иллюстрирования «Тихого Дона» были переданы Шолоховым художнику С. Королькову и не потеряли даже сегодня своего специального значения. И конечно, в грустно-смешном сюжете читательницы романов Настасьи Филипповны Звягинцевой в романе «Они сражались за Родину» (1943) присутствуют фигуры многих «сознательных» читательниц «Тихого Дона» и «Поднятой целины». И все-таки, читая письма, нельзя отделаться от мысли, что финал «Тихого Дона» создается не только вопреки пожеланиям ведущих критиков и писателей. Он пишется в *сложнейшем диалоге* с читателем. Это был ответ «по существу» главных вопросов жизни, о которых ведала старая необразованная казачка Ильинична, чью волю наконец-то в финале романа исполняет ее любимый сын Григорий.

Переводя ситуацию реальных читателей первых трех книг «Тихого Дона» на язык рецептивной эстетики, можно даже утверждать, что нечитательница Ильинична, знающая о содержании Единственной книги, является «имплицитным читателем» (В. Изер), который и конструирует повествовательные стратегии в 4-й книге романа, представляет разные типы читателей (детей) как участников совершающихся в романе событий, вводит зазор между *изображенным событием* (или героем) и *событием изображения*. Такому «имплицитному читателю» Шолохов не мог приписать ни одну из целей и задач реальных читателей его романа, кроме — сакрального горизонта правды-красоты и горизонта преодоления ненависти и раскола в человеке и народе. Подобный выбор формулы имплицитного читателя и ее презентация только в 4-й книге романа предопределили структуру слож-

нейших отношений эстетического объекта (романа) и реальных читателей (включая критиков и писателей). Текст Шолохова не вычленяет из массы прочих своего читателя, ибо все читатели (от идеальных до вовсе не идеальных, воспитанных на советской риторике) только и представляют состояние *целого* — не абстрактного, а реального народа. Лабиринты повествования в последней книге романа образуют идеальное и противоречивое эстетическое единство текст — читатель, предлагая последнему пройти (прочитать, пережить) труднейшую *«эстетическую дистанцию»* между горизонтом его представлений о финале романа и горизонтами, на которых настаивает финал романа. Этой эстетической дистанцией также по-своему обозначается граница размежевания авторов двух выдающихся произведений XX века — «Тихого Дона» М. Шолохова и «Архипелага ГУЛАГ» А. Солженицына, включивших в свою эстетику письма читателей и представляющих читателя как историко-функциональные условия актуализации содержания текста. И Шолохов, и Солженицын приняли условия, диктуемые реальными читателями. Однако, в отличие от Шолохова, Солженицын выбрал *своего читателя*, выделив его из прочих читателей советской литературы, утвердил этого читателя во всем повествовании, отдав ему функцию манифестации исторической правды в реальном и идеальном пространстве текста. Шолоховское повествование — в широком смысле этого понятия — упразднило сложившуюся в советской (и антисоветской) литературе парадигму «учителя» и «ученика», «своего» и «чужого» читателя. Все возможные формы раскола в читателе-народе были описаны Шолоховым уже в 1-й книге романа.

* * *

К сожалению, мы не располагаем письмами читателей 1940 г., когда была опубликована последняя книга «Тихого Дона», а в критике и в писательском сообществе развернулась дискуссия о финале романа.

На первой дискуссии, которая прошла в секции критиков СП 19 мая, был затронут большой круг вопросов, связанных с обсуждением именно 4-й книги романа и его финала. Отмечали: «...эта восьмая часть написана так, что многие вряд ли предугадали то, что там написано» (В. Гоффеншефер); «Многие ожидания не оправдались. Многие хотели видеть Григория большевиком. Многие хотели, чтоб он погиб. Художник поступил так, как ему

показалось лучше...» (Власов); «Читатель книги Шолохова знает, гордится эти книгами», чего нельзя сказать о критике и писательском сообществе (Ю. Лукин) и т.п. Пожалуй, лишь в выступлении А. Бека был сформулирован главный острый вопрос, *как* соотнести положительного героя литературы социалистического реализма и Григория Мелехова:

> «Безусловно, это самый настоящий положительный герой. Это герой, на стороне которого симпатии читателя. Это реалистический герой, которого автор любит, читатель любит и т.д. Построение образа в романе не вызывает других толкований.
>
> Другое дело — с точки зрения советской власти. Тут мало найдется людей, которые будут утверждать это. <...> Это — враг, и он должен быть наказан.
>
> Но в романе, конечно, это самый положительный герой, самый дорогой читателю. <...> Мне кажется, что центральная задача нашей литературы именно заключается в том, чтобы с такой же силой или большей силой создавать те образы людей, которые мыслят, строят, рубят, — в том числе и головы таким людям, как Григорий. Тогда это будет произведение, которое решает центральную задачу. Может быть, немодно говорить о социальном значении произведений?»

На дискуссии Бека не раз одергивали, словно не желая, чтобы он договорил поставленную им тему до ее логического завершения. Заключительные слова руководителя секции критиков ССП В. Кирпотина — «Шолохов — писатель советский, писатель социализма... “Тихий Дон” — это самый совершенный эпический роман»[1] — формулировали смысл темы, над которой должна работать советская критика, помогая читателю правильно понимать роман Шолохова.

Фигура читателя возникает почти во всех выступлениях 1940 г., но это уже просто риторическая формула, которой демонстрируется, с одной стороны, единство взглядов читателя, критика и писателя, с другой, «забота» о мировоззрении читателя, который может неправильно понять финал «Тихого Дона», поэтому «читательской массе» необходимо растолковать, как правильно необходимо понимать финальное возвращение Мелехова к порогу родного дома (далее курсив в цитатах наш):

---

[1] Стенограмма цитируется по: *Кирпотин В.* Ровесник железного века. Мемуарная книга. М., 2006. С. 427 — 435.

«Четвертая книга “Тихого Дона” показывает, как оправдалось замечательное предвидение товарища Сталина, как победила новая, пролетарская стратегия, основанная на учете классовых сил. <...> Четвертая книга достойно завершает эпопею гражданской войны на Дону. <...> Правда, это односторонняя эпопея. Свет и тени неравномерно распределены на полотне “Тихого Дона”. Солнечным светом залито все, что находится в пределах станицы Вешенской < sic!>» (Д. Заславский)[1];

«Шолохов своей силой художника заставляет нас верить в реальность Григория Мелехова. Тем самым идейно-художественное значение образа снижено. Можно пожалеть о том, что Шолохов не воспользовался образом Григория Мелехова, к которому он сумел привлечь внимание и симпатии *читателей* для того, чтобы сделать его образом типичным для большинства трудового казачества» (М. Чарный)[2];

«*Скорбь читателя* о судьбе Григория Мелехова есть одновременно радость за тех, кому уже не страшны никакие яды старого мира, за весь наш народ, за его могучее сталинское единство, за преодоление неслыханных трудностей. <...> *Читатели и критики правильно* воспринимают Григория Мелехова в 8 части, как другого, особенного человека, по сравнению с Григорием, известным нам по предшествующим частям романа. Этот новый, особый, другой Мелехов уже не имеет права на трагедию» (В. Ермилов)[3];

«Михаил Шолохов — писатель огромной известности, *книгами его увлекаются — и по заслугам*. Однако образы коммунистов являются наименее разработанными, наименее совершенными в его книгах. Если бы коммунист Михаил Кошевой, такой же казак, как Григорий, был выведен в “Тихом Доне” с такой же полнотой и с таким же совершенством, как Григорий, каким бы он стал *любимым героем читателя*, и многое в романе стало бы яснее, много *читательских недоумений* было бы снято» (В. Кирпотин)[4].

Упоминаемый практически всеми выступающими читатель путал, как мы видим, привычные для критики аргументы, ока-

---

[1] *Заславский Д.* Конец Григория Мелехова (М. Шолохов. Тихий Дон. Книга четвертая) // Правда. 1940. 23 марта. С. 4.

[2] *Чарный М.* О конце Григория Мелехова и конце романа // *ЛГ*. 1940. 26 июня. С. 4.

[3] *Ермилов В.* О «Тихом Доне» и о трагедии // Там же. 1940. 11 авг. С. 3.

[4] *Кирпотин В.* О «среднем» писателе и о герое литературы // Там же. 1940. 22 сент. С. 2.

зывается, читатель Шолохова, как следует из всех приведенных фрагментов, именно *вслед за автором* доверяет Мелехову и совсем не доверяет как раз типическому герою советской литературы — Мишке Кошевому. Разговор же о трагическом в интерпретации критика В. Ермилова и вовсе напоминает платоновскую формулу диалектики — превращения «горя в радость».

Тема финала «Тихого Дона» и читателя еще более резко, чем в критике, будет сформулирована в выступлениях писателей на заседаниях Комитета по Сталинским премиям (это ноябрь 1940 г.). Это была не простая дискуссия, а разговор по существу главных вопросов творчества, разговор столь же жесткий, сколь и предельно искренний (курсив в цитатах наш):

> «Книга “Тихий Дон” вызвала и *восторги, и огорчения среди читателей. Общеизвестно, что много читателей в письмах* своих требуют от Шолохова продолжения романа. Конец четвертой книги (вернее, вся та часть повествования, где герой романа Григорий Мелехов, представитель крепкого казачества, талантливый и страстный человек, уходит в бандиты) *компрометирует у читателя и мятущийся образ Григория Мелехова, и весь созданный Шолоховым мир образов* <...>. Но нам кажется, что *эта ошибка* будет исправлена *волей читательских масс*, требующих от автора продолжения жизни Григория Мелехова. <...> Григорий не должен уйти из литературы как бандит» (А. Толстой)[1];
>
> «...все мы обижены концом произведения, в самых лучших советских чувствах. Потому что 14 лет ждали конца, а Шолохов привел любимого героя к моральному опустошению. 14 лет писал, как люди друг другу рубили головы, — и ничего не получилось в результате рубки. <...> Как у всякого истинного таланта, у Шолохова есть много правдивых картин. <...> Вот благодаря этому *народ* полюбил это произведение и поднял его на такую высоту. Но в завершении роман должен был прояснить идею. А *Шолохов поставил читателя в тупик*» (А. Фадеев)[2].
>
> «Я согласен, что *у читателей остается чувство неудовлетворенности*. Мы хотели, чтоб Мелехов не так кончил. <...> Я тоже не согласен с концом. Вероятно, он будет писать пятую книгу.

[1] Стенограмма четвертого пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства. 18 ноября 1940 г. // Новое о Шолохове. Исследования и материалы. М., 2003. С. 500–501.

[2] Там же. С. 503.

Читатель требует, чтобы он нашел конец другого порядка» (А. Корнейчук)[1];

«Мы говорим, что, с одной стороны, это произведение заслуживает внимания, что это — выдающееся произведение, а с другой стороны, мы говорим: как же быть? *Какое влияние оно оказывает на наших читателей* и за границей?» (Н. Асеев)[2];

«Я хочу дополнить высказывания Н.Н. Ассева. <...> Поэтому правильно был поставлен вопрос Асеевым, вреден ли “Тихий Дон”. Я думаю, что мы на это получим такой ответ: *читатель наш настолько вырос*, что он сам поправляет, вмешивается в творчество писателя. Читатель любит этот роман, “лезет туда с сапогами” и говорит: “Не так! Пиши 5-ю книгу!” *Читатель это не такое существо, которое мы должны наполнять, а он будет кушать*. Нет, он пополняет художника, участвует в его творчестве — вопрос о вреде надо снять. <...> это большое художественное произведение, огромное. С ошибкой, которая идет с самого начала, в архитектонике, в конструкции этого романа. Нельзя свести революцию к судьбе одной семьи. *Шолохов должен раздвинуть рамки трагедии*» (А. Толстой)[3]...

Из 35 голосовавших членов Комитета за «Тихий Дон» был подан 31 голос[4].

У нас нет сомнения, что читательская почта в этот год была не простой. И можно быть уверенным, что «много читателей», как и А. Толстой, требовали «от Шолохова продолжения романа», гневались на автора и вопрошали, как Фадеев, за что же в романе Шолохова «люди рубили друг другу головы»?..

Можно быть уверенным, что читательская почта 1940 г. о «Тихом Доне» была просто огромной и надеяться, что ее концы когда-нибудь отыщутся, ведь очевидно, что не все письма читателей отправлялись Шолохову, что письма читали в Комитете по Сталинским премиям, письма могли сохраниться в других архивах...

Последние читательские письма, отложившиеся в фонде ГИХЛа, относятся к 1938 г.

---

[1] Там же. С. 505.

[2] Там же. С. 514.

[3] Там же. С. 518.

[4] Бюллетень заседания Счетной Комиссии по баллотированию кандидатов на соискание Сталинских премий 1940 года в области литературы и искусства. 25 ноября 1940 г. // Там же. С. 523.

* * *

1938 годом датируются последние документы работы Массового сектора. В том виде, как ранее работало это подразделение издательства, его больше никогда не будет. Возможно, решили, что возложенные на Массовый сектор задачи в целом были выполнены — в рамках решения основных стратегических задач второй пятилетки; письма читателей, приходящие в издательство, теперь отсылались писателям. Стоит сказать и о том, что проводимые Массовым сектором мероприятия требовали больших затрат, о чем дают представление сметы расходов 1932–1938 гг.; вот лишь некоторые статьи расходов. На проведение в опорных пунктах в 1932 г. литературных вечеров планировалось более 12 тысяч рублей; двух московских читательских конференций — 500 рублей, на обслуживание литературно-массовых мероприятий — оплату писателей, докладчиков, стенограмм и др. расходы по 150 рублей (на каждого); в 1932 г. выступления писателей на творческом вечере оплачивались 75 р., а в 1935 — уже 800 р. Большие суммы закладывались на командировки коллективных бригад на главные опорные пункты (Днепрострой, Магнитострой, Кузнецкстрой, Усть-Лабинскую МТС, совхоз «Гигант» и др.), организацию вечеров рабочей критики на предприятиях (обсуждение новинок издательства, оплата докладов, стенограмм, орграсходы), командировки литработников в промышленные центры и колхозы для изучения спроса читателей, командировки инструкторов для организации опорных пунктов массовой работы в колхозах и промышленных центрах, на литературные консультации и т.п.

С каждым годом вырастала оплата работы с письмами читателей. В 1935 г.: «Оплата составления отзывов и сводок читательских отзывов — 800 р.», «Перепечатка отзывов читателей для пересылки их авторам — 1000 р.». В 1936 г.: «Перепечатка отзывов читателей в месяц по 150 руб. 12×150=1.800 р.», «Обработка отзывов читателей (оплата обзора сводок по лучшим произведениям) 5×350=1.750», «Летняя работа в ЦПКиО им. Горького, вечера писателей, доклады — 1000 р.»; в 1938 г. — «Обработка читательских отзывов, обзоры годовые, обзоры на отдельные произведения и по отдельным темам — 3500 р.», «Перепечатка отзывов читателей и рассылка их авторам и редакторам — 2.500 р.»[1] и т.п.

---

[1] Смета расходов Массового сектора (1932–1938) // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 1–27.

Единственный, кто на этой «фабрике» литературной массовой работы трудился за идею и чей труд не оплачивался, был книжкор, на которого возлагалась большая миссия пропаганды книг издательства, проведение громких читок произведения и его обсуждение, организация отзывов и писем читателей. В переписке с книжкорами, которые с радостью откликались на приглашение издательства, нам удалось выявить лишь одно письмо, в котором приглашенный стать книжным корреспондентом читатель сообщал: «...нахожусь в твердом убеждении, что всякий корреспондентский труд (конечно, имеющий ценность) должен оплачиваться, в частности, работа книжкора»[1]. Еще раз подчеркнем, это письмо исключение из большого массива писем-биографий книжкоров, присланных в издательство. Мы не имеем возможности представить полностью эти уникальные документы нашей истории, о которых можно сказать словами А. Платонова из статьи «Пушкин — наш товарищ» (1937):

> «Серьезность их отношения к человеческому духу, к искусству столь же велика, как и к работе на подводной лодке, на самолете, у дизеля — если не больше. <...> Теперь читатель — сам творческий человек, и у каждого есть поле для воодушевленной, поэтической деятельности, ограниченное лишь мнимым горизонтом»[2].

Вот лишь фрагменты нескольких писем и «биографий жизни» читателей, исполненные «сердечного вдохновения» в желании стать пропагандистами опубликованных издательством книг, среди которых наиболее часто упоминаются романы Шолохова[3]:

> «Вами затребовано от меня написать о себе сведения по биографии. Я принял это за радость, какую еще не испытывал на пути своей жизни. Книгу, посланную Вами мне, я получил (“Дети Руфи”), которую читаю и как прочту, сейчас же напишу отзыв. За внимание и чувства ваши пролетарские, сердечно вам благодарен такими же. Как честный пролетарский сын благодарю Вас за внимание к живым людям.

---

[1] Запросы читателей о книгах, об авторах и по другим вопросам // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 757. Л. 67.

[2] *Платонов А.* Фабрика литературы. Литературная критика. Публицистика. С. 69.

[3] Несколько отзывов, взятых из писем-биографий книжкоров, печатаются в основном корпусе писем и отзывов читателей, см. п. 35, 229, 233, 237, 238.

Прощу: прочтите мою биографию. <...>»[1] (В. Г. Коваленко, г. Керчь, 1936 г.);

«Благодарю за В/отзывчивость, которой я не ожидал. Я по сути дела ждал ответа от писателя Шолохова, ибо ему адресовано письмо. Но получив положительный ответ от самого издательства “художественной литературы”, я еще более восхищен»[2] (Н.С. Мосьпан, воинская часть, 1935 г.);

«Я согласен вести книжкоровскую работу, давать отзывы о книгах, т.к. это привлекает к внимательному чтению книги, сумею сплотить вокруг себя ряд товарищей-студентов и выявлять их мнение о прочитанной книге»[3] (В.В. Юрьев, Куйбышев, 1935 г.);

«Уважаемые товарищи! Ваше письмо, посланное 4/VII-35 г. я получил 20/VII-35 года. Прочитав ваше письмо, я остаюсь очень доволен в том, что можно стать вашим книжкором. Это давно влекло меня.

Я желаю стать вашим книжкором и беру на себя обязательство, выполнить все ваши требования.

Вы просите сообщить о себе. Я сообщаю:

1) Социальное происхождение. Крестьянин-хлебопашец, как до революции и до настоящего времени.

2) Соц. происхождение. Середняк до революции и до настоящего времени.

3) Партийность. Член ВЛКСМ с 1931 года.

4) Образование. Рабфак.

5) Профессия, учитель.

6) Возраст. С 1915 года.

Высылаю краткую биографию.

Жду от вас ответа и книги М. ШОЛОХОВА. <...>

Уважаемые товарищи! Еще я написал свое стихотворение под заголовком “На колхозных полях”. Посылаю вам и жду от вас результатов на него»[4] (Н.С. Костин, учитель, Воронежская область, 1935 г.);

---

[1] Биографические сведения книжкоров (1934 — 1936) // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 765. Л. 20. Роман С. Мэрвин «Дети Руфи» (перевод с анг. П. Охрименко) опубликован в 1935 г. в изд-ве «Художественная литература» (Гослитиздат). Цензурный экземпляр перевода хранится в фонде изд-ва (Ф. 613).

[2] Там же. Л. 33.

[3] Там же. Л. 48.

[4] Там же. Л. 49–50. К письму на отдельном листе приложен автограф стихотворения (л. 52). На письме имеется виза редактора: «Заполнить анкету и послать на испытание легкую книгу».

«Уважаемые товарищи! Письмо, в котором вы меня приглашаете работать книжкором, я получил. С своей стороны считаю нужным, даже полезным, выполнять книжкоровскую работу.

Я родился в бедной крестьянской семье. В 1914 году, 30 декабря.

С раннего детства лишился отца.

На полях войны за “любимую” “родину”, где миллионы осужденных капиталистическими законами находили спокойный, вечный сон, освобождались от земных страданий, там нашел себе приют старый солдат.

С малых лет пахнула в лицо суровая жизнь: я видел ужасы войны, но у себя дома; испытал голод и холод.

Трудно было жить!

В настоящее время старшие братья и старушка мать не могут равнодушно смотреть на новую молодую и цветущую жизнь.

В этом году я окончил педагогический техникум в городе Богучаре. <...> С жадностью читаю беллетристику, попадающуюся под руки и по произведению ценю автора»[1] (И. Рязанов, Воронежская область,1935 г.).

Однако основной поток писем в издательство принадлежал даже не книжкорам, этому отряду наиболее сознательных читателей, а в целом читателю-народу.

5. «ЧИСТОЕ ИСКУССТВО» МИХАИЛА ШОЛОХОВА В КОНТЕКСТЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ

> ...искусство действует образами, а не сентенциями. <...>
>
> Чем выше произведение искусства, тем менее в нем проволочного каркаса вместо живых костей.
>
> *А. Фет, статья «Что случилось по см<ерти> Анны Кар<ениной> в “Русском вестнике”», 1877*

О том, что в яростном «Тихом Доне» развиваются традиции не только русского «психологического реализма» и русского романа XIX в., но и последовательных представителей «чистого искусства» свидетельствовал уже финал второй книги романа — строки

---

[1] Там же. Л. 60.

на скромной часовенке («В годину смуты и разврата / Не осудите, братья, брата»), восходящие к стихотворению Арсения Голенищева-Кутузова, одного из представителей «чистого искусства» в русской лирике XIX века:

В годину смут, унынья и разврата
Не осуждай заблудшегося брата;
Но, ополчась молитвой и крестом,
Пред гордостью — свою смиряй гордыню,
Пред злобою — любви познай святыню
И духа тьмы казни в себе самом.

Не говори: «Я капля в этом море!
Моя печаль бессильна в общем горе,
Моя любовь бесследно пропадет...»
Смирись душой — и мощь свою постигнешь;
Поверь Любви — и горы ты подвигнешь;
И укротишь пучину бурных вод!

Семантика неточной цитаты в тексте Шолохова ясна и без обращения к ее источнику; сам же источник прежде всего актуализирует семантический канон, его признаки, язык самой традиции и тип текста. Редуцируя и сжимая текст Голенищева-Кутузова, Шолохов заменяет форму личного обращения лирического героя («Я») на формулу эпического сознания («Мы»), можно сказать, возвращает литературный текст к исходному для него содержательному источнику. Это Соборные послания апостолов Христа, для которых характерна форма «Мы». «Братья» — архетип любого праведного человека, несущего, по словам апостолов, свое и чужое бремя: «Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме. / Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем соблазна; / А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза» (1-е Иоанн., 2: 9–11). Проведенная Шолоховым замена в тексте лирического стихотворения вносит в исходный текст элемент абстрагирования и символизации, превращает лирическую исповедь, исполненную у Голенищева-Кутузова христианской интонации, в нравственный императив, адресованный *каждому* и *всем*.

Репутация представителей «чистого искусства»: А. Фета, А.К. Толстого, А. Голенищева-Кутузова, А. Майкова — складывалась в литературной борьбе второй половины XIX в.; главной

порочной чертой этой генерации поэтов считалась их «антидемократическая» позиция, как это неустанно утверждали прогрессивная критика и ведущие представители литературного «шестидесятничества», а затем и советская критика: «жрецы бесцельного, беспредметного лиризма»[1]. В представлении эстетической позиции Фета и Толстого особо подчеркивалось их выступление против прогрессивного направления в общественной жизни и литературе. Приклеенный к поэтам еще во второй половине XIX в. ярлык, что они провозгласили и осуществили уход от действительности, не соответствует правде, в том числе и биографиям Фета, Голенищева-Кутузова и А.К. Толстого. Они были подлинными строителями страны, в прямом смысле — служивыми людьми, а их биографии не исчерпывались литературной деятельностью. В наследии А. Фета огромное место занимают очерки жизни пореформенной русской деревни, написанные им не в ходе командировки в деревню, а из личного опыта практического решения вопросов земли и землепользования, выстраивания отношений с мужиками в непростой ситуации реформ 1861 г., а также литературная критика и публицистика. Эта часть наследия активно стала осваиваться только в последние десятилетия XX века, в ходе подготовки первого академического собрания сочинений А. Фета (готовится в Пушкинском Доме)[2]. Деревенские очерки Фета являют нам представителя «чистого искусства» как самого убежденного реалиста, а порой — и прагматика и одновременно вовсе не отменяют его верности идеям «чистого искусства»:

«“Новое время”, — замечает Фет, — укоризненно обозвало его “суровым реалистом”. Он сам готов, в свою очередь, принять это называние: “Ведь и игрушечный царь не вечно шествует в триумфе, а, подходя к молочной кашке или мягкой булке, превращается в самого несомненного реалиста”. В житейской практике “разум человеческий довольствуется разговорною и быстрою речью” — песня же является тогда, когда в жизни возникает отторжение от “житейского” разума: “Над новорожденным поют, поют при апогее его развития, на свадьбе, поют и при его погребении; поют, идя с тяжкой денной работы, поют солдаты, возвращаясь с горячего учения, а иногда идя на штурм. Реальность песни заключается не

[1] См. об этом: *Федоров А.В.* Алексей Константинович Толстой и русская литература его времени. М., 2017. С. 40.

[2] Подробно об этом см.: *Кошелев В.А.* «Лирическое хозяйство» А.А. Фета // *Фет А.А.* Сочинения: в 20 т. Т. 4. Очерки: Из-за границы (Путевые впечатления). Из деревни (Заметки о вольнонаемном труде). СПб., 2007. С. 474–503.

в истине высказанных мыслей, а в истине выраженного чувства. Если песня бьет по сердечной струне слушателя, то она истина и правда. В противном случае она ненужная парадная форма будничной мысли. Вот что можем мы сказать в защиту поэзии"»[1].

В литературной критике и публицистике представителей «чистого искусства» последовательным и неизменным оставалось неприятие утилитарности искусства, деспотизма любой формы и конфигурации мысли; истинная цель искусства, утверждали они, есть служение породившей мир красоте, которая приобщает человека к вечным ценностям. Позволим еще несколько цитат (далее в цитатах курсив наш):

> «*...любовь моя к нашей дикой природе* проявляется в моих стихотворениях так же, по-видимому, часто, как и свойственное мне *чувство пластической красоты.* Что касается *нравственного направления* моих произведений, то мог охарактеризовать его, с одной стороны, как отвращение к произволу, с другой — как *ненависть к ложному либерализму, стремящемуся не возвысить то, что низко, но унизить высокое.* Впрочем, я полагаю, что оба эти отвращения сводятся к одному: ненависти к деспотизму, в какой бы форме он ни проявлялся. Могу прибавить еще к этому ненависть к педантичной пошлости наших так называемых прогрессистов с их проповедью утилитаризма в поэзии. Я один из двух или трех писателей, которые держат у нас знамя искусства для искусства, ибо убеждение мое состоит в том, что назначение поэта — не *приносить людям какую-нибудь непосредственную выгоду или пользу, но возвышать их моральный уровень, внушая им любовь к прекрасному, которая сама найдет себе применение безо всякой пропаганды.* <...> Резюмируя свое положение в нашей литературе, могу сказать не без удовольствия, что представляю собою пугало для наших демократов-социалистов и в то же время *являюсь любимцем народа, покровителями которого они себя считают*»[2];
>
> «...возвышение, очищение и укрепление духа есть исключительное призвание искусства. Другого у него нет. Поэзия — и вообще искусство — никогда не выдавало своих созданий за плотскую — реальную жизнь. Чем же, как не донкихотской слепотою, объяснить настойчивое гонение *нигилистов* на "искусство для

---

[1] Там же. С. 504.

[2] *Толстой А.К.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1964. С. 423–424.

искусства", которому так давно подвергается поэзия в "Современнике" и К°? Обвинение, возводимое там на искусство, само по себе справедливо. Искусство, действительно, не заботится об реальной жизни прямо и непосредственно, *оно влияет на человеческую жизнь иным путем — возвышая дух, от которого зависит эта жизнь*. Но они этого не видят, а если видят, то не только говорят, что этого мало (какие скромные требования!), но утверждают, что это вредно, как чрезмерное волнение духа, выбрасывающее из действительности»[1].

Понятно, почему революционная эпоха последовательно и масштабно вычищала русскую культуру от представителей «чистого искусства», что проявило себя в гонениях на Православную Церковь, в государственной программе борьбы за «новый быт», в тотальном переименовании городов и сел, в чистке народных библиотек, в кампаниях по дискредитации русской народной песни и насаждению революционного песенного репертуара и т.п. Стратегический смысл этой кампании первого советского десятилетия весьма точно описал и определил один из ведущих критиков 1920-х гг., редактор «Нового мира» Вячеслав Полонский в статье с символическим заглавием «Концы и начала», отсылающим, в том числе, и к знаменитым строкам А. Блока:

Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
(*А. Блок, поэма «Возмездие»*)

Для Блока художник несет в себе «гармонию противоречий» мира и сознания, он стоит на грани двух начал — хаоса и гармонии (этой теме посвящены последние выступления А. Блока 1921 г., мимо которых не прошел никто из писателей, входивших в литературу после 1917 г.). По утверждению критика, представляющего, заметим, не радикальный РАПП, а попутничество, Блок — поэт «конца», конца старой русской культуры, на смену которой идет новая культура:

«Мы "реконструируем" не только наше хозяйство. Реконструируется вся наша культура, быт, наша философия и психология, наука и искусство. Перестраивается, наконец, сам человек.

[1] *Фет А.А.* Сочинения и письма: в 20 т. Т. 3. СПб., 2006. С. 241.

Столкновение “концов” и “начал” — это борьба двух культур, двух миров, двух порядков — старого и нового»[1];

«“Концы” и “начала” непримиримы. Третьего не дано», — так резюмировал критик смысл культурной революции и начавшегося нового «пересмотра эстетических ценностей»:

«Лирика революции — лирика борьбы, не личной, но общественной, не интимных переживаний, а классовой ненависти, передающая восторг не от соловьиных трелей, но от побед и достижений. <...> Она заглушает лирику личных чувств и переживаний. Было бы ошибкой думать, будто революция обрекает лирику на смерть. <...> Подчеркиваем: речь идет не о лирике вообще, но о лирике уединенного сердца, живущего и страдающего лишь интересами своего изолированного “Я”. <...> Такой лирике сейчас нечего делать. Такая лирика должна умолкнуть»[2].

В ряду «ненужных» поэтов Полонский не раз упомянул Фета как одного из ярчайших представителей «старой русской литературы» и «чистого искусства»: «Что могут они, утонченно-барские, сказать нашему времени о нашем времени?»[3].

О классовой ненависти как краеугольном камне пролетарского гуманизма постоянно твердит литературная критика, твердит с первых лет строительства пролетарской культуры. Опубликованный в 1931 г. роман И. Шухова «Ненависть» сопровождается восторженной критикой: «Тема классовой ненависти оказалась темой победы пролетарских идей, пролетарских лозунгов»[4]. В реконструктивный период «мелодраматический офицер превратился в такого же мелодраматического инженера-вредителя, а плакатный буржуа стал плакатным кулаком», но этого оказалось недостаточным: «Нужно показывать врага не как отвлеченного злодея, но в то же время избежать жалости, всякого “гуманизма”. Нужно по возможности классово обосновать все поступки врага. При этом нет нужды закрывать глаза на то, что с точки зрения старой этики, старой морали классовый враг может быть человеком и честным. и благородным. <...> Основной опасностью в показе

---

[1] *Полонский Вяч.* Концы и начала. Заметки о реконструктивном периоде советской литературы // Новый мир. 1931. № 1. С. 131.

[2] Там же. С. 120.

[3] Там же. С. 130.

[4] *Оружейников Н.* Ненависть, рождающая победу // *ЛГ.* 1932. 4 янв. С. 3.

классового врага на сегодняшний день остается “гнилой либерализм” <...>. Старая этика должна быть показана как классово нам враждебная, должна быть вскрыта и разоблачена»[1] и т.п.

В выступлении В. Шкловского на Первом писательском съезде представлено своеобразное историко-литературное измерение и обобщение темы пролетарского, классового гуманизма:

> «Я сегодня чувствую, как разгорается съезд, и, я думаю, мы должны чувствовать, что если бы сюда пришел Федор Михайлович, то мы могли бы его судить как наследника человечества, как люди, которые судят изменника, как люди, которые сегодня отвечают за будущее мира.
>
> Ф.М. Достоевского нельзя понять вне революции и нельзя понять иначе как изменника. <...>
>
> Сегодня Горький говорил о пролетарском гуманизме.
>
> Спор о гуманизме кончается на этой трибуне, и мы остаемся, мы стали единственными гуманистами мира, пролетарскими гуманистами»[2].

На рубеж десятилетий приходится, можно сказать, кульминационный, длившийся все двадцатые годы, этап борьбы с народным песенным репертуаром и кампаний по созданию новых песен, в которой самое активное участие с 1926 г. (начало борьбы с «есенинщиной») принимают комсомольские поэты и Всероссийская ассоциация пролетарских музыкантов (ВАПМ), родная сестра ВАПП. Нет сомнения, что Шолохову были известны материалы бурной деятельности ВАПМ (РАПМ) и общества «Музыка — массам». Они широко освещались не только в специальных журналах («Пролетарский музыкант», «За пролетарскую музыку»), но и в центральных газетах и литературных журналах. В октябре 1929 г. пленум ВАМП принимает резолюцию о первейшей задаче пролетарских музыкантов — «социалистической реконструкции музыкальных учреждений»[3], в 1930 г. объявляется новый поход за классовый подход к музыке[4] (в 1931 г. Московская консерватория была переименована в Высшую музыкальную школ (ВМШ) им. Ф. Кона — в знак 45-летней революционной деятельности про-

---

[1] *Березарк И.* Классовый враг на сцене // Рабис. 1932. № 6. С. 8–9.

[2] *Стенографический отчет — 1934.* С. 154.

[3] В Ассоциациях Пролетарских музыкантов // Пролетарский музыкант. 1929. № 6. С. 38.

[4] См.: Против блока фокстротчиков и церковников. От секретариата ВАПМ // *ЛГ.* 1930. 19 окт. С. 4.

фессионального революционера, заведующего сектором искусств Наркомпроса и председателя правления общества «Музыка — массам»); принимается программа всеобщей «пролетаризации музыкального искусства». Идет развенчание церковного пения, русской духовной музыки, «самодержавно-церковных композиторов» (Д. Бортнянского, С. Рахманинова) за классово-чуждые мелодии и колокольный звон в их произведениях[1] (в 1930 г. по всей стране проходит снятие церковных колоколов, официально был запрещен колокольный звон), проводится «социально-классовая дифференциация массовой песни». Предложенный в данной классификации классовый принцип исключал из современной песни народность, ту «лестницу чувств» (А. Пушкин), по которой опознается народная (и казачья) песня, а из современного песенного репертуара — саму «старинную народную песню», ибо она, как утверждали теоретики музыкального фронта, отражает «сознание крестьянства, целиком связанного с патриархальными, примитивными формами сельского хозяйства»[2] и т.п.

Отношение Шолохова к деятельности общества «Музыка — массам», занимавшегося музыкальным просвещением масс, пропагандой новых песен и песенников, найдет отражение в «Поднятой целине». В этом романе, в отличие от «Тихого Дона», казаки не поют песен, а единственный в хуторе хор представляет не пролетарское, а скорее «чистое искусство»: это «разноголосый мощный хор» петухов, ночное пение которых так полюбилось Нагульнову и деду Щукарю... Не менее иронично в вопросе Разметнова к читающему книгу Давыдову — «Ро́маны читаешь! Либо песенник какой» (5, 97) — не только «остранена», но и зло высмеяна практика изданий новых песенников, достигшая к 1930 г. фантастических объемов. Давыдов читает и не роман, и не песенник, а одну из главных книг «года великого перелома»: изданные брошюрой материалы партийного пленума...

А что же выбирал читатель, та фигура, на перевоспитание которой были брошены огромные силы в лице Агитпропа партии, Наркомпроса, самых разных обществ и организаций культурного фронта? Напомним, что народный, или, как его тогда называли, «массовый» читатель в 1928 г. выбрал в спутники своей жизни

---

[1] См.: *Виноградов В.* Против церковщины в музыке. М., 1931.

[2] См.: *Лебединский Л.* О пролетарской массовой песне. Л., 1929; *Он же.* Наш массовый музыкальный быт // Пролетарский музыкант. 1930. № 9–10; *Он же.* Новый этап борьбы на музыкальном фронте. М., 1931. Подробно см.: *Корниенко Н.* Массовый музыкальный быт и литература // Эпоха «великого перелома» в истории культуры. Саратов, 2015. С. 79–90.

роман «Тихий Дон». Стоит также сказать, что в деревне 1930 г. было не до чтения романов, в том числе и «Тихого Дона», так что в этом диалоге иронически «остранены» и идущие в 1930 г. битвы критиков вокруг романа «Тихий Дон» и его автора. В контексте этой темы любопытную информацию представила статья А. Топорова в «Литературной газете», о которой уже шла речь в предыдущих главах. Оказалось, что среди любимых крестьянами коммуны «Майское утро» произведений значились не только вызвавшее бурное осуждение советских критиков стихотворение Фета, но и стихотворения Майкова и А.К. Толстого, а также его роман «Князь Серебряный». При этом, заметим, что критика утверждала, что роман Толстого «разлагает молодежь», «тормозит развитие ее коммунистического сознания»[1].

В исторической эпохе русской жизни, представленной в романе «Князь Серебряный», немало кровавых страниц дореволюционной жизни, и казалось бы, чем не текст для воспитания пролетарского взгляда на царскую Россию:

> «Когда наконец, *сытый душегубством*, он повернул коня и, объехав вокруг площади, удалился, сам обрызганный кровью и окруженный *окровавленным полком* своим, вороны, сидевшие на церковных крестах и на гребнях кровель, взмахнули одна за другой крыльями и начали спускаться на *груды истерзанных членов и на трупы*, висевшие на виселицах (курсив наш. — *Н.К.*)»[2].

Неприемлемым в романе «Князь Серебряный» для воспитания «нового человека» было многое, и прежде всего, формула наделенного «честным сердцем»[3] заглавного героя, в котором воплощается та высшая «человеческая правда», в утверждении которой представители «чистого искусства» видели «коренной закон искусства» — преодоление «голой правды» исторического факта и соединение правды с красотой. Контуры описания главного героя романа после сцены прощания с Еленой, когда «ему показалось, что все родное оторвалось от его жизни и со всех сторон охватило его холодное, безнадежное одиночество»[4], можно сказать, архетипичны для европейской и русской культуры и

[1] См. подробно об этом: *Федоров А.В.* Алексей Константинович Толстой и русская литература его времени. С. 38.

[2] *Толстой А.К.* Князь Серебряный // *Толстой А.К.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 405.

[3] Там же. С. 432.

[4] Там же. С. 431.

по-своему подтверждают мировой статус формулы пути Григория Мелехова:

> «Ехал князь Серебряный, понуря голову, и среди его мрачных дум, среди самой безнадежности светило ему, как дальняя заря, одно утешительное чувство. То было сознание, что он в жизни исполнил долг свой, насколько позволяло ему умение, что *он шел прямою дорогою и ни* разу *не уклонился от нее умышленно*. Драгоценное чувство, которое, среди скорби и бед, как неотъемлемое сокровище, живет в сердце честного человека и пред которым все блага мира, все, что составляет цель людских стремлений, — есть прах и ничто!
>
> Одно это сознание давало Серебряному возможность переносить жизнь <...> находил грустную отраду в мысли <...> что *он не отчуждает себя от братий, но несет вместе с ними свою долю общего бедствия*»[1].

В этой «высшей правде» заключена не правда реальной действительности, а «человеческая правда». «...человеческая правда — вот его [поэта] закон; исторической правдой он не связан. Укладывается она в его драму — тем лучше; не укладывается — он обходится и без нее[2], — эта мысль А.К. Толстого также помогает читать финал «Тихого Дома» не в логике «исторической правды» (гибель прототипа образа Григория Мелехова), а высшей «человеческой правды», заключенной в возвращении героя к дому. В символическом финале романа, вокруг которого шли, идут и будут идти горячие споры, нашла свое выражение и художественное воплощение та черта русской литературы как литературы образа, филигранное определение которой мы находим у Ин. Анненского: «Законная незаконченность поэтического образа»[3].

«Злоба» дня исторических событий 2-й книги «Тихого Дона» завершается не только христианскими строками, отсылающими к «утонченно-барским» стихам» Голенищева-Кутузова, но и описанием природы:

> «И еще — в мае бились возле часовни стрепета <...> А спустя немного, тут же возле часовни, под кочкой, под лохматым покро-

---

[1] Там же. С. 432.

[2] *Толстой А.К.* Проект постановки на сцену трагедии «Смерть Иоанна Грозного» // *Толстой А.К.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 456.

[3] *Анненский Инн.* Записная книжка 1898 г. // *Анненский Инн.* Учено-комитетские рецензии 1899 — 1900 годов. Вып. 1. Иваново, 2000. С. 35.

вом старюки-полыни, положила самка стрепета девять *дымчато-синих крапленых яиц* и села на них, грея их теплом своего тела, защищая *глянцево оперенным* крылом (курсив наш — *Н.К.*)» (2, 320).

Это описание являет яркий пример эстетики «чистого искусства» с его, по А.К. Толстому, «пластической красотой» «дикой природы».

Проникновением реализма и идеализма, соединением правды и красоты исполнены пейзажи в лирике Фета и Толстого:

Нет, полн иного чувства,
Я верю реалистам:
Искусство для искусства
Равняю с птичьим свистом[1].

Пейзажные зарисовки в романах «Князь Серебряный» и «Тихий Дон» отмечены общей для них темой «военного присутствия человека в пейзаже»:

«Опустела широкая степь, и настала на ней прежняя тишина, как будто бранный гул и не возмущал ее накануне... мелкие птички перепархивали... заливаясь песнями, садились на пернатые стрелы, вонзившиеся в землю во время битвы и торчавшие теперь на зеленом лугу, меж болотных цветов, как будто б они были цветы и росли там уже Бог знает сколько времени» («Князь Серебряный»);

«Где-то там в вышних беспредельных просторах гуляли ветры, плыли осиянные солнцем холодные облака, а на земле, только принявшей веселого лошадника и пьяницу деда Сашку, все так же яростно кипела жизнь: в степи, зеленым разливом подступившей к самому саду, в зарослях дикой конопли возле прясел старого гумна — неумолчно звучала гремучая дробь перепелиного боя, свистели суслики, жужжали шмели, шелестела обласканная ветром трава, пели в струистом мареве жаворонки и, утверждая в природе человеческое величие, где-то далеко-далеко по суходолу настойчиво и глухо стучал пулемет» («Тихий Дон»)[2].

---

[1] *Толстой А.К.* Полное собрание стихотворений. Т. 1. [Серия «Литературные памятники».] СПб., 2016. С. 623.

[2] Сопоставление предложено А. Федоровым; см.: *Федоров А.В.* Алексей Константинович Толстой и русская литература его времени. С. 626.

Подобные пейзажи, в которых воплощена «живописная правда жизни»[1] (определение искусства, данное В. Набоковым, одним из последовательных творцов «чистого искусства» в XX в.), считались ненужными и вредоносными в эпоху борьбы с «первой природой» и создания «второй природы», а атака на пейзаж русской классической литературы шла по всем литературным фронтам. Теоретический базис подвели в 1920-е гг. формалисты в своих построениях будущих путей развития русской литературы: «Отмирают традиционные конструктивные элементы повествовательных жанров — герой, пейзаж, любовь и т.д.», обновление жанра пойдет через введение нового — невыдуманного — материала[2]. Наиболее последовательную позицию в борьбе с «пассивно-наслажденческой литературой» (К. Зелинский), органической частью которой являются пейзажные зарисовки в классической и современной литературе, занимали лефовцы[3]. Начинающим крестьянским поэтам их учителя советовали читать не Есенина и Клюева, а Демьяна Бедного, рекомендовали не заглядывать в старые хрестоматии, так как в них много «“чистой лирики”, которой в свое время занимались сытые помещики, вроде Фета или Алексея Толстого: природа, чирикающие птички и прочее благолепие и благорастворение воздухов»[4]. В разгроме «Перевала» 1930 г. одно из постоянных обвинений, брошенных М. Пришвину, Н. Зарудину, Ив. Катаеву, заключалось в том, что в их произведениях особое внимание уделено «чудесному миру» без классовой борьбы[5].

В этом смысле нельзя отказать в прозорливости критику Янчевскому, который в 1930 г. на обсуждении «Тихого Дона» в редакции ростовского журнала «На подъеме» не только дал исчерпывающую, в духе времени, оценку контрреволюционного статуса старых казачьих песен в романе Шолохова, но также отметил, что в финале второй книги «Тихого Дона» Шолохов противопоставил «классовой правде» две правды: «не только казачью», христианскую, «глубокое “лирическое отступление”, написанное

---

[1] *Набоков В.* Пушкин, или правда и правдоподобие // *Набоков В.* Лекции по русской литературе. М., 1996. С. 423.

[2] *Эйхенбаум Б.* В поисках жанра // Русский современник. 1924. № 3. С. 229–231.

[3] См.: *Перцов В.* Какая была погода в эпоху гражданской войны // Новый Леф. 1927. № 7. С. 36–42.

[4] *Григорович Ал.* О начинающих (Литературные заметки) // Крестьянский журнал. 1925. № 7. С. 14.

[5] Дезертиры классового фронта // Комсомольская правда. 1930. 30 марта. С. 3. Подпись: *ПИР.*

в иконописных тонах», но и «правду природы, из которой выросла казачья правда...»[1].

Сброшенная с «парохода» революционной современности «чистая лирика» созерцания содержит в себе, как в зерне, базовую тему «Тихого Дона» — тему *пути человека* в мире зла, насилия и злободневности, в его борьбе с торжеством зверя в самом себе и в окружающем мире:

Лишь только один я останусь с собою.
Меня голоса призывают толпою,
Которому ж голосу отповедь дам?
В сомнении рвется душа пополам.
Советов, угроз, обещаний так много,
Но где же прямая, святая дорога?
С мучительной думой стою на пути —
Не знаю, направо ль, налево идти[2]?

Русские символисты вернули «чистую лирику» в актуальную русскую литературу начала XX в., а тема пути человека в новом веке — становится главной в лирике А. Блока. Замечу, что в центральной лирической коллизии Григория Мелехова (Наталья и Аксинья) присутствует очевидная отсылка к самой мистической поэме Блока — «Песне Судьбы» (1908), драматургическую коллизию которой составляет путь лирического героя Германа из «тихого дома» Елены — к стихийной Фаине. Услышит ли Герман в закрутившей его снежной метели зовущий голос Елены? Вернет ли Елена, хранительница «белого дома», Германа? Все герои оказываются в ситуации распутья и в поисках своего пути к душе мира и к России.

В 1907–1908 годы выходит Собрание сочинений А.К. Толстого, под редакцией известного историка русской литературы С.А. Венгерова. Рубеж веков — новый этап в жизни поэзии Фета, Полонского, Майкова, Ал. Толстого, Голенищева-Кутузова. Они представлены в школьных программах, их тексты включены в самые разные школьные хрестоматии, как отмечал Ин. Анненский, как образцы «классической русской литературы»[3]. Размышления

[1] См.: *Янчевский Н.Л.* Реакционная романтика // На подъеме. 1930. № 12. Цит. по републикации: Новое о Шолохове. Исследования и материалы. С. 433.

[2] *Толстой А.К.* Полное собрание стихотворений. Т. 1. С. 127.

[3] Богатейший материал по учебной литературе рубежа XX — начала XXI века представляют обстоятельные рецензии Инн. Анненского на хрестома-

выдающегося поэта, переводчика и преподавателя словесности о воспитательных и образовательных возможностях, которые заключает в себе творчество А.К. Толстого и русской классики, звучат и сегодня свежо, современно и актуально:

> «Наша новейшая художественная литература, благодаря ее высоко-гуманному и вместе с тем истинно-национальному характеру не должна оставаться вне сферы нравственного воздействия школы на подрастающее поколение: художественная обработка эпических и исторических преданий у А. Майкова и графа А.К. Толстого, тургеневский пейзаж, внучки и правнучки пушкинской "героини долга", благородные "скитальцы" из поколения Евг. Онегина и смиренные носители нравственной мощи русского народа, глубоко национальная ширь и иногда даже метафизичность лирических мотивов у гр. Ал. Толстого и Тютчева (вслед за Лермонтовым), — весь этот мир литературных явлений, связанных и с нами, и с нашим прошлым, и с нашими детьми, и *заключающий в красоте своего выражения лучшее доказательство своей силы и истинности*, стал достаточно устойчив и доступен не только нашему сознанию, но и нашей спокойной проверке, чтобы сделаться элементом воздействия школы на жизнь»[1].

К чему мы прочерчиваем этот контекст, казалось бы, столь далекого от сурового реализма Шолохова «чистого искусства»? Эта удаленность, на наш взгляд, внешняя, во многом связанная с исторической судьбой наследия представителей русского «чистого искусства» в советскую эпоху. Но в отличие от нас Шолохов учился в дореволюционной школе, в программы которой входили лирика, проза и драматургия А.К. Толстого, лирика А. Фета, А. Голенищева-Кутузова, А. Майкова. И этот довод представляется важнейшим аргументом в постановке темы «Шолохов и русская поэзия», фокусирующей в себе важнейшую проблема-

---

тии, учебники и учебные пособия по русской литературе для начальных, народных школ и гимназий; см. *Анненский Инн.* Учено-комитетские рецензии: в 4 кн. / под редакцией А. И. Червякова. Иваново, 2000. Отсылка к прекрасной статье Анненского «Сочинения гр. А. К. Толстого как педагогический материал» (Воспитание и обучение. 1887. № 8, 9) дается в работе А. В. Федорова.

[1] *Анненский Инн.* Мнение по вопросу о выработке некоторых предположений в связи с расширением в наступающем учебном году курса русской словесности в выпускных классах гимназий и реальных училищ. [Доклад, 1903] // *Анненский Инн.* Учено-комитетские рецензии 1901–1903 годов. Вып. 2. С. 300–301.

тику эстетики писателя. Как почти все его современники-прозаики, Шолохов также начинал со стихов. Об этом он признался в 1959 г. в интервью болгарскому журналисту: «Учился в гимназии, а кто в гимназии не писал стихов? Пытался я и мучился, страдал, не вышло ничего. <...> А поэзию и до сих пор люблю»[1]. Хорошо бы этот ответ писателя наполнить именами и текстами. В том числе, и сохранившимися текстами самого Шолохова...

Анализируя выступление Шолохова на Втором съезде писателей, литературовед М.Н. Липовецкий в своей обстоятельной статье выдвигает сомнительную интерпретацию использования Шолоховым в его речи категории «художественного качества». Он утверждает, что эти категории не характерны для писателя, скорее всего они позаимствованы им у автора знаменитой статьи «Об искренности литературы», что эстетические категории являлись «знаменем именно либерального круга литераторов», к которому Шолохов не принадлежал, а использованные им «эстетические критерии были лишены сколь-нибудь содержательного наполнения»[2].

В контексте читательской темы любопытный материал, оспаривающий эти утверждения, представляют признания Шолохова о работе над «Тихим Доном», начиная со знаменитого предисловия к рассказу «Лазоревая степь» (1927), которое можно рассматривать как эстетический манифест автора «Тихого Дона», и его оценки прозы современников, которые вычитываются из писем начинающим писателям. Примечательно, что Шолохов нигде не пишет об актуальности или неактуальности выбранной темы, а практически всегда говорит о языке и правде образа (правда образа — базовое понятие в концепции «чистого искусства»). Кстати, лишь отметим, что тема правды образа занимает центральное место в выступлении Шолохова на дискуссии о языке 1934 г., в котором он советовал критике писать о языке современной литературы: «Неужели в понимании Зеленского язык художественного произведения столь маловажный предмет, что писать только о языке ниже достоинства серьезного критика?»[3]. В 1935 г.,

[1] Цит. по: *Палшков А.* Молодой Шолохов // Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников / сост. В.В. Петелина. Кн. первая. 1905 — 1941 гг. М., 2000. С. 94.

[2] *Липовецкий М.И.* Поэтика скандала: речь Шолохова на Втором съезде писателей // Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Идеология исторического перехода и трансформация советской литературы. С. 241–242.

[3] *Шолохов М.* За честную работу писателя и критика // Шолохов М. Собр. соч.: в 9 т. Т. 8. С. 211.

отвечая на вопрос, что ожидает героев в финале «Тихого Дона», Шолохов дает лаконичный ответ: «Правдивый конец». На этой же встрече, вопреки установкам критики, идущим от 1920-х гг., что советский писатель должен преодолевать свойственный русской классике «бытовизм», Шолохов весьма дерзко и полемично высказывается на эту тему: «Во второй книге, как и в первой, мне хочется бытописать. <...> Нужно бытописать, и лестно быть бытописателем!»[1]. В беседе с критиком Экслером писатель признается, что у него «наименее трудно и неудачно... получилось с историко-описательной стороной», что «эта область — хроникально-историческая — чужеродна. Здесь мои возможности ограничены», а переходя к характеристике не хроникально-исторических глав, он введет блистательное эстетическое понятие «мертвый диалог»[2]. Или вот в письме Плоткину (1933) Шолохов приводит — для описания событий в районе — «детский стишок»: «А может у чижа болит голова? / А может чижу в клетке тесно», и так резюмирует финал «стишка»: «И дальше насыщенный глубоким философским содержанием ответ: “Никому ничего не известно”»[3].

На красоту и правду образа Шолохов обращает внимание начинающей писательницы Гриневой (1933), советуя ей учиться у «чудеснейшего Пришвина»: «Кстати, читали Вы его “Корень жизни”? Если нет — очень советую: прочтите. Непременно прочтите! Такая *светлая, мудрая, старческая прозрачность, как вода в роднике*. Я недавно прочитал и до нынешнего дня на сердце тепло. *Хорошему слову радуешься ведь, как хорошему человеку*»[4].

Замечательный пример к теме «чистого искусства» представляет выявленное М. Любимовой в фондах РНБ письмо Шолохова начинающему прозаику С.С. Тхоржевскому. Блистательный комментарий исследователя дает материал к осмыслению самого факта этого письма Шолохова 1953 г. Тхоржеский — потомственный петербуржец, прошел сталинские лагеря и после освобождения (1950) жил в Ростовской области. К сожалению, письмо самого Тхоржеского в фондах Вешенского музея в настоящее время не выявлено. В Вешенскую потоком шли рукописи начинающих писателей — копии ответов Шолохова, к сожалению, не делались. Сохраненное Тхоржевским письмо Шолохова — это скорее, исключение из десятков, если не сотен, написанных Шолоховым писем

---

[1] Разговор с Шолоховым // Известия. 1935. 10 марта.

[2] *Экслер И.* В гостях у Шолохова // Там же. 1937. 31 дек. С. 3.

[3] *Письма.* С. 148.

[4] Там же. С. 150.

к начинающим писателям. В письме к Тхоржевскому поражает серьезность разговора с еще не вошедшим в литературу писателем:

> «Он (рассказ) лондовского толка (полагаю, что и это Вы знаете), но у Лондона я вижу всех людей, и каждого в отдельности, а у Вас — немногих. Скуп пейзаж. Не хватает красок, что ли? Или нет настоящего восприятия природы? А главное — люди! И в сером быте, и серого человека Вы обязаны — сколь взялись за перо — показать ярко. Писать Вам надо, и стоит, и видимо, есть что сказать Вашему будущему читателю, но ради бога уберите кишки во чрево дохлой лошади. Им место там, а не на бумаге. *Это не образ, и это плохо*. Желаю успеха! М. Шолохов».

Кажется, письмо закончено, однако нет, Шолохов вписывает примечание, в котором еще раз обращает внимание молодого писателя на необходимость добиваться правды и красоты образа:

> «Забыл сказать вот о чем: после прочтения остается ощущение какой-то куцости. А знаете, почему это? Штрихами набросаны люди, узко, и я скорее представлю летящую из землянки пустую бутылку, нежели небритые щеки Шихматова. *Отсутствует портретная лепка человеческого лица, а надо бы.* Концовка хороша. М.Ш. (курсив наш. — *Н.К.*)»[1]

Письмо Тхоржевскому датируется 3 декабря 1953 г. Совсем скоро Шолохов будет выступать на Втором съезде советских писателей, и в его критике современной литературы эстетический критерий проявит себя во всей полноте, что найдет воплощение в дерзкой и внешне злой оценке прозы И. Эренбурга, оценке, выполненной в русле эстетики «чистого искусства», разделяющего публицистику (злободневное) и вечное (искусство). По Шолохову, Эренбург хорошо борется за мир, но плохо пишет: «Он делает большое и нужное дело, активно участвуя в нашей борьбе за мир. Но критикуем мы его не как борца за мир, а как писателя, и это наше право»[2].

В знаменитой оценке Шолоховым прозы В. Шукшина — «Не пропустил он момент, когда народу захотелось сокровенного. И он рассказал о простом, негероическом, близком каждому так же

---

[1] *Любимова М.* Неизвестное письмо М.А. Шолохова и его адресат С.С. Тхоржевский // Текстологический временник. Русская литература XX века. Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 177–181.

[2] *Стенографический отчет — 1954.* С. 377.

просто, негромким голосом, очень доверительно. Отсюда взлет и тот широкий отклик, какой нашло творчество Шукшина в сердцах многих тысяч людей» — своеобразно сходятся важнейшие составляющие шолоховской эстетики «чистого искусства»: «сокровенное» слово («внутреннее слово») — «негромкий голос», близкий «каждому» и откликающийся «в сердцах многих людей» («внутренний человек»).

Хорошо бы и нам научиться не смешивать Шолохова-публициста и Шолохова-художника, найти точные формулировки в описании нераздельности и одновременно неслиянности этих двух сторон литературной личности писателя.

6. НА НОВОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПЕРЕЛОМЕ

Тема читателя имеет свою периодизацию с весьма непростыми ее связями с таким вопросом, как периодизация литературного процесса советской эпохи, что нашло свое отражение и подтверждение в том, как отложились письма читателей в наших литературных архивах. Так, в фондах практически всех издательств 1930-х гг. в отдельные единицы хранения выделены внушительные по объему папки с письмами читателей о главных произведениях 1930-х гг. — «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Брусках» Ф. Панферова, «Дне втором» И. Эренбурга, «Скутаревском» Л. Леонова, романах М. Шолохова и др. В последующие десятилетия подобных сводов писем читателей в фондах издательств мы не находим. Читатель, конечно, никуда не исчез, но интерес к реальному, а не абстрактному советскому читателю, безусловно, снизился. Созданные в 1930-е гг. практически во всех издательствах мощные массовые секторы, занимавшиеся письмами читателей и изучением читательского спроса, практически были упразднены. В годы войны, находясь в действующей армии, Шолохов в письме в «Красную звезду» (1944. 14 мая. С. 3) просил читателей присылать ему письма по адресу газет «Правда» и «Красная звезда». В послевоенные годы приходившие в издательства, редакции газет и журналов, в Союз писателей письма читателей теперь просто отсылались писателям, а публикуемые обзоры читательских мнений о произведениях писателя носили зачастую формальный характер. Таким, к примеру, было заседание секции прозы ССП, на котором обсуждался вопрос о письмах читателей в «Литературную газету». Из доклада Н.С. Атарова мало что можно узнать о современной читатаельской ситуации, *что* думали читатели о литературной жизни и о произведениях текущей литературы. Упо-

мянув об откликах читателей на статью А. Твардовского «Столица и провинция», докладчик предложил типологию читательских писем: 1) «письма, которые предлагают темы», 2) «письма-разведчики», 3) «письма-отклики», «письма — поправки от жизни»[1]. Вот и все.

Об остроте сложившейся ситуации свидетельствуют документы издательств. Так, к примеру, в протоколах совещаний при дирекции ГИХЛ (от 4 апреля 1951 г.) мы находим вопрос «О подготовке конференции читателей» и решение «Созвать конференцию читателей на 15 мая 1951 г.»[2], однако информации о том, была ли конференция и как она прошла, нам не удалось обнаружить. Возможно, замещением планируемой конференции стала встреча книголюбов Московского автомобильного завода с издателями, на которой обсуждали книги, вышедшие в двух самых больших издательствах — Гослитиздате и «Советском писателе»[3]. 17 мая в «Литературной газете» печатается большое эссе украинского писателя Ю. Смолича о советском читателе, из которого можно узнать, что наша литература «самая передовая», как и вся советская культура. Рассказ о читателе исполнен романтического пафоса торжествующей теории бесконфликтности:

> «Но как огромно вырос наш читатель!
>
> Не о количественном росте речь. Сегодня наши книги читают миллионы, а три десятка лет тому назад, когда только зачиналась советская литература, ее читательские кадры были куда беднее»;
>
> «...это великолепное чувство — ощущение присутствия читателя в твоей творческой “лаборатории” — известно каждому писателю. И, совершенно очевидно, оно неведомо писателям иного мира. Мне кажется, такое соотношение между писателем и читателем — тоже непременная черта стиля социалистического реализма»;
>
> «Ведь наш сегодняшний читатель и есть герой наших книг — герой нашего времени» и т.п.[4].

6 апреля 1953 г. на заседании дирекции ГИХЛа заслушивается «Сообщение о письмах», принимаются решения:

1) «Обязать зав. отделами оказывать необходимые консультации по вопросам, затронутым в письмах читателей в сроки,

---

[1] Стенограмма заседания секции прозы. Доклад Н.С. Атарова о письмах читателей в «Литературную газету». 8 октября 1948 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 20. Ед. хр. 38. Л. 19.

[2] Совещания при дирекции // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 7. Ед. хр. 935. Л. 26.

[3] См.: Разговор по душам // *ЛГ*. 1951. 19 мая. С. 1. Б.п.

[4] *Смолич Ю*. Писатель и читатель // Там же. 1951. 17 мая. С. 3.

предусмотренные инструкцией Главполиграфиздата “Об ответах на письма читателей”»;

2) «На основании писем систематически составлять <...> докладные записки в адрес редакции по вопросам, затронутым в письмах»;

3) «Доводить до сведения газет о наиболее интересных письмах, поступивших в издательство для использования этого материала в печати»[1].

Все, как мы видим, предельно формализовано.

Фигура читателя, кажется, возвращается в литературный процесс в период подготовки ко Второму съезду советских писателей. Летом 1954 г. в «Литературной газете» открывается постоянная страница «Предсъездовская трибуна», в сентябре начинается публиковаться «Анкета “Литературной газеты”» с ответами писателей, деятелей культуры и читателей на вопрос, давший название этому разделу: «Чего мы ждем от съезда»; в октябре открывается рубрика «Читатели о литературе». В редакционных статьях постоянно подчеркивался призыв Союза советских писателей «систематически, настойчиво бороться с отклонениями от соцреализма, с попытками увести литературу в сторону от жизни и борьбы советского народа», развернуть при подготовке к съезду творческую дискуссию, проявлять самокритику[2] и т.п.

Обращение к читателю — «думающему и ищущему читателю» — проходит лейтмотивом в публикуемых в «Предсъездовской трибуне» статьях. Читатель в них выступает главным арбитром в решении самых разных «наболевших» и «коренных» вопросов. Он — главный аргумент в развернувшейся в предсъездовской дискуссии о положительном герое и главный разоблачитель совсем недавно поверженной теории бесконфликтности:

«А наш читатель именно таков. Он многолик и многосложен, он хочет знать, изучать, разбираться. Но он хочет и видеть то, чему можно если не подражать, то следовать»[3].

---

[1] Протоколы совещаний при дирекции // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 7. Ед. хр. 937. Л. 26–27.

[2] Заботиться об идейно-творческом росте писателей // *ЛГ*. 1954. 31 июля. С. 1.

[3] *Медынский Г.* Главное направление // 1954. 2 сент. С. 3. Раздел «Предсъездовская трибуна». См. также статьи этого раздела: *Дружинин В.* Дорогу романтике! // 19 авг. С. 3; *Протопопова А.* Усилить воспитательное значение литературы // 23 сент. С. 3; *Кассиль Л.* Черты романтического героя // 30 сент. С. 2; *Алексин Ан.* Пионеры в жизни и в книгах // Там же. 23 нояб. С. 2 и др.

Участвующий в дискуссии читатель напомнил, что довоенная советская литература дала положительного, но не идеализированного героя — Павла Корчагина, а поэтому «идеализация не нужна, а идеальный герой необходим», идеальный герой — это «сильный герой»[1]. Другой читатель, слушатель партийной школы, чье мнение представлено в первой подборке ответов на анкету «Чего мы ждем от съезда», призвал писателей к созданию героя большого пафоса и стиля: «Дайте героям большую цель!» и попутно высказал критические замечания в адрес обсуждаемых произведений: «Во имя чего, например, живут положительные герои повести Эренбурга “Оттепель” или романа В. Пановой “Времена года”»[2].

С обращения к читателю начинается статья Асеева «Поэзия и правда», открывшая большую дискуссию о состоянии поэзии — «Скажите, читатель: вы довольны современным состоянием поэзии? — Нет», и фигура читателя используется практически всеми ее участниками:

> «Поскольку за последнее время много говорилось о правде и правдивости в литературе, читатель настораживается и хочет узнать, что это за новая правда? Не скрывая удивления, он узнает, что теория поэзии питается двумя правдами: “правдой теоретической” и “правдой, подтвержденной действительностью”»[3];
>
> «Мы, поэты, начинаем утрачивать контакт с читателем, а это — страшно. <...> А как мы воспитываем читательский вкус? Сплошь и рядом этим занимаются не творцы, а догматики»[4].

На читателя-труженика должен ориентироваться писатель, — утверждает К. Симонов:

> «По мнению нашего читателя, — а мнение это вполне справедливо, — писатель должен жить жизнью, полной труда, <...> должен быть таким же тружеником, как и он сам, наш читатель»[5].

---

[1] Идеальный герой нужен // 19 авг. С. 3. Подпись: *Читатель Л. Дьяковский.*

[2] Там же. 16 сент. С. 1.

[3] *Переславский П.* Ответ читателя. Мысли по поводу статьи «Поэзия и правда» Николая Асеева // 4 сент. С. 3.

[4] *Сельвинский И.* Наболевший вопрос // 31 авг. С. 3. См. также статьи, посвященные поэзии: *Берггольц О.* Против ликвидации лирики (28 окт. С. 3–4); *Симонов К.* Человек в поэзии // 4 нояб. С. 3 и др.

[5] *Симонов К.* О культуре писательского труда // 2 окт. С. 2.

Несколько экзотическое предложение прозвучало от прозаика В. Беляева — провести среди читателей референдум о любимых и нелюбимых книгах[1]. Подхвативший это «интересное» предложение Г. Медынский призвал Союз об этом подумать и попутно рассказал об отношении к читательской почте в Союзе писателей:

> «Каждый из нас получает сотни писем. К сожалению, сейчас функция союза и в этом отношении сводится к одному — его экспедиция пересылает писателям эти письма в нераспечатанном виде. А зря! В них бывают очень интересные и глубокие высказывания, которые могли бы сыграть свою роль в оценках многих произведений и вообще в развитии нашей литературы»[2].

Единственная публикация читательских писем была посвящена обсуждаемой повести И. Эренбурга «Оттепель»[3], а открытый диалог читателя с писателем представлен письмом читателя-рабочего к автору романа «Журбины» В. Кочетову и ответом писателя[4].

В сентябре «Литературная газета» открывает специальную страницу, посвященную рассказам о том, как читатели страны готовятся к писательскому съезду. Открывается эта страница представлением анкеты, подготовленной Ленинградским отделением СП и центральной библиотекой города:

> «“Уважаемый читатель!
>
> В ноябре 1954 года состоится Второй всесоюзный съезд писателей. Для того, чтобы писатель больше узнал о нуждах и запросах читателя-друга, библиотека просит вас написать ваши предложения и пожелания, которые будут использованы для составления наказа съезду писателей от читателей ленинградских библиотек. Ниже — место для ответа”.
>
> Такие анкеты получили тысячи читателей»[5].

---

[1] *Беляев В.* Слушать читателя! // 11 сент. С. 3.

[2] *Медынский Гр.* Творческим вопросам — главное внимание // 12 окт. С. 2.

[3] См. статью К. Симонова о повести «Оттепель» (Там же. 3 авг. С. 3) и письма читателей, как своеобразный ответ на критические высказывания Симонова: О повести «Оттепель» И. Эренбурга. Обзор писем читателей // 5 окт. С. 3–4.

[4] См. письмо рабочего: Ждем Вашего душевного слова. Открытое письмо писателю В. Кочетову. Подпись: *Наборщик А. Чириковский* // 19 авг. С. 2; *Кочетов В.* Выбор профессии // 7 сент. С. 2.

[5] Читатели готовятся к съезду писателей // 23 сент. С. 1.

В Москве также подготовили анкету для читателей с тремя вопросами:

«Какие книги вы читаете и перечитываете?»;

«Что ценное, по вашему мнению, создано советской литературой за 20 лет, прошедших со времени Первого съезда писателей?»;

«Что не удовлетворяет вас в книгах советских писателей?»[1]

Страницы газеты в сентябре-ноябре заполняются информацией о встречах писателей с читателями, писательских вечерах, выставках, подготовленных библиотеками страны читательских наказах съезду; такие встречи проводят республиканские и областные отделения СП. Порой кажется, что две столицы соревнуются в представлении информации о встречах писателей с читателями. Так под говорящим названием «Конференции, лекции, дискуссии» дается материал из Ленинграда. Вот, к примеру, характерное для этой кампании высказывание Ю. Германа:

«Читательский формуляр, — сказал на этой встрече писатель Ю. Герман, — документ объективный, строгий, нелицеприятный. Мы, литераторы, обязаны внимательно прислушаться к голосу тех, для кого мы пишем»[2]. Не отставала от Ленинграда и Москва, представив в обзоре «Тридцать встреч» грандиозный план на ноябрь, когда московские литераторы побывают не только на предприятиях Москвы, но и совершат поездки в районы Московской области: «Пожалуй, никогда творческое общение писателей со своим читателем не было столь широким и разносторонним, как в эти дни, предшествующие Второму съезду»[3]. Своеобразный итог этой кампании встреч писателей с читателями подведен в статье, автор которой, отметив, что встречи писателей с читателями нужны, подчеркнул, что «надо искать другие более эффективные пути массовой пропаганды книги», «надо, чтобы книгу покупал самый широкий читатель»[4].

К слову, появившаяся в разделе «Предсъездовская трибуна» рубрика «Читатели о литературе» явно формировалась под строгим контролем редакции газеты, а публикуемые в ней суждения

---

[1] Анкеты московских библиотек // 21 окт. С. 1.

[2] *ЛГ*. 14 окт. С. 1. Б. п. Раздел: «Навстречу Второму съезду писателей». См. публикации о встречах московских литераторов с читателями: Встречи с читателями (16 нояб. С. 2); Литературные вечера (23 нояб. С. 2); «Предсъездовские встречи» (27 нояб. С. 2).

[3] Там же.

[4] *Немцов Вс*. Книга и читатель // 14 дек. С. 4.

читателей в целом не выходили за рамки уже определившихся позиций и тем. Так, скажем, теперь уже и читатель — после осуждения теории бесконфликтности! — не верил герою романа «Кавалер золотой звезды»: «Трудно поверить С. Бабаевскому, что его герой Сергей Тутаринов, вернувшись с войны, без каких-либо серьезных трудностей преображает село»[1]. В целом же напечатанные в рубрике «Читатели о литературе» суждения читателя очень напоминают раздел под названием «Обойденные темы» 1933–1934 гг. При всей заданности этого раздела, наказы читателей представляют интерес и могут рассказать о многом. Так, скажем директор школы из села Веселовское Новосибирской области, пишет, что читатели «ждут статьи о соцреализме, статьи четкие, содержательные, которые с предельной ясностью объяснят основные положения литературного метода нашей эпохи»[2]. Читатели считают, что современная деревня остается «неподнятой целиной» и ждет своего отражения в книгах, равных «Поднятой целине» Шолохова, просят писателей писать о любви, советуют вслед за Паустовским «развивать чувство прекрасного»[3]. Характерны названия, под которыми печатаются наказы читателей съезду:

«Создать образ рабочего»;

«Покажите подвиг на целине»;

«Ждем книг о будущем»: «Нам, читателям, хочется представить, как будет выглядеть при коммунизме завод, как будет работать токарь, слесарь, как будут обрабатывать землю, что мы будем делать, приходя домой, как будет выглядеть ваш дом, как сложатся отношения между людьми, будет ли тогда неразделенная любовь...»;

«От имени воинов»: «Пора бы создать для армейского читателя серию популярных книг о русской армии, ее полководцах...»[4] и т.п.

Шолохов, как показывает анализ предсъездовских кампаний, следил за публикуемыми в «Литературной газете» материалами. Об этом свидетельствует его выступление на съезде писателей Казахстана (материалы о проходящих в республиках писательских съездах печатались на страницах газеты). Все выступление писателя, начиная с ироничной реплики в адрес головного доклада руководителя СП Казахстана, пронизано темами предсъездовских дискуссий:

---

[1] Читатели о литературе (Из редакционной почты) // 13 нояб. С. 3.

[2] Читатели о литературе // 25 нояб. С. 4.

[3] Читатели о литературе // 2 дек. С. 3.

[4] Читатели о литературе // 14 дек. С. 5.

> «Мне кажется, — сказал М. Шолохов, — что тов. Мустафин не обидится на мое дружеское и шутливое замечание, но когда он говорил о том, что романы Сабита Муканова не пострадали бы от сокращения на 50 процентов, я, невольно улыбаясь, подумал, что казахская литература не пострадала бы, если бы тов. Мустафин сократил свой огромный доклад тоже хотя бы на 50 процентов, потому что, как нам всем известно, доклады сокращать значительно легче, чем романы».

Совсем не «робость современной критической мысли»[1] демонстрировал Шолохов в размышлениях о разных типах критики — дружеской и не очень; в описании последней уже можно прочитать контуры и пафос той жесткой идеологической позиции писателя, которая проявит себя сначала в выступлении на Втором съезде писателей, а затем в отношении А. Солженицына и представителей литературного диссидентства 1960–70-х гг.:

> «Когда писатель сознательно создает идейно порочное произведение и под тем или иным предлогом пытается как-то протащить политически вредные народу и партии “идейки”, я за то, что здесь надо критиковать “на уничтожение”. Тут можно не стесняться в выражениях и орудовать пером, как разящим мечом. Но когда наш писатель терпит творческую неудачу <...> то нужна дружеская помощь...»

Шолохов откликнется и на продолжающуюся уже в рамках предсъездовской дискуссии статью К. Симонова об «Оттепели» Эренбурга, об этом в опубликованном материале сказано скупо, но логика выступления Шолохова понятна: «М. Шолохов критикует статью К. Симонова о повести Эренбурга “Оттепель”. Считая, что автор затушевывает недостатки, вместо того, чтобы сказать о них прямо и резко».

Центральный и самый большой фрагмент выступления писателя, посвященный дружеской критике молодых писателей, адресуется Шолоховым В. Овечкину, его статье, опубликованной в разделе «Предсъездовская дискуссия»[2]. Приведем этот фрагмент шолоховского текста с небольшими сокращениями — к нему не раз будут обращаться в эти месяцы как писатели, так и читатели, следившие за выступлениями Шолохова и его оппонентов:

---

[1] Это свойство современной литературной критики отмечал критик А. Турков в статье «Невыигрышный жанр», опубликованной в разделе «Предсъездовская трибуна» (31 июля. С. 3).

[2] См.: *Овечкин В.* Поговорим о насущных нуждах литературы // Там же.

«Что же касается критики молодых писателей <...>, то в отношении их должна быть проявлена отцовская требовательность и заботливость. Мне рассказывали, как беркут воспитывает своих птенцов, когда они начинают летать. Подняв их на крыле, он не дает им спуститься вниз, а заставляет набирать высоту и гоняет их там до полного изнеможения, заставляя подняться все выше и выше. <...> Но беркут не ломает крылья своим птенцам, не умеющим летать»[1].

Позицию Овечкина в отношении гонорара для молодых писателей Шолохов назвал непродуманной. Стоит отметить, что редакция сделала примечание к данному критическому выпаду Шолохова, затем 2 октября газета напечатала письмо Овечкина, что Шолохов неправильно понял его предложение о пересмотре авторского гонорара, и писателю пришлось извиняться перед молодым писателем, признать свою ошибку, что он приписал ему мнение другого литератора: «Это тем более горько и досадно для меня, что взгляды В. Овечкина и мои, в частности, по отношению литературного гонорара во многом совпадают. <...> Полагаю, что В. Овечкин извинит мне мой промах, сколь я каюсь в нем публично и с той прямотой и искренностью, на какую только способен»[2].

На выступление Шолохова на съезде писателей Казахстана откликнется прозаик В. Ажаев, выдвинув против Шолохова сильные аргументы и противопоставив его позицию — позиции Союза писателей и самого Горького. По Ажаеву, рассказанная Шолоховым красивая легенда о беркуте не может скрыть очевидного — подчеркнутого неучастия Шолохова в работе Союза писателей, нежелание заниматься общественными делами:

«Почему, должны спросить мы, для Фадеева существуют обязанности перед Союзом, а для Шолохова — нет? <...> Мы убеждены, что, например, ошибкой М.А. Шолохова является его многолетнее подчеркнутое игнорирование своего союза, его повседневной работы. Такая столь непонятная и странная для крупного писателя позиция прежде всего, мы уверены, не прошла бесследно для него самого. Как бы ни был велик талант писателя, — и ему нужны дружба и умный совет товарищей.

За два года мы только два раза услышали голос Шолохова по делам литературы: первый раз, несколько лет назад, в связи с высо-

---

1 В обстановке смелой, деловой критики // 18 сент. С. 2.

2 *Шолохов М.* Письмо в редакцию. [ст. Вешенская. 7.10.54 г.] // 14 окт. С. 2.

санной из пальца "проблемкой" псевдонимов, и на съезде в Казахстане, где он произнес трогательную фразу о беркуте, обучающем своих птенцов первому полету. Уж не говорим о том, что хорошо бы М.А. Шолохову подтвердить эту красивую фразу практической заботой о молодых писателях, — мы вспомнили об этом по другому поводу: М.А. Шолохов, видимо, не вполне понимает, каким плохим примером для молодых литераторов является его пренебрежительное отношение к горьковской идее и практике союза»[1].

Конечно, Ажаеву было известно, что в 1946 г. Шолохов отказался возглавить Союз писателей, известны, думается, были и шолоховские иронические высказывания в адрес данного департамента литературы. В сущности, Ажаев прав и в сравнении ситуации в писательском сообществе перед Вторым съездом, «брюзжанием людей, недовольных всем на свете», с атмосферой перед Первым съездом с ее горьковским пафосом «объединения сил», «оптимистического и гордого осознания своей силы, дающее возможность по достоинству оценить достижение литературы и по-деловому решить вопросы ее дальнейшего развития» и т.п. К слову, Ажаев был недоволен не только позицией Шолохова, но и выступлениями — в разделе «Предсъездовской трибуны» — других своих коллег с критикой работы комиссий СП.

Скорее всего, статья Ажаева уже лежала в редакции журнала, иначе бы он обязательно указал на «брюзжание» Шолохова в его выступлении на съезде писателей Украины, где, как сообщала газета, его «краткую, взволнованную речь» горячо встретили делегаты съезда. Конечно, украинских писателей тронули сердечные слова, с которыми Шолохов обратился к делегатам съезда:

«Это чувство волнения естественно усиливается у меня еще и потому, что моя мать — украинка Черниговской области — с детства привила мне любовь к украинскому народу, к украинскому искусству, к украинской песне — одной из самых звучных в мире».

В отношении же к современной ситуации в Союзе писателей и современной литературной критике прозвучали совсем другие слова, жесткие и нелицеприятные:

«А что же касается критики, то тут я не мастак. Меня достаточно много били и достаточно незаслуженно хвалили. Могу

[1] *Ажаев В.* Уважать свой «литературный цех» // 11 нояб. С. 2.

только с сожалением заметить, что работы некоторых украинских критиков грешат теми же пороками, что и работы русских критиков и критиков иных национальностей: вместо тяжелой поступи критического размышления мы видим стремительный и легкий бег спринтеров. Только это происходит не только на беговых дорожках, а на страницах журналов и книг. Но когда-нибудь эти бегуны должны же упыхаться и перейти на мерный шаг зрелого раздумья, к вящему удовольствию и драматургов, и поэтов, и прозаиков, да и читателей»[1].

Естественно выступление Ажаева не прошло незамеченным. Также в «Предсъездовской трибуне» печаталось письмо ростовских писателей, которые нашли странным, что Ажаев пугает автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины» непонятными словами об отрыве писателя от жизни[2]. Здесь защитники Шолохова явно передернули высказывание Ажаева, который говорил об отрыве Шолохова от жизни Союза писателей, а не от жизни страны, что, как мы понимаем, не одно и то же. Осуждали выступление Ажаева и читатели, чьи письма отправлялись из Москвы в Вешенскую[3]. Оправдывался и сам Ажаев, что де его неправильно поняли:

«Зря они защищают М. Шолохова, огораживают его от товарищеской критики, — думается, в адвокатуре он не нуждается.

М.А. Шолохов и для меня любимый писатель, автор романов “Тихий Дон” и “Поднятая целина”. Но глубокое уважение к авторитету не может помешать высказать убеждение, что М.А. Шолохов совершает ошибку, долгие годы игнорируя Союз писателей. <...>

Мое искреннее желание состоит в том, чтобы практическое влияние М. Шолохова распространилось на весь наш литературный цех»[4].

Предсъездовские дискуссии оказались значительно интереснее, чем сам съезд. Большое место в программе съезда занимали доклады, которые, перефразируя высказывание Шолохова на съезде писателей Казахстана, можно было бы сократить на 50 процентов, и от этого советская литература бы не пострадала.

---

[1] Третий съезд писателей Украины // 2 нояб. С. 2.

[2] Письмо в редакцию // 18 нояб. С. 6. Подписи: В. Закруткин, А. Калинин, М. Соколов.

[3] См. п. 475, с. 556–557 наст. изд.

[4] *Ажаев В.* Ответ на реплики // 2 дек. С. 3.

На Втором съезде советских писателей, в отличие от Первого съезда, читатели уже не выступали, лишь зачитали большой список телеграмм и писем с приветствиями «съезду инженеров человеческих душ» — от читателей библиотек, коллективов учителей, колхозов, заводов, ученых, полярников и т.п.[1]. Читательская проблематика даже не упомянута в большом докладе Б.С. Рюрикова «Об основных проблемах советской критики»; в самом начале его выступления сформулирована как аксиома одна из базовых идеологических задач критики — воспитание читателя: «Критика — один из важнейших участков идеологической работы, дела воспитания трудящихся»[2].

Читателя вспоминали писатели, правда, не так часто, но значимо; эта «риторическая уловка»[3] использовалась выступавшими как важнейший аргумент в доказательстве правильности своей позиции. О «благородном читателе», «самом требовательном в мире читателе» говорил В. Каверин[4]. Исполненное обличительного пафоса — по отношению к руководству Союза писателей и «достижениям» современной литературы — выступление В. Овечкина завершалось не менее патетическим тезисом: «Надо так писать, чтобы не стыдно было смотреть в глаза нашим читателям, людям живого, созидательного труда, подлинным творцам и строителям жизни»[5]. Тема читателя возникает несколько раз в речи И. Эренбурга. Как историческая тема — в его размышлениях о не совсем качественной современной литературе:

> «А что случилось на самом деле? Читатели обогнали многих писателей. Вспомним дни Первого съезда советских писателей. Мы тогда видели перед собой десятки миллионов новых читателей. Эти читатели впервые брали в руки роман. Они многое переживали впервые. С начала революции и до тридцатых годов культура шла вширь; нужно было приобщить к ней народ. Тогда иной писатель мог пожаловаться на некоторую душевную прямолиней-

---

[1] Выступления участников съезда печатались только в «Литературной газете» (в «Правде» и «Известиях» давались самые общие аннотации докладов и выступлений). Здесь и далее материалы съезда цитируются по: *Стенографический отчет — 1954*. С. 224–225.

[2] Там же. С. 297.

[3] *Вьюгин В.* «Поболтаем и разойдемся» (Введение во Второй Всесоюзный съезд советских писателей) // Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Идеология исторического перехода и трансформации советской литературы. СПб., 2018. С. 86.

[4] *Стенографический отчет — 1954*. С. 169–170.

[5] Там же. С. 252.

ность своих читателей. Теперь на него смотрит свысока советский читатель: он видит, что персонажи романа куда прямолинейнее, примитивнее, душевно беднее, нежели он и его товарищи».

С фигурой читателя связывается Эренбургом тема современной критики, а в выборе между мнением критика и читателя предпочтение отдается читателю:

«Критика — сопоставление различных мнений. Судит в конечном счете читатель — сегодняшний и завтрашний. Мнение читателей иногда расходится с мнением критиков — я не раз с этим сталкивался, присутствуя на читательских конференциях»[1].

О «замордованности лирики» критикой, насаждении ею «лирического бюрократизма» взволнованно говорил А. Яшин, поставив в повестку дня вопрос о возвращении советскому читателю подлинного Маяковского и не забываемого читателем запрещенного Есенина:

«Разве не факт, что даже из сборников Маяковского все еще выбрасывают его потрясающие по силе трагедийности стихи и поэмы о неразделенной любви и что мы до сих пор не можем добиться, чтобы советский читатель, отредактировавший и отстоявший для себя от всяких ханжей и перестраховщиков богатейшее лирическое наследие Сергея Есенина, получил бы, наконец, его книги? (*Аплодисменты*)»[2].

О «трех существенных недостатках, которые тревожат читателя» в современной литературе, говорил академик В.В. Виноградов в своем выступлении, посвященном «вопросу о русском языке и русской советской литературе в их взаимосвязи и взаимозависимости». Эти недостатки, о которых, кстати, постоянно говорили и писали читатели и в 1920-е, и в 1930-е годы, сформулированы академиком в трех положениях о «распространенных стилистических болезнях» современной литературы:

1) «часто проступающая стилистическая одноцветность, монотонность, словесная бледность и серость, стандартность языка автора и особенно речи изображаемых лиц в его произведении»;

---

[1] Там же. С. 143–144.
[2] Там же. С. 340.

2) «склонность к банальной “красивости”, к внешнему риторичскому треску»; «мармеладность» стиля;

3) «несоответствие слова действительности, отрыв слова от предмета, это искажение, а иногда опустошенность основного предметного значения. Эта болезнь происходит от незнакомства с изображаемой жизнью, от плохого знания тех вещей и явлений, которые рисуются или изображаются писателем»[1].

О «скандальности» выступления М. Шолохова на съезде сказано тогда же и потом немало[2], скандальность относится прежде всего к выпадам в адрес Симонова и Эренбурга. Шолохов выступал только в седьмой (!) день съезда, к тому же — на вечернем заседании. В начале своей речи он призвал писателей к последовательной самокритике, а далее, реализовав этот тезис, сказал о тех же «болезнях» в современной литературе, о которых на съезде до него говорили В. Овечкин, А. Яшин, И. Эренбург, а после него академик Виноградов, но сказал более ярко, образно, резко и адресно. Он скажет о том, что необходимо «преградить мутный поток» посредственной литературы, «иначе нам грозит потеря того *уважения наших читателей*, которое немалыми трудами серьезных литераторов завоевывалось на протяжении многих лет», что «произведения-поденки» прививают «дурные *вкусы невзыскательной части наших читателей*», что «на глазах *читательской общественности*» критика увенчивает лаврами посредственные произведения, что «Литературная газета» формирует ложное «общественное мнение», что «читатель у нас не скопидом, а подлинный — добрый и расчетливый — хозяин»[3] и т.п.

Фигура читателя, как мы видим, занимает ключевое место в выступлении Шолохова. На съезде, на следующих его заседаниях, с осуждением речи Шолохова выступили Ф. Гладков, К. Федин, В. Ермилов, К. Симонов[4]. Писательские дневники и письма этих

---

[1] Там же. С. 382–384.

[2] Об интерпретациях выступления Шолохова и о «поэтике» речи писателя см.: *Липовецкий М.И.* Поэтика скандала: речь Шолохова на Втором съезде писателей // Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Идеология исторического перехода и трансформация советской литературы. С. 226–246.

[3] Там же. С. 374–378. Речь Шолохова цитируется в примечаниях к письмам читателей, см. п. 481, 485, 486.

[4] Читатели могли познакомиться с выступлением Шолохова и его оппонентов только по публикации в «Литературной газете»; см.: Выступления участников съезда // 26 дек. С. 2 («Речь М. Шолохова»), с. 4 («Заявление Ф. Гладкова»), с. 6 («Речь К. Федина»); Выступление участников съезда //

дней представляют реакцию на речь Шолохова[1]. О том, как читатели отозвались на это «слово» Шолохова, рассказывают письма, шедшие в Вешенскую со всех концов страны.

После писательского съезда читательская проблематика то исчезает, то вновь возвращается, теперь уже в 1956 г., когда вновь перед писателями, и не только перед ними встал вопрос о необходимости ориентировать читателя в правильном идеологическом направлении.

14 апреля 1956 г. в Московском отделении Союза писателей прошло обсуждение темы современного состояния изучения читательского спроса на книги советских писателей. В рамках подготовки совещания была создана специальная комиссия из писателей и критиков, составлен вопросник к теме, организован «поход» по библиотекам для выяснения вопроса, «какой жизнью живут книги среди читателей», проведены читательские конференции. Шолохов не принимал участия в заседании, но его имя не раз появится в выступлениях членов комиссии:

> «Поразительным кажется то обстоятельство, что в нашей стране, где имеются сотни тысяч библиотек, где литература адресуется миллионам читателей, не только не существует единого центра изучения читательских интересов и запросов, но даже не существует намека на такой центр ни в Министерстве культуры, ни в Культурно-массовом отделе ВЦСПС, ни в издательствах, ни в библиотечных горсоветов, ни в библиотечных институтах, ни в литературоведческих учреждениях. Никто этим делом не занимается и в нашем Союзе писателей. <...> Надо сказать, что еще недавно культу личности сопутствовал своего рода культ неизвестного, безликого читателя, читателя “вообще”. И критики, и издатели нередко выступали от имени этого мифического собирательного читателя. А в это время реальные читатели, миллионы читателей заполняли библиотеки и книжные магазины, настойчиво требовали одни художественные произведения, не совсем охотно читали другие, или совсем не читали некоторые книги. Читателя “вообще” не существовало и не существует. <...> Книги Шолохова не стоят на полках, несмотря на то что каждое из них (речь идет о находящихся в “постоянном спросе” изданиях “Тихого Дона”

27 дек. С. 2 («Речь А. Фадеева»), с. 5 («Заключительное слово К. Симонова») и др.

[1] См.: «Трибуна читателя»: Второй съезд ССП в свидетельствах участников. Сост. и коммент. Н.В. Семеновой // Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Идеология исторического перехода и трансформация советской литературы. С. 509–567.

и “Поднятой целины”. — *Н. К.*) имеется в [библиотеке] в количестве более 100 экземпляров» (А. М. Лейтес);

«Один читатель выразился так: “Эта книга правдивая, потому что она была написана до того, как были Сталинские премии”. <...> Говорили все время о правде. Потом в сознании читателя образовался такой сложный сигнал из речи Шолохова и, с другой стороны, из решений XX съезда партии о культе личности. Писатели были обвинены в том, что, с одной стороны, они халтурщики, лодыри, а, с другой, что они занимаются культом личности и вообще во всем виноваты» (А.А. Марголина);

«Письма [читателей] нигде не прочитываются, не регистрируются, ничего не остается, и они равнодушно пересылаются автору, а в издательстве об этом нет даже намека. Там только наклеивают марку и пишут мой адрес» (О.М. Зив);

«Вопрос взаимоотношения книги и читательского мнения, — вопрос, который не разработан абсолютно. <...> [Письма читателей] — та самая пуповина, которая нас, в конце концов, соединяет с читателем, с народом, для которого мы живем и работаем. <...> Мне до сих пор никто из наших руководителей-литературоведов или из Большого дома, выбранных в руководители, не может разъяснить, в чем тут собака зарыта? Везде существует две линии. Одна линия такая: когда выгодно, то “закон как дышло: куда повернешь, туда и вышло”: “Мы клянемся именем читателя!”. Когда невыгодно, то говорят: “Что же вы идете на поводу у дурного вкуса читателя!”. Где эта золотая середина? Мы, скромные писатели, понять этого не можем. Это дело творческой бригады, дело литературоведов-историков. Это дело руководства. Пусть нам скажут — где тут правда? Я правды тут не вижу. Но и в том, и в другом есть правда. Тут есть диалектика. В этом надо разобраться ...» (Л. Соболев)[1].

Собрание приняло решение написать коллективное письмо в ЦК, Н.С. Хрущеву с постановкой вопроса об издательско-тиражной политике. В «диалектике» читательских предпочтений разбираться не стали, оставив решение этой темы писателю и читателю.

Для темы шолоховского читателя важны оба упоминания имени писателя в приведенных материалах заседания секции прозы. В письмах к Шолохову 1960–1970-х гг. (они хранятся в ГМЗШ) читатели постоянно жалуются на очереди в библиоте-

---

[1] Стенограмма заседания секции прозы МО СП СССР по изучению спроса читателей на книги советских писателей // РГАЛИ. Ф. 2464. Оп. 1. Ед. хр. 329. Л. 1–71.

ках за его книгами и просят прислать их, чтобы иметь в домашней библиотеке. Письма читателей времени «оттепели» в основном шли уже прямо в Вешенскую, и это были письма не только о «Тихом Доне» и первой книге «Поднятой целины» (читатель продолжал разбираться в тайнах поэтики, системе образов и идеологии романов), но и о вызвавших огромный резонанс выступлениях Шолохова на Втором съезде писателей (1954) и XX съезде партии (1956, февраль).

Ответ на вопрос, *почему* читатель прислушивается к мнению Шолохова, хотя он ничего нового давно не дает, конечно, лежит в феномене художественной правды «Тихого Дона», главной читательской книги конца 1920–1940-х гг. Вопрос «почему», во многом этический, не раз возникал и на писательских дискуссиях эпохи «оттепели». Так, на писательском собрании «Об этике советского писателя» (19 апреля 1954 г.) лаконичный ответ на него прозвучал в выступлении А. Суркова: «Во-первых, Шолохов аванса не спрашивает, а во-вторых, он осчастливил человечество таким романом, что заавансировал себя очень в общественном доверии»[1].

Разговор об эстетической составляющей этого доверия и уникального писательско-читательского романа XX века, представленного в нашей книге письмами читателя, нам бы хотелось завершить фрагментом из статьи А.М. Топорова «Задачи и цели крестьянской критики»:

> «Великое в художественной литературе потому и великое, что оно действует на большинство людей. Действует незримо, тайно, как вешняя вода под пластом снега. Люди ощущают больше, чем понимают и могут выразить. <...>
>
> Что толку в его "умном" идейном содержании, если его образы, его внешняя оболочка непривлекательны, не захватывают читателя?
>
> Скучность изложения заставляет каждого из нас захлопнуть самую великую по мысли книгу, и, может быть, мы делаем это как раз в тот момент, когда остается одна страница до того места, которое нас увлекло бы. Жизнь и смерть книги — в интересе ее изложения, в ее формальной стороне. Лучший писатель — тот, кто счастливо соединяет в своих произведениях глубину мысли и чувств с заражающей формой изложения»[2].

---

[1] РГАЛИ. Ф. 2464. Оп. 1. Ед. хр. 295. Л. 99.

[2] *Топоров А.М.* Крестьяне о писателях: Опыт, методика и образцы крестьянской критики современной художественной литературы. М.; Л.: ГИЗ, 1930. С. 31.

АББРЕВИАТУРЫ И СОКРАЩЕНИЯ, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ПИСЬМАХ ЧИТАТЕЛЕЙ

25 000 – двадцатипятитысячник
ААО — Адыгейская автономная область
АМССР — Автономная Молдавская Советская Социалистическая Республика
АН — Академия наук
АССРНП — Автономная советская социалистическая республика немцев Поволжья
АТССР, ТАССР — Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
Аз.-Чер. К., Аз.-Чер. Кр., Азчеркрай, АЧК — Азово-Черноморский край
БССР — Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВИК — волостной исполнительный комитет
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВМПУ — военно-морское политическое училище
ВМФ — Военно-морской флот
ВО — военный округ
ВСК — Восточно-Сибирский край
ВСО, В.-С. область — Восточно-Сибирская область
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГИЗ — Государственное издательство
ГИХЛ, Гос. изд. худож. литературы — Государственное издательство художественной литературы
ГПУ — Государственное политическое управление
ДАССР – Дагестанская Автономная Советская Социалистическая Республика
ДБО — «Дешевая библиотека ОГИЗа»
ДВК, Д.В. край — Дальневосточный край
ДСО — Добровольное спортивное общество
Запсибкрай, Зап.-Сиб. край, ЗСК — Западно-Сибирский край

Ив. Пр. область, ИПО — Ивановская промышленная область
КАССР — Карельская Автономная Советская Социалистическая Республика
КОГИЗ, Когиз — Книготорговое объединение государственных издательств
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
КрымАССР — Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика
КСМ — Коммунистический союз молодежи.
КССР — Казахская Советская Социалистическая Республика
КУЖД — Комиссия по улучшению жизни детей
ЛГ, Лит. Г., Лит. газ., Литер. газ. — Литературная газета
ЛИПК — Ленинградский научно-исследовательский институт переливания крови
ЛССР — Латвийская Советская Социалистическая Республика
МВО — Московский военный округ
МГБ — Министерство государственной безопасности
МНЖД — Московско-Нижегородская железная дорога
МО ШГТ — Маркшейдерское отделение Шахтинского горного техникума
МПИ — Московский пограничный институт
МПИ — Московский полиграфический институт
МССР — Молдавская Советская Социалистическая Республика
МТС — машинно-тракторная станция
МТФ — молочная товарная ферма
НВК, Н.-Волж. Край — Нижневолжский край
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКО — Народный комиссариат обороны
НСШ — неполная средняя школа
ОГИЗ — Объединение государственных книжно-журнальных издательств
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
ОТК — отдел технического контроля
ПГТ — поселок городского типа
ППС — полевая почтовая станция
ПУ РККА — Политическое управление Рабоче-крестьянской Красной армии
РИК — районный исполнительный комитет
РК — районный комитет
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
РККФ — Рабочее-крестьянский Красный флот

РКШ — районная колхозная школа
РО МГБ — районное (республиканское) отделение Министерства государственной безопасности
РУМ — районное управление милиции
САЖД, Ср.-Аз. ж/д — Среднеазиатская железная дорога
СВК, СКК, С.-К. край, Сев.-Кав. край — Северо-Кавказский край
СВК, Средн.-Волжск. край — Средневолжский край
СЖД, с.ж.д. — Северная железная дорога
СКЖД — Северо-Кавказская железная дорога
Ср.-Аз. ж/д, САЖД — Среднеазиатская железная дорога
ССП — Союз советских писателей
СталГРЭС — Сталинградская государственная районная электрическая станция
ТАССР, АТССР — Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
ТЖД — Томская железная дорога
ТОЗ — товарищество по совместной обработке земли
ТССР — Туркменская Советская Социалистическая Республика
УАССР — Удмуртская Автономная Советская Социалистическая Республика
УКК — учебно-курсовой комбинат
УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
ФЗД — фабрично-заводская девятилетняя школа
ФЗС — фабрично-заводская семилетняя школа
ФЗУ — школа фабрично-заводского ученичества
ФЭТ — финансово-экономический техникум
ХТЗ — Харьковский тракторный завод
ХЭТЗ — Харьковский электротяговый завод
ЦК — центральный комитет
ЦКК — Центральная контрольная комиссия
ЦО — центральный орган
ЦСУ — Центральное статистическое управление
ЦЧО, ЦЧОбл. — Центрально-Черноземная область (округ)
ЧТЗ — Челябинский тракторный завод
ШКМ — школа крестьянской (или колхозной) молодежи
ЮВЖД, ЮВжд — Юго-Восточная железная дорога
ЯАССР — Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика

Автодормехзавод — автодорожный механический завод
агит-культ-массовая работа — агитационная культурно-массовая работа
адм.-хоз. — административно-хозяйственный
ар-ль — артель
б., быв., бывш. — бывший
басноп. — баснописец
бат. — батальон
б. д. — без даты
бер. — берег
б/п — беспартийный
бриг. — бригада
бурж. — буржуазия
впослед. — впоследствии
в т. ч. — в том числе
в-ч, в. ч., в/ч — воинская часть
г., гор. — город
гв. капитан/майор — гвардии капитан/майор
горсовет — городской совет
гос. — государственный
гр. — группа
гр., гр-ка — гражданка
гр., гр-н — гражданин
губ. — губерния
д. — дом
д., дер. — деревня
дес. — десятина
Детгиз — Детское государственное издательство
дом. — домашний
др. — другой
ж. д., ж. дор., жел. дор. — железная дорога
женотдел — отдел по работе среди женщин при центральных и местных отделах ВКП(б)
зав. — заведующий
зав., з-д — завод
завуч — заведующий учебной частью
заключ. — заключительный
зам. — заместитель
Зап. область — Западная область
з/совх. — зерновой совхоз
изба/ч — изба-читальня
изд. — издание

изд., издат., изд-во — издательство
им. — имени
ин-т — институт
к. — курс
к., кн. — книга
к., коп. — копейка
кавбригада — кавалерийская бригада
кавучилище — кавалерийское училище
кв. — квартира
к-з, к/з, кол-з — колхоз
к-зник — колхозник
к-к — казак
к/картина — кинокартина
к-ки — казаки
кн., к. — книга
книжкор — книжный корреспондент
кол-з, к-з, к/з — колхоз
ком. — коммунистический
ком., ком-л — комсомол
ком., ком-р — командир
ком., комс. — комсомольский
ком-взвода, ком. взвода — командир взвода
комвуз — коммунистическое высшее учебное заведение
компривет — коммунистический привет
комроты — командир роты
ком. тов. привет — коммунистический (или комсомольский) товарищеский привет
коп., к. — копейка
кот. — который
кр. — красный
Кр. армия — Красная армия
кр-во — крестьянство
кр-н — крестьянин
к-ц — красноармеец
л. — лет
лев. — левый
леспромхоз — лесное промышленное хозяйство, государственное предприятие лесной промышленности
ликбез — ликвидация безграмотности
литдеятельность — литературная деятельность
л/сплав — лесосплав
л-т — лейтенант

Люберзавод — Люберецкий завод
м. б., м/б — может быть
М. Г. — Максим Горький
медсанбат — медико-санитарный батальон
млад. л-т, мл. л-т — младший лейтенант
мл. с-т — младший сержант
«Мол. Гвард.» — «Молодая гвардия» (издательство)
Мособлдортранс — Московское областное дорожно-транспортное управление
м-ц — месяц
напр. — например
Наркомвоенмор — Народный комиссариат по военным и морским делам
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
нач. — начальник
нач. пис. — начинающий писатель
начхим — начальник химической службы
нач. школа — начальная школа
неп. шк. — неполная школа
о. — остров
об., обл., об-ь — область
обллит — областное Управление по охране военных и государственных тайн в печати
обр. — обратный
ОВ Донского — Область Войска Донского
Окт. ж. д. — Октябрьская железная дорога
о. п., п/о, п. от., п. отд., — отделение почты, почтовое отделение
орг. — организатор, организация
оргактив — организационный актив
орготдел — организационный отдел
отв. ред. — ответственный редактор
отд. — отдел, отделение
откормсовхоз — откормочный совхоз; совхоз, занимающийся откормом сельскохозяйственных животных на мясо
секр. — секретарь
п., пос. — поселок
партиздат — издательство партийной литературы
парторг — партийный организатор, руководитель партгруппы
партячейка, п/ячейка — партийная ячейка, первичная партийная организация
пер. — переулок
писат. — писатель

п/о, п. от., п. отд., о. п. — почтовое отделение, отделение почты
почт. ящ., поч/ящик, п/я — почтовый ящик
под. — подъезд
политотдел — политический отдел
полож. — положительный
пом. — помощник
пом. маш. — помощник машиниста
почт. — почтение
почт. отд. — почтовое отделение
п. п., п/п, пол. почта — полевая почта
пр. — прочее
пред. — председатель
предколхоза, пред-колхоза, пред. колхоза — председатель колхоза
предсудкома — председатель судового комитета
предшеств. — предшественник
прож. — проживающий
произвед-е — произведение
пульрота — пулеметная рота
п/х — пароход
«П. Ц.», «П-ц» — роман М.А. Шолохова «Поднятая целина»
п/я, почт. ящ., поч/ящик — почтовый ящик
п/ячейка, партячейка — партийная ячейка, первичная партийная организация
р. — раз
р., руб. — рубль
раб. — рабочий
рабфак — рабочий факультет
Райзо — районный земельный отдел
Райогиз — районное отделение государственного издательства
райпартком — районный партийный комитет
РайСЭС — районная санитарно-эпидемиологическая станция
райцентр — районный центр
ра-н, р-н — район
рев. — революционный
рож., рожд. — рождение
руб., р. — рубль
рус. — русский
рыбакколхоз — рыболовецкий колхоз
рыбакколхозсоюз — союз рыболовецких колхозов
с. — село
с. г., с/г — сего года
сев. — северный

Севдонполеводсоюз — Северо-донской союз полеводческих сельскохозяйственных коллективов
секр. — секретарь
селькор — сельский корреспондент
сельхозвыставка — выставка сельскохозяйственной продукции
семфонд — семенной фонд
серж., с-нт, с-т — сержант
ск. — сколько
слоб. — слобода
сов. — советский
сов. власть — советская власть
«Сов. Литература» — «Советская литература» (издательство)
совр. — современный
соц. — социальный
соцположение — социальное положение
соцпроисхождение — социальное происхождение
соч. — сочинение
с/п, с/полк — стрелковый полк
спиртзавод — завод по производству спирта
с/сов., с/совет — сельский совет
ст. — старший
с-т, с-нт, серж. — сержант
ст., стан. — станица
ст., стан. — станция
ст., ст-т — студент
СталГРЭСС — Сталинградская государственная районная теплоэлектростанция
ст-ка — студентка
ст. л-т — старший лейтенант
ст. с-т — старший сержант
стр. — страница
стр. — строение
с. х., с/х-во, с. хоз., с/хоз-во, с/хозяйство — сельское хозяйство
с/школа — сельская школа
т. — том
т., тов., товар., т-щ — товарищ
так наз., т. наз. — так называемый
тат. — татарский
Татиздат — Татарское книжное издательство
Татреспублика, Тат. Республика — Татарская Республика
т. г. – текущего года
т. г. — того года

«Т. Д.», «Т. Дон» — роман М.А. Шолохова «Тихий Дон»
т. к. — так как
т-м — техникум
т. наз., так наз. — так называемый
Торгсин — Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами
т. т. — товарищи
т-щ, т., тов., товар. — товарищ
тыс. — тысяча
у., ув. — уважаемый, уважение
Ук. Гос. Рыбтрест — Управляющая компания Государственного треста рыбной промышленности
укр. — украинский
ул. — улица
уч. — учебный
учит. — учитель
уч-к — ученик
уч-ца — ученица
фабр. — фабрика
фин. — финансовый
х., хут. — хутор
хоз-во — хозяйство
хор. — хороший
худ. — художественный
Центрсберкасса — Центральная сберегательная касса
ч. — часть
чел. — человек
чл. — член
шк. — школа
экз. — экземпляр
юж. — южный

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

21. Шолохов М.А. Они сражались за Родину. М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны, 1943. Книга, пробитая осколком мины (ГМЗШ).
22. Шолохов М.А. Наука ненависти. Из фронтовой жизни. М.: Правда, 1944 (ГМЗШ).
23. Письмо фронтовика И.К. Андреева М.А. Шолохову от 7 мая 1943 г. (ГМЗШ).
24. Письмо группы фронтовиков М.А. Шолохову от 19 мая 1943 г. (ГМЗШ).
25. Письмо В.Е. Шишова М.А. Шолохову от 22 ноября 1943 г. (ГМЗШ).
26. Письмо старшего лейтенанта З. Соколова М.А. Шолохову от 17 мая 1944 г. (ГМЗШ).
27. Письмо группы фронтовиков М.А. Шолохову от 6 мая 1945 г. (ГМЗШ).
28. Шолохов М.А. Тихий Дон. Роман. Л.: ОГИЗ, 1945 (ГМЗШ).
29. Письмо Л. Извариной М.А. Шолохову от 29 мая 1945 г. (ГМЗШ).
30. Письмо М. Ханина М.А. Шолохову от 18 июня 1946 г. (ГМЗШ).
31. Шолохов М.А. Поднятая целина. Молотов: Молотовгиз, 1948 (ГМЗШ).
32. Шолохов М.А. Поднятая целина. Омск: Омгиз, 1948 (ГМЗШ).
33. Письмо М.Д. Карачунской М.А. Шолохову от 26 октября 1955 г. (ГМЗШ).
34. Письмо А.П. Корсуновского М.А. Шолохову от 10 ноября 1955 г. (ГМЗШ).
35. Письмо библиотекарей Москвы М.А. Шолохову от 29 декабря 1955 г. (ГМЗШ).
36. Плакат «К десятой годовщине пролетарской революции рабочий и крестьянин должны владеть книгой и газетой как серпом и молотом». 1923 г.
37. Плакат «Береги книгу, она верный товарищ в походе и в мирном труде». 1918–1923 гг.
38. Плакат «Верни книгу — ее ждут другие». 1926 г.
39. Плакат «Проработка книги читателем». 1924–1927 гг.
40. Плакат «Книгу, взятую вами, верните в срок, ее ждут другие читатели». 1929 г.
41. Плакат «Все в библиотеку». 1929 г.
42. Плакат «За книжную полку». Вторая половина 1920-х гг.
43. Плакат «Книги в культурной стране с хлебом идут наравне». Вторая половина 1920-х гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ

1929

1931

1932

1933

1934

1935

1936

1937

1938

Не ранее 1933 г.

Не ранее 1934–1935 гг.

1930-е г.

1943

1944

1945

1946

1947

1948

1949

1950

1951

1952

1953

1954

1955

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* В «Указатель имен» не включены читатели, они представлены в «Оглавлении писем читателей».

A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

NATIONAL M.A. SHOLOKHOV MUSEUM-RESERVE

THE RUSSIAN STATE ARCHIVE
OF LITERATURE AND ARTS

“I BEG YOU TO REPLY ME TO THE POINT…”

READERS’ LETTERS TO M.A. SHOLOKHOV

1929–1955

MOSCOW
IWL RAS
2020

UDC 82.4
LBC 83.3

The publication was carried out with the financial support of RFBR projects № 16-04-00166-ОГН, № 20-112-00229

“I beg you to reply me to the point...” Readers’ letters to M.A. Sholokhov. 1929–1955. Scientific edition. Moscow: IWL RAS, 2020. — 848 p., ill. DOI: 10.22455/978-5-9208-6619-2

The book represents the collection of reader’s letters addressed to M.A. Sholokhov – it is one of the largest and most unique in the history of Russian literature. These first published readers’ letters, 1929–1955 from the archives of Moscow and Veshenskaya stanitsa (M.A. Sholokhov Museum-Reserve and Sholokhov family archive) recreate in a new way the picture of the historical and literary process of the twentieth century, reveal the content of dialogue between Sholokhov and his readers, expanding and deepening not only the perception of the history of Russian literature of the Soviet era, but also the twentieth century as a whole in Russian culture — as the century of a reader.

The book is addressed to philologists, historians, sociologists and to a wide general readership.

ISBN 978-5-9208-6619-2

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

**«ОЧЕНЬ ПРОШУ
ОТВЕТИТЬ МНЕ ПО СУЩЕСТВУ...»**

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ М.А. ШОЛОХОВУ

1929–1955

Макет и оформление обложки
Д.К. Бернштейн

Корректор
Е.Н. Сченснович

Компьютерная верстка
А.З. Бернштейн

Подписано в печать 14.06.2020
Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 55,0. Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
тел. (495) 691-23-01, 690-05-61

Отпечатано в ФГУП Издательство «Наука» (Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

ISBN 978-5-9208-0619-2

9 785920 806192

«Очень прошу ответить мне по существу...»

Москва
*
2020

ИМЛИ
им. А.М. Горького
РАН
*
Музей-заповедник
М.А. Шолохова